ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

5.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

Библиотека "Руниверс"

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый Обществомъ ревнителей Русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III-го. Книга третья. Спб. 1900. бол. 8-ка 19 и 370 стр. съ азбучнымъ указателемъ.

Книга эта преизобилуетъ любопытнѣйшимъ содержаніемъ. При чтеніи прекрасныхъ писемъ покойнаго Государя въ Парижъ къ профессору Боголюбову (1872 — 1879), свидѣтельствующихъ о живой любви къ живописи, вспоминается намъ великолѣпная студія Боголюбова въ Батильонской улицѣ въ Парижѣ съ телеграммою подъ стекломъ отъ Цесаревича и съ тетрадями автобіографическихъ записокъ художника. Въ слогѣ отражается душа пишущаго. Такою же прелестью отличаются письма Великаго Князя Николая Александровича, которыя случалось намъ читать въ ходившихъ по рукамъ спискахъ. Императоръ Александръ Александровичъ собиралъ эти драгоцѣнныя письма и изволилъ однажды выразить намѣреніе самому заняться приготовленіемъ ихъ къ печати. Въ любопытныхъ воспоминаніяхъ А. А. Берса о занятіяхъ Государя духовою музыкою и о музыкальныхъ собраніяхъ въ залѣ Морского Музея (имъ завѣдывалъ Н. М. Барановъ) и потомъ въ Аничковомъ дворцѣ, выражена наглядно вся привлекательность его обращенія съ людьми: внутренняя сила, соединенная съ какимъ-то стыдѣніемъ власти.

Наиболѣе потрудились при изданіи настоящей книги „Старины и Новизны" Николай и Александръ Платоновичи Барсуковы. Первый изъ нихъ съ обычнымъ искусствомъ своимъ сдѣлалъ превосходную рамку къ письмамъ Черниговскаго архіепископа Филарета, въ которыхъ выступаетъ своеобразная личность Н. Н. Шереметевой; а второй снабдилъ предисловіями и примѣчаніями письма къ фельдмаршалу графу Румянцову его родителей и его политическаго воспитателя князя Безбородки. Покоритель Кольберга, герой Кагула и Ларги является передъ читателями съ неизвѣстными доселѣ чертами. Имѣются намеки о происхожденіи Задунайскаго отъ Петра Великаго. Внука его, Зинаида Сергѣевна Дивова, сообщала намъ, что у нея хранились о томъ несомнѣнныя письменныя доказательства. Сбережены ли они ея сыномъ?

Книга украшена прекраснымъ стихотвореніемъ графа Голенищева-Кутузова. Не можемъ не порадоваться столь удачному исполненію завѣта, оставленнаго родоначальникомъ подобнаго рода исторіографическихъ трудовъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, который придумалъ и самое названіе „Старины и Новизны" и по мысли котораго возникло Русское Историческое Общество на дняхъ выпустившее въ свѣтъ уже стоседьмой томъ своего „Сборника".

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

1900.

2.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ и Юріемъ Бартеневыми.

Сурово, не бѣлье:
Свое рукодѣлье.

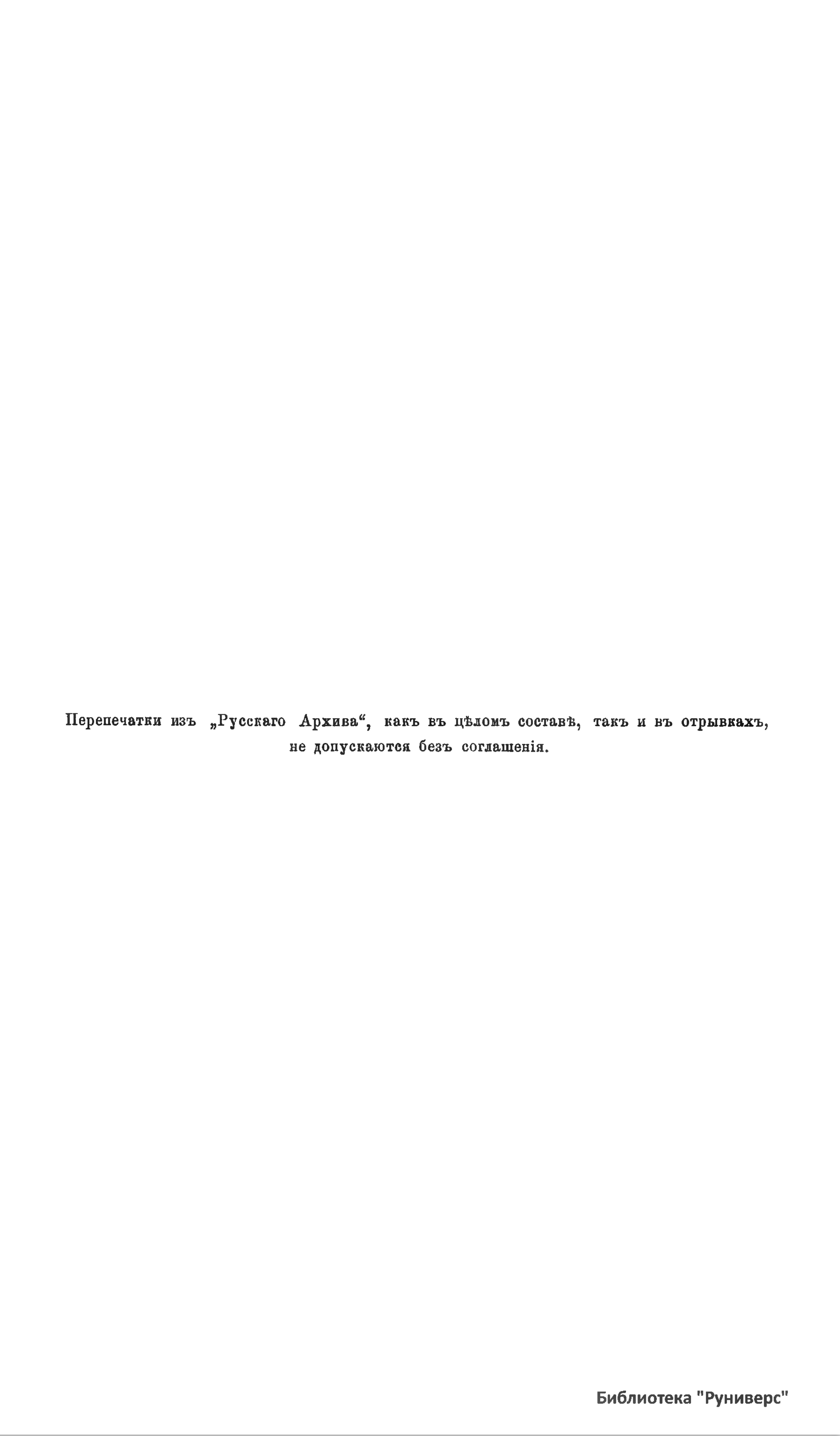
Старинная пословица.

1900.

КНИГА ВТОРАЯ

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900.

Библиотека "Руниверс"

Перепечатки изъ „Русскаго Архива“, какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отрывкахъ, не допускаются безъ соглашенія.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1812-й годъ [1]).

Москва, 9-го Января 1812.

Не виню тебя, что не такъ часто и мало пишешь: мы и по Abeille du Nord видимъ, что секретарь конгресса Булгаковъ занятъ. Меня эта статья очень порадовала. Ce journal est très répandu dans nos deux capitales, et je suis sûr qu'on verra votre nom. C'est la vielle comtesse Pouchkine [2]), qui m'a montré cet article, daté du 19 Octobre ou Novembre de Bukarest. Elle a accompagné cela d'un sermon à sa façon, et son fils Alexandre ajouta très modestement que vous jouez son rôle. En entendant, tout gentilhomme de la chambre qu'il est, on a refusé de le faire conseiller de cour. Kamensky l'a présenté à l'avancement, car vous saurez qu'il est aux Archives de nouveau. И у насъ время прегадкое: двухъ градусовъ мороза еще не было во всю зиму, больныхъ тьма тьмущая. La grippe fait de grands ravages, et tous les vieillards meurent subitement. Князь Ив. Сер. Барятинской [3]) умеръ, читая письмо у брата своего и такъ его перепугалъ, что и этотъ было умеръ. Бѣдный Волковъ [4]) сильно простудился. Я цѣлый день у него. Бибиковъ еще по сіе время не бывалъ; жду его, писемъ твоихъ и саблю для Волкова, то есть не для того, чтобы ею голову ему отрубить: право, свою бы почти лучше подставилъ. C'est un homme rare que ce Wolkoff. Il me donne des marques d'amitié, que je n'oublierai pas tant que je vivrai.

---

[1]) См. 1-ю книгу „Русскаго Архива“ сего года, стр. 493 А. Я. Булгаковъ состоялъ въ это время при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ ожиданіи болѣе дѣятельной и видной службы, и занятъ былъ тяжбою съ двоюродною сестрою своей Колтовскою; а братъ его Константинъ занималъ должность начальника дипломатической канцеляріи, въ Дунайскихъ княжествахъ при Кутузовѣ.

[2]) Графиня Екатерина Алексѣевна Мусина-Пушкина, супруга археолога.

[3]) Дѣдъ фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго, который отъ него унаслѣдовалъ свою красоту. Его братъ (ум. 1814), князь Өедоръ Сергѣевичъ—главный участникъ событія 6 Іюля 1762 года.

[4]) Московскій оберъ-полицмейстеръ.

Библиотека "Руниверс"

Voilà un ami sûr, vrai et éternel. Ты мнѣ не пишешь о князѣ Алексѣѣ Багратіонѣ; женатъ ли онъ, женится ли, когда, какъ? Дай мнѣ подробности о семъ. Здѣсь слухъ разнесся, что и ты женился на Варламовой. Вчера Пушкины спрашивали, правда ли это. Мнѣ кажется, что ты бы не скрылъ отъ меня вещь, отъ которой твое, а слѣдовательно и мое, зависитъ благополучіе; je ris au nez des curieux qui me questionnent. Я думаю, что это вышло отъ Воейкова. Я съ нимъ обѣдалъ у Багратіонова отца; онъ говорилъ о князѣ Ал. и Вукарескѣ и мнѣ далъ чувствовать, что и тебѣ не миновать того же. Я не говорилъ ни да, ни нѣтъ князю Петру Ивановичу, ибо настоятельно ни о чемъ не было трактовано. Министръ Гурьевъ пишетъ сюда (а также и Гриша Орловъ) сыну своему Александру, что ему очень будетъ пріятно меня имѣть въ командѣ, а что имя мое внесено въ списки, которые представятся на высочайшую конфирмацію. Je suis présenté pour la place d'inspecteur des domaines de la couronne dans le gouvernement de Moscou. Il y aura entre plusieurs avantages 5 à 6000 r. d'appointemens. Dieu veuille que cela ait lieu plustôt. Cela me mettrait à mon aise. Матюша Mouromzow [1]) est venu de Pétersbourg en semestre; il dit que tous ceux qui y arrivent de l'armée de Moldavie parlent de vous comme du meilleur garçon, que la terre ait jamais produit. Мое почтеніе Ивану Васильевичу Сабанѣеву. Онъ извинитъ, что я считаю его въ числѣ моихъ ближнихъ, не зная его въ глаза. J'ai fait la connaissance du comte Strogonoff[2]), qui a été ici quelque tems voir sa mère: nous nous sommes quittés fort bons amis, et il a dit à tout le monde ici qu'il se croirait heureux le jour où il pourrait faire quelque chose pour notre bien.

*

Москва, 16-го Января 1812.

Новаго нѣтъ ничего кромѣ женитьбы Гурьевой дочери, которая помолвлена за Нессельрода[3]); да Аничковской дворецъ сгорѣлъ въ Петербургѣ. Убытокъ довольно важный. Императоръ самъ цѣлую ночь

[1]) Матвѣй Матвѣевичъ Муромцовъ. Воспоминанія его напечатаны въ I-й книгѣ „Русскаго Архива" 1890 года.

[2]) Графъ Павелъ Александровичъ, товарищъ по воспитанію императора Александра Павловича, незадолго передъ тѣмъ похоронившій отца своего, пріѣзжалъ тогда въ Москву къ своей матери, гр. Екатеринѣ Петровнѣ (ур. княжнѣ Трубецкой), о которой см. Воспоминанія К. К. Павловой въ III книгѣ „Русскаго Архива" 1875 года.

[3]) Нессельроде, графъ Карлъ Васильевичъ, не задолго передъ тѣмъ возвратился изъ Парижа (откуда велъ тайную переписку со Сперанскимъ) и заступилъ мѣсто князя Г. И. Гагарина при Государѣ по дѣламъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Тесть его, Д. А. Гурьевъ, былъ тогда министромъ финансовъ.

Библиотека "Руниверс"

былъ на пожарѣ: вотъ и все. Жаль мнѣ что узналъ я такъ поздно объ отъѣздѣ Сомова: болѣе бы писалъ и гостинцу бы послалъ тебѣ.

*

Москва, 23-го Января 1812.

Слава Богу, что вы наконецъ стали на зимнія квартиры и что въ Бухарестѣ, гдѣ должно быть лучше чѣмъ въ прочихъ городахъ, по большей части разоренныхъ. Знаешь ты, гдѣ раки зимуютъ: нашелъ хозяюшку à joli mignon. Je vous ai dit qu'ici on vous déjà marié, mais je ne sais avec qui; on la disait (votre soi-disante femme) jolie, aimable, bonne et *riche*; послѣднее слово не мѣшаетъ. Ici il n'y a que mariages, c'est la mode. Le prince Serge Scherbatoff (frère de la Schouvaloff, Skariatine etc.) épouse une princesse Hilkoff. Le prince Serge Mentchikoff, флигель-адъютантъ, épouse une d-lle Protasieff très laide et très riche. Le jeune Wielhorsky épouse la cadette Biron. Съ другой стороны мрутъ; между сими: графъ П. В. Завадовскій, Bauer (le courrier de Potemkine). Ник. Ѳед. Хитровъ se meurt. Радъ я очень, что Варламъ опять у васъ Гм.! Только ты о m-lle Marie говоришь не совсѣмъ хладнокровно, а потому воображаю, что она должна быть ангелъ въ родѣ моей Наташи.

*

Москва, 6-го Февраля 1812.

Какія тебѣ дать новости? На той недѣлѣ меньшой братъ Орловыхъ (Ѳедоръ) застрѣлился, но живъ остался. Случай удивительный! Чтобы не дать промаху, онъ положилъ три пули въ пистолетъ и такъ туго набилъ, что стволъ не выдержалъ, и пистолетъ разорвало; пули, чѣмъ идти впередъ, въ ротъ, пошли въ бокъ и назадъ; однакожъ Орловъ обжегъ себѣ лицо и ранилъ плечо. Говорятъ, что онъ проигралъ 190 т. въ карты. C'est drôle (car il vivra) que dans 20 ans d'ici on pourra dire en parlant de lui: voilà un homme qui s'est brûlé la cervelle en 1812. Третьяго дня скончалась Дарья Николаевна Каленбергша*), къ своему благополучію; умерла въ нищетѣ, нашли полтину денегъ. Augier, одинъ Французъ (ибо кому это сдѣлать, ежели не гадинѣ этой?), ее совершенно обокралъ и обобралъ. Quant elle rendit l'âme, elle n'avait plus rien: presque tout était emporté. Теперь здѣсь славная актриса наша Семенова. La Georges a part aussi, et il y'a une cabale terrible; nous autres Seménovistes, nous l'emportons cependant. Je vous avoue à ma honte peut-être qu'elle ma touché plus que la Georges. Celle-ci est furieuse. Sa rivale joue demain Aménaïde pour son bénéfice, et la Ge-

*) Дочь фельдмаршала князя Н. В. Репнина, горбатая. Ее обманулъ, женившись на ней, какой-то проходимецъ, докторъ Каленбергъ.

Библиотека "Руниверс"

orges a annoncé le sien pour Samedi, et jugez qu'elle a mis aussi Tancrede nommément; or, elle dit par là qu'elle crait la Seménoff, digne de se mesurer avec elle, puisqu'elle l'a défie. Наша собрала уже 10.000, а будетъ вѣрно съ 12.000.

Ну, братъ, я очень коротко познакомился съ гр. Ѳед. Вас. Растопчинымъ, который насъ очень любитъ съ Наташею. Il est d'un commerce bien agréable et d'une charmante société. Часто бываетъ у тестя моего [1]).

*

Москва, 12-го Февраля 1812.

На письмо твое, чрезъ графа Потемкина, отвѣчалъ я съ прошедшею почтой, милый и любезный братъ; третьяго же дня явился вдругъ провозглашенный тобою давно Бенжаминъ съ № 8-й 19 Декабря и съ эстампомъ покойнаго графа Николая Михайловича [2]). Благодарю тебя очень за этотъ подарокъ; всѣ у меня просятъ. Отложа то, что̀ графъ сдѣлалъ для своего отечества, всѣ наши здѣсь помнятъ, что онъ былъ твой благодѣтель, и всѣ хотятъ имѣть его на почетномъ мѣстѣ въ гостиной. Волкову и Фасту не могъ я отказать. Онъ уже у меня виситъ возлѣ тебя, и моя Катенька [3]), по какому-то чудесному побужденію, все на него любуется, дѣлаетъ ему ручкою, кланяется и хочетъ его все цѣловать.

Je viens à l'instant de chez graf Pouchkine-Bruce, qui arrive de Pétersbourg. Сказывалъ онъ, что Бенкендорфъ по цѣлому Петербургу барабанитъ твою похвалу, но съ жаромъ, васъ обоихъ еще болѣе любить заставляющимъ. Tout Pétersbourg est plein de votre conduite, de vos bonnes qualités et du poids que vous avez à l'armée. Pouchkine прибавляетъ: я Бенкендорфа, уѣзжая, разцѣловалъ. Ce n'est pas vrai qu'il se marie. Mais j'apprends que le comte Potemkine épouse l'actrice Waldberg, la tragédienne. Woronzow a eu presque en même tems le 2-me Wladimir et le 3-me S-t Georges. Dieu veuille qu'il quitte plustôt un climat que sa santé ne peut supporter. Ну что и говорить о князѣ Александрѣ Борисовичѣ! [4]) Я знаю, что онъ любитъ всѣхъ, а кольми паче добрыхъ людей. Спасибо ему за участіе къ намъ. Je vous assure que l'intérêt des gens de bien est déjà une grande consolation dans toutes les disgrâces de la vie. L'anecdote du Turc qui au bal trouvait singulier qu'un homme puisse tant se fatiguer sans être payé pour cela, nous a beaucoup amusé. Au reste, c'est le sens commun qui a parlé. Радуюсь, что твои канцелярскіе награждены стараніемъ твоимъ. Это

---

[1]) Этимъ сближеніемъ опредѣлилась будущность А. Я. Булгакова.

[2]) Каменскаго.

[3]) Старшая дочь А. Я. Булгакова, впослѣдствіи Соломирская.

[4]) Куракинъ, тогда нашъ посолъ въ Парижѣ.

Библиотека "Руниверс"

радостно должно быть для твоего сердца. Очень я это понимаю, но послушай меня: не обижай себя и пользуйся благорасположеніемъ начальника, не трудись даромъ. Помни, что во всю твою жизнь ты, можетъ быть, не встрѣтишь такого случая.

*

Москва, 19-го Февраля 1812.

Приходитъ человѣкъ отъ Тургенева, который сейчасъ пріѣхалъ. Думалъ только его обнять; вышло, что четыре часа съ нимъ проболталъ. Очень мы другъ другу обрадовались. Все тотъ же милый малый. Il a toujours cette bonté, candeur, et il est si aisé de les perdre à Pétersbourg, quand on y est lancé dans les affaires. Меня велѣлъ Орловъ обнадежить касательно обѣщаннаго мнѣ мѣста. Дай Богъ, чтобы скорѣе вышло. Тургеневъ пріѣхалъ сюда на двѣ недѣли.

Третьяго дня пріѣхалъ Бальменъ изъ Петербурга. Принятъ тамъ славно. Флигель-адъютантское жалованье обращено ему по смерть; кромѣ того, пожаловано ему въ Тамбовѣ 3000 десятинъ земли, которыя онъ уже запродалъ Ралю за 100 т. рублей. Ужъ вѣрно никто не позавидуетъ, когда добраго, достойнаго и заслуженнаго человѣка щедро награждаютъ. Cela les mettra à leur aise, а то полкъ его страшно его ухлопалъ. Il avait fait 10 mille de dettes. En outre il a obtenu une croix de S-t Georges pour un de ses capitaines en second. Это еще за Батинское дѣло, кажется; а адъютанту его Ягнинскому [1]) дана Анненская шпага. Balmaine retourne à son régiment dans deux jours. Marie reste [2]) ici avec sa soeur et sa tante Авд. Ивановна.—On parle beaucoup d'une drôle de publication qu'un чудакъ a fait imprimer dans la gazette. A Londres cela ne serait rien, mais ici cela occupe beaucoup. Je l'ai découpée dans la gazette et vous l'envoye ci-jointe. Il est en tractative avec deux promises, mais toutes les deux le trouvent trop laid. On dit que c'est un fort honnête homme. Faste a été le voir dans la librairie de Sélivanowsky comme on irait voir un orang-outang.—Tout le monde est pour la tragédienne Семенова, qui écrase même la Georges; elle a fait à son bénéfice (fraix payée) 12.000. Юр. Алекс. Нелединскій [3]) fut tellement transporté par son jeu qu'il fit dans notre

---

[1]) Ягницкій впослѣдствіи завѣдывалъ всѣми имѣніями князя (тогда графа) М. С. Воронцова.

[2]) Супруга графа Бальмена, Марья Васильевна, ур. Нарышкина, во 2-мъ бракѣ Олсуфьева.

[3]) См. Стихотворенія Ю. А. Нелединскаго - Мелецкаго, С.-П.-б. 1876, стр. 120. Объ этомъ торжествѣ Семеновой (позднѣе вышедшей за кн. Ив. Алексѣев. Гагарина) сохранилось еще письмо А. Я. Булгакова, отъ 7 Февр. 1812, къ А. И. Тургеневу, напечатанное въ Сборникѣ П. И. Щукина, ч. VI-я, стр. 52.

Библиотека "Руниверс"

loge corrente calamo dix vers qu'il envoya à Aménaïde. Elle jouait dans Tancréde (après le 4-me acte).

*

Москва, 5-го Марта 1812.

Гражданская Палата намъ было напакостила и сдѣлала дѣлу конецъ, совсѣмъ отнявъ у насъ и аппеляцію [1]). Я прибѣгнулъ къ Сенату, который меня защитилъ и аппеляцію велѣлъ намъ дать. Теперь, стало быть, дѣло наше перейдетъ въ Сенатъ. Нашъ старинный пріятель Масальскій очень намъ помогъ. Княгиня [2]) ѣздила къ Аннѣ Петровнѣ нарочно ее увѣщевать и опять къ ней поѣдетъ, не потерявъ совсѣмъ надежду вразумить ее. Чудно, что чужіе за насъ стараются, а своя насъ грабитъ. Какъ увидитъ А. П., что Сената ей не миновать, такъ авось-либо другую пѣсню запоетъ. J'ai été pendant une semaine bien inquiet. Dieu merci que c'est arrangé. La furie avait payé 12.000 m. pour ce tour; il a manqué, et elle est furieuse, à ce que j'apprends. Je ne sais où elle a pris cet argent. Тургеневъ [3]) тебя обнимаетъ; онъ еще здѣсь, поѣдетъ послѣ завтра, спѣшитъ въ Петербургъ, ибо 13-го числа Государь ѣдетъ въ Кенигсбергъ, говорятъ.

*

Москва, 9-го Марта 1812.

Поздравляю васъ съ Ромбергомъ. Я не забуду никогда пріятную минуту, которую онъ мнѣ доставилъ восхитительною своею игрою въ разныхъ домахъ, а между прочимъ у Циташи Салтыкова. Ромбергъ за душу беретъ, et puis quelle composition, quel goût, quelle grâce et facilité dans l'exécution. Avez vous entendu sa simphonie sur la mort de la reine de Prusse, ses variations sur Чѣмъ тебя я огорчила? Faites lui bien mes compliments. La ville fourmille de musiciens, les concerts

---

[1]) Для разъясненія хода тяжбы о наслѣдствѣ послѣ Я. И. Булгакова приводимъ слѣдующія свѣдѣнія. Во всеподданнѣйшей жалобѣ надворныхъ совѣтниковъ и кавалеровъ Александра и Константина Булгаковыхъ, поданной въ Мартѣ 1811 года во 2-й департаментъ Московскаго Уѣзднаго Суда, сказано, что отецъ ихъ, Яковъ Ивановичъ 26 Іюня 1790 года (т. е. по возвращеніи въ Россію изъ Семибашеннаго замка) испросилъ у Екатерины Великой указъ за ея подписаніемъ о томъ, чтобы оба они именовались навсегда Булгаковыми и приняли гербъ Булгаковскій съ тѣмъ, что онъ можетъ за ними утвердить благопріобрѣтенное свое недвижимое имѣніе. Анна Петровна Колтовская была урожденная Булгакова же, двоюродная сестра ихъ, дочь ихъ дяди Петра Ивановича. У нея дѣвица сестра Александра Петровна Булгакова. Третья сестра (въ то время уже покойная) была за княземъ Александромъ Щербатовымъ и оставила малолѣтнаго сына князя Николая.

[2]) Княгиня Голицына (Приклонская), двоюродная сестра братьевъ Булгаковыхъ.

[3]) Александръ Ивановичъ. См. выше, стр. 9.

Библиотека "Руниверс"

ne finissent pas, mais si Romberg revenait, il ferait fureur et beaucoup d'argent, car il est très regretté!

Я сдѣлалъ намедни мистификацію Жоржшѣ. Я вхожу, она спрашиваетъ обо мнѣ и, слыша мое имя, спрашиваетъ, былъ ли я въ Вѣнѣ; ей отвѣчаютъ, что былъ. Она начинаетъ говорить со мною, какъ бы съ тобою, о княгинѣ Багратіоновой и пр., а такъ какъ ты мнѣ вчера описалъ подробно, то и могъ я находиться при всѣхъ ея вопросахъ. Долго это продолжалось; только Соковнина не вытерпѣла, смѣхомъ своимъ измѣнила секретъ и все Жоржшѣ разсказала, а она вѣрить не хотѣла никакъ; тутъ пуще всѣ ха-ха-ха!... Cette plaisanterie et le chant de la Blanc firent diversion, car c'était bien ennuyeux. C'était une scène chez la demoiselle Krouglikoff. Il faut que nous nous ressemblions beaucoup, car voilà la troisième aventure de ce genre. Alexandre Pouchkine est de nouveau aux Archives; puis il m'a montré une lettre, par laquelle il prie Schoulépoff de le placer auprès de Bagration à l'armée. Il veut ce que le prince m'avait offert lui-même; je suis résolu de décliner cette place, car je vois que je devrais absolument me séparer de Natalie. Outre la place qu' Orloff doit me donner, je vous dirai encore, que le comte Rastopchine me convoite extrêmement. Je serais enchanté de servir avec lui, et il paraît à ne pas douter, qu'il va reparaître sur la scène. Il nous comble moi et Natalie de bontés.

*

Москва, 19-го Марта 1812.

Давно не имѣю я писемъ отъ тебя, любезнѣйшій братъ. Пріѣхавшій изъ арміи офицеръ (кажется Левшинъ) привезъ къ моему тестю письмо отъ князя Алексѣя Багратіона; удивляюсь, что ты съ сею оказіей мнѣ не писалъ, но по сей часъ добиться не могу, гдѣ отыскать этого офицера, чтобы о тебѣ разспросить. Князя Алексѣево письмо я читалъ, и онъ ни слова о тебѣ не говоритъ; но это меня и успокоиваетъ, ибо онъ вѣрно бы упомянулъ что-нибудь, ежели бы ты былъ въ отлучкѣ или боленъ.

Благодарю за твои хлопоты о Корсаковѣ, но его переводятъ уже въ гвардію. Волковъ и Корсаковъ очень тебя велѣли благодарить за твои предложенія. Dites bien des choses de ma part au comte Worontzow pour le cas qu'il a bien voulu faire de ma prière, quoiqu'il lui ait été impossible de placer Korsakoff auprès de sa personne. Ты мнѣ часто поговариваешь объ нѣкоторой excellente créature. Я тебѣ ни слова сказать не могу, ибо не знаю ея никакъ, ниже по наслышкѣ. Знаю я, однакоже, что ты разсудителенъ, во-первыхъ; а во-вторыхъ, нельзя тебѣ привязаться къ такому предмету, который бы не былъ достоинъ

Библиотека "Руниверс"

всеобщей похвалы и уваженія. Я воображаю, что она должна имѣть ангельскій нравъ, и душу, и милую наружность; однимъ словомъ, должна быть другая Наташа. Одного я ей желаю, и то по стеченію нашихъ несчастныхъ обстоятельствъ: имѣнія для себя и тебя.

Я тебя увѣдомилъ о пакостяхъ Гражданской Палаты, которая послѣдовала Уѣздному Суду, хотя и видѣла изъ дѣла, что сей судъ наказанъ былъ штрафомъ за лишеніе насъ аппеляціи. Я подалъ жалобу въ Сенатъ, коего указомъ вчера предписано намъ дать аппеляцію. Я узналъ, что А. П. взбѣшена этимъ, ибо заплатила 8000 и ожидала совсѣмъ дѣлу конецъ, безъ переноса въ Сенатъ; сверхъ того, Алекс. Петровна отказалась участвовать въ издержкахъ; я не понимаю, гдѣ та деньги беретъ. Ты не повѣришь, какъ князь и княгиня Масальскіе намъ добра желаютъ: онъ хлопоталъ по Сенату, а княгиня взяла на себя съѣздить къ Фуріи нашей, была у нея, долго съ нею говорила, усовѣщивала, всячески ее брала, и совѣстію, и закономъ Божіимъ, и собственною ея выгодою: все было тщетно.

Алекс. Петровна такъ была тронута словами княгини Масальской, что заплакала и поклялась княгинѣ передъ образомъ, что ежели имѣніе когда-нибудь ей достанется, то отдастъ свою часть намъ, что чувствуетъ свою вину противъ насъ, что мы невинны, и жаловалась на сестру, что ее втащила въ пустую тяжбу, прибавя: «Работай же сама, какъ хочешь. Я тебѣ не давала и не дамъ гроша на это дѣло; тебя, какъ дуру, обманываютъ и обираютъ» и пр.

Меня и жену мою полюбилъ чрезвычайно графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ. Часто къ намъ ѣздитъ и просиживаетъ часа три-четыре. Il est d'un commerce charmant et extrêmement aimable. Pendant la maladie de Natalie il m'écrivit un billet avec les vers ci-joints, et puis il composa pour elle d'autres, qu'il intitula: Espèce d'épître à une espèce de malade. C'est charmant. У меня ихъ затаскали, и я не знаю ужъ у кого они, а то бы прислалъ тебѣ. Ежели, какъ вѣроятно, будетъ онъ употребленъ, то я могу смѣло считать на его покровительство. Онъ теперь въ Петербургѣ, отдалъ сына въ военную службу. Много говорятъ о войнѣ: войска выходятъ изъ Петербурга, даже всѣ гвардейскіе полки уже выступили къ границамъ. Много поговариваютъ, что графъ Михайло Ларіоновичъ будетъ призванъ въ столицу, а мѣсто его заступитъ будто Докторовъ. Какъ сего ни хвалятъ, очень я буду сожалѣть, ежели ты лишишься почтеннаго твоего начальника. Государь долженъ выѣхать изъ Петербурга 25-го числа. Говорятъ, что поѣдетъ черезъ Ригу въ Вильну. Тургеневъ показался

Библиотека "Руниверс"

у насъ какъ комета. Наташа безъ ума отъ него, а онъ отъ нея. Je joue, comme vous voyez, un rôle, qui n'est pas bien brillant. A propos: Тургеневъ получилъ вдругъ Анну съ алмазомъ; впрочемъ, золотому малому инаго креста дать нельзя было какъ брилліантовый. Son Лаврушка est devenu un grand flandrin; но Тургеневъ все еще краснѣетъ, какъ скажутъ при немъ неприличное слово. Tourgéneff a extrêmement plu chez mon beau-père et partout, où il a été. Мы его здѣсь затаскали. Я такъ къ нему привыкъ, что мнѣ грустно было съ нимъ разстаться. Тебя хотѣли послать секретаремъ посольства въ Парижъ, но Тургеневъ помѣшалъ этому. Это было устроено Гришею Гагаринымъ и Нессельродомъ. Теперешнее твое мѣсто гораздо выгоднѣе, надежнѣе и лестнѣе. Митюша Нарышкинъ, въ самый день выхода своего въ походъ, пожалованъ офицеромъ. Verfluchter Unterschied! Туго бы ему было бѣдному, онъ же и не крѣпкаго очень сложенья. Чтобы тебя посмѣшить, посылаю тебѣ записочку профессора нашего Antonio [1]); j'ai ri comme un fou; faites rire m-r Italinsky, si vous le jugez à propos, car il aime la bonne plaisanterie. Князь Василій Васильевичъ умеръ въ Петербургѣ. Слѣпой Гагаринъ женится на дочери Натал. Абрам. Пушкиной, qui est vieille, mais qui a 3000 paysans (in petto) [2]).

*

Москва, 26-го Марта 1812.

La guerre, qui était résolue, n'aura, dit-on, pas lieu. Bonaparte, qui n'a pas les moyens de nous combattre, a trouvé ceux de nous endormir. Il a proposé la partage de la Prusse. Il donne la Silésie à la Prusse, Berlin et Brandenbourg jusqu'à Kustrin à lui, Colberg, Dantzig, Kénigsberg, Memel, Polangen à nous. On doute toujours que l'Empereur agrée ce démembrement, mais nos troupes marchent. Toutes les gardes ont déjà marché. L'Empereur part pour Riga le 25, de là il va à Wilna. Le comte Pahlen le réjoindra en chemin. Le général Armfeldt, nommé gouverneur-général des Finlands (et qui a passé à notre service), va aussi avec l'Empereur. Les autres sont: Balacheff, le comte Kotchoubey, Magnitzky. Berlin est déjà occupé par les Français, et une proclamation du roi lui-même ordonne de traiter bien les Français et de leur obéir. Voilà un coup dans lequel il aurait fallu prévenir l'ennemi. Пріѣхавшій изъ Петербурга человѣкъ увѣрялъ меня, что Италинскому не хорошо, что ему приписываютъ неудачи въ нашихъ негоціяціяхъ съ

---

[1]) Привезенный А. Я. Булгаковымъ изъ Италіи камердинеръ его, сдѣлавшійся профессоромъ Московскаго университета.

[2]) Говорится про князя Сергія Ивановича Гагарина (онъ вылѣчился отъ глазной болѣзни) и о супругѣ его княгинѣ Варварѣ Михайловнѣ.

Библиотека "Руниверс"

Турками. Татищевъ очень ищетъ быть туда посланъ, но не успѣетъ, кажется, а Андрей Яковлевичъ у васъ останется. Говорили было, что Кутузовъ будетъ взятъ въ Петербургъ, но теперь умолкли, и онъ у васъ вѣрно останется, ежели предполагаемый раздѣлъ состоится.

*

Москва, 2-го Апрѣля 1812.

Возвращаемся сейчасъ изъ деревни, куда ѣздилъ я закладывать домъ. Усталъ, иззябъ, насилу дотащился на полоскахъ, спѣшилъ именно къ почтѣ, чтобы тебѣ написать хоть пару словъ. Цѣлый свѣтъ наполненъ теперь Сперанскимъ и Магницкимъ. Они оба арестованы, первый въ крѣпости, а второй въ Шлюсельбургѣ. Точно преступленіе ихъ кажется неизвѣстно, а болтни пропасть. По послѣднимъ письмамъ Государь Императоръ сегодня отправляется въ Вильну, гдѣ центръ всѣхъ армій. Высочайшую особу сопровождаютъ Чичаговъ, Армфельдъ, Кочубей, Толстой, Нессельродъ и Балашовъ. Ник. Иван. Салтыковъ президентъ временнаго комитета, учрежденнаго для государственнаго управленія по текущимъ дѣламъ, Вязмитиновъ военнымъ губернаторомъ вмѣсто Балашова. Кутузовъ утвержденъ главноком. Молдавской арміи. Слава Богу, что ты не лишился твоего добраго начальника. Графъ Ѳедоръ Васильевичъ возвратился изъ Петербурга; онъ все также насъ любитъ, третьяго дня у меня ужиналъ, привезъ Катенькѣ гостинецъ прекрасный. Онъ ѣдетъ также скоро въ Вильну *).

*

Москва, 16 Апрѣля 1812.

Благодарю графа Воронцова за письмо его, тѣмъ паче, что оно мнѣ служитъ доказательствомъ, что онъ уже не боленъ. Благодарю милаго сего почтеннаго человѣка за то, что сохраняетъ мнѣ свою дружбу. Извѣщай меня и впредъ обстоятельно о Милашевичѣ. Это остается между нами, а я только сообщаю милому П. И. Нарышкину, который умѣетъ тайну хранить, а мы много ему обязаны за разныя хлопоты по Сенату. Ежели вѣрить словамъ, то Мил. нагрѣлъ себѣ пазуху тамъ; въ такомъ случаѣ немудрено, чтобъ у васъ были какія нибудь несогласія. По старому ли мнѣ адресовать письма свои, т. е. черезъ него въ случаѣ какого либо несчастія, чтобы письма мои не стали въ пень? Главнаго вашего начальника можно бы сдѣлать однимъ изъ 40 Французской Академіи. Celui-là prossède la langue française à crêver de rire. Ужъ смѣялись мы съ Наташею!

---

*) Поѣздка эта не состоялась.

Библиотека "Руниверс"

Домикъ мой въ деревнѣ строится понемногу, расходовъ немало; кромѣ того, такъ нельзя торопить. Но все надѣюсь, что къ Августу мѣсяцу будетъ готовъ совсѣмъ, и тогда распрощаемся съ Москвою на долго. Дѣтей *) беремъ мы съ собою обѣихъ.

Подписалъ я 12-го числа апелляцію въ Гражд. Палатѣ, а сегодня подаю апелляціонную жалобу въ Сенатъ. Слава Богу, что удалось опровергнуть каверзы поганой этой палаты. Какъ было намъ напакостила! Cela nous a coûté même de frais, car ces tribunaux sont un repaire de brigands. C'est fini, et je n'y pense plus.

Государь, отслужа въ Казанской молебенъ, отправился 9-го въ армію въ Вильну. Графъ Алек. Ник. Салтыковъ правитъ Коллегіею въ отсутствіе канцлера. Графъ Толстой, имѣвшій ссору съ полковн. Дризеномъ, догналъ Преображ. полкъ въ Порховѣ, дрался съ Дризеномъ и убилъ его. 7-го пріѣхалъ въ Петербургъ Аглинской курьеръ, послѣ сего появленія сахаръ упалъ на 20. Здѣсь увѣряютъ, что скоро миръ съ Турками и что Англичане блокируютъ Царьградъ; также слухъ, что Гишпанцы взяли Тулузу. Вся Пруссія занята Французами. Вы имѣете уже, я думаю, новый военный уставъ, по коему главнокомандующіе жалуютъ до полковниковъ, даютъ кресты Георгія, Влад. съ бантомъ, золотыя шпаги и Анну на шею, могутъ судить, разстрѣливать.

Жерве отставленъ, вѣроятно, за дружбу свою съ Сперанскимъ. Знаешь ли кто мѣсто перваго заступилъ? Нашъ толстый Козловскій, которому, сверхъ того, данъ ключъ камергерскій. Je crains que tout cela ne tourne sa pauvre tête. Au reste, je suis charmé que ce pauvre garçon ait enfin une perspective. Ses soeurs lui font des avanies et lui ôtent le bien. Koslofsky leur a écrit, qu'il réclamait sa part du bien, mais que si on ne la lui donnait par de bonne grâce, il jurait de ne jamais recourir à la justice. Il serait infâme qu'on le prenne au mot, et il est homme à tenir parole. Нашъ коллежскій д. ст. сов. Бекъ арестованъ. Maisonfort пожалованъ въ статск. совѣтники, Урусову дана Анна первой степени, Валуеву пожаловано 3000 десятинъ около Москвы. Мордвиновъ уволенъ, говорятъ, безсрочно; c'était un partisan de Spéransky. Le manifeste d'une nouvelle levée d'hommes vient d'être publié. Sur 500 deux h. Il est très bien écrit. On reconnait une autre plume que celle de Spéransky; c'est le langage d'un père à ses enfants. Aussi le manifeste a été reçu ici avec enthousiasme. On m'écrit de Pétersbourg que pendant l'absence de l'Empereur c'est le comte Alexandre Saltykoff qui régira le Collége des affaires étrangères. Le chancelier

*) Т. е. двухъ сестеръ Шумлянскихъ.

Библиотека "Руниверс"

vient à Moscou, d'où il doit se rendre à Wilna, qui est le centre des armées et le quartier-général. Алекс. Мих. Корсаковъ y a été nommé gouverneur militaire. On n'a pas encore de nouvelles que S. M. soit partie, mais on dit toujours que ce sera le 9 ou le 10. Les personnes, qui l'accompagnent et le suivent de près sont: le chancelier, Чичаговъ, Кочубей, Армфельдъ, Балашовъ, Аракчеевъ, Толстой, Нессельроде et les aides-de-camp. Le c-te Nicolas Saltikoff reste comme président du comité-dirigeant et Wiasmitinoff remplace en attendant Balacheff. On dit que le 400 m. ducats trouvés chez Sp. ont été données aux établissements chantables. Преображенской графъ Толстой имѣлъ исторію съ Дризеномъ, догналъ сего въ Порховѣ, принудилъ его дать себѣ сатисфакцію и убилъ его. Вотъ что здѣсь говорятъ; правда ли все это, или нѣтъ, за это не ручаюсь, между тѣмъ это васъ займетъ, и въ уединеніи вашемъ будетъ о чемъ поболтать.

Par votre dernière lettre j'apprends que le père est nommé vestiar*). Je le suppose honnête homme, donc cette place ne sera pas de rapport pour lui; mais ne le conduirait-elle pas à quelque avantage attachée à la place même? Мнѣ говорили, что онъ любитъ жить и все на Русскихъ проживаетъ; не лучше ли бы было дочери отдѣлять? Ты видишь, что единственное мое сомнѣніе въ имѣніи, т. е. такомъ, которое бы позволило тебѣ содержать себя, ее и дѣтей. Ты поэтому подумаешь, что для насъ все потеряно; я это не думаю, но лучше не считать ни на что: болѣе тогда обрадуетъ. Дѣло въ томъ, что проволочка дѣла одна уже насъ разоритъ.

Графъ отмѣнно ко мнѣ милостивъ. Дѣла съ злодѣями идутъ хорошо. Всѣ умные люди того мнѣнія, что Бонапарте должно будетъ атаковать насъ съ обезсиленными и недовольными войсками прежде осени, или отступить совсѣмъ ради голода, который жестоко ощущать начинаютъ. Выйдетъ имъ Россія сокомъ! Государь ожидается вскорѣ сюда. Алексѣевъ пишетъ мнѣ преласковое письмо, поздравляя съ мѣстомъ при графѣ. Какой онъ добрый человѣкъ и какъ любитъ насъ душевно. Весь городъ тебя поздравляетъ и кланяется тебѣ.

*

*) Говорится про боярина Варлаама, пожалованнаго чиномъ вестіара. Дочь его Марья была уже невѣстою Константина Яковлевича Булгакова.

Библиотека "Руниверс"

Москва, 23-го Апрѣля 1812.

Ну, сударь мой, порадуйся же: 17-го числа въ полдень Наташа благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ Константиномъ [1]). Vous ne vous doutez pas que c'est vous qui le baptisez: выходишь и дядя, и отецъ крестный. Вообразить можешь мою радость, весь домъ въ восхищеніи. Только и какъ благополучно все совершилось! Слушай. 16-го ввечеру сидѣлъ у насъ графъ Растопчинъ. Наташа часто выбѣгала. Онъ это замѣтилъ и спрашиваетъ: n'avez-vous pas le projet de nous donner un héritier? Посмотрѣлъ на часы и, видя, что уже полночь, уѣхалъ. Мы поужинали; былъ тутъ и Метакса, флотскій офицеръ, котораго я очень зналъ въ Неаполѣ и Сициліи. Легли спать. Ночью не очень хорошо спала Наташа. Мы встали, завтракали. Мнѣ надобно ѣхать въ Сенатъ по дѣлу. Я прощаюсь съ Наташею, оставляю ее въ 10 часовъ на ногахъ съ работою въ рукахъ, ѣду въ Сенатъ; тамъ подалъ я нашу апелляціонную жалобу, заплатилъ пошлины въ Палатѣ. Долго было недосугъ оберъ-секретарю, наконецъ вышелъ; просьба довольно длинна, ибо надобно прописывать все теченіе и переходъ дѣла, читалъ медленно, много дѣлалъ вопросовъ. Наконецъ кончилось все; я радъ, что все порядкомъ, ибо послѣдній день присутствія: въ Страстную и Святую бумагъ не принимаютъ; могли бы пропустить законный срокъ. Ѣду домой въ половинѣ втораго часу. На дворѣ первой Кирилло мнѣ говоритъ: вамъ Богъ далъ, сударь, сына! Я и вѣрить не хотѣлъ; но выбѣгаютъ Олинька и Лизанька [2]), всѣ дѣвки, люди на дворѣ меня встрѣчаютъ, и тутъ вѣрить не могъ. Божусь, что я только къ вечеру пришелъ въ себя. Малютка глазами похожъ, кажется, на меня, а все протчее маменькино, волосы пречерные какъ твои и бакенбарды, что̀ никогда у дѣтей не бываетъ. Наташа, слава Богу, здорова, сколько можно быть въ положеніи ея. Надобно видѣть удивленіе Катеньки и какъ она ласкаетъ братца своего!

Voilà donc ma petite famille augmentée. Въ деревнѣ будетъ кому насъ забавлять. Я очень нетерпѣливъ туда ѣхать; домикъ нашъ строится понемногу. Въ день рожденія Кости былъ я обрадованъ письмомъ отъ Тургенева. Онъ меня увѣдомляетъ, что опредѣленъ на мѣсто Магницкаго, но со званіемъ токмо помощника статсъ-секретаря въ Совѣтѣ по законодательному департаменту. Это прибавляетъ ему еще 3000 жалованья, сохраняя прочія должности и оклады.

---

[1]) Это знаменитый впослѣдствіи Костя Булгаковъ, острякъ, шутникъ, пропойца, но многимъ памятный, очень даровитый и внушавшій къ себѣ привязанность.

[2]) Сестры Шумлянскія.

Библиотека "Руниверс"

Сестра его Наталья Путятина взята во дворецъ съ пожалованіемъ столовыхъ денегъ по 8 р. на день. Лонгиновъ взятъ въ секретари къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Государь изволилъ отправиться 9-го изъ Петербурга изъ Казанскаго собора, гдѣ пѣто было молебствіе. Какъ онъ сталъ садиться въ коляску съ Толстымъ, одинъ мужикъ подалъ Государю сайку, говоря: возьми, Государь, на дорогу на здоровье. Императоръ, принявъ сайку, заплакалъ. Народъ, увидя это, закричалъ: Ура! Счастливый путь! Мнѣ пишутъ, что сцена была очень трогательная [1]).

Письмо неизвѣстнаго лица.

С.-Петербургъ, Апрѣля 10-го 1812.

Окончивъ вчерашній день около перваго часу письма мои къ разнымъ лицамъ и въ разныя мѣста, по прекраснѣйшей погодѣ, побрелъ я гулять. Идучи кромѣ благораствореннаго воздуха безъ предмета, очутился я на Невскомъ проспектѣ и между необыкновеннымъ столпленіемъ людей. Что сіе значитъ? вопросилъ я съ удивленіемъ. Какъ отвѣтствовали мнѣ съ большимъ удивленіемъ въ таковомъ же вопросѣ: развѣ ты не знаешь, что Царь нашъ ѣдетъ къ Казанской на молебствіе? Онъ послѣ отправляется въ путь. Тутъ и я опричь хорошей погоды получилъ еще лучшій предметъ. Я пустился въ Казанскій соборъ. Стеченіе всѣхъ состояній было чрезвычайное. Два митрополита [2]) съ прочимъ знатнѣйшимъ духовенствомъ ожидали возлюбленнаго Александра на паперти. Солнце взошло и закатилось; опять взойдетъ, но скоро ли? Это вопросъ, который зависить будетъ отъ обстоятельствъ. Государь въ слезахъ простился съ нами, народъ кричалъ ура! Какой-то мужикъ въ тряпицѣ подалъ ему на дорогу сайку. Съ восхищеніемъ отецъ принялъ даръ сей отъ вѣрноподданнаго, и самъ отдалъ его спрятать кучеру своему Ильѣ. Въ дорожную коляску сѣлъ съ Государемъ оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой. И такъ прямо отъ Казанской полетѣлъ онъ туда, гдѣ важныхъ происшествій ожидать надобно. Мы молились съ колѣнопреклоненіемъ о томъ, чего вся Россія повелителю своему желаетъ. При цѣлованіи креста митрополитъ Амвросій благословилъ его образомъ, поднесеннымъ въ бархатномъ футлярѣ.

Симъ краткимъ увѣдомленіемъ спѣшу загладить мое невѣдѣніе предъ Александромъ Яковлевичемъ. Да скачетъ и онъ въ Вильну съ гр. Ростопчинымъ! Смотрите, работайте хитро, какъ до васъ дѣло дойдетъ. Отъ васъ много хорошаго ожидаемъ. Не пренебрегайте тѣмъ, который изворачивается мелкимъ бѣсомъ. Il faut s'évertuer, et pas croire, comme un certain général: *мы его шапками закидаемъ*. Des pareilles assertions ne nous conduiront pas au succès. Я сказалъ, что̀ было на сердцѣ. Простите до Пятницы. Пора приниматься за кучу писемъ по Бѣлорусскому тракту. Важнѣйшее къ благодѣтелю моему

---

[1]) Государь пріѣхалъ въ Вильну 14 Апрѣля (ст. ст.), въ день Вербнаго Воскресенья и за тѣмъ почти три мѣсяца сряду водился съ Поляками.

[2]) Т. е. Новогородскій Амвросій и Кіевскій Серапіонъ.

Библиотека "Руниверс"

Дмитрію Прокофьевичу [1]. Si vous partez, je vous souhaite un heureux voyage. Принудьте къ миру того, который до сихъ поръ его диктовалъ другимъ. P. S. Говорятъ, что Австрійскій посолъ хочетъ продавать свои вещи. Ни одного иностраннаго министра не было на молебнѣ.

*

Москва, 24-го Апрѣля 1812.

Ласки графа Растопчина столь къ намъ явны и чистосердечны, что я хотѣлъ, чтобы онъ Костю крестилъ; но меня, хотя и съ трудомъ, отговорили отъ того, увѣряя, что Софья [2] и другія кумушки начнутъ болтать, что тутъ чванство и жадность къ подарку, который сдѣлать долженъ кумъ матери. Я рѣшился графу сказать après coup, что не смѣлъ его просить, крестить же будешь ты (заочно) съ Пашинькою [3]. Вотъ тебѣ и племянникъ, и крестникъ. Le billet ci-joint du comte R. vous prouvera comme il nous aime [4].

Le jour de naissance de mon petit Constantin est aussi celui de mon ou plutôt notre cher Wolkoff. Voilà une rencontre qui est de bonne augure.

Въ день Пасхи (à propos: Христосъ воскресе!) было открытіе статуи великой Екатерины въ Благородномъ Собраніи. Она бронзовая и работы Мартоса. La fête a manqué. Ив. Ив. Демидовъ et les autres directeurs ont eu la bêtise de faire graver leurs noms sur le piédestal de la statue. Confondre un nom immortel avec ceux de ces animaux! Увѣряютъ, что войны съ Фр. не будетъ, но вѣрно то, что Государь отказалъ имѣть свиданіе съ Наполеономъ.

Этотъ иллюминатъ Сперанской намъ пакостилъ въ Петербургѣ: это теперь видно. N'a-t-il pas par toutes ses actions, ses manifestes cherché a révolter la noblesse? Et notre affaire était de nature à indigner tous les hônnetes gens. Говорятъ, что онъ и въ ссылкѣ своей въ Нижнемъ Новѣгородѣ успѣлъ напроказить. Боялись, что онъ вынырнетъ опять, но Шишкову дано уже его мѣсто.

---

[1] Трощинскому.

[2] Софья Васильевна Соковнина, свояченица А. Я. Булгакова, умершая вскорѣ.

[3] Княжна Прасковья Васильевна Хованская (впослѣдствіи Обрѣзкова), другая свояченица А. Я. Булгакова.

[4] Вотъ эта записка графа Растопчина: Je prends le plus vif intérêt à la naissance du petit Constantin, persuadé qu'il ressemblera à son père et à sa mère. Il sera tout naturel que je l'aimerai de tout mon coeur. Je vous remercie tous deux de votre obligeante attention et j'attendrai avec impatience le moment où je pourrai venir, mon ducat à la main et mon compliment à la bouche. Je vous salue.

Библиотека "Руниверс"

La Normandie est en pleine insurrecton; on se méfie d'autres provinces, et de là ce redoutable armement en France. —Молодой Тюфякинъ (Вѣнской) сдѣланъ помощникомъ Алекс. Львовича по театрамъ. Celui-ci, qui n'en est pas très content, dit: je ne puis pas lui donner de suite ma confiance, je commencerai par lui confier les marionettes et les théâtres des balançoires.

*

Москва, 6-го Мая 1812.

Закревской имѣетъ славное мѣсто при военномъ министрѣ, place de grande confiance: il a remplacé Woyeikoff (fils du gueux qui dirige la cousine), qu'on a éloigné de Pétersbourg pour quelques procédés fort équivoques *). Всѣ радуются фортунѣ Закревскаго, онъ отлично уважаемъ всѣми. Ба! Ба! Да это онъ вѣрно Барклая навелъ на тебя. Спасибо ему, доброму человѣку! Le comte Rastopschine que je n'ai pas engagé à baptiser mon Constantin par une mauvaise honte, m'en a fait de vives reproches et demande à Natalie un fils pour l'année prochaine. Il a été hier chez nous avec son ducat. Natalie en a 40 déjà. Cela fera aller la marmitte pendant un mois. La couronne ne paye pas; le prince Basil, à son tour, ne nous paye pas non plus. Строеніе наше въ деревнѣ по сему пріостановилось. Мы скоро уже туда собираемся.

Экзаменовъ нѣтъ болѣе для вступленія въ 8-ой и 5-ой классы. Maisonfort былъ первый, котораго безъ экзамена произвели въ статскіе совѣтники.

Adressez vos lettres toujours comme avant: въ Нѣмецкую слободу въ собственномъ домѣ близъ Салтыкова моста. Акимъ est chargé de me faire tenir les lettres même à la campagne; il loge pour cela dans la maison. C'est Сергѣй Львовичъ Пушкинъ qui la loue maintenant. Въ городѣ теперь только и разговора что о дворянскомъ спорѣ. Я тебѣ писалъ, что собраннымъ отъ Московскаго дворянства деньгами вылита трудами Мартоса бронзовая статуя императрицы Екатерины II-й. Монументъ сей, поставленный въ залѣ Благороднаго Собранія, открытъ былъ въ день Пасхи. На пьедесталѣ директоры не написали года и числа, а намарали свои имена. Le public a été choqué que de noms obscurs et qui n'ont nullement illustrés le régne de cette souveraine, soient confondus avec son image. On a donc présenté une motion par laquelle on demande de décider par ballotage, s'il convient d'effacer ces noms ou s'il faut qu'ils restent; le papier est signé par presque tous les membres. C'est la nouvelle du jour, et l'opinion est si prononcée qu'on dit qui les directeurs, sans attendre le ballotage, effaceront leurs noms du monument. Le vieux Waloueff a signé le premier la protestation, mais

---

*) См. объ этомъ Воейковѣ статью Я. К. Грота, въ „Р. Архивѣ“ 1871, стр. 2073.

Библиотека "Руниверс"

ce qui est fort drôle, c'est que comme le plus ancien des membres, c'est son nom qui est le premier sur le monument. Quelqu'un a dit:

Seigneurs! Quand fûtes vous conséquents,
Alors ou à présent?...

Il n'y a que Directeuristes et Effacistes, mais les premiers sont bien peu nombreux. Славный князь Дм. Петр. Волконской очень отчаянно боленъ. Странная болѣзнь: правый глазъ плачетъ кровію. On dit que c'est le sang des soldats qu'il a bu.

Третьяго дня обѣдала у насъ и цѣлый почти день сидѣла тетушка *). Она дулась на тебя за утаеніе твоей поѣздки въ Петербургъ. Les Gallitzines, ne pouvant vous attaquer autrement, lui ont mis cela dans la tête. Je le lui ai prouvé avec la plus grande évidence. Il faut savoir que leurs affaires sont à un point à les forcer de tout vendre sans dire le mot à ma tante: ils vendent la maison de Сущево à Nicolas Gagarine pour 32000, un mois après ils affichent sur la maison de la ville qu'elle se vend. Je vais chez ma tante: toujours même discours: Я съ тѣмъ въ гробъ пойду, что васъ люблю какъ дѣтей; только Константинъ доказалъ, что меня не ставитъ ни во что.—Почему? Онъ васъ почитаетъ какъ мать и любитъ душевно. Какая это любовь! Не сказалъ ни слова и скрылъ, что ѣдетъ въ Петербургъ тогда. Кому болѣе участія принимать въ дѣлахъ вашихъ, какъ мнѣ не любить васъ? Князь Серг. Ив. и княгиня конечно этого со мною не сдѣлали бы никогда. Alors elle apprit de moi qu'une maison était vendue sans la consulter, et l'autre était dans la gazette sans qu'on l'aye prévénu de la moindre chose. Elle fit la fâchée contre eux et leur demanda pourquoi ils étaient innocens d'une chose qu'on avait tant reproché à vous dans le tems. Ils se virent pris dans leur propre filet, et j'ai prouvé à ma tante qu'elle ne devait se fâcher contre personne. C'est une excellente bonne femme que cette tante.

*

Москва, 14 Мая 1812.

По отправленіи послѣдняго моего письма, поѣхалъ я на нѣсколько дней въ Подмосковную; воротясь же оттуда, получилъ приказаніе явиться тотчасъ къ Волкову. Онъ вручилъ мнѣ неоцѣненное твое письмо № 11, съ эстафетою сюда доставленное. Милый и любезный братъ, я тебѣ описать не могу, сколь я былъ нетерпѣливъ распечатать пакетъ. Волковъ ждалъ извѣстія о заключеніи мира съ Турками; но миръ бы меня никогда не могъ такъ обрадовать, какъ сообщаемая

*) Мавра Ивановна Приклонская; дальше говорится про ея дочь и зятя.

Библиотека "Руниверс"

тобою радость. Она прочно основываетъ благополучіе твоей жизни. Твой будущій жребій меня часто приводилъ въ грусть. Я часто дѣлалъ самъ всѣ тѣ размышленія, коими наполнено твое письмо. Оно всѣ основательны и неоспоримы. Хвала Всевышнему! Онъ насъ не покидаетъ. Я и заступниковъ нашихъ узнаю: это Яковъ и Катерина [1]). Съ чего же мнѣ начать? Прежде всего тѣмъ, что мнѣ очень прискорбно, что долго будешь ты въ ожиданіи моего отвѣта; но какъ быть? Въ Почтамтѣ не взялись отправлять эстафеты ни въ Яссы, ни въ Букарестъ; это не бывало еще, и всѣ наши труды были тщетны. Можно бы послать до границы, но какъ бы дошло оттуда до тебя? Я принужденъ тебѣ писать по обыкновенной почтѣ. Мысль заставить тебя столь долго ждать крайне меня огорчаетъ; но какъ быть, ежели нельзя иначе? J'ai été bien vivement ému de tout ce que vous me dites de votre respectable et bien aimé futur beau-père. Sa conduite noble et généreuse à votre égard lui a concilié mon estime et toute ma tendresse. Ses sentimens rempliront toujours mon coeur. Que le Ciel bénisse votre union avec ce petit ange qui s'appelle Marie, qu'il vous envoye toute sorte de prospérités et, s'il fallait, qu'il retranche sur mon bonheur pour rendre le vôtre plus parfait.—Государь отказалъ видѣться съ Бонапарте, а созываетъ конгрессъ, на который съ Фр. стороны ѣдетъ въ Кенигсбергъ Талейранъ.—Malheureusement le congé de Kamensky seul [2]) ne suffit pas, pour aller en pays étrangers; il faudra s'adresser à Roumianzow, et ce nom seul me montre un réfus ou une non-réussite; mais j'y penserai encore longtems avant de renoncer tout-à-fait. Vous n'avez pas assisté à ma noce; faudra-t-il que je vous paye la pareille? Avec quelle joie j'aurais dansé à votre noce, même une cosaque, s'il le fallait. Comme j'embrasserais tendrement celui qui doit remplacer chez vous papa; comme je le féliciterais avec fierté du bonheur de sa fille! Васъ-то какъ бы я прижалъ къ сердцу, какъ бы душевно васъ благословилъ! Tâchez d'engager vos nouveaux parents à venir s'établir en Russie, surtout si la paix se fait bientôt. Jusqu'à la paix je puis consentir à vivre sans vous; mais la paix faite, si vous ne revenez pas toute de suite ici, je croirais encore avoir un frère, mais l'ami, je l'aurais perdu; il faudra banir de mon coeur un objet qui le remplit presque exclusivement depuis ma tendre jeunesse. Этого, братъ, я не перенесу, и пеняй на себя послѣ, ежели мы не будемъ жить женатые какъ

---

[1]) Т. е. покойные родители, Я. И. Булгаковъ и Екатерина Любимовна (ур. Имберъ).

[2]) Т. е. отпускъ А. Я. Булгакова за границу, на свиданіе съ братомъ, изъ Архива, коего начальникомъ былъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Свадьба К. Я. Булгакова состоялась много позднѣе.

Библиотека "Руниверс"

жили холостые. Наташа любитъ Машу ужъ безъ ума. Я вижу отсюда ихъ дружбу, нѣжную связь. Еще дамъ тебѣ совѣтъ очень хорошій. Деньги здѣсь рѣдки теперь, множество продается теперь дешевыхъ деревень. 200 т. дѣлаютъ столько же рублей, еще и болѣе, а за 200 т. можно теперь купить деревню, приносящую 20000 годового дохода. Поговори о семъ съ добрымъ старичкомъ и посовѣтуйся; право бы, хорошо было перевести сюда деньги на покупку имѣнія хорошенькаго. Wolkoff est extrêmement de cet avis, et c'est lui qui me l'a suggéré. Je vous conseille donc, à la réception de celle-ci, d'écrire à ma tante, au pr. Basile, aux Gallizins, à П. П. Нарышкинъ et à la c-ce Kourakine и объявить имъ о помолвкѣ твоей съ дѣвицею Маріею, дочерью г-на Варлама, вестіара княжествъ Молдавскаго и Валахскаго; votre promise ajoutera un post-scriptum de sa main. Cela fera plaisir à tout le monde. En attendant je les amuserai des balivernes, ce qui est d'autant plus aisé qu'on parle déjà depuis quelque tems de votre mariage.

*

Москва, 20 Мая 1812.

Получилъ я письмо отъ Тургенева. Онъ сдѣланъ третьимъ членомъ Комиссіи о составленіи законовъ, т. е. князь Лопухинъ, Розенкампфъ и живчикъ нашъ, который сверхъ того сдѣланъ директоромъ училища высшаго правовѣдѣнія. Пошелъ въ гору молодецъ! И этого женить надобно. J'ai jetté les yeux sur notre bonne princesse Pauline [1]), et puis il faut absolument marier Faste à Lison [2]); je lui en déjà écrit. Regrettez, mon cher, la pauvre Sacovnine[3]): elle est presque sans espoir, tout le corps du côté droite a essuyé un coup d'apoplexie. Depuis sept jours elle est sans l'usage de sa langue et presque sans connaissance. Vous pouvez imaginer la désolation de toute la famille. Natalie ne se doute pas de ce malheur; il n'y a qu'un mois qu'elle relève de couches; je ne veux pas lui dire, je ne la quitte presque pas, de peur que par l'imprudence de quelqu'un elle n'apprenne l'état de sa soeur. Je n'ai pas la tête à moi, et si ce n'était pour écrire à vous, je ne prendrais pas la plume en main. C'est bien malheureux un coup pareil à 24 ans. Quand même elle se rétablira, elle pourra rester estropiée ou sans l'usage de quelque membre. On accuse beaucoup l'accoucheur Richter, qui l'a laissée après ses couches cinq jours constipée et ne lui avait donné

---

[1]) Она вышла потомъ за Василія Александровича Обрѣзкова и дожила въ Москвѣ до глубокой старости.

[2]) Т. е. на сестрѣ Булгаковыхъ Шумлянской. А. И. Тургеневъ (живчикъ) остался холостякомъ.

[3]) Софья Васильевна, мать графини Софьи Прокофьевны Бобринской.

Библиотека "Руниверс"

de lavement. La ville ne parle que de cette pauvre Sophie. Охъ! нѣтъ Мазаровича: онъ бы ее спасъ, а то наши Лодеры головы потеряли.

Въ Вильну пріѣзжалъ отъ Напол. полковникъ Narbonne съ какимъ-то важнымъ препорученіемъ; его очень поласкали, но отпустили съ тѣмъ же съ чѣмъ пріѣхалъ. Румянцову отъ паралича, говорятъ, получше. Лористонъ собирается ѣхать. По послѣднимъ письмамъ звалъ онъ въ Петербургѣ всѣхъ на балъ d'adieux, дѣтской. Гишпанцы взяли Байадосъ и сдѣлали 4000 Фр. плѣнными. Французы должны были оставить блокаду Кадикса и оставили Мадритъ безъ защиты. Наполеонъ боленъ ногами: c'est toujours cette gale d'Egypte qui se promène dans le corps. Князя Алексѣя Ивановича Голицына сынъ Иванъ (Горбунъ), женатый на Мельгуновой и ею брошенный, умеръ на сихъ дняхъ, также и Наталья Петровна Волынская. Бѣдный Jeannot *) завтра ѣдетъ къ вдовѣ Бальменовой; еще самъ не знаетъ, гдѣ отыскать сестру и какъ объявить ей о ея несчастіи. A propos! Antonio принялся къ А. Д. Нарышкиной, учителемъ къ сыну ея; квартира, столъ, свѣчи, все содержаніе и 700 р. въ годъ. Я очень радъ. Мы ѣдемъ въ деревню на лѣто, а ему по Университету нельзя отлучиться изъ города.

*

Москва, 28 Мая 1812.

Несчастіе, котораго мы опасались, свершилось: Софья Васильевна, послѣ большихъ мученій, продолжавшихся шесть дней, скончалась въ прошлую Среду, въ три часа ночи. Вся семья погружена въ печаль, весь городъ ее раздѣляетъ. Больно видѣть 24-лѣтнюю женщину, здоровую, мать трехъ дѣтей, оставляющую свѣтъ. Меня очень это перевернуло; я нѣсколько ночей тамъ провелъ утайкомъ отъ Наташи, которой не знаемъ еще какъ объявить о смерти сестры. Князь лежитъ и мучается спазмами, а княжна въ положеніи, которое насъ пугаетъ: она не плачетъ, у нея родъ изступленія. Это совершенная тѣнь, кашель у нея очень плохой. Каково же мнѣ все это скрывать еще отъ жены! Я ея не оставляю на минуту: боюсь, чтобы сорванецъ какой-нибудь ей вдругъ не брякнулъ; мы ее готовимъ понемногу. Je vous assure que dans ces jours j'ai fait plus de réflexions amères que je n'en avais fait dans toute ma vie. Je me suis concerté avec le comte Rastoptchine que ma femme aime extrêmement: c'est lui qui lui dira que Sophie n'est plus. En attendant je la prépare tous les jours à ce malheur.

*) Иванъ Васильевичъ Нарышкинъ, братъ овдовѣвшей графини Бальменъ.

Библиотека "Руниверс"

Фельдмаршалъ нашъ [1]), по вторичной просьбѣ, уволенъ, наконецъ, по милостивому рескрипту, при коемъ посылается ему портретъ императорскій, для ношенія на себѣ по установленію. Твоего начальника [2]) ожидаютъ въ Петербургъ. Иные сюда его шлютъ на мѣсто Гудовича, а другіе—графа Растопчина. Жалѣю душевно, что ты лишился Кутузова. Какъ-то тебѣ будетъ съ Чичаговымъ? Ежели пойдетъ на ладъ, то славно, ибо ему очень везетъ теперь. Но все это теперь побочное дѣло. Истинное твое и прочное счастіе въ рукахъ у милой Маши. Графъ Растопчинъ очень меня задираетъ; онъ у меня обѣдалъ вчера безъ всякой церемоніи; il n'y avait que lui, le cher Mikhelli, moi et Natalie. Сбираюсь въ деревню, а графъ пари предлагаетъ, что я не поѣду; спрашиваетъ, давно ли я въ моемъ чинѣ и пр. Наташѣ сказалъ онъ: «Que direz vous, madame, si après une course à Pétersbourg votre mari revenait et se présenterait à vous à reculons?» Nous cherchons à deviner cette énigme, et le comte dit en riant, que ce serait pour montrer ma clef de chambellan. Vous ne sauriez croire quel attachement il nous a témoigné dans le malheur qui nous est arrivé. Il vient presque tous les jours. Wilna est devenue la cheville-ouvrière de l'Europe. Бискупскій палацъ сдѣлалъ подрывъ Тюлеріямъ. Туда пріѣзжалъ отъ Бонапарте гр. Нарбонъ съ комиссіею. Онъ очень былъ обласканъ Государемъ, но Jean s'en alla comme il était venu et émerveillé de l'état et de la tenue de nos troupes. Пріѣхалъ туда также Шведскій чрезв. посолъ; ожидаютъ также скоро Шварценберга. Бенигсенъ въ большой милости и опять въ дѣйствительной службѣ. Иные говорятъ, что Румянцову отъ паралича лучше, а другіе, что онъ умеръ. Весь городъ наполненъ извѣстіемъ о мирѣ съ Турками, но насъ такъ часто обманывали, что я уже не вѣрю.

Лобановъ Рижскій отставленъ за то, что выпустилъ изъ Риги 7 транспортовъ съ хлѣбомъ во Францію, гдѣ голодъ такъ великъ, что правительство платитъ по 130 франковъ за всякій куль муки.

*

Москва, 11 Іюня 1812.

Хотя это не въ порядкѣ вещей, но я тебя поздравляю первый, а не ты меня, съ заключеніемъ мира съ Турками. Это неожиданное извѣстіе крайне меня обрадовало. 8-го встаю я рано, скачетъ ко мнѣ ординарецъ; графъ Ѳедоръ Васильевичъ извѣщаетъ меня запискою, что въ ночь получилъ курьера изъ Вильны, что 10-го миръ подписанъ

[1]) Графъ Гудовичъ, предшественникъ графа Растопчина на Московскомъ генералъ-губернаторствѣ.

[2]) М. Л. Кутузова (тогда еще не князь).

Библиотека "Руниверс"

и чтобы я пріѣзжалъ обѣдать къ нему, ежели хочу знать подробности.

Дай Богъ, чтобы ты былъ отправленъ къ намъ съ султанскою ратификаціею: тогда бы завернулъ ты и въ Москву. Во всякомъ случаѣ старайся имѣть хоть отпускъ мѣсяца на четыре. Поработавъ столь хорошо, ты имѣешь право на короткій отдыхъ. Москва въ восхищеніи; цѣны всему видимо упадаютъ. Привезшій извѣстіе адъютантъ Балашева, Протасьевъ, получилъ подарки: отъ дворянства богатую табакерку, отъ купечества блюдо серебряное съ 300, отъ графа [1]) брегетъ съ надписью, въ 1200, отъ губернатора табакерку въ 700 и пр.

Твое письмо № 12 пришло очень кстати. Миръ бы меня радовалъ, но я бы печалился, что Костя мой опять безъ хорошаго мѣста. Ты меня успокоилъ, ибо я увѣренъ, что ты ни минуты не колебался принять отъ добраго Андрея Яковлевича [2]) предлагаемое мѣсто Боброва. Бери, бери скорѣе! Оно выгодно; кромѣ того, ты увидишь твою родину, стѣны, гдѣ ты родился, театръ батюшкиной славы. Какія напоминанія! Ты въ Буюкдерскомъ домѣ и саду найдешь почти слѣды батюшкины; явятся старые знакомые и друзья даже. Италинскій тебя будетъ выводить и готовить на свое мѣсто; тогда Турки будутъ говорить съ сердцемъ: Allah! Allah! ces diables de Bulgakows renaissent de leurs cendres. On nous donne le fils de celui qui nous a ôté la Crimée. Право, братъ, поѣзжай. Графу.... à propos il est tems de vous dire que votre prédiction au sujet du comte Rastopschine est accomplie: en effet il est nommé général d'infanterie et gouverneur militaire de Moscou à la place de Goudowitz. Depuis une semaine il est déjà installé, au grand plaisir de toute la ville. L'Empereur dit dans le rescript, qui annonce au comte la paix, que m-r Italinsky est déjà parti pour aller occuper le poste de ministre extraordinaire à Constantinople.

Il paraît que la fortune me sourit aussi, car le comte nous aime не на шутку (что̀ называется). Il veut que je serve absolument; il a été hier chez nous et me disait: J'ai fait la fortune de bien de gens qui n'avaient ni vos capacités, ni vos mérites. Je serai jaloux de vous pousser par le service. Il paraît d'après tout que je serai le directeur de sa chancellerie secrette, avec de bons appointements. Il m'a proposé cette place, et je l'ai accepté avec joye. Le comte me dit en partant: C'est donc dit, et il m'embrassa. Bientôt donc je pourrai vous annoncer la

---

[1]) Ростопчина.

[2]) Италинскаго.

Библиотека "Руниверс"

nouvelle que je me suis relancé dans les affaires; je m'en rejouis, car l'oisiveté m'ennuye.

Il faudra que je me sépare souvent du Natalie, mais que faire? J'ai des enfants, il faut travailler. Je suis charmé que Pauline vient passer l'été chez nous: Наташѣ будетъ веселѣе. Toute la ville sait que le comte nous aime, mais beaucoup! toute la ville est persuadée que je vais jouer un rôle. Il faut voir les pirouettes et les bassesses qu'on me fait à moi qui ne suis qu'in petto; ce sont des conjectures seulement, car je n'ai parlé qu'à vous et j'ai écrit à Faste. Le comte lui-même ne l'a dit à personne qu'à Wolkoff, qu'il aime déjà beaucoup, d'abord pour lui-même et puis à cause de tout ce qu'il en sait de moi.

Le chancelier va de mal en pire. Un second coup d'apoplexie lui a défiguré l'oeil droit, il a des vomissemens fréquens. On croit que le troisième coup l'emportera [1]). On nomme à sa place le pacificateur Tchitchagoff et d'autres le prince Zouboff, qui revient sur l'eau: d'autres encore Kotchoubey. La vedremo.

*

Москва, 25-го Іюня 1812.

Желаю узнать, какъ тебѣ у Чичагова; видно, добрымъ у него хорошо, ибо Бароцци и Филлія прогналъ онъ (какъ пишутъ мнѣ) къ Салтыкову, въ Петербургъ.

Je suis toujours à la veille de servir auprès du comte Rastaptchine; il me comble de bonté. Hier il est venu chez nous en surtout, incognito, en дрожки и до полуночи просидѣлъ. Je chercherai à placer bien le bon Faste, j'en ai déjà parlé au comte, ainsi que de l'ami Mikhelli, qui sera grand-maître de police [2]).

Французы вступили 13-го въ Ковну; ты это увидишь изъ приложеннаго здѣсь печатнаго рескрипта. Дадимъ мы имъ! Россія велика, гдѣ имъ ее завоевать? Мемель перешли 40 т. съ Макдональдомъ и Давустомъ. Имъ даютъ подвигаться; повидимому, князь Петръ Ив. Багратіонъ зайдетъ имъ въ тылъ. Богъ Россійскій великъ, благословитъ наше оружіе.

*

[1]) Графъ Н. П. Румянцовъ, получивъ наконецъ увольненіе отъ службы, предался любимымъ своимъ занятіямъ Русскою археологіею, въ которой снискалъ себѣ славное имя.

[2]) Кто этотъ Микелли? Не псевдонимъ ли Ивашкина?

Библиотека "Руниверс"

Москва, 2-го Іюля 1812.

Я вижу по твоему письму то, чего лучше желать нельзя было: ты не разлучился съ милою Машею, ты при Павлѣ Васильевичѣ [1]), и онъ тебя любитъ и протежируетъ. Слава Богу, я спокоенъ. Насъ душевно обрадовало все то, что̀ ты пишешь о новомъ твоемъ начальникѣ. Узнавъ тебя хорошо, желать онъ будетъ составить твое счастіе, а онъ имѣетъ большой кредитъ, а потому и болѣе средствъ нежели его два предшественника. Алексѣй Самуиловичъ [2]) вѣрно тебѣ тоже помогъ въ мысляхъ Павла Вас.; я его еще болѣе люблю за это. Greigh est un de ces hommes qu'on ne rencontre que rarement dans le courant de la vie.

Я увѣренъ былъ, что рожденіе моего Кости тебя обрадуетъ; нѣтъ, сударь, изволь подивиться вотъ чему. Волковъ пріѣхалъ изъ деревни и, увидѣвъ Костю, отскочилъ вчера съ удивленіемъ. Что̀ такое? Боже мой, да это живой братъ твой, сказалъ онъ мнѣ. Tout ceux qui viennent voir mon petit sont frappé de sa ressemblance avec vous, et avec raison. Il est vrai qu'étant grosse, Natalie en regardant votre portrait disait continuellement: si je pouvais accoucher d'un petit garçon comme Constantin. Такъ и сдѣлалось. Теперь у меня и у всѣхъ одно во рту, чтобы Костя и душею и умомъ на тебя походилъ. Quant à Katinka, c'est une bouffonne toute complette; elle a les mouvements d'un petit chat. Любитъ она удивительно графа Ѳедора Васильевича. Quand il prend du tabac [3]), elle le regarde, rit et le contrefait. Le comte m'assure que quand il est de mauvaise humeur, il vient chez nous pour se récréer avec Katinka.

J'ai lu au comte Rastoptchine votre article sur lui, car c'est devant lui que j'ai reçu votre lettre. Il en a été flatté et m'a dit: Скажите Конст. Яковл., что я его надежду оправдаю, et puis il ajoute en me regardant et souriant: мы будемъ ладно жить. Balachoff lui écrit que S. M. a consenti à mon service auprès du comte et que l'oukase en sera expédié incessament au Collège des affaires étrangères. Hier le comte m'a dit qu'il me ferait arranger un aile dans la maison du gouverneur-général, qu'il va habiter bientôt, que j'y aurai mes aises pour moi et tous les miens. Voilà donc outre les appointements le quartier et le chauffage. Cela me mettra à mon aise.

---

[1]) Чичаговѣ.

[2]) Грейгъ.

[3]) Графъ Растопчинъ былъ охотникъ нюхать табакъ. Вспоминаются стихи про него князя Вяземскаго:

Носъ къ верху вздернувъ важно
И нюхая табакъ и пр.

Библиотека "Руниверс"

Съ Французомъ идетъ все хорошо. On évite une bataille générale, et cela les fâchent. Ils meurent de faim. Le 24 Juin ils n'avaient que pour trois jours de biscuits. Dans tous les combats partiels nous avons eu l'avantage jusqu'a présent. Notre cavallerie surtout fait des miracles. Je ne vous envoye pas les bulletins, car vous les recevez sûrement. Dans le dernier on fait mention du capitaîne Galeva 1-er, qui, ayant été envoyé reconnaître avec son escadron, fut cerné par trois régiments de cavallerie ennemie. Bien loin de se rendre, il s'est fait pas à travers cette force si éminement disproportionnée et à tué beaucoup de monde et deux chefs d'escadron. On sait que les trois chefs des régiments ont été fusillés par leur cher maître. Cet évenement a donné aux Français la mesure de la résistance qu'ils trouveront chez nous et de la supériorité de notre cavallerie sur la leur. Nous avons fait échouer le premier plan de Bonaparte de nous battre en détail, car tous ces coups isolés se sont réunis à la première armée de Barclay, et dans ce moment j'apprends que la jonction de Bagration avec la grande armée a eu lieu le 25. Начало прекрасное! Дай Богъ продолженія.

*

Москва, 23 Іюля 1812.

Вчера посылалъ меня графъ къ пріѣхавшей сюда мад. Staël-Holstein. О тебѣ спрашивала. Elle va à Pétersbourg.

Сію минуту получаю письмо твое изъ Царьграда 5 Іюля.

*

Москва, 30 Іюля 1812.

Понимаю, любезный братъ, какія сладостныя чувства ты долженъ ощущать на всякомъ шагу, какія милыя напоминанія находишь въ родинѣ нашей! Я безъ слезъ письма твоего читать не могъ. Ты былъ, можетъ, въ той комнатѣ, гдѣ мы родились, увидѣлъ старыхъ друзей покойнаго батюшки, людей, которые вѣрно сыну стараются платить за благодѣянія отъ отца полученныя. Извѣстно было въ городѣ, что тебя послали для размѣны ратификацій, но сомнѣвались въ успѣхѣ по интригамъ Французовъ. Слава Богу, теперь кончено все. Намедни явился сюда, вдругъ, одинъ безъ жены, Алексѣй Багратіонъ, который сказалъ намъ, что тебѣ препоручена и размѣна плѣнныхъ. И такъ я тебя полагаю еще въ Стамбулѣ. Оканчивай скорѣе твои комиссіи и возвращайся къ милой Машѣ, но поскорѣе за веселый пирокъ. Я еще не объявляю о семъ никому, но такъ какъ Багратіонъ многое разгласилъ, то я говорю всѣмъ, что это вещь сбыточная, но еще не конченая, ибо ты бы написалъ о томъ тотчасъ къ роднымъ. Ну, братъ, уже Багра-

Библиотека "Руниверс"

тіонъ тебя превозноситъ; однимъ словомъ, говоритъ онъ: Булгаковъ другъ Сабанеева*), а этого болѣе похвалы нельзя сдѣлать никому.

Пожалуй пришли или сбереги мнѣ souvenir какой нибудь изъ родины нашей. Хоть кедровую шишку. Наташу отвезъ я въ подмосковную, смотрѣть за хозяйствомъ; насилу отсюда урвался. Какое блаженство быть въ своемъ уголку, любиму мужиками, съ доброю женою и милыми дѣтьми! Надобно, чтобы я очень любилъ графа, чтобы разлучаться со своими и служить. Право, награжденія всѣ для меня ничтожны, я слишкомъ счастливъ дома, чтобы за чѣмъ нибудь въ свѣтѣ гоняться, и ежели служу, то отъ того, что въ графѣ вижу благороднаго человѣка и ревностнѣйшаго патріота; обстоятельства же теперь такія, что стыдно Русскому не служить и не помогать добрымъ людямъ, какъ Растопчину, въ пользѣ, которую стараются приносить отечеству. Я чрезмѣрно доволенъ графомъ, который лестно со мною обходится. Вчера были мы обрадованы пріѣздомъ курьера, привезшаго намъ двѣ славныя побѣды. Витгенштейнъ дрался трое сутокъ подъ Себежемъ 18, 19 и 20 Іюля съ 27000-мъ корпусомъ маршала Удино. Положивъ 10000 на мѣстѣ, взявъ въ плѣнъ 1000 человѣкъ съ генераломъ de S-t Genies, двѣ пушки, весь обозъ генерально, и даже генеральской экипажъ Удино, преслѣдуетъ и гонитъ Фр., какъ свиней за Двину, а тамъ идетъ разбивать Макдональда, не смотря на то, что самъ раненъ (но легко) въ щеку. Мы жалѣемъ о храбромъ Кульневѣ, которому обѣ ноги оторвало, онъ тутъ же умеръ. Впрочемъ потеря не велика съ нашей стороны. Тормасовъ двинулся и съ арміею своею разбилъ въ Кобринѣ Саксонской корпусъ 7000-ный, взялъ генерала, ими командовавшаго, Клингера, въ плѣнъ, съ 3000 рядовыми, множество офицеровъ и знамя и пр. Достопамятно то, что Шварценбергъ, узнавъ о нашемъ приближеніи, оставилъ съ своимъ корпусомъ Кобринъ и пошелъ къ Минску. Австрійцы, кажется, драться не хотятъ съ нами. Данцигъ взятъ. Осадная артиллерія и магазейны брошены въ море и сожжены или вывезены. Положеніе Наполеона очень плохо; не знаю, какъ онъ выѣдетъ изъ западни.

Сію минуту ввалился Радди; жди предлинное письмо во Вторникъ. Ура, ты уже на мѣстѣ! Слава Богу, какое блаженство читать твой толстый пакетъ. Умираю отъ нетерпѣнія. Вотъ тебѣ реляція, ѣду сейчасъ въ соборъ, гдѣ молебствіе и будетъ 51 пушечный выстрѣлъ за побѣды наши.

*

---

*) Вотъ черта Сабанеева. Въ Одессѣ въ 1824 г., на маскарадѣ у гр. М. С. Воронцова, посреди затѣйливыхъ нарядовъ, явился онъ, полный Русскій генералъ, во фракѣ со множествомъ полученныхъ имъ въ заграничныхъ походахъ иностранныхъ орденовъ.

Библиотека "Руниверс"

Москва, 2 Августа 1812.

Je suis heureux depuis que je sois avec cet homme incomparable le comte Rastoptchine. Je vous envoye une картинка qu'on s'arrache на Спасскомъ мосту [1]). Sabloukoff, arrivé de Tver, dit qu'un courrier arrivé y a apporté la nouvelle que Bonaparte est parti pour la France, car les Espagnols marchent vers Paris. Les Prussiens désertent en quantité pour passer chez nous. Побѣдителю Витгенштейну данъ Георгій 2-ой и 1200 р. пенсіи ежегодной, а Кульневой матери 3000 р. Tout va très bien, les Français ont rétrogradé vers Minsk.

*

Москва, 7 Августа 1812.

Ты, слава Богу, на мѣстѣ, возвратился изъ Царяграда; но прежде всего, любезный и *высокородный* брать, поздравляю тебя съ чиномъ статскаго совѣтника, о чемъ увѣдомляетъ меня сейчасъ Тургеневъ, а равно, что Кутузовъ сдѣланъ свѣтлѣйшимъ княземъ. Какъ несказанно обрадовало меня твое производство! Это большой шагъ, готовящій тебя на выполненіе всѣхъ возможныхъ должностей. Вчера по слухамъ уже однимъ, коими наполнена была Москва, пили мы у князя [2]) за ужиномъ за твое здоровье. Ce soir ce sera fait officiellement. Дай Богъ тебѣ также мало быть въ статскихъ совѣтникахъ, какъ въ коллежскихъ, но паче всего также выслуживать новыя милости, какъ старыя. Même Faste s'est déridé, il est extrêmement gai. Ma tante vous félicite et me charge de vous dire que Dieu ne laissera pas sans récompense ce que vous avez fait pour le pauvre Krouglikoff, que vous avez tiré des prisons de Constantinople. La mère écrit à ma tante une lettre de remercîment, qui nous a autant touché que celle que le père vous écrit. Je ne vous remercie pas pour les secours, que vous m'envoyez; car je sais que quand on m'aime comme vous, on ne peut pas en agir autrement; je connais assez votre coeur angélique pour être persuadé, que vous avez plus de plaisir à m'envoyer des secours que moi à les recevoir. Буду писать къ Кругликову о задержанныхъ тобою деньгахъ для несчастнаго сына его. Знаешь кто здѣсь? Влодекъ. Онъ пріѣхалъ изъ арміи и ѣдетъ къ Государю въ Петербургъ; но такъ какъ Императоръ сюда ожидается [3]) то онъ хочетъ поджидать Государя здѣсь. Мы не можемъ о тебѣ наговориться, и Влодекъ въ числѣ тѣхъ, которые чрезмѣрно цѣнятъ душу твою и способности.

*

---

[1]) Т. е. на Кремлевской площади, у Спаской башни; до 1812 года былъ тамъ ровъ, и на мосту черезъ него шла мелочная книжная торговля.

[2]) Это князь В. А. Хованскій, тесть Булгакова.

[3]) Ожиданіе не сбывшееся, хотя и обѣщанное.

Библиотека "Руниверс"

Москва, 13-го Августа 1812.

Здѣсь большая суматоха. Бабы, мужескаго и женскаго полу убрались, голову потеряли; всѣ ѣдутъ отсюда, слыша, что Смоленскъ занятъ Французами. Бездѣйствіе Барклая произвело несчастное, но геройское Смоленское дѣло. Багратіонъ съ двумя девизіями шесть разъ прогонялъ 100 т. изъ Смоленска, убилъ 20 т. у непріятеля и сдѣлалъ 7000 плѣнныхъ; но городъ долженъ былъ быть оставленъ. 7-го атакованъ былъ Барклай, онъ долженъ былъ уступить поле сраженія и идти къ Дорогобужу. Французы страшно потеряли вообще, и весь народъ въ радости отъ назначенія Кутузова главнокомандующимъ надъ обѣими арміями, куда послалъ онъ уже свое приказаніе, а самъ онъ ожидаемъ сегодня сюда проѣздомъ въ армію*). Онъ все поправитъ и спасетъ Москву. Барклай—туфля, имъ всѣ недовольны; съ самой Вильны онъ все пакоститъ только. Императоръ ожидается сюда на сихъ дняхъ. Наташу отправляю я на всякій случай во Владиміръ съ дѣтьми, ко второй маменькѣ Куракиной, а самъ останусь здѣсь съ графомъ. Все спокойно у насъ. Я поклянусь, что Бонапарте не видать Москвы, но не худо дѣтей и Наташу обезпечить. Гдѣ съ ними послѣ возиться? Il vaut mieux pêcher par excés de précauton. Vlodec vous embrasse. Il est encore ici et attend l'Empereur. Tous les jours il soupe chez nous. Il vous aime fraternellement celui-là. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ политическихъ я бы почти желалъ, чтобы свадьба твоя надолго была отложена. Но ты на мѣстѣ, тебѣ это рѣшить и устроить съ твоимъ счастіемъ и мое. Вотъ тебѣ посланіе графа къ жителямъ Москвы. Cet homme fait l'adoration de la ville. Il est juste et sévère. Почтъ-директоръ Ключаревъ ночью отъ 11 на 12 число взятъ нами и сосланъ. C'est un grand gueux, et la ville se réjouit de l'éloignement de cet illuminé. Я тебѣ уже писалъ о радости нашей, что ты *высокородный*; также пожалованы чинами Бобровъ и Фонтонъ. Миръ съ Англіею обнародованъ 4-го Августа въ Петербургѣ. Тамъ уже лордъ Бентинкъ. Скажи, какъ мнѣ писать тебѣ, а ты дѣлай мнѣ отправленія на имя его сіятельства графа Ѳедора Васильевича Растопчина, г. отъ инфант., оберъ-камергера, сенатора, главнокомандующаго въ Москвѣ и разныхъ орденовъ кавалера въ Москвѣ; я просилъ сіе позволеніе у него. Il s'entend que sur mon enveloppe vous en ferez une autre à l'adresse du comte. Сестры также поѣдутъ съ Наташею. Nos terres de Велижъ sont ruinées tout-à-fait par l'ennemi, и всѣ мужики разбѣжались. О себѣ что сказать? Я здоровъ, распредоволенъ мѣстомъ своимъ и положеніемъ.

---

*) Кутузовъ въ Москву тогда не пріѣзжалъ.

Библиотека "Руниверс"

Москва, 21 Августа 1812.

Здѣсь былъ милый, добрый Мишо [1]). Онъ меня обворожилъ, меня и жену, хотя и видѣли мы его только часа два: онъ въ тотъ же день отправился въ Петербургъ къ Государю. Вотъ ужъ добрый человѣкъ! Онъ тебя любитъ какъ брата и безъ слезъ не можетъ почти имя твое произносить. Много мы очень о тебѣ наболтались; вотъ тебѣ письмо отъ него, а другое отъ Марьи Любимовны [2]). Вчера получилъ я письмо изъ Гжатска отъ Анстета. Il vous félicite de tout son coeur et me rappelle qu'il vous a toujours aimé comme ses petits boyaux (ses expressions). Étant venu chez l'Empereur à Wilna, S. M. lui ordonna de rester auprès de sa personne; il attend ou le retour de l'Empereur à l'armée ou bien une nouvelle destination. Ты вѣрно порадуешься, что я былъ довольно счастливъ друга нашего Фаста переименовать въ маіоры и еще опредѣлить къ новому моему благодѣтелю графу, для исправленія разныхъ препорученій. Фастъ началъ уже третьяго дня новую свою службу. Вотъ и этому доброму малому открывается каріера; ты поймешь, какъ для меня пріятно служить съ нимъ вмѣстѣ и ему помогать. Хочется мнѣ теперь пристроить и Бригонца куда нибудь. О себѣ не скажу ничего: желать мнѣ нечего съ столь добрымъ и могущимъ начальникомъ. Графъ сдѣлался въ Москвѣ предметомъ всеобщаго обожанія. Попечительность его о благѣ отечества и особенно Москвы не имѣетъ предѣловъ. Посылаю тебѣ здѣсь разныя его афиши, картинки и бюлетени, по городу ходящіе. Мы здѣсь очень покойны. Барклай наконецъ свалился. Этотъ человѣкъ не достоинъ былъ командовать Русскими. Кутузовъ сдѣланъ главнокомандующимъ надо всѣми арміями нашими и вами слѣдовательно. Онъ 15-го прибылъ уже въ армію въ Вязьму и далъ солдатамъ тотчасъ праздникъ, о коемъ начинали уже не помнить: онъ повелъ ихъ тотчасъ *впередъ 40 верстъ*. Одно его появленіе была уже побѣда. Говорятъ, что Беннигсенъ будетъ командовать Барклаевою арміею, а на него сдѣлали слѣдующія стишки:

Не бойся болѣ
Барклая-де-Толи;
Идетъ Кутузовъ
Бить Французовъ.

Ты можешь себѣ представить, сколько здѣсь вздорныхъ слуховъ и какъ наши дамы пугаются. Это побудило графа напечатать афишу здѣсь приложенную. Наташа будетъ здѣсь до самаго нѐльзя, а потомъ

[1]) Это тотъ самый Сардинскій полковникъ Русской службы, которому императоръ Александръ сказалъ знаменитое слово: „не положу оружія“.. Съ тѣхъ поръ прошло 88 лѣтъ, и выраженіе „отрощу бороду“ утратило, слава Богу, свое тогдашнее значеніе.

[2]) Мартыновой (ур. Имбе́ръ); это родная тетка братьевъ Булгаковыхъ.

Библиотека "Руниверс"

поѣдетъ въ Подмосковную, гдѣ дѣти большія и малыя. Говорятъ мнѣ, что Багратіонъ ѣдетъ чѣмъ свѣтъ; пошлю скорѣе, чтобы не опоздать. Онъ живая грамота.

*

Москва, 28 Октября 1812.

Я тебѣ пишу изъ Москвы или, лучше сказать, среди развалинъ ея. Нельзя смотрѣть безъ слезъ, безъ содроганія сердца на опустошенную, сожженную нашу золотоглавую мать. Теперь вижу я, что это не городъ былъ, но истинно мать, которая насъ поила, тѣшила, кормила и защищала. Всякой Русской оканчивать здѣсь хотѣлъ жизнь Москвою, какъ всякой Христіанинъ оканчивать хочетъ послѣ того Царствомъ Небеснымъ. Храмы наши всѣ осквернены были злодѣями, кои подѣлали изъ нихъ конюшни, винные погреба и пр. Нельзя представить себѣ буйства, безбожія, жестокости и наглости Французовъ. Я непоколебимъ въ мнѣніи, что революція дала имъ чувства совсѣмъ особенныя: изверги сіи пріучились ко всѣмъ злодѣяніямъ, они видятъ кровь человѣческую съ равнодушіемъ, всякое бѣдствіе ими причиненное для нихъ равнодушно, грабежъ единственное ихъ упражненіе. На всякомъ шагу находимъ мы доказательства звѣрства ихъ. Въ Богородскѣ обмокнули они одного купца въ масло, положили на костеръ и сожгли его живого, смотрѣли на его страданія и раскуривали въ огнѣ трубки свои; здѣсь насильничали дѣвчонокъ 10 и 11 лѣтъ на улицахъ, на престолахъ церковныхъ. Оставляя Москву, они взорвали Кремль, но этотъ послѣдній подвигъ ярости ихъ былъ неудаченъ. Соборы и Ив. Великій остались цѣлы, а пострадали: часть Арсенала, двѣ башни, Кремлевская стѣна къ Москвѣ рѣкѣ и колокольня около Ивана Великаго. Грановитая Палата сожжена. Богъ показалъ великое чудо. Образа̀ Сына Божія на Спасскихъ воротахъ и Николая Чудотворца на Никольскихъ не токмо невредимы, но стекла на нихъ и фонарь цѣлы, тогда какъ отъ Кремлевской мины и удара полопались стекла, здѣсь въ графскомъ домѣ и подъ Дѣвичьимъ, т. е. на другомъ концѣ города. Я пріѣхалъ сюда съ графомъ 24-го Октября. Для любопытства твоего, прилагаю здѣсь роспись оставшимся домамъ *). Они не сгорѣли, но за то разграблены. Почти девятая часть города остается только. Наши слободскіе домы цѣлы. Много въ нихъ расхищено; все же, что̀ я нашелъ въ нихъ, мебелью, отправлено мною въ подмосковную; библіотека вся перемѣшена, разрыта. Книги валяются по полу, даже по двору. Однакоже я бился трое сутокъ и кой-какіе увражи привелъ въ порядокъ; все, что̀ соберу, пошлю въ деревню. La chère cousine ne trouvera pas grande chose dans les maisons, si même elles lui revenaient jamais. Cette fois-ci je ne me reprocherai pas d'avoir

*) Этой росписи не имѣется при подлинномъ письмѣ.

Библиотека "Руниверс"

laissé quelque chose dans la maison, comme je fis il y a deux ans en quittant la Slobode. Je devais alors faire l'opération d'à présent. Въ саду много порублено; я нашелъ тамъ мертвыхъ лошадей, коп мы зарыли; бесѣдки перебиты, въ нихъ искали, видно, клады. Вообрази, что, живучи сами въ домѣ, эти разбойники сдѣлали изъ залы, что изъ фальшиваго мрамора, пужникъ свой, а у тетушки въ домѣ стояли лошади. Домъ бѣднаго Фаста сгорѣлъ до основанія, равно и Волкова и Жано. Часть моихъ пожитковъ и книгъ батюшкиныхъ (всѣ Русскія и Фр. Voyages pittoresques) сгорѣла у Фаста. Вино сладкое батюшкино было у Волкова. Погребъ разбитъ въ подвалѣ, и теперь слышалъ я запахъ славнаго нашего Венгерскаго вина. Во многихъ частяхъ города такая пустота, что нельзя осмотрѣться, ежели бы не церкви. Вообрази, что я отъ Бѣлявина дому въ Слободѣ шелъ прямою линіею до самой Почты, все по развалинамъ, имѣя направленіемъ Меньшикову башню. Всѣ сіи несчастія, всѣ опустошенія снесемъ мы съ радостію и безъ ропота, лишь бы злодѣй нашелъ въ Россіи гробъ свой. По достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ знаемъ мы, что у Бонапарта не болѣе 60000 войска, ежели не гораздо менѣе, а Кутузовъ въ совершенномъ бездѣйствіи, спитъ цѣлой день и всѣмъ связываетъ руки. Одинъ гласъ въ цѣлой Россіи: всѣ говорятъ, что Павлу Васильевичу предоставлена слава безсмертная освободить отечество свое отъ злодѣевъ ея, спасти цѣлую вселенную отъ тирана, ее опустошающаго. Слышно уже, что онъ отдѣлилъ 30000 въ Вильну и самъ съ главною арміею въ Минскѣ. И такъ бѣгущій Наполеонъ будетъ вашею жертвою. Хочетъ ее у васъ вырвать Витгенштейнъ, который имѣетъ 52000 войска, и къ счастію своему дѣйствуетъ отдѣленно; но кажется, что ускользнетъ отъ него Бонапартъ, который изъ Можайска въ два марша сдѣлалъ 150 верстъ съ гвардіею своею. Мать ему пришелъ. Ужъ ты какъ хочешь, а ежели Богъ благословитъ оружіе Павла Васильевича славною побѣдою, въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія, то пришлите *ради Бога* тотчасъ курьера къ намъ въ Москву. Мы запоемъ молебенъ и долголѣтіе адмиралу на развалинахъ нашихъ домовъ; они намъ покажутся дворцами тогда. Donnez moi tous les détails possibles sur ce que vous faites. Mon chef se réjouit que l'amiral commande l'armée; c'est, dit-il, le général qu'il faut pour les circonstances, car il est homme à envoyer faire. . . . Koutouzow et à faire ce qu'il jugera lui-même utile pour la gloire et le salut de la Russie. On a donné l'épée en diamant avec lauriers à Koutouzow pour l'affaire du 6, et jugez qu'il a appris cette victore le 16, tandis que le 15 on chantait à Pétérsb. le Te-Deum. Je vous demande si la victoire est due au maréchal. Bennigson a eu 100 m., le grand Wladimir et le S-t André en diamant. Pour vous autres cè sera un

Библиотека "Руниверс"

grand S-t Georges, mais mieux mérité, et alors l'amiral prouvera que les 1-rs S-t Georges sont héréditaires dans la famille. Я не даю тебѣ подробностей объ Москвѣ, ибо ты узнаешь ихъ отъ вручителя сего графа Буксгевдена. Я, слава Богу, здоровъ, живу въ одной комнатѣ съ безцѣннымъ графомъ, коего домъ, не знаю какимъ чудомъ, уцѣлѣлъ. Удивительно, что не сожгли они домовъ графа и Маркова [1]), а кажется обоихъ ихъ очень ненавидятъ злодѣи. Всѣ люди наши, въ день вступленія Французовъ, бѣжали изъ дому и жили все время въ моей подмосковной, Акимъ, Максимъ, Павелъ, Исакъ и пр. Бѣднаго Бригонца заставляли работать какъ лошадь, а кормили какъ птичку. Vous savez comme il est gourmand. И смѣшно, и жалко. Чижиковъ домъ[2]) сгорѣлъ до основанія. Je m'occuppe à retrouver ses effets volés, et beaucoup sont déjà en coffres pour lui être envoyés à Казань, гдѣ и тетушка. Наташа все у княгини Куракиной съ дѣтьми малыми и большими; тамъ и будетъ зимовать, я думаю. Нашъ подмосковной домъ прекрасной, я его построилъ прошлаго года, но печей еще нѣтъ. Я Бога благодарю, что деревнюшка наша спаслась, а то пришлось бы по міру идти. Я по сей день не могу натѣшиться письмомъ твоимъ изъ Бреста Литовскаго, а то что̀ ты писалъ изъ Яссъ я не получилъ по сіе время. Черезъ часъ будетъ сюда Барклай-де-Толли, на житье въ Москвѣ, впредъ до повелѣнія; съ нимъ, Закревской, который находитъ, что не великодушно бы было оставлять начальника, тогда какъ онъ въ несчастіи. Въ Петербургъ я ужъ не ѣду, какъ тебѣ писалъ, и очень тому радуюсь. Погодя, отпрошусь къ Наташѣ на недѣльку, чтобы поразсказать ей о Москвѣ. Прощай, мой милый и любезный братъ. Душа моя горитъ нетерпѣніемъ тебя прижать къ сердцу; постарайся къ намъ прилетѣть. Гдѣ Варламы и гдѣ моя будущая сестричка? Ты, я чаю, наговорилъ ей чудеса о Москвѣ, а найдутся только слѣды величія ея.

*

Москва, 30 Декабря 1812.

Я пишу тебѣ второпяхъ: ѣду съ графомъ объѣзжать губернію и смотрѣть, всѣ ли мертвыя тѣла зарыты или сожжены въ Бородинѣ и другихъ мѣстахъ. Я надѣюсь, что твое безпокойствіе объ насъ теперь уже миновалось. Мы всѣ здоровы, слава Богу; всѣ наши тебя обнимаютъ. Посылаю тебѣ брошюрку моихъ трудовъ, которая много здѣсь дѣлаетъ шуму [3]). Мы на новой квартирѣ, гдѣ намъ славно. Съ нами и Приклонскій. Тебѣ, я чаю, пропасть хлопотъ съ прибытія Императора въ Вильну.

---

[1]) На Большой Никитской, на углу Газетнаго переулка, нынѣ загороженный торговыми пристройками.

[2]) Т. е. домъ князя Сергѣя Васильевича Голицына, котораго прозывали *чижикомъ*.

[3]) Какая это брошюра, не знаемъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ *).

1848-й годъ.

21-го Января я въ первый разъ была на балу; это былъ такъ называемый thé dansant, на который по подпискѣ собиралось знакомое между собой общество. Лично мнѣ не доставляло никакого удовольствія это верчѣніе, всегда дававшее мнѣ головокруженіе; но я бывала на балахъ, чтобы не оставлять моихъ сестеръ.

Зима въ этомъ году была суровая, и снѣга было много. Обыкновенно этимъ старались воспользоваться, чтобъ устраивать большія катанья на саняхъ. Когда въ такой поѣздкѣ принималъ участіе дворъ, то цѣлью ея обыкновенно бывалъ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ; тамъ обѣдали, танцовали и возвращались домой ночью съ факелами, или при лунномъ свѣтѣ. Кавалеры, приглашенные дворомъ для принятія участія въ катаньи, приглашали своихъ любимыхъ дамъ, и нерѣдко подобныя поѣздки оканчивались помолвкой.

16-го Февраля, въ день рожденія нашей великой княгини, дали оперу Флотова «Марту», подъ управленіемъ придворнаго капельмейстера Листа; невозможно было достать ни одного билета. Опера прошла удивительно хорошо. Нѣсколько дней спустя ее опять дали; Листъ дирижировалъ, и все шло отлично.

27-го Февраля въ Веймарѣ получили извѣстіе о томъ, что въ Парижѣ возмутился народъ (22-го Февраля), и что на слѣдующій день революція возрасла.

3-го Марта пришло извѣстіе, что герцогиня Орлеанская бѣжала изъ Парижа въ Дюссельдорфъ. Всѣ были взволнованы и съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій изъ Франціи; безпокойство было всеобщее.

7-го Марта. Въ 5 часовъ дня мы пошли въ нашъ пѣвческій кружокъ (Singverein); но, возвращаясь оттуда въ семь часовъ, насъ поразило оживленіе на улицѣ: вездѣ ходилъ народъ и толковалъ о чемъ-то, а общее направленіе его было ко дворцу. Издали мы ви-

---

*) См. I-ю книгу „Русскаго Архива“ сего года, стр. 509.

Библиотека "Руниверс"

дѣли, что передъ дворцомъ весь дворъ былъ запруженъ народомъ, кричавшимъ и требовавшимъ чего-то. Изъ боязни толпы мы какъ можно скорѣй поспѣшили домой. Тамъ мы застали нашихъ родителей въ ужасномъ волненіи: они уже знали, что въ городѣ революція, чего мы, проходя по улицамъ, не успѣли еще понять, и они укладывали самыя цѣнныя вещи.

До часу ночи народъ не покидалъ дворцоваго двора, съ криками требуя свободы печати, уменьшенія налоговъ, пересмотра бюджета двора, перемѣны министерства и другихъ тому подобныхъ вещей. Всѣ ворота и двери дворца были заперты, и никого не впускали и не выпускали изъ него. Во внутреннемъ его вестибюлѣ стояла дорожная берсёзъ, запряженная четверикомъ; въ нее наскоро уложили бриллiанты и деньги, для того чтобы, въ случаѣ необходимости, наша великая княгиня могла выѣхать изъ дворца задними воротами, не будучи замѣченной народомъ.

Наконецъ гросъ-герцогъ Карлъ-Фридрихъ показался у открытаго окна и обѣщалъ народу дать отставку министерству. Народъ привелъ на дворцовый дворъ и носилъ на рукахъ маленькаго горбатаго человѣка, Ф. Роденбрука, прибывшаго изъ Америки, и требовалъ, чтобы его назначили министромъ народнаго просвѣщенія. Гросъ-герцогъ и на это согласился, желая успокоить народъ исполненіемъ его требованій.

9-го Марта на городской площади и на прилегающихъ ко дворцу улицахъ опять собрался народъ. Образовали народную гвардію, которую, въ ожиданіи дальнѣйшаго обмундированія, снабдили ружьями и ягдташами. Гвардія эта состояла приблизительно изъ 3000 человѣкъ, многіе изъ коихъ были дворяне. Для меня всегда было непонятнымъ, какъ дворяне могли согласиться вступить въ ряды этой бушующей толпы чернорабочихъ.

Изъ слѣдующихъ эпизодовъ того времени видно, какъ мало народъ понималъ то, чего требовалъ, и какъ мало было серьезнаго во всѣхъ его мысляхъ и дѣйствіяхъ. Министръ Ватцдорфъ былъ видный мужчина высокаго роста, но ходилъ всегда сгорбившись, что̀ давало ему видъ горбатаго. Разъ онъ идетъ по улицѣ мимо двухъ крестьянъ; они смотрятъ на него, и одинъ изъ нихъ говоритъ другому: «Жаль этого красиваго мужчину, что у него горбъ». Что жъ, отвѣчаетъ другой, онъ не можетъ помѣстить всѣхъ своихъ мыслей въ головѣ: вотъ ему и нужно еще мѣсто для нихъ въ горбу.

Одинъ изъ народныхъ представителей въ парламентѣ, старикъ переплетчикъ Генсъ, обратился къ народу съ такой длинной рѣчью, что подъ конецъ ея совсѣмъ охрипъ. Окончивъ, онъ спрашиваетъ у

Библиотека "Руниверс"

своихъ слушателей: «Поняли вы меня?» Ему отвѣчаютъ: «Нѣтъ!» а изъ заднихъ рядовъ кричатъ: «Еще разъ! еще разъ!»

Одинъ крестьянинъ спросилъ другого: «Скажи, пожалуйста, что это такое—свобода печати?»—«А Богъ ее знаетъ, что̀ это такое», отвѣчалъ тотъ, «а все-таки: да здравствуетъ свобода печати!»

Другой крестьянинъ на тотъ же вопросъ отвѣчалъ: «Ты можешь писать и печатать все въ газетахъ, и тебѣ это ничего не будетъ стоить».

Во время безпорядковъ въ Веймарѣ одна женщина, проходя по рынку, встрѣтилась съ двумя крестьянами; вдругъ одинъ изъ нихъ обнимаетъ ее, прижимаетъ къ груди и кричитъ: «Es lebe die Pressfreiheit!» *). Крестьянинъ по своему понялъ свободу печати.

Многіе мужики приходили въ городъ съ мѣшками и кожаными сумками, разсчитывая получить большую кучу денегъ изъ соединенныхъ кассъ Kammer und Landschaftkasse, соединенія коихъ они требовали, воображая, что при этомъ каждый изъ нихъ получитъ обратно подати, внесенныя имъ. Многіе говорили: «Мы теперь сдѣлали все чего желалъ гросъ-герцогъ; онъ могъ бы теперь и намъ что нибудь дать, хоть по зильбергрошу на человѣка».

10-го Марта. Наша великая княгиня была у преждеосвященной обѣдни; она казалась очень серьезной, но спокойной, хотя постоянно получались вѣсти о новыхъ безпорядкахъ по всей Германіи. Почти вездѣ дарована была свобода печати.

Молодежь продолжала учиться, и мы брали свои частные уроки, хотя всѣ были поневолѣ возбуждены необычайными извѣстіями.

11-го Марта. Такъ какъ народъ не успокоивался и безпорядки не прекращались, гросъ-герцогъ отставилъ министровъ Швейцера и Тони; фонъ Герсдорфъ самъ отказался. Назначено было новое министерство, и фонъ Роденбрукъ сталъ министромъ народнаго просвѣщенія. Всѣ благомыслящіе надѣялись, что до отставки министровъ не дойдетъ; но гросъ-герцогъ рѣшился на этотъ шагъ, надѣясь такимъ образомъ успокоить броженіе умовъ.

12-е Марта. Воскресенье. Во дворцѣ была обѣдня. Походная церковь во дворцѣ была устроена во второмъ этажѣ, въ двухъ большихъ комнатахъ; въ первой мы всѣ всегда стояли, а въ слѣдующей находился иконостасъ, стояли пѣвчіе и сама великая княгиня. Чтобъ изъ своихъ покоевъ пройти въ эту церковь, она поднималась по внутренней лѣстницѣ, проходила черезъ покои гросъ-герцога и черезъ бильярдную комнату, отдѣлявшую ихъ отъ помѣщенія походной церкви. Обыкновенно дежурный камеръ-лакей поднимался по парадной лѣстни-

*) Да здравствуетъ свобода печати!

Библиотека "Руниверс"

цѣ, ожидалъ выхода великой княгини изъ покоевъ гросъ-герцога, и открывалъ для нея на распашку двери въ первую комнату церкви. Около этой двери въ церкви стоялъ обыкновенно мой братъ Иванъ. Въ этотъ день, въ 10 часовъ, великая княгиня прислала сказать моему отцу, чтобы начинали службу, не дожидаясь ея прихода. Нужно замѣтить, что великая княгиня была такъ аккуратна, что никогда не дозволяла себѣ опаздывать къ назначенному ею времени въ церковь; если же, по независившимъ отъ нея обстоятельствамъ, ей случалось придти нѣсколькими минутами позже, то она непремѣнно извинялась предъ моимъ отцомъ, что заставила себя ждать. Кто такъ цѣнилъ время и каждую минуту своей жизни, не только для себя, но и для другихъ, тотъ и могъ сдѣлать столько хорошаго въ свою жизнь, сколько она сдѣлала.

Когда начали читать Евангеліе, мой братъ услышалъ шорохъ шелковаго платья въ бильярдной комнатѣ. Такъ какъ лакей не открывалъ дверей, то Иванъ, полагая, что это великая княгиня, открываетъ одну половинку двери, затѣмъ другую, и пропускаетъ ее. Она, войдя въ комнату, опустилась на колѣни у стула, стоявшаго около дверей и разрыдалась горькими слезами. По окончаніи Евангелія она встала и прошла на свое обычное мѣсто. Она была страшно блѣдна и едва держалась на ногахъ. Послѣ обѣдни она подошла къ моей матери и сказала: «Вотъ благодарность за все, что̀ я сдѣлала для нихъ». И правда, трудно найти царствующую особу, которая бы сдѣлала для своего государства столько добраго и полезнаго, какъ она. Затѣмъ, обращаясь къ моему брату, она дала ему руку, которую онъ почтительно поцѣловалъ, и сказала ему: «Благодарю васъ, что вы открыли мнѣ двери. Камеръ-лакей впервыя опоздалъ въ исполненіи своихъ обязанностей». Жутко и тяжело было намъ всѣмъ; безпокойство о томъ, чѣмъ все это кончится, не давало покоя ни днемъ, ни ночью. Военные патрули ходили по городу, для предупрежденія сборищъ народа, который стремился туда изъ деревень. Наконецъ 13-го Марта національная гвардія и члены общества вольныхъ стрѣлковъ заняли караулы во дворцѣ.

Броженіе умовъ становилось все сильнѣе и сильнѣе; предложенныя правительствомъ мѣры не принимались; политика Меттерниха, господствовавшая въ Германіи, была ненавидима всѣми, а съ другой стороны поднятіе военныхъ силъ въ Пруссіи было принято мѣщанами и крестьянами съ недовѣріемъ и презрѣніемъ. Въ Берлинѣ происходили страшныя столкновенія между военными и народомъ: 18-го Марта кровопролитіе длилось цѣлый день; на улицахъ собрали около трехъ тысячъ убитыхъ, изъ нихъ двѣсти офицеровъ.

Библиотека "Руниверс"

Одновременно съ этимъ въ Миланѣ провозгласили республику. Борьба между Итальянцами и Австрійцами была ожесточенная; здѣсь уже не одинъ народъ, а два разныхъ племени боролись другъ противъ друга. Итальянцы ненавидѣли Австрійцевъ, а послѣдніе въ своихъ Итальянскихъ провинціяхъ достигли только того, что были ихъ военнымъ карауломъ, въ обыденный же жизни они остались чуждыми другъ другу.

Грустныя извѣстія изъ Берлина о безпорядкахъ, происшедшихъ тамъ 18-го Марта, дошли до Веймарскаго двора на другой же день, и наша великая княгиня была въ безпокойствѣ о своихъ дочеряхъ [1]).

Въ Берлинѣ безпорядки принимали особенно угрожающій характеръ противъ принца Вильгельма, такъ что онъ вынужденъ былъ бѣжать въ Англію. Въ журналѣ «Die Leuchtkugeln», какъ бы отъ имени министерства, былъ помѣщенъ протестъ противъ его возвращенія въ Берлинъ. Протестъ этотъ начинался такъ:

Wir wollen ihn nicht haben,
Rufn Alle laut und fest:
Wir wollen keinen Raben
Im Königsadlernest [2]).

Какъ стыдно стало бы народу, если бы впослѣдствіи, принимая любимаго своего Императора, онъ прочиталъ вновь свое прежнее рѣшеніе, высказанное противъ него подъ вліяніемъ и руководствомъ отдѣльныхъ лицъ.

Нападкамъ, которыя печатались на принца, не было конца. Онѣ были въ слѣдующемъ родѣ: «Meinen lieben Berlinern zeige ich hindurch ergebenst an, dass ich von meiner Reise nach England mit einem Vorrath neun Missverständnisse binnen Kurzem nach Berlin zuruckkehren werde. London im Mai 1848. Friedrich Wilhelm» [3]). Или слѣдующее: «Neue Erfindung. Den Herrn Regenten empfalle ich meine nach einer neuen Gattung konstruirten Gewehre, die nämlich in dem Augenblicke, in welchem das Volk mit Forderungen drängt, sich von selbst entladen. Zufall Büchsenmacher» [4]).

---

[1]) Одна изъ нихъ была замужемъ за принцемъ Фридрихомъ Карломъ Прусскимъ; другая, Августа, за принцемъ Вильгельмомъ, впослѣдствіи императоромъ Вильгельмомъ I.

[2]) Мы не хотимъ его имѣть, настойчиво и громко всѣ кричатъ; мы не хотимъ, чтобъ воронъ былъ въ королевскомъ гнѣздѣ орлиномъ.

[3]) Моимъ любезнымъ Берлинцамъ почтительнѣйше объявляю, что въ скоромъ времени возвращусь изъ моего путешествія въ Англію, съ запасомъ новыхъ недоумѣній. Лондонъ. 1848. Фридрихъ-Вильгельмъ.

[4]) Новое изобрѣтеніе: господамъ правителямъ рекомендую мои по новому способу сдѣланныя орудія; они сами собою стрѣляютъ въ ту минуту, когда народъ пристаетъ съ своими требованіями. Случай—оружейникъ.

Библиотека "Руниверс"

21-го Марта въ Веймарѣ привели все войско къ присягѣ новой конституціи, изданной со дня первой (въ Веймарѣ) революціи. Бюджетъ двора былъ пересмотрѣнъ и утвержденъ, Германскій парламентъ созванъ, упразднены закрытые суды, безцензурная печать дозволена, и многое другое, чего настойчиво требовалъ народъ, допущено. Противиться съ военной силой было невозможно: ея было слишкомъ мало.

Въ этотъ же день въ Вѣнѣ начались грозныя волненія.

19 (31-го) Марта. Въ Веймарѣ впервыя ввели стенографію при земскихъ собраніяхъ. Давали уроки стенографіи всякому, кто желалъ учиться. Мой братъ Андрей бралъ уроки, а затѣмъ и меня училъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ въ присутствіи 560-ти депутатовъ открытъ былъ Германскій парламентъ.

1-го (13-го) Апрѣля съ музыкой и рѣчами подняли на городскую ратушу національный Германскій флагъ, состоящій изъ чернаго, краснаго и желтаго цвѣтовъ.

5-го (17-го) на городской площади было народное собраніе, гдѣ много кричали и говорили. Подняли второй Германскій флагъ на такъ называемый «Fürstenhaus»: большой домъ, принадлежащій придворному вѣдомству, но гдѣ въ то время засѣдали представители народа. Доступъ къ ихъ засѣданіямъ былъ открытъ для всѣхъ желающихъ слушать.

Тѣмъ временемъ между Даніей и Германіей возникла война (объявлена 4-го Апрѣля нов. ст.), и 18-го (6-го) Апрѣля изъ Веймара къ мѣсту военныхъ дѣйствій отправились добровольцы. Прусскими войсками въ эту войну командовалъ извѣстный всему Берлину генералъ Врангель. Въ Маѣ 1848-го года онъ съ Прусскими войсками занялъ Ютландъ; но, благодаря вмѣшательству Русской дипломатіи въ пользу Даніи, Пруссаки, по внушенію Николая I-го, вынуждены были прекратить военныя дѣйствія въ Даніи и заключить перемиріе въ Мальмö 26 (14-го) Сентября 1848-го года.

Безпорядки и кровопролитная борьба, начавшіеся въ Парижѣ, унесли много жертвъ, и сколько невинныхъ было между ними! Въ Парижѣ умертвили почтеннаго Парижскаго архіепископа Аффра (Affre) въ то время, какъ онъ увѣщевалъ народъ на баррикадахъ не бунтовать *); во Франкфуртѣ народъ схватилъ на улицѣ молодого, изящнаго, князя Лихновскаго и графа Ауерсвальда и повѣсилъ ихъ на фонарныхъ столбахъ; въ Вѣнѣ умертвили Латура, въ Пештѣ—Ламбергера (28-го Сент. 1848 года), въ Парижѣ—княгиню Виндишгрецъ, рожд. графиню Шварценбергъ, и ея сына; въ Римѣ—Росси и Пальми; и это только отдѣльныя личности изо всей массы погибшихъ.

*) Во время безпорядковъ 25-го и 26-го Іюня.

Библиотека "Руниверс"

Къ счастью общее опасеніе, что революціонная эпидемія, распространившаяся по всей Европѣ, перейдетъ и Русскую границу, оказалось неосновательнымъ. Мощная рука императора Николая Павловича держала высоко знамя самодержавія и, когда вездѣ въ Европѣ монархическое правленіе сильно пошатнулось, въ Россіи все было тихо и мирно.

Прилагаю здѣсь стихи, написанные В. А. Жуковскимъ въ Кронталѣ, близъ Содена *).

21-го Апрѣля едва открытое народное собраніе Landstände въ Веймарѣ было вновь закрыто, такъ какъ народъ уже не довѣрялъ болѣе выбраннымъ имъ самимъ депутатамъ.

4-го Мая. Все мало-по-малу утихаетъ.

15-го Мая. Въ Парижѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ одновременно, точно сговорились между собою, возобновились опять безпорядки.

17-го и 18-го Мая. Народъ въ Веймарѣ все еще собирался и по цѣлымъ вечерамъ стрѣлялъ въ честь открытія Германскаго парламента во Франкфуртѣ.

21-го былъ грустный день для многихъ родителей. Вся учащаяся молодежь Веймара, гимназисты и реалисты, устроили крестовый походъ противъ крестьянскихъ мальчиковъ Оберъ-Веймара, деревни близъ Веймара. Зараженные общимъ броженіемъ умовъ, они рѣшили собственными силами расправиться между собою. Къ счастью мои братья не послѣдовали приглашенію товарищей и остались дома. Побоище дошло до кровопролитія: съ ножами напали они другъ на друга, и все окончилось только, когда одинъ изъ мальчиковъ упалъ мертвымъ.

Волненіе въ Австріи, въ Вѣнѣ приняло такіе угрожающіе размѣры, что императоръ Австрійскій оставилъ Вѣну и поселился въ Инспрукѣ. Въ Вѣнѣ предали военному суду и разстрѣляли извѣстнаго революціонера Роберта Блума. Смерть его подала поводъ къ разнымъ манифестаціямъ. Явились шляпы, галстуки, сапоги, стихи и т. д. въ честь мученика Р. Блума; народъ наряжался въ память его въ предметы его имени и, понятно, что полиція преслѣдовала ихъ за такое открытое сопротивленіе правительству. Народъ, самъ не понимая, чего собственно онъ хочетъ, все возвращался въ городъ; составляли сборища, говорили рѣчи и т. д.; но такъ какъ настоящихъ, дѣльныхъ руководителей не было, то большею частью все оканчивалось ничѣмъ.

1-го Іюня ночью нѣкоторые изъ нихъ вздумали провозгласить республику въ Веймарѣ; но, къ счастью, почвы для республики не было, и они должны были успокоиться и разойтись, не попавъ въ прави-

*) Не тревожься, великанъ и пр.

Библиотека "Руниверс"

тели страны. Послѣдствіемъ нескончаемыхъ смутъ было разореніе торговли: купцы пріостанавливали платежи, все болѣе или менѣе вздорожало. Понятно, что и искусство страдало, какъ и все остальное, и у художниковъ былъ застой въ работѣ.

11-го Іюня студенты разныхъ университетовъ собрались на Вартбургъ, близъ Эйзенаха, и тоже объявили разныя свои требованія.

12-го въ городкѣ Берка (Berka) на Ильмѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Веймара, опять собралось нѣсколько тысячъ крестьянъ и разнаго народа, подъ предводительствомъ трехъ лицъ, которыя ни по положенію, ни по прошлому своему, ни по воспитанію, не были въ состояніи руководить разбушевавшейся чернью и, какъ всегда, кричали, ораторствовали, но ни къ какому заключенію не приходили. Такъ жаль было смотрѣть на гросъ-герцогское семейство, которое переживало тяжелыя времена.

Сборища эти въ Беркѣ приняли наконецъ такіе размѣры, что правительство вынуждено было выслать противъ нихъ 23-го Іюня 200 человѣкъ солдатъ, для возстановленія порядка, а на слѣдующій день еще 600 солдатъ. 26-го они разогнали изъ Берки бунтующихъ крестьянъ, и порядокъ былъ возстановленъ. Но раздраженіе между народомъ и войскомъ росло съ каждымъ днемъ, и при каждой ихъ встрѣчѣ неминуемо возникали безпорядки. Такъ 28-го въ Ульмѣ произошли безпорядки: солдаты напали на безоружныхъ гражданъ въ одномъ клубѣ демагоговъ и убили нѣсколькихъ изъ нихъ.

29-го Іюня во Франкфуртѣ парламентъ избралъ эрцгерцога Австрійскаго Іоанна Reichverweser (намѣстникомъ имперіи) Германіи. Нѣсколько дней спустя (10-го Іюля), онъ проѣхалъ черезъ Веймаръ, направляясь во Франкфуртъ къ мѣсту своего назначенія. Въ Веймарѣ его привѣтствовали колокольнымъ звономъ и 101 пушечнымъ выстрѣломъ, а молодой фонъ-Эккендаль произнесъ рѣчь отъ города Веймара.

5-го Іюля изъ Петербурга пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о появленіи тамъ холеры. Наша великая княгиня въ слѣдующее Воскресенье приказала вложить въ сугубую эктенію за обѣдней молитву по случаю холеры.

Пѣвчіе нашей церкви, очень почтенные старики, вздумали тоже бунтовать, поссорились такъ, что подавали жалобы великой княгинѣ одинъ на другого; понятно, она передавала ихъ моему отцу, а онъ имѣлъ удовольствіе разбирать ихъ. Нелегко было уговорить стариковъ успокоиться и помириться.

9-го Іюля въ Кёзенѣ, находящемся на разстояніи часа по желѣзной дорогѣ отъ Веймара, собрались члены 3-го политическаго общества; члены были изъ Саксоніи и Тюрингіи. Не могу сказать, до какой

Библиотека "Руниверс"

степени всѣмъ надоѣли эти безчисленныя и безконечныя сборища разныхъ политическихъ фракцій; всѣ жаждали покоя, но нельзя было ожидать, чтобы сборища прекратились, пока было лѣто и стояла хорошая погода; только холодъ и морозы могли уменьшить число членовъ, такъ какъ только въ большихъ городахъ могли найтись для зимы помѣщенія, довольно обширныя для собраній въ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

15-го Іюля въ Веймарскомъ паркѣ, такъ называемомъ «Stern», опять собралась тысячная толпа, состоявшая на этотъ разъ изъ солдатъ, гражданъ и крестьянъ: между ними произошло примиреніе, и они пили брудершафтъ. Одинъ изъ ярыхъ республиканцевъ, Іэде (Iäde), провозгласилъ республику, но и на этотъ разъ ему не удалось привести въ исполненіе свое гнусное намѣреніе.

Мое здоровье до того стало слабо, что я ничѣмъ не могла заниматься, вынуждена была прекратить свои уроки и почти не владѣла правой рукой, такъ что врачи рѣшили, что я должна начать съ того, чтобы, безо всякаго лѣченія, провести нѣсколько недѣль въ Соденѣ, гдѣ въ то время находилась моя двоюродная сестра Людмила Акимовна Базарова. И такъ, 17-го Іюля въ 5 часовъ вечера, я, въ сопровожденіи одной дамы и ея дочери, уѣхала изъ Веймара, а 19-го утромъ благополучно доѣхала до Содена, гдѣ помѣстилась у своихъ родныхъ. Моя бѣдная кузина видимо страдала легкими и очень измѣнилась. Ея мужъ Иванъ Ивановичъ, ихъ два сына и ея сестра Любовь Акимовна Кочетова, были всѣ съ нею. По Воскресеньямъ и праздникамъ Иванъ Ивановичъ уѣзжалъ въ Висбаденъ для совершенія богослуженія, но на другой же день возвращался въ Соденъ. Время проводили тихо и пріятно, катались по окрестностямъ, и мягкій воздухъ Содена поднялъ мои силы. 12-го Августа мы оставили Соденъ и переѣхали въ Висбаденъ, гдѣ докторъ Клейнъ прописалъ мнѣ теплыя ванны Кохбрунна, которыя очень помогли мнѣ противъ нервноревматическихъ болей въ правой рукѣ. До того, много недѣль я не могла играть; послѣ же этихъ ваннъ была такъ счастлива владѣть опять рукой и заняться игрой на фортепьяно. Въ Висбаденѣ у обѣдни я видѣла В. А. Жуковскаго.

5-го Сентября мы были на постройкѣ Православной церкви, которая воздвигалась надъ могилой великой княгини Елисаветы Михайловны.

7-го Сентября во Франкфуртѣ было сборище мѣщанъ и крестьянъ. На слѣдующій день, 8-го, воздвигнули баррикады, и кровопролитіе на улицахъ длилось 12 часовъ. Несчастныхъ князя Феликса Лихновскаго и генерала фонъ-Ауерсвальда народъ сначала убилъ палками, а затѣмъ повѣсилъ на фонарныхъ столбахъ.

Библиотека "Руниверс"

Это возмутительное убійство привело всѣхъ въ ужасъ, и всѣ со страхомъ ожидали дальнѣйшихъ извѣстій изъ Франкфурта. Мои родители, получивъ столь тревожныя вѣсти изъ Франкфурта, находящагося такъ близко отъ Висбадена, желали моего возвращенія и когда порядокъ былъ, повидимому, возстановленъ, меня отпустили обратно въ Веймаръ. Базаровы провожали меня до Франкфурта. Видъ этого города свидѣтельствовалъ о происшедшихъ безпорядкахъ. На главныхъ улицахъ мостовыя были разобраны, а камни, служившіе для сооруженія баррикадъ, лежали большими грудами; фонари разбиты, магазины большей частью закрыты, экипажи встрѣчались рѣдко, прежняя жизнь на улицахъ исчезла: онѣ были почти совсѣмъ пустынны. Не могу сказать, до какой степени тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня разрушенный видъ этого города, который, нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, я видѣла цвѣтущимъ и наряднымъ; теперь казалось будто въ немъ побывалъ какой-то моръ. На другой день, 26-го Сентября, вечеромъ я была въ Веймарѣ. Разлука въ такое безпокойное время, когда не знали, чѣмъ кончится день, была вдвойнѣ тягостна, какъ для моихъ родныхъ, такъ и для самой меня.

Въ продолженіе всего времени, что̀ длились безпорядки, отъ начала ихъ и по возвращеніи моемъ изъ Висбадена, я поражена была безпокойной жизнью Веймара. Всѣ старались навѣщать другъ друга какъ можно чаще, звали къ себѣ; словомъ, внутреннее безпокойство, охватившее благонамѣренныхъ людей, выражалось лихорадочнымъ желаніемъ быть вмѣстѣ. Ни раньше, ни позже не запомню я ничего подобнаго. Гулять за городъ ходили не иначе, какъ по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ; словомъ, въ соединеніи искали спокойствія. Но спокойствіе не возвращалось нашему мирному городку. 29-го Сентября опять была свалка, 16 раненыхъ. Невольно задавали себѣ вопросъ: когда же будетъ конецъ этому натянутому положенію?

4-го Октября наша великая княгиня переѣхала опять въ городъ изъ своего загороднаго дворца «Бельведеръ», гдѣ проводила лѣто. Она говѣла и 7-го пріобщалась Св. Таинствъ. Одинъ Богъ могъ дать ей силу переносить все то, что̀ такъ глубоко ее огорчало.

Революціонная партія все болѣе и болѣе поднимала свой голосъ и заражала своими идеями окружавшій ее народъ. Никакія уступки, никакія льготы, данныя правительствомъ, не унимали ихъ. Наконецъ правительство рѣшило силою заставить ихъ замолчать; но въ этомъ дѣлѣ оно не могло положиться на своихъ солдатъ, которые были соотечественниками бунтовщиковъ. Поэтому 10-го Октября въ Веймаръ вступило 1800 Альтенбургскихъ и Лейпцигскихъ солдатъ, которые и арестовали главныхъ зачинщиковъ.

Библиотека "Руниверс"

29-го Октября. Все это время въ Германіи происходило общее передвиженіе войскъ: военный составъ одного государства замѣняли солдатами другаго государства, такъ какъ на чужихъ скорѣе можно было положиться, и этой мѣрой надѣялись избѣгнуть того единомыслія солдатъ съ народомъ, которое всегда существуетъ тамъ, гдѣ они не только подданные одного государства, но часто даже уроженцы одного и того же города.

11-го Ноября. Въ Берлинѣ объявлено осадное положеніе, народная гвардія (Bürgerwehr) обезоружена, и министерство Бранденбурга назначено; затѣмъ въ Берлинѣ все успокоилось.

24-го Ноября. Объявили осадное положеніе города Эрфурта, гдѣ опять лилась кровь. Изъ Рима, гдѣ нѣсколько дней передъ тѣмъ коварно убитъ министръ Росси, пришло извѣстіе, что Папа бѣжалъ въ Чивита-Веккію.

29-ое Ноября. Скончалась герцогиня Альтенбургская, а на слѣдующій день супругъ ея отказался отъ престола и передалъ правленіе страны племяннику своему принцу Георгу.

2-го Декабря. Императоръ Австрійскій Фердинандъ I-й отрекся отъ престола въ пользу племянника своего, Франца Іосифа.

5-го Декабря. Король Прусскій даровалъ новую конституцію, и временное національное собраніе уничтожено.

*

Луи - Наполеонъ - Бонапартъ, впослѣдствіи императоръ Наполеонъ III, единственный во всей Европѣ, воспользовался общими смутами и Венгерской кампаніей, занимавшей Россію, и вновь воцарилъ Наполеонидовъ на Французскій престолъ; общимъ голосованіемъ онъ былъ выбранъ въ президенты республики, первый шагъ къ достиженію императорской власти. Передъ избраніемъ его въ Страсбургѣ къ ратушѣ прибили слѣдующіе стихи:

Si vous voulez la ruine, prenez monsieur Lamartine;
Si vous voulez la canaille, prenez monsieur Raspail;
Si vous voulez du coquin, prenez Ledru-Rollin;
Si vous voulez du micmac, prenez sire Cavaignac;
Si vous ne voulez qu'un nom, prenez Napoléon.

Въ началѣ 1848-го года, мой отецъ получилъ письмо отъ дяди своего, Луки Сабинина, котораго считалъ давно умершимъ, такъ какъ о немъ ничего не было извѣстно. Со своей стороны Лука Сабининъ поступилъ на военную службу въ то время, когда отецъ мой былъ еще слабымъ ребенкомъ, котораго считали недолговѣчнымъ. Будучи

Библиотека "Руниверс"

уже въ Веймарѣ, мой отецъ получилъ за ученые труды Владимира на шею, что̀ въ тѣ времена очень рѣдко случалось. Его дядя, который былъ въ то время комендантомъ въ Омскѣ, случайно прочиталъ объ этой наградѣ и написалъ отцу, чтобы узнать, не онъ ли такой-то его племянникъ? Оказалось дѣйствительно, что мой отецъ—сынъ его брата, и они продолжали переписываться до его смерти. Потомъ прошло много лѣтъ, и никто изъ насъ ничего не зналъ объ участи дѣтей моего дѣда, когда вдругъ, въ 1887-мъ году, совершенно неожиданно получила я письмо, также изъ Омска, отъ одного изъ его сыновей, который спрашивалъ о всѣхъ насъ.

Въ Маѣ 1848-го года скончалась отъ чахотки моя тётушка, Софія Тимоѳеевна Богословская, сестра моей матери. Она была замужемъ за протоіереемъ Михаиломъ Измаиловичемъ Богословскимъ, бывшимъ долгое время законоучителемъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія. Это былъ человѣкъ большого ума, очень строгій къ своимъ духовнымъ дѣтямъ; но всѣ они его любили и были удивительно привязаны къ нему и поддерживали съ нимъ сношенія даже послѣ поступленія на службу. Но въ домашнемъ быту онъ былъ жестокій человѣкъ, и жалко было смотрѣть на его жену и дѣтей, какъ они его боялись. Блѣдные, запуганные, угнетенные и преждевременно серьезные, они не знали беззаботнаго дѣтства; это были осторожныя и боязливыя дѣти, что̀ дѣлало ихъ раньше времени зрѣлыми умственно.

Въ Августѣ скончалась мать Іоакима Семеновича Кочетова, Марѳа. Мужу ея было 110 лѣтъ, когда она овдовѣла, да и сама она скончалась въ очень преклонныхъ годахъ.

Въ Октябрѣ постигла насъ новая потеря: младшая сестра моей матери, Вѣра Тимоѳеевна Рождественская, скончалась отъ чахотки. Мужъ ея, протоіерей Иванъ Васильевичъ Рождественскій, въ то время былъ духовникомъ великой княгини Маріи Николаевны и состоялъ при дворцовой церкви ея высочества. У нихъ было семь человѣкъ дѣтей; но всѣ они, проживъ нѣсколько лѣтъ, умирали. Она не перенесла этого горя и сама послѣдовала за своими дѣтьми. Послѣ этого онъ недолго оставался при Маріинскомъ дворцѣ, поступилъ законоучителемъ къ августѣйшимъ дѣтямъ Государя, былъ членомъ Св. Сѵнода и умеръ въ 1883-мъ году. Когда, нашъ посланникъ въ Веймарѣ, баронъ Мальтицъ, просилъ пожаловать митру моему отцу, при его пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ, дѣло перешло въ Сѵнодъ. Я жила тогда въ Петербургѣ и встрѣтилась въ Зимнемъ Дворцѣ съ Иваномъ Васильевичемъ Рождественскимъ; онъ, будучи тогда уже членомъ Св. Сѵнода, говоритъ мнѣ: «На что митра твоему отцу? Я нахожу это совсѣмъ ненужно». Такъ

Библиотека "Руниверс"

мой отецъ и не получилъ митры, а наперсный крестъ полученъ былъ только послѣ его смерти; самъ же Иванъ Васильевичъ имѣлъ митру.

Осенью 1848-го года изъ Веймара уѣхалъ протодьаконъ Куколевскій, отличавшійся сильнымъ и обширнымъ басомъ. Когда онъ провозглашалъ многолѣтіе, всѣ окна въ церкви дрожали. Разъ, когда онъ читалъ Евангеліе на утрени Св. Пасхи, въ ночной тишинѣ голосъ его раздавался такъ далеко, что павлины, ночевавшіе въ паркѣ, на разстояніи версты отъ церкви, проснулись въ испугѣ и подняли оглушительный крикъ. Бывали дни, что великая княгиня, нехорошо себя чувствуя, пріѣхавъ въ церковь до начала обѣдни, просила моего отца передать протодьакону Куколевскому, чтобы онъ удерживалъ свой голосъ во время службы. Изъ Веймара Куколевскій поступилъ священникомъ Мраморнаго дворца у великаго князя Константина Николаевича и скончался отъ рака въ горлѣ.

1849-й годъ.

Кругъ нашихъ друзей былъ очень немногочисленъ. До 1846 г. сестра Елена и я мы брали уроки въ обществѣ всего 4-хъ дѣвицъ: М. Ф. Гельдорфъ, Р. Тонъ, Е. Цвирлейнъ и В. Гуланъ; только послѣ отъѣзда въ Смольный монастырь нашихъ двухъ сестеръ, Елисаветы и Маріи, число нашихъ знакомыхъ увеличилось, такъ какъ отецъ выразилъ желаніе, чтобы мы подругами замѣнили отсутствующихъ сестеръ. Между новыми нашими знакомыми оказалось нѣсколько дѣвицъ, которыя съ увлеченіемъ занимались музыкой; это дало намъ мысль собираться разъ въ недѣлю поочередно у одной изъ насъ, при чемъ каждая должна была что-нибудь сыграть или спѣть; кромѣ того мы много играли въ четыре руки. Эти вечера немало способствовали соревнованію, и каждая старалась сыграть что-нибудь новое. Такимъ образомъ у насъ образовался музыкальный кружокъ (Kränzchen). Сверхъ того поющія собирались тоже еженедѣльно въ нашемъ Singverein.

11-го Января былъ концертъ военнаго оркестра Bürgerwehr'а. Первый номеръ принадлежалъ капельмейстеру при Веймарской оперѣ г-ну Шелару (Chélard); это былъ живой, веселый, но уже немолодой Французъ, много сочинявшій. Его жена и дочь всѣхъ насъ учили Французскому языку. Въ этотъ вечеръ играли: 1) его увертюру «Mitternacht», гдѣ вложены были хоры, въ которыхъ мы участвовали. Его музыка, истекшая изъ Французской фантазіи, была посредственна. 2) «Der Hirt auf dem Felsen», Фр. Шуберта, пѣла драматическая г-жа Голлеръ, аккомпанировалъ dr. Францъ-Листъ (капельмейстеръ) и Saul (кларнетъ). 3) Арію изъ «Гансъ-Гейлингъ» Маршнера пѣлъ Гопф-

Библиотека "Руниверс"

неръ. 4) Рондо для двухъ флейтъ Фюрстенау, исполнили члены театральнаго оркестра Шеларъ и Кунтъ. 5) «Миньонъ» (слова Гёте) Листа и «Лѣсной Царь» Шуберта, пѣла г-жа Голлеръ, съ аккомпонементомъ Фр. Листа. 6) Фантазія на «Норму», сочинилъ и исполнилъ Ф. Листъ. 7) Симфонія D-Dur Бетховена. Концертъ былъ великолѣпный. На другой же день я подписалась на чтеніе нотъ въ музыкальномъ магазинѣ и за 20 талеровъ въ годъ могла брать себѣ на домъ все, что̀ мнѣ хотѣлось на цѣлую недѣлю. Понятно, я бросилась изучать все, что̀ слышала въ предыдущемъ концертѣ. Въ это время я очень усердно занималась и пѣніемъ.

20-го Января у Веймарскаго наслѣднаго принца родилась дочь, принцесса Марія. Пушки извѣстили городъ о семъ радостномъ событіи, и вскорѣ, не смотря на чувствительный морозъ, народъ хлынулъ на улицы и изъявилъ свое сочувствіе выстрѣлами изъ пистолетовъ и ружей; пѣли и шумѣли до поздней ночи. На слѣдующій же день наша великая княгиня приказала отслужить благодарственный молебенъ: она была очень рада рожденію внучки. На крестинахъ (17-го Февраля новорожденной принцессы Маріи представителемъ Государя былъ князь Барклай-де-Толли. При Веймарскомъ дворѣ принято, что послѣ родовъ членъ царствующаго дома дѣлаетъ первый свой выѣздъ въ церковь и при особенно торжественной обстановкѣ. Такъ и на этотъ разъ, 4-го Марта, эрцгросгерцогиня Софія, въ сопровожденіи всѣхъ членовъ августѣйшаго семейства, поѣхала въ церковь, которая была наполнена жителями города.

2-го Февраля была у насъ обѣдня по случаю дня рожденія августѣйшаго супруга нашей великой княгини. Во всѣ радостные или памятные дни въ нашей церкви шла служба, и всѣ пріѣзжіе члены иностранныхъ царствующихъ домовъ сопровождали нашу великую княгиню въ ея церковь, а протестантская церковь, за рѣдкими исключеніями, въ такіе дни не призывала своей паствы къ молитвѣ, а только при богослуженіи слѣдующаго Воскресенья упоминали, что былъ такой-то праздникъ, и вкладывали коротенькую молитву. Въ этотъ день нашу великую княгиню сопровождали въ ея церковь, кромѣ августѣйшаго супруга и сына, принцъ и принцесса Карлъ Прусскіе.

5-го Февраля мы были на урокѣ Французскаго языка у г-жи Шеларъ, когда ея мужъ вошелъ въ комнату и привелъ съ собою молодого мальчика, котораго заставилъ играть на скрипкѣ, аккомпанируя ему на стоявшемъ въ комнатѣ піанино: этотъ мальчикъ былъ извѣстный впослѣдствіи скрипачъ Генрихъ Венявскій.

8-го Февраля. Вечеромъ въ концертѣ нашъ пѣвческій кружокъ пѣлъ «Die Walpurgisnacht» Мендельсона (слова Гёте). Это сочиненіе

Библиотека "Руниверс"

Мендельсона болѣе всѣхъ другихъ напоминаетъ о его семитическомъ происхожденіи; въ немъ встрѣчаются вульгарныя мѣста.

11-го Февраля. Къ обѣду собрались къ намъ Шухардтъ, Пецольдъ и профессоръ Іегеръ. Послѣдній былъ однимъ изъ художниковъ, рисовавшихъ фрески въ комнатахъ Веймарскаго дворца, посвященныхъ поэтамъ-Гёте, Гердеру, Шиллеру и Виланду. Наша великая княгиня возымѣла мысль увѣковѣчить на фрескахъ моменты изъ главныхъ сочиненій этихъ знаменитыхъ писателей и для выполненія этой задачи призвала къ своему двору такихъ художниковъ, какъ профессора Нэръ, Преллеръ, Іегеръ, Гиммель и т. д. Къ этимъ комнатамъ она велѣла еще пристроить для пріемовъ залъ, обтянутый алымъ бархатомъ, оставшимся отъ ея приданаго. Можно себѣ вообразить, сколько она его получила, если, спустя почти 50 лѣтъ, оставалось еще столько кусковъ этого бархата, что имъ можно было обтянуть стѣны и мебель очень большой комнаты. Въ особенности Іегеръ восхитительно рисовалъ карандашомъ и перомъ, и его композиціи полны жизни и изящества. Послѣ Веймара онъ былъ назначенъ директоромъ Лейпцигской Академіи Художествъ, и мой братъ Иванъ учился тамъ подъ его руководствомъ.

Шухардъ былъ одинъ изъ трехъ послѣднихъ секретарей Гёте, по смерти котораго онъ былъ секретаремъ Веймарскаго Музея. Онъ тоже очень хорошо рисовалъ; у меня хранится одна изъ его акварелей.

Пецольдъ въ то время былъ главнымъ садовникомъ въ Веймарскомъ паркѣ. О расширеніи и украшеніи этого парка безустанно заботились гросъ-герцогъ Карлъ-Августъ и его другъ, Гёте; посадки ихъ показываются и до сего дня; но со времени ихъ смерти всѣ деревья такъ разрослись и до того тѣснили другъ друга, что, для сохраненія ихъ, пришлось подумать о расчисткѣ парка. Поручить это первому встрѣчному было невозможно; для подобной работы надо было имѣть отвѣтнаго человѣка, свѣдущаго и чтущаго память такихъ великихъ основателей и блюстителей этого парка, какими были Гёте и гросъ-герцогъ Карлъ-Августъ. Тогда вызвали изъ Эйзенаха Пецольда; онъ служилъ тамъ у богатыхъ помѣщиковъ фонъ-Эйхель, и его труды по разведенію у нихъ парка и садовъ были очень извѣстны. Кромѣ того онъ много писалъ по этой части, и его имя было уже тогда въ большомъ почетѣ. Будучи вызванъ на службу въ Веймаръ, съ титуломъ придворнаго садовника, онъ, уже по указаніямъ эрбъ-гросъ-герцога Карла-Александра производилъ въ паркѣ всевозможныя вырубки и посадки. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ былъ приглашенъ извѣстнымъ путешественникомъ княземъ Пюклеръ-Мюскау для завѣдыванія его пар-

Библиотека "Руниверс"

комъ въ Мюскау, который извѣстенъ всему міру своей красотой. Объ этомъ паркѣ онъ издалъ большое сочиненіе.

Когда у насъ бывали такіе гости, я всегда покидала свои занятія, чтобы прислушиваться къ ихъ разговорамъ.

16-го Февраля, въ день рожденія нашей великой княгини, шло первое представленіе Тангейзера Р. Вагнера, подъ управленіемъ Франца-Листа. Роль Тангейзера мастерски исполнилъ Тихачекъ изъ Дрездена. Новизной конструкціи, блестящей инструментаціей, богатствомъ мыслей и поэтической разработкой текста самимъ композиторомъ, опера эта меня до того поразила, что я чуть не разрыдалась, когда услышала ее въ первый разъ. Я была глубоко потрясена геніемъ Вагнера, и впечатлѣніе, вынесенное мною изъ этой оперы, породило многостороннія мысли, которыя долго бродили во мнѣ, и потребовалось много времени и повторенія слышаннаго, чтобы вполнѣ усвоить себѣ эту музыку. Представленіе Тангейзера было тріумфомъ Листа: послѣ безчисленныхъ затрудненій, не смотря на скромную обстановку Веймарскаго театра, ему удалось впервыя поставить эту оперу и тѣмъ выдвинуть ее въ свѣтъ, такъ какъ съ перваго же раза всѣ почувствовали, что Тангейзеръ будетъ жить и процвѣтать. До тѣхъ поръ его только разъ давали въ Дрезденѣ, и то благодаря Тихачеку, который, подъ руководствомъ Рихарда Вагнера, первый изучилъ главную роль, для исполненія которой требовались такія обширныя голосовыя средства и такая музыкальная подготовка, что обыкновенные оперные тенора и не брались за нее, находя ее слишкомъ трудной.

Роль Елисаветы пѣла Р. Ахте, дочь члена Веймарской придворной капеллы, получившая очень солидное музыкальное образованіе у пр. Гётце, извѣстнаго въ свое время тенора; онъ же и проходилъ съ ней роль Елисаветы. Вольфрама передалъ отличный баритонъ Р. Мильде. Вообще представленіе дало все, что только можно было ожидать отъ Веймарской труппы. Наша великая княгиня не жалѣла денегъ, чтобы содѣйствовать Листу въ исполненіи этой и многихъ другихъ оперъ; Листъ вызывалъ новыхъ членовъ капеллы, выписывалъ хорошіе инструменты для Веймарскаго оркестра, а она брала на себя почти всѣ экстренные расходы и этимъ много способствовала поднятію Веймарской оперы и вообще музыки. Словомъ, великая княгиня поддерживала славу Веймарскаго театра, созданную при Гёте.

Вагнера приглашали присутствовать на этомъ представленіи, но онъ отказался, говоря откровенно, что боится ошибиться въ своихъ ожиданіяхъ отъ исполненія Тангейзера на Веймарской сценѣ, но глубоко убѣжденъ въ стараніяхъ участвующихъ и очень благодаренъ за всѣ ихъ труды. Онъ намѣревался побывать въ Веймарѣ у Листа въ

Библиотека "Руниверс"

Маѣ; но вслѣдствіе политическихъ смутъ, въ которыхъ онъ необдуманно принялъ участіе, Вагнеръ вынужденъ былъ бѣжать въ Швейцарію и много лѣтъ не смѣлъ возвращаться въ Германію.

Вскорѣ послѣ перваго въ Веймарѣ представленія Тангейзера, Листъ переложилъ для фортепіано увертюру его и сцену «Abendstern» изъ третьяго акта.

18-го Февраля. Мы получили письмо отъ брата Ивана изъ Петербурга съ горестною вѣстью: Господь Богъ отозвалъ къ Себѣ нашу дорогую старшую сестру Елисавету. Это было первое большое горе, постигшее наше семейство. Она скончалась отъ чахотки, въ Смольномъ монастырѣ, въ Петербургѣ; ее похоронили на Смоленскомъ кладбищѣ, недалеко отъ собора. На моего бѣднаго брата легли всѣ заботы о приготовленіи для нея мѣста покоя, и притомъ онъ долженъ былъ утѣшать сестру Марію, которая была еще очень молода и теперь оставалась одна въ Смольномъ.

20-го Февраля. Мой отецъ отслужилъ заупокойную обѣдню о новопреставленной дочери своей; ему это было очень тяжело, но онъ бодрился въ память ея и въ утѣшеніе намъ. Во второмъ часу къ моимъ родителямъ пріѣхала наша великая княгиня, чтобы выразить имъ свое соболѣзнованіе; она знала усопшую и любила ее, какъ и всѣ мы.

Въ концѣ Февраля въ Веймарѣ были открыты новые гласные суды (Assises), о которыхъ такъ хлопоталъ народъ во время революціи 1848-го года. Первое время всѣ ходили слушать разбирательство дѣлъ, которыя большею частью были политическаго характера; таковыхъ много накопилось со времени революціи, но мало-по-малу лихорадочная страсть присутствовать при судебныхъ разбирательствахъ улеглась, и затѣмъ никому и въ голову не приходило ходить слушать подобныя дѣла.

17-го Марта. Скончался король Вильгельмъ Голландскій, отецъ эрбъ-гросъ-герцогини Софіи. Король проболѣлъ всего три дня и скончался одинъ, безъ королевы. Извѣстно, что ихъ отношенія не были самыя нѣжныя: у королевы былъ трудно уживчивый характеръ, и всѣ ея боялись. Въ выраженіи лица ея было что-то суровое. Особенно отъ нея страдалъ ея сынъ, принцъ Генрихъ, впослѣдствіи намѣстникъ Люксембурга. Разъ онъ входитъ въ кабинетъ королевы, останавливается издали и говоритъ ей: «Maman, puis-je aller à Amsterdam?» Королева какъ будто не слышитъ и не видитъ. Онъ повторяетъ тотъ же вопросъ второй и третій разъ. Наконецъ она, не оборачиваясь, говоритъ: «Va!» и онъ дѣйствительно «va» и радъ, что освободился. Она была очень суевѣрна и между прочимъ не позволяла, чтобы ей

Библиотека "Руниверс"

подавали какое бы то ни было новое бѣлье, которое не принадлежало къ ея приданому. Но хотя приданое ея было громадно, бѣлье отъ времени рвалось, такъ что наконецъ, чтобы имѣть возможность подавать его королевѣ цѣльнымъ, камерфрау ея, Кузовлева, рѣшилась вставлять въ него новые кусочки, которые бы закрыли дыры, и такимъ образомъ все бѣлье ея было въ заплатахъ. Королева много читала по-славянски; по-русски же ей рѣдко приходилось говорить, такъ какъ немного Русскихъ заглядывало въ Гагу. Съ годами у нея явилась привычка смѣшивать Русскій языкъ со Славянскимъ, такъ что она говорила «азъ есмь» и употребляла другія выраженія въ этомъ родѣ. Ея дочь, эрбгросгерцогиня Софія, боялась ея, какъ и всѣ окружавшіе ее, и когда королева гостила въ Веймарѣ, всѣ ходили по стрункѣ. Наканунѣ воскресныхъ, праздничныхъ или царскихъ дней мой отецъ являлся всегда въ 10 часовъ утра къ нашей великой княгинѣ, чтобы получить отъ нея приказаніе, въ которомъ часу начать службу, и узнать другія какія-нибудь ея желанія. Когда королева Анна Павловна бывала въ Веймарѣ, наша великая княгиня всегда отправляла моего отца къ ней для полученія отъ нея приказаній. Но часто королева отсылала его обратно къ великой княгинѣ, чтобы она сама назначила часъ и тому подобное; но, зная характеръ своей сестры, наша великая княгиня всегда становилась на второй планъ и просила моего отца устроить все по желанію королевы; такъ что для того, чтобы получить наконецъ требуемое рѣшеніе, отцу приходилось ходить отъ одной къ другой какъ мировому посреднику. Когда великая княгиня проживала на дачѣ Бельведеръ, въ часовомъ разстояніи отъ города, отца по Субботамъ приглашали къ ея столу. Обѣдали въ 3 часа. За нимъ присылали придворный экипажъ, и съ нимъ ѣхалъ обыкновенно оберъ-шенкъ фонъ-Фицтумъ, старый слуга великой княгини, часто бывавшій въ Россіи.—Извѣстіе о кончинѣ короля Нидерландскаго получено было только черезъ два дня, 19-го вечеромъ. Въ этотъ день скрипачъ Эрнстъ и Листъ давали блестящій концертъ, на которомъ присутствовало все гросъ-герцогское семейство. Понятно, что, по полученіи этого извѣстія, августѣйшая семья погрузилась въ глубокій трауръ. Короля они любили, и онъ оставилъ своимъ дѣтямъ громадное частное состояніе.

11-го Марта была панихида по императорѣ Павлѣ I-мъ. Это была единственная служба, на которой наша великая княгиня всегда желала быть одной. Въ этотъ день она пріѣзжала со своей старой камерфрау, Маврой Петровной Соколовой, и больше никто не присутствовалъ на богослуженіи. Причины смерти императора Павла держались въ строжайшемъ секретѣ. Я помню, у отца часто бывалъ про-

Библиотека "Руниверс"

фессоръ Германнъ, писавшій исторію Россіи; изъ его разговоровъ мы узнали многое, что до того не печаталось.

28-го Марта Нѣмецкій парламентъ во Франкфуртѣ большинствомъ голосовъ (230 противъ 40) избралъ въ Германскіе императоры короля Прусскаго Фридриха Вильгельма IV-го. Понятно, что вечеромъ, когда вѣсть объ этомъ распространилась, народъ ликовалъ. Но въ политическомъ мірѣ чувствовалась какая-то напряженность, видимаго согласія не существовало, да искренно никогда и не можетъ существовать тамъ, гдѣ народные элементы и, главное, господствующія религіи слишкомъ разнородны. Но все это не мѣшало имъ распѣвать «Was ist des Deutschen Vaterland» и думать, что они съ Австріей слились въ одно большое цѣлое. Впослѣдствіи увидѣли, какъ это предположеніе было ошибочно.

22-го Апрѣля. Была въ театрѣ. Давали «Марту» подъ управленіемъ Листа. Опера шла отлично, но я немало измучилась въ этотъ вечеръ. Насъ было шесть молодыхъ подругъ, которыя сидѣли вмѣстѣ. Вдругъ, откуда ни возьмись, является молодой человѣкъ съ длинными рыжими волосами, садится за нами и начинаетъ шопотомъ повторять мнѣ всѣ выдающіяся мѣста изъ Марты. Мои подруги помирали со смѣху, но мнѣ было далеко не до смѣха: онъ злилъ меня своей безтактностью. Впослѣдствіи этотъ же молодой человѣкъ надоѣдалъ мнѣ своими серенадами подъ нашими окнами съ пѣніемъ и гитарою; я боялась, что отецъ замѣтитъ это глупое ухаживаніе и попросила брата сказать ему отъ себя, что онъ можетъ пѣть, гдѣ ему угодно, но только не у нашего дома.

6-го Мая. Опять были безпорядки въ Дрезденѣ; на улицахъ строили баррикады. Броженіе умовъ никакъ не могло утихнуть; оно было подобно эпидеміи, для прекращенія которой требуется извѣстное время. Но отъ этого было не легче тѣмъ, которые держались въ сторонѣ и съ нетерпѣніемъ ждали, чтобы общественная жизнь въ Германіи успокоилась.

На слѣдующій день извѣстія изъ Дрездена еще мрачнѣе: на улицахъ его совершались кровопролитія. 9-го пріѣхали бѣжавшіе оттуда друзья моихъ родителей, Липманъ съ женою.

5-го Іюля. Былъ народный праздникъ. Существуетъ обычай, что богатые арендаторы по очереди устраиваютъ ежегодно въ окрестностяхъ Веймара народный праздникъ, на который считаются приглашенными всѣ и каждый, отъ великаго герцога до послѣдняго мужика: всѣхъ угощаютъ кофеемъ, пивомъ, пирогами и т. д. Понятно, что всякій, кто только можетъ, является на этотъ праздникъ.

Библиотека "Руниверс"

Съ 11-го Августа начались ежедневныя музыкальныя репетиціи къ столѣтнему юбилею со дня рожденія Гёте. Листъ завѣдывалъ музыкальной частью праздника и управлялъ нашимъ хоромъ. Онъ былъ очень любезенъ и предупредителенъ съ дамами и замѣчанія свои дѣлалъ въ очень мягкой формѣ. Бо́льшая часть дамъ, членовъ нашего пѣвческаго клуба, были не особенно развиты въ музыкальномъ отношеніи и при Листѣ боялись дать полную свободу своимъ голосамъ. Онъ, разумѣется, это замѣтилъ и сказалъ имъ: «Meine Damen, seien Sie nicht so bescheiden (сударыни, не будьте такъ скромны). Если написано diminuendo, то я васъ попрошу пѣть слабо, но никакъ не задерживать тэмпа». Эти ежедневныя репетиціи поглощали все наше время: спѣшили все приготовить и выучить.

27-го Августа начались празднества. Въ 5 часовъ вечера франмасоны устроили большое праздничное собраніе членовъ ложи Амаліи, названной такъ въ честь матери гросъ-герцога Карла-Августа, гросъ-герцогини Амаліи, которая отличалась рѣдкимъ умомъ и вела переписку со всѣми выдающимися лицами своего времени. Не будучи членами этой ложи, которая помѣщалась въ домѣ противъ насъ, мы не могли присутствовать на собраніи и только видѣли, какъ члены ея, увѣшанные разными атрибутами, спѣшили со своими семействами въ собраніе. Въ 8 часовъ вечера освѣщена была лѣтняя дачка въ саду Гёте, находящемся въ паркѣ близъ города, и Римскій домикъ въ самомъ паркѣ. Мужской хоръ исполнилъ тамъ: Mächtige Geisterflügel Апеля; 2) Wanders Nachtlied Рейсмера; 3) «Licht, mehr Licht» (послѣднія слова умирающаго Гёте), Ф. Листа. Всѣ, бывшіе тогда въ живыхъ, потомки Гёте собрались къ этому торжеству и были первыми гостями на всѣхъ праздникахъ.

Извѣстно, что Гёте имѣлъ единственнаго сына отъ брака своего съ кухаркой, съ которой обвѣнчался во время Наполеоновской войны, въ 10 часовъ вечера, сколько я помню, во время сраженія при Іенѣ. Сынъ этотъ былъ далеко недостоинъ носить знаменитое имя своего отца; онъ умеръ въ 1830 году и похороненъ въ Римѣ, въ Campo Santo Inglesi. Его жена, рожденная фонъ-Погвицъ (v. Pogvitz), была красивая и умная женщина, но вообще ея не любили и впослѣдствіи, когда ея единственная дочь Альма фонъ-Гёте, молодая дѣвица рѣдкой красоты, скончалась въ Вѣнѣ, народная молва обвиняла г-жу фонъ-Гёте въ очень неблаговидномъ поступкѣ *). Кромѣ этой дочери, у нея было еще два сына: Вольфъ—поэтъ и Вальтеръ—композиторъ. На этихъ внукахъ геніальнаго писателя хорошо было видно, какъ тяжело

*) Говорили, что она отравила свою дочь Альму.

Библиотека "Руниверс"

носить знаменитую фамилію: всѣ ожидали найти въ нихъ хоть тѣнь ума и дарованія ихъ великаго дѣда, но они представляли собою двухъ маленькихъ, жиденькихъ человѣчковъ, очень некрасивыхъ, неловкихъ, застѣнчивыхъ и вѣчно обиженныхъ. Послѣднимъ изъ рода Гёте скончался Вальтеръ, и сдѣлалъ лучшее, что онъ могъ сдѣлать, а именно завѣщалъ все движимое и недвижимое имущество своего дѣда, коллекціи и т. д. грось-герцогинѣ Софіи Саксенъ-Веймарской, которая сейчасъ же, подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ, приступила къ устройству музея Гёте и къ изданію всѣхъ найденныхъ его рукописей.

Самый день рожденія Гёте, 28 Августа, начался пѣніемъ передъ усыпальницей грось-герцогскаго семейства, гдѣ по обѣимъ сторонамъ своего державнаго друга и покровителя, грось-герцога Карла-Августа, покоятся Гёте и Шиллеръ. Всѣ участвующіе собрались въ ½ 7-го утра передъ городской ратушей, оттуда стройнымъ шествіемъ двинулись на кладбище, передъ усыпальницу и, согласно программѣ, спѣли сочиненныя къ этому дню: 1) Хоралъ; 2) Am Graben Goethe's, слова Колиша, музыка Штёра; 3) «Denn du von dem Himmel bist», мужской хоръ, музыка Гиллера.

Къ этому дню окончилась пристройка грось-герцогской библіотекѣ, открытіе которой началось въ 11 часовъ утра кантатой въ двухъ частяхъ, сочиненной придворнымъ капельмейстеромъ Н. Шеләромъ и исполненной подъ его управленіемъ грось-герцогской оперной капеллой и хоромъ. Соло пѣлъ оперный пѣвецъ Шнейдеръ (теноръ). Окончилось все рѣчью библіотекаря Преллера. Въ 2 часа были праздничные обѣды въ домѣ общества Erholung и въ домѣ Общества стрѣлковъ, такъ-называемомъ Armbrust, гдѣ балы и концерты даются въ большой залѣ. Лѣтомъ члены Общества стрѣлковъ со своими семействами посѣщаютъ расположенный вокругъ зданія садъ съ рестораномъ. Общество это состоитъ большей частью изъ купцовъ, богатыхъ ремесленниковъ и мелкихъ чиновниковъ. Ежегодно они устраиваютъ большую стрѣльбу съ призами въ такъ-называемомъ Schützhaus. Новые члены принимаются по большинству голосовъ.

Къ праздничному обѣду члены этихъ обществъ приглашали всѣхъ пріѣзжихъ и соотечественниковъ, не бывшихъ членами. Пріѣзжихъ со всѣхъ концовъ Германіи и другихъ государствъ наѣхало много, и былъ устроенъ особый комитетъ, заботившійся объ ихъ помѣщеніи и присутствованіи ихъ на всѣхъ празднествахъ. Въ 6 часовъ вечера началось представленіе «Торквато Тассо» Гёте въ грось-герцогскомъ театрѣ. Роль Тассо игралъ извѣстный трагикъ Десойръ изъ Карлсруэ. Предшествовавшій драмѣ прологъ былъ написанъ А. Бётгеромъ, а увертюра и симфоническіе музыкальные антръ-акты сочинены Ф. Листомъ

Библиотека "Руниверс"

и исполнены подъ его управленіемъ. По окончаніи драмы, по рѣшенію городского головы, была иллюминація города.

Въ Среду, 29 Авг., въ 10 час. утра, назначено было любительское представленіе сочиненія Гёте Das Jahrmarkt zu Plünderswеilern, на импровизованной сценѣ въ гросъ-герцогскомъ паркѣ въ Тифуртѣ [1]). Играло 29 лицъ, почти всѣ наши знакомые изъ общества. Мнѣ дали роль Тирольки, и мнѣ пришлось, подъ звуки шарманки, пропѣть дуэтъ съ Тирольцемъ на мелодію старинной народной пѣсни, состоящей изъ десяти куплетовъ. Сцена была устроена на большомъ лугу передъ дворцомъ, поставлены несмѣтные ряды стульевъ для зрителей и кресла для высочайшихъ особъ, которыя всѣ прибыли. Съ нашей великой княгиней на спектакль пріѣхала гостившая у нея въ это время княгиня Лигницъ, морганатическая супруга короля Прусскаго Фридриха-Вильгельма III-го [2]).

Спектакль былъ очень удаченъ, и по окончаніи пьесы импровизованные актеры были покрыты рукоплесканіемъ многотысячной толпы. Фохтъ, частное лицо, милліонеръ, проживавшій въ Веймарѣ, исполнялъ роль «марктшрейера», какъ бы руководителя всей пьесы. По окончаніи представленія, княгиня Лигницъ послала просить къ себѣ Фохта и пригласила его пріѣхать со своею труппой въ Козенъ, гдѣ она лѣчилась, объявляя при этомъ, что всѣ расходы она беретъ на себя. Онъ долженъ былъ отказать ей, и тогда только она узнала, что мы всѣ игравшіе—любители, а не актеры по профессіи.

Послѣ концерта, при иллюминаціи, на лугу передъ домомъ вольныхъ стрѣлковъ, Веймарскими художниками было устроено торжественное шествіе въ костюмахъ изъ сочиненій Гёте. Этимъ закончилось празднованіе 100 лѣтняго юбилея со дня рожденія Гёте при общемъ ликованіи всѣхъ присутствующихъ.

Въ продолженіе трехъ дней, 27-го, 29-го и 30-го Августа, всѣмъ были доступны кабинетъ и спальня Гёте, комнаты во дворцѣ, посвященныя памяти поэтовъ, выставка вещей Гёте въ гросъ-герцогской библіотекѣ и вообще всѣ другія художественныя коллекціи.

---

[1]) Замокъ и деревня Тифуртъ находятся на разстояніи часа ходьбы отъ города, и паркъ, окружающій этотъ дворецъ, одно изъ любимыхъ мѣстъ для гулянья Веймарскихъ жителей.

[2]) Княгиня Лигницъ, рожд. графиня Августа фонъ-Гаррахъ (род. 30 Августа 1800 года), по смерти королевы Луизы, до такой степени привязала къ себѣ своего августѣйшаго друга, что онъ на ней женился. Она держала себя съ удивительнымъ тактомъ. Послѣ смерти короля (7 Іюня 1840 г.), всѣ члены королевской семьи относились къ ней съ большимъ уваженіемъ, доказательствомъ чему можетъ служить то, что наша великая княгиня пріѣхала вмѣстѣ съ нею на представленіе въ Тифуртѣ.

Библиотека "Руниверс"

30-го Августа къ намъ приходилъ Листъ, но, къ сожалѣнію нашему, не засталъ насъ дома. Какъ я узнала впослѣдствіи, его поразило наше дѣятельное участіе въ этихъ празднествахъ.

Представленіе въ Тифуртѣ «Das Jahrmarkt zu Plündersweilern» до того понравилось, что насъ упросили повторить его, что̀ мы и исполнили 8-го Сентября. Послѣ представленія наша великая княгиня предоставила намъ залу во дворцѣ, гдѣ мы и протанцовали весь вечеръ. Я никогда не любила танцевъ и была больше нѣмою зрительницей общаго веселья. Въ этотъ день было очень свѣжо, всего 1° тепла, такъ что не мѣшало согрѣться танцами. Ночью былъ даже морозъ, и всѣ георгины замерзли.

10-го Сентября скончался фонъ-Шпигель (v. Spiegel), гофмаршалъ двора нашей великой княгини и интендантъ придворнаго театра. Это былъ человѣкъ старый, умный съ тонкой ироніей и хромой. Онъ не всегда входилъ въ новые взгляды Листа насчетъ преобразованій въ оперѣ и оркестрѣ; и я думаю, что послѣдній былъ доволенъ, когда на мѣсто его гофмаршаломъ и интендантомъ былъ назначенъ другъ Листа фонъ-Цигезаръ.

16-го Сентября. Пѣли въ протестантской церкви мотету Мендельсона. Ихъ воскресное богослуженіе начиналось обыкновенно импровизаціей на органѣ извѣстнаго ученика Гуммеля, профессора Тёпфера, бывшаго моего учителя на фортепіано. Затѣмъ каждыя двѣ недѣли нѣсколько членовъ нашего пѣвческаго клуба исполняли какое-нибудь хоровое пѣніе, «a capella», или съ аккомпанементомъ органа, или нѣсколькихъ струнныхъ инструментовъ. Затѣмъ собравшіеся въ церковь пѣли хоромъ, шла проповѣдь, проповѣдникъ читалъ «Отче нашъ», и давалъ общее благословеніе, и служба оканчивалась вторичнымъ пѣніемъ хорала или послѣдняго стиха изъ хорала, пропѣтаго до проповѣди.

Вечеромъ былъ «дѣвичникъ» у члена нашего музыкальнаго кружка, Анны Гросгеймъ, которая выходила замужъ за полковника фонъ-Лейбницъ. Собралось большое общество, такъ какъ существуетъ обычай вечеромъ наканунѣ свадьбы приглашать всѣхъ друзей со стороны невѣсты и жениха. Приносили свадебные подарки, дѣлали разныя шутки, наряжались и т. д. Раздавали извѣстный пирогъ съ бобомъ, и получившіе бобъ принимали поздравленія. А тѣмъ временемъ передъ входною дверью дома разбивали старые глиняные кувшины, бросали осколки стекла и фарфора,—словомъ, какъ всегда при такихъ случаяхъ, передъ подъѣздомъ образовалась цѣлая груда черепковъ. Танцовали до трехъ часовъ утра.

Библиотека "Руниверс"

1850-й годъ.

Въ началѣ Февраля, въ первый разъ послѣ своего низверженія, герцогиня Елена Орлеанская пріѣхала навѣстить свою тетку, нашу великую княгиню (мать герцогини Елены была родная сестра гросъ-герцога Карла Фридриха, а отецъ—эрбгросъ-герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій). Послѣ революціи 1848-го года, герцогиня Елена Орлеанская бѣжала изъ Парижа и пріѣхала къ своей теткѣ, нашей великой княгинѣ, которая отдала въ ея распоряженіе верхній этажъ Эйзенахскаго дворца, гдѣ въ теченіе многихъ лѣтъ и проживала герцогиня со своими сыновьями, графомъ Парижскимъ и герцогомъ Шартрскимъ, совершая съ ними длинныя прогулки по лѣсистымъ окрестностямъ Эйзенаха. Она ничего не захватила съ собою, когда бѣжала въ Германію, такъ что тотчасъ по ея пріѣздѣ наша великая княгиня заказала для нея столовое и другое бѣлье, платья и т. д., однимъ словомъ, цѣлое приданое, которое и подарила ей. Такъ какъ у герцогини ничего не было, то моя подруга, Анна фонъ-Эйхель, жившая всегда въ Эйзенахѣ, послала ей столовое серебро. Нѣсколько вѣрныхъ слугъ сопровождало герцогиню Елену въ ея бѣгствѣ; они поселились съ нею въ Эйзенахѣ и жили тамъ въ полномъ уединеніи, такъ что, за исключеніемъ фрау фонъ-Швендлеръ, рожденной Галаховой, и Анны фонъ-Эйхель, она почти никого не видала.

Великая княгиня знала, что герцогиня Елена очень любитъ музыку и, желая развлечь ее, пригласила мама и меня къ себѣ на вечеръ. Кромѣ герцогини Елены присутствовали при этомъ: герцогиня Бернгардъ Веймарская съ дочерьми своими, принцессой Анной и Амаліей; эрбъ-гросъ-герцогъ Карлъ-Александръ съ супругою своею Софіей, графиня Фритшъ (оберъ-гофмейстерина великой княгини) и фрейлины ея высочества, Натали-фонъ-Мандельсло и Мари-фонъ Бёльвитцъ. Великая княгиня представила меня герцогинѣ Еленѣ Орлеанской. Она была высокаго роста и очень ходощава, а выраженіе лица ея было грустное и доброе. Она заговорила со мной по-нѣмецки, и особенная любезность выражалась во всемъ ея существѣ. По просьбѣ присутствовавшихъ я сыграла фантазію Прудента (Prudent) на тему изъ Лучіи и увертюру Тангейзера, устроенную Листомъ. По окончаніи вечера, великая княгиня позвала меня въ свою уборную (Toilettenzimmer), которая находилась возлѣ ея кабинета, вложила мнѣ въ руку маленькій футляръ величиною съ пятачекъ и сказала: «Носите всегда эти часы на память отъ меня». Я хотѣла поцѣловать ей руку, но она скрестила свои руки за спиной, и я не могла ихъ достать.

Библиотека "Руниверс"

Съ тѣхъ поръ въ продолженіи 35-ти лѣтъ я всегда носила эти часы, величиною съ 2-хъ или 3-хъ копѣечную монету, и они удивительно шли для такихъ маленькихъ часовъ; я никогда не любила носить на себѣ золотыя вещи, но для нихъ я дѣлала исключеніе. Разъ стрѣлка ослабѣла, и я дала ихъ въ починку одному часовщику (Жиду) въ Ялтѣ, и съ тѣхъ поръ больше ихъ не видала: они у него пропали, и онъ увѣрялъ, что никогда ихъ отъ меня не получалъ. Ни одна потеря не причинила мнѣ такого огорченія, какъ эта. Я старательно берегу всѣ вещи, которыя остались у меня отъ моей юности; глядя на нихъ, я вспоминаю свою молодость со всѣми ея радостями и горестями; въ этомъ я—маніакъ.

Въ день рожденія нашей великой княгини, 4 (16-го) Февраля, была дана «Ифигенія въ Авлидѣ» Глюка.

По иниціативѣ Листа, директоръ театровъ Цигезаръ, большой другъ Листа, любитель и знатокъ музыки, человѣкъ, стремившійся съ нимъ къ одной цѣли, къ поднятію музыкальнаго уровня въ Германіи,— выписалъ изъ Дрездена партитуру Ифигеніи Глюка, съ инструментаціей, передѣланной Вагнеромъ, и съ прибавленнымъ имъ же новымъ окончаніемъ оперы. Въ этомъ видѣ дали ее. Безспорно опера Глюка только выиграла отъ переработки Вагнера, но и здѣсь Листу пришлось отстаивать свою мысль, такъ какъ, по невѣжеству, злая опозиція старалась доказать, что работа Вагнера—кощунство надъ классической работой Глюка. Вагнеръ тоже исправилъ либретто Ифигеніи. Спросятъ, зачѣмъ взялся онъ за это дѣло? Безсмысленность либретто заставила его рыться; такъ какъ небрежный переводъ текста, съ Итальянскаго на Нѣмецкій языкъ, дѣлался людьми неопытными въ этомъ дѣлѣ, то они не принимали во вниманіе согласованія словъ съ музыкой и часто ставили главное слово на ноту со слабымъ удареніемъ. Вагнеръ мечталъ и достигъ тѣснаго и осмысленнаго соединенія словъ съ музыкой; онъ не могъ, еще до своего бѣгства изъ Дрездена, хладнокровно дирижировать оперу маэстро Глюка, не исправивъ предварительно всѣхъ ошибокъ и несмысленностей, вкравшихся въ нее при копированіи и переводахъ и не возстановивъ такимъ образомъ классической работы Глюка. Исполнителямъ этой оперы въ ея прежнемъ видѣ нельзя было ставить въ вину, если они небрежно относились къ выговариванію словъ; въ этомъ ихъ поддерживалъ безсмысленный переводъ. Пѣніе, стоявшее еще такъ высоко въ XVIII-мъ вѣкѣ и въ началѣ XIX-го, когда были такіе пѣвцы, какъ супруги Гасса, Каталани, Марà, и т. д. теперь падало съ ужасающей быстротой. Речитативы стали козломъ отпущенія всевозможныхъ самовольнымъ фантазій поющихъ, и большая заслуга Вагнера, для поднятія осмыслен-

Библиотека "Руниверс"

наго соединенія слова съ музыкой, состояла въ томъ, что, для большей ясности своей мысли, онъ написалъ въ тактъ всѣ речитативы въ Лоэнгринѣ, такъ что поющему стоитъ только въ точности исполнять его указанія, и передача будетъ безукоризнена. Въ музыкальныхъ драмахъ Вагнера музыка и слова такъ тѣсно связаны, что составляютъ одно цѣлое. До того времени опера состояла изъ отдѣльныхъ, не связанныхъ и неосмысленныхъ частей, изъ арій, дуэтовъ, хоровъ и т. д., въ которыхъ музыка была главной задачей или цѣлью, а дѣйствіе служило только для употребленія музыки. У Вагнера же музыка служитъ къ усиленію и болѣе обширному выраженію содержанія драмы-поэмы, которая развивается передъ глазами слушателя.

19-го Мая я уѣхала въ Дрезденъ къ С. М. Хлоповой, съ дочерьми которой мы очень сошлись; онѣ со своей матерью были у насъ въ Веймарѣ. Одно время мы навѣщали другъ друга, а потомъ, какъ это почти всегда бываетъ съ мимолетными знакомствами, я совсѣмъ потеряли ихъ изъ вида. Спустя болѣе тридцати лѣтъ, младшая дочь навѣстила меня въ Крыму, и отъ нея я узнала, что во время ихъ странствованій по Европѣ, ихъ мать попала въ руки Католическаго духовенства, отреклась отъ отцовской вѣры и передала почти все свое состояніе католическому монастырю.

Съ той минуты, что профессоръ Тёпферъ объявилъ моимъ родителямъ, что ему нечему меня больше учить и что мнѣ надо учителя-піаниста, у меня возникло желаніе имѣть хорошіе уроки фортепіанной игры. Прежде я мечтала объ урокахъ у Шопена, но только что оказалось возможнымъ исполнить мое горячее желаніе, какъ онъ умеръ. Вступить въ Лейпцигскую консерваторію, взамѣнъ Шопена, мнѣ не хотѣлось, и я какъ-то побаивалась консерваторскаго учебнаго духа. Но Мендельсонъ, который училъ тамъ, былъ для меня притягательною силой, и рѣшено было, что мнѣ позволятъ ѣхать въ Лейпцигъ пользоваться уроками Мендельсона, игры котораго, впрочемъ, я никогда не слыхала. Его слава, какъ композитора и учителя, была очень велика. Но смерть Мендельсона опять помѣшала мнѣ, и я уныло продолжала заниматься одна въ Веймарѣ. Но желаніе учиться у меня было такъ велико, что я сдѣлала еще новую попытку и рѣшилась поступить ученицей къ Кларѣ Шуманъ, и это наконецъ удалось мнѣ. Теперь мнѣ представился случай побывать въ Дрезденѣ, гдѣ жили Шуманы, и я упросила отца дозволить мнѣ брать у нея уроки. Отецъ подарилъ мнѣ 50 рейхсталеровъ и сказалъ, что я ему сдѣлала удовольствіе, подаривъ ему на ёлку копію съ картины Рюисдаля (почти въ 1½ аршина величины, писанную масляными красками и надъ которой я работала почти полъ-года), и что онъ, въ свою очередь,

Библиотека "Руниверс"

даетъ мнѣ эти деньги, чтобы я ихъ употребила на свои нужды. Кромѣ подаренныхъ мнѣ отцомъ денегъ, у каждаго изъ насъ дѣтей былъ маленькій запасный капиталъ въ казначействѣ, куда мы вкладывали самые маленькіе денежные подарки. Вотъ я и просила отца позволить мнѣ употребить мой капиталъ на дальнѣйшее мое образованіе. Отецъ позволилъ мнѣ это; да кромѣ того, понимая, что этого надолго не хватитъ, былъ такъ добръ, что обѣщалъ мнѣ еще помогать изъ своихъ скудныхъ средствъ.

Пріѣхавъ въ Дрезденъ 19-го Мая вечеромъ, я на слѣдующій же день отправилась къ г-жѣ Шуманъ. Каково же было мое горе, когда я узнала, что она на мѣсяцъ уѣхала въ Лейпцигъ со своимъ мужемъ Робертомъ Шуманомъ, оперу котораго «Геновева» должны были ставить на тамошнемъ городскомъ театрѣ. Я немедленно написала родителямъ, умоляя ихъ дозволить мнѣ послѣдовать за нею въ Лейпцигъ. Въ ожиданіи отвѣта я осматривала картинную галлерею, Дрезденъ и его окрестности и побывала въ Итальянской оперѣ, гдѣ давали «Роберта Дьявола» Мейербера. Получивъ согласіе родителей, я выѣхала въ Лейпцигъ, куда въ тотъ же день пріѣхала ко мнѣ мама, чтобы пристроить меня въ подходящемъ семействѣ и повидаться съ Кларой Шуманъ, которую я письменно просила давать мнѣ уроки. Г-жа Шуманъ, еще будучи Кларой Викъ, бывавшая у моихъ родителей въ Веймарѣ, приняла насъ очень мило и помогла мнѣ найти пріютъ въ пансіонѣ для молодыхъ дѣвицъ О. фонъ-Штейберъ (Steyber), куда моя мать и помѣстила меня.

Въ пансіонѣ жило только 12 молодыхъ дѣвицъ, остальныя были приходящими. Между первыми были двѣ дочери извѣстнаго книгопродавца Фр. Брокгауза, который въ то время уже передалъ свое обширное заведеніе племяннику, а самъ сильно страдалъ глазами и, купивъ себѣ имѣніе въ Саксонской Швейцаріи, близъ Шандау, проживалъ тамъ со своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ жены (родной сестры Рихарда Вагнера) и двухъ дочерей, находившихся въ то время въ Лейпцигѣ у своей бывшей гувернантки, г-жи фонъ Штейберъ. Одна изъ нихъ, Клара, была очень одарена музыкальнымъ талантомъ и хорошимъ голосомъ, но беззаботность вслѣдствіе состоянія отца и лѣнь ея не дозволяли ей серьезно заниматься: для нея музыка была скорѣе пріятнымъ препровожденіемъ времени (c'était plutôt un agréable passe-temps). Она много мнѣ разсказывала про своего «Onkel Richard», музыкальный геній котораго она ставила выше всѣхъ композиторовъ; да и какъ человѣка, она — единственная изо всего семейства — его очень любила. Ея мать была гораздо старше Рихарда Вагнера и, будучи уже замужемъ за Брокгаузомъ, заботилась о воспитаніи своего

Библиотека "Руниверс"

молодого брата-сироты, который жилъ у нихъ въ домѣ. Но Вагнеръ плохо отплатилъ имъ за всѣ ихъ заботы и совсѣмъ удалился отъ нихъ; понятно, что послѣ этого они разошлись съ нимъ, о чемъ его сестра говорила съ видимой горестью.

Кузина Клары Брокгаузъ, извѣстная пѣвица Іоанна Вагнеръ имѣла для нея большую притягательную силу, и Клара Брокгаузъ старалась идти по ея слѣдамъ. Но вездѣ ей все слишкомъ легко давалось, и она была не въ силахъ нести солидную работу. Въ Лейпцигѣ она занималась пѣніемъ у Лидіи Фрэге, жены богача, которая учила ее по дружбѣ. Лидія Фрэге очень хорошо пѣла, хотя въ то время, когда я ее слышала, голосъ ея уже сильно ослабѣлъ. Ея роскошный домъ въ Лейпцигѣ былъ центромъ, куда собирались всѣ музыкальные таланты и силы, и много хорошаго исполнялось въ немъ. Она была большимъ другомъ Ф. Мендельсона Бартольди, и многіе изъ своихъ романсовъ онъ написалъ для нея.

28-го Мая я съ нѣкоторымъ трепетомъ отправилась къ Кларѣ Шуманъ. Она рѣшила, что я буду пользоваться ея уроками два раза въ недѣлю. Ея имя, какъ піанистки-исполнительницы и учительницы, было очень извѣстно, а за уроки она брала по два талера (немного болѣе двухъ рублей). На первый урокъ она мнѣ задала Prélude и 2-ю фугу Баха, этюды Крамера №№ 1-й, 3-й и 5-й; три страницы изъ сонаты Бетховена op.... и 2-й ноктюрнъ Шопена (op. 3.). Въ этомъ размѣрѣ задавала она мнѣ отъ одного урока къ другому.

Клара Шуманъ была стройна и граціозна для Нѣмки. Она была не красива, но интересна, высокаго роста и очень худощава; голова ея узковатая, угловатая; горбатый носъ, тонкія губы, глубоко-лежащіе сѣро-голубые глаза; черные волосы окаймляли блѣдное лицо, выраженіе котораго спокойно-грустное. Въ ея наружности мало замѣчалось такого, что̀ напоминало бы о ея Еврейскомъ происхожденіи, за исключеніемъ немногихъ движеній, которыя сопровождались нѣкоторыми маленькими Жидовскими особенностями. Она, какъ и мужъ ея, по временамъ картавила. Одѣвалась она хорошо: просто, но со вкусомъ. Въ обращеніи бывала очень любезна и предупредительна, и только въ отношеніи людей, которые ей антипатичны, держала себя свысока (zurückgezogen). Со мной она всегда была очень добра и ласкова; только нерѣдко меня поражала ея серьезная, озабоченная и очень нервная манера. Это обстоятельство для меня вполнѣ объяснилось, когда впослѣдствіи я узнала ея домашнюю жизнь и увидѣла, какъ тяжело на ней отзывалось часто повторявшееся нервное, ипохондрическое настроеніе ея мужа.

Библиотека "Руниверс"

Она одарена тонкимъ чувствомъ или чутьемъ: удѣлъ почти всѣхъ женщинъ, выдающихся въ искусствѣ или литературѣ. Особеннаго слова для этого чувства нѣтъ, оно прирожденное и развивается только при общемъ развитіи человѣка. Привить это чувство кому-нибудь посредствомъ воспитанія невозможно. Это дается тѣмъ, у кого развиты сердце и умъ. Клара Шуманъ называла это: имѣть правильную жизнь въ своихъ чувствахъ. Она очень зорко слѣдила за выраженіями въ словахъ, особенно при опредѣленіи какого-нибудь сочиненія. Я тогда хорошо говорила по-нѣмецки, но начавъ говорить на этомъ языкѣ только съ одиннадцатилѣтняго возраста (до тѣхъ поръ мы больше говорили между собою по-датски и по-французски), я не привыкла еще въ точности опредѣлять степень выраженія каждаго слова. Помню, разъ она меня спросила, какъ мнѣ нравится одна маленькая пьеса ея мужа; я ей отвѣчала: «Die Composition ist sehr hübsch». Когда Клара Шуманъ говорила, она шепелявила, что̀ при малѣйшемъ волненіи усиливалось. Она такъ и отвѣчаетъ мнѣ: «Meine Fräulein. Sie sagen hübsch. Wie kann man so ein Wort gebrauchen für so eine Composition? Sagen Sie schön, wunderschön. Ich bitte mir in dieser Hinsicht eine andere Denkweise aus». (Сударыня, вы говорите, что сочиненіе хорошенькое. Какъ можно употреблять такое слово для такого сочиненія: оно прекрасно, удивительно прекрасно. Въ этомъ отношеніи я васъ попрошу для себя измѣнить свой образъ мыслей).

Она была очень дѣятельна и цѣлый день бывала занята или съ мужемъ, или съ дѣтьми, своей музыкой, корреспонденціей и наконецъ хозяйствомъ. Эта усиленная дѣятельность изнуряла ее, что̀ часто замѣчалось по ея блѣдному лицу, усталому виду, худобѣ и нервной игрѣ. Но на всѣ увѣщеванія беречь себя, она всегда отвѣчала: «Могу ли я иначе жить?» Она очень страдала отъ мрачнаго настроенія души своего мужа, но, не смотря на все, любила его безгранично, и они жили очень счастливо. Все, что̀ только было возможно, она сама въ домѣ дѣлала, до нотной бумаги, которую она даже *линевала* для сочиненій своего мужа; сама шила и одѣвала куколъ для своихъ дѣтей и т. д. Разъ, передъ концертомъ, начало котораго было назначено въ 6 часовъ, она въ пять часовъ, еще въ домашнемъ платьѣ, хотѣла дать своимъ дѣтямъ молока и бѣлаго хлѣба (Semmeln—булки). Она беретъ ножъ, начинаетъ рѣзать и отрѣзаетъ себѣ верхушку указательнаго пальца лѣвой руки. Наскоро перевязавъ палецъ и заклеивъ его Англійскимъ пластыремъ, она одѣлась и пріѣхала во̀ время въ концертъ. Не смотря на сильную боль въ рукѣ, она играла очень хорошо.

Къ несчастью г-жа Шуманъ была немного глуха, такъ что поневолѣ наклоняла голову къ клавишамъ, или одно ухо къ разговари-

Библиотека "Руниверс"

вающему съ ней лицу. Но это не мѣшало ей слышать малѣйшую ошибку во время игры.

Ея мужъ, Робертъ Шуманъ, былъ великій талантъ, очень даровитъ, образованъ и начитанъ. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ стоялъ гораздо выше своей жены и имѣлъ большое вліяніе на ея развитіе. Соединеніе бракомъ двухъ такихъ музыкальныхъ величинъ, какими были супруги Шуманъ, есть рѣдкое явленіе. Извѣстно, что въ молодости онъ много упражнялся на фортепьяно, но, испортивъ себѣ одинъ палецъ, вынужденъ былъ отказаться отъ карьеры піаниста и послѣ этого только писалъ. Работалъ онъ всегда стоя передъ своимъ бюро, а около стояло фортепьяно, на которомъ онъ игралъ свои сочиненія; ни малѣйшій звукъ не долженъ былъ безпокоить его въ это время, и ради этого двери изъ комнаты, гдѣ стояло фортепьяно г-жи Шуманъ, были заколочены и заложены матрацами.

По наружности Шумана съ перваго же взгляда можно было угадать, что это умный, выдающійся человѣкъ. Большая голова, покрытая густыми, вьющимися черными волосами, широкія плечи, высокій ростъ, статная мускулистая фигура, все въ немъ дышало силой и мощью. Онъ былъ очень близорукъ, и чтобы видѣть что-нибудь прищуривалъ глаза и надѣвалъ монокль. Походка его была медленная, но нервная. Только во время ежедневныхъ своихъ прогулокъ съ женою, отъ 11 до 12 часовъ, они медленно гуляли по парку въ теченіе положеннаго на это времени; часто въ это время къ нимъ присоединялся Василевскій.

Вообще Шуманъ былъ очень молчаливъ, и часто казалось, что онъ не принимаетъ никакого участія въ томъ, что вокругъ него происходитъ, а весь погруженъ въ свои мысли. Не смотря ни на какія просьбы, онъ нерѣдко по цѣлымъ днямъ запирался въ своемъ кабинетѣ, не желая видѣть ни жены, ни дѣтей; или же во время концерта или репетиціи онъ вдругъ находилъ, что жена его играетъ слишкомъ медленно, или слишкомъ скоро, дѣлалъ ей рѣзкое замѣчаніе, и во время остановокъ (pause) ходилъ одинъ взадъ и впередъ по залѣ, какъ левъ, предвѣщающій бѣду. Вообще женѣ его нерѣдко приходилось проводить очень тяжелые часы, такъ какъ онъ часто бывалъ своенравенъ и ипохондриченъ. Безъ сомнѣнія, эти припадки ипохондріи были началомъ той тяжкой болѣзни, которой никто не сумѣлъ предупредить и отъ которой онъ страдалъ впослѣдствіи. Сердце у него было доброе, и какъ только проходило его ипохондрическое настроеніе, онъ снова становился сердечнымъ и нѣжнымъ мужемъ и отцомъ. Все изящное интересовало его, и онъ умѣлъ найти дарованіе у другихъ и хорошую сторону ихъ сочиненій. Онъ былъ справедливъ и признателенъ,

Библиотека "Руниверс"

что̀ не всегда можно было сказать про его жену, которая бывала пристрастна и недовѣрчива; онъ же никогда не вѣрилъ, когда ему разсказывали о комъ-нибудь что-нибудь нехорошее, и въ такихъ случаяхъ старался смягчить свою жену.

8-го Іюня, въ день рожденія Роберта Шумана, всѣ музыкальные кружки Лейпцига устроили ему серенаду «Ständchen».

25-го Іюня дано было первое представленіе единственной оперы Шумана «Геновева». Ему поднесли лавровый вѣнокъ. Но публика, которая любитъ внѣшнее впечатлѣніе даже въ оперѣ, осталась холодной къ этому новому труду своего соотечественника.

3-го Іюля былъ музыкальный вечеръ у г-жи Преусеръ; тамъ я въ первый собственно разъ услышала игру Клары Шуманъ. Ея отчетливая, осмысленная игра поразила меня, и дѣйствительно, въ то время она безспорно была первой въ Европѣ піанисткой. Двѣ сестры Преусеръ пѣли дуэты Шумана. Послѣ музыки былъ поданъ роскошный ужинъ, а затѣмъ всѣ направились въ красивый садъ, окружающій дачу Преусеръ, который былъ изящно иллюминованъ.

На слѣдующій день я брала послѣдній урокъ у м-мъ Шуманъ; она возвращалась въ Дрезденъ, чтобы въ скорости переселиться въ Дюссельдорфъ, гдѣ Шуманъ получилъ свое первое назначеніе.

10-го Іюля. Я возвратилась въ Веймаръ и тамъ, гдѣ бы я ни появлялась, вездѣ меня просили играть, воображая, что послѣ какихъ-нибудь десяти уроковъ у м-мъ Шуманъ можно преодолѣть горы трудностей. Я была совершенно противоположнаго мнѣнія и мечтала о томъ, какъ бы попасть на зиму въ Дюссельдорфъ, чтобы продолжать мои уроки у нея.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

И. А. ГОНЧАРОВЪ А. А. ФЕТУ.

1.

Boulogne-sur-mer, 6 (18) Августа 1861.

«Это, должно быть, отъ Фета письмо, съ ласковымъ словомъ объ Обрывѣ», сказалъ я, прочитавши посланіе со станціи *Змѣевки, на Московско-Курской желѣзной дорогѣ*, и сейчасъ же сѣлъ откликнуться на дружески-поэтическое привѣтствіе, хотя въ тоже самое время и мучаюсь сомнѣніемъ: «Ну, какъ не отъ него, а отъ кого-нибудь другого? Тогда что? Подпись *А. Фетти* можетъ значить и «Фетъ», и Филипповъ, и Филимоновъ, и просто Фи-фи-фю-фю!»

«А что же за бѣда, если и не отъ него», рѣшаю я: получившій это письмо мое на станціи *Змѣевкѣ* корреспондентъ увидитъ только изъ него, что мнѣ пріятно было получить одобреніе отъ Фета.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за то, что вы такъ проворно поспѣшили мнѣ заплатить вашимъ дорогимъ сочувствіемъ за мое сочувствіе вамъ, выразившееся невидимо для васъ, не далѣе какъ на прошлой недѣлѣ, когда я въ Луврѣ, стоя передъ Венерой Милосской, силился припомнить ваше стихотвореніе, въ которомъ сжалось и спряталось то, что̀ каждый долженъ чувствовать передъ этой статуей, передъ ея *всепобѣдной красотой, смотрящей вдаль*. Къ сожалѣнію, помня самъ содержаніе стиховъ, я не могъ складно повторить ихъ наизусть тѣмъ, съ кѣмъ я былъ въ музеѣ. Вы видите изъ этого факта, que nous nous entendons et nous nous sympatysons [1]).

Благодарю за то, что не полѣнились это выразить, чѣмъ много порадовали меня, старика. Поблагодарите и Марью Петровну, вашу жену [2]), за любезное привѣтствіе; да ужъ кстати графа и графиню Толстыхъ [3]) за то, что утвердили васъ въ вашемъ намѣреніи написать и

---

[1]) Что мы другъ друга понимаемъ и другъ другу сочувствуемъ.

[2]) Урожденная Боткина, сестра знаменитаго врача.

[3]) Графа Льва Николаевича и графини Софьи Андреевны.

Библиотека "Руниверс"

дали мой адресъ, по которому они, надо замѣтить, сами не пишутъ. Спасибо хоть на томъ, что даютъ его другимъ.

Я здѣсь купаюсь въ морѣ. Говорятъ, это полезно, но мнѣ пока вредно, а я продолжаю, въ надеждѣ, не будетъ ли хорошо впослѣдствіи.

Въ концѣ Августа надѣюсь быть въ Моховой улицѣ, т. е. тамъ, куда васъ адресовали Толстые, и радъ бы былъ, еслибъ вы не письменно, а лично *блестнули* *) осенью или зимой своимъ присутствіемъ въ Петербургѣ, да привезли бы съ собой нѣсколько звуковъ вашей, неуловимо-тонкой, поэтической и задумчивой лиры. Я, послѣ перевода Горація, васъ, кажется, не читалъ,—это стыдно! Ужели вашъ Тибуръ, кромѣ хозяйства, ничего не внушитъ вамъ, никакихъ «сладкихъ звуковъ и молитвъ?»

Посмотрите на меня: я старше васъ, а вотъ взялъ да и спустилъ Обрывъ. Это дитя моего сердца; я слишкомъ долго (съ 1849, когда онъ зачался, во время моего посѣщенія береговъ Волги) носилъ его подъ ложечкой, отъ того онъ и вышелъ большой и неуклюжій. Я его переносилъ. Прощайте, будьте здоровы и не забывайте всегда вамъ сочувствовавшаго и преданнаго И. Гончарова.

2.

Моховая № 3. (С. П. Б.). 19-е Ноября 1888.

Хорошій и многоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Благодарю васъ за память обо мнѣ и за пріятное письмо. Хотѣлось бы, по примѣру вашему, и мнѣ продиктовать свой отвѣтъ, потому что я больше инвалидъ, чѣмъ вы. У меня одно осталось око, одно окошечко на Божій свѣтъ, и я берегу его пуще глазъ. А рука трясется. Но вотъ бѣда: я не умѣю диктовать и на многія письма вовсе не отвѣчаю, особенно осенью и зимой, когда въ природѣ царствуютъ два мои врага: мракъ и холодъ. Но вамъ, конечно, отвѣчу, и при томъ съ удовольствіемъ, хотя и со вредомъ для себя.

Вы спрашиваете моего разрѣшенія напечатать какое-то мое письмо, писанное за 25 лѣтъ. *Et tu, Brute!* восклицаю я въ страхѣ и трепетѣ. Я ли не воевалъ словесно, не «злопыхательствовалъ» (по выраженію Щедрина) противъ обычая печатать интимныя письма, писанныя къ одному лицу *и для одного этого лица? Et tu, Brute!*

Вы еще, обращаясь съ перомъ, по завѣту Гоголя, *честно*, поступили, кромѣ того, осторожно и деликатно: спрашиваете, можно ли?

---

*) Такъ написано въ оригиналѣ.

Библиотека "Руниверс"

А другіе не считаютъ и этого приличія нужнымъ, тиская всякія письма, слова, портреты, что попадется подъ руку, живыхъ и мертвыхъ, и не справляясь о согласіи первыхъ. Такъ поступили со мной редакціи *Нови* (Вольфа) и *Русской Старины*.

А какъ поступаютъ съ мертвыми, объ этомъ и говорить нечего! Забываютъ, что у этихъ мертвыхъ остаются въ живыхъ ихъ семьи, дѣти, внуки, друзья, которыхъ, можетъ быть, покоробитъ отъ разныхъ, иногда неприглядныхъ оглашеній. Гдѣ же дѣли золотое правило: *de mortuis nil nisi bene?* И для чего дѣлаются эти оглашенія, въ родѣ публичныхъ сплетней? Для личнаго, низкопробнаго самолюбія, иногда для корыстныхъ цѣлей, а результатъ этого—удовлетвореніе празднаго любопытства читателей, по недостатку болѣе серьезнаго матеріала для своего журналишка. Пользы никакой.

Обращаюсь къ предмету вашего письма. Мнѣ очень жаль, что вы не прислали мнѣ по почтѣ моего письма: я бы тотчасъ возвратилъ его и могъ бы съ увѣренностью сказать свое *да*, или же *нѣтъ*, если письмо почему-нибудь неудобно.

Вы представьте себѣ меня теперь, въ преклонныхъ лѣтахъ, нервознаго, мнительнаго, ко всему охладѣвшаго, пережившаго все, себя самого, съ самолюбіемъ включительно, почти безвыходно живущаго въ своей темной пещеркѣ, и вдругъ его тащатъ за руку изъ тѣни на свѣтъ, на солнце, на площадь, и провозглашаютъ, что онъ когда-то говорилъ, что писалъ къ тому, къ другому. И не слушаютъ, когда онъ говоритъ: «Дайте хоть умереть покойно. Мнѣ все это, эти оглашенія, даже и хорошаго чего-нибудь (не говоря уже о дурномъ) не льстятъ, не занимаютъ меня, а только тревожатъ мои нервы, не даютъ спать покойно, иногда раздражаютъ. Мнѣ только больно отъ этого» и т. д. Стало быть я долженъ принести себя въ жертву чужому самолюбію и праздному любопытству толпы?

Я тоже писалъ свои *Воспоминанія (Янв. Вѣстн. Европы) На родинѣ*; но я боялся дотронуться до кого-нибудь, хотя въ живыхъ никого нѣтъ изъ тѣхъ, кого я разумѣлъ. Имена всѣ измѣнилъ, и хотя въ основаніи явленія, характеры, сцены вѣрны, но я старался, сколько могъ и умѣлъ, обобщить ихъ, чтобы никого не коробило; потомковъ друзей и т. п.

Меня здѣсь спрашивали, почему я не напишу моихъ воспоминаній изъ литературнаго кружка 40-хъ и 60-хъ годовъ? Я сказалъ, что теперь еще *рано*, это во-первыхъ, а во-вторыхъ; въ бытѣ и нравахъ

Библиотека "Руниверс"

литературнаго кружка нашего времени такъ мало занимательнаго, достойнаго вниманія публики, что не сто́итъ подбирать и оглашать всякій соръ, всякую соломинку. Литературная сторона, разныя литературныя вѣянія, теченія и направленія—всѣ достаточно разобраны и оцѣнены. Остаются крохи, детали, совершенные пустяки, какъ собирались другъ у друга, что̀ ѣли, пили, говорили (больше врали) и иногда вели такія бесѣды, что ихъ лучше не вспоминать, не только печатно, даже и про себя. Стоитъ припомнить, о чемъ бывало вели рѣчи, когда соберутся Панаевъ, нашъ милѣйшій Василій Петровичъ *), потомъ Григоровичъ, Дружининъ, Языковъ и др. Этого нельзя заносить ни въ какую, даже и въ скандалёзную, хронику.

Много охотниковъ собирать всякія мелочи послѣ Пушкина или Гоголя. Это еще понятно, но вѣдь между нами не было и нѣтъ величинъ такого размѣра (развѣ графъ Левъ Ник. Толстой), чтобы сто̀ило подметать и прятать ихъ соръ, какъ какую-то святыню. Нѣкоторые не желали бы и вовсе оглашенія въ печати даже и съ хорошей стороны: это ихъ царапаетъ (въ томъ числѣ и меня, отнюдь не признающаго за собой той степени лит. значенія, какое мнѣ хотятъ придать). Почему же не уважить ихъ скромнаго желанія?

Простите меня, какъ стараго товарища по перу и искренняго, глубокаго почитателя васъ и вашего высокаго своеобразнаго таланта, за эти строки, въ которыхъ я откровенно высказалъ свой взглядъ вообще на дѣло оглашенія интимныхъ писемъ. Что̀ касается до моего письма къ вамъ, поступите по вашему благоусмотрѣнію, и я увѣренъ, что вы поступите какъ слѣдуетъ. Примите, вмѣстѣ съ Марьей Петровной, вашей супругой, мою искреннюю благодарность за добрую память обо мнѣ и мой душевный поклонъ. Всегда вамъ преданный И. Гончаровъ.

Прошу также передать мой сердечный поклонъ и графу Льву Николаевичу, съ которымъ, вѣроятно, часто видитесь.

3.

(Къ письму отъ 19 Ноября 1888).

Post-scriptum.

1) Вы упоминаете въ письмѣ о встрѣчѣ въ Парижѣ съ Боткинымъ, Тургеневымъ, со мной. Помню и я одну встрѣчу съ вами, когда я, пріѣхавъ вечеромъ въ Парижъ, узналъ отъ гарсона въ столовой,

*) Боткинъ, братъ супруги А. А. Фета.

Библиотека "Руниверс"

что вы живете въ томъ же отелѣ, гдѣ и я (помнится *Hôtel du Brésil)* и что въ тотъ день была ваша свадьба. Я далъ гарсону свою визитную карточку, чтобъ онъ отнесъ ее вамъ утромъ, а самъ ушелъ гулять на бульваръ (не было ли это въ 1857 году? я забылъ). Но гарсонъ, какъ оказалось потомъ, ломился къ вамъ въ дверь съ карточкой въ тотъ же вечеръ, когда гости разошлись... Не знаю, кто былъ дуракъ: гарсонъ, избравшій удобную минуту, или я, не подождавшій съ карточкой до утра; теперь не помню.

Ну, стоитъ ли, напримѣръ, эта мелочь того, чтобы заносить ее въ мемуары?

А propos о *воспоминаніяхъ, запискахъ*, мемуарахъ. Прочтите, прошу васъ убѣдительно, 31-е письмо Пушкина къ кн. Вяземскому (въ изданіи Суворина, стр. 45 и 46), гдѣ онъ говоритъ о *запискахъ и воспоминаніяхъ*. Это назидательно, сильно и правдиво! А сколько напечатано писемъ самого Пушкина, ненужныхъ, интимныхъ, нескромныхъ и т. д.! Если бъ онъ заживо зналъ, что напечатаютъ, писалъ ли бы эти письма? Конечно, нѣтъ.

2) Вы, можетъ быть, возразите мнѣ, что, вопреки всему сказанному выше, я тоже въ своихъ *Университетскихъ воспоминаніяхъ* изобразилъ фигуры нѣкоторыхъ профессоровъ. Это такъ, но я хотѣлъ напомнить методу тогдашняго унив. преподаванія, а профессоры были и безъ моихъ слабыхъ очерковъ у всѣхъ на виду, какъ на публичной выставкѣ. Ихъ каждый день видѣла многочисленная толпа молодежи и знала вся Москва, слѣд. я никакихъ интимныхъ секретовъ не обнаруживалъ.

Есть у меня въ собраніи сочиненій тоже очеркъ Бѣлинскаго, конечно поверхностный, неполный, гдѣ я хотѣлъ объяснить его литературное значеніе, какъ крупной величины (по плечу Пушкину и Гоголю, которыхъ онъ былъ судьей) и вообще его роль на критическомъ посту, какое онъ имѣлъ вліяніе на публику и кругъ писателей, современныхъ ему, и т. д. И только.

3) Вы говорите, что В. К. К. К. довѣряетъ вамъ и мнѣ просмотръ его стихотвореній. Это правда: онъ даетъ ихъ и мнѣ. Это пріятная, но иногда и щекотливая роль, по отношенію къ авторскому самолюбію. Но нашъ высокорожденный поэтъ такъ милъ, у него такая симпатичная, свѣтлая и чистая натура, что онъ принимаетъ снисходительно и нельстивые отзывы. Нельзя не признать, что личность его только и могла уцѣлѣть отъ житейской порчи въ его высокомъ быту

Библиотека "Руниверс"

и сферѣ, куда не достигаютъ мутныя волны житейскія. Онъ видитъ, какъ путешественники съ горныхъ вершинъ надъ облаками, бури и грозы у себя подъ ногами. А ихъ житейскія бури надо видѣть близко, иногда перетерпѣть, чтобы силы таланта развернулись вполнѣ, чтобы талантъ, какъ алмазъ, пріобрѣлъ грань и всестороннее развитіе. Иначе ему въ удѣлъ достанется только лира «для звуковъ сладкихъ и молитвъ»; а этому теперь «наше вѣтреное племя» мало сочувствуетъ. Я ему говорилъ и писалъ объ этомъ, онъ и самъ считаетъ себя только лирикомъ. Но у него въ натурѣ такъ много задушевной искренности въ сочувствіи къ людямъ и природѣ, такъ много страстности къ поэзіи, что онъ можетъ стать образцовымъ лирикомъ, если условія его быта не задержатъ роста его силъ. Вашъ талантъ, вашу поэзію онъ ставитъ выше всѣхъ современныхъ поэтовъ и находитъ въ ней много *геніальныхъ, тонкихъ* (его слова) красотъ, какъ ни у кого. И справедливо, искренно прибавлю отъ себя.

Ой глаза, ой нервы, ой спина, ой старость! Прощайте! Никогда и никому не буду больше писать! Не трогайте меня: дайте умереть покойно старику. Обнимаю заочно васъ и Толстого, и Богъ съ вами!

4.

23-го Ноября 1888.

Напрасно вы такъ горячо защищаетесь и извиняетесь, мой добрый и любезный коллега, Аѳанасій Аѳанасьевичъ, въ томъ, что попугали меня намѣреніемъ напечатать какое-то мое, вѣроятно вздорное и ничтожное, письмо. Тутъ отчасти и я виноватъ. Другіе любятъ являться на показъ, добиваются гласности и оглашеній; ихъ хлѣбомъ не корми, только напечатай о нихъ. А меня всякое оглашеніе, и мягкое и жесткое, трогаетъ, какъ каленое желѣзо. Я сталъ какъ *Venus pudica* [1]) и, что̀ дѣлать, не могу одолѣть этого или этой *pudeur* [2]): являться на свѣтъ, особенно на старости, нервы мѣшаютъ. Сижу какъ схимникъ въ своей кельѣ, держу діету, пью воду (Зельтерскую съ молокомъ), питаюсь испареніями здѣшней почвы и занимаюсь только кашлемъ. Людей, книгъ, газетъ избѣгаю, между прочимъ потому, что плохо вижу и слышу.

Вы поняли меня сразу и согласились со мной. Не знаю, какъ благодарить васъ за любезное вниманіе къ моимъ желаніямъ, какъ воз-

---

[1]) Венера стыдливая.

[2]) Стыдливости.

Библиотека "Руниверс"

носить мои молитвы за васъ. Въ моихъ святцахъ до сихъ поръ значилось: «иже во святыхъ отца Фета», а теперь, какъ вы раздвоились, приходится поминать «иже во святыхъ Аѳанасія Шеншина». За котораго же творить молитву? Буду за обоихъ, чтобъ навѣрняка.

Вы говорите, что ссылка моя на выдержку изъ письма Пушкина только доказываетъ значеніе писемъ писателей. Это такъ; но какихъ писателей? Я и оговорился насчетъ Пушкина и другихъ, подобныхъ ему, міровыхъ свѣтилъ. Можетъ быть, въ ихъ жизни каждая деталь интересна и каждая соломинка тщательно подбирается. У другихъ же и не нужно и не стоитъ. Такой соръ можетъ занимать только праздныхъ и равнодушныхъ читателей, которымъ что̀ ни подложи, все прочтутъ и тотчасъ забудутъ. Мнѣ кажется, что и у Пушкина слѣдовало бы выключить изъ писемъ много мѣстъ, назначенныхъ имъ явно для одного того, къ кому писано письмо.

Другое дѣло *выдержки, извлеченія* изъ частной переписки чего-нибудь *вѣскаго, цѣннаго,* для *всѣхъ* интереснаго и общаго по вопросамъ науки, искусства и просто жизненныхъ вопросовъ: такія *извлеченія* можно и должно оглашать печатно во всеуслышаніе (какъ, напримѣръ, недавно найденное письмо Гоголя къ Жуковскому со взглядомъ на искусство), но *извлеченія*, а не валить всякій хламъ въ публику изъ интимной, домашней, хотя бы иногда талантливой, игривой и пикантной переписки, но часто нескромной, задѣвающей и царапающей нерѣдко постороннихъ. Извлеченія же, конечно, могутъ быть добываемы изъ писемъ не однихъ только великихъ писателей или дѣятелей вообще, а изъ болѣе скромныхъ, второстепенныхъ и всякихъ, если выдержки почему-нибудь замѣчательны и заслуживаютъ публичнаго вниманія. Вотъ какъ я разумѣю это дѣло.

Простите и прощайте, добрый, многочтимый Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Паки и паки мысленно обнимаю васъ, прихвативъ въ объятія и графа Льва Николаевича и кто еще случится по близости.

Марьѣ Петровнѣ мой глубокій поклонъ. Остаюсь почти весь вашъ искренно преданный И. Гончаровъ.

(Любезно сообщено И. И. Щукинымъ).

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ВОЙНѢ 1877—1878 ГОДОВЪ.

Въ началѣ Августа мѣсяца 1878 года я пріѣхалъ изъ Систова въ главную квартиру, расположенную въ деревнѣ Горномъ Студнѣ, и явился къ князю Черкаскому, какъ секретарь Краснаго Креста, для передачи ему важныхъ донесеній по дѣламъ Общества Краснаго Креста. Его сіятельство принялъ меня очень ласково, какъ стараго знакомаго, и спросилъ: „Что же вы, молодой человѣкъ, оставили ваше безразсудное намѣреніе поступить въ военную службу, или нѣтъ?“ Я отвѣтилъ, что не только не бросаю намѣренія, но теперь же убѣдительно прошу его объ увольненіи меня отъ службы Краснаго Креста. Главноуполномоченный Краснаго Креста остался очень недоволенъ моимъ упрямствомъ, какъ онъ выразился, прибавивъ съ досадою: „Вы желаете, вѣроятно, быть пушечнымъ мясомъ, или получить въ награду деревянный или желѣзный крестъ? Ну, какъ хотите: это ваше дѣло. Я умываю себѣ руки, потому что все мною сдѣлано, чтобы остановить васъ и побороть ваше упрямство, тѣмъ болѣе, что люди въ вашемъ возрастѣ не любятъ слушать совѣтовъ стариковъ“.

Получивъ этими словами, что̀ называется, отпускную, я направился къ маркитанту М.—Азъ обѣдать, а тамъ на свободѣ обсудить что̀ мнѣ дальше дѣлать, т. е. что̀ предпринять и куда нужно подать просьбу о моемъ поступленіи въ одинъ изъ полковъ дѣйствующей арміи. Подхожу къ маркитанту, взошелъ и вижу тамъ массу народа, все больше военный элементъ. Сажусь, спрашиваю себѣ обѣдъ, состоявшій изъ весьма скромнаго меню: бульона, да бёфъ-бризе; кажется, весьма немного и очень скромно, но цѣна невозможно безобразная—двадцать франковъ. Цѣлый полуимперіалъ! Да это ужъ просто, что́ называется, грабежъ. Оглядываюсь, а сосѣдъ мой справа, артиллерійскій офицеръ, пьетъ себѣ чай; глядя на него, и я соблазнился и тоже спросилъ себѣ чаю. Что́ же теперь дѣлать? Къ кому обратиться съ просьбой? задавалъ я себѣ постоянно мучительный вопросъ. Уже стало темнѣть, и въ лагеряхъ пробили „повѣстку къ зарѣ“.. Надо же было и мнѣ озаботиться объ ночлегѣ, да и лошадь моя оставалась все время безъ корма на дворѣ у главноуполномоченнаго Краснаго Креста. Расплатившись, вышелъ я отъ маркитанта и посмотрѣлъ въ свой кошелекъ, который замѣтно облегчился, бывъ и безъ того не особенно полнымъ. Надо быть поэкономнѣе, мелькало у меня въ головѣ, а то можетъ быть плохо, если останусь безъ денегъ одинъ на чужой сторонѣ, безъ знакомыхъ и родныхъ. Гдѣ же

Библиотека "Руниверс"

тогда взять, въ случаѣ нужды? Негдѣ! Съ превеликимъ ужасомъ я замѣтилъ, спустя недѣлю послѣ моего пріѣзда въ главную квартиру, что если трата будетъ продолжаться все такъ же и въ томъ же духѣ, какъ до сихъ поръ, то я скоро останусь безъ крова и куска хлѣба. Отправляюсь въ Главный Штабъ и заявляю о своемъ желаніи поступить вольноопредѣляющимся въ одинъ изъ полковъ, но въ отвѣтъ получаю сухой отказъ, что этого допустить никакъ нельзя, такъ какъ поступить въ полкъ возможно лишь изъ запасного баталіона какого-либо изъ дѣйствующихъ полковъ, а всѣ запасные баталіоны на квартирахъ расположены въ предѣлахъ Россіи; поступленіе же прямо на позицію зависитъ исключительно отъ воли самого Государя Императора.

Чтò же мнѣ дѣлать? Не могу же я по мановенію духа, въ одно мгновенье, очутиться въ предѣлахъ Россіи. Положеніе мое становилось отчаянно-безысходнымъ. Развѣ обратиться къ Государю?.. Но на память приходитъ одна изъ Русскихъ пословицъ: „Что до Бога высоко, а до Государя далеко!“ и разомъ, чтò называется, заставляетъ меня бросить эту мысль, какъ непригодную въ данный моментъ. Что же дѣлать, повторяю я себѣ съ тоскою, что же мнѣ дѣлать? На другой день пробую еще разъ обратиться въ Главный Штабъ, выставивъ всю безысходность своего положенія; но все тщетно. Все одинъ и тотъ же холодный отказъ, приводящій въ ужасъ:—нельзя!

Моя неудача такъ на меня тяжело подѣйствовала, что я отправился за черту раіона главной квартиры, хоть сколько-нибудь привести свои разстроенныя мысли и нервы въ порядокъ. Наступила тихая, теплая ночь, южная ночь: безоблачное небо темно-синимъ шатромъ раскинулось надъ погруженною во мракъ главною квартирой; безчисленныя ярко блестящія звѣзды обливали землю своимъ мягкимъ и мерцающимъ сіяніемъ; на горизонтѣ ясно рисовался довольно рѣзкій абрисъ не то лѣса, не то горъ, изъ-за которыхъ медленно подымался блѣдноватый серпъ молодой луны по темно-синему своду неба; изрѣдка падали блестящія звѣздочки съ невообразимой быстротой. Кругомъ меня царила мертвая тишина, нарушаемая лишь отзвуками изъ главной квартиры, разобрать которыхъ, за дальностью разстоянія, не было никакой возможности. Повторяю, хотя кругомъ меня было тихо, но во мнѣ самомъ бушевала ужасная буря. Мысль за мыслью, какъ волны, набѣгутъ и, разбиваясь, уходятъ, одна другой быстрѣй. Я тоскую, мнѣ страшно хотѣлось бы прижаться къ груди любимой матери и высказать ей все свое горе, свою неудачу и свою тоску; но ея здѣсь нѣтъ, мнѣ не съ кѣмъ облегчить свое изстрадавшееся бѣдное сердце. Я просто задыхался. Гдѣ же тутъ патріотизмъ? Его не признаютъ! Хочу поступить солдатомъ и лечь костьми на полѣ брани за братьевъ Славянъ, а тутъ мое поступленіе въ полкъ обставляютъ какими-то рамками и въ видѣ какихъ-то запасныхъ баталіоновъ, какъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось въ то время и съ точки зрѣнія 18-лѣтняго юноши. О, какъ билось мое сердце, когда послѣдняя надежда на поступленіе въ полкъ улетучивалась!.. У меня нѣтъ болѣе желаній. Надо умереть. Вернуться въ

Библиотека "Руниверс"

Россію и встрѣтить насмѣшки... Ни за что! Все для меня кончено и, какъ тогда казалось, навсегда. Со службой въ Красномъ Крестѣ все покончено, и возврата нѣтъ и не можетъ быть. Во мнѣ все замерло: я не принадлежу уже болѣе къ обществу живыхъ людей, я одинъ, покинутый, затерянный въ толпѣ и на чужой сторонѣ, забытый Богомъ, оставленный людьми...

Мысль, что мнѣ надо покончить съ собой, какъ-то сразу уняла всѣ бушующія во мнѣ страсти, и я совершенно спокойно и какъ-то особенно равнодушно досталъ изъ кармана револьверъ системы бульдогъ, взвелъ курокъ и уже готовъ былъ приложить его къ виску, чтобы его спустить; но мысль о Богѣ, о томъ, что Государь не безъ милости, вѣдь я не пыталъ этого послѣдняго средства, а потомъ о матери, о родныхъ отрезвила меня, и я пришелъ въ ужасъ отъ того, что́ хотѣлъ надъ собою совершить. Я зарыдалъ и плакалъ, какъ малый ребенокъ, долго, долго, пока слезы не облегчили меня. Напряженные нервы не выдержали, и реакція выразилась обильными слезами. Мысль о томъ, что Государь не безъ милости доставляла отраду моему наболѣвшему сердцу. Не помню уже какъ, но я тутъ же заснулъ на сырой травѣ, которая своей свѣжестью успокоительно подѣйствовала на мои возбужденные нервы. Когда я проснулся отъ холода и сырого воздуха, уже было около четырехъ часовъ утра, и въ воздухѣ стоялъ сильный и густой туманъ, а восточный край неба чуть зардѣлся, и мерцалъ слабый свѣтъ пробуждающагося утра. Наступилъ новый день. Я пошелъ по направленію главной квартиры. Еще прошло немного, и изъ-за горизонта начало подыматься солнце, пронизывая туманъ и бросая свои ослѣпительно-яркіе лучи на окружающую мѣстность. По мѣрѣ того, какъ подымалось солнце все выше и выше, туманъ разсѣявался и открывалъ голубой сводъ яснаго южнаго неба, совершенно чистаго, а глазъ могъ постепенно различать все окружающее.

Деревушка Горный Студень, въ которой расположилась наша главная квартира, тогда представляла собою сплошной военный лагерь грандіозныхъ размѣровъ, съ цѣлымъ рядомъ бѣлыхъ холщевыхъ и войлочныхъ кибитокъ. По всѣмъ направленіямъ двигались различныя части войскъ; тамъ и сямъ скакали то казакъ, то какой-нибудь драгунъ или гусаръ съ разными приказаніями; множество офицерскихъ деньщиковъ, мчащихся изъ стороны въ сторону; всѣ дворы Болгарскихъ хатъ заполнены нагруженными повозками и экипажами; въ одномъ мѣстѣ стоятъ лошади у коновязей, ожидающія утренней дачи овса, а въ другомъ—группа солдатиковъ получаетъ отъ ефрейтора свой сухарный „паекъ“; тутъ кипитъ офицерскій самоваръ, раздуваемый сапогомъ, а тамъ деньщикъ ожесточенно чиститъ офицерское платье; проходятъ солдатики за водою къ фонтану, по ихнему „хванталу“, расположенному за скатомъ горы; гдѣ-то слышатся и долетаютъ до меня отрывистыя слова команды; издалека доносятся громъ и грохотъ орудій и трескотня ружейныхъ выстрѣловъ,—это канонада! Однимъ словомъ, куда ни посмотришь, всюду такъ и кипитъ самая оживленная и какая-то лихорадочно-кипучая дѣятельность.

Библиотека "Руниверс"

Прошло еще нѣсколько дней, а отзыва на мою просьбу, поданную на высочайшее имя, нѣтъ и нѣтъ. Деньги, отъ продажи моей верховой лошади, со всѣмъ конскимъ снаряженіемъ, окончательно изсякли, и я остался положительно безъ всякихъ средствъ къ существованію. Но правда гласитъ одна изъ святыхъ истинъ, что „Богъ не безъ милости". И мнѣ несчастному явился покровитель, и въ лицѣ кого же вы бы думали? Ни за что не отгадаете! Въ лицѣ Негра, добраго малаго, находившагося въ услуженіи у маркитанта М.—Азъ. Гдѣ безъ денегъ помѣститься, какъ устроиться? Сообразительный Негръ Фабіанъ предлагаетъ въ мое распоряженіе крышку отъ походнаго фургона, и я располагаюсь въ ней: немного сѣна и мой гуттаперчевый плащъ составляютъ весь инвентарь моего убогаго хозяйства, и я уподобляюсь Діогену съ его бочкой, но только далеко не по доброй волѣ. Хоть и не особенно удобно, а вопросъ съ квартирой рѣшенъ для меня въ благопріятномъ смыслѣ; но какъ же насчетъ самаго главнаго, т. е. пищи и питія? По долгому обоюдному размышленію, и этотъ вопросъ рѣшенъ и оконченъ для меня. По вечерамъ Негръ Фабіанъ отправлялся накачивать воду изъ фонтана для кухни маркитанта; но такъ какъ бочка велика, а подъемъ въ гору крутъ, и одному ему очень трудно съ ней управиться, то я предложилъ ему свои услуги. За мой трудъ я получалъ отъ него ломоть хлѣба, съ совершенно окаменѣлымъ кускомъ Голландскаго или Швейцарскаго сыра. Можете ли вы себѣ представить то душевное состояніе „интеллигентнаго" человѣка, когда онъ накачиваетъ воду изъ фонтана и помогаетъ лошади вести бочку, и только ради своего собственнаго пропитанія? Не думаю. Чѣмъ подобное положеніе лучше набиванія мостовой булыжникомъ? Сознавать, что въ данный моментъ ты не на что болѣе не годенъ, да и достать себѣ другой работы не можешь, болѣе чѣмъ прискорбно. И все это послѣ службы въ Красномъ Крестѣ. Пустя было бы только одно это физическое мученіе, а то еще плюсъ нравственное. Всѣ мои усиленныя хлопоты о поступленіи въ полкъ „волонтеромъ" кажутся мнѣ болѣе и болѣе призрачными. Невольно ропщешь на Бога и проклинаешь людей и все людское, становясь какимъ-то субъектомъ озлобленнымъ на всѣхъ и на вся. Больше же всего было обидно и досадно до слезъ на самого себя, на свою глупость и легкій взглядъ на положеніе существующихъ вещей, въ особенности въ военное время. Вѣра въ людей и во все людское на корню подорвана и чуть не навсегда.

Не знаю, чѣмъ бы это все кончилось, если бы не воспослѣдовалъ неожиданный результатъ, какого я и не смѣлъ ожидать. Иду себѣ въ главную квартиру попытать послѣдній разъ счастія, иду, а у самого мелькаетъ въ головѣ, что изъ этого не выйдетъ ничего путнаго. Подхожу къ палаткѣ завѣдывающаго канцеляріей Главнаго Штаба *), чтобы спросить его о результатѣ моей просьбы. Полковникъ К. выходитъ и говоритъ мнѣ: „Не знаю, какому Богу вы молились, молодой человѣкъ: вѣдь это примѣръ, выходящій изъ ряду вонъ. Вамъ разрѣшено Государемъ Императоромъ поступить прямо на позицію; понимаете

*) Полковникъ Кольбе.

Библиотека "Руниверс"

ли вы—на позицію! Вы можете поступить въ какой пожелаете изъ дѣйствующихъ полковъ, и вотъ вамъ для выбора три пункта: Шипка, Плевна и передовой отрядъ генерала Гурко. Куда вы желаете поступить, молодой человѣкъ? Я вамъ совѣтую въ Н—скій полкъ: онъ только-что отличился. Вечеромъ зайдете и получите бумаги о вашемъ зачисленіи въ Н—скій полкъ. Желаю вамъ счастливаго успѣха. Прощайте!"... Я не помнилъ себя отъ радости и чувствовалъ, что въ глазахъ моихъ стояли слезы, но не горя, а истиннаго счастія, и сердце мое переполнилось безпредѣльной и глубокой благодарностью къ тому, въ чей власти это было сдѣлать. Вѣчная память тебѣ, Царь-Мученикъ! Я тогда же рѣшилъ выступить съ честью на моемъ новомъ поприщѣ и доказать тѣмъ самымъ, что милость сдѣлана была мнѣ не напрасно. Какъ пойдетъ, говорятъ, вести, такъ и удержу нѣтъ. Такъ было и тутъ: иду по „главной квартирѣ" и вдругъ слышу, что кто-то зоветъ меня по имени: обертываюсь и вижу генерала-адъютанта В. [1]), знакомаго съ моими родными. Поздоровались. Генералъ пригласилъ меня зайти съ нимъ къ маркитанту, а тамъ за хорошимъ завтракомъ и стаканомъ добраго вина мы разговорились, и онъ, весьма деликатно, спросилъ меня о состояніи моихъ финансовъ и ссудилъ мнѣ, заимообразно денегъ для поѣздки и поступленія въ полкъ.

Первымъ дѣломъ была покупка верховой лошади, съ конскимъ снаряженіемъ, а состоялась она при слѣдующихъ условіяхъ: компанія студентовъ-медиковъ, подъ предводительствомъ студента Р. [2]), окончила свои операціи „Добровольнаго санитарнаго отряда" и по окончаніи операцій возвращалась домой въ Россію. Студентъ Р., по этому случаю, распродавалъ лошадей и все остальное. Стороговавшись, я купилъ у него за сравнительно небольшую цѣну бѣлую Арабскую лошадь, на которой и рѣшился совершить свой путь подъ „Плевну".

На другой день, чуть свѣтало, я выѣхалъ къ мѣсту своего назначенія. Отъ „главной квартиры" до г. „Плевны" считалось верстъ сорокъ; но я скоро убѣдился, что будутъ и всѣ шестьдесятъ. Отъѣхавъ отъ „Горнаго-Студня" верстъ съ десять, ясно и отчетливо услыхалъ я громъ орудій подъ г. „Плевной". Очевидно, былъ день „канонады". Изъ любопытства я слѣзъ съ лошади и, приложивъ ухо къ землѣ, ощущалъ, какъ она колебалась и дрожала отъ глухихъ ударовъ орудій, но чьихъ? Это Аллахъ вѣдаетъ! Моя Арабская лошадь бодро бѣжала по извилистой шоссейной дорогѣ, усыпанной мелкимъ щебнемъ. Первая деревушка, которая встрѣтилась на моемъ пути, была, если не ошибаюсь, „Чаушъ-Махала". Деревушка, какъ и всѣ, не отличающаяся ничѣмъ особеннымъ. Уже вечерѣло, когда я подъѣзжалъ къ селенію „Булгарень", расположенному по скату горы, вдоль быстрой и довольно извилистой рѣки „Осмы". Въѣзжаю на горбатый, каменный мостъ, (особенность всѣхъ Турецкихъ мостовъ), и мнѣ открывается видъ на другую

[1]) Генералъ-адъютантъ Н. В. Воейковъ, нынѣ умершій.
[2]) Студентъ Военной Медико-Хирургической Академіи г-нъ Рыжковъ.

Библиотека "Руниверс"

деревушку вправо; спрашиваю у проходящаго по мосту „братушки-Болгарина“ что̀ это за деревня и получаю отвѣтъ: „Радоница“. Сильно начинало темнѣть, и я рѣшился свернуть вправо и заночевать въ „Радоницѣ“, такъ какъ „Булгарень“ былъ переполненъ обозомъ разнаго рода войскъ. На ночлегѣ я освѣдомился у хозяина-Болгарина, далеко ли до деревни „Гривицы“ и услыхалъ въ отвѣтъ обычное: „недалеко, недалеко, братушка. Имма шесть саатъ“ (шесть часовъ). Я купилъ мѣрку „ишмика“ (ячменя) за три франка, для корма моей проголодавшейся лошади, и приступилъ къ устройству своего ночлега, на дворѣ хаты подъ открытымъ небомъ. Сборы были короткіе: сѣдло съ потникомъ подъ голову, револьверъ подъ „арча̀къ“ сѣдла̀ и мой гуттаперчевый плащъ взамѣнъ одѣяла, вотъ и всѣ незатѣйливыя приготовленія на сонъ грядущій. Было уже утро, когда я проснулся отъ сыраго и холоднаго воздуха. Умывшись, на скорую руку, у небольшого фонтанчика, выложеннаго изъ камня-плитняка, я поспѣшно собрался и пустился въ дальнѣйшій путь. Опять пошла шоссейная дорога, съ горки на горку, и все тотъ же разнообразный, какъ и раньше, видъ. Навстрѣчу то и дѣло попадались на буйволовыхъ подводахъ громадные транспорты раненыхъ и больныхъ, проходили отдѣльныя маршевыя команды, двигался безконечно-длинный „интендантскій обозъ“, а въ видѣ разнообразія „Жидовскій“ обозъ „Товарищества“ съ погоньщиками-Хохлами изъ Каменецъ-Подольской губерніи.

Вотъ, наконецъ, и селеніе „Карагачъ“, и я узнаю, что до „Гривицы“ осталось совсѣмъ недалеко. Проѣхавъ еще съ часъ, мѣстность сразу измѣнила свой видъ и характеръ и изъ довольно ровной мѣстности сдѣлалась холмистою: холмъ смѣнялся холмомъ. Переваливъ черезъ гребни послѣднихъ холмовъ, я сталъ подыматься на большую и очень крутую гору, откуда стали виднѣться вдали наши „боевыя позиціи“. Грохотъ отъ орудій такъ и стоялъ въ воздухѣ, вперемежку съ трескотнею ружейныхъ выстрѣловъ. Я спустился, наконецъ, съ горы и поѣхалъ вдоль лощины, поросшей мелкимъ кустарникомъ. Но что это за странность? Покажется на горизонтѣ дымокъ, и что-то засвиститъ въ воздухѣ мимо меня. Я, не обращая вниманія, ѣду дальше. Наконецъ надъ моею головою пролетѣла съ страшнымъ трескомъ и свистомъ, вѣроятно, непріятельская „граната“. Что̀ это могло бы значить? Зачѣмъ же непріятельскій снарядъ летитъ сзади меня? Вглядываюсь и опредѣляю, что снаряды летятъ не сзади, а навстрѣчу мнѣ. Обернулся назадъ и вижу, что ко мнѣ, во весь карьеръ, несется какой-то всадникъ. Подскакалъ, и я вижу, что это козакъ-Донецъ, а онъ и говоритъ мнѣ: Вы куда ѣдете, в-діе? Въ „Гривицу“. „Да знаете ли вы, в-діе, что „Гривица“ осталась у васъ сзади, а это вы прямо къ Туркамъ въ ложементъ ѣдете“. Я такъ и обомлѣлъ! Мы повернули назадъ и помчались къ нашимъ „передовымъ позиціямъ“, а изъ Турецкихъ ложементовъ по насъ открыли огонь, и нѣсколько пуль просвистало мимо насъ. Оказалось, что я, по незнанію дороги и не имѣя маршрута, заѣхалъ впереди нашихъ „сторожевыхъ разъѣздовъ“. Очень можетъ быть, что я, совершенно невольно, но разыгралъ одинъ разъ роль

Библиотека "Руниверс"

„Скобелева", потому что подо мной была бѣлая Арабская лошадь и на головѣ бѣлая фуражка. Поблагодаривъ козака-донца, я заѣхалъ за нашъ разъѣздъ и благополучно добрался до „Гривицы". Въ деревушкѣ „Гривицѣ" за ея окраиной была расположена наша „осадная батарея". Я спросилъ у офицера этой батареи: „гдѣ расположенъ А-скій полкъ?" Мнѣ сказали, что въ двухъ верстахъ отъ батареи и что онъ вчера только что смѣнился съ „позиціи первой линіи", ставъ на „бивуакѣ". Я проѣхалъ немного, по указанному направленію, и прибылъ на „бивуакъ" А—скаго полка. Разыскавъ палатку начальника дивизіи [1]) генерала Ш. Ш. [2]), я приказалъ денщику (или, можетъ быть, „ординарцу") доложить о себѣ генералу. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ позванъ къ его превосходительству. Поклонившись, я подалъ ему „пакетъ" изъ „Главнаго Штаба". Генералъ сорвалъ печать и началъ читать бумагу; по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, лицо его все болѣе и болѣе дѣлалось удивленнымъ и печальнымъ. Наконецъ, онъ обратился ко мнѣ: „Вы знаете, молодой человѣкъ, что вамъ было бы гораздо лучше возвратиться туда, откуда вы пріѣхали. Это вамъ мой дружескій совѣтъ, потому что вы не знаете, чего хотите и не понимаете, что̀ дѣлаете!" Я заявилъ ему категорически, что желаніе мое вполнѣ обдуманное, неизмѣнное и что мнѣ нечего и думать о возвращеніи назадъ, если я сюда самъ пріѣхалъ. Генералъ посмотрѣлъ на меня, съ сожалѣніемъ, покачивая головой, которая была вся, какъ лунь, сѣдая! „Итакъ вы непремѣнно желаете поступить въ полкъ", сказалъ онъ еще разъ, пытливо посмотрѣвъ мнѣ въ глаза.—Да-съ я желаю поступить, ваше превосходительство", было отвѣтомъ съ моей стороны. „Быть по вашему", сказалъ онъ и велѣлъ попросить къ нему начальника Штаба. Явился полковникъ П. [3]), и ему было приказано сдѣлать распоряженіе о моемъ зачисленіи рядовымъ „вольноопредѣляющимся" въ А-скій [4]) полкъ. Черезъ полчаса все было готово, и я былъ отправленъ, вмѣстѣ съ вѣстовымъ, къ командиру А-скаго полка полковнику и флигель-адъютанту Ш. [5]). Желаніе мое исполнилось, и я сдѣлался воиномъ. Но былъ ли я доволенъ своимъ новымъ служебнымъ положеніемъ, покажутъ послѣдствія.

Д. Бартеневъ.

---

[1]) 5-й пѣхотной.

[2]) Генералъ-лейтенантъ Шильднеръ-Шульднеръ, нынѣ умершій.

[3]) Полковникъ Поповъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ.

[4]) Архангелогородскій полкъ, Его И. В. В. К. Владимира Александровича.

[5]) Полковникъ Шлиттеръ, убитый въ дѣлѣ 30-го Августа 1877 года подъ редутомъ „Абдулъ-Керимъ" или „Гривицкимъ".

Библиотека "Руниверс"

„КРАТКОЕ ПОСОБІЕ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ“. ПРОФ. В. КЛЮЧЕВСКАГО.

(Частное изданіе, только для слушателей автора. Москва. 1899 г. 156 стр.).

Въ исторической литературѣ рѣдко встрѣчаются книги, въ немногомъ сообщающія многое и въ сжатомъ, конспективномъ изложеніи учебника талантливо освѣщающія новыми выводами цѣлыя эпохи прошлой жизни. Къ такимъ принадлежитъ скромная по своему заглавію, но въ высшей степени цѣнная по богатству сообщаемаго матеріала и прагматизму изложенія книжка проф. Ключевскаго, на которую мы и обращаемъ вниманіе читателя. Она представляетъ собою историческій очеркъ внутренней жизни Русскаго народа въ ея крупнѣйшихъ отношеніяхъ, при чемъ на внѣшнюю, политическую исторію обращаетъ вниманіе на столько, на сколько это необходимо для уясненія внутренняго хода жизни, территоріальнаго роста народа, постепенно расширявшагося въ силу экономическихъ, національныхъ, отчасти и религіозныхъ побужденій. Это — сокращеніе выводовъ науки о Русской исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасный образецъ учебника, какимъ онъ долженъ быть. Попытаемся передать кратко содержаніе этого „краткаго изъ пособій“, чтобы отмѣтить его цѣнныя стороны, какъ ни трудно это сдѣлать, потому что въ общемъ книжка представляетъ больше мыслей, чѣмъ словъ.

Начинаясь очеркомъ природы восточно-Европейской равнины, „пособіе“ объясняетъ ея особенности, по сравненію съ географическимъ строемъ З. Европы, *геологическимъ* происхожденіемъ равнины, этого изсохшаго дна моря, сравнительно въ позднѣйшее геологическое время отступившаго къ юго-восточной Каспійской впадинѣ. Этимъ геологическимъ строеніемъ равнины объясняются: 1) дѣленіе ея на лѣсную и степную полосы, имѣвшія вліяніе на складъ народнаго хозяйства и политическаго быта населенія; 2) сложность рѣчныхъ бассейновъ и разнообразіе ихъ направленія съ общимъ узломъ въ центрѣ равнины (Валдай). Дѣйствіе этого послѣдняго *гидрографическаго* явленія обнаружилось, какъ въ размѣщеніи населенія и его государственномъ объединеніи, такъ и ранѣе еще въ политическомъ дѣленіи страны на *земли*.

Оставляя въ сторонѣ вопросы о древности Славянъ и считая безплодными этнографическія попытки ученыхъ пріурочить позднѣйшихъ Славянъ къ древнѣйшимъ обитателямъ страны (Киммеріянамъ, Скиѳамъ, Сарматамъ), „пособіе“ останавливаетъ вниманіе читателя на извѣстіяхъ о *Скиѳіи* Геродота и ви-

Библиотека "Руниверс"

дитъ въ этихъ извѣстіяхъ тѣ самые три факта, которыми открывается и Русская исторія: а) важное значеніе рѣкъ нашей равнины, б) господство кочевниковъ надъ осѣдлымъ населеніемъ и в) смѣну однихъ кочевниковъ другими. Среди дальнѣйшихъ племенныхъ потоковъ, разливавшихся по южной равнинѣ—Аланъ, Готовъ, Аваръ и Хозаръ—выступаютъ и *Славяне*, восточная вѣтвь которыхъ жила первоначально на Дунаѣ, потомъ въ *Карпатскомъ краѣ*, гдѣ она въ VI в. образовала *военный союзъ* для борьбы съ Византіею, и наконецъ, уже въ VII в., разселилась въ нашей равнинѣ. Это разселеніе на Востокъ *разбивало родовые союзы* Карпатскихъ Славянъ, чему способствовалъ и характеръ лѣсного и земледѣльческаго хозяйства, завязавшагося въ Приднѣпровьѣ. На раннее ослабленіе родового союза восточныхъ Славянъ указываютъ и ихъ миѳологія, и ихъ брачные союзы. *Колонизація* съ другой стороны произвела большія перемѣны и въ *экономическомъ* быту Славянъ: рѣчные пути Приднѣпровья потянули Славянъ къ Каспійскимъ и Черноморскимъ рынкамъ; завязавшаяся *торговля* способствовала разработкѣ народнаго хозяйства. Владычество Хозаръ, утвердившихся въ VII в. въ южно-Русскихъ степяхъ, послужило въ свою очередь внѣшнимъ обстоятельствомъ, способствовавшимъ развитію этой торговли. Слѣдствіемъ торговыхъ сношеній явились *города*: разсѣляясь по Днѣпру и его притокамъ—сначала разбросанными одинокими дворами—Славяне, благодаря торговлѣ, стали собираться въ опредѣленные пункты и рынки, изъ которыхъ и выросли города по главной рѣчной торговой дорогѣ Днѣпра-Волхова, какъ складочные *центры* для образовавшихся вокругъ нихъ *промышленныхъ округовъ*. *Печенѣги*, прорвавшіеся чрезъ Хозарскія владѣнія въ IX вѣкѣ, заставили города опоясываться стѣнами, вводить у себя военное устройство и запасаться ратною силою. Къ услугамъ Славянъ, какъ разъ въ это время (въ первой половинѣ IX в.) являются Скандинавы-*Варяги*, изъ которыхъ набирали наши князья свои военныя дружины. А разъ крупные торговые центры взяли на себя защиту торговли, то произошло политическое подчиненіе промышленныхъ округовъ торговымъ центрамъ, которое вѣроятно происходило силою и до Варяжскихъ князей. Такъ сложились *городовыя области*,—Кіевская, Черниговская, Смоленская и др.,—послужившія основаніемъ позднѣйшаго областнаго дѣленія, не совпадавшаго съ племеннымъ. По времени военные охранители Славянскихъ купцовъ сдѣлались въ иныхъ мѣстахъ властителями охраняемыхъ ими городовъ; появились *выраженія*: *княжества* Рюрика въ Новгородѣ, Синеуса на Бѣломъ озерѣ и др. Самый фактъ призванія князей изъ-за моря, занесенный въ „повѣсть“ (такъ „пособіе“ называетъ введеніе въ первоначальную лѣтопись), разсматривается „пособіемъ“ какъ насильственный захватъ наемниками властительства, не разъ повторявшійся въ тѣ времена. Изъ соединенія мѣстныхъ Варяжскихъ княжествъ и сохранившихъ самостоятельность городовыхъ областей образовалось великое княжество *Кіевское*, обязанное своимъ возвышеніемъ географическому положенію Кіева, который держалъ въ своихъ рукахъ ключи отъ главныхъ воротъ Русской торговли, а посему и стягивалъ къ себѣ интересы всего промышленнаго міра Днѣпра-Волхова. Этотъ міръ нуждался

Библиотека "Руниверс"

въ развитіи торговли, ея охранѣ, а посему и поддерживалъ, въ интересахъ внѣшней торговли, Кіевскихъ князей. Это княжество, такимъ образомъ, имѣло военно-промышленное происхожденіе; оно было первой формой государства, вождь котораго, поддержанный промышленнымъ міромъ, объединилъ в. Славянскія и Финскія племена. Вмѣстѣ съ этимъ оно стало называться и *Русскимъ*: слово, первоначальное значеніе котораго было племенное (Варяги), потомъ сословное (Варяжская дружина), далѣе географическое (Кіево-варяжская область), наконецъ, въ XI и XII вв. политическое. Такъ стала называться вся территорія, подвластная Русскимъ князьямъ, раскинувшаяся съ С. на Ю. отъ Ладожскаго озера до устьевъ р. Роси (праваго притока Днѣпра) и съ В. на З. отъ впаденія Клязьмы въ Оку до верхняго теченія Буга.

Дальнѣйшее *развитіе* государства опредѣлялось тою же *торговлею*, служившею основнымъ побужденіемъ дѣятельности, какъ внутренней, такъ и внѣшней первыхъ Русскихъ князей. Внутри государства они установили прежде всего взиманіе налоговъ, которые болѣе всего сбирались натурою. Этими сборами князья широко торговали съ Византіею, рынки которой они ревниво оберегали; отсюда ихъ военные походы на Царьградъ, отсюда ихъ торговые договоры съ Византіею—крупнѣйшая черта первоначальной Русской исторіи; отсюда забота объ охранѣ торговыхъ путей и границъ государства отъ кочевниковъ. Этимъ государствомъ князья управляли *совмѣстно*: единовластіе до смерти Ярослава было только политическою случайностію, а не политическимъ порядкомъ; съ половины же XI в. Русская земля дѣлилась между всѣми наличными князьями на части *по относительному старшинству и по сравнительной доходности этихъ частей.* Области по доходности были не одинаковы, князья по старшинству различны. Порядокъ княжескаго владѣнія основывался на точномъ соотвѣтствіи порядка старшинства съ порядкомъ доходности областей. Старшій съ званіемъ великаго наслѣдовалъ Кіевъ, второй Черниговъ и т. д., при чемъ, въ случаѣ смерти родича, князья передвигались изъ волости въ волость, совокупно владѣя землею, не раздѣляясь, *а передѣляясь.*

Разнаго рода причины нарушали этотъ порядокъ княжескаго владѣнія; тѣмъ не менѣе—въ зависимости отъ него и условій его нарушенія—жила Русь въ теченіе двухъ столѣтій по смерти Ярослава. Съ постепеннымъ умноженіемъ и развѣтвеніемъ Ярославова потомства въ отдѣльныхъ земляхъ каждая княжеская линія завела свою мѣстную очередь владѣнія, сходную со владѣніемъ всей Русской землей. Первенствующую роль въ этихъ земляхъ попрежнему играли главный городъ и его вѣче, заключавшее съ князьями ряды объ условіяхъ владѣнія. Княжества дѣлились на административные округи—верви (податныя общества), управляемыя и охраняемыя княземъ. Орудіемъ управленія, суда и боевой силы князя была дружина; князь и она содержались на средства отъ прямыхъ (дани) и косвенныхъ (судебныя и торговыя пошлины) налоговъ.

Первоначальное дѣленіе Русскаго общества, основанное *на рабовладѣніи*, съ появленіемъ князей измѣнилось: *отношеніе* къ князю, какъ вер-

Библиотека "Руниверс"

ховному правителю, легло теперь въ основаніе дѣленія на сословія; явились княжи мужи (дружина), люди (свободные простолюдины, платившіе дань) и холопы. Но рядомъ съ этимъ было и *экономическое* дѣленіе Русскаго общества: въ средѣ дружинниковъ явились бояре (классъ привиллегированныхъ землевладѣльцевъ); въ сельскомъ обществѣ—смерды, крестьяне, обрабатывавшіе землю своимъ инвентаремъ, и ролейные закупы или наймиты, обработывавшіе хозяйскими орудіями. Гражданскій порядокъ того времени отражался наиболѣе полно и вѣрно въ Русской Правдѣ. Изъ превосходныхъ страницъ „пособія", ярко рисующихъ прошлую жизнь Русскаго общества, страницы о Русской Правдѣ (38 — 45) превосходнѣйшія. Послѣ глубокаго и строгаго анализа происхожденія Русской Правды (появившейся въ сферѣ церковнаго суда, а не княжескаго) и ея источниковъ, „пособіе" по Русской Правдѣ раскрываетъ предъ читателемъ частныя, жизненныя отношенія лицъ Русскаго общества, интересы и понятія, которыми эти отношенія опредѣлялись и скрѣплялись. Въ основѣ ихъ лежалъ *капиталъ*, и Русская Правда *по преимуществу есть законодательство о капиталѣ*. Она караетъ вредъ, нанесенный имуществу, которое дороже человѣка, его здоровья, личной безопасности, свободы. Чужда Р. Правдѣ нравственная справедливость: для нея неважны и мотивы преступленія: она караетъ за матеріальный ущербъ и караетъ ничѣмъ инымъ, какъ имущественнымъ убыткомъ преступника. Она есть прямое слѣдствіе и выраженіе создавшей ея среды,—той силы, которая творила древнерусскую исторію: торговаго общества, гòрода.

Съ принятіемъ *христіанства* новая струя проникла въ матеріальныя отношенія лицъ Русскаго общества—чувство нравственное. Подъ руководящимъ и благородящимъ дѣйствіемъ Церкви, которой предоставлена была Русскими князьями широкая юрисдикція, созидалась новая жизнь—нравственная, измѣнялись бытъ и нравы общества. Церковь внесла понятіе о грѣхѣ, о нравственной несправедливости, о нравственно-исправительной карѣ за преступленія. Не отмѣняя прежняго гражданскаго порядка, она прививала къ нему лучшія понятія и формы общежитія. Благодаря христіанству и торговлѣ, въ бытѣ высшихъ классовъ Кіевской Руси мы замѣчаемъ значительный достатокъ, успѣхи гражданственности и просвѣщенія; но экономическое благосостояніе сопровождалось порабощеніемъ низшихъ классовъ, не сочувствовавшихъ общественному порядку. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ усобицами князей и набѣгами кочевниковъ, тормозило торговлю и разрушало старый порядокъ. Кіевская Русь начала пустѣть; ея *населеніе* двумя потоками *отливало* частію на Западъ, частію на С. Востокъ, въ междурѣчье Оки и Волги. По отношенію къ с.-восточной Руси, колонизація сопровождалась *послѣдствіями* 1) *этнографическими*: изъ смѣси Славянъ съ Финнами образовалось племя Великорусское; 2) *политическими*, обнаружившимся уже въ княженія Андрея Боголюбскаго и Всеволода III. Андрей отрѣшился отъ Кіевскихъ понятій и стремленій, отдѣлилъ старшинство и достоинство вел. князя отъ мѣста и сѣлъ во Владимирѣ; онъ первый стремился сдѣлать достоинство ве-

Библиотека "Руниверс"

ликаго князя личнымъ и сообщить ему авторитетъ верховной власти. При Всеволодѣ Суздальская область рѣшительно преобладаетъ надъ остальными; авторитетъ Суздальскаго князя настолько великъ, что другіе князья чувствуютъ его руку и ходятъ въ его волѣ. Такимъ образомъ *съ отливомъ* Русскихъ силъ съ Ю.-Запада на С.-Востокъ *перемѣщается и политическій центръ* Русской земли. И хотя въ порядкѣ княжескаго владѣнія попрежнему соблюдается очередь старшинства и въ потомствѣ Всеволодовичей, но во владѣніи младшими областями замѣчается новое явленіе: переходъ области *по завѣщанію* въ прямой нисходящей линіи. Изъ временнаго владѣнія область переходитъ въ наслѣдственное, выдѣляется изъ общаго родового порядка княжескаго владѣнія. Такъ появляется *удѣлъ*, владѣніе землею на правахъ личной собственности. Руководя колонизаціей, князья привыкали смотрѣть на заселяемыя земли, какъ на дѣло рукъ своихъ, личное достояніе, которымъ они и владѣли уже не сообща, а каждый особо; поэтому и періодъ княжескаго владѣнія въ XIII и XIV в. надобно называть *удѣльнымъ*. С. восточная Русь въ этотъ періодъ раздроблялась на маленькіе удѣлы; измельчаніе вело за собою обѣднѣніе и упадокъ правительственнаго авторитета князей; обособленіе князей вело за собою потерю чувства солидарности и общности интересовъ, затемняло мысль о единствѣ земли и общемъ народномъ благѣ. Все это разоряло удѣльный строй и подготовляло политическое *объединеніе* с.-восточной Руси подъ *главенствомъ Москвы*. Ея выгодное географическое положеніе на границѣ съ Новгородъ-Сѣверскимъ княжествомъ и на транзитномъ пути; положеніе среди другихъ княжествъ, защищавшихъ Москву отъ враговъ; своеобразная политика младшей линіи князей потомства А. Невскаго, не имѣвшихъ надежды занять велико-княжескій столъ и вслѣдствіе этого вынуждавшихся пользоваться обстоятельствами минуты, чтобы обезпечить себя и свое княжество; ихъ хозяйственная дѣятельность произвели то, что незначительный первоначально Московскій удѣлъ территоріально расширился, обогатился, князь пріобрѣлъ титулъ великаго и симпатіи населенія, сталъ національнымъ вождемъ с. Руси и пріобрѣлъ Москвѣ значеніе церковной столицы. Въ тоже время почти непрерывный переходъ великокняжеской власти отъ отца къ сыну, сдѣлавшійся по времени обычаемъ и какъ нельзя болѣе выгодный для народа, создалъ новый порядокъ управленія, подготовилъ единовластіе, опиравшееся на потребности Великорусскаго племени средоточить свои силы около Московскаго центра.

Изложивъ, затѣмъ, исторію Новгорода и ея характерныя черты, условія возвышенія и паденія Новгорода, который неминуемо, даже и при лучшемъ политическомъ устройствѣ, чѣмъ какое было въ немъ, палъ бы подъ ударами Москвы, „пособіе" слѣдитъ за тѣмъ, какъ при Іоаннѣ III завершилось территоріальное собираніе сѣверовосточной Руси, и Московское княжество превратилось *въ національное* Великорусское *государство*; какъ, вслѣдствіе этого, выросло значеніе великаго князя, и онъ сдѣлался *царемъ всея Руси* и государемъ Божіею милостію; какъ это значеніе отразилось не только на придворномъ церемоніалѣ, но и на государственномъ правѣ

Библиотека "Руниверс"

въ тѣхъ политическихъ преимуществахъ, которыя имѣетъ теперь великій князь надъ младшими удѣльными братьями; какъ все это измѣнило составъ и настроеніе боярства, а вмѣстѣ съ этимъ и отношенія его къ Московскому государю, разрушивъ единство интересовъ между нимъ и правящими классами, обладавшими широкими политическими притязаніями. А разъ гармонія взаимныхъ отношеній между государемъ и правительственными классами была нарушена, началась *борьба*, характернымъ явленіемъ которой была *опричнина*, — учрежденіе, лишенное всякаго политическаго смысла. Вызванная столкновеніемъ, причиной котораго былъ порядокъ, а не лица, она была направлена противъ лицъ, а не порядка. Приводя, далѣе, мнѣнія о характерѣ Грознаго и значеніи его царствованія „историковъ“ Карамзина, Погодина и Соловьева и объяснивъ военное устройство Московскаго государства, происхожденіе и строй помѣстной системы, „пособіе“ въ исторіи *смуты* и ея ходѣ видитъ внутреннія причины смутнаго времени, вытекавшія изъ стараго порядка Московскаго государства. Политическое притязательное боярство, стремившееся къ ограниченію царской власти, затѣяло смуту, подготовило Самозванца и при Шуйскомъ дѣйствительно достигло этого ограниченія, которое, однако, касалось только обезпеченія личной и имущественной безопасности подданныхъ, но не основъ государственнаго порядка. Среднее боярство и столичное дворянство выработали поэтому новыя условія ограниченія, вошедшія въ грамоту о призваніи Владислава, которыя касались уже основаній государства. Также или почти также дѣйствовало и провинціальное дворянство. Со времени появленія на сценѣ смуты Болотникова, выступили земскіе классы населенія, вслѣдствіе чего и смута, прежде бывшая борьбою за образъ правленія, превратилась въ борьбу соціальную, въ истребленіе высшихъ классовъ низшими, усилившуюся благодаря казакамъ, дѣйствовавшимъ во имя личныхъ интересовъ. Вытекая изъ притязаній Московскаго боярства и тяжелой неравномѣрной раскладки государственныхъ обязанностей между классами общества, смута была *взаимной борьбой* разныхъ *классовъ* этого общества, которое спасли отъ окончательнаго распаденія крѣпкія связи національныя и религіозныя. Съ цѣлію улучшенія разстроеннаго государственнаго порядка правительство царей Михаила и Алексѣя послѣ смуты усиливало развитіе централизаціи (воеводы) и приводило въ извѣстность податныя силы государства (писцовыя и переписныя книги), прибѣгая, въ случаѣ надобности, къ Земскимъ Соборамъ, имѣвшимъ совѣщательное значеніе, и только при избранія государя—учредительное. При Алексѣѣ Михайловичѣ потребовалось привести въ порядокъ законодательную дѣятельность предшествовавшаго времени: явилось Уложеніе, по которому мы можемъ судить о составныхъ частяхъ государственнаго Московскаго строя. Управленіе центральное (Дума и Приказы) при Алексѣѣ болѣе и болѣе объединялось; въ областномъ—усиливалось значеніе воеводъ, развивалось военное дѣло. Вслѣдствіе необходимости содержать и улучшать ратную силу увеличивались налоги и повинности; организація послѣднихъ повела за собою обособленіе сословій—*прикрѣпленіе* служилыхъ и тяглыхъ людей къ ихъ со-

Библиотека "Руниверс"

стояніямъ съ опредѣленіемъ правъ и обязанностей каждаго изъ нихъ. Между прочимъ, въ это именно время, закономъ *1642 года*, вошедшимъ потомъ въ составъ Уложенія, правительство *укрѣпило крестьянъ* съ ихъ потомствомъ за владѣльцами и возложило на послѣднихъ отвѣтственность за податную исправность первыхъ. Попутно съ этимъ устраивались и финансовыя средства правительства, составлявшіяся изъ доходовъ окладныхъ и неокладныхъ, первоначально по такъ называемому сошному письму, а съ 1678 года „по тяглу и промыслу" съ каждаго двора.

Время Петра Перваго, требовавшее усиленной дѣятельности управленія, произвело новыя измѣненія въ его устройствѣ. Во главѣ этого управленія сталъ Сенатъ, съ царскою властію на время отлучекъ государя, отличавшійся по составу отъ Боярской Думы, руководившій и наблюдавшій за вновь созданными учрежденіями: центральными (коллегіи) и областными (губерніи и провинціи). Вмѣстѣ съ этимъ въ интересахъ правительства шло и дальнѣйшее обособленіе сословій, работавшихъ такъ или иначе на государство: торговопромышленный классъ получилъ самостоятельное устройство, независимое отъ воеводъ (магистраты), служебная сила дворянства укрѣплялась указомъ *о единонаслѣдіи*, вводившимъ недѣлимость недвижимыхъ имѣній (а *не* майоратъ) и смѣшавшимъ помѣстья съ вотчинами первая ревизія собрала элементы нисшихъ классовъ (гулящихъ людей, крестьянъ и холоповъ) въ одно крѣпостное крестьянство съ возложеніемъ на него, равно и на горожанъ, подушной подати, замѣнившей подворную. А для облегченія бремени податей усиливалась производительность народнаго труда чрезъ развитіе промышленности и торговли. Эта дѣятельность Преобразователя отразилась въ дальнѣйшей исторической жизни Русскаго царства.

Послѣ Петра, Россія *внѣ* завершала свое національное и территоріальное объединеніе; при Екатеринѣ В. отчасти возвращенъ былъ западно-русскій край; но „коренная Польша, страна Славянская, даже съ чисто-Русскою областью Галиціей, отдана была двумъ Нѣмецкимъ державамъ". Регуляторомъ внѣшней политики Россіи, особенно съ начала XIX вѣка, становится старый восточный вопросъ, расширившійся въ вопросъ Азіатскій, въ вопросъ объ установленіи отношеній Россіи къ Азіатскимъ населеніямъ. Какъ ни затруднялось разрѣшеніе этого вопроса частію интересами Западно-Европейскихъ державъ, частію колебаніями Русской политики, получившей прочную постановку, согласную съ интересами и преданіями Россіи, только со времени императора Николая I,—Турція мало-по-малу была ослаблена, а Греческая и Славянская народности Балканскаго полуострова освободились отъ ея ига, не смотря на печальный исходъ коалиціонной Восточной войны, установившей надъ Турціей протекторатъ Европейскихъ державъ, который на дѣлѣ превратился въ защиту ея отъ восточныхъ христіанъ. Съ 1856 г. сбитая съ своего пути Парижскимъ трактатомъ, внѣшняя политика Россіи обратилась на новыя поприща—на земли Кавказа и Средней Азіи, постепенно вошедшія въ составъ Русскихъ владѣній.

Библиотека "Руниверс"

Во *внутренней* политикѣ Россіи послѣ Петра Великаго происходитъ прежде всего рядъ перемѣнъ въ управленіи. Важнѣйшія совершены были а) Екатериною Великою, преобразовавшей управленіе областное въ духѣ либеральныхъ началъ: коллегіальный порядокъ веденія дѣлъ, отдѣленіе суда отъ администраціи, сословный составъ суда въ средней и низшей инстанціи и совмѣстное участіе сословій въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ. мало понятое современниками, и б) Александромъ I, который, при сотрудничествѣ Сперанскаго, рѣдкаго организатора плановъ государя, создалъ центральныя учрежденія нашихъ дней. Второй рядъ перемѣнъ во внутренней политикѣ послѣ Петра произошелъ въ устройствѣ сословій, отличавшихся разобщеннымъ, замкнутымъ характеромъ. Послѣ Петра сословія получаютъ свое устройство, уравниваются и подготовляются къ совокупной дѣятельности въ мѣстномъ управленіи. XVIII и XIX вѣка были эпохою узаконеній, облегчавшихъ служебныя тягости дворянства, развивавшихъ его права и создававшихъ его преобладающее положеніе, какъ представителя другихъ общественныхъ классовъ; но это послѣднее было временнымъ уклоненіемъ законодательства отъ принятаго направленія къ уравненію сословій, мало оправданнымъ. Въ устройствѣ городскаго общества тоже происходило постепенное облегченіе лежавшихъ на немъ государственныхъ повинностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе точное опредѣленіе его состава, управленія и правъ (грамота 1775 г.); при этомъ попытка Екатерины В. изъ разнообразныхъ элементовъ города, связанныхъ между собою только мѣстомъ жительства, образовать нѣчто цѣлое, не имѣла успѣха по неприложимости ея на практикѣ. Тѣмъ же порядкомъ, какъ устраивались классы дворянъ и горожанъ, устраивалось и свободное сельское сословіе, крестьяне государственные, дворцовые и экономическіе. Что̀ до помѣщичьихъ, то съ закона 1797 г. начинается постепенное выясненіе *юридическаго существа и состава крѣпостного права;* личность крестьянина отдѣляется отъ его повинностей—обязательнаго труда въ пользу помѣщика, имѣвшаго право только на этотъ трудъ. Съ особенною ясностію эта мысль проводится въ законѣ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, гдѣ—въ актѣ соглашенія съ помѣщикомъ—личность крестьянина разсматривается какъ свободная. Все это подготовило реформу 19 Февраля 1891 г., *освободившую* крестьянъ отъ обязательнаго *труда* въ пользу помѣщика путемъ обоюднаго соглашенія сторонъ и выкупной операціи; стоимость труда, по скольку онъ принадлежалъ помѣщику, включалась въ оцѣнку земельнаго надѣла, усадебнаго и полевого. Вмѣстѣ съ этимъ Положеніе 19 Февраля, опредѣленіемъ правъ и обязанностей крестьянъ и устройствомъ ихъ управленія, увеличило число сословныхъ учрежденій, какими пользовались дворяне и горожане. Устроенные, такимъ образомъ, общественные классы соединяются вмѣстѣ *Земскими учрежденіями* (1864 г.) для дѣятельности въ сферѣ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи, при чемъ, однако, эти учрежденія вводятъ и новую общественную классификацію, основанную на цензѣ и не совпадающую окончательно съ сословнымъ дѣленімъ Русскаго общества, даруя, напр., представительство и духовенству, какъ земскому классу.

Библиотека "Руниверс"

Городовое Положеніе 1870 г. съ правомъ участія въ выборахъ, основаннымъ на началѣ *платежей*, завершило устройство мѣстнаго общественнаго управленія, соединяя безъ различія сословій городскихъ жителей въ одно цѣлое.

Изъ этого краткаго обзора содержанія „пособія“ видно, какими достоинствами и качествами оно отличается. Это не есть полный и всесторонній курсъ Русской исторіи; самъ авторъ для напоминанія фактической стороны нѣкоторыхъ отдѣловъ исторіи отсылаетъ иногда читателя къ „Учебной книгѣ“ Соловьева. Не смотря на это, „пособіе“ даетъ болѣе, чѣмъ полные курсы, обращая вниманіе читателя на главную сторону Русской жизни—процессъ склада государства и общества и ихъ взаимоотношенія. Исторически слагавшійся строй управленія, организація общественныхъ классовъ, историческій *порядокъ* жизни Русскаго народа—существенная сторона новаго курса. Эта, если можно такъ сказать, тема „пособія“ придаетъ ему характеръ *новизны* и не только въ цѣломъ, но и въ отдѣльныхъ частяхъ. Эти части освѣщаются новыми свѣдѣніями, представляющими иногда результаты научныхъ изысканій профессора, по скольку они извѣстны въ литературѣ. Такъ „пособіе“ обращаетъ вниманіе читателя на *экономическую* почву историческихъ явленій и не только въ отдѣлѣ о происхожденіи Русскаго государства, гдѣ эта часть особенно выпукла, но и въ дальнѣйшемъ ходѣ Русской исторической жизни, въ исторіи образованія Московскаго государства. *Новыя* свѣдѣнія даетъ „пособіе“, когда говоритъ объ особенностяхъ Русской равнины, зависящихъ отъ ея геологическаго строенія, о Карпатской станціи Славянъ, о разрушеніи родового союза, образованіи государства изъ сліянія торговыхъ областей, о Русской Правдѣ, образованіи удѣла, удѣльномъ періодѣ и нѣкоторыхъ условіяхъ возвышенія Москвы, о Іоаннѣ III, объ опричинѣ, о смутномъ времени, Земскомъ Соборѣ, исторіи прикрѣпленіи крестьянъ (окончательно закономъ 1642 г.), реформѣ Петра Великаго, стоящей особенно въ исторіи, о развитіи сословій въ тѣсной зависимости съ XVII в., объ устройствѣ сословныхъ учрежденій позднѣйшаго времени, о уравненіи сословій, освобожденіи крестьянъ (законъ 1842 г.) и т. д. При этомъ старыя свѣдѣнія, прежде разработанныя, „пособіе“ *освѣщаетъ* по новому. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что всѣ 156 стр. „пособія“ представляютъ подтвержденіе высказаннаго взгляда. Мысль автора господствуетъ надъ многообразнымъ обиліемъ историческихъ фактовъ, и въ нихъ, часто въ отдѣльномъ словѣ скуднаго по краскамъ лѣтописнаго разсказа, усматриваетъ новыя черты, незамѣтныя для другихъ изслѣдователей. Что можно, напр., вывести изъ извѣстнаго лѣтописнаго разсказа о Дулебахъ, ихъ же „примучиша Обри“, о которыхъ „притча—погибоша аки Обрѣ“, кромѣ того, что Авары нѣкогда владѣли Славянами и угнетали ихъ? При свидѣтельствѣ Арабскаго писателя Масуди, X в., „пособіе“ вскрываетъ фактъ о господствѣ Дулебовъ надъ восточными Славянами и въ лѣтописномъ разсказѣ видитъ преданіе старины глубокой объ этомъ господствѣ въ эпоху жизни Славянъ въ Карпатскомъ краѣ. При Иванѣ Калитѣ установилась тишина по всей Русской землѣ на сорокъ лѣтъ, и „престаша Татарове воевати

Библиотека "Руниверс"

Р. землю". „Пособіе" останавливаетъ вниманіе читателя на этой лѣтописной заамѣткѣ и видитъ въ ней больше содержанія, чѣмъ какъ это кажется съ перваго взгляда. Въ нынѣшніе дни не такъ чувствуются благодѣянія мирной тишины, чѣмъ какъ они чувствовались населеніемъ Московской области въ тревожное время XIV в.; въ замѣткѣ слышится голосъ наблюдателя, съ облегченнымъ сердцемъ рисующаго картину современной жизни, страдавшей нѣкогда отъ Татарскихъ погромовъ. Общеизвѣстный законъ Петра Великаго о майоратѣ разсматривается не какъ таковой, но какъ законъ о единонаслѣдіи, что̀ вноситъ точность и болѣе вѣрно опредѣляетъ самый законъ въ примѣненіи его къ Русскимъ нравамъ. Не только въ освѣщеніи цѣлой эпохи или отдѣльнаго факта опредѣленною мыслію, но *и въ выдѣленіи его* изъ ряда другихъ тѣмъ или другимъ *характернымъ* словомъ, останавливающимъ вниманіе читателя и наталкивающимъ его на рядъ новыхъ мыслей,—отличается новый курсъ среди другихъ. Такъ, разсуждая объ образованіи Великорусскаго племени, „пособіе", какъ бы вскользь, замѣчаетъ: „чтобы оцѣнить важность этого факта въ нашей исторіи, достаточно припомнить, что Великорусское племя составляетъ $^2/_3$ всего Русскаго народа". Высказанная мысль настолько богата содержаніемъ, что для разработки ея потребовалось бы написать цѣлое изслѣдованіе. Даже въ крупнѣйшихъ курсахъ исторіи едва ли упоминается законъ 12 Декабря 1801 г., „предоставлявшій всѣмъ свободнымъ состояніямъ право личной поземельной собственности, дотолѣ принадлежавшее только дворянству". „Пособіе" не только упоминаетъ о немъ, но и характеризуетъ его словомъ „капитальный", потому что и на самомъ дѣлѣ этотъ законъ имѣлъ крупное значеніе въ исторической жизни Русскаго народа. Разсуждая о Берлинскомъ конгрессѣ, „пособіе" заключаетъ: „Англія, своей безполезной поддержкой Турціи продлившая послѣднюю войну и тѣмъ увеличившая число ея жертвъ, въ вознагражденіе за то, независимо отъ Берлинскаго конгресса и даже неожиданно для него, особымъ договоромъ съ Турціей отняла у нея о. Кипръ". Въ этомъ краткомъ періодѣ рѣчи мѣткими словами: „безполезной", „вознагражденіе", „неожиданно"—раскрывается цѣлая система международной политики Англіи, благовидно-коварной и эгоистичной, дальновидно-мудрой, но неразборчивой въ достиженіи своихъ интересовъ, той политики, которая такъ хорошо извѣстна своимъ корыстолюбіемъ, славою и позоромъ.

Счастливо выдѣляется разсматриваемое „пособіе" изъ ряда другихъ и своимъ въ высшей степени *систематическимъ* изложеніемъ. Бо̀льшая часть учебныхъ курсовъ по исторіи представляетъ собою простой сводъ историко-статистическаго матеріала, изложеннаго по отдѣльнымъ періодамъ и переполненнаго именами и хронологическими датами. Разсчитанные на память учащихся, такіе курсы обыкновенно отводятъ мало мѣста другимъ познавательнымъ способностямъ—воображенію, разсудочному мышленію. Утомительно-скучные своимъ пустыннымъ однообразіемъ, среди котораго рѣдко-рѣдко проглядываютъ живая мысль и колоритное слово, такія руководства поистинѣ представляютъ тяжелое бремя для учащихся, пугаютъ массою матеріала, не легко удерживаются въ памяти, и то только опредѣленное время. Новое „по-

Библиотека "Руниверс"

собіе“ и въ этомъ отношеніи стоитъ несравненно выше подобныхъ. Сообщаемый имъ историческій матеріалъ, при всей конспективности изложенія, объединенъ всюду проникающею идеею; не только цѣлыя эпохи, но и отдѣльныя части связаны строго-логическою цѣпью причинъ и слѣдствій, и отдѣльные факты излагаются со стороны ихъ внутренняго содержанія и значенія въ общей связи событій. Излагая порядокъ исторической жизни Русскаго народа въ его послѣдовательномъ развитіи, „пособіе“ тѣмъ самымъ даетъ возможность его легчайшаго усвоенія, возбуждая интересъ къ изученію и дѣятельную работу самостоятельной мысли. Хронологія здѣсь представлена большею частію въ вѣкахъ; ей и номенклатурѣ отводится настолько мѣста, насколько это необходимо для пониманія факта. Не смотря на краткость изложенія и его строго-логическій стиль, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно возвышается до художественнаго изображенія историческихъ лицъ и явленій; таковы, напр., характеристики Андрея Боголюбскаго, его борьбы съ южными Русскими князьями, Всеволода III, Александра Благословеннаго и др. Про это новое руководство Русской исторіи слѣдуетъ сказать, что въ общемъ на немъ лежитъ печать творчества и таланта.

Какъ значится на оберткѣ, „пособіе“ составляетъ „частное изданіе, только для слушателей автора“. Въ данную минуту, когда пишется эта замѣтка, „пособіе“ уже все разошлось, и его нѣтъ въ продажѣ. Между тѣмъ было бы желательно возможно-широкое его распространеніе какъ въ цѣляхъ спеціально-педагогическихъ, такъ и вообще образовательныхъ.

С. Кедровъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢТКА О ПАИСІИ ЛИГАРИДѢ.

Статья г. Воробьева: „Паисій Лигаридъ“ (Русскій Архивъ 1893 года, № 1, стр. 1—32), представляя довольно полную біографію сего восточнаго іерарха, требуетъ однако нѣкоторыхъ дополненій вслѣдствіе того, что авторъ („знатокъ церковной исторіи“, какъ сказано о немъ въ примѣчаніи къ его статьѣ: „Женщины-слагательницы церковныхъ пѣснопѣній“ Русскій Архивъ 1893, № 2, 115) не исчерпалъ всей литературы о Лигаридѣ.

Въ предисловіи къ своей статьѣ г. Воробьевъ говоритъ: „Едва ли не первый заговорилъ о Лигаридѣ митрополитъ Евгеній въ „Словарѣ о писателяхъ духовнаго типа“. Это не совсѣмъ справедливо, ибо о Лигаридѣ даетъ свѣдѣнія въ XVIII вѣкѣ уже *Селлій* въ своемъ сочиненіи Schediasma litterarium de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae srcriptis illustrarunt. Revaliae. 1736 (Русскій переводъ: „Каталогъ писателей, сочиненіями своими объяснившихъ церковную и гражданскую Россійскую исторію“, сочиненный А. Селліемъ. Перев. въ Вологодской семинаріи. М. 1815).

Не совсѣмъ точно г. Воробьевъ также характеризуетъ отношеніе Соловьева и Субботина къ вопросу о Лигаридѣ, говоря, что первый „посвятилъ Паисію нѣсколько страницъ“, а второй „коснулся личности Лигарида“. С. М. Соловьевъ, помимо выдержекъ изъ Паисія, указалъ на его сочиненіе—изложеніе дѣла Никона, хранящееся въ Синодальной библіотекѣ (Исторія Россіи, XI, 468, пр. 67), а Н. И. Субботинъ, сообщивъ подробныя выдержки изъ сочиненій Лигарида, далъ его подробную характеристику и пр. (Дѣло патріарха Никона. М. 1862, 49—68 et passim.).

Г. Воробьевъ говоритъ: „мы не знаемъ, за какіе проступки Паисій подвергся запрещенію патріарха“. Отвѣтъ (правда, не совсѣмъ опредѣленный) онъ могъ бы найти въ „Запискахъ отдѣленія Русской и Славянской археологіи Имп. Русскаго Археологическаго Общества“, 1861, II, 601—606, гдѣ помѣщены письма Іерусалимскаго патріарха къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ 1666 г. патріархъ писалъ: „А онъ (Лигаридъ) имѣетъ, великій государь, многія и великія вины и согрѣшенія, которыя, написавъ, послалъ было къ тебѣ, великому государю, свидѣтельства ради, только стыдъ насъ послати не допустилъ“, а въ 1669 г.: „понеже случися преосвященному митрополиту

Библиотека "Руниверс"

Газскому, и онъ, яко человѣкъ, согрѣши въ нѣкіихъ статьяхъ и, по винѣ его отставленъ былъ отъ священной службы и отъ церковнаго причта".

Въ примѣчаніи на стран. 8, г. Воробьевъ полемизируетъ съ Соловьевымъ, относительно времени прибытія Лигарида въ Русскіе предѣлы, указывая на неточность его выраженія. Непонятно, почему г. Воробьевъ не указываетъ болѣе крупной неточности Евгенія (Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, II, 146), говорящаго, что Паисій прибылъ въ Россію около 1660 г. (туже ошибку дѣлаетъ и Аделунгъ, II, 200). Г. Воробьевъ говоритъ, что Паисій прибылъ въ Россію въ Февралѣ, между тѣмъ Субботинъ (51), которому онъ во многомъ слѣдуетъ, называетъ Мартъ мѣсяцъ.

Изъ сочиненій Паисія Лигарида, кромѣ написанныхъ имъ по дѣлу Никона, г. Воробьевъ указываетъ на лекціи философіи, читанныя имъ въ Кіевской Духовной Академіи и, какъ „существуетъ извѣстіе", сохранившіяся въ бумагахъ Е. В. Барсова; но еще Селлій указалъ сочиненія Паисія, при томъ напечатанныя. По словамъ Селлія (49—50), Паисій написалъ для Рейтенфельса сочиненіе: Commentaria nonulla ad religionem spectantia, которое напечатано въ 1680 г. въ приложеніи къ сочиненію Рейтенфельса, а по просьбѣ Шведскаго посланника Лиліенталя, въ 1666 г., написалъ: Tractatus de fide Graecorum et Moscovitarum circa sacrosanctum Eucharistiae misterium, напечатанное Арнольдомъ въ сочиненіи: De perpetuitate Fidei Catholicae de S. Eucharistia. 1666.

Кромѣ того, письма Паисія Лигарида къ Лазарю Барановичу, архіепископу Черниговскому, помѣщены въ „Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ", 1867, №№ 8, 10, 11, 13.

Въ заключеніе позволимъ себѣ замѣтить, что литературныя указанія о Лигаридѣ сдѣланы были нами въ статьѣ: „Замѣтки объ иностранныхъ писателяхъ о Россіи въ XVII в.". (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ., 1878, № 5).

Е. Козубскій.

Библиотека "Руниверс"

МОГИЛА КНЯГИНИ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Въ Римѣ, въ церкви святыхъ Викентія и Аѳанасія (Santi Vincenzo e Atanasio), находящейся на площади Треви, въ боковой часовнѣ, направо отъ входа, покоятся останки князя Никиты Григорьевича, княгини Зинаиды Александровны Волконскихъ и сестры послѣдней, Маріи Александровны Власовой.

На гробницахъ слѣдующія Латинскія надписи:

Zenais Alexandri F. Principis Beloselsky de Belozero adhuc vivens sibi et cineribus Nicetae Principis Wolkonsky mariti carissimi Mariae Magdalenae Viduae Wlassoff sorori dulcissimae et suorum heic commune conditorium ut quos eadem fides Romanae Ecclesiae coniunxerat eadem quoque tellus qua Summorum antistitum praecordia servantur eorum pariter corpora sociaret a partu Virginis an. 1857.

Memoriae et quieti Nicetae F. Gregorii Principis Wolkonski fide opera domi forisque de patria de Imperatore Alexandro I Opt. meriti animi demissione charitate in religione cath. spectatiss. Petroburgi natus IX cal. sext. 1781 obiit Romae XVIII cal. Decem. 1844 in Pace. Mortales eius exuvias in Ecclesia S. Mariae de Lilio assissinatis depositas ad hanc Summorum antistitum parocciam VIII cal. Martii 1859 translatas Zenais F. Principibus Beloselsky de Belozero superstes uxor in proprio conditorio nuper comparato. P. C. votisg. compos. M. H. P.

Примѣчаніе. Въ этой церкви, перестроенной въ XVII-мъ столѣтіи на средства кардинала Мазарини, сохраняются сердца многихъ изъ папъ.

(*Сообщено графомъ К. А. Хрептовичемъ-Бутеневымъ*).

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА М. М. СПЕРАНСКАГО КЪ А. О. ИМБЕРГУ *).

1.

С.-Петербургъ, 19-го Дек. 1825.

Чрезмѣрно виноватъ, любезный Алексѣй Осиповичъ, что на два письма ваши не отвѣчалъ. Ради Бога, не относите сего молчанія ни къ чему другому, кромѣ заботливой моей жизни, а можетъ быть и къ лѣни. Надѣюсь, что Анюта здорова и ширѣетъ и толстѣетъ; дай Богъ ей дождаться въ радости первой и важнѣйшей эпохи въ ея жизни. Мы, слава Богу, всѣ здоровы. Елисавета вамъ и Анютѣ кланяется. Сами вы легко представить себѣ можете, что по представленію о васъ не могъ я просить И. И. Дибича и ничего еще не могло быть сдѣлано; но при первомъ случаѣ не упущу я ничего для васъ полезнаго. Надобно только время, чтобъ прояснились обстоятельства.

Прощайте. Душевно васъ обнимаю, а Анюту цѣлую отъ всего сердца. Вашъ вѣрный и покорный слуга М. Сперанскій.

2.

С.-Петербургъ, 23 Марта 1826.

Поздравляю, отъ всего сердца поздравляю васъ, любезный Алексѣй Осиповичъ и любезную Анюту, съ новорожденнымъ. Дай Богъ матери здоровья, младенцу силы, вамъ радости и надежды.

Съ совершеннымъ удовольствіемъ готовъ быть ему крестнымъ отцемъ. Подарковъ не посылаю, но прошу ихъ считать на мнѣ долгомъ. Бѣдная Анюта много страдала; но кто бываетъ счастливъ безъ страданія?

Поручаю ее, и васъ, и новорожденнаго милости Божіей, пребывая всегда васъ искренно любящимъ и усерднымъ слугою М. Сперанскій.

---

*) Съ подлинниковъ, сохранившихся въ бумагахъ покойнаго А. Д. Мейна, любезно сообщено въ „Русскій Архивъ“ его дочерью, Марьею Александровной Цвѣтаевой. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

3.

С.-Петербургъ, 28-го Сентября 1826.

Хотя путешествіе въ Москву и другія непредвидѣнныя обстоятельства много меня въ дѣлахъ моихъ экономическихъ разстроили; боясь однакоже оставить васъ, любезный Алексѣй Осиповичъ, въ нуждѣ, посылаю просимые вами на будущій годъ 1000 р. Желаю отъ всего сердца, чтобы беременность Анюты на сей разъ была легче, нежели первая. Теперь она имѣетъ опытъ и лучше можетъ беречься. По возвращеніи сюда я видѣлъ на сихъ дняхъ вашего родителя и братца. Оба они еще не пристроены; но сколько отъ меня зависитъ, заботиться о нихъ я не престану.

Прощайте. Обоихъ васъ душевно обнимаю. Цѣлуйте дѣтей и настоящаго и грядущаго. М. Сперанскій.

При первомъ случаѣ дайте мнѣ знать, въ какомъ имянно званіи при к. Репнинѣ вы находитесь, въ прежнемъ ли аудиторскомъ, чтобъ, при случаѣ офиціальной о васъ записки, мнѣ не ошибиться.

4.

С.-Петербургъ, 4 Апрѣля 1827.

Получивъ вчерашній день письмо ваше, любезный Алексѣй Осиповичъ, севодни же посылаю вамъ, чтò могу и имянно тысячу рублей. Не думайте, чтобъ мы васъ здѣсь забыли; напротивъ, стараемся и хлопочемъ, чтобъ доставить вамъ мѣсто; но по сіе время не можемъ кончить по желанію. Надѣюся однакоже чрезъ нѣсколько дней написать вамъ что нибудь рѣшительнѣе. Съ Свѣтлымъ праздникомъ васъ и любезную Анюту искренно поздравляю. Не унывайте, ради Бога и, терпя много, не теряйте плодовъ терпѣнія вашего и переносите трудности положенія вашего съ упованіемъ на милость Божію, которая никогда васъ не оставитъ.

Прощайте, душевно васъ обоихъ обнимаю. Сперанскій.

5.

С.-Петербургъ, 24 Августа 1827.

Богъ посѣтилъ васъ, любезный Алексѣй Осиповичъ, подлинно великою скорбію. Чѣмъ могу васъ утѣшить? Послѣ многократныхъ исканій помѣстить васъ, доселѣ не успѣлъ я ничего найти для васъ удобнаго. Не думайте, ради Бога, чтобъ я хоть на минуту о семъ за-

Библиотека "Руниверс"

былъ: это лежитъ у меня на сердцѣ, какъ камень. Но Богъ милостивъ, Онъ не оставитъ васъ и все устроится къ лучшему. Между тѣмъ не оставляйте сиротъ вашихъ, помогайте и дѣлитесь съ ними послѣднимъ кускомъ хлѣба. Для сего посылаю вамъ при семъ все, что̀ могу, тысячу рублей.

К. Н. Г. Репнинъ далъ мнѣ надежду помѣстить васъ у себя правителемъ канцеляріи. Есть ли сіе сбудется: то впредъ до лучшаго вы по крайней мѣрѣ будете при такомъ мѣстѣ, съ коего удобнѣе будетъ ступить на другое.

Прощайте; цѣлую Анюту и дѣтей вашихъ. Вашъ вѣрный слуга М. Сперанскій.

(Адресъ на этомъ письмѣ:) Его высокоблагородію Алексѣю Осиповичу Имбергу въ Полтавѣ.

6.

С.-Петербургъ, 2 Ноября 1828.

Вы увѣрены, любезный мой Алексѣй Осиповичъ, такъ какъ и Анюта безъ сомнѣнія увѣрена, въ искренности чувствъ моихъ къ вамъ и не взыщете на мнѣ столь долгаго молчанія. Хоть поздно, но отъ всей души поздравляю васъ съ новорожденнымъ. Дай Богъ, чтобъ вы утѣшались и радовались. Письмо князя Николая Григорьевича о васъ исполнено столь искреннимъ и заботливымъ къ вамъ расположеніемъ, что мы по общему совѣту положили отсрочить всякое другое движеніе и ожидать, когда можетъ открыться для васъ мѣсто въ Малороссіи. Ничего при семъ случаѣ не будетъ упущено; только дайте намъ знать о первыхъ вѣроятностяхъ, когда онѣ откроются, чтобъ можно было принять мѣры благовременно.

Посылаю маленькій подарочекъ кумѣ моей Анютѣ. Дайте ему цѣну вашимъ одобреніемъ и вѣрьте непремѣнному моему чувству дружбы. Сперанскій.

7.

С.-Петербургъ, 1-го Февр. 1829.

Получивъ третьяго дни отъ Анюты письмо, сегодни поспѣшаю отправить къ вамъ, любезный Алексѣй Осиповичъ, тысячу рублей.

Среди свадебныхъ праздниковъ я не успѣлъ еще говорить о дѣлахъ вашихъ съ к. Николаемъ Григорьевичемъ. При первой удобности обо всемъ съ нимъ изъяснюсь. Между тѣмъ посѣтила его подагра. Вѣрьте, что пользы ваши ни на минуту не будутъ мною забыты, и все, что̀ можно, придумано будетъ къ лучшему.

Библиотека "Руниверс"

Мы ожидали съ нетерпѣніемъ Александра Алексѣича и не знаемъ еще, когда онъ возвратится.

Цѣлую заочно Анюту и дѣтей. Примите свидѣтельство искренней моей дружбы. Сперанскій.

8.

С.-Петербургъ, 1 Ноября 1829.

Третьяго только дни получилъ я письмо ваше, любезный Алексѣй Осиповичъ, отъ 6-го Октября, и посылаю при семъ тысячу рублей.

Ради Бога не думайте, чтобы васъ здѣсь забыли: это и несправедливо, и для васъ самихъ безполезно-огорчительно. И нужды ваши, и положеніе мнѣ совершенно извѣстны; но что же дѣлать, когда всѣ наши предположенія не сбываются никогда. И не думалъ я винить васъ въ томъ, что вы не согласились перемѣститься къ графу Воронцову; напротивъ, теперь открывается, что вы поступили благоразумно. Мысль ваша объ инспекторствѣ почтъ весьма основательна и на сей разъ, кажется, сбудется. Новое устройство вѣроятно черезъ мѣсяцъ выйдетъ. Я не оставлю согласиться съ Конст. Яковличемъ*) и привести дѣло сіе къ концу. Поцѣлуйте за меня Анюту и дѣтей вашихъ, которыя, говорятъ, очень милы, и вѣрьте непрерывному моему усердію и дружбѣ. Сперанскій.

9.

С.-Петербургъ, 10 Мая 1830.

Болѣзнь ваша, любезный Алексѣй Осиповичъ, много насъ огорчила; слава Богу, теперь все миновалось. При самомъ отъѣздѣ получилъ письмо Анюты и ваше и посылаю вамъ при семъ 1000 р. О мѣстѣ не безпокойтесь: оно васъ не минуетъ. Всѣ мѣры къ сему приняты. Поручаю васъ и Анюту и дѣтей вашихъ всесильному Божіему Промыслу. Вашъ вѣрный слуга М. Сперанскій.

10.

С.-Петербургъ, 7 Декабря 1830.

Давно, любезный Алексѣй Осиповичъ, собирался я къ вамъ писать; но не успѣвалъ. К. Я. Булгаковъ увѣдомилъ уже васъ о предназначеніи вашемъ. Увѣряю васъ, что оно рѣшено здѣсь нами по общему совѣту не слегка, но обдумавъ все, что можно было придумать, сообразить и сдѣлать. Все, что бы вы ни считали нужнымъ прежде уважить, все было уважено, всѣ попытки сдѣланы, всѣ просьбы употреблены, и все привело насъ къ тому, чтобъ предложить вамъ мѣсто Виленскаго инспектора. Черниговское найдено совершенно не-

*) Булгаковымъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

возможнымъ. Веленское же во всѣхъ отношеніяхъ и лучше, и важнѣе. Въ прочемъ дѣло состоитъ не въ томъ только, чтобъ доставить вамъ выгодное мѣсто, но въ томъ, чтобъ проложить вамъ путь къ мѣсту. Въ настоящемъ вашемъ званіи васъ никуда почти подвинуть нельзя: ибо правитель канцеляріи или секретарь здѣсь считаются за одно, и ничего значительнаго просить нельзя. Дѣло другое быть инспекторомъ. Вы выходите изъ канцелярской категоріи, и все уже будетъ вамъ прилично. Естьли на первый разъ нельзя вамъ будетъ отправиться съ Анютою и семьею, то отправляйтесь одни; а тамъ, обозрясь и учредясь, перевезете и ее. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется. Во всѣхъ случаяхъ еще вамъ повторяю: вы будете крайне несправедливы, естьли подумаете, что друзья ваши здѣсь васъ забыли или не заботились. Смѣло утверждаю противное не только о себѣ, но и о К. Яковличѣ и Багреевыхъ.

Богъ даровалъ мнѣ внука. Лиза сама его кормитъ, и слава Богу и сынъ, и мать здоровы. Прощайте. Душевно васъ, Анюту и дѣтей обнимаю. Сперанскій.

Письмо къ князю Н. Г. Репнину.

С.-Петербургъ, 16-го Февраля 1831.

Чрезмѣрно благодаренъ вашему сіятельству за участіе ваше въ судьбѣ преданнаго вамъ Имберга. Въ тотъ самый день, какъ пришло сюда первое извѣстіе о смерти Полтавскаго вице-губернатора, въ вечеру опредѣленъ уже былъ ему преемникъ, давно уже ожидавшій ваканціи. Письмо ваше получено уже по подписаніи указа; посему я счелъ уже и излишнимъ доставить его по назначенію, но сохранилъ до возвращенія.

Между тѣмъ Имбергъ получилъ другое мѣсто и хотя несравненно было бы выгоднѣе для него и сообразнѣе съ желаніями его и моими, чтобы онъ оставался подъ вашимъ столь милостивымъ для него начальствомъ, но достигнуть сего было невозможно; я увѣренъ впрочемъ, что, гдѣ бы онъ ни былъ, онъ не потеряетъ вашего къ нему благотворнаго вниманія.

Примите свидѣтельство совершеннаго почитанія и преданности, съ коими честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

М. Сперанскій.

Библиотека "Руниверс"

11.

С.-Петербургъ, 16-го Февраля 1831.

Дѣло ваше, любезный Алексѣй Осиповичъ, устроилось не такъ, какъ мы желали, но какъ Богъ велѣлъ. Не въ томъ только отношеніи я сему радуюсь, что ваше мѣсто настоящее и почетно, и прилично, но чтѐ всего важнѣе, вы можете съ него поступить на другое при первой удобности, чего изъ правителей канцеляріи сдѣлать было невозможно. Изъ письма моего къ князю Николаю Григорьичу вы впрочемъ увидите, что указъ на Полтавское мѣсто подписанъ былъ въ тотъ же день, какъ первая вѣсть сюда достигла.

Желаю вамъ отъ всего сердца успѣховъ на новомъ вашемъ пути Ради Бога не теряйте духа и терпѣнія, все пойдетъ теперь къ лучшему. Анюту и дѣтей за меня поцѣлуйте и вѣрьте искренности моей неизмѣняемой дружбы. Сперанскій.

P. S. Посылаю вамъ бездѣлку, 500 р., потому что точно болѣе у меня не случилось.

12.

С.-Петербургъ, 26 Апрѣля 1835.

По послѣднему письму вашему, любезный Алексѣй Осиповичъ, я объяснялся съ К. Я. Булгаковымъ и нашелъ мысли его о перемѣщеніи вашемъ во всемъ сообразными съ моими. Въ Москвѣ кругъ дѣйствія вашего будетъ и обширнѣе, и лучше, но надобно время; опредѣлить срокъ съ точностію нельзя; довольно, что это предназначено и уложено; остальное должно предоставить Провидѣнію.

Нынѣшнимъ лѣтомъ не поѣду я къ водамъ: здоровье мое, слава Богу, не требуетъ сего. Мы будемъ жить въ Царскомъ Селѣ, куда и отправлюсь вѣроятно чрезъ недѣлю. Между тѣмъ пишу вамъ сіе среди ужасныхъ хлопотъ двойного перемѣщенія и въ городъ, и на дачу. Мы должны были разстаться съ домомъ Армянской церкви по необходимой въ немъ перестройкѣ. Взяли другой домъ на Фонтанкѣ.

Давно собирался я писать къ Анютѣ; у меня лежало на сердцѣ утѣшить ее сколь возможно послѣ ея болѣзни. Печаль ея должна быть велика; но у меня есть утѣшеніе: ваша дружба, любовь дѣтей и Богъ. Посылаю ей разныя бездѣлки отъ себя и отъ Елисаветы. По любви моей къ ней, я принялъ и никогда не перестану принимать искрен-

Библиотека "Руниверс"

няго участія во всей судьбѣ ея. Красота ея или безобразіе тутъ не сдѣлаютъ никогда разницы. Все мое семейство раздѣляетъ со мною тѣже къ ней чувства.

Прощайте; будьте здоровы; Богъ съ вами. Цѣлуйте за меня дѣтей и Анюту. М. Сперанскій.

13.

С.-Петербургъ, 19-го Іюля 1835.

Напрасно, любезный Алексѣй Осиповичъ, вошли вы въ столь подробное объясненіе о семейныхъ дѣлахъ вашихъ. Я всегда былъ увѣренъ, что вы хорошій отецъ и добрый мужъ столько же, сколь увѣренъ я въ добромъ сердцѣ и чистосердечіи Анюты; а при этихъ царственныхъ свойствахъ характера маленькія домашнія смуты, почти неизбѣжныя, суть не что иное какъ временные минутные припадки; не надобно только принимать ихъ къ сердцу, а надобно тотчасъ объясниться.

Положеніе ваше служебное скоро должно измѣниться къ лучшему. Въ Москвѣ и для васъ, и для воспитанія дѣтей вы найдете всѣ удобства.

Прощайте. Цѣлую Анюту и дѣтей. Господь съ вами. Сперанскій.

Вотъ письмо къ Анютѣ отъ Елисаветы. Чепчики идутъ съ тяжелою почтою.

14.

С.-Петербургъ, 16-го Апрѣля 1836.

Вы были представлены къ чину, любезный Алексѣй Осиповичъ; но чинъ на сей разъ не получите, всѣмъ въ подобномъ съ вами положеніи отказано; но вы получите орденъ Св. Станислава 2-й степени; слѣдовательно можно поздравить васъ съ звѣздою. Князь А. Н. Голицынъ расположенъ къ вамъ какъ нельзя лучше; а это главное. Производство въ чины вообще нынѣ весьма затруднительно; но какъ на 4-й классъ лѣтъ не положено: то и есть надежда на будущее. Терпѣніе. Прощайте; душевно васъ, Анюту и дѣтей обнимаю. Сперанскій

15.

С.-Петербургъ, 14-го Мая 1836.

Посылаю вамъ, любезный кавалеръ, звѣзду и цѣлый запасъ лентъ: желаю вамъ сіять въ звѣздѣ и ослѣпить другихъ въ добрѣ и правдѣ. Прощайте. Анюту и дѣтей цѣлую. Вашъ вѣрный слуга Сперанскій.

Елисавета на сихъ дняхъ съ Мери отъѣзжаютъ водою за границу въ Маріенбадъ. Онѣ вамъ усердно кланяются.

Библиотека "Руниверс"

16.

С.-Петербургъ, 10-го Апрѣля 1837.

Виноватъ, любезная Анюта, что такъ долго не отвѣчалъ тебѣ и не поздравилъ тебя и твоего Алексѣя съ общею вашею и моею радостію. Ты не усомнишься конечно въ искреннемъ моемъ участіи. Дай Богъ расти новорожденному и тебѣ укрѣпиться въ силахъ.

Мы здѣсь провели самую печальную зиму. Лиза все больна; Мери такъ же, но теперь слава Богу ей лучше, и есть надежда къ совершенному выздоровленію. Я дряхлѣю и отъ лѣтъ, и отъ трудовъ. Лѣтомъ собираюсь посмотрѣть на Малороссію, а можетъ быть и на Крымъ, чтобъ хоть нѣсколько отдохнуть и укрѣпиться.

Прощай, моя милая; тебя, Алексѣя, и всѣхъ малютокъ вашихъ обнимаю, а новорожденнаго Михаила отъ души и сердца благословляю.

Сперанскій.

P. S. Съ прошедшею почтою отправилъ тебѣ маленькій подарокъ на платье. Носи на здоровье.

17.

С.-Петербургъ, 24 Апрѣля 1838.

Поздравляю ваше превосходительство съ чиномъ. Вы видите, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба никогда не пропадаетъ; я имѣлъ и имѣю вѣрное доказательство, что доброе и справедливое начальство ваше знаетъ цѣну вашимъ трудамъ и усердію.

За извѣщеніе ваше о болтовнѣ Платонова благодарю. Это бродяга давно извѣстный здѣсь и знакомый князю Николаю Андреевичу*), по его хвастовству и небылицамъ. Совѣтую вамъ его не принимать. Никакихъ бумагъ моихъ онъ имѣть не можетъ, развѣ краденыя: ибо никогда не имѣлъ я съ нимъ сношеній, а видалъ его въ домѣ покойнаго к. Д. Н. Салтыкова.

Лѣтомъ я располагаюсь побывать въ деревнѣ, а оттуда проѣду въ Крымъ, чтобъ купаться въ морѣ. Прощайте, желаю вамъ благословенія Божія. Анюту и дѣтей цѣлую. Сперанскій.

---

*) Долгорукову, генералъ-губернатору въ Вильнѣ, старшему брату нашего князя Владимира Андреевича. *П. Б.*

Библиотека "Руниверс"

18.

С.-Петербургъ, Мая 31. 1838.

Я умедлилъ отвѣчать вамъ, любезный Алексѣй Осиповичъ, на письмо ваше о взысканіи. Оправданія ваши я нахожу столько уважительными, что мнѣ кажется, при подробномъ разсмотрѣніи дѣла, вы будете правы. Время еще не ушло. Совѣтую вамъ изготовить письмо на высочайшее имя и отправить его установленнымъ порядкомъ въ Комиссію Прошеній. Дѣло перейдетъ въ общее собраніе и тамъ безъ сомнѣнія будетъ разсмотрѣно безпристрастно и справедливо. Князь Александръ Николаевичъ, какъ добрый начальникъ, готовъ оказать вамъ всякое содѣйствіе. Вотъ все, что̀ на сей разъ могу вамъ сказать въ ваше утѣшеніе. Впрочемъ положитесь на Провидѣніе и на чистоту вашей совѣсти.

Будьте здоровы. Дѣтей и Анюту обнимаю. Сперанскій.

*

А. О. Имбергъ, въ то время, къ которому относятся эти письма, служилъ въ Полтавѣ правителемъ канцеляріи Малороссійскаго губернатора князя Репнина, а съ 1831 года почтъ-инспекторомъ въ Вильнѣ. По своей теткѣ, Екатеринѣ Любимовнѣ Шумлянской, былъ онъ двоюроднымъ братомъ Булгаковыхъ, съ которыми знакомы читатели „Русскаго Архива“. Любопытныя воспоминанія его напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 года. Женатъ онъ былъ на Аннѣ Андреевнѣ Смирновой, и вотъ причина его сближенія со Сперанскимъ, который выдавалъ ее за свою внучатную племянницу и благодѣтельствовалъ ей, такъ какъ въ сущности она была незаконнорожденная дочь свояченицы Сперанскаго, Маріанны Злобиной, прижитая ею отъ нѣкоего своего питомца Странека. Теща Сперанскаго, вдова Англійскаго пастора Стивенса, пустила слухъ, будто отецъ Анюты—самъ Сперанскій. Подробности см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1884, III, 55, въ письмѣ къ намъ о томъ барона М. А. Корфа.—Настоящей біографіи Сперанскаго мы все еще не имѣемъ; по многимъ причинамъ возбуждаетъ онъ до селѣ и пристрастныя похвалы, и пристрастныя осужденія. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ЦАПЛИ.

Въ Библіографическихъ Запискахъ 1858 г. № 8, стихотвореніе это приписывается Е. А. Баратынскому и напечатано въ такомъ видѣ:

Жилъ да былъ пѣтухъ Индѣйскій,
Цаплѣ руку предложилъ,
При дворѣ взялъ чинъ лакейскій
И въ супружество вступилъ.
Онъ дѣтей молилъ какъ дара,
И услышалъ богъ боговъ:
Родилася цаплей пара,
Не родилось пѣтуховъ.
Цапли выросли, отстали
Отъ младенческихъ оковъ,
Длинны, длинны очень стали
И глядятъ на куликовъ.
Вотъ пришла отцу забота
Цаплей замужъ выдавать.
Онъ за каждой три болота
При замужствѣ хочетъ дать.
Кулики къ нему летали
Изъ далекихъ, ближнихъ мѣстъ,
Но лишь кормъ одинъ клевали,
Не смотрѣли на невѣстъ.
Цапли вяли, цапли сохли,
И увы! скажу вздохнувъ,
На болотѣ передохли,
Носикъ въ перья завернувъ.

Въ Полярной Звѣздѣ 1858 года стихотвореніе это приписано А. С. Пушкину и напечатано со слѣдующими отличіями:

Ст. 5. Онъ молилъ дѣтей какъ дара,
Ст. 6. И услышалъ Саваоѳъ.
Ст. 11. Длинны, очень длинны стали.

Послѣ ст. 16. Но кому жъ придетъ охота
Цаплю замужъ себѣ взять?

Стиховъ 17—20 нѣтъ.

Ст. 21 Цапли чахли, цапли сохли.

Въ Библ. Зап. приведены еще разночтенія:

Ст. 1. Жилъ былъ встарь пѣтухъ Индѣйскій.
Ст. 24. Носикъ въ перушки уткнувъ.

Стихи, напечатанные въ Полярной Звѣздѣ послѣ 16-го, приведены, какъ разночтеніе стиховъ 15—16.

(Сообщено В. Я. Брюсовымъ).

Библиотека "Руниверс"

ПОПОВОДУ СТАТЬИ О ПРЕБЫВАНІ ПУШКИНА ВЪ БЕРДѢ

Въ Январьскомъ выпускѣ „Русскаго Архива" за сей годъ напечатана статья „А. С. Пушкинъ на Бердахъ" (sic). Авторъ ея Н. Г. Ивановъ—членъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

На первыхъ же строкахъ этой статьи читаемъ, будто Пушкинъ, прибывъ въ Оренбургъ, сначала „представился" (sic) военному губернатору, В. А. Перовскому [1]) и „передалъ ему о цѣли своей поѣздки", а потомъ уже „былъ имъ обласканъ". Этого не могло быть на самомъ дѣлѣ: всѣмъ извѣстно, что Перовскій, любимецъ Николая Павловича, еще задолго до назначенія своего въ Оренбургъ, водилъ знакомство съ Пушкинымъ.

Выписавъ далѣе изъ нашей статьи (въ „Русскомъ Архивѣ" за 1899 г., V, стр. 138), о томъ, въ чьемъ домѣ квартировалъ Перовскій и гдѣ находится этотъ домъ въ настоящее время, г. Ивановъ приписываетъ себѣ *иниціативу* ознаменованія мѣстопребыванія Пушкина въ Оренбургѣ надписью, хотя объ этомъ писалось въ вышеуказанной нашей статьѣ гораздо ранѣе, чѣмъ авторъ успѣлъ прочесть свое произведеніе въ торжественномъ засѣданіе Оренбургской Архивной Комиссіи *26 Мая* 1899 г.: ибо книжка „Русскаго Архива" съ нашей статьей была получена въ Оренбургѣ *7 числа* того же мѣсяца.

Страннымъ является указаніе въ статьѣ такихъ источниковъ, какъ напримѣръ, „Исторія Оренбургская" и „Топографія Оренбургской губерніи" написанная Рычковымъ въ 1759—62 гг., и дѣла Оренбургской Духовной Консисторіи, которыя совершенно ничего не имѣютъ общаго съ Пушкинымъ и его поѣздкой. Вѣроятно, этими ссылками г. Ивановъ хотѣлъ подтвердить нѣкоторыя свои описанія мѣстностей, посѣщенныхъ поэтомъ, хотя и тутъ не избѣгнулъ ошибокъ. Такъ, напр., онъ пишетъ: „Бердскій поселокъ, называвшійся раньше *Бердской слободой*, основанъ и укрѣпленъ въ 1743 году, сначала на р. Яикѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Оренбурга". Между тѣмъ въ той же указываемой авторомъ „Исторіи Оренбургской", §§ 123, 139 и 143, ясно говорится, что Оренбургъ заложенъ 19 Апрѣля 1743 г. *при* Бердской крѣпости (а не слободѣ, какъ увѣряетъ г. Ивановъ), которая была основана на мѣстѣ нынѣшняго форштадта (Оренбургская станица), ст. с. Кирилловымъ въ *1736 году*. Названіе „слободы" она получила уже послѣ перевода сюда въ 1743 году 550 казаковъ и дворянъ изъ гор. Самары, Алексѣевска [2]) и

[1]) Кстати сказать, въ то время бывшему только въ чинѣ генералъ-маіора, а не генералъ-адъютанта, какъ его величаетъ г. Ивановъ.

[2]) Нынѣ село Алексѣевское, въ 25 верстахъ отъ г. Самары.

Библиотека "Руниверс"

Уфы, когда часть ея жителей была выселена на теперешнее мѣсто, на р. Сакмару, какъ это видно и изъ указываемой г. Ивановымъ „Топографіи" Рычкова, стр. 245—246, и изъ дѣлъ Оренбургскаго войскового архива за 1755 г., № 37, наконецъ, изъ „Списковъ населенныхъ мѣстъ Оренб. губ." стр. 120, изъ „Памятной книжки Оренб. губ. на 1895 г.", отд. II, стр. 8, и даже изъ дѣлъ Оренбургской Духовной Консисторіи, которыхъ, кстати сказать, авторъ не видѣлъ въ подлинникѣ, а выписалъ необходимыя даты изъ „Оренбургскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей".

Для описанія дѣйствій Пугачева въ Бердѣ, г. Ивановъ пользовался исключительно одной Пушкинской „Исторіей" (хотя о томъ въ настоящее время есть болѣе полныя и вѣрныя изслѣдованія). По крайней мѣрѣ, онъ допустилъ въ своей статьѣ тѣже ошибки, какія встрѣчаются и въ ней. Напр., сообщеніе Пушкина, какъ „Пугачевъ, пародируя, называлъ Татарскую деревню Каргале (sic) Петербургомъ, Сакмарскій городокъ Кіевомъ и Берды (?) Москвой". Поэту, пробывшему въ Оренбургѣ всего три дня, легко было, конечно, забыть или не узнать въ точности названія мѣстностей и деревень; но г-ну Иванову, живущему тамъ безвыѣздно болѣе 30 лѣтъ, непростительно не знать, что въ Оренбургскомъ краѣ нѣтъ деревни „Каргале", а есть *Каргала*, получившая свое простонародное названіе отъ рѣчки Каргалки, близъ устья которой она расположена.

Вѣрно у г. Иванова, что „печальная память о Пугачевѣ сохранилась" въ Бердѣ, только не „въ видѣ кургановъ, называемыхъ Пугачевскими сопками" (?), потому что послѣднихъ вообще нѣтъ въ Оренбургской губерніи, и самое названіе *сопки* мало кому извѣстно, особенно простолюдинамъ. Въ Бердѣ же и ея окрестностяхъ не видно даже ни одного кургана, съ существованіемъ котораго было бы связано хотя малѣйшее воспоминаніе о Пугачевщинѣ. Если же и есть что-либо подобное, то сравнительно далеко отъ Бердъ. Близъ Сакмарска, не далѣе версты на Юго-западъ, указываются, напримѣръ, два небольшіе холма, круто спускающіеся на луговую сторону, которые носятъ названіе *Палаточныхъ горъ*, и мѣстные казаки, потомки бывшаго Яицкаго войска, смѣло увѣряютъ, что на нихъ стояли палатки Пугачева, во время его пребыванія въ Сакмарскомъ городкѣ (1-го Октября 1773 г.). На Сѣверо-западъ, верстахъ въ двухъ, гора *Висѣлейная*, гдѣ были Пугачевскія висѣлицы, а еще сѣвернѣе, приблизительно въ верстѣ отъ послѣдней, на правомъ берегу Салмыжа, круто возвышается надъ рѣкой *Рублевая* гора, гдѣ мятежники будто бы рубили непокорныхъ и спускали ихъ головы въ рѣку. Но исторически это ничѣмъ не подтверждается, и существуетъ иное, болѣе достовѣрное, сказаніе, что названіе этихъ горъ тѣсно связано съ пятымъ Башкирскимъ бунтомъ, продолжавшимся съ 1735-го по 1740-й г., и усмиреннымъ благодаря чрезмѣрнымъ строгостямъ командира Оренбургской комиссіи, князя Урусова. Въ то время Сакмарскій городокъ былъ единственнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ на границѣ съ Башкиріей, отдѣляя сію послѣднюю отъ Киргизской степи; и вотъ здѣсь, подъ защитой отчасти Русской крѣпости, а затѣмъ Киргизовъ, враговъ Башкирскихъ и

Библиотека "Руниверс"

были произведены „многія казни“ бунтовщиковъ. „15-го Іюня (1740 г.) князь (Урусовъ) прибылъ въ Сакмарскъ, гдѣ съ штабъ-офицерами о усмиреніи воровъ Башкирцевъ, съ которыхъ сторонъ и какимъ образомъ дѣйствовать и поступать, учиненъ генеральный консиліумъ“ [1]). Въ одинъ 1740 годъ было казнено, сослано въ каторгу, сдано въ солдаты и роздано въ рабство до 30 тыс. человѣкъ; разорено до 700 Башкирскихъ деревень, отобрано разнаго скота столько, что отъ продажи его было выручено 10 т. рублей.

На Рублевой горѣ, по крутому ея склону, гдѣ съ величайшимъ трудомъ можетъ карабкаться человѣкъ, до сей поры видна гладкая, никогда не зароставшая тропинка. По ней, говорятъ окрестные жители, въ мутныя воды Салмыжа скатывались съ вершины казненные Башкирцы...

Къ сожалѣнію, Пушкинъ не посѣтилъ этихъ мѣстъ, чтобы воспользоваться сказаніями о нихъ для своей „Исторіи Пугачевскаго бунта“. Вокругъ же Оренбурга не было ничего поэтическаго. „Природа“ осмотрѣнныхъ имъ „Бердскихъ окрестностей“, увы, далеко не представляетъ столь „живописной“, какъ ее рекомендуетъ г. Ивановъ. Рѣка Сакмара протекаетъ въ своихъ берегахъ, совсѣмъ не „густо поросшихъ почти дѣвственнымъ лѣсомъ, гдѣ водились (?) хищные звѣри“ (!). Напротивъ, еще во времена Неплюева (1742—1757 гг.), не говоря уже о временахъ Перовскаго (1833—1842), не только строевой лѣсъ, но даже дрова доставлялись въ Оренбургъ сплавомъ по р. Сакмарѣ изъ Башкиріи. Окрестъ, по берегамъ рѣчнымъ, только коегдѣ были небольшія рощицы ветелъ и осокорей, а дальше разстилалась степь-матушка, широкая, открытая, привольная. Селенія лишь начинали появляться, обработанныхъ полей было мало, а если и имѣлись у кого огороды, то только на своихъ большихъ дворахъ, гдѣ, конечно, не было надобности имѣть колодезныхъ „журавлей“ [2]), особенно въ Бердѣ, когда, по даннымъ того же г. Иванова, рѣка Сакмара „подходила къ самому поселку“, т. е. какъ разъ по тѣмъ „поемнымъ мѣстамъ“, на которыхъ въ настоящее время находятся Бердскіе огороды.

Описавъ такимъ образомъ картинно несуществовавшую въ дѣйствительности „живописную природу“ Бердъ, гдѣ когда-то разгуливали шайки мятежниковъ и которою потомъ любовался нашъ безсмертный поэтъ, г. Ивановъ приводитъ нѣсколько разсказовъ, записанныхъ будто бы Пушкинымъ со словъ Бердскихъ казачекъ. Изъ нихъ особенно сомнителенъ „эпизодъ“, какъ попъ въ Бердѣ отказалъ Пугачеву „поминать государыню Устинью“ и за это не понесъ никакого наказанія. Между тѣмъ немало печатныхъ произведеній и много архивныхъ документовъ доказываютъ намъ, что въ то время духовенство, едва отличавшееся отъ простолюдиновъ, положительно вѣрило въ царственное происхожденіе самозванца. И не только въ глухихъ селеніяхъ Пріуралья, но даже въ болѣе просвѣщенныхъ городахъ Поволжья попы встрѣчали его съ иконами и крестами, служили благодар-

[1]) Ист. Оренб., § 95.

[2]) Не лишнимъ будетъ еще замѣтить, что у насъ, въ Оренбургѣ, казаки называютъ колодезные журавли „оцѣпами“.

Библиотека "Руниверс"

ственные молебны и поминали „съ супругой“ на ектеньяхъ. Ослушаться велѣній непризнаннаго императора никто не могъ, и если бы Бердскій попъ рѣшился воспротивиться требованіямъ Пугачева, то, даже при крайнемъ снисхожденіи самого предводителя, его не помиловали бы казаки, ради поддержанія престижа своего „царя“, дабы неповадно было другимъ...

Но еще сомнительнѣе сообщеніе г. Иванова о доносѣ Бердскихъ казаковъ Перовскому, что „къ нимъ пріѣзжалъ неизвѣстнаго званія человѣкъ (т. е. Пушкинъ), подбивалъ подъ Пугачевщину“ и т. д. Прежде всего напрашивается вопросъ, когда именно „по отъѣздѣ Пушкина изъ Берды“, и притомъ въ такой короткій срокъ (одинъ день, а можетъ быть и еще того меньше), казаки могли успѣть „собрать сходъ“, написать приговоръ, „смастерили донесеніе“, послали его Перовскому, который не только успѣлъ его распечатать и прочитать самъ, но еще прочелъ его во время прощальнаго обѣда (?) Пушкину. Во-вторыхъ, такъ какъ это донесеніе было письменное, на бумагѣ, то, судя по той заботливости, съ какою Перовскій относился къ сбереженію дѣловыхъ бумагъ и архивныхъ документовъ, есть положительное основаніе предполагать, что оно должно сохраняться въ дѣлѣ о пребываніи поэта въ Оренбургѣ (за 1833 г., № 78). Однако, ни въ этомъ дѣлѣ, ни въ другихъ дѣлахъ архива бывшей канцеляріи Оренбургскаго генералъ-губернатора ничего такого не имѣется. Правда, былъ похожій этому случай, но только гораздо позднѣе, именно въ семидесятыхъ годахъ, съ инспекторомъ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи Кудеевскимъ (теперь покойникомъ), котораго, вслѣдствіе его худого тѣлосложенія, высокаго роста и длинныхъ ногтей на длинныхъ же сухихъ пальцахъ, казаки-старовѣры считали за антихриста и не разъ жаловались на него начальству, что онъ, по предписанію Оренбургскаго губернатора и наказнаго атамана Оренб. каз. войска, ген.-м. К. Н. Боборыкина, настойчиво требовалъ обязательнаго заведенія школъ во всѣхъ казачьихъ станицахъ. Не смѣшалъ ли г. Ивановъ этотъ случай съ имъ разсказаннымъ случаемъ?

Отыскавъ въ архивѣ указанное нами выше дѣло подъ № 78, г. Ивановъ говоритъ, что дѣло это „нигдѣ не опубликовано“. Но стоило бы ему заглянуть въ Январьскую книжку „Русской Старины“ *за 1883 годъ*, и онъ нашелъ бы его напечатаннымъ... А между тѣмъ, въ предисловіи къ своей статьѣ, между прочими источниками, онъ указываетъ и „Русскую Старину“.

П. Юдинъ.

Астрахань.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БАРОНЕССЫ М. П. ФРЕДЕРИКСЪ.

По случаю смерти Османъ-паши, мнѣ вспомнилось какъ мы его везли въ Декабрѣ 1877-го года раненаго, послѣ взятія Плевны.

Наша Крымская Община сестеръ милосердія Св. Благовѣщенія, основанная на Южномъ берегу Крыма въ моемъ имѣніи «Джеміетъ» (нынѣ упраздненная) и состоявшая подъ высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Александровны, во время Русско-Турецкой войны 1877 и 1878 годовъ, была назначена Ея Императорскимъ Величествомъ работать на санитарныхъ поѣздахъ Россійскаго Общества Краснаго Креста, для перевозки раненыхъ и больныхъ изъ Журжева въ Яссы.

Послѣ проѣзда Государя Императора Александра II-го изъ Плевны въ Петербургъ, чрезъ Букарестъ, гдѣ Его Императорское Величество провелъ нѣсколько часовъ 5-го Декабря 1877-го года, былъ привезенъ съ театра войны военно - плѣнный, раненый въ ногу, Османъ-паша. Его помѣстили въ отдѣльный вагонъ санитарнаго поѣзда, и къ нему была приставлена настоятельницей Благовѣщенской Общины Мареой Степановной Сабининой спеціальная сестра для ухода за нимъ, равно какъ и поѣздной докторъ и поѣздная прислуга. Вагонъ былъ устроенъ въ Турецкомъ вкусѣ, обвѣшанъ коврами, и посрединѣ его поставленъ низкій Турецкій диванъ, такъ называемая «тахта».

По пріѣздѣ Османъ-паши въ Букарестъ, настоятельница Благовѣщенской Общины и я отправились на нашъ санитарный поѣздъ, стоявшій на станціи «Торговешти» въ Букарестѣ. Мы нашли Османъ-пашу уже на тахтѣ, окруженнымъ подушками съ протянутой раненой ногой и курящимъ кальянъ. Надъ его изголовіемъ, на стѣнкѣ вагона, была привѣшана его сабля, возвращенная ему Государемъ Императоромъ. Тогда Османъ-паша былъ еще человѣкъ среднихъ лѣтъ, имѣлъ серьезный, грустно-сосредоточенный видъ и былъ очень блѣденъ. Онъ насъ весьма любезно принялъ и сейчасъ же указалъ намъ на свою саблю, говоря, что она ему такъ милостиво была возвращена Его Императорскимъ Величествомъ. Онъ говорилъ нѣсколько словъ по-

Библиотека "Руниверс"

французски, но не могъ вести разговора на этомъ языкѣ, такъ что переводчикомъ служилъ сопровождавшій его докторъ, Турокъ. Османъ-паша былъ очень доволенъ своимъ помѣщеніемъ, устройствомъ вагона, вообще всей обстановкой, окружавшей его, и въ прочувствованныхъ словахъ благодарилъ настоятельницу Марѳу Степановну Сабинину. Его свита состояла изъ адъютанта, доктора и нѣсколькихъ человѣкъ его прислуги: Турки оставленные при немъ по Высочайшему повелѣнію. Мы у него пробыли нѣсколько времени, простились и оставались на платформѣ до отправленія поѣзда чрезъ нѣсколько минутъ.

Замѣтно было, что везутъ военно-плѣннаго только въ томъ, что при двери его вагона, снаружи, стояло два часовыхъ.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, еще въ Букарестѣ, Марѳа Степановна Сабинина получила письмо отъ Османъ-паши, съ приложеніемъ его фотографіи и собственноручною надписью по-турецки. *Переводъ надписи:* «Муширъ-Гази-Османъ-паша начальницѣ сестеръ милосердія, вручаетъ въ знакъ памяти. Апрѣля 4-го 1878-го года».

Письмо его нашлось въ бумагахъ покойной Марѳы Степановны Сабининой, и я привожу его здѣсь ради прочувственной благодарности Османъ-паши и оригинальности его французскаго стиля.

Баронеса Марія Фредериксъ.

Письмо Османъ-паши.

Au soeur l'aînée à Boukarest. Ma chère soeur, je vous remercie beaucoup. Depuis de Boukarest jusqu'à Yassie votre soeur, ainsi que le médecin de train, m'a soigné avec attention sans me faire souffrire, avec une délicatesse extrême. Je remercie infinement à vous et aux autres soeurs. Que Dieu vous benissent et que vous soyez toujours en bonne santée que vous souhaite pour les autres. A Dieu; ma chère soeur aînée, à Dieu. Maréchal Gazi Osman.

Переводъ письма.

Старшей сестрѣ въ Букарестѣ. Дорогая моя сестра, я васъ очень благодарю. Отъ Букареста до Ясса ваша сестра, а также и поѣздной врачъ внимательно ухаживали за мной, не причиняя мнѣ страданій, съ величайшей деликатностью. Я безконечно благодаренъ вамъ и другимъ сестрамъ. Да благословитъ васъ Богъ и да будете вы всегда здоровы что̀ вамъ желаю для другихъ. Прощайте, моя милая старшая сестра, прощайте. Фельдмаршалъ Гази Османъ.

Библиотека "Руниверс"

Г. А. ЧЕРТКОВЪ.

24-го Апрѣля нынѣшняго года скончался въ Петербургѣ, 63 лѣтъ отъ роду, оберъ-егермейстеръ Григорій Александровичъ Чертковъ. Сочувствіе къ нему того общества, среди котораго проводилъ онъ послѣдніе годы свои, выразилось и въ Петербургѣ, откуда его провожали на послѣдній путь, и въ Москвѣ, въ день его отпѣванія и погребенія въ семейномъ склепѣ, на Ваганьковомъ кладбищѣ. Единственный сынъ извѣстнаго археолога, президента Московскаго Общества Исторіи и Древностей и Школы живописи и ваянія, многіе годы служившаго доблестно губернскимъ предводителемъ дворянства, Григорій Александровичъ наслѣдовалъ отъ него строгую добросовѣстность въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей, а отъ матери своей, Елисаветы Григорьевны (урожденной графини Чернышевой), сердечное благородство, тонкость и изящество чувства, которыя останутся навсегда памятны всѣмъ, кто имѣлъ съ нимъ сношенія. Красавецъ наружностью, блестящій, богатый и щедрый юноша, проходя въ Москвѣ службу уѣзднаго предводителя, онъ завѣдывалъ дворянскою опекою, и надо было видѣть, сколько заботъ и письменнаго личнаго труда полагалъ онъ на пользу опекаемыхъ. Точно также былъ онъ неутомимъ и сердечно дѣятеленъ, когда передъ тѣмъ служилъ въ ополченіи 1855 года и потомъ въ должности мирового посредника, а во вторую половину жизни управлялъ царскою охотою въ Гатчинѣ. Но главная услуга его родной Москвѣ и Русскому просвѣщенію— это предоставленіе въ общественное пользованіе превосходной библіотеки, собранной отцомъ его и значительно пріумноженной на его средства. При ней и по его побужденію начатъ „Русскій Архивъ“, приносящій памяти Г. А. Черткова дань искреннѣйшаго почтенія и слезу дружеской признательности. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

БІОГРАФІЯ

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА

СУВОРОВА

ИМЪ САМИМЪ ПИСАННАЯ

въ 1786 году.

Съ приложеніемъ его портрета, примѣчаніями и дополненіями.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1900.

Библиотека "Руниверс"

КЪ ПРИЛОЖЕННОМУ ПОРТРЕТУ.

Подлинникъ этого портрета принадлежитъ Д. А. Хомякову. Онъ писанъ акварелью на бумагѣ, имѣетъ размѣры $6\frac{1}{4}$ в. длины и 4 в. ширины, подписанъ „Рокотовъ 1798“. Къ теперешнему владѣльцу онъ попалъ случайно и кому онъ принадлежалъ первоначально, намъ не удалось узнать. Онъ вставленъ въ чугунную бронзированную рамку на литой же подставкѣ; рамка искусной работы, составлена изъ знаменъ, ружей, пушекъ и иныхъ предметовъ военнаго дѣла.

Такъ какъ онъ принадлежитъ къ такъ называемому Шмидтовскому типу, а Шмидтъ писалъ свой портретъ въ 1800 г., то помѣту „1798“ надо считать поддѣльною; да она и проставлена какъ бы инымъ почеркомъ чѣмъ подпись. Принадлежитъ ли портретъ этотъ доподлинно кисти Рокотова, рѣшить не можемъ; но это весьма вѣроятно. (Рокотовъ умеръ въ 1810 г.) Во всякомъ случаѣ въ немъ видна рука опытнаго мастера: чрезвычайно удачно передано выраженіе непреклонной воли и себѣнаумѣлости въ соединеніи съ нѣкіимъ юродствомъ; сквозь хилую оболочку просвѣчиваетъ несокрушимая мощь духа. Ю. Б.

Библиотека "Руниверс"

Фототипiя О. Ренаръ, Москва.

Александръ Суворовъ

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

АВТОБІОГРАФІЯ А. В. СУВОРОВА, ПИСАННАЯ ВЪ 1786 ГОДУ.

*

Автобіографія эта есть прошеніе А. В. Суворова въ Московское дворянское депутатское собраніе о внесеніи его въ дворянскую родословную книгу Московской губерніи. Найденная Д. П. Голохвастовымъ, она была напечатана въ 1848 г., въ чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей и тогда же издана отдѣльно. Исправивъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ нѣкоторыя неточности подлинника, мы добавляемъ его изложеніемъ важнѣйшихъ событій въ жизни Суворова послѣ 1786 года. Такимъ образомъ читатель имѣетъ передъ собою прочную основу для жизнеописанія нашего знаменитаго полководца. Ю. Б.

*

Въ 1622 году, при жизни царя Михаила Θеодоровича, выѣхали изъ Швеціи Наумъ и Суворъ, и по ихъ челобитью приняты въ Россійское подданство[1]). Имянуемые честные мужи раздѣлились на разныя поколѣнія, и по Сувору стали называться Суворовы. Симъ и другимъ ихъ поколѣній за Крымскіе и иные походы жалованы были помѣстья до государствованія Императора Петра Перваго. Его величество отцу моему, Василью Ивановичу, былъ воспріемникомъ[2]). При семъ государѣ онъ началъ службу въ должности денщика и переводчика[3]), и, по кончинѣ его, императрицею Екатериною Первою выпущенъ былъ лейбъ-

---

[1]) Въ 1785 г., двоюродный братъ А. В. Суворова, Θ. А. Суворовъ, подалъ прошеніе въ Тверское дворянское депутатское собраніе. Въ немъ онъ приводитъ родословную, поданную до 1701 года. Изъ нея видно, что родоначальникомъ Суворовыхъ надо считать Павлина, „мужа честна", выѣхавшаго изъ Швеціи при великомъ князѣ Симеонѣ Ивановичѣ. Одинъ изъ его потомковъ былъ Юда Суворъ, отъ него и пошли Суворовы. И такъ въ Суворовѣ мы можемъ видѣть потомка Варяговъ.

[2]) Василій Ивановичъ Суворовъ родился въ 1705 г.; отецъ его Иванъ Григорьевичъ (ум. 1715 г.) служилъ въ Преображенскомъ полку генеральнымъ писаремъ, чѣмъ и объясняется то, что Петръ крестилъ его сына.

[3]) Въ 1722 г. В. И. Суворовъ женился на Авдотьѣ Θедосѣевнѣ Мануковой. Хотя изъ ниже приведенныхъ словъ самого Суворова, видно, что онъ родился въ 1727 г., а на гробницѣ его обозначенъ 1729 г., но по всей вѣроятности годомъ его рожденія надо считать 1730. Замѣчательно, что Суворовъ нигдѣ не говоритъ ни слова о своей матери.

Библиотека "Руниверс"

гвардіи отъ бомбандиръ сержантомъ и вскорѣ пожалованъ прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ онъ службу продолжалъ до капитана и потомъ въ разныхъ званіяхъ; а при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ употребленъ былъ бригадиромъ и генералъ-маіоромъ по Военной Коллегіи, генералъ-поручикомъ и кавалеромъ святыя Анны и святаго Александра; въ войнѣ съ Прусскимъ королемъ, въ арміи главнымъ при Провіантскомъ Департаментѣ и губернаторомъ Прусскаго королевства; нынѣ, въ потомственные роды, славно державствующею, мудрою и великою Императрицею, произведенъ онъ былъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ преміеръ-маіоромъ, лейбъ-гвардіи въ Измайловскій подполковникомъ, генералъ-аншефомъ и сенаторомъ, и употребляемъ былъ въ разныхъ важныхъ препорученностяхъ, которыя до моего свѣдѣнія не доходили*). По кончинѣ его, въ 775 году, получилъ я въ наслѣдство родовыя и иныя, имъ пріобрѣтенныя, деревни: Пензенскаго намѣстничества, Мокшанской округи, въ селѣ Никольскомъ, Новая Шукша тожъ, въ сельцѣ Скрябинѣ и деревнѣ Рудаковкѣ по нынѣшней четвертой ревизіи мужеска пола двѣсти сорокъ семь, женска двѣсти двадцать душъ; Володимерскаго намѣстничества, Суздальской округи, въ селахъ Кистошѣ и Менчаковѣ, деревняхъ Куркахъ и Хлябовѣ, мужеска триста семдесятъ двѣ, женска триста пятдесятъ душъ; Ковровской округи въ сельцѣ Дьяковѣ и деревнѣ Трутневой мужеска девятнадцать, женска двадцать двѣ души; Костромскаго намѣстничества, Плесской округи, въ селѣ Сараевѣ, деревняхъ Ѳедорихѣ, Симанихѣ и Михалевой мужеска сто шестдесятъ девять, женска сто шестдесятъ три души; Новогородскаго намѣстничества, Боровицкой округи, въ Кривинской и Сапинской волостяхъ съ деревнями, мужеска девять сотъ семдесятъ, женска девять сотъ пятнадцать душъ; Московской губерніи, Воскресенской округи, въ селѣ Рожественѣ и деревнѣ Долгинихѣ мужеска сто осмнадцать душъ. И на оставшія по его экономіи и иныя деньги купилъ разныя части къ прежде реченнымъ и другія помѣстья Пензенской, Мокшанской округи, въ селѣ Никольскомъ, Новой Шукшѣ тожъ и сельцѣ Скрябинѣ, деревнѣ Рудаковкѣ; въ 776 году, Февраля въ 14 день, отъ вдовы Анны Васильевой дочери, жены дяди моего, лейбъ-гвардіи капитана поручика, Александра Иванова сына Суворова, мужеска тридцать пять, женска тридцать семь душъ; того жъ

*) Ему было поручено, въ 1762 г., отправить на родину Голштинцевъ Петра III, что онъ отлично исполнилъ; онъ былъ предсѣдателемъ Московской комиссіи по продажѣ засѣкъ и членомъ комиссіи по отобранію у монастырей крестьянъ; наконецъ онъ допрашивалъ заговорщика Хитрова. Императрица была къ нему весьма благосклонна и даже писала собственноручныя записочки, а при отставкѣ приказала выдавать пенсію по 3.600 р. въ годъ.

Библиотека "Руниверс"

года, мѣсяца и числа, отъ отставнаго поручика Михайлы Александрова сына Суворова мужеска семдесятъ одна, женска семдесятъ четыре души; въ 778-мъ, Ноября въ 15 день, отъ арміи бригадира, Θедора Александрова сына Суворова, мужеска семдесятъ двѣ, женска семдесятъ пять душъ; Владимирскаго намѣстничества, Ковровской округи, въ селѣ Дьяковѣ и деревнѣ Трутневой, въ 776 году, Ноября въ 11 день, отъ отставнаго поручика, Михайлы Александрова сына Суворова, мужеска шесть, женска восемь душъ, въ 778-мъ, Ноября въ 15 день, отъ арміи бригадира, Θедора Александрова сына Суворова, мужеска шесть, женска пять душъ; того жъ намѣстничества и округи, въ селѣ Ундолѣ, деревняхъ Гнусовѣ, Петрушинѣ, Хрѣновѣ и Лагинѣ, въ 776 году, Марта въ 21 день, отъ госпожи капитанши, вдовы жены покойнаго Сергѣя Иванова сына Бутурлина, Татьяны Андреевой дочери, мужеска четыреста двадцать семь, женска четыреста тридцать душъ; Суздальской округи, въ селѣ Кистошѣ, въ 784-мъ, Сентября въ 19 день, отъ госпожи полковницы, жены Алексѣя Θедорова сына Лодыжинскаго, Марьи Даниловой дочери, мужеска девяносто двѣ, женска девяносто восемь душъ; Костромскаго намѣстничества, Плесской округи, въ сельцѣ Гритьковѣ и деревнѣ Дворянинцовѣ, въ 784, Октября въ 21-й день, отъ титулярнаго совѣтника, Николая Петрова сына Вишнякова, мужеска тридцать одна, женска тридцать пять душъ [1]).

Въ 774 г. взялъ я въ супружество Варвару Иванову, дочь князя Ивана Андреевича Прозоровскаго, генерала-аншефа и кавалера[2]); имѣю дочь Наталью, рожденную въ 775 году и опредѣленную, по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію, въ Воспитательный домъ благородныхъ дѣвицъ въ Санктъ-Петербургѣ. Въ службу я вступилъ пятнадцати лѣтъ, въ 742 году, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку мушкатеромъ; произведенъ былъ капраломъ [3]) и состоялъ въ унтеръ-

[1]) И такъ въ 1786 г. Суворовъ имѣлъ болѣе 2.500 душъ крестьянъ. Отъ отца своего онъ унаслѣдовалъ бережливость и скопидомливость и никогда не упускалъ случая прикупать имѣнья. Сохранились двѣ записки, въ которыхъ онъ указываетъ, какъ надо управлять крестьянами. Суворову, какъ помѣщику, посвящено изслѣдованіе г. Рыбкина: Генералиссимусъ Суворовъ. Жизнь его въ своихъ вотчинахъ. М. 1874.

[2]) Въ 1775 г., родилась у него дочь Наталья-*Суворочка*, а въ 1779 онъ уже хлопочетъ о разводѣ; однако супруги примирились, и въ 1784 у нихъ родился сынъ Аркадій. Но послѣ этого они окончательно разошлись.

[3]) Лишь въ 1747 г. Такимъ образомъ, Суворовъ могъ узнать во всѣхъ подробностяхъ Русскаго солдата, его качества и нужды, что для такого полководца - психолога было драгоцѣнно. По отзыву его ротнаго командира, онъ самъ бралъ на себя трудныя обязанности, ревностно занимался фронтомъ, почти все время проводилъ въ казармахъ, и уже тогда слылъ чудакомъ. Въ 1751 г. онъ произведенъ въ сержанты, а въ 1752 ѣздилъ въ Вѣну и Дрезденъ съ депешами; въ этой командировкѣ онъ находился съ Марта по Октябрь.

Библиотека "Руниверс"

офицерскихъ чинахъ съ исправленіемъ разныхъ должностей и трудныхъ посылокъ, а въ 754 году выпущенъ былъ изъ сержантовъ въ полевые полки поручикомъ[1]); въ 756 году произведенъ былъ оберъ-провіантмейстеромъ, генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ, а потомъ переименованъ въ преміеръ-маіоры, въ которомъ званіи, въ 758 году, былъ при формированіи третьихъ баталіоновъ въ Лифляндіи и Курляндіи и имѣлъ оныхъ въ своей командѣ семнадцать, которые препроводилъ въ Пруссію, и былъ комендантомъ въ Мемелѣ; въ томъ же году пожалованъ подполковникомъ, былъ при занятіи Кросена въ Шлезіи подъ командою генерала князя Михайлы Никитича Волконскаго; отправлялъ должность генеральнаго и дивизіоннаго дежурнаго при генералѣ графѣ Вилимѣ Вилимовичѣ Ферморѣ; былъ на Франктфортской баталіи[2]) и въ разныхъ партіяхъ; въ 761 году состоялъ въ легкомъ корпусѣ при генералѣ Берхѣ и былъ подъ Бригомъ, при сраженіи Бреславскомъ съ генераломъ Кноблокомъ[3]) и разныхъ шармициляхъ, на сраженіи близъ Стригау, при Гросъ и Клейнъ-Вандрисѣ, гдѣ предводилъ крыломъ, и двѣ тысячи Россійскаго войска четыре Шлезскихъ миль противоборствовали арміи подъ королемъ Прусскимъ цѣлый день, а къ ночи сбили ихъ форпосты и одержали мѣсто своими; на другой день сими войсками чинено было сильное нападеніе на лѣвое Прусское крыло противъ монастыря Вальштатъ; потомъ былъ въ разныхъ неважныхъ акціяхъ и шармицеляхъ. Приближаясь къ Швейдницу и окопу тамо Прусскаго короля, атаковалъ въ деревнѣ N Прусскую заставу съ малымъ числомъ казаковъ и за нею на высотѣ сильный Прусской пикетъ, которымъ мѣстомъ, по троекратномъ нападеніи, овладѣлъ и держалъ оное нѣсколько часовъ, доколѣ отъ генерала Берха прислано было два полка казачьихъ, которые стоящихъ близъ подошвы высоты Прусскихъ два полка гусарскихъ, съ подкрѣпленіемъ двухъ полковъ драгунскихъ, сбили съ мѣста въ лагерь; отсюда весь Прусской лагерь былъ вскрытъ, и тутъ утверждена легкаго корпуса главная квартира соединеніемъ форпостовъ вправо къ Россійской, влѣво къ Австрійской арміямъ. Происходили потомъ здѣсь непрестанныя шармицели и сверхъ разныхъ примѣчательныхъ единожды подъ королевскими шатрами разбиты были драгунскіе полки, при моемъ нахожденіи, Финкенштейновъ и Голштейнъ, гусарскіе Лосовъ и Малаховскій, съ великимъ ихъ урономъ. Когда ге-

---

[1]) Въ Ингерманландскій полкъ; въ эти два года Суворовъ часто ѣздилъ къ своему отцу и ходатайствовалъ по его имущественнымъ дѣламъ.

[2]) Т. е. при разбитіи Фридриха II-го, подъ Кунерсдорфомъ въ 1759 году. Суворовъ участвовалъ въ занятіи Берлина. Есть свидѣтельство, что онъ посѣщалъ Прусскія масонскія ложи.

[3]) Суворовъ удачнымъ артиллерійскимъ огнемъ отбилъ подъ д. Рейхенбахомъ нападеніе Пруссаковъ.

Библиотека "Руниверс"

нералъ Платенъ пошелъ чрезъ Польшу къ Колбергу, легкій корпусъ вскорѣ послѣдовалъ за нимъ; достигши оный, часто съ нимъ сражался съ фланковъ, и при Костянахъ напалъ на его лагерь сквозь лѣсъ, сзади, ночью, причинилъ знатный уронъ, принудилъ къ маршу и разбилъ бы корпусъ, если бъ конные регулярные полки въ свое время подоспѣли. Я былъ впереди при всемъ происшествіи, какъ дни два послѣ того почти подобное сему въ день случилось. Слѣдуя противъ Ландсберга, взялъ я съ собою слабый во стѣ коняхъ Туровѣрова казачій полкъ, переплыли чрезъ Нецъ и въ той же ночи шесть миль отъ Дризена поспѣли къ Ландсбергу противнымъ берегомъ Варты; не медля чрезъ ровъ вломились въ городовые ворота, и передовыми казаками сурпренированы и плѣнены двѣ Прусскія команды съ ихъ офицерами; потомъ, съ помощію обывателей, сожженъ Ландсбергской большой мостъ; прибывшее противное войско на другомъ берегу остановилось, но за нескорымъ прибытіемъ нашего легкаго корпуса, переправилось потомъ на понтонахъ, держа свой путь къ Колбергу. Отряженъ я былъ отъ генерала Берха съ казачьими полками и нѣсколькими гусарскими для подкрѣпленія, встрѣтился я съ противнымъ корпусомъ подъ Фридебергомъ; оной, маршируя на высотахъ, отозвался противъ меня всею своею артиллеріею, подъ которою я разбилъ его фланковые эскадроны, и забрано было въ полонъ отъ оныхъ знатное число. Остановлялъ я Платена въ маршѣ елико возможно, доколѣ пришелъ въ черту генерала князя Василья Михайловича Долгорукова, который потомъ прежде его прибылъ къ Колбергу; нашъ легкій корпусъ остановился подъ Старгардтомъ. По нѣкоторомъ времени выступилъ оной къ Регенвальду, въ которой сторонѣ было нападеніе на маіора подъ Чарли, гдѣ я предводилъ часть легкихъ войскъ; взятъ сей маіоръ съ его деташаментомъ въ полонъ. Но какъ г. Курбьеръ съ сильнымъ войскомъ, при нашемъ обратномъ походѣ, спѣшилъ ударить въ нашъ задъ, гдѣ я обрѣтался, принужденъ я былъ его передовые пять эскадроновъ съ пушками брускировать съ имѣющимися у меня въ виду меньше ста гусаръ и казаковъ, которыми дѣйствительно сіи эскадроны опровержены были и оставили намъ много плѣнныхъ; успѣхъ отъ того былъ, что Курбьеръ ретировался. Подъ Новгартеномъ, предводя одну колонну легкаго корпуса, въ деревнѣ N атаковалъ я команды моей Тверскимъ драгунскимъ полкомъ слабой драгунской полкъ Голштейнъ, что̀ послѣ Поменскаго, баталіонъ гренадерской Арнима и два баталіона принца Фердинанда. Тверской полкъ, около двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ, врубился въ пѣхоту на неровномъ мѣстѣ и сбилъ драгунъ. Уронъ Прусской въ убитыхъ и плѣнныхъ былъ великъ и взята часть артиллеріи, подо мною разстрѣляна лошадь и дру-

Библиотека "Руниверс"

гая ранена. Знатная часть Прусскаго войска выступила отъ Колберга, по военнымъ потребностямъ, къ сторонѣ Штетина. Къ нашему легкому корпусу на походѣ соединялся генералъ князь Михайла Никитичъ Волконской съ кирасирскими полками; передовые наши отряды къ сторонѣ Регенвальда встрѣтились съ Прусскимъ авангардомъ; при моемъ нахожденіи, четыре эскадрона конныхъ гренадеръ атаковали пѣхоту на палашахъ, гусары сразились съ гусарами; весь сей сильный авангардъ подполковникомъ Курбьеромъ взятъ былъ въ плѣнъ, и его артиллерія досталась въ наши руки. Въ послѣди я попалъ съ ближнимъ легкимъ отрядомъ въ разстояніи малой мили на Прусскихъ фуражировъ, подъ самымъ ихъ корпусомъ, гдѣ такожъ, сверхъ убитыхъ, много взято въ плѣнъ. Въ ночи Прусской корпусъ сталъ за Гольномъ, оставя въ городѣ гарнизонъ; генералъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ прибылъ къ намъ съ нѣкоторою пѣхотою; я однимъ гренадерскимъ баталіономъ атаковалъ вороты и, по сильномъ сопротивленіи, вломились мы въ калитку, гнали Прусской отрядъ штыками чрезъ весь городъ, за противные вороты и мостъ, до ихъ лагеря, гдѣ побито и взято было много въ плѣнъ. Я поврежденъ былъ контузіею въ ногу и въ грудь картечами, одна лошадь ранена подо мной въ полѣ. Предъ взятьемъ Колберга, при дѣйствіяхъ принца Виртембергскаго, находился я при легкомъ корпусѣ съ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ. При возвратномъ походѣ оттуда Прусскаго войска къ Штетину, имѣлъ я съ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ сильное сраженіе, съ однимъ отъ онаго деташаментомъ изъ пѣхоты и конницы, подъ Штетиномъ, при деревнѣ Везенштейнъ, въ которой сторонѣ Прусской корпусъ нѣсколько дней отдыхалъ. Послѣдствіе сего было, что въ ту же ночь весь реченный корпусъ къ Штетину поспѣшно ретировался.

Никакой баталіи въ кабинетѣ выиграть не можно, и теорія безъ практики мертва: то́ надлежитъ здѣсь прибавить для молодыхъ офицеровъ, кои стремятся къ пріобрѣтенію впредь себѣ славы нечужими достоинствами. Осенью, въ мокрое время, около Регенвальда, генер. Берхъ съ корпусомъ выступилъ въ походъ; регулярная конница его просила итти окружною гладкою дорогою; онъ взялъ при себѣ эскадрона три гусаръ и два полка казаковъ и закрывалъ корпусъ одаль справа. Выходя изъ лѣсу, вдругъ увидѣли мы на нѣсколькихъ шагахъ весь Прусской корпусъ, стоящій въ его линіяхъ; мы фланкировали его влѣво; возвратившійся офицеръ донесъ, что впереди, въ большой верстѣ, незанятая болотная переправа мелка; мы стремились на нее. Погнались за нами первѣе Прусскіе драгуны на палашахъ, за ними гусары; достигши до переправы, пріятель и непріятель, смѣшавшись,

Библиотека "Руниверс"

погрузли въ ней почти по луку; нашимъ надлежало прежде на сухо выдти, за ними въ мигъ нѣсколько Прусскихъ эскадроновъ, кои въ мигъ построились. Генералъ приказалъ ихъ сломить. Ближній эскадронъ былъ слабый желтый, Свацековъ; я его пустилъ, онъ опровергъ всѣ Прусскіе эскадроны обратно, опять въ болото; чрезъ оное между тѣмъ нашли они, влѣвѣ отъ насъ, суше переправу. Первый ихъ полкъ перешелъ драгунскій Финкенштейновъ, весьма комплектной; при ближнихъ тутъ высотахъ было отверстіе на эскадронъ, противъ котораго одинъ Финкенштейновъ сталъ. Не можно было время тратить; я велѣлъ ударить стремглавъ на полкъ одному нашему Сербскому эскадрону; онаго капитанъ Жандръ бросился въ отверстіе на сабляхъ; Финкенштейновы дали залпъ изъ карабиновъ; ни одинъ человѣкъ нашихъ не упалъ; но Финкенштейновы пять эскадроновъ въ мгновеніе были опровержены, рублены, потоптаны и перебѣжали чрезъ переправу назадъ. Сербскій эскадронъ былъ подкрѣпляемъ однимъ Венгерскимъ, который въ дѣлѣ не былъ; Финкенштейновы жъ были подкрѣпляемы, кромѣ конницы, баталіонами десятью пѣхоты; вся сія пѣхота (прекрасное зрѣлище) съ противной черты, на полвыстрѣлѣ, давала на насъ ружейные залпы; мы почти ничего не потеряли, отъ нихъ же, сверхъ убитыхъ, получили знатное число плѣнниковъ. При сихъ дѣйствіяхъ находились ихъ лучшіе партизаны, и Финкенштейновымъ полкомъ командовалъ подполковникъ и кавалеръ Реценштейнъ, весьма храбрый и отличный офицеръ. Потомъ оставили они насъ въ покоѣ.

Въ 762 году отправленъ я былъ къ высочайшему двору съ депешами отъ генерала графа Петра Ивановича Панина, и ея императорскимъ величествомъ произведенъ въ полковники слѣдующимъ собственноручнымъ указомъ: «Подполковника Александра Суворова жалуемъ мы въ наши полковники въ Астраханской пѣхотный полкъ и пр.» Сей указъ у меня тогда отобранъ Военною Коллегіею, генераломъ князь Семеномъ Ѳедоровичемъ Волконскимъ*).

Въ 768 году пожалованъ я бригадиромъ при Суздальскомъ пѣхотномъ полку и, командуя бригадою, отряженъ былъ съ онымъ и двумя эскадронами командующимъ корпусомъ генераломъ Нумерсомъ отъ стороны Смоленска въ Литву, къ Оршѣ, откуда, какъ корпусъ прибылъ, выступилъ далѣ къ Литовскому Минску, гдѣ кор-

---

*) Румянцовъ далъ о Суворовѣ самый лестный отзывъ, а Бергъ заявилъ, что „онъ быстръ при рекогносцировкѣ, отваженъ въ бою и хладнокровенъ въ опасности“. Семилѣтняя война имѣла для Суворова не только значеніе перваго опыта, но и была нагляднымъ показаніемъ всѣхъ недостатковъ стараго способа вести военное дѣло.

Библиотека "Руниверс"

пусъ со мною соединился*). Оттуда съ реченнымъ отрядомъ войскъ предписано мнѣ было слѣдовать поспѣшно къ Варшавѣ, раздѣля сей отрядъ на разныя части и двѣ колонны. Во время разныхъ волнованій въ Литвѣ былъ мой маршъ на Брестъ Литовской, гдѣ соединясь, прибылъ я къ Жмудскому Минску, подъ Варшавою пять миль; здѣсь примѣчу, что одна колонна была въ пути до ста двадцати, другая со мною, до ста тридцати тамошнихъ миль; но маршъ былъ конченъ ровно въ двѣ недѣли, безъ умершихъ и больныхъ, съ подмогою обывательскихъ подводъ, и потомъ прибылъ на Прагу къ Варшавѣ. Оттуда разогналъ я незнатную партію подъ Варшавскимъ маршалкомъ Кадлубовскимъ.

Чрезвычайный посолъ, князь Михайла Никитичъ Волконской, отправилъ меня въ Литву для усмиренія мятежей. Я взялъ половину реченнаго деташамента и прибылъ къ Брестъ Литовскому, гдѣ я услышалъ, что мятежники не въ дальности и что близъ ихъ обращаются разные наши краснорѣчивые начальники съ достаточными деташаментами. Въ семъ пунктѣ я оставилъ людей большое число, самъ же взялъ съ собою, не мѣшкая нимало, Суздальскихъ шестдесятъ гранадеръ, сто мушкатеръ, болѣе ста стрѣлковъ, при двухъ пушкахъ, и тридцать шесть Воронежскихъ драгунъ; повстрѣчался я съ графомъ Кастелли при тридцати карабинерахъ и толикомъ числѣ казаковъ и взялъ его съ собою. Маршировавши ночь, противъ полденъ, повстрѣчались мы съ мятежниками подъ Орѣховымъ. Ихъ число возвышалось близъ десяти тысячъ, что̀ была неправда; я ихъ полагалъ отъ двухъ до трехъ тысячъ. Начальники ихъ были маршалки и иные: достойный Ксавьеръ Пулавской, который здѣсь убитъ, братъ его, Казимиръ, Пинской, Орѣшко, Малчевской, Заремба, числомъ девять. Я ихъ вѣдалъ быть безпечными, въ худой позиціи, то есть, стѣсненными на лугу, въ лѣсу, подъ деревней. Какъ скоро мы франшировали три тѣсныя дефилеи, гдѣ терпѣли малой уронъ, началась атака, но про-

*) Въ 1763 г. Суворовъ былъ назначенъ командиромъ Суздальскаго полка; онъ не только довелъ строевое обученіе до совершенства, но обратилъ не меньшее вниманіе на матеріальное положеніе полка и на нравственное обученіе солдатъ. Построилъ церковь (полкъ стоялъ въ Новой Ладогѣ), завелъ школы, насадилъ садъ. Всѣ силы Суворова были направлены къ тому, чтобы развить въ солдатѣ настойчивость и упорство. Вопреки примѣру Фридриха, онъ придавалъ штыковой атакѣ главное значеніе. Солдаты должны „рвать на штыкахъ". Немного позднѣе онъ писалъ: „*сикурсъ* есть слово ненужной слабости, а *резервъ*—несклонности къ мужественному нападенію; *опасность*—есть слово робкое и никогда, какъ и *сикурсъ*, неупотребляемое и отъ меня заказанное". Тонкостей пригодныхъ лишь для парадовъ онъ по возможности избѣгалъ и называлъ ихъ „чудесами". Неустанно производилъ онъ походныя и ночныя упражненія, говоря: „памятовать то, что побѣда зависитъ отъ ногъ, а руки только орудіе побѣды".

Библиотека "Руниверс"

должалась отъ четырехъ до пяти часовъ. Деревня позади ихъ зажжена гранатою; кратко сказать, мы ихъ побили, они стремительно бѣжали, уронъ ихъ былъ знатенъ; въ числѣ плѣнныхъ обрѣтался Пинской драгунской полкъ съ его офицерами, но очень малосильный.

Потомъ съ отрядомъ прибылъ я въ Люблинъ, гдѣ по важности поста, учинилъ мой капиталь *). Я не буду ничего говорить о политическихъ обращеніяхъ, съ коими всѣ воинскія операціи въ Польшѣ и Литвѣ сообразуемы были, ниже о самыхъ тѣхъ разныхъ операціяхъ, какъ и о маловажнѣйшихъ вышереченнаго происшествіяхъ; но трону только подобныя, гдѣ я самъ обрѣтался. Разбитъ былъ главный полковникъ N близъ Клементова, въ Сендомирскомъ воеводствѣ, малымъ отрядомъ, подъ моимъ предводительствомъ, и потерялъ нѣсколько сотъ съ пятью пушками. Атаковали мы Ландскоронъ за Краковымъ, овладѣли городомъ, кромѣ зàмка, и разбили противнаго генерала N, пришедшаго на выручку. Въ мѣстечкѣ Урендовѣ на Вислѣ супренировалъ я ночью войска маршалковъ Пулавскаго и Савы; тутъ, при великой потерѣ, достались намъ въ руки драгуны сего послѣдняго, и онъ былъ такъ разоренъ, что, по безсилію, скоро погибъ; ихъ самихъ прогнали изъ подъ Красника. Разбитъ былъ въ лѣсахъ, къ сторонѣ Владимира, полковникъ Новицкій и той же ночи въ деревнѣ N вовсе разрушенъ. По многимъ дѣйствіямъ, такъ называемою главною конфедераціею городъ Краковъ такъ былъ стѣсненъ, что нашимъ тамо войскамъ недостатокъ въ субсистенціи наступалъ. Я далъ моимъ отрядамъ рандеву на рѣкѣ Санѣ, отбилъ прежде предграду ихъ на рѣкѣ Дунайцѣ и, по нѣкоторыхъ ночныхъ и денныхъ битвахъ, достигъ до Кракова, откуда мятежниковъ прогналъ. Въ той же ночи, противъ разсвѣту, напалъ, не подалеку Кракова, на ихъ Тыницкія укрѣпленія, гдѣ, сверхъ многихъ побитыхъ, въ томъ числѣ штыками, забрали мы много въ плѣнъ ихъ лучшей пѣхоты и распущенныхъ Саксонцевъ съ Нѣмецкими офицерами и артиллеріею. На другой день было славное происшествіе подъ Ландскорономъ, гдѣ собранные множественные мятежники были въ конецъ разбиты; погибло нѣсколько Французскихъ офицеровъ съ пѣхотою, на ихъ образъ учрежденною; убито два маршалка, Пинской Орѣшко и N. князь Сапѣга; при многихъ плѣнныхъ мнѣ достались въ руки маршалки Краковской Міончинской, и Варшавской Лоіоцкой.

Едва сіе кончено, какъ я извѣщенъ о сильной диверсіи мятежниковъ къ сторонѣ Замостья и Люблина. Надлежало мнѣ спѣшно туда

*) Т. е. главную квартиру.

Библиотека "Руниверс"

обратиться. Побита была, прежде ихъ, достаточно собравшаяся изъ разсѣянныхъ часть при рѣкѣ Санѣ, на походѣ; въ числѣ плѣнныхъ были нѣкоторые иностранные офицеры. Потомъ мятежники сильно были разбиты, разсѣяны подъ Замостьемъ и изъ крѣпости деложированы. Сраженьевъ сихъ было много, но примѣчательныхъ было девять, которыхъ планы я отправилъ къ генералу Веймарну; но послѣ о нихъ не слыхалъ. Французскій бригадиръ Мезьеръ, обрѣтавшійся при мятежникахъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, на сіе скоро отозванъ къ своему двору, и на его мѣсто прибылъ Вьомениль, генералъ и кавалеръ ордена святаго Людовика большаго креста. Возмутилась вся Литва. Регулярная ея, изъ полковъ Нѣмецкаго штата и конпутовыхъ хоронгъ [1]), армія съ достаточною артиллеріею и всѣмъ къ войнѣ надлежащимъ снабдѣнная, собралась, какъ и довольно иррегулярныхъ войскъ подъ предводительствомъ ихъ великаго гетмана графа Огинскаго, который сперва и получилъ нѣкоторые авантажи. Наши тамошніе деташаменты дѣйствовали слабо и очень предопасно, давали ему время возрастать, такъ что̀ уже считали его болѣе какъ въ десяти тысячахъ лучшаго войска, что̀ не могло быть правдою, но отъ протяженія времени вѣроятно бы совершилось.

Я напоминаю молодымъ вождямъ, что только одинъ глубокій въ практикѣ военачальникъ можетъ строить рѣдко непріятелю золотой мость, какъ и чинить хитрые маневры. При вышесказанномъ происшествіи подъ Ландскорономъ побѣда произошла ни отъ чего инаго, какъ отъ оныхъ [2]) Французскою запутанностію, которою Россійское войско пользовалось: они наклоняютъ пустые марши больше къ изнуренію войска, къ облѣненію онаго и роскоши, хороши для красоты въ реляціяхъ. Непріятелю время давать не должно, пользоваться сколько можно его наималѣйшею ошибкою и брать его всегда смѣло съ слабѣйшей стороны; но надлежитъ, чтобъ войска предводителя своего разумѣли. Чтобъ нигдѣ не дегарнировать, собралъ я всего войска до семи сотъ человѣкъ и двѣ пушки; тутъ были и легіонныя, которыя прежде нѣчто отъ г. Огинскаго пострадали. Но имѣлъ я храбрыхъ офицеровъ, привыкшихъ часто сражаться вблизи. Шли мы чрезъ Брестъ-Литовскій и прямымъ трактомъ, но поспѣшнымъ маршемъ, сближились съ арміею г. Огинскаго, который дневалъ подъ Столовичемъ; пойманы фуражировавшіе уланы. Принявши ихъ ласково, свѣдалъ я отъ нихъ нужное о ихъ расположеніи. Остерегалъ его генералъ Бѣлякъ, но онъ не вѣрилъ. Въ туже ночь пошли мы на атаку,

[1]) Что̀ это, не знаемъ.

[2]) Т. е. хитрыхъ маневровъ.

Библиотека "Руниверс"

продолжали маршъ безъ малѣйшаго шума, цѣля на его огни; ночь была темная, и къ утру палъ туманъ. Пѣхоту я поставилъ въ первой линіи, артиллерія въ серединѣ, вторая линія была вся изъ кавалеріи, позади артиллеріи былъ пѣхотный резервъ, позади второй былъ особый резервъ изъ пѣхоты и конницы, казаки были разсѣяны съ крылъ и сзади. Нападеніе наше на Литовцевъ было съ спины; мы къ нимъ приближились нѣчто до разсвѣта, такъ тихо, что деташированные съ господиномъ Паткулемъ порубили нѣсколько ихъ часовыхъ и, по данному сигналу, встрѣчены были отъ нихъ изъ мѣстечка сильною стрѣльбою ружейною и изъ артиллеріи. Передъ нами было болото и чрезъ оное плотина, по которой маіоръ Киселевъ съ Суздальскими гранадерами пошелъ на штыкахъ, пробилъ и далъ мѣсто нашей конницѣ, которой предводитель, подполковникъ Рылѣевъ, все встрѣчающееся въ мѣстечкѣ порубилъ и потопталъ. Между тѣмъ маіоръ Киселевъ пошелъ прямо на квартиру г-на Огинскаго; его подкрѣпила часть пѣхоты, прочая подъ маіоромъ Фергиномъ съ Нарвскими гранадерами, капитанами Шлиселемъ и Анибаломъ, управяся съ засѣвшею въ мѣстечкѣ противною пѣхотою, съ нимъ соединилась; вся пѣхота и резервы выстроились и пошли атаковать линіи г-на Огинскаго въ полѣ, съ которыми наша конница уже въ дѣло вступила. Литовское войско оборонялось храбро, легіонные гренадеры себя весьма отличили, и когда дошло до штыковъ, то отъ ротъ мушкатерскихъ г-нъ Масловъ съ легіонною первый ударилъ. Побѣда уже была въ нашихъ рукахъ, какъ стоявшій въ полмили отъ мѣста баталіи генералъ Бѣлякъ, правда поопоздавши, съ двумя сильными полками лучшихъ улановъ, своимъ и Корицкаго, отрѣзалъ и окружилъ нашихъ три эскадрона; тѣ не одинъ разъ сквозь ихъ прорубались, чѣмъ и кончено сраженіе. Вся артиллерія, обозы, канцелярія и клейноды великаго гетмана достались намъ въ руки, тожъ всѣ драгунскія лошади съ уборомъ, конпутовые съ уланами знатною частью спаслись. Плѣнъ нашъ наше число превосходилъ: отъ драгунскихъ и пѣхотныхъ полковъ почти всѣ, кромѣ убитыхъ, штабъ и оберъ-офицеры были въ нашемъ плѣну. Изъ нашихъ офицеровъ старшіе почти всѣ были переранены; изъ нижнихъ чиновъ убито было мало, но переранено около осьмой доли. Сраженіе продолжалось отъ трехъ до четырехъ часовъ, и вся Литва успокоилась.

Вся жъ сія Литовская армія состояла не болѣе тогда въ собраніи, какъ до трехъ тысячь человѣкъ, кромѣ уланъ и нѣсколькихъ иррегулярныхъ. Послѣ сего послѣдовало происшествіе Краковское. Я обращался въ Литвѣ; Французскіе офицеры вошли въ зàмокъ ночью чрезъ скважину въ стѣнѣ, гдѣ истекали нечистоты, при мятежничьихъ

Библиотека "Руниверс"

войскахъ; сею сурпризою плѣнили тамошній гарнизонъ и ввели туда отъ стороны Тынца болѣе тысячи человѣкъ особо лучшей, изъ распущенныхъ Саксонцевъ и увольненныхъ Австрійцовъ, при Нѣмецкихъ офицерахъ, пѣхоты. Отъ нашего, стоящаго въ городѣ, войска, были разныя тщетныя покушенія. Чрезъ нѣсколько дней я прибылъ туда съ отрядомъ, какъ отъ своей стороны Польскіе королевскіе генералы, графъ Браницкой и Грабовской. Самой тотъ почти часъ учинили мятежники на разсвѣтѣ изъ за̀мка генеральную вылазку для овладѣнія городомъ; конница ихъ ударила прямо на гаубтвахтѣ; но была разстрѣлена и отрѣзана; пѣхота̃ шла великою густою, но скоро картечами обращена назадъ; наши по диспозиціи до *) меня и малочислію на мѣстѣ за нею не погнались. Тотчасъ мы облегли за̀мокъ; королевскихъ войскъ квартира основалась за Вислою, учредили коммуникацію мостами и шанцами. По обѣимъ сторонамъ Вислы заняли посты въ приличныхъ мѣстахъ пѣхотою, на которые отъ противниковъ чинены были разныя вылазки, особливо въ полночь и полдни, всегда съ ихъ урономъ. Нашей всей пѣхоты было до семи сотъ человѣкъ, мы жъ почти сами въ городѣ отъ разныхъ деташаментовъ мятежничьихъ блокированы. И хотя я больше пяти тысячь человѣкъ по разнымъ мѣстамъ въ дирекціи имѣлъ, но ихъ не можно было опорожнить, кромѣ Сендомирскаго воеводства. Г. маіоръ Нагель покупалъ и провозилъ скрытыми маршами съ его отрядомъ военную аммуницію изъ Шлезскаго Козеля. Маіоръ Михельсонъ болѣе всѣхъ, по его искусству, отряжаемъ былъ противъ мятежниковъ въ поле и отъ успѣховъ его получилъ себѣ великую славу. Мятежники въ за̀мкѣ имѣли много провіанта, но недоставало имъ другихъ съѣстныхъ припасовъ, чего ради употребляли себѣ въ пищу своихъ лошадей. Оказавшаяся Литовская, давно въ Польшѣ странствующая, маршалка Косовскаго партія разбита была мною при Смерзонцѣ, между Кракова и Тынца, и потоплена въ Вислѣ. Отъ всѣхъ странъ за̀мокъ былъ стѣсненъ, но одинъ генеральный штурмъ намъ не удался, хотя уже одни вороты одержаны были, въ чемъ мятежничій уронъ нашъ превосходилъ и отъ чего потомъ у нихъ скоро оказался недостатокъ въ порохѣ и кремняхъ. Артиллерія наша была незнатна, но искусствомъ г-на Гакса въ разныхъ мѣстахъ испортила коммуникаціи, часто въ за̀мкѣ зажигала, и брешъ въ стѣнѣ на шесть рядовъ былъ готовъ; двѣ мины съ обѣихъ сторонъ Вислы, одна королевскаго офицера N, другая инженеръ-капитана Потапова, проходили галлереями къ концу пунктовъ, и уже ни одинъ че-

*) Т. е. „отъ.“.

Библиотека "Руниверс"

ловѣкъ изъ зàмку прокрасться не могъ, какъ вышелъ ко мнѣ изъ зàмка ночью бригадиръ Галибертъ и, по многимъ переговорамъ, капитулировалъ.

Можно отдать честь Французамъ, что они въ зàмкѣ королевскихъ гробницъ, ниже что изъ драгоцѣнныхъ клейнодовъ, нимало не повредили, но свято Польскимъ чиновникамъ возвратили. Гарнизонъ объявленъ былъ плѣннымъ, но титла военноплѣннаго не акордовано, сколько о томъ меня Французскіе начальники ни просили: вышелъ въ восьми стахъ человѣкъ здоровыхъ, прочіе больные или погибли; пѣхоты его оставалось еще больше нашей, чего ради положили ружье дежурному при мнѣ маіору, князю Солнцеву, въ зàмкѣ; при немъ штабъ и оберъ-офицеровъ разныхъ націй было около пятидесяти человѣкъ. Французскіе были бригадиры и Святаго Людвига кавалеры Шоази и Галибертъ, капитаны Віомениль, племянникъ генеральской, который первый въ зàмокъ вошелъ, Солиньякъ и другихъ два кавалеры военнаго ордена[1]). Изъ нихъ были въ походахъ въ Индіяхъ и дѣйствіяхъ въ Корсикѣ. Еще нѣкоторые Французскіе оберъ и унтеръ-офицеры. Всѣмъ симъ господамъ я подарилъ ихъ шпаги, какъ мнѣ бригадиръ Шоази свою вручалъ; и по трактаментѣ, въ туже ночь, при возможныхъ выгодахъ и учтивствѣ, отправлены реченные господа съ прочими и гарнизономъ при эскортѣ на Люблинъ, оттуда жъ нижніе чины въ Россію, офицеры, прибывшіе съ генераломъ Віомениломъ, въ Львовъ; тѣ, что̀ прежде прибыли съ бригадиромъ Мезьеромъ, въ Литовскую крѣпость Бялу, Польскіе въ Смоленскъ.

Далѣе я о моихъ политическихъ операціяхъ къ Тынцу, Ландскорону и иныя мѣста не описываю, какъ о сто̀ящихъ паки новаго пространства. Г-нъ Віомениль распрощался со мною учтивымъ благороднымъ письмомъ и отбылъ во Францію съ человѣками тремя оставшихъ своихъ офицеровъ и увольненнымъ отъ меня N, знатнаго отца, который ввѣренъ былъ мнѣ отъ г-на Шоази изъ зàмка для излеченія его смертельныхъ ранъ, отъ которыхъ получилъ свободу. Начиная отъ Радзивильцовъ большая часть мятежничьихъ партіевъ мнѣ, вооруженныя, сдались и распущены. Потомъ и кончились всѣ Польскія возмущенія[2]).

---

[1]) Ходилъ анекдотъ, что Суворовъ заставилъ Французовъ выйти изъ крѣпости тою же дорогою, какъ они взошли, т. е. черезъ трубу для стока нечистотъ.

[2]) За Польскую войну Суворовъ получилъ 1-го Января 1770 г. чинъ генералъ-маіора, 31 Сентября того же года Аннинскую звѣзду, 19-го Августа 1771 г. орденъ св. Георгія 3-й степени, за разбитіе графа Огинскаго звѣзду Александра Невскаго; 20 Декабря 1771 г., за овладѣніе Краковскимъ замкомъ, по представленію Бибикова, высочайшее благоволеніе и 1000 червонцевъ.

Библиотека "Руниверс"

Пожалованъ я въ 770-мъ генералъ-маіоромъ и въ 774 годахъ генералъ-поручикомъ. Въ 772-мъ генералъ Елмтъ и я, по перемѣнившемуся правленію въ Швеціи, обращены съ полками изъ Польши къ Финляндіи. По прибытіи моемъ въ Санктъ-Петербургъ опредѣленъ былъ я временно къ тамошней дивизіи, осматривалъ Россійской съ Швеціею рубежъ съ примѣчаніемъ политическихъ обстоятельствъ и имѣлъ иныя препорученія.

Какъ обстоятельства съ Швеціею перемѣнились, отправленъ я былъ въ первую армію [1]), гдѣ отъ генералъ-фельдмаршала, графа Петра Александровича Румянцова, помѣщенъ былъ въ состоящій въ Валахіи корпусъ. Командующій онымъ генералъ, графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, поручилъ мнѣ отрядъ войскъ, на рѣкѣ Ардышѣ, противъ черты Туртукая, куда прибывъ, нашелъ я близъ двадцати переправныхъ косныхъ лодокъ, отъ войска выбралъ и пріучилъ къ нимъ надлежащихъ гребцовъ, и сдѣлалъ половинный скрытый маршъ для приближенія къ Дунаю; на разсвѣтѣ были окружены Турецкою конницею, въ конецъ ее разбили и прогнали за Дунай; съ плѣнными былъ ихъ командующій паша. Тѣмъ мы вскрылись, и въ слѣдующую ночь переправились за Дунай благополучно, пять сотъ человѣкъ пѣхоты Астраханскаго, сто карабинеръ, при полковникѣ князѣ Мещерскомъ, Астраханскаго жъ полка, лошади вплавь и сто казаковъ. Турки на противномъ берегу свыше пяти тысячь почли насъ за неважную партію, но сильно изъ ихъ пушекъ по насъ стрѣляли, какъ и въ устье Ардыша, откуда выходили лодки. Мы одержали надъ ними извѣстную побѣду [2]). Второе дѣйствіе мое подъ Туртукаемъ [3]) во время происшествія при Силистріи також частью изъ реляцій извѣстно; объясню только, что, по слабости отъ болѣзни, я безъ помощи ходить не могъ; что, по овладѣніи нами Турецкимъ ретраншементомъ ночью, варвары, превосходствомъ почти въ десятеро, насъ въ немъ сильно оступили. Тутъ былъ и вышереченный князь Мещерской, которымъ, какъ г-мъ Шемякинымъ, прибывшимъ ко мнѣ съ коннымъ отрядомъ и легкою пушкою, довольно нахвалиться не могу, и они всегда въ моей памяти пребудутъ; карабинеры жъ Мещерскаго вооружены были ружьями съ штыками по недостатку пѣхоты. Ночь и къ полднямъ сражались мы непрестанно, и военная аммуниція знатно уменьшилась. Но раненъ былъ пулею Визулла, командующій паша, предатель Египет-

[1]) 4 Апрѣля 1773 года.

[2]) 9 Мая. Но, вопреки настояніямъ Суворова, не сдѣлали тотчасъ же вторичнаго нападка и дали Туркамъ время укрѣпиться.

[3]) 16—17 Іюня 1773 года.

Библиотека "Руниверс"

скаго Алибея, исколоть Сенюткиными козаками. Противъ полденъ капитанъ Братцовъ учинилъ вылазку съ штиппереножною колонною въ вороты на Янычаръ, холоднымъ ружьемъ поразилъ и самъ смертельно раненъ; тогда все войско выступило изъ ретраншамента, и одержана была полная побѣда. Вся Турецкая артиллерія нижняго и верхняго лагерей съ ихъ всею флотильею достались въ наши руки*). Первый разъ подъ Туртукаемъ перебита у меня нога отъ разрыву пушки; о разныхъ прежде мнѣ неважныхъ контузіяхъ я не упоминаю.

Послѣ того опредѣленъ я былъ начальникомъ Гирсовскаго корпуса. Сей Задунайскій постъ надлежало соблюсти. Я починилъ крѣпость, прибавилъ къ ней земляныя строенія и сдѣлалъ разные фельдшанцы. Предъ наступленіемъ Турецкимъ перевелъ я мой резервъ изъ за Дуная, два полка пѣхоты, на островъ вблизости Гирсова, въ закрытіи, за рѣчкою N, на которой были понтоны. Турки оказались рано днемъ около одиннадцати тысячь. Велѣлъ я дѣлать разные притворные виды нашей слабости; но съ моей стороны, особливо изъ крѣпости, начали рано стрѣлять и вмѣсто картечь ядрами. Они фланкировали наши шанцы; шармицерованіе продолжалось до полденъ и не имѣло конца. Приказалъ я всѣмъ своимъ очистить поле. Пріятно было видѣть: варвары при пяти пашахъ бунчужныхъ построились въ три линіи; въ первыхъ двухъ пѣхота, въ срединѣ конница, по флангамъ пушки въ ихъ мѣстахъ, по Европейскому; въ третьей, что̀ резервъ, было разное войско и нѣкоторые обозы. Съ довольною стройностію приближились они къ нашему Московскому ретраншементу, гдѣ мы молчали; заняли высоту, начали бомбами и ядрами, безотвѣтно и впрочемъ весьма храбро подъ предводительствомъ ихъ байрактаровъ, бросились съ разныхъ странъ на ретраншементъ. Наша стрѣльба открылась вблизи, ретраншементъ былъ очень крѣпокъ; изъ закрытія князь Мачабеловъ съ Сѣвскимъ полкомъ и баронъ Розенъ съ тремя эскадронами гусаръ взошли на наши высоты съ превеликимъ ихъ пораженіемъ, и князь Гагаринъ другаго полку съ кареемъ наступилъ на ихъ лѣвой флангъ, изъ ретраншемента; они крайне пострадали. Недолго тутъ дѣло продолжалось, отъ одного до двухъ часовъ; ударились они въ бѣгство, претерпѣли великій уронъ, оставили на мѣстѣ всю ихъ артиллерію; побѣда была совершенная. Мы ихъ гнали тридцать верстъ. Прочее извѣстно по реляціямъ, въ которыя я мало вникалъ и всегда почиталъ дѣло лучше описанія, и скорѣе примѣчу къ наставленію военачальниковъ, что изъ ста Сѣвскихъ раненыхъ солдатъ ни одинъ не умеръ: толико

*) За дѣло подъ Туртукаемъ Суворовъ получилъ 30 Іюля Св. Георгія 2-й степени, о которомъ просилъ онъ графа Салтыкова.

Библиотека "Руниверс"

о блюденіи людей былъ попечителенъ достойный полковникъ князь Мачабеловъ.

Послѣднюю баталію въ Турецкой войнѣ выигралъ я при Козлуджи, предъ заключеніемъ мира. Резервный корпусъ команды моей соединялся съ Измаильскимъ. Турецкая армія около пятидесяти тысячъ была подъ командою рейсъ-эфендія и главнаго Янычарскаго-аги, была на походѣ чрезъ лѣсъ и встрѣчена нашею конницею, которая захватила ихъ квартирмейстеровъ съ генеральнымъ и принуждена была уступить силѣ. Отъ моего авангарда три баталіона гренадеръ и егерей съ ихъ пушками подъ командою г-дъ Трейдена, Ферзена, Река остановили въ лѣсу противный авангардъ, восемь тысячъ Албанцовъ, и сраженіе начали. Скоро усилены были команды генерала Озерова кареемъ двуполковымъ, Суздальскаго и Сѣвскаго подъ Мачабеловымъ; но почти уже предуспѣли сломить Албанцовъ, соблюдая весьма свой огонь. Сіе пораженіе продолжалось близъ двухъ часовъ около полденъ. Люди наши шли во всю ночь и не успѣли принять пищу, какъ и строевыя лошади напоены не были. Лѣсъ прочистился, мы вступили въ маршъ впередъ; на нашемъ трактѣ брошено нѣсколько сотъ телѣгъ съ Турецкимъ лучшимъ шанцовымъ инструментомъ. Происходили неважныя стычки въ лѣсу; конница закрывала малосиліе пѣхоты нашей; ея было до четырехъ тысячъ; старшій генералъ Луисъ, котораго поступками я весьма одолженъ (я оставляю прочее примѣчаніе). Шли мы лѣсомъ девять верстъ, и по выходѣ изъ онаго упалъ сильный дождь, который наше войско ободрилъ, противному жъ мокротою причинилъ вредъ. При дебушированіи встрѣчены мы сильными выстрѣлами съ баттареи на высотахъ отъ артиллеріи барона Тотта, и карреи, взявъ свою дистанцію, ихъ одержали и все взяли. Хотя разныя покушенія отъ варварской арміи на насъ были, но безъ успѣха, а паче препобѣждены быстротою нашего марша и крестными пушечными выстрѣлами, какъ и ружейною пальбою съ соблюденіемъ огня. Здѣсь раненъ былъ внутри карея князь Ратіевъ подполковникъ, какъ Далкелыжди *), по ихъ обычаю, въ оныя внѣдрываются. Полемъ былъ нашъ маршъ, большею частью терновникомъ, паки девять верстъ, и при исходѣ его прибылъ къ намъ артиллеріи капитанъ Базинъ и съ нимъ близъ десяти большихъ орудіевъ, которыми открылъ пальбу въ лощину, внутрь Турецкаго лагеря. Тогда Турки всюду бѣжали, но еще дѣло кончено не было: за ихъ лагеремъ усмотрѣлъ я высоту, которую одержать надлежало. Пошелъ я сквозь оный съ подполковникомъ Любимовымъ и его эскадронами, кареи жъ оный обходили и тѣмъ нѣчто замѣшкались.

*) Не „делибаши“ ли?

Библиотека "Руниверс"

По занятіи мною той высоты произошла съ Турецкой стороны вдругъ на насъ сильная стрѣльба изъ большихъ пушекъ, и по продолженію примѣтилъ я, что ихъ немного, то приказалъ отъ себя маіору Парфентьеву взять поспѣшнѣе изъ карея три Суздальскихъ роты, ихъ отбить, что̀ онъ съ крайнею быстротою марша и учинилъ. Все наше войско расположилось на сихъ высотахъ противъ наступающей ночи, и прибылъ къ намъ г. бригадиръ Заборовской съ его кареемъ комплектнаго Черниговскаго полку; такимъ образомъ окончена совершенная побѣда при Козлуджи, послѣдняя прошлой Турецкой войны[1]).

Былъ я на лошади, часто въ огнѣ и трудномъ бою. Тогдашняя моя болѣзнь столько умножилась, что я отбылъ лѣчиться за Дунай; почему я за реляцію, ниже за донесеніе мое, въ слабости моего здоровья, не отвѣчаю, но доволенъ въ душѣ моей о извѣстныхъ слѣдствіяхъ отъ сего происшествія.

Въ силу имяннаго высочайшаго повелѣнія[2]), гдѣ прописано: «ѣхать мнѣ въ Москву, въ помощь генералу князю Михайлѣ Никитичу Волконскому», отбылъ я тотчасъ изъ Молдавіи и прибылъ въ Москву, гдѣ усмотрѣлъ, что мнѣ дѣлать нечего, и поѣхалъ далѣе, внутрь, къ генералу графу Петру Ивановичу Панину[3]), который, при свиданіи, паки мнѣ высочайшее повелѣніе объявилъ о содѣйствіи съ нимъ въ замѣшательствахъ и далъ мнѣ открытый листъ о послушаніи меня въ губерніяхъ воинскимъ и гражданскимъ начальникамъ. Правда, я спѣшилъ къ передовымъ командамъ и не могъ имѣть большого конвоя, такъ и не иначе надлежало; но извѣстно ли, съ какою опасностію безчеловѣчной и безчестной смерти? Сумасбродныя толпы вездѣ шатались; на дорогѣ множество отъ нихъ тирански умерщвленныхъ. И не стыдно мнѣ сказать, что я на себя принималъ иногда злодѣйское имя; самъ не чинилъ нигдѣ, ниже чинить повелѣвалъ, ни малѣйшей казни, развѣ гражданскую, и то однимъ безправнымъ зачинщикамъ,

---

[1]) Этою побѣдою рѣшена была первая Турецкая война. Суворовъ завязалъ бой не только не спросивъ дозволенія Каменскаго, своего непосредственнаго начальника, но даже въ явное ему ослушаніе. Справедливое негодованіе Каменскаго побудило Суворова, подъ предлогомъ болѣзни, оставить войска и уѣхать въ Букарестъ, за что̀ онъ и получилъ отъ Румянцова строгій выговоръ.

[2]) Еще въ Мартѣ предполагали назначить Суворова противъ Пугачева; но Румянцовъ удержалъ его у себя въ арміи, такъ какъ Суворовъ уже былъ тогда весьма извѣстенъ и его внезапный отъѣздъ могъ бы возбудить среди Турокъ преувеличенные толки о значительности Пугачева.

[3]) Изъ Москвы Суворовъ прискакалъ къ Панину на телѣгѣ безъ багажа, 24 Августа и, получивъ отъ него инструкціи, въ тотъ же день полетѣлъ къ Саратову съ конвоемъ въ 50 человѣкъ. До чего были довольны его быстротою и какія надежды на него возлагали, видно изъ того, что 2-го Сентября Екатерина дала ему милостивый рескриптъ въ которомъ упоминала о его поѣздкѣ на перекладной, и пожаловала 2000 червонцевъ на обзаведеніе экипажемъ.

Библиотека "Руниверс"

но усмирялъ человѣколюбивою ласковостью, обѣщаніемъ высочайшаго императорскаго милосердія [1]). По прибытіи моемъ въ Дмитріевскъ, свѣдалъ я, что извѣстный разбойникъ въ близости одной за Волгою слободы; не смотря на его неважную силу, желалъ я, переправясь, съ моими малыми людьми на него тотчасъ ударить, но лошади всѣ выбраны были, чего ради я пустился вплавь на суднѣ въ Царицынъ, гдѣ я встрѣтился съ г-мъ Михельсономъ. Большая часть нашихъ начальниковъ отдыхала на красносплетенныхъ реляціяхъ; и ежели бы всѣ были, какъ г-да Михельсонъ[2]) и Гагаринъ, разнеслось бы давно все, какъ метеоръ. Сіи разнообразные случаи прикосновенны моей службѣ, которою я нынѣ справедливо отозваться необходимо долженствую; впрочемъ бы я молчалъ. Изъ Царицына взялъ я себѣ разнаго войска конвой на коняхъ и обратился въ обширность Уральской степи за разбойникомъ, отстоящимъ отъ меня суткахъ въ четырехъ. Прибавить должно, что я, по недостатку, провіанта почти съ собою не имѣлъ, но употреблялъ вмѣсто того рогатую скотину, засушеніемъ на огнѣ мяса съ солью по испытанію Померанской, въ Прусской войнѣ, послѣдней кампаніи. Въ степи я соединился съ г-ми Иловайскимъ и Бородинымъ; держались слѣдовъ и чрезъ нѣсколько дней догнали разбойника, шедшаго въ Уральскъ. Посему доказательно, что не такъ онъ былъ легокъ, а быстрота марша первое искуство. Сіе было среди большаго Узеня; я тотчасъ раздѣлилъ партіи, чтобъ его ловить, но извѣстился, что его Уральцы, усмотря сближенія наши, отъ страху его связали и бросились съ нимъ на моемъ челѣ стремглавъ въ Уральскъ, куда я въ тѣже сутки прибылъ. (Чего жъ ради они его прежде не связали?.... Почто не отдали мнѣ? Потому что я былъ имъ непріятенъ, и весь разумный свѣтъ скажетъ, что въ Уральскѣ Уральцы имѣли больше пріятелей, какъ и на форпостахъ онаго. Наши жъ передовые здѣсь нѣчто сбились на Киргизскіе слѣды). И чтобъ пустыми обрядами не продолжить дѣло, немедленно принялъ я его въ мои руки, пошелъ съ нимъ чрезъ Уральскую степь назадъ, при непрестанномъ во все то время безпокойствіи отъ Киргизцовъ, которые одного ближняго при мнѣ убили и адъютанта ранили, и отдалъ его генералу графу Петру Ивановичу Панину въ Синбирскѣ. Въ слѣдующее время моими политическими распоряженіями и военными маневрами буйства Башкир-

---

[1]) Суворовъ всегда отличался необыкновенно ласковымъ обращеніемъ съ плѣнниками и побѣжденными. Онъ говорилъ позднѣе: „Я проливалъ кровь потоками; я прихожу въ ужасъ отъ этого; но я люблю моего ближняго; я никого не сдѣлалъ несчастнымъ, не подписалъ ни одного смертнаго приговора, не задавилъ ни одной козявки."

[2]) Хотя Михельсонъ и отнялъ у Суворова славу одолѣть Пугачева, но онъ все же воздаетъ ему должную честь.

Библиотека "Руниверс"

цовъ и иныхъ безъ кровопролитія сокращены, но паче императорскимъ милосердіемъ [1]).

Въ 776 году былъ я опредѣленъ къ полкамъ Московской дивизій въ Крымъ, гдѣ около Карасу-Базара собравшіяся, противныя Шагинъ-Гирей-хану партіи, я разсѣялъ одними движеніями, и по прибытіи его изъ Тамани, объявлялъ его въ семъ достоинствѣ; а по продолжающейся болѣзни отъѣзжалъ въ Полтаву для излеченія [2]). Въ слѣдующемъ году и 778-мъ командовалъ я корпусомъ Кубанскимъ, гдѣ по рѣкѣ Кубани учредилъ я линію, крѣпости и фельдшанцы, отъ Чернаго моря до Ставрополя, и тѣмъ сократилъ неспокойствія Закубанскихъ и Нагайскихъ народовъ. Одинъ тотъ годъ не произошло никакого Нагайскаго за Кубань набѣга. Того жъ года обращенъ я въ Крымъ и командовалъ корпусами Крымскимъ, Кубанскимъ, на Днѣпрѣ и иными войсками; вывелъ христіанъ изъ Крыма въ Россію безъ остатку; вытѣснилъ Турецкую флотилію изъ Ахтіарской гавани, великаго адмирала, Гасанъ-пашу, и Али-бея Анадольскаго со всѣмъ Оттоманскимъ флотомъ и транспортными съ войскомъ судами, коихъ всѣхъ по счету было больше ста семидесяти; отъ Крымскихъ береговъ обратилъ назадъ къ Константинополю воспрещеніемъ свѣжей воды и дровъ, и выступилъ изъ Крыма съ войсками въ 779 году [3]). Потомъ обращался я въ разныхъ мѣстахъ и комиссіяхъ, командуя Казанскою дивизіею [4]). До

[1]) Лѣтомъ 1775 г., во время торжественнаго празднованія Турецкаго мира и усмиренія Пугачевскаго бунта, Суворовъ получилъ золотую шпагу осыпанную бриллiантами. Въ Августѣ онъ былъ въ Москвѣ, представился Государынѣ и былъ назначенъ командовать Петербургской дивизіей. За кончиной отца своего онъ имѣлъ много дѣлъ и потому просилъ позволенія временно остаться въ Москвѣ. Дивизіи онъ такъ и не принялъ.

[2]) Тамъ жила его супруга Варвара Ивановна съ дочкою.

[3]) Командованіе войскомъ въ Крыму требовало большой ловкости къ сношеніяхъ съ ханомъ и Турками. Румянцовъ вначалѣ сильно сомнѣвался въ способности Суворова уладить Крымскія дѣла. Въ 1779 г. Суворовъ, по предстательству всемогущаго Потемкина милость котораго онъ съумѣлъ спискать, получилъ бриллiантовую табакерку съ портретомъ Императрицы.

[4]) С. выѣхалъ въ Петербургъ, ему пожаловали бриліантовую звѣзду Александра Невскаго съ одежды Императрицы и дали секретное порученіе взять у Персіи на южномъ берегу Каспійскаго моря мѣста для предполагаемыхъ товарныхъ складовъ, чтобы направить торговлю съ Индіей черезъ Персію и Каспійское море, такъ какъ, благодаря войнѣ Англіи съ Франціей, морскіе пути были закрыты. С. быстро направился въ Астрахань и принялся за дѣло, но оно не имѣло успѣха, тѣмъ болѣе что дѣла Англичанъ поправлялись. Зять Суворова князь Горчаковъ записалъ въ календарѣ своемъ 1 Генваря 1780 г. „Предъ свѣтомъ шуринъ Александръ Васильевичъ Суворовъ съ Петромъ Ивановичемъ Турчаниновымъ пріѣхали ко мнѣ изъ Петербурга и жили у меня для примиренія Александра Васильевича съ женою. Варвара Ивановна Турчаниновымъ привезена ко мнѣ въ домъ того же дня по полудни, а 21-го числа пріѣхалъ Кронштатскій протопопъ съ женою для увѣщанія ихъ, и онъ съ ними поѣхалъ; а они всѣ 24-го числа по вечеръ: Турчаниновъ въ Петербургъ, а Суворовъ съ женою, съ протопопомъ и Нѣмкою Бетхеръ—въ Астрахань. („Р. Старина 1899, XI, 300).

Библиотека "Руниверс"

заключенія конвенціи съ Турками командовалъ я Кубанскимъ корпусомъ и въ 783 году привелъ Нагайскія орды къ всеподданической ея императорскаго величества присягѣ, и какъ они, учиня мятежъ, знатною частью ушли за Кубань, то имѣлъ я туда на нихъ походъ съ регулярнымъ и сильнымъ иррегулярнымъ войскомъ; были они нами за Кубанью и на рѣкѣ Лабѣ на разсвѣтѣ, при Керменчикѣ, такъ сурпренированы, что потеряли множество народа и всѣхъ своихъ мурзъ; и того жъ числа другой разъ они и иныя поколѣнія, равно сему, разбиты были; одни сутки кончили все дѣло.

Чтò до моихъ наукъ, они состоятъ въ Математикѣ, части Философіи, Географіи, Гисторіи, языкахъ Нѣмецкомъ, Французскомъ, Италіанскомъ, Польскомъ, Турецкомъ съ малою частію Арабскаго и Персидскаго и Финскомъ. Я осыпанъ благоволеніями ея императорскаго величества, моей всемилостивѣйшей монархини, моей матери и матери отечества; о ея ко мнѣ щедротахъ прилагаю при семъ копіи съ ея высочайшихъ рескриптовъ, по которымъ я кавалеръ третьяго и большаго креста втораго класа Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія, Святаго Великаго Князя Александра Невскаго, Святаго Равноапостольнаго Князя Владимира первой степени; Святыя Анны, по письму графа Панина. Сверхъ того имѣю я отличные знаки высочайшаго ея императорскаго величества милосердія: съ брилліантами золотую офицерскую шпагу, такую жъ четыреугольную табакерку съ всепресвѣтлѣйшимъ ея портретомъ; брилліантовую звѣзду съ собственной ея императорскаго величества одежды, при особливыхъ письмахъ, которыхъ я, по моей разномѣстности, не отыскалъ. При семъ такожъ прилагаю копіи съ моихъ на чины патентовъ.

Потомство мое прошу брать мой примѣръ: всякое дѣло начинать съ благословеніемъ Божіимъ, до издыханія быть вѣрнымъ государю и отечеству, убѣгать роскоши, праздности, корыстолюбія и искать славы чрезъ истину и добродѣтель, которыя суть моимъ символомъ. Не для суеты, но для онаго я въ сіе плодовитое описаніе вошелъ; нѣкія происшествія я забылъ и не помню верификаціевъ чиселъ и имянъ, не имѣвши у себя никогда никакихъ записокъ. Старость моя наступаетъ, и долженъ я о моихъ дѣлахъ скоро отвѣтъ дать Всемогущему Богу.

1785 года, Сентября 22 числа. Генералъ-аншефъ **Александръ Суворовъ**.

*

Гдѣ подлинникъ этой автобіографіи? Какъ всѣ писанія Суворова, она требуетъ тщательныхъ поясненій. Спроста онъ ничего не говорилъ, любя, чтобы добирались чтò именно онъ хотѣлъ сказать.

*

Библиотека "Руниверс"

Дополненія.

Въ Іюлѣ 1783 г. Суворовъ получилъ звѣзду св. Владимира за экспедиціи Кубанскія. Въ зиму съ 1783 по 1784 онъ склонилъ Шагинъ-Гирея, скрывавшагося за Кубанью, отдаться на волю Государыни; въ Февралѣ 1784 г. Турція торжественно признала подданство Россіи, Крыма и Кубанской области, и весной же бывшій ханъ выѣхалъ въ Россію.

1784—1786 годы не представляли ничего замѣчательнаго; Суворовъ командовалъ сначала Владимирской дивизіей, ѣздилъ по своимъ дѣламъ въ Петербургъ, гдѣ сильно чудачествовалъ и жаловался Потемкину на свое бездѣйствіе. Онъ писалъ ему (въ Декабрѣ 1784): „Одно мое желаніе, чтобы кончить высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ. Долговременное мое бытіе въ нижнихъ чинахъ пріобрѣло мнѣ грубость въ поступкахъ при чистѣйшемъ сердцѣ и удалило отъ познанія свѣтскихъ наружностей; препроводя мою жизнь въ полѣ, поздно мнѣ къ нимъ привыкать".

Въ 1785 г. ему дали Петербургскую дивизію, въ 1786 произвели по старшинству въ генералы-аншефы и отправили командовать Кременчугскими войсками. Во время путешествія Императрицы на Югъ подъ Кременчугомъ былъ произведенъ смотръ войскамъ. Императрица и ея свита, въ которой было много иностранцевъ, дивились качествамъ Суворовской дивизіи. Государыня пожаловала ему табакерку съ вензелями въ 7000 р. Разсказываютъ, что послѣ смотра Екатерина, окруженная многочисленной свитой, спросила Суворова чѣмъ она можетъ выразить ему благодарность. Кривляясь и кланяясь, онъ. попросилъ заплатить за квартиру нѣсколько рублей, которые-де онъ задолжалъ.

13 Августа 1787 года Турція объявила Россіи войну. Суворовъ былъ въ Херсонѣ и находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ фельдмаршаломъ Потемкинымъ, который заявлялъ, что Суворовъ „своей особой больше 10.000 чел." 1-го Октября Суворовъ отбилъ нападеніе Турокъ на Кинбурнъ и нанесъ имъ жестокое пораженіе, но былъ самъ дважды раненъ. Побѣда произвела сильное угнетеніе въ Константинополѣ и восторгъ въ Петербургѣ. Государыня писала ему. „Чувствительны намъ раны ваши. Бога молимъ, да излѣчитъ наискорѣе сіи уязвленія, претерпѣнныя при защитѣ вѣры православной и предѣловъ Имперіи и возстановитъ тѣмъ болящихъ къ обрѣтенію вящихъ успѣховъ".

17 Іюня 1788 г. Суворовъ, вооруживъ предварительно батареями Кинбургскую косу, нанесъ сильный вредъ Турецкому флоту. Онъ получилъ собственноручный рескриптъ отъ Государыни и орденъ Андрея Первозваннаго.

27 Іюля 1788 г. Суворовъ атаковалъ Очаковъ, но, не будучи поддержанъ нерѣшительнымъ Потемкинымъ, былъ отбитъ и получилъ рану въ шею. Затѣмъ у него вышла непріятность съ Потемкинымъ; передаютъ, что Суворовъ дерзко посмѣялся надъ вялостью своего начальника. 18 Августа онъ былъ раненъ во время взрыва Кинбургской артиллерійской лабораторіи. По-

Библиотека "Руниверс"

слѣ взятія Очакова Потемкинымъ, при раздачѣ наградъ, Суворовъ получилъ бриллiантовое перо въ шляпу.

При распредѣленіи начальниковъ по войскамъ для кампаніи 1789 г. Потемкинъ не внесъ его въ списки, но Государыня назначила его къ Румянцову, и онъ получилъ дивизію, расположенную между рр. Серетомъ и Прутомъ.

17-го Іюля Суворовъ соединился съ Австрійскимъ генераломъ принцемъ Кобургскимъ, подчинилъ его своей волѣ и 21 Іюля на-голову разбилъ Турокъ подъ Фокшанами. Узнавъ объ этой побѣдѣ, Государыня заплакала отъ радости и поѣхала служить молебенъ въ Казанскій соборъ. Суворову пожалованъ бриллiантовый крестъ и звѣзда къ ордену Андрея Первозваннаго. Отъ Австрійскаго императора онъ получилъ за это табакерку.

11 Сентября, опять вмѣстѣ съ принцемъ Кобургскимъ, онъ разбилъ наголову великаго визиря подъ Рымникомъ, за что пожалованъ Георгіемъ 1-й степени, бриллiантовымъ эполетомъ, шпагою, перстнемъ и возведенъ въ графское достоинство. Побѣда надъ въ четверо сильнѣйшимъ непріятелемъ, выполненная съ такимъ совершенствомъ, поразила умы современниковъ; но Суворову предстояло совершить еще болѣе удивительное дѣло—взять Измаилъ.

Хотя Потемкинъ и обѣщалъ открыть кампанію 1790 г. живыми и стремительными дѣйствіями, однако по обыкновенію медлилъ и недоумѣвалъ. Австрійцы также дѣйствовали на Дунаѣ безъ большого успѣха, принцъ Кобургъ опять попросилъ прислать ему Суворова, и тотъ явился подъ Букарестъ съ 10.000 войска. Слухъ о его прибытіи навелъ ужасъ на Турокъ. Вскорѣ однако по Рейхенбахской конференціи Австрія уклонилась отъ войны. Между тѣмъ адмиралъ Ушаковъ разбилъ Турецкій флотъ подъ Гаджибеемъ (Одесса), и Потемкинъ началъ дѣйствовать противъ великаго визиря: рѣчной флотъ долженъ былъ вытѣснить Турокъ изъ устьевъ Дуная, взять Тульчу и Исакчу-а сухопутное войско овладѣть Измаиломъ и Браиловымъ.

Измаилъ былъ обращенъ Французскими инженерами въ первоклассную твердыню; его защищалъ опытный Айдосъ-Мехметъ-паша съ 42.000 войска. Русскіе подъ начальствомъ Гудовича, Потемкина (не фельдмаршала) и Самойлова обложили крѣпость, а Рибасъ съ острова Чатала обстрѣливалъ ее. Но осада велась вяло, наступала зима, припасовъ не было, войска упали духомъ, и военный совѣтъ не рѣшался на штурмъ. Тогда Потемкинъ обратился къ Суворову.

2 Декабря Суворовъ пріѣхалъ подъ Измаилъ самъ-другъ верхомъ. Для него было ясно, что дѣло предстояло очень трудное. Русскихъ войскъ было около 30.000, а Турки были въ прекрасномъ состояніи. Тѣмъ не менѣе онъ тотчасъ же приказалъ готовиться къ штурму, вдохнулъ увѣренность въ солдатъ и 7-го Декабря послалъ сераскиру записку съ предложеніемъ сдаться. Приводимъ это письмо: „Сераскиру, старшинамъ и всему

Библиотека "Руниверс"

обществу. Я съ войсками сюда прибылъ. Двадцать четыре часа на размышленіе—воля; первый мой выстрѣлъ—уже неволя; штурмъ—смерть, что̀ оставляю вамъ на разсмотрѣніе". Говорятъ, Турки до того были увѣрены въ незыблемости своей крѣпости, что одинъ паша заявилъ Русскому посланному: „скорѣй Дунай потечетъ назадъ, и небо упадетъ на землю, чѣмъ Измаилъ сдастся".

11 Декабря 1790 г. Измаилъ былъ взятъ штурмомъ и согласно обѣщанію отданъ на трехдневное разграбленіе. Самъ Суворовъ впослѣдствіи говорилъ, что на такой штурмъ можно пускаться лишь разъ въ жизни. Впечатлѣніе, имъ произведенное, было въ полномъ смыслѣ оцѣпеняющимъ. Участники штурма сами говорили, что, глядя при дневномъ свѣтѣ на тѣ мѣста, которыми они пробрались въ крѣпость, они не вѣрили своимъ глазамъ. Суворовъ ждалъ, что ему дадутъ чинъ фельдмаршала. На вопросъ Потемкина, чѣмъ онъ его можетъ наградить, онъ отвѣчалъ въ раздраженіи, что онъ не купецъ и не торговаться пріѣхалъ, что кромѣ Бога и Государыни никто его наградить не можетъ. Въ честь взятія Измаила была выбита медаль, и Суворовъ былъ назначенъ подполковникомъ Преображенскаго полка, честь великая, но, конечно, заслугѣ награждаемаго не соотвѣтственная: это была награда даваемая за долголѣтнюю службу. Турецкую войну кончили безъ Суворова, а его послали въ Финляндію, съ порученіемъ осмотрѣть границы и строить крѣпости.

Въ Ноябрѣ 1792 г. онъ получилъ въ командованіе войска въ Екатеринославской губерніи, Крыму и вновь присоединенныхъ земляхъ съ приказаніемъ производить укрѣпленія тѣхъ мѣстъ. Этимъ онъ былъ занятъ до 1794 г, когда къ нему пришло отъ Румянцова предписаніе двинуться въ Польшу, гдѣ происходила ожесточенная война, съ необычайной быстротой имѣя 4000 солдатъ, двинулся онъ 14 Августа на театръ войны, разбилъ Поляковъ подъ Крутицами и Брестомъ, Кобылкой и 4 Ноября взялъ штурмомъ Прагу, за что и былъ возведенъ 19-го Ноября въ званіе фельдмаршала. Государыня прислала ему съ его племянникомъ фельдмаршальскій жезлъ въ 15.000 р. и алмазный бантъ къ шляпѣ, кромѣ того пожаловала въ потомственное владѣніе Кобрино съ 7000 душъ мужескаго пола. Отъ Прусскаго короля онъ получилъ ордена Краснаго и Чернаго Орла, какъ свидѣтельство „ненарушимаго уваженія и особеннаго почтенія", отъ Австрійскаго императора портретъ, осыпанный бриліантами. Не только военныя доблести обнаружилъ Суворовъ, но и большое умѣнье умиротворять возбужденіе, а также и милосердіе, хотя Поляки, а за ними и иностранные писатели, всячески старались изобразить его какимъ-то звѣремъ.

4 Января 1796 г. пріѣхалъ онъ въ Петербургъ. Жительствомъ ему назначенъ былъ Таврическій дворецъ. Здѣсь онъ удивлялъ всѣхъ своими чудачествами и выходками; такъ, будучи встрѣченъ Платономъ Зубовымъ не въ полной формѣ, онъ и самъ принялъ фаворита въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Въ Зимнемъ дворцѣ падалъ ницъ передъ великимъ княземъ Александромъ

Библиотека "Руниверс"

Павловичемъ, зная, что онъ—наслѣдникъ Екатерины. Осмотрѣвъ Финляндскія укрѣпленія и отказавшись принять начальство надъ Персидскою экспедиціей, онъ въ Мартѣ поѣхалъ въ Тульчинъ, и по пути навѣстилъ престарѣлаго Румянцова.

Положеніе южной арміи было ужасное: умирало въ годъ около $^1/_4$ всего состава. Суворовъ быстро улучшилъ санитарное состояніи арміи, и уже въ Іюлѣ умерло только 792 человѣка. Къ этому времени и относится его „наука побѣждать“—правила для обученія солдатъ.

6 Ноября 1796 г. скончалась Екатерина Великая.

Павелъ, вначалѣ благосклонный къ Суворову, за его нежеланіе исполнять у себя въ арміи военныя нововведенія, 6-го Февраля 1797 г. далъ ему отставку и велѣлъ жить въ Кончанскомъ подъ строгимъ, хотя и негласнымъ надзоромъ.

Въ 1798 г. Суворовъ былъ вызванъ Государемъ въ Петербургъ, но ѣхалъ туда съ непревычною медленностью.

Павелъ Петровичъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его, удостоилъ самою ласковою встрѣчей и бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ около часа; но Суворовъ остался вѣренъ себѣ: на ученіи, которое произвелъ Государь въ его честь, онъ всячески выказывалъ свое невниманіе и наконецъ уѣхалъ, не дождавшись конца развода. Государь послалъ къ нему его племянника, князя Горчакова, спросить объясненія такого страннаго поступка и привезти немедленно отвѣтъ, говоря, что онъ раньше за столъ не сядетъ. Суворовъ заявилъ, что онъ поступитъ на службу не иначе, какъ съ полною властью Екатерининскаго времени. Положеніе Горчакова было трудное, такъ какъ ему пригрозили, что онъ будетъ отвѣчать, если не вразумитъ своего дядю. Суворовъ продолжалъ свои выходки даже въ присутствіи Государя, насмѣхался надъ новой формой одежды военной, на разводахъ суетился, выражалъ недоумѣніе и читалъ молитву: „да будетъ воля твоя“.

Государь терпѣливо выносилъ всю „блажь“ человѣка, котораго онъ не могъ не уважать, и когда Суворовъ сталъ проситься обратно въ деревню, отпустилъ его, не смотря на свое неудовольствіе.

Въ Декабрѣ 1798 г. онъ отправилъ къ Государю такое прошеніе: „Ваше императорское величество, всеподданнѣйше прошу позволить мнѣ отбыть въ Нилову Новгородскую пустынь, гдѣ я намѣренъ окончить мои краткіе дни въ службѣ Богу. Спаситель нашъ одинъ безгрѣшенъ. Неумышленности моей прости, милосердый Государь. Всеподданнѣйшій богомолецъ, Божій рабъ Суворовъ“.

Отвѣта не было, а письмомъ отъ 4-го Февраля 1799 г. Государь предложилъ ему, согласно просьбѣ Вѣнскаго двора, взять на себя начальствованіе Русскою и Австрійскою арміями въ Италіи.

9-го Февраля, съ обычной быстротой, Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, былъ зачисленъ въ службу съ чиномъ фельдмаршала, получилъ боль-

Библиотека "Руниверс"

шой крестъ Іоанна Іерусалимскаго изъ рукъ самого Павла, 30.000 р. на подъемъ и, что главное, позволеніе „вести войну по своему, какъ умѣетъ“. Однако генералу Герману высочайшимъ рескриптомъ было поручено „имѣть наблюденіе за его, Суворова, предпріятіями... когда онъ будетъ слишкомъ увлекаться своимъ воображеніемъ, заставляющимъ его иногда забывать все на свѣтѣ“.

Фельдмаршалъ пустился въ путь въ концѣ Февраля. Въ Митавѣ онъ представлялся Людовику XVIII, поцѣловалъ его руку и полу платья, но съ „ловкостью бывалаго придворнаго“ бесѣдовалъ съ претендентомъ около часа. Тотъ вспоминалъ о его „причудахъ, похожихъ на выходки умопомѣшательства, если бы не исходили изъ расчетовъ ума тонкаго и дальновиднаго“.

14-го Марта Суворовъ прибылъ въ Вѣну, гдѣ былъ встрѣченъ съ необычайнымъ восторгомъ. Такъ какъ былъ постъ, то онъ не принималъ приглашеній на обѣды. 24-го онъ уѣхалъ изъ Вѣны съ инструкціей, навязанною ему пресловутымъ гофкригсратомъ. Кромѣ того вся хозяйственная часть была поручена Австрійскому генералу Меласу.

3-го Апрѣля Суворовъ пріѣхалъ въ Верону, издалъ прокламацію къ народамъ Италіи, 5-го принималъ Австрійскихъ генераловъ, осматривалъ ихъ войска подъ Валеджіо и разослалъ по ихъ полкамъ своихъ офицеровъ для объясненія своихъ Суворовскихъ требованій. 10-го Апрѣля армія двинулась къ р. Меллѣ. Вскорѣ онъ взялъ Брешію, по поводу чего Павелъ Петровичъ велѣлъ отслужить молебенъ съ многолѣтіемъ „Побѣдоносцу Суворову-Рымникскому“ и, обласкавъ его сына, Аркадія, велѣлъ ему ѣхать къ отцу въ Италію. 16-го Суворовъ разбилъ Французовъ при Ваприо-Кассано, перешелъ р. Адду и 18-го, въ день Христова Воскресенья, вступилъ въ Миланъ; выраженія народнаго восторга были такъ сильны, что Суворовъ говорилъ: „какъ бы не затуманилъ меня весь этотъ ѳиміамъ, теперь вѣдь пора рабочая“.

Въ Миланѣ Суворовъ составилъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій: не ожидая взятія крѣпостей, находившихся въ тылу, препятствовать соединенію Макдональда съ Моро, т. е., перейдя Тичино и По, разбить перваго, а потомъ вернуться и разбить подъ Туриномъ второго; Сѣверную Италію охранять со стороны Швейцаріи, Тирольской арміи вытѣснить Французовъ съ верховій Рейна и Инна, а экс-герцогу Карлу съ Рейнской арміей дѣйствовать между Базелемъ и Констанцемъ въ тылъ Массенѣ.

Планъ этотъ не былъ принятъ въ Вѣнѣ; но Суворовъ, не дожидаясь подтвержденія, 20-го Апрѣля двинулъ войска къ р. По. 26 Апрѣля прибылъ къ арміи великій князь Константинъ Павловичъ, посланный Государемъ учиться военному искусству у знаменитаго полководца. 1-го Мая генералъ Розенбергъ, по настоянію великаго князя Константина Павловича начавшій битву, потерпѣлъ пораженіе подъ Басиньяной, но за то Моро былъ разбитъ 5-го Мая подъ Маренго. Ни въ томъ, ни въ другомъ дѣлѣ самъ Суворовъ не участвовалъ.

Библиотека "Руниверс"

15-го Мая былъ занятъ Туринъ, и правленіе Сардинскаго короля возстановлено. Сѣверная Италія была почти очищена отъ Французовъ. Павелъ Петровичъ былъ весьма доволенъ и въ началѣ Іюня писалъ фельдмаршалу: „...Побѣда предшествуетъ вамъ всемѣстно, и слава сооружаетъ изъ самой Италіи памятникъ вѣчный подвигамъ вашимъ. Освободите ее отъ ига неистовыхъ разорителей, а у меня за сіе воздаяніе для васъ готово. Простите, Богъ съ вами“.

6 Іюня Суворовъ, подоспѣвъ во-время къ Австрійцамъ, на которыхъ напалъ Макдональдъ, оттѣснилъ его за р. Тидонъ, 7-го отбросилъ его за р. Треббію и 8-го, не смотря на полное утомленіе войскъ и на ослушаніе Австрійскаго генерала Меласа, отразилъ всѣ нападенія Французовъ и заставилъ ихъ отступить. За это дѣло Суворовъ получилъ портретъ Государя при рескриптѣ: „Портретъ мой на груди вашей да изъявитъ всѣмъ и каждому признательность Государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго, имъ же прославляется царствованіе наше“. Желая сдѣлать ему пріятное, онъ племянника его піиту Хвостова назначилъ оберъ-прокуроромъ Св. Сѵнода.

Но Вѣнскій дворъ, не смотря на всѣ эти успѣхи, показывалъ большую сдержанность и холодность.

Между тѣмъ 9-го Іюня Австрійскій генералъ Бельгардъ понесъ сильное пораженіе отъ Моро и только потому не былъ истребленъ окончательно, что Французскій генералъ узналъ о битвѣ подъ Треббіей и боялся идти на встрѣчу Суворову. Поручивъ генералу Отто преслѣдовать Макдональда, Суворовъ двинулся на Моро, къ Александріи.

19-го Іюля Мантуя была взята на капитуляцію, что̀ во Франціи было принято за полный позоръ, и комендантъ ея по суду былъ лишенъ мундира. Суворовъ былъ возведенъ за это въ княжеское достоинство съ титуломъ Италійскаго.

Хотя сдача Мантуи была для Австрійскаго двора чрезвычайно важна, и дѣла приняли самый блестящій оборотъ, Суворовъ попрежнему получалъ нелѣпыя, стѣснительныя приказанія отъ гофкригсрата, а такъ какъ онъ не исполнялъ ихъ, то мудрый синклитъ рѣшилъ давать предписанія непосредственно подчиненнымъ ему генераламъ. Суворовъ писалъ Разумовскому: „Суточные труды, скептическая огромная переписка съ бештимтзагерами, безпрестанныя отъ интригъ неудовольствія къ гофкригсрату—отчаяли меня. У нихъ отнять перо, бумагу, и крамолу и бештимтзагерамъ отнюдь не относиться въ гофкригсратъ... истекающую отъ глупаго Демосѳена-Дитрихштейна тайную корреспонденцію къ моимъ подчиненнымъ, для общей пользы, крайне воспрепятствуйте: онъ развращаетъ генералъ-квартирмейстера, пространнаго геніума, дѣятельнаго спиритуса, вѣтреннаго годиціума... Гофкригсратъ, не касаясь до меня, повелѣваетъ частными, мнѣ недовѣдомо: такъ генералъ-квартирмейстеру, отъ котораго я слѣдственно завишу... Проекторы, элоквенты, пустобаи питаютъ гофкригсратъ. Тугутъ шпіонируетъ здѣсь переписками съ генералъ-квартирмейстеромъ; это старику нехвально, лучше писать прямо ко мнѣ. Таковыя подлыя невѣжества, сопряженныя съ много-

Библиотека "Руниверс"

мѣстными скрибенскими интригами противъ моего чужестранства, принуждаютъ меня не терпѣть ни часу и сложить съ себя мою должность“.

Кромѣ того Австрійцы доставляли Русскому войску весьма дурное продовольствіе и даже не давали точнаго показанія своихъ потерь. Недоволенъ былъ Суворовъ и посломъ нашимъ въ Вѣнѣ, Разумовскимъ, совершенно подъ вліяніе Тугута подпавшимъ; онъ писалъ его женѣ: „матушка графиня, высѣки графа, онъ предъ симъ много дурилъ“. Негодовалъ онъ и на Австрійскихъ генераловъ. „Вездѣ“, писалъ онъ, „невѣжественный гофкригсратъ, робкій кабинетъ, неискореняемая привычка битымъ бить, унтеркунфтъ, бештимтзагенъ... Здѣшнія завоеванія не по ихъ правиламъ, какъ они обыкли все терять до Вѣнскихъ вратъ“. Пресловутый экцъ-герцогъ Карлъ, по словамъ Суворова, сидѣлъ „въ полномъ унтеркунфтѣ и тѣмъ бештимтзагерилъ всю бурю“ на него, Суворова.

Наконецъ, 25 Іюня онъ послалъ прошеніе Государю, въ которомъ писалъ: „Робость Вѣнскаго кабинета, зависть ко мнѣ, какъ къ иностранцу, интриги частныхъ двуличныхъ начальниковъ, относящихся прямо въ гофкригсратъ, который до сего операціями правилъ, и безвластіе мое въ производствѣ сихъ операцій прежде доклада на тысячи верстахъ, принуждаютъ меня, ваше императорское величество, всеподданнѣйше просить объ отзывѣ моемъ, если сіе не перемѣнится...“

Изъ Вѣны еще раньше пожаловались Павлу Петровичу на непокорность и сварливость Суворова; но Государь, получивъ его прошеніе, попросилъ императора Франца унять свой военный совѣтъ, Разумовскому приказалъ потребовать формально объясненій по поводу недоразумѣній отъ самаго Австрійскаго императора, а 31 Іюля далъ Суворову рескриптъ, въ которомъ говорилъ „о каверзахъ и хитростяхъ Вѣнскаго двора“ и предоставлялъ искусству и уму Суворову дальнѣйшія военныя операціи и особенную осторожность отъ умысловъ, зависти и хищности подчиненныхъ Австрійскихъ генераловъ.

Тѣмъ временемъ Французы приняли рядъ энергическихъ мѣръ. На смѣну Моро прибылъ въ Италію Жуберъ, генералъ съ выдающимся военнымъ дарованіемъ. Онъ, поддерживаемый указаніями своего предшественника, тотчасъ же перешелъ въ наступленіе и 3 Августа подошелъ къ Нови, гдѣ и занялъ крѣпчайшую позицію. На слѣдующее утро онъ былъ атакованъ Суворовымъ; до перваго часа Французы отражали съ полнымъ успѣхомъ нападающаго непріятеля, затѣмъ на два часа бой прекратился, и лишь въ три часа Суворовъ велѣлъ опять наступать и окончательно разбилъ непріятеля. Настойчивость нападающихъ была удивительна; много времени спустя по поводу этого сраженія, Моро говорилъ: „Что̀ можно сказать о генералѣ, который обладаетъ стойкостью выше человѣческой, который погибнетъ самъ и уложитъ свою армію до послѣдняго солдата, прежде чѣмъ отступитъ одинъ шагъ“.

Государь прислалъ Суворову рескриптъ, въ которомъ говорилъ, что онъ поставилъ себя выше награжденій, но далъ ему награду, вполнѣ удо-

Библиотека "Руниверс"

влетворившую его,—приказъ, чтобы войска отдавали Суворову, даже въ присутствіи Императора, воинскія почести подобающія лишь царской особѣ.

На слѣдующій же день, 5 Августа, пришло къ Меласу изъ Вѣны повелѣніе распорядиться движеніемъ войскъ вопреки Суворовскимъ предначертаніямъ. Это было уже не только „подлое невѣжество", но и нарушеніе всѣхъ правилъ воинской дисциплины. При такомъ положеніи вещей, не могли Суворова утѣшить ни почести, ни пожалованіе его Сардинскимъ королемъ въ „кузены", ни милостивое письмо Государя по этому поводу („черезъ сіе вы и мнѣ войдете въ родство, бывъ единожды приняты въ одну царскую фамилію, потому что владѣльныя особы между собою всѣ почитаются роднею") ни общее вниманіе всей Европы, съ напряженіемъ слѣдившей за его невольнымъ пребываніемъ въ Асти, когда, не взирая на его доводы, рѣшено было перенести войну въ Швейцарію и вторгнуться въ предѣлы Франціи.

Своекорыстная политика Австрійцевъ раздражала и Павла, онъ уже заявлялъ, что „служа общему дѣлу, не служитъ дому Австрійскому"; пренебреженіе къ Русскимъ офицерамъ и оскорбительныя непріятности усиливали это чувство. Но мѣра всякаго терпѣнія, наконецъ, истощилась, когда Австрійцы придумали бросить войска Римскаго-Корсакова въ Швейцаріи безъ своей поддержки *): поступокъ близкій къ предательству, такъ какъ Корсакову приходилось съ 30.000 дѣйствовать противъ 70.000 непріятеля. Правда, эрцъ-герцогъ оставилъ ему генерала Готце съ 20.000.

Разгнѣванный Государь отправилъ 7-го Сентября рескриптъ Суворову, въ коемъ, упомянувъ про „неподвижность эрцъ-герцога Карла, корыстолюбивые виды Вѣнскаго двора, вѣками засвидѣтельствованное хитрое и двоякое его поведеніе, лесть въ словахъ и дѣлахъ", давалъ полномочіе на всѣ, могущіе произойти, случаи, предоставлялъ даже возвратиться въ Россію и въ заключеніе написалъ: „Мужайтесь, князь Александръ Васильевичъ, и идите на труды, аки на побѣды; живите съ Богомъ и со славою". За это время довѣріе Государя къ своему подданному было безгранично.

30 Августа Русскія войска подъ начальствомъ Дерфельдена и Розенберга двинулись къ С. Готару. Суворовъ отправилъ было ихъ еще 28, но задержалъ на два дня, хотя каждый часъ ему былъ дорогъ, чтобы защитить своихъ коварныхъ союзниковъ отъ нападенія Моро.

Суворовъ по указаніямъ офицеровъ Австрійскаго генеральнаго штаба предпринялъ походъ черезъ С. Готаръ на Люцернъ. Планъ, по мнѣнію знающихъ военное дѣло, былъ невѣрно разсчитанъ; а современники утверждали, что Австрійцы умышленно устроили ловушку для непобѣдимаго полководца. Во всякомъ случаѣ вина лежитъ на нихъ, такъ какъ Суворову Швейцарія была совершенно незнакома.

Кромѣ того, Меласъ не доставилъ Суворову необходимаго числа муловъ; по совѣту великаго князя, подъ вьюки пустили казацкихъ лошадей, но

*) Подробности о дѣйствіяхъ этихъ войскъ въ Швейцаріи см. въ Запискахъ Сакена („Русскій Архивъ", вып. I-й 1900).

Библиотека "Руниверс"

за приготовленіями прошло немало времени. 10-го Сентября главныя силы Суворова двинулись. Погода была холодная, дождливая; но и холодъ, и голодъ, и всѣ трудности перехода бодро переносились солдатами, среди которыхъ находился Суворовъ.

13-го числа Французы были отбиты съ С.-Готара, съ Криспальта, вытѣснены изъ д. Урзернъ; но генералъ Лекурбъ съ необычайной рѣшимостью, потопивъ свою артиллерію, перебрался черезъ горный хребетъ и сталъ на пути Суворова, въ деревнѣ Гешененъ.

14-го Суворовъ совершилъ невѣроятный переходъ черезъ Чертовъ Мостъ, въ то время когда происходило Цюрихское пораженіе, извѣстное читателямъ нашимъ изъ Записокъ Сакена.

15-го Сентября Суворовъ пришелъ въ Альтдорфъ, на берегу Люцернскаго озера, и увидѣлъ, что ему двигаться некуда. Къ Швицу, куда надо было прійти, вели лишь двѣ тропинки, доступныя однимъ охотникамъ за сернами. Солдаты были измучены, провіантъ истощенъ, вьючный скотъ доведенъ до негодности; но Суворовъ не потерялъ вѣры въ своихъ „чудо-богатырей" и 16-го числа двинулся на Мутенъ. Тропинка, по которой прошли этотъ разъ Русскіе, до сихъ поръ называется „путемъ Суворова въ 1799 г." 17-го Суворовъ прибылъ въ Мутенталь и узналъ о погромѣ Корсакова. Положеніе Суворова было безвыходное: онъ остался одинъ съ истощенною маленькою арміей. 18-го на военномъ совѣтѣ онъ, какъ разсказываютъ, объяснилъ положеніе вещей. „Помощи ждать, говорилъ онъ, не откуда; надежда только на Бога, да на величайшее самоотверженіе войскъ, только въ этомъ и спасеніе. Спасите честь Россіи и ея Государя, спасите его сына". Тутъ онъ залился слезами и бросился къ ногамъ Константина Павловича. Всѣ обѣщались умереть. Рѣшено выступить на Гларисъ. 20-го числа Массена былъ разбитъ Розенбергомъ въ Мутенталѣ. Прибывъ въ Гларисъ, Суворовъ убѣдился, что ему нечего ожидать помощи отъ Австрійцевъ, а надлежитъ спасать свое войско; онъ двинулся въ ночь съ 23-го на 24 Сентября черезъ Паниксеръ, въ долину верхняго Рейна. Съ невыразимыми трудностями достигли войска до Кура, гдѣ нашли готовые припасы и конецъ своимъ бѣдствіямъ.

Безпримѣрный въ военныхъ лѣтописяхъ Суворовскій переходъ черезъ Альпы есть живое доказательство торжества человѣческаго духа надъ внѣшними обстоятельствами; такъ понималъ это и Государь. Онъ писалъ Суворову: „Побѣждая всюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, не доставало вамъ одного рода славы—преодолѣть и самую природу; но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ".

29-го Октября Суворовъ былъ возведенъ въ званіе генералиссимуса, Военной Коллегіи было приказано вести съ нимъ переписку не указами, а сообщеніями.

5-го Октября Суворовъ соединился съ Корсаковымъ, а 7-го, на военномъ совѣтѣ, рѣшилъ отказаться отъ союзныхъ дѣйствій съ Австрійцами. По этому поводу онъ имѣлъ весьма рѣзкую переписку съ эрцъ-герцогомъ. Раздраженіе дошло до того, что онъ при всѣхъ упрекнулъ посланнаго отъ эрц.-гер-

Библиотека "Руниверс"

цога-генерала въ желаніи Австріаковъ погубить Корсакова и его, Суворова, и заявилъ, что эрцъ-герцогъ отвѣтитъ Богу за кровь, пролитую подъ Цюрихомъ.

11-го Октября Павелъ Петровичъ объявилъ Францу II о разрывѣ союза и приказалъ было Суворову двинуться въ Россію, но 20 Ноября велѣлъ расположиться въ Богеміи на зимнія квартиры, питая въ умѣ новые планы. 27-го Декабря онъ собственноручнымъ рескриптомъ велѣлъ Суворову немедленно идти домой. Этотъ путь продолжался три мѣсяца и былъ настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Государь писалъ генералиссимусу милостивые рескрипты, извиняясь, что даетъ наставленія. Въ одномъ рескриптѣ онъ говорилъ: „Пріятно мнѣ будетъ, если вы, введя въ предѣлы Россійскія войска, не медля нимало пріѣдете ко мнѣ на совѣтъ и на любовь". Разъ даже онъ высказалъ желаніе „быть достойнымъ такого воинства". Курфирстъ Баварскій прислалъ генералиссимусу орденъ Губерта, король Сардинскій цѣпь Анунціаты, даже Францъ II—большой крестъ Маріи Терезіи и оставилъ ему на всю жизнь званіе фельдмаршала съ 12.000 гульденовъ годового жалованія.

Суворовъ еще въ Италіи недомогалъ, и только сила воли поддерживала его хилое тѣло, но по миновапіи необходимости въ напряженіи болѣзнь взяла свое: въ Краковѣ онъ долженъ былъ приняться за лѣченіе. Въ Кобринѣ онъ свалился, его одолѣла „*фликтена*", какъ онъ говорилъ. Обычное лѣченіе его постомъ не помогало, мало пользы приносили ему и врачи. Присланный Государемъ лейбъ-медикъ Вейкартъ немного улучшилъ состояніе больного, а вѣсти, что ему готовятъ въ столицѣ тріумфъ, вселили въ него бодрость, и онъ, лежа въ дормезѣ, двинулся въ Петербургъ на новое, правда уже послѣднее, огорченіе.

20 Марта послѣдовалъ рескриптъ: „Дошло до свѣдѣнія моего, что, во время командованія вами войсками моими за границей, имѣли вы при себѣ генерала, коего называли дежурнымъ, вопреки всѣхъ моихъ установленій и высочайшаго устава; то, удивляясь оному, повелѣваю вамъ увѣдомить меня, что̀ васъ принудило сіе сдѣлать".

Въ Ригѣ Суворовъ былъ у свѣтлой заутрени и разгавливался у генералъ-губернатора. Кое-какъ 20 Апрѣля добрался онъ до Петербурга, гдѣ торжественная встрѣча была отмѣнена, и даже было объявлено, что Государь не желаетъ его видѣть. Причины таковой опалы до сихъ поръ не разъяснены.

Болѣзнь осложнилась; Суворова причастили, онъ простился со всѣми и сказалъ: „долго гонялся я за славой—все мечта; покой души у престола Всевышняго". 6-го Мая 1800 его не стало. Скорбь была всеобщая, но правительство оказало полную сдержанность. Государь встрѣтилъ погребальную процессію на углу Невскаго и Садовой, и прослезился.

Суворовъ погребенъ въ нижней Благовѣщенской церкви Александро-Невской Лавры. На могильной плитѣ надпись: „Здѣсь лежитъ Суворовъ".

Ю. Б.

Библиотека "Руниверс"

СТИХОТВОРЕНІЯ
Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ «РУССКАГО АРХИВА».

Москва. 1899. 16°. 272 стр. Цѣна **40** копѣекъ, съ пересылкою **50** к.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

полнаго собранія сочиненій

АЛЕКСѢЯ СТЕПАНОВИЧА ХОМЯКОВА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Трагедіи и стихотворенія съ портретомъ и съ изображеніемъ Ермака (по рисунку К. П. Брюлова). Цѣна **одинъ** рубль.

Складъ изданія въ Москвѣ, подъ Новинскимъ, въ Кречетниковомъ переулкѣ, въ домѣ 14-мъ.

Томы: **второй** (сочиненія богословскія), **седьмой** (окончаніе Записокъ о всемірной исторіи) и **восьмой** (письма) печатаются.

Жизнь и труды М. П. Погодина.

Николая Барсукова.

Книга четырнадцатая. С.-П.-Б. 1900. 8-ка, XI и 641 стр. цѣна **2 р. 50 к.**
Складъ, въ магазинѣ М. М. Стасюлевича, въ С.-П.-Б., Вас. остр. 5 л., д. 28-й.

Книга начинается новымъ царствованіемъ (1855) и кончается Декабремъ мѣсяцемъ 1856 года.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1900 года.

(Годъ 38-й).

«Русскій Архивъ» въ 1900 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1900 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884**, **1887**, **1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по **5** р. за каждый годъ, съ пересылкою по **6** р. Годы **1890**, **1892**, **1893**, **1894**, **1895** по **6** р., съ пересылкою по **7** р. Годы **1898** и **1899** по **8** р., съ пересылкою **9** р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

Библиотека "Руниверс"

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

6.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

Библиотека "Руниверс"

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Сборникъ сочиненій, т. II-й изд. К. П. Побѣдоносцова. Москва 1900. 8-ка, 526 стр. съ портретомъ. Цѣна за два тома 4 рубля. Продается въ Синодальныхъ книжныхъ лавкахъ.

Въ предисловіи къ первому тому читатель имѣетъ біографію Н. П. Гилярова-Платонова, написанную княземъ Н. В. Шаховскимъ, который, въ рядѣ статей помѣщенныхъ въ „Русскомъ Обозрѣніи", далъ начало подробнаго жизнеописанія этого достопамятнаго человѣка.

Гиляровъ былъ самобытный и глубокій мыслитель, въ которомъ гармонически соединялась способность къ тончайшей діалектикѣ съ основательнымъ знаніемъ народнаго быта, широкое всестороннее образованіе съ яснымъ здравымъ смысломъ, умственная утонченность съ необычайною простотой изложенія. Справедливо выразился о немъ князь Шаховской въ одномъ мѣстѣ („Русскій Архивъ" 1893, II, 427): „Гиляровъ былъ истинный христіанскій мыслитель..., въ его статьяхъ отражался лишь уголокъ его стройнаго міросозерцанія".

Постараемся указать на этотъ уголокъ по статьямъ II-го тома его сочиненій.

Въ статьѣ „Личное и общественное" Гиляровъ блестяще доказываетъ, что чистый эгоизмъ приводитъ къ полной нелѣпости, а индивидуализмъ есть скрытый эгоизмъ. Начала, на которомъ они основаны, въ корнѣ ложны. Эта критика по своей ясности и безпощадности можетъ быть признана образцовою. Замѣчанія о насиліи общественнаго мнѣнія, „самомъ худшемъ изъ всѣхъ насилій, такъ какъ оно посягаетъ на самомъ дѣлѣ на человѣческую свободу", и о томъ, что истинная свобода вовсе не есть личная свобода, наводятъ на цѣлый рядъ размышленій. Индивидуалистъ признаетъ началомъ жизни общественной, обезпеченіемъ всеобщей справедливости и источникомъ общаго счастья—*зависть съ личнымъ самоуправствомъ*; коммунистъ тѣмъ же началомъ признаетъ *зависть же*, но съ насильственнымъ нивеллированіемъ всѣхъ посредствомъ общества. Идеалъ послѣдняго—механическій приборъ, правильный, но безжизненный; идеалъ перваго—стая звѣрей живыхъ, но дикихъ. Истина находится въ христіанствѣ. Вотъ настоящія основанія соціальной науки: жизнь есть подвигъ, а не наслажденіе; трудъ есть долгъ, а не средство своекорыстія; верховный законъ междучеловѣческихъ отношеній есть всеотдающая любовь, а не зависть.

Въ статьяхъ „По поводу будущаго суда присяжныхъ" находимъ глубокое проникновеніе въ народную душу. Разъяснивъ взгляды Русскаго человѣка на власть и государство съ мѣткостью поразительною, Гиляровъ доказываетъ, что участіе въ судѣ и управленіи для народа совсѣмъ непривлекательно, и въ немъ онъ видитъ повинность, а не право. Въ дальнѣйшемъ развитіи своей мысли Гиляровъ приходитъ къ утвержденію, что самоуправленіе есть не что иное какъ *расторгнутое рабство*. „Европейская исторія не создала другихъ общественныхъ отношеній кромѣ противопоставленія го-

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ *).

Во время моего отсутствія, въ Веймаръ пріѣхалъ dr. Шеве и читалъ публичныя лекціи о френологіи. Я успѣла попасть только на послѣднюю его лекцію, которая предназначалась на осмотръ головъ слушательницъ. Первыми жертвами опредѣленія способностей были двѣ молодыя наши подруги, которымъ онъ очень лаконически объявилъ, что ихъ головы ничего особеннаго изъ себя не представляютъ. Онѣ на другой день утѣшили другъ друга, пославъ одна другой по городской почтѣ письма въ стихахъ, въ которыхъ оплакивали обоюдныя ничтожества. Между слушательницами была моя мать, голова которой его очень заинтересовала. Онъ опредѣлилъ, что по умственному развитію голова моей матери скорѣе мужская, чѣмъ женская, и указалъ на дарованія, которыя вполнѣ соотвѣтствовали ея наклонностямъ и вкусамъ, какъ, напримѣръ, даръ музыки, красокъ и т. д. Послѣ нея сѣла на стулъ сестра моя Марія Степановна; онъ нашелъ сходство въ конструкціи головы, но всѣ шишки, опредѣляющія способности, гораздо менѣе развитыми и не такъ ясно опредѣленными, какъ у матери. Затѣмъ посадили меня, и всѣ ожидали, что онъ скажетъ, что выпуклость музыки больше всѣхъ другихъ талантовъ. Но онъ сперва опредѣлилъ, что идеализмъ очень очерченъ на моей головѣ, и когда его спросили: «а какой талантъ?»—онъ отвѣтилъ: «Farbensinn» (способность къ краскамъ). Но всѣ сказали ему: «нѣтъ, другой». Тогда онъ отвѣтилъ: «Послѣ этого болѣе всего развитъ даръ музыки». Моя голова прошла экзаменъ благополучно; онъ нашелъ многое, чего я не подозрѣвала, и еще долго послѣ его отъѣзда мы искали другъ у друга выдающіяся шишки на головѣ, и насъ немало забавляло опредѣлять по нимъ качества разныхъ лицъ.

Все это время мы много работали, стараясь въ работѣ забыть ипохондрическое настроеніе духа моего отца. Понятно, больше всего при этомъ страдала моя мать, и жизнь ея была нелегка. Забота о будущности дѣтей немало тревожила моихъ родителей: если, не дай

---

*) См. выше, стр. 37.

Библиотека "Руниверс"

Богъ, отецъ или мать закроютъ глаза, что̀ будетъ со всѣми дѣтьми, родившимися за границей, привыкшими къ заграничной жизни и чуждыми своему отечеству? Я помню, что сама я, понимая отлично наше положеніе, часто бывала въ отчаяніи и работала вдвойнѣ, чтобы въ случаѣ нужды быть въ состояніи зарабатывать кусокъ хлѣба. Имѣть возможность помочь въ чемъ-либо горячо любимому моему семейству было всегда мечтой моей жизни. Мои братья имѣли высочайшее разрѣшеніе оставаться при родителяхъ до 18-лѣтняго возраста; но затѣмъ, для окончанія курса, слѣдовало помѣщать ихъ въ Россію. Мой отецъ получалъ жалованья *) . . . . р. въ годъ. Когда начали отправлять братьевъ въ Россію, жить въ разныхъ мѣстахъ оказалось, понятно, дороже, чѣмъ когда мы всѣ жили вмѣстѣ, и мой отецъ, чтобы имѣть возможность удовлетворить всѣмъ требованіямъ, просилъ нашу великую княгиню исходатайствовать ему прибавку жалованья за его двадцатипятилѣтнюю службу за границей. Но наша великая княгиня наотрѣзъ ему отказала, говоря, что онъ получаетъ столько же, сколько Веймарскіе министры. Припоминаю еще другую подобную неудачу. Мой отецъ, неся тяжесть прокормленія, воспитанія и образованія многочисленнаго семейства и видя, какъ скудно оплачивались его литературные труды, которые не имѣли общаго интереса, а были спеціальные по Русскимъ и Скандинавскимъ древностямъ, или такіе труды, какъ Исландская грамматика, рѣшился перевестись на другое мѣсто, лучше оплачиваемое, чѣмъ Веймаръ, а именно, послѣ смерти протоіерея Попова, желалъ получить его мѣсто при Русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ. Но когда онъ объявилъ объ этомъ нашей великой княгинѣ, она разсердилась и не хотѣла и слышать о подобномъ рѣшеніи, и онъ остался въ Веймарѣ при своемъ прежнемъ жалованьѣ.

1-го Августа былъ концертъ въ пользу Шлезвигъ-Голштинцевъ, во время котораго собирали корпію и разныя другія пожертвованія. Было общее возбужденіе.

9-го Августа. Я была у Р. Монтагъ, чтобы видѣть отца Клары Шуманъ, старика Викъ, который пріѣхалъ въ Веймаръ съ другой своей дочерью, Маріей Викъ. Она играла чисто и съ большой силой. Ея отецъ, уже старый человѣкъ, производитъ скорѣе непріятное впечатлѣніе: онъ очень живой, горячій и своенравный старикъ. Клара Шуманъ, будучи ребенкомъ, не знала никакихъ дѣтскихъ игръ или удовольствій; все подобное отнималъ у нея ея отецъ, истый домашній тиранъ. Разъ, когда Кларѣ было семь лѣтъ, одна дама пригласила ее съ отцомъ и, чтобы доставить дѣвочкѣ какое-нибудь удовольствіе, она

*) Не нашла, сколько.

Библиотека "Руниверс"

одновременно пригласила къ себѣ еще другихъ дѣтей ея возраста и позаботилась о томъ, чтобы игрушекъ было достаточно для ихъ развлеченія. Но старикъ Викъ не позволилъ своей дочери играть ни съ дѣтьми, ни съ игрушками, и бѣдная дѣвочка смѣла только издали смотрѣть на веселье другихъ дѣтей.

Когда Клара Викъ объявила своему отцу, что выходитъ замужъ за Роберта Шумана, старикъ страшно разсердился и не хотѣлъ объ этомъ слышать; когда же она ему объявила, что не измѣнитъ своего рѣшенія, онъ такъ разозлился, что взялъ ее и сбросилъ съ лѣстницы. Клара пріютилась у своихъ друзей, вышла замужъ за Шумана и никогда больше не возвращалась къ отцовскому очагу. Не ради грусти о разлукѣ съ дочерью Викъ не желалъ ея брака, а просто съ его стороны это былъ денежный расчетъ: онъ разсчитывалъ имѣть свою выгоду отъ ея концертовъ и лишаться этого ему не хотѣлось. Онъ считалъ ее своей должницей, такъ какъ воспиталъ и руководилъ ея музыкальнымъ образованіемъ, поэтому онъ не хотѣлъ передавать другому лицу плоды своихъ трудовъ. Послѣ отъѣзда своей дочери Клары, онъ все свое вниманіе перенесъ на вторую свою дочь, Марію, которая и училась подъ его руководствомъ. Она была менѣе даровита и энергична, чѣмъ Клара; но можно себѣ вообразить, что ея отецъ не выпускалъ ея со своихъ глазъ, опасаясь вторичнаго пораженія, подобнаго тому, которое пришлось ему пережить при замужествѣ Клары. Жена его развелась съ нимъ и вступила во второй бракъ съ Баргіэлемъ въ Берлинѣ; отъ этого брака у нея родился сынъ съ большими музыкальными способностями.

Осенью познакомилась я съ Іоахимомъ. Исполняли (1-го Октября) Мессію Генделя; соло пѣла г-жа Грауманъ, одна изъ лучшихъ ученицъ Гарчіа (отца). Она принадлежала къ очень хорошему семейству, которое обанкрутилось; тогда она рѣшилась изучить пѣніе, и въ 4 мѣсяца выучилась Итальянскому языку; по-французски она говорила хорошо и свободно. Пѣла она очень хорошо и тѣмъ содержала свою престарѣлую мать и себя. У нея-то я и встрѣтила Іоахима. Ему было въ то время 18 лѣтъ, на видъ онъ былъ очень моложавъ и совсѣмъ не похожъ на молодого артиста, но производилъ впечатлѣніе молодого мальчика безо всякихъ претензій; онъ былъ очень простъ въ обхожденіи, спокоенъ и говорилъ медленно. Клара Шуманъ говорила о немъ, что онъ еще такъ неоконченъ, потому что еще не любилъ. Когда была репетиція съ молодой и красивой Р. Ахте (Agthe), она попробовала кокетничать съ Іоахимомъ. Когда она ушла, онъ сказалъ присутствовавшимъ Листу, Раффу, Мильдэ и др.: «Я себѣ Ахте совсѣмъ иначе

Библиотека "Руниверс"

представлялъ, она такъ на меня смотритъ, дѣлаетъ такіе большіе глаза». Понятно, что всѣ расхохотались.

19-го Октября Іоахимъ долженъ былъ впервыя играть въ концертѣ въ Веймарѣ и безпокоился о томъ, какъ его примутъ. Понятно, что такого музыканта и приняли и проводили шумно. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не слыхала я концертъ Бетховена, сыгранный въ такомъ совершенствѣ; впечатлѣніе было такое глубокое, что я еще теперь о немъ вспоминаю.

Вскорѣ я опять попросила моего отца позволить мнѣ ѣхать въ Дюссельдорфъ, куда переселилась Клара Шуманъ, для продолженія занятій съ нею. Узнавъ объ этомъ, наша великая княгиня спросила меня, почему я не хочу продолжать свое музыкальное образованіе въ Веймарѣ, гдѣ живетъ Листъ. Я отвѣтила, что Листъ не даетъ частныхъ уроковъ, а Клара Шуманъ даетъ отличные. Тогда великая княгиня обратилась къ моей матери и сказала ей: «Пусть ваша дочь ѣдетъ, а, возвратившись, окончитъ здѣсь свое образованіе». У великой княгини всегда была мысль, что въ Веймарѣ можно найти все, что нужно для полнаго воспитанія, и она очень не любила, когда обращались къ чужимъ силамъ и учителямъ. Наканунѣ моего отъѣзда она позвала меня къ себѣ, простилась со мной очень милостиво и передала поклонъ для Клары Шуманъ.

31-го Октября. Я уѣхала въ Дюссельдорфъ, въ сопровожденіи одной старой дамы изъ Веймара, которая ѣхала обозрѣвать свои Рейнскіе виноградники. Мы ѣхали на Гиссенъ, Франкфуртъ, Майнцъ и Кёльнъ.

3-го Ноября я наконецъ прибыла въ Дюссельдорфъ и на другой же день пошла повидаться съ Кларой Шуманъ, которая ѣхала въ Кёльнъ, чтобы играть въ концертѣ. Она меня очень приглашала ѣхать туда же, чтобы присутствовать на ея концертѣ. Я согласилась, желая при этомъ заѣхать въ Боннъ, чтобы навѣстить старыхъ друзей моихъ родителей, Липмана съ женой. На слѣдующій день въ Кёльнѣ, на репетиціи концерта, я познакомилась съ Фердинандомъ Гиллеромъ (Hiller). Жена его—красивая женщина, а самъ онъ—живой, маленькій Еврей. Онъ ученикъ І. Н. Гуммеля, и его игра очень чистая, мягкая и perlée. Сочиненія его,—какъ почти всѣ, исходящія изъ Еврейскаго пера,—обработаны хорошо, звучны, но интереса музыкальнаго имѣютъ мало, за исключеніемъ его «Rhytmische Studien», которыя не такъ распространены, какъ слѣдовало между играющими. Гиллеръ былъ въ то время капельмейстеромъ въ Кёльнѣ; онъ очень любезный распорядитель. Программа еще стараго времени: всего понемногу и очень

Библиотека "Руниверс"

пестро. Перемѣшать духовную музыку со свѣтской, совсѣмъ не пуританскаго стиля, возможно только нехристіанину.

Репетиція не сошла благополучно для Клары Шуманъ. По окончаніи концерта ея мужъ подошелъ къ ней и просто выбранилъ ее за слишкомъ скорое темпо. Была ли она виновата, или Гиллеръ, который дирижировалъ оркестромъ, но, словомъ, на нее обрушился весь гнѣвъ ея мужа. Она была въ отчаяніи и горько плакала. По окончаніи репетиціи она отправила всѣхъ изъ залы и просила только меня остаться съ нею, вновь принялась повторять всѣ свои вещи. Она сказала мнѣ: «Я такой педантъ, что иначе не могу играть»; мнѣ же казалось, что отдыхъ былъ ей необходимъ. Вечеромъ она была вознаграждена восторженнымъ пріемомъ со стороны публики, и самъ Шуманъ какъ-то успокоился.

На слѣдующій день я поѣхала повидаться съ Липманомъ и его женою. Онъ прежде служилъ въ Россіи и читалъ исторію Наслѣднику Александру Николаевичу. По выслугѣ пенсіи онъ оставилъ Россію и жилъ попеременно въ Дрезденѣ, Веймарѣ, Боннѣ и Іенѣ. Его жена была предобрѣйшая Англичанка. Онъ былъ очень умный, саркастичный старикъ и оригиналъ въ высшей степени. Разъ наша великая княгиня, желая узнать его мнѣніе о Іенскихъ профессорахъ, спросила его, кого онъ считаетъ лучшимъ профессоромъ при университетѣ? Онъ отвѣтилъ ей: «Профессора Лудена, ваше высочество».—Она спросила: «А еще?» Онъ опять говоритъ: «Луденъ». Тогда она, полагая, что онъ не понялъ ея, переспрашиваетъ его опять, но получаетъ тотъ же отвѣтъ: «Луденъ». Она поняла, что чудакъ и въ этомъ оказался чудакомъ *).

Старики Липманы такъ обрадовались меня видѣть, что я была глубоко тронута ихъ пріемомъ. У нихъ не было дѣтей, и они всѣхъ насъ очень баловали. По смерти своей они оставили каждому изъ насъ по 500 талеровъ, что̀ и было единственнымъ нашимъ состояніемъ, такъ какъ мой отецъ не могъ откладывать для своихъ дѣтей.

Липманъ скончался весной 1854-го года. Моя часть наслѣдства послужила мнѣ для переѣзда въ Россію въ 1860-мъ году, когда надо было экипироваться и дѣлать расходы на устройство, на что не достало мнѣ денегъ, данныхъ на курьерскій подъемъ. Сестра Мари употребила свою часть на путешествіе въ Италію; но какъ этого ей далеко не хватило бы, то она заимообразно взяла деньги у моихъ двухъ младшихъ сестеръ, и кромѣ того я ежемѣсячно выдавала ей 500 франковъ во все время ея восьмимѣсячнаго путешествія. Я тогда это дѣлала въ полной надеждѣ, что, серьезно занявшись у Корради

---

*) Профессоръ Луденъ читалъ исторію въ Іенскомъ университетѣ.

Библиотека "Руниверс"

въ Римѣ, она впослѣдствіи будетъ въ состояніи употребить свой развитый талантъ на поддержку младшихъ сестеръ. Но какъ я, такъ и мое семейство въ этомъ очень ошиблись: она забросила свой талантъ и не думала о жертвахъ, которыя мы принесли для нея.

Пробывъ у Липмановъ нѣсколько часовъ и осмотрѣвъ съ ними памятникъ Бетховена, я возвратилась въ Кёльнъ, гдѣ встрѣтила Клару Шуманъ съ мужемъ и Гиллера съ женою. Они взяли меня къ себѣ, а послѣ обѣда мы вернулись въ Дюссельдорфъ.

На другой день (7-го Ноября) я сдѣлала необходимые визиты, познакомилась съ Васильевскимъ (I. v. Wassilefsky, скрипачемъ) и устроилась у одной старой вдовы.

9-го утромъ я присутствовала на репетиціи концерта Клары Шуманъ, а вечеромъ на самомъ концертѣ. Программа была иная, чѣмъ въ Кёльнѣ, и концертъ кончился ко всеобщему удовольствію. Мнѣ очень понравились варіаціи Шумана для двухъ фортепіанъ, которыя я слышала въ первый разъ; тема очаровательна, а разработка достойна пера Шумана.

10-го Ноября, въ честь Мартина Лютера, по всей Германіи празднуютъ память Святаго Мартина. Странно, что главное празднованіе выпадаетъ на долю дѣтей: въ Веймарѣ они, съ пестрыми фонарчиками, отправлялись къ дому, гдѣ жилъ Мартинъ Лютеръ, и пѣли передъ нимъ нѣсколько хораловъ. Къ этому дню по всѣмъ лавкамъ продавались пряники и орѣхи, а за ужиномъ, даже въ бѣднѣйшихъ семействахъ, подавали гуся съ кислой капустой, такъ называемаго «Martin's Gans. Въ Дюссельдорфѣ по улицамъ бѣгали мальчики съ фонарями изъ выдолбленныхъ тыквъ и кричали: «Saint Martens! Saint Martens!»

12-го Ноября меня приняли членомъ въ музыкальный союзъ (Musikverein), гдѣ еженедѣльно собирались для хорового пѣнія. Въ этотъ вечеръ повторяли «Requiem für Mignon aus Goethe's Wilhelm-Meister», для хора и оркестра, соч. Р. Шумана. Въ то время сочиненіе это было рукописью.

На слѣдующій день мы собрались у слѣпой Розы Лезеръ, страстно любившей музыку. Она была дочь фабриканта, уже не молода, сама хорошо играла и, имѣя состояніе, жила довольно широко. Въ этотъ вечеръ пѣли «Spanische Liederkreis» Р. Шумана, чудное его твореніе, а м-мъ Шуманъ играла маленькія вещи Шопена и Мендельсона.

14-го я опять начала свои уроки у Кл. Шуманъ; она меня очень одобрила, и я вновь принялась за работу. По совѣту Р. Шумана я должна была продолжать уроки теоріи музыки, и учителемъ для меня онъ выбралъ Ю. Тауша. Я брала у него эти уроки вмѣстѣ съ дру-

Библиотека "Руниверс"

гой ученицей Клары Шуманъ, Дюпрэ; но, благодаря его неаккуратности, мы не далеко съ нимъ пошли.

2-го Декабря. Мы слышали въ концертѣ Сюлота (Sulot), скрипача, перваго по техникѣ послѣ Паганини, какъ выразился Шуманъ; онъ бывшій ученикъ Парижской Консерваторіи; его техника, сила и mezza voce удивительны, но передаетъ онъ сочиненія съ Французскимъ пониманіемъ (Auffassung), чтó не идетъ для классическихъ вещей. Не смотря на выдающійся талантъ и технику Сюлота, едва ли изъ него выйдетъ что-либо великое, такъ какъ онъ не имѣетъ въ себѣ артистической гордости и такта. Шуманъ былъ пораженъ игрой Сюлота, проходя мимо увеселительнаго заведенія, гдѣ послѣдній преспокойно игралъ; если бы онъ былъ артистъ въ душѣ, то никогда не согласился бы такъ вывести свой талантъ.

11-го Декабря. Играла съ Васильевскимъ. Познакомилась съ этою четою, которая переселилась въ Америку; они купили тамъ имѣніе и жили, хозяйничая въ немъ; дѣтей у нихъ не было, и они хотѣли меня удочерить, но я не могла даже подумать писать объ этомъ моимъ родителямъ. Они очень любили музыку и дѣлали очень печальное описаніе музыкальнаго вкуса Американцевъ, которымъ, по ихъ словамъ, нравятся такія шарманочныя пѣсни, какъ: «Die schöne Lodaiska», «Schon dreiszig Iahre bin ich alt» и другія вещи въ этомъ родѣ.

Новый Годъ (новый стиль) я встрѣтила у Р. Лезеръ, гдѣ играла съ Васильевскимъ. Мнѣ было грустно и тяжело безъ моего семейства.

1851-й годъ.

Все это время я себя чувствовала очень усталой, вѣроятно вслѣдствіе того, что много упражнялась; но когда ко мнѣ пришла г-жа Шуманъ съ г. Васильевскимъ и фрелейнъ Дюпрэ и сказала мнѣ, что хочетъ выслать меня на бой (in Kannonsfeuer schicken), то-есть, что она желала бы, чтобы я, вмѣстѣ съ другими двумя ея ученицами, Нанеттой Фалькъ и Каролиной Дюпрэ, играла тройной концертъ Баха: я не отказалась, но отвѣтила, что сначала должна спросить у моихъ родителей, позволятъ ли они мнѣ открыто выступить въ такомъ большомъ концертѣ. Получивъ ихъ разрѣшеніе, я принялась упражняться.

13-го Января у г-жи Шуманъ былъ вечеръ; пріѣхавшіе изъ Бремена піанистъ Рейнеке и скрипачъ Кёнигслевъ музицировали вмѣстѣ очень хорошо, а Софи Шлоссъ очень хорошо пѣла: у нея былъ очень мягкій густой (rund) альтовый голосъ, и въ ея пѣніи было много жизни. Затѣмъ Шуманъ предложилъ потанцовать; но онъ и его жена, какъ почти всѣ строго придерживающіеся такта музыканты, танцовали

Библиотека "Руниверс"

не въ тактъ. Шуманъ былъ очень веселъ, и въ его открытой улыбкѣ было что-то совсѣмъ добродушное.

На слѣдующій день былъ вечеръ Дюссельдорфскаго любительскаго музыкальнаго кружка, который разъ въ недѣлю собирался для пѣнія и которымъ управлялъ Шуманъ. Хоры этого кружка часто принимали участіе въ публичныхъ концертахъ, даваемыхъ подъ управленіемъ Шумана. На этотъ разъ Шуманъ заставилъ пѣть хоры и соло изъ «Serail aus Egypten» Гэнделя. Я уже много лѣтъ пѣла альтомъ въ хорѣ Веймарскаго любительскаго пѣвческаго кружка (Singverein), а такъ какъ у меня былъ большой голосъ, и я вѣрно и свободно пѣла съ листа̀, то мнѣ обыкновенно приходилось исполнять соло альта. Будучи членомъ Дюссельдорфскаго пѣвческаго кружка, я на вопросъ Шумана: какой у меня голосъ, отвѣтила, что альтъ и стала къ альтамъ. Мы пропѣли хоръ, затѣмъ слѣдовало маленькое соло для альта. Шуманъ сталъ подходить по очереди къ каждой изъ участвовавшихъ въ хорѣ дамъ, прося одну послѣ другой пропѣть это маленькое соло; но всѣ отвѣчали: «я не могу пѣть соло». Когда онъ подошелъ ко мнѣ, я взяла у него изъ рукъ листъ съ нотами и начала пѣть, а онъ отбивалъ тактъ. На противоположномъ концѣ залы сидѣла г-жа Шуманъ, вмѣстѣ съ своей пріятельницей, Розой Лейзеръ, которая и сама играла замѣчательно хорошо для слѣпой. Родители Розы Лейзеръ были довольно богатые люди. Въ мое время она брала уроки у Тауша, который диктовалъ ей пьесы tactweise; такимъ образомъ онѣ врѣзывались въ ея память, послѣ чего она сама ихъ играла. Г-жа Шуманъ часто бывала у нея и нерѣдко радовала бѣдную слѣпую своей игрой.

Какъ я уже сказала, когда я запѣла свое соло, онѣ сидѣли вмѣстѣ, и г-жа Шуманъ сказала: «Finden wer singt!—Frl. Sabinin; und so fest und solche Courage». (Узнайте, кто поетъ!—Фрелейнъ Сабинина; и такъ увѣренно и такъ храбро). Она была совсѣмъ удивлена и обрадована. Когда я кончила, оба Шумана подошли ко мнѣ; онъ благодарилъ, а она мнѣ сказала: «Was haben sie für eine schöne, volle und grosse Stimme». (Какой у васъ красивый и большой голосъ).

Когда, нѣсколько дней спустя, я увидѣла Клару Шуманъ, она мнѣ сказала, что мужъ ея совсѣмъ пораженъ тѣмъ, какой у меня голосъ, и что онъ мнѣ совѣтуетъ отставить на второй планъ игру на фортепіано и всецѣло посвятить себя пѣнію. Зная, что въ нашемъ семействѣ чахотка наслѣдственна, я не могла рѣшиться промѣнять игру на пѣніе; но по просьбѣ г-жи Шуманъ согласилась брать уроки пѣнія у Софи Шлоссъ.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ этого, я брала также уроки гармоніи (теоріи музыки) у Юліуса Тауша, музикъ-директора Дюссельдорфскаго городского театра. Это былъ еще молодой артистъ, очень добродушный, имѣвшій очень хорошее музыкальное сужденіе, но до того безпечный и неаккуратный, что мы бывали рады, когда на урокъ, назначенный къ 4-мъ часамъ, онъ являлся въ пять. Шуманъ дѣлалъ ему упреки за его неаккуратность въ отношеніи насъ, но ничто не помогало: такихъ людей нельзя измѣнить никакими словами. Впослѣдствіи, когда Шуманомъ овладѣла его печальная болѣзнь, Таушъ замѣстилъ его въ Дюссельдорфѣ. Какъ піанистъ, Таушъ игралъ чисто, но игра его была довольно бездушна.

Изъ игравшихъ со мною ученицъ г-жи Шуманъ, Нанетта Фалькъ была очень некрасивая Еврейка, но талантливая и старательная дѣвушка, родомъ изъ Гамбурга; но она была не на столько геніально одарена, чтобы публика, слушая ее, могла забыть ея непривлекательную, чисто-Жидовскую наружность. Публика такъ уже создана, что для того, чтобы ей нравиться, недостаточно безупречнаго, артистичнаго исполненія: надо еще, чтобы артистка имѣла красивую наружность; въ противномъ случаѣ успѣхъ ея будетъ сомнителенъ. Быть-можетъ, Полина Віардо единственная артистка, которая выразительностью и пластичностью своей игры умѣла заставить забыть о своемъ наружномъ безобразіи.

Въ началѣ 1855 года Нанетта Фалькъ неожиданно пріѣхала на нѣсколько дней въ Веймаръ; par acquit de conscience, я повела ее къ Листу, но она была такая некрасивая, маленькая и худая Жидовка, что я отлично знала, что онъ отсовѣтуетъ ей продолжать стремиться къ публичному состязанію между піанистками. Мнѣ больно было видѣть, что я не ошиблась, и что для того, чтобы труды ея на изученіе фортепіанной игры не пропали даромъ, можно было только посовѣтовать ей помѣститься гдѣ-нибудь въ качествѣ учительницы музыки.

Другая ученица г-жи Шуманъ, Каролина Дюпрэ *), была родомъ изъ Брауншвейга. Мало одаренная, она старалась безконечными упражненіями замѣнить свое отсутствіе таланта, и надѣялась такимъ путемъ достигнуть блестящей техники. Но отъ чрезмѣрнаго упражненія у нея сдѣлался нервный параличъ руки и, не смотря на то, что для излѣченія ея употреблены были всевозможныя средства, рука такъ и оста-

---

*) Мать Каролины Дюпрэ сказала разъ г-жѣ Шуманъ: „Sagen sie meiner Tochter alles, es wird doch nachher heissen, das sie Ihre Schülerin ist". (Говорите все моей дочери: вѣдь впослѣдствіи будетъ извѣстно, что она ваша ученица). Госпожа Шуманъ была возмущена глупостью обѣихъ и нашла что она играетъ изъ одного тщеславія.

Библиотека "Руниверс"

лась безъ движенья. Вскорѣ послѣ этого Каролина Дюпрэ вышла замужъ за одного очень богатаго Дюссельдорфца и оставила музыку.

7-го Февраля былъ концертъ, въ которомъ мы участвовали. На этомъ концертѣ въ первый разъ была сыграна только-что оконченная симфонія № 3 (Es-dur) Шумана, находившаяся еще въ рукописи.

Послѣ концерта былъ ужинъ, во время котораго я сидѣла рядомъ съ Робертомъ Шуманомъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что очень любитъ Россію, и что съ пребываніемъ его тамъ сопряжены для него лучшія воспоминанія его жизни. Повсюду въ Россіи его принимали очень любезно, но въ особенности у графа Вьельгорскаго, домъ котораго для музыки былъ настоящимъ храмомъ искусства. Шуманъ полюбилъ и Русскій народъ, со всѣми его особенностями, и при воспоминаніяхъ о Россіи становился совсѣмъ разговорчивымъ, что̀ вообще случалось съ нимъ очень рѣдко.

Онъ разсказывалъ также о Листѣ и о своемъ спорѣ съ нимъ насчетъ Мейербера и Мендельсона. При этомъ Шуманъ еще разъ заявилъ, что не выноситъ музыки Мейербера. «Was ist das für Musik sein Prophet; ich würde ihn nicht zum zweiten Male hören wollen». Тутъ къ нашему разговору присоединилась г-жа Шуманъ; она съ жаромъ говорила противъ Листа, въ особенности какъ композитора. Понятно, что натуры до такой степени различныя, какъ Клара Шуманъ и Листъ, не могли сойтись. Она не могла совершенно измѣнить своему Восточному происхожденію и часто бывала мелочна, напримѣръ, въ денежныхъ дѣлахъ, что̀ такъ мало согласуется съ искусствомъ. Но Робертъ Шуманъ не раздѣлялъ мнѣнія своей жены, находя, что Листъ великъ и какъ піанистъ, и какъ человѣкъ («Ein geistlicher Spieler und Mensch»).

Не смотря на такое справедливое сужденіе, Шуманъ, благодаря вліянію своей жены, сторонился Листа, или, лучше сказать, онъ придерживался Лейпцигскаго музыкальнаго міра, въ которомъ выросъ и среди котораго имѣлъ немало личныхъ друзей. Но Лейпцигъ издавна отличался одностороннимъ, почти исключительно классическимъ направленіемъ, и не представлялъ того разнороднаго характѣра, которымъ, благодаря обширному его кругозору, отличалась дѣятельность Листа въ Веймарѣ. Суживать или задерживать дѣятельность кого-либо было противно натурѣ Листа: онъ создавалъ жизнь вокругъ себя, оставляя жить другихъ.

4 (16) Февраля, день рожденія нашей великой княгини Маріи Павловны, и въ Веймарѣ всегда старались въ этотъ день исполнить какую-нибудь новую оперу. На этотъ разъ назначена была опера Раффа «König Alfred», но на бѣду г-жа Ахте и нѣкоторые другіе члены Веймарскаго

Библиотека "Руниверс"

театра заболѣли такъ, что пришлось отложить объявленное представленіе и замѣнить его концертомъ подъ управленіемъ Листа.

Какъ музикдиректоръ, Робертъ Шуманъ имѣлъ право давать концерты; 13-го (7) Марта онъ далъ концертъ, составленный, за исключеніемъ одной сонаты Бетховена, изъ однихъ только собственныхъ его сочиненій. Публика осталась очень недовольна столь односторонней программой, и вѣроятно это дошло до свѣдѣнія Шумановъ, потому что онъ ходилъ, какъ недовольный медвѣдь, а она едва сдерживала слезы. Концертъ этотъ произвелъ болѣзненное впечатлѣніе. Истинно-музыкальная публика съ гордостью отнеслась бы къ подобному концерту и носила бы на рукахъ такого артиста, какъ Шуманъ; но большая часть общества Дюссельдорфа состояла изъ семействъ богатыхъ фабрикантовъ, купцовъ и т. д., отъ которыхъ въ то время нельзя было ожидать, чтобы они могли понять и оцѣнить Шумана.

Мой отъѣздъ изъ Дюссельдорфа приближался, но я совершила еще небольшую поѣздку въ Эльберфельдъ, чтобы присутствовать на концертѣ г-жи Шуманъ, который увѣнчался блестящимъ успѣхомъ.

Въ Эльберсфельдѣ г-жа Шуманъ сказала мнѣ: «Когда я разставалась съ Робертомъ, я сказала ему, что хорошо, что я дня на два уѣзжаю, потому что при свиданіи любовь удвоивается» (liebt man sich doppelt). Г. Ейлеръ, находившійся въ это время въ комнатѣ, сказалъ мнѣ: «По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ въ очень дурномъ расположеніи послѣ своего концерта».

Марта 19-го (7). Я пошла прощаться съ Шуманами и сидѣла у нихъ довольно долго. Она спросила меня, остановлюсь ли я въ Лейпцигѣ, или же мнѣ хочется поскорѣе домой. Я отвѣтила, что меня дѣйствительно тянетъ къ моимъ, но что, не смотря на это, я собираюсь провести дня два въ Лейпцигѣ. «Да», сказала она, «я увѣрена, что у васъ довольно твердости, чтобы, разъ взявшись за что-нибудь, довести это до конца».

Шуманъ былъ очень любезенъ и сказалъ мнѣ: «Leben Sie wohl, schreiben Sie uns bald und denken Sie an uns». («Будьте здоровы, напишите намъ поскорѣе и вспоминайте о насъ»). Съ Кларой Шуманъ мы разстались очень сердечно. «Я была бы очень счастлива», сказала она, «если бы всѣ доставляли мнѣ столько удовольствія, сколько вы». Она повторила просьбу своего мужа о томъ, чтобы я имъ писала, и просила передать поклонъ Листу, Монтагу, Іоахиму и Лидіи Фрэге, поручая при этомъ разсказать послѣдней о новыхъ сочиненіяхъ Роберта Шумана, такъ какъ она ими интересуется.

22-го, пріѣхавъ въ Лейпцигъ, я отправилась въ церковь Святого Ѳомы, гдѣ по Субботамъ пѣли Motteten. На слѣдующій день я была

Библиотека "Руниверс"

на музыкальномъ утрѣ у Лидіи Фрэге. Тамъ играли: Марія Викъ—сестра Клары Шуманъ,—Мошелесъ, Давидъ и. . . . (віолончель). Изъ Лейпцига я поѣхала повидаться съ двумя своими подругами Брокгаузенъ, въ имѣніе ихъ матери Проссенъ, недалеко отъ Шандау. Фрау Брокгаузенъ была родная сестра Рихарда Вагнера и, когда ихъ родители умерли, она, будучи значительно старше брата, замѣнила для него мать, взяла его совершенно въ семью Брокгаузенъ и воспитала его. Но Вагнеръ, со своимъ независимымъ характеромъ, вскорѣ забылъ все добро, которое ему принесли его зять и сестра; и въ то время, о которомъ я говорю, они уже не видались съ нимъ. Вторая дочь г-жи Брокгаузенъ, Клара, которая сама очень хорошо пѣла, очень любила своего дядю и восхищалась его сочиненіями, но и она говорила о немъ: «Es ist ein verdrehter Kerl». (Это пропадшій человѣкъ).

Проведя два дня у Брокгаузеновъ, я вернулась въ Лейпцигъ и тамъ (27-го Марта) присутствовала на Gewandthaus концертѣ, гдѣ съ истиннымъ наслажденіемъ слушала 9-ю симфонію Бетховена, которую рѣдко играютъ, такъ какъ для ея исполненія требуются хорошіе артисты, которыхъ не всегда легко найти.

29-го Марта я наконецъ вернулась въ Веймаръ съ чувствомъ, что какъ бы ни было хорошо у чужихъ, а дома все же лучше всего. Къ сожалѣнію, отца я нашла очень разстроеннымъ и ипохондричнымъ. Безпрерывные труды и то обстоятельство, что онъ писалъ всегда сидя, причиняли ему застои крови. Кромѣ того его тяготили заботы о будущности дѣтей. Насъ было пять братьевъ и шесть сестеръ. Тяжелѣе всего приходилось моимъ братьямъ, которые, пріѣхавъ въ Россію, попадали въ совершенно новую обстановку. Когда, по смерти нашего отца, я выписала къ себѣ въ Россію младшаго моего брата Андрея, съ тѣмъ, чтобы онъ учился въ Петербургской Медицинской Академіи, онъ очень плохо говорилъ по-русски. Вмѣсто того, чтобы помочь ему, двоюродные братья и знакомые поднимали его на смѣхъ, что Русскіе обыкновенно дѣлаютъ: это особенность характера Русскаго человѣка, которую и мнѣ часто приходилось на себѣ испытать. Тогда братъ принялся читать по-русски и съ утра до вечера молчалъ въ теченіе цѣлаго года, не дозволяя себѣ ни малѣйшаго разговора; когда же наконецъ онъ нарушилъ свое молчаніе, то заговорилъ по-русски совсѣмъ хорошо. Для этого требовалось немало силы воли, тѣмъ болѣе, что въ душѣ онъ тосковалъ по родинѣ, или вѣрнѣе по той землѣ, гдѣ онъ родился и гдѣ были его друзья.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Веймаръ, я видѣла знаменитаго Вѣнскаго актера La Roche. Родомъ онъ былъ изъ Веймара, но первоклассный актеръ выработался изъ него на чужой сторонѣ. Его дикція

Библиотека "Руниверс"

была ясна, отчетлива и нетороплива, а игралъ онъ такъ естественно, что можно было подумать, что онъ всегда такой въ обыденной жизни, тогда какъ у него это было искусство создавать характеры.

26-го Іюля скончался давнишній другъ моего отца, кирхенратъ Кёлеръ (Köhler), съ дочерьми котораго мы очень дружны и до сего дня (1888-й годъ). Это былъ очень ученый богословъ, а все семейство его очень почтенное и рѣдкіе по вѣрности друзья всѣхъ Сабининыхъ, въ чемъ мы убѣдились въ печальные, какъ и въ радостные, дни.

27-го Іюля мнѣ пришлось играть съ Іоахимомъ сонаты Бетховена; для меня это былъ настоящій ужасъ. Двѣ престарѣлыя дѣвы, Фр. Кэмпферъ (Kömpfer) держали пансіонъ для дѣвицъ, воспитывавшихся въ Веймарѣ, между прочими жила у нихъ кузина І. Іоахима, который ради этого часто посѣщалъ ихъ. Іоахимъ былъ очень пріятенъ въ обращеніи и скроменъ и, не смотря на свою молодость, игралъ такъ, какъ будто музыка исходила изъ него; чистота и полнота тона, легкость игры и спокойствіе во время исполненія способствовали совершенству его игры.

Уже много лѣтъ въ Веймарѣ каждую зиму устраивали рядъ (ciclus) квартетныхъ вечеровъ. Въ этомъ году, благодаря участію въ нихъ Іоахима, вечера эти были особенно интересны. Бетховена онъ игралъ, какъ никто: его игра была наисовершеннѣйшая классическая игра, которую я когда-либо слышала. Исполненіе этихъ квартетовъ было удивительное, рѣдкое; но надо сказать, что Іоахимъ и Коссманъ были столпами, которые все поддерживали. Бюловъ, принимавшій тоже участіе въ этихъ вечерахъ, игралъ очень хорошо, но очень холодно. Игру А. Винтербергера нельзя было и сравнивать съ игрой Бюлова; впослѣдствіи онъ посвятилъ себя спеціально игрѣ на органѣ и получилъ мѣсто въ протестантской церкви въ Петербургѣ.

Въ началѣ Августа эрбгросгерцогиня исходатайствовала для Елены и меня дозволеніе ѣхать въ Россію съ великой княгиней Екатериной Михайловной. Тогда подобное путешествіе было сопряжено съ большими затрудненіями и расходами, такъ какъ не было еще прямого желѣзно-дорожнаго сообщенія между Германіей и Россіей. Передъ отъѣздомъ нашимъ въ Россію, мы представлялись нашей великой княгинѣ (въ Бельведерѣ). Она очень надѣялась, что мы обѣ выйдемъ замужъ въ Петербургѣ; но для этой цѣли не слѣдовало бы воспитывать насъ въ Германіи, съ понятіемъ, что только при взаимныхъ склонностяхъ супружество есть настоящій союзъ, котораго иначе нельзя устроить.

12-го Августа (31-го Іюля) мы выѣхали изъ Веймара; мой отецъ сопровождалъ насъ до Галле, а братъ Иванъ до Штетина.

Библиотека "Руниверс"

Отъ Берлина до Штетина съ нами ѣхалъ одинъ Прусскій офицеръ, который между прочимъ разсказывалъ, что король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ такой хорошій знатокъ живописи, что, по словамъ одного художника, ни одинъ художникъ не выразитъ болѣе вѣрнаго сужденія о картинѣ, чѣмъ онъ. Еще этотъ офицеръ разсказывалъ, что принцы Прусскіе начинаютъ военную службу съ солдатскаго чина, только на часы ихъ ставятъ во дворцѣ и въ галлереяхъ.

Извѣстно, что младшіе сыновья императора Николая Павловича, великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, должны были, наравнѣ съ прочими солдатами, стоять на часахъ въ суровую зиму. Государь, желая убѣдиться въ томъ, что они дѣйствительно несутъ караульную службу, проѣхалъ мимо ихъ постовъ и увидѣлъ ихъ стоящими безъ перчатокъ и совершенно оцѣпенѣвшими отъ мороза.

14-го Августа мы пріѣхали въ Штетинъ, а 16-го прибыла великая княгиня Екатерина Михайловна съ супругомъ своимъ герцогомъ Георгомъ Мекленбургскимъ. Онъ былъ красивъ, но вслѣдствіе глухоты всегда держалъ голову наклоненною напередъ. Вся свита ихъ состояла изъ фрейлины фонъ Штрандманъ, гофмейстерины, двухъ адъютантовъ герцога и доктора Мишкина.

На слѣдующее утро въ 11-ть часовъ «Merkur», на которомъ находилась великая княгиня со свитой и мы, вышелъ въ Свинемюнде, гдѣ фрегатъ «Грозящій» ожидалъ ея высочество, чтобы отвезти ее въ Россію. Когда великая княгиня приблизилась къ фрегату, матросы стояли на реяхъ и встрѣтили ее троекратнымъ «ура». При снятіи съ якоря, въ 4 часа дня, съ фрегата былъ данъ салютъ въ 21 пушечный выстрѣлъ. Морское путешествіе длилось отъ Воскресенья послѣ полудня до Среды вечера; въ теченіе двухъ дней море было очень бурно; я была почти все время на ногахъ и по возможности оставалась на палубѣ, но бѣдная моя сестра Елена ужасно страдала и даже сказала: «Теперь я умираю»; впрочемъ ея слова меня ничуть не испугали, такъ какъ, хотя мнѣ было очень жаль ея, но я знала, что морская болѣзнь доводитъ до отчаянія.

Великая княгиня не страдала отъ бури, а была очень весела и садилась на пушки. Ея камерфрау, очень натянутая особа, подошла къ ней и сказала: «Votre Altesse a l'air d'une pauvre honteuse avec ce chapeau»—«Vous avez raison», отвѣтила великая княгиня, осматривая свою шляпу, которая была очень помята.

Фрегатъ дѣлалъ отъ 10 до $11^{1}/_{2}$ узловъ въ часъ, и 8-го (20), въ 7 часовъ вечера, мы благополучно пришли въ Кронштадтъ, гдѣ великая княгиня Елена Павловна, въ первый разъ въ жизни разставшаяся

Библиотека "Руниверс"

со своей дочерью, встрѣтила ее и своего зятя, послѣ чего они поѣхали въ Ораніенбаумъ.

Мы же вступили на Русскую землю въ 9 часовъ и, переночевавъ въ семействѣ полковника Поскочина, на слѣдующее утро поѣхали въ Ораніенбаумъ, къ нашей теткѣ, сестрѣ моей матери, Маріи Тимоѳеевнѣ Кочетовой, которая проводила тамъ лѣто вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Она была очень умна и добра, очень заботилась о насъ.

Мужъ ея былъ настоятелемъ собора Петропавловской крѣпости, гдѣ находятся гробницы членовъ царской фамиліи. Нельзя себѣ представить что-нибудь болѣе простое и менѣе красивое, чѣмъ были въ то время гробницы нашихъ царей. Бренные останки опускали въ склепъ, находящійся подъ поломъ, а надъ этимъ мѣстомъ ставился деревянный ящикъ, около аршина вышины; ящикъ покрывали чехломъ изъ темнозеленой шерстяной матеріи, мериноса или матеріи въ этомъ родѣ, чехолъ окаймленъ широкимъ золотымъ позументомъ, а на крышкѣ вензель покойнаго.

Въ шестидесятыхъ годахъ баронесса Марія Петровна Фредериксъ, вернувшись разъ изъ крѣпости, сказала императрицѣ Маріи Александровнѣ, что гробницы членовъ Императорскаго Дома слишкомъ безобразны. Послѣ этого деревянные ящики замѣнили гробницами изъ бѣлаго мрамора, а вмѣсто шерстяныхъ чехловъ ихъ накрыли покровами изъ золотой парчи, отороченной горностаемъ.

Черезъ недѣлю мы переѣхали въ Петербургъ, который я видала когда мнѣ было всего четыре года, такъ что изъ моего перваго пребыванія тамъ я сохранила только воспоминаніе о тяжелой болѣзни, которую перенесла тогда, о томъ, какъ дядя Кочетовъ пріобщилъ меня, и какъ меня переносили изъ одной кроватки въ другую. Только за нѣсколько недѣль до возвращенія нашего въ Копенгагенъ я была въ состояніи гулять по саду, и тогда мнѣ пришлось много страдать отъ моего рѣзваго кузена, Бориса Акимовича Кочетова. Разъ ему понравилось бить меня крапивой; я, слабый, едва державшійся на ногахъ ребенокъ, пришла въ такой ужасъ, что меня пришлось опять уложить въ постель; двоюроднаго же брата моего строго наказали.

Меня поразила Петербургская мостовая, составленная изъ неровныхъ камней; послѣ долгой ѣзды по ней я чувствовала себя точно колесованной. Въ городѣ находилось еще много пустырей, гдѣ паслись коровы; привыкнувъ къ Нѣмецкой расчетливости, при которой ни одинъ клочекъ земли не остается въ городѣ незастроеннымъ и необработаннымъ, я находила это совсѣмъ страннымъ. Семейная жизнь показалась мнѣ очень патріархальной: всѣхъ принимаютъ радушно и угощаютъ, и надо ѣсть и пить, чтобы не обидѣть хозяевъ. Такъ какъ

Библиотека "Руниверс"

большія разстоянія отнимали возможность дѣлать частыя короткія посѣщенія, то, придя къ кому нибудь, сидѣли довольно долго. Столъ очень вкусенъ, чаю пьютъ много, а послѣ предшествовавшаго холернаго года очень распространилось употребленіе Французскихъ винъ. Народъ крѣпкій, сильный, богато одаренный, ловкій и ко всему способный.

Зимній дворецъ и Эрмитажъ произвели на меня впечатлѣніе величиной и красотой коллекцій. Въ одной изъ залъ императоръ Николай приказалъ выставить золотые и серебряные сервизы двора; между ними были вещи рѣдкой красоты и художественной работы. Царская Фамилія въ этотъ самый вечеръ должна была осмотрѣть эту выставку, и при этомъ свѣчи въ люстрахъ должны были зажечься, какъ по волшебству. Новое изобрѣтеніе состояло въ томъ, что легко воспламеняющаяся нить, проведенная къ каждой изъ свѣчей, соединяла ихъ, а концы нити висѣли такъ, что достаточно было къ нимъ поднести горящій фитиль, чтобы разомъ зажглись всѣ свѣчи. Царская семья вошла въ залу когда въ ней еще было темно, и внезапное освѣщеніе залы вполнѣ удалось.

Наша тетя достала намъ билеты для мѣстъ на хорахъ этой залы. Я была очень счастлива, что увидѣла весь нашъ возлюбленный Императорскій Домъ.

Привожу здѣсь анекдотъ о членахъ Императорской Фамиліи, слышанный мною въ то время. Разъ великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ въ полкъ, командиромъ котораго былъ герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій. Герцогъ не оказался на своемъ посту, и когда, по прошествіи порядочнаго количества времени, онъ явился, великій князь сдѣлалъ ему строгій выговоръ передъ всѣмъ полкомъ, приказалъ отдать саблю и наложилъ на него домашній арестъ. Герцогъ пожаловался на великаго князя своей супругѣ, дочери Государя, великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, которая успокоила его, какъ могла. Это происходило въ первые годы ихъ супружества. Вскорѣ появляется отъ Государя флигель-адъютантъ съ приказаніемъ герцогу явиться къ Его Величеству. Герцогъ отвѣчаетъ, что онъ подъ арестомъ и не смѣетъ выходить изъ своего дворца. Вторично является адъютантъ и повторяетъ повелѣніе Государя. Входя въ кабинетъ Его Величества, герцогъ видитъ, что Государь смѣется съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и послѣдній, смѣясь, спрашиваетъ герцога: нравится ли ему его арестъ? Видя, что вся эта исторія приняла шутливый оборотъ, герцогъ разсказалъ, какъ онъ жаловался объ этомъ своей женѣ. На это великій князь сказалъ ему: «Я долженъ былъ это сдѣлать, чтобы соблюсти дисциплину въ солдатахъ».—7-го (19) Октября я навѣстила Гензельта и его жену, которая родомъ была изъ Веймара. Гензельтъ былъ уче-

Библиотека "Руниверс"

никъ I. Н. Гуммеля, долгое время жилъ въ Веймарѣ и уѣзжая оттуда увезъ съ собой жену одного доктора Фогель (Fogel) и женился на ней. Отъ Фогеля у нея было два сына и двѣ дочери, которыхъ она бросила на произволъ судьбы. Фогель женился во второй разъ, и несчастныя дѣти много страдали отъ безчеловѣчной мачихи. Мои сестры и я были дружны съ этими молодыми дѣвушками и знали, какъ тяжела была ихъ жизнь, пока, наконецъ, онѣ не вышли счастливо замужъ.

Гензельтъ игралъ такъ же мягко, чисто и perlend, какъ его учитель Гуммель. Но, какъ артистъ, онъ не шелъ далѣе этого. Сочинялъ онъ немного, а репертуаръ вещей, которыя онъ игралъ, былъ очень невеликъ для такого піаниста, какъ онъ. Послѣ отъѣзда своего изъ Веймара, онъ окончательно поселился въ Петербургѣ и занялся исключительно преподаваніемъ музыки. Въ Россіи у него было несчетное количество учениковъ, но и послѣ пятидесятилѣтняго юбилея его служебной дѣятельности нельзя было сказать, чтобъ онъ составилъ цѣлую школу выдающихся піанистовъ. Всѣ его ученики играли на одинъ ладъ: всякая индивидуальность и характеризующее личность пониманіе терялись окончательно въ бездушной, механической игрѣ школы Гензельта. Я всегда выносила одно и тоже впечатлѣніе отъ игры его учениковъ, которыхъ слышала, хотя они принадлежали ко всевозможнымъ слоямъ общества, и многіе изъ нихъ были многосторонне образованы, что̀ несомнѣнно вліяетъ на развитіе какого угодно таланта.

Гензельтъ принялъ меня очень любезно и у себя игралъ очень любезно, безо всякихъ церемоній, не заставляя себя просить. Публично онъ игралъ очень мало. Когда я ему передала поклонъ отъ г-жи Гуммель, рожденной Рӧккель (Röckel), онъ очень былъ радъ, что его не забываютъ въ Веймарѣ.

Г-жа Гуммель, еще будучи фрейлейнъ Рӧккель, была извѣстна въ Вѣнѣ какъ пѣвица, притомъ красивой наружности. Бетховенъ очень ее любилъ, но она отказалась быть его женой, страшась его угрюмаго характера и сильной его глухоты, и предпочла ему Гуммеля. Впослѣдствіи, когда они съ нимъ видѣлись, супруги Гуммель всячески старались поддерживать дружескія отношенія съ Бетховеномъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ г-жа Гуммель просила меня составить каталогъ музыкальной библіотеки ея покойнаго мужа. Библіотека эта состояла изъ двухъ шкафовъ, наполненныхъ печатными и рукописными нотами, которыя я и привела въ порядокъ. При этомъ случаѣ она подарила мнѣ септетъ (Septette) ея мужа (съ аккомпанементомъ второго фортепіано, или шести другихъ инструментовъ), съ измѣненіями, сдѣланными краснымъ карандашемъ рукою ея мужа; также она дала мнѣ старый каталогъ его нотъ, написанный имъ самимъ.

Библиотека "Руниверс"

Гензельтъ былъ изъ числа лучшихъ учениковъ Гуммеля.

Лѣтомъ 1850 года Гензельту пришлось пробыть день въ одномъ городѣ въ Германіи, гдѣ находился Листъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что для того, чтобы понравиться Листу, надо, чтобы человѣкъ уже много сдѣлалъ, что будто Листъ очень тщеславенъ, и что всѣ 15 часовъ, которые онъ пробылъ въ одномъ съ нимъ городѣ, ему пришлось провести у Листа.

Въ Петербургѣ я видѣла многихъ родственниковъ, которыхъ я до тѣхъ поръ вовсе не знала, и многихъ такихъ, которые хотя и не были моими родственниками, но были мнѣ хорошо знакомы, такъ какъ я ихъ прежде встрѣчала за границей.

Разъ вечеромъ къ моей тётѣ Кочетовой пришли съ профессоромъ Левисономъ двое молодыхъ людей, которые представились намъ, а затѣмъ вечеръ прошелъ въ музыкѣ и пѣніи. На слѣдующій день является ко мнѣ d-r Левисонъ и, къ моему великому удивленію, говоритъ мнѣ, что одинъ изъ этихъ молодыхъ людей проситъ моей руки. Я была такъ удивлена и такъ мало къ этому приготовлена, что, будучи всегда очень веселой, разсмѣялась ему въ лицо и сказала, что никогда не выйду замужъ за человѣка совершенно мнѣ незнакомаго. Онъ былъ очень удивленъ и огорченъ моимъ отвѣтомъ.

Между прочимъ, меня повезли восхищаться фокусами въ саду искусственныхъ минеральныхъ водъ. Чего только тамъ не было! И Китайская ярмарка, и лотерея аллегри, Китайская иллюминація сада, Китайская фарфоровая башня, оркестръ, который помѣщался подъ пальмами, вертящаяся колонна съ транспарантомъ, на которомъ изображены были всѣ лица, принимавшія участіе въ музыкальныхъ и увеселительныхъ вечерахъ этого сада. Оркестръ подъ управленіемъ Г. А. Шпецингера, оркестръ кавалергардскаго Ея Величества полка, оркестръ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка играли попеременно; на большой эстрадѣ показывались Китайскія тѣни, туманныя картины; Вейнертъ ходилъ по канату; пускали воздушные шары; шла игра маріонетокъ; сожженъ былъ Китайскій фейерверкъ; въ залѣ пѣли пѣвцы братьевъ Мальчугиныхъ, хоръ Московскихъ Цыганъ, три акробата давали атлетическія и эквилибристическія представленія и, наконецъ, устроена выставка медальоновъ по слѣпкамъ графа Толстого. Къ счастью, невозможно было переварить всего въ одинъ вечеръ; мнѣ казалось, что я попала въ домъ умалишенныхъ: что-то ребяческое было во всемъ этомъ, и стараго, и малаго такъ и тянуло къ Ивану Ивановичу (Излеру).

Петербургская жизнь начинала мнѣ порядочно надоѣдать, и я только и думала, какъ бы вернуться въ Веймаръ, въ свою семью и

Библиотека "Руниверс"

къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Работать въ Петербургѣ такъ, какъ это было возможно въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Веймаръ, нельзя было и думать: жизнь здѣсь какъ-то разбросана, тратится даромъ и нездорова. Безпорядочный образъ жизни, далекія разстоянія, сидѣнья до поздняго часа, вставаніе поздно,—все для меня было странно, и я не могла къ этому привыкнуть; я жаждала работы и духовной пищи. Общество, въ которомъ я вращалась въ Петербургѣ, было такъ мало образовано, а существовавшее образованіе такъ мало основательно и поверхностно, что я себя чувствовала какъ бы находящейся на Hungerkur. Особенно мнѣ не нравилась злая черта, которую я замѣтила почти во всѣхъ слояхъ общества и благодаря которой каждое движеніе, каждое слово становятся предметомъ для насмѣшки. Хотя я почти не знала Россія, но любила ее болѣе всего на свѣтѣ; и, не смотря на это, я очень мучилась и была несчастна при мысли, что настанетъ день, когда мнѣ придется поселиться въ Россіи и покориться господствующимъ обычаямъ.

Великая княгиня Ольга Николаевна, кронпринцесса Виртембергская, была такъ милостива, что позволила намъ ѣхать обратно до Гамбурга съ ней на фрегатѣ «Грозящій». Въ свитѣ ихъ высочествъ, кронпринца и его супруги, находились: фрейлина баронесса фонъ Массенбахъ и фонъ Галденъ (v. Halden), графъ Циплинъ (Zieplin) и г-нъ фонъ Брюлингенъ (v. Brühlingen). Тутъ же находилась камерфрау ея высочества, Софія Раковъ (Rackow), которая въ то время играла большую роль.

1-го Октября (13-го Сентября) въ 8 часовъ утра мы пріѣхали въ Петергофъ и, погулявъ тамъ, переправились на «Грозящій»; въ 2 часа пріѣхала великая княгиня Ольга Николаевна. На переѣздъ изъ Кронштадта въ Киль мы, благодаря бурному морю, употребили пять дней. Великая княгиня, съ которой впослѣдствіи я познакомилась гораздо ближе, была очень весела.

На слѣдующій день, въ девятомъ часу вечера глазамъ нашимъ представилось одно изъ великолѣпнѣйшихъ явленій природы, которыя я когда-нибудь видѣла: сѣверное сіяніе надъ моремъ. Вечеръ былъ темный, и море казалось чернымъ, когда съ Сѣвера на горизонтѣ мало-по-малу стали подниматься широкія свѣтло-голубыя полосы, достигли наконецъ до половины зенита неба и какъ столпы неподвижно стояли на ярко красномъ фонѣ неба. Это продолжалось полчаса, и до сего дня передъ моими глазами ясно представляется это удивительное явленіе природы. Слѣдующіе два дня море было очень бурно, такъ что великая княгиня и я были единственныя не страдавшія.

Библиотека "Руниверс"

8-го Октября я благополучно пріѣхала въ Веймаръ и была такъ счастлива быть опять дома, съ моими родителями, сестрами и братьями, и опять имѣть вокругъ себя своихъ подругъ. Особенно подружилась я съ Тони фонъ Гопфгартенъ (v. Hopfgarten), дочерью оберъ-гофмейстера ф. Гопфгартена, впослѣдствіи вышедшей замужъ за г-на ф. Шéве изъ Мекленбурга. Она была очень некрасива собой, и послѣ натуральной оспы цвѣтъ лица ея оставался очень краснымъ, что̀ прошло только со временемъ; но она была такъ весела и остроумна, что когда мы съ ней видѣлись,—а это бывало ежедневно,—послѣ напряженной игры ея общество дѣйствовало на меня освѣжающе. У нея былъ прекрасный альтовый голосъ, и мы съ ней много музицировали вмѣстѣ, а въ этомъ году даже устроили съ нею голосовой квартетъ (Singquartett) у меня, который появлялся и при дворѣ, и въ обществѣ, гдѣ музыка была оживляющимъ элементомъ для скучающихъ. Въ моихъ квартетахъ принимали также участіе мои подруги Марія ф. Бёльвитцъ (v. Beulwitz), фрейлина нашей великой княгини, Марія Кёлеръ (Köler), Ольга Грантъ, рожд. ф. Вагнеръ, а изъ мужчинъ гг. ф. Плюсковъ (гофмаршалъ), Франкъ (военный), Біанкуръ (Biancourt), все время, пока онъ находился при миссіи въ Веймарѣ, и еще нѣкоторые другіе. Благодаря имъ, мы изучали многіе квартеты.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Веймаръ, я была въ Донъ-Жуанѣ и поражена была прекраснымъ пѣніемъ г-жи ф. Мильде, которая играла Донну Анну. Роль эта считается одной изъ самыхъ неблагодарныхъ, но я должна сказать, что она исполнила ее такъ, какъ я никогда ея не слыхала; она сумѣла не нагнать скуку, которую обыкновенно вызываютъ постоянныя сокрушенія Донны Анны.

30-го Октября. Я провела вечеръ въ семействѣ нашихъ друзей Фрорипъ (Geheim-Medicinalrath Froriep), гдѣ я познакомилась съ докторомъ Штраусомъ, написавшимъ «Жизнь Іисуса Христа». Онъ имѣлъ видъ католическаго или протестантскаго пастора и сидѣлъ почти неподвижно съ задумчиво опущенной головой.

Въ домѣ г-на Фрорипа всегда собирались всевозможные ученые и иностранцы; прежде онъ былъ врачомъ въ Берлинѣ и только по смерти своего отца поселился со всѣмъ своимъ семействомъ въ Веймарѣ. Я была очень дружна съ двумя старшими его дочерьми Альмой и Бертой. Первая вышла замужъ за сына поэта Фридриха Рюккерта, который былъ агрономъ и управлялъ имѣніемъ своего отца. Со свадьбой ея наше общество лишилось одного изъ своихъ музыкальныхъ членовъ, такъ какъ она очень хорошо пѣла и играла. Вторая—Берта, впослѣдствіи посвятившая себя живописи, сначала рисовала съ нами въ гросгерцогской рисовальной школѣ, затѣмъ работала съ нами въ

Библиотека "Руниверс"

мастерской профессора Мартерштейга, и наконецъ стала ученицей Плоти, когда онъ былъ директоромъ Веймарской школы живописи.

Веймарская гросгерцогская школа рисованія была основана еще во времена Гёте. Ученіе въ ней было безплатно и происходило два раза въ недѣлю, для дѣвочекъ отъ 10-ти до 12-ти утра, для мальчиковъ отъ 2-хъ до 4-хъ. Школа состояла изъ трехъ классовъ. Въ третьемъ классѣ,—отъ прямой линіи до арабесокъ,—преподавалъ Либеръ (Lieber), извѣстный реставраторъ старыхъ картинъ. Во второмъ рисовали съ гипса, и преподавали профессора Тонъ (Thon) и Іэде (Iäde). Въ первомъ классѣ рисовали съ натуры акварелью, гуашью, углемъ и карандашемъ; въ этомъ классѣ въ мое время учителями были профессора: Фридрихъ Преллеръ, извѣстный пейзажистъ, создавшій фрески, изображающія Одиссею въ Веймарскомъ музеѣ, Мартерштейгъ (историческая живопись), Кахеръ (Kacher) и Іэде (Iäde I.). Каждое лѣто дѣлалась выставка ученическихъ работъ, и мы Сабинины, которыхъ въ школѣ училось девять человѣкъ, занимали цѣлую стѣну своими рисунками, къ которымъ присоединялись и картины моей матери. Это очень радовало нашу великую княгиню, которая, послѣ посѣщенія выставки, ни разу не преминула поощрять насъ къ дальнѣйшей работѣ.

Когда мы окончили курсъ рисовальной школы, то вмѣстѣ съ нѣсколькими подругами продолжали заниматься у профессора Мартерштейга, въ его мастерской. Тамъ же работалъ и братъ мой Иванъ, который совершенствовался для исторической живописи. Въ этомъ году Мартерштейгъ писалъ мой портретъ для своей исторической картины «Томасъ Мунстеръ», и я часто была въ его мастерской.

Мартерштейгъ былъ очень хорошій учитель, но отъ природы грубъ, и это чувствовалось и въ его картинахъ, въ которыхъ есть что-то жесткое, недовольно мягкости. Онъ самъ былъ ученикъ Поля Делароша, который бывалъ у него въ Веймарѣ, гдѣ я его видѣла. Особенно любилъ Мартерштейгъ подшучивать, и я помню случаи, когда онъ доводилъ своихъ ученицъ до слёзъ, что̀ ничуть не мѣшало ему на слѣдующее утро начинать сызнова. Онъ только тогда не продѣлывалъ своихъ шутокъ, когда его Schätzel, какъ онъ звалъ свою жену, бывала больна. У жены его былъ чисто-Нѣмецкій правильный профиль и свѣтлые волосы, а вся ея персона дышала спокойствіемъ и терпѣніемъ, что̀ безъ сомнѣнія было великимъ счастьемъ для ихъ брака. Мартерштейгу я очень многимъ обязана, такъ какъ онъ развилъ во мнѣ любовь къ живописи.

Библиотека "Руниверс"

1852-й годъ.

Седьмое представленіе «Лоэнгрина» Р. Вагнера, подъ управленіемъ Листа, привлекло въ Веймаръ такое множество слушателей изъ окрестностей и издалека (von nach und fern), что значительному количеству лицъ пришлось отказать за недостаткомъ мѣстъ.

26-го давали «Дочь Полка» Доницетти, съ участіемъ Генріэтты Зонтагъ (графини Росси), а 28-го она пѣла Розину въ «Севильскомъ Цирюльникѣ». Это было милое, прелестное, граціозное созданіе. 31-го она пѣла «Марту» Флотова, послѣ чего было рѣдкое событіе: вечеромъ ея почитатели устроили ей серенаду. Зонтагъ пѣла съ необычайной легкостью, голосъ ея былъ гибокъ и серебристъ. Ея piano совсѣмъ замирало; играла она съ живостью молоденькой дѣвушки, обладала и комизмомъ, но ей недоставало страсти Дженни Линдъ; надо также сказать, что она была старше Дженни Линдъ, и въ то время, когда она пѣла о любви, ей недоставало........ молодости.

Къ графинѣ Росси особенно враждебно относился Гансъ фонъ Бюловъ, любимый ученикъ Листа; но нельзя оспаривать, что у нея былъ крупный талантъ. Будучи еще молоденькой дѣвушкой, она гастролировала въ Прагѣ и попросила разъ капельмейстера приказать аккомпанировать ей въ одной аріи полутономъ выше. Капельмейстеръ не захотѣлъ это сдѣлать и далъ знакъ музыкантамъ играть такъ, какъ написано. Тогда Зонтагъ пропѣла всю арію полутономъ выше, и упрямому капельмейстеру пришлось сдаться. Это свидѣтельствуетъ о музыкальномъ развитіи ея слуха.

Гансъ фонъ Бюловъ, тогда (въ 1852-мъ году) еще молодой человѣкъ, отличался большимъ, ѣдкимъ умомъ. Характеръ его былъ рѣзкій и не очень пріятный для ближняго. Даже любящая его мать,— очень умная женщина, — не разъ жаловалась на его невыносимый нравъ. Образованіе онъ получилъ отличное и, какъ свѣтскій человѣкъ, вращался во всѣхъ слояхъ общества. Онъ былъ некрасивъ, близорукій и курносый, а въ выраженіи его лица было что-то вызывающее, твердое и холодное. Когда появилась его статья противъ графини Росси, во всѣхъ слояхъ общества поднялся одинъ крикъ негодованія противъ него; отъ него стали сторониться и избѣгали его, какъ огня. Все сказанное имъ въ этой статьѣ онъ могъ бы изложить въ какое угодно время, но не именно въ тотъ моментъ, когда графиня Росси плѣнила всѣхъ очаровательнымъ своимъ пѣніемъ. Это была неумѣстная выходка неопытнаго и пылкаго молодого артиста: пользы она никому не принесла, а ему лично надѣлала много вреда, испортивъ его поло-

Библиотека "Руниверс"

женіе. И не только ему повредила она, но и его музыкальному руководителю Листу, который часто расплачивался за чужіе грѣхи. Положимъ, что статья Бюлова была послѣдствіемъ его близкаго знакомства съ грустнымъ вообще положеніемъ музыкальнаго дѣла въ Германіи, которое велось шаблонно и безо всякаго артистическаго предначертанія цѣлей. Не разъ члены Листовской школы и приверженцы Вагнера указывали письменно своимъ собратіямъ на возможность прекращенія упадка искусства и на способы исправленія подобнаго положенія дѣла; въ отвѣтъ на нихъ сыпались насмѣшки и неумѣстная брань, которая вызывала только сильнѣйшее раздраженіе. Но тогда еще эластичная натура Листа всегда поднималась выше всѣхъ этихъ дрязгъ. Онъ одобрялъ и поддерживалъ начатую борьбу и, еще шутя, все повторялъ: «Je leur laisse encore cinq-six ans pour nous attaquer, après quoi nous resterons les vainqueurs du champ». Но когда стрѣлы противъ преобразованія искусства исходили отъ лицъ извѣстныхъ и даже дружныхъ съ Листомъ, онъ всегда съ грустью отзывался объ этомъ. (Напримѣръ—Рубинштейнъ).

Въ теченіе многихъ лѣтъ членомъ Веймарской оперы былъ Гётце (теноръ), обладавшій мягкимъ голосомъ и хорошей школой. Онъ былъ очень образованъ по части музыки, и мы съ сестрой Еленой много лѣтъ брали у него уроки пѣнія. Изъ учениць его особенно выдѣлялась Ахте (Agthe), дочь члена Веймарской капеллы Ахте, вышедшая впослѣдствіи за артиста Веймарской оперы г-на фонъ Мильде (баритонъ), племянника архіепископа Вѣнскаго. Послѣдніе годы своего пребыванія въ Веймарѣ Гётце очень хандрилъ, и только съ величайшимъ трудомъ могли развлечь его чѣмъ-нибудь. Причиной этой ипохондріи была его любовь къ его ученицѣ Р. Ахте; такъ какъ она не отвѣчала взаимностью, то онъ наконецъ рѣшился покинуть Веймаръ и 29-го (17) Февраля въ Тангейзерѣ пѣлъ въ послѣдній разъ. Онъ получилъ мѣсто профессора пѣнія при Лейпцигской Консерваторіи. У него былъ единственный ребенокъ—дочь Августа, изъ которой онъ выработалъ хорошую пѣвицу (альтъ); гораздо позднѣе она поселилась въ Дрезденѣ и открыла тамъ школу пѣнія.

Въ первыхъ числахъ Марта провелъ у насъ два дня священникъ Янышевъ съ женою, проѣздомъ изъ Петербурга въ Висбаденъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто послѣ Базарова, котораго назначили въ Штутгардтъ духовникомъ королевы Ольги Николаевны Виртембергской. Мой двоюродный братъ Базаровъ (онъ былъ женатъ на старшей дочери дяди Кочетова) казался моему отцу слишкомъ свѣтскимъ человѣкомъ; отецъ находилъ, что у Базарова недовольно серьезныхъ познаній и свѣдѣній, какихъ по его мнѣнію можно бы требовать отъ священника,

Библиотека "Руниверс"

который въ теченіе многихъ лѣтъ живетъ за границей и имѣетъ всевозможныя средства для дальнѣйшаго образованія. Янышева отецъ считалъ болѣе серьезнымъ и всегда бывалъ радъ его видѣть.

Въ 1865-мъ году о. Янышевъ былъ призванъ въ Копенгагенъ, чтобы преподавать Законъ Божій по Православному исповѣданію будущей Цесаревнѣ, Принцессѣ Дагмаръ; еще позже онъ былъ назначенъ ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи. За нѣсколько мѣсяцевъ до его назначенія ректоромъ, Императрица послѣ кончины моего отца *), имѣла однажды со мною долгую бесѣду о томъ, какъ поставлено духовное воспитаніе въ Россіи. Я очень много слышала объ этомъ вопросѣ отъ моего отца и отъ разныхъ родственниковъ и въ особенности много слыхала о томъ, что монахъ (какъ бы онъ высоко ни стоялъ въ іерархіи) не на своемъ мѣстѣ, какъ ректоръ духовной академіи, изъ которой должны выходить не монахи, а священники, усовершенствовавшіе свое образованіе. Объ этомъ очень много говорили, и существовало множество анекдотовъ о ректорахъ-монахахъ, какъ академій, такъ и семинарій. Понятно, что хотя вообще образованіе у священниковъ стояло значительно выше, и между ними было много ученыхъ, монахи никакъ не хотѣли допустить на подобныя мѣста кого-нибудь изъ бѣлаго духовенства, но всегда старались сами получить ихъ. Каково же было мое удивленіе, когда спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого разговора я узнала, что Янышевъ назначенъ ректоромъ Петербургской Духовной Академіи. Въ то время оберъ-прокуроромъ св. Сѵнода былъ Ахматовъ, котораго Императрица часто видала. По смерти духовника ихъ величествъ о. Бажанова, о. Янышевъ былъ назначенъ на его мѣсто, а освободившееся мѣсто ректора сейчасъ же занялъ монахъ.

20-го Марта въ первый разъ данъ былъ «Бенвенуто-Челлини» Гектора Берліоза, подъ управленіемъ Листа. Инструментація этой оперы, какъ и всѣхъ сочиненій Берліоза, богатая и совершенно новая. Онъ сталъ употреблять такіе инструменты, которые до того не употреблялись, напримѣръ, саксофонъ, и изъ каждаго инструмента Берліозъ извлекалъ такъ много и такъ мастерски, какъ только можно; поэтому исполненіе написаннаго имъ, какъ для инструментовъ, такъ и для поющихъ, далеко не легкое; оно требуетъ артистическаго образованія. Исполненіе этой оперы въ Веймарскомъ театрѣ доказываетъ о томъ, какъ высоко въ музыкальномъ отношеніи стояла тамошняя капелла, и какое вліяніе на поднятіе ея имѣлъ Листъ. Опера эта въ высшей степени интересна для всякаго артиста; новизна заключалась

*) Скончался въ 1863-мъ году.

Библиотека "Руниверс"

въ богатствѣ инструментаціи и въ своебразности мелодій; поэтому становится понятнымъ, что для большинства публики, у котораго тонкое музыкальное пониманіе мало развито, опера эта не представляла интереса. «Бенвенуто-Челлини» дали еще нѣсколько разъ, и затѣмъ онъ былъ сданъ въ архивъ, какъ многое замѣчательное.

29-го нашъ пѣвческій кружокъ далъ концертъ, въ которомъ я въ первый разъ слышала увертюру Фауста, сочиненную Вагнеромъ.

На этомъ концертѣ послѣдній разъ со мной разговаривала невѣстка нашей великой княгини, герцогиня Ида, которая вскорѣ послѣ этого скончась (3-го Апрѣля). Герцогиня Ида была жена герцога Бернгарда Веймарскаго, брата гросгерцога Карла Фридриха; онъ находился на Голландской службѣ и былъ штатгалтеромъ короля Голландскаго въ Остъ-Индіи. Наша великая княгиня была очень огорчена ея смертью и сказала: «Герцогиня по своимъ лѣтамъ была единственной моей ровесницей и притомъ моимъ дорогимъ другомъ, которому я могла все сказать». У герцогини Иды было трое сыновей и двѣ дочери: принцъ Эдуардъ служилъ въ Англійскомъ флотѣ; принцъ Германъ былъ женатъ на дочери короля Виртембергскаго Аугустѣ, а третій принцъ Густавъ былъ на Австрійской службѣ. Дочери ея были: принцесса Анна и принцесса Амалія; послѣдняя въ 1853-мъ году вышла замужъ за брата короля Вильгельма Голландскаго, принца Гейнриха, штатгалтера Люксембургскаго.

Въ Веймарѣ съ 1850-го года существуетъ Лукасъ-ферейнъ, основанный докторомъ Р. Фрорипъ, при содѣйствіи мѣстныхъ властей. Вечернія собранія въ городскомъ домѣ служили для исполненія живыхъ картинъ, съ музыкой или безъ нея, маленькихъ театральныхъ пьесъ, чтеній и т. под. 30-го Апрѣля въ Лукасъ-ферейнѣ вечеромъ было дано представленіе для дѣтей «Leben und Tod des kleinen Rothenkäppchens» («Жизнь и смерть маленькой Красной Шапочки»), соч. Людвига Тейкъ, состоявшее изъ пролога и 3-хъ дѣйствій; дѣйствующими лицами были молодыя дѣвушки. По окончаніи нашей игры къ намъ подошелъ Листъ съ Бюловымъ и выразилъ свое удовольствіе о нашей игрѣ.

Листъ уже давно жилъ въ Веймарѣ съ княгиней Каролиной Сайнъ-Витгенштейнъ. Сначала онъ велъ очень безнравственную жизнь, часто пилъ слишкомъ много и въ отношеніи образа жизни оставлялъ желать такъ многаго, что мой отецъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ допустить его въ нашъ домъ.

Противъ него, какъ артиста, никто бы не могъ ничего найти: его удивительная техника, его игра, исполненная огня, всѣхъ восхищала и приводила въ восторгъ.

Библиотека "Руниверс"

Какъ дирижёръ, онъ отличался стараніемъ обучить оркестръ и хоръ: не пропускалъ ни малѣйшей ошибки и провинившагося заставлялъ повторять одного до тѣхъ поръ, пока не окажется ни одного невѣрнаго такта, ни единой фальшивой ноты. Когда намъ, то-есть, оркестру зингферейна Гэзера (Häsersche Singverein), приходилось готовиться къ концерту, Листъ часто дѣлалъ репетиціи, длившіяся 8—10 часовъ, отпуская всего на одинъ часъ, на время обѣда; по прошествіи же этого часа съ неутомимой энергіей вновь принимался за репетицію. При этомъ онъ горячился, сердясь на неспособныхъ и легкомысленныхъ, и въ такихъ случаяхъ не жалѣлъ провинившагося, если это былъ мужчина, называя его Eselskopf (оселъ) и другими подобными выраженіями. Веймарскимъ мѣщанамъ (Spiesbürger) это казалось черезчуръ обиднымъ, и въ его оркестрѣ образовалась партія недовольныхъ съ капельмейстеромъ Штöромъ во главѣ; они громко высказывали свое неудовольствіе. Съ нами же дамами Листъ былъ всегда очень вѣжливъ и любезенъ, часто повторяя: «Meine Damen, singen Sie freier» («Сударыни, пойте вольнѣе»), такъ какъ многія при немъ боялись дать свободу голосу.

Какъ фортепіанный композиторъ, онъ нашелъ себѣ мало приверженцевъ; его переложенія были такъ новы и своеобразны въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, чтò до этого было написано, такъ трудны въ техническомъ отношеніи, что очень немногіе рѣшались ихъ играть, вслѣдствіе чего въ 1850-мъ году онъ еще не былъ извѣстенъ, какъ композиторъ, и всякій считалъ себя въ правѣ оспаривать его композиторскій талантъ. Доброта его всѣмъ извѣстна: всякій бѣдный артистъ, обращавшійся къ нему за помощью, могъ быть увѣренъ, что получитъ ее. Само собою разумѣется, что, будучи столь разнообразно одаренъ духовно, онъ стоялъ выше многихъ.

Въ концѣ Мая въ Веймаръ пріѣхалъ императоръ Николай Павловичъ. Онъ очень постарѣлъ, но все же величественное явленіе. Вскорѣ прибыла и императрица Александра Ѳеодоровна, въ сопровожденіи великаго князя Константина Николаевича и герцогини Лейхтенбергской Маріи Максимиліановны.

31-го (19-го) Мая, по случаю Духова дня, они всѣ были въ церкви, и я была представлена великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ. Вечеромъ, по желанію нашей великой княгини, назначено было представленіе Тангейзера, но по болѣзни главныхъ пѣвцовъ, Листъ далъ 1-й актъ до хора пилигримовъ, затѣмъ дуэтъ изъ Лоэнгрина, увертюру Римскаго карнавала и 2-й актъ «Бенвенуто Челлини».

1-го Іюня (20-го Мая) всѣ Русскія царствующія особы уѣхали.

18-го (6-го). Іюня. Великіе князья Николай и Михаилъ Николае-

Библиотека "Руниверс"

вичи пріѣхали въ Веймаръ изъ Ганновера и пробыли у своей тетки три дня; они всѣхъ очаровали своей веселостью и любезностью.

Тѣмъ временемъ я очень страдала болью въ горлѣ, такъ что для меня опасались горловой чахотки; я пила множество минеральныхъ водъ, и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ почти вовсе не играла, что̀ меня страшно огорчало. Вообще и до того и послѣ многое меня нравственно тяготило. Отецъ мой по цѣлымъ недѣлямъ страдалъ отъ ипохондріи, и тогда намъ страшно бывало жаль бѣдной мама, которая при этомъ являлась козломъ отпущенія (souffre-douleur) за всѣхъ и за все. Мы дѣти старались, какъ могли, развеселить или порадовать отца, но съ подобными больными трудно обращаться. Одно ему всегда приносило пользу, это леченіе въ Тёплицѣ, куда онъ поѣхалъ и въ это лѣто.

22-го (10-го) Августа родилась наша сестра Надежда; я этого вовсе не ожидала и была очень этимъ удивлена, но въ тоже время и очень радовалась.

26-го вечеромъ я была у г-жи Родофиникиной (r. Rodofinikin), рожденной Фелейзенъ, сестры Петербургскаго банкира. Кромѣ меня и Тони ф. Гопфгартенъ тамъ были еще г-жа ф. Шпигель (v. Spiegel), супруги ф. Плётцъ (Plötz) и баронъ Мальтицъ. Послѣдній былъ родомъ изъ Остзейскихъ провинцій и женатъ на графинѣ Ботмеръ (Bothmer) изъ Мюнхена, сестра которой была первой женой поэта Тютчева и матерью Анны Өедоровны Тютчевой, впослѣдствіи г-жи Аксаковой. Баронъ Мальтицъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ Русскимъ министромъ-резидентомъ въ Веймарѣ и оставался на этомъ посту до самой своей смерти. По-русски онъ и говорилъ и писалъ очень плохо, и когда онъ начиналъ часто приходить къ моему отцу, мы заранѣе уже знали, что ему надо писать бумаги, которыя переводить за него будетъ мой отецъ, а переписывать моя мать или мой братъ Иванъ; послѣдній даже довольно долго былъ секретаремъ у Мальтица. Отъ природы Мальтицъ былъ очень добръ; онъ только очень не любилъ, когда его обычная жизнь и занятія прерывали какой-нибудь непріятной исторіей, или когда ему приходилось читать кому-нибудь мораль. Ему много приходилось работать по бракоразводному дѣлу княгини Каролины Сайнъ-Витгенштейнъ, длившемуся много лѣтъ, и всегда, послѣ полученія подобной бумаги, онъ бывалъ очень не въ духѣ. Русскихъ книгъ онъ никогда не читалъ иначе, какъ отмѣчая карандашемъ каждый слогъ, на которомъ должно быть удареніе. Онъ былъ поэтъ, но въ стихахъ его было мало созвучія. Говорилъ онъ мало и употреблялъ всегда очень изысканныя выраженія. Когда мы встрѣчались, онъ давалъ мнѣ руку, но не всю, а всегда только одинъ или два пальца. Г-жа ф. Мальтицъ имѣла репутацію остроумія (hatte den Ruf

Библиотека "Руниверс"

einer scharfen Zunge), но я не знала этой стороны ея характера, такъ какъ мы съ ней были мало знакомы. Она была Нѣмка и осталась Нѣмкой, такъ что для Русскихъ Сабининыхъ ихъ домъ былъ все равно, что чужой.

1-го Сентября моя сестра Елена, оставшаяся въ Петербургѣ послѣ моего отъѣзда оттуда, вернулась въ Веймаръ, тоже не выйдя замужъ. Понятно, что ни она, ни я не согласились принудить себя выйти замужъ по расчету; впрочемъ наши родители предоставили намъ свободу выбора и рѣшенія. Съ ихъ стороны тоже было вполнѣ понятно желаніе видѣть насъ замужемъ; но по волѣ судьбы, ни одна изъ насъ, семи сестеръ, не вышла замужъ, а изъ пятерыхъ моихъ братьевъ всего одинъ женился, но вскорѣ послѣ своей свадьбы скончался отъ чахотки. Мы всѣ родились и были воспитаны за границей и видѣли вокругъ себя, что какъ основаніе для брака требуются любовь и свободный выборъ, которые необходимы для нравственныхъ отношеній; всякій же бракъ, основанный на одномъ разсужденіи, остается устроеннымъ торгомъ (Handel), равнодушнымъ союзомъ, который часто приноситъ съ собой несказанныя страданія. Понятно, что ни одна изъ насъ не могла согласиться на подобную сдѣлку.

Сестра Елена была очень скромна и добра, и до того застѣнчива, что ей трудно было знакомиться съ кѣмъ-нибудь; съ дѣтства она любила читать и была такъ начитана, какъ женщины рѣдко бываютъ. Кромѣ большой и рѣдкой библіотеки, принадлежавшей моему отцу, къ нашимъ услугамъ была гросгерцогская публичная (öffentliche) библіотека, въ которой можно было найти все, что̀ угодно, и брать на домъ для прочтенія. Моя сестра постоянно пользовалась этимъ и была прилежнѣе всѣхъ насъ, хотя въ тоже время въ хозяйствѣ была правой рукой моей матери. Я болѣе исключительно занималась искусствомъ, имѣла мало времени для чтенія такого, какъ я его понимаю, и часто прибѣгала къ помощи удивительной библіографической памяти моей сестры, которая всегда говорила мнѣ въ какой книгѣ я могу найти что̀ ищу. Для меня она была настоящимъ сокровищемъ (Hausschatz), и притомъ кротости она была удивительной. Къ несчастью, она была очень болѣзненна и долгое время ей ежегодно приходилось по нѣскольку мѣсяцевъ лежать въ постели; у нея случались обмороки, длившіеся пять дней, такъ что докторъ за нее всегда очень опасался. Когда баронесса Фредериксъ и я поселились въ Крыму въ 1868 году, моя сестра Елена пріѣхала къ намъ, и южный климатъ такъ благотворно на нее подѣйствовалъ, что въ теченіе десяти лѣтъ она съ утра до вечера работала въ саду, что̀ страстно любила. Ни дождь, ни холодъ не могли ее задержать въ домѣ; за исключеніемъ одного

Библиотека "Руниверс"

случая холеры, отъ которой она очень ослабѣла. Она работала такъ ежедневно въ теченіе десяти лѣтъ; когда пришло извѣстіе о смерти моего младшаго брата, морского врача Андрея Сабинина, съ ней опять сдѣлался обморокъ, вслѣдствіе нравственныхъ страданій, она снова начала прихварывать, пока, наконецъ, не разболѣлась такъ, что ей пришлось слечь въ постель. Она много и ужасно страдала, но такъ стоически, съ такою христіанской покорностью, какую рѣдко можно видѣть. У нея былъ органическій порокъ сердца и артеріальный зобъ на лѣвой сторонѣ шеи; зобъ этотъ сначала казался чѣмъ-то совсѣмъ обыкновеннымъ, употребляли іодъ и т. д., хотѣли даже сдѣлать ей операцію; наконецъ, гораздо позднѣе, профессоръ Франковскій (изъ Харькова) сдѣлалъ діагнозъ и сказалъ, что это артеріальный зобъ, состоящій изъ ткани кровяныхъ сосудовъ, такъ что ни іодъ, ни операція не въ состояніи этому помочь.

Съ возвращеніемъ сестры моей Елены, я, къ великой своей радости, была освобождена отъ веденія хозяйства, которымъ я занималась вмѣсто моей матери.

Нѣсколько дней послѣ пріѣзда Елены, были крестины сестры Нади; воспріемниками у нея были наша великая княгиня Марія Павловна и баронъ Мальтицъ. Крещеніе совершено было у насъ дома. Послѣ крещенія былъ большой завтракъ съ Шампанскимъ, во время котораго наши подруги были такъ веселы и остроумны, что я до сего дня вспоминаю то радостное настроеніе, въ которомъ всѣ находились. Наша молоденькая сосѣдка Елена Тонъ продекламировала стихи, въ которыхъ выразила свои пожеланія моей новорожденной сестрѣ; къ стихамъ она присоединила атрибуты искусствъ: атрибутомъ музыки была трещетка, толстая кисть для живописи, а перо для поэзіи и т. д. въ томъ же родѣ; все это было связано вмѣстѣ въ одинъ пакетъ. Всѣ пожеланія моей подруги исполнились: Надя была удивительно одаренная дѣвушка, очень хорошо играла на скрипкѣ (она была ученицей Куммера, Е. Зингера и Ауэра), сочиняла стихи, очень мило рисовала, словомъ, будучи младшимъ ребенкомъ, была всеобщей любимицей и оживляющимъ элементомъ въ семьѣ.

25-го Сентября пріѣхало четверо новыхъ придворныхъ пѣвчихъ изъ Петербурга, для Русской церкви. Прежніе четыре: Стрѣльницкій, Таренецкій, Кедровъ и Полетаевъ жили въ Веймарѣ уже около пятидесяти лѣтъ. Никакого подобія голоса у нихъ больше не было, и ихъ пѣніе нельзя было называть пѣніемъ. Имъ дали пенсію, и они оканчивали свою жизнь въ Веймарѣ, такъ какъ слишкомъ привыкли къ тамошней жизни и слишкомъ отвыкли отъ своего отечества. Стрѣльницкій описалъ всю свою жизнь, и большое многотомное сочиненіе его

Библиотека "Руниверс"

доказываетъ, что всѣ народы, живущіе на землѣ, произошли отъ двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ; съ этимъ убѣжденіемъ онъ отошелъ къ праотцамъ своимъ. У Таренецкаго было два сына въ Медицинской Академіи въ Петербургѣ: старшій изъ нихъ умеръ совсѣмъ молодымъ, а второй блистательно окончилъ курсъ и послѣ профессора Грубера, былъ назначенъ на его мѣсто. У Кедрова были двѣ дочери, которыя получили образованіе въ Германіи, съ тѣмъ, чтобы стать гувернантками. Старшая воспитала дѣтей Игнатьева, и ея воспитанники, посолъ Николай Игнатьевъ и генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Алексѣй Игнатьевъ, дѣлаютъ ей честь.

Сентября 30-го. Мы отправились въ лѣсъ искать грибы. Для насъ, Русскихъ, это удовольствіе; но Нѣмцамъ оно было совсѣмъ неизвѣстно: они съ неподдѣльнымъ ужасомъ смотрѣли на насъ, когда мы ѣли грибы, и были вполнѣ убѣждены, что мы ѣдимъ ядъ. Для насъ же, особенно когда мы были дѣтьми, эти прогулки въ лѣсу были величайшимъ удовольствіемъ.

23-го Октября. Я провела вечеръ у г-жи фонъ-Плётцъ, и тамъ познакомилась съ пріятельницей Гёте, Беттиной фонъ-Арнимъ, прозванной Bettina das Kind. Это была старушка невысокаго роста и очень оригинальная. Въ Веймарскомъ паркѣ находится павильонъ, такъ-называемый Римскій домикъ, въ которомъ въ былыя времена часто живали гросгерцогъ Карлъ-Августъ и Гёте. Близъ этого домика находился можжевельникъ рѣдкой красоты и величины: сучья его широко раскинулись и образовали большое и густое дерево. Беттина фонъ-Арнимъ, при воспоминаніяхъ о прошедшихъ временахъ, садилась, какъ птичка, на одну изъ вѣтокъ этого можжевельника и задумывалась о минувшихъ дняхъ. Но можно себѣ представить, что Веймарскимъ жителямъ, привыкшимъ къ приличіямъ (Stand und Sitte) такой поступокъ Беттины казался болѣе чѣмъ страннымъ.

Скульпторъ Штейнгейзеръ (Steinhäuser) въ Римѣ сдѣлалъ въ одинъ день статую Гёте болѣе натуральной величины: Гёте изображенъ сидящимъ, а между колѣнъ его стоитъ молоденькая женская нагая фигура и пальцами перебираетъ струны лиры, которую онъ держитъ въ рукахъ. Женская фигура эта должна изображать Беттину фонъ-Арнимъ. Статуя эта, изваянная изъ бѣлаго мрамора, была поставлена въ павильонѣ Веймарскаго парка, и Беттина пріѣхала въ Веймаръ, чтобы посмотрѣть на нее въ оконченномъ видѣ. Съ Беттиной пріѣхали и дочери ея, и такимъ образомъ я познакомилась съ ними у г-жи Плётцъ. Старшая дочь, Армгарда, въ этотъ вечеръ пѣла, и меня попросили ей аккомпанировать съ листа (vom Blatt); она не знала, что я играю и очень боялась, что я не справлюсь; я, улыба-

Библиотека "Руниверс"

ясь, успокоила ее, увѣривъ, что постараюсь по мѣрѣ возможности. Послѣ первой пѣсни она выразила свое восхищеніе отъ моего аккомпанимента, а по окончаніи второй, въ знакъ благодарности, обняла и поцѣловала меня. Младшая, Гизелла, казалась застѣнчивѣе своей сестры, но она была восхитительно мила, въ особенности хороши были ея глаза и прелестна улыбка. Армгарда говорила о своей сестрѣ, что она ей кажется низсшедшимъ духомъ. Веймарская придворная художница Луиза Зейдлеръ (Zeidler) воспользовалась ихъ пребываніемъ въ Веймарѣ, чтобы сдѣлать для своей замѣчательной портретной коллекціи портретъ пастелью Гизеллы фонъ-Арнимъ.

1-го Декабря давали «Бенвенуто Челлини» Берліоза. Мы сидѣли въ одной ложѣ съ Раффомъ и фонъ Бюлловымъ, который тутъ же былъ мнѣ представленъ. Листъ дирижировалъ. Онъ очень высоко ставилъ «Бенвенуто Челлини» въ музыкальномъ отношеніи, такъ какъ эта часть оперы дѣйствительно замѣчательна, но по слабости либретто ее нельзя было удержать на сценѣ, и нигдѣ больше ея не давали. Съ тѣхъ поръ, что Берліозъ написалъ эту оперу, прошло двѣнадцать лѣтъ, и только дружба къ нему Листа была въ силахъ добиться ея постановки въ Веймарѣ; но и тутъ, не смотря на замѣчательный интересъ, который представляла музыкальная ея часть, слабость либретто помѣшала ей удержаться на репертуарѣ. Листъ же думалъ, что дѣло чести придворныхъ театровъ давать ходъ тѣмъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, произведеніямъ, которымъ нѣтъ возможности попасть на такія сцены, гдѣ ставятъ оперы только ради добыванія денежныхъ средствъ. Цигезаръ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ Листа и, пока онъ былъ директоромъ, многое было изъято изъ забвенія, многимъ данъ невидимый толчекъ, для продолженія работы.

Нѣсколько дней спустя давали Лоэнгрина. Берліозъ съ женою сидѣлъ передо мною въ ложѣ для пріѣзжихъ; со мною были: г-жа фонъ-Бюловъ, мать Ганса ф.-Бюлова, Беттина фонъ-Арнимъ и ея двѣ дочери, Берліозъ все безпокойно вертѣлся на своемъ стулѣ: видно было, что лирическая музыка Вагнера непріятно дѣйствуетъ на его нервы. Онъ не любилъ произведеній Вагнера, не признавалъ его драмы, хотя внутренно онъ долженъ былъ сознаться, что, благодаря соединенію въ одномъ лицѣ поэта и музыканта, «Лоэнгринъ» представляетъ драму поэтичную и цѣльную, съ которой не можетъ быть сравненъ его «Бенвенуто Челлини», не смотря на красоту и величественность музыкальной части послѣдняго. Часто приходило въ голову, что недоброжелательство къ Вагнеру Берліоза, Рубинштейна и другихъ лежало просто въ сознаніи ими собственнаго безсилія въ сравненіи съ его громаднымъ талантомъ: не имѣя возможности выступить, какъ онъ, музыкантомъ и

Библиотека "Руниверс"

поэтомъ, они не могли и мечтать о принятіи драмы Вагнера образцомъ для себя.

Осенью этого года начались безконечные переговоры о постановкѣ Тангейзера въ Берлинѣ. Гюнценъ, директоръ королевскаго театра, не могъ въ этомъ дѣлѣ стать на артистическую точку зрѣнія Листа; онъ отлично велъ свое дѣло, какъ образованный чиновникъ, но не имѣлъ тонкаго артистическаго чутья, которое присуще человѣку съ талантомъ, или образуется необходимыми познаніями. Ему было все равно, разрѣшить ли постановку Тангейзера, или Марты, или Фаворитки и т. п.; въ каждой оперѣ онъ видѣлъ только финансовую сторону дѣла и не признавалъ возможнымъ сдѣлать для Тангейзера больше, чѣмъ для Фаворитки и т. д. Противники драмы Вагнера, въ числѣ ихъ и могущественный Мейерберъ, воспользовались этимъ для того чтобы затормозить появленіе Тангейзера въ Берлинѣ: разъ данная въ Берлинѣ музыкальная драма проложила бы себѣ путь на подмостки всѣхъ большихъ сценъ и, зная это, Вагнеръ давно хлопоталъ объ этомъ, не только ради распространенія своей драмы, но и въ виду своего бѣдственнаго положенія. Второстепенные театры, за право пользоваться его партитурой, могли предложить ему только немного болѣе ста рублей; отъ Берлина онъ надѣялся получить тысячу талеровъ. Веденіе переговоровъ съ Берлиномъ Вагнеръ передалъ Листу, но дѣло висѣло на волоскѣ, и Вагнеръ хотѣлъ отказаться выслать партитуру. Въ Январѣ 1853-го года рѣшили ставить «Фенеллу» Обера, «Индру» Флотова; о Тангейзерѣ все замолкло. Въ Лейпцигѣ директоръ городского театра рѣшился поставить Тангейзера, что̀ было предпріятіемъ болѣе, чѣмъ рискованнымъ, такъ какъ главная оппозиція противъ школы Листа и драмы Вагнера исходила изъ Лейпцига. Опасенія оправдались: на второмъ представленіи публика отсутствовала; директоръ остался при своихъ расходахъ. Послѣ подобнаго фіаско Тангейзера, въ Берлинѣ призадумались о его постановкѣ. По примѣру Берлина не послѣдовала Рига, гдѣ разрѣшили постановку Тангейзера. Въ Веймарѣ Тангейзера въ первый разъ дали безо всякой обрѣзки 26-го Декабря 1852-го года. Вагнеръ этого требовалъ, находя, что не ему слѣдуетъ дѣлать уступки публикѣ, а онъ долженъ поднять ее до себя. Необкромсаннаго Тангейзера публика приняла восторженно.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО КАНЦЛЕРА ГРАФА А. П. БЕСТУЖЕВА.

Копія

Monseigneur,

Votre Excellence est sans doute déjà parfaitement informée de toutes les circonstances de l'invasion ennemie et inopinée du Roi de Prusse en Saxe, des violences inouïes et des excès horribles, qu'il y a commis tant contre les pauvres habitans, que contre la Personne meme du Roi de Pologne Votre Maitre, et la Famille Royale; de la necessité extrême, ou Sa Majesté s'est vüe réduite, de se retirer en Pologne, en sacrifiant Ses Etàts hereditaires et toute son armée, et de l'irruption du Roi de Prusse en Bohême.

Le sort deplorable du Roi de Pologne, au quel ce prince n'a pas donné le moindre lieu, merite assurement une compassion, conforme à la gloire immortele, que la noble et ferme constance qu'il a fait éclater dans une situation aussi triste, lui ont acquis, auprès de la Posterité, et il doit exciter en même tems, toutes les Puissances, surtout ses alliés à prendre une part sensible à un évenement de cette nature.

Les suites funestes, qui pourraient resulter de cette demarche inique et temeraire du Roi de Prusse, tant pour le répos commun en Europe, que pour chaque Puissance en particulier, et surtout pour les Pais voisins, sont si évidentes, que l'interet et la sureté de chaque Souverain, exigent absolument, d'être sur ses gardes et de prendre, en faisant cause commune avec les Puissances engagées dans un meme embarras, les mesures les plus convenables, non seulement pour procurer aux Cours si injustement attaquées, la satisfaction, qui leur est dûe, mais aussi pour prescrire au pouvoir trop etendû du Roi de Prusse, des bornes, qui puissent à l'avenir servir d'abri contre les insultes de ce voisin entreprenant et remuant, qui comptant pour rien les traités les plus solemnels et les plus sacrés, n'est occupé, que de l'agrandissement de ses Etàts.

L'imperatrice, ma très gracieuse souveraine, envisageant l'importance d'un êvenement aussi triste, et les suites facheuses, qui en peuvent naitre, et prenant à coeur le Bien-être et les interêts de ses allies, surtout de Sa Majesté le Roi de Pologne, est vivement touchée, Monseigneur, de l'infortune de ce prince, qui de Son coté n'y a pas donné le moindre lieu. Ne pouvant voir

Библиотека "Руниверс"

avec indifference les entreprises aussi funestes, que temeraires du Roi de Prusse, Elle a pris la resolution genereuse d'assister promtement et éfficacement le Roi—Vôtre Maitre, en envoyant un Corps considerable de ses trouppes à son secours.

Ce corps s'est actuellement mis en marche sous le commandement de Son Excellence, Monsieur le Marechal de Camp general d'Apraxin, et une necessité indispensable l'obligera de traverser une partie du territoire de la Pologne, comme Votre Excellence le saura dejà sans doute.

Tous ceux, qui jugent sans prevention, auront assurement en horreur cette action cruëlle du Roi de Prusse à l'égard des Etâts de Saxe, et envers la Personne même du Roi de Pologne, et rendront justice aux sentimens genereux de Sa Majesté Imperiale, ainsi qu'à Resolution, qu'Elle a prise, et qui ne tend, qu'à deffendre ses alliés et à retablier la Paix en Europe, en la remettant dans un juste équilibre.

Je ne me promets pas moins du zéle et de l'attachement, que Vôtre Excellence a toujours fait eclater pour le Roi Son Maitre pour le maintien de la tranquillité en Pologne, et pour le soutien de la bonne cause commune. Je me flatte en même tems que Votre Excellence, ainsi que ses Compatriotes, ne manqueront pas en facilitant de leur mieux la marche du dit corps des trouppes de Sa Majesté Imperiale par le territoire de la Pologne, de rendre par là un service réel au Roi son Maitre, dans la triste situation, oû il se trouve, situation qui excite la compassion de quiconque aime l'honneur, la justice et sa Patrie, et de prendre les mesures les plus salutaires pour rendre nuls les projets vastes et pernicieux de Roi de Prusse en Pologne.

Rien n'est plus propre pour cet effêt, que de retablir en ce Royaume la tranquillité et la harmonie, qui y ont été troublées jusqu'ici et de prendre unanimement à coeur les circonstances critiques de ces tems.

Ma très gracieuse souveraine a dejà donné tant de preuves convaincantes de l'amitié sincere, qu'Elle conserve pour la Republique de Pologne, et de l'interêt sensible, qu'Elle prend tant au bien - être de la Republique en general, qu'à celui de chacun de vos compatriotes en particulier, que je ne doute nullement, que Votre Excellence n'en soit tout à fait persuadée, ainsi que de la necessité et de l'avantage qu'il y a, à reconcilier les Esprits en Pologne; je me flatte pareillement, qu'Elle se fera un plaisir d'engager ses compatriotes, animés du point d'hònneur et de l'amour, qu'ils ont pour leur Roi, à faire prevaloir le malheur de ce Prince à des debats domestiques et des haines particulières; à remettre les choses dans leur premier étât, et d'appaiser par là les troubles et les desordres de leur pais; mesures, qui contribuant à soulager le Roi leur Maitre dans la facheuse situation, ou il se trouve, tourneront infailliblement à l'avantage de leur patrie et de la cause commune.

Библиотека "Руниверс"

Je ne doute pas que Vôtre Excellence, ue fasse de son coté tout son possible pour obtenir un but si salutaire, en encouragent ses Compatriotes par ses bons exemples.

Votre Excellence se fera un nouveau mérite auprès de Sa Majesté Imperiale de n'avoir pas laisser echaper une occasion aussi favorable de prouver son zele et son attachement au Roi Son Maitre, dans l'etât deplorable, où il se trouve et qui interesse toutes les Puissances de l'Europe. Votre Excelence peut être persuadée, que la bienveillance de Sa Majesté Imperiale s'etendant sur chacun en particulier, est encore plus grande vis à vis du corps en general, et que le moyen le plus sûr, de s'acquérir l'approbation de Sa Majesté Imperiale, consiste uniquement à gagner les bonnes graces du Roi Votre Maitre, en lui donnant ainsi qu'à la Republique des preuves incontestables de zele et d'attachement.

J'ai l'honneur d'etre avec la plus parfaite estime et l'attachement le plus inviolable. Monseigneur De Votre Excellence le très humble et tres obeissant serviteur C. Bestoucheff.

à St.-Petersbourg ce 5 Novembre 1756.

ПЕРЕВОДЪ.

Ваша свѣтлость!

Конечно ваше превосходительство уже хорошо освѣдомлены о всѣхъ обстоятельствахъ враждебнаго и внезапнаго вторженія Прусскаго короля въ Саксонію, о неслыханныхъ насиліяхъ и ужасныхъ чрезмѣрностяхъ, совершенныхъ противъ несчастныхъ обитателей, даже противъ самой персоны Польскаго короля, вашего государя, и королевской фамиліи; о крайней необходимости, въ коей оказалось его величество удалиться въ Польшу, оставивъ свои наслѣдственныя земли и всю свою армію: о вторженіи Прусскаго короля въ Богемію.

Плачевная доля Польскаго короля, въ коей онъ ни малѣйше неповиненъ, несомнѣнно заслуживаетъ состраданія, соотвѣтственнаго безсмертной славѣ, которую благородная и твердая рѣшимость, имъ проявленная въ столь печальномъ положеніи, стяжала у потомства; оная доля должна возбудить въ тоже время всѣ державы, особливо союзныя принять участіе въ событіи сего рода.

Гибельныя слѣдствія, могущія произойти отъ сего безпримѣрнаго и дерзкаго предпріятія короля Прусскаго, какъ для общаго покоя Европы, такъ и для каждой державы въ частности особливо для странъ сосѣднихъ, столь очевидны, что интересъ и безопасность каждаго государя безусловно требуютъ остерегаться и, совмѣстно съ державами, вовлеченными въ сіе затрудненіе, принять мѣры самыя подобающія, дабы не только доставить должное удовлетвореніе дворамъ столь несправедливо атакованнымъ, но также и положить для слишкомъ распространившейся державы Прусскаго короля гра-

Библиотека "Руниверс"

ницы, кои впредъ могли бы ограждать отъ обидъ сего предпріимчиваго и буйнаго сосѣда, ставящаго ни во что самые торжественные и священные договоры и занятаго лишь тѣмъ, чтобы увеличить свое государство.

Императрица, моя всемилостивѣйшая повелительница, взирая на важность сего столь печальнаго событія и на досадительныя послѣдствія, могущія отъ онаго произойти, и принимая къ сердцу благосостояніе и интересы своихъ союзниковъ, въ особенности его величества короля Польскаго, живо тронута, ваше свѣтлость, несчастіемъ сего государя, совершенно имъ не заслуженнымъ. Не желая взирать равнодушно на столь же пагубныя какъ и дерзкія предпріятія Прусскаго короля, она приняла великодушное рѣшеніе быстро и дѣйствительно помочь королю, вашему государю, пославъ ему на помощь значительный корпусъ войскъ своихъ.

Въ настоящее время сей корпусъ двинулся въ путь подъ начальствомъ его превосходительства фельдмаршала генерала Апраксина, и по неотложной необходимости ему придется пройти по нѣкоей части Польской земли, какъ сіе уже безъ сомнѣнія извѣстно вашей свѣтлости.

Всякій, кто судитъ безъ предубѣжденія, несомнѣнно ужаснется сему ужасному дѣянію Прусскаго короля противъ Саксонскаго государства и самой персоны Польскаго короля и воздастъ справедливость великодушнымъ чувствамъ ея величества, также и рѣшенію, ею принятому и клонящемуся ни къ чему иному, какъ къ защитѣ своихъ союзниковъ и возстановленію мира въ Европѣ и приведенію ея вновь въ доброе равновѣсіе.

Я вполнѣ надѣюсь на рвеніе и преданность, кои ваша свѣтлость всегда выказывали къ королю вашему властителю въ разсужденіе установленія спокойствія Польши и поддержанія всеобщаго благосостоянія. Въ то же время я льщу себя надеждою, что ваша свѣтлость, также какъ ваши соотечественники, не преминете наивозможно облегчить прохожденіе войсками ея императорскаго величества Польской земли, чѣмъ и окажете существенную услугу королю, вашему властителю, въ томъ печальномъ положеніи, въ коемъ онъ находится, въ положеніи, которое возбуждаетъ сочувствіе всякаго любящаго честь, справедливость и отечество, и примите самыя спасительныя мѣры для уничтоженія пространныхъ и гибельныхъ плановъ Прусскаго короля въ Польшѣ.

Ничто къ сему болѣе не поспособствуетъ какъ установленіе въ семъ королевствѣ спокойствія и согласія, до сихъ поръ смущаемыхъ, и всеобщее сердечное вниманіе къ критическимъ обстоятельствамъ сего времени.

Моя всемилостивѣйшая государыня дала уже столько убѣдительныхъ доказательствъ своей искренней дружбы, питаемой ею къ Польской республикѣ, и чувствительнаго интереса къ благосостоянію какъ всей республики, такъ и каждаго вашего гражданина въ частности, что я нимало не сомнѣ-

Библиотека "Руниверс"

ваюсь, что ваша свѣтлость въ оныхъ совершенно убѣждены, равно какъ и въ необходимости и въ выгодѣ для васъ согласить умы въ Польшѣ. Также льщу себя надеждой, что вы въ удовольствіе для себя почтете склонить своихъ соотечественниковъ, воодушевленныхъ честью и любовью къ королю, оставить ради несчастія сего властителя свои домашніе споры и частныя враждованія, возвратить дѣла къ ихъ первому положенію, чѣмъ и умиротворить смуты и безпорядки вашей страны; мѣры, кои, способствуя облегченію короля въ его досадительномъ положеніи, неизбѣжно обратятся къ выгодѣ вашей страны и всеобщему благосостоянію.

Не сомнѣваюсь, что ваша свѣтлость приложите съ вашей стороны всѣ старанія, дабы достигнуть столь спасительной цѣли, ободряя вашимъ добрымъ примѣромъ своихъ соотечественниковъ.

Ваша свѣтлость окажите новую заслугу предъ ея императорскимъ величествомъ, не упустивъ столь благопріятнаго случая проявить свое рвеніе и преданность къ королю, вашему государю, въ его печальномъ положеніи, которое интересуетъ всѣ государства Европы. Ваша свѣтлость можете быть убѣждены, что благоволеніе ея императорскаго величества распространяется и на каждаго въ частности и еще больше въ разсужденіи всѣхъ въ совокупности, и что вѣрнѣйшій способъ снискать одобреніе ея императорскаго величества единственно состоитъ въ пріобрѣтеніи для себя милостей короля, вашего государя, чрезъ оказаніе ему и республикѣ несомнѣнныхъ доказательствъ рвенія и преданности.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ уваженіемъ и самою непоколебимою преданностью вашего сіятельнаго превосходительства нижайшій и покорнѣйшій слуга графъ А. Бестужевъ Рюминъ.

С.-Петербургъ 5 Ноября 1756.

Это письмо государственнаго канцлера графа Алексѣя Петровича Бестужева, найденное въ собраніи бумагъ послѣдняго канцлера Литовскаго, графа Іоахима Хрептовича въ Щорсахъ (Новгородск. у. Минской г.). Неизвѣстно, кому это письмо адресовано. Писано оно рукой секретаря, судя по нѣкоторымъ признакамъ Нѣмца; подпись графа Бестужева была сличена съ его достовѣрными подписями въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и не подлежитъ сомнѣнію. Орѳографія подлинника соблюдена.

Графъ К. Бутеневъ Хрептовичъ.

Библиотека "Руниверс"

ПУГАЧЕВСКІЕ СООБЩНИКИ ВЪ АСТРАХАНИ *).

Волненіе, извѣстное подъ именемъ Пугачевщины, начавшись прежде всего на р. Яикѣ, не осталось безъ отклика и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ Пріуралья, Закамья, Сибири и даже Киргизскихъ и Калмыцкихъ степей. За долго еще до появленія мятежныхъ шаекъ самозванца, въ послѣднихъ мѣстахъ его погромовъ, въ народѣ начали распространяться, сперва подъ секретомъ, а потомъ и явно, разные слухи, то о даруемыхъ имъ вольностяхъ, избавленіи отъ крѣпостного рабства, то о его крутыхъ расправахъ съ начальниками и помѣщиками, о его тиранствахъ надъ беззащитными жителями, рѣшавшимися не признавать его «законнымъ» государемъ и такъ или иначе не исполнявшими его «царственныхъ» велѣній.

Ближайшей областью къ аренѣ первыхъ дѣйствій Пугачева была губернія Астраханская, разноплеменное и разношерстное населеніе которой, собранное чуть не со всѣхъ концовъ земли Русской, было издавна склонно къ волненіямъ и мятежамъ. Уже въ концѣ 1773 г., когда самозванецъ еще только кружился около Оренбурга, началò въ Астрахани и другихъ городахъ Понизоваго Поволжья замѣчаться безпокойное состояніе умовъ, и настолько сильное, что епископомъ Астраханскимъ Меѳодіемъ посылались въ Саратовъ, Царицынъ, Петровскъ духовныя особы, для увѣщанія жителей стоять за императрицу Екатерину Алексѣевну и не вѣрить самозванцу, «подъ проклятіемъ и отчужденіемъ отъ Христіанства».

О самозванцѣ разглашали въ Астрахани пріѣзжіе на рыболовство верховые ловцы; говорили о немъ чтò вздумается и мѣстные крестьяне, рабочіе, рыбаки; но больше всѣхъ заняты были его успѣхами казаки

---

*) Изъ дѣла Астраханскаго губернскаго архива за 1774 г., № 24, „О намѣреніи здѣшней легкой полевой команды солдатъ вступить въ шайку Пугачева". Мѣстный изслѣдователь Пугачевщины, И. И. Михайловъ, въ статьѣ „Вторженіе Пугачева въ предѣлы Астраханской губерніи" („Астр. Губ. Вѣдомости" 1846 г., №№ 21—25, 27 и 30, и 1847 г., №№ 10—11), совсѣмъ не коснулся этого эпизода. Нѣтъ ничего о немъ и въ „Ключаревской Лѣтописи" 1887 г., въ „Исторіи Пугачевскаго бунта" Пушкина и у другихъ изслѣдователей этой эпохи.

Библиотека "Руниверс"

и солдаты, чаявшіе отъ него великихъ милостей. Среди послѣднихъ даже подготовлялся заговоръ, чтобы при первомъ появленіи мятежныхъ шаекъ близъ Астрахани передаться на его сторону. Нѣкоторые, болѣе рьяные, наслушавшись о привольномъ житьѣ у Пугачева, собирались уже бѣжать туда, «гдѣ бы онъ ни былъ». Это тѣмъ болѣе возможно было тогда, когда Поволжье и особенно устья Волги представляли собой глушь непроходимую: селенія встрѣчались рѣдко, укромныхъ мѣстъ было много, а надзора никакого; за подачки полиція сама прикрывала бѣглыхъ и безпаспортныхъ. Къ этому необходимо добавить, что, при чрезмѣрныхъ строгостяхъ того времени, военное начальство мало заботилось о нравственности своихъ подчиненныхъ: въ войсковыхъ частяхъ господствовала полная распущенность, изъ казармъ бывали частые побѣги, нижніе чины пьянствовали, даже по ночамъ отлучались съ своихъ постовъ, не слушались высшаго начальства, а ближайшихъ своихъ офицеровъ, которые происходили изъ тѣхъ же рядовыхъ солдатъ, ставили ни во что.

26-го Февраля 1774 г., «пополудни въ 7-мъ часу», мушкатеръ 3-й легкой полевой команды, Максимъ Сурковъ, «безъ дозволенія» ушелъ съ своего поста, «стоящаго при казенныхъ повозкахъ». Той же ночью, часовъ въ 11, Армянскій обходъ захватилъ его въ «непристойномъ платьѣ» на Армянской улицѣ *), и доставилъ сначала къ «Астраханскому плацъ-маіорскимъ и полицейскимъ дѣламъ» чиновнику, а тотъ препроводилъ его въ команду. «Впредь до наказанія», бѣглеца посадили подъ арестъ. «Стоящій въ караулѣ» подпрапорщикъ Онучинъ сталъ было его «увѣщать: для чего онъ такъ отлучился, зная строгости?» Но Сурковъ грубо отвѣчалъ ему:

— Не то еще будетъ! «Ужъ не долго, ребята, потерпѣть осталось; вотъ скоро сюда привезутъ императора Петра Третьяго»...

Офицера эти рѣчи покоробили.

— Откуда ты знаешь? спросилъ онъ арестанта.

— А мнѣ сказывалъ объ этомъ одинъ казакъ; фамилію его не помню...

Дѣло открывалось не шуточное. Дежурный по караулу поспѣшилъ представить виновнаго Астраханскому оберъ-коменданту, генералъ-маіору Левину. Но тамъ былъ уже другой разглашатель, Красноярскій «сказочный» Кузьма Ивановъ, захваченный утромъ 27-го того же Февраля пьянымъ около Уржумскаго кабака, за то, что шедшему ему навстрѣчу «мужику» Усову назвалъ себя Пугачевымъ и съ кулаками требовалъ отъ него угощенія.

---

*) Что нынѣ Армянскій базаръ, въ Астрахани.

Библиотека "Руниверс"

Начались допросы, «секретно, наединѣ». Сначала Сурковъ показалъ, что о Пугачевѣ «онъ извѣстился отъ верхового мужика Ивана Степанова, который былъ захваченъ въ туже ночь», но по розыскамъ этого Степанова «въ полиціи не оказалось»... Суркова снова допрашивали, и тутъ онъ сознался, что «съ недѣлю назадъ о Петрѣ III-мъ сказывалъ ему жительствующій съ нимъ въ одномъ домѣ работный человѣкъ Иванъ Васильевъ, при братѣ его, легкой полевой команды солдатѣ Иванѣ Сурковѣ, что онъ, Васильевъ, будучи на базарѣ, изъ людскихъ разговоровъ слышалъ: «помянутый Петръ III-й стоитъ съ войсками за Оренбургомъ и къ нему пришедшую казачью легкую полевую команду онъ разбилъ, взялъ къ себѣ въ добычу двѣ пушки и 200 человѣкъ въ полонъ, потомъ овладѣлъ городами Самарой, Оренбургомъ [1]) и Яикъ къ себѣ приклонилъ». Васильевъ ѣздилъ на р. Эмбу, «гдѣ его братья имѣли довольное число рыбныхъ ловцовъ съ росшивами», и слышалъ отъ нихъ, что «ежели Петръ III дойдетъ до Эмбы и, захватя тѣ росшивы, съ войсками приметъ намѣреніе ѣхать въ Астрахань, тогда они, росшивинцы, по нуждѣ могутъ его превести протокою Царевою, Болдою [2]) и Рыгою сюда, въ Астрахань».

Хотя рѣчи эти грѣшили явной несообразностью, но въ то тревожное время, когда вся чернь, солдаты, мѣщане, крестьяне и прочій податной людъ, изнывавшій подъ бременемъ тяжелыхъ и часто незаконныхъ налоговъ и поборовъ, былъ враждебно настроенъ противъ властей и когда достаточно было малѣйшаго невѣрнаго слуха, чтобы возбудить толпу, разжечь ея кровожадные инстинкты, особенно въ Астрахани и ея окрестностяхъ, куда на рыболовныя ватаги набирался всякій сбродъ (люди съ сомнительнымъ прошлымъ, бѣглые, безпаспортные, солдаты-дезертиры, отчаянные головорѣзы, готовые на всякія злодѣйства) дѣло это нельзя было оставить безъ «надлежащаго» разслѣдованія. Губернская канцелярія подтянула къ отвѣту и брата Суркова, солдата Ивана, и поспѣшила разыскать запутаннаго имъ работнаго человѣка Васильева.

Послѣдній оказался 40-лѣтнимъ крестьяниномъ Муромскаго уѣзда, дер. Ятцы, вотчины графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго. Лѣтъ пять назадъ, съ паспортомъ, даннымъ изъ Муромской воеводской канцеляріи, срокомъ на одинъ годъ, пришелъ онъ въ Астрахань, гдѣ нанялся въ работники къ купцу Ивану Муртанову, но почему-то «не похотя у него жить», взялъ обратно паспортъ, который, по его сло-

---

[1]) Какъ извѣстно, въ теченіе шестимѣсячной осады Пугачевъ не могъ овладѣть Оренбургомъ, а въ Самарѣ даже не былъ.

[2]) Рѣчка Царевъ впадаетъ въ Волгу ниже Астрахани, верстахъ въ трехъ, а Болда—выше города, въ такомъ же приблизительно разстояніи.

Библиотека "Руниверс"

вамъ, «уронилъ» при переправѣ чрезъ р. Кутумъ [1]). Безъ паспорта прошелъ онъ до Саратова, шатался нѣсколько лѣтъ по другимъ городамъ Поволжья, побывалъ и на Дону. Узнавъ Великимъ Постомъ 1773 года, что повѣренный графа Разумовскаго, кол. ас. Бековъ, находится въ Астрахани [2]), Васильевъ явился къ нему, уплатилъ за 4 года подушный окладъ, вымолилъ себѣ новый годичный билетъ и остался здѣсь на жительствѣ, нанявъ квартиру въ домѣ Степана Иванова, гдѣ проживали солдаты Сурковы. Между ними часто вечерами происходили бесѣды о текущихъ злобахъ дня. Сурковы передавались ему что узнавали въ казармахъ отъ товарищей, а Васильевъ разсказывалъ имъ рѣчи, какія слышалъ въ городѣ.

Недѣли двѣ послѣ Крещенья, придя домой, первымъ принесъ радостную вѣсть солдатъ Максимъ. «Въ шуточныхъ разговорахъ» говорилъ онъ, какъ къ нимъ во 2-ю роту приходилъ какой-то казакъ и сказывалъ, что «самозванецъ идетъ сюда ко взятію Астрахани, который намѣренъ у солдатъ волосы подрѣзать по-казацки, въ кружало, и въ платье одѣть казацкое, а чистоты у нихъ, солдатъ, какъ нынѣ, не будетъ». Дня черезъ два онъ сообщилъ «о разбитіи казаками Гурьева городка».

— Это и я слышалъ на базарѣ, подтвердилъ Васильевъ, да сосѣдка, вдова солдатка Григорьева, тоже сказывала. У нея въ Гурьевѣ дочь замужемъ за дьячкомъ. Ужъ больно убивается, что казаки ее изрубили.

— Доподлинно извѣстно, что Петръ III-й будетъ сюда въ скорости,—продолжалъ Сурковъ,—и ужъ, конечно, наша команда, «яко Россійская», на Россійскихъ сопротивленія имѣть не станетъ. Съ каждымъ днемъ онъ выражался смѣлѣе и о своихъ намѣреніяхъ, говоря о Пугачевѣ не только въ кругу домашнихъ, но и среди посторонних.

Вскорѣ послѣ этого, по настоянію Суркова, у солдата Василія Винокурова устроилась вечеринка. Приглашены были товарищи, солдаты той же полевой команды, Герасимъ Алексѣевъ, Егоръ и Ларіонъ Ивановы, Иванъ Богородскій и Семенъ Мясцовъ. Собраніе, надо думать, не обошлось безъ изрядной выпивки. Начались нескончаемые разговоры.

— Да вотъ на дняхъ, «во время ученья на полѣ», Никитѣ Ефремову сказывалъ по секрету Максимъ Баскаковъ, что сюда отъ Пугачева пріѣзжалъ казакъ и говорилъ, будто «войско его стоитъ подъ

---

[1]) Притокъ р. Волги съ лѣвой стороны, раздѣляющій гор. Астрахань на двѣ части.

[2]) Бековъ пріѣзжалъ въ Астрахань для розыска бѣглыхъ графа, дѣло о которыхъ производилось въ губернской канцеляріи.

Библиотека "Руниверс"

Сызраномъ и будетъ сюда къ Іюлю мѣсяцу конницею». Жаль только, что этого казака взяли подъ караулъ въ губернскую канцелярію.

— Хоть бы поскорѣе приходилъ,—замѣтилъ Максимъ Сурковъ.— Съ тоски пропадешь его дожидаючись: вѣдь не медъ намъ здѣсь житье.

— На что бы лучше намъ къ нему пойти, заявилъ Винокуровъ.

— И то правда, поддержалъ его Сурковъ. Вотъ какъ только сойдетъ зима, собраться бы намъ въ лодкахъ и айда вверхъ по Волгѣ. Какъ вы, братцы, на этотъ счетъ?...

— Мы тоже не прочь, согласились Ларіонъ Ивановъ, Богородскій и Мясцовъ.

— Ну, а мы не хотимъ и слушать такихъ рѣчей, заявили Алексѣевъ и Егоръ Ивановъ.

— Да что же и здѣсь-то намъ оставаться? Какая польза? Чего выслужимъ? начали было уговаривать ихъ Винокуровъ и Сурковъ, но тѣ были непреклонны на всѣ заманчивыя рѣчи ярыхъ подстрекателей.

Дѣло не пошло на ладъ. Разговоры не вязались. Собраніе разстроилось. Собесѣдники стали расходиться.

— Вы ужъ только никому не болтайте, что̀ здѣсь слышали,— провожая отъ себя обоихъ несогласныхъ, постарался предупредить ихъ Винокуровъ. Не мѣшайте хоть другимъ дѣло дѣлать.

— Мы не фискалы, товарищей выдавать не станемъ...

Сурковъ однако продолжалъ свои разглашенія. Дней черезъ пять снова составился «совѣтъ», на этотъ разъ у солдата Спиридона Карягина, въ Безродной слободѣ [1]), гдѣ квартировала 2-я рота полевой команды. Были приглашены туда еще капралъ Иванъ Теряевъ, солдаты Никита Ефремовъ, Василій Ивановъ, Максимъ Баскаковъ и Степанъ Кондаковъ. Больше всѣхъ ораторствовалъ на этомъ собраніи Василій Ивановъ.

— Ужъ видно намъ не дождаться царя-батюшки,—говорилъ онъ.— Только бы подошелъ поближе къ здѣшнимъ мѣстамъ, не буду я дремать, соберу удалыхъ молодцовъ «30 человѣкъ съ ружьями и комплектомъ» [2]), сядемъ въ лодки и уѣдемъ къ нему, «ибо нечего въ нашей командѣ дѣлать; самое негодное наше житье, коли никуда гулять съ квартиры не пущаютъ».

— Что̀ правда, то правда, подтвердили Баскаковъ и Карягинъ, при чемъ послѣдній «сказалъ непристойную противу персоны Ея Императорскаго Величества нашей всемилостивѣйшей государыни рѣчь».

— Слышалъ я еще отъ Осипа Козлякова [3]), продолжалъ Ивановъ, что этотъ самозванецъ (а можетъ быть и Петръ III) стоитъ

[1]) Предмѣстье Астрахани.

[2]) Т. е. комплектомъ боевыхъ (40) патроновъ.

[3]) Жившій вмѣстѣ съ Ивановымъ крестьянинъ Симбирск. губ. с. Тушны 20 лѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

подъ Оренбургомъ и силы у него много? Всякаго народа. Ежели онъ сюда придетъ, гдѣ намъ противъ него стоять: команда наша не велика... Да мы и сами отъ него не отрекёмся: жалованіе, слышно, онъ даетъ большое.

— О большомъ жалованьѣ и я слышалъ, говорили на базарѣ,. сказалъ Винокуровъ.

— Чтò толковать, объ этомъ давно идутъ слухи,—добавилъ Корякинъ.—Намъ съ нимъ воевать не приходится, коли у него такая «большая сила». Да и солдатъ здѣсь, баютъ, не будетъ, а будутъ стрѣльцы, и одѣнетъ всѣхъ, батюшка, въ казацкіе кафтаны; «короткихъ мундировъ» у него нѣтъ.

— И впрямь намъ махнуть къ нему, гдѣ бы онъ ни былъ, послѣ долгихъ разсужденій рѣшили собесѣдники, за исключеніемъ солдата Кондакова, который ни за что не соглашался на бѣгство, ставя препятствіемъ то обстоятельство, что «вездѣ въ городахъ заставы и караулы, добраться до самозванца имъ не можно, ихъ поймаютъ»...

Къ концу собранія пришелъ крестьянинъ Козляковъ. Онъ не только присоединился къ замыслу сообщниковъ, но вызвался еще проводить ихъ по укромнымъ мѣстамъ до Саратова.

— А дальше ужъ куда свободнѣе будетъ идти. Я васъ проведу въ Симбирскій уѣздъ, въ Арбузинскую волость, а оттуда къ отцу въ с. Тушны, гдѣ насъ никто не найдетъ...

Но у этихъ заговорщиковъ помимо единодушія не было и умѣнія крѣпче держать языкъ за зубами. Случайно захваченный подъ арестъ Максимъ Сурковъ сейчасъ же проговорился. По его указаніямъ были перехвачены и всѣ остальные преступники, «потомъ съ приличнымъ увѣщаніемъ» допрошены и во всемъ повинились. Губернская канцелярія скоро рѣшила дѣло и уже въ концѣ Марта того же года вынесла имъ очень суровый приговоръ: 1) Солдата *Корягина* за то, что онъ не только неистовое объ извѣстномъ государственномъ злодѣѣ и самозванцѣ Пугачевѣ разглашеніе чинилъ и къ намѣренію къ побѣгу въ его шайку товарищей своихъ солдатъ подговаривалъ, но сверхъ того важнѣйше и неблагопристойную противу персоны ея величества рѣчь сказалъ, въ силу Соборнаго уложенія II главы 1-го пункта и воинскихъ III и XII главъ артикуловъ 20, 127, 129 и 135 подвергнуть натуральной смерти, чтò ему и учинить по точной силѣ воин. артик. III гл. 20 пун. отсѣчь голову: 2) Разжалованнаго каптенармуста Иванова и солдатъ Максима Суркова и Винокурова, за намѣреніе изъ легкой полевой команды бѣжать и за приглашеніе къ тому другихъ, въ силу 95, 127, и 135 артикуловъ, и 3) всѣхъ прочихъ капрала Теряева, Ивана Суркова, обоихъ Ивановыхъ, Алексѣева,

Библиотека "Руниверс"

Богородскаго, Ефремова, Мясцова, Баскакова и Кондакова, за необъявленіе о слышанныхъ ими разглашеніяхъ о злодѣѣ... нигдѣ по командѣ и за намѣреніе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ побѣгу, въ силу 99, 129, 135 и 136 артикуловъ», подвергнуть «лишенію живота»; но какъ изъ произведеннаго дѣла явствуетъ, что разглашенія чинили они, слыша отъ постороннихъ людей, а не сами собою, въ чемъ они, «съ довольнаго увѣщанія и пристрастнаго подъ битьемъ разспроса, утвердились» «и никакого вреднаго приключенія не сдѣлали», при томъ они «лѣтъ еще не престарѣлыхъ, нѣкоторые могутъ быть въ казенной работѣ, а другіе, по претерпѣніи чувствительнаго наказанія, будучи попрежнему въ военной службѣ, вину свою (могутъ) заслужить и поправить себя добрымъ поведеніемъ,—того ради отъ смертной казни ихъ избавить, а за всѣ вышеписанные ихъ предерзости, дабы и прочіе, смотря (на нихъ).. чего чинить не дерзали», постановили: разжалованнаго капрала Иванова и солдатъ Максима Суркова и Винокурова, наказавъ кнутомъ, сослать вѣчно въ каторжную работу; прочихъ прогнать шпицрутенами Герасима Алексѣева, Егора Иванова, Семена Мясцова, Ивана Богородскаго и Ларіона Иванова чрезъ 1000 человѣкъ *шесть* разъ и, по разжалованіи капрала Ивана Теряева, солдатъ Ивана Суркова, Никиту Ефремова, Максима Баскакова и Степана Кандакова чрезъ 1000 человѣкъ *три* раза.

Замѣшанныхъ въ заговорѣ крестьянъ: Осипа Козлякова, согласно гл. II Соборнаго уложенія и воинскихъ артикуловъ гл. III пункт. 20 и гл. XVI пункт. 129, 131, 132 и 136, хотя слѣдовало подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшаніе, но какъ указомъ Сената 30 Сентября 1754 г. «таковой казни впредъ до указа чинить не велѣно», то наказать кнутомъ до 250 ударовъ, а Ивану Васильеву «по силѣ 135 воин. артик. дать 190 ударовъ»; затѣмъ обоимъ, «вырѣзавъ, ноздри, поставивъ знаки на лбу *В*, на одной щекѣ *О*, на другой *Р* и заклепавъ въ ножные и ручные кандалы («дабы дорогою утечки не учинили»), на ѳснованіи указа 30 Ноября 1773 года, сослать вѣчно въ каторжную работу въ Таганрогъ. О новокрещенномъ же изъ Чувашъ Козьмѣ Ивановѣ, дерзнувшемъ назвать себя «въ пьянствѣ» Пугачевымъ, представить «на усмотрѣніе Астраханскаго губернатора» генералъ-маіора Петра Никитича Кречетникова».

Губернаторъ, конечно, не могъ самъ утвердить приговоръ этотъ и 31 Марта 1774 г. представилъ всѣ дѣла генералъ-аншефу Бибикову; но отвѣта, по случаю кончины послѣдняго, не послѣдовало. Тогда (3 Мая) Кречетниковъ вошелъ съ представленіемъ къ новому главнокомандующему генералъ-поручику князю Ѳ. Ѳ. Щербатову, прося его поспѣшить разрѣшеніемъ привести въ исполненіе приговоръ и непре-

Библиотека "Руниверс"

мѣнно въ Астрахани, «дабы преступники задержаніемъ напрасно не задолжались и наказаніемъ ихъ могущіе быть въ людяхъ развратныя мысли скорѣе истребились». И эта бумага канула въ Лету. Только на третье представленіе (29 Сентября) графу Панину вышло разрѣшеніе участи преступниковъ. Приговоръ былъ нѣсколько смягченъ: крестьянамъ назначено наказаніе кнутомъ съ урѣзаніемъ у Козлякова обоихъ и у Васильева одного уха; солдатамъ: Максиму Суркову, «яко первому о самозванцѣ разгласителю», и послѣдователямъ ему Василію Винокурову, Василію Иванову и Спиридону Карягину, «объявя смерть, тутъ же каждаго прогнать шпицрутенами чрезъ 1000 человѣкъ по 12 разъ», капрала Теряева и солдатъ Ларіона Иванова, Мясцова, Баскакова, Ивана Суркова, Алексѣева, Егора Иванова, Кандакова и Ефремова за необъявленіе о слышанныхъ ими отъ Суркова съ товарищами дерзскихъ происшествіяхъ по командѣ и за намѣреніе первыхъ четырехъ къ побѣгу прогнать шпицрутенами чрезъ 1000 человѣкъ первыхъ по шести, а послѣднихъ пяти по три раза, съ зачисленіемъ всѣхъ попрежнему въ военную службу.

Первыми, 4 Ноября 1774 г., «при собраніи народа, въ присутствіи кол. сов. Баранова, за Краснымъ мостомъ [1]) противъ церкви Аѳанасія Аѳонскаго [2]) подъ нарочито устроенной висѣлицей, понесли назначенное наказаніе Васильевъ и Козляковъ. Ихъ едва стащили съ эшафота. Но когда они немного оправились, ихъ немедленно отправили (27 Ноября) въ прежнія мѣста жительства, по билетамъ отъ губернской канцеляріи, «съ прописаніемъ въ оныхъ всего вышеписаннаго». Кромѣ того, согласно Сенатскаго указа 21 Декабря 1770 г., въ уѣздныя канцеляріи, «въ коихъ тѣ ихъ жительства состоятъ», было сообщено объ ихъ поступкахъ, съ требованіемъ не отпускать оштрафованныхъ «изъ ихъ жилищъ въ резиденціи и въ другіе города для работъ; равно жъ писано о постановленіи въ ихъ селеніяхъ на память злодѣйскихъ ихъ дѣлъ знаковъ кары, т. е. висѣлицъ, колесъ и глаголей».

Черезъ мѣсяцъ на томъ же самомъ мѣстѣ подъ тѣми же висѣлицей, колесомъ и глаголемъ, произведена казнь и прочимъ преступникамъ. Сначала, 4 Декабря, въ присутствіи оберъ-коменданта Левина, плацъ-маіора Фунта, всѣхъ офицеровъ и всѣхъ квартировавшихъ въ Астрахани батальоновъ и командъ, главнымъ заговорщикамъ Максиму Суркову, Винокурову, Василію Иванову и Карягину были прочитаны ихъ

[1]) Мостъ этотъ существуетъ и до сей поры на р. Кутумѣ.

[2]) Церковь эта нынѣ кладбищенская. Противъ нея и нынѣ на далекое разстояніе пустое пространство, только въ небольшой части занятое виноградными садами.

Библиотека "Руниверс"

вины съ конфирмаціей, опредѣлявшей имъ смертную казнь четвертованіемъ, и потомъ объявлено прощеніе. Затѣмъ 8 Декабря всѣмъ имъ «учинено» назначенное наказаніе.

Послѣ этого, по повелѣнію графа Панина, Сурковъ, Винокуровъ и Ивановъ зачислены въ пѣхотные полки погонщиками, Карякинъ— въ Кизлярскій батальонъ «вѣчно въ профосы», а остальные въ рядовые по прежнему въ свою легкую полевую команду.

О солдатѣ Богородскомъ Кречетниковъ долженъ былъ (2 Января 1775 г.) снова входить особымъ представленіемъ и только 2 Марта дождался Богородскій, наконецъ, великой милости: освобожденія отъ оковъ и тюремнаго заключенія, очистивъ свои прегрѣшенія чрезъ 1000 шпицрутеновъ шесть разъ...

П. Юдинъ.

Библиотека "Руниверс"

ПОДМОСКОВНАЯ СТАРИНА.

(Петровское-Разумовское).

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, когда дачная жизнь въ Москвѣ не была еще такъ сильно развита, какъ въ болѣе позднее время, москвичи для своихъ лѣтнихъ загородныхъ прогулокъ пользовались, по большей части, подмосковными усадьбами, принадлежавшими русскимъ барамъ. Излюбленными мѣстами для прогулокъ считались: Кунцево, принадлежавшее тогда Нарышкину, Останкино и Кусково гр. Шереметеву, Кузминки кн. Голицыну, Архангельское кн. Юсупову, чаще же другихъ подмосковныхъ посѣщалось Петровское-Разумовское, принадлежавшее въ описываемое время П. А. фонъ-Шульцу. До покупки Петровскаго-Разумовскаго фонъ-Шульцъ былъ владѣльцемъ аптеки на Тверской улицѣ. Аптека его въ то время славилась, какъ теперь Никольская. Манило къ себѣ Разумовское своимъ громаднымъ садомъ съ вѣковыми тѣнистыми липовыми аллеями и прудами, роскошнымъ по тому времени цвѣтникомъ и отчасти благодаря близости къ Москвѣ и довольно сносной дороги. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ то время не только о трамваяхъ понятія не имѣли, но и шоссе считалось роскошью, которою пользовались только дачники Петровскаго парка и позднѣе Сокольниковъ.

Село Петровское, о которомъ упоминается уже въ 1585 г., *) первоначально называлось Семчино, на рѣчкѣ Жабнѣ. Принадлежала пустошь князю Александру Ивановичу Шуйскому и приписана была къ селу Топоркову. Въ писцевыхъ книгахъ 1623—1624 гг. Семчино значится уже за княземъ Иваномъ Ивановичемъ Шуйскимъ, роднымъ братомъ князя Александра Ивановича. Въ 1639 г. пустошь переходитъ къ племяннику кн. Шуйскаго, къ боярину царя Алексѣя Михайловича, князю Семену Васильевичу Прозоровскому, который построилъ для себя въ Семчинѣ барскій домъ, и пустошь съ того времени зовется уже сельцомъ.

Въ 1660 г., по кончинѣ кн. Семена Васильевича, сельцо, по духовному завѣщанію, перешло къ его меньшому сыну, князю Александру. Послѣдній владѣлъ Семчинымъ до 1676 г., когда оно было куплено бояриномъ Кирилою Полуэктовичемъ Нарышкинымъ, въ то время уже отцемъ царицы Натальи Кирилловны, т. е. матери Петра Великаго.

---

*) В. и Г. Холмогоровы. Истор. матер. о цер. и селахъ XVI—XVIII ст.

Библиотека "Руниверс"

По смерти Кириллы Полуэктовича, по имянному указу, въ 1682 г., Семчино-Петровское отдано во владѣніе его вдовѣ, Аннѣ Леонтьевнѣ. Вскорѣ новая владѣлица сельца пожертвовала 10 четвертей земли подъ строеніе церкви, во имя свв. Апостоловъ Петра и Павла. Первое свѣдѣніе о церкви, какъ каменной, встрѣчается въ 1692 г., въ приходной окладной книгѣ Патріаршаго Казеннаго Приказа. Своею изящною и въ то же время своеобразною архитектурою церковь Петровскаго очень близко подходитъ къ другимъ церквамъ, построеннымъ Нарышкиными: Иваномъ Кирилловичемъ—Троицкая въ селѣ Троицкомъ—Лыковѣ, Львомъ Кирилловичемъ—Покровская на Филяхъ и Знаменская на Воздвиженкѣ, во дворѣ владѣнія гр. Шереметева.

Въ церкви Петровскаго-Разумовскаго ничего не осталось замѣчательнаго, чтобы напоминало великолѣпіе прошлаго. Но за то въ ней хранится своего рода драгоцѣнность, неразрывно связанная съ именемъ Великаго Петра,—книга Апостолъ, съ собственноручною надписью Преобразователя Россіи. Несомнѣнно, что Царь бывалъ нерѣдко и даже гащивалъ въ Петровскомъ, навѣщая своихъ близкихъ родныхъ, дѣда и бабку. Кромѣ Апостола, очень можетъ быть не разъ читаннаго Царемъ во время церковной службы, о Петрѣ въ Разумовскомъ напоминаетъ одинъ изъ небольшихъ прудовъ, по преданію выкопанный Петромъ и названный имъ Амстердамскимъ, и затѣмъ группа вѣковыхъ липъ, близъ лѣсной сторожки, посаженныхъ по преданію самимъ Петромъ.

Въ 1698 г. Петровское досталось одному изъ сыновей Анны Леонтьевны, боярину и начальнику посольскаго приказа, Льву Кирилловичу. Онъ владѣлъ имъ до 1732 г., а затѣмъ отъ него оно перешло къ его сыну флота капитану Ивану Львовичу, умершему въ 1734 г. и Петровское, вмѣстѣ съ другими имѣніями и вотчинами, съ населеніемъ въ 88,000 душъ, досталось его единственной дочери, Екатеринѣ Ивановнѣ, родившейся въ 1729 г. [1]).

Лишившись родителей въ раннемъ дѣтствѣ, Екатерина Ивановна, какъ внучатная сестра Императрицы Елизаветы Петровны и какъ фрейлина рано попала ко двору и уже въ 1746 году сосватана была Императрицею за графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, будущаго Малороссійскаго гетмана и фельдмаршала. По описанію, сохранившемуся въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ, свадьба была сыграна въ Петербургѣ съ необыкновенною пышностью [2]).

„27 октября снятъ трауръ, который носили по Французской дофинѣ. Сего же числа отправлялась при дворѣ Ея Императорскаго Величества свадьба камергера графа Кириллы Григорьевича Разумовскаго съ фрейлиною Нарышкиною. Пополудни знатнѣйшія обоего пола особы съѣхались ко двору Е. И. В. въ галлерею, а въ 6-мъ часу пополудни на дворецъ велѣно въѣхать

---

[1]) Русск. Родослов. кн. князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, т. II.

[2]) А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ. XVIII Вѣкъ. Кн. 2-я.

Библиотека "Руниверс"

придворнымъ цугамъ, такожъ и другихъ знатныхъ персонъ каретамъ, въ которыя сѣвъ, чиновные по свадебной церемоніи поѣхали по жениха на его дворъ, и въ 7-мъ часу привезенъ онъ во дворецъ прямо къ большому галлерейному крыльцу и препровожденъ въ церковь. Потомъ, обыкновенною церемоніею, изъ покоевъ Е. И. В. черезъ галлерею, невѣста ведена съ литавры и трубы маршаломъ его сіятельствомъ княземъ Трубецкимъ съ шаферами и другими кавалерами. Невѣсту велъ Его Императорское Высочество; за нею слѣдовали Ея Высочество Государыня Великая Княгиня и другія чиновныя дамы въ церковь, и по обвѣнчаніи, такою же церемоніею, пошли въ галлерею и въ парадныя камеры, пока на пріуготовленные столы кушанья ставили. И какъ поставили кушанья, въ покояхъ на сторонѣ Ея Императорскаго Величества, подлѣ малой комнатной церкви, въ трехъ покояхъ (въ 1-й большой 2 стола съ балдахинами, на 80 персонъ, во 2-мъ покоѣ 2 стола, на 80 же персонъ, въ 3-мъ покоѣ на 20 персонъ) то за столомъ обыкновенно посажена невѣста подлѣ ея матери; по правую сторону Ея Высочество Государыня Великая Княгиня, по лѣвую ея свѣтлость вдовствующая ландграфиня Гессенъ-Гомбургская; въ концѣ стола, изъ высочайшей милости, изволила присутствовать Ея Императорское Величество. Подлѣ Ея Величества по правую и лѣвую стороны сидѣли господа послы; во время стола за стульями у пословъ стояли камеръ-пажи; потомъ сидѣли знатнѣйшія дамы. За другимъ столомъ подъ балдахиномъ женихъ; подлѣ его отцы и братья, и прочіе знатные и чужестранные министры. Во время столовъ, по свадебной церемоніи обыкновенно, маршалъ съ трубы и литавры приводилъ ближнихъ дѣвицъ и форшнейдера.

Здоровье маршалъ съ шаферами пить начиналъ: 1) жениха и невѣсты, 2) отцовъ и матерей, 3) братьевъ и сестеръ, 4) форшнейдера и дѣвицъ, 5) всѣхъ гостей.

Форшнейдеръ былъ камергеръ графъ Скавронскій; шаферовъ, камергеровъ и камеръ-юнкеровъ 6 человѣкъ. А за прочими столами сидѣли знатныя персоны до 6 класса. Впродолженіе стола играла Итальянская музыка. И по окончаніи стола возвратились въ галлерею, и начались танцы; и, нѣсколько танцовавъ, съ музыкою провожены до каретъ и отвезены женихъ и невѣста въ домъ ихъ. Того же дня при дворѣ была надѣта статсъ-ливрея".

Съ выходомъ въ замужество Екатерины Ивановны, Петровское нача̀ло процвѣтать, какъ лѣтняя и вмѣстѣ съ тѣмъ любимая резиденція ея мужа, графа Кириллы Григорьевича. Имъ разведенъ былъ садъ, построенъ великолѣпный по тому времени барскій домъ, по плану архитектора Кокоринова, и крестьянами-Малороссами выкопаны были пруды, построены роскошныя оранжереи, конный заводъ и множество большихъ и малыхъ зданій, въ которыхъ размѣщены были музыканты, тѣлохранители графа и многочисленная дворня. Петровское стало неузнаваемо и походило на благоустроенный городокъ.

Библиотека "Руниверс"

Лѣтомъ, на праздники, часто даваемые хлѣбосольнымъ владѣльцемъ Петровскаго, съѣзжалась вся знать, и для многочисленныхъ гостей, какъ и въ Московскомъ [1]) домѣ, всегда къ услугамъ былъ открытый столъ.

Въ августѣ 1762 года, Петровское осчастливлено было пребываніемъ въ немъ императрицы Екатерины, прибывшей въ Москву для коронаціи и остановившейся въ домѣ гетмана. Отсюда Императрица, подъ строгимъ инкогнито, изрѣдка посѣщала Москву и отсюда же имѣла торжественный въѣздъ въ столицу [2]).

Во время пребыванія Императрицы въ Петровскомъ, Державину, тогда еще простому солдату, бывшему на часахъ у главнаго дома, удавалось близко видѣть Фелицу, такъ восторженно имъ воспѣтую впослѣдствіи. Въ Августѣ 1856 г. Петровское осчастливлено было посѣщеніемъ императора Александра II, который передъ коронаціей временно пребывалъ съ Императрицею въ Останкинѣ, до переѣзда въ Петровскій дворецъ, изъ котораго послѣдовалъ торжественный въѣздъ въ Москву.

Въ 1784 году Петровское-Разумовское отъ гетмана перешло къ его сыну гр. Льву Кирилловичу, который владѣлъ имъ до своей кончины, последовавшей въ 1818 г. Левъ Кирилловичъ умеръ бездѣтнымъ, и Петровское въ 1833 г. куплено было, какъ говорили, за 200,000 т. асс., П. А. фонъ-Шульцемъ, во владѣніи котораго оставалось до 1860 г., когда было пріобрѣтено въ казну за 250,000 тысячъ р. сер., и въ немъ основана была Петровская Академія, переименованная нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Сельско-Хозяйственный Институтъ. На мѣстѣ гетманскаго дома, разобраннаго вскорѣ послѣ перехода имѣнія въ казну, построено было Академическое зданіе, въ томъ видѣ какъ оно существуетъ до настоящаго времени; отъ стараго же дома не осталось и слѣдовъ, и видъ дома, какъ кажется до сихъ поръ не встрѣчался на страницахъ иллюстрированныхъ изданій, что̀ и дало поводъ приложить его къ настоящей статьѣ [3]).

За все время владѣнія г. Шульцемъ Петровское-Разумовское (нужно приписать къ чести владѣльца) сохранялось почти въ томъ видѣ, какъ оно было при гр. Разумовскомъ, за исключеніемъ только внутренняго убранства главнаго дома. Все, что̀ осталось въ немъ поцѣннѣе, взято было, какъ говорили, наслѣдниками и опекунами надъ имѣніемъ. Барскій домъ, де-

[1]) Въ Москвѣ графъ Разумовскій жилъ въ своемъ домѣ на Воздвиженкѣ, въ которомъ въ недавнее время была городская дума и который теперь принадлежитъ графу А. Д. Шереметеву.

[2]) Дворецъ въ Петровскомъ паркѣ, въ которомъ останавливается Императорская Фамилія передъ въѣздомъ въ Москву, построенъ былъ по повелѣнію императрицы Екатерины въ 1786 г.

[3]) Приложенная гравюра сдѣлана по картинѣ, принадлежащей пишущему эти строки.

Библиотека "Руниверс"

Гетманскій домъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ.

Библиотека "Руниверс"

ревянный на каменномъ фундаментѣ, до самой его сломки прекрасно сохранился. Въ особенности въ немъ хороша была двухсвѣтлая зала. Она занимала центръ дома, увѣнчанный куполомъ, на вершинѣ котораго утвержденъ былъ громоотводъ, съ позолоченною фигурою Славы. Одна половина дома постоянно занята была владѣльцемъ имѣнія; другая же, ближайшая къ церкви, на лѣто отдавалась внаймы. Изъ этой половины устроенъ былъ крытый ходъ въ церковь. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, половину большаго дома занимало семейство И. С. Матвѣева, когда-то бывшаго гусаромъ, а затѣмъ занимавшагося подрядами; но въ немъ до старости сохранились еще привычки хлѣбосольнаго барина-помѣщика: онъ имѣлъ свой оркестръ, почти ежедневно игравшій на балконѣ главнаго дома и подъ звуки котораго нерѣдко устраивались танцы. Передъ главнымъ домомъ былъ разбитъ цвѣтникъ, центръ котораго украшала мраморная группа художественной работы, но немного пострадавшая отъ времени. Группу составляли четыре амура, символизировавшіе четыре времени года. Мраморные бюсты Римскихъ императоровъ, на пьедесталахъ изъ сѣраго гранита, украшали собою всѣ входы въ липовыя аллеи. Многіе изъ бюстовъ были попорчены, какъ говорили, Французами, имѣвшими въ Разумовскомъ свое пребываніе въ 1812 году вмѣстѣ съ однимъ изъ Наполеоновскихъ маршаловъ.

Мраморная группа и бюсты служили дѣйствительно изящнымъ украшеніемъ сада. Съ переходомъ имѣнія въ казну въ началѣ всѣ бюсты, а за тѣмъ и мраморная группа почему-то были убраны изъ сада и безслѣдно исчезли.

Всѣ графскія постройки обращены были г. Шульцемъ въ дачныя помѣщенія. Занимались они изъ года въ годъ одними и тѣми же дачниками, преимущественно Московскими негоціантами, составлявшими какъ бы одну семью, жившую своею жизнію и не сходившуюся съ дачниками, носившими Русскія фамиліи. Наиболѣе постоянными обитателями Петровскаго-Разумовскаго были семейства Колли, Ахенбаха, Леве, Кампіони, д-ра Редлиха, Таaля, Ставасера, Лёвенштейна и др., которыя, кстати сказать, почти всѣ породнились между собою. Всѣхъ дачъ было около двадцати. Г. Шульцъ, за время владѣнія Петровскимъ-Разумовскимъ поддерживалъ и обширныя графскія оранжереи, за исключеніемъ ананасной, обращенной въ жилье. Изъ фруктовыхъ деревьевъ замѣчательны были персиковыя; изъ цвѣтущихъ же растеній необыкновенно хороши были олеандры, вышиною до 5—6 арш. Ими обыкновенно убирался балконъ большаго дома. По срединѣ оранжерей была обширная зала, называвшаяся вокзаломъ. Стѣны ея сплошь покрыты были плющемъ. Зимою здѣсь нерѣдко устроивались великосвѣтскіе пикники. Всѣ фруктовыя деревья и оранжерейныя растенія, по переходѣ имѣнія въ казну, въ первую же зиму замерзли, такъ какъ оранжереи не отапливались и оставались безъ присмотра. Вообще жизнь въ Петровскомъ-Разумовскомъ въ описываемое время была очень спокойная, благодаря тому, что по близости не было ни однаго трактира, ни ресторана. Нѣсколько праздничный видъ принимало Петровское-Разумовское

Библиотека "Руниверс"

и оживлялось наплывомъ гуляющихъ, разъ въ году, въ храмовой праздникъ, т. е. въ Петровъ день. Въ саду играла музыка, а за прудомъ, на одномъ изъ острововъ сжигался фейерверкъ. Праздникъ устраивался на деньги, собранныя между дачниками. Крестьянъ къ Петровскому-Разумовскому приписано было очень мало, а всѣ были дворовые и почти что всѣ Малороссы, потомки нѣсколькихъ семей, переселенныхъ еще гетманомъ изъ его Малороссійскихъ помѣстій. Въ будніе дни дворовые замѣняли собою садовниковъ, облекались во фраки и бѣлыя перчатки и превращались въ офиціантовъ, прислуживая за столомъ владѣльца имѣнія, когда бывали гости. Собственно-крестьяне поселены были въ полѣ, передъ главнымъ домомъ. При переходѣ же имѣнія въ казну, крестьяне перенесли избы свои на отведенную имъ землю за большимъ прудомъ, и новый поселокъ получилъ названіе „Выселокъ", гдѣ теперь лѣтомъ живутъ небогатые дачники. Послѣ основанія Академіи и возведенія многихъ новыхъ зданій казарменнаго типа, Петровское - Разумовское утратило значеніе барской усадьбы, и только церковь, да уцѣлѣвшіе павильоны въ саду нѣсколько напоминаютъ еще о быломъ величіи и роскоши, которыми отличалась жизнь Русскихъ вельможъ прошлаго столѣтія.

***

*

Императрица Елисавета Петровна подолгу живала въ Москвѣ, и по возвращеніи ея въ Петербургъ, улицы сего послѣдняго поростали травою. Екатерина Великая, разсказывая въ своихъ Запискахъ о тогдашней Московской жизни своей, упоминаетъ про поѣздки въ Петровское-Разумовское къ любезному и гостепріимному его хозяину, Малороссійскому гетману, который потомъ такъ много содѣйствовалъ ея восшествію на престолъ, такъ какъ начальствовалъ Измаиловскимъ полкомъ и былъ президентомъ Академіи Наукъ, гдѣ только и могли быть напечатаны ея первые манифесты. *П. Б.*

Библиотека "Руниверс"

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ „КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА“.

Подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ въ Москвѣ докторъ Клопитоновъ.

Въ 20-хъ годахъ онъ пріѣхалъ въ Москву, чтобы поступить въ университетъ. Это былъ красивый, умный и богато одаренный юноша, съ страстнымъ желаніемъ учиться, чтобы быть полезнымъ своей милой родинѣ. Родиною его — благословенная Грузія, еще живо помнившая ужасное бѣдствіе, постигшее ее въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ дѣтствѣ своемъ Петръ Александровичъ Клопитоновъ слышалъ нескончаемые разсказы какъ о чумѣ, такъ и о царевичѣ Іоаннѣ Георгіевичѣ, который по волѣ своего державнаго родителя взялъ на себя главное распоряженіе по противодѣйствію заразѣ и по лѣченію больныхъ. Мальчикъ создалъ себѣ идеалъ изъ царевича. Онъ росъ съ мыслію учиться изо всѣхъ силъ Европейскому искусству врачеванія и посвятить всю свою жизнь уходу за больными.

По примѣру царевича Іоанна, заложившаго свой удѣлъ на нужды чумныхъ, Петръ Александровичъ просилъ своихъ родителей не давать ему никакой доли изъ ихъ имѣнія, а умножить этимъ приданое его сестры, и поѣхалъ въ Москву, гдѣ жила вдова Марія царица Грузіи, подъ покровомъ которой онъ надѣялся осуществить свою любимую мечту. Открытый видъ юноши плѣнилъ сына царицы, царевича Окропира Георгіевича. Онъ оставилъ Клопитонова у себя и самъ подготовилъ его къ университету.

Въ первый годъ Московской жизни съ Петромъ Александровичемъ случилось происшествіе, доставившее ему прозвище „Капитанской Дочки“.

Царевичу Окропиру понадобилось ѣхать въ Петергофъ, и онъ взялъ пріѣзжаго съ собою. На другой день пріѣзда, пока еще царевичъ почивалъ, любознательный молодой человѣкъ отправился посмотрѣть царскіе сады, о которыхъ много слышалъ дорогой отъ царевича, въ особенности о статуяхъ.

Въ то благословенное время двери царскаго сада были открыты для всякаго чисто одѣтаго человѣка. Это былъ первый Европейскій, хорошо содержанный садъ, который довелось видѣть пріѣзжему, и понятно, что онъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Онъ останавливался подолгу передъ статуями, дивился искусству изображенія и, нагулявшись до усталости, замѣтилъ скамью, на концѣ которой сидѣла пожилая дама въ утреннемъ ка-

Библиотека "Руниверс"

потѣ. Петръ Александровичъ учтиво поклонился и присѣлъ на другой конецъ скамьи. Дама улыбнулась и спросила:

„Вы вѣрно недавно въ Петергофѣ?"

— Только вчера вечеромъ пріѣхалъ съ царевичемъ, и пока онъ почиваетъ, я поспѣшилъ осмотрѣть царскій садъ.

„Съ какимъ царевичемъ?" спросила старушка.

— Съ Грузинскимъ царевичемъ Окропиромъ.

„Какое же впечатлѣніе сдѣлалъ на васъ нашъ сѣверный садъ послѣ вашихъ роскошныхъ садовъ?"

— „О, чарующее! Это ничего общаго съ нашими садами не имѣетъ. Сады нашихъ царей и вельможъ скорѣе устраиваются для отдохновенія, чѣмъ для прогулки; поэтому они изобилуютъ причудливыми бесѣдками съ фонтанами мраморными, изъ кипариснаго и другихъ драгоцѣнныхъ деревъ; въ саду нашего покойнаго царя была и фарфоровая бесѣдка, подаренная родителю его Китайскимъ императоромъ. Между затѣйливыми постройками устраиваютъ бесѣдки изъ рѣдкихъ сортовъ винограда, или изъ кустарниковъ съ красивыми цвѣтами. Садъ располагается такъ, чтобы, лёжа или сидя въ бесѣдкѣ, можно было любоваться лучшими растеніями сада и рѣдкими птицами, содержимыми въ раззолоченныхъ клѣткахъ и обширныхъ вольерахъ. Дорожекъ у насъ мало, а также мало деревьевъ безъ красивыхъ плодовъ или цвѣтовъ. Здѣсь же садъ видимо служитъ для прогулокъ, и я въ восхищеніи отъ удивительнаго эффекта, достигаемаго различными породами деревъ, безъ всякихъ цвѣтовъ и плодовъ. Воображаю, что тотъ садъ, гдѣ прогуливаются государыня и великія княжны, долженъ быть еще очаровательнѣе".

„Онѣ прогуливаются — здѣсь", сказала дама.

— Неужели? воскликнулъ молодой человѣкъ.

„Почему же это вамъ кажется невѣроятнымъ?" съ усмѣшкой спросила дама.

— Помилуйте! Этого не можетъ быть, закипятился Петръ Александровичъ. Я убѣжденъ, что этотъ садъ замѣняетъ восточную кунацкую, гдѣ Государь принимаетъ исключительно мужчинъ и пируетъ съ ними. Можно ли воображать, что такой могущественный Государь допуститъ, чтобы мать, жена и дочери его прогуливались по такимъ мѣстамъ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются предметы, оскорбляющіе стыдливость? Это невѣроятно!

„Гдѣ же вы видѣли подобные предметы?" тревожно спросила дама.

— О, вы вѣроятно не ходили въ этотъ садъ; иначе вы не могли бы не замѣтить множества статуй; между ними едва ли найдется болѣе пяти или шести, которыя можно было бы представить взорамъ честной женщины, а тѣмъ болѣе такимъ высокопоставленнымъ дѣвицамъ, какъ дочери Россійскаго Императора.

„Дама громко засмѣялась. Надо предположить, что онѣ смотрятъ на статуи, какъ на произведенія искусства", сказала она вставая.

— Можно было искусно представить и одѣтыхъ людей, возразилъ неугомонный собесѣдникъ, также вставая и раскланиваясь.

Библиотека "Руниверс"

Только въ эту минуту замѣтилъ онъ группу людей въ нарядныхъ мундирахъ, очевидно придворныхъ, дѣлавшихъ ему какіе-то знаки. Удалявшаяся дама махнула имъ рукой. Едва только она скрылась, какъ люди эти набросились на Клапитонова и оглушили его восклицаніями. „Откуда вы взялись?“ кричалъ одинъ, кто вы такой? перебивалъ другой, „знаете-ли вы, съ кѣмъ вы сидѣли? Знаете ли съ кѣмъ говорили? Это императрица Марія Ѳеодоровна“, выпалилъ наконецъ кто-то изъ нихъ и тѣмъ привёлъ Клапитонова въ такое смущеніе, что онъ опрометью бросился вонъ изъ сада прямо къ царевичу, чтобы разсказась ему о всемъ случившемся и просить совѣта, что̀ ему дѣлать.

Царевичъ много смѣялся. Въ тотъ же день, во время представленія его вдовствующей императрицѣ, она сама заговорила о забавномъ случаѣ въ саду и распросила подробно о Клопитоновѣ, которому, много лѣтъ спустя, оказала великую милость.

Анекдотъ этотъ распространился по всему Петербургу, и воспоминаніе о нёмъ такъ долга держалось, что А. О. Смирнова слышала его отъ придворныхъ и уже въ старости, живши въ Москвѣ, въ домѣ Грузинской царевны, пожелала видѣть Клопитонова. Но его уже въ то время не было въ живыхъ.

Живя въ Москвѣ у царевича Окропира, обладавшаго поэтическимъ талантомъ и постоянно окруженнаго литераторами, Клопитоновъ познакомился и подружился съ княземъ Шаликовымъ, впослѣдствіи тестемъ М. Н. Каткова. Шаликовъ въ то время издавалъ „Дамскій Журналъ“, который имѣлъ отдѣлы: научный вообще, историческій, литературный и модный и составлялъ любимое чтеніе Московскаго дамскаго общества. Князь Шаликовъ былъ человѣкъ весьма образованный и съ литературнымъ вкусомъ. Пушкинъ нерѣдко посѣщалъ его, у него встрѣчалъ Клопитонова и, узнавъ про его приключеніе въ Петергофѣ, воспользовался имъ для своей „Капитанской Дочки“. Съ тѣхъ поръ Клопитоновъ получилъ это прозвище и сохранилъ его до гроба. Онъ непомѣрно восхищался Пушкинымъ и уважалъ князя Шаликова, разсказывая съ увлеченіемъ, какъ онъ, въ то время, когда нападали на Пушкина, написалъ въ его защиту стихи, которые напечаталъ въ „Дамскомъ Журналѣ“. Клопитоновъ такъ часто ихъ читалъ въ моемъ присутствіи, что я могу ихъ привести.

Евгеній Онѣгинъ. Глава вторая.

О романѣ въ стихахъ должно, по настоящему, и говорить не въ прозѣ. И такъ мы отваживаемся дать знать стихами о содержаніи и достоинствѣ сей главы.

Мы въ первой видѣли главѣ
Картину франтовъ, модъ и свѣта,
При піитической Невѣ,
Гдѣ развился талантъ поэта,
Какъ волны раннею весной.

Библиотека "Руниверс"

Его намъ кисть въ главѣ второй,
Совсѣмъ иныхъ картину нравовъ,
Иныхъ характеровъ и лицъ—
Отъ нашихъ вдалекѣ столицъ—
Иныхъ обычаевъ, уставовъ,
Съ иною жизнію, съ иной
Потребностью страстей и счастья,
Рисуетъ вѣрною рукой.
И обѣ—скажемъ безъ пристрастья
И съ независтливой душой—
Равно прелестны и знакомы,
И *уморительны* подчасъ,
И *поучительны* для насъ.
И пусть другой напишетъ томы
Сихъ самыхъ же картинъ: онѣ—
Смолчавъ о краскахъ и огнѣ,
Скажу—полнѣй отнюдь не будутъ.
Двухъ главъ.... въ два вѣка не забудутъ,
Затѣмъ, что есть всему предѣлъ.
Блаженъ, кто и для *внуковъ* пѣлъ!

Какъ это покажется невѣроятнымъ теперь, но было время, когда Пушкинъ не пользовался особенною извѣстностью, а про Шаликова писали не только въ Русскихъ, но и въ иностранныхъ журналахъ съ большою похвалою. Приведёнъ нѣсколько словъ изъ „Revue Encyclopédique“ 1825 года.

„Le prince de Chalikoff est un des auteurs russes qui ont entretenu le gòut et l'esprit classiques, qui dominaient dans la litterature à la fin du XVIII siecle et que y avait introduit m-r Karamsine. L'école que celui-ci a formée n'a pas toujours suivi ses traces avec un égal bonheur; mais on voit quelquefois jaillir des oeuvres du prince Chalikoff des idées ingénieuses et nouvelles. Une extrême sensibilité caractérise tout ce qui sort de sa plume; élegant dans quelques passages, il est obscur dans d'autres, et ses écarts proviennent de cette sensibilité même. Il a de la clarté et de la pureté dans le style, qui départ quelquefois l'affectation et le pédantisme. Cependant, ses travaux littéraires méritent d'être bien accueillis en raison des efforts que l'auteur a fait pour polir la langue et ramener les auteurs à l'étude des bons modèles. On a de lui beaucoup d'ouvrages originaux et des traductions de m-r Châtaubriand et de m-me de Genlis, publiées à diverses époques. Il est à remarquer que depuis plusieures années, il ne cesse d'insérer, dans chaque premier numéro de la gazette de Moscou, des vers sur le nouvel an, où l'on trouve autant de poésie que de variété. Il s'occupe aussi avec succès d'analise de pièces de théâtre et de critiques sur le jeu des auteurs du théâtre de Moscou, comme nous l'avons déjà remarqué (tome VI, p. 566). M-r de Chalikoff a rédigé, en 1806, le Spectateur de Moscou, journal littéraire (4 vol. in 12), et Aglaé, depuis 1808 jusqu'en 1812 (54 livraisons in 8). Quoiqu'il ait publié, en 1822, ses nouvelles poésies en un petit vol. in 12 de 94 pages, sous le titre de Dernier

Библиотека "Руниверс"

sacrifice aux Muses, il a cependant rédigé à Moscou, depuis 1823, le Journal des Dames, qui doit former vingt-quatre livraisons à la fin de l'année. S. P—y*).

Когда Пушкинъ подарилъ князю Шаликову своихъ Цыганъ, послѣднiй отвѣчалъ ему слѣдующимъ четверостишiемъ:

Все украшаетъ кисть волшебная поэта.
И дикихъ Эѳiопскихъ чадъ,
Сихъ безпрiютныхъ гражданъ свѣта,
Я видѣть у себя.... въ твоей поэмѣ радъ.

По окончанiи курса, Клопитоновъ опредѣлился на службу докторомъ въ Грузiю. Царевичъ щедро снабдилъ его Европейскими книгами, а черезъ своихъ пацiентовъ онъ доставалъ старинные Азiатскiе лѣчебники и, зная почти всѣ восточные языки, легко разбиралъ ихъ. Онъ трудился много и добросовѣстно и составилъ на Русскомъ и Грузинскомъ языкомъ небольшую книгу, въ которой преподавались указанiя для оказанiя помощи больнымъ въ отсутствiи врача. Первое свое жалованiе и заработокъ онъ употребилъ на изданiе этой книги и роздалъ безплатно 2000 экземпляровъ бѣднѣйшимъ жителямъ своего и сосѣднихъ уѣздовъ. Книга эта пользовалась громкою извѣстностью между горцевъ, и они охотно перекупали её другъ у друга за высокую цѣну. Мало-по-малу слава о нёмъ дошла до Тифлиса, и Клопитонова перевели въ какой-то изъ Тифлисскихъ уѣздовъ.

* * *

---

*) Это отзывъ о князѣ П. И. Шаликовѣ принадлежитъ извѣстному библiографу Сергiю Дмитрiевичу Полторацкому, въ то время еще юношѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

КЪ 75-ТИЛѢТІЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ГРАФА М. А. МИЛОРАДОВИЧА.

14-го Декабря 1900 года.

5-го Мая сего года вся Россія чествовала память столѣтія со дня смерти великаго нашего Суворова. Въ этомъ же году, 14-го Декабря 1900 года, исполнится семидесятипятилѣтіе со дня смерти ученика Суворова, котораго онъ любилъ какъ родного своего сына. Милорадовичъ, стараясь оправдать любовь и милость великаго полководца, ознаменовалъ свое служеніе въ Италіи въ 1799 г. непрерывнымъ рядомъ подвиговъ воинской доблести. Подвиги его во всѣхъ войнахъ извѣстны; прибавимъ, что печальная смерть его 14-го Декабря 1825 г. причинила повсемѣстное горе въ Россіи. О неустрашимости его въ бояхъ ходило въ арміи и въ народѣ множество поговорокъ и разсказовъ. Въ полномъ смыслѣ слова онъ былъ другомъ солдатъ, дѣлилъ съ ними опасности, голодъ, непогоды. На войнѣ являлся онъ первымъ на лошади и послѣднимъ сходилъ съ коня, не предаваясь покою, доколѣ не удостовѣрялся, удовлетворены ли всѣ потребности предводимыхъ имъ войскъ. Въ настоящее время, когда Петербургъ украшается памятниками Русскихъ дѣятелей, слѣдовало бы поставить въ скверѣ передъ Казанскимъ соборомъ два монумента героямъ Отечественной войны—Милорадовичу и Витгенштейну.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ были напечатаны Записки генералъ-адъютанта графа Граббе, которыя оканчиваются письмомъ храбраго генерала: „Не юбилея только, а *памятника*—въ ряду памятниковъ Кутузову, Барклаю—заслуживаетъ графъ Милорадовичъ, и не за военные только блистательные подвиги, но и за рѣдкій подвигъ гражданскаго самоотверженія, коего жертвою онъ палъ отъ руки злодѣя убійцы“. Казалось бы, что мысль, выраженная графомъ Граббе, есть желаніе Русской арміи, желаніе всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи — воздвигнуть монументъ герою, котораго вся боевая жизнь и вѣрноподданническая смерть всегда будутъ дороги для родины. Привести это въ исполненіе могла-бы С.-Петербургская дума, при содѣйствіи Петербургскаго народонаселенія.

Въ Русской арміи 20 полковъ носятъ имена 20-ти славныхъ генераловъ: Суворова, Румянцова, Репниныхъ, Голицыныхъ, Кутузова, Барклая, Каменскаго, Багратіона и другихъ; но славный Апшеронскій полкъ, которымъ долго командовалъ Милорадовичъ, который блистательно отличался въ Италіи въ 1799 г. и котораго онъ былъ назначенъ шефомъ 20-го Ноября 1810 года, до сихъ поръ не носитъ имени полка Милорадовича.

Л.

(Русскій Инвалидъ 1890. 20 Апрѣля, № 86).

Библиотека "Руниверс"

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ВОЕННАГО ОТРЯДА ВЪ РОДОПСКИХЪ ГОРАХЪ.

(Изъ воспоминаній о кампаніи 1877—1878 годовъ).

8-го Іюня 1878 года, Архангелогородскій полкъ имени Великаго Князя Владиміра Александровича, стоявшій гарнизономъ въ городѣ „Андріанополѣ" (Эдренэ), получилъ приказаніе выступить въ городъ „Хаскіой", чтобы занять позицію противъ „Родопскихъ инсургентовъ". Нашъ командиръ, полковникъ А. И. Пантелѣевъ *), былъ назначенъ начальникомъ отряда.

Движеніе къ „Родопскимъ горамъ" совершалось форсированнымъ маршемъ: подымались съ бивуака на разсвѣтѣ и кончали дневной походъ поздно вечеромъ. Въ походѣ отрядъ находился съ 8 по 16 Іюня, а съ 16 Іюня по 4 Сентября полкъ занималъ позицію противъ инсургентовъ. Образовалось инсургентское возстаніе послѣ битвъ 3 и 4 Января у деревень „Дермендере" и „Комотъ" и 5 Января подъ городомъ „Филиппополемъ" (Пловдивъ) у деревни „Чифликъ-Бѣлястица", когда армія Сулеймана-паши была разбита и обратилась въ бѣгство, а остатки ея подъ начальствомъ „Сентъ-Иллера-паши" пробились къ горнымъ тропамъ, благодаря оплошности нашихъ войскъ, не успѣвшихъ ихъ занять и отрѣзать имъ путь отступленія. Такимъ образомъ спаслись отъ плѣна эти остатки войскъ, составлявшихъ какъ пѣхоту, такъ и конницу, преимущественно изъ „баши-бузуковъ" и въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

Къ мѣсту назначенія отрядъ нашъ прибылъ въ полночь и расположился тамъ бивуакомъ, выславъ отъ себя на ночь сторожевую цѣпь, патрули и конные разъѣзды изъ казаковъ. Рано утромъ, едва первые лучи солнца позолотили верхушки виднѣвшихся вблизи „Родопскихъ горъ", нашъ отрядъ началъ расходиться и занимать по диспозиціи свои мѣста. Моя первая, линейная рота заняла позицію впереди деревушки „Хасаба", подъ командою поручика Горбачевскаго, а нашимъ первымъ баталіономъ командовалъ маіоръ Бубновъ. Занявъ позицію, какъ и водится всегда, рота выставила отъ себя сторожевую цѣпь, а оставшіеся свободными отъ наряда люди

*) А. И. Пантелѣевъ—въ наши дни генералъ-лейтенантъ, помощникъ шефа жандармовъ, командиръ отдѣльнаго корпуса жандармовъ.

Библиотека "Руниверс"

приступили къ разбивкѣ лагеря и установкѣ походныхъ палатокъ. Наша боевая жизнь началась. Почти каждый день и каждую ночь приходилось проводить въ цѣпи, и мое положеніе, какъ вольноопредѣляющаго, было не изъ легкихъ.

Это не то что̀ въ мирное время: тутъ каждый человѣкъ составляетъ цѣнную боевую единицу, не исключая и меня. Сначала на позиціи было спокойно, а затѣмъ начались ежедневныя тревоги всей линіи, и часто открывалась ружейная перестрѣлка, которая напоминала намъ „Плевну". Обстоятельно разслѣдовавъ дѣло, выяснилось, что каждая такая тревога и перестрѣлка вызывались тѣмъ, что наши казачьи разъѣзды отбивали и угоняли скотъ у жителей деревень, занятыхъ инсургентами. Наше начальство строго запретило казакамъ подобный образъ дѣйствій, и скоро между нами и инсургентами установились наилучшія отношенія. Какъ эпизодъ изъ мирныхъ отношеній разскажу случай, бывшій со мной. Стою себѣ часовымъ въ цѣпи и ясно вижу непріятельскую линію и часового, который преспокойно пріютился подъ какимъ-то деревомъ, а я стою впереди полосы поля, засѣяннаго кукурузой *); но наша позиція выше непріятельской и потому является командующей надъ всею мѣстностью, слѣдовательно мнѣ отчетливо видно, что̀ дѣлается у непріятеля. Вдругъ непріятельскій часовой поднялся съ мѣста, вышелъ на совершенно открытую поляну и машетъ мнѣ рукой. Я тоже вышелъ, подался нѣсколько впередъ и смотрю, что̀ дальше будетъ. Вижу, что онъ знаками показываетъ мнѣ что-то: я стараюсь понять, но никакъ сообразить не могу, чего онъ хочетъ. Наконецъ замѣчаю, что онъ кладетъ свое ружье наземь: я дѣлаю тоже самое, а затѣмъ вижу, что онъ идетъ прямо на меня; тогда и я пошелъ ему навстрѣчу... Вотъ уже ясно вижу его синій, традиціонный мундиръ и красную феску на головѣ. Еще нѣсколько секундъ, и мы сошлись; онъ по восточному обычаю здоровается со мной, прикладывая руку къ головѣ, губамъ и сердцу, а я протягиваю ему свою руку. Оглянувшись кругомъ, онъ знакомъ предлагаетъ мнѣ сѣсть съ нимъ рядомъ, что̀ мы и дѣлаемъ оба. У насъ завязался съ нимъ разговоръ на какомъ-то ломаномъ Болгарскомъ нарѣчіи, да и какъ же иначе? Ни онъ, ни я не умѣли хорошо говорить по болгарски—я, какъ Русскій, а онъ какъ Турокъ. Поговоривъ между собой, мы оба остались довольны нашимъ знакомствомъ. Какъ это ни удивительно, но мы отлично поняли другъ-друга; думаю, мимика тутъ играла немалую роль. Гляжу, а онъ вынимаетъ изъ кармана какой-то круглый, кожаный свертокъ, который оказался очень практичнымъ портъ-табакомъ, и въ немъ находились прекрасный Турецкій табакъ и папиросная бумага; мой новый знакомый предлагаетъ мнѣ любезно покурить, мы съ нимъ вертимъ себѣ папиросы и безмолвно начинаемъ наслаждаться куреніемъ. Посидѣвъ еще немного, Турокъ снова лѣзетъ въ карманъ и вытаскиваетъ оттуда плоскую, стеклянную флягу, въ которой оказывается крѣпкій, но очень хорошій ромъ; приглядываюсь къ флягѣ и вижу Англійскую надпись: „Rum

*) Маисъ.

Библиотека "Руниверс"

Iamaika". Разумѣется, что мы сдѣлали честь содержимому во флягѣ, и онъ убралъ ее обратно въ карманъ значительно облегченной. По кодексу военнаго братства такъ и полагалось поступить. Посидѣли, еще поговорили, а затѣмъ разошлись тѣмъ же порядкомъ, какъ и при встрѣчѣ, т. е. каждый къ своему сторожевому посту. Перемиріе было окончено, и мы становились снова непріятелями. Впослѣдствіи, когда очередь нашей службы въ цѣпи совпадала, то мы сходились и коротали время нашей службы.

Разъ утромъ, когда уже было недалеко до полудня, и южное солнце палило головы подъ открытымъ небомъ, къ командующему ротой поручику Горбачевскому является посыльный изъ цѣпи и докладываетъ, что его желаетъ видѣть на „пропускномъ посту" какой-то конный парламентеръ. Поручикъ, взявъ въ конвой меня и еще двухъ человѣкъ, отправился на постъ. Подходимъ ближе и видимъ, что недалеко отъ поста, у одиноко стоящаго дерева, остановился всадникъ „баши-бузукъ". Увидѣвъ насъ, онъ поѣхалъ на насъ быстрымъ и покойнымъ ходомъ, свойственнымъ вообще лошадямъ, особенно горскимъ, но не доѣхавъ сажень за пятьдесятъ, соскакиваетъ съ коня и, стреноживъ его поводомъ, кладетъ свое оружіе около, а самъ идетъ къ нашему посту. Мы нѣсколько отдѣляемся отъ поста и тоже безъ оружія идемъ ему навстрѣчу; вотъ мы сошлись. „Баши-бузукъ", красивый и плотный мужчина, средняго роста, лѣтъ подъ тридцать или около этого, съ черными какъ смоль глазами, густой черной бородой, съ усами, отдающими даже синевой и съ загорѣлымъ, суровымъ лицомъ южнаго типа. Костюмъ его въ общемъ очень пестръ, но въ тоже время очень живописенъ: малиновая куртка, вся шитая чернымъ шнуромъ, сплошь вся въ узорахъ, широкіе шаровары чернаго цвѣта, Азіатскаго покроя, вокругъ таліи широкій красный поясъ, обмотанный въ нѣсколько разъ, на головѣ бѣлая чалма и наконецъ на ногахъ поршни съ переплетомъ изъ ремней, называемыхъ по-турецки „черекъ". Поздоровавшись по-восточному, онъ обратился къ поручику на чистомъ Болгарскомъ языкѣ и сказалъ о томъ, что начальникъ ихъ „Сентъ-Иллеръ-паша" проситъ, чтобы наши разъѣзды и сторожевая цѣпь не приближались бы слишкомъ близко къ ихъ селеніямъ, въ виду того обстоятельства, что жители при ихъ приближеніи должны угонять скотъ за селенія, а сами уходить изъ нихъ и что самъ „Сентъ-Иллеръ-паша" спрашиваетъ, можно ли ему пріѣхать лично для переговоровъ къ намъ. Поручикъ ему на это отвѣтилъ, что паша если хочетъ, можетъ пріѣхать, но пусть дастъ знать; касательно же нашихъ разъѣздовъ и дѣйствій сторожевой цѣпи, а также патрулей, то онъ заранѣе увѣренъ, что начальникъ нашего отряда не обратитъ вниманія на подобное заявленіе: на то и военное время и каждый поступаетъ, какъ слѣдуетъ по долгу службы. Послѣ подобнаго заявленія съ нашей стороны парламентеръ попрощался, и каждый изъ насъ отправился въ свою сторону. На другой день, когда заходящее солнце заливало своими лучами всю окрестность и золотило верхушки горъ, покрытыхъ голубой дымкой, караульный унтеръ-офицеръ прислалъ съ донесеніемъ къ ротному командиру, что толпа всадни-

Библиотека "Руниверс"

ковъ, человѣкъ въ тридцать, остановилась вблизи нашего поста и ихъ парламентеръ требуетъ свиданія съ начальникомъ цѣпи. Поручикъ отправился на постъ, гдѣ увидѣлъ самого „Сентъ-Иллера-пашу“ и его свиту; имъ завязали глаза и проводили въ нашъ лагерь. Въ палаткѣ у одного изъ офицеровъ устроилась веселая пирушка, такъ какъ самъ „Сентъ-Иллеръ-паша“ и вся его свита привезли въ кабурахъ отъ сѣделъ каждый по бутылкѣ Шампанскаго и, какъ оказалось, болѣе двухъ дюжинъ. За разговоромъ паша сказалъ, что причина его пріѣзда — желаніе познакомиться съ нашими офицерами, а все остальное не болѣе того, какъ предлогъ для пріѣзда. Побывъ у насъ въ гостяхъ, паша сталъ собираться назадъ и прощаясь просилъ нашихъ офицеровъ его навѣстить. Наши офицеры, посовѣтовавшись, рѣшили пашѣ отдать визитъ, но поѣхали только свободные отъ службы. Въ лагерѣ паши ихъ приняли очень любезно и старались какъ можно лучше угостить; вина были роскошныя, но меню стола было больше изъ консервовъ (да и у насъ того было хуже). Въ непріятельскомъ лагерѣ офицеры умѣли разсмотрѣть, что количество пѣхоты у нихъ значительное и около тысячи человѣкъ конныхъ „баши-бузуковъ“. Въ общемъ, если сопоставить ихъ силы съ нашими, то ихъ отрядъ могъ оказать нашему значительное и весьма серіозное сопротивленіе; къ тому же ихъ отрядъ былъ отлично обставленъ въ продовольственномъ отношеніи и очень хорошо вооруженъ. Тоже самое можно было сказать и о боевыхъ припасахъ, которыхъ у нихъ было въ изобиліи. Болѣе тщательнаго осмотра не удалось сдѣлать. Вотъ все, что̀ вынесли изъ поѣздки въ непріятельскій лагерь офицеры нашего отряда. Самъ паша и его свита оказались людьми очень образованными, а паша кромѣ того человѣкомъ не лишеннымъ юмора. Послѣ обмѣна визитовъ наши отношенія стали еще лучше, и ни разу не было больше, по линіи обложенія, ни тревогъ, ни перестрѣлокъ.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ нашъ отрядъ былъ смѣненъ другимъ отрядомъ и отъ другихъ частей войскъ и мнѣ осталось неизвѣстнымъ, что̀ сдѣлалось съ Родопскими инсургентами и съ „Сентъ-Иллеромъ-пашей“.

Д. Бартеневъ.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ СБОРНИКОВЪ П. И. ЩУКИНА.

СБОРНИКЪ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ *П. И. Щукина.* Шестая часть, съ факсимиле автографа Персидскаго принца Хозрева-Мирзы. Изданіе *П. И. Щукина.* Москва 1900. Большая 4-ка, VIII. 405 и 2 нен. стр.

ТОЖЕ. Часть седьмая. Москва 1900. Большая 4-ка, XII, 420 и 2 нен. стр. съ хронологическимъ указателемъ въ началѣ.

Неутомимый въ толковомъ и зоркомъ пополненіи своего прекраснаго Музея памятниками протекшей Русской жизни, Петръ Ивановичъ Щукинъ издалъ и въ нынѣшнемъ году два сборника старинныхъ подлинныхъ бумагъ, полные разнообразнаго значенія. Бумаги эти относятся къ тремъ почти вѣкамъ нашей исторіи, начиная съ царя Алексѣя Михаиловича и до Александра II-го включительно. Съ любезнаго дозволенія владѣльца, приводимъ здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ этихъ двухъ многосодержательныхъ книгъ.

П. Б.

О самобѣглой коляскѣ сенатское дѣло (1751—1753).

Въ Нижеродской губернской канцеляріи, при доношеніи отъ содержащагося колодника Ѳедора Родіонова объявлено писанное вчернѣ доношеніе отъ другого колодника, дворцоваго крестьянина Ярославскаго уѣзда, Подгородной волости, деревни Большепольской, Леонтія Шамшуренкова, которое писано въ Правительствующій Сенатъ съ изображеніемъ высочайшаго ея императорскаго величества титула о взятьѣ его, Шамшуренкова, въ С.-Петербургъ для сдѣланія коляски самобѣглой, что̀ можетъ бѣгать безъ лошади. И въ томъ черномъ доношеніи написанъ былъ въ срединѣ, предъ прошеніемъ, титулъ ея императорскаго величества окончательный, который явился перечерченъ четверично, чего ради то доношеніе отъ колодника Родіонова объявлено ко изслѣдованію.

«Въ прошломъ 1752 году сдѣлалъ я, именованный, для апробаціи коляску, которая и понынѣ имѣется въ С.-Петербургѣ при Правительствующемъ Сенатѣ, а нынѣ еще могу для апробаціи сдѣлать сани, которыя будутъ ѣздить безъ лошадей зимою, а для пробы могутъ ходить и лѣтомъ съ нуждою. И ежели позволено будетъ, то и еще сдѣлать могу часы, которые ходить будутъ у коляски на задней оси, на которыхъ будетъ показываться на кругу стрѣлою до тысячи верстъ и

Библиотека "Руниверс"

на всякой верстѣ будетъ бить колокольчикъ. А хотя прежде сдѣланная мною коляска находится и въ дѣйствіи, но токмо не такъ въ скоромъ ходу, и ежели еще повелѣно будетъ, то могу сдѣлать той прежней уборнѣе и на ходу скорѣе и прочнѣе мастерствомъ. Того ради Правительствующему Сенату обо всемъ вышеписанномъ покорно представляю. Апрѣля дня 1753 г. Вмѣсто вышеписаннаго крестьянина Леонтія Шамшуренкова по его прошенію Ярославскаго пѣхотнаго полка отставной солдатъ Алексѣй Михайловъ руку приложилъ». (VII, 365).

Обученіе медвѣжатъ.

Комиссару Александро-Невскаго монастыря Өедору Карпову, изъ Москвы 3 Апрѣля 1753 г. Сего Апрѣля въ 3 день ея императорское величество указала отправленныхъ при семъ двухъ молодыхъ медвѣдковъ отдать вамъ для содержанія и обученія ходить на заднихъ лапахъ и прочему, какъ вы при покойномъ преосвященномъ архіепископѣ Өеодосіи [1]) молодого медвѣжонка обучили, котораго ея императорское величество видѣть изволила, и оныхъ имѣете обучать, кормить и беречь до прибытія ея величества въ Петербургъ. Слуга вашъ баронъ Иванъ Черкасовъ.

О покупкѣ устрицъ и плодовъ.

Когда будутъ въ приходѣ въ Петербургъ корабли или прежде въ Кронштадтъ, то благоволите, ваше сіятельство[2]), купя, ежели на которомъ кораблѣ будутъ, устерсовъ, а особливо большихъ, называемыхъ презентъ-устерсовъ, одну бочку, лимоновъ, апельсиновъ и померанцевъ по одному ящику, отправить сюда съ нарочнымъ надежнымъ человѣкомъ, купя подъ тѣ устерсы и фрукты роспуски, и одну бочку съ устерсами поставить верхнимъ концомъ кверху, какъ на кораблѣ стояла. Апельсинъ ящикъ по 35 рублевъ, а за всѣ 70 рублевъ, устерсы каждые сто по 30 руб., а за всѣ 330 руб., итого 400 рублевъ [3]).

*

Указъ въ ямскую канцелярію изъ кабинета ея величества, 15 Іюля 1753 года. Ея императорское величество указала изъ рѣки Сейма отъ Батурина на приходящій Успенскій постъ привозить для употребленія своего раки съ нарочными. Для этого учреждены были отъ Москвы до Глухова и до Батурина почтовые станы съ нарочными унтеръ-офицерами, чѣмъ и занимался Правительствующій Сенатъ (VI, 361).

*

[1]) Этотъ архіепископъ Өеодосій былъ участникомъ пировъ Петра Великаго и потерпѣлъ жестокое заточеніе при Екатеринѣ І-й. П. Б.

[2]) Писано къ князю М. М. Голицыну. П. Б.

[3]) Взяты у Англійскаго купца Фоугеля. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Елисавета въ оружейной палатѣ.

Минувшаго Апрѣля 3 числа сего 1753 года ея императорское величество государыня императрица Елисавета Петровна соизволила прибыть въ мастерскую и оружейную палату пополудни въ 5 часу и изволила быть въ казенной мастерской палатѣ для смотрѣнія древнихъ царскихъ коронъ и прочихъ регалій, а потомъ соизволила смотрѣть короновальный ея императорскаго величества мантіи, глазетовой, съ нашивными гербами на горностаевомъ мѣху, и высочайшимъ имяннымъ ея величества изустнымъ указомъ повелѣть соизволила каждый гербъ обшить бумагою и все платье содержать не въ теплыхъ, но въ холодныхъ казенныхъ палатахъ, которые лучше темнѣть не могутъ.

Ея императорское величество указала мантію, которую ея величество во время коронованія своего употреблять изволила, показать придворному портному мастеру Северину*), о чемъ оной мастерской и оружейной палатѣ вышеписанный ея величества указъ чрезъ сіе объявляется. Ноября 18 дня 1753 года. (VI, 362).

Изъ дѣла объ оскорбленіи Турецкаго посланника Тверскимъ полицмейстеромъ.

Приставъ Турецкаго посланника Д. И. Чичеринъ (впослѣдствіи прославившійся Сибирскій губернаторъ) доносилъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ:

Отъ меня посланъ былъ къ полицмейстеру конвойный гренадеръ, который его нашелъ въ конторѣ и отъ меня объявилъ, чтобъ или тотчасъ приказалъ квартиры показать, или бъ со мною видѣлся. Онъ, ничего не отвѣчая, того гренадера, разбивъ по щекамъ, выбилъ вонъ, а самъ пошелъ въ квартиру свою. Вторично посланъ былъ лейбъ-гвардіи гренадеръ Булыковъ съ тѣмъ, чтобъ онъ опомнился; онъ его на дворъ къ себѣ не пустилъ, а открывъ окно бранилъ его матерно и приказалъ десяцкимъ его отбить, отъ чего оный принужденъ идти прочь; въ 11 часовъ посланникъ самъ прибылъ и нашелъ какъ меня, такъ и всю свою свиту на улицѣ. Его окружа всѣ Турки жалобу приносили, что нигдѣ на дворъ не пускаютъ; онъ былъ въ крайнемъ огорченіи, не видя во всю дорогу никакого неудовольствія, не хотѣлъ въ Твери стоять, пересказалъ мнѣ жалобу свиты его. Я съ великимъ трудомъ уговорилъ его, чтобъ онъ въѣхалъ во дворецъ, въ которомъ четыре покоя. (VI, 379).

---

*) Стало-быть, Пушкинъ былъ правъ, сказавъ Д. П. Северину: „Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ“. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Прошеніе въ Сенатъ историка Миллера, въ Іюнѣ 1761 г. объ освобожденіи отъ постоя.

Находится у меня множество дорогихъ книгъ и манускриптовъ, до Россійской исторіи касающихся, для которыхъ я живу отъ пожарныхъ случаевъ въ безпрестанной опасности, пока у меня на дворѣ стоятъ солдаты, кои избу топятъ зимою и лѣтомъ, и иногда дважды въ день, хлѣбы пекутъ и сухари сушатъ и платье моютъ, отъ чего унимать ихъ невозможно; а ежели бы (отъ чего Боже сохрани) сдѣлался пожаръ и вышеписанные книги и манускрипты сгорѣли, то бы воспослѣдовалъ отъ того для общества ущербъ невозвратный. (VI, 383).

Изъ дѣла капитанши Спечевской 1762 года.

«Прошлаго 1754 г. Іюня 18 дня, за долговременное плѣнное терпѣніе у Турокъ и у Крымскихъ Татаръ, коими захвачена была съ винтеръ-квартиры изъ Переволочны, и за страданіе, и по старости моихъ лѣтъ, опредѣлена была я съ малолѣтнею моею племянницею, сиротою, княжною Анною Ивановною Четвертинской, при комнатѣ ея императорскаго величества, съ полученіемъ жалованья и порціи, и порціонныхъ денегъ, противъ прочихъ комнатныхъ, и поручена была въ вѣдомство графинѣ Маврѣ Егоровнѣ *).

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было, для многолѣтняго вашего и всей вашей высокомонаршей фамиліи здравія и благополучнаго государствованія, я по бѣдности моей, съ предписанною моею малолѣтнею племянницею, княжною Четвертинской, теткой и дочерью, и за службу при дворѣ вашего императорскаго величества бывшаго дяди моего, гофмаршала Бримера, и за долговременную и безпорочную службу мужа моего, и за утраченный во время Турецкой акціи нашъ экипажъ, а что еще и тамъ нынѣ въ Крымскихъ Татарахъ, въ каторжной работѣ страждутъ въ плѣну мать моя, братья мои и сынъ родной, и на уплату долговъ наградить меня нижайшую. Взяты въ полонъ въ 1737 г. и привезены въ Очаковъ, и гнали съ прочими плѣнными пѣшихъ въ Бахчисарай, и въ той гоньбѣ претерпѣли четырехдневное неяденіе, и только тѣмъ спасались, что я смачивала изъ своихъ грудей матери и дѣтямъ, такожъ и себѣ, уста, и отъ солнца тѣло наше какъ печень запеклось, а ноги отъ песковъ растрекались, и такъ по всѣмъ ногамъ текла кровь. И по прибытіи въ оный Бахчисарай ввержены были въ тяжкую работу,

*) Шуваловой.

Библиотека "Руниверс"

скованные съ матерью своею въ желѣзахъ, въ которой работѣ находились 6 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ; находясь же во оныхъ работахъ, получали прежестокія раны, и тутъ еще свидѣлись съ двумя братьями, которые взяты въ тотъ же полонъ подъ Перекопомъ. И по прошествіи того нашего шестилѣтняго и семимѣсячнаго терпѣнія, пріѣхавъ изъ Карасъ-Базара барышники, которые, купя братьевъ и сына, повели къ себѣ и, приведши ихъ въ Карасъ-Базаръ, продали барышникамъ и, бивъ, опредѣлили въ каторжную работу, въ которой и понынѣ страждутъ. И послѣ того, не болѣе какъ 12 дней, пріѣхавшіе изъ Царяграда барышники жъ и насъ, купя, повезли въ тотъ Царьградъ, и привезши продали купцу Реткину, гдѣ мы, немалое время живши, двоекратно утекали и по поимкѣ мучены, въ первый—битіемъ по пятамъ палками и ставлены въ соленую воду, во второй—ввержены были въ глубокіе погреба, гдѣ черезъ насъ всякая гадина ходя, тѣло наше ѣла и сосала и, сверхъ того, на насъ наложены самыя тяжелыя желѣзныя рѣшетки».

Въ отобранной отъ нея сказкѣ Спечевская показала относительно своего плѣна тоже самое, что̀ объявила и въ первой сказкѣ, только съ такимъ добавленіемъ: что при взятіи ея съ братьями, матерью и дѣтьми, у нихъ имущества Крымскими Татарами ограблено было на 2000 р., и что мать ея, Екатерина Петровна, урожденная изъ Курляндской фамиліи фонъ-Сакенъ, была крещена императоромъ Петромъ Великимъ. (VI, 383).

Изъ духовнаго завѣщанія обергофмейстера И. П. Елагина.[1])

Боже всеблагій, помоги въ правдѣ завѣщающему, во имя Пресвятыя, Живоначальныя и нераздѣлимыя Троицы, аминь.

Немного потребно мнѣ труда распорядиться моимъ имѣніемъ: оно распоряжено и высочайшимъ ея императорскаго величества подписаніемъ, прошлаго 1787 года Декабря 4 дня, утвержено.

Постановляю при семъ посредникомъ выполненія зятя моего Николая Ивановича Бутурлина, на котораго честность и ко мнѣ привязанность я уповаю, что онъ, яко супругъ дочери моей Александры Ивановны и отецъ наслѣдника, въ случаѣ какого-либо прекословія, помочь душеприкащикамъ не отречется и къ выполненію всего мною прописаннаго вспомоществовать станетъ.

По прошествіи шестнадцати лѣтъ отъ рожденія, отправить его[2]) съ тѣмъ же гувернеромъ, если онъ не отрѣчется, на университетъ въ

---

[1]) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, славный когда-то мартинистъ, писатель и исторіографъ, род. 1725, ум. 1796. П. Б.

[2]) Т. е. молодаго Бутурлина. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Гену или Лейпцигъ, или куда опекунъ его лучше разсудитъ, *кромѣ Парижа*, для слушанія философіи нравоучительной и практической, а паче математики, нужной для службы готовящемуся благородному отроку.

По трехлѣтнемъ въ университетѣ ученіи, дозволить имъ объѣздить знатныя мѣста, города и государства, между которыми считаю и Парижъ, и Лондонъ, но отнюдь долгаго въ нихъ пребыванія не совѣтую и паче запрещаю. А предлагаю болѣе Швейцарію и Римъ, для вкуса въ художествахъ въ послѣднемъ и строгости нравственной въ первомъ мѣстѣ.

Моей любезной воспитанницѣ Аннѣ Ивановнѣ Байковой, съ ея настоящими дѣтьми, каменный мой домъ, состоящій въ Большой Морской улицѣ, подъ № 138, на обѣ стороны, какъ-то: на Большую улицу, такъ и на Мойку, съ находящимися въ немъ мебелями и картинами, какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ этажахъ, кромѣ имѣющихся мебелей и картинъ въ комнатахъ Натальи Алексѣевны.

Устроенный мною островъ мой *Мишенъ, Дамаскинъ тожъ*, будетъ, вмѣсто городского дома, служить спокойнымъ жилищемъ супругѣ моей Натальѣ Алексѣевнѣ, доколѣ угодно Богу продолжить ея жизнь. Я желаю при томъ, если возможно, чтобъ и послѣдующіе ей наслѣдники, въ память мою, его содержали въ своемъ потомствѣ.

Въ заключеніе сего, прошу погребсти тѣло мое безъ всякихъ чиновъ и велелѣпія въ Невскомъ монастырѣ, въ церкви со вкладомъ отъ меня созданной, близъ праха покойной дочери моей. Симъ оканчиваю завѣщаніе мое и повторительно прошу и заклинаю Наталью Алексѣевну, Александру Ивановну и Николая Ивановича, тако жъ и душеприкащиковъ моихъ, которыхъ Богу препоручаю, исполнить въ точности, подъ страхомъ нелицемѣрнаго суда Божія.

Писалъ въ Санктъ-Петербургѣ, Декабря 4 дня 1791 года, собственною моею рукою Иванъ Елагинъ. (VI, 352).

Указы Екатерины Великой Коновницыну.

1. Господинъ генералъ-маіоръ и С.-Петербургскій губернаторъ Коновницынъ.

Посылаемый при семъ запечатанный пакетъ, въ которомъ вложены два пасквиля на многихъ здѣшнихъ и иностранныхъ, съ ругательными и подлыми описаніями, картинами и толкованіями, прикажите отъ Управы Благочинія сжечь чрезъ палача, съ объявленіемъ при томъ тысячи рублей въ награжденіе тому, кто объявитъ сочинителя или со-

Библиотека "Руниверс"

чинительницу тѣхъ пасквилей, дабы они за преступленія ихъ могли быть посажены на два года въ смирительный домъ. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ Марта 28, 1785.

2. Господинъ генералъ-порутчикъ и С.-Петербургскій губернаторъ Коновницынъ. По причинѣ извѣстнаго разстройства дѣлъ во Франціи, дальнѣйшее пребываніе здѣсь Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Женета признаю невмѣстнымъ; почему и указали мы министерству нашему вручить ему Женету записку о выѣздѣ его изъ Россіи чрезъ восемь дней, съ тѣмъ что надобные ему паспортъ и подорожную можетъ онъ получить отъ васъ, и что впрочемъ какъ до отъѣзда его изъ здѣшней столицы, въ теченіе назначеннаго осьмидневнаго срока, такъ и до самого выѣзда чрезъ Ригу за границу, будетъ онъ пользоваться народнымъ правомъ и всякою для себя и свиты своей безопасностію. Вслѣдствіе чего повелѣваемъ вамъ какъ съ одной стороны то наблюсти, дабы помянутый Женетъ со дня врученія ему вышеозначенной записки въ теченіе опредѣленнаго срока отсюда выѣхалъ, такъ съ другой снабдить его паспортомъ и подорожною, когда онъ ихъ обыкновеннымъ образомъ отъ васъ потребуетъ съ изъясненіемъ имени тѣхъ людей, коихъ онъ возметъ съ собою. Екатерина. (VI, 387).

Въ Царскомъ Селѣ
Іюля 6, 1792 года.

Указъ Екатерины Великой генералъ-прокурору графу Самойлову.

Копія.

Александръ Николаевичъ! Вамъ извѣстно, что здѣсь недавно появился называющій себя купцомъ Французъ Кордоніе, имѣющій у себя алмазы и другіе драгоцѣнные камни, о коихъ есть подозрѣніе, что они изъ числа украденныхъ королевскихъ Французскихъ. Сей Французъ упражняется въ запрещенной игрѣ, какъ то самъ онъ принесъ жалобу оберъ-полицмейстеру, что онъ обыгранъ и просилъ объ уничтоженіи карточныхъ долговъ. По таковому его подозрительному состоянію необходимо нужно задержать его подъ стражею, не дѣлая однакожъ ему никакихъ утѣсненій; а вы прикажите его допросить вообще о всемъ его похожденіи и о томъ гдѣ, когда, отъ кого и какимъ образомъ досталъ онъ помянутые камни. Надобно при томъ задержать подъ присмотромъ до изслѣдованія жену его и домашнихъ, дабы вещи спрятаны быть не могли; что̀ же онъ покажетъ, намъ донесите.

На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: Екатерина.

Съ подлиннымъ вѣрно статскій совѣтникъ Петръ Ермоловъ *).

Августа 23 дня 1793.

*) Отецъ Алексѣя Петровича Ермолова. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Изъ приказовъ оберкамергера князя А. М. Голицына его управителю Ивану Емельянову, въ Бѣлорусскую вотчину.

Псовая моя охота хотя и убавлена и псари есть лишніе, однакоже всѣ люди уже немолодые, а притомъ держутся и хмельнаго, то ежели бы я кого либо изъ нихъ къ тебѣ и отправилъ для ловленія звѣрей въ моихъ дачахъ, но падлежащаго успѣху въ томъ ожидать не надѣюсь, однакоже, посмотря, можетъ быть и выберу двухъ или одного получше. Что же принадлежитъ до собакъ, то кромѣ борзыхъ и гончихъ другихъ у меня нѣтъ. Изъ оныхъ послѣднія способны только къ отыскиванію звѣря, но принять онаго не могутъ. Борзыми же окромя зайцевъ травить не можно.

Когда куньихъ шкуръ въ тамошнемъ мѣстѣ покупкою хорошихъ отыскать не можно, а притомъ оныя и недешевы, то лучше оныхъ не покупать, а стараться будущею зимою по прежнимъ примѣрамъ какъ можно больше своимъ стрѣльцамъ стрѣлять и ловить. Что же ты находишь, чтобъ съ успѣхомъ звѣрей добывать, то надобно надъ стрѣльцами имѣть командира или ловчаго; но я хотя въ томъ и согласенъ, однакоже здѣсь таковаго способнаго человѣка сыскать трудно, то и не можно ли въ вашемъ краю такого человѣка пригласить въ нашу службу?

Для выстроенной вчернѣ каменной церкви надлежитъ прежде всего изготовить на стропилѣ хорошаго сосноваго лѣсу и рѣшетнику. Стропила же можетъ показать сдѣлать подрядчикъ каменной работы Лука Никитинъ, ибо и въ ономъ дѣлѣ онъ знающъ, и церковь села Самуйлова покрывалась подъ его присмотромъ, о чемъ однакоже приказалъ я къ нему написать. Ежели жъ онъ откажется, въ такомъ случаѣ не оставлю я прислать къ тебѣ особенно плотника. Что же принадлежитъ до кровельщика, то, не заготовя листоваго желѣза, онаго посылать къ тебѣ не для чего. Означеннаго же желѣза дешевле четырехъ рублевъ пятидесяти копѣекъ пудъ здѣсь купить теперь неможно, да и по оной цѣнѣ едва ли нужное число найдется. Впрочемъ я постараюсь поискать листоваго желѣза гдѣ либо занять и ежели найду, то непремѣнно отправлю на присланныхъ отъ тебя подводахъ, а равно и кровельщика, хотя въ исходѣ осени, къ тебѣ также пришлю. О главахъ на церковь и колокольню съ архитекторомъ я говорилъ, который совѣтуетъ, чтобъ оныя сдѣланы здѣсь и вмѣстѣ съ крестами отправлены были въ Пропойскъ готовыя, что̀ я и самъ разсуждаю за полезнѣе.

Библиотека "Руниверс"

Ротмистръ Осипъ Рейсцъ, который прошлаго году въ Брянскихъ моихъ вотчинахъ по подряду рубилъ мачты, просилъ меня неоднократно, чтобъ позволилъ я ему и въ Бѣлорусскихъ моихъ маетностяхъ нынѣшнею осенью заготовлять ванчасъ съ платежемъ за оной по цѣнамъ, какія давать будутъ другіе подобные ему промышленники, однакоже на первый случай вызвался онъ въ прошломъ году и за голубейскія мачты*) порядочно съ нами расплатился: то и желаю я предпочесть его предъ другими, а особливо когда онъ къ тебѣ явится, то имѣешь ты заключить съ нимъ письменное условіе, прописавъ въ ономъ даваемую имъ цѣну, примолвя притомъ, что ежели другіе промышленники ванчасомъ будутъ давать болѣе, то и онъ имѣетъ заплатить таковую жъ цѣну (разумѣется свыше рубля восмидесяти копѣекъ), какъ мы таковые договоры чинимъ и съ купцами, у насъ пеньку покупающими.

Въ заключеніе сего я долженъ тебѣ сказать, что ты по закоснѣлымъ въ тебѣ невѣжеству и неприличной гордости не оставилъ помѣстить оныхъ вкупѣ съ благодарностію за прибавку тебѣ жалованья. Я не знаю, кого ты называешь своими сверстниками, получающими противу тебя вдвое? А я разумѣю и цѣню людей не по сверстнеству и не по времени службы, а по усердію ихъ отличаю. Я же тебѣ совѣтую для твоего и моего спокойствія, что̀ и должно всякому человѣку дѣлать, то-есть: что почаще свои собственные зады читать и помнить, что̀ кто какъ прежде былъ и что̀ онъ теперь есть; такимъ образомъ человѣкъ всегда будетъ доволенъ и спокоенъ. Изъ Москвы 26-го Іюля 1792. Александръ Голицынъ. (VII, 159).

Время Александра Павловича.

На Русскомъ престолѣ сидѣлъ 25-ти лѣтній идеалистъ, „съ младымъ всѣхъ прелестей исполненнымъ челомъ", тотъ, кого Сперанскій называлъ „сущимъ прельстителемъ" и про котораго, именно за это время, когда писаны нижеслѣдующія письма, Сардинскій посланникъ графъ Местръ доносилъ своему королю, что Русскій государь встаетъ и благодарственно кланяется своему камеръ-лакею, подносящему стаканъ воды.

Два письма императора Александра Павловича дѣйствительному камергеру Витовтову.

1. Господинъ дѣйствительный камеръ-геръ Витовтовъ. Обыкновенное подаяніе нищимъ, умножая только число оныхъ, не упокоитъ

---

*) Что̀ такое ванчасъ и голубейскія мачты, не знаемъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

старца, отягощеннаго лѣтами, не возвратить здоровья юношѣ, увядающему на зарѣ дней своихъ, не избавить отъ смерти или порока младенца, долженствующаго быть подпорою отечества. Нерѣдко также наглый тунеядецъ похищаетъ отъ руки благодѣтельной то, что̀ назначено было отцу семейства, томящемуся на одрѣ смерти и отчаянія. Изъ сего слѣдуетъ, что разстрогану быть наружнымъ и весьма часто обманчивымъ видомъ нищеты и убожества не есть еще благодѣяніе. Надлежитъ искать несчастныхъ въ самомъ жилищѣ ихъ, въ сей обители плача и страданія, ласковымъ обращеніёмъ, спасительными совѣтами и, словомъ, всѣми нравственными и физическими способами стараться облегчать судьбу ихъ: вотъ въ чемъ состоитъ истинное благодѣяніе. Возможность произвести въ дѣйствіе столь богоугодное дѣло доказывается самымъ опытомъ у многихъ просвѣщенныхъ народовъ, а особливо въ Гамбургѣ, гдѣ около пятнадцати лѣтъ какъ общество миролюбивыхъ и добродѣтельныхъ гражданъ, безъ всякой личной корысти и воздаянія, исполняетъ, къ утѣшенію страждущаго человѣчества, сей священный долгъ помогать ближнему самымъ дѣйствительнымъ и полезнымъ образомъ. Желая послѣдовать столь благому примѣру, назначу я трехъ членовъ, которые единогласно выберутъ четвертаго, четыре пятаго, пять шестого, шесть седьмого, семь восьмого, восемь девятаго, а сіи девять членовъ уже по большинству голосовъ дополнятъ число семнадцати. Симъ семнадцати членамъ представьте вы планъ вашъ на разсмотрѣніе, удобно ль и какимъ образомъ произвести оной въ дѣйствіе. Но чтобы показать, какъ близки сердцу моему несчастныя жертвы ожесточеннаго рока, я беру подъ особливое и непосредственное покровительство свое, какъ вновь учреждаемое въ здѣшней столицѣ благодѣтельное общество, такъ и всѣ другія, которыя безъ сомнѣнія по примѣру онаго размножатся между народомъ толико для меня любезнымъ, на который природа изліяла всѣ земныя свои сокровища и одарила всѣми добродѣтелями, а особливо симъ небеснымъ вдохновеніемъ помогать ближнему; вообще жъ сею частію государственнаго благодѣянія препоручаю заниматься вамъ и по оной непосредственно мнѣ докладывать. Въ С.-Петербургѣ, 16 Мая 1802 года. Александръ.

2. Господинъ дѣйствительный камеръ-геръ Витовтовъ. На основаніи рескрипта, даннаго вамъ въ 16-й день сего Мая, назначаю въ комитетъ тремя первоначальными членами министра коммерціи графа Румянцова, надворнаго совѣтника Щербакова, иностраннаго купца фанъ-деръ Флита. По разсмотрѣніи же комитетомъ вашего плана повелѣваю вамъ представить оный вмѣстѣ съ его мнѣніемъ на мое утвержденіе. Въ С.-Петербургъ, 18 Мая 1802 года. Александръ.

*

Библиотека "Руниверс"

Прошло съ тѣхъ поръ двѣнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ почти непрерывно лилась Русская кровь, въ Персіи, въ Турціи, въ Финляндіи, въ средней Европѣ и до Парижа, и вотъ что писалъ нѣкто М. Ѳ. Бервинскій изъ Петербурга своему брату въ Москву, 26 Іюня 1814 года:

У насъ теперь приготовляются къ встрѣчѣ Государя, который, какъ говорятъ, будетъ къ 22-му Іюля, т. е. къ имянинамъ Маріи Ѳеодоровны. И естьли Государь не сдѣлаетъ такой же шутки какъ и съ Лондонскою встрѣчею *), то надобно думать, что будетъ чрезвычайная. Всѣ сословія будутъ въ парадѣ. Будетъ чего посмотрѣть, далъ бы Богъ хорошую погоду. Послѣ холодовъ у насъ такая сдѣлалась теплая погода, что негдѣ было и дѣться, до 25° въ тѣни, и раза четыре были преогромные громы, убившіе нѣсколько человѣкъ. А дороговизна все таже и даже дороже: куль хлѣба 20 р., а за хлѣбомъ и все вслѣдъ; за 25 р. съ позволенія сказать и задницы не закроешь. Что-то будетъ!

И такъ вся наша суматоха къ встрѣчѣ Государя кончилась ничѣмъ: вчера, въ 7-мъ часу поутру въѣхалъ онъ въ городъ такъ просто, что никто и не узналъ почти, хотя ѣхалъ въ открытой коляскѣ. Заѣхалъ прямо въ Казанскую церковь, никого не заставъ, послалъ за попомъ и, помолясь Богу съ молебномъ одинъ съ Толстымъ, отправился въ Зимній дворецъ, а часа черезъ полтора на Каменной островъ. Туда уже сбѣжались всѣ министры и прочая знать. По крайней мѣрѣ, какъ говорятъ, благосклонность Государя всѣхъ обрадовала; а то повѣсили было носы, запрещеніемъ всякой церемоніи для встрѣчи; его рескриптъ можешь читать въ газетахъ на имя Вязьмитинова. Прекрасные ворота остались на вѣтеръ, всѣ риштованые для иллюминацій разсыпались, и страшныя груды шкаликовъ и плошекъ остались неподвижными. И многія тысячи жителей перекрестились, что избавились отъ насильственной подати въ складчину для предполагаемаго праздника. Около 600000 рублей предполагалось издержать на столъ и угощенье Государя въ биржевой залѣ, и какъ знатно было пристроено около для помѣщенія многолюдства! Но все это исчезло. Навѣрное можно предполагать, что и доселѣ болѣе ста тысячъ брошено какъ въ воду. Сегодня въ Казанскомъ соборѣ молебство, конечно съ колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою, чѣмъ и весь балъ кончится. Газеты не преминутъ о всей сей церемоніи дать свѣдѣніе вамъ въ свое время. Я пишу сіе поутру и потому никакого не могу сдѣлать и описанія. По таковой скромности нашего Государя, вѣроятно, что и то правда,

*) Чтó было въ Лондонѣ, намъ неизвѣстно. Въ книгѣ Н. К. Шильдера также о томъ ничего не сказано. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

какъ говорятъ, что онъ не принялъ приношенія повезеннаго къ нему сенаторами, и что получили они отвѣтъ даже узловатый; но нигдѣ еще нельзя достать копію. Государь здѣсь останется, какъ говорятъ, не болѣе какъ дней десять, и опять уѣдетъ [1]).

1814 года Іюля 14, 9-й часъ. Вторникъ.

Уже понесъ было письмо на почту, но не могъ преодолѣть себя, чтобъ не посмотрѣть церемоніи. Нельзя вообразить, а надобно видѣть все то, что̀ происходило; такого множества народу можно собрать только такому государю каковъ нашъ. Онъ ѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ генераловъ и прочихъ верховыхъ. Крикъ народа необычайный; при подъѣздѣ къ церкви, онъ долженъ былъ нѣсколько разъ по неволѣ останавливаться: до изступленія, такъ сказать, жаднічающій народъ прикоснуться къ нему, хватить, поцѣловать ноги, платье, шарфъ.... даже за счастіе ставитъ погладить лошадь.... Все это было нѣчто такое чудесное и трогательное, что рѣдкій не пролилъ слезъ. Да и самъ Государь нѣсколько разъ утиралъ оныя. Слѣдующіе за нимъ церемоніальнѣйшіе экипажи, гдѣ были мать, сестры и прочія придворныя, остановясь, пили, кажется, какъ по взорамъ и лицамъ видно было, неизъяснимую радость.

По окончаніи обѣдни и молебствія, при 201-мъ выстрѣлѣ, проѣздъ отъ церкви во дворецъ еще чуднѣйшую представлялъ картину: шапки, шляпки, платки летали въ воздухѣ, маханіе платковъ изъ всѣхъ оконъ наполненыхъ дамами, крики народа проводили до самаго подъѣзду, гдѣ опять едва могъ освободиться, чтобъ сойти съ лошади. И кажется, что отечественная домашняя непритворная радость едва ли не пріятнѣе ему показалась всѣхъ иностранныхъ великолѣпныхъ встрѣчъ. Ибо, не смотря на всю неохоту его къ наружнымъ знакамъ радости, т. е. иллюминаціи и прочая, позволено оную на три дня. И какихъ нѣтъ огней въ городѣ? Едва ли станетъ всей заготовки шкаликовъ и плошекъ. И такъ уже третью ночь мы ослѣпляемся сверканіемъ различныхъ и чрезвычайныхъ освѣщеній. Достойнѣйшія замѣчанія когда-нибудь опишу, да и газетчики не оставятъ сдѣлать о семъ описанія. При семъ прилагается указъ отвѣтный государя на предложеніе Россійскихъ сословій. Тріумфальные ворота, устроенные для въѣзда Государя, желаетъ онъ посвятить побѣдоносной гвардіи, такъ говорятъ [2]). 16 Іюля. (VII, 75).

---

[1]) На Вѣнскій конгресъ. Тяжело было ему по долгу оставаться съ матерью; а супругу онъ вызвалъ къ себѣ за границу. П. Б.

[2]) Прекрасные ворота въ Царскосельскомъ саду съ лестною для Русскаго войска надписью на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Князь Лопухинъ титулярному совѣтнику Новосельскому.

Ежели обидно показалось искреннее мое вамъ признаніе, что требованіи ваши неосновательны, потому что оныя были разсматриваемы Государемъ Императоромъ, и въ чемъ должно удовлетворены: то въ семъ покорнѣйше прошу меня простить; я и самъ сожалѣю, что, сказавъ совершенную правду, сдѣлалъ досаду.

Напоминаете вы мнѣ, милостивый государь мой: вы происходите отъ древней свѣтлости и о правахъ человѣка. Я очень и самъ чувствую, что природа всѣхъ насъ на свѣтъ равно производитъ, и смѣю васъ увѣрить, что чины и почести меня нимало не ослѣпляютъ: титулъ свѣтлости, который я ношу, ума моего не просвѣщаетъ, на морозѣ не грѣетъ и темной комнаты не дѣлаетъ свѣтлою, а незнающимъ меня заставляетъ иногда дурнѣе обо мнѣ думать, нежели я есмь, что можетъ быть случилось и съ вами.

Я привыкъ тѣмъ, кои до меня дѣла имѣютъ говорить правду и никогда не льстить пустыми обнадеживаніями. Впрочемъ прошу быть увѣреннымъ, что хотя вы мнѣ на словахъ и въ письмѣ наговорили множество непріятностей, но за всѣмъ тѣмъ, ежели могу быть вамъ въ чемъ полезенъ, то прошу мнѣ сказать: я употреблю всѣ тѣ способы, кои отъ меня зависятъ сдѣлать вамъ угодное, увѣряя васъ, что я менѣе злопамятенъ, нежели вы мстительны. 26 Іюня 1805. (VI, 397).

Изъ письма Александра Павловича къ Трощинскому.

Димитрій Прокофіевичъ! До свѣдѣнія моего дошло, что сенаторы, даже не занятые никакими должностями, уклоняются отъ присутствія въ Сенатѣ подъ предлогами, не заслуживающими уваженія, такъ что нерѣдко слушаетъ дѣло одинъ или два сенаторы, да и тѣ пріѣзжаютъ на самое короткое время, отъ чего происходитъ не только медленность въ отправленіи правосудія, но и размноженіе недѣльныхъ голосовъ, которыхъ не могло бы случаться во множественномъ числѣ, какъ нынѣ бываетъ, если бъ дѣла прилежно разсматриваемы были въ полномъ присутствіи и сужденія по онымъ производились всѣми членами совокупно. А притомъ я желаю, чтобы всѣ члены Сената съѣзжались въ собраніе и всякій разъ находились въ ономъ положенные генеральнымъ регламентомъ часы въ приличныхъ по своей степени занятіяхъ. *) (VI, 78).

*) Писано 26 Янв. 1816 г., т. е. вскорѣ по возвращеніи Государя въ Россію послѣ долговременнаго пребыванія за границею. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

О пребываніи въ Москвѣ двухъ квакеровъ.

(Въ Мартѣ и Апрѣлѣ 1819).

На сихъ дняхъ прибыли въ сію столицу два путешественника, г.г. Алленъ и Грелетъ, лично извѣстные Государю Императору и принадлежащіе къ обществу такъ называемыхъ квакеровъ.

Г. министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія увѣдомилъ меня, что оба они по качествамъ своимъ суть весьма почтенныя особы и по благотворнымъ предпріятіямъ повсюду уважаемые; цѣль путешествія ихъ по Европѣ есть та, чтобы во всѣхъ мѣстахъ имѣть случай видѣть тюрьмы, гошпитали, богадѣльни и училища. Государю Императору благоугодно, чтобы во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя они будутъ, оказываемо имъ было всякое содѣйствіе и уваженіе, а при томъ доставляемы всѣ удобности къ обозрѣнію вышеозначенныхъ заведеній, гдѣ каковыя находятся.

Во всякомъ частномъ домѣ мѣрятъ шагами сибирки и записываютъ въ записную книжку, также спрашиваютъ во всякой части, сколько въ прошломъ году было арестантовъ, и иное записываютъ.

На Кисловкѣ у Ланга въ гимназіи, гдѣ осматривали учениковъ, ихъ комнаты нашли большую нечистоту.

Къ Краснымъ воротамъ, въ Страннопріимный домъ князей Куракиныхъ, гдѣ осматривали бѣдныхъ, также были въ церкви и, найдя у дьякона 8 человѣкъ дѣтей, дали имъ 10 рублей и по осмотрѣніи просили меня поблагодарить смотрителя и сказать ему, что они во все время только во второмъ мѣстѣ нашли порядокъ: въ первомъ въ губернскомъ замкѣ, а потомъ у нихъ. Съ гражданскимъ губернаторомъ ѣздили къ Дарьѣ Николаевнѣ Лопухиной. Тамъ осматривали ея училище и обѣдали у ней. Заведеніемъ и наукою дѣтей они очень были довольны. Г-жа Лопухина имъ дала дѣтскихъ рукодѣлій, одному вышитый мѣшечекъ для часовъ, другому шитый коврикъ по канвѣ, а гражданскому губернатору шнурочекъ для часовъ.

Въ тюрьмѣ, называемой Ямою, занимаются особенно чистотою; не замѣтили въ ней ни малѣйшаго дурного запаху, и имъ сказывали, что часовые не стоятъ тамъ ночью внутри женскихъ арестантскихъ; съ удовлетвореніемъ видѣли тамъ нѣсколько списковъ священнаго писанія и многія небольшія бесѣды, переведенныя княгинею Мещерской.

Отправились чрезъ Екатеринославъ въ Одессу. (VI, 11—19).

Библиотека "Руниверс"

Изъ письма А. А. Муханова къ сестрѣ.

Je suis tout prêt à vous tranquiliser, par rapport à mon oncle *); mais il faut que vous en faisiez autant en me parlant avec les plus grands détails de la santé de papa. Je viens d'apprendre que sa maladie l'incommode depuis quelque tems. Cela me cause de vives inquiétudes, vu la distance des lieux qui nous sépare et qui nous empêche d'avoir de vos nouvelles plus souvent.

Quant à ce que vous vouliez savoir de C. II. et ce que vous m'en dites il n'est pas plus question de lui que du Grand-Mogol. Il est vrai qu'il a eu quelques désagréments, «но тучи миновали». Ces désagréments consistaient en ce que l'Empereur, en revenant de Царское, a eu une roue de sa calèche cassée en entrant en ville, et a été même forcé de prendre un извощикъ pour arriver jusqu'au château. Le Czar a eu du dépit, mais il n'en a rien dit. Quelques jours après l'Impératrice Élisabeth n'eut pas le temps de se mettre en voiture et de faire quelques pas, que l'essieu de sa voiture cassa; c'était vis-a-vis du château, sur la grande place, la chûte fut très heureuse, le cocher en sautant au bas de son siège retint les chevaux par le timon, et l'Imp. sortit très tranquillement de la voiture, en tâchant de rassurer l'Empereur et de le disposer au bien. Le Souverain en voyant la chûte de ses fenêtres était accouru sans chapeau et sans épée; le prince Volkonsky vient dans l'après-dîner, et lui dit: «que l'Empereur lui faisait témoigner son mécontentement pour l'accident du matin, et qu'il était indécis, si desormais il se servirait d'un équipage, ou irait à pied pour ne plus courrir le danger auquel ils avaient été exposé, son épouse et lui». Mon oncle fit témoigner ses regrets, et le lendemain il alla chez l'Impératrice Elisabeth qui le reçut très bien et lui dit qu'au moment de sa chûte, elle s'était tout de suite rappellé de lui. Il rencontra l'Empereur, qui lui parla avec beaucoup de bonté et badina même sur la chûte lente, que la voiture fit en tombant. Voilà tout ce que je puis vous dire par rapport à cette histoire. Actuellement il n'en est rien, l'Empereur même l'ayant vu avant—hier à Zarskoyé, lui a parlé pendant quelques minutes. Il est revenu hier de Zarskoyé ainsi que son Auguste mère pour voir la princesse du Turgistant. Bonjour, cher amie, je vous embrasse ainsi que Володя et les soeurs, j'ecrirai à Катенька à la première occasion.

Alexandre.

На оборотѣ: A la chère soeur Thémire.

18 (20—V) 19. (VI, 342).

---

*) Сергій Ильичъ Мухановъ, шталмейстеръ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Графъ Ланджеронъ князю А. Н. Голицину.

Списокъ съ донесенія Херсонскаго генералъ-губернатора графа Ланжерона изъ Одессы отъ 10 Мая 1821 года къ князю Александру Николаевичу Голицыну.

Честь имѣю донести вашему сіятельству о происшествіи сколько необыкновенномъ, столько же важномъ и ужасномъ, случившемся въ Константинополѣ въ день Пасхи. Почтенный патріархъ Греческій Григорій на 46-мъ году своей жизни былъ отторгнутъ отъ алтаря, гдѣ онъ едва только окончилъ богослуженіе, и по приказанію Султана былъ повѣшенъ предъ его домомъ; новый великій визирь самъ присутствовалъ при исполненіи сей казни, сидя на табуретѣ и спокойно куря табакъ въ продолженіе двухъ часовъ. Въ тотъ же день тою же казнію погибли 7 другихъ митрополитовъ или епископовъ Греческихъ. Церковь патріаршеская и 16 другихъ церквей осквернены и разрушены мусульманами. Увѣряютъ, что многія тысячи христіанъ Греческихъ въ сіе время были умерщвлены.

На другой день тѣло несчастнаго патріарха по повелѣнію Султана было продано Іудеямъ, которые оное влачили по улицамъ и изрыгали самое ужасное богохульство противъ нашей святой религіи и Божественнаго Спасителя; наконецъ трупъ его брошенъ былъ въ море. Баронъ Строгановъ, который увѣдомляетъ меня о семъ ужасномъ происшествіи, присовокупляетъ, что къ шеѣ патріарха былъ привязанъ тяжелый камень, но или онъ самъ несправедливо слышалъ о семъ, или сей камень оторвался, только тѣло патріарха носилось по водамъ Босфора и остановилось между двумя суднами, готовившимися ѣхать сюда. (VI, 400).

Изъ писемъ о Петербургскомъ наводненіи 1824 года.

Нижніе этажи наполнялись водою, а загородныя, деревянныя малыя строенія совсѣмъ снесло и въ которыхъ много погибло несчастныхъ семействъ. Нѣтъ возможности описать столь горестное и плачевное состояніе. Напримѣръ, трупы погибшихъ, мать обнявшись съ дѣтьми, мужъ съ женою или съ сыномъ, братъ съ сестрой, у другого рука сложена крестомъ, у иныхъ обѣ воздѣты къ небу; и почти всѣ сіи охладѣвшіе трупы въ подобныхъ симъ положеніяхъ остались недвижимы.

У купечества весьма много потопило товаровъ, а особливо сахаръ, который уже теперь сдѣлался чувствительно дороже и другіе; соль начали было продавать по 20 коп. за фунтъ, хлѣбъ тоже втрое,

Библиотека "Руниверс"

однакожъ это продолжалось для жадныхъ продавцовъ весьма коротко; благодаря нашему правительству, нужнѣйшее все сдѣлалось попрежнему.

А паче тронутый Государь нашъ Императоръ положеніемъ своего народа изволилъ оказать великія милости: во-первыхъ пожаловалъ разорившимся великую сумму денегъ, а во-вторыхъ для жительства даны бѣднымъ домы въ разныхъ мѣстахъ города, также и столъ производится отъ казны.

На набережной у Сената барку разбило съ виномъ, и черный народъ перепился. Всюду встрѣчаются новости, пришли въ Галерную гавань, здѣсь невольно у каждаго изъ глазъ выкатится слеза! Мало можно примѣтить, чтобъ тутъ были жители; какъ выше сказано, многіе домы унесло.

Въ оный комитетъ поступило: отъ Государя милліонъ рублей, отъ графа Аракчеева, отъ комитета военныхъ поселеній, полтора милліона, изъ суммъ духовенству принадлежащихъ милліонъ, вдовствующая государыня 50 т., молодой графъ Шереметевъ 200 т., графиня Орлова 100 т., сверхъ того открыта въ каждой части и приходѣ подписка.

Бенкендорфъ бросился вплавь съ катеромъ, сказавши: воля царя— воля святая; за нимъ послѣдовали матросы, достигли барку, и люди были спасены на Выборгскую сторону. Бенкендорфъ возвратился уже ночью въ 4 часа во дворецъ, найдя Государя въ слезахъ, ибо онъ считалъ его погибшимъ, кинулся въ его объятія и пожаловалъ ему богатую табакерку съ своимъ портретомъ и 50 т. руб.

Вода до такой чрезвычайности разрыла кладбище Смоленское, что тѣла въ гробахъ поплыли по всему городу и даже до Лѣтняго саду, къ которому приплыли 3 деревянные монумента съ крестами.

Находятся много несчастныхъ дѣтей, кои не умѣютъ назвать себя, чьи они; возятъ повсюду, не узнаютъ ли они хотя знакомыхъ ихъ родителей. А между усопшими жены мужей и мужья женъ ищутъ. Море не успокоилось весь Ноябрь, а 19 или 16 Декабря вода снова вышла изъ береговъ, и косные сердцемъ, бывшіе въ театрѣ, извѣщены полицмейстеромъ, чтобы разъѣзжались по домамъ. 24-е о подобномъ возвышеніи воды чрезъ вѣстовую пушку изъ крѣпости жители также извѣщались. (VI, 56—59).

Изъ Мухановскихъ писемъ про коронацію императора Николая Павловича.

1. Здѣсь всѣ готовятся къ коронаціи. Комисіонеры посланниковъ смотрятъ дома, и между прочимъ повѣренный Мармонта m-r де Pontcaret смотрѣлъ домъ Корсаковой*) и восхищался имъ, но не нанялъ,

*) У Страстнаго монастыря, нынѣ домъ Седьмой Гимназіи. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

найдя ему слишкомъ малымъ, ибо по словамъ его нельзя помѣстить тамъ trente valets de pied, которыхъ герцогъ Рагузскій везетъ за собою. Дамы наши съ важнымъ видомъ толкуютъ объ узорахъ, платьяхъ.

2. Посланники наперерывъ съ ревностію даютъ праздники съ плясками и обѣды, сыпятъ деньги какъ соръ и являютъ роскошь, какой Москва еще не видывала. У Ragusa за ужиномъ между каждыми двумя приборами по бутылкѣ Шампанскаго, за домъ платитъ 60 т. и 20 т. за флигель и строитъ еще особую палату для праздника послѣ коронаціи. Было бы тебѣ извѣстно, что Французскіе солдаты изъ его имени сдѣлали глаголъ raguser, однозначущій съ tromper, trahir. У Девоншира, который и глупъ, и глухъ, лакеевъ обшитыхъ золотомъ вдвое больше, нежели ступеней на лѣстницѣ; ибо на каждой по два лакея стоятъ во весь вечеръ, и напудренные. Я не думалъ, чтобы въ просвѣщенномъ Западѣ такая нелѣпая и никакой красоты ни удовольствія въ себѣ не заключающая роскошь была въ употребленіи. У соотечественниковъ также много пировъ, у отца [2]) скромные вечера.

3. Здѣсь время проходитъ въ праздникахъ. Ты несомнѣнно имѣешь ихъ росписаніе; скажу къ твоему удивленію, что праздникъ Юсупова превзошелъ всѣ прочіе пріятностію и великолѣпіемъ равняется съ баломъ графини Орловой. Иностранцы уступили въ семъ случаѣ, какъ и во многихъ, Русскимъ, что̀ сдѣлало удовольствіе Государю и всѣмъ намъ патріотамъ. (VII, 76).

Графъ А. А. Закревскій.

Московскимъ старожиламъ памятенъ графъ Закревскій, въ 1848 г. назначенный послѣ долголѣтней отставки править Москвою и снабженный даже такъ называемыми бланками, т. е. бѣлыми листами съ подписью царскою, на которыхъ въ случаяхъ нужды могъ онъ писать что̀ ему заблагоразсудится. Парижъ, Берлинъ, Вѣна, Франкфуртъ, Баденъ и пр. объяты были мятежемъ: сочтено необходимымъ оподозрить Москву, т. е., по выраженію Пушкина, за шалости принца, сѣчь пажа. Подобно графу Аракчееву по отношенію къ затѣѣ военныхъ поселеній или великому князю Михаилу Павловичу по отношенію къ воинской дисциплинѣ, графъ Закревскій принялъ на себя неприглядную сторону охранительнаго дѣла, и высшее Московское общество возненавидѣло его. Вдобавокъ, онъ дѣйствовалъ въ то время подъ вліяніемъ супруги и дочери (которая и подала поводъ къ его увольненію въ 1859 году). Не таковъ онъ былъ въ молодости, о чемъ свидѣтельствуетъ изданная РусскимъИсторическимъ Обществомъ въ 2-хъ томахъ переписка его съ лучшими изъ его современниковъ.

---

[2]) Т. е. у сенатора Алексѣя Ильича Муханова, на Остоженкѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ новыхъ частяхъ Щукинскаго сборника немало напечатано бумагъ графа Закревскаго за время его генералъ-губернаторства въ Финляндіи и когда онъ былъ (до 1831 г.) министромъ внутреннихъ дѣлъ. Нѣкто Кириллъ Ѳедоровичъ Козачковскій, старый израненный воинъ, пишетъ ему изъ Камышина 12 Марта 1828:

Вся публика единогласно вопитъ о васъ, всепочтеннѣйшій и любезнѣйшій Арсентій Андреевичъ, что вы, совершенно чуждаяся расчетливой политики, помните старое знакомство, не гнушаетесь имъ и оказываете благодѣянія по силѣ возможности. Сіе свойство, столь благородное, есть природный инстинктъ великодушія и благотворнаго вашего сердца. А какъ я всю мою жизнь высоко чтилъ людей нагихъ отъ ихъ титлъ, то не могу оставить міра сего, не простясь съ вами и не засвидѣтельствуя вамъ моего должнаго высокопочитанія, сопряженнаго съ отличнымъ уваженіемъ той славы, которою вы пользуетесь отъ правительства и лучшей публики. Живите, Арсентій Андреевичъ, долгія лѣта и утѣшайте бытіемъ своимъ и благодѣяніями вашихъ знакомыхъ и вообще умѣющихъ снискать ваше доброхотство. Если бъ я смѣлъ препоручить себя оному, то отважился бы на сіе только въ такомъ случаѣ, чтобъ упросить васъ научить меня, какъ достигнуть того счастія, чтобъ мнѣ пожалована была вновь аренда. Правда, масло въ моей лампадѣ сгорѣло, и щекатурка скелета моего весьма обветшала; но зубы у меня почти цѣлы, и сѣдые волосы едва кой-гдѣ примѣтны; а медики мнѣ то и поютъ, что при нынѣшнемъ образѣ моей жизни я весьма благонадежно могу положиться на полтора десятка лѣтъ, только бы жить безъ кручины и печали. Да о чемъ же мнѣ и печалиться, если получу аренду? Я очень неприхотливъ: буде мнѣ израненному, съ шестью дѣтьми пожалуютъ то, что пожаловали не раненному Дмитрію Ильичу съ одною дочерью; то я съ моимъ семействомъ, всечасно возносся со слезами теплыя молитвы ко престолу, сіяющему надъ безднами горящихъ тѣлъ, будемъ вопить: Господи! спаси Царя!!! не по заслугамъ моимъ, но по велицѣй милости изліявшаго на насъ свои щедроты. Плодословіе мое конечно васъ обременило; но ваше снисхожденіе велико. (VII, 303).

Изъ переписки И. В. Сабанеева съ графомъ А. А. Закревскимъ.

Дрезденъ, 3 Марта 1829.

На дняхъ получилъ отъ графа Дибича отношеніе, коимъ извѣщаетъ меня, что Государю Императору особенно пріятно будетъ прочесть мой катихизисъ солдатскій, присягу краткую и мнѣніе мое о нынѣшнемъ духѣ Россійской арміи. Послѣднее написалъ съ большимъ

Библиотека "Руниверс"

трудомъ и усиліями: ни толку, ни силъ физическихъ для усовершенствованія недостаетъ. Болѣзнь истощила душевныя способности и физическія силы; за всѣмъ тѣмъ столь милостивое снисхожденіе благодѣтеля, отца и Государя моего, чрезвычайно меня одобрило, и я дней нѣсколько чувствовалъ себя весьма хорошо. Дай Богъ е. в. здоровья и крѣпости силъ. Отъ такой дѣятельности Россія можетъ ожидать много полезнаго. Покори Господи подножію ногъ его враги и супостаты наши и возвыси рогъ православныхъ. Тебѣ, любезнѣйшій другъ, извѣстно, какъ я женился, 11 лѣтъ былъ счастливъ; теперь, на вечерѣ жизни моей, получаю ударъ нестерпимый. Отъ кого же? Отъ родного брата моего.

Надобно знать, что все наслѣдственное отдалъ я законнымъ наслѣдникамъ моимъ, а нажитое отказалъ женѣ моей *). Одинъ изъ братцевъ моихъ проговорился, что онъ по смерти моей уничтожитъ мою духовную по неимѣнію разводнаго акта съ первымъ мужемъ. Не повѣришь, какъ меня сіе новое несчастіе поразило.

Помнишь, какъ я пріѣхалъ въ 1818 году и стоялъ у тебя на квартирѣ, былъ почти все время боленъ, а потому и хлопотать о разводѣ не могъ. Впослѣдствіи времени то за тѣмъ, то за другимъ не могъ пріѣхать въ Петербургъ. Но покойному Государю, въ бытность его въ Могилевѣ, упалъ предъ нимъ на колѣни и признался въ моемъ поступкѣ. Онъ меня по милосердію своему простилъ и сказалъ, что ежели въ теченіе 10 лѣтъ просьбы не будетъ, то велитъ дать разводъ, съ тѣмъ, если первый мужъ не будетъ противу сего. Я, глупецъ, вмѣсто того, чтобы просить Государя нынѣшняго о утвержденіи брака, просилъ чрезъ Бенкендорфа о пожалованіи дѣтямъ жены моей отъ перваго брака Шиповскимъ фамиліи Сабанѣевыхъ съ правомъ наслѣдства. Е. в. изволилъ въ томъ отказать, но и въ самомъ отказѣ явилъ милостивое вниманіе, изъявивъ волю свою, что онъ самъ утвердитъ мою духовную, только чтобы я жену мою назвалъ Шиповскою, а не Сабанѣевою. Посуди самъ, могу ли я на сіе рѣшиться. Не довольно ли и того неумышленнаго злодѣйства, которымъ лишилъ я ея спокойствія, увѣря въ легкомъ способѣ получить разводъ, потому что и самъ такъ думалъ? Поднимется ли рука моя, стоя при дверяхъ гроба, въ публичномъ актѣ обесчестить жену мою и друга, съ которою я въ теченіе 11 лѣтъ не имѣлъ минутнаго неудовольствія, чтобы я повлекъ ее за собою въ гробъ и оставилъ бѣдныхъ сиротъ на съѣденіе алчнымъ наслѣдникамъ, которые оберутъ ихъ до рубашки? Нѣтъ, мой другъ Арсеній

*) Пульхеріи Яковлевнѣ, урожд. Борецкой. См. о Сабанеевѣ XXXIX-ю книгу „Архива князя Воронцова".

Библиотека "Руниверс"

Андреевичъ, не могу на сіе рѣшиться. Пусть она пойдетъ просить милостыню, но я обесчестить ее не рѣшусь. Что же она у меня была, если не жена?

Боже, Боже мой! Согрѣшихъ предъ тобою. Тяжко умирать злодѣемъ. А я злодѣй и ужасный злодѣй, я ослѣпленный страстію вовлекъ цѣлое семейство въ несчастіе. Гдѣ искать помощи? Научи ради Бога! Утѣшь въ горести и отчаяніи болящаго инвалида. Ночи не сплю. Положеніе мое ужасно. Чувствую приближеніе конца дней моихъ, и въ какомъ же положеніи оставляю я жену и дѣтей? Помоги, ради самого Бога помоги, дай умереть спокойно. На сіе ожидаю дружескаго отзыва твоего. Ужель милость царская на мнѣ лишь оскудѣетъ? Вѣчно твой Сабанеевъ.

*

С.-Петербургъ, 26 Апрѣля 1829.

Получивъ, почтеннѣйшій другъ Иванъ Васильевичъ, письмо твое отъ 3 Марта, я по важности содержанія его и душевно желая найти средства для облегченія твоей скорби, не могъ тотчасъ отвѣчать на оное. При всѣхъ моихъ по сему предмету размышленіяхъ, я одно только нахожу средство, которое, мнѣ кажется, можетъ успокоить остатокъ дней твоихъ.

Невозможно по моему мнѣнію женѣ и дѣтямъ твоимъ имѣть другого имени кромѣ Шиповскихъ, на основаніи нашихъ духовныхъ постановленій. Что же касается до утвержденія за ними наслѣдства, то я полагаю это возможнымъ, когда ты заключишь съ однимъ изъ твоихъ искреннѣйшихъ пріятелей (положившись на совершенной его къ тебѣ преданности) актъ, по коему назначенная Шиповскимъ часть имѣнія твоего должна сдѣлаться на время его собственностью; само собою разумѣется, что предварительно надобно будетъ сдѣлать съ нимъ сношеніе, чтобы наслѣдство сіе передано было послѣ смерти твоей Шиповскимъ. Должно будетъ, по сдѣланіи вышеупомянутыхъ акта и сношенія, испросить утвержденія у Государя *).

Такъ какъ Государь на дняхъ ѣдетъ въ Варшаву короноваться, то совѣтую тебѣ всего лучше адресовать туда письмо твое, или прямо къ его величеству или на имя генерала Бенкендорфа.

Вотъ, почтеннѣйшій другъ Иванъ Васильевичъ, откровенное мнѣніе мое о семъ для тебя важномъ предметѣ; хотя я совершенно чувствую и знаю, сколько безпокойства отъ онаго происходящія должны вредить уже разстроенному здоровью твоему, однако къ крайнему мо-

*) Сабанеевъ, кажется, не успѣлъ послѣдовать этому совѣту; онъ скончался въ Августѣ 1829 года.

Библиотека "Руниверс"

ему прискорбію не могу придумать другого средства для улучшенія онаго.

Принимая по дружбѣ твоей ко мнѣ живѣйшее участіе во всемъ до тебя относящемся, я съ нетерпѣніемъ буду ожидать увѣдомленія окончательнаго предпринятія твоего для устройства дѣла, коего конца я искренно желаю. Ради здоровья твоего, столь всѣмъ любящимъ тебя драгоцѣннаго, прошу тебя не разстраивать оное еще болѣе излишнимъ безпокойствомъ, которое скорѣе можетъ служить преградою, чѣмъ ускореніемъ исполненія твоихъ желаній.

Продолжающаяся глазная боль моя не позволяетъ мнѣ тебѣ писать собственноручно. Ты, почтеннѣйшій другъ П. В., уважишь сію причину и безъ сомнѣнія дружески простишь душевно тебѣ преданнаго и истиннаго друга твоего А. Закревскаго. (VII, 304—306).

Изъ переписки А. И. Казначеева съ графомъ А. А. Закревскимъ.

2 Апр. 1829. Феодосія.

Давно собирался я писать къ вамъ, почтеннѣйшій и благодѣтельнѣйшій мой Арсеній Андреевичъ, о многомъ и небезполезномъ, и можетъ быть не собрался бы такъ скоро исполнить свое сердечное желаніе, если бы не графъ Воронцовъ побудилъ меня къ тому. Его сіятельство пишетъ ко мнѣ съ нарочнымъ, что онъ представилъ меня на мѣсто губернатора Нарышкина, въ умѣ повредившагося*). Видно Одесса больна вертижами въ головѣ и сумашествіемъ или сумасбродствомъ. Какъ графъ, умный человѣкъ, могъ представить меня безъ моего согласія, послѣ всего между нами случившагося? Поистинѣ надобно быть слишкомъ или безсовѣстному или слишкомъ надѣянну на мою глупую доброту. Его сіятельство очень зналъ, что не онъ одинъ предлагалъ мнѣ губернаторство; я всѣмъ отказалъ со всепокорнѣйшею благодарностію. Приму ли я Таврическое губернаторство, въ немъ же нѣсть числа гадовъ и безпорядковъ? Весьма понятно, что меня суютъ сюда для исправленія и молчанія о томъ, что̀ можетъ быть ускорило сумашествіе Нарышкина. Все хорошее почтется слѣдствіемъ распоряженія предмѣстника, все дурное выставится моимъ: вотъ перспектива служебная, меня ожидающая! Но полно; въ третій разъ доброта моя была бы хуже воровства. Знаю, вамъ нельзя не доложить Государю представленія графскаго; но позвольте мнѣ просить васъ, какъ благодѣтеля моего и друга, доложить его величеству, что я не желаю и не

*) Это былъ родственникъ графа Воронцова—Дмитрій Васильевичъ Нарышкинъ (женатый на графинѣ Натальѣ Феодоровнѣ Растопчиной).

Библиотека "Руниверс"

могу принять губернаторскаго мѣста, имѣя на то важныя причины. Если Государю угодно, чтобы я служилъ, буду служить до послѣдней капли крови, только не губернаторомъ и особенно не Таврическимъ губернаторомъ. Если уже я утвержденъ, то будьте милостивы и скажите князю Меншикову, что я готовъ служить подъ его начальствомъ въ штабѣ или гдѣ угодно. Видно, Богъ сжалился надо мною и наконецъ разлучаетъ меня съ графомъ, который вѣроятно родился подъ созвѣздіемъ, враждебнымъ моему. Странное дѣло: первое добро, имъ мнѣ оказанное, было оставить меня во Франціи; но и это добро чуть меня не погубило, какъ вамъ извѣстно; 4 года тяжкихъ трудовъ и Египетской, каторжной работы едва убѣдили покойнаго Государя въ моей невинности. Потомъ уже я безпрестанно попадалъ изъ западни въ западню его сіятельства, и думалъ наконецъ обрѣсти убѣжище въ отдаленіи; не тутъ то было. Вы скажете: послѣднее графское представленіе показываетъ его ко мнѣ благорасположеніе и доброе мнѣніе о моихъ способностяхъ. Въ первомъ особенно ошибаетесь: это благорасположеніе къ Нарышкину и униженіе мнѣ. Графъ увѣренъ, что я въ грязь лицомъ не ударю и не обнажу Нарышкина, напротивъ покрою его своими плечами; но что же мнѣ за честь замѣстить того сумасшедшаго, которому не съ чего было сходить, который всегда и всѣмъ былъ моложе меня; не говоря уже о губернаторской должности, которая въ Русскомъ царствѣ, къ сожалѣнію, находится еще въ жалостномъ и бѣдномъ положеніи. Эта должность похожа въ худшемъ видѣ на полкового командира: благоразумные всѣ отъ нея отказываются; лѣзутъ въ петлю лишь богатые честолюбцы, да нечестные бѣдняки. Спросите честнаго..... онъ скоро умретъ отъ голода и трудовъ, и трудовъ почти безполезныхъ, ибо губернаторы не имѣютъ ни довольнаго вѣсу, ни довольно способовъ оказывать пользу общую. Я столько оказалъ графу и Грейгу услугъ въ маленькомъ своемъ мѣстѣ, при настоящихъ важныхъ обстоятельствахъ, что если бы вмѣсто меня былъ Нарышкинъ или Богдановской, то бы они въ високосный годъ получили 366 награжденій; а и еще ничѣмъ не обласканъ. Доказываетъ ли это графское ко мнѣ расположеніе? Ради Бога избавьте меня отъ огня и меча, графа и губернаторства. Охотно иду опять въ солдаты. По крайней мѣрѣ буду на виду у Государя и, живучи въ Петербургѣ, найду способы къ образованію моего сына, который по необыкновеннымъ своимъ способностямъ имѣетъ въ немъ уже теперь нужду, не смотря на его восмилѣтіе. Съ графомъ сражусь я собственнымъ его оружіемъ: напишу ему преласковое и преблагодарное письмо, послѣ того отойду отъ зла и сотворю благо. Я даже не приму должности губернатора, если меня назначатъ и рапортуюсь больнымъ или выпрошусь въ отпускъ въ Петербургъ, отку-

Библиотека "Руниверс"

да уже и не возвращусь, или поѣду въ армію. Во всякомъ случаѣ не отложите доклада графскаго представленія о мнѣ, дабы Государь не подумалъ, что графъ меня не хочетъ: пусть увидитъ, что я его не хочу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, сіятельный, не смотря на скромный и подчиненный мой отказъ, взбѣсится внутренно, облобызаетъ меня наружно, и радъ будетъ оставить въ Ѳеодосіи, чтобы тутъ похоронить меня.... Графъ поспѣшилъ назначеніемъ меня въ Нарышкины, боясь назначенія изъ Питера: столичный не пощадитъ предмѣстника своими плечами, развѣ пришлютъ неуча. Пусть назначитъ графъ на мѣсто Н.... велемудраго, какъ называетъ правдивый Желтухинъ, Брунова, который наворовалъ въ Валахіи сотни тысячъ подъ рукою плохого Палена и возвращается въ препростертыя объятія графа М. С—ча, котораго онъ изъ Одессы описываетъ мнѣ перемѣнившимся во многомъ, для него невыгодномъ. Вѣчно весь вашъ А. К. (VII, 322).

Апрѣля 30-го 1829. С.-Петербургъ.

Любезный Александръ! Письмо твое отъ 2-го Апрѣля я получилъ, когда былъ уже подписанъ указъ о назначеніи тебя Таврическимъ губернаторомъ. Теперь дѣло кончено, и помочь этому я не могу; если-бы я имѣлъ письмо твое прежде представленія графа Воронцова, то конечно все что отъ меня зависитъ, дабы избавить тебя отъ мѣста, коего ты, какъ кажется, рѣшительно не желаешь. Впрочемъ, любезный другъ, безпорядки, существовавщія въ губерніи при предмѣстникѣ твоемъ, не должны тебя страшить; ибо при вступленіи въ должность, твоею обязанностію будетъ представить генералъ-губернатору то положеніе, въ которомъ ты засталъ дѣла и такое же донесеніе сдѣлать министру*). Точнымъ, полнымъ и откровеннымъ изложеніемъ состоянія губерніи ты совершенно отстранишь отъ себя отвѣтственность за безпорядки прежде бывшіе, коихъ ты ни въ какомъ случаѣ и не смотря ни на какое лице скрывать не долженъ.

Добрѣйшій и благороднѣйшій А. И. Казначеевъ (котораго С. Т. Аксаковъ звалъ бѣлымъ голубемъ) оставался много лѣтъ Таврическимъ губернаторомъ. Графъ Воронцовъ дорожилъ имъ, какъ видно по письмамъ его къ графу Бенкендорфу. (См. „Архивъ князя Воронцова", кн. 36),

Письмо М. П. Розбергъ [2]) Н. И. Розанову.

3 Апрѣля 1830 года.

Воронцовъ, кажется, человѣкъ совсѣмъ другихъ свойствъ, нежели какъ обыкновенно слышно объ немъ. Обращеніе его, его поступки всѣ

[1]) Т. е. самому Закревскому, министру внутреннихъ дѣлъ съ Апрѣля 1828 г.

[2]) Михаилъ Петровичъ Розбергъ, впослѣдствіи профессоръ Русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ.

Библиотека "Руниверс"

отзываются благородствомъ, какого мы не привыкли видѣть въ нашихъ знатныхъ сановникахъ; образованіемъ онъ опять таки станетъ выше всѣхъ ихъ, и я со дня на день убѣждаюсь болѣе и болѣе, что зависть много потрудилась надъ составленіемъ объ немъ мнѣнія. Изъ чиновниковъ, служащихъ при графѣ, первый какъ по уму, по знаніямъ, такъ и по дѣятельности своей и по своему вліянію, есть Левшинъ: онъ здѣсь въ Одессѣ тоже, что̀ въ театральныхъ труппахъ «grande utilité»; всѣ важныя порученія, всѣ дѣла требующія размышленія, предоставлены ему. Думаю, ты долженъ знать его. Левшинъ человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ, имѣетъ чинъ статскаго совѣтника и, разумѣется, Анну на шеѣ и Владимира въ петлицѣ. Мы живемъ съ нимъ въ одномъ домѣ, въ домѣ Тростянскаго, на морскомъ берегу, и я хорошо съ нимъ познакомился. Морозовъ-малый умный, добрый, занимается преимущественно математикою и, не смотря на то, прославился здѣсь любовію своею къ m-lle Орлай, какъ въ старину Петрарка любовію къ Лаурѣ. Для бо́льшаго сходства недостаетъ только Воклюзскаго фонтана; впрочемъ въ Одессѣ скоро будутъ фонтаны Артезіанскіе. Особенно замѣчателенъ здѣшній антикварій и вмѣстѣ съ тѣмъ антикъ-Бларамбергъ; я иногда у него обѣдаю, а по вечерамъ онъ часто бываетъ у меня. Вотъ еще лице, которое ждетъ своего Вальтера-Скотта. Образъ жизни въ Одессѣ мнѣ нравится болѣе Московскаго образа жизни; здѣсь всѣ какъ-то ближе другъ къ другу, и если на балѣ или вечеринкѣ недостаетъ кого нибудь, это тотчасъ замѣтно. Причины такого явленія: болѣе тѣсный кругъ высшаго общества, болѣе европеизма въ отношеніяхъ людей къ людямъ и характеръ главнаго лица въ городѣ, графа Воронцова. Не нужно тебѣ сказывать, что приглашеніе меня сюда, до моего пріѣзда, было извѣстно почти въ полномъ смыслѣ цѣлой Одессѣ, что меня, не знаю впрочемъ почему, ждали съ нетерпѣніемъ и приняли во всѣхъ здѣшнихъ домахъ какъ нельзя лучше. Я часто бывалъ въ Италіянской оперѣ, бывалъ на прекрасныхъ балахъ графа и на другихъ. Философія считаетъ немного алтарей въ «практическихъ» головахъ жителей Одессы. Одесса вся погружена въ міръ относительный, и благороднѣйшія, небесныя сферы мысли ей незнакомы; южная природа, дѣятельность торговая, частыя, близкія сношенія обывателей, особенно высшаго круга, однимъ словомъ, вся практика жизни, противорѣчитъ отвлеченію, мѣшаетъ сосредоточиваться въ самомъ себѣ и смотрѣть на окружающіе предметы, какъ на выраженія безусловнаго міра идей. Заревая пушка утромъ и вечеромъ, которой огонь, дымъ и громъ летятъ по морю, встрѣчаетъ и провожаетъ солнце; флаги разныхъ націй вѣютъ на лѣсѣ мачтъ; корабли на всѣхъ парусахъ приходятъ и уходятъ; на бульварѣ, по морскому высокому берегу,

Библиотека "Руниверс"

пестрится толпа дамъ, мужчинъ, дѣтей; тутъ видны и Англичане, и Испанцы, и Французы, и Италіянцы и Греки. Вообще весь городъ похожъ на разноцвѣтную, богатую Турецкую шаль, разостланную въ пустыняхъ. Волненіе и живость предметовъ здѣсь не позволяютъ задуматься, здѣсь нельзя вести жизни созерцательной, какъ въ тихомъ океанѣ Московскаго общества. Каковъ тебѣ кажется ходъ Русской словесности? Что думаешь ты о настоящей полемикѣ? Я получаю всѣ Русскіе журналы и, будучи немного посвященъ въ закулисныя тайны этого ремесла, которое на Руси у насъ зовется теперь литературою, покамѣсть вижу, понимаю довольно хорошо, и хожу не ощупью по темному лабиринту журнальныхъ сплетней; но признаюсь, все это такъ перепутывается, что скоро я потеряю Аріаднину нить. Подлецъ Булгаринъ пишетъ пасквили на Пушкина, котораго за нѣсколько недѣль превозносилъ до небесъ, и 7-я глава Онѣгина, прежняго божества Сѣверной Пчелы, вѣрно будетъ разругана. Если ты еще не прочелъ, то прочти въ 4 № Московскаго Вѣстника разборъ Иліады: не смотря на множество странныхъ выраженій и кое-какіе ученическія замашки, это самый глубокомысленный разборъ твореній Омира изъ всѣхъ мною доселѣ читанныхъ (VI, 345).

О пріѣздѣ Николая Павловича въ Москву во время холеры.

(Изъ письма Н. А. Муханова къ графу Закревскому).

Спѣшу увѣдомить ваше сіятельство, что Государь Императоръ прибылъ въ сію столицу 29-го числа въ 9½ часовъ утра. Государь изволилъ прямо пріѣхать къ князю Дмитрію Владимировичу и, взойдя въ кабинетъ князя безъ доклада, нашелъ его еще въ шлафрокѣ. Съ его величествомъ пріѣхали г. Петръ Александровичъ Толстой, генералъ-адъютанты Храповицкій и Адлербергъ, флигель-адъютанты полковн. Апраксинъ, Кокошкинъ и Корсаковъ, докторъ Арендъ и Энохинъ. Генералъ-ад. Бенкендорфъ долженъ быть немедленно; во время отъѣзда Государя, онъ былъ въ Ревельской деревнѣ своей, и туда ему послано повелѣніе прибыть въ Москву. Его величество изволилъ остановиться въ Кремлѣ въ Чудовскомъ дворцѣ, гдѣ уже приняты всѣ мѣры предосторожности: омываютъ руки, окуриваютъ и проч.

Государь былъ въ Воспитательномъ домѣ, въ Кадетскомъ корпусѣ, въ Институтахъ (VI, 61).

Изъ приказовъ графа П. А. Клейнмихеля.

№ 15-й Петергофъ, 11 Августа 1842 года.

Государю императору благоугодно было всемилостивѣйше назначить меня главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями.

Библиотека "Руниверс"

Вступая въ управленіе частію мнѣ ввѣренною, я надѣюсь, что каждый изъ моихъ сослуживцевъ будетъ мнѣ усерднымъ сотрудникомъ. Любя трудъ и правду, за достойнаго всегда ходатаемъ буду. Генералъ-адъютантъ графъ Клейнмихель.

№ 2. С.-Петербургъ, 15 Августа 1842.

Вчерашняго числа я встрѣтилъ нѣсколько офицеровъ корпуса путей сообщенія, и они не отдали той чести, которою каждый къ старшему себя въ чинѣ обязанъ. Я ихъ не остановилъ, и не остановилъ единственно потому, что хочу знакомиться съ моими сослуживцами не случаями упущенія и нарушенія службы, но случаями, кои бы поставляли меня въ пріятную возможность оказывать имъ вниманіе и отличать ихъ. Я не хочу знать, кто были тѣ офицеры. Объявляя о семъ, я увѣренъ, что всѣ чины корпуса, коимъ я имѣю честь начальствовать, вполнѣ поймутъ, что я не буду въ необходимости дѣйствовать мѣрою взысканія. Приказъ сей напечатать и разослать въ такомъ числѣ экземпляровъ, чтобъ всѣ чины корпуса имѣли его. (VII, 121).

Письмо и записка А. И. Тургенева князю С. М. Голицыну*).

1. Милостивый государь князь Сергій Михайловичъ.

Есть ли бы сердце ваше мнѣ съ нѣкотораго времени не было такъ извѣстно, я бы, можетъ быть, не рѣшился бы такъ смѣло обратиться къ вамъ; но вотъ въ чемъ дѣло. Послѣ осьмимѣсячныхъ хлопотъ намъ удалось уговорить одного помѣщика дать волю несчастной женщинѣ, которую онъ почиталъ для него пропадшею и которая назначена была, въ качествѣ бродяги, къ ссылкѣ въ Сибирь. Сверхъ того она должна была быть разлучена съ десятимѣсячнымъ ребенкомъ. Надежда ожила для нея; но для исполненія оной должны мы доставить помѣщику 500 руб. ас. за выкупъ, или за отпускную. Мы надѣемся уговорить его отпустить ее за 350 или за 400 руб. и рѣшились собрать сію сумму. Могъ ли я не вспомнить о томъ, кто сокровища свои, какъ нѣкогда предки его, высылаетъ туда, гдѣ тля не тлитъ ихъ, и даетъ взаймы Богови? Удѣлите отъ крупицъ вашихъ погибающей и содѣйствуйте къ ея искупленію въ дни нашего Искупителя.

Если бы вы могли видѣть, въ какой грязи утопали сегодня шедшіе въ Сибирь, съ женами и дѣтьми, съ Воробьевыхъ горъ, то сердце ваше конечно бы содрогнулось. Я собирался лично представить вамъ мою просьбу, но увязъ въ топкой грязи близъ Мамоновской дачи и

*) Вотъ какъ горячій другъ человѣчества, А. И. Тургеневъ, склонялъ богатыхъ людей помогать бѣднымъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

едва отогрѣлся. Вообразите себѣ, что въ слѣдующее, т. е. въ свѣтлое для всѣхъ Воскресенье, другіе несчастные по этимъ же непроходимымъ полямъ, побредутъ, въ оковахъ (съ женами и съ дѣтьми многіе изъ нихъ)—въ Сибирь. Вы не откажете мнѣ быть орудіемъ вашихъ благодѣяній къ нимъ. Я самъ роздамъ имъ все что̀ Богъ вамъ на сердце положитъ. Право, другой вѣрнѣйшей и лучшей милостыни сдѣлать трудно. Простите моему сердцу, если докучаю вамъ, за тѣхъ, за кого скоро будетъ поруганъ и распятъ Искупитель.

Примите сію просьбу зна̀комъ моего душевнаго къ вамъ почитанія и совершенной преданности, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Тургеневъ.

Вербное Воскресенье.

Если услышите обѣ просьбы мои, то отмѣтьте назначаемое на выкупъ и на раздачу въ день свѣтлаго Воскресенія ссыльнымъ и остающимся въ заключеніи на Воробьевыхъ горахъ.

(Рукою князя Голицына: Отослано на выкупъ женщины 300 и для раздачи пересыльнымъ 200—500 р.).

4 Апрѣля 1843.

2. Примите сердечную благодарность за то, что удостоили меня быть орудіемъ вашихъ щедротъ: искупленная и ссыльные благословляютъ васъ въ сѣни смертной.

«Бояринъ, коль за всѣхъ болѣешь».

Съ душевнымъ почитаніемъ и преданностію честь имѣю быть, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою А. Тургеневъ. 5 Апрѣля. (VII, 250).

Ссора оберполицмейстера съ головою.

Въ 1844 году въ Москвѣ перессорились оберполицмейстеръ Цынскій (находившійся подъ покровительствомъ шефа жандармовъ графа А. Ѳ. Орлова) съ Московскимъ головою Шестовымъ, о которомъ благодарную память сохраняютъ и до сихъ поръ Московскіе старожилы. Гражданскій губернаторъ Иванъ Васильевичъ Капнистъ писалъ по этому случаю къ министру внутреннихъ дѣлъ 3 Декабря 1844 года.

«Я отдаю полную справедливость уму, честности и усердію Московскаго градскаго главы Шестова. Безъ сомнѣнія ни одинъ изъ предмѣстниковъ его не можетъ сравниться съ нимъ, ни въ дѣятельности, ни въ знаніи дѣла, ни въ желаніи содѣйствовать пользамъ городскихъ доходовъ и выгодамъ своихъ согражданъ. Качества эти, весьма естественно, поставили его въ непріятныя отношенія и въ столкновеніе съ мѣстными полицейскими властями, и въ особенности съ обер-

Библиотека "Руниверс"

полицмейстеромъ. Съ самаго прибытія моего въ Москву я засталъ ихъ въ непріязненномъ одинъ къ другому положеніи и всегда находилъ справедливость на сторонѣ градскаго головы. Не взирая на преклонныя лѣта свои, онъ сохранилъ пылкость характера молодого человѣка, которая въ настоящемъ непріятномъ происшествіи вовлекла его въ невольную ошибку, подавшую поводъ оберполицмейстеру оскорбить его на бумагѣ. Купецъ Матвѣевъ, притѣсненный дѣйствіями полиціи, обратился съ жалобой къ градскому главѣ, который не замедлилъ ходатайствовать за него у военнаго генералъ-губернатора; но при семъ случаѣ градскій глава не обратилъ вниманія на то, что купецъ Матвѣевъ, въ поданной ему жалобѣ и отъ него представленной генералъ-губернатору, въ окончаніи выразился сими словами: «Прошу меня защитить отъ клеветы Пятницкаго частнаго пристава, поддерживаемой г-мъ оберполицмейстеромъ вопреки всѣхъ правъ и закона». Безъ сомнѣнія таковая ошибка градскаго головы была совершенно неумышленная, но не менѣе того она подала оберъ-полицмейстеру поводъ и причину взаимно оскорбительно выразиться насчетъ градскаго головы». (VII, 260).

Жалоба Персіянина (1846).

Родомъ я Персіянинъ сынъ Персидскаго главнокомандующаго Персидскими войсками Кирима-хана. Отецъ мой въ бывшую послѣднюю войну Россіянъ съ Персіянами по сношенію главнокомандующаго Россійскими войсками графа Паскевича и по убѣдительномъ обнадеженіи, что Россійскій Императоръ почтитъ его отца моего наградами и почестями, сдалъ Персидскіе города: Таврисъ и Эривань, отъ чего и получилъ титулъ графа Эриванскаго, отъ чего Россія получила сокровища и славу въ войнѣ сей. Но отецъ мой преслѣдованъ Персидскими вельможами и по повелѣнію самого шаха заключенъ былъ со старшимъ сыномъ Розою въ темницу, гдѣ томились 7 лѣтъ, послѣ лишены жизни, и все богатство и имѣніе взято на шаха. Я же тогда находился въ 7-ми лѣтнемъ возрастѣ, тайно сохраняемъ былъ дядею моимъ Бекеръбекомъ и отправленъ до совершеннолѣтія въ Турцію къ Смолъ-пашѣ, гдѣ и воспитывался, а по достиженіи совершенныхъ лѣтъ, сей, выдавъ мнѣ Персидской видъ, объявилъ все сіе и чтобы я слѣдовалъ въ Россію для полученія за оказанныя незабвенныя услуги и пожертвованіе отцемъ моимъ награды. Я въ 1843 году по осени прибылъ въ городъ Астрахань Россійскаго владѣнія, гдѣ опознанъ былъ Персидскимъ консуломъ Мерзою-Абдуломъ и назначенъ къ отсылкѣ въ Персію; но благонамѣренные Россіяне по желанію моему довели меня до вступленія въ православную вѣру, и въ 1844-мъ году въ Августѣ мѣсяцѣ

Библиотека "Руниверс"

окрещенъ, о чемъ имѣю свидѣтельство данное мнѣ изъ Астраханской духовной консисторіи 8 Декабря за № 3307-мъ и на подданство Россіи принялъ присягу, оженился; проживая тамъ, какъ иноземецъ, вовлекся въ долги и бѣдность, коихъ накопилось 2708 р., рѣшился придти, сюда въ С.-Петербургъ для испрошенія у Государя Императора, за оказанныя отцемъ моимъ Россіи незабвенные услуги и пожертвованіи высочайшаго призрѣнія. Подалъ я просьбу, которую угодно было его императорскому величеству препроводить въ Комиссію прошеній, которая нынѣ мнѣ объявила, дабы я въ семъ случаѣ обратился съ просьбою къ вашему сіятельству для собранія по дѣламъ войны Россіянъ съ Персіянами, справокъ на докладъ его императорскому величеству (VI, 262).

Отъ канцеляріи военнаго министерства симъ объявляется Астраханскому уроженцу Александру Бутурлинскому, что г. военный министръ изволилъ отказать ему въ просьбѣ его о пособіи.

Выписки изъ дневника священника.

Явственное и толковое чтеніе богослужебныхъ книгъ въ церквахъ всегда имѣло и имѣетъ великое воспитательное значеніе. Вотъ что̀ находимъ о томъ въ VII-й части Щукинскаго Сборника.

Выписано изъ книжки о всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи на религіозно нравственномъ основаніи, изданной генераломъ Масловымъ 1849 года книжки 4 отъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

На страницѣ 41-й напечатано: «Совсѣмъ дѣло другое, когда человѣкъ читаетъ съ понятіемъ того, что̀ читаетъ, и съ чувствомъ тѣхъ словъ, которыя ложатся на сердце. Тогда и самъ онъ и слушающіе назидаются хорошимъ чтеніемъ, особенно священныхъ книгъ. Скажу здѣсь два примѣра такого чтенія. Въ Москвѣ, въ приходѣ Симеона Столпника, на Поварской, былъ дьячокъ, который читалъ часы передъ обѣднею такъ, что многіе съѣзжались его послушать. Я самъ разъ слышалъ его и никогда не забуду этихъ часовъ; онъ читалъ просто, не торопился, но всякій слушающій конечно чувствовалъ, что онъ, читая псалмы, самъ вразумлялся въ каждое слово и молился. Это дѣйствовало на слушателей такъ же, какъ дѣйствуетъ въ церкви хорошее пѣніе. Жалѣю, что не знаю имени этого чтеца. Другой примѣръ. Бывши въ Пятигорскѣ прошлаго лѣта, я слышалъ за всеношной чтеніе шестопсалмія старшимъ при той церкви священникомъ, отцомъ П. Подобнаго чтенія мнѣ не удалось слышать. Дѣйствіе его было то на всѣхъ слушателей, что, при молитвенныхъ сло-

Библиотека "Руниверс"

вахъ, высказанныхъ отъ сокрушеннаго и смиреннаго сердца царя и пророка Давида и хорошо прочтенныхъ, вся церковь молилась, а въ ней были люди всякаго состоянія».

Въ 1798 году я подавалъ преосвящ. викарію Серапіону въ Чернево, во дьячки, прошеніе, писанное мною. Письмо мое очень ему понравилось и, показывая оное бывшему тутъ у него господину, который также похвалилъ, преосвященный долго меня уговаривалъ, чтобъ я поступилъ въ Консисторію въ приказно-служители.

Въ 1829 году въ Январѣ, при служеніи преосвящ. викарія Иннокентія (что послѣ былъ въ Волынской епархіи) въ Симеоновской церкви по случаю погребенія покойнаго протоіерея Стефана Никитича, онъ преосвященный хвалилъ меня за чтеніе часовъ княжнѣ Настасьи Мих. Голицыной и исправляющему должность благочиннаго священнику В. Н. Нагибину.

Въ 1844 г. при служеніи въ Симеоновской церкви по случаю погребенія графини Зубовой, урожден. г-жи Суворовой, за чтеніе часовъ и благодарныхъ молитвъ, сидя въ алтарѣ въ креслахъ, митроп. Филаретъ, по окончаніи мною молитвъ, сказалъ мнѣ: «А хорошъ бы ты былъ причетникъ, если бъ бороду не брилъ».

Въ 1848 году, при погребеніи генеральши Акинѳовой, служащій викарный Іосифъ при чтеніи мною благодарныхъ молитвъ, сидя въ креслахъ, сказалъ: хорошо ты читаешь.

Секретари консисторіи, Петръ Алекс. Воиновъ и Пав. Петр. Никольскій всегда, когда не приду сдавать какія книги, духовныя или метрическія, каждый разъ оба уговаривали меня идти служить въ Консисторію.

19-го Ноября 1825 г. въ 10 ч. и 50 мин. сконч. вселюбезнѣйшій имп. Александръ Пав., единственный во всемъ мірѣ государь, коему подобнаго не было и не будетъ, который при благословеніи даже у сельскихъ рабочихъ священниковъ не гнушался цѣловать руки.

1849 года Октября 19-го подано мною прошеніе о увольненіи отъ должности и того жъ числа сошла резолюція таковая. 1) Согласно съ прошеніемъ отъ службы уволить. 2) Другой предметъ прошенія, такъ какъ разныхъ матерій въ одно дѣло смѣшивать не велѣно, оставить теперь безъ разсмотрѣнія, чтобы, подъ предлогомъ продажи дома, не пошло въ продажу мѣсто. А по сему того жъ Окт. 28-го подано новоопредѣляющимся другое прошеніе.

На 1-е мое словесное прошеніе таковое: прошу вашего архипастырскаго благословенія и дозволенія сдать свое мѣсто за слабостію здоровья другому. На это сказалъ мнѣ владыка: «на это я ничего не могу тебѣ сказать, на это есть право».

Библиотека "Руниверс"

1849 Ноября 22 дня получилъ за домъ деньги. Осталось на немъ 13 руб. (VII, 269).

Александръ Николаевичъ въ Инженерномъ за́мкѣ.

11-го Марта (1861), его императорское величество, пріѣхавъ одинъ въ Инженерный замокъ, вышелъ изъ экипажа на училищное крыльцо; взошелъ по такъ называемой зеленой лѣстницѣ въ бель-этажъ; прошелъ модельную, кондукторскіе классы въ церковь училища, изъ которой возвратился по тѣмъ же комнатамъ; сойдя въ нижній этажъ, прошелъ рекреаціонную залу въ кондукторскую мастерскую; проходя обратно черезъ туже залу, остановился передъ портретомъ въ Бозѣ почившаго государя императора Николая Павловича, изображеннаго во весь ростъ въ гвардейскомъ конно-піонерномъ мундирѣ и найдя, что масляныя краски портрета измѣняются, обратился къ генералъ-маіору фонъ-Кауфману и изволилъ замѣтить, что хорошо бы портретъ этотъ покрыть лакомъ. Изъ рекреаціонной залы его императорское величество прошелъ по каморамъ, черезъ столовую, въ лазаретъ, гдѣ разспрашивалъ находившихся тутъ 4-хъ кондукторовъ о болѣзни ихъ и откуда родомъ они. Возвращаясь изъ лазарета, изволилъ остановиться и разсматривать портретъ генералъ-адъютанта Тотлебена. Встрѣченный же симъ послѣднимъ въ ближайшей большой каморѣ Государь Императоръ изволилъ возвратиться съ нимъ въ столовую для показанія того портрета. За тѣмъ его величество прошелъ обратно каморы, рекреаціонную залу и въ передней прощаясь обратился къ генералъ-маіору фонъ-Кауфману и приказалъ отпустить кондукторовъ со двора, если онъ ими доволенъ (VI, 259).

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1813 годъ [1]).

Москва, 15-го Января 1813.

Графъ Андрей Ивановичъ Гудовичъ ѣдетъ въ армію и ѣдетъ на Гродну, обѣщалъ онъ доставить тебѣ вѣрно письмо это. Les lettres de Pétersbourg d'hier disent que vous êtes nommé gouverneur de Grodno. Je vous aime trop pour ne pas vous prier de rester au moins quelque temps au poste que vous occuppez: cela vous ouvrira une superbe carrière, et vous pouvez vous distinguer de cette foule de brigands ou de grosses bêtes, qui régissent les autres gouvernements.

Nous avons perdu par l'invasion des Français pour une 20-ne de millier de roubles, mais Dieu me garde de murmurer. Nous avons conservé notre Подмосковная, et elle nous fournit presque tout pour le ménage. La sage économie de Natalie me met à même de ne pas rester en arrière de bien d'autres plus riches, mais moins rangés que nous.

Графомъ [2]) я чрезвычайно доволенъ. Il me traite comme un ami, je ne me séparerai plus de lui, quand même il serait appellé à Pétersbourg. J'ai pour cet homme une estime toute particulière. Les gens de sa trempe sont bien rares, surtout à présent.

*

Москва, 11-го Февраля 1813.

Ты славно все устроилъ. Мѣсто твое новое лучше губернаторства; ежели мы засядемъ въ Германіи, то можетъ для тебя найтиться какое нибудь важное дипломатическое препорученіе: слетаешь въ Вѣну, Дрезденъ или Мюнхенъ; все это очень хорошо. Вхожу въ твою кожу: какая для тебя отрада надѣть на милаго нашего старика[3]) ленту, объявить ему о пожалованной деревнѣ. Это все слѣдствія уже опредѣленія твоего къ свѣтлѣйшему, при коемъ пойдутъ и для тебя, съ случаями отличаться, милости разныя.

---

1) См. выше, стр. 5,

2) Т. е. графомъ Ростопчинымъ.

3) Т. е. на К. Д. Варлама, дочь котораго тогда была невѣстою К. Я. Булгакова.

Библиотека "Руниверс"

Moscou est toujours Moscou, c'est à dire un fond d'or, une ville qui a déjà plus de 120000 habitans, 4000 boutiques nouvellement bâties et pourvues de tout ce qu'il est possible d'imaginer; les vivres abondent, la vie n'est pas chère, et ce qu'il y a d'essentiel c'est que Moscou est presque la seule ville exempte des maladies qui ravagent plusieurs gouvernements. Les corps morts se brûlent avec beaucoup d'activité, et nous ne craignons pas le printemps.

*

Москва, 14 Мая 1813.

Ты можешь себѣ представить, любезный брать, какой былъ для насъ ударъ кончина твоего покровителя[1]); будучи такъ пораженъ, изумленъ сею неожиданною новостію, долженъ я былъ еще скрывать грусть свою внутренно и стараться давать хорошій примѣръ почтенному старичку[2]). Боялся я, что онъ сляжетъ; ему эту новость неосторожно брякнулъ вдругъ за ужиномъ Приклонскій. Я захохоталъ, увѣривъ, что графъ первый былъ бы извѣщенъ о толь важной новости, а онъ, напротивъ, не получалъ ничего съ пришедшею за часъ почтою. Такимъ образомъ разувѣрилъ я старика, но на другой же день объявилъ ему о полученіи печальнаго извѣстія. Оно не могло уже имѣть тоже дѣйствіе, ибо большое пораженіе было ему причинено наканунѣ. Онъ особенно о тебѣ тосковалъ; но я ему сказалъ, что ты находишься въ томъ же положеніи, въ какомъ ты былъ по смерти Каменскаго; доброе имя и дарованіе тебѣ поддержали, ты нашелъ другого покровителя, и теперь Богъ не оставитъ. Потомъ грустилъ старикъ о участи нашей арміи, говоря: вотъ теперь будетъ Бонапарте самъ; у насъ всѣ люди молодые, сдѣлаютъ ошибки. На мою помощь подоспѣла славная побѣда 20-го числа у Люцена, которая чрезмѣрно его обрадовала, и онъ цѣлый день твердилъ: Voilà votre grand Napoléon, il n'y a pas Koutouzow, il n'y a pas le froid et ci et ça et on le bat, et on le bat! Expliquez moi cela. Насчетъ Бессарабскихъ земель онъ не безспокоится, ибо дѣло въ ходу; да притомъ же я его увѣрилъ, что это болѣе зависитъ отъ Чичагова, яко послѣдняго главнокомандующаго въ Молдавіи, нежели отъ покойнаго свѣтлѣйшаго. Съ того дня что пришло несчастное извѣстіе, мы не оставляемъ его ни на минуту одного: партія всегда готова и, благодаря Бога, все такъ обошлось хорошо, что какъ бы ни въ чемъ не бывало теперь. Подумалъ я, что ежели тебѣ представится удобный случай, надобно его prendre au vol, почему и посылаю тебѣ

---

[1]) Т. е. князя Кутузова, дипломатическою канцеляріею котораго завѣдывалъ К. Я. Булгаковъ въ Турецкую войну.

[2]) Константину Дмитріевичу Варламу.

Библиотека "Руниверс"

три бланкета старика, два на высочайшее имя, а одинъ на частное какое-то лицо; ты дополнишь въ случаѣ чѣмъ надобно и сдѣлаешь нужное употребленіе.

Ручаюсь тебѣ, любезный братъ, что ничего не будетъ упущено для успокоенія, удовольствія старика и всей семьи. Меня радуетъ душевно истинная и горячая дружба, которая уже существуетъ между нашими двумя семьями или, лучше сказать, въ нашей семьѣ, ибо грѣшно бы было раздѣлять Варламовыхъ отъ Булгаковыхъ. Все, что̀ могу тебѣ сказать, то, что я бросилъ всѣхъ и цѣлый день съ Наташею у нихъ. Когда старикъ спитъ, иду домой поработать, ежели есть что, а ежели нѣтъ, то остаюсь съ Марицею, которая совершенный ангелъ. Мы сидимъ, играемъ до перваго, второго часу, а она бѣдная все сидитъ да зѣваетъ; это нездорово для нея. Однакоже завтра ѣдимъ всѣ въ Перову рощу, куда пошлются трубки и Арнаутъ для приготовленія барана по ихнему. Волковъ будетъ съ нами, Метакса и Поповъ. Спасибо имъ всѣмъ, они почти всякій день тамъ. Въ Воскресенье было въ соборѣ молебствіе по случаю побѣды 20 Іюля. Время прекрасное и великое стеченіе народа. Старикъ прикладывался ко всѣмъ мощамъ и народъ смотрѣлъ съ восхищеніемъ на его набожность; попамъ тремъ далъ по червонцу, и они его съ помпою провожали до дверей церковныхъ. Захотѣлъ непремѣнно ѣхать къ преосвященному Августину, яко начальнику эпархіи, рекомендовать себя. Сей отлично его принялъ, долго очень удержалъ и удивлялся образованію и знанію Русскаго языка въ Молдованіи.

*

Москва, 29 Мая 1813.

Всѣ обожаютъ это безцѣнное семейство. Я возилъ К. Д. къ князю Александру Борисовичу[1]), который сюда пріѣхалъ. Онъ старика обласкалъ очень. Можешь себѣ представить, сколько князь о тебѣ спрашивалъ; онъ не зналъ о твоей помолвкѣ и захохоталъ прибавивъ: Que dira-t-on à Vienne quand on saura que le papillon se fixe. Вчера былъ князь у моей жены, долго у насъ сидѣлъ, чуть не отнялъ твой портретъ, на который долго смотрѣлъ.

*

14-го Августа.

Сегодня сидимъ мы всѣ передъ графскимъ кабинетомъ[2]), ждемъ всякій своей очереди; пріѣзжаетъ какой-то комиссаріатскій офицеръ, присланный курьеромъ изъ арміи въ здѣшнее депо. Волковъ и Дурасовъ.

---

¹) Куракину.

²) Т. е. на Тверской, передъ кабинетомъ графа Растопчина.

Библиотека "Руниверс"

спрашиваютъ что̀ новаго въ главной квартирѣ. — Ничего! Только что Императоръ изволилъ послать къ Австрійскому императору съ миссіею статскаго совѣтника Булгакова. Очень меня это обрадовало, ибо вижу, что ты, во-первыхъ, въ ходу, а, во-вторыхъ, по части тебѣ извѣстной, да и коммиссія въ такое мѣсто, которое тебѣ очень извѣстно. За обѣдомъ у Варламовыхъ говорили объ этомъ. Старикъ увѣряетъ, что ты все сдѣлаешь какъ должно и лучше Анстета, а Марица все сомнѣвается, что нечего дѣлать съ Австрійцами, что они преданы Наполеону. Dans le plus fort de la discussions, batz! une ordonnance de qui? De comte. Зачѣмъ? Съ запискою ко мнѣ. Читаю, и графъ увѣдомляетъ меня, что 29-го Іюня Австрія объявила Франціи войну, и что наши вступили въ Богемію и что сейчасъ прислали ему съ симъ курьера. Вообрази себѣ радость всѣхъ! Встали изъ за стола, ну креститься, ординарцу денегъ надавалъ папа̀. Пошли расчеты. Ты отправленъ 23-го, два дня ты ѣхалъ, два возвращался и два трактовалъ; ты привезъ Государю извѣстіе сіе радостное, и весь домъ въ восхищеніи, да и очень всѣ сіи предположенія могутъ быть справедливы. Узна̀емъ все изъ газетъ или отъ тебя самого, ожидаемъ писемъ съ нетерпѣніемъ. Дай Богъ, чтобы могъ я тѣмъ обрадовать завтрашнюю имянинницу. Письмо отъ тебя было бы ей лучше всякаго подарка. Ай да Нѣмцы! Насилу-то вышли изъ терпѣнія. Пишутъ сюда, что Корсиканецъ въ послѣдней своей конференціи съ Метернихомъ плюнулъ ему въ лицо; видно, при всемъ пристрастіи, не показалось это Божіею росою. Cette nouvelle fait une grande humeur dans toute la ville, et l'histoire du Corse va finir bientôt. Le comte, qui a su que c'est demain la fête de Mariza, a demandé s'il pouvait venir passer la soirée; vous devinerez la réponse qui lui a été donnée, а я поджидаю Наташу всякій часъ. Повторяю просьбу, любезный братъ, сообщать мнѣ всегда статейку о графскомъ сынѣ. Онъ очень лѣнивъ писать, и мнѣ очень будетъ пріятно давать объ немъ извѣстія отцу. Отъ меня (а я по твоему письму № 11) графъ только узналъ о прибытіи сына въ Петервалдау; послѣ писалъ ему и Барклай, что графъ Сергѣй Ѳеодоровичъ отпущенъ къ водамъ на двѣ недѣли.

Nous remettrons le voyage de papa à Pétersbourg par la raison que le comte Serge Roumanzow a montré au comte une lettre de son frère le chancelier, où il lui dit qu'il vient d'envoyer à l'Empereur sa requête pour abandonner le service absolument. On dit déjà que le prince Kourakine le remplacera, d'autres que ce sera le comte. L'un ou l'autre, tant mieux pour nous, et alors ce serait le moment d'aller à Pétersbourg; car, quand même il ne serait possible d'aller avec papa, ma fi-

Библиотека "Руниверс"

gure seule porterait malheur et gâterait ses affaires avec ce diable de chancelier. La nouvelle des Autrichiens avait tellement monté la tête de papa qu'il voulait partir pour le quartier-génèral.—Pourquoi?—Mais pour me montrer à l'Empereur.—A quoi bon? Attendez que S. M. vienne à Pétersbourg: vous aurez un double motif d'y aller. Насилу урезонилъ; да и Николу не знаю, зачѣмъ посылаетъ: онъ будетъ у васъ безполезенъ и вамъ, и себѣ, ибо дѣло Арнаутовъ, какъ ты писалъ, отложено до времени.

О продажѣ имѣнія нашего для оплаты долговъ производится уже дѣло въ Уѣздномъ Судѣ, коимъ будетъ сдѣлано опредѣленіе все продать и удовлетворить должниковъ; дѣло же само въ Сенатѣ, по апелляціи нашей изъ Гражд. Палаты, и Богъ, знаетъ когда будетъ очередь; но признаюсь, что удовлетвореніе батюшкиныхъ должниковъ болѣе меня интересуетъ, нежели само дѣло.—Эстамповъ Воронцова нѣтъ уже, нхъ всѣхъ расхватали, а новыхъ еще не привезли изъ Петербурга; мой взялъ графъ и не отдалъ. Voilà ce que c'est que d'être un bon enfant comme le comte Michel. Бахметевъ поѣхалъ въ Петербургъ, во-первыхъ сдѣлать себѣ деревянную ногу, а во-вторыхъ требовать должные ему разными особами 40000; пишетъ къ папа, что его удовлетворитъ со всѣми процентами. Бахметевскія деньги мы сбережемъ. Теперь у меня еще другой проектъ, который пошелъ на ладъ. Вотъ что. Тебѣ, живши здѣсь, нельзя не имѣть подмосковной. Каверину пришла петля, онъ продаетъ свою подмосковную, Волковъ ее торговалъ два года назадъ. Въ ней лѣсу десятинъ 50, домъ такой, что на 25000 т. здѣсь не построишь, отъ Москвы въ 27 верстахъ, а отъ нашего Катушина въ 25. Мы ладимъ это дѣло съ Волковымъ. Je crois que pour 35 ou 40 m. rbs nous aurons cette terre, et elle peut donner pour 3000 de revenu, ce qui est très avantageux; je crois que papa vous donnera cette terre (il y a 40 paysans) par-dessus la dote convenue.

*

17-го Августа.

Славно мы попраздновали Марицыны имянины; жаль, что Наташа не была: она пріѣхала только вчера, une petite incomodité de femme lui a empêché d'être ici pour le 15. Tous les nôtres ont dîné et soupé chez les Warlams. Nous avons fait parler sans fin avec le grave Popoff, c'est la mode de mystification. Il demandait en jouant au whist une pipe. Le domestique, ne le comprenant pas, lui apporta un verre de bierre, que Popoff avala sans faire semblant de rien; même demande de la pipe et même verre de bierre, qui arrive et que Popoff avale par distraction; il insiste toujours sur une pipe, on lui apporte le troisième

Библиотека "Руниверс"

verre de bierre, nous l'assurons que c'est le premier; bref, il dit: да хоть бы и не первый былъ стаканъ, мнѣ что-то пить хочется, et il avale avec la mine d'un homme qui n'est pas trop sûr à qui se rapporter, aux autres ou à soi. Metaxa lui fit croire que трубка en Vallaque voulait dire de la bierre, et Popoff ne vit que c'était une mystification, que quand ayant demandé трубка pour de la bierre on lui apporta une pipe. Нѣтъ вечера, чтобы не было мистификаціи.

*

Москва, 18-го Августа 1813.

Пріѣхавъ сюда изъ деревни, съ ужасомъ узналъ я о черномъ, гнусномъ заговорѣ, сдѣланномъ камердинеромъ Егоромъ и Арнаутомъ противъ добраго нашего папà. Сіи бездѣльники въ ночь съ Понедѣльника на Вторникъ хотѣли ночью придти взять шкатулку подъ кроватью съ тѣмъ, что ежели бы папа услышалъ и проснулся, то его зарѣзать, а потомъ съ добычей бѣжать. Богъ не попустилъ злодѣйству совершиться. Пьянство, коему они предались въ послѣдніе три дня (я былъ въ деревнѣ) и нѣкоторыя слова Арнаута дали подозрѣніе· Капитанъ Николо просилъ папà не позволять Арнауту возлѣ себя спать, что̀ и было ему запрещено, и выполнялось два дня; на третій Николо говоритъ, что Арнаутъ все тутъ же спитъ. Ночью папà призываетъ Егора и спрашиваетъ, гдѣ спитъ Арнаутъ.—Со мною.—Зачѣмъ это, я запретилъ. — Да что, развѣ вы его боитесь? Онъ вамъ также вѣренъ какъ и я.—Тебѣ дѣла нѣтъ зачѣмъ; я не хочу, чтобы онъ спалъ тутъ, поди тотчасъ теперь и отбери у него все оружіе.—Я не пойду; (папà хочетъ самъ идти). Не ходите, вамъ будетъ дурно. К. Д., давъ ему плюху, пошелъ въ другую комнату; Арнаутъ тутъ спалъ. Онъ взялъ всѣ оружья и отдалъ ихъ к. Николо; возвращается въ спальню, Егоръ говоритъ: Отдайте оружье, а то худо будетъ. Тутъ начался разговоръ очень шумный. Костаки подслушивалъ у дверей, испугался, побѣжалъ за матерью; она вошла, закричала на Егора, который такъ ее сильно ударилъ въ грудь, что она упала. Марица къ счастію сохранила умъ и тотчасъ курьера за Метаксою; сей, узнавъ, что шумъ въ домѣ, беретъ на гаубвахтѣ четырехъ солдатъ и приходитъ въ домъ въ самую пору, чтобы связать злодѣевъ. L'Arnaoute avait pris papa à la gorge déjà, mais ni lui, ni le Grec ne pouvait rien faire sans armes, et puis ils étaient gris. Papa voulait que Metaxa renvoya les soldats en disant: Это сдѣлаетъ шумъ, на что? Я ихъ накажу самъ завтра. Mais Metaxa, qui voyait que ce n'était pas une plaisanterie, tint bon. Wolkoff interrogea les misérables et attint l'aveu du Grec, que leur dessin était d'égorger, de voler leur excellent maître et de fuir hors de la Rus-

Библиотека "Руниверс"

sie. L'Arnaoute persiste à nier, mais cela ne le menera à rien. Grâce au Ciel, voilà donc papa débarassé de ce serpent de Егоръ, que mon âme n'a jamais pu souffrir. Papa voulait obtenir du comte qu'il soit renvoyé à Vallachie où on le ferait travailler toute sa vie. Nous verrons de belles choses, il serait homme à brûler les domaines de papa ou à se joindre à des misérables comme lui pour lui jouer de jolis tours. On l'enverra tout bonnement en Sibérie. Jugez, mon cher, que le bon papa éprouvait un sentiment qu'il ne savait expliquer; il était inquiet, pensif, ne voulait voir ni sa femme, ni ses enfants (та шельма ему и наговаривалъ на нихъ всякій день); il avait froid toujours, la poitrine sèche. Keltz perdait son latin, et ce n'était autre chose que de funestes pressentiments, car une fois il dit à Metaxa: il me semble que je mourrai bientôt. Dès que les scélerats furent arrêtés, tout lui passa. Cette histoire devait faire de l'impression sur toute la famille; mais mon arrivée les ayant livré à la joie, il n'est plus même question du coupable. Toute la maison se rejouit, car on ne pouvait souffrir ni le Grec, ni l'Arnaoute. Pour moi je rends grâce au Ciel, que papa est délivré pour toujours du petit gueux. Je vous assure qu'il s'était tellement emparé du vieillard qu'il l'aurait brouillé avec tous les siens et serait parvenu à l'isoler. Papa en convient lui-même et nous a raconté toutes ses conversations. Voilà, mon cher, un aperçu de cet infâme attentat contre un homme qui ne veut que le bonheur de tout ce qui l'entoure. Николо, son fils surtout, le Metaxa ont été de la plus grande utilité, et ура! Mariza, qui dans ce moment de crise ne perdit pas la tête et agit comme l'homme le plus calme. Меня восхищаетъ знать тебя съ Мишò, потому что вижу изъ твоихъ писемъ, какой онъ добрый малый.

*

Москва, 28-го Августа 1813.

По милости графа, я опять пожилъ съ недѣлю съ Наташею въ деревнѣ, гдѣ мы и праздновали 26-го числа ея имянины; отыскалъ твое письмо, гдѣ ты говоришь о Батинскомъ дѣлѣ, порадовался, вспомнилъ прошлый годъ, Бородино, потосковалъ; вдругъ явились пріятели изъ Москвы: Метакса и Поповъ. Natalie m'a menagé une charmante surprise. Après dîné nous sommes allé à la maisonette qui est dans le jardin. Les paysans et les paysannes sont venus nous complimenter. La groupe se fend, je voyai une paysanne, c'etait Natalie. Крестьяночка кланяется мнѣ въ поясъ, подаетъ хлѣбъ-соль, c'etait la petite Катенька; je me tourne, je voyai aussi le petit Constantin en chemise de paysan. Je vous assure que je n'ai pu retenir mes larmes: tous ces paysans avaient l'air si heureux. Le tems était magnifique. Что бы я далъ, чтобы въ ту минуту тебя прижать къ сердцу своему! Подагра папахи по-

Библиотека "Руниверс"

помѣшала и ему быть, alors la fête eût été complette. Утѣшила меня очень Наташа. Мужики цѣлый день пѣли, плясали, бабы пѣли пѣсни. Послѣ ужина сожгли мы фейерверкъ. La journée s'est passée à merveille.

Чрезмѣрно тебѣ благодаренъ за Лондонскія брошюрки: онѣ меня усладили. Ты знаешь, какъ я люблю произведенія сего рода. Ради Бога, присылай мнѣ все, что̀ будетъ попадаться, я же дѣлаю коллекцію всего, что̀ печатается относительно безсмертныхъ 1812 и 1813 годовъ, и имѣю уже три толстые тома. Жарко же Наполеону; всѣ его друзья, Моро, Борго, Стейнъ, въ главной квартирѣ. Не достаетъ Растопчина. Vous ai-je dit que le comte a acheté un très joli buste de Bonaparte en bronze? Il l'a placé près de la chaise percée, et il sert de base au pôt de chambre. Je ne sais pas si à Madrid il est aussi détesté qu'ici. Le ministre d'Espagne à Pétersbourg *Bardachi* a loué la maison de campagne de Laval на Каменномъ острову. On lui observa que Laval l'avait taxé trop chère en cas d'incendie; bien eh! n'importe, dit le ministre, si on reçoit l'avis de la mort de ce misérable Bonaparte, je mettrai le feu au quatre coins de la campagne en guise d'illumination et je payerai m-r Laval en bons reals d'or. Le plus drôle est que tout cela a été inventé dans la minute du contrat. La bienséance a exigé que dans l'original cet article énergique fut retranché. Madame Gourieff, voisine de Laval, a trouvé que Bardachi agissait à la Rastopchine; une dame observa très bien qu'il valait mieux agir à la Rastopchine qu'à la Gourieff, et la princesse Dolgorouky est très contente qu'il y ait entre elle et le représentant de S. M. Catholique la Neva.

Не забудь, какъ уже писалъ я тебѣ, въ письмахъ твоихъ упоминать словцо о молодомъ графѣ, ибо онъ очень лѣнивъ писать къ отцу, qui est plutôt l'ami que le père de son fils. Comment va-t-il à présent? Liez-vous avec lui. C'est un bon garçon. Ne négligez pas le g-l. Balacheff — пригодится; il est d'un charmant commerce. J'ai travaillé ici pour lui, quand l'Empereur a été la dernière fois. Il y avait des papiers polonais qu'on ne voulait confier à personne et que j'ai passé toute une nuit à traduire, et le général m'a dit que S. M. avait été satisfaite de mon travail. Présentez lui mes respectueuses hommages. Je vous enverrai mon livre bien relié pour lui; si vous le croyez à propos, présentez le lui de ma part. Wolkoff est grand enthousiaste de ses talens et lui est très devoué. Ah, mon cher, quand serons nous quitte d'Iwachkine? Toute prévention à part, sous Wolkoff la police aurait une nouvelle âme, tous les employés adorent sa justice et craignent sa sévérité, а Ивашкинъ вялый.... и отдѣлывается вездѣ поклонами. Spiri-

Библиотека "Руниверс"

doff est très actif, il est le seul qui aide le comte. Le comandant Hesse se meurt depuis deux mois, le vice-gouverneur est un voleur de grand chemin. Le comte ne peut se fier à personne et doit tout voir par lui-même. Ивашкинъ s'en irait, mais sa femme, qui est pétrie de vanité, le retient, et puis elle ne s'oublie pas, au reste qu'a à espérer encore. Il est toujours malade, sa main est paralisée, il veut aller aux eaux pour une année; s'il le ferait, il faudrait absolument sans façons donner sa place à Wolkoff, qui désire celle du commandant, mais il n'est pas juste que ses talents soyents insevelis dans une poste insignifiante de commandant. Il est bon que vous sachiez tout cela.

*

Москва, 1-го Сентября 1813.

Je m'étonne que vous n'ayez pas aussi reçu le livre que nous avons écrit avec Metaxa et où, entre nous soit dit, il n'y a du sien que le plan*). Il fait fortune ici. On l'a traduit en allemand et anglais. Le comte Czernicheff le traduit en français et l'imprime à ses fraix. Il en a été fait une excellente traduction en grec, qui s'imprime aux fraix de papa et de Zosima, ce fameux Grec à la perle. Такъ какъ очень раскупаютъ, то я дѣлаю теперь второе, очень дополненное, изданіе. Я тебѣ послалъ уже нѣсколько экземпляровъ съ разными оказіями. J'ai lu à Wolkoff les détails de votre conversation avec le g—l Balacheff. Tout ce que vous me mandez lui a fait grand plaisir, il vous embrasse fraternellement. Comment vous ne me dites qu'à présent que Pozzo est avec vous? Cospetto di bacio, date le un buon abracio di parte mia. Vous n'ajoutez pas s'il est parmi les curieux ou les employés.

Demain à six heures du soir j'irai à la porte d'Устретенка, contempler l'endroit où j'ai été captivé par la cavallerie française, qui s'emparait de Moscou; je me mettrai sur la pointe des pieds, je ferai une pantomime bien martiale et je défierai Napoleon lui-même. Alors j'étais du sang-froid et maintenant je ne puis y songer sans être saisi d'effroi. Si, comme un des généraux le voulait, on m'avait fouillé, il y avait de quoi me faire écarteler là net, sans cérémonie; l'envie d'écrire de proclamations contre l'ex-grand homme me serait passé. J'ai montré cette pièce à Anstett, qui était venu à Moscou pour quelques jours. Le drôle a eu le nez fin. A quoi bon tout cela? me-dit-il. Croyez vous que ce matin (Napoleon) leurs donne (aux soldats) le loisir de lire; cela fera plus de mal à vous peut-être qu'à Bonaparte. Faites bien, mais bien mes compliments à Anstett, не смотря на то, что канцлеръ называетъ его контрабасомъ.

---

*) Какая это книга, намъ неизвѣстно. Какъ человѣкъ служащій, Булгаковъ не могъ, по тогдашнимъ понятіямъ, обозначить на ней свое имя. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Nous ne sommes pas contents de Kirico; c'est une grasse bête et un fripon en même tems, ce ne sont que des promesses et des paroles, je crois qu'il nous mystifie. Il faut qu'Italinsky lui écrive très vertement. Papa insinuera cela à l' envoyé et à Бобровъ, qui tous deux écrivent deux jolies lettres à papa, qui m'a prié de préparer la réponse. Une chose me vexe beaucoup, c'est l'idée que papa s'est fourré dans la tête d'aller au quartier-général. J'ai fait tout ce que j'ai pu humainement pour l'en detourner. Hier à table j'ai lui ai dit vertement qu'il serait pour vous un fardeau, car il dit toujours: мнѣ надобно помогать Константину; мнѣ больно, что онъ все за меня старается, а не за себя, то я поѣду за себя хлопотать. Императоръ уважитъ, что старикъ пустился въ столь дальній путь и пр. Ce que vous avez mandé des paroles obligeantes de S. M. en vous parlant de votre promise et de ses parents, a achevé de leur tourner la tête à tous, et Mariza, qui toujours se rend à mes avis, appuye son père aussi que la maman aussi. «Vous verrez que Constantin sera charmé de me voir». «Mais sûrement il ne vous dira pas: allez vous promener; la chose faite, il n'y aura plus de rémède, mais je vous assure qu'au fond de son coeur il ne sera pas content de votre apparition. Vous lui avez déjà mis le capitaine Nicolo sur le corps sans lui en écrire au préalable». Я истощилъ свое краснорѣчіе, напомнивъ, сколь важнѣе и полезнѣе поѣздка въ Валахію. Боже сохрани, при безпрестанныхъ припадкахъ и ревматизмахъ старика занемочь дорогою; кто будетъ его беречь? Не вездѣ найдешь помощь. Ну ежели прибудетъ онъ въ главную квартиру, а Государь изволитъ въ тотъ же день уѣхать въ Петербургъ? Какъ за это ручаться? Вотъ 3000 верстъ и убытки по пустякамъ. Императоръ перемѣняетъ свое мѣстопребываніе, что же и старику таскаться съ его здоровьемъ и лѣтами? Всѣ эти и множество другихъ причинъ давалъ я; ничего не помогаетъ, и старикъ упрямо настоитъ на отъѣздѣ и готовится скоро ѣхать. Я объявилъ, что сдѣлалъ свое, далъ дружескій совѣтъ; его воля дѣлать, что̀ хочетъ. Il écrit aussi à Kiriko qu'ennuyé de ses promesses vagues il part lui-même pour le quartier-général; à moi il me semble que même Kiriko, qui à la verité est négligent, changera de conduite, quand il aura un de nouveaux ordres motivés par la dépêche du comte Nesselrode à m-r d'Italinsky. Мнѣ, право, жаль; я чувствую, что и тебя старикъ свяжетъ, и себѣ не сдѣлаетъ пользы поѣздкою сею, но какъ быть? И я бился, и Волковъ, и Метакса, все не помогаетъ; я, однакоже, все буду бомбардировать добраго нашего старика. Ему, послѣ объявленія Австрійцами войны Наполеону, главная квартира кажется раемъ, а нашъ императоръ—Богомъ; ну хочетъ побывать въ раю да и только!

Библиотека "Руниверс"

Извѣстіе о содѣйствіи Австріи произвело здѣсь неописанную радость, всѣ въ восторгѣ кромѣ нѣкоторыхъ шельмовъ богатыхъ купцовъ, которые видятъ, что полно имъ сахаръ продавать по 80, ибо навезется пропасть изъ Мальты въ Австрійскіе порты.

Славно мы попраздновали государевы именины 30-го. Освятили Успенскій соборъ, было молебствіе, въ вечеру былъ передъ домомъ графскимъ преогромный транспаранъ съ изображеніемъ побѣдъ нашихъ, Иванъ Великій и пр. Но вотъ тебѣ описаніе, которое помѣщено будетъ въ Московскихъ газетахъ. Стеченіе народа было необычайное, и радость на всѣхъ лицахъ изображалась. И папа нашъ иллюминовалъ домъ свой весь плошками; былъ транспаранъ, на коемъ было написано по гречески: великодушный Александръ спасаетъ Европу и истребитъ изверга Наполеона.

*

Москва, 4-го Сентября 1813.

То-то вамъ житье теперь! Всѣ носятъ на рукахъ. Берлинъ, Прага у ногъ вашихъ. Здѣсь расказываютъ первое свиданіе двухъ императоровъ, которое было очень трогательно. Ну, слава Богу, теперь ты прикованъ къ мѣсту; работы будетъ довольно, *стало-быть* (terme de Popoff) и случай отличиться. Я увѣренъ что, Гриша*), другъ Нессельродовъ, ему тотчасъ писать будетъ, узнавши, что вы служите вмѣстѣ. Quel temps, quelle époque, quelle gloire pour les Russes! Avec le trépas de ce misérable de Bonaparte le monde oubliera tout ce qu'il souffre depuis si longtemps. Il a de l'ouvrage de grand Napoléon, nous savons qu'il est habile à se faire de mauvaises affaires, mais nous verrons son savoir en s'en tirer. 2-го числа обѣдало насъ человѣкъ 25 въ Русскомъ трактирѣ; c'etait la societé de papa, nous tous, Wolkoff, Афросимовъ старикъ, qui appelle *Метакса Мескате и Нетаска,* Никол. Богдановичъ, Метакса, князь Петръ Алексѣевичъ, Пущинъ и пр. Чрезвычайно всѣ были веселы, пили за здравіе Государя, арміи и гибель злодѣя Корсиканца; послѣ обѣда были пляски, пѣсенники. Старикъ былъ внѣ себя отъ радости. Графъ пенялъ, что его не звали, а потому папа дѣлалъ тамъ же для него обѣдъ во Вторникъ. Combien le 2 Septembre de l'année passée était différent: les Français entraient à Moscou ce jour-là, et à présent nous célebrons nos conquêtes sur l'Elba. Voilà une année que ces coquins me firent prisonnier. J'ai été sur mon champs de bataille, сталъ на то мѣсто у Устрѣтенскихъ воротъ, гдѣ меня стащили съ телѣги моей, снялъ шляпу и перекрестясь Богу помолился. Bien des choses à l'ami Wlodeck. Dites lui que je pense souvent au temps de son fameux exil, que j'espère que maintenant il est bien avec *bébédété*; je le prie surtout d'être bien avec mon frère et de nous aimer

*) Князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

toujours tous les deux comme par le passé. Embrassez aussi *il bravo Michaud*. L'impatience des nouvelles ici est si grande que les jours de poste tout le monde court au bureau en personne, ou se rend chez le comte pour gober quelque chose de première source, et puis vers le soir la nouvelle de bouche en bouche devient tout-à-fait gigantesque. Ce ne sont jamais le moins de 20000 h. de tués, 10000 désertés etc. Comme ce plaisir est très innocent, on les laisse dire. Bien des choses à m-r Anstett. Les lettres à Metaxa d'Affendoulieff lui ont été remises le même jour.Chez les nôtres tout va bien hors ce diable de voyage: le papa veut absolument se mettre en route la semaine prochaine; tout ce que je fais est inutile surtout, parce que la maman et Mariza sont du même avis que lui. Il est persuadé qu'il sera même pour vous d'une grande utilité à l'armée; il connait mal la carte du pays, et je lui répète qu'il vous liera les mains seulement et qu'il lui sera impossible de galopper après l'Empereur et vous. Soit! Графъ Арт. Ив. Воронцовъ скончался въ Бѣлкинѣ у дочери, гр. Бутурлиной.

Папахенъ писалъ Кирикѣ, что такъ какъ до сихъ поръ онъ видитъ только отъ него одни обѣщанія, кои не выполняютъ, онъ рѣшился ѣхать въ главную квартиру самъ. Между тѣмъ Италинской и до полученія еще Нессельродовой депеши часто Кирикѣ напоминаетъ о дѣлахъ Кон. Дм. Бобровъ écrit une charmante lettre à papa, pour lequel j'ai fait aussi une jolie réponse tant à Bobroff, qu'à Italinsky.

*

Москва, 9-го Сентября 1813.

Сегодня Конст. Дмитр. дастъ Русскій обѣдъ въ Русскомъ трактирѣ графу нашему, графу Н. Н. Головину, губернатору и человѣкамъ шести. Поѣдемъ и повеселимся. Il appelle cela son dîner d'adieu, mais j'espère toujours qu'il ne partira pas. C'est une idée malheureuse qu'il a eu. Je l'ai combattu, только что не до драки.

*

Москва, 11-го Сентября 1813.

Мы всѣ въ удовольствіи, часто получаемъ отъ тебя письма; но я сокрушаюсь мыслію, что ты не наслаждаешься тѣмъ же благополучіемъ. Wolkoff me donne une raison, c'est que Labanoff arrête tout les officiers, qui vont au quartier-général pour les incorporer dans la réserve, et comme cela mes lettres s'arrêtent aussi; mais il doit y avoir une communication fréquente entre Labanoff et vous autres.

Ну, братъ, уже повеселились мы третьяго дня! Папа давалъ въ Русскомъ трактирѣ Русскій обѣдъ; вотъ кто были: графы Растопчинъ

Библиотека "Руниверс"

и Головинъ, губернаторъ Спиридовъ, старикъ Афросимовъ, Н. Д. Приклонской, Волковъ, Дурасовъ, Метакса и наши. On a bu, bu—que c'est un plaisir! Le vieux Afrossimoff était charmant, et jamais je n'ai assisté à un dîner aussi gai. Нашло пропасть народу, который при здравіи за армію, побѣды, графа прокричали: Ура! Il y a eu des danses après dîner, кулачный бой, на медвѣжью травлю не успѣли ѣхать. Ты видишь, что все было Русское. Старикъ нашъ плавалъ въ удовольствіи. Афросимовъ pendant tout le temps a répété toujours la même farce, вдругъ скажетъ: Александръ Александровичъ! Чего изволите, Павелъ Афан.? Afrocimoff crie Ура! и всѣ за нимъ; посидитъ да опять: Григорій Григорьевичъ!—Чего изволите? Ура! опять всѣ ура за нимъ, а ему любо. On disait qu'on amene ici le féroce Wandame. Le comte dit à papa qu'il avait déjà préparé les gens pour le servir. Кого же, в-ше с-во? Камердинеромъ дамъ ему вашего бывшаго, а Арнаутъ будетъ брить Вандама. Пусть будетъ онъ жить на Иванѣ Великомъ, прибавилъ нашъ старикъ. Ну, ужъ повеселились мы! Quoique papa appelle cela son dîner d'adieu, je suis toujours dans l'idée qu'il ne se décidera pas à quitter Moscou, malgré tous ses préparatifs; à présent il dit qu'il veut attendre que Natalie vienne pour prendre congé d'elle, et elle pourra tarder une semaine. S'il doit déjà partir, je suis charmé que le comte permet à Keltz de l'accompagner; je l'avais déjà effrayé sur le point qu'il pouvait par le mauvais temps d'automne tomber quelque part malade et être sans servant. Cela le détermina à prendre Keltz. Le voyage en vérité me chipotte. Il sera penible, coûteux et inutile, a тебѣ только тягость. Sil s'effectue, la faute en vérité n'en est pas à moi.

Вчера крайне былъ я обрадованъ твоимъ свѣжимъ письмомъ отъ 13 Октября (4 Сен.) изъ Теплица. Привезенный Extrablatt былъ тотчасъ переведенъ и напечатанъ здѣсь. Ради Бога и впередъ сообщай все, что у васъ печатается, равно и новости, кои у васъ гласны. Le comte me dit que votre paquet lui a été transmis par le comte Nesselrode; j'ai fait lire au comte ce que vous me dites de son fils, les mains lui tremblèrent tellement, que j'ai cru que la lettre tomberait, des larmes de joie parurent sur ses yeux, et il m'embrassa pour les bonnes nouvelles que vous me donnez sur son fils. Depuis deux mois il n'avait pas de ses nouvelles. Vos lignes l'ont transporté de joie. C'est un père si tendre, et il n'a qu'un seul fils. Берегите Сергѣя Ѳедоровича et modérez un peu ses élans amoureux. Ну ужъ гвардейцы удивили насъ. Ici c'est une ivresse que vous ne sauriez vous imaginer. Les victoires se suivent avec tant de rapidité, tant d'éclat!

*

Библиотека "Руниверс"

Москва, 20—23 Сентября 1813.

Благодарю тебя за радостное письмо твое 20 Авг. (1 Сент.) изъ Теплица, наполненное хорошими вѣстями о всѣхъ дѣйствующихъ арміяхъ; тутъ были приказы Шварценберга и манифестъ Австрійскій, спасибо очень за все, и впередъ присылай. Ты знаешь, сколь я самъ ненавижу трубить вѣсти, а все тобою сообщенное знаю про себя; въ городѣ нѣтъ недостатка въ новостяхъ, всякъ разсказываетъ свое, но я вѣрю тому, что̀ печатаетъ графъ или сообщаешь ты. Лишнее тебя увѣрять, что имя твое никогда не будетъ упомянуто. Теперь отучилъ спрашивать у меня; прежде все кидались ко мнѣ съ вопросомъ, что̀ пишетъ братецъ, говоритъ ли о томъ, о другомъ; но я отвѣчаю, что ты ни слова мнѣ никогда не пишешь о дѣлахъ. То-то, я чаю, житье у васъ! Грустно только то, что письма мои не доходятъ къ тебѣ.

Старикъ все занимается пріуготовленіями къ отъѣзду въ главную квартиру, ну сталъ на этомъ да и только. Я писалъ тебѣ довольно о всѣхъ моихъ усиліяхъ его отговорить, но онъ не слушаетъ никого, а мама и Марица, къ несчастію, также противъ меня. Quoique je désespère du succès, mais il n'y a pas de moyens que je n'employe pour le détourner, dégoûter de ce voyage pénible, coûteux et inutile sous tous les rapports. Il a encore cette marotte d'intercéder pour la Wallachie et la Moldavie. Mais vous voyez, lui dis je, que vos affaires à vous ne se terminent pas encore, malgré les bonnes volontés de tout le monde. Moi je vois dans tout cela un peu d'enfantillage aussi, voir le quartier-général, les souverains alliés, des triomphes d'après, des armées de différentes nations etc. Вчера подпустилъ я штучку новую, подучивъ Волкова сказать, что пишутъ, что Государь поѣдетъ на время въ Петербургъ; вотъ, сказалъ я, не доставало бы того, чтобы вамъ напрасно съѣздить и разъѣхаться съ Императоромъ. Il fait beau jusqu'à présent, mais attendez que la pluie et le mauvais temps commence, cela fera faire aussi de réflexions à un vieux rhumatique comme notre papa. Je puis me tromper, mais comme moi je vois les choses, papa serait pour vous un grand fardeau.

Какъ я обрадованъ былъ нечаяннымъ пріѣздомъ любезной тетушки. Чижикъ честнымъ манеромъ ее выпроводилъ, увѣривъ, что ей лучше всего жить въ Кашинѣ, въ своей деревнѣ, куда она скоро ѣдетъ. Elle était bonne pour lui à la campagne, mais en ville c'est autre chose, comme s'il fallait beaucoup pour ma tante. Elle a beaucoup vieillie, mais pour l'humeur elle est la même toujours. Tous les nôtres ont été avec moi chez elle, et il fallait voir les pantomines de ma tante et d'Афр. Дм. Костаки était l'interprête. Elle trouve aussi

Библиотека "Руниверс"

comme beaucoup d'autres, que К. Д. rappelle beaucoup feu papa. Все плачеть объ долгахъ и желаетъ, чтобы казна купила данную по смерть аренду, которая почти ничего не даетъ.

Notre société est toujours la même. Il y a encore le maître de police Dourasoff, qui vient jouer quelque fois aux whist et le vieux Afrossimoff, qui s'avise d'être votre rival et quelques fois s'endort près de la belle. Il est fort drôle; когда за ужиномъ засидятся, то спрашиваетъ: скажите, пожалуйста, что у васъ, въ Валахіи, за ужиномъ и спятъ? Пріѣхалъ фельдъегерь Шеннигъ, привезъ славнаго Вандама.

*

Вчера, въ день коронаціи, весь городъ былъ славно иллюминованъ. Много было транспарантовъ; у графа представлена была императорская корона въ огнѣ, на одной сторонѣ: 1801, вѣнчался короною, а на другой 1813, увѣнчался славою.

Я тебѣ послалъ описаніе щита, бывшаго у графа въ Александровъ день.

Любопытство всего города обращено на Вандама: только-что его привезли, народъ столпился около графскаго дома. Дабы избѣжать безпорядка, графъ велѣлъ въ своей каретѣ отвезти его на квартиру. Вотъ разговоръ графа съ Вандамомъ, при большомъ множествѣ людей и въ продолженіе котораго Вандамъ стоялъ въ самомъ почтительномъ положеніи.

Le comte. J'ai ordonné qu'on pourvoye à tous vos besoins.

Wandame. (Une révérence). J'espère que votre altesse...

Le comte (coupant la parole). On vous traitera comme tous les généraux prisonniers se sont chez nous. J'ai seulement un avis à vous donner. Je vous conseille de ne pas vous montrer, car après ce que les Français ont fait ici à Moscou, vous seriez exposé à des désagrements, peut-être même, à des insultes. Les Français sont devenus odieux au peuple Russe.

Wand. (autre révérence).

Le comte. J'ai ordonné de vous donner deux chambres au Kreml, afin que vous ayez le plaisir de jouir de la vue des hauts faits, qui réndront immortel le nom de votre bon maître. Adieu, monsieur.

Я былъ съ Волковымъ раза три у Вандама. Долго съ нимъ говорилъ; онъ болтливъ, какъ всѣ Французы, дерзокъ, но уменъ и имѣетъ познанія. Много очень слышалъ я и узналъ любопытнаго у него. J'ai noté tout cela et vous le communiquerai. En parlant de l'Espagne, il dit:

Библиотека "Руниверс"

nous avons inondé ce pays de notre sang, nous l'avons pavé de nos os. Il est aussi contre l'expédition de l'année passée; il dit que pour l'avoir trop manifestement blâmée, il fut exilé ainsi, que le roi Jérome. C'est à dire, lui dis-je, que vous êtes contre toutes les entreprises, qui ne réussissent pas. Il se mit à rire. Онъ увѣряетъ, что всѣ были противъ похода въ Россію, кромѣ одного Даву, коего цѣль была— быть Польскимъ королемъ. О самомъ Наполеонѣ говоритъ онъ иной разъ дерзко, а иной разъ превозноситъ его до небесъ. О Германіи говоритъ онъ съ оскорбительнымъ презрѣніемъ.

Nous avons dîné hier avec papa chez le comte, a où il y le feldjäger. Je lui ai fait demander sur son voyage. Le courrier fit de grands yeux, quand papa lui dit qu'il comptait aller au quartier-général en voiture à 4 places. Вы не доѣдете въ полтора мѣсяца. Платить буду хорошо. Да это все равно: гдѣ нѣтъ лошадей, такъ хоть милліонъ платите, ихъ не будетъ; я часто пѣшкомъ шелъ. Tout cela n'a pas extrêmement rejoui notre voyageur, il balance. Мнѣ кажется, что радъ бы остаться, но боится, чтобы не назвали малодушіемъ; сказавъ столь рѣшительно, что ѣдетъ, а тамъ остаться. Я говорю ему, что прекрасно бы было ѣхать по первому пути, покойнѣе, дешевле, и легче, и скорѣе; говорю это въ той надеждѣ, что подоспѣетъ между тѣмъ твой отвѣтъ на письмо мое черезъ Шепелева, гдѣ говорю тебѣ о намѣреніяхъ папахи. Черезъ два дня ѣду съ Наташею въ Кашинъ праздновать эту не по сердцу всѣмъ свадьбу Пашеньки съ Обресковымъ. Я уломалъ старика дождаться моего возвращенія, а пробуду тамъ недѣлю, avec les jours en route. Voilà donc encore de temps gagné.

Le portrait de la Staal est de main de maître. Le comte l'a trouvé frappant et surtout très bien écrit. Dites bien des choses à elle de ma part et de la part de Natalie, qui se rappelle souvent de sa société aimable.

M-r Dmitrieff m'a ataqué hier chez le comte, en me comblant moi et Natalie de compliments et de politesse. Il a extrêmement vanté mon livre que vous avez, j'espère, reçu à cette heure-ci. Il paraît qu'il ne retournera plus à Pétersbourg. Comme je suis assez lié avec son m-r Bolotnikoff, je lui ai écrit une longue lettre, en lui envoyant le livre. Онъ годится намъ при случаѣ. C'est un parfait honnête homme, bon et sensible. Lors de son dernier séjour ici nous étions presque tous les soirs ensemble chez Wolkoff, chez le comte ou chez moi. Nous nous sommes vus tous toujours presque, car il loge chez le comte.

Библиотека "Руниверс"

On ne parle que de *l'atrocité impunie* qui a été commise à Pétersbourg. Un gueux de Français Fleury a osé faire rosser *) l'amiral Seniavine. Fleury n'est qu'arrêté. Je vous réponds, que si à Moscou un Français osait insulter un paysan, il le payerait bien cher. Cette histoire révolte tout le monde, et elle est faite pour cela.

*

Москва, 16 Октября 1813.

Пріѣздъ Николо несказанно меня обрадовалъ. Ежели бы еще днемъ опоздалъ Николо, К. Д. бы уѣхалъ, ибо все было готово къ отъѣзду. Я тебя увѣряю, что вояжъ этотъ дѣлался изъ одного ребячества и любопытства видѣть армію, главную квартиру, пасть къ ногамъ Государя; а ты знаешь, что нашъ добрый старикъ почитаетъ это величайшимъ благомъ на землѣ. Разглася, что ѣдетъ въ армію и не хотя показать всѣмъ, что онъ легко мысли перемѣняетъ, положилъ онъ отправить эстафету; но такъ какъ добрый нашъ Голембовскій еще здѣсь, то ему даемъ мы всю экспедицію. Мысль папахи писать къ Государю не дурна. Ты лучше можешь на мѣстѣ все сообразить; но мнѣ кажется, что письмо такъ написано какъ должно. Дабы тебя не отяготить, добрый старикъ велѣлъ мнѣ написать письмо къ гр. Нессельроду, препровождая къ нему просьбу къ Государю. Онъ захотѣлъ также непремѣнно писать къ разнымъ генераламъ; мнѣ кажется, что ему отъ этого не должно ждать ничего: тамъ всякій думать долженъ, какъ бы себѣ самому что̀ урвать. Велѣлъ Милородовичу написать чрезмѣрно льстивое письмо, превознося его до небесъ. Ланжеронъ Гасконецъ, такъ что ему въ этомъ же родѣ. Посылаю тебѣ всѣ свои бруліоны, дабы ты зналъ содержаніе.

Je ne vous dissimulerai pas aussi que si Italinsky, qui n'aime rien sur la têrre, vous aime, vous et Warlam, il agit bien faiblement. Comment! Dans la position imposante où se trouvent nos affaires ne pas obtenir de la Porte une misère comme la prolongation de terme pour trois ans encore, quand il est surtout appuyé des ordres de l'Empereur d'y insister? Il a des armes contre la sottise, l'ignorance ou la malveillance de la Porte. Me parlera-t-il encore de partie française? Italinsky est un parfait égoïste; quand il a bien dîné, il croit que toute la terre est rassasiée. Je le connais depuis longtems. Sa tête est peu de chose, son coeur mauvais; à Naples il était plus le serviteur d'Acton, que le ministre d'une puissance qui seule fesait respirer cette pauvre cour. S'il fait des courbettes au reiss-effendi, comme il le fesait à

---

*) Тутъ два слова не поддающіяся прочтенію по неразборчивости подлинника.

Библиотека "Руниверс"

Acton, il ne faut pas beaucoup attendre de sa bienveillance particulière; mais, quand on lui montre les dents, il sait se lever matin, travailler, agir. Il faudrait donc qu'on lui ordonne très positivement de finir cette affaire. Il faudrait avoir l'oukaze pour les terres en Bessarabie avant tout. Je ne crains pas d'avanie de la part des Turcs, mais s'ils étaient à commencer, les biens du Turcs en Bessarabie répondraient de leur audace. La balance est en notre faveur, c'est à dire qu'il y a plus de bien des Turcs dans notre Bessarabie que de biens des Russes en Valachie, а выходцевъ только и есть, что наши да Вакарески и еще малое, можетъ быть, число. Il faut qu'Italinsky mette habilement en avant cela sans y donner une tournure officielle. Je sais que le roi soidisant de Naples Joseph voulut confisquer les biens des Napolitaines, qui par attachement pour le roi véritable l'avaient suivi à Palerme; on glissa à Gallo que ce bruit étant parvenu en Sicile, on y séquestrait tous les biens des Napolitaines qui aux sommations ne se rendaient pas en Sicile. Le marquis de Gallo désavoua la confiscation projettée, quoique l'édit était déjà imprimé. C'est le même cas avec Warlam. Je ne dirai pas ceci à l'Empereur, car alors il serait naturel à S. M. de dire: et bien,que l'affaire en demeure là et que dans le cas on usa de repressailles sur les terres des Turcs en Bessarabie. Papa aussi de son côte a été négligent et a mis des entraves à la vente; il est attaché à ses terres, il a toujours dans la tête cette arrière-pensée que la Moldav. et la Valachie vont être Russes bientôt; il veut le bonheur de ses paysans, il gémit sur leur sort d'avance, quand ils seront vendus. On les écorchera, dit-il. Tout cela a fait que ce n'est qu'à présent qu'il envoya la note de ses terres et qu'il les taxe du prix exhorbitant de deux millions; c'est ôter l'envie de les acheter. Je lui ai prêché qu'il fallait faire des sacrifices: perdre deux pour avoir dix ou douze cent mille piastres. Mais, comme je vous dis plus haut, son caractère grand l'emporte, et il oublie le proverbe que charité bien ordonnée commence par soi-même. Il oublie Bukharest et attend tout de nos victoires (qui l'intéressent plus que ses affaires) et de vos démarches. C'est l'homme le plus loyal, bon, généreux, magnanime que je connaisse, mais aussi le plus insouciant.

*

Москва, 17-го Октября 1813.

Le comte est très sensible à votre souvenir. Je vous jure qu'il mérite tout de notre part, car j'ai un bienfaiteur et un ami aussi en lui. C'est une des plus belles âmes que j'aie rencontré dans le courant de ma vie. Cette catastrophe de Moscou a de beaucoup abrégé sa vie. Il est malade depuis deux semaines; bile, hémorrhoïdes et spasmes le tour-

Библиотека "Руниверс"

mentent. Je suis étonné que l'Empereur ne lui donne pas quelque preuve éclatante de beinveillance, non pas le S-t Wladimir, qu'il a refusé l'année passée, mais une похвальная грамота bien énergique, le portrait avec, et puis je ne sais quoi enfin. Si le comte était charlatan, il se ferait l'homme du siècle. Le silence de son fils le tue aussi. Je vous conjure, mon cher ami, de me parler de lui dans chaque lettre, fût ce deux mots pour le tranquilliser; engagez le jeune comte à être plus exacte, mettez le vous-même à contribution dès que vous le verrez, poussez lui une plume dans la main. Il a un père si indulgent. La comtesse le 13 de ce mois est accouchée d'un fils nommé André*). La chose s'est passée si bien que c'est elle-même qui a annoncé cette joye au comte par un billet de propre main; il etait cinq heures de matin.

Au sujet de Nicolo le comte écrit au pr. Gortchakoff pour ses patentes, pension etc. Nicolo part dans quelques jours pour la Bessarabie.

Я тебѣ послалъ со многими книжку мою; посылаю тебѣ нѣсколько экземпляровъ, изъ коихъ одинъ прошу поднести достойному твоему начальнику графу Несельроду. J'avais envoyé par votre canal à Worontzow, Zakrefsky, et je ne conçois ce que cela devient. Книга такъ покупается, что печатаемъ второе изданіе, а я работаю надъ третьимъ, которое будетъ очень умножено и въ двухъ томахъ. Радуюсь, что и у васъ книга полюбилась. Она переведена на Нѣмецкій и Греческій языкъ, на семъ послѣднемъ печатается иждивеніемъ К. Д. Je voulais le traduire en français, mais le tems me manque; le gros Fensch voulait le traduire en anglais aussi. La 2-me édition me rapportera quelque milliers de rbl. Nous avons eu avec Metaxa la bêtise de vendre la première à un libraire à 2 roubles, tandis que lui à tout vendu à 5 et avec le plan 6. C'est une leçon. Je n'ai pas osé le dédier à l'Empire, et ensuite les éloges qui y sont répandus sur S. M. paraitraient surpassés, quoique nul souverain sur la terre ne mérite et n'a jamais mérité autant l'admiration que notre magnanime sauveur de l'Europe. On n'a jamais vu tant de gloire et tant d'humilité; c'est là la véritable grandeur. Разскажу тебѣ анекдотъ, какъ пришелъ я къ папахѣ, читать ему бруліоны писемъ. Читая письмо къ Императору, дошелъ я до мѣста: да будетъ имя Провидѣніемъ посланнаго Александра 1-го..... Стой! говоритъ старикъ, погоди... Встаетъ, думаетъ и вдругъ, ударивъ со всей силы кулакомъ въ столъ, кричитъ: Пиши: великаго! да Александра великаго! Je brillais d'allegresse, la gloire de l'Empereur était

*) Графъ Андрей Өедоровичъ Растопчинъ отъ брака съ Евдокіей Петровной Сушковой имѣлъ единственнаго сына, графа Виктора Андреевича, служившаго воинскимъ начальникомъ въ Кяхтѣ нынѣ умершаго и оставившаго двухъ сыновей.

Библиотека "Руниверс"

toute entière sur le front de notre vieillard. Puis il dit: Ежели я первый дамъ титулъ великаго, то умру доволенъ. Il est impossible d'être plus amoureux de l'Empereur et de sa gloire, plus enthousiaste des Russes et de la Russie que notre bon vieillard. Le comte dit que cette anecdote mérite de passer; elle peint Warlam et les circonstances actuelles, car nous sommes ici comme ensorcelés, hors de tout ce qui arrive chez vous.

Vous savez qu'un certain brave homme et zélé patriote, fanatique du nom russe, imprime ici un journal, qui porte le titre de Русской Вѣстникъ. Je vous envoye le № 11, car il y a un article sur le brave Seniavine et puis la discription de la surprise que Natalie m'a faite le 26 Août à notre campagne. Cela peut paraître fade à la lecture à des étrangers, mais je vous assure que ce jour-là j'ai pleuré d'attendrissement. Vous seriez bien aimable de me communiquer des anecdotes de l'armée pour Glinka, qui orne son journal de tout ce qui fait honneur au nom russe. Dans son journal de l'année prochaine il parlera beaucoup de feu papa; son portrait sera imprimé à la tête. J'ai communiqué à Glinka beaucoup de matériaux, le séjour aux Sept Tours, des lettres du prince Potemkine, de Souvoroff etc.

Pour vous prouver le cas qu'on fait chez nous du charmant Napoléon, je vous envoye plusieurs exemplaires de son portrait qu'on voit ici affiché à toutes les boutiques russes. Voici aussi les portraits assez ressemblants du comte. Ежели попадется портретъ у васъ Шведскаго принца, Блюхера или другихъ, то пришли пожалуй.

J'ai vu l'autre jour m-r Dmitrieff, qui paraît vouloir retirer son épingle du jeu; c'est pour cela apparement qu'il m'a fait tant de caresse, me demandant la permission de venir me voir, me comblant de louanges sur le livre que j'ai ecrit etc.*) Comme les tems changent les hommes! Le même homme nous a fait des avanies à Pétersbourg lors de notre procès. A propos, le séquestre a été mis sur tout le bien d'Azanczevsky pour répondre de son administration du bien de papa depuis son décès. La cousine, me dit-on, est désespérée d'avoir emtamé cette affaire. Je ne crois pas à son désespoir: c'est une vilaine vipère. Je vous ai dit que son conseiller Woyeikoff, qui avait succédé à Adouefsky, l'a suivi dans l'autre monde.

Vous saurez qu'il y a à Pétersbourg, sous la présidence de la bienfaisante Impératrice Élisabeth, une commission pour soulager les

*) И. И. Дмитріевъ вскорѣ вышелъ изъ должности министра юстиціи и поселился въ Москвѣ, гдѣ и выстроилъ прекрасный свой домъ на Спиридоновкѣ на мѣстѣ котораго не давно воздвиглись палаты З. Н. Морозовой.

Библиотека "Руниверс"

personnes ruinées par l'invasion de l'ennemi. On envoye à cette commission un certificat signé par le comte, et d'après on obtient des sommes en dédommagement. J'ai fait avoir de ce certificat à beaucoup de pauvres ruinés. La mère de la p-sse Ourousoff, madame Tatistcheff, a reçu 6000, le secrétaire de l'archive Мих. Ив. Шульцъ 3000, Никол. Богд. Приклонскій 5000, Popoff 2000 et beaucoup d'autres. Je n'ai jamais voulu demander pour moi au comte, quoique j'aie perdu tout, c'est à dire tous les débris des biens meublés de papa. Le comte, sans me rien dire, a envoyé un certificat en ma faveur. Vous pouvez vous imaginer combien j'ai été touché hier. Je venais de mettre au net une lettre à l'Impératrice; je le présente au comte pour être signée; lui, tout faible qu'il est, y ajouta de sa main les lignes suivantes: «между свидѣтельствами посланными мною къ вашему императорскому в—ву, препоручить смѣю вамъ особенно данное мною надворному совѣтнику Булгакову, женатому на княжнѣ Хованской. Онъ былъ употребленъ мною прошлаго года въ самыхъ важныхъ случаяхъ, попался въ плѣнъ къ непріятелю и чудесно спасъ себя и жизнь. Этотъ достойный, способный и преусердный, благородный человѣкъ лишился всего своего имущества». Des paroles comme cela, adressées à un ange comme notre Impératrice par un homme qu'elle estime autant, ne peuvent qu'amener de charmants résultats. Dieu le veuille, car cette catastrophe de Moscou a fait une terrible brêche dans mes finances.

Tourghéneff m'écrit que son frère Serge entre au service militaire[1]) et l'autre Nicolas part pour servir auprès du ministre Stein. Peut-être donc que vous les verrez tous les deux. Faste devient auteur, il vient d'écrire un petit panégirique de comte Rastopchine très bien tourné et que je donnerai à Glinka pour être inséré dans son journal. Dans l'Invalide, journal russe et allemand, très en vogue à présent, on a imprimé des extraits de l'Homme politique: c'est en espèce de çourrier de Londres de Moscou que le comte Czernicheff[2]) écrit chaque semaine et qui m'est dédié.

Si vous pouvez trouver un moment favorable, suppliez ou faites supplier l'Empereur d'ordonner la vente du bien de papa et de satisfaire tous les créanciers; que ce qui restera de la vente (et il n'en restera rien) soit déposé à la Maison des enfants trouvés jusqu'a la fin difinitive du procès.

---

[1]) Кажется, это было только предположеніе, и Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ не поступалъ въ военную службу.

[2]) Графъ Григорій Ивановичъ, отецъ Декабриста Чернышова и дѣдъ Григорія Александровича Черткова.

Библиотека "Руниверс"

Dmitrieff m'a dit que la représentation pour ceux qui ayant servi les termes prescrits doivent être avancés, a été envoyé au mois de Mai à l'Empereur et que j'étais compris dans la liste. Demandez à Журавлевъ si c'est vrai и кланяйся Журавчику отъ меня.

Nous avons ici, comme vous savez, Vandamme. Je vous envoye un extrait que j'ai fait copier à Lïson*) de mon journal; vous y verrez l'accueil du comte et la première conversation que j'ai eu avec ce joli garnement. Depuis j'ai été une demie douzaine de fois chez lui et j'ai appris beaucoup de choses très curieuses. Я могу ошибиться, но Наполеонъ имѣетъ въ немъ злодѣя. Онъ желаетъ, чтобы Бернардотъ былъ на престолѣ Французскомъ; онъ черезъ графа писалъ къ принцу Шведскому, прося его заступленія у нашего Государя, чтобы быть переведену отсюда въ Стральзундъ. Я ему замѣтилъ, что онъ себя симъ компрометируетъ. Противу кого? вопросилъ онъ. Какъ же, отвѣчалъ я, противу Наполеона, съ которымъ Шведской принцъ въ войнѣ. На это онъ сказалъ: «Je me moque de cela. Il pensera ce qu'il voudra. Ma foi, j'ai assez versé mon sang et pour lui et pour ma patrie, il est tems que je songe un peu à moi-même; je ferai ce que je pourrai pour améliorer ma captivité. D'ailleurs je n'aurai pas de réponse avant un mois, et de la manière dont vont les choses, dans un mois tout finira d'une manière ou d'une autre. Puis il ajouta: Quoiqu'il en soit, je vous déclare sur mon honneur, sauf à être capable de toutes les indignités dont me chargent les journaux allemandes, que je ne servirai plus. Si vous pénetrez en France, je défendrai mon bien, mon pays, mais jamais je ne me battrai pour un roi d'Espagne, de Hollande, pour une confédération du Rhin». Quand je n'ai rien de mieux à faire, je vais avec Wolkoff chez lui bavarder.

*

Москва, 27-го Октября 1813.

Ah, mon cher, quelle victoire! Nous pleurons tous comme des enfants; on ne fait que s'embrasser dans les rues. La ville sera en feu ce soir. У графа будетъ щитъ съ вензелемъ Александра Великаго, а вкругъ слова *спасаетъ*, *караетъ*, *прощаетъ*, *побѣждаетъ*. Имена принца Шведскаго, Блюхера, Бенигсена, Шварценб. и всѣхъ главныхъ начальниковъ, будутъ также тутъ. Завтра торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ въ соборѣ съ пальбою. Грустно всѣмъ, что графъ боленъ; но извѣстіе сіе оживило нашего безцѣннаго патріота, который мучается съ мѣсяцъ нервами, желчью, гемороидами. Il n'ose pas penser à son fils, mais il dit avec cette âme supérieure qui le caracterise: Будь воля

*) Елисавета Шумлянская, единоутробная сестра братьевъ Булгаковыхъ.

Библиотека "Руниверс"

Божія. Я не могъ умереть за Москву, пусть Сергѣй Θедоровичъ..... не могъ докончить отъ слабости и слезъ. Le comte a lu votre lettre, elle nous confirme tout ce que nous savons de Wiazmitinoff. Combien je vous suis reconnaissance, mon bon ami, d'avoir dans un moment aussi imprortant pensé à moi.

Глава купцовъ Кожевниковъ даетъ обѣдъ городу сегодня. 100 bouteilles de Champagne sont commandées.

*

Москва, 10-го Ноября 1813.

On n'apprend que des choses agréables. Я тебѣ писалъ это въ день полученія извѣстія о Лейпцигѣ, которое называемъ мы Александровское сраженіе. Были пиршества, столы, иллюминаціи и пр. Ходила подписка, въ коей графъ предлагалъ собрать сумму для раненыхъ въ семъ сраженіи; вообрази, что въ бѣдной, раззореной Москвѣ и теперь накопилось болѣе 40000 et cela ira à 50. Si cela va de ces train ici et à Pétersbourg, on pourrr bâtir un hôtel d'invalides. Ce monument manque seul en Russie pour éterniser la gloire de l'Empereur. Мы на этихъ дняхъ переѣзжаемъ на другую квартиру, которая въ той же улицѣ, но ближе къ графу. Je suis seul ici avec Natalie. Les enfants sont encore à la campagne, nous attendons d'être déménagés pour aller les chercher. La bonne m'écrit que Катя lui dit souvent: ахъ, няня, жай, жай Москвы.—А што?—Фафули опять ее сожгли.—Почему же?—Да Фафули сожгли опять Москву; оттого мы не ѣдемъ туда.

Voilà la peste qui vient encore mettre des entraves à tout. Italinsky, à ce qu'il paraît, jouira le rôle le plus triste à Constantinople. Un Rtischeff signe une paix avantageuse avec la Perce.

Закревскому скажи, что хлопочу по дѣлу людей, отпущенныхъ на волю покойнымъ графомъ Ник. Мих. [1]), о коихъ самъ гр. Фед. Васил. очень интересуется. Онъ все еще боленъ. Vous ne le reconnaitrez pas, sa gayeté s'est convertie en une mélancholie qui a changé son caractère tout-à-fait. On voit que c'est un mal moral, et la base en est l'ignorance sur ce qui arrive à son fils. Au nom du Ciel parlez m'en. On dit qu'il était tué. Hier on a dit que Kiséleff [2]) écrivait à son père que le jeune R. est fait prisonnier. Je vole chez Kiséleff. Il se trouve qu'il n'a même pas reçu des lettres de son fils depuis un mois et qu'il est en peiné lui-même.

Поздравляй меня. Я тебѣ писалъ о лестномъ представленіи графа, сдѣланномъ обо мнѣ Императрицѣ. Ея величество изволила черезъ со-

---

[1]) Каменскимъ.

[2]) Дмитрій Ивановичъ Киселевъ, отецъ графа Павла Дмитріевича.

Библиотека "Руниверс"

словіе о призрѣніи раззоренныхъ прислать мнѣ 6000. Voilà de quoi sérieusement restaurer mes finances. Voilà une reconnaissance de plus au comte, et d'autant plus que jamais je n'avais parlé pour moi et j'ai demandé pour bien des gens plus dignes que moi par leur malheur et leur pauvreté.

*

Москва, 17-го Ноября 1813.

Письмо твое изъ Веймара отъ 25 Октября чрезмѣрно мяня обрадовало, любезный братъ, и я не могу довольно тебя поблагодарить за то, что ты минуты отдохновенія посвящаешь намъ. Кромѣ удовольствія знать о тебѣ, извѣстія тобою сообщаемыя столь восхитительны, что ждемъ писемъ твоихъ какъ посланниковъ съ неба. Чудеса вы дѣлаете да и только. Не наготовишься здѣсь плошекъ, колоколовъ и пороху праздновать всѣ побѣды. Вандамъ, который меня все увѣрялъ, что Наполеонъ никогда не будетъ сбитъ съ Дрездена, развѣ захотимъ мы добычу эту купить 150 т. жертвами людей, и тотъ теперь такъ огорошенъ, что говоритъ уже о Рейнѣ. Malheur, dit-il, à vous, si vous passez le Rhin.

Nous avons été hier tous au théâtre de m-r Pozniakoff qui vient de s'ouvrir. Toute la recette est au profit des pauvres ruinées, a издержки Познякова, и quoique le théâtre soit petit, on a fait 1200 rbs. Ceci a beaucoup animé la ville. On a payé des billets de parterre jusqu'à 50 rs. Les acteurs sont fort bons, les décorations et costumes magnifiques. On a donné l'Arbre de Diane. La fois prochaine nous aurons les Deux Journées. Микели будетъ отличаться. Il n'y a que Anko qui n'est pas content de théâtre; il disait fort sérieusement: qu'est-ce que cela me fait, ce qu'il parle, cela ne me regarde pas. Quand il a vu Cupidon avec les ailes, il c'est mis à rire disant: ce n'est ni un homme, ni un oiseau. Всего болѣе ему понравилось когда аплодировали; смѣючись во все горло, онъ самъ хлопалъ руками. Папахенъ въ восхищеніи и послѣ театра зашелъ къ генералу Познякову, чтобы ему сказать, что онъ истинный Русскій баринъ. J'ai remis à papa la copie que vous m'avez envoyée de la lettre de Fonton, après la lui avoir lue deux fois. Vous devez savoir comme il est entêté dans certain cas. J'ai eu de la peine à l'amener à écrire à Fonton. Онъ и этому и Италинскому не довѣряетъ даже, имѣніе свое цѣнитъ два милліона не менѣе, въ соглашеніе входить съ господаремъ не хочетъ, наконецъ согласился просить Фонтона съ господарскимъ зятемъ въ Царьградѣ учредить продажу и торгъ. Кирико во всякомъ письмѣ спрашиваетъ о цѣнахъ деревень, ибо являются покупщики, а ни онъ, ни повѣренный К. Д. не извѣщены еще

Библиотека "Руниверс"

о цѣнахъ. Папа говоритъ, что это не нужно, что кто болѣе даетъ, того будетъ, а что гуртомъ все стоитъ два милліона. Съ трудомъ большимъ уговорилъ я его въ письмѣ къ Фонтону прибавить, что съ цѣны реченной сбавить два-три и до четырехъ сотъ тысячъ, ce qui toujours est cher; car à moi il m'a dit en arrivant ici que son bien peut valoir 1,200,000 piastres. Je ne conçois en vente rien à cela, et il me paraît qu'au fond de son coeur il a établi de ne pas vendre ses terres. On voit qu'il leur porte une affection particulière, disant que cela a été à son père, son grand-père etc. Pour ne pas faire prendre feu au papa, je me tais sur cela, mais je ne puis assez m'étonner d'Italinsky, qui pouvait facilement insister sur une prolongation de trois ans, puisque notre Empereur, par égard aux demandes des Valaques et Moldaves possessionnés en Bessarabie, leur a prolongé le terme sans fixer le terme de l'expatriation. Or, ils sont beaucoup et il n'y a chez nous d'émigrés que deux ou trois. Si Аѳр. Дм. fût allé dans le tems à Bukarest, elle aurait tout mieux arrangé; maintenant la peste, qui emporte jusqu'à 150 personnes par jour, met aussi beaucoup d'entraves. Je désire que Golembovsky vous rejoigne plus vite, et que Nesselrode obtienne l'ordre d'écrire à Italinsky de demander formellement la prolongation de trois ans en réciprocité de la grâce accordée par notre Empereur, encore plus généreusement, puisqu'elle est illimitée. Это еще бы лучше, ибо папахенъ нашъ обрадуется и еще на три года заснетъ; впрочемъ признаться надобно, что срокъ 18 мѣсячный былъ очень коротокъ. Въ Кайнарджискій миръ было три года срока, и тогда говорили, что мало. Ты не повѣришь, что наши побѣды испортили старика: онъ думаетъ, что все должно пасть, что конецъ Турціи, что Дунай уже граница, что онъ Валашскій ген.-гебурнаторъ, что Порта; дабы подслужиться Государю, 10 милліоновъ дастъ за имѣніе, что миръ съ Персіею Турокъ перепугалъ и пр. Enfin il a la tête jeune et inflammable. Il veut absolument avoir un secrétaire, mais je traverse cela tant que je peux; car alors il ferait écrire Dieu sait quoi, tandis qu'à présent tout passe par mes mains.

*

Москва, 21-го Нобря 1813.

Порутчикъ Вольфъ присланъ сюда отъ графа Барклая куріеромъ, отъ тебя, не привезъ ничего, но я чувствую живо одолженіе почтеннѣйшаго Ивана Васильевича Сабанеева, который пишетъ мнѣ именно для того, чтобы я не безпокоился на твой счетъ. Онъ говоритъ, что ты во Франкфуртѣ съ Государемъ, здоровъ, что онъ въ тотъ же день (25 Окт.) имѣлъ отъ тебя записку, что ты дипломатишь во всю прыть и пр. Спасибо доброму человѣку! Когда возвратится къ вамъ Вольфъ, буду

Библиотека "Руниверс"

съ нимъ писать много и выполню всѣ комиссіи Ивана Васильевича съ большимъ удовольствіемъ.

*

Москва, 26-го Ноября 1813.

Успѣхи коронованнаго ангела восхищаютъ Москву. Всякая почта ожидается съ нетерпѣніемъ, которое не могу тебѣ описать. Счастливъ ты видѣть столь близко безсмертныя происшествія и даже въ нихъ участвовать. При старости будешь воспоминать о сихъ временахъ съ восхищеніемъ. Дѣлаешь ли ты хоть записки? Да полно, станетъ ли время на это? Копи какъ можно болѣе матеріаловъ. Къ Фонтону писали мы сходственно съ твоимъ наставленіемъ по эстафетѣ черезъ Кирико и Александра Пи́ни.

Болѣзнь почтеннаго графа насъ мучаетъ. Онъ въ страшномъ разслабленіи. Demain il y a consultation. Nous verrons ce qu'ils décideront. Ses nerves sont abymés. Wolkoff veut quitter le service; ce serait un grand malheur pour Moscou et le service. Mais cet imbécile d'Ивашкинъ toujours malade et plus bête reste, attend encore je ne sais quoi, lui, qui a été recompensé déjà bien au delà de son mérite. Dourasoff est devenu vice-gouverneur. Il n'y a que ce brave Wolkoff qui n'avance pas. Не житье видно добрымъ людямъ *).

*

Москва, 16-го Декабря 1813.

Здравствуй Красный Орелъ! Здорово ли поживаешь? А мы по сю пору перечитываемъ все письма твои отъ 4—16 и 13—25 Ноября.

Je me rejouis avec vous que le voyage de papa n'ait pas eu lieu. Malgré son âge, je vous assure qu'il faut presque le tenir à la lisière comme un enfant. Намедни былъ на первомъ балѣ открывшагося собранія. Старшины, Валуевъ, князь Юсуповъ, Апраксинъ и пр. дѣлали ему разныя учтивости. Съ Аф. Дм. зачиналъ Польскіе. Теперь хочетъ непремѣнно ихъ звать къ себѣ, къ нимъ ѣздить. Богъ тебѣ воздастъ во сто разъ за тетушку, ежели въ чемъ для нея можешь успѣть. Она живетъ въ Щекотовѣ бѣдно, а Газъ даетъ праздники въ домѣ своемъ. Il a reçu 10000 de dédommagemens pour ses pertes, et je doute qu'il ait donné les moindres secours à ma tante.

Я увѣренъ былъ, что книга наша будетъ читана у васъ съ удовольствіемъ; возрадуюсь, ежели удостоится прочтенія Государя. Тутъ

---

*) Впослѣдствіи, въ царствованіе Николая Павловича, А. А. Волковъ былъ начальникомъ жандармскаго вѣдомства въ Москвѣ.

Библиотека "Руниверс"

очень много къ славѣ его относящагося. Для того именно и поднести Императору не хотѣли книги. Печатается уже второе изданіе. У меня пропасть любопытныхъ матеріаловъ, и я работаю надъ третьимъ изданіемъ, которое будетъ въ двухъ частяхъ, очень дополнено и съ разными рисунками, яко то горящая Москва, взорванный на воздухъ Кремль, Никольская башня съ чудеснымъ сохраненіемъ образа на башнѣ и пр. Книгопродавецъ Свѣшниковъ получилъ отъ книги 5000 барыша, c'est un argent qui me revenait avec Metaxa, si nous n'avions pas vendu le livre à 2 r. 50 c., tandis que le libraire se l'est fait payer 6. Mais je vous avoue que l'armirtice ayant été conclu dans le temps, je craignais que la paix ne fasse tomber le livre. J'espère que les deux éditions nous rapporteront une dixaine de milles de roubles. J'ai tout refondu et employé tous les matériaux, que j'ai accumulé dans mon portefeuille hors de notre fameuse émigration. Je suis fâché de ne pas avoir travaillé seul et à part, car Metaxa peut croire que je veux m'approprier son travail, et je suis bien éloigné, quoique tout le monde sache que M. удивительно écrit mal le russe. Au reste c'est la même chose, pourvu que l'ouvrage soit bon et lu. Сужденіе Журавчика n'est pas à rejetter; я радъ, что ему понравилось. J'espère, mon cher, que vous n'êtes pas les bras croisés et que vous faites provisions de matériaux curieux que je dévorerai, quand vous arriviez ici. Vous avez tellement la réputation du dieu de silence, qu'en ville on dit: что̀ новаго, не знаю; а говорятъ, что Булгаковъ получилъ письмо изъ арміи. О, да это отъ брата: онъ ему никогда не сообщаетъ ни слова о дѣлахъ. Le vieux Afrossimoff prétend que vous écrivez, mais que je le garde pour moi et que je sais à point nommé quand nous serons à Paris.

La lettre de Zakrefsky a été remise par moi au comte, qui a déjà repondu à Арс. Андр. par le prince Menchikoff.

Le comte permet que je vous envoye une lettre à cachet-volant de Wandame à sa femme. Donnez lui cours, si vous le pouvez et voulez; si non, brûlez là.

Monsieur, qui soutenait il n'y apas longtemps que jamais on ne forcerait la ligne d'Erfurth, que Dresde ne serait pris qu'avez le sacrifice de 100 m. hommes, que non seulement leur empereur, mais aucun Français ne souscrirait jamais au sacrifice de l'Italie et de la Hollande, maintenant me dit (et voilà ses paroles): C'est celui qui a fait toutes ces avanies à les reparer. Il faut qu'à la fin l'empereur fasse de réflexions serieuses, qu'il signe la paix, coûte qui coûte, qu'il immole son amour-propre au bien de la France; il faut qu'il renonce à l'Allemagne, à

Библиотека "Руниверс"

l'Italie et même à la Hollande pour conserver la France, qui est et sera toujours le plus beau royaume de l'univers etc. etc.

Je vous ai envoyé le № du Русской Вѣстникъ, qui contient la description de la fête champêtre de 26 Août par la poste de Jeudi (toujours par Kalinine); je vous ai envoyé ou plutôt c'est l'auteur lui-même par mon canal le № 3 de ce même Вѣстникъ qui n'est rempli que d'un petit apperçu de service de papa. Cela vous fera grand plaisir. Écrivez, mon cher, à Глинка, qui s'appelle Сергѣй Николаевичъ. Dites lui que toute l'armée le connait comme un excellent Russe, un patriote zélé, que son Вѣстникъ est lu à l'armée avec grand plaisir; remerciez le pour la justice qu'il rend à la memoire de papa etc. Ему очень будетъ это пріятно. Разумѣется, что напишешь ему по русски. Какъ бы не забыть: imaginez vous qu' Иванъ Савельичъ [1]) se présente partout avec la croix de la légion d'honneur et quand on lui dit, что ты это дуракъ, какъ ты смѣешъ это носить?—Ахъ батюшка, répond-il, теперь ужъ это сдѣлался шутовской орденъ; мы всѣ носимъ, всѣмъ позволено, и гросъ-мейстеръ позволилъ. — Да кто гросъ-мейстеръ?—Наполеонъ Карлычъ.

*

Москва, 21-го Декабря 1813.

L'invitation de l'Empereur à venir le rejoindre a fait une si vive impression de joye sur son auguste épouse, qu'elle en a été malade un jour. Toute la Russie partage sa joye, et elle partira accompagnée de voeux et de bénedictions. Quel voyage ou plutôt quelle marche triomphale! On courera voir qui? L'épouse de sauveur de l'Europe. On s'attend à mille bons mots d'Александръ Львовичъ, quand il retournera. Faites lui bien mes compliments, quand vous le verrez. Quand on lui dit que Левушка avait occupé telle et telle place en Hollande, ахъ какъ я радъ, dit-il: Левушка весь въ отца, все занимаетъ, да и по моему отдавать не будетъ [2]).

---

[1]) Шутъ князя В. А. Хованскаго.

[2]) Директоръ театровъ А. Л. Нарышкинъ сопровождалъ императрицу Елисавету въ чужіе края. Сынъ его Левъ Александровичъ служилъ въ гвардіи.

Библиотека "Руниверс"

ОТЗВУКЪ БОРОДИНСКАГО БОЯ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, лѣтомъ, въ теплый Іюльскій день, я заѣхалъ въ Голутвинъ монастырь [1]), гдѣ погребены мои родители и близкіе родные. На кладбищѣ не было ни души, вокругъ царила тишина, нарушаемая лишь щебетаньемъ птицъ въ листвѣ березъ и липъ, осѣняющихъ памятники и кресты тихаго монастырскаго кладбища. Я сѣлъ на цоколь рѣшетки, окружающей родные мнѣ памятники и погрузился въ воспоминанія о далекомъ прошломъ и о тѣхъ близкихъ и дорогихъ мнѣ людяхъ, которые уже давно покоятся здѣсь непробуднымъ сномъ смерти. Мои размышленія неожиданно были прерваны подошедшимъ ко мнѣ древнимъ старикомъ, въ одеждѣ послушника. «А я вѣдь зналъ вашего покойнаго папеньку, Василія Яковлевича, когда онъ былъ еще молодымъ офицеромъ, проговорилъ онъ глухимъ старческимъ голосомъ, обращаясь ко мнѣ. Я былъ несказанно радъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленъ, встрѣтивъ человѣка, который могъ еще помнить моего отца въ пору его молодости. Я усадилъ старца возлѣ себя и попросилъ разсказать все то, что̀ онъ помнитъ о моемъ отцѣ. Собравшись съ мыслями, онъ началъ свой разсказъ. Привожу конечно только его сущность, а не слова подлинныя.

«Въ 1812 г. я былъ дворовымъ человѣкомъ господина Аникѣева и состоялъ при немъ камердинеромъ. Жили мы тогда въ собственномъ домѣ, на Басманной у Никиты-Мученика [2]). Москва къ осени стала пустѣть, ожидали нашествія Французовъ, жители всѣхъ сословій тронулись изъ Москвы, а у насъ изъ дому все имущество было вывезено; барыни уѣхали, а самъ баринъ, часть прислуги, экипажи и лошади оставались еще въ Москвѣ. Съ семействомъ вашего папеньки мои господа очень дружны были... Наступило 26 Августа, а нашъ баринъ зналъ, что на это число было назначено большое сраженіе близъ Москвы.

---

[1]) Мужской Голутвинъ монастырь находится въ 4-хъ верстъ отъ г. Коломны.

[2]) Теперь этотъ домъ принадлежитъ г. Бостанжогло.

Библиотека "Руниверс"

Въ ночь на 27-е Августа начали проходить войска, и нашъ баринъ сталъ разспрашивать о вашемъ папенькѣ Василіи Яковлевичѣ и его братьяхъ Александрѣ Яковлевичѣ и Яковѣ Яковлевичѣ, и наконецъ ему удалось узнать, что всѣ три брата остались на мѣстѣ сраженія, не то тяжело ранеными, не то убитыми. Баринъ тотчасъ же приказалъ закладывать лошадей, и мы въ трехъ четвероместныхъ колясках, съ докторомъ, поспѣшили въ Бородино. На разсвѣтѣ пріѣхали на мѣсто сраженія, и тутъ баринъ обратился къ начальству, гдѣ ему сказали, что дяденька вашъ Александръ Яковлевичъ находится въ полевомъ лазаретѣ, а остальныхъ, сказали намъ, отыскивайте сами, такъ какъ всѣхъ убитыхъ и раненыхъ подобрать еще не успѣли. Отправились мы въ лазаретъ и нашли тамъ Ал-а Яковлевича: сидитъ на походной кровати съ подвязаной правой рукой, на которой два пальца оторвало картечью. Слава Богу, хоть этого живымъ нашли. Потомъ отправились на поиски остальныхъ двухъ братьевъ. Стали разспрашивать, гдѣ были расположены полки Виленскій [1]) и Калужскій, и когда намъ указали, то мы на самомъ мѣстѣ боя, послѣ долгихъ поисковъ, нашли, среди мертвыхъ тѣлъ, вашего дяденьку Якова Яковл. Очень онъ былъ слабъ отъ потери крови. Весь израненъ былъ, однако находился въ памяти. Мы его осторожно подняли и перенесли въ коляску, экипажи за нами ѣхали; а потомъ пошли мы искать вашего папеньку Василія Яковлевича. Нашли мы его лежащаго въ лужѣ крови, безъ движенія, совсѣмъ какъ мертваго. А баринъ мой, какъ увидалъ его, такъ и вскрикнулъ: «Вася, Вася! Должно быть, убитъ!» Тутъ подошелъ докторъ, пощупалъ пульсъ, приложилъ ухо къ груди и сказалъ: «слава Богу—живъ!» Папеньку вашего мы бережно подняли, при чемъ онъ чуть слышно застоналъ, и положили его въ коляску на приготовленную постель [2]). Не чаяли мы довезти его живымъ до Москвы; такъ и думали, что въ дорогѣ скончается; однако Богъ далъ, довезли. Пріѣхали мы на Басманную на другіе сутки, ночью. Папенька вашъ былъ такъ слабъ, что докторъ не рѣшился перенести его въ домъ и оставилъ въ коляскѣ, укрывши потеплѣе отъ ночного холода. Дня черезъ два скончался вашъ дяденька Александръ Яковлевичъ отъ Антонова огня; вся рука у него почернѣла, и онъ страшно мучился, пока Богу душу не отдалъ. Въ день его смерти пришла бумага о производствѣ его въ генералы,

---

[1]) Въ 1812 г. отецъ мой, въ чинѣ маіора, командовалъ батальономъ въ Виленскомъ пѣхотномъ полку. Дяди мои Яковъ и Александръ служили—первый поручикомъ въ Калужскомъ пѣхотномъ полку, а второй полковникомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ.

[2]) Отецъ мой былъ раненъ въ правую сторону груди пулею, на вылетъ. За участіе въ Бородинскомъ сраженіи награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ.

Библиотека "Руниверс"

а онъ ужъ на столѣ лежитъ. Надо было хоронить покойника, но вотъ бѣда: священникъ отъ Никиты мученика уѣхалъ изъ Москвы, да и въ прочихъ церквахъ священниковъ не оказалось. Вотъ баринъ нашъ и велѣлъ намъ смотрѣть, не проѣдетъ ли какой батюшка, и какъ только увидимъ, то сейчасъ привести его отпѣть умершаго. Немного погодя, увидали мы, ѣдетъ по Басманной, въ повозкѣ, священникъ, съ семействомъ. Мы остановили его и упросили совершить христіанскій обрядъ надъ усопшимъ. Отпѣли вашего дяденьку и похоронили въ саду, при нашемъ домѣ, а садъ былъ большой, тѣнистый; тутъ ему послѣ и памятникъ поставили [1]).

Черезъ нѣсколько дней, какъ только наши раненые, Василій Яковлевичъ и Яковъ Яковлевичъ, немного оправились, мы повезли ихъ въ Тверь, гдѣ въ то веря проживала ихъ маменька, а ваша бабушка Анисья Ильинична» [2]).

Простой, безыскуственный разсказъ о достопамятномъ для меня событіи въ жизни отца, услышанный мною вблизи его праха, отъ очевидца, произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе. Живо представился мнѣ образъ покойнаго отца, какимъ онъ запечатлѣлся въ моей дѣтской памяти. Вспомнилась счастливая пора дѣтства беззаботнаго, жизнерадостнаго; вспомнилось первое дѣтское горе, горе утраты дорогого и близкаго человѣка. Смерть отца, въ 1843 г., была почти внезапна и произошла, какъ говорили врачи, отъ открывшейся раны, которая однакоже не помѣшала ему прожить до 59 лѣтъ.

Д. В. Губерти.

Село Щурово, Рязанской губ.

---

[1]) Впослѣдствіи прахъ моего дяди, Александра Яковлевича былъ перенесенъ на кладбище Покровскаго монастыря, но памятникъ еще долго стоялъ въ саду.

[2]) Рожденная Иноземцева, родная тетка извѣстнаго въ Москвѣ врача Ѳ. И. Иноземцева.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ МОЕЙ СТАРИНЫ.

Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго

Всему на свѣтѣ есть предѣлъ:
Любви и счастью, и страданью.
Но вѣчнымъ быть самъ Богъ велѣлъ
Лишь одному воспоминанью.

Родъ нашъ одинъ изъ очень древнихъ, если вѣрить нашимъ источникамъ: Гербовнику, Бархатной Книгѣ и дальнѣйшимъ генеологическимъ изысканіямъ дворянскихъ родовъ гг. Румеля, графа Бобринскаго, Петрова, князя Лобанова и менѣе полнаго изданія князя Долгорукова.

Всесокрушающій потокъ Азіатскихъ дикарей, наводнившій всю страну, и вѣковое владычество Татарщины истребили на Руси не только историческіе документы, но разрушили и самыя зданія православныхъ храмовъ, этихъ хранилищъ всѣхъ нашихъ историческихъ и семейныхъ преданій; поэтому и не удивительны пробѣлы и несогласія въ ученыхъ трудахъ о Русскихъ древнихъ дворянскихъ родахъ.

Первоначальныя данныя о настоящемъ родоначальникѣ князей Мещерскихъ теряются въ области преданій. Тамъ, гдѣ нѣтъ вполнѣ точныхъ указаній, всегда существуетъ разногласіе, и поэтому неизвѣстно, кто былъ именно Гуссейнъ, который иногда именуется княземъ Ширинскимъ и свѣдѣнія о которомъ восходятъ до XII вѣка*). Сынъ Гуссейна, судя по источникамъ Гербовника, Бархатной Книги, графа Бобринскаго, Петрова, называемый то Бахметемъ, то Мухамедомъ, пришелъ въ 1198 году изъ Большой Орды въ Мещеру, завоевалъ ее и поселился тамъ; отъ него произошло въ Россіи потомство князей

---

*) Въ Гербовникѣ упоминается дословно объ этомъ Гуссейнѣ слѣдующимъ образомъ:

„Татаринъ Бахметь Усейновъ Ширинскихъ князей отступилъ Бахметя царя, да сѣлъ на Мещерѣ. У него сынъ Беклемишъ, и Беклемишъ крестился, и по крещеніи имя ему князь Михайло; а у князь Михайло сынъ князь Федоръ Мещерскій, а у князь Федора сынъ князь Юрій, и былъ онъ съ полкомъ своимъ на Дону противу Мамая въ помощь В. К. Дмитрію Іоанновичу“.

Библиотека "Руниверс"

Мещерскихъ. Его-то главнымъ образомъ и принято считать родоначальникомъ нашей фамиліи. Первымъ принявшимъ православіе былъ Беклемишъ (во св. крещеніи Михаилъ), сынъ Бахметя; съ нимъ же одновременно крестились многіе. Онъ тамъ построилъ храмы. Шесть поколѣній князей Мещерскихъ были самостоятельными владѣтельными князьями. Одинъ изъ нихъ князь Юрій Ѳедоровичъ пришелъ на помощь со своимъ полкомъ къ князю Дмитрію Донскому и отличился въ Куликовской битвѣ. Уже эти выраженія «на помощь» и «со своимъ полкомъ» доказываетъ, что онъ пришелъ какъ къ сосѣду, по доброй волѣ. Со времени Михаила, такъ сказать, идетъ историческое начало князей Мещерскихъ. По неудобству или ради какихъ другихъ, неизвѣстныхъ намъ, соображеній, уже въ 1389 году Мещерскіе князья начинаютъ продавать свои земли; такъ поступилъ, напримѣръ, Александръ Юрьевичъ. Праправнукъ князя Юрія Ѳеодоровича, Юрій Семеновичъ послѣдній владѣлъ самостоятельно Мещерой и по согласію съ братьями добровольно обмѣнялъ свои владѣнія на волости, данныя ему Іоанномъ III-мъ. Съ этого времени князья Мещерскіе дѣлаются фактически подданными Россіи, вступая въ разрядъ слугъ Московскаго государства. Сколько намъ извѣстно, князья Мещерскіе главнымъ образомъ посвятили себя военному поприщу, служа вѣрой и правдой царю и отечеству: 20 человѣкъ изъ нихъ погибло въ разное время на поляхъ брани.

Не лишнимъ, я думаю, будетъ упоминаніе объ одномъ изъ нихъ, Василъѣ Ивановичѣ князѣ Мещерскомъ, генералъ - провіантмейс сенаторѣ, женатомъ на графинѣ Натальѣ Андреевнѣ Матвѣевой, в извѣстнаго Артамона Сергѣевича Матвѣева, любимца и сотру царя Алексѣя Михайловича.

Какъ старый Московскій губернскій предводитель дворянства, будучи знакомъ съ неполнотой и недостатками дворянскихъ родословныхъ книгъ, въ которыхъ записано почти все Русское дворянство, я касаюсь только вскользь этого предмета, не имѣющаго въ нашъ демократическій вѣкъ важности для потомства, если бъ даже и было вполнѣ доказано такое древнее наше происхожденіе.

Я родился въ 1822 году въ С.-Петербургѣ, гдѣ проживали мои родители послѣ своего брака и гдѣ отецъ мой служилъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ женился по любви очень рано (20 лѣтъ) на красавицѣ, 16-ти лѣтней дѣвицѣ, баронессѣ Шарлотѣ Борисовнѣ Фитингофъ, мать которой была дочерью знаменитой княгини Ливенъ, воспитательницы великихъ княженъ, внучекъ Екатерины Великой.

Библиотека "Руниверс"

Вопреки существующаго въ обществѣ предубѣжденія противъ раннихъ браковъ, бракъ моего отца былъ одинъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ по мнѣнію всѣхъ его сверстниковъ и знакомыхъ.

Не болѣе года передъ своей женитьбой, отецъ мой возвратился изъ-за границы, куда онъ былъ посланъ своими родителями для окончанія своего образованія въ сопровожденіи ментора, почтеннаго старика, барона Вреде, весьма образованнаго человѣка, принадлежавшаго къ высшему аристократическому обществу Остзейскихъ губерній.

Этотъ случай, который въ то время не былъ исключеніемъ, доказываетъ, до какой степени тогда родители заботились о доставленіи своимъ дѣтямъ общеевропейскаго образованія, вовсе не опасаясь при этомъ сдѣлать ихъ космополитами или отщепенцами своей родины и даже религіи, какъ любила изображать молодыхъ людей этой эпохи наша пишущая братія 60-хъ годовъ. Я до сихъ поръ помню, какъ, будучи ребенкомъ и отрокомъ я прислушивался къ патріотическимъ рѣчамъ моего отца. Любовь къ родинѣ выражалъ онъ въ домашнемъ кругу, со свойственнымъ ему пыломъ и увлеченіемъ по поводу каждаго историческаго или военнаго событія того времени.

Это окончательное образованіе за границей доставило ему не только превосходное знаніе иностранныхъ языковъ и стало-быть знакомство со всѣми Европейскими литературами, но и сообщило его уму весьма практическое направленіе, которое впослѣдствіи создало ему такую репутацію, что очень многіе изъ числа его знакомыхъ обращались къ нему за совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ по всевозможнымъ, самымъ разнообразнымъ и даже семейнымъ своимъ дѣламъ.

Въ защиту людей той эпохи противъ легкомыслія и вопіющей несправедливости нашихъ хроникёровъ, обзывающихъ ихъ космополитами и отщепенцами, я не могу не упомянуть здѣсь объ одномъ изъ современниковъ и друзей моего отца, достигшемъ высокихъ должностей и занимающемъ мѣсто въ исторіи.

Я хочу коснуться по этому поводу памяти свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Владимировича Голицына, одного изъ героевъ нашей народной войны и бывшаго Московскаго генералъ-губернатора, который, занимая эту высокую должность, очень часто на своихъ дѣловыхъ бумагахъ налагалъ резолюцію по французски и въ своей перепискѣ съ государемъ Николаемъ Павловичемъ большею частью употреблялъ этотъ языкъ, что̀ не мѣшало ему быть однимъ изъ самыхъ видныхъ патріотовъ того времени.

Библиотека "Руниверс"

Отецъ мой, проживши въ Петербургѣ лѣтъ пять послѣ своей свадьбы, молодой, смѣтливый, блестящаго ума, изящной наружности, любимецъ высшаго общества, гдѣ онъ былъ принятъ и по своему рожденію, и по родственнымъ связямъ съ княгиней Ливенъ, игравшей важную роль при дворѣ, вдругъ отказался отъ всѣхъ удовольствій столичной жизни и съ необыкновенною рѣшимостью все бросилъ, вышелъ въ отставку и поселился на неопредѣленное время въ деревнѣ, чтобы создать и оставить состояніе своимъ дѣтямъ, которыхъ тогда у него было уже пять человѣкъ.

Этимъ крупнымъ поворотомъ въ своей жизни отецъ мой спасъ все свое семейство. Его предчувствіе оправдалось: Богъ далъ ему впослѣдствіи одиннадцать человѣкъ дѣтей и если бъ онъ увлекся честолюбивыми видами по службѣ или удовольствіями, которыя доставляла ему свѣтская Петербургская жизнь, то мы остались бы всѣ безъ надлежащаго образованія и по всей вѣроятности безъ средствъ. Хотя онъ получилъ въ наслѣдство отъ матери своей, урожденной княжны Трубецкой, прекрасное имѣніе (въ Курской губерніи), но, послѣ шестилѣтняго пребыванія въ С.-Петербургѣ, долженъ былъ его заложить, а поэтому несомнѣнно онъ не могъ бы оставить состоянія своимъ дѣтямъ.

Подобный примѣръ отцовскаго самоотверженія чрезвычайно рѣдко встрѣчается не только въ нашъ эгоистическій вѣкъ; но онъ былъ рѣдкостью и во времена нашихъ отцовъ.

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ мы всѣ имѣли счастіе воспитываться въ деревнѣ, среди простой, здоровой деревенской обстановки, въ постоянномъ общеніи съ природой, хотя довольно скудной, въ Волоколамскомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ селѣ Ошейкинѣ, которое мы впослѣдствіи страстно полюбили *).

Превосходство воспитанія дѣтей въ деревнѣ нынѣ признано всѣми безспорно, но къ сожалѣнію оно у насъ не всѣмъ доступно по своей дороговизнѣ. Въ этомъ отношеніи наши родители ничего не пожалѣли. Воспитываясь подъ строгимъ и разумнымъ руководствомъ нашей матери, мы имѣли достаточно преподавателей и преподавательницъ. Нашъ менторъ былъ Швейцарецъ, который преподавалъ Французскій и древніе языки; затѣмъ Русскій преподаватель, который кромѣ Русскаго языка и Русской словесности преподавалъ остальные предметы, и наконецъ

*) Нынѣ с. Ошейкино принадлежитъ моему племяннику князю Василію Сергѣевичу, сыну брата моего князя Сергѣя Васильевича, получившаго его въ наслѣдство отъ нашего отца.

Библиотека "Руниверс"

были взяты двѣ гувернантки, находившіяся при сестрѣ, которыя преподавали Англійскій и Нѣмецкій языки. Законоучителемъ былъ нашъ приходскій священникъ. Кромѣ того матушка наша, весьма религіозная женщина, читала ежедневно съ нами Св. Евангеліе съ толкованіемъ. При этомъ, разумѣется, наши родители озаботились запастись хорошимъ домашнимъ докторомъ (докторъ Панкъ) изъ окончившихъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, который тогда былъ въ славѣ собственно по этой спеціальности.

По прибытіи нашемъ въ село Ошейкино, я былъ еще слишкомъ малъ, чтобы могъ пользоваться, наравнѣ съ моими старшими братьями и сестрой, нашими преподавателями. Но такъ какъ мы прожили въ деревнѣ безвыѣздно около десяти лѣтъ, то и до меня дошла очередь у нихъ учиться.

Домъ, построенный въ с. Ошейкинѣ моимъ отцомъ, былъ деревянный, весьма помѣстительный и чрезвычайно удобный. Типъ этого деревенскаго дома такъ хорошъ, что достоинъ подражанія для всѣхъ нашихъ средней руки помѣщиковъ. Онъ соединялъ всѣ условія относительно дешевизны, удобства, красоты и во всемъ согласовался съ климатическими нашими условіями. Онъ имѣлъ бы форму покоя, если бъ не выдвигались два крыльца на плоской сторонѣ его фасада. Такимъ образомъ получались два балкона: одинъ на Югъ со стороны сада, а другой на Сѣверъ со стороны двора, и оба защищались отъ вѣтра боковыми постройками дома. Отъ дома шли двѣ полукруглыя крытыя, на колоннахъ, галлереи, соединявшія домъ съ двумя флигелями, изъ которыхъ въ одномъ была кухня, а въ другомъ баня и прачечная. Двѣ паралельныя части этого дома, имѣвшаго, какъ я сказалъ, форму покоя, были въ два этажа, а средняя часть въ одинъ этажъ съ коридоромъ по серединѣ. Всего было внизу двѣнадцать комнатъ, а на верху въ двухъ паралельныхъ частяхъ дома по пяти комнатъ въ каждой. Англійскій комфортъ, который много зависитъ отъ хорошо соображеннаго расположенія комнатъ, имѣетъ несомнѣнно большое значеніе особенно для лицъ проживающихъ въ деревнѣ постоянно, зиму и лѣто. Вотъ почему я коснулся архитектурныхъ подробностей этого дома, невольно вспоминая о всѣхъ тѣхъ неуклюжихъ и неудобныхъ жилищахъ, которыхъ я на своемъ вѣку видалъ такъ много у нашихъ помѣщиковъ.

Отецъ мой, повидимому, купилъ это имѣніе въ этой мѣстности собственно съ цѣлью быть поближе къ нашему родовому семейному имѣнію Лотошину, гдѣ жилъ мой дѣдъ съ семействомъ. Это имѣніе очень

Библиотека "Руниверс"

значительное сдѣлалось извѣстно тѣмъ, что дѣдъ мой, первый въ Россіи помѣщикъ, выписалъ изъ Швейцаріи сыроваровъ и устроилъ у себя сыровареніе, которое до сихъ поръ пользуется репутаціей по всей Россіи *).

Случайность соединила въ этой мѣстности цѣлую группу помѣщиковъ довольно состоятельныхъ и весьма образованныхъ, жившихъ со своими семействами постоянно въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ, отстоящихъ другъ отъ друга не дальше десяти или пятнадцати верстъ. Такъ напримѣръ, въ селѣ Осташовѣ жилъ старикъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, устроившій въ этомъ имѣніи знаменитую высшую военную Школу Колоновожатыхъ, послужившую впослѣдствіи началомъ нашей Военной Академіи и гдѣ получили воспитаніе многіе молодые люди, отличившіеся впослѣдствіи на военномъ поприщѣ.

Николай Николаевичъ Муравьевъ былъ отецъ знаменитаго нашего полководца Н. Н. Муравьева Карскаго, графа Михаила Николаевича Муравьева, Виленскаго генералъ-губернатора и, наконецъ, Андрея Николаевича Муравьева, извѣстнаго писателя и автора «Путешествія по святымъ мѣстамъ». Всѣ три брата получили свое образованіе въ школѣ Колоновожатыхъ, въ селѣ Осташовѣ. Неподалеку отсюда была с. Бѣлая Колпь, родовое прекрасное имѣніе князя Валентина Шаховскаго, гдѣ онъ жилъ съ молодой своей женой и цѣлымъ роемъ молодыхъ дѣвицъ, его сестеръ и барышень Голынскихъ. Бѣлая Колпь, равно какъ и Лотошино, гдѣ проживали мои двѣ молодыя и прелестныя тетушки, были постояннымъ центромъ вѣчнаго движенія, самыхъ разнообразныхъ удовольствій и неистощимой веселости всей этой молодежи. Съ противуположной стороны, въ 10-ти верстахъ отъ насъ, жили очень пріятные сосѣди въ мѣстечкѣ Яропольцѣ: графъ Чернышовъ-Кругликовъ и Гончаровъ, женатый на Натальѣ Ивановнѣ Загряжской, младшая дочь которыхъ вышла замужъ за нашего незабвеннаго поэта Пушкина, а младшій изъ сыновей сдѣлался впослѣдствіи моимъ дядей, женившись на младшей сестрѣ моего отца, той самой Лотошинской красавицѣ, которая была вѣчной зачинщицей всѣхъ удовольствій среди этого избраннаго и веселаго общества. Эти

*) Село Лотошино упоминается уже въ Никоновой лѣтописи 1478 г. Первымъ владѣльцемъ его изъ рода князей Мещерскихъ былъ (1646 г.) князь Петръ Ѳеодоровичъ, получившій его въ даръ отъ Анны Ильиничны Морозовой (сестры царицы Марьи Ильиничны). князю Петру Ѳеодоровичу наслѣдовалъ сынъ его Иванъ, затѣмъ, князь Василій, женатый на Натальѣ Андреевнѣ графинѣ Матвѣевой, потомъ Иванъ (мой дѣдъ) и наконецъ отецъ мой князь Василій второй, который отказалъ его сыну своему князю Борису, а теперь оно принадлежитъ моему племяннику князю Сергѣю Борисовичу, женатому на княжнѣ Абамелекъ.

Библиотека "Руниверс"

два крупные землевладѣльца: графъ Чернышовъ-Кругликовъ и Гончаровъ, имѣнія которыхъ до сихъ поръ сохранились въ ихъ родѣ, проживали въ своихъ барскихъ каменныхъ усадьбахъ, имѣющихъ видъ древнихъ зàмковъ, въ разстояніи не больше версты одно отъ другой, что въ нашей Русской деревнѣ довольно рѣдко встрѣчается. Затѣмъ въ 7-ми верстахъ отъ насъ, въ селѣ Грибановѣ, жила извѣстная тогда въ Москвѣ своими балами и обѣдами почтенная и добрѣйшая старуха Марья Степановна Татищева*), владѣтельница большого дома въ Москвѣ на Моховой, рядомъ съ домомъ Пашкова, нынѣ Румянцовскимъ музеемъ*).

Она была знатнаго рода, любила говорить о своемъ родствѣ въ Петербургѣ съ Нарышкиными, Строгановыми и проч. и славилась своимъ гостепріимствомъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ деревнѣ. Это былъ настоящій типъ Русской барыни (grande-dame) XVIII столѣтія. Держа огромную дворню, имѣя массу приживалокъ въ своемъ домѣ и живя постоянно выше своихъ средствъ, она все проживала на балы, на обѣды и всевозможныя удовольствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ у нея проявлялись несомнѣнные признаки такого скряжничества и скупости, которыя служили предметомъ нескончаемыхъ толковъ во всемъ Московскомъ обществѣ. Всѣ шутили надъ этимъ, но всѣ къ ней ѣздили, потому что къ ней весь свѣтъ собирался, что всѣ привыкли къ необыкновенному ея гостепріимству и что у нея всѣмъ всегда было весело. И надо было удивляться, какъ она, будучи несомнѣнно умной женщиной, могла думать, что никто не замѣчаетъ ея странностей и не подозрѣваетъ, что она служитъ предметомъ насмѣшекъ и добродушнаго злословія. Она между прочимъ со всѣхъ вечеровъ и баловъ, на которые была приглашаема почти каждый день, неукоснительно всякій разъ привозила домой въ своемъ большомъ черномъ бархатномъ ридикюлѣ, всюду ее сопровождавшемъ, пропасть конфектъ и фруктовъ, которые, какъ гласила молва, распущенная Московскими сплетницами, впослѣдствіи появлялись въ числѣ угощеній на ея собственныхъ балахъ. Затѣмъ для того, чтобы на тѣ средства, которыми она располагала, ей было возможно чаще принимать у себя гостей и давать балы, а вовсе не въ видахъ благоразумной экономіи, въ ея двухъ огромныхъ бальныхъ залахъ во время пріема горѣли сальныя свѣчи и довольно плохенькія

*) Урожд. Ржевская (1774—1852), супруга ген.-маіора Алексѣя Евграфовича Татищева (1760—1832), который былъ внукомъ славнаго Василія Никитича, а по матери своей племянникомъ фельдмаршала графа Каменскаго.

*) Этотъ большой домъ. на Моховой улицѣ, съ обширнымъ дворомъ, бывшій Татищевыхъ, недавно пріобрѣтенъ Румянцовскимъ музеемъ.

Библиотека "Руниверс"

масляныя лампы. Прислуга при этомъ, довольно собой видная, была, разумѣется, въ парадныхъ ливреяхъ до нельзя изношенныхъ. Оригинальнѣе всего было то, что, не смотря на постоянный у нея пріемъ гостей, въ будни, ея швейцаръ не надѣвалъ ливреи и не находился внизу у входной двери, а постоянно сидѣлъ въ передней въ бельэтажѣ, занимаясь на большомъ рабочемъ столѣ преусердно портняжнымъ своимъ искусствомъ, причемъ, при появленіи каждаго посѣтителя, онъ бросалъ свои большія ножницы, утюгъ, свою кройку или шитье, чтобы докладывать о гостѣ или гостьѣ ея превосходительству. Все это, разумѣется, служило въ обществѣ неистощимымъ предметомъ шутокъ и злословія, которыя не помѣшали однако почтенной старушкѣ умереть въ Москвѣ въ своемъ домѣ, окруженной любовью и уваженіемъ.

Если къ этому обширному кругу близко-знакомыхъ между собою помѣщиковъ прибавить еще нѣсколько землевладѣльцевъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, хорошо принятыхъ въ названныхъ выше домахъ, то нельзя не признать, что подобный центръ мѣстной жизни, состоявшій изъ такого довольно обширнаго избраннаго общества, даже въ то время былъ рѣдкостью на Руси, а теперь это все кажется сказочнымъ вымысломъ.

Разумѣется, въ то время, среди подобныхъ помѣщиковъ, о такъ называемомъ злоупотребленіи помѣщичьей власти не могло быть и рѣчи. Въ положительное изобличеніе неправды о всѣхъ ужасахъ крѣпостного права, которые послужили постояннымъ и излюбленнымъ предметомъ повѣстей и романовъ нашей литературѣ 60-хъ годовъ, не исключая и нашего высоко-даровитаго Тургенева, слѣдуетъ сказать утвердительно, что отношеніе между всѣми названными выше помѣщиками и ихъ крестьянами были самыя гуманныя, самыя отеческія и самыя справедливыя.

Разительнымъ примѣромъ тому, насколько наша извѣстная въ этомъ отношеніи литература обобщала исключительные случаи этихъ злоупотребленій и насколько несправедливы тѣ обострившіяся отношенія между помѣщиками и крестьянами, о которыхъ такъ много писали, можетъ послужить слѣдующее фактъ. Въ 1812-мъ году все крестьянское населеніе огромнаго помѣстья моего дѣда конечно было смущено извѣстіями, приходившими въ то время въ с. Лотошино изъ Москвы, и въ одинъ прекрасный день, услыхавъ издалека пушечные выстрѣлы какого-то Французскаго отряда, можетъ быть и воображаемаго, все мужское населеніе крестьянъ собралось на большой площади противъ помѣщичьяго дома, вооруженное косами, вилами и топорами, чтобы защищать жизнь моего дѣда и его семейства.

Библиотека "Руниверс"

Дѣдъ мой мнѣ сказывалъ, что въ данномъ случаѣ ему, лично вышедшему на площадь, очень трудно было успокоить этотъ добрый и простодушный народъ и уговорить его вернуться по домамъ.

Изъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, посѣщавшихъ въ то время насъ въ деревнѣ, я припоминаю, между прочимъ, Назимовыхъ, въ семействѣ которыхъ были двѣ дѣвицы, замѣчательной красоты; затѣмъ одного заслуженнаго полковника и доморощеннаго поэта Эгерштрома, родомъ изъ Шведовъ, замѣчательнаго тѣмъ, что онъ всю жизнь свою проводилъ въ своемъ тарантасѣ, постоянно посѣщая всѣхъ помѣщиковъ этого околотка и угощая ихъ, при каждомъ посѣщеніи, вновь написанными имъ стихотвореніями на ломанномъ Русскомъ языкѣ, самаго забавнаго содержанія. Эти стихи большею частью посвящались хозяину или хозяйкѣ дома и возбуждали во всѣхъ присутствующихъ гомерическій смѣхъ, никогда его не обижавшій, отчего онъ и умѣлъ сдѣлаться для всѣхъ желаннымъ гостемъ и обязательнымъ участникомъ всѣхъ удовольствій *).

Перечисляя крупныхъ помѣщиковъ этой мѣстности, Волоколамскаго и смежнаго съ нимъ Ста́рицкаго уѣздовъ, я не упоминаю о тѣхъ, которые не жили постоянно въ деревняхъ, а наѣзжали только на лѣто въ свои помѣстья, какъ то, напримѣръ, старикъ Безобразовъ съ многочисленнымъ своимъ семействомъ, Головины, изъ которыхъ одинъ сдѣлался извѣстнымъ въ Европѣ, принявъ участіе за границей въ возмущеніяхъ смутной эпохи 1848-го года, и наконецъ князь Куракинъ, который вовсе не жилъ въ своемъ помѣстьѣ, но у котораго въ домѣ находилась замѣчательная картинная галлерея.

Чтобы довершить картину мѣстной жизни и дѣятельности названныхъ выше помѣщиковъ, надобно сказать, что по принятому тогда обычаю у нихъ были почти у всѣхъ борзыя охоты въ полномъ составѣ. Преимущественно славились между знатоками-охотниками Назимовская и Татищевская охоты. Исключеніемъ въ этомъ отношеніи были только мой дѣдъ, мой отецъ и Н. Н. Муравьевъ.

Кромѣ умственныхъ и кабинетныхъ работъ, которымъ предавались многіе изъ этихъ несомнѣнно интеллигентныхъ людей, улучшеніе нашего сельскаго хозяйства составляло ихъ общую заботу, служило темой ихъ постоянныхъ преній и разговоровъ и было предметомъ ихъ серьезныхъ и любимыхъ занятій. Между молодыми помѣщиками этой мѣстности мой отецъ былъ, безспорно, одинъ изъ лучшихъ практи-

---

*) Пушкинъ написалъ шуточное посланіе къ этому Эгерштрому.

Библиотека "Руниверс"

ческихъ хозяевъ и особенно отличался своею дѣловою дѣятельностью; затѣмъ старинное родовое имѣніе моего дѣда, с. Лотошино, за служило уже тогда себѣ въ этомъ отношеніи извѣстность. Такъ какъ въ этомъ имѣніи все вниманіе было сосредоточено на выдѣлку самыхъ лучшихъ Швейцарскихъ сыровъ, что даже и въ настоящее время составляетъ его главный доходъ, то мой дѣдъ уже въ то время занялся улучшеніемъ скотоводства. Выписывая чистокровныхъ животныхъ изъ заграницы, онъ создалъ два многочисленныя и прекрасныя стада: одно чистокровной Тирольской породы, а другое чистокровной Голландской. Въ имѣніи было четыре винокуренныхъ завода, доставлявшихъ обильное пойло скоту, и кромѣ того, для улучшенія корма, довольно значительный свеклосахарный заводъ.

Объ этомъ хозяйствѣ еще въ 1838 году въ журналѣ «Народное руководство въ сельскомъ хозяйствѣ» напечатана статья Шелехова подъ заглавіемъ: «Описаніе превосходно устроеннаго современнаго Русскаго сельскаго хозяйства съ зерновымъ трехпольнымъ полеводствомъ въ с. Лотошинѣ». Она начинается такъ: «Кому неизвѣстно село Лотошино князя Ивана Сергѣевича Мещерскаго?» Далѣе описывается прекрасное хозяйство, заводы Швейцарскаго сыроваренія, сахарнаго и винокуренныхъ заводовъ и затѣмъ благосостояніе крестьянъ. При этомъ авторъ говоритъ объ учрежденіи въ каждой деревнѣ опекуновъ изъ порядочныхъ и совѣстливыхъ поселянъ для надзора за неимущими и обѣднѣвшими крестьянами. Безъ позволенія опекуновъ и донесенія конторѣ никто не могъ сбывать ни хлѣба, ни животныхъ, а тѣ, которые поправлялись и дѣлались исправными, выходили изъ опеки и т. под. Въ концѣ по этому поводу приводится поговорка крестьянъ этого имѣнія, выражающая благодарность помѣщику за его о нихъ попеченіе въ слѣдующихъ словахъ: «приставилъ ты, батюшка, намъ голову къ плечамъ......» «Неслыхано, говорили также крестьяне, чтобы изъ Лотошинской вотчины ходили по міру».

Въ этой же статьѣ упоминается о сынѣ Лотошинскаго помѣщика князѣ Василіи Ивановичѣ Мещерскомъ, совершившемъ важное хозяйственное предпріятіе въ сосѣднемъ своемъ имѣніи Ошейкинѣ, пожертвовавъ большую сумму денегъ на осушку огромнаго болота, съ котораго получается столько же сѣна, сколько со всего Лотошинскаго хозяйства, вчетверо болѣе по количеству состоящихъ въ немъ десятинъ земли. Статья заканчивается слѣдующими про моего отца словами: «честь, хвала и деньги молодому, дѣятельному, разсудительному сельскому хозяину!»

Библиотека "Руниверс"

Затѣмъ о познаніяхъ и дѣятельности выдающагося тогда помѣщика, нашего сосѣда, Николая Николаевича Муравьева нечего и говорить: о нихъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что онъ положилъ начало существованію Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, перваго во всей Россіи, и что онъ же былъ создателемъ и учредителемъ Земледѣльческой Школы въ Москвѣ.

Понятно, что во всѣхъ имѣніяхъ названныхъ помѣщиковъ были устроены народныя школы, существовали больницы, и даже богадѣльни для престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Въ этихъ школахъ преподавали лица изъ духовенства, а не поднадзорные полиціи учителя, какъ это бываетъ часто нынѣ въ земскихъ школахъ. Къ тому же во многихъ имѣніяхъ этихъ помѣщиковъ въ этихъ школахъ являлись помощницами учителей дочери помѣщиковъ, или кто нибудь изъ его домочадцевъ женскаго пола, которыя преподавали съ большой охотой и усердіемъ какой нибудь изъ школьныхъ предметовъ.

Когда припоминаешь въ подробностяхъ этотъ бытъ, невольно рождается въ головѣ вопросъ: какія непредвидѣнныя, чрезвычайныя обстоятельства, или какія высшія государственныя соображенія могли заставить не только оскудѣть, но даже вовсе стереть съ лица земли Русской всѣ эти центры интеллигенціи земледѣльческаго прогресса, а стало-быть источника нашего народнаго богатства? Центры, эти тогда были по всей Россіи.

Какая, въ самомъ дѣлѣ, странная судьба постигла наше сельское хозяйство?!.. Со времени царя Михаила Θеодоровича, занимавшагося усердно земледѣліемъ, что видно по сохранившимся отчетамъ его подмосковнаго имѣнія (гдѣ сѣяли пшеницу) до той эпохи, о которой говорится выше, всѣ трудились; все, что сидѣло на землѣ, усердно занималось улучшеніемъ нашего сельскаго хозяйства, доведеннаго до той степени культуры, что потомки этихъ тружениковъ не могли ихъ превзойти до разгрома, постигшаго всѣ наши хозяйства въ шестидесятыхъ годахъ.

Въ настоящее время новое Министерство Земледѣлія силится всѣми возможными искусственными мѣрами, весьма дорого стоющими государству, вновь вызвать къ жизни эти мѣстные центры когда - то кипучей дѣятельности, отъ которыхъ остался одинъ прахъ, но.... едва ли ему удастся гальванизмомъ вызвать къ жизни этотъ, увы, мертвый трупъ.

Библиотека "Руниверс"

Дѣлая характеристику нѣкоторыхъ лицъ, принадлежавшихъ къ этому избранному обществу помѣщиковъ, которое я описываю, я въ заключеніе долженъ упомянуть о болѣе всѣхъ выдающейся личности, а именно о проживавшей постоянно въ селѣ Лотошинѣ нашей бабушкѣ, княгинѣ Софьѣ Сергѣевнѣ Мещерской, рожденной Всеволожской.

Она была женщина строгой жизни, очень пріятной наружности; ее всѣ любили и уважали, но и немного побаивались. Она имѣла обыкновеніе высказывать свои мнѣнія безъ околичностей и всѣмъ говорить правду въ глаза, что̀ не всѣмъ нравилось, но къ чему всѣ привыкли и что̀ придавало этой замѣчательной старушкѣ особую оригинальность.

Я всегда находилъ справедливымъ то замѣчаніе, что въ образованныхъ Европейскихъ обществахъ каждая историческая эпоха имѣла свой особый типъ даже наружный какъ мужчинъ, такъ и женщинъ; напримѣръ, совершенно вѣрно, что типъ нашей бабушки имѣлъ необыкновенное сходство съ большинствомъ портретовъ, писанныхъ въ то время знаменитой Французской художницею мадамъ Лёбрёнъ и, можно сказать, что она такъ и просилась на полотно знаменитой портретистки.

Она была выше средняго роста, ходила всегда въ бѣломъ чепцѣ, изъ-подъ котораго виднѣлись сѣдые волосы, а два довольно длинныхъ бѣлыхъ локона окаймляли ея умное лицо и выдающіеся свѣтло-голубые глаза. Она носила всегда черное кашемировое платье самаго простаго фасона, была довольно подвижная и не выходила иначе какъ съ палочкой и со своей любимой собачкой *Кечъ* (Французской породы сетеръ, красивый, каштановаго цвѣта).

Бабушка была строго православная, соблюдала всѣ посты и всѣ правила церкви, что̀ не мѣшало ей, въ своемъ образѣ жизни и въ своемъ міровоззрѣніи очень походить на Англійскихъ піэтистовъ. Она была Англоманка, очень много переводила и печатала сочиненій съ Англійскаго языка, преимущественно тѣхъ простыхъ и превосходныхъ разсказовъ для дѣтей, которые въ Англіи составляютъ цѣлую литературу. Легкій оттѣнокъ въ ней Англійскаго методизма происходилъ столько же отъ ея глубокихъ религіозныхъ убѣжденій, сколько отъ вліянія на нее простой и ясной религіозно-нравственной Англійской литературы.

Она поддерживала частую переписку съ разными выдающимися личностями въ Россіи и за границей. Несомнѣнно, одна изъ са-

Библиотека "Руниверс"

мыхъ интересныхъ была ея переписка съ государемъ Александромъ I-мъ, въ то время, когда онъ былъ подъ сильнымъ вліяніемъ мистицизма баронессы Крюденеръ. Къ великому нашему сожалѣнію она передъ самой кончиной своей сожгла эту переписку, вмѣстѣ съ письмами незабвеннаго нашего покойнаго іерарха митролита Филарета, объяснивъ, сколько я помню, своимъ близкимъ этотъ поступокъ именно тѣмъ, что никто недостоинъ читать эти письма. Повидимому, она въ своей корреспонденціи съ государемъ Александромъ Павловичемъ боролась именно преобладавшимъ тогда на него вліяніемъ мистицизма и сведенборжизма знаменитой проповѣдницы баронессы Крюденеръ. Государь Александръ Павловичъ такъ близко принималъ къ сердцу эту, такъ сказать, духовную полемику, что передъ отъѣздомъ своимъ въ Таганрогъ, склоняясь уже тогда къ превосходству выраженныхъ ему въ письмахъ бабушки религіозныхъ убѣжденій, самъ заѣхалъ къ ней въ село Лотошино для личныхъ съ нею бесѣдъ. Я хорошо помню, что въ ея кабинетѣ, между множествомъ разныхъ портретовъ и картинъ, находилась одна небольшая литографія въ рамкѣ подъ стекломъ, изображавшая высочайшій пріѣздъ въ Бозѣ почившаго государя Александра Благословеннаго въ село Лотошино. Насколько же были близки духовныя сношенія бабушки съ покойнымъ митрополитомъ Филаретомъ, мнѣ сдѣлалось извѣстно тогда, когда я уже, будучи взрослымъ молодымъ человѣкомъ, счелъ своимъ долгомъ отправиться къ нему въ день ея смерти, чтобы извѣстить его объ ея кончинѣ; на что онъ, помолясь и сказавъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, изъявилъ мнѣ свое желаніе отслужить самому въ нашемъ приходѣ надъ ней отпѣваніе и этимъ отдать дорогой для него покойницѣ послѣдній долгъ.

Покойная бабушка пользовалась въ семьѣ большимъ авторитетомъ, ея сужденія никѣмъ не оспаривались, потому что онѣ были всегда вѣрны; благодаря ея авторитету и вліянію, въ семьѣ не было ссоръ. Смѣло можно сказать, что если подобное дворянское гнѣздо въ то время было не одно только въ Россіи, то въ другихъ семьяхъ, несомнѣнно, такой другой замѣчательной женщины, какъ была покойная княгиня Софья Сергѣевна, трудно было встрѣтить.

Ея двѣ дочери: княжна Софья Ивановна и княжна Марья Ивановна (впослѣдствіи Гончарова) отличались унаслѣдованнымъ отъ нея замѣчательно - яснымъ умомъ и начитанностью; значительное различіе между ними и ихъ матушкой состояло въ томъ, что онѣ не лишены были большой дозы природнаго юмора, что̀ располагало ихъ, во время молодости, слишкомъ щедро расточать свои насмѣшки надъ окружающими ихъ людьми.

Библиотека "Руниверс"

Старшая изъ нихъ, княжна Софья Ивановна, осталась въ дѣвушкахъ и умерла почти 80-ти лѣтъ въ Петербургѣ, въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ она удостоилась имѣть помѣщеніе во время царствованія покойнаго государя Александра Николаевича. Она всю жизнь любила общество умныхъ людей и искала его. Они же, въ свою очередь, любили съ нею бесѣдовать и постоянно ее навѣщали; такимъ образомъ часто бывали у нея: Чаадаевъ (пріятель Пушкина), Михаилъ Ѳеодоровичъ Орловъ, князь Михаилъ Александровичъ Голицынъ, а впослѣдствіи: поэтъ Тютчевъ, Тургеневъ, графъ Алексѣй Толстой, Иванъ Сергѣевичъ Мальцевъ, братья Карамзины и многіе другіе писатели и поэты, особенно дорожившіе ея дружбой.

Она высоко цѣнила умъ Чаадаева и Тютчева, но восторженное ея сердце влекло ее всегда къ Тургеневу и къ графу Алексѣю Толстому, къ которымъ она питала словно материнскія чувства. Изъ первыхъ почитателей блестящихъ качествъ ея ума и начитанности былъ Чаадаевъ, о которомъ часто упоминается въ запискахъ и воспоминаніяхъ многихъ выдающихся лицъ того времени. Онъ былъ небольшого роста, худой и довольно болѣзненнаго вида. Его наружность располагала къ нему людей добротою, выражавшеюся въ его глазахъ, необыкновенною изящностью его манеръ и симпатичнымъ голосомъ; въ его наружности было что-то среднее между элегантнымъ католическимъ монсиньоромъ и философомъ Французскаго типа.

Его жизнь была полна такими же оригинальными случайностями, какъ оригиналенъ былъ его складъ ума и необычны его взгляды на вещи. Въ зрѣломъ возрастѣ надъ его головой стряслась бѣда: онъ сдѣлался жертвой своей оригинальности.

Въ тридцатыхъ годахъ, предпринявъ путешествіе за границу и объѣхавъ всю Европу, онъ былъ такъ пораженъ успѣхами Европейской цивилизаціи, что, невольно дѣлая сравненіе всего видѣннаго имъ на Западѣ съ тогдашнимъ состояніемъ его отечества, онъ задумалъ найдти средство вѣрное и скорѣйшее, чтобы вывести Россію изъ ея варварскаго состоянія. Задавшись этою мыслью, онъ напечаталъ въ «Телескопѣ» статью, въ которой силился доказать, что Россія никогда не выйдетъ изъ своего полудикаго состоянія и, какъ могущественная держава, не можетъ никогда надѣяться вступить въ концертъ съ прочими просвѣщенными Европейскими націями, если она не отступится отъ православія и не вступитъ въ лоно Католической церкви.

Это дошло до государя Николая Павловича, который за это разгнѣвался на автора такого парадоксальнаго сочиненія и приказалъ,

Библиотека "Руниверс"

объявивъ его умалишеннымъ, запретить ему выѣздъ изъ Москвы и подвергнуть ежемѣсячно медицинскому освидѣтельствованію.

Такое отчасти суровое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣткое наказаніе (смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на него) не лишено было нѣкоторой доли снисходительности, которую можно объяснить только тѣмъ, что графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, другъ Государя, по всей вѣроятности за него ходатайствовалъ. Впослѣдствіи графъ, съ которымъ Чаадаевъ учился на одной скамьѣ, всегда заѣзжалъ къ нему во время частыхъ проѣздовъ черезъ Москву, не смотря на то, что Чаадаевъ былъ въ опалѣ и подъ надзоромъ полиціи.

По этому поводу я вспоминаю довольно забавный случай. Послѣ постигшей его катастрофы Чаадаевъ жилъ на Старой Басманной, гдѣ имѣлъ прекрасную квартиру, и тамъ посѣщала его вся Московская интеллигенція. Онъ пользовался полной свободой, навѣщалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и казался совершенно свыкшимся со своимъ положеніемъ и равнодушнымъ ко всему съ нимъ приключившемуся, хотя въ душѣ всегда надѣялся, что наложенная на него эпитимія рано или поздно будетъ снята и что его странному, анормальному положенію, чтобы не сказать болѣе, въ обществѣ настанетъ конецъ. Въ этомъ случаѣ онъ, хотя тайно, но крѣпко надѣялся на дѣятельное покровительство своего всесильнаго пріятеля графа Орлова, самаго разсѣяннаго, забывчиваго и лѣниваго человѣка между всѣми сановниками, окружавшими тогда Государя. Бѣдному Чаадаеву пришлось однако случайно удостовѣриться въ тщетности своихъ надеждъ. Лѣтъ десять спустя послѣ постигшей Чаадаева опалы, графъ, снова проѣзжая черезъ Москву, по своему обыкновенію заѣхалъ навѣстить своего пріятеля. Хозяинъ принялъ, разумѣется, гостя весьма радушно; бесѣда между пріятелями была очень оживленная и касалась по обыкновенію прошлаго. Долго они говорили, наконецъ графъ всталъ. Чаадаевъ проводилъ его въ переднюю, продолжая съ нимъ разговоръ. Когда же графъ надѣлъ уже шубу и галоши, то онъ остановился передъ Чаадаевымъ и, перемѣняя тонъ, съ озабоченнымъ видомъ обратился къ нему, говоря: «Ахъ, я забылъ у тебя спросить; скажи, пожалуйста, что̀ ты такое написалъ противъ папы? Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? Что тебѣ за охота была съ нимъ связываться?» и уходя добавилъ: «Вотъ и нажилъ ты себѣ непріятности!» Чаадаевъ, писавшій о важномъ значеніи и пользѣ католичества и желавшій видѣть его торжество даже въ Россіи, былъ пораженъ какъ громомъ и, разумѣется, ничего не могъ ему отвѣтить. Очевидно, графъ все забылъ и перепуталъ. Пожалуй и теперь среди сановниковъ найдутся такіе забывчивые прія-

Библиотека "Руниверс"

тели. Дѣло въ томъ, что надежды Чаадаева не сбылись, и до его смерти, постигшей его въ Москвѣ, никакой перемѣны въ его положеніи не послѣдовало.

Вспоминая объ этомъ замѣчательномъ по своему уму и по своей эрудиціи человѣкѣ, который имѣлъ тогда много сторонниковъ и въ особенности обожательницъ, я не могу, не упомянуть о злой насмѣшкѣ нашего поэта и знаменитаго партизана Дениса Давыдова надъ Чаадаевымъ, въ томъ извѣстномъ его стихотвореніи подъ заглавіемъ «Современная пѣсня», въ которомъ, онъ, въ 30-хъ годахъ, такъ ѣдко критикуетъ тогдашнюю молодежь. Всѣ говорили тогда, что слѣдующіе стихи изъ этого произведенія относились къ Чаадаеву, а именно:

Старыхъ барынь духовникъ,
Маленькій аббатикъ,
Что въ гостиныхъ бить привыкъ
Въ маленькій набатикъ.
Всѣ кричатъ ему привѣтъ
Съ оханьемъ и пискомъ,
А онъ важно имъ въ отвѣтъ:
"Dominus vobis cum!"
И раздолье языкамъ
И ужъ тутъ не шутка!
И народамъ, и царямъ
Всѣмъ приходитъ жутко....

Объ остальныхъ лицахъ, поименованныхъ здѣсь и сохранившихъ во всю жизнь свою дружескія отношенія съ тетушкою моею княжною Софьей Ивановною Мещерскою, я не буду говорить, потому что они пользуются Европейскою извѣстностью, Скажу только нѣсколько словъ о князѣ Михаилѣ Голицынѣ, о Михаилѣ Ѳедоровичѣ Орловѣ и объ Иванѣ Сергѣевичѣ Мальцевѣ.

Князь Михаилъ Голицынъ былъ племянникъ весьма извѣстнаго тогда по богатству своему и высокому положенію, настоящаго Русскаго барина, князя Сергѣя Михайловича Голицына, который занималъ въ то время должность первоприсутствующаго въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ: должность, имѣвшая тогда гораздо болѣе значенія, чѣмъ въ настоящее время, потому что это учрежденіе было совершенно самостоятельное и не зависѣло отъ Петербургскаго Опекунскаго Совѣта.

Князь Михаилъ Голицынъ воспитывался за границей и молодымъ человѣкомъ проживалъ въ Парижѣ, гдѣ имѣлъ большія связи въ высшемъ Парижскомъ обществѣ, такъ какъ тетка его княгиня Евдокія Голицына, прозванная тамъ Princesse Nocturne (въ переводѣ *ночная*

Библиотека "Руниверс"

княгиня, она обращала постоянно день въ ночь, а ночь въ день), супруга его дяди Сергѣя Михайловича Голицына, имѣла открытый домъ въ Парижѣ, гдѣ прожила много лѣтъ, принимая у себя высшее Французское общество и выдающихся тогда литераторовъ и ученыхъ. Князь Михаилъ изрѣдка покидалъ Парижъ и пріѣзжалъ въ Россію, чтобы навѣстить въ Москвѣ своего стараго котораго онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ.

Мнѣ между прочимъ разсказывалъ одинъ очевидецъ и другъ дома князя Сергѣя Михайловича не лишенную оригинальности подробность, указывающую, до какой степени князь Михаилъ, живя такъ долго въ Парижѣ, могъ офранцузиться.

Въ одинъ изъ его рѣдкихъ пріѣздовъ въ Россію для свиданія съ дядей, онъ прибылъ въ Москву въ Субботу вечеромъ и на другой день, вставъ рано утромъ, отправился къ обѣднѣ въ домовую церковь, зная, до какой степени его дядя строго требовалъ отъ всѣхъ своихъ домочадцевъ, чтобы они соблюдали требованія православной церкви и своевременно приходили къ обѣднѣ.

На этотъ разъ племянникъ невольно исполнилъ въ точности строгое требованіе дяди и вошелъ въ церковь въ то время, когда только что начали читать часы. Псаломщикъ-старичокъ читалъ очень медленно, такъ что князь Михаилъ, отвыкши долго стоять на ногахъ въ церкви во время богослуженія, переминался съ ноги на ногу и наконецъ, потерявъ терпѣніе, обратился шепотомъ къ своему сосѣду, а именно къ знакомому мнѣ другу дома Голицыныхъ, съ такимъ восклицаніемъ на Французскомъ языкѣ: «Oh, mon Dieu, l'ennueux prédicateur!» въ переводѣ: «О, Боже, что за скучный проповѣдникъ!»

Впрочемъ князь Михаилъ Голицынъ, за исключеніемъ своего космополитизма, имѣлъ несомнѣнныя качества и недюжинныя дарованія. Онъ былъ необыкновенной доброты, снисходительности, и бесѣда съ нимъ была всегда занимательна. Онъ много писалъ и печаталъ на Французскомъ языкѣ брошюръ философскаго содержанія. Впослѣдствіи онъ переѣхалъ въ Россію, женился на княжнѣ Долгорукой получилъ огромное наслѣдство отъ своего дяди *), имѣлъ сына и совершенно обрусѣлъ. Здоровья онъ былъ весьма плохого и не долго прожилъ послѣ своего брака. Онъ умеръ любимый и уважаемый всѣми, оставивъ молодую прелестную вдову, вышедшую впослѣдствіи за графа Сакена, нашего посланника въ Берлинѣ.

---

*) Бывши молодымъ офицеромъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, я былъ шаферомъ на ихъ свадьбѣ.

Библиотека "Руниверс"

Другой пріятель тетушки Софьи Ивановны былъ, какъ я упомянулъ выше, Михаилъ Өедоровичъ Орловъ, человѣкъ блестящаго ума, Европейскаго образованія и замѣчательно красивой наружности. Онъ чрезвычайно походилъ на типъ всѣхъ графовъ Орловыхъ, но самъ титула графскаго не имѣлъ. Я помню, что тогда говорили, будто онъ былъ незаконнымъ сыномъ графа Өедора Орлова и стало-быть братомъ Алексѣя Өедоровича Орлова, друга государя Николая Павловича. Слухи носились, что онъ за что-то впалъ въ немилость, что ему былъ запрещенъ выѣздъ изъ Москвы и что онъ находился подъ надзоромъ полиціи будто бы за найденную у него переписку съ нѣкоторыми декабристами. Такіе слухи подтверждались тѣмъ обстоятельствомъ, что, будучи женатъ на весьма извѣстной дочери генерала Раевскаго, при большомъ состояніи, имѣя большія связи въ Петербургѣ, онъ проживалъ безвыѣздно въ Москвѣ, гдѣ и выстроилъ себѣ огромный барскій домъ на Пречистенкѣ, принадлежащій въ настоящее время г-ну Воронину.

Михаилъ Өедоровичъ былъ очень любимъ въ Москвѣ, и его постоянныя остроты служили вѣчно новинками и повторялись всѣми въ высшемъ Московскомъ обществѣ. Я впослѣдствіи, будучи юношей и однолѣткомъ его сына Николая, находился съ нимъ въ большой дружбѣ и поэтому былъ въ домѣ очень хорошо принятъ его родителями.

Единственная дочь ихъ вышла впослѣдствіи замужъ за моего однополчанина и сердечнаго друга князя Яшвиля.

Что же касается до Ивана Сергѣевича Мальцева, постоянно навѣщавшаго тетушку Софью Ивановну, онъ былъ ея двоюроднымъ братомъ, потому что его мать была княжной Мещерской, сестрой моего дѣда. Онъ былъ замѣчательно пріятнымъ собесѣдникомъ, анекдотистомъ и острякомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считался въ нашемъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ весьма искуснымъ дипломатомъ и лучшимъ совѣтникомъ извѣстнаго тогда министра Нессельроде.

Будучи очень скупымъ и имѣя огромные капиталы, которые онъ отчасти употреблялъ на весьма значительныя промышленныя предпріятія (такъ у него былъ громадный весьма извѣстный стеклянный заводъ во Владимирской губерніи и большая бумаго-прядильная фабрика подъ Петербургомъ), онъ слылъ милліонеромъ.

Въ этомъ послѣднемъ предпріятіи Иванъ Сергѣевичъ, имѣя самъ въ избыткѣ капиталы, взялъ однако себѣ въ компаніоны своего друга Соболевскаго, который помѣстилъ въ это дѣло весь свой капиталъ,

Библиотека "Руниверс"

погибшій, нѣсколько лѣтъ спустя, вслѣдствіе страшнаго пожара, истребившаго всю эту громадную бумагопрядильню, одну изъ самыхъ первыхъ усовершенствованныхъ тогда въ Россіи.

Помню, что я, впослѣдствіи, молодымъ гвардейскимъ офицеромъ посѣщалъ этихъ двухъ пріятелей за городомъ на этой фабрикѣ, гдѣ они вмѣстѣ жили въ прекрасномъ помѣщеніи, устроенномъ со всѣмъ возможнымъ комфортомъ и гдѣ они проводили зиму, принимая тамъ своихъ Петербургскихъ знакомыхъ, не смотря на то, что у каждаго изъ нихъ была въ городѣ своя квартира.

Немало удивлялись въ Петербургскомъ обществѣ оригинальной фантазіи этихъ двухъ холостяковъ, всегда веселыхъ и неистощимыхъ разсказчиковъ, затѣявшихъ обречь себя на отшельническую жизнь за городомъ на бумагопрядильной фабрикѣ. Странно было видѣть такую тѣсную дружбу между этими двумя людьми, повидимому отъявленными скептиками и сухими эгоистами, не допускавшими, какъ говорили, ничего на свѣтѣ кромѣ денежныхъ интересовъ; немало было разговору въ Петербургѣ объ этихъ диковинныхъ отношеніяхъ между двумя пріятелями. Многіе утверждали, что они другъ другу завѣщали свои состоянія, при чемъ заподозрѣвали Соболевскаго въ корыстныхъ намѣреніяхъ, что̀ немало озабочивало наслѣдниковъ огромнаго состоянія Мальцова, которыхъ было много, вслѣдствіе чего они обвиняли Соболевскаго въ какомъ-то гипнотическомъ вліяніи на своего пріятеля, боясь, что этимъ вліяніемъ онъ могъ злоупотребить для составленія духовнаго завѣщанія въ свою пользу. Однако все это было простой уткой, какъ оказалось впослѣдствіи.

Соболевскій былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ; онъ самъ нерѣдко писалъ очень удачно стихотворенія шуточнаго содержанія. Одно изъ самыхъ удачныхъ его стихотвореній подобнаго рода было имъ написано объ его пріятелѣ князѣ Одоевскомъ, писателѣ и ученомъ, умершемъ въ Москвѣ сенаторомъ. Князь, ревностный юристъ, былъ извѣстенъ своимъ добродушіемъ, мягкостью характера и необыкновенною снисходительностью. Онъ обладалъ большимъ запасомъ свѣдѣній, но какъ-то они всѣ у него въ головѣ перепутывались, и онъ слишкомъ часто ихъ прилагалъ къ дѣлу, не во̀ время и не къ мѣсту. Соболевскій очень забавно говоритъ объ этомъ:

Случилось разъ во время óно,
Свалился на землю комаръ.
Повѣсткой въ комитетъ ученый
Зовутъ тебя, князь Вольдемаръ.

Библиотека "Руниверс"

Сообразивши этотъ казусъ
И роясь въ книгахъ, ты открылъ,
Что въ Роттердамѣ жилъ Эразмусъ.
Который въ парикѣ ходилъ.
Одушевленный симъ примѣромъ,
Ты сбрилъ власы, надѣлъ парикъ
И свойственнымъ тебѣ манеромъ,
Таинственно главой поникъ.
Комаръ въ обширнѣйшемъ значеньи,
Ты возгласилъ, есть Божья тварь;
Но въ музыкальномъ отношеньи
Межъ насѣкомыхъ – онъ звонарь.
И если онъ, паденьемъ въ полѣ
Не причинилъ лѣсамъ вреда,
Предать сей случай Божьей волѣ,
Избавивъ тварь ту отъ суда.

Когда въ 60-хъ годахъ я посѣтилъ Испанію, то мнѣ тамъ разсказывали, что Соболевскій во время своего пребыванія въ Мадридѣ оставилъ по себѣ память, какъ человѣкъ весьма богатый, очень красивой наружности и имѣвшій большой успѣхъ въ высшемъ обществѣ. Чтобы быть вездѣ принятымъ съ достодолжнымъ почтеніемъ, онъ употребилъ маленькую и весьма невинную хитрость, а именно: уѣзжая за границу на долгое время, онъ взялъ у своего банкира *кредитивъ* на все свое состояніе, состоявшее изъ довольно почтенной суммы, кажется въ милліонъ франковъ. Размѣръ этой суммы, взятой, повидимому, на путевые расходы, производилъ ошеломляющее дѣйствіе на иностранныхъ банкировъ во всѣхъ городахъ, гдѣ онъ останавливался, и слухъ о его огромномъ состояніи разумѣется распространялся въ этомъ городѣ, въ обществѣ и въ мѣстныхъ магазинахъ. Тоже самое произошло и въ Мадридѣ при пріѣздѣ туда Соболевскаго. Мнѣ разсказывали, что онъ, между прочимъ, особенно былъ хорошо принятъ въ домѣ нѣсколько уже разорившейся тогда герцогини Монтихо, дочь которой, красавица Монтиго, которая впослѣдствіи была Французской императрицей, такъ заинтересовалась Соболевскимъ, что весь городъ говорилъ о будущей ихъ свадьбѣ. Разумѣется Соболевскій воспользовался всѣми выгодами своего исключительнаго положенія въ Мадридскомъ обществѣ и затѣмъ продолжалъ свое путешествіе, не думая нисколько о супружеской жизни и не мечтая ни одной минуты о подобномъ бракѣ.

Иванъ Сергѣевичъ Мальцовъ въ свою очередь былъ недюжиннаго ума и замѣчательнымъ юмористомъ, такъ что въ обществѣ этихъ двухъ пріятелей нельзя было скучать, чѣмъ и объясняется безпрестанный къ нимъ пріѣздъ на фабрику гостей изъ Петербурга.

По поводу необычайной скупости Ивана Сергѣевича одинъ очевидецъ разсказывалъ мнѣ очень забавный случай о любимомъ его

Библиотека "Руниверс"

племянникѣ Калошинѣ, бывшемъ секретарѣ посольства въ Мадридѣ. Когда Калошина сдѣлали камеръ-юнкеромъ, то это весьма обрадовало его дядю Мальцова, который не замедлилъ его очень радушно и тепло поздравить съ этимъ лестнымъ отличіемъ, причемъ увѣдомилъ его, что онъ по этому случаю желаетъ сдѣлать ему подарокъ, а именно подарить ему парадный, золотой, шитый камеръ-юнкерскій мундиръ. Разумѣется, племянникъ былъ весьма растроганъ этимъ щедрымъ подаркомъ со стороны его дяди, никогда не баловавшимъ его такими щедростями, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать присылки этого подарка. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ немало былъ удивленъ содержаніемъ письма, полученнаго имъ отъ Ивана Сергѣевича, который его извѣщалъ о плохомъ состояніи своего здоровья, объ упадкѣ силъ и даже намекнулъ, хотя довольно туманно, о своей близкой кончинѣ. Письмо вообще было самого грустнаго содержанія и заключало въ себѣ жалобу на свое одиночество въ такое время, когда онъ нуждался въ присутствіи близкаго къ нему человѣка, при чемъ выражалъ ему свое соболѣзнованіе, что любимый его племянникъ, находясь въ такомъ большомъ отъ него отдаленіи, не можетъ къ нему пріѣхать въ Петербургъ. Такой необычный, минорный тонъ всего письма дяди невольно поразилъ Калошина, такъ что онъ серьезно сталъ заботиться о своей поѣздкѣ въ Петербургъ, чтобы навѣстить больного дядю и застать его въ живыхъ. Онъ не долго думая рѣшился взять отпускъ и тотчасъ отправился въ Петербургъ. Пріѣхавши въ домъ Мальцова на Моховой, гдѣ въ третьемъ этажѣ Иванъ Сергѣевичъ занималъ небольшое помѣщеніе у своего двоюроднаго брата, онъ тотчасъ же освѣдомился у его камердинера о состояніи здоровья больного. Когда камердинеръ доложилъ Ивану Сергѣевичу о прибытіи племянника, то дядя съ торжественностью вышелъ къ нему навстрѣчу, держа на рукахъ своихъ шитый камеръ-юнкерскій мундиръ, который онъ ему поднесъ въ даръ. Оказалось, что дядя его находился въ совершенномъ здравіи и вызвалъ его изъ Мадрида въ Петербургъ только потому, что, потративши немало денегъ на заказанный племяннику мундиръ, онъ не могъ рѣшиться добавить къ этому еще лишній довольно значительный расходъ на доставку этого мундира изъ Петербурга въ Мадридъ. Тогда все разъяснилось. Разумѣется, всѣ путевые расходы на пріѣздъ племянника въ Петербургъ и обратно въ Мадридъ должны были быть сдѣланы самимъ Калошинымъ, и дядя такимъ образомъ избѣгъ расхода на доставку мундира въ Мадридъ.

Необходимо однако при этомъ замѣтить, что Иванъ Сергѣевичъ Мальцовъ хотя былъ несомнѣнно человѣкъ чрезвычайно расчетливый,

Библиотека "Руниверс"

но не всегда былъ скупъ до такой крайности, чтобы не помогать иногда своимъ родственникамъ, когда они находились дѣйствительно въ затруднительномъ матеріальномъ положеніи; такъ напр. мнѣ довелось узнать, что онъ нѣсколько разъ помогалъ своей двоюродной сестрѣ, а моей тетушкѣ, княжнѣ Софьѣ Ивановнѣ Мещерской, въ тѣхъ случаяхъ, когда она нуждалась въ его родственной помощи; разумѣется, эти случаи были рѣдки, и родственная услуга, оказываемая имъ въ этомъ случаѣ моей тетушкѣ, можетъ считаться несомнѣннымъ доказательствомъ его исключительной къ ней симпатіи и привязанности.

Онъ въ сущности былъ добрымъ человѣкомъ, но, не смотря на его развитость и нравственныя качества, онъ не могъ избѣгнуть того пагубнаго вліянія, которое имѣетъ на всѣхъ богачей ихъ огромное состояніе, служа, такъ сказать, центромъ всѣхъ возможныхъ посягательствъ на ихъ добро со стороны массы нуждающихся людей. Всѣ, можно сказать, богатые люди невольно дѣлаются не только неотзывчивыми и равнодушными, но и ожесточаются, находясь постоянно въ какомъ-то раздраженіи и негодованіи на неимущихъ, посягающихъ на ихъ добро въ формѣ письменныхъ или изустныхъ прошеній. Таковъ былъ и Мальцовъ.

Я помню, что я встрѣтилъ его племянника Калошина въ Мадридѣ во время моего путешествія въ Испанію, гдѣ онъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ, въ особенности тогдашней королевой Изабеллой, которая обращала на него особое милостивое вниманіе.

По поводу этого дальняго моего родственника я не могу не припомнить одно весьма забавное стихотвореніе его. Онъ дѣлаетъ сравненіе Испаніи съ Россіей въ слѣдующихъ строкахъ:

Князей Варяжскихъ призывая,
Славянскій порѣшилъ совѣтъ
Сказать имъ: наша Русь большая,
Но на Руси порядка нѣтъ.

*

За Пиринейскими горами
Лежитъ такая же страна:
Богата дивными дарами,
Но безъ порядка и она.

*

Здѣсь также куча грязныхъ станцій
И недостатокъ лошадей,
Такое жъ множество инстанцій
И подкупаемыхъ судей.

*

Библиотека "Руниверс"

Тутъ есть кремли, есть и соборы;
Клоповъ и тутъ не перечесть;
Есть и рекрутскіе наборы;
Въ пѣхотѣ даже каски есть.

*

Тутъ конституція созрѣла,
Но вышло какъ-то на одно:
Лишь явится какое дѣло,
Его здѣсь также—подъ сукно.

*

Гитара таже балалайка;
Цыганки тѣже что у насъ;
Чиновниковъ такая жъ шайка,
Отвѣтъ „a hora", „нашъ сейчасъ".

*

Порядкомъ изучивъ Испанцевъ,
Я къ заключенью прихожу:
Что, кромѣ свѣжихъ померанцевъ,
Все тоже дома нахожу.

Впослѣдствіи, повидимому, И. С. Мальцовъ нѣсколько охладѣлъ къ своему любимому и даровитому племяннику за то, что онъ женился по любви на одной Испанкѣ средняго круга, не имѣвшей никакого состоянія. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи И. С. Мальцевъ оставилъ Калошину только 250 тыс., а всѣ свои милліонные капиталы и имѣнія завѣщалъ другому своему племяннику, Ю. Д. Нечаеву.

Окончивъ этими строками характеристику лицъ, столько лѣтъ бывшихъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ моей тетушкой Софьей Ивановной, я долженъ, описывая наше семейство, сказать нѣсколько словъ, хотя болѣе кратко, объ остальныхъ членахъ семейства.

Младшая сестра моего отца и княжны Софьи Ивановны, тетушка моя Марья Ивановна была съ молоду очень красива и соединяла блестящія дарованія и остроуміе съ подкупающей добротой и съ необыкновенной пылкостью и отзывчивостью сердца. Вскорѣ вышедши замужъ за Ивана Николаевича Гончарова, она изъ беззаботной, веселой и непосредственной натуры, какой она была, преобразилась въ самую тихую и нѣжную жену и мать. Я помню до сихъ поръ одинъ случай въ моей молодости, доказывающій, до какой степени она была добра и жалостлива. Однажды, пріѣхавъ къ намъ гостить на нѣсколько дней въ с. Ошейкино, и случайно узнавъ отъ родителей, сколько я мучился надъ Французскимъ правописаніемъ и грамматикой, она, обратилась въ мои репетиторы и по цѣлымъ часамъ занималась со мною грамматикой и Французскимъ диктантомъ, проводя свое время въ этомъ скуч-

Библиотека "Руниверс"

номъ занятіи вмѣсто того, чтобы пользоваться удовольствіями, которыя были приготовлены для нея моимъ отцомъ горячо любившимъ ее.

Сынъ ея, Александръ Ивановичъ Гончаровъ, унаслѣдовавшій отъ нея ея умъ и всѣ ея нравственныя качества, былъ предметомъ всѣхъ ея заботъ. Онъ былъ очень даровитый молодой человѣкъ, получилъ образованіе въ Училищѣ Правовѣдѣнія и впослѣдствіи женился на прелестной М. А. Озеровой. Я сохранилъ до сихъ поръ съ нимъ не только родственныя, но и самыя теплыя братскія отношенія.

За симъ я не буду здѣсь говорить о моемъ дядѣ Петрѣ Ивановичѣ, женатомъ на второй дочери нашего знаменитаго исторіографа Карамзина, такъ какъ онъ проживалъ въ с. Лотошинѣ только въ лѣтнее время и такъ какъ я буду имѣть случай говорить о немъ, о женѣ его Екатеринѣ Николаевнѣ и о его дѣтяхъ въ другомъ мѣстѣ моихъ Записокъ.

Дѣдъ мой, князь Иванъ Сергѣевичъ Мещерскій, какъ было о немъ сказано выше, былъ женатъ первымъ бракомъ на княжнѣ Трубецкой, отъ которой имѣлъ только одного сына, а именно моего отца князя Василія Ивановича, а вторымъ бракомъ былъ женатъ на Софьѣ Сергѣевнѣ Всеволожской. У него было два брата: князь Петръ Сергѣевичъ, бывшій прокуроръ Святѣйшаго Синода, женатый на графинѣ Чернышевой, сестрѣ военнаго министра, и князь Василій Сергѣевичъ. который, кажется, былъ одержимъ психической болѣзнью и умеръ холостымъ.

Дѣдъ мой князь Иванъ Сергѣевичъ, движимый патріотическимъ чувствомъ, которое проявилось такъ сильно въ нашемъ обществѣ въ 1812-мъ году, имѣя самъ значительное состояніе и поэтому не думавшій о наживѣ, рѣшился предложить въ то время свои услуги Военному Министерству съ цѣлью взять на себя подряды по снабженію нашей арміи провіантомъ во время народной войны. Для этого онъ взялъ себѣ въ компаніоны одного изъ лучшихъ тогда людей изъ Московскаго торговаго сословія, а именно богатаго купца Варгина, геніальнаго по своей части человѣка и не менѣе моего дѣда одушевленнаго патріотическимъ чувствомъ и желаніемъ помочь правительству въ это тяжелое для него время.

Все это однако кончилось весьма печально. По окончаніи войны казна осталась имъ должна нѣсколько милліоновъ; дѣло это тянулось въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, въ которыя они не могли добиться никакой уплаты, и все это кончилось полнымъ для обоихъ разореніемъ. Ближайшіе родственники, а именно княгиня А. С.

Библиотека "Руниверс"

Голицына, сестра бабушки Софьи Сергѣевны, спасли князю Ивану Сергѣевичу его имѣніе, с. Лотошино, купивши его не безъ труда довольно дешево при содѣйствіи Тверскаго губернатора, которымъ былъ въ то время братъ бабушки Софьи Сергѣевны, Николай Сергѣевичъ Всеволожскій, и по вольной цѣнѣ, по особому высочайшему повелѣнію государя Александра Павловича.

Купецъ Варгинъ также былъ до тла разоренъ и на скудные свои остатки выкупилъ домъ на Тверской площади, въ которомъ досихъ поръ меблированныя квартиры носятъ его названіе, такъ же какъ и домъ, составляющій собственность его наслѣдниковъ.

Повидимому этотъ разгромъ состоянія такъ подѣйствовалъ на моего дѣда, что онъ совершенно упалъ духомъ и не принималъ болѣе никакого участія въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, передавъ все въ руки бабушкѣ Софьѣ Сергѣевнѣ и обрекая себя добровольно на какую-то отшельническую и созерцательную жизнь.

Сколько я о немъ теперь припоминаю, онъ былъ весьма ласковъ и добръ со всѣми, но очень рѣдко принималъ участіе въ разговорѣ, любилъ уединяться въ своемъ апартаментѣ, гдѣ, съ трубкою въ зубахъ, по цѣлымъ часамъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Онъ былъ во время своей молодости адъютантомъ знаменитаго графа Брюса и, сколько мнѣ, помнится выказывалъ нѣкоторое оживленіе только тогда, когда разговоръ касался этой эпохи.

Онъ пережилъ нѣсколькими годами свою супругу Софью Сергѣевну, умеръ у своей сестры княгини Натальи Сергѣевны Трубецкой и похороненъ со всѣми другими членами нашего семейства въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Я сдѣлалъ характеристику моихъ родныхъ, жившихъ тогда въ своихъ помѣстьяхъ, а также и нашихъ сосѣдей, чтобы изобразить ту среду, въ которой мы всѣ росли и развивались до юношескаго возраста.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО Т. Н. ГРАНОВСКАГО КЪ Д. И. МЕЙЕРУ [1]).

Печатаемое ниже письмо Т. Н. Грановскаго находится въ числѣ другихъ автографовъ въ Московской городской Чертковской библіотекѣ, куда оно поступило отъ академика П. Пекарскаго въ 1867 году. Изъ него видно, что предполагалось изданіе лекцій и сочиненій, незадолго до сего умершаго проф. Крюкова, но оно почему-то не осуществилось. Въ бумагахъ Грановскаго никакихъ матеріаловъ для него не оказалось, и можно предположить, что Грановскій собиралъ и редактировалъ труды Крюкова и готовый къ печати матеріалъ отсылалъ Мейеру. Быть можетъ, рукописи эти сохранились въ семьѣ послѣдняго, или въ библіотекѣ или въ архивѣ Казанскаго университета? Если это такъ, то крайне желательно было бы увидѣть ихъ въ печати. Вотъ что пишетъ Грановскій:

Милостивый государь Дмитрій Ивановичъ.

Прежде всего прошу васъ простить мнѣ невольную вину мою предъ вами. Первое письмо ваше застало меня больнымъ. У меня было воспаленіе въ мозгу и нервическая горячка потомъ. Вотъ причина, почему я не отвѣчалъ вамъ и почему до сихъ поръ не готовы лекціи покойнаго Крюкова [2]). Впрочемъ работа подвигается къ концу. Греція готова, книга изданная покойнымъ въ Германіи [3]), переведена; за Римской исторіей дѣло не станетъ. Слѣдовательно остается приготовить къ печати только исторію Востока. Надѣюсь, что и съ ней мы управимся скоро. И такъ, безъ всякаго отлагательства выйдутъ оба тома, въ которыхъ будетъ до 80 печатныхъ листовъ. Вотъ все, что могу сообщить о ходѣ нашего предпріятія. Если вы не сердитесь за мое невольное молчаніе, то напишите нѣсколько строкъ о вашихъ занятіяхъ и ученыхъ новостяхъ Казани. Я начинаю на дняхъ читать публичный курсъ сравнительной исторіи Франціи и Англіи [4]).

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и преданностью честь имѣю быть милостивый государь вамъ покорнымъ слугою Т. Грановскій.

Сообщилъ А. И. С.

---

10 Ноября (1845).

[1]) Мейеръ Д. И. (1819—1856), извѣстный профессоръ юристъ-цивилистъ въ Казани, затѣмъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія и С.-Петербургскомъ Университетѣ.

[2]) Дмитрій Львовичъ Крюковъ (1809—1845), ординарный профессоръ Римской словесности и древностей въ Московскомъ Университетѣ.

[3]) Во время второй своей командировки за границу (1841—1842 г.) Крюковъ издалъ отдѣльною книгою двѣ первыя главы своего труда, въ окончательномъ видѣ вышедшаго уже послѣ его смерти, подъ псевдонимомъ Dr. D. Pellegrino: Andeutungen über den ursprünglichen Religionsunterschied der römishen Patricier und Plebeier. Leipzig 1849. 8°.

[4]) Публичный курсъ сравнительной исторіи Франціи и Англіи до 1625 года былъ прочитанъ Грановскимъ въ 1845—1846 академическомъ году. Такимъ образомъ опредѣляется точно время написанія настоящаго письма: 10 Ноября 1845 года.

Библиотека "Руниверс"

сподства рабству и наоборотъ"... „Умудряются придумать такое устройство, чтобы каждый по отношенію къ самому себѣ былъ и господиномъ, и рабомъ вмѣстѣ, чтобы онъ былъ и создателемъ закона, и его блюстителемъ и исполнителемъ. При самоуправленіи народъ независимъ, потому что беретъ всю власть себѣ, а Русскій народъ независимъ потому, что онъ всю власть отстраняетъ отъ себя. Русскій человѣкъ предполагаетъ въ свободномъ обществѣ проявленіе эгоистическихъ пожеланій и ставитъ власть противъ нихъ, противопоставляя матеріи, отрѣшившейся отъ духа, матеріальную же препону; а анархистъ возводитъ эти самыя пожеланія въ идеалъ общежитія... Все Русское бытовое воззрѣніе зиждется на началѣ духовномъ, а теорія анархизма вся построена на началѣ исключительно-матеріальномъ".

Замѣчательныя статьи эти, неоконченныя, какъ и большинство Гиляровскихъ работъ, конечно встрѣтили грубое непониманіе и плоскія возраженія.

Изъ записокъ „О первоначальномъ народномъ обученіи" читатель, увидитъ, что идея церковно-приходскихъ школъ принадлежитъ Гилярову.

Общее значеніе имѣютъ письма его къ И. С. Аксакову: „Откуда нигилизмъ?" Издатель „Руси" вѣрно назвалъ ихъ „Алансонскими тончайшими кружевами". Къ сожалѣнію Гиляровъ и ихъ не кончилъ. Въ нихъ мы находимъ анализъ и блестящую критику нигилизма; но самъ авторъ, думается намъ, увлекся софистикой и, желая поразить противника въ самомъ корнѣ, умышленно сталъ на зыбкую почву, провозгласивъ руководящимъ началомъ волю основанную (употребимъ терминологію талантливаго сына его, профессора философіи Кіевскаго Университета Алексѣя Никитича Гилярова) *на истинахъ сердца.*

Волю Гиляровъ признаетъ за основное начало человѣческой жизни и въ „Логикѣ раскола". Здѣсь читатель найдетъ драгоцѣнныя разсужденія о томъ, что̀ такое *вѣрованіе.* Если вѣрно, что статья эта не что иное какъ переработка лекцій по расколу, то надо признать, что молодой баккалавръ Московской Духовной Семинаріи уже въ 1855 году пришелъ къ выводамъ современной науки.

Образцомъ его наблюдательности служатъ „Экскурсіи въ Русскую грамматику".

„Основныя начала экономіи" представляютъ собою рядъ отрывковъ, проникнутыхъ одною мыслію. Приведемъ слова профессора И. Т. Тарасова по ихъ поводу: „Они свидѣтельствуютъ о такой шири взгляда, являются результатомъ такого объективнаго и всесторонняго изученія предмета, что не только сто̀ятъ много цѣлаго, но и превосходятъ многое изъ появившагося до сихъ поръ въ области самостоятельной Русской экономической литературы..."

Мы оставили книгу съ глубокою благодарностью къ тѣмъ, кто сдѣлалъ доступными для чтенія статьи этого мыслителя, и съ чувствомъ горечи и недоумѣнія о томъ, что ему приходилось „топить печи краснымъ деревомъ", т. е. размѣнивать свой талантъ на мелочи газетной дѣятельности и житейской прозы.

Ю. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900 года.

(Годъ 38-й).

«Русскій Архивъ» въ 1900 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1900 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884**, **1887**, **1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890**, **1892**, **1893**, **1894**, **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы **1898** и **1899** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.

Библиотека "Руниверс"

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

7.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

Библиотека "Руниверс"

Н. Д. Извѣковъ, магистръ богословія. Историческій очеркъ состоянія православной церкви въ Литовской епархіи за время 1859—1889 г. Москва 1899. 8-ка II+522, цѣна 2 рубля.

25-го Марта 1889 года исполнилось полвѣка съ того времени, когда Уніаты приведены были обратно къ церкви православной. Авторъ, извѣстный уже своими работами по исторіи Литовской епархіи, задается вопросомъ, насколько за это время оправдались тѣ надежды, которыя возлагались церковью и правительствомъ на это возсоединеніе. Для рѣшенія своей задачи онъ воспользовался главнѣйшимъ образомъ архивными матеріалами. Мы нашли въ этой книгѣ много весьма любопытныхъ и новыхъ данныхъ о тамошнихъ епархіальномъ управленіи и паствѣ, о бѣломъ духовенствѣ и монашествѣ, о мѣрахъ, принимаемыхъ правительствомъ для борьбы съ Римскимъ католицизмомъ и полонизмомъ, о богослуженіи и церковно-строительствѣ. Авторъ приходитъ къ тому заключенію, что состояніе православной церкви въ Литовской епархіи находится далеко не на той высотѣ, на которой было бы желательно его видѣть; причинъ тому немало, и въ числѣ ихъ чуть ли не самою главною должно признать то обстоятельство, что самая мѣстность, въ которой живетъ православное населеніе, благопріятствуетъ болѣе успѣхамъ Римскаго католичества, чѣмъ православію. Онъ раздѣляетъ взглядъ г. Владимирова, что трудно и въ будущемъ ожидать лучшаго, „если мѣстныя духовныя и гражданскія власти не приложатъ болѣе энергичнаго содѣйствія къ осуществленію всѣхъ тѣхъ мѣръ и средствъ, какія Св. Сѵнодъ и высшая гражданская власть неоднократно рекомендовали какъ наиболѣе способствующія успѣху православія и Русской народности въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ напр. увеличеніе числа церковно-приходскихъ школъ для воспитанія и образованія молодого поколѣнія въ православно-русскомъ духѣ“.

Божеряновъ И. Н. Жизнеописаніе императрицы Александры Ѳеодоровны, супруги императора Николая I. Выпускъ 1-й 1898, вып. 2-й 1900. Спб. бол. 8-ка 214 стр. 2 р. и 1 р. 50 к.

Жизнеописаніе это, снабженное многочисленными рисунками и изданное весьма изящно, доведено лишь до 1821 года. Авторъ, полный хозяинъ своего матеріала, обрисовываетъ черты государыни, достопамятной женщины, сумѣвшей сознательно полюбить и привязаться къ своей новой родинѣ. Конечно, не надо забывать, что за это мы должны быть благодарны ея учителю Русскаго языка, В. А. Жуковскому. По свойственной ей скромности она долгое время „не имѣла духу“ говорить по-русски, но въ 20-хъ годахъ она уже писала на этомъ языкѣ такъ, какъ никогда не писала ея свекровь.

Съ большимъ умѣньемъ авторъ даетъ попутно описанія событій и празднествъ, характеристики лицъ и направленій, словомъ, тотъ фонъ, на которомъ выступаетъ идеальный образъ Александры Ѳеодоровны, „*счастья жизни*“ императора Николая Павловича.

Совѣтуемъ нашимъ читателямъ познакомиться съ трудомъ г. Божерянова.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. Я. БУЛГАКОВА.

Александръ Яковлевичъ Булгаковъ (1781—1863) знакóмъ читателямъ „Русскаго Архива" по его письмамъ къ брату, про которыя князь П. А. Вяземскій отзывался, что „весь бытъ, все движеніе государственное и общежительное, событія, слухи, дѣла и сплетни, учрежденія и лица, все это, съ вѣрностью и живостью, должно было выразить себя въ этихъ письмахъ, въ этой стенографической и животрепещущей исторіи текущаго дня. Онъ получалъ письма, писалъ письма, отправлялъ письма; словомъ сказать, купался и плавалъ въ письмахъ, какъ осетръ въ рѣкѣ" *).

Кромѣ обширной переписки, Булгаковъ велъ и Записки. Гдѣ онѣ, намъ неизвѣстно. Булгаковъ умеръ въ Дрезденѣ у младшаго своего сына; по словамъ одной изъ его внучекъ, Записки эти, въ переплетенныхъ книгахъ, отданы были кому-то на сохраненіе въ Дрезденѣ. Отрывки изъ нихъ уже появлялись въ „Русскомъ Архивѣ" 1867 и 1873 годовъ. Приводимъ здѣсь (изъ 2-й кн. „Москвитянина" 1843) еще одну выдержку изъ нихъ о 1812 годѣ.

Съ ранней молодости, въ домѣ и обществѣ своего отца, Булгаковъ любилъ занятія исторіографическія, и Карамзинъ совѣтовалъ ему еще въ 1814 году опредѣлиться въ помощники къ А. Ѳ. Малиновскому, когда тотъ назначенъ былъ управлять Московскимъ Архивомъ Иностранныхъ Дѣлъ; но вѣдомство почтовое съ разнообразіемъ личныхъ сношеній наиболѣе соотвѣтствовало живому нраву Булгакова, и онъ нѣсколько десятилѣтій сряду служилъ Московскимъ почтдиректоромъ. П. Б.

*

Въ сію столь горестную, а вмѣстѣ съ нимъ и славную для Россіи эпоху, я имѣлъ честь служить при знаменитомъ мужѣ и главнокомандующемъ въ Москвѣ графѣ Ѳедорѣ Васильевичѣ Ростопчинѣ. Императоръ Александръ Павловичъ, прибывъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ Москву, особеннымъ имяннымъ собственноручнымъ указомъ повелѣлъ, чтобы я откомандированъ былъ изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ къ Московскому главнокомандующему для употребленія имъ по дѣламъ службы. Происшествія шли тогда быстро. Настало достопамятное 26 Августа. О Бородинской сѣчѣ говорили въ Москвѣ,

*) См. „Русскій Архивъ" 1868, стр. 1430 и 1443, (гдѣ по ошибкѣ вм. „въ рѣкѣ" напечатано въ „Окѣ". Словомъ „осетръ" напоминался внѣшній обликъ А. Я. Булгакова. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

какъ предки наши говаривали о Мамаевомъ побоищѣ. Казалось, что кровь въ Бородинѣ пролитая протекала къ намъ въ Бѣлокаменную, дабы наполнять сердца наши ужасомъ и призывать оныя къ мести.

Съ утра другого дня былъ я у графа, жившаго тогда въ Сокольничьей рощѣ на дачѣ своей (предъ симъ графу Брюсу [1]) принадлежавшей). Онъ былъ блѣденъ; на лицѣ его изображалось волненіе души его, особенно когда приходили ему докладывать (а это случалось весьма часто), что привезена еще партія раненыхъ изъ арміи [2]). Передняя Ростопчина и зала передъ кабинетомъ его были наполнены всякаго рода людьми, а особенно любопытными, приходившими узнавать что нибудь новаго. Много также пріѣзжало къ графу особъ почти съ самаго Бородинскаго поля сраженія, какъ-то: атаманъ М. И. Платовъ, генералъ-адъютантъ И. В. Васильчиковъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Никита Петровичъ Панинъ, генералъ-лейтенантъ князь Сергій Николаевичъ Долгоруковъ, тайный совѣтникъ Анштетъ и многіе другіе; всѣ они тотчасъ были допускаемы къ графу; иные были еще въ дорожныхъ своихъ платьяхъ. Когда кончились всѣ посѣщенія и пріемы, и распущена была канцелярія, я вошелъ къ графу и остался съ нимъ по обыкновенію до той минуты, что надобно было сойти внизъ къ обѣденному столу. Взглянувъ на него, я былъ пораженъ разстройствомъ, которое нашелъ во всѣхъ чертахъ его лица. Eh bien, mon cher! сказалъ мнѣ графъ печально, que dites vous de tout cela?... (Ну! что, какъ вамъ [3]) это все кажется?).

Нельзя было не раздѣлять общихъ пасмурныхъ предчувствій и опасеній; но, желая нѣсколько разсѣять графа, я сталъ ему разсказывать все, что̀ слышалъ отъ уланскаго полковника Шульгина [4]), присланнаго въ Москву цесаревичемъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ съ какимъ-то препорученіемъ. Шульгинъ между прочимъ увѣрялъ, что Мюратъ былъ взятъ козакомъ нашимъ въ плѣнъ, и что его повезли подъ конвоемъ въ Москву. Графъ, усмѣхнувшись, возразилъ мнѣ слѣдующими словами: «Покуда Шульгинъ полонитъ у Наполеона королей, Французы берутъ у насъ города, одинъ за другимъ!..

---

[1]) Въ наши дни эта дача (на лѣво при въѣздѣ въ рощу изъ Москвы) принадлежала Митькову. П. Б.

[2]) Графомъ Ростопчинымъ устроена была на всякій случай въ Екатерининскихъ казармахъ больница для 3000 раненыхъ, а ихъ привезено было въ Москву до 11 тысячъ.

[3]) Графъ Ростопчинъ соблюдалъ всегда чрезмѣрную вѣжливость въ обхожденіи и разговорахъ. Не смотря ни на какое лицо, ни на самое короткое знакомство, онъ никогда или весьма рѣдко употреблялъ слово *ты*.

[4]) Александръ Сергѣевичъ Шульгинъ, впослѣдствіи об.-полицеймейстеръ въ Москвѣ.

Библиотека "Руниверс"

Кутузовъ называетъ это побѣдою... Дай Богъ, чтобы такъ было; но въ этомъ кровавомъ потокѣ (графъ, говоря по-французски, употребилъ слово boucherie) поглощены наравнѣ побѣдители съ побѣжденными. Они свое отдѣлали! Жестоко дрались; теперь моя очередь... доходитъ до Москвы. Но Москва не Можайскъ... Москва-Россія! Все это ужасное бремя ляжетъ на меня. Что̀ я буду дѣлать?..» Графъ при сихъ словахъ обѣ руки закинулъ себѣ въ затылокъ; казалось, что онъ какъ бы хотѣлъ рвать на себѣ волосы.

— Что̀ вы дѣлать будете? сказалъ я графу. Ограждать внутреннее спокойствіе Москвы... Все въ рукахъ предводителя арміи, и весьма естественно, что вы одни столицу спасти не можете... — Такъ не будетъ никто судить, отвѣчалъ Ростопчинъ. Я буду всему виноватъ... я буду за все и всѣмъ отвѣчать... меня станутъ проклинать, сперва барыни, а тамъ купцы, мѣщане, подъячіе, а тамъ и всѣ умники, и православный народъ... Я знаю Москву!..

Въ эту минуту отворилась дверь кабинета, и къ намъ вошли Николай Михайловичъ Карамзинъ*) и сенаторъ Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій. Графъ ихъ обоихъ отлично любилъ и уважалъ, и они имѣли во всякое время свободный къ нему доступъ. Разговоръ продолжался еще болѣе получаса о томъ же предметѣ. Я никогда не забуду пророческихъ изрѣченій нашего исторіографа, который предъугадывалъ уже тогда начало очищенія Россіи отъ непріятеля и освобожденіе цѣлой Европы отъ несноснаго ига Наполеона. Карамзинъ скорбѣлъ о Багратіонѣ, Тучковыхъ, Кутайсовѣ, объ ужасныхъ нашихъ потеряхъ въ Бородинѣ, и наконецъ прибавилъ: «Ну! мы испили до дна горькую чашу... но за то наступаетъ начало *его*, и — конецъ *нашихъ* бѣдствій. Повѣрьте, графъ: обязанъ будучи всѣми успѣхами своими дерзости, Наполеонъ отъ дерзости и погибнетъ.» Казалось, что прозорливый глазъ Карамзина открывалъ уже вдали убійственную скалу Св. Елены. Въ Карамзинѣ было что-то вдохновеннаго, увлекательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ отраднаго. Онъ возвышалъ свой пріятный мужественный голосъ; прекрасные его глаза, исполненныя выраженія, сверкали, какъ двѣ звѣзды въ тихую ясную ночь. Въ жару разговора онъ часто вставалъ вдругъ съ мѣста, ходилъ по комнатѣ все говоря, и опять садился. Мы слушали молча. Нелединскій такъ былъ тронутъ, что я не одинъ разъ замѣчалъ слезы на его глазахъ.

---

*) Карамзинъ жилъ тогда у графа Ростопчина (жена котораго была родная племянница первой женѣ Карамзина) и готовъ былъ принять участіе въ сраженіи подъ Москвою, какъ видно изъ писемъ его къ его брату Василію Михаиловичу въ Симбирскую деревню. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Графъ Ростопчинъ тоже слушалъ, не возражая ничего; но какъ скоро ненавистное для него имя Наполеона поразило слухъ его, лицо его тотчасъ перемѣнилось, покраснѣло, и онъ сказалъ Карамзину съ досадою: «Вы увидите, что онъ.... вывернется!»

Разговоръ такъ былъ серіозенъ, что *лестный* титулъ, коимъ графъ возвеличилъ Наполеона, не заставилъ никого изъ насъ даже усмѣхнуться, и Карамзинъ, какъ бы не вслушавшись въ оный, съ какимъ-то твердымъ убѣжденіемъ возразилъ: «Нѣтъ, графъ! Тучи, накопляющіяся надъ главою его, врядъ ли разойдутся... У Наполеона все движется страхомъ, насиліемъ, отчаяніемъ; у насъ все дышетъ преданностію, любовію, единодушіемъ... Тамъ сборъ народовъ имъ угнетаемыхъ и въ душѣ его ненавидящихъ; здѣсь одни Русскіе... Мы дóма, онъ какъ бы отъ Франціи отрѣзанъ. Сегодня союзники Наполеона за него, а завтра они всѣ будутъ за насъ... Можно ли думать, чтобы Австрійцы, Пруссаки охотно дрались противъ насъ? Зачѣмъ будутъ они кровь свою проливать? Для того ли, чтобы утвердить еще болѣе гибельное, гнусное могущество всеобщаго врага? Нѣтъ, не можетъ долго продолжиться положеніе содѣлавшееся для всѣхъ нестерпимымъ.» Карамзинъ былъ въ большомъ волненіи: онъ остановился, задумался и прибавилъ: *одного можно бояться.* Всѣ молчали и искали угадать смыслъ сихъ послѣднихъ таинственныхъ словъ, какъ Ростопчинъ вдругъ воскликнулъ: «Вы боитесь, чтобы Государь не заключилъ мира?»

— Вотъ одно, чего бояться можно, отвѣчалъ Карамзинъ. Но этотъ страхъ не имѣетъ основанія: всѣ политическія уваженія, всѣ посторонніе происки, уступятъ прозорливости Государя нашего. Впрочемъ, не далъ ли онъ намъ и цѣлому свѣту торжественный залогъ въ манифестѣ своемъ?.. Онъ меча не положитъ... не возметъ пера, покуда Россія будетъ осквернена присутствіемъ новыхъ Вандаловъ».

Въ Карамзинѣ тоже начиналъ развиваться жаръ, волновавшій Ростопчина; разговоръ его продолжался не съ прежнимъ уже хладнокровіемъ, и онъ началъ проклинать Наполеона, яко бичъ Богомъ ниспосланный.

Достопамятное сіе утро останется всегда въ памяти моей. Я тогда же слова Карамзина передалъ немедленно на бумагу, но увѣренъ, что онѣ и безъ того глубоко бы врѣзались въ душу мою. Продолжая разговоръ свой, онъ дѣлалъ прекрасное, истинно-піитическое сравненіе между положеніемъ и душевными качествами императора Александра и Наполеона, какъ въ ту минуту, къ сожалѣнію, пришли доложить, что насъ ждутъ къ обѣду. Мы сошли внизъ. Графъ былъ довольно покоенъ за столомъ и любезенъ по обыкновенію своему; разговари-

Библиотека "Руниверс"

валъ долго во время кофе съ Витебскимъ помѣщикомъ Гуркою, который вынужденъ былъ удалиться отъ разоренныхъ непріятелемъ помѣстьевъ своихъ. Ростопчинъ выхвалялъ здравыя разсужденія этого почтеннаго старика.

Когда гости разъѣхались, то графъ пошелъ со мною въ свой кабинетъ и началъ разговоръ сими словами: Comment avez vous trouvé Karamzine tantôt? N'est-ce pas qu'il y avait beaucoùp d'extase poëtique dans ce qu'il disait! (Какъ вамъ показался давича Карамзинъ! Не правда ли, что въ его рѣчахъ много было поэтическаго восторга?)

— «Конечно, будущее сокрыто отъ всѣхъ», отвѣчалъ я; «но Карамзинъ излагаетъ мысли свои и чувства убѣдительно, пламенно, и желательно было бы, чтобы всѣ Русскіе одинаково съ нимъ мыслили».

— Какъ ни убѣдительны, а можетъ быть и справедливы разсужденія Карамзина, возразилъ графъ, но я болѣе дамъ вѣры словамъ и мнѣнію военныхъ: Платовъ и Васильчиковъ боятся за Москву. Не извѣстно, станутъ ли ее отстаивать! Другого Бородина ожидать нельзя; а ежели падетъ Москва... что̀ будетъ послѣ? Мысль эта не даетъ мнѣ минуты покоя! Послѣдствій нельзя исчислить. Я бы вамъ совѣтовалъ подумать о своемъ семействѣ. Отвезите оное куда нибудь въ безопасное мѣсто, а тамъ воротитесь ко мнѣ... Куда? гдѣ? не знаю! это Богу одному извѣстно».

Какъ ни тяжела была для меня разлука съ начальникомъ, съ коимъ желалъ я раздѣлять всѣ заботы и опасности; но дабы скорѣе возвратиться, я отправился въ тотъ же день въ подмосковную свою деревню, с. Семердино, выпроводилъ оттуда жену и дѣтей къ теткѣ ея, княгинѣ Натальѣ Петровнѣ Куракиной, имѣвшей вотчину Владимирской губерніи въ Шуйскомъ уѣздѣ, и возвратился поспѣшно въ Москву въ самый день занятія оной непріятелемъ, былъ имъ захваченъ на улицѣ и особеннымъ промысломъ Всевышняго спасся отъ смерти *). Москва уже пылала, когда я изъ оной выѣзжалъ. Я нашелъ графа Ростопчина во Владимирѣ, куда пріѣхалъ онъ, больной.

Въ верстахъ 30-ти отъ сего города, имѣлъ пребываніе, въ селѣ своемъ Андреевскомъ, генералъ-адъютантъ графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Онъ былъ раненъ пулею въ ляжку подъ Бородинымъ и пріѣхалъ въ вотчину свою лѣчиться. Андреевское сдѣлалось сборнымъ

---

*) Подробностей объ этомъ нѣтъ въ вышенапечатанныхъ письмахъ А. Я. Булгакова 1812 году къ его брату. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

мѣстомъ большого числа раненыхъ, и вотъ по какому случаю. Привезенъ будучи раненый въ Москву, графъ Воронцовъ нашелъ въ домѣ своемъ, въ Нѣмецкой Слободѣ [1]), множество подводъ, высланныхъ изъ подмосковной его для отвоза въ дальнія деревни всѣхъ бывшихъ въ домѣ пожитковъ, какъ-то картинъ, библіотеки, бронзъ и другихъ драгоцѣнностей. Узнавъ, что въ сосѣдствѣ дома его находилось въ больницахъ и въ партикулярныхъ домахъ множество раненыхъ офицеровъ и солдатъ, кои, за большимъ ихъ количествомъ, не могли всѣ получать нужную помощь, онъ приказалъ, чтобы всѣ вещи, въ домѣ его находившіяся, были тамъ оставлены на жертву непріятелю; подводы же сіи приказалъ употребить на перевозку раненыхъ воиновъ въ село Андреевское. Препорученіе сіе возложено было графомъ на адъютантовъ его, Николая Васильевича Арсеньева и Дмитрія Васильевича Нарышкина, коимъ приказалъ также, чтобы они предлагали всѣмъ раненымъ, коихъ найдутъ на Владимирской дорогѣ, отправиться также въ село Андреевское, превратившееся въ гошпиталь, въ коемъ впослѣдствіи находилось до 50 раненыхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и болѣе 300 человѣкъ рядовыхъ.

Между прочими ранеными находились тутъ генералы: начальникъ штаба 2 арміи графъ Сенъ-При, шефъ Екатеринославскаго кирасирскаго полка Николай Васильевичъ Кретовъ, командиръ Орденскаго кирасирскаго полка полковникъ графъ Андрей Ивановичъ Гудовичъ; лейбъ-гвардіи егерскаго полка полковникъ Дела-Гардъ; полковой командиръ Нарвскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Андрей Васильевичъ Богдановскій; Новоингерманландскаго пѣхотнаго полка маіоръ Врангель; старшій адъютантъ сводной гренадерской дивизіи капитанъ Александръ Ивановичъ Дунаевъ; Софійскаго пѣхотнаго полка капитанъ Юрьевъ; адъютанты: Орденскаго кирасирскаго полка поручики Лизогубъ и Почацкій; лейбъ-гвардіи егерскаго полка поручики Ѳедоровъ и Петинъ [2]); офицеръ Нарвскаго пѣхотнаго полка капитанъ Роганъ; поручики: Мищенко, Ивановъ, Змѣевъ, подпоручикъ Романовъ и многіе другіе, обагрившіе кровію своею Бородинское поле.

Всѣ сіи храбрые воины были размѣщены въ обширныхъ Андреевскихъ палатахъ, самымъ выгоднымъ образомъ. Графскіе люди имѣли особенное попеченіе за тѣми, у коихъ не было собственной прислуги. Нижніе чины размѣщены были по квартирамъ въ деревняхъ и получали продовольствіе хлѣбомъ, мясомъ и овощами, разумѣется не отъ

[1]) Этотъ домъ, гдѣ жилъ канцлеръ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ (ум. 1805), принадлежалъ впослѣдствіи Гольцгауеру. П. Б.

[2]) Другъ поэта Батюшкова? П. Б.

Библиотека "Руниверс"

крестьянъ, а на счетъ графа Михаила Семеновича; кромѣ сего было съ офицерами до ста человѣкъ деньщиковъ, пользовавшихся тѣмъ же содержаніемъ, и до 300 лошадей, принадлежавшихъ офицерамъ; а какъ деревни графа были оброчныя, то всѣ сіи припасы и фуражъ покупались изъ собственныхъ его денегъ.

Столъ былъ общій для всѣхъ, но всякій могъ по желанію своему обѣдать съ графомъ или въ своей комнатѣ. Два доктора и нѣсколько фельдшеровъ имѣли безпрестанное наблюденіе за ранеными; повслѣдствіи былъ приглашенъ графомъ въ Андреевское искусный операторъ Гильдебрантъ. Излишнее прибавлять здѣсь, что такъ какъ и все прочее содержаніе, покупка медикаментовъ и всего нужнаго для перевязки раненыхъ производились на счетъ графа. Мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ отъ одного изъ короткихъ домашнихъ, что сіе человѣколюбивое и столь внезапно устроившееся въ Андреевскомъ заведеніе стоило графу ежедневно до 800 р. *). Издержки сіи начались съ 10 Сентября и продолжались около четырехъ мѣсяцевъ, то есть до совершеннаго выздоровленія всѣхъ раненыхъ и больныхъ. Надобно принять въ уваженіе, что заслуженный и достопочтенный старецъ графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ былъ тогда еще живъ: сыну его надлежало отнимать значительную часть собственнаго необходимаго дохода, чтобы прикрывать всѣ потребности и обезпечивать леченіе столь значительнаго числа храбрыхъ воиновъ.

О семъ достохвальномъ, человѣколюбивомъ подвигѣ графа Воронцова никогда не было ни говорено, ни писано. Я радуюсь, что представился мнѣ нынѣ столь неожиданный случай сдѣлать оный гласнымъ. Не довольствуясь однимъ призрѣніемъ и леченіемъ столь большого числа воиновъ, графъ Воронцовъ снабжалъ всякаго выздоровѣвшаго рядоваго бѣльемъ, обувью, тулупомъ и 10 рублями, и по сформированіи небольшихъ командъ, при унтеръ-офицерѣ отправлялъ ихъ въ армію на новые подвиги. Боясь заслужить нарѣканія отъ графа Воронцова, я не присовокуплю къ сему, какъ было поступаемо съ офицерами, кои по выздоровленіи своемъ оставляли Андреевское. Онъ, можетъ быть, недоволенъ будетъ и тѣмъ, что я сообщаю читателямъ моимъ всѣ сіи подробности. Быть можетъ также, что онъ лучшую награду за свой человѣколюбивый подвигъ полагаетъ въ томъ, что оный оставался до

---

*) При семъ долгомъ моимъ почитаю изъявить чувствительнѣйшую мою благодарность особѣ, сообщившей мнѣ многія подробности, здѣсь помѣщенныя. Имя сего заслуженнаго воина находится въ спискѣ вышеименованномъ. Онъ вступилъ впослѣдствіи въ гражданское поприще и нынѣ занимаетъ высокій санъ въ Московскихъ департаментахъ Правительствующаго Сената. (Вѣроятно графъ А. И. Гудовичъ. П. Б.).

Библиотека "Руниверс"

сихъ поръ въ безызвѣстности. Душевная доброта сопряжена бываетъ обыкновенно со скромностію; но не могу я однакоже въ заключеніе не сказать, что сколь ни были значительны всѣ сіи пожертвованія, они однако же равняться не могутъ съ нѣжными, утонченными попеченіями графа о товарищахъ, съ коими онъ на полѣ чести защищалъ отечество и славу Русскаго оружія, а дóма братски раздѣлялъ все чтò имѣлъ *).

По старинной моей связи съ графомъ, я часто его навѣщалъ. Прекрасный обширный, убранный по древнему вкусу зàмокъ его напоминалъ владѣнія Германскихъ владѣтельныхъ принцевъ на Рейнѣ. Тутъ все было: сады, рощи, парки, портретная галлерея великихъ мужей въ Россіи, библіотека и пр. Гости роскошествовали. Ласка, добродушіе, умъ и любезность хозяина содѣлывали общество его для всѣхъ отраднымъ. Не смотря на то, что онъ не могъ еще ходить безъ помощи костылей, онъ всякое утро навѣщалъ всѣхъ своихъ гостей, желая знать о состояніи здоровья всякаго и лично удостовѣриться, всѣ ли довольны. Всякому предоставлено было (какъ сказано выше) обѣдать въ своей комнатѣ одному или за общимъ столомъ у графа; но всѣ тѣ, коимъ раны позволяли отлучаться отъ себя, предпочитали обѣдать съ нимъ. Послѣ обѣда и вечеромъ занимались всѣ разговорами, куреніемъ, чтеніемъ, биліардомъ или музыкою. Общество людей совершенно здоровыхъ не могло бы быть веселѣе всѣхъ сихъ собравшихся раненыхъ. Насъ особенно забавлялъ одинъ Французскій эмигрантъ, служившій у насъ въ арміи, большой болтунъ и спорщикъ, не всегда основательно, но за то весьма скоро и рѣшительно разрѣшавшій всѣ пренія, кои возникали въ разговорахъ нашихъ. Когда разнеслась подъ Бородинымъ радостная вѣсть, что будетъ дано сраженіе Наполеону, то Ж... воскликнулъ съ восхищеніемъ: «Наконецъ *настигнули* мы Бонапарта и дадимъ ему маленькій урокъ!» Ж... былъ увѣренъ, что Русская армія *преслѣдовала* Французскую отъ самаго Нѣмана и что наконецъ принудила оную къ сраженію подъ Бородинымъ.

Въ смутное это время поѣздки мои въ Андреевское были истинною для меня отрадою. Любопытны и пріятны были разсказы всѣхъ

*) Прибавить надо, что по распоряженію графа Воронцова сосѣдніе помѣщики часто получали отъ него успокоительныя увѣдомленія о ходѣ военныхъ дѣлъ: тогда не извѣстно еще было, въ какую сторону направится изъ Москвы непріятель (слышано отъ покойнаго Д. Д. Казакова, отецъ котораго былъ помѣщикомъ Владимирской губерніи). Трехъ-этажный домъ въ селѣ Андреевскомъ (нынѣ принадлежащемъ правнуку Воронцова, князю Михаилу Андреевичу Воронцову-графу Шувалову) такъ обширенъ, что въ немъ могли съ удобствами расположиться раненые генералы и офицеры. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

сихъ раненыхъ воиновъ. Сколько геройскихъ подвиговъ, доказывающихъ неустрашимость, самоотверженіе и великодушіе Русскихъ, останутся сокрытыми для потомства; но тогда не было досуговъ для воспѣванія славныхъ дѣлъ: всякій старался токмо совершать оныя, сколько усердіе, силы и знаніе то позволяли.

Жившн съ графомъ Ѳедоромъ Васильевичемъ въ одномъ домѣ [1]), я почти весь день проводилъ съ нимъ. Хотя и убитый горестію отъ потери Москвы и больной духомъ и тѣломъ, онъ въ пылу бесѣды забывалъ иной разъ бѣдствія Россіи и свои собственныя огорченія, и тогда нельзя было не слушать его съ особеннымъ, непрерывающимся удовольствіемъ. Разговоръ съ нимъ никогда не истощался: онъ переходилъ нечувствительно отъ одного предмета къ другому, имѣя особенный даръ всякое происшествіе разсказывать занимательно и остро. Онъ былъ, какъ всѣмъ извѣстно, словоохотенъ, обладалъ особеннымъ даромъ краснорѣчія, чуждаго всякаго педанства, натяжекъ и принужденности. Роль собесѣдника съ нимъ была весьма не трудна: ему надлежало только слушать. У графа была на это особенная догадка и навыкъ: онъ умѣлъ всегда соразмѣрять разсказы свои уму и понятіямъ того, съ кѣмъ разговаривалъ. Нельзя было не удивляться обширной его памяти, любезности, остротѣ и особенному дару слова, коимъ одаренъ онъ былъ отъ природы.

Въ то самое время посѣтилъ его бывшій главнокомандующій арміями графъ Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли [2]). Онъ нарочно пріѣхалъ къ нему изъ арміи, думалъ провести съ нимъ около часа, и вмѣсто того просидѣлъ у него отъ осьми часовъ утра до трехъ по полудни. Оба сіи знаменитые мужа имѣли свои участки заботъ, свою долю огорченій, своихъ недоброжелателей, и обстоятельство сіе немало способствовало къ сближенію ихъ и утвержденію между ними истинной пріязни. Ростопчинъ отдавалъ всегда должную справедливость достоинствамъ графа Барклая-де-Толли и въ то время, когда вся почти Россія единогласно обвиняла его за отступленіе отъ границы Имперіи до Можайска безъ боя, въ то время, какъ въ огорченномъ отечествѣ нашемъ многіе осмѣливались даже подозрѣвать преданность его къ Россіи, Ростопчинъ всегда его защищалъ. Подкрѣпляемый совѣстію своею, движимый любовію къ престолу, усердіемъ къ службѣ, Барклай-де-Толли въ 1813 и 1814 годахъ оправдалъ себя въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кои обвиняли дѣйствія его въ 1812 году. Участвуя во всѣхъ славныхъ битвахъ въ Германіи и Франціи, онъ наконецъ ввелъ по-

---

[1]) Т. е. во Владимирѣ. П. Б.

[2]) Съ адъютантомъ своимъ А. А. Закревскимъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

бѣдоносныя Россійскія войска въ Парижъ и пріуготовилъ себѣ памятникъ, воздвигнутый ему предъ Казанскимъ соборомъ.

Минина и Пожарскаго славные подвиги были токмо чрезъ двѣсти лѣтъ торжественно и гласно признаны Благословеннымъ Александромъ I*); можетъ быть, позднѣйшему потомству предоставлено воздать также справедливую честь современникамъ нашимъ, Еропкину и Ростопчину. Но ежели первый укротилъ бунтъ въ древней столицѣ, то послѣдній бо́льшую указалъ еще услугу отечеству своему, предупредивъ въ оной безначаліе благоразумными своими распоряженіями. Въ 1812 году глаза цѣлой Россіи обращены были на Москву: отъ отчаянія до возмущенія и кровопролитія одинъ токмо шагъ. Какъ исчислить всѣ несчастія, кои постигли бы отечество наше, ежели Москва не показала бы и въ семъ случаѣ обыкновенной своей пламенной любви и непоколебимой преданности къ Царю своему? Тишина, порядокъ и повиновеніе къ верховной власти, кои царствовали въ древней столицѣ до самаго вступленія непріятеля въ оную, имѣли спасительное вліяніе на всѣ прочіе города Россіи, и дали отечеству примѣръ, достойный подражанія.

На другой день послѣ посѣщенія графа Барклая-де-Толли, вошедши по обыкновенію моему поутру къ графу, я нашелъ его въ болѣзненномъ состояніи. Онъ всю ночь провелъ безъ сна и, увидя меня, сказалъ слабымъ голосомъ: «Я весь боленъ; съ часъ назадъ былъ у меня сильный обморокъ. Шнаубертъ (докторъ графа) прописалъ мнѣ лекарство и велѣлъ остаться весь день въ постелѣ. Мнѣ нуженъ покой. Я понимаю скуку быть съ больнымъ: вы бы съѣздили къ Воронцову. Эта поѣздка васъ разсѣетъ; можетъ быть, есть вѣсти изъ арміи или изъ Москвы; вы мнѣ ихъ сообщите; сверхъ того желаю я имѣть извѣстіе о здоровьѣ Михаила Семеновича».

Сколь ни находилъ я удовольствія раздѣлять уединеніе человѣка, коему былъ душевно преданъ, но долженъ былъ ему повиноваться и отправился въ Андреевское.

Графъ Воронцовъ, по обширнымъ своимъ связямъ и знакомствамъ въ арміи, былъ въ частой перепискѣ со многими генералами. Онъ посылалъ часто адъютантовъ своихъ переодѣтыхъ, или же выбиралъ проворнѣйшихъ и смѣлѣйшихъ между дворовыми своими людьми и крестьянами, кои проникали въ самую Москву (Французы строго наблюдали за тремя токмо заставами), развѣдывали, что̀ тамъ происходитъ, узнавали о дѣйствіяхъ непріятеля и доносили все графу. Я со-

*) Воздвиженіемъ памятника имъ на Красной площади въ Москвѣ въ Февралѣ 1818 г. Мысль объ этомъ памятникѣ возникла еще въ 1807 году, когда Наполеонъ грозилъ вторженіемъ въ Россію. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ставлялъ обыкновенно изъ свѣдѣній сихъ записки, кои графъ Ѳедоръ Васильевичъ часто отсылалъ къ Государю. Такимъ образомъ узнали мы, напримѣръ, о пріуготовленіяхъ, кои дѣлались Французами въ Кремлѣ для подорванія онаго передъ выходомъ ихъ изъ Москвы. Первое извѣстіе о Тарутинскомъ сраженіи дошло до насъ также изъ Андреевскаго.

Мы сидѣли въ тотъ день около камина, какъ вдругъ вошелъ къ намъ графъ Михаила Семеновичъ и сказалъ: «Я получилъ сейчасъ извѣстіе изъ арміи; кажется, скоро дойдетъ дѣло до драки; съ обѣихъ сторонъ дѣлаются пріуготовленія къ тому. Мюратъ и Милорадовичъ встрѣтились нечаянно, объѣзжая передовые свои посты. Узнавши другъ друга, они перекланялись очень учтиво и обмѣнялись нѣсколькими фразами. Я воображаю, прибавилъ графъ смѣючись, какъ они пускали другъ другу пыль въ глаза. Мюратъ успѣлъ на что-то пожаловаться, какъ пишутъ мнѣ, а Милорадовичъ отвѣчалъ ему: O, ma foi, vous en verrez bien d'autres, sire! (то ли вы еще увидите, государь)».

Все общество начало смѣяться, и у всякаго явился анекдотъ о Милорадовичѣ. Тутъ, разумѣется, не было забыто краснорѣчіе его на Французскомъ языкѣ, на которомъ онъ очень любилъ изъясняться, и тогда питомецъ Суворова не говорилъ, а ораторствовалъ, употребляя пышныя и отборныя фразы. На Русскомъ же языкѣ любимая его поговорка была: мой Богъ!

Погостивъ въ Андреевскомъ до самаго вечера, я возвратился во Владиміръ съ головою, набитою свиданіемъ и разговоромъ Французскаго героя съ Русскимъ храбрецомъ. Графъ Ростопчинъ уже почивалъ, мнѣ спать не хотѣлось, дѣваться было некуда, читать нечего,— что̀ дѣлать, какъ время убить? Я взялъ перо и началъ себѣ вымышлять разговоръ между любимцемъ Наполеона и любимцемъ Суворова: сюжетъ, достойный и лучшаго, можетъ быть, пера, нежели мое. Желая позабавить больного моего графа, я переправилъ мое маранье, переписалъ на-бѣло и явился къ нему поутру. Я нашелъ его гораздо бодрѣе и въ довольно веселомъ расположеніи духа.

— Ну, что̀ привезли вы намъ хорошаго? спросилъ графъ.

— Многое, многое! Михаилъ Семеновичъ приказалъ кланяться вашему сіятельству и сказать, что на будущей недѣли надѣется бросить свои костыли и васъ навѣстить *).

*) Оправившись отъ раны, графъ М. С. Воронцовъ еще въ томъ же 1812 году поспѣшилъ къ войскамъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

— Спасибо за добрую вѣсть! Нѣтъ ли чего изъ арміи, изъ Москвы?

— Михаилъ Семеновичъ получилъ свѣжее письмо изъ арміи, кажется отъ графа Остермана. Дѣло идетъ къ стычкѣ неминуемой. Мюратъ встрѣтился нечаянно на аванпостахъ съ графомъ Милорадовичемъ и имѣлъ съ нимъ довольно продолжительный разговоръ

— Ого! Вотъ бы подслушалъ! Я воображаю, что̀ они другъ другу напѣвали! Кто-то кого перещеголялъ? Да о чемъ рѣчь была?

—О разныхъ предметахъ. Разговоръ этотъ положили въ арміи на бумагу. Михаилъ Семеновичъ давалъ мнѣ его читать, и я списалъ оный на́скоро для васъ...

— Вотъ спасибо! Дайте, дайте скорѣе! *О мой Богъ!* я умираю отъ нетерпѣнія.

— Позвольте, я прочту самъ, ибо писалъ очень связно, спѣшилъ.

— Читайте, читайте!

Я началъ чтеніе. Въ тѣ времена желаніе узнать что нибудь новаго о политическихъ, но паче о военныхъ происшествіяхъ, было единственное и всеобщее чувство, всѣми обладавшее. Графъ слушалъ со вниманіемъ, часто усмѣхался и прибавилъ: «Но полно, такъ ли было дѣло? Положимъ, что это мысли и разсужденія Милорадовича; но онъ, вѣрно, иначе выдѣлывалъ фразы свои, и сверхъ того не при васъ ли графъ Барклай сказывалъ, что Государю не угодно, чтобы наши генералы и офицеры имѣли малѣйшее сообщеніе съ Французами, а еще менѣе, чтобы вступали съ ними въ какіе-либо переговоры?

— Это такъ; но развѣ вы не знаете спасителя Бухареста? Ему все позволено, или говоря правильнѣе, онъ самъ все себѣ позволяетъ. Милорадовичъ всѣмъ правиламъ исключеніе.

Ростопчинъ имѣлъ минуты, въ которыя физіономія его озарялась какимъ-то особенныхъ выраженіемъ. Это бывало, когда онъ, понюхивая весьма медленно табакъ и желая проникнуть въ душу того, съ кѣмъ говорилъ, смотрѣлъ ему весьма пристально въ глаза и закидывалъ какой нибудь неожиданный и хитрый вопросъ, дабы по отвѣту дѣлать свои заключенія. Графъ слушалъ чтеніе разговора какъ будто какого нибудь оффиціальнаго документа, не оказывая ни малѣйшаго сомнѣнія; онъ дѣлалъ однакоже иной разъ свой замѣчанія, смѣялся, подшучивалъ надъ Мюратомъ; но когда чтеніе мое кончилось, то онъ, потупя огромные свои глаза на меня и грозя мнѣ полусерьозно и полу-

Библиотека "Руниверс"

со смѣхомъ пальцемъ, сказалъ: *покайтесь!* Одного этого слова было достаточно, и я, отвѣчая ему также однимъ словомъ, произнесъ откровенное: *виноватъ!*

Я разсказалъ ему, какъ все это было. «Выдумка эта хороша», прибавилъ графъ. «Знаете ли что мы сдѣлаемъ? Пошлите это въ Петербургъ: пусть басенка эта ходитъ по рукамъ; пусть читаютъ ее; у насъ и у Французовъ она произведетъ дѣйствіе хорошее. Переписывайте и отправляйте».

Я такъ и сдѣлалъ и на другой день послалъ манускриптъ къ старому пріятелю моему, Алек. Ив. Т...ву*), яко новость, только что изъ арміи полученную.

Не прошло двухъ недѣль, какъ разговоръ короля Мюрата съ графомъ Милорадовичемъ былъ напечатанъ въ «Сынѣ Отечества», журналѣ, который только что начиналъ выходить и былъ всѣми читанъ съ жадностію, ибо дышалъ ненавистью къ Французамъ и наполнялся преимущественно колкими статьями противъ нихъ и Наполеона. Въ немъ помѣщалось множество анекдотовъ (часто и выдуманныхъ), кои мы, Москвичи, сообщали нашимъ С.-Петербургскимъ пріятелямъ. Такую статейку не могли издатели «Сына Отечества» принять иначе, какъ съ удовольствіемъ.

*

Англійскій посолъ въ Петербургѣ лордъ Каткартъ помѣстилъ выдумку А. Я. Булгакова, появившуюся въ «Сынѣ Отечества», въ одну изъ своихъ депешъ, откуда она черезъ нѣсколько лѣтъ перешла въ сочиненіе Французскаго историка Капфига, вышедшее подъ заглавіемъ: Europe pendant le consulat et l'empire de Napoléon, т. IX, гл. XI, стр. 350. А. Я. Булгаковъ перепечаталъ въ 1843 году въ «Москвитянинѣ» (кн. 2-я) этотъ литературный плодъ своего досужаго воображенія, подъ заглавіемъ: «Разговоръ Неаполитанскаго короля Мюрата съ генераломъ графомъ М. А. Милорадовичемъ на аванпостахъ арміи, 14 Октября 1812 года», и присоединилъ къ нему выдержку изъ своихъ воспоминаній о 1812 годѣ, которая помѣщена выше.

Любопытно, что самъ Булгаковъ по матери своей (Imbert) былъ Французъ. Въ этомъ отношеніи походилъ онъ на своего тогдашняго начальника графа Ростопчина: оба охотники были до всякихъ выдумокъ, остротъ, до краснаго словца и того, что̀ называется «выкидывать колѣнцо», и къ обоимъ можетъ быть отнесенъ стихъ Баратынскаго: «Мимолетныя страданья легкомысліемъ цѣля». Не даромъ прожили они царствованіе Павла, когда всякая театральность (унаслѣдованная, можетъ быть, и отъ Екатерины) была въ ходу. П. Б.

---

*) А. И. Тургеневу. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ РУССКАГО ОФИЦЕРА О ЗАГРАНИЧНОМЪ ПОХОДѢ 1813 ГОДА *).

Январь. Городъ Вильна. Сколь пріятно, столь и горестно было мое здѣсь пребываніе. Критическія обстоятельства, въ какихъ я сюда прибылъ, во время, въ которое все занималось единственно собою, гдѣ весь свѣтъ сдѣлался эгоистомъ, я долженъ былъ искать себѣ пристанища, и мудрено ли, что нигдѣ его не нашелъ, пока случай сюда не привелъ меня. Бросивъ несчастное порученіе, что̀ имѣлъ я въ Островѣ, кое-какъ я дотащился до Полоцка, гдѣ посреди ужаснѣйшей дороговизны, посреди множества убитыхъ Французовъ, какъ и посреди безчеловѣчныхъ корыстолюбивыхъ Жидовъ, чтобы не далѣе жить двухъ дней, я рѣшился на послѣднія деньги ѣхать по почтѣ съ товарищемъ, котораго я здѣсь нашелъ, и какъ гауптквартира имѣла направленіе на Вильну, то и мы сюда обратили путь. Ужаснѣйшіе морозы, продолжавшіеся во все время нашей дороги, отощалые кони, что̀ съ трудомъ получали на разореныхъ почтахъ, умножали часъ отъ часу болѣе бѣдствія нашего войска. Наконецъ, по выѣздѣ на Минскую дорогу, навсегда славную ретирадою Французовъ, усугубились еще несравненно болѣе бѣдствія наши. Возстало ужаснѣйшее зрѣлище мертвыхъ труповъ, полумертвыхъ и умирающихъ съ голода, холода, ранъ и болѣзней Французовъ, по дорогѣ и въ боку на каждомъ шагу встрѣчающихся; оружія и снаряды артиллерійскіе съ подбитыми людьми и лошадьми, заставили дорогу по оледенѣлымъ трупамъ проложенную: вотъ слѣды, что̀ я своими глазами видѣлъ, ретирады Французовъ изъ столицы Россіи. Богъ одинъ варваровъ можетъ карать; сіи самыя мѣста, оскверненныя ихъ поступками, являютъ и позорище казни ихъ.

---

*) Записки эти принадлежатъ, какъ видно изъ одного мѣста, нѣкоему Свѣчину, помѣщику Тверской губерніи, Ново-Торжскаго уѣзда. Онѣ написаны въ тетради размѣра малой четверки, въ темномъ кожанномъ переплетѣ съ клапаномъ, какъ у бумажника, и представляютъ собою дорожный дневникъ. Свѣчинъ былъ образованнымъ человѣкомъ, владѣлъ двумя иностранными языками и значительною по тому времени начитанностью. Въ дневникѣ этомъ нѣтъ ничего исторически-важнаго, но такъ какъ онъ живо рисуетъ внутренній складъ и жизнь Русскаго офицера за границей, то онъ, думается намъ, подлежитъ печати. Помѣщаемъ его съ нѣкоторыми сокращеніями. Ю. Б.

Библиотека "Руниверс"

Путь нашъ, чѣмъ далѣе простирался, тѣмъ труднѣе становился; ночью въ ужаснѣйшій морозъ двѣ клячи едва тащили повозку нашу. Холодъ совершенно овладѣлъ всѣмъ корпусомъ моимъ, ни въ движеніи бѣга не могъ я замѣнить холоднаго платья; свѣтлый мѣсяцъ съ несчетными звѣздами отражалъ лишь лучи свои въ снѣгахъ обширныхъ полей, и стонъ замерзающихъ Французовъ индѣ отдавался въ глуши. Наконецъ надежды лучъ мелькнулъ: огонекъ съ боку, и черная тѣнь являла призракъ строенія. Съ радостію подобной мореходцу въ бурю, увидѣвшему берегъ, спѣшимъ и мы пристать подъ теплый кровъ. Я первый вбѣгаю на дворъ, въ избу, и чтожъ! О надежда, не вотще ли льстила ты меня? При едва мелькающемъ огонькѣ въ большой деревенской печкѣ тлѣлось нѣсколько полѣнецъ дровъ; человѣка три отощалыхъ, изморенныхъ, истертыхъ сидѣли у печи и клали въ огонь замерзшій картофель; вся изба завалена мертвыми и умирающими, безъ оконъ, безъ дверей, безъ крышки, однѣ стѣны лишь стоятъ, къ коимъ огонь неоднократно, кажется, уже прикасался.

Чтò дѣлать? Лошади ни съ мѣста, ужъ мы перемерзши: пришлось было смерть посреди смертей найти. Но Провидѣніе, ты чудесно иногда спасаешь бѣдствующихъ, даже когда и надежды нѣтъ. И Ты спасло насъ и сей разъ. Вдали едва лишь услышать было можно лай собачій, и тамъ Ты намъ опредѣлило спастись отъ лютаго холода. Собака—символъ домоводства. Чрезъ рвы, поля, кусты, снѣгъ по поясъ спѣшимъ мы на лай ея, видимъ огонь и входимъ въ теплую избу. О Боже! признаюсь, какъ эта теплая маленькая избушка получила здѣсь цѣну мраморныхъ палатъ и, не взирая на множество тутъ больныхъ нашихъ солдатъ, съ ними вмѣстѣ на самомъ на полу, по претерпѣніи столькихъ трудовъ, такъ хорошо уснули, какъ вѣрно никогда никакой богачъ на пышномъ ложѣ, тревожимый во снѣ и на яву толпою заимодавцевъ, столь сладко ни на минуту не засыпалъ.

Я пріѣхалъ въ Вильну въ самый день, часами тремя только раньше, прибытія сюда Государя Императора*) и какъ комендантъ гауптквартиры ген.-маіоръ Ставраковъ выѣхалъ на встрѣчу Государю, то я до сихъ поръ и долженъ былъ ожидать на дворѣ. За сіе трехчасное мое пребываніе безъ квартиры наградила меня великолѣпная картина видѣть прибытіе Императора. Государь, прибывши, изволилъ прямо поѣхать къ свѣтлѣйшему князю Кутузову-Смоленскому. Сей почтенный старецъ, украшенный новыми лаврами по-

*) Т. е. 6 Декабря 1812 года. Въ этотъ же самый день Наполеонъ возвратился въ Парижъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

бѣдъ, сошелъ до средины крыльца на встрѣчу Императору, и молодой Монархъ обнялъ престарѣлаго воина, спасителя отечества. Слезы радости, явившіяся въ глазахъ у обоихъ, въ молчаніи изъявляли чувства сердца, и лица предстоявшаго тутъ множества генераловъ представляли величественную картину тріумфа. Какія чувства должны быть въ душѣ Монарха, когда онъ узрѣлъ живую картину побѣды надъ врагами, когда узрѣлъ руку Всевышняго, чудесно карающую сопротивниковъ Божіихъ и его? Чувство умиленія конечно должно питать его сердце, чувство благодарности, чувство щедроты конечно должно овладѣть имъ, и вотъ манифестъ, коимъ вознаграждаются всѣ убытки, понесенные отъ варваровъ, милосердый манифестъ, коимъ подобно Богу прощаетъ всѣмъ крамольникамъ малодушнымъ, кои, ради какихъ бы ни было стяжаній, могли измѣнить Богу въ присягѣ Монарху и отечеству, могли способствовать, могли пристать къ дѣламъ варваровъ. Но Россіяне, нѣтъ вашъ великій духъ столь низкихъ чувствъ питать не можетъ. Вы, кои ознаменовали себя твердой любовью къ Царю и отечеству своему, оставьте: манифестъ сей не для васъ. Предоставьте наслаждаться имъ тому малодушному народу, который пріобыкъ подчиняться премѣнчивому жребію, который раболѣпствуетъ ему, который, питая злоковарное сердце свое, ищетъ гибели и самыхъ тѣхъ, кои радѣютъ о блаженствѣ дней его. Но и милосердіемъ манифеста сего не загладится наказаніе, свыше имъ пріуготовляемое: стыдъ и лютое угрызеніе совѣсти, сего тайнаго свидѣтеля мыслей нашихъ, будутъ преслѣдовать ихъ до гроба. Такъ воззрите на сіи блѣдныя лица, на кои внутреннее чувство впечатлѣло ужасъ достойной ихъ казни. Подобно изсохшимъ листьямъ, осенью съ древесъ спадшимъ, влекутся они по лицу земли, бѣгутъ отъ взоровъ вашихъ!

Наконецъ, я получилъ квартиру; но ахъ, квартиру! Внезапный случай далъ мнѣ узнать, что братъ мой въ 7-ми верстахъ здѣсь отъ города. Съ толикой радостью принялъ я сіе извѣстіе, что въ тотъ же день даже пѣшкомъ пустился съ тѣмъ офицеромъ къ нему. Приходимъ туда ночью, всѣ спали на повалку, и вотъ ему сюрпризъ и радость не менѣе, какъ и мнѣ. Одиннадцать мѣсяцевъ было какъ мы другъ друга не видали и другъ объ другѣ не слыхали. Съ сихъ поръ какъ обстоятельства мои ни были дурны, но братская любовь довольствовала меня.

Рота полковника Сазонова, въ которой братъ находился, вступила въ Вильну, и мы жили вмѣстѣ въ кругу ихъ офицеровъ съ любезнѣйшимъ ихъ начальникомъ. Я заболѣлъ ногами; это еще болѣе сдѣлалось мнѣ претекстомъ оставаться здѣсь, пока былъ братъ. Наконецъ онъ выступилъ, и

Библиотека "Руниверс"

я одинъ въ скукѣ и болѣзни долженъ былъ ожидать своего выздоровленія. Вильна городъ большой, лежитъ въ ущельяхъ горъ, чрезъ него протекаетъ р. Вилія довольно широкая и судоходная, строенія наибольшей частью все старинныя, высокіе дома, узкія улицы; къ тому же прибавить множество Жидовъ, которые и вообще во всей Польшѣ все пакостятъ. Здѣсь есть много славныхъ католическихъ церквей, которыя почти всѣ теперь были заняты подъ госпитали. Множество умерло здѣсь народу, на улицахъ вездѣ жгли навозъ. Въ бытность еще здѣсь брата видѣлись мы съ Алекс. Ник. Львовымъ: онъ причисленъ къ Тульскому ополченію, а не ординарцемъ при г. м. Шевичѣ, и живетъ съ Ген. и Дьяковыми.

Еще не совсѣмъ выздоровѣвши, оставилъ я Вильну и, взявъ команду изъ 64-хъ человѣкъ для препровожденія къ корпусу гр. Витгенштейна, выступилъ. Первый ночлегъ имѣлъ по большой дорогѣ отъ Вильны къ Ковно. Все выжжено, почему и пошелъ по проселочной; здѣсь нашелъ мужиковъ гораздо меньше претерпѣвшихъ. Болѣзни ужасно здѣсь свирѣпствовали. Въ столь ближнемъ разстояніи отъ большой дороги я нашелъ, что здѣсь въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ почти и не видали Французовъ, и я нужды не терпѣлъ ни въ провіантѣ, ни въ подводахъ.

22 Января. М. Яново. Очень маленькое мѣстечко, лежитъ въ трехъ верстахъ отъ дороги сбоку; здѣсь живутъ Русскіе мужики - раскольники хорошо.

27 Янв. Г. Ковно лежитъ при совпаденіи рѣкъ Виліи съ Нѣманомъ, отправляетъ важную коммерцію. Здѣсь комендантомъ подполковникъ Кемпенъ, который подписалъ мнѣ на ордерѣ, чтобы я слѣдовалъ на Инстербургъ.

30-е М. Запажинска. Здѣсь жители говорятъ по-литовски.

3 Февраля. Новомѣсто. Шервинь. Сіи мѣстечки отдѣлены другъ отъ друга рѣчкой, и съ первымъ кончается княжество Литовское, а со вторымъ начинается Пруссія; въ первомъ множество Жидовъ и Поляковъ, во второмъ только Пруссаки. Въ семъ послѣднемъ нашелъ я баталіонъ ея высочества Екатерины Павловны, командуемый полковникомъ княземъ Оболенскимъ. Какая разница уже видна между мѣстечками Польскими и Нѣмецкими; здѣсь все хорошенькіе, чистенькіе домики, высокія красныя крышки, ратуша съ довольно высокой башней съ часами. Признаюсь, что желалъ бы, чтобъ и въ отечествѣ насъ столь душевно радостно принимали, какъ здѣсь.

3-е Д. Гервишки. Здѣсь стоялъ я на мельницѣ, гдѣ въ каждомъ гвоздикѣ видна Нѣмецкая аккуратность. Хозяинъ разсказывалъ мнѣ, какъ стоялъ у него Французскій генералъ, коего корпусъ расположенъ былъ возлѣ на

Библиотека "Руниверс"

бивакахъ, и солдаты, не смотря, что генералъ глядѣлъ въ окна, таскали у хозяина все, что имъ нравилось; но не должно забыть, что сіе было во время ретирады; а то дисциплина у Французовъ столь же сильна, какъ у насъ субординація.

7, 8, 9-е. Инстербургъ. Городъ лежитъ за р. Прегель, довольно великъ, но выстроенъ нехорошо; вокругъ ратуши на площади есть нѣсколько порядочныхъ домовъ. Командѣ сюда за рѣку невозможно было перейти, ибо ледъ проходилъ, потому одинъ я былъ здѣсь. По прибытіи получилъ я здѣсь квартиру у одного отставного ротмистра Прусскихъ черныхъ гусаръ, Бушъ по прозванію, принятъ былъ хорошо; но какъ въ сей день случилось у него несчастье, что померла мать его, то и просилъ меня истребовать себѣ другую квартиру, что́ на слѣдующій же день я и исполнилъ. Квартиру мнѣ назначили у стульнаго мастера Зомера. Въ маленькой, тѣсной и очень неспособной комнаткѣ былъ я очень доволенъ по пословицѣ „не красивъ домъ углами, а красивъ пирогами"; добрые хозяева старались угадывать, чего только я желалъ. Въ фамиліи было шесть дочерей и одинъ сынъ маленькій. Société сіе умножала еще одна родня, пріѣхавшая изъ Кенигсберга, содержательница тамъ магазина auf französischen Art, не провинціалка; много разсказывала мнѣ чудеснаго про Кенигсбергъ. Но время позволитъ, такъ лучше самъ себѣ разскажу.

Февраля 18-е. Городъ Кенигсбергъ. Первое дѣло, прибывъ сюда, было мнѣ сдать команду нашему коменданту подполковнику Беллинсгаузену, потомъ натурально получить квартиру и на ней расположиться.

Квартира моя на большой улицѣ близъ моста. Большіе, каменные, 4-хъ и 5-ти этажей дома; но улица такъ узка, что едва двѣ кареты рядомъ проѣхать могутъ. Надо замѣтить, что это одна изъ большихъ улицъ. Въ домахъ множество хорошихъ лавокъ; между купцами, и очень знаменитыми, множество Жидовъ, которые хотя и одѣты и говорятъ по-нѣмецки, но съ перваго взгляду замѣтишь, что Жидъ. Хозяинъ мой, перекрестъ изъ Жидовъ, имѣетъ домъ и лавку и занимается продажею и чтеніемъ Библіи, въ которомъ упражненіи я его неоднократно заставалъ. Человѣкъ холостой, думаю потому, что на Жидовкѣ еще не женатъ, да и не женится теперь; а христіанка тоже не настоящаго въ немъ христіанина находитъ. Странное дѣло! Этотъ человѣкъ имѣетъ много родни, и всѣ Жиды. Я услышалъ, будто онъ, влюбясь въ одну христіанку, рѣшился для нея перемѣнить вѣру; еще страннѣе, чтобъ 30-лѣтній человѣкъ, 30 лѣтъ бывши Жидомъ, на 31-мъ году захотѣлъ бы изъ любви сдѣлаться христіаниномъ.

Библиотека "Руниверс"

Здѣшній дворецъ есть большой старинной домъ на полуциркульной площади; я въ немъ особенно достойнаго примѣчанія ничего не нашелъ. Здѣсь живетъ Прусскій генералъ Коркъ, занятый формированіемъ фрейкóровъ. Нашъ генералъ-лейтенантъ графъ Сиверсъ—военный губернаторъ.

19-го. Поутру надлежало мнѣ исполнить этикетъ службы, т. е. явиться къ графу Сиверсу. Насъ было шесть офицеровъ, пріѣхавшихъ сюда въ городъ. На цыпочкахъ ввелъ комендантъ насъ въ залу, гдѣ съ полчаса ожидали мы выхода его сіятельства. Наконецъ онъ явился въ форменномъ сюртукѣ и въ желтыхъ сапогахъ; оставилъ конечно важныя дѣла за тѣмъ только, чтобы посмотрѣть на каждаго, выслушать „честь имѣю явиться". Въ переднихъ комнатахъ кроятъ, ибо ему поручена была обмундировка корпуса графа Витгенштейна.

Я не имѣлъ нужды ходить здѣсь обѣдать въ трактиръ, ибо имѣлъ всегда порядочный столъ у хозяина, но послѣ обѣда люблю прійти въ deutsches Gasthaus; здѣсь-то Нѣмцы сидятъ въ кругу за столомъ, передъ каждымъ кружка пива съ номеромъ, у каждаго въ зубахъ Pfeiftabak, въ рукахъ Zeitung. Вотъ одинъ толкуетъ: Meine Herren, die Franzosen werden hier geschlagen; wir, die Allirten, müssen eine starke Position nehmen. Ja, ja, sie werden geschlagen; сіе общій голосъ подтверждаетъ, и побѣду пивомъ запиваютъ. Когда же дѣло дойдетъ, Kellner, geben sie ein Schnaps, то тутъ: Es lebe wohl der Kaiser Alexander und der Friedrich Wilhelm, hoch! провождается глоткомъ водки. Вечеромъ былъ въ театрѣ, гдѣ представляли Korsar aus Liebe, опера; оркестръ хотя не великъ, но порядочный; пѣли также хорошо.

20-е. Поутру были въ комендантской канцеляріи. Я замѣтилъ большую способность въ Беллинсгаузенѣ къ сей должности; онъ такъ ею вертитъ, избѣгая медленности, которая есть столь во многихъ. Расправа коротка: Нѣмцу и солдату одна плеть. Сегодня при мнѣ была жалоба одного солдата, что Нѣмецъ, его хозяинъ, поступаетъ съ нимъ грубо, и не кормитъ, и въ холодной комнатѣ моритъ. Онъ посылаетъ тотчасъ узнать и потомъ, когда нашелъ, что все справедливо, посылаетъ за хозяиномъ. Сей, видя, что дѣло плохо, присылаетъ къ нему свою жену. О Нѣмецъ хитеръ! Подумалъ, что въ шляпѣ и капотѣ его жена все исправитъ дѣло. Нѣтъ, пустое! „Не съ вами, а съ вашимъ мужемъ я имѣю дѣло", былъ ей отвѣтъ. Явился мужъ и получилъ 25 плетей на спину.

Славно видѣть формирующихся здѣсь фрейкóровъ: молодые люди всякаго состоянія вступаютъ рядовыми, на свой счетъ одѣты; тѣ, кои въ кава-

Библиотека "Руниверс"

лерію, съ своими лошадями. Обмундировку перенимаютъ совершенно у насъ. Выйдя на свою волю, избавясь родительскихъ присмотровъ, съ какою радостью надѣваютъ мундиръ, какую плѣнительную перспективу видятъ въ службѣ! И дѣйствительно множество молодыхъ людей хорошо воспитанныхъ весьма отличаются отъ полковыхъ, отъ той soldatesque; съ удовольствіемъ служатъ, ибо служба ихъ въ кругу воспитанныхъ дѣлается благороднѣйшею въ кругу дружества. Субординація для ихъ офицеровъ строга во время службы, равенство внѣ оной.

21-е. Сегодня давали піесу Deutsche Treue, гдѣ г. Аншицъ игралъ очень хорошо; онъ сходствуетъ очень игрой съ Яковлевымъ; только онъ менѣе употребляетъ корпусныхъ движеній и жестовъ. Городъ хорошо вечеромъ вездѣ освѣщенъ. Нахтъ-вахтеры здѣсь свищутъ, бьютъ въ трещотку и поютъ: до 9-ти часовъ на всѣхъ перекресткахъ шарлотки.

26-е. Все готово къ выступленію на брань. Команда до 300 человѣкъ, и я съ прапорщикомъ Алексѣевымъ Бѣлозерскаго полка долженъ выступить. Фрейкоры тоже выступаютъ.

10-е Марта. Маріенвердеръ. Соскучившись идти съ командой столь медленно, я ее оставилъ. Мѣстечко очень порядочное; перемѣнивши лошадей и отобѣдавъ, въ тотъ же день я выѣхалъ въ Нейнбургъ. Мѣстечко лежитъ на самой Вислѣ по ту сторону рѣки. Перевозъ на паромѣ. Дорога идетъ черезъ ретраншементы, на берегу рѣки большая колонія рыбаковъ. Отсюда ѣхалъ вмѣстѣ съ адъютантомъ графа Платова, поручикомъ Ясинскимъ и Лопатинымъ. Еще присталъ къ намъ переведенный къ намъ изъ Прусской службы капитанъ Калькштейнъ, малый добрый, хорошо воспитанный: жаль одного, что онъ невоздерженъ.

12-е. Г. Коницъ. Прибыли въ 7 часовъ утра. Порядочный городъ, квартира очень хороша; хорошенькія дочери добраго хозяина забавляли насъ пѣніемъ, игрою на фортопьанахъ, гитарѣ; славный рейнъ-вейнъ рдѣлъ въ стаканахъ. Сынъ хозяина, молодой воинъ фрейкоръ, и нѣсколько еще добрыхъ ребятъ составляли веселую компанію.

21-е. Г. Франкфуртъ. Славный, довольно большой, торговый и хорошо выстроенный городъ по ту сторону рѣки Одера, на коей былъ славный мостъ, но Французы его сожгли. Здѣсь стоялъ съ своимъ отрядомъ генералъ-лейтенантъ графъ Воронцовъ. Ясинскій поѣхалъ отсюда въ Калишъ, гдѣ была гауптквартира главной арміи.

Библиотека "Руниверс"

24-е. Фогельсдорфъ. Славная деревня; здѣсь ночевали мы вмѣстѣ съ Пермскаго полка капитаномъ княземъ Волконскимъ.

25-е. Берлинъ. Гладкій chaussée, обсаженный высокими тополями, ведетъ въ Берлинъ. По обѣ стороны прекрасные загородные домики, трактиры съ садами, прекраснѣйшее вокругъ мѣстоположеніе, вдали блестятъ купола и шпили; прекраснѣйшая прямая перспектива ведетъ въ городъ. Большіе дома по широкой улицѣ продолжаются до середины города, раздѣленной надвое рѣкой Шпрее. Здѣсь комендантомъ егерскій подполковникъ Кожинъ, радѣетъ о пользѣ службы, о пользѣ города и конечно о своей, стараясь пріѣзжающихъ какъ можно скорѣе выпроводить. Насилу могли склонить его позволить намъ остаться здѣсь два дня. Я получилъ квартиру вмѣстѣ съ Калькштейномъ въ Neue Fridrichstrasse, у одной вдовы, которая, имѣя большой домъ, беретъ деньги съ другихъ обывателей и держитъ постой. Вечеромъ сегодня былъ я въ театрѣ, гдѣ давали Die Jungfer von Orlean. Театръ очень хорошъ и актеры. Между представленіями въ одномъ актѣ, гдѣ народъ говоритъ на сценѣ: Wir gehen alle um unseres Vaterland retten, весь партеръ вскричалъ: ja, wir gehen auch alle...

Поутру рекомендовалъ меня Калькштейнъ въ домѣ одного профессора. Онъ живетъ не пышно, но хорошо; съ большимъ удовольствіемъ разспрашивалъ онъ меня о свойствѣ нашей земли, характерѣ нашихъ жителей и, признаюсь, во многихъ мѣстахъ онъ пристыдилъ меня, ибо зналъ гораздо лучше нашу исторію. Онъ показывалъ мнѣ переводъ нашей Россіады, оды Богъ, О пользѣ стекла; въ сихъ великихъ твореніяхъ замѣчаетъ онъ нѣкоторый особый духъ, свойственный однимъ Русскимъ. „Если время позволитъ", говоритъ онъ, „то непремѣнно поѣду въ Петербургъ". У него два сына, одному 17, другому 16 лѣтъ; онъ ихъ отдалъ въ фрейкоры; они еще не выступали и живутъ у него; двѣ прекрасныя дочери, обѣ моложе сыновей, всѣ хорошо воспитаны. „Но какъ я терпѣть не могу Французовъ (говоритъ онъ), то по-французски ихъ и не училъ". Люблю и я за то Нѣмцевъ, что Французскій языкъ имъ головы не вскружилъ, а если хоть и есть какой Нѣмецъ-Французъ, то только пародія на Французовъ.

Королевскій дворецъ, на большой круглой площади, выходитъ на рѣку. Старинное зданіе съ башнями, въ серединѣ 4 двора, гдѣ содержатся караулы. Здѣсь резервный баталіонъ гвардіи дѣлалъ разводъ; всѣ ружейные пріемы дѣлаютъ въ одинъ тактъ, держатъ себя вольнѣе нашихъ, но далеко нѣтъ той ровности во фронтѣ, какая у насъ.

Библиотека "Руниверс"

На большомъ мосту близъ дворца воздвигнутъ монументъ Фридриху, отцу Великаго. Онъ представленъ сидящимъ на конѣ, у ногъ его 4 невольника; ихъ импрессія очень хороша, бюстъ же его самого хуже, чѣмъ у насъ; ничего геройственнаго въ немъ не видно: сидитъ какъ баба.

Домъ-кирке, соборная церковь, обширна и богато убрана; въ ней похоронены короли и принцы дома Бранденбургскаго; близъ алтаря стоятъ въ два ряда гробницы, на верху каждой на мѣдной доскѣ, en basrelief, выработанъ въ ростъ портретъ въ томъ уборѣ, въ какомъ похороненъ. Работа чрезвычайная.

Здѣсь имѣлъ я удовольствіе видѣть прекраснѣйшую церемонію. Всѣ пришедшія въ возрастъ молодыя дѣвицы и мальчики удостоились къ принятію Причастія по лютеранскому исповѣданію. Всѣ нѣжныя сіи красы, по правую сторону мальчики, по лѣвую дѣвушки, въ бѣлыхъ платьицахъ съ красной ленточкой въ головѣ, съ нѣжнымъ трепетомъ подходили къ священной особѣ къ принятію благословленія.

Отсюда ходили смотрѣть мѣсто, на коемъ воздвигнутъ монументъ генераламъ, отличившимся во время Семилѣтней войны при Фридрихѣ Великомъ. Паралеллограмная площадь; въ срединѣ фаса на пьедесталѣ стоитъ бюстъ въ ростъ фельдмаршала Зейдлица въ кавалерійскомъ старинномъ мундирѣ, съ раструбами, въ ботфортахъ и перчаткахъ, маленькая 3-хъ угольная шляпа, длинная коса, двѣ большія пукли, маршальскій жезлъ въ рукахъ. Старикъ съ большими усами въ гусарскомъ платьѣ есть генералъ Цитенъ. Фельдмаршалъ Шверинъ, убитый въ сраженіи подъ Прагой, въ рукахъ со знаменемъ, въ память того, что, когда не могли остановить ретировавшихся, взялъ знамя, сказавъ: „коль не хотите раздѣлить со мной славы моей, то будьте по крайности зрителями смерти моей", и сими словами онъ побѣдилъ непріятеля. Всѣ сіи монументы сдѣланы изъ мрамора бѣлаго.

Нигдѣ, кажется, столь пріятно не удастся мнѣ провести время, какъ здѣсь. Съ какимъ восторгомъ насъ принимаютъ! Имя Русскаго сдѣлалось именемъ защитника, спасителя Европы. Здѣсь получили мы достойную награду за трудъ нашъ. Я не буду говорить объ офицерахъ; скажу только, что въ большомъ домѣ на бульварѣ видите двухъ или трехъ нашихъ солдатъ, сидящихъ на балконѣ; предъ ними столикъ, на которомъ большой кофейникъ съ кофіемъ, большая бутылка рому, большіе чашки и стаканы, словомъ сказать, за столомъ, гдѣ льются пуншъ, пиво, кофей, курится табакъ, въ толстѣйшихъ Русскаго сукна шинеляхъ съ заплатками, сквозь которыя нерѣдко

Библиотека "Руниверс"

видна и рубашка истлѣвшая отъ грязи и поту. Угощаются Русскіе воины, и дочь хозяйская, прекраснѣйшая дѣвушка, за честь почитаетъ изъ рукъ своихъ поднести гросъ-гласъ шнапсу; а сей безъ дальнихъ комплиментовъ, однимъ глоткомъ высушивъ стаканъ, въ трепетъ приводитъ всѣхъ зрителей и pour faire galant снова наливаетъ стаканъ и подноситъ ей, которая, не смотря на отвращеніе, принуждается отцомъ и матерью испить глотокъ. Дѣйствительно весь пріемъ былъ тріумфомъ арміи.

Нанявши коляску, ѣздили мы въ Шарлотенбургъ. Прямая перспектива на цѣлую милю отъ Берлинскаго дворца идетъ къ Шарлотенбургскому; здѣсь видѣли памятникъ сдѣланный надъ гробомъ покойной королевы. Отъ дворца идетъ широкая аллея, обсаженная густыми и большими тополями до самыхъ Бранденбургскихъ воротъ. Здѣсь вѣчное мѣстопребываніе всему праздношатающемуся въ Берлинѣ; здѣсь встрѣтите мальчишекъ, предъ вами тысячью манерами кривляющихся и кувыркающихся; они до тѣхъ поръ отъ васъ не отстанутъ, пока не бросите имъ крейцеръ. Здѣсь променадъ, здѣсь любовная охота... Живутъ онѣ въ тѣсныхъ переулкахъ, ниже земли, въ погребахъ.

Ворота съ 4 отверстіями, къ коимъ ведетъ Unterlindener-Strasse, называются Бранденбургскими; на верхушкѣ виденъ шпиль, на которомъ держалась колесница Нептуна, запряженная четырьмя конями; она снята Наполеономъ, но что̀ теперь она украшаетъ — мнѣ неизвѣстно. За воротами продолжается до самого Шарлотенбурга Thiergarten; трактиры съ садами и бесѣдками; сюда собирается множество жителей, пьютъ пуншъ, пиво, курятъ табакъ. Во многихъ мѣстахъ музыка; нѣсколько скрипокъ или кларнетовъ щедро награждаются за усильное дутье крейцерами. Сюда приходятъ послѣ обѣда и хорошія дамы, вязать чулки, пить чай. Здѣсь есть еще мода, сдѣлавшаяся уже теперь обычаемъ — говорить особымъ языкомъ, т. е. тотъ же Нѣмецкій языкъ сдѣлать пріятнѣе и нѣжнѣе.

27-е. Неумолимый комендантъ никакъ мнѣ не позволилъ долѣе остаться. И такъ послѣ обѣда, получивъ лошадей, выѣхали мы въ Потсдамъ, отстоящій 4 мили отъ Берлина. Дорога идетъ по прекраснѣйшему chaussé, вокругъ чрезвычайное мѣстоположеніе. Здѣсь начинаютъ появляться горы, на которыхъ виноградъ. Мы заѣхали въ одинъ Gasthaus, гдѣ нашли множество егерей фрейкора, которые шли изъ Берлина, и имѣли здѣсь ночлегъ. Музыка гремѣла, стаканы звучали, пляска продолжалась и вино лилось. Добрый старичокъ, Прусскій комендантъ, тотчасъ далъ намъ билеты; въ ратушѣ написали квартиры намъ на площади противъ ратуши; но какъ сегодня уже

Библиотека "Руниверс"

поздно, то ничего не буду говорить о городѣ. Скажу только, что здѣсь опять мы соединились съ Волконскимъ и со всѣми тѣми, съ которыми ночевали въ Фогельсдорфѣ.

28-е. Первымъ долгомъ почелъ себѣ посмотрѣть гробницу Фридриха Великаго. Домъ-кирхе здѣсь не столь великолѣпна, какъ въ Берлинѣ. Возлѣ алтаря по правую сторону въ небольшомъ придѣлѣ за рѣшетчатою дверью стоятъ двѣ простыя безъ всякихъ украшеній мраморныя гробницы; по правую сторону лежитъ Фридрихъ Великій, по лѣвую — отецъ его; близъ сего придѣла къ стѣнѣ прибита бѣлая доска, на коей написаны имена нижнихъ чиновъ, отличившихся во время Семилѣтней войны. Отсюда ходили мы посмотрѣть дворецъ; онъ выстроенъ въ новѣйшемъ вкусѣ и лучше Берлинскаго; славная полуциркульная колоннада, прекрасный фронтонъ, садъ съ хорошими аллеями передъ дворцомъ. Здѣсь маленькій прудъ, на коего островку изображенъ изъ дикаго камня Нептунъ, какъ будто изъ воды выѣзжающій на колесницѣ, окруженный тритонами и прочими морскими животными. Здѣсь виденъ вблизи замокъ, гдѣ въ башнѣ сидѣлъ Фридрихъ Великій, посаженный отъ отца. Городъ выстроенъ весьма хорошо, прокопанъ канавами, которыя выложены гранитнымъ камнемъ и чугунной рѣшеткой; улицы чисты и широки, большіе дома хорошей архитектуры, но только пусть: сюда, кажется, пріѣзжаютъ жители для отдохновенія отъ шума Берлинскаго. По серединѣ площади воздвигнутъ монументъ Фридриху Великому, пирамида съ золотымъ наверху шаромъ. На ратушѣ статуя вызолоченая, представляющая атлета, держащаго шаръ земной на плечахъ. Послѣ обѣда ѣздили въ Санъ-Суси, увеселительный замокъ, выстроенный Фридрихомъ Великимъ.

Въ большомъ дворцѣ между прочими богатствами наиболѣе достойна примѣчанія зала изъ раковинъ, сдѣланная изъ множества различной величины и цвѣтовъ раковинъ, чрезвычайно расположенныхъ, двери же сдѣланы изъ разныхъ кристалловъ; въ прочихъ компатахъ мало достойнаго примѣчанія. Комната, гдѣ имѣлъ первое свиданіе императоръ Павелъ съ Маріей Ѳеодоровной, будучи еще великимъ княземъ. Отсюда прошли черезъ садъ большой, прорѣзанный широкими аллеями; по правую сторону прекрасный Японскій домикъ, на крыльцѣ множество статуй, представляющихъ Азіатцевъ въ различныхъ видахъ; круглая зала съ живописью по стѣнамъ, разныхъ Азіатскихъ семействъ виды изображающая. Сюда Фридрихъ каждое утро приходилъ изъ дворца заниматься; въ одной изъ сихъ стоитъ старый столикъ на подобіе конторки, нѣсколько стульевъ и канапэ, на коихъ онъ сидѣлъ и писалъ. Широкая аллея ведетъ къ другому дворцу; высокая, срытая въ 5-ть

Библиотека "Руниверс"

уступовъ гора; ширина каждаго уступа такая, что занимаетъ устроенную на немъ оранжерею, а высота такая же, какъ и высота оранжерей; изъ сего образуется она стеклянною горой, верхъ же горы занимаетъ красный съ бѣлыми колонами, въ одинъ этажъ дворецъ, сверхъ коего стеклянная обсерваторія. Прекраснѣйшій замокъ сей выстроенъ по собственному плану Фридриха Великаго и есть памятникъ изящнаго вкуса его.

Сколь пріятно взирать на мѣста, рожденныя великимъ геніемъ; сколь и самыя бездѣлицы интересуютъ въ нихъ! Дворецъ сей оставался пустъ, и никто въ немъ не жилъ съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ оставилъ его великій монархъ. Кажется, преемники его оставили нарочно, чтобы видѣть въ немъ нерушимый памятникъ пребыванія великаго предшественника ихъ. Сколь восхитительно видѣть залу, взирать на тотъ самый большой круглый столъ, гдѣ монархъ отдавалъ приказанія или бесѣдовалъ за обѣденнымъ столомъ съ тѣми, коихъ удостоивали дружбой своей, гдѣ Вольтеръ, противорѣча ему и приведя въ сердце, умѣлъ умягчить гнѣвъ острой шуткой. Silence, messieurs, le roi de Prusse est arrivé! Спальня, гдѣ кончилъ жизнь великій монархъ; самыя тѣ Волтеровскія кресла, фортепіано и пюпитръ, на которыхъ игралъ; спальня содержитъ маленькую диванную, гдѣ стоитъ постель, маленькій угольный кабинетъ возлѣ съ библіотекой; между прочими книгами, въ коихъ мало однакоже Нѣмецкихъ, замѣтилъ я Histoire de Pierre-le-Grand par Voltaire, L'esprit des lois и манускриптъ его руки, экстрактъ писанный на четверкѣ по-французски. Комната, гдѣ жилъ Вольтеръ, его бюро и кресла. Во всѣхъ комнатахъ вообще нѣтъ большой пышности; на столахъ и каминахъ стоятъ фарфоровыя вазы Берлинской и Мейсенской фабрикъ, по двѣ вмѣстѣ одинаковыхъ; кажется, король нарочно выписывалъ ихъ оттуда, приказывалъ такія же вырабатывать у себя и, дабы ихъ всегда сличать, ставилъ вмѣстѣ. Вышедши отсюда, пошли смотрѣть музеумъ картинъ, Фридрихомъ собранный. Близъ аллеи возлѣ пригорка мѣсто, гдѣ похоронилъ онъ пять любимыхъ собакъ своихъ и одну лошадь, которая нѣсколько разъ съ нимъ была въ сраженіяхъ; надъ каждой сдѣлана четыреугольная плита, на которой вырѣзано имя, годъ, мѣсяцъ и число рожденія и смерти. Небольшая галлерея содержитъ музеумъ. Достойнѣйшее здѣсь—образъ Спасителя, писанный Рафаэлемъ. Картина сія была вынесена, когда Наполеонъ посѣщалъ музеумъ.

Отсюда прошли еще по большому саду, отдыхали у самой той вѣтряной мельницы, о которой Фридрихъ Великій потерялъ процессъ съ мельникомъ. И такъ, сожалѣя, что не могъ еще долѣе сегодня любоваться зрѣлищемъ

Библиотека "Руниверс"

сихъ любопытныхъ мѣстъ (ибо ужъ солнце начинало скрываться, и коляска, которую мы наняли, уѣхала назадъ), мы пѣшкомъ пошли назадъ въ Потсдамъ.

Чрезвычайнѣйшія мѣстоположенія! Съ обсерваторіи видны шпицы Берлина, весь Потсдамъ, вокругъ множество разбросанныхъ прекраснѣйшихъ деревень, садовъ, загородныхъ большихъ домовъ, множество горокъ, усѣянныхъ виноградомъ, пашни, рѣки, ручейки; словомъ, здѣсь все собрано для чрезвычайнѣйшаго ландшафта.

Потсдамъ. Никогда не имѣлъ я столь пріятнѣйшихъ трудовъ и не наслаждался столь прекраснѣйшимъ роздыхомъ; добрый ужинъ оправдалъ хорошій аппетитъ нашъ, и мягкая постель сообщила покой корпусу; сладкій сонъ отъ разгоряченныхъ идей являлъ пріятнѣйшія мѣста. Калькштейнъ еще остался здѣсь. И такъ я одинъ, выѣхавъ поутру, переѣхалъ черезъ Прусскую границу въ Саксонію.

Белингъ. Первое Саксонское небольшое мѣстечко. Здѣсь уже другое нарѣчіе Нѣмецкое; жители говорятъ, какъ бы распѣвая и дурно выговариваютъ *е* какъ *о*. Пошли длинные кафтаны, трехъ-угольныя карикатурныя шляпки, косы, красные чулки, башмаки съ пряжками; но добрый и чистосердечный народъ. Съ какимъ дѣйствительнымъ удовольствіемъ здѣсь каждый радъ служить иностранцу!

30-е Дессау. Славный и довольно большой городъ. Столица княжества Ангальтъ-Дессаускаго; весьма хорошій замокъ и чрезвычайный садъ, простирающійся на цѣлую милю. Городъ лежитъ за р. Эльбой, которую, ѣхавши изъ Цербста, проѣзжаютъ по большому покрытому деревянному мосту; широкая аллея, обсаженная большими тополями, ведетъ къ самому городу, на $^1/_4$ мили отстоящему отъ рѣки. Здѣсь нашелъ я гауптквартиру графа Витгенштейна. Узнавши, что полкъ расположенъ въ трехъ миляхъ отсюда, я рѣшился тотчасъ туда ѣхать, что̀ сдѣлалъ весьма дурно; ибо, первое, не далъ себѣ времени хорошенько разсмотрѣть столь любопытное мѣсто какъ Дессау, да во-вторыхъ нечаянный случай все таки не позволилъ мнѣ сего дня прибыть.

Отъѣхавши съ милю отъ Дессау, встрѣчается мнѣ фура съ солдатами; гонятъ лошадей какъ можно скорѣе назадъ. Наконецъ, увидѣвъ офицера, я его останавливаю и получаю отъ него весьма лаконическій отвѣтъ, что тамъ впереди въ мѣстечкѣ Французы; и это былъ транспортъ съ провіантомъ того же самого полка, т. е. Калужскаго, который уже доѣхалъ было до мѣстечка, какъ узналъ сію новость. Справедливо ли или нѣтъ, не знаю; быть

Библиотека "Руниверс"

можетъ, что сіе произошло и отъ того, что никто изъ конвойныхъ не зналъ Нѣмецкаго языка, а потому можетъ быть, что-нибудь подобное сему услышанное ими отъ какого нибудь жителя и заставило сдѣлать ихъ таковой торопливый контръ-маршъ. Но разсуждать объ этомъ мнѣ не было времени; сдѣлать визитъ Французамъ побоялся, потому и рѣшился лучше воротиться и самъ пріѣзжаю въ первую деревню отъ Дессау; здѣсь располагаю себя подъ прикрытіемъ одного баталіона Пермскаго полка, который былъ тутъ расположенъ, и благополучно провелъ ночь въ каретѣ.

Прекрасная деревня выстроена вся двухъэтажными хорошими каменными домами съ садами, въ коихъ бесѣдки, гроты, все весьма со вкусомъ, и это деревня—сто домовъ крестьянъ! О счастливая страна, никогда тебя я не забуду.

Большого труда мнѣ стоило здѣсь достать лошадей; наконецъ кое-какъ получивши, я выѣхалъ на Варлицъ. По маленькой боковой дорогѣ до самого города ѣхалъ все садами; ибо вездѣ являлись мнѣ все фруктовыя деревья; кедровыхъ и каштановыхъ деревьевъ здѣсь множество.

Варлицъ. Маленькій городъ, но выстроенъ все хорошими домами; каждый домъ оплетенъ растущимъ около него виноградомъ. Садъ здѣшній почитается однимъ изъ первѣйшихъ во всей Европѣ, онъ простирается до самого Дессау. Здѣсь все, что природа и искусство могли произвесть, дорожки и аллеи всѣ такъ гладки какъ полъ; деревья обстрижены различными видами; гроты, бесѣдки различныхъ видовъ и родовъ не суть великолѣпнѣйшіе, но съ чрезвычайнымъ вкусомъ; нѣтъ великихъ каскадовъ, но малые и расположенные всѣ у мѣста; горки, которыя природа сама украсила прекраснѣйшими цвѣтами, являютъ видъ искусно сдѣланной вкругъ винтомъ лѣстницы. Отъ одного прекраснѣйшаго влекомъ я былъ къ другому. Идучи въ городъ, всходишь на гору, на верху коей стѣна съ воротами, и къ сей стѣнѣ пристроенъ трактиръ, гдѣ я остановился. Большой выдавшійся полуциркулемъ балконъ, огражденный стеклами, даетъ видъ въ садъ на всѣ дорожки; и здѣсь наслаждался я добрымъ обѣдомъ, хорошимъ виномъ и прекраснѣйшимъ видомъ. Жаль только, что мораль сихъ добрыхъ жителей не имѣетъ физическихъ удовольствій ихъ: по прекраснѣйшимъ мѣстамъ они ходятъ, потупя головы, колеблясь безпрестанно между страхомъ и надеждой. Сколь жаль, что здѣсь, въ царствѣ Цереры, Марсъ воздвигнулъ тронъ свой; въ мѣстахъ сихъ храмъ Януса навѣки съ затворомъ долженъ быть, и здѣсь люди должны бы питаться медомъ и млекомъ, а не кровью и скорбями. Пусть царство

Библиотека "Руниверс"

его простиралось бы тамъ, гдѣ народъ пріобыкъ къ вѣчнымъ раздорамъ и несогласіямъ, гдѣ народъ могъ питать ехидну революціи, могъ рукоплескать варварскому звѣрству, забывъ долгъ вѣры къ Богу, долгъ къ присягѣ царю, наругался надъ храмами, попралъ законну власть, предалъ коронованную главу монарха своего въ руки палачу. Тамъ кровь невинныхъ жертвъ могла бы питать кровожаждущую Беллону; не здѣсь, гдѣ народъ не питаетъ совсѣмъ даже хитрости, непремѣнно нужной для дѣйствій военныхъ, гдѣ всѣ просты и умѣютъ только наслаждаться сами и сообщать другимъ сладкія удовольствія дарами природы!

Кембергъ. Здѣсь прибылъ я на театръ Марсовъ. Отрядъ генералъ-маіора Казачковскаго, состоящій изъ Калужскаго и Сѣвскаго полковъ, пѣхотныхъ, своднаго гренадерскаго батальона 5-й дивизіи, 6 орудій артилеріи, 2-хъ эскадроновъ Гродненскихъ гусаръ и нѣсколькихъ козаковъ, былъ на маршѣ противъ крѣпости Витемберга. Я засталъ ихъ здѣсь на отдыхѣ: ружья стояли въ козлахъ, и ранцы лежали въ рядахъ, орудія стояли на площади, лошадей кормили, люди отдыхали. Я явился къ новому своему начальнику. Вскорѣ ударили подъемъ, колонна тронулась, кавалерія въ авангардѣ, артилерія слѣдовала за ней; подошли въ видъ крѣпости, впереди разставили пикеты; часа съ два продолжалась ружейная стрѣльба. Сѣвскій полкъ сталъ въ позицію, а Калужскій расположился по квартирамъ.

Дер. Ейчъ. Въ одной мили отъ крѣпости расположились по квартирамъ чрезвычайно тѣсно, такъ какъ на роту было не больше какъ по одной квартирѣ, для всѣхъ же офицеровъ одна только квартира. Только полковой командиръ имѣлъ особую. Всѣ мѣры для осторожности отъ нечаяннаго нападенія были приняты на высотахъ вокругъ деревни по выѣздамъ и въ самой деревнѣ расположены пикеты; строжайше приказано ночью людямъ не раздѣваться и по первой палкѣ барабана быть подъ ружьемъ.

Здѣсь на квартирѣ удалось мнѣ видѣть настоящій Содомъ и Гоморъ. Слишкомъ двадцать человѣкъ офицеровъ на одной квартирѣ въ двухъ комнатахъ. Крикъ, шумъ, кто поетъ, кто ругается, кто кричитъ, кто выходитъ, кто приходитъ, и все сіе стекается къ одной хозяйкѣ. Всѣхъ она одна должна удовольствовать; бѣдная мечется во всѣ углы, всѣ ее бранятъ, ни отъ кого не слышитъ благодарности за добровольное пожертвованіе всего своего имущества. Здѣшніе только жители могли перенесть сіе; другой бы бѣжалъ, оставивъ все.

Библиотека "Руниверс"

Апрѣль. О сколько долженъ былъ я терпѣть въ кругу, въ которомъ находился! Ни дня, ни ночи здѣсь покою не имѣю; маленькія двѣ комнаты здѣсь должны были помѣстить то, на что врядъ ли достала бы и сцена самаго большого театра, ибо въ одно и тоже время представлять трагедію, комедію, оперу и балетъ и все дебютировать съ толикими геніями какъ здѣсь. Ни одинъ изъ актеровъ не въ состояніи выдержать такихъ монологовъ: не найдешь ни мѣста, ни сцены, чтобы дать всему свободный ходъ.

Едва лишь утро начинаетъ прогонять мракъ ночи, какъ сцена уже начинается первымъ дѣйствіемъ: бѣдная хозяйка, не спавшая цѣлую ночь, тащитъ на столъ два кувшина кофію и двѣ бутылки водки. Едва лишь продрали глаза герои наши, какъ слово *шнапсъ* раздается громкимъ крикомъ; встаютъ, и вотъ начало кутерьмы: тутъ иной, не мывшись нѣсколько дней, Арей безъ штановъ и сапоговъ, летитъ къ столу и водкой перегорѣлую уже отъ пьянства глотку вновь наполняетъ; другой, нѣжнаго воспитанія представляя изъ себя, спѣшитъ къ кувшинамъ кофія не опоздать: самъ дома по праздникамъ лишь сбитень пилъ, а здѣсь бранитъ хозяйку нещадно, что кофій дуренъ. Наконецъ все пробудилось, встало, и поднялся дымъ коромысломъ; тутъ каждый на свой обычай колобродитъ. Благодарю Провидѣніе, что позволило мнѣ еще имѣть мѣсто, куда приходилъ набирать свѣжаго воздуха; безъ этого, кажется, гнилая бы горячка постигла меня въ сей юдоли.

Полковой командиръ сего полка, Иванъ Алексѣевичъ Силинъ, человѣкъ слишкомъ добрый, хочетъ добрымъ словомъ исправить сихъ безпутниковъ, которыхъ бичъ только въ состояніи вывести на прямую дорогу. Они предаются постыднѣйшему, самому подлому пороку; ни на одномъ нѣтъ приличной одежды, всѣ растрепаны, въ заплатахъ, безъ сапогъ даже. Вотъ каково общество офицеровъ, каковы благородные сыны отечества! Кто скажетъ, чтобы это были слуги отечества, а не Бахуса? Какъ сожалѣлъ я, что не рожденъ быть стихотворцемъ: здѣсь бы представилось множество оригиналовъ и славному Мольеру для комедій, и Буало для сатиръ.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1814 годъ [1]).

Москва, 9-го Генваря 1814.

Увѣреніе въ дружбѣ вещь лишняя, глупая; желаній не дѣлаю на этотъ годъ, ибо со дня моего рожденія привыкъ тебя любить наровнѣ съ собою, а можетъ и болѣе. Да будетъ благодать Божья съ тобою, любезный братъ! Утѣшай насъ письмами твоими. Яко Русскаго, поздравляю тебя съ истекшимъ годомъ; да будетъ нынѣшній еще славнѣе прошлаго! Государь затмилъ славу всѣхъ государей. Нѣкоторые изъ нихъ прославились великодушною защитою союзниковъ своихъ въ трудныхъ обстоятельствахъ; но Государю, видно, опредѣлено Небомъ спасти самихъ даже непріятелей своихъ, зажигателей Москвы, злодѣевъ всего міра. Quel rôle! Voilà ce que je dis à Zakrefsky et vous répète. Il est beau d'être Russe! Графъ[2]) славную шутку подпустилъ вчера. Онъ говоритъ: бывало, чихнетъ кто нибудь отъ Гишпанскаго табаку, такъ поклонюсь; а теперь какъ чихнетъ кто отъ Русскаго, такъ надобно въ ноги поклониться. Я получилъ письма твои № 40 изъ Карлсруэ, № 41 и № 42 изъ Фрейбурга. Приложенныя доставилъ, то-есть отдалъ Марицѣ[3]), которую мучилъ вчера, но не могъ увѣрить, что горы такъ высоки въ Швейцаріи, что нельзя курьерамъ проѣзжать и что une fois en Suisse, point de lettres de Constantin. Nous lui avons beaucoup parlé avec Natalie sur la nécessité de prendre patience. Elle est très raisonable là-dessus, mais quelque fois, sans le vouloir, on la démonte en lui disant qu'il serait tems que vous reveniez etc. N'écoutez personne, mon cher, pas même Maritza, et croyez à votre meilleur ami. Restez où vous êtes aussi longtems que l'Empereur y sera. Travaillez: ce que vous faites pour vous, vous le faites aussi pour votre future femme, pous vos enfants. Je vous déclare que si vous revenez, je ne veux pas vous voir. C'est si vrai que je le dis à toute la famille de Varlam

---

[1]) См. выше, стр. 208.

[2]) Т. е. графъ Ростопчинъ. П. Б.

[3]) Т. е. невѣстѣ К. Я. Булгакова, Марьѣ Константиновнѣ Варламъ.

Библиотека "Руниверс"

et a Maritza elle-même. Ils n'ont rien à objecter à un frère qui vous aime par-dessus tout. Maritza est si jeune qu'elle peut attendre; elle ne pourra qu'acquérir en attendant, et puis les affaires du vieillard s'arrangeront, c'est à dire qu'il vendra au moins pour l'équivalent des 200/m. p. qui vous reviennent. Je leur parle de cela souvent, et le papa a écrit en Valachie que cela se fasse. Il est très bon, mais il faut que quelqu'un monte toujours sur lui et le force à faire même ce qu'il désire lui-même.

Que de souvenirs, je m'imagine, en écoutant les Deux Journées à Carlsruhe! Je juge par moi-même. On a donné cet opéra l'autre Dimanche (car je vous pris de croire que nous avons déjà un théâtre et charmant, celui de Pozniakoff, ce brave homme entretient tout de sa poche et de l'argent qu'on rassemble et pour les pauvres et les invalides de Leipsik, всѣ крѣпостные его и славно играють и поють). Eh bien donc, je n'ai pas retenu mes larmes à l'air de Mikhelli; j'ai pensé à Vienne, à vous surtout, et j'ai dit avec le brave Mikhelli, en pensant à mon Constantin: Himmel, schütze seine Schritte!!

Les carricatures sont drôles. Quatre Anglais (il en pleut depuis quelque tems), venus pour voir Moscou brûlée, se sont pâmés de rire. Эти чудаки были въ маскарадѣ вчера, toujours chez le même g-l major Позняковъ et toujours en faveur des invalides (деритесь болѣе, смѣлѣе!). Вообрази, что они въ башмакахъ, въ вице-мундирѣ изъ Собранія*), которое также возстановлено, сѣли въ кибитку и поскакали въ Петербургъ, потому что уже все было уложено камердинеромъ. Oh, disaient-ils, nous coucherons à Twer, et là nous mettrons nos habits de voyage. Эки чудаки! Лазили на Ивана Великаго. Cela leur a plu plus que tout.

Votre lettre à Milachewicz lui a été envoyée hier; il m'a écrit dernièrement pour me prier de lui trouver pour sa fille une gouvernante française. (Каковъ!) Je n'ai pu dans ma réponse ne pas lui témoigner mon étonnement (indignation serait le mot propre). Dieu, Seigneur, quand chasseras Tu de la Russie ces serpens! Leur haine est d'autant plus terrible qu'elle couve. Avec toute notre gloire notre intérieur pourrira, si on ne chasse tous ces gueux.

Je vous embrasse de toute ma tendresse, aussi tendrement que j'ai embrassé Maritza, quand elle m'a donné la nouvelle de votre nouvelle croix de Bavière. Cela me rend heureux, heureux au possible! Le roi

---

*) Т. е. изъ Благороднаго Собранія, съ Большой Дмитровки.

Библиотека "Руниверс"

de Bavière est un grand prince; je dis cela comme madame Sevigné le disait de Louis XIV après que ce roi magnifique venait de danser avec elle. Que voulez vous? Le monde est comme cela, égoïste, vaniteux pour les autres, quand il ne l'est pas pour lui-même; or, je vous avoue (pour parler comme Loghinoff) que vous êtes mon idole.

*

Москва, 15-го Генваря 1814.

J'ai parlé au comte au sujet de la place en question pour vous *). Il serait enchanté de vous y voir; car, quoique vous connaissant peu, je vous assure qu'il vous aime beaucoup. Il y a eu tant de refus essuyé, qu'à présent sa recommandation ne ferait rien. Le comte parut étonné que vous consentiez à quitter votre poste actuel; car il prétend qu'il vous menera loin. Je dis que ce n'était qu'une подготовочка pour la paix. До этого не такъ близко, a-t-il répondu. «Vous sentez que si je quittais mon poste actuel avant la paix, une présentation de ma part d'un homme hors de service n'aurait pas le même poids. Au reste, si je devais me retirer, vous le saurez, et alors nous prendrons nos mesures et nous pourrons faire la chose de manière que vous soyez l'aide du directeur; car celui qui l'est maintenant s'en irait sûrement, si on donnait à un autre la place qu'il brigue lui-même avidement. Vous voudriez mieux, peut-être, servir avec votre frère; car moi je veux que l'Empereur vous prenne auprès de lui, et j'arrengerai cela quand je verrai S. M. moi-même. Je lui demanderai alors la clef aussi, car par correspondance je ne crois pas que cela se fasse. Je n'ai pas insisté sur cela, mais j'aurai à coeur la place pour vous. Ni vous, ni moi nous ne perdrons pas cela de vue et n'en parlons à qui que ce soit». Благодарю тебя, что думаешь о выгодахъ моихъ.

Вчера былъ я съ Наташею у Саковниныхъ, какъ вдругъ ординарецъ отъ графа. (Спасибо этимъ добрымъ скакунамъ; гдѣ бы я ни былъ, вездѣ меня отыщутъ, когда дѣло идетъ обрадовать меня письмомъ отъ тебя). La vue de gros paquet m'a extrêmement réjoui. Тотчасъ поскакалъ къ Марицѣ, тамъ снятъ конвертъ и найденъ № 43 отъ 19—31 Декабря; тамъ обрадована была милая моя сестричка. Nous avons été tous au bal masqué publique. Maritza tenait toujours d'une main son mouchoir et de l'autre votre lettre. J'ai eu beau lui dire qu'elle l'a perdrait. Ba! disait-elle, voyez donc comme je la tiens fort. C'est une bien bonne enfant, mais son extrême sensibilité lui donne souvent des

*) Мѣсто почтдиректора въ Москвѣ, которое К. Я. Булгаковъ и получилъ и которое черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ занялъ Александръ Яковлевичъ.

Библиотека "Руниверс"

chagrins imaginaires, il suffit que je ne l'embrasse pas, ne la regarde pas de la même manière: elle croit que je l'ai cessé d'aimer, elle est triste! Et peut-on toujours être disposé de la même manière?

Ну, братъ, 1000 ф. стоитъ Баварскаго креста, ежели не лучше. Я обрадовался этому безъ ума. Нечего тебя учить беречь деньги. Умно сдѣлалъ, что отдалъ на сбереженіе Нессельроду. Point d'argent, point de tentations. La cousine a ouvert de grandes yeux. 1000!!! mais savez vous que c'est 12000? Oui, je le sais; mais aussi il travaille comme un chien.—Il me semblait que les yeux de Чижикъ se promenaient avec envie sur cet or.

Vous verrez sûrement le bon Longhinoff, qui accompagne S. M. [1]) Dites lui bien du choses amicales de ma part, je vous prie.

*

Москва, 22-го Генваря 1814.

Куда-то вы теперь забрались? Ежели будешь въ замкѣ какого либо маршала, пожалуй возьми какой нибудь портретъ, хоть стѣнной, Наполеона или другого Фафули, и мнѣ привези. Прибьемъ у себя, какъ souvenir. Ты будешь говорить, ты самъ его взялъ, вотъ тамъ-то во Франціи. Cela nous payera le portrait de grand-papa, que ces maudits Фафули ont brûlé dans la maison de ma tante.

*

Москва, 19-го Генваря 1814.

Посѣтилъ я сегодня пріятеля своего, издателя Русскаго Вѣстника Глинку, познакомился у него съ братьями его Өедоромъ и Григорьемъ Николаевичами, служащими при Милорадовичѣ и отправляющимися сегодня же къ вамъ. Нѣкоторые пакеты были у насъ приготовлены для куріера графа Михаила Богдановича [2]), коего отправляемъ къ вамъ обратно; но я счелъ лучше все отдать г-мъ Глинкамъ для врученія тебѣ, любезный братъ, а для того куріера приготовимъ новую экспедицію. Je vous recommande beaucoup ces messieurs. C'est une race d'honnêtes gens que tous ces Glinca et patriotes enragés. Aimez les et faites leur du bien, si vous le pouvez. Братъ ихъ посылаетъ тебѣ третью книжку своего Вѣстника. Она вся посвящена памяти нашего отца. Vous lirez cela avec attendrissement. Je vous avais envoyé un exemplaire par Golembofsky, mais Dieu sait ce qu'il est devenu. Cela commence à m'inquiéter. Son apparition vous eût fait tant de plaisir par tout ce qu'il vous apportait de nous. Cela me fâche beaucoup. Всѣ

---

[1]) Н. М. Лонгиновъ—секретарь императрицы Елисаветы Алексѣевны.

[2]) Т. е. для курьера, пріѣзжавшаго въ Москву отъ графа Барклая-де-Толли.

Библиотека "Руниверс"

мы, слава Богу, здоровы и смотримъ на васъ выпуча глаза, ожидаемъ необычайныя происшествія; только Боже сохрани отъ мира съ Бонапартомъ.

Увы, не стало Каменскаго [1]). Почтенный этотъ старикъ умеръ какъ святой; послѣднее слово было, причастясь и благословивъ дѣтей: «Теперь я готовъ. Господи, прими душу мою». Тутъ и умеръ. Умеръ такъ какъ жилъ. Cette mort a affecté toute la ville.

Одна изъ посылокъ—для Григорія Александровича Корсакова, коего тебѣ очень рекомендуетъ мать его Марья Ивановна [2]).

*

Москва, 31-го Генваря 1814.

Не довольствуясь тѣмъ письмомъ, которое уже имѣютъ отъ меня къ тебѣ, любезнѣйшій братъ, братья почтеннаго издателя Русскаго Вѣстника, они хотятъ еще особенную рекомендацію. На что? Ты, право, ихъ полюбишь безъ того. Добрые, честные ребята. Храбры, изранены и обожаютъ свое отечество. Младшій Ѳедоръ Николаевичъ ведетъ очень любопытный журналъ всему происходящему съ арміею и съ нимъ самимъ; онъ адъютантомъ при Милорадовичѣ. Старшій *Григорій*, истинный солдатъ, имѣлъ много происшествій несчастныхъ, былъ солдатомъ и дослужился до настоящаго чина грудью, подъ Смоленскомъ сильно раненъ. Вчера было пиршество: прощальный ужинъ въ Русскомъ трактирѣ. Des toasts sans fin. Наконецъ «Ѳедоръ, взявъ рюмку и ставъ на стулъ (ибо малъ ростомъ), сказалъ: «Мы пьемъ за память Якова Ивановича Булгакова; а такъ какъ онъ умомъ своимъ отразилъ войну съ Турками, и кровь Русская отъ того сбереглась, то надобно пить краснымъ виномъ за Булгакова». Потомъ пили анаѳему Наполеону. On but à la gloire de la Russie et de la nation. On fit entrer un мужикъ de la rue auquel on baisa les bottes, les mains; et enfin, c'était un entousiasme patriotique que je ne puis vous décrire. Я съ Ѳедоромъ побратался, промѣнялся крестами Аннинскими.

*

Москва, 9-го Февраля 1814.

Je suis fâché qu'on ait transféré Vandamme à Wiatka. Je me f sais un cruel plaisir d'aller le voir souvent, pour lui annoncer les progrés de nos armes et les embarras de son cher maître. J'attends avec

---

[1]) Николая Николаевича Бантыша-Каменскаго. Подъ его управленіемъ процвѣталъ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

[2]) Урожденная Паумова, собиравшая въ теченіи многихъ лѣтъ лучшее Московское общество въ домѣ своемъ у Страстного монастыря (нынѣ Седьмая Гимназія).

Библиотека "Руниверс"

une grande impatience la brochure de Svinyine. Bon Dieu! Svinyine auteur! Il a été à Messine dans ma chancellerie, et je me rappelle que je devais tout copier moi-même, car ce n'était que fautes et ratures quand on le fesait copier quelque chose. Tatistcheff lui disait souvent: ah, mon cher, je doute fort que vous ayez jamais le portefeuille de chancelier de Russie, au moins pas de mon vivant. Пришли же, братъ, его книжку; да забылъ ты книгу Стальши sur la litterature allemande.

Maritza m'a annoncé que vous avez reçu encore l'ordre de la Fidélité de Bade. Je l'ai bien tendrement embrassé pour cela. Elle dit que cet ordre est le plus joli de touts et que le duc devait être un charmant homme. On ne concevait rien à cela, mais quand je lui dit aha! c'est que Constantin a reçu l'ordre de vous être toujours fidèle, elle sauta d'une archine et devient plus rouge que Brigonzi qui se grillait sans pitié à côté de la cheminée. Je vous prie, monsieur, de me dire comment sont faits tous ces ordres, et puis n'oubliez pas un jour de vous affubler de tous ceux, que vous avez, de faire comme cela, faire portrait et de l'envoyer à la sposa promessa. Ces ordres seront de souvenirs fort doux pour toute votre vie. J'ai fait une grande bêtise, quand à Cagliari le roi de Sardaigne me fit demander par Lisakewitz ce qu'il pourrait faire d'agréable pour moi, de ne pas avoir demandé le S-t Lazarre et puis de n'avoir pas profité des offres de la reine de Naples, quand le marquis de Circello pour le traité de 1805 me proposa l'ordre de S-t Constantin. Je devais le faire pour le nom seul. Si par un hasard extraordinaire vous voyez la reine quelque part, peut-être, pourriez-vous arranger cela. Il se pourrait que je vous envoye une lettre pour s. m.; а королева вѣрно тотчасъ это сдѣлаетъ, особливо ежели бы дѣла ея взяли счастливый оборотъ.

Я увѣренъ былъ, что Руской Вѣстникъ тебѣ будетъ по сердцу. Je vous demande en retour quelque chose de Paris, par exemple quelque chose de portrait ou gravure pris dans le château du Thuilleries. J'espère que le pont d'Austerlitz sera à bas, qu'on le sciera en petits morceaux pour en faire des tabatières avec des inscriptions analogues. Je voudrais, mon cher, avoir les portraits de tous les maréchaux de France; j'en ornerai toute une chambre dans ma petite terre, en mettant au-dessus de chaqu'un de ces messieurs le général Russe qui l'a battu. Я надѣюсь, что ты накупишь много любопытныхъ книгъ, особенно до Рускихъ касающихся и которыхъ привозъ сюда былъ бы запрещенъ. N'oubliez de me rappeler au souvenir de Pozzo. Natalie vous charge de la même chose de sa part aussi.

Библиотека "Руниверс"

Переславъ письмо Закревскаго къ его батюшкѣ, предложилъ я быть посредникомъ въ перепискѣ ихъ; вотъ письмо отъ старика которое прошу отдать Арсенію Андреевичу.

*

Москва, 20-го Февраля 1814.

Département de la Moskwa. Arrondissement Communal de Kouznetzky Most. Oura! Vivat! mon cher ami. Je ne puis vous exprimer la joye que j'ai éprouvé en lisant votre lettre de Bar-sur-Aube du 21 Janvier, qui nous annonce la déconfiture du petit mauvais sujet à Brienne; c'est donc la, où il a reçu sa première leçon qu'on lui a donné aussi la dernière. Elle a éte bonne. Спѣси поубавили. J'ai su la nouvelle par vous quelques heures avant le comte même, qui reçut bientôt après une estafette de Pétersbourg. Je regarde, je lis, je montre votre lettre à timbre français, comme un abbé aux Studj à Naples montre le broullon original de la Jérusalem Délivré de Tasse. Cette pièce précieuse jouira un grand rôle dans mes papiers; c'est la Francia liberata que vous nous annoncez.

Je vous remercie beaucoup pour les brochures; il y a une Kurze und wahrhafte Erzählung von Napoleon's Auschlägen etc. qui est très intéressante; on y parle de Moscou et beaucoup de comte. Il est doux de voir comme on lui rend justice même dans l'étranger; il est sûr que sans cet homme il y aurait une révolte à Moscou; il jouira un grand rôle dans l'histoire. Je vous conjure au nom du ciel de m'envoyer de Paris aussi toute sorte de brochures, imprimées, anecdotes. Чтеніе этихъ бездѣлицъ, пища моя, и у меня преславная коллекція переплетена въ пяти большихъ томахъ. Comment avez vous pu croire que je ne reçois pas le Conservateur [1]): c'est un journal si intéressant et si bien écrit.

*

Москва, 26 Февраля 1814.

Вчера сидѣлъ съ Марицею, которая по старой привычкѣ горевала, что нѣтъ писемъ отъ тебя; спрашиваетъ: quand arrive la poste? Demain! Вмѣсто того пошелъ я къ графу, чтобы у него дождаться ея прибытія. Сидимъ, болтаемъ, вдругъ дежурный офицеръ несетъ кучу писемъ: Петербургская почта, забилось сердце и не понапрасну. Калининъ [2]) посылаетъ графу два пакета отъ тебя и оба, comme de raison, для меня отъ любезнаго брата. Ну ужъ обрадовалъ ты меня! Vos let-

---

[1]) Этотъ Conservateur Imparlial издавался въ Петербургѣ аббатомъ Мангеномъ, который воспиталъ С. С. Уварова, тогдашняго попечителя Петербургскаго учебнаго округа.

[2]) Петербургскій почтдиректоръ, начавшій свою службу въ почтовомъ вѣдомствѣ, когда оно, при Павлѣ, находилось подъ начальствомъ графа Ростопчина.

Библиотека "Руниверс"

tres sont du 26 Janvier du Bar-sur-Seine et du 28 de Troyes. Le comte a ri de votre rapprochement de la nouvelle Troyes avec l'ancienne et des réflexions que cela vous a suggéré! Comme j'ai fait l'expérience qu'on a beau donner à Marie deux - trois lettres de vous à la fois ou une, il faut que quelques jours après une nouvelle lettre se présente sans quoi elle est triste; je lui ai donc remis votre lettre de Bar et dans deux ou trois jours je lui remettrai celle de Troyes. Le prince Troyen Metaxa a donné sa haute approbation à cette mesure. Nous sommes étonné de l'indifférence avec laquelle il a appris la prise de sa capitale. C'est une plaisanterie de Popoff que l'Exhohotate n'a pas goûté *). Самъ ты Еней, lui dit-il; у насъ въ Санкарлѣ въ Неаполѣ представлялъ Енея безм... Велути; я же не Троянинъ, а Грекъ и скорѣе Ахилесъ, Улисъ нежели Еней. Vous pouvez vous imaginer l'embarras de Popoff, qui n'est ni grand géographe, ni célèbre historien. Il ne savait comment se tirer d'affaire, lorsque, d'après la louable habitude que vous lui connaissez, il se mit à éternuer, à nous faire sauter la cervelle. Cette scène nous a beaucoup amusé. Quand les deux champions se rencontrent, c'est à qui dira plus tôt: что братъ Еней! Troye est le sujet inépuisable de nos conversations maintenant. Il y a assaut d'esprit; le siège est dirigé par le Magno-Greco Metaxa. Popoff est le souffre-douleur comme de raison; cependant aujourd'hui il a eu le bon esprit de faire paraître la reine de Cartage sur la scene et dit en persifflant: да вы смѣйтесь, а Дидона-то моя. Autre écueil: Metaxa lui prouve que les deux individus ne peuvent être ni amant, ni ennemi, car ils ne sont pas contemporains dans l'histoire. Хорошо, пой себѣ тамъ что хочешь. *Контимпораны.* Мало видалъ я балетовъ и оперъ, гдѣ Дидона съ Енеемъ, ну да Виргиліева-та Енеида на изнанку! Развѣ ты, ученой человѣкъ, не читалъ?

Il y a des gueux qui se plaisent à répandre de nouvelles allarmantes: tantôt c'est Blucher qui est tué, tantôt on est repoussé de Paris. Les gens sensés se moquent de cela, mais les trembleurs craignent. Le comte redouble de vigilance. On pris hier une Фафуля, qui a dit qu'on n'a invité les Bourbons à Paris que pour les guillotiner tous le même jour et mettre fin à leur prétentions etc. C'est une dame de haut parage, elle entretenait une pension de demoiselles (jolie éducation!). Le compte l'a fait venir chez lui, lui a dit qu'il fallait être folle pour tenir de propos pareils, il ordonna en conséquence à Ивашкинъ de lui faire raser la tête et de la mettre pour un mois dans la maison des fous. Jugez de l'étonnement et de la rage de cette Фафуля. Теперь

*) Не понимаемъ, почему это прозвище дано г-ну Метаксѣ.

Библиотека "Руниверс"

хвостъ поджали всѣ эти шельмы. Vous pouvez communiquer cette anecdote à l'ami des Фафули Michaud. То-то обрадуется освобожденію Піемонта, а я безъ ума радъ за добраго короля, котораго видѣлъ въ Кальяри возвращаясь изъ Сициліи. Два раза у него былъ. Какъ онъ меня обласкалъ! L'adversité et les malheurs qui on suivi partout tous ces rois fera d'eux des véritables pères de leurs peuples. J'attends avec une vive impatience la lettre de l'excellent Pozzo. Elle sera probablement datée de Paris [1]). Que n'aurais-je pas donné pour jaser avec lui une petite heure. Beaucoup de choses qu'il m'avait prédites en 1808 sont arrivés et arrivent. On dit ici que la femme du grand boucher de chaire humaine est allé à Orleans faire la Jeanne d'Arc. A propos, en écrivant l'autre jour au comte Czernicheff [2]) j'ai fait le mauvais calembourg que voici: Napoleon est *1*, grand scélérat, il n'y en a pas *2* dans le monde, et quoiqu'il se soit mis en *4* pour faire de Moscou *3*, cette ville est cependant à *9*; les efforts du petit Corse seront fait en *20*, et il finira par être *O*. Si vous en trouvez une occasion, dites cela avec mes respects au généralissime de calembouristes Ал. Львовичъ Нарышкинъ.

*

Москва, 23-го Марта 1814.

Papa a loué à Petrofsky une très jolie maison de campagne pour 7 mois; il ne paye que 2000. Il y a de quoi nous loger tous, et le comte sera tout près, ce qui m'arrange beaucoup. Le comte est parfaitement disposé à vous voir dans le poste occuppé. Il voudrait être sûr que sa demande sera agrée, et alors il vous demanderait. Entre nous soit dit, il croit que ce misérable K [3]). a parti qui le ferait revenir sur l'eau aussitôt seulement que le comte pourrait quitter son poste actuel. Il se fonde à le croire, par ce qu'on a toujours éludé de nommer un successeur à K., quoique le maréchal Soltykoff ait vivement sollicité pour le ad-interim qui est à presént là-bas et dont on n'est guères content. Il y a un grand désordre dans toute cette partie, et le comte le voit de très mauvais oeil, car il est fils d'un martiniste enragé et martiniste lui-même; or, le comte abhorre tout ce qui est secte et mystérieux, il ne fait aucune différence des illuminés, jacobins et martinistes; or, comme cette légion est très nombreuse et que le comte l'attaque de front, vous pouvez vous imaginer tout ce qu'il a d'ennemis.

---

[1]) Въ „Р. Архивѣ“ напечатано письмо знаменитаго Поццо-ди-Борго къ А. Я. Булгакову изъ Парижа 1814 года.

[2]) Графу Григорію Ивановичу, отцу декабриста.

[3]) Т. е. сосланный графомъ Ростопчинымъ въ Воронежъ Московскій почтдиректоръ Ключаревъ. Исполнять его должность поручили (ad-interim) Руничу.

Библиотека "Руниверс"

Посылаю тебѣ карикатурки на Наполеона, изъ коихъ двѣ особенно мнѣ полюбились. Покажи ихъ Закревскому. Ma collection augmente, j'en ai plus de 130. J'ai fait la connaissance du prince Jean Bariatinsky [1]), qui est charmant, lui et sa femme; elle accouche dans ce mois. Je dîne très souvent chez eux, la table est exquise. Il vient de me prêter deux № de l'Ambigu que je lis avec une avidité et un plaisir digne d'un ci-devant diplomate.

*

Москва, 29-го Марта 1814.

Христосъ воскресе! Прошлый праздникъ были мы вмѣстѣ, любезный братъ, теперь должно довольствоваться письмами. Какъ быть? Не много, кажется, остается намъ потерпѣть. Дѣла идутъ быстро, происшествія столь скоропостижны и неожиданны, что нельзя, ручаться чтобы разлука наша не прекратилась и даже очень скоро. Убѣжденный самъ этою сладостною мыслію, я и Марицу утѣшаю.

Благодарю за № 56 и за брошюрки, кои покуривая трубку читаю съ восхищеніемъ. Le portrait d'un grand homme est d'une bizarre imagination. On va la imprimer ici sur un exemplaire envoyé de Berlin, mais qui n'est pas aussi bien fait que le vôtre. Il y a un grand brouhaha en ville au sujet de deux grandes victoires remportées par Blûcher le 28 Février et 1 Mars. Cette nouvelle est venue par estafette de Stutgard à Pétersbourg. De vous nous ne la saurons que plus tard. J'ai fait une farce hier avec Yanko [2]). Je lui ai remis une lettre soi-disante de vous, cachetée, où vous lui dites qu'à Pâques vous demanderez à l'Empereur de faire Yanko votre aide-de-camp, que vous le chargez de compliments pour toute la famille, mais qu'étant très occuppé vous n'écrivez qu'à lui seul etc. Il fallait voir sa joye! D'abord il ne voulait pas décacheter la lettre pour ne pas gâter le cachet, et puis dit-il, quand Bulhakow reviendra de l'armée, alors il me lira la lettre lui-meme. A force de prière de la mère, il décacheta la lettre. Marie fit la triste que vous ne lui écrivez pas, et Yanko de la consoler en disant: quand il vous écrivait à vous et à moi pas, je ne disais rien; eh bien, à présent prenez patience aussi; d'ailleurs B. me charge de vous faire ses compliments. Mais c'est Костаки qu'il regarde surtout avec un dédain et une fierté très prononcée. Yanko a demandé à aller aux качели et quand on lui a demandé pourquoi, il a dit que c'était pour montrer à tout le monde votre lettre.

*

---

[1]) Князь Иванъ Ивановичъ, отецъ фельдмаршала нашихъ дней.

[2]) Янко, Костаки и др.—домочадцы боярa Варлама.

Библиотека "Руниверс"

Москва, 6-го Апрѣля 1814.

Вчера шатался по качелямъ пѣшкомъ. Время прекрасное стоитъ во всю Святую недѣлю. Со мною былъ Иванъ Савельичъ въ шитомъ кафтанѣ съ разными шутовскими украшеніями; я заставилъ его дурачиться и плясать на балконѣ съ паяцомъ. Vous savez comme il est connu dans toute la ville; vous pouvez donc vous imaginer, combien cela a amusé tout le monde. Волковъ былъ верхомъ и надсѣлся смѣявшись.

О Веллингтоновой побѣдѣ никто здѣсь не зналъ. On parle beaucoup de la mort de jeune comte Strogonoff. A Pétersbourg on ne sait comment annoncer ce malheur à la comtesse*), qui est déjà très malade pour avoir appris tout d'un coup la mort de l'architecte Воронихинъ. Cette mort prématurée (quoique d'après la saine logique il n'y ait pas de mort prématurée à l'armée) a réveillé l'inquiétude de toutes les mèes d'autant plus qu'on parle de beaucoup de généraux blessés. On nomme notre bon Worontzow. Vous savez comme on exagére volontiers outes les nouvelles, il y a des figures allongées. Au lieu de perdre mon temps à les consoler, je les assure que les Français, comme nous aussi, avaient des canons et des fusils et qu'ils ne tiraient pas sur nous avec des pommes cuites, mais avec des boulets et des balles. On dit pour la quatrième fois, que nous avons occuppé Paris et quoique nous ne soyons pas à Londres, il y a des paris sans fin pour telle ou telle date. Les carricatures que vous m'envoyez sont fort drôles. Ici il en paraît aussi continuellement.

Chez le prince Bariatinsky il vient un fier original, c'est Tonci, que vous connaissez, je crois. C'est un homme fou des systèmes, il en défend un qui doit prouver qu'il n'y a rien dans ce monde. Le comte lui frit l'autre jour l'épitaphe suivante:

Ci gît un fou, homme de génie,
Qui passa toute sa vie
A prouver fort bien
Que tout n'est rien.

Ужъ коли пустился на стихи, такъ вотъ тебѣ еще весьма удачные, кои будутъ помѣщены въ щиту на концертѣ послѣ завтра.

Гдѣ Александровъ мечъ сверкнулъ,
Воскресъ народъ, спаслась держава;

*) Это была бабка убитаго подъ Краономъ молодаго графа Александра Павловича Строганова, графиня Екатерина Петровна, урожд. княжна Трубецкая. См. о ней въ Воспоминаніяхъ К. К. Павловой въ „Р. Архивѣ“ 1875, III, 222.

Библиотека "Руниверс"

Ступилъ, и славы лучъ блеснулъ.
Вездѣ съ нимъ вѣкъ пребудетъ слава.

*

Москва, 12-го Апрѣля 1814.

Мы полагаемъ, что разбитіе Мармонта и Макдональдовыхъ сикурсовъ откроетъ арміи путь въ Парижъ и что тамъ злодѣй объявится отрѣшенымъ отъ престола, а всякій ему преданный бунтовщикомъ и разбойникомъ. Такая мѣра заставила бы всѣхъ бросить его, особливо когда будетъ провозглашенъ его преемникъ, а безъ этого не вижу и въ занятіи Парижа ничего завиднаго. Наши на этой недѣлѣ хотятъ переѣхатъ на дачу, которую наняли въ двухъ верстахъ отъ Тверской заставы, куда и я думаю переѣхать, ежели Наташа рѣшится скоро ѣхать въ подмосковную, куда буду ѣздить только урывками, покуда графъ не поѣдетъ къ водамъ; тогда и я пущусь въ подмосковную.

*

Москва, 16-го Апрѣля 1814.

Ура! ура! Еще офиціальнаго отъ васъ нѣтъ ничего о взятіи Парижа; но эстафета, прибывшая въ Петербургъ изъ Кенигсберга, извѣстила о вступленіи Государя и Прусскаго короля 19/31 Марта въ сію столицу злочестія. Графа извѣстилъ о семъ Вязмитиновъ куріеромъ. Москва въ восхищеніи. Во Вторникъ былъ я свидѣтелемъ зрѣлища, которое никогда не забуду. Купцы, мужики всѣ сбѣжались въ домъ графской, пробились до его кабинета, требуя его видѣть. Будучи нездоровъ, онъ не одѣвался; но какая болѣзнь можетъ противустоять такой радости? Графъ надѣлъ сюртукъ мундирный, вышелъ въ залу, поздравлялъ, цѣловался со всѣми, велѣлъ подать вина, пилъ со всѣми, здоровье Государя и арміи нашей и Прусской. Крики ура! и да здравствуетъ отецъ нашъ, Государь Императоръ, произнесенные тремя стами, можетъ быть, человѣками, бывшими въ залѣ, такое представляли зрѣлище, что, право, нельзя было не плакать. Одни выходили, другіе входили на смѣну, дворъ и улица были наполнены людьми. Сіи изъявленія радости продолжались часа два, всѣ цѣловались какъ въ свѣтлое Христово Воскресенье. Графъ очень былъ тронутъ. Что̀ всего лучше, ребята, говорилъ онъ, что все обошлось тихо въ Парижѣ, безъ капли крови, никого изъ жителей не обидѣли.—«Что̀ говорить, возразилъ купецъ одинъ: вѣдь мы, батюшка, в. с., христіане; они вошли (Фафули) только сюда какъ варвары!» А эти шельмы Французы разъѣзжаютъ уже и здѣсь съ бѣлыми кокардами. Экіе пострѣлы! Куда вѣтеръ, туда и они. Пожалуй, любезный братъ, обнявъ за меня и поздравя Закрев-

Библиотека "Руниверс"

скаго, сообщи ему и молодому Ростопчину то, что̀ тебѣ пишу о радости Московскихъ жителей. Пришли мнѣ письмо отъ послѣдняго къ отцу его. Engagez le à écrire plus souvent. Dans l'instant le prince Bariatinsky m'annonçe que sa femme vient s'accoucher d'une fille. Vous pouvez le dire au comte Tolstoy [1]).

*

Москва, 20-го Апрѣля 1814.

Ты не можешь описать своего восторга отъ всего того, что̀ видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ, вступая въ Парижъ съ Государемъ; а я не могу тебѣ пересказать, съ какимъ восхищеніемъ читалъ я твои два письма № 59 и 60, оба изъ Парижа писанныя. Спасибо тебѣ сто разъ, любезнѣйшій братъ, что въ столь сладкія для души твоей минуты ты меня не забылъ и удѣляешь мнѣ твоего благополучія столь большую часть. Я переношу себя въ Парижъ, я тамъ съ тобою вижу толпу превозносящую до небесъ Избавителя вселенной, вижу народъ цѣлующій твою лошадь! Ну, братъ, велѣлъ Богъ дожить намъ до сихъ временъ почти баснословныхъ. Я со вчерашняго дня заперся дома и читаю, перечитываю, учу наизусть твои письма и всѣ бумаги, которыя ты мнѣ доставилъ. Назвать ихъ любопытными, право, мало; не нахожу и выраженія, а умоляю тебя ради Бога продолжать присылку журналовъ Парижскихъ. Это можетъ и тебя избавить отъ лишняго писанія, а ты долженъ быть чрезмѣрно занятъ. Какъ ты счастливъ, любезный братъ, быть свидѣтелемъ, да даже и участникомъ во всемъ томъ, что̀ происходитъ. Quand je songe à la gloire de l'Empereur, il me semble que c'est trop pour un mortel; mais en songeant à tout ce que notre Empereur a fait pour l'Europe, pour l'univers, par sa fermeté, sa sagesse, son courage, je trouve que Dieu ne lui accorde que ce qu'il mérite. Ici on est comme fou, on s'embrasse dans les rues. Les jours de 23, 24 et 25 sont fixés pour célébrer ici la prise de Paris. Le comte fait les frais du premier jour, la noblesse du second et les marchands du troisième. Entre nous, on est triste ici, qu'un courrier n'a pas été envoyé directement à Moscou [2]). Wassilieff, le maître de police, qui a été envoyé de Pétersbourg avec la nouvelle, aura un cadeau de près de 15000; mais je vous assure, que si quelqu'un fut envoyé ici de Paris directement, la ville lui aurait donné 100000. Tâchez d'arriver avec la nouvelle de la déconfiture mortelle du Corse, qu'on vous envoye directement à Moscou. Вся Москва отличится. Nous avons fait un dîné très gay chez le jeune Wéliacheff. Basile Pouchkine a improvisé de vers

---

[1]) За графомъ Н. А. Толстымъ, обергофмаршаломъ Государя, была родная сестра князя И. И. Барятинскаго.

[2]) Отъ А. П. Ермолова слышали мы, что когда Государю подали бумагу о сдачѣ Парижа, первыя его слова были: „Ну что̀ теперь про меня скажетъ Москва?“ Но тогдашній представитель Москвы, графъ Ростопчинъ, былъ Александру Павловичу ненавистенъ.
П. Б.

Библиотека "Руниверс"

charmants, je l'ai prié de les transcrire, il vient de me les envoyer, les voici telles que je les ai reçu de lui. Je suis sûr que cela plaira à Paris*).

Pansez le jeune comte R. Son père est très fâché contre lui, et il a fallu beaucoup faire pour que le comte se fâche, lui, qui est si indulgent. J'écris au comte Serge. Пожалуй попроси Закревскаго его пожурить и доставь мнѣ отъ него письмо къ отцу. У меня была дня съ три лихорадка, но извѣстія ваши меня поставили опять молодцомъ. Il n'y a pas de maladie qui puisse tenir contre des nouvelles comme cela.

*

Москва, 27 Апрѣля 1814.

Графъ сдѣлалъ фортуну всѣхъ тѣхъ офицеровъ, которыхъ посылалъ въ губерніи куріерами съ извѣстіемъ о взятіи Парижа. Тому, который посыланъ былъ въ Орелъ, подарено 3400 деньгами и три золотыя табакерки. Всѣ въ восторгѣ. Здѣсь три дня съ ряду праздновали. Славныя были иллюминаціи. Транспаранъ и иллюминація графскаго дома стоили 15000. Во многихъ мѣстахъ были пресмѣшныя картины. Извѣстный старикъ Дризенъ написалъ изъ Нѣмецкаго усердія Государя попирающаго Наполеона въ видѣ чорта, съ надписью: и съ чертомъ сладилъ! Но народу не понравилось видѣть чорта возлѣ Ангела нашего; мужикъ подошелъ и вырѣзалъ вонъ чорта Наполеошку, оставя только Государя. Avant-hier les marchands ont donné une superbe fête à la ville. Les dames firent une conspiration et toutes s'y rendirent en costume national. C'était charmant. Дамъ съ десять были только одѣты по-французки, отъ стыда уѣхали тотчасъ домой. Je n'ai pas engagé Marie à y aller; il est vrai que la maman ne se porte pas trop bien. Намедни Д. Н. Сенявинъ обѣдалъ у меня; я его ознакомилъ съ К. Д. и Марицею, которыхъ онъ очень полюбилъ. Jugez, que les généraux français, qui sont à Orel, ne croyent pas à la prise de Paris; ils ont dit au courrier du comte: Bah! les Russes prendront plustôt la lune avec les dents que Paris.

*

Москва, 30-го Апрѣля 1814.

Toute l'Europe enchaînée est conduite à Moscou en 1812, dix-huit mois après la Russie délivre tous ses ennemis du joug de l'ennemi commun, tous entrent à Paris, dédaignent toute vengeance, deviennent des libérateurs, tandis que le chef devient seul l'ennemi de tous et des siens surtout. Mais laissons là ce sujet inépuisable. Il ne règne plus le monstre, mais c'est peu. Sieyés disait de Louis XVI: la mort sans phrase! Que dire donc de ce maudit Corse? Mais laissons dans notre Empereur

*) Стихи не сохранились при письмѣ.

Библиотека "Руниверс"

agir la Providence. Depuis trois ans il prouve qu'il fait ce qu'il y a de mieux à faire, il veut que Bonaparte vive; donc il faut qu'il vive et qu'il dévore sa rage impuissante dans l'île d'Elbe (où j'ai passé deux tristes semaines, cependant la situation du Porto-Ferrajo est très jolie). Moscou a célebré avec la plus grande ivresse pendant quatre jours la prise de Paris. Первый день было молебствіе въ соборѣ съ пальбою и колѣнопреклоненіемъ. Вотъ тебѣ и славная рѣчь говоренная Августиномъ. У графа былъ обѣдъ. Въ вечеру весь городъ (и въ слѣдующіе дни) былъ иллюминованъ, у графа горѣлъ щитъ съ изображеніемъ Парижа нами занимаемаго. Cela a coûté 15000; были разныя надписи какъ то: Слава держитъ вензель Государя и трубитъ *міру миръ*! и пр. На другой день балъ въ дворянскомъ собраніи, на третій купцы дали славный праздникъ; всѣ дамы были въ Русскихъ національныхъ платьяхъ, кромѣ того сыграли они 25 свадьбъ бѣдныхъ дѣвицъ, всякой дано 250 приданаго. На четвертой Позняковъ давалъ маскарадъ отборному дворянству и купечеству и пр. Васильеву, Петербургскому полицмейстеру, привезшему радостное извѣстіе, поднесли купцы 500, дворянство табакерку въ 4000, а графъ другую въ 5000. Le Sénat s'est assemblé hier extraordinairement pour délibérer sur l'envoi des députés à l'Empereur avec des félicitations. Поздравь отъ меня милаго Закревскаго; ежели успѣю, буду писать сегодня самъ. Графу отдалъ его письмо, а Сергѣй Өедоровичъ все не пишетъ къ отцу.

*

Москва, 7-го Маія 1814.

Je vous envoye, mon cher, un nouveau plan de Moscou brûlé, que j'ai fait faire pour mon livre avec Bonaparte en diable. C'est une chose qui sera curieuse pour Paris. Tout ce qui est noir a été brûlé, mais ce plan ne vaudrait plus rien à présent, car il y a tout-au-plus 2000 maisons, qui ne sont pas encore rebâties. Vous ne reconnaîtrez pas Moscou. Le comte est dans la joye: Zakrefsky lui écrit, que son fils va venir à Moscou. A Pétersbourg il y a de grandes délibérations pour la réception à faire à l'Empereur à son retour. Le titre de Благословенный, qu'on le suppliera d'agréer, ne me satisfait pas du tout. Несравненный, единственный, вдохновенный, Европейскій vallaient mieux. Au reste comment donner un titre propre à celui qui s'est mis au-dessus de tout éloge ou hommage! Il fallait tout bonnement le nommer Alexandre le Grand: ce mot comprend tout. Il a été prodigué à plusieurs souverains, mais Alexandre a fait disparaître la gloire de tous ceux, qui ont accepté le titre de Grand. Здѣсь было много преній. Купцы согласны со мнѣніемъ графа увѣковѣчить дѣянія нашего Государя построеніемъ на Москвѣ рѣкѣ трехъ каменныхъ мостовъ въ четыре милліона; одинъ

Библиотека "Руниверс"

будетъ названъ Парижскимъ, другой Александровскимъ, а третій Бурбонской. Дворянство построитъ большую больницу для дворовыхъ людей. Скажи это Закревскому, ежели не успѣю ему написать.

*

Москва, 14-го Маія 1814.

Графиня Строгонова старая просила меня узнать, живъ ли и что дѣлаетъ *Ладомирской*, кажется Семеновскій адъютантъ Потемкина. Справься и увѣдомь меня. Наши за худою погодою еще не переѣхали на дачу. Явился Матюша Муромцовъ, такой же живчикъ какъ и прежде. Антоніо сходитъ съ ума, сочиняетъ оду на наши побѣды, и все ему кажется, что не довольно сильно: ci voul un poco di Metastasio, un poco di Tasso ed un poco di Dante, dit-il, et moi j'ajoute un poco di tutti basta che non vi sia niente di voi, et il se fâche. Puis je lui dis pour le fâcher encore plus: qu'il y a trop d'injures contre Bonaparte et que la censure ne permettra pas l'impression.

*

Москва, 21-го Маія 1814.

21-ое Маія! Довольно вспомнить число это, чтобы знать, что̀ происходитъ въ душѣ моей. Кидаюсь въ твои объятія, любезный братъ, поздравляя тебя съ симъ вожделѣннымъ днемъ. Мы его празднуемъ всѣ у старика, который вчера переѣхалъ на дачу свою; тамъ будемъ обѣдать и пить здоровье нѣкоторой *полярной звѣзды*, которая видно *блудящая*, ибо теперь находится въ Парижѣ. Ну ужъ радуешь ты меня, утѣшаешь, веселишь; я право, какъ ребенокъ, коего задариваютъ ежедневно игрушками. Что за письма, что за газеты, что за брошюрки! Какъ все это исправно, скоро доходитъ! Какъ ты часто пишешь! Право не знаю какъ, чѣмъ тебѣ воздать, любезный братъ. При всѣхъ твоихъ великихъ занятіяхъ, ты меня до того довелъ, что я насилу могу успѣть тебѣ отвѣчать.

*

Москва, 28 Маія 1814.

Jamais je n'ai vu pousser un cri comme celui de l'autre jour par m-lle votre promise. J'arrive là, le jour de la promenade de Всѣхсвятское, qui est à un quart de verste de là bas, première question comme de raison: avez vous de lettres de Constantin? Non! On insiste. Toujours non! Enfin, Marie prend son parti et se résigne pour le jour de poste suivante. Elle propose à m-me Aslambegoff (dont le mari est un marin, bon garçon et ami de l'amiral Seniawine) d'aller faire un tour. On descend l'escalier, et moi je monte au troisièmme étage, et delà du balcon je lance votre lettre. Marie voit tomber quelque chose du ciel. Grand étonnement; mais quand elle vit tomber à ses pieds un paquet avec

Библиотека "Руниверс"

les mots: à ma chère Marie, c'est alors qu'elle pousse le fameux cri, qui retentit dans tous les bois des environs. Elle n'a pas dîné de plaisir. Обрадовалась очень чистому воздуху, вдругъ отъ него и чистаго гулянья у ней щека распухла; я ее потеръ твоимъ письмомъ, и опухоль уменьшилась. Je lui ai écrit hier en lui promettant encore pour aujourd'hui une certaine médecine de l'apothicairerie de Paris.

Karamzine a fait des vers superbes sur les événements de l'Europe, on les imprime. Vous les aurez tout de suite. Je l'ai entendu hier les lire au comte.

*

Москва, 8-го Іюня 1814.

Наконецъ пріѣхали Растопчинъ *) и Броминъ, столь давно ожидаемые. Всѣ пристали на дачѣ у графа ко мнѣ, чтобы я распечаталъ твои пакеты, но я былъ непоколебимъ: растаскали бы газеты и брошюрки. И такъ я отправился домой, гдѣ расположилъ на большомъ столѣ и началъ распечатывать. Je vous prie de beaucoup remercier de ma part l'aimable m-r Lamsdorff pour la chaîne. Quel travail! Qui croirait que c'est avec ce même fer qu'on fait des verroux, les balles, qui nous tuent comme des mouches.

Avec quelle prodigieuse célérité se sont succédés tous ces changements inconcevables. L'Empereur a donné le vol à une nation qui depuis 10 ans mettait sa gloire à ramper et à vaincre. Не думаю, братъ, чтобы все тобою видѣнное обратило почтеніе твое къ поганымъ Фафулямъ, коихъ нельзя не призирать. Гадко слушать ихъ теперь и читать. Что за народъ! Цѣлая Франція, заглушая совѣсть, казнитъ добраго короля, а теперь пустое слово союзнаго генерала обезоруживаетъ праведное негодованіе и ярость народа къ истинному убійцѣ и варвару Франціи. Поди пойми ихъ! Я въ сокрушеніи, что не предалъ смерти Бонапарте.

Embrassez pour moi bien tendrement l'excellent Worontzow; on l'avait dit tué à l'affaire de Craon, je crois. Les gens de sa maison d'ici viennent chez moi avec l'intendant et avaient des figures éffareés, me demandant avec douleur si c'est vrai, que le jeune comte avait eu le bras emporté et qu'il était mort de l'amputation. Toute la ville en effet l'avait dit. Jugez de mon bonheur de pouvoir rassurer ces braves gens. Je venais justement de recevoir votre lettre où vous me dites: je viens d'embrasser Worontzow, qui a reçu, le 20, S-t Georges. Je leur montre la

---

*) Т. е. графъ Сергѣй Ѳедоровичъ, старшій сынъ графа Ѳедора Васильевича.

Библиотека "Руниверс"

lettre, leur traduit le passage; c'étaient des signes de croix, des larmes de joye. Je vous prie de dire cela au jeune héros: de choses comme cela sont faites pour un coeur comme le sien. J'ai donné les gazettes doubles au comte Chernicheff, qui est venu passer quelque temps avec moi; c'est comme si je lui avais donné 100000. Le vieux князь Өедоръ Сергѣевичъ Барятинской vient de mourir d'un coup d'apopléxie; il est fort peu regretté et ne le mérite pas, à dire vrai. Aujourd'hui on enterre le vieux Waloueff, qui a hâté sa mort par un usage immodéré des liqueurs fortes. Cet homme ne sera regretté que par ses subalternes qu'il affublait chaque année de recompenses uniquement par orgueil et pour montrer son crédit à la cour; or, on sait comment il obtenait ce qu'il voulait.

*

Москва, 9-го Іюля 1814.

У насъ, кажется, закладъ съ тобою, любезный братъ, у кого будетъ больше чего? У тебя крестовъ, или у меня дѣтей! Богъ обрадовалъ меня дочерью, нареченною подъ пару Костюшѣ—Ольгою. Она родилась 1-го числа сего мѣсяца.—Je m'obstine à croire qu'il y a une lettre de vous perdue, car nous n'avons pas depuis votre première de Londres du 11 juin n. s. On assure ici que c'est vous, qui travaillez avec l'Empereur, le comte Nesselrode était resté à Paris, chargé par S. M. d'une mission de quelques jours. Si c'est ainsi, je bénis votre silence; qu'il se prolonge même, pourvu que le bon Dieu vous conserve bienportant. Vous voyez que je suis très raisonnable ou plutôt que ma tendresse pour vous a le pas sur tout dans ce monde.

Chez nous et à Pétérsbourg il n'est question que de l'époque du retour de l'Empereur; il y a des paris que S. M. sera pour le 22 Juillet de retour; il faut manquer de sens commun pour soutenir cela. D'ailleurs, moi, pour mon compte, je suis persuadé que l'Empereur lui-même ne saurait indiquer au juste l'époque de son retour; les affaires et les événements politiques y entrent pour beaucoup.

*

Москва, 15-го Іюня 1814.

Le comte part dans deux jours pour les eaux, et sera absent 4 ou 5 semaines; сдѣлаюсь вольнымъ козакомъ, чаще буду со своими. Сегодня ѣдетъ въ Петербургъ Дм. Ник. Сенявинъ, который всякой разъ даетъ мнѣ препорученіе обнять за него Костюшку. Какой добрый человѣкъ! Говорятъ, что великій князь прибылъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о мирѣ, которой невеликую производитъ радость; давно ужъ этого ждутъ, никто не предвидѣлъ затрудненій къ заключенію онаго, а всѣ смутны, видя Бонапарта не токмо живымъ, но и самодержавнымъ на Эльбѣ.

Библиотека "Руниверс"

Никто не внемлетъ разсудку, а всякой предается токмо чувству ненависти и мщенія къ сему разбойнику. Не умеръ ли онъ, когда приведенъ въ невозможность дѣлать зло?

*

Москва, 17-го Іюня 1814.

Графъ былъ извѣщенъ изъ Петербурга, что изъ Парижа отправленъ сюда куріеръ съ извѣстіемъ о заключеніи мира, но онъ не являлся. Для всеобщаго свѣдѣнія и изъ предосторожности объявлено было полиціею, что, какъ скоро прибудетъ въ городъ куріеръ, всѣ жители извѣстятся о семъ пушечными выстрѣлами; ты можешь себѣ представить, любезный братъ, какъ у меня вчера сердце забилось, какъ услышалъ пальбу. Двѣ радости для меня... какъ двѣ? три! Миръ, письмо отъ тебя и приближеніе твоего возвращенія!! Ce n'est pas peu de chose. Хотѣлъ тотчасъ скакать къ графу, которой живетъ на дачѣ; коляска еще не запряжена, является ко мнѣ ординарецъ графской съ большими пакетами отъ тебя, привезенными Васильчиковымъ. Графъ велѣлъ мнѣ быть къ себѣ на другой день рано, и такъ цѣлый вечеръ могъ я заняться чтеніемъ твоего милаго письма № 79-й 2-го Іюня и газетами, въ коихъ нашелъ и трактатъ in extenso.

Ce matin à 6 heures j'étais chez le comte; il dormait, je me promène dans le jardin; je vois un homme fort grand qui vient à moi la pipe dans la bouche,—c'était l'envoyé de notre ange!.. Je le voyais presque pour la première fois, mais faire sa connaissance fut l'affaire d'un instant. Quel modestie dans ce héros, avec quelle bonté il a satisfait à toutes mes questions. Nous avons causé jusqu'au réveil du comte. Vous sentez bien qu'il a été beaucoup questions de vous. W. m'a dit qu'il était fort étonné de ne pas voir Zakrefsky parti de Paris pour Moscou avant lui. То-то ужъ замучаю вопросами; съ этимъ церемонится не стану.

Vous m'annoncez que vous allez à Londres; j'en suis fou de joye et je l'ai désire de tout mon coeur. Voilà encore un pays unique sous tous les rapports, que vous verrez, le pays de la perfection presque dans tous les objets. Encore tout frais et imbu de Paris, vous pouvez faire la comparaison, si toutes fois il y en à faire entre des reptiles et des hommes. Il ne faut pas un esprit très trascendant pour deviner où je classe m-s les Фафули. Eh bien, le monde va donc respirer; plus des massacres, et on ne levera les mains désormais (comme je l'ai dit dans la préface de mon livre) que pour bénir l'ange, instrument de Dieu. Quel rôle, et quelle gloire pour la Russie! Ah, si l'Empereur pouvait voir toutes les larmes que cette paix fait répandre!

*

Библиотека "Руниверс"

Москва, 1-го Іюля 1814.

Enfin le prince de Valachie va payer l'argent de la poste et, si je ne me trompe, 81/т. r. ont déjà été délivrés à Kiriko, qui dit les garder à votre disposition à vous; au reste, vous saurez tout cela directement de Kiriko. En général on leur*) parle très favorablement de toutes leurs affaires.

Le papa était tombé malade, ou du mauvais temps et le froid qu'il fait jusqu'à présent et puis, comme vous dites fort bien, de l'ennui; car il n'a pas de whist. Au reste comment aller à la campagne les voir par un temps, comme celui-ci; même moi j'ai été des trois jours sans voir les nôtres, ni même le comte qui est de chez eux à un quart de werstes. Le vieillard se plaint quelquefois de Moscou, mais c'est qu'il a été extrêmement gâté à Bucharest, où sa maison était une foire. Dieu me garde de former la moindre prétention, mais il ne voit pas que, depuis qu'il est ici, j'ai abandonné avec ma femme toutes mes connaissances pour me livrer à eux sans réserve: nous étions là tous les jours, que Dieu donne, c'était un crime de manquer un jour, tandis que nous les avons vu chez nous depuis votre départ peut-être une douzaine de fois.

*

Москва, 22-го Іюня 1814.

Mein gnädigster Herr baron von Bulhakow! Or, savez vous ou ne savez vous pas, ou bien Carbonier n'aura-t-il fait voir midi à quatorze heures, mais il m'assure que la croix de commandeur de Léopold donne le titre de baron. J'ai oublié de vous féliciter dans la lettre qui répondait à l'expédition, apportée par Wassiltchikoff, c'est ce fameux traité qui à moi diplomate rouillé m'a ôté pour toute une journée la tête. C'est surtout la hâte que le comte y a mise qui m'a dérouté. Venez donc que je vous embrasse, mon cher ami, en vous félicitant avec la croix, mais nullement avec le titre de baron. Il est beaucoup plus glorieux d'être paysan Russe que baron, duc ou prince de quel pays que ce soit. J'ai aussi une joye à vous annoncer: j'ai reçu votre lettre par Zakrefsky, qui est arrivé deux jours après Wassiltchikoff. J'entre dans le cabinet du comte, j'y trouve celui-ci, et puis quel est mon étonnement: notre bon Zakrefsky aussi. Je lui saute au cou. Le comte me dit: попеняйте, что такъ опоздалъ. Я отвѣчалъ графу, что это въ порядкѣ вещей и что пѣхотному генералу нельзя такъ скоро поспѣвать, какъ кавалерійскому. Книгу Стальши я далъ читать князю И. И. Барятинскому. Съ жилетами сдѣлалъ я шарлатанство, сшилъ здѣсь и сказалъ, что ты ихъ такъ и прислалъ мнѣ; всѣ требуютъ дать на фасонъ и

*) Т. е. Варламу и его семьѣ. Кирико — ихъ повѣренный по обширнымъ имѣніямъ въ Валахіи.

Библиотека "Руниверс"

увѣряютъ, что видна Парижская работа, tandis que c'est un méchant tailleur qui a fait cela самоучкою, peut-être. L'étoffe n'est pas belle, l'idée est bonne, mais les lys devraient être blancs sur un frac de couleur. Вчера надѣвалъ я одинъ, а сегодня другой надѣну. Vous voyez donc que Zakrefsky m'a tout exactement remis; en outre il m'a donné sur vous des détails, qui m'enchantent. Mad. la baronne (c'est ainsi que j'appelle Marie à présent) est aussi toute joyeuse que vous alliez à Londres.

M-r Arsénieff, chef de la noblesse, présenta à Wassiltchikoff au nom de tout le corps de la noblesse d'ici une boite garnie en diamants de la valeur de 10 à 12000; au milieu se trouvent les mots: *вѣстнику мира Россіею въ Парижѣ подписаннаго 18 Мая 1814* et autour les mots отъ *Московскаго дворянства*; dans le dédans de la boite sont gravés les mots: *господину г.-адъютанту Ларіону Васильевичу Васильчикову.* Après cela le prévôt des marchands présenta au nom de tout son corps 2500 ducats en or sur un plat d'argent doré avec l'inscription autour: «Усерднѣйшее приношеніе вѣстнику вожделѣннѣйшаго мира заключеннаго 18 Мая 1814 года въ Парижѣ, его и. в—ва генер.-адъютанту Л. В. Васильчикову отъ Московскаго купечества». Au milieu du plat était gravé le chiffre de m-r Wassiltchikoff. Le comte donne à son beau-frère les deux plus beaux chevaux de son haras. J'attends Zakrefsky, avec lequel nous allons courir à pied.

*

Москва, 27-го Іюля 1814.

Съ прибытія Государя въ Петербургъ я пересталъ тебѣ писать, любезнѣйшій братъ, полагая, что ты явишься скоро за Императоромъ. Марица держится твоего предписанія не переставать писать, покуда не дашь намъ сигнала шабаша. Это разсудительно. Но куда же адресовать письма? А ихъ у меня два для тебя отъ Марицы. Гдѣ ты находишься? Ѣдешь ли сюда или въ Петербургъ? Мнѣ кажется, что ты воротишься въ Россію съ гр. Нессельродомъ, который еще не бывалъ, а ожидается въ Петербургъ; и такъ посылаю это письмо къ Тургеневу: онъ у Гурьевыхъ [1]) узнаетъ, что̀ съ нимъ дѣлать. Я въ безпрестанномъ волненіи: мнѣ кажется, что ты вдругъ падешь какъ снѣгъ на голову.

Ежели бы могъ я предвидѣть, что ты въ Петербургѣ будешь, я бы непремѣнно поѣхалъ съ графомъ[2]), который ѣдетъ туда послѣ завтра на

[1]) Графъ К. В. Нессельроде женился на Марьѣ Дмитріевнѣ Гурьевой, отецъ которой завѣдывалъ удѣлами, а мать была Салтыкова.

[2]) Ростопчинымъ.

Библиотека "Руниверс"

короткое время. Слышу что Кон. Дм.[1]) нанялъ домъ въ Петербургѣ; сожалѣть буду, для себя и для его кармана, ежели туда переселится; авось либо твое прибытіе и перемѣнить это все. Ce projet doit peut-être sa naissance aux choses superbes qu'écrivent les Wakaresko[2]), qui ne parlent que du Peterhoff, de fêtes etc. Я живу рядомъ съ графомъ Растопчинымъ, въ домѣ Соловова, почти противъ католической церкви, въ каменномъ красномъ небѣленомъ домѣ.

*

Москва, 30-го Іюля 1814.

Какъ изобразить мнѣ тебѣ радость свою при полученіи милаго, безцѣннаго твоего письма изъ Петербурга! Вообрази, что, не смотря на всѣ мои предосторожности, отъ письма твоего одного сдѣлалось Марицѣ дурно: чуть не упала. Слава Богу, все кончено, и теперь она опять становится, какъ розанъ. Явясь къ графу, по обыкновенію поутру, былъ обрадованъ другимъ твоимъ письмомъ изъ Митавы, которое почиталъ потеряннымъ. Стану отвѣчать по порядку; второе письмо изъ Лондона видно потеряно; ежели пропало въ Великобританскихъ владѣніяхъ, то прощаю [3]), такъ и быть, въ пользу табакерки, которую тебѣ подарили, съ чѣмъ душевно тебя поздравляю; однакожъ желаю, чтобы ты къ табаку не пріучился.

Le comte est parti hier pour Pétersbourg. J'ai un moment désiré de l'accompagner, mais puis j'ai craint de vous manquer de quelque manière et de nous disperser de cette manière tous tant que nous sommes. Tous les détails, que vous me donnez sur nos amis de Pétersbourg me font le plus grand plaisir. Les respectables Alexéjeff! Je m'imagine leur joie et la vôtre, ce bon Tourguénef qui jusqu'à présent a le talent de ne pas se gâter. Vous ne pouvez pas manquer les Warlams, qui sont absolument sur votre route: не доѣзжая Петровской дворецъ, налѣво хорошенькой домикъ съ тремя статуями на фасадѣ. Je suis étonné que la poste d'hier ne nous ait rien apportée; apparement que vous n'êtes pas encore retourné de Peterhoff. Je ne puis vous dire combien il m'est été doux de faire la connaissance de ce digne comte de Nesselrode; il ne s'en souciera pas beaucoup, mais je vous prie de lui dire que je lui porte l'attachement le plus tendre et surtout une reconnaissance que rien ne saurait jamais diminuer: je lui dois un sentiment pour toutes les bontés, qu'il a eues et qu'il continue à avoir pour vous. Гриша m'avait

---

[1]) Варламъ.

[2]) Семейство знатныхъ Валаховъ. Оно совмѣстничало съ Варламами въ роскоши и боярской важности.

[3]) Одно слово не разобрать. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

beaucoup parlé de lui, et ici le p-ce Nicolas G. le porte j'usqu'aux nues. Nous aurons tout prêt ici pour la nôce*). Сегодня кровать притащится на дачу, твои покойчики очень милы.

C'est terrible qu'il faut que je galoppe maintenant chez le g-l, je ne sais comment, qui était ambassadeur d'Anglettere en Perse. Le comte est absent, le grand-maître de police est une bête; оборвется на мнѣ и Волковѣ, et c'est un homme, qui a rendu de très grands services à la Russie de ce côté-là. C'est Wolkoff qui nous quitte. Quelle peine cela me fait! Жалка будетъ наша Москва; неужели этому доброму служителю государеву за 9 лѣтъ полицмейстерства не дадутъ мѣсто комендантское здѣсь, которое онъ такъ желаетъ! Графъ повезъ съ собою его просьбу въ отставку. Sous de certains rapports j'envie son sort et voudrais être dégagé du service en dépit de tout ce qu'on me dit. Je suis tout fier et tout heureux de tous vos succés; je fais la mouche et me place sur votre char.

*

Москва, 1-го Августа 1814.

Ici on ne parle que de la fête de Peterhoff, mais nous n'avons pas la déscription détaillée. Je désire beaucoup que vous voyez le comte à Pétersbourg; pour cela aussi je voudrais que votre départ fût retardé de quelques jours. Lui-même est parti avec un vif désir de vous voir. Je vous répète, mon cher, ce que je vous ai dit déjà, qu'il désire beaucoup vous voir à la place en question, mais qu'il croit toujours que l'illustre exilé ne la perdra pas, que son parti lui conservera ce poste et qu'importe au comte le refus, cela ne regarde que nous autres, pourvu qu'il demande. Ce qui me fait envie que la supposition du comte n'est pas fondée, c'est que l'Empereur avait promis cette place à Ozéroff; or, comme celui est gouverneur de Twer, vous n'avez pas du concurrent dangereux ou puissant. Ah! Si cela pouvait s'arranger, ce serait, charmant, agréable, commode et lucratif.

Конечно Богъ не оставляетъ многочисленныя семейства, однакожъ король, дама, самъ-шостъ! Это не бездѣлица. Ну! Богъ милостивъ. Je me console de l'idée qu'au dire de s-r G. Usley, qui vient de la Perse, le roi de Perse a 53 fils et 112 filles; quoique ce cochon d'autocrate aye 500 femmes, elles ne valent pas toutes le bout du nez de la mienne, et son nez n'est pas ce qu'il y a de plus merveilleux dans le monde.

*

*) Свадьба эта состоялась въ Москвѣ, откуда К. Я. Булгаковъ вскорѣ долженъ былъ уѣхать на Вѣнскій конгрессъ, гдѣ состоялъ при графѣ Нессельроде.

Библиотека "Руниверс"

Москва, 30-го Августа 1814.

Жаль, любезный братъ, что не пробылъ ты у насъ еще полдня: ты поѣхалъ въ безпокойствіи быть въ Вѣну позже Государя, съ пришедшею же часа съ два послѣ твоего отъѣзда почтою узнали мы, что Императоръ отправляется въ Вѣну 5-го числа. Эта мысль тебя бы успокоивала дорогою, и ты могъ бы не такъ торопиться. Сегодня ѣду въ Петровское обѣдать. Наши завтра или послѣ завтра переѣзжаютъ въ новый домъ, тутъ будемъ видаться гораздо чаще. Янко объявляетъ всѣмъ, что онъ замѣняетъ у Марицы твое мѣсто и, увидя шляпу твою, что̀ ты далъ славному Метаксѣ, сказалъ матери съ сердцемъ: какъ вы глупы, что вы тоскуете, Булгаковъ здѣсь: развѣ вы не видите его шляпу, вотъ она, и что̀ ему тамъ дѣлать? Развѣ вы не знаете, что всѣ Фр. перебиты? Le petit prétend que partout, où vous avez été assis, ça sent les духи, et il reniffle de toutes ses forces.

У меня что-то предчувствіе, что ты забѣжалъ къ Волкову изъ Перхушкова, желая очень его видѣть; онъ ожидается сегодня изъ деревни. 100 р. отдалъ людямъ Варламовымъ, а дабы не было ссоръ, то расписалъ сколько всякому дать, и всѣ довольны. Тетушка тебя обнимаетъ и въ большихъ хлопотахъ: да скажи, мой батюшка, въ большихъ-то хлопотахъ не забылъ ли К. Я. взять мою просьбу; нѣтъ, воля твоя, я пошлю къ Мар. Кон. спросить. Увѣрилъ ее. Что же? Другая бѣда: боюсь, такъ ли подписала я, бѣлы очень чернила, ну, какъ не прочтетъ Государь, вѣдь не разберетъ, такъ и просьба къ чорту пойдетъ.

Сейчасъ входитъ Волковъ. Пришла почта; молодой графъ ему сказывалъ въ соборѣ, что отецъ уволенъ отъ званія главнокомандующаго въ Москвѣ, и велѣно ему быть при особѣ Государя. Voilà un événement qui dérange mes petites affaires. Le successeur du comte n'est pas connu. Sa nomination réglera ma conduite et ma destinée. On croit généralement que c'est Balacheff; alors tant mieux pour Wolkoff et pour moi et pour Moscou.

*

Москва, 7-го Сентября 1814.

Чрезмѣрно обрадовалъ ты насъ, любезнѣйшій братъ, двумя твоими письмами изъ Смоленска и изъ Орши; сегодня по моему расчету долженъ быть ты въ Вѣнѣ.

Le comte est placé au Conseil, et Tormasoff lui succède ici. J'attends, pour m'orienter un peu, ce que le comte m'écrira; je resterai à ma place jusqu'à votre retour. Quand votre sort sera décidé, je m'occupperai

Библиотека "Руниверс"

du mien aussi. Je serai très étonné si le comte n'a rien fait pour moi; il m'avait cependant promis de très belles choses. C'était mon sort toujours de ne rien avoir de ceux qui m'aimaient le plus. Nous avons ici à la place de Waloueff le p-ce Yousoupoff. A la place de Dmitrieff c'est Trotschinsky, ce qui est excellent pour tout le monde et pour nous aussi. Le comte Pierre Razoumowsky grand, chambellan, Kotchoubey, Gourieff, Balachoff, Schichkoff 1-r S-t Wladimir, le maréchal Soltikoff prince, Wiasmitinoff cordon bleu. Au grand-maréchal 50000, une bague à portrait. Les cocardes de S-te Catherine aux femmes des aides-de-camp généraux, p-ce Wolkonsky, Balachoff, Wasiltchikoff, Koutousoff et p-sse Dmitry Galitzine. La comtesse Barklay-dame d'honneur. A Araktchejeff, sur son refus du cordon bleu, le portrait. Il s'est avisé de garder le portrait et de renvoyer les diamants à l'Empereur; je trouve très sots ceux qui admirent ce qui n'est qu'excés d'orgueil et de vanité et insolence. Il est à supposer qu'Ar. fera un cadre de papier maché au portrait et le portera ainsi. Je ne vous parle pas des autres grâces, vous devez savoir tout cela. Voici une lettre du pauvre diable Ogiefsky. Si vous pouvez, aidez le; vous vous rappellez qu'il est sorti de la pépinière de Constantinople de papa. Le pauvre Wolkoff est au désespoir. Le comte lui a joué un mauvais tour, en ne présentant pas à l'Empereur la pétition pour son congé, il est résolu de ne plus mettre le pied à la police et va se dire malade. Il a écrit à Balachoff, qui l'aime beaucoup, pour être absolument congédié; il prie celui-ci de le faire nommer g-l-major и считаться по арміи, alors il attendra un an, deux, jusqu'à ce que quelque bonne place se présente. Sur Tormasoff il n'y a qu'une voix. Добрый, кроткій, честный человѣкъ, mais aussi rien que cela. Toutefois, si ce n'est pas superbe pour la ville, c'est excellent pour les subalternes. J'ai appris à Marie votre marche de Paris, et elle l'a joue plus souvent que Métaxa sa fameuse symphonie. Le bon Kalinine a été fait conseiller privé.

*

Москва, 10-го Сентября 1814.

Il paraît que le comte n'a pas eu un grand succés à Pétersbourg, car il a quitté le service sans rien faire pour ses subalternes; au reste il peut dire: on n'a rien fait pour moi. Il est placé au Conseil, mais ceci ne peut pas être envisagé comme une recompense, это родъ вышней герольдіи. Goudowitch dans le temps fut presque renvoyé, et il obtint cependant le portrait. Mais tout cela ne m'intéresse pas autant que vous. Il paraît d'après la teneur du manifeste de 30 qui pardonne tous les coupables de certaines fautes, que K. reviendra ici à son poste, si toutesfois un homme flétri peut-être révêtu de la place qui lui a été ôtée avec tant

Библиотека "Руниверс"

d'éclat. Est-ce que vous ne tâcheriez pas de vous faire nommer adjoint du comte Nesselrode, s'il garde le portefeuille ou membre du collége; en attendant je serai à épier ici. Le comte arrive dans dix jours, je verrai ce qu'il me dira et vous en écrirai, quoique je n'espère plus rien par son intervention. Il a gâté les affaires du pauvre Wolkoff en ne présentant pas sa pétition въ отставку; s'il ne veut pas rester dans cette maudite police, moi je le conjure d'attendre m-r Balachoff, qui vient ici dans deux ou trois jours, car son idée est de se dire malade aussitôt que Tormasoff arrivera.

Сегодня маленькая вечеринка у нашихъ: два стола будутъ. Quel luxe! Все тѣ же прежніе вистовщики. К. Д. хочетъ взять Четвергъ дома сидѣть, ибо всѣ протчіе дни онъ въ Аглинскомъ клубѣ.

Je vois par les gazettes que le roi de Sardaigne se rend lui-même à Vienne; tant mieux: vous pourrez plus efficacement arranger l'affaire de la croix et me mettre aux pieds de S. M, si vous lui étiez présenté, et alors rappellez au roi mon sejour à Cagliari et à Gaëte avec Tatischeff. A propos, le comte Worontzow m'a fait cadeau il y a trois ans des oeuvres du p. de Ligne; cela ne va que jusqu'au 15-me tome inclusivement, c'est à dire les oeuvres melés (et pas les militaires); si le p-ce a continué de barbouiller et s'il y a des volumes après le 15-me, apportez moi cela, quand vous reviendrez.

*

Москва, 22-го Сентября 1814.

Il n'y a plus de doutes que nous vous reverrons vers la fin de Novembre, car l'Empereur a dit à m-r Tormasoff, qu'il viendra à Moscou au mois de Décembre*). Le comte nous a quitté sans rien faire pour moi. Il paraît comme je vous l'ai déja écrit, que mon sort est d'avoir de mes chefs leur confiance, leur amitié et rien que cela. C'est très bien, mais peu lucratif; que faire? Peut-être que celui dont je n'aurai pas le bonheur de mériter l'amitié intime sera celui qui me fera le plus de bien. Tout le monde me fait l'éloge du nouveau chef et m'engage à rester auprès de lui; je me détermine donc à rester chez Tormasoff jusqu'à votre retour, d'autant plus qu'il ne serait pas plaisant pour moi de perdre 1500 et les avantages de quartier. Le comte, qui ne me laisse pas manquer de lettres d'amitié, m'écrit dans la dernière: M-r Tormasoff est un homme de bien qui vous connaît pour ce que vous êtes, il dépend de vous de rester auprès de lui etc. Le comte arrive ici dans deux jours, et T. dans trois. Cette circonstance sera utile pour mes petites affaires. Le comte n'ayant pas présenté la démission de Wolkoff,

*) Государь посѣтилъ Москву лишь въ Августѣ 1816 года.

Библиотека "Руниверс"

celui-ci se croit forcé de rester à son poste jusqu'au retour de l'Empereur. Quand S. M. sera ici, nous espérons que Balachoff fera quelque chose de bon pour notre ami.

Au Archives nous avons un nouveau chef. C'est Malinofsky, qui en outre a reçu le 3-me Wladimir, dont la croix lui pend jusqu'au ventre.

*

Москва, 24 Сентября 1814.

Третьяго дня Аф. Дм. лежала въ постели нездорова, и я, обѣдавши тамъ, ея не видалъ; въ вечеру прихожу, нахожу, что и у Марицы голова перевязана уксусомъ, а пришелъ я отдать письмо твое изъ Коцка и Люблина. Сидѣли мы съ часъ, болтали на постели у Аф. Дм. Я спорю съ Марицею, что всѣ ея болѣзни въ воображеніи, потому что всѣ вылѣчиваются твоими письмами. Oh! dit-elle, j'ai très mal à la tête, mais surement si je recevais une lettre de Constantin, je jetterai le mouchoir et tout ce vinaigre au diable; mais il faut attendre et n'y a pas longtemps qu'il nous a écrit de Brest-L. Sur sela je tire votre lettre de ma poche; en effet le mouchoir se trouve tout de suite par terre, et Marie se portait à merveille. Nous étions tous fort gais, car on venait de m'apporter aussi une lettre de la campagne, où tout le monde se porte bien. Nous nous réjouissons de vous savoir le 3 à Lublin, tandis que le 7 l'Empereur n'était qu'à Slonim; vous avez donc au moins 4 jours devant vous.

Вообрази себѣ наше приключеніе. Ложимся спать въ деревнѣ, слышимъ слезы. N. говоритъ, что Ольга, я ей пеняю, что не знаетъ голосу своихъ дѣтей. Только вдругъ входитъ Алена съ ребенкомъ, котораго подкинули къ намъ въ садъ подъ окошки дома. Nous avons donc pris cette petite créature avant tout par humanité et puis par spéculation, car on dit que cela porte bonheur; je crois au reste qu'il en est ainsi de toutes les bonnes actions. La petite a été baptisée sous le nom de Наталья Александровна Находкина.

On m'assure que dans le duché de Warsowie et en Prusse on donne 100 de nos papiers pour 6 ducats. Ce serait une belle spéculation que d'y envoyer des ducats à changer. Si vous avez un homme là-bas (да чего же лучше Сабанѣева) et que la chose qu'on me dit fut vraie, alors vous ferez bien d'écrire à Kiriko d'envoyer le reste de l'argent à vous à Vienne en or, pour faire cette spéculation. Métaxa (qui est fort pour tout et donc je dirai comme Souvoroff de Rimnikoff: онъ все знаетъ, помилуй Богъ!) présente beaucoup de projets qui donneraient à Marie des montagnes d'or, mais je ne crois pas trop à tout cela.

*

Библиотека "Руниверс"

Москва, 28 Сентября 1814.

Графъ пріѣхалъ вчера въ Москву, любезный братъ. Ни минуты *) не было у насъ путемъ поговорить, ибо съ утра до вечера пріѣзжаетъ все кто нибудь къ нему. Онъ очень веселъ, здоровъ, и фракъ очень къ нему присталъ.

Напрасно ты боишься: какъ бы Государь шибко ни ѣхалъ, догнать тебя невозможно. Я воображаю, что ты будешь писать намъ съ фельдъегеремъ, который привезетъ въ Петербургъ извѣстіе о прибытіи Императора въ Вѣну, а это по расчету можетъ быть черезъ нѣсколько дней. Рекомендую тебѣ прежнюю исправность: присылай всѣ выходящія въ Вѣнѣ бумаги, касающіяся до Конгресса. Je ne vous demande pas les secrets d'état; car primo, je ne suis curieux, que tant que cela est permis, et puis ce serait peine perdue avec vous. Marie m'a dit que vous l'aviez menacé de vendre peut-être votre boite de Londres. Y pensez-vous, mon cher? N'allez pas faire cela, je ne vous le pardonnerai jamais. Vous avez tant de connaissance à Vienne qui dans le cas vous aideraient, et puis écrivez nous un mot: nous vous enverrons de l'argent d'ici. Je vous conjure de conserver votre boite.

Tormasoff a la pièrre; il n'arrive que dans dix jours, car il fera 40 verstes par jour. Le comte m'assure que je serai bien avec lui. Vedremo. А Карамзинъ, пріятель Малиновскаго, который получилъ 3 Владимира и владычество Архивомъ, совѣтуетъ мнѣ добиваться быть помощникомъ его. Cela ne me touche pas trop, et vous qu'en pensez vous?

*

Москва, 15 Октября 1814.

Я опять зажился въ деревнѣ, любезный братъ. Графъ пріѣхалъ сюда очень скоро и сказывалъ что А. П. Тормасовъ долженъ былъ выѣхать недѣлю послѣ него. Имѣя такимъ образомъ дней десять передъ собою, я поѣхалъ погостить къ Наташѣ. Какое-то предчувствованіе меня оттуда выгнало дня три прежде; со всѣмъ тѣмъ я чуть было не опоздалъ, и я въѣхалъ въ городъ съ одной стороны, а А. П. съ другой. Онъ прямо вышелъ въ Кремлѣ, гдѣ въ соборѣ слушалъ обѣдню; воротясь домой въ большой усталости отъ дороги, только пообѣдалъ

---

*) Изъ Петербурга, гдѣ подалъ и получилъ отставку; но успѣлъ снова раздражить противъ себя Государя, который однажды за обѣдомъ вспоминалъ времена Павловскія и какъ у подъѣзда графа Кутайсова по Фонтанкѣ собиралось много экипажей. Я проѣзжалъ сегодня по Литейной, замѣтилъ графъ Ростопчинъ, и на углу Кирочной (домъ графа Аракчеева) видѣлъ тоже толпу искателей благъ житейскихъ (слышано отъ современниковъ). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

и легъ спать, никого не принималъ. На другой день мы всѣ представлены были. Онъ очень ласково со мною говорилъ, сказалъ, что былъ очень знакомъ съ покойнымъ батюшкою. Многіе пріятели его, коихъ я о томъ и просить не думалъ, меня отлично рекомендовали ему, еще въ Петербургѣ. Entre autres le prince Ioussoupoff m'écrit: j'ai dit au général Tormassoff beaucoup de mal de vous et j'espère que ce mal vous fera beaucoup de bien; c'est un très galant homme, et il sera de son intérêt de vous aimer, et tout le monde s'accorde à dire le plus grand bien du général. Je ne sais pas si c'est un aigle, mais sa conduite jusqu'à présent est exemplaire.

Sa visite au Kreml a fait une très bonne impression sur le peuple, qui dit: съ Богомъ начинаетъ, будетъ прокъ въ этомъ. Tous ceux qui viennent sont sur-le-champ introduits; il voit tout le monde, est extrêmement affable, enfin il s'est déjà fait aimer, et il n'y a pas une semaine qu'il est ici. Ce matin il m'a fait dire par Bibikoff, son favori, aide de camp et factotum, de venir chez lui à l'avenir en frac. Мнѣ два шага къ нему ходить, т. е. ближе даже чѣмъ было къ графу; les murs de nos maisons se touchent, car on a loué pour le général la maison de Соловой, что̀ былъ М. И. Корсаковой. En attendant on va arranger la maison de главнокомандующій, où j'aurai aussi mon petit logement. D'après tout cela, mon cher ami, vous voyez que je me décide à rester auprès du général Tormassoff, d'après les conseiles de tous mes amis: car perdre 1500 d'appointement et quartier n'est pas une bagatelle pour moi. Je pourrais toujours m'en aller, si quelque chose de mieux se présente. Le comte n'a absolument rien fait pour moi surtout sortant de service. Qui sait si T. ne m'aimera pas moins et ne fera pas plus pour mon bien. Le général ne veut pas entendre parler que Wolkoff s'en aille; il le traite avec une distinction extrême, le consulte beaucoup, le voit très souvent et le conjure d'attendre le retour de l'Empereur.

Brocker *) se trouve maintenant comme un chien dans un jeu de quille. Cet homme a fait bien de torts et du mal au comte, qui se détrompera tard, mais cruellement. Hier B. a parlé de s'en aller, et T. l'a pris au mot. Il paraît que Bibikoff remplacera ce charmant Br., qui est généralement détesté. On me vante son attachement au comte; je crois avoir assez prouvé le mien sans m'être pour cela rendre odieux à toute la ville comme Br. Tous les autres employes restent. Le général T. n'a amené avec lui que les 4 adjutans, Bibikoff, le baron Steingel,

---

*) Московскій полицеймейстеръ, любимецъ графа Ростопчина. Его записки въ „Русскомъ Архивѣ". По выходѣ въ отставку онъ управлялъ имѣніями графа Ростопчина.

Библиотека "Руниверс"

Hesse et Sabouroff, et puis il a son petit neveu, qui va arriver: c'est le petit Миша Тормасовъ, fils de Петръ Петр., que nous avons connu à Wilna, enfant de 6 ans. Le général était marié a mademoiselle Heikin que nous avons connue chez la princesse Biron; il a un fils de neuf ans, et c'est là toute la suite de toute la familie *). La ville a reflué pendant trois jours chez le général, il a rendu toutes les visites le lendemain en personne.

La petite m-elle Находкина est morte; elle était née malade.

*

Москва, 12 Октября 1814.

Марица была грустна всѣ эти дни. Elle disait à tout le monde que le feldjäger, qui doit être en route de Vienne, est une bête, qu'il va comme un Allemand, que surement cela sera un nouveau qu'on a pris au service à Vienne, que l'Empereur voyage beaucoup plus vite. J'étais le soir avec elle à causer de notre absent, lorsqu'elle me dit: ah, comme ce serait agréable si on pouvait avoir une lettre quand on veut! Sûrement, dis-je, ce serait charmant que vous souffliez par exemple, et voilà tout de suite une lettre. Ah! ba! Et vous plaisantez encore; allez vous promener. Laissez moi. Eh bien, puisque c'est comme cela, moi je vais souffler. Je souffle, et bref la lettre se trouve dans sa main. Marie était comme folle, elle se jetta à mon cou, se mit à m'embrasser.

Tout ce que vous me dites de la bonté de l'Empereur me tourne la tête de joye. Personne ne connaît votre coeur comme moi, et je sais que vous êtes digne des regards du Bienfaiteur du genre humain. Dieu en fera le nôtre, comme sa grande-mère a été la bienfaitrice de papa. Toute la ville est remplie du titre de roi de Pologne que l'Empereur a pris, à ce qu'on assure.

T. a l'air d'un très digne homme; il me traite avec bonté. Je n'ai encore aucun emploi, et il soigne lui-même et seul sa correspondance avec l'Empereur et les principaux ministres, ce qui était ma partie chez le comte Rastopsinn. J'ai donné au général *le Beobachter* que vous m'avez envoyé; il parle très bien l'allemand. Il m'a dit que l'Empereur retournerait même plus tôt qu'on ne l'avait supposé. Il se conduit avec une prudence et une sagesse extrême. Tout le monde peut l'approcher, il a adouci le sort de beaucoup de malheureux déjà, et notre bonne погорѣлая non seulement n'en dit pas encore du mal, mais elle l'aime déjà. Hier, il y a en deux ans que les Français ont quitté Moscou; il y avait la grande procession d'usage, le tems était superbe, et le peuple a vu avec plaisir le général suivre dans la procession l'archevêque pendant deux heures à tête découverte.

---

*) У Тормасова былъ еще воспитанникъ; это славный математикъ-академикъ Буняковскій. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Je suis bien peiné de la mort de la reine Caroline; elle devait mourir une année au moins plus tard sur les bords du golphe du Naples. S-t Clair ou le Dieu sauront l'usage qu'il faudra faire de ma lettre pour S. M.; je ne crois pas que ma petite prétention puisse souffrir de difficulté. Si on demande pour Boulhakow, on croira que c'est vous, et tout sera accordé, et puis c'est plutôt justice que grâce, puisque la chose était convenue et promise, et je vous avoue que cela me ferait grand plaisir. Je ne veux pas qu'on m'appelle sans raison Boulhakow le Napolitain. Présentez mon hommage au prince Léopold et rappelez lui les bals de Naples et de Palerme à la cour et la Grecque, à по ихнему la *miledy Moscovite*, que je leur fesait danser pendant trois heures. Combien de fois la reine, en s'approchant de moi, avait la bonté de me remercier de ce que j'animais ses bals. Je vous recommande S-t Clair: c'est un excellent garcon. Il nous donnait des dîners délicieux, il pourra vous dire comme je mangeais autrefois.

*

Москва, 15 Октября 1814.

Une de vos lettres a été remise à Marie au moment où nous allions au théâtre, l'autre je l'ai escamotée et je ne la lui rendrai que dans deux jours; j'aurai le tems de méditer quelque farce, mais il faudra un jour que votre tour vienne aussi. Marie est alleé au theâtre comme folle, me demandant toujours si le ballet était long; j'ai dis qu'il aura cinq actes; elle s'est mise à pester contre le compositeur, disait que c'est fort bête de faire du ballet si long, et tout cela pour revenir plus vite lire votre lettre. Ne pouvant pas maîtriser son impatience, elle n'a fait que lire votre épitre dans la loge, et je doute fort qu'elle sache si elle a été à un opéra ou a un ballet. Il était joli. Mais le sujet est: Праздникъ въ станѣ союзныхъ армій. On a chanté des couplets en honneur des alliés qu'on a très bien reçus; mais quand ce fut le tour de l'Empereur, qu'on apporte des drapaux, des boucliers avec les mots: Leipsik, Brienne, Monmartre, Paris, quand les oura commencèrent, et que le chiffre parut en feu d'artifice: l'entousiasme fut porté à son comble et s'empara tellement du publik que même Marie quitta votre lettre pour dire. «C'est charmant! En vérité c'est charmant, il faut écrire cela à Constantin». Tormassoff était dans la loge de l'Empereur (c'est la fête de l'Impératrice-mère) et fut touché en voyant ces manifestations du zèle de la ville de Moscou.

Gallitzine le prince Alexandre (промотавшийся) ее дразнитъ, пугаетъ Багратіоншею, а она смѣется надъ нимъ. N'ayez pas peur, dit-elle, on ne me soufflera pas mon mari, comme on vous a soufflé votre femme. Cette vigoureuse répartie lui a ôté le goût des plaisanteries.—Nous sommes tous touchés de la bonté de l'Empereur, qui a daigné vous présenter

Библиотека "Руниверс"

lui-même à l'Empereur François, on ne peut aimer médiocrement un ange comme cela, et je conçois, que m-r Laharpe ne puisse parler de son èleve sans une vive émotion. La ville dit que m-r Laharpe sera ministre de l'instruction publique. Vous m'avez tant dit de lui, que je désire qu'il vienne en Russie.

*

Москва, 19-го Октября 1814.

Изъ Петербурга пишутъ, что Конгресъ кончится гораздо скорѣе нежели ожидали и что Государь 15 Ноября будетъ уже на обратномъ пути въ Варшавѣ; тебя можно полагать слѣдовательно въ Москвѣ къ этому времени. Я проповѣдываю терпѣніе Марицѣ, а право имѣлъ бы самъ надобность въ проповѣдникѣ. Не успѣли мы пожить вмѣстѣ съ семьями нашими.

Vendredi il y a eu dîner chez le général pour Miloradowicz. Il n'a invité que les premières autorités de la ville, et moi j'étais le seul de la chancellerie avec Rounitch, qui en est le directeur. Cela m'a beaucoup flatté, car il n'y avait que 12 personnes. Le général, s'approchant de moi me dit: ты нашъ сегодня, обѣдай у меня. Et il rentra dans son cabinet. J'ai cru à cause de ce tutoyement que j'entendais, pour la première fois, que T. était trompé de personne, mais Wolkoff me rassura et ajouta: Je vous félicite. Votre faveur date d'aujourd'hui et la mienne d'avant-hier, car le général ne dit ты qu'à ceux qu'il aime particulièrement. У А. П. поваръ Дм. Львовича Нарышкина. Ну, братъ, что за столъ: объѣденье. Я сидѣлъ возлѣ Волкова, и мы взапуски пустились. На другой день былъ обѣдъ у графа Растопчина для Вяземскаго же героя, который часа съ четыре говорилъ о военныхъ происшествіяхъ. Сегодня даетъ ему балъ и праздникъ генералъ Вадковской.

*

Москва, 7-го Декабря.

Милый и любезный, братъ. Я въ большихъ хлопотахъ всю эту недѣлю. Завтра слушаютъ дѣло наше въ Сенатѣ. Слава Богу, все идетъ очень хорошо, даже сверхъ моего ожиданія. Почтенный этотъ и предобрый П. П. Нарышкинъ старается за насъ какъ другъ, какъ отецъ. Я былъ у всѣхъ сенаторовъ присутствующихъ въ 7-мъ департаментѣ. Я въ нихъ нашелъ Алексѣевыхъ другихъ. Всѣ безъ изъятія меня обнадежили: Алябьевъ, Кушниковъ и князь Масальской желаютъ нашего блага. Кн. Багратіонъ не присутствуетъ по родству, а Руничъ въ отпуску. Почтенной старикъ Алябьевъ меня наставилъ; я подалъ еще бумагу сегодня самъ въ Сенатѣ. Завтра рано надобно подать тетушкѣ также бумагу, et cela ira. Je n'ose pas, mon cher, vous don-

Библиотека "Руниверс"

ner l'assurance positive que l'affaire soit décidée ipso facto dans le département sans aller au plénum, car tant de fois nous avons été trompés dans nos éspérances; mais il paraît que le bien nous sera adjugé dans le département à voix unanime. Les sénateurs sont d'accord pour le fond; je crains seulement qu'il n'y ait diversité d'opinions dans le mode dont on décidera. Massalsky veut un докладъ en notre faveur à l'Empereur, et Aliabieff croit que le Sénat de son autorité doit nous donner la jouissance d'un bien qui nous est du. Vous voyez qu'en tout cas c'est toujours pour notre bien. Non, mon cher, Dieu sera pour la justice, et nous respirerons. Je ne puis vous dire l'intérêt qu'on nous témoigne. La cousine a été chez Massalsky hier; il lui a dit: ей, Анна Петровна, я вамъ говорилъ давно, помиритесь; а она увѣряетъ, что хлопочетъ для насъ же. Comme elle est méchante et comme elle croit les autres sots! Cet après-dîner je vais chez le premier procureur Ozéroff, c'est un ami de Tourgueneff. Enfin, mon cher, rien n'est négligé. Je donnerais dix ans de ma vie (c'est beaucoup pour un homme heureux comme moi), pour pouvoir vous annoncer, Lundi, que tout est fini et pour porter la tranquillité dans votre coeur. Attendons tout de Dieu et des braves gens. Je sais qu'il ne nous reviendra rien peut-être du bien, mais ce sera une douceur des tranquilliser les créanciens de papa, de rendre le repos à ses cendres, de payer à Faste les 29000 r., qui lui sont dus. Ne sont-ce pas de grandes jouissances! Quel bonheur, que je n'ai pas déchiré les lettres de la cousine; elles nous servent merveilleusement. Я ихъ недавно отыскалъ. Dites après cela qu'il y a des lettres insignifiantes!

*

Москва, 14-го Декабря 1814.

J'ai vu hier le pr. Massalsky; je lui ai demandé des nouvelles. Il me répondit: ты знаешь, что это наша тайна, говорить нельзя объ этомъ; только повторяю, что вамъ надобно будетъ вымѣнять образà трехъ сенаторовъ, которые много на себя берутъ.

Ну-съ, пріѣхалъ наконецъ Персидской посолъ 11-го числа. Весь городъ отъ 10 часовъ до 11 былъ на улицахъ, смотрѣть иной *посла*, иной *слона*; on n'a vu ni l'un, ni l'autre. Les élephans sont restés à Woronej; l'ambassadeur était dans une voiture d'or à six chevaux, mais comme les glaces étaient gelées et que le Persan ne croyant pas rencontrer les personnes de connaissance ne jugea pas à propos de les baisser, on ne vit rien. En Angleterre le peuple eût cassé les glaces à coup de pièrres; ici on se contente de lui lacher des . . . . . ! Un garçon serrurier, qui avait probablement bu ses gants au cabaret et qui soufflait

Библиотека "Руниверс"

dans ses doigts, voyant la procession finir disait à l'ambassadeur: ah, b..... b . . . où sont donc tous ces éléphants dont on nous a tant corné les oreilles! Cette sortie m'a beaucoup amusé. L'ambassadeur a été avant-hier au club de la noblesse. C'est un bel homme de 40 à 45 ans, de très beaux yeux noirs, barbe de même, une figure romanesque, des manières agréables, très richement vêtu, parlant bien l'anglais; il est instruit et a de l'esprit. J'ai admiré son aisance, tandis que 100 personnes couraient toujours après lui, en le regardant comme on regarderait un orang-outang. En entrant dans la grande salle, il s'arrêta et s'écria: cette salle est comme la nation Russe! Mais ce qui m'a beaucoup plu c'est la répartie qu'il a fait au gouverneur Spiridoff, qui lui demandait, comment il trouvait Moscou. L'ambassadeur répondit: il y a deux choses à dire, ou Bonaparte ne sait pas brûler les villes, ou bien les Russes les bâtissent bien vite. Я не сомнѣваюсь, что кабы дали сжечь этому сахару, онъ бы получше отпотчивалъ насъ. Онъ поживетъ съ недѣлю, а тамъ отправится въ Петербургъ.

*

Москва, 24-го Декабря 1814.

Я тебѣ не писалъ, любезный братъ, въ Понедѣльникъ, потому что въ пять часовъ утра воротился съ балу, который графиня Орлова давала для Персидскаго посла. Monsieur l'ambassadeur était fort gai. Il a trouvé la fête, la réunion charmante. «Pourquoi, dit-il seulement, a-t-on permis à toutes ces vieilles femmes de venir ici?» On lui expliqua que ces vielles femmes étaient les mères, les tantes des jeunes personnes, qui ne pouvaient pas sortir seules. Très bien, repliqua le Persan; mais est-ce que ces jeunes personnes n'ont pas des pères, des oncles. La maison de la comtesse est très belle, tout était très bien ordonné, mais mon Dieu, qu'il y a loin de tout cela à la fête du comte Rasoumofsky dont vous me faites la description dans votre № 32, que j'ai reçu hier. Tout le monde fait de grands yeux, et le vieux Warlam crie comme un possédé: Aha! ça va bien, voyez qu'est ce que c'est! Un Russe particulier donne à Vienne à son souverain une fête plus magnifique que toutes les fêtes de l'empereur de l'Autriche, ça va bien! Il fallait réellement une occasion comme celle-la pour faire paraître dignement ce superbe château que le comte André a bâti. On m'accable de questions, on voudrait les plans de ce palais d'Armide. Дурасовъ, le donner des festins, у меня спрашиваетъ, да развѣ нельзя здѣсь построить такой же домъ, завести зимній садъ, и je lui répond: да изволите-ка построить такой же Дунай, извольте развести такой же Пратеръ. Ces six orchestres, cet écho ne me sortent pas de la tête. J'ai dîné hier chez les nôtres. J'entre, naturellement première question des lettres, il n'y en a point; on me fouille,

Библиотека "Руниверс"

rien. Qu'on nous donne au moins à dîner dit, Marie, j'ai faim. Eh bien, lui dis-je, cela vous paraît. Comment cela me paraît? J'ai faim, je veux manger. Vous n'avez pas faim, et vous ne dînerez pas. Nous entrons en disputant dans le salon, et Marie est fort étonnée, que je sache mieux qu'elle ce qui se passe dans son estomac. Je me met toujours à la même place à table, et elle aussi à côté de moi. Сѣли. Elle ôte sa serviette de dessus l'assiète. Que trouve-t-elle à côté des deux morceaux de pain? Votre lettre № 32: c'était une joie, un cri! Et en effet, comme je l'ai dit, elle n'a rien mangé et n'a fait que lire votre épître. Marie prétend qu'elle n'a jamais été si bien attrappée. Voilà comme je lui ai donné le № 31. Nous étions le soir chez eux. Чтò дѣлать? Давайте играть въ дураки. Je lui apprend ce jeu, mais comme elle regardait dans mes cartes, je mis les mains sous la table. Marie me presse de jouer, moi je crie: à tout! Et cela dit, au lieu de la carte je fais tomber votre lettre sur la table. Ну и тутъ порядочная была комедія. Марица хотѣла, чтобы былъ ты здѣсь завтра, а теперь говоритъ, что ежели завтра не будешь, то ужъ все равно: она готова ждать до Февраля. Ты можешь себѣ вообразить, что я истощаю все свое краснорѣчіе, дабы ее успокоивать.

C'est avec une joie bien vive, mon cher ami, que je vous annonce qu'hier l'опредѣленіе de notre affaire a été signé par messieurs les sénateurs. Слава Богу, любезный братъ, и вѣчная благодарность тремъ нашимъ покровителямъ! Можно дѣло полагать конченымъ; добрый Петръ Петр. досталъ мнѣ копію съ опредѣленія. И такъ избавились мы преній общаго собранія. Мы боялись прежде, что дѣло туда не перейдетъ и не попадетъ слѣдственно въ Совѣтъ, а теперь выходитъ, что дѣло кончено въ департаментѣ, минуя общее собраніе и всѣ проволòчки. Послѣ завтра подпишется сходственно съ опредѣленіемъ Сената докладъ къ Государю, коимъ Сенатъ, излагая всѣ обстоятельства въ нашу пользу, испрашиваетъ утвержденія Государя по несоблюденію покойнымъ батюшкою токмо нѣкоторыхъ формъ въ завѣщаніи, имъ писанномъ. Я пишу Ив. Алекс. (экстракты изъ батюшкиныхъ писемъ къ нему весьма были полезны) о всемъ, а паче, чтобы убѣдить Трощинскаго скорѣе доложить; какъ скоро воспослѣдуетъ *быть по сему*, то Сенатъ тотчасъ предпишетъ палатѣ введеніе насъ во владѣніе. Какъ мы себѣ голову ни ломаемъ (пуганая ворона куста боится!), но не можетъ предвидѣть никакого обстоятельства могущаго испортить дѣло; надобно признаться, что здѣсь хватски все свахляли; cela n'a pas été sans peines, ni même sans dépenses. Nous avons des obligations infinies à ce respectable Narichkine, mais c'etait l'ami de papa, dont il révère la mémoire; nous ne sau-

Библиотека "Руниверс"

rions assez reconnaître le zèle de monsieur Aliabieff et de Kouchnikoff, qui tous deux ne nous connaisent guère. Il a été un moment question de porter notre affaire au jugement de conscience; c'était sûrement favorable pour nous, mais cela aurait duré encore des années. Enfin, mon cher, remercions Dieu et réjouissons nous; mais, mon Dieu, par combien d'épreuves il a fallu passer! Tout cela s'oubliera vite. Теперь трудно рѣшить, надобно ли будетъ весною ѣхать въ Бѣлорусію; но, кажется, что очистится и намъ что нибудь за уплатою долговъ; банковый до 1812 года выплачивался съ процентами исправно; послѣ того не знаю, куда дѣвали доходы. Telle est, mon excellent frère, la position de nos affaires. Que j'étais loin de prévoir cette tournure favorable! Tout le monde s'en réjouit, la bonne tante y a beaucoup contribué par le papier que j'ai présenté a son nom au Sénat. Les Galitzines sont tout miel comme de raison, а я пугнулъ вчера тетушку. Прихожу къ ней: ну тетушка, васъ требуютъ въ Сенатъ на допросъ по вашей бумагѣ; теперь дѣло не наше, а выходитъ ваше, вамъ надобно судиться съ Ан. Петровн. и вести тяжбу. Il fallait voir la mine qu'elle a faite. Ну я знала, что вы меня втащите въ бѣды, заставили меня подписать бумагу.—Пишите, тетушка, пишите, ничего!—Вотъ тебѣ ничего! Да скажи батюшка, въ самомъ дѣлѣ штоль? Voilà donc la chère cousine flambée, mais nous la ferons repentir du mal qu'elle nous a fait et surtout d'une manière à laquelle elle ne s'attend nullement.

Эко счастіе Чижику!*) Комиссія даетъ ему еще 26000 за претерпенное раззореніе отъ Фафулей. Ces sommes se donnent pour dix ans sans intérêts. Mon beau-père reçoit 50000. Aussi quelles pertes!

(*Продолженіе будетъ*).

*) Т. е. князю Сергѣю Васильевичу Голицыну, супругу двоюродной сестры братьевъ Булгаковыхъ, дочери Мареы Ивановны Приклонской, о коей говорится выше.

Библиотека "Руниверс"

О МНИМОМЪ ЕРЕТИЧЕСТВѢ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ЗОСИМЫ.

Въ исторіи Русской церкви есть еще немало такихъ страницъ, предъ которыми читатель останавливается въ большомъ затрудненіи, стараясь проникнуть въ смыслъ повѣствуемаго на нихъ. Лѣтописецъ, не мудрствуя лукаво, записывалъ все, что̀ казалось ему достойнымъ вниманія: пожаръ, хвостатую комету, падежъ скота и «знаменіе на небеси», записывалъ безъ связи и порядка, задавая такимъ образомъ будущему изслѣдователю трудную задачу создать изъ летучихъ замѣтокъ нѣчто цѣлое и единое. Къ такимъ темнымъ исторіямъ относятся умственно-религіозныя движенія конца XIV и конца XV вѣковъ, извѣстныя подъ именемъ ереси Стригольниковъ и Жидовствующихъ. Въ свое время та и другая сильно волновали Русскую церковь и общество, особенно послѣдняя. Если въ устахъ Іосифа Волоцкаго слѣдующія его слова не суть простая риторическая фраза, то «и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищѣхъ иноци и мірстіи и вси сонмились, вси о вѣрѣ пыташа» *). Тѣмъ не менѣе и доселѣ не установлено, въ чемъ состояло «жидовство» Новгородскихъ и Московскихъ еретиковъ, потому что, какъ замѣтилъ историкъ еще прошлаго вѣка, князь Щербатовъ, «въ лѣтописцахъ оная ересь не изъяснена». Но несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что въ ней не было ничего изъ того вѣроученія, именемъ котораго она была окрещена лишь вслѣдствіе простого недоразумѣнія. Неудивительно поэтому, что и на нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ этого движенія установился взглядъ, весьма далекій отъ истины и даже ничего общаго не имѣющій съ нею.

Въ этомъ отношеніи замѣчательна участь Московскаго митрополита Зосимы, при которомъ «Жидовствующихъ» постигли первые удары судьбы. Издавна о немъ сложилось мнѣніе, какъ о самомъ хитромъ и нечестивѣйшемъ еретикѣ и даже отступникѣ отъ христіанства, который, по выраженію того же Іосифа Волоцкаго, «оскверни святѣйшій великій престолъ». Между тѣмъ, если разсмотрѣть безпристрастно все, что̀ гово-

*) Русская Историч. Библ., т. VI, ч. I, стр. № 120.

Библиотека "Руниверс"

рать о немъ современныя извѣстія и взвѣсить ихъ на вѣсахъ исторической истины, отъ тяжкихъ обвиненій и слѣдовъ не останется.

Зосима былъ преемникомъ митрополита Геронтія. Когда сей послѣдній скончался, въ Маѣ 1489 г., то для избранія новаго первосвятителя великій князь назначилъ соборъ въ Москвѣ. По повелѣнію князя съѣхались: архіепископъ Ростовскій Тихонъ и епископы Нифонтъ Суздальскій, Симеонъ Рязанскій, Вассіанъ Тверской, Прохоръ Сарскій, Филоѳей Пермскій; Новгородскій же архіепископъ Геннадій прислалъ свою повольную грамоту. «И по благодати Божіей, повѣствуетъ лѣтописецъ, по избранію Святого Духа и изволеніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, и всѣхъ православныхъ епископовъ, и всего освященнаго собора Русскія митрополіи, изобраша архимандрита Симоновскаго Изосиму, яко достойна суща управляти Богомъ порученное ему стадо, и возведенъ на митрополичь дворъ Сентября въ 19, а поставленъ митрополитъ всея Руси того же мѣсяца 26, въ недѣлю (1491)»[1].

Зосима занялъ митрополію въ то время, когда изъ пьяной брани Новгородскихъ поповъ возникло слѣдственное дѣло, громадное и громкое, занимавшее всѣхъ—въ обитателяхъ великокняжескаго дворца, крестьянской избы и монашеской келіи[2]. Митрополитъ Геронтій, при которомъ ересь была обнаружена, не обратилъ на нее надлежащаго вниманія, потому ли, что она еще не дала себя знать въ слишкомъ рѣзкихъ чертахъ, или же, что̀ всего вѣроятнѣе, великій князь, нерасположенный подробно ее разслѣдовать, оказывалъ на него извѣстное давленіе. Но Зосима не могъ уже отнестись къ движенію съ легкимъ сердцемъ подобно своему предшественнику: имя еретиковъ у всѣхъ было на устахъ, и оскорбленному религіозному чувству требовалось дать удовлетвореніе. Поэтому не прошло и мѣсяца со времени избранія и поставленія новаго митрополита, какъ сей послѣдній открылъ соборъ изъ тѣхъ же членовъ и въ томъ же мѣстѣ «на развратниковъ вѣры христіанской». «Благовѣрный же и христолюбивый, истинный православія поборникъ .... князь великій Иванъ Васильевичъ со отцемъ своимъ святѣйшимъ митрополитомъ Изосимою всея Руси ... и со всѣмъ освященнымъ соборомъ Русскія митрополіи обыскаша ихъ скверныя ереси... и отъ святыя соборныя церкви отлучиша ... и проклятію предаша и въ заточеніе послаша»[3]. Къ этому лѣтописному извѣстію о дѣяніи

---

[1]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 157—158.
[2]) Рус. Историч. Библ., VI, № 120.
[3]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 158—159.

Библиотека "Руниверс"

собора историкъ Татищевъ присовокупляетъ, что когда всѣ члены его высказались за преданіе еретиковъ сожженію, тогда митрополитъ Зосима подалъ голосъ за то, чтобы осужденныхъ послать только на покаяніе въ Новгородъ: «Занеже, говорилъ онъ, мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, но грѣшные обращати къ покаянію [1]). Очевидно и великій князь не хотѣлъ быть тѣмъ «Шпанскимъ королемъ» (Фердинандомъ II Католикомъ), который очистилъ свою землю отъ еретиковъ казнями и который въ глазахъ Геннадія, коль скоро мнѣніе митрополита взяло верхъ, сталъ идеаломъ правителя. Особымъ «поученіемъ» Зосима оповѣстилъ весь «православный родъ христіанскій» о наказаніи еретиковъ, и нельзя не пожалѣть, что этотъ интересный памятникъ не сохранился въ цѣлости, а только въ отрывкѣ. Судя по началу, онъ можетъ быть открылъ бы болѣе подробную картину судопроизводства, чѣмъ какая сохранилась у лѣтописца, и тѣмъ освѣтилъ бы какъ самую ересь, такъ и отношеніе къ ней Зосимы. Но и «поученіе», какъ и списокъ отреченныхъ книгъ, изданные митрополитомъ съ цѣлію оградить православныхъ отъ пропаганды «Жидовствующихъ», никакъ не можетъ свидѣтельствовать о его неправовѣріи [2]). Напротивъ, оба документа свидѣтельствуютъ только о томъ, что митрополитъ для борьбы съ еретиками избралъ такое оружіе, которое другими почиталось непригоднымъ, не мечъ и огонь, а слово убѣжденія.

Что такого характера была его дѣятельность, на это указываетъ также и составленная имъ пасхалія. Восточное вѣковое суевѣріе, что съ концемъ седьмой тысячи лѣтъ наступитъ и конецъ міра, пустило глубокіе корни и въ Русскомъ народѣ. Приближеніе 1492 года вызывало у него неподдѣльный страхъ и ужасъ. Это наивное простодушіе, котораго совсѣмъ были чужды «Жидовствующіе», давало имъ неистощимую пищу для ѣдкихъ насмѣшекъ надъ православными; тѣмъ болѣе, что у послѣднихъ съ страшнымъ седмитысячнымъ годомъ кончалась и пасхалія. При такихъ обстоятельствахъ Зосима почелъ за наилучшее написать расчисленіе на двадцать лѣтъ, поручилъ сдѣлать тоже арх. Геннадію и Пермскому епископу Филоѳею и когда въ трехъ таблицахъ, по сравненіи, не оказалось разницы, то обнародовалъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Въ «извѣщеніи», которымъ сопровождалась новая пасхалія, говорилось, что онъ «смиренный Зосима, митрополитъ всея Руси, трудолюбно потщився написати пасхалію на осьмую тысящу лѣтъ», запрещаетъ всякое иное лѣтосчисленіе: «Аще гдѣ обрящутся иныя

---

[1]) Чт. Общ. Ист. и Др. Рос., 1847, IV, стр. 110.
[2]) Рус. Историч. Библ., VI, №№ 115, 117.

Библиотека "Руниверс"

сложенія... не по благословенію нашего смиренія и всего освященнаго собора... святыя соборныя апостольскія церкви отлучатся таковая мудрствующіе» [1]).

Кромѣ указанной дѣятельности, направленной непосредственно противъ еретиковъ, Зосима занимался конечно и текущими дѣлами митрополіи. Въ Ноябрѣ 1491 г. онъ поставилъ въ Коломенскіе епископы Угрѣшскаго игумена Аѳанасія, а въ Маѣ 1493 г. старца того же монастыря Силуана на Сарскую епископію. Въ Февралѣ 1492 года онъ выдѣлилъ изъ своей митрополіи и изъ архіепископіи Новгородской въ посадѣ и городѣ Вологдѣ церкви и передалъ ихъ Пермскому епископу Филоѳею; онъ занимался постройками и проч. [2]).

Такимъ образомъ и эти скудныя, отрывочныя извѣстія изображаютъ митрополита дѣятельнымъ, энергичнымъ архипастыремъ, заботящимся о благосостояніи Русской церкви. По нимъ оказывается, что Зосима «еретикъ» сдѣлалъ для православія несравненно болѣе, чѣмъ свободные отъ всякихъ подозрѣній Геронтій и Симонъ, при чемъ указаній на то, чтобы онъ раздѣлялъ воззрѣнія «Жидовствующихъ», совсѣмъ нѣтъ. Напротивъ, лѣтописецъ, сообщая объ избраніи Зосимы въ митрополиты, говоритъ, что священный соборъ Русской митрополіи нашелъ его «яко достойна суща управляти Богомъ порученное ему стадо»; великій князь «побораетъ православію со отцемъ своимъ святѣйшимъ митрополитомъ»; Геннадій Новгородскій и другіе епископы относятся къ нему съ уваженіемъ, называютъ его «преосвященнымъ митрополитомъ» и т. д. [3]). Даже тогда, когда рѣчь идетъ объ оставленіи Зосимою митрополіи, повѣствователи ни слова не говорятъ о его еретичествѣ. По сказанію четвертой Новгородской лѣтописи, «Маіа 17 митрополитъ Зосима оставилъ митрополію не своею волею, но непомѣрно питія держашеся и о церкви Божіей не радяше»; Псковская первая просто замѣчаетъ: «Того же (7002) лѣта сведенъ съ митрополіи Изосима», а Книга Степенная, умалчивая причину низведенія, сообщаетъ: «Зосима же митрополитъ за нѣкое преткновеніе превеликаго престола Русскія митрополіи вскорѣ лишенъ бываетъ» [4]). Но наиболыше значеніе имѣетъ свидѣтельство собора святителей, собравшихся въ Москвѣ для избранія и поставленія новаго митрополита. Онъ извѣщалъ архіепископа Геннадія, что «отецъ Зосима митрополитъ, своея ради немощи, оставилъ столъ Русскія митрополіи, пришедъ во святую вели-

[1]) Тамъ же, №№ 116—119.
[2]) П. С. Р. Л., т. IV. стр. 38, 162, 160.
[3]) Тамъ же, стр. 158—159; Книга Степ. ч. II, стр. 154; Рус. Ист. Библ., VI, № 115.
[4]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 164; 268; ч. II, стр. 155; ч. I, стр. 477.

Библиотека "Руниверс"

кую соборную церковь, предъ всѣми омофоръ свой на престолѣ положилъ и свидѣтеля на то Господа Бога нарицая, яко невозможно ему къ тому святительская дѣйствовати, ни митрополитомъ нарицатися, и отойде въ монастырь въ смиренно иноческое жительство»[1]). Удалившись сначала въ Симоновъ Московскій монастырь, а потомъ въ Троице-Сергіевъ, Засима здѣсь оставался до самой смерти, при чемъ онъ былъ не только въ общеніи съ церковію, но даже сохранялъ свой святительскій санъ, пріобщаясь божественныхъ таинъ на орлецѣ во всемъ святительскомъ чину [2]).

Другимъ характеромъ отличаются свидѣтельства о Зосимѣ Волоцкаго игумена Іосифа. Рѣчь его, гдѣ только ему приходится говорить о митрополитѣ, такова: «... скверный, злобѣсный волкъ, оболкійся въ одежду пастырскую, иже чиномъ святитель, а произволеніемъ Іюда предатель и причастникъ бѣсомъ, иже оскверни святительскій великій престолъ, овѣхъ убо жидовству уча, инѣхъ же содомски скверня; змій пагубный, мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, отступникъ Христовъ... діаволу прилѣпися... антихристовъ предтеча... свинскимъ житіемъ живый, сынъ погибельный... всегда сквернящійся мірскими сквернами... Уставы и писанія всѣхъ святыхъ отмеща: нѣсть, деи, втораго пришествія Христова; нѣтъ, деи, царствія небеснаго святымъ; умеръ, деи, инъ умеръ, по та мѣста былъ...» и т. д. [3]). Этотъ потокъ словъ, типичный вообще для древне-Русской полемики и тогдашняго ораторскаго краснорѣчія, отзывающійся памфлетомъ, обнаруживающій непримиримую ненависть игумена къ митрополиту, вызвалъ недовѣріе къ ихъ автору даже въ м. Макаріи, изслѣдователѣ, котораго никакъ нельзя упрекнуть въ сочувствіи къ своему отдаленному предшественнику [4]).

Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основаны эти страстныя и запальчивыя рѣчи? Какія доказательства приводитъ Іосифъ въ подтвержденіе ихъ? Въ одномъ мѣстѣ своего Просвѣтителя онъ говоритъ, что когда нѣкоторые ревнители благочестія стали открыто поносить митрополита, обвиняя его въ «отступленіи» и Содомскомъ грѣхѣ, то такихъ непризванныхъ обличителей митрополитъ не допускалъ до таинства евхаристіи, а лицъ іерархическихъ лишалъ священныхъ степеней. Великій же князь упорныхъ подвергалъ различнымъ наказаніямъ: ссылкѣ, заточенію, темничному заключенію, лишенію имущества и проч. [5]). Но

[1]) Рус. Истор. Библ., VI, № 121.
[2]) П. С. Р. Л., т. IV, стр. 503.
[3]) Просвѣтитель, стр. 54, 58; Рус. Истор. Библ., VI, № 120.
[4]) Ист. Рус. церк., т. 17, стр. 104—105, 113.
[5]) Просвѣтитель, стр. 60—61.

Библиотека "Руниверс"

приведенные факты не могутъ говорить о еретичествѣ Зосимы. Онъ и не могъ иначе поступать, защищая свой святительскій авторитетъ и православіе, въ которомъ не сомнѣвались ни представители церкви—епископы, ни власть государственная—великій князь. Было бы ни съ чѣмъ несообразно, еслибы великій князь Иванъ Васильевичъ принялъ сторону митрополита и наказывалъ позорящихъ его вслѣдствіе «клеветы» и наговоровъ [1]): вѣдь дѣло подвергалось тщательному разслѣдованію, когда обвиняемые имѣли полную возможность доказать справедливость своихъ словъ, изобличить грѣховнаго святителя, и нельзя конечно допустить, чтобы великій князь, вопреки очевидной истинѣ, «осужалъ неповинныхъ». Говорить такъ, значить совершенно не знать этого государя: «подойти Державнаго» [2]) было весьма трудно, и самъ Іосифъ, не смотря на все свое стараніе, не смогъ этого сдѣлать. Извѣстно, каковъ былъ нравъ Ивана Васильевича. Родной его братъ Андрей умеръ въ тѣсномъ заточеніи; также окончилъ свою жизнь и внукъ его Димитрій, когда-то вѣнчанный имъ на Московское царство; князь Семенъ Ряполовскій, царскій родственникъ, былъ казненъ, да и многіе другіе примѣры показываютъ, что отъ руки его не спасало никакое положеніе, ни общественное, ни личное. Поэтому рѣшительно непонятно, отъ чего такъ милостиво было поступлено съ Зосимою: дана была возможность какъ бы добровольно оставить митрополію, а не лишили сана. Ужъ конечно сдѣлано это было не съ цѣлію избѣжать «соблазна» и «шума»: лѣтописи почти на каждой страницѣ повѣствуютъ, что на Москвѣ подобнаго рода дѣлами нисколько не стѣснялись. Вотъ, напр., что разсказываетъ лѣтопись изъ борьбы великаго князя съ митрополитомъ Геронтіемъ: «князь же великій не восхотѣ его, неволею не оставя митрополію; и посла къ нему Пасею (Паисія, игумена Троице-Сергіева монастыря) и не може ввести его въ то, *многажды убѣгалъ изъ монастыря, и имаша его*» [3]). Или: «тое же зимы (6996) биша поповъ Новугородскихъ по торгу кнутьемъ. Тое же зимы архимандрита Чюдовскаго били въ торгу кнутьемъ» [4]). Едва ли было бы больше соблазна въ томъ случаѣ, когда бы по соборному приговору Зосима былъ лишенъ своего достоинства, а не оставленъ въ монастырѣ, гдѣ онъ даже святительскія одежды носилъ и пріобщался св. таинъ: вѣдь, судя по словамъ Іосифа, о еретичествѣ Зосимы зналъ чуть ли не весь міръ...

---

[1]) Тамъ же, стр. 61.
[2]) Тамъ же, стр. 54.
[3]) П. С. Р. Л., т. 17, стр. 236.
[4]) Тамъ же, стр. 238.

Библиотека "Руниверс"

Какъ видимъ, одинокое свидѣтельство Іосифа вызываетъ немалыя недоумѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и невольное сомнѣніе, такъ ли ужъ доподлинно онъ зналъ митрополита Зосиму и вообще ересь «Жидовствующихъ». Изъ житія Іосифова дѣйствительно явствуетъ, что до 1503 года, когда онъ былъ позванъ для участія въ составившемся въ Москвѣ соборѣ, Іосифъ ни съ кѣмъ изъ героевъ движенія не встрѣчался. Онъ не только не имѣлъ случая разсуждать о вѣрѣ съ Зосимою, но даже и не зналъ его лично. Всѣ свѣдѣнія, какія онъ имѣлъ о Московскихъ и Новгородскихъ событіяхъ, шли или отъ архіепископа Геннадія, также не бывавшаго въ это время въ столицѣ, или же отъ «достовѣрныхъ свидѣтелей», въ числѣ коихъ онъ называетъ своего роднаго брата Вассіана, инока того же Волоколамскаго монастыря [1]). Да и для тѣхъ, которые обращались съ митрополитомъ, «отступленіе» и «скверныя дѣла» его были вещью весьма гадательною, какъ это видно изъ собственныхъ словъ Іосифа. Въ посланіи къ Суздальскому епископу Нифонту онъ пишетъ: «а иные, господине, говорятъ—мы у него (митрополита) не слыхали ничего» [2]). Итакъ ясно, обвиненія Іосифа основаны на однихъ слухахъ, на той стоустой молвѣ, которая заставляетъ синицу море зажигать. Слухъ проникъ въ монастырскія келіи; но нужно ли говорить о томъ, какого рода этотъ источникъ и какую цѣну имѣютъ свѣдѣнія, почерпаемыя изъ него, особенно когда рѣчь идетъ о еретикахъ, весьма тщательно скрывавшихъ свое ученіе и дѣйствовавшихъ съ большою осторожностію?

Добродушный и гуманный митрополитъ Зосима былъ чуждъ того крайняго ригоризма, какимъ заявили себя Іосифъ, архіеп. Геннадій и ихъ приверженцы. Въ то время, какъ послѣдніе не знали пощады для заблуждавшихся и видѣли единственное средство доказать имъ истину въ огнѣ и мечѣ, первый говорилъ: «мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, но грѣшные обращати къ покаянію». Этотъ евангельскій принципъ митрополитъ хотѣлъ приложить и къ Новгородскимъ еретикамъ. У Іосифа же всѣ были еретики, кто не раздѣлялъ его убѣжденій: еретикъ митрополитъ, еретикъ великій князь, еретикъ даже и такой подвижникъ, какъ пр. Нилъ Сорскій [3]). Необходимо думать, что въ этой коренной разницѣ во взглядахъ и крылась истинная причина непримиримой вражды и убѣжденія Іосифа въ еретичествѣ Зосимы. Въ своемъ ревнованіи о православіи онъ готовъ приписать ненавистному митрополиту все, что̀ было тогда худого у Русскаго на-

---

[1]) Рус. Историч. Библ., т. VI, № 120.

[2]) Тамъ же.

[3]) Памятн. древне-рус. дух. письмен., Правосл. Соб., 1863, октябрь, стр. 209.

Библиотека "Руниверс"

рода: «отступиша бо человѣцы отъ истины и отъ правды, отступиша братолюбія и нищелюбія, отступиша цѣломудрія и чистоты, и на сласти совратишася, зряще на скверного пастыря» [1]). Онъ не сомнѣвается даже, что наступило время антихриста, а митрополитъ его «предотеча» [2]). Іосифъ очевидно принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ не знаютъ границъ и если, по ихъ убѣжденію, что̀ худо, то это есть уже прямое исчадіе ада. Для него ясно было одно: еретиковъ нужно было жечь, рубить, вѣшать, словомъ, уничтожать всѣми средствами; кто этого не дѣлаетъ, тотъ самъ еретикъ. Такая аргументація въ устахъ святого игумена еще возможна; но трудно понять, когда и современные историки употребляютъ ее. Простое чувство человѣчности, выразившееся въ требованіи лишь *смягчить* участь осужденныхъ, высказанное также и пр. Ниломъ Сорскимъ, есть уже доказательство неправовѣрія!

Митрополита Зосиму обычно обвиняютъ еще въ томъ, что онъ тотчасъ по своемъ посвященіи будто бы нанесъ тяжелую обиду и оскорбленіе Новгородскому архіепископу Геннадію, главному обличителю «Жидовствующихъ», потребовавъ отъ него новаго исповѣданія вѣры и обязательства признавать его, митрополита, святительскій авторитетъ. Основаніемъ для такого обвиненія служитъ отвѣтъ Геннадія, изъ коего видно, что архіепископъ дѣйствительно счелъ себѣ за обиду требованіе митрополита. «Того бъ по старинѣ не бывало, что владыка на себя въ другіе исповѣданіе даетъ», писалъ онъ [3]). Но это была совершенная неправда. Если бы Геннадій справился въ архивѣ своей архіепископіи (замѣчаетъ по этому поводу профессоръ Павловъ), то убѣдился бы, что его предшественники, напр. Іона, давали не только «въ другіе, но и въ третіе» свое исповѣданіе [4]). Изъ посланія митрополита Ѳеодосія отъ 1481 года видно, что черезъ два мѣсяца по своемъ поставленіи онъ потребовалъ отъ упомянутаго Новгородскаго владыки исповѣданія, уже даннаго послѣднимъ умершему митрополиту: «...и ты бы, мой сынъ, какъ далъ еси свой обѣтъ... брату нашему митрополиту, въ началѣ, въ свое ставленіе, да и грамоту еси свою за своею подписью и печатію далъ, послѣ какъ брата моего Іоны митрополита, нынѣ тотъ же еси обѣтъ въ своихъ грамотахъ описалъ твердо»... [5]) Посланіе же архіепископа Іоны отъ 1464 года свидѣтельствуетъ, что онъ даетъ митрополитамъ обязательство повиноваться

---

[1]) Рус. Истор. Библ., VI, № 120.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, № 115.
[4]) Тамъ же, примѣч. I.
[5]) Рус. Историч. Библ., VI, № 95

Библиотека "Руниверс"

уже не одинъ разъ [1]). Такую же грамоту и тому же митрополиту присылалъ и Тверской архіепископъ Геннадій (въ 1461 году) [2]). Это заставляетъ предполагать, что требованіе отъ Новгородскаго архіепископа и другихъ владыкъ, епархіи коихъ близко лежали къ границамъ Польско-литовскаго государства, давать новое исповѣданіе вѣры и обязательство повиноваться, исходило всякій разъ, какъ только на Москвѣ избирался новый первосвятитель. Причина тому была въ новомъ положеніи митрополіи, которая съ половины XV в. раздѣлилась на сѣверо-восточную и юго-западную, вмѣстѣ съ чѣмъ явилось и два первосвятителя. Утвердившійся въ Литвѣ митрополитъ старался привлечь на свою сторону не только юго-западныхъ епископовъ, но и искалъ сторонниковъ себѣ и въ Московской церкви. Особенно хотѣлось ему подчинить своей власти Новгородскаго архіепископа, съ каковою цѣлію къ послѣднему присылались и посольства, и грамоты [3]). Такъ какъ поводъ къ такимъ честолюбивымъ стремленіямъ подавали сами владыки Новгорода, находившіе слишкомъ тяжелою для себя зависимость отъ Московскаго митрополита, то неудивительно, что въ столицѣ имъ не очень-то довѣряли, хотя потомъ они и были Московскими ставленниками. Что таковъ именно былъ характеръ требованія митрополита, это ясно изъ отвѣтнаго посланія самого Геннадія. «А какъ есми исповѣдался предъ Богомъ и предъ избранными ангелы, такъ въ томъ исповѣданіи стою и теперь неподвижно: ниже къ Литвѣ посылаю грамоты, ни изъ Литвы ко мнѣ посылаютъ грамотъ, ни паки Литовскіе ставленники служатъ въ моей архіепископіи» [4]). Свою правоту Геннадій отстаиваетъ твердо; но другіе однако о немъ были иного мнѣнія. Вскорѣ по пріѣздѣ архіепископа въ Новгородъ среди монаховъ и соборнаго духовенства по рукамъ стали ходить какія-то грамоты, которыя распространились потомъ и «по Московской землѣ» и въ которыхъ его обвиняли въ еретичествѣ. Настоятель одного монастыря, Нѣмчинова, по имени Захаръ, открыто разсылалъ ихъ «по всѣмъ городамъ» въ теченіе трехъ лѣтъ и такъ огорчалъ Геннадія, что тотъ просилъ митрополита «оборонить» его отъ этихъ навѣтовъ [5]). Поэтому, если бы Зосима даже и не вѣрилъ распускаемымъ слухамъ относительно Геннадія, то и тогда въ интересахъ самого архіепископа онъ долженъ былъ потребовать отъ него исповѣданія; ибо какъ иначе могъ митрополитъ заградить уста клеветѣ и тѣмъ, которые ее распространяли? Съ другой стороны,

[1]) Тамъ же, № 99.
[2]) Тамъ же, № 94.
[3]) Тамъ же №№ 95, 99 100, и др.
[4]) Рус. Историч. Библ., VI, № 115.
[5]) Тамъ же.

Библиотека "Руниверс"

Геннадій издавна пріобрѣлъ себѣ славу человѣка своего рода извѣстнаго. Еще будучи Чудовскимъ архимандритомъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ спорѣ о хожденіи посолонь, и оба раза, когда возникали эти распри, шелъ противъ митрополита (Геронтія), становясь на сторону великаго князя [1]). Въ 1482 году за нарушеніе церковнаго устава и самоволіе Геннадій былъ наказанъ митрополитомъ и посаженъ «въ ледникъ» [2]); будучи Новгородскимъ владыкой, онъ незаконными мѣрами относительно причетниковъ-двоеженцевъ вызвалъ противъ себя ожесточеніе, при чемъ его не одобрили ни митрополитъ, ни великій князь [3]). Даже поставленіе во епископы Геннадія вызвало у современниковъ соблазнительные толки. Волоцкій князь Борисъ Васильевичъ письменно упрекалъ его въ томъ, что онъ «имѣніемъ принялъ святительскій санъ и мірскихъ князей помощію» [4]); а громкая его дѣятельность въ борьбѣ съ «Жидовствующими» закончилась самымъ неожиданнымъ и печальнымъ образомъ—сведеніемъ съ каѳедры за доказанное преступленіе: поставленіе іерархическихъ лицъ на мздѣ [5]). Какой выводъ слѣдуетъ изъ всего сказаннаго, ясно и безъ словъ.

Что̀ заставило Зосиму оставить митрополію, трудно сказать. Во всякомъ случаѣ удаленіе его было недобровольное; но ни откуда не видно, чтобы оно находилось въ связи съ его еретичествомъ. Выше уже были приведены лѣтописныя сказанія по этому поводу, и только одно изъ нихъ говоритъ про непомѣрное питіе и нерадѣніе о церкви Божіей, какъ о причинѣ ухода митрополита. Что послѣднее обвиненіе совершенно неосновательно, это очевидно изъ ранѣе сказаннаго о его дѣятельности; да за это не лишили же каѳедры м. Геронтія, который, по словамъ Іосифа, «нимало попечеся и не радяше» о церкви [6]). Относительно же образа жизни всѣ изслѣдователи согласны, что на него положенъ такой густой слой грязи, подъ которымъ трудно доискаться истины [7]).

---

[1]) П. С. Р. Л., VI, стр. 221, 232.

[2]) Тамъ же, стр. 233.

[3]) Акты Истр., I, № 101.

[4]) Рус. Истор. Библ., VI, № 113.

[5]) Полное С. Р. Л., VI, стр. 49, 244. Истор. Рус. Цер., м. Макарія, VI, стр. 120—121 примѣч. 166.

[6]) Просвѣтитель, стр. 53.

[7]) Невольно является вопросъ, не было ли обвиненіе „въ свинскомъ житіи" при подобныхъ обстоятельствахъ своего рода общимъ мѣстомъ? Изъ исторіи напр. Византійской церкви извѣстны такіе случаи. Во время споровъ о такъ наз. *Ѳаворскомъ свѣтѣ* противники Григорія Паламы между прочимъ говорили, что „онъ, несчастный, не устыдился во святую великую Пятницу на страстной недѣлѣ ванны принимать для врачеванія своего

Библиотека "Руниверс"

Вообще вынужденное оставленіе митрополіи само по себѣ не можетъ служить въ качествѣ обвиненія Зосимы. Изъ тринадцати святителей, бывшихъ на Московской каѳедрѣ по раздѣленіи митрополіи, только трое тихо и безмятежно скончали свой животъ во владычнихъ покояхъ; двое же ушли добровольно, одинъ не успѣлъ этого сдѣлать за своею скорою смертію, одинъ удержался только послѣ долгой и упорной борьбы съ великимъ княземъ, одинъ удушенъ, и пятерыхъ удалили съ престола насильно. Какъ видимъ, «преткновенія» были у всѣхъ митрополитовъ, и только весьма немногимъ удалось избѣжать ихъ. Очевидно, высокая честь носить достоинство Московскаго первосвятителя теперь давалась нелегко и нерѣдко вела къ серьезной опасности. Въ семи случаяхъ извѣстно, что митрополиты были удаляемы или сами удалялись изъ-за столкновеній съ государственной властію, и ни одного такого, когда бы оставленіе каѳедры вызывалось ихъ дѣйствительными недостатками. Указанное явленіе говорить о томъ, что церковь и государство обмѣнялись ролями. Нѣкогда почетнѣйшее и дѣйствительное наименованіе митрополита «отцомъ» теперь въ устахъ великаго князя сдѣлалось лишь давно привычнымъ титуломъ. *Говорилъ* и *дѣлалъ* «сынъ», великій князь, а «отецъ» долженъ былъ слушать и исполнять волю перваго. Оно и понятно: въ то время, какъ Иванъ Васильевичъ требовалъ удаленія на покой Геронтія, въ составъ Московскаго государства не входило уже только три удѣла; а ордынскій ханъ Ахматъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что смотрѣлъ на Москву съ береговъ рѣки Угры. Ясно, «отцы» сослужили свою службу, Москва объединилась, Москва болѣе не падала ницъ предъ Татарской басмой, нужда въ нихъ миновала, и съ ними можно было говорить другимъ языкомъ, хотя бы напр. такимъ, какимъ заговорилъ тотъ же князь при поставленіи въ митрополиты Симона «...жезлъ пастырства, отче, воспріими и на сѣдалище старѣйшинства во имя Господа Іисуса Христа и пречистыя Его Матери взыди, и моли Бога и пречистую Его Матерь о насъ и о нашихъ дѣтяхъ и о всемъ православіи...» *).

Итакъ установившіяся новыя отношенія между властію свѣтскою и духовною вовсе не требовали еретичества, чтобы Зосима былъ уда-

тѣла и пользоваться пищей и питьемъ вопреки каноновъ и въ соблазнъ бывшимъ свидѣтелями монахамъ". Въ свою очередь и сторонники святого о противномъ имъ патріархѣ Іоаннъ Калекасѣ докладывали правительницѣ Аннѣ Палеологъ, что онъ „изъ чрезмѣрнаго любочестія пренебрегаетъ церковію и проводитъ время въ царскихъ палатахъ... его ложь, обманъ и притворство, которые онъ обнаруживаетъ ежедневно, можно ли передать словами? Этотъ жалкій человѣкъ впалъ въ самое крайнее зло и, покинутый Богомъ, уклонился отъ православія въ ересь."... и т. д. (Ж. М. Н. Пр., 1892, Февраль, стр. 410, 382).

*) П. С. Р. Л., VI, стр. 39.

Библиотека "Руниверс"

ленъ. О митрополитѣ Варлаамѣ лѣтопись напр. говоритъ слѣдующее: «остави митрополію Варлаамъ митрополитъ и соиде на Симоново, а съ Симонова сослалъ въ Волоцкой уѣздъ на Каменное» [1]). За что, почему—такъ и остается неизвѣстнымъ. Историкъ Карамзинъ поступаетъ основательно, высказывая только одно предположеніе: «неизвѣстно, увѣрился ли великій князь въ расколѣ (sic) митрополита» [2]); но другіе изслѣдователи, рисуя болѣе или менѣе живописно фантастическую картину низведенія Зосимы, выставляютъ его приверженность къ «Жидовствующимъ», какъ уже несомнѣнную причину его заключенія [3]). И вся-то увѣренность основывается на воплях Іосифа, требовавшаго «очистить церковь отъ пагубнаго змія». Забываютъ при этомъ, что не такъ-то ужъ они были громки и что великій князь никогда ихъ не слушалъ, успокоивая ревностнаго игумена лишь одними обѣщаніями [4]). Государь нисколько не сомнѣвался въ православіи митрополита; о семъ не могло быть даже и рѣчи, какъ это видно изъ разговора его съ Іосифомъ. Въ 1503 году, бесѣдуя съ нимъ наединѣ, Иванъ Васильевичъ каялся, что зналъ о ереси протопопа Алексѣя, Өедора Курицына и своей невѣстки Елены Стефановны, но ни словомъ не упомянулъ про Зосиму [5]). Это ли еще не лучшее оправданіе памяти умершаго святителя? Если для извѣстныхъ писателей въ сужденіяхъ о митрополитѣ Зосимѣ нѣтъ болѣе высшаго авторитета, какъ писанія Іосифа, то на какую же высоту тогда поставить признаніе великаго князя, эти слова исповѣди [6])?

Ө. М. И.

---

[1]) Тамъ же, стр. 264.

[2]) Истор. Рос., VI, столб. 125, изд. Эйнерлинга.

[3]) Истор. Рус. Церк., м. Макарія, VI, стр. 112, 134; Истор. Рос., Соловьева, кн. I, столб. 1551—1552 и др.

[4]) См. Посланіе Іосифа къ архим. Митрофану, Чт. Об. Ист. и др. 1847, I.

[5]) Тамъ же.

[6]) М. Макарій въ качествѣ косвеннаго доказательства „жидовства" Зосимы выставляетъ то обстоятельство, что имя его не упоминается въ синодикахъ, по которымъ совершалось поминовеніе Русскихъ митрополитовъ и другихъ іерарховъ въ Недѣлю Православія (Ист. Рус. Цер., VI, стр. 113, примѣч. 157). Но пропускъ его имени въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія. Въ синодикахъ пропущены также имена митрополитовъ Антонія (1572—1581 г.) и Діонисія (1581—1587 г.), въ православіи которыхъ никто не сомнѣвался; нѣтъ въ нихъ даже имени и пр. Нила Сорскаго; а онъ, какъ извѣстно, причисленъ Церковію къ лику святыхъ (Др. Рос. Библ., т. VI, стр. 435, 452, изд. 1788 г.).

Библиотека "Руниверс"

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ РЕЙМСѢ (1717).

Все тысячелѣтнее прошлое королевской Франціи тѣсно связано съ Реймсомъ, нѣкогда главнымъ городомъ Гальскаго племени Ремовъ, упоминаемыхъ Цезаремъ еще въ 52 году до Р. Х. Здѣсь Св. Реми (Remigius) въ 496 году послѣ Р. Х. крестилъ перваго короля Франковъ Хлодвига; здѣсь вѣнчалась наша великая княжна Анна, дочь Ярослава Мудраго, съ королемъ Генрихомъ I, и Жанна д'Аркъ короновала Карла VII... Въ позднѣйшую эпоху Реймсъ сталъ какъ бы святилищемъ королевской Франціи. Въ немъ хранились королевскія регаліи, совершались обряды коронованія.

Петръ Великій, на пути изъ Версаля, 22 Іюня 1717 г. провелъ полдня въ осмотрѣ историческихъ сокровищъ Французской Москвы.

Въ современныхъ хроникахъ сохранилось описаніе его пребываніе въ Реймсѣ [1]). Самостоятельный характеръ великаго государя, чуждавшагося всякихъ безполезныхъ церемоніаловъ, прямо и рѣзко удовлетворявшаго своей жаждѣ видѣть и знать, живо сказывается въ лаконической монашеской лѣтописи. Поѣздъ царя, согласно приказаніямъ, даннымъ изъ Версаля, былъ обставленъ тѣмъ же церемоніаломъ, какъ и королей Франціи. Интенданты провинцій заботливо сообщали другъ другу о привычкахъ и вкусахъ Московскаго гостя. Изъ Суассона, гдѣ уже онъ побывалъ, Нуанжель спѣшно писалъ въ Реймсъ: «Я приготовилъ царю ужинъ, гдѣ было много разной говядины, ветчины, языковъ, чернаго хлѣба,—нужно вамъ замѣтить, что все это очень по его вкусу...» Государь прибылъ въ Реймсъ около часа пополудни. Городскіе ворота были украшены царскимъ гербомъ и драпировками [2]). Передъ ними шпалерами стояла рота стрѣльцовъ (arquebusiers). Вдоль по улицамъ, вплоть до дворца архіепископа, куда ждали царя, также шпалерами стояли роты городской милиціи и лучники гвардіи губернатора. 36 пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстили пріѣздъ... Но еще приближаясь къ городу, государь приказалъ ѣхать, избѣгая народной

---

1) Régistre des choses mémorables arrivées en l'abbaye de Saint-Remy de Reims de l'année 1643 à l'année 1764, стр. 68, и Recueil des cérémonies extraordinaires faites en l'église de Reims de 1606 à 1768, стр. 256.

2) Сохранились счеты. Декоратору заплачено было 16 ливровъ. Вообще на пріемъ городъ истратилъ 800 ливровъ.

Библиотека "Руниверс"

встрѣчи, прямо въ абатство Св. Реми. Архіепископъ François de Mailly, duc de Reims, premier pair de France, долженъ былъ бросить всѣ приготовленія во дворцѣ и торопиться въ аббатство. Черезъ своего переводчика «князя Дуракина или Уракина» [1]) Петръ заявилъ, что желаетъ немедленно видѣть Sainte Ampoule [2]). Не обращая вниманія на архитектурныя чудеса храма, царь прямо прошелъ къ гробницѣ Св. Реми и долго разсматривалъ внимательно маленькій сосудъ, то и дѣло задавая вопросы черезъ толмача. По предложенію архіепископа, государь прошелъ затѣмъ въ залъ, гдѣ былъ накрытъ столъ. Не садясь (toujours debout), онъ отвѣдалъ нѣсколько «échaudez» [3]), перекрестился, выпилъ пива... и заявилъ, что̀ хочетъ видѣть Sainte Ampoule болѣе подробно: хочетъ, чтобы открыли хрусталь, ее заслоняющій. Покуда посылали за ключами для сосуда, открывавшагося только во время коронаціи, Петръ ѣздилъ въ другой монастырь, Saint-Nicaise. Осмотрѣвъ церковь, онъ поднялся на стѣны и долго съ интересомъ смотрѣлъ на одинъ изъ ея зубцовъ, отличавшійся способностью дрожать при звукѣ колокола. По словамъ хроники, «il se plaça lui-même sur l'arc-boutant, et tenant à la main ses tablettes, il y écrivit ses observations...» Какъ характерна эта подробность! Какъ живо она рисуетъ великаго императора, жадно собиравшаго наблюденія за границею! Изъ С.-Реми Петръ проѣхалъ ненадолго во дворецъ, осматривалъ соборъ Notre-Dame и любовался его чуднымъ порталомъ. Вечеромъ онъ уѣхалъ... [4])

Для Русскихъ Реймсъ представляетъ спеціальный интересъ, такъ какъ въ его Музеѣ хранится знаменитое «Славянское» Евангеліе [5]), коронаціонная колекція барона де-Байя и портретъ князя Волконскаго, коменданта Реймса въ 1814 году [6]). Евангеліе, сберегаемое какъ величайшее сокровище, представляетъ древнюю рукопись формата in 4°, въ ветхомъ розовомъ переплетѣ, на пергаментѣ, украшен-

---

[1]) Это, очевидно, князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, своякъ Петра Великаго (они были женаты на родныхъ сестрахъ Лопухиныхъ), который въ послѣдствіи былъ нашимъ посланникомъ въ Парижѣ и котораго превосходныя, многосодержательныя автобіографическія записки появились въ „Архивѣ Князя Ѳ. А. Куракина" (его прямаго потомка въ 6-мъ колѣнѣ). *П. Б.*

[2]) Сосудъ со св. муромъ, которымъ помазывались короли. Ampoule — собственно стклянка съ выпуклыми стѣнками. *П. Б.*—Въ разгаръ революціи, въ 1793 году, вожакъ простонародной толпы вынесъ эту многовѣковую святыню старой Франціи на Реймскую площадь и разбилъ ее молоткомъ въ дребезги. *П. Б.*

[3]) Старинное слово: пирогъ съ вареннымъ мясомъ.

[4]) Свѣдѣнія взяты въ Реймсѣ, при содѣйствіи г. Jadart, секретаря Реймской Академіи.

[5]) По преданію оно привезено великой княжной Анной Ярославовной. Недавно это Евангеліе издано подъ редакціей L. Léger Реймской Академіею.

[6]) Это князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, будущій декабристъ, котораго братъ князь Н. Г. Репнинъ-Волконскій въ это время былъ вицекоролемъ Саксонскимъ (мы видѣли бумаги съ его подписью Vice-König von Sachsen) и благодѣтельствовалъ Дрездену. *П. Б.*

Библиотека "Руниверс"

номъ миніатюрами и заставками. На первой страницѣ его четкимъ стариннымъ почеркомъ написано: «Le vice-chancelier du Czar, qui avait passé à Reims le 22 juin 1717, y passant le 27, fit lecture de la première partie de ce livre avec deux seigneurs qui étoient avec luy, très facilement; ils disent que c'était leur langue naturelle et ne peuvent lire la seconde partie». Дѣйствительно, вторая половина манускрипта писана буквами, напоминающими Армянскій алфавитъ *).

Портретъ майора кн. Сергѣя Волконскаго представляетъ одно изъ воспоминаній Наполеоновскихъ войнъ. Назначенный во время окупаціи Шампани комендантомъ Реймса, князь Волконскій сумѣлъ снискать къ себѣ всеобщую любовь. Когда онъ уходилъ, ему поднесенъ былъ ларецъ, украшенный брильянтами, гербомъ Реймса съ надписью: «Au prince Wolkonsky la ville reconnaissante». Благодарный городъ, желая увѣковѣчить память врага, сдѣлавшагося другомъ, заказалъ знаменитому Перену портретъ князя. Онъ превосходно сохранился и представляетъ молодого офицера съ полковничьими эполетами перваго полка 8-й пѣхотной дивизіи. Лицо продолговатое, тонкое, брито, со спокойными голубыми глазами и густыми рыжеватыми волосами.

У каменной стѣны, заплетенной виноградомъ, старикъ Анро остановилъ меня: «Смотрите—это Русскій подарокъ». Я увидѣлъ засѣвшее въ камнѣ сферическое чугунное ядро 4 ф. калибра. Надъ нимъ надпись: «Par des Russes, 12 Mars 1814»... Это слѣды нашей бомбардировки. По этому поводу мнѣ разсказывали, какъ другой князь Волконскій, начальникъ штаба арміи Винценгероде, пощадилъ Реймсъ. Въ городѣ въ то время случайно находился аббатъ Маккаръ (Macquart), когда-то начальникъ дворянскаго пансіона въ Петербургѣ, бывшій наставникъ князя. Онъ явился въ нашъ лагерь и, благодаря его заступничеству, Реймсъ былъ избавленъ и отъ бомбардировки, и отъ «грабежа... Таково преданіе, которое здѣсь у всѣхъ на устахъ.

Извлечено изъ любопытной статьи г-на П. Вожина: „Поѣздка въ Реймсъ" („Новое Время 1900, № 8716). Въ нашей печати довольно статей о пребываніи Петра Великаго во Франціи; но полной хроники доселѣ не имѣется, а между тѣмъ новыя о томъ показанія выходятъ на свѣтъ изъ архивныхъ тайниковъ. Обращаемъ вниманіе читателей на ту книгу „Архива Князя Воронцова", въ которой адмиралъ Чичаговъ свидѣтельствуетъ, что Петръ удивлялся преобладанію довольства и роскоши въ Парижѣ и Версали сравнительно съ тогдашнимъ нищенствомъ Французскихъ деревень и выразился въ такомъ смыслѣ: „Если я замѣчу подобное за моимъ Петербургомъ, то первый зажгу его съ четырехъ угловъ". *П. Б.*

---

*) Королева Викторія показывала княгинѣ Маріи Аркадіевнѣ Вяземской, какъ величайшую рѣдкость, нашъ Псалтырь и была изумлена, когда княгиня стала свободно читать ее. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

СЕНАТСКІЙ ПРИГОВОРЪ ПО ДѢЛУ ЖЕСТОКОЙ БАРЫНИ.

1766 года Декабря 14 дня, по указу ея императорскаго величества, Правительсвующій Сенатъ, слушавъ доношеніе С.-Петербургской Губернской Канцеляріи и по приложенной при томъ выпискѣ со мнѣніемъ по производившемуся сперва въ Главной Полицiймейстерской Канцеляріи, а потомъ въ С.-Петербургскихъ Розыскной Экспедиціи и наконецъ въ той Губернской Канцеляріи, о вдовѣ Марьѣ Ивановой дочери, женѣ тайнаго совѣтника Даниды Ефремова, въ битьѣ ею крѣпостной своей дѣвки Акулины Осиповой, которая послѣ того вскорѣ умре.

И по выслушаніи всего, имѣя разсужденіе, приказали: Поднесть ея императорскому величеству отъ Сената всеподданнѣйшій докладъ слѣдующаго содержанія.

Чрезъ произведенное въ С.-Петербургской Розыскной Экспедиціи слѣдствіе по дѣлу, вступившему изъ Главной Полицiймейстерской Канцеляріи, а въ ту Канцелярію по поданному при доношеніи войска Донскаго атамана Степана Ефремова команды его отъ бузоваго Татарина Аширалеева объявленію, открылось.

Т. сов. Даниды Ефремова жена, вдова Марья Иванова дочь, Мая 7 д. 1766 г., призвавъ въ квартиру свою артиллерійскихъ двухъ фузелеровъ и одного барабанщика, приказывала имъ сѣчь дворовую свою дѣвку Акулину Осипову дочь, которая ими и сѣчена батогами и послѣ того на другой день по утру умре. Прежде нежели слѣдствіе о томъ начато, однако того жъ числа, въ которое отъ атамана Ефремова поданное къ нему отъ Татарина Аширалеева и отъ него въ главную полицію объявленіе вступило, вдова Ефремова вѣдомства полицейскаго въ съѣзжемъ дворѣ, а потомъ и при слѣдствіи показывала (какъ то и наказателями и бывшими при ней служителями засвидѣтельствовано), что та дѣвка наказывана за чинимыя ею предъ ней Ефремовой противности, воровства и побѣги, и сѣчена весьма умѣренно, и умерла не отъ побой, а сама себя умертвила ядовитымъ зеліемъ, которое у нея при томъ наказаніи было во рту, но вынуть не усилились, и тѣхъ-де

Библиотека "Руниверс"

зеліевъ нѣсколько найдено въ ея скарбѣ. А потомъ еще и отъ Татарина Ашипралеева объявлена отданная ему отъ той дѣвки послѣ битья ея скляночка, которая отъ вдовы Ефремовой и представлена къ свидѣтельству. Но по свидѣтельству Медицинской Канцеляріи, то называемое ею Ефремовою ядовитымъ зеліе явилось составъ, употребляемой къ бѣленію лица, и кромѣ ртути и марказита ядовитаго ничего не найдено; по осмотру жъ Главной Полиціймейстерской Канцеляріи штабъ-лекаря и по анатоміи С.-Петербургскаго Госпиталя Конторы, по вскрытіи той дѣвки тѣла, внутри члены оказались здоровы, и отъ мышьяка въ животѣ ничего не найдено, а снаружи усмотрѣно на спинѣ антоновъ огонь и повидимому, что оный приключился отъ пребезмѣрнаго битья, отъ чего и умре. А законами повелѣно, воинскихъ артикуловъ 19 главы на 154 пунктѣ въ толкованіи: «Судьѣ надлежитъ гораздо смотрѣть, какимъ оружіемъ убитый убитъ или поврежденъ былъ, тѣмъ ли битъ, отъ чего могъ легко умереть, яко топоромъ, кольми, дубиною и прочимъ, или инымъ чѣмъ, яко малыми палочками и прочимъ, чѣмъ нелегко смертно убить возможно; въ которомъ послѣднемъ случаѣ обыкновенное наказаніе произвести невозможно, но на разсмотрѣніе судейское предается; ежели жъ случится, что нѣкоторый главный подчиненныхъ своихъ за нѣкоторыя причины захочетъ наказать, а такое въ достойной и въ должности его чиновной ревности зло учинится, что наказанный отъ того наказанія умретъ, то вѣдати надлежитъ, что оный главный по мнѣнію правоучителей не животомъ, но жестоко имѣетъ быть наказанъ, либо оставленіемъ чина на время и службою рядовымъ, денежнымъ штрафомъ или заключеніемъ». Во 158 артикулѣ: «Ежели случится смертный убой хотя не нарочно и не волею, чтобъ кого убить или поранить, однакожъ сочинитель того виновенъ есть, понеже убійство отъ того произошло, и тако наказаніе исполнится надъ виноватымъ, по дѣлу и состоянію онаго и какую въ томъ вину имѣетъ или тюрьмою, или денежнымъ наказаніемъ, шпицрутеномъ, или сему подобнымъ». На сей пунктъ въ толкованіи: «Въ семъ случаѣ можно виноватому церковное покаяніе возложить купно съ другими наказаніями».

Сенатъ, разсуждая по симъ законамъ открывшіяся въ семъ дѣлѣ обстоятельства, хотя не находитъ того, чтобъ предписанная вдова Ефремова къ смертному убійстству дѣвки ея имѣла умыселъ, а потому и умышленнымъ смертоубійствомъ считать не можетъ; но осмотръ полицейскаго штабъ-лекаря и анатомія С.-Петербургской Госпитальной Конторы свидѣтельствуютъ, что та дѣвка по видимому умерла отъ приключившагося ей антонова огня отъ безмѣрныхъ побой; а за тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

и не можно ее во всемъ оправдать, но надлежитъ, въ силу вышеупомянутыхъ воинскихъ артикуловъ, за таковой въ неумѣренномъ наказаніи поступокъ предать ее Ефремову церковному покаянію. Но какъ она жена тайнаго совѣтника, а сей чинъ по табели о рангахъ положенъ въ рангѣ генерала-поручика, то Сенатъ собою того опредѣлить не можетъ, а все оное всеподданнѣйше подвергнувъ въ высочайшее ея императорскаго величества благоволеніе, проситъ указа.

Слѣдуютъ подписи графа Скавронскаго, князя Козловскаго и оберъ-секретаря Анисима Князева.

*

Въ усиленіи крѣпостничества обыкновенно обвиняютъ у насъ императрицу Екатерину Вторую. Правда, при ней запрещено было крѣпостнымъ жаловаться на помѣщиковъ, утверждено крѣпостное право въ Малороссіи, усилена раздача многихъ сотенъ тысячъ крещеной собственности временщикамъ и любимцамъ; но на ряду съ этимъ, мы встрѣчаемъ рядъ наиболѣе громкихъ процессовъ по обвиненію помѣщиковъ въ злоупотребленіи власти, обыкновенно кончавшихся далеко не въ пользу виновныхъ. Нерѣдко Императрица сама направляла ходъ слѣдствія и предупреждала приговоры высшаго суда, склоннаго потворствовать мучителямъ. При Екатеринѣ II разрѣшились дѣла Салтыковой, Эттингерши, Шеншина и многихъ другихъ. При ней же было уничтожено закрѣпленіе военноплѣнныхъ не-христіанскаго вѣроисповѣданія, а потомъ вообще всѣхъ вольныхъ людей [1]). Въ 1771 году состоялось запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли [2]).

Какъ видно изъ Наказа, передъ созывомъ Комиссіи 1767 года, Императрица явно стояла за ограниченіе помѣщичьей власти. „Не можетъ земледѣльчество, говоритъ она въ своемъ Наказѣ, процвѣтать тутъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ ничего собственнаго“. „Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы онѣ съ большимъ осмотрѣніемъ располагали свои поборы“, читаемъ мы тамъ же.

Извѣстно, что въ первоначальной редакціи Наказа статьи о крѣпостныхъ занимали очень видное мѣсто; но въ цензурѣ лицъ, которымъ Императрица читала свои предначертанія, они сократились до послѣдней степени. Въ дошедшемъ до насъ черновомъ отрывкѣ рукописи Наказа имѣются, напримѣръ, слѣдующія мысли: „Законы должны о томъ имѣть попеченіе, чтобы рабы и въ старости, и въ болѣзни не были оставлены... Надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ жизни. Желательно, чтобъ можно было закономъ предписать въ производствѣ сего (т. е. суда помѣщика надъ крестьянами), по которому бы не оставалось нималаго подозрѣнія въ учиненномъ рабу насиліи“. Далѣе высказывается желаніе образовать судъ изъ

[1]) Указъ 20 Окт. 1783 г. П. С. З. № 15853.
[2]) Указъ 5 Авг. 1771 г. П. С. З. № 13634.

Библиотека "Руниверс"

крестьянъ, „для уменьшенія домашней суровости помѣщиковъ или слугъ, ими посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное“. Это были тѣ самыя правила, про которыя одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей того времени, Панинъ, выразился, что они способны renverser des murailles *). Въ Комиссіи 1767 г. вопросъ о крѣпостныхъ вызвалъ ожесточенныя пренія; всякія улучшенія въ быту помѣщичьихъ крестьянъ отрицали представители родового Русскаго дворянства князь Щербатовъ и Чаадаевъ. Не въ томъ иномъ, какъ въ большинствѣ высшаго сословія, крѣпостное право нашло свою опору и защиту, и съ нимъ пришлось считаться единомышленницѣ Монтескье.

Сенатъ, хранитель законовъ, высшая апелляціонная судебная инстанція, наперекоръ разуму и чувству, всячески въ своемъ приговорѣ постарался выгородить виновницу страшнаго дѣянія; не будучи въ состояніи совершенно обѣлить тайную совѣтницу Ефремову, онъ подвелъ ее подъ смягчающія обстоятельства, предусматриваемыя Воинскимъ Уставомъ и притомъ въ отношеніи воинскихъ же начальниковъ и подчиненныхъ.

Какое было рѣшеніе Государыни, остается неизвѣстно.

В. Грибовскій.

*) Т. е. подорвать стѣны.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ВАТИКАНСКАГО АРХИВА ВЪ РИМѢ.

Въ Ватиканскомъ Архивѣ въ Римѣ, при моемъ просмотрѣ документовъ, относящихся къ исторіи Россіи, въ папкѣ подъ наименованіемъ „Polonia-Russia, № 344, Add. II, обратила на себя вниманіе приводимая ниже реляція. Къ сожалѣнію, реляція эта не имѣетъ ни подписи автора, ни числа и года*), когда и откуда написана; но одно то, что она сохраняется въ числѣ бумагъ Архива, и изображаетъ политическое положеніе разныхъ государствъ Европы, побуждаетъ меня, не смотря на ея анонимность, привести здѣсь этотъ документъ въ переводѣ и въ подлинникѣ.

Въ той же папкѣ находится письмо графа П. А. Румянцова изъ Яссъ отъ 22 Мая 1772 г. на Французскомъ языкѣ.

П. Прокоповичъ.

1 Іюля н. ст. 1900 г. Римъ.

Стокгольмскій парламентъ сталъ серьозной помѣхою власти короля, который могъ бы воздержаться отъ его открытія, если бы примѣръ двухъ предыдущихъ (сеймовъ?) не далъ ему основанія надѣяться на полученіе новыхъ субсидій отъ настоящаго. Сословіе крестьянъ сдѣлалось до того многочисленнымъ, что приверженцы двора не могли сопротивляться ихъ голосамъ, и король почти потерялъ всю свою власть, пріобрѣтенную имъ во время переворота. Какъ только сеймъ закрылся, король принялъ у себя въ лагерѣ Сканіи (nel campo della Scania) Датскаго наслѣднаго принца (principe reale), а затѣмъ отправился въ окрестности Копенгагена, чтобы имѣть свиданіе съ Датскимъ дворомъ. Эти взаимныя посѣщенія позволяютъ надѣяться на скорое исчезновеніе старинной ненависти и подозрѣній, существовавшихъ столько времени между этими двумя націями. И если бы Данія не была такъ сильно связана съ Россіей владѣніемъ герцогства Гольстинскаго, то флоты Шведскій и Датскій могли-бы, навѣрное, оспаривать у Россіи Зундскій проливъ и владѣніе сѣверными морями. Въ Петербургѣ, между двумя партіями, которымъ почти въ равной степени благопріятствуетъ царица, зрѣютъ сѣмена разногласія. По случаю годового праздника восшествія на престолъ Екатерины, друзья Безбородко (Betzborodko)

---

*) Почти навѣрное можно сказать, что реляція писана въ первую половину 1786 года. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

были осыпаны почестями и подарками и получили важныя назначенія, между тѣмъ какъ приверженцамъ Потемкина не было оказано ни малѣйшей милости. Оттого первые уже поютъ побѣду, тогда какъ послѣдніе не теряютъ надежды добиться въ другой разъ своей цѣли, помня о сильномъ вліяніи Потемкина на душу царицы, проявлявшемся нѣсколько разъ. Недостатокъ настоящихъ денегъ въ этой имперіи заставляетъ прибѣгать къ увеличенію количества банковыхъ нотъ (кредитокъ), которыхъ въ оборотѣ уже было на 90 милліоновъ рублей, а фабрикуется въ настоящее время свыше 30 милліоновъ. Къ этому воображаемому богатству надо прибавить 60 милліоновъ мѣдной монеты, которая, благодаря своей императорской печати (чеканкѣ), получаетъ стоимость вдвое больше противъ ея внутренней цѣнности, такъ что въ настоящее время въ Россіи циркулируетъ 150 милліоновъ рублей на основаніи (въ силу) общественнаго довѣрія. Отъ этого происходятъ два неудобства: первое, что увеличеніе количества размѣнныхъ (наличныхъ) денегъ вызываетъ дороговизну всѣхъ предметовъ; второе, что государственная казна переполнена знаками, которые не приносятъ никакой пользы при веденіи сухопутныхъ или морскихъ войнъ внѣ Русскихъ владѣній. Императрица испытываетъ неудовольствіе по поводу вѣстей изъ Парижа, что молодой Русскій путешественникъ Бобринскій, къ которому она питаетъ особенную привязанность, предался весь пьянству, игрѣ и неограниченному разврату. Если этотъ господинъ останется на свѣтѣ при смерти герцога Курляндскаго, то полагаютъ, что царица ему отдастъ это (феодальное) владѣніе, которое съ прекращеніемъ фамиліи Кеттлера находится въ распоряженіи Русскихъ, какъ Молдавія и Валахія—Турокъ. Относительно этихъ двухъ провинцій, расположенныхъ между Чернымъ моремъ, Польшей и Трансильваніей, ходятъ въ Польшѣ нѣкоторые слухи, и неизвѣстно, на сколько имъ можно вѣрить. Говорятъ, что императрица Россіи, нуждаясь въ помощи Цезаря противъ Турокъ, расположена позволить ему захватить эти двѣ провинціи, что́ имѣетъ очень важное значеніе для усиленія ея власти въ Польшѣ, и готовится къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ въ этомъ королевствѣ. Но разъ царица не отказалась отъ мысли завоевать Турецкую имперію и продолжать пользоваться Польшей какъ провинціей своего государства, то она не можетъ позволить, чтобъ могущество Императора на столько усилилось въ тѣхъ мѣстахъ. Въ первомъ планѣ раздѣла Турецкой имперіи Императоръ ограничился предполагаемымъ присоединеніемъ Сербіи, Босніи и части Болгаріи, а Молдавія и Валахія предназначались князю Потемкину съ титуломъ герцога. Затѣмъ онъ направилъ свои желанія и гордость къ основанію королевства отъ береговъ Каспія до береговъ Чернаго моря, гдѣ нѣкогда царилъ Мит-

Библиотека "Руниверс"

ридатъ; но Татары Leschiz (Лешицкіе?), кажется, намѣреваются задержать завоеваніе Русскихъ войскъ, которыя тамъ сражаются неудачно уже полтора года съ имамомъ Мансуромъ, Татарскимъ вождемъ, авантюристомъ великаго ума и мужества. Онъ распространилъ слухъ, что онъ изъ рода Игамасъ Кёликанъ (Ihamas Kölikan). Недавно въ Ливорно онъ принялъ христіанство. Онъ много путешествовалъ по Европѣ, Африкѣ и Азіи. Онъ хорошо говорить по татарски, арабски, новогречески, французски и итальянски, но пользуется суевѣріемъ для того, чтобы лучше удерживать подъ своими знаменами народы, надъ которыми онъ властвуетъ. Турки его поддерживаютъ оружіемъ, аммуницiей и провіантомъ и позволяютъ публично продавать въ Константинополѣ за его счетъ рабовъ, захваченныхъ для него въ Грузіи, гдѣ немногіе Русскіе плохо поддерживали народности, передавшіяся во власть Императрицы. Эти событія могутъ, пожалуй, быть прелюдіей къ жестокой войнѣ на Востокѣ. Г-нъ Булгаковъ не добился благопріятнаго результата отъ рейсъ-эффенди, котораго онъ просилъ не помогать Татарамъ, уступить Грузію Царицѣ и позволить ей назначить Русскаго консула въ Варнѣ. Диванъ понялъ наконецъ, что сколько бы онъ ни соглашался на многочисленныя требованія Царицы, она никогда не удовлетворится вполнѣ, и что совѣты Франціи, побудившей его уступить Кубань и Крымъ, не были совѣтами друга и союзницы. Муфти далъ приказъ (un festa) великому визирю лучше подвергнуть себя опасности войны, чѣмъ уступить больше одну деревню съ цѣлью сохранить миръ. Увидимъ, что́ произойдетъ въ Россіи отъ такой непривычной твердости мусульманъ. Венеціанамъ бы не слѣдовало усиливать подозрѣній Турокъ выказываніемъ своей особенной дружбы съ Русскими; иначе имъ придется жалѣть о нарушеніи нейтралитета, который имъ такъ необходимъ при настоящей ихъ разслабленности. Неурядицы въ Аахенѣ скоро прекратятся, за то въ Голландіи онѣ ростутъ замѣтнымъ образомъ, такъ что провинція Голландія рѣшила окончательно вырвать изъ рукъ штатгальтера власть президента въ Гаагѣ. Это рѣшеніе было принято десятью депутатами противъ девяти, которые стояли за губернатора. Французы подожгли огонь и чтобы показать, что они желаютъ прекращенія пожара, они немного дуютъ въ него, потому что штатгальтерство Голландіи дѣло рукъ Англичанъ. Возможно, что, будь уже на тронѣ братъ принцессы Оранской, которому предоставлено разрѣшеніе этого дѣла, то оно не кончилось бы такъ спокойно.

Французы только того и добиваются, чтобы вредить Англичанамъ, и только хотѣли бы, чтобы въ Европѣ не возникло никакой причины къ поднятію оружія раньше, чѣмъ они не почувствуютъ въ себѣ до-

Библиотека "Руниверс"

статочныхъ силъ для разрыва отношеній съ Англіей. Поэтому они стараются удерживать Императора отъ оказанія помощи Царицѣ противъ Турокъ, не противятся вліянію Прусскаго двора въ имперіи, и хотѣли бы остаться въ союзѣ съ Австрійскимъ домомъ и пріобрѣсти дружбу Бранденбургской династіи. Но единственный проектъ морской лиги между Франціей, Голландіей, Испаніей и Португаліей былъ нарушенъ трактатомъ, заключеннымъ Англичанами въ Мадридѣ относительно береговъ Мусквито (въ Мексикѣ) и колоній Англійскихъ и Испанскихъ въ тѣхъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ Англійскій посолъ въ Мадридѣ былъ увѣряемъ графомъ Флорида-Бланка, что Испанскій король уже не войдетъ въ эту морскую лигу, направленную противъ Англіи. Въ скоромъ времени появится въ свѣтъ коммерческій трактатъ, заключенный между Прусскимъ королемъ и федеративными штатами Америки, который составитъ эпоху въ исторіи международнаго права, по причинѣ философскихъ началъ, принявшихъ въ немъ форму закона по отношенію къ свободѣ и безопасности торговли между націями, ведущими войну на морѣ, и относительно способа сдѣлать войну менѣе жестокою для частныхъ лицъ, къ войскамъ непричастныхъ, и главнымъ образомъ ля купцовъ, крестьянъ, литераторовъ и духовныхъ лицъ. Можно пожелать, чтобъ этотъ трактатъ послужилъ основой для подобныхъ въ будущемъ трактатовъ въ Европѣ.

Relazione.

La Dieta di Stockolm è stata di grave pregindizio all'autorità del Re il quale avrebbe potuto passarsi di convocarla se l'ésempio delle due anteriori non gli avesse dato speranza d'ottenere nuovi sussidj dalle presente. L'ordine dè Paesani è stato cosi numeroso, che i partigiani della Corte non hanno potuto stare a fronte dé loro abbondanti suffragj e il Re per poco che ha perduta tutta l'autorità acquistata nella rivoluzione. Chiusa la Dieta egli ha ricevuto nel Campo della Scania la visita del Principe Reale di Danimarca, e si è appresso recato nelle vicinanze di Coppenhagen per rivedere la Corte di Danimarca. Questa visita reciproca fa sperare che saranno estinti alla fine gli antichi odj, e svaniranno i sospetti ne'quali vivevano da tanto tempo queste due Nazioni. E se sa Danimarca non fosse si ben collegata colla Russia a cagione del Possesso del Ducato d'Holstein certo le flotte Svedesi e Danesi potrebbono contendere alla Russia il passo del Sund, e l'Impero de' Mari del Nord. In Pietroburgo fermentano i semi di domestiche dissenzioni fra due parti quasi ugnalmente favorite dalla Czara. All'occasione dell'Anniversario del Regno di Caterina gli aderenti di Betzborocko hanno ricevuto onori, ricompense e cariche rilevanti, senza che i clienti di Pottemckin abbiano partecipato alla minima grazia; onde i primi già cantano vittoria, mentre i secondi non perdono la Speranza di rinscire un'altra volta al loro intento memori de'reiterati effetti del gran predominio de' Pottemckin sull'animo della Czara. Il disetto di vera moneta in quell'Impero fa ricorrere all'aumento delle cedole di Banco, delle quali già ne aveva per 90 millioni di Rubli in corso, ed oltre a 30 millioni se ne fabbricano al presente. Aggiungasi a questa riccherza immaginaria 60 millioni di moneta di rame, a cui il suo conio imperiale dà un valore di una volta cotanto della sua valuta intrinseca: cosicchè circolano al presente in Russia 150 millioni di Rubli fondati sulla fede pubblica. Da ciò due mali derivano, ii

Библиотека "Руниверс"

primo che la moltiplicazione del contante fa rincarire i prezzi d'ogni cosa, e il secondo che l'Erario imperiale è ripieno di cedole esso pure, le quali non sono d'alcun giovamento per le spese di guerra terrestre, e marittima fuori de Dominj Russi. L'Imperatrice prova il dispiacere d'intendere da Parigi che ilgiovine viaggiatore Russo Bobzinscky, per cui ella ha un particolare affetto, s'è dato alla crapola, al ginoco, e alla voluttà oltre ogni misura. Se questo Signore sarà al mondo alla morte del Duca di Curlandia credesi che l'Imperatrice lo investirà di quel Fendo, che dopo l'estinzione della Famiglia de Kettler è alla disposizione de'Russi, come la Moldavia, e la Valacchia de Turchi. Circa queste due Provincie poste fra il Mar Nero, la Polonia, e la Transilvania, corrono al presente certi rumori in Polonia, á quali non si sa quanta fede s'abbia a prestare. Dicesi che l'Imperatrice di Russia, bisognosa dell'ajuto di Cesare contro i Turchi, sie disposta a concedergli l'acquisto di queste due Provincie, le quali sarebbono per lui di somma importanza per rinforzare la sua dominazione in Polonia, e apparecchiansi a maggiori acquisti in quel Reame. Ma se la Czara non ha deposto il pensiere di far la conquista dell'Impero Turco. e di continuare a prevalersi della Polonia come di Provincia di suo Dominio, non potrà mai permettere che l'Imperatore cresca tanto in potenza in quelle parti. Nel primo piano di scompartimento dell'Impero Turco l'Imperatore s'era ristretto all'acquisto della Servia Bosnia, e parte della Bulgaria; ed era stato assegnato al Principe di Pottemckin la Moldavia, e la Valacchia col titolo di Duca. Appresso egli avea volte le mire, e l'ambizione a fondare un Reame dalle Sponde del Caspio alle Rive del Marnero, ove altre volte regnò Mitridate; ma i Tartari Leschiz sembrandisposti a ritardar quell'acquisto alle armi Russe, le quali combattono colà da un anno e mezzo con avversa fortuna con *Iman Manschur* capo de'Tartari, e un avventuriere di mente, e di valor grande. Egli ha divulgato che è della schiatta di *Ihamas Kôlikan* si fece Cristiano tempo fa in Livorno. Ha viaggiato in Eurôpa, in Affrica, e in Asia. Parla bene il Tartaro, l'Arabo, il Greco moderno, il Francese, e l'Italiano; ma usa della supetstizione per tener meglio sotto i suoi stendardi popoli, su'quali signoreggia. I Turchi lo soccorrono d'armi, e di munizioni da bocca e da guerra, e lasciano vendere publicamente in Costantinopoli a suo conto glischiavi per esso fatti in Georgia, ave non pochi Russi hanno mal sostenuto que'popoli datisi in balia dell, Imperatrice. Questi eventi potrebbono esser preludio d'aspra guerra verso l'Oriente. Mr. de Bulgackoff non ha ricevuto favorevol risposta dal Reis Effendi alle istanze fattegli di non soccorrere i Tartari dicedere alla Czara la Georgia, e di concederle lo sta bilimento d'un console Russo in Warna. Il Divano s'è accorto alla fine che per aderire ch'esso abbia fatto alle replicate istanze della Czara non l'ha mai appieno soddisfatta, e che i consiglj della Francia, da'quali s'è lasciato indurre a cedere la Crimea e il Kuban, non eran consiglj da amica e alleata. Il Mufti ha dato al gran signore un Festa, che gl'impuone di esporsi piuttosto a'pericoli della guerra, che dicedere più un solo villaggio ad effetto di conservar la pace. Vedremo che nascerà in Russia da tal non usata fermerza de'Mussulmani. I Viniziani faranno bene di non accrescere i sospetti de'Turchi col mostrare troppa familiarità co'Russi, che altrimente potranno pentirsi d'aver rotta la neutralità, la quale alla lor presente fia ccherza tanto si confà. I rumori d'Aquisgrana si calmeranno in breve; ma quelli d'Olanda crescono a segno, che la Provincia d'Olanda ha risoluto di levar recisamente dalle mani dello stadthouder il comando del prosidio dell'Haia. Questa risolutione è stata presa da dieci Deputati contro nove, i quali stavano per lo Standthonder. I Francesi hanno appiccato il fuoco, e per mostrare ch'e facciano di bramare che l'incendio s'estingua vi soffiano un poco dentro perchè lo Stadthonderato d'Orlanda è opera dege' Inglesi. Forse che se il fratello della Principessa d'Oranges fosse già sul trono, al quale è destinato quest'affare, non finirebbe tranquillamente.

I Francesi non hanno altro in mira, che di nuocere agl'Inglesi, e vorrebbono che non nascesse in Europa verun motivo di mos aad'arme fintantochè non si ravviveranno in loro le forze per romperla coll'Inghilterra. Perciò si affaticano di ritener l'Imperatore dal porgere ajuti alla Czara contro i Turchi, non si oppongono alla Corte di Prussia nell'Impero, e vorrebbono rimanere in lega con la Casa d'Austria, e acquistar l'amicizia

Библиотека "Руниверс"

di quella di Brandeburgo; ma il solo progetto di lega marittima fra la Francia, l'Olanda, la Spagna, e il Portogallo è stato rotto dal trattato concluso dagl'Inglesi in Madrid rispetto alle spiagge di *Musquito*, e agli stabilimenti Inglesi, e Spagnuoli di que'luoghi: mentre il Ministro d'Inghilterra a Madrid è stato accertato dal Conte di Florida-Blanca che il Re di Spagna non entrerebbe più in quella lega marittima contraria all'Inghilterra. In breve uscirà alla luce il trattato di commercio concluso fra il Re di Prussia, e gli stati confederati d'America, il quale farà epoca nella Storia del diritto pubblico, acagione delle massime filosofiche, che vi hanno preso forma di legge riguardo alla libertà, e sicurerza del commercio fra le Nazioni guerreggianti per mare, e circa il modo di render la guerra terrestre men grave a'particolari non addetti alle armi, e principalmente a'Mercanti, Coltivatori, Letterati, ed Ecclesiastici. E da desiderare che questo Trattato serva di testo a que che si concluderanno per l'avvenire in Europa.

Письмо графа П. А. Румянцова *).

Votre Excellence Monseigr. l'Amiral.

Il a plu a S. M. Impériale de me donner le plein pouvoir, pour traiter et convenir d'une Amnistie générale entre les deux Armées beligérantes selon les avances que la Porte Ottomanne a faites pour faire cesser la guerre présente; et pour que cette Amnistie conclue en mon nom pour arrêter les hostilités eût aussi lieu sur les opérations de la Crimée et de la Mer Noire avec un accord unanime d'avoir le même effet en Asie du côté de la Géorgie. En conformité de cette proposition, Moi et le grand Vizir Moussonzade Mechmet Pacha, chef de leur Armée ayant de même plein pouvoir de son Souverain pour cette Négociation par nos Commissaires mutuels: de mon côté le Conseiller M-r de Simolin et du côté du Grand Vizir Abdoul-Kerim Effendi, Président de la chambre de Milice à cheval, qui se sont donnés le Rendez vous à Giuirgevo avons conclû et affermi le 19 de ce mois de Maj l'amnistie générale pour faire arrêter les hostilités de toutes les deux parties; et a raison de cela ayant donné mes ordres pour tous les endroits où il était nécessaire de la savoir en y joignant l'Acte de cette Amnistie, pour que toute sorte des Opérations de cette guerre cessent pendant le tems dont on y est convenu. J'ai en meme tems l'honneur de communiquer la Copie de cette convention à Votre Excellence pour que vous en soyez parfaitement instruit à fin que vous puissiez faire part dons vos Ordres a tous ceux qui dépendant de Votre direction soyent dans le cas de s'y conformer. Au reste j'ai l'honneur d'être avec le respect le plus parfait De Votre Excellence Le très humble et très obeissant serviteur C. Roumantzoff.

Jassy, le 22 Maj 1772.

(Archivio Seggreto della S. Sede.—Polonia-Russia. 97. 314. Add. II.).

---

*) Соблюдено подлинное правописаніе.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ МОЕЙ СТАРИНЫ.

Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго *).

Среда, въ которой человѣкъ проводитъ свою молодость, имѣетъ великое на него вліяніе: она создаетъ въ немъ тѣ идеалы, которые онъ сохраняетъ на всю жизнь.

Хорошо, когда эта среда не идетъ въ разрѣзъ и не противорѣчитъ началамъ религіи и нравственности, насаждаемымъ родителями въ своихъ дѣтяхъ, какъ это слишкомъ часто бываетъ въ настоящее время, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ явились въ нашемъ обществѣ непрошенные и непризванные проповѣдники - лжеучители, которые даже измыслили собственныя Евангелія. Общество, въ которомъ зрѣетъ юноша, разумѣется, есть счастливая случайность и можетъ только развить и дополнить то, что̀ юноша пріобрѣлъ въ своемъ дѣтствѣ и отрочествѣ отъ хорошихъ родителей.

Говоря о хорошихъ родителяхъ, я вспоминаю о нашей семейной жизни въ селѣ Ошейкинѣ и прежде всего считаю долгомъ почтить память моего отца и матери.

Съ душевнымъ волненіемъ до сихъ поръ вспоминаю я о своей покойной матери и, принимаясь о ней говорить, невольно сравниваю ее съ собою и чувствую всю свою нравственную убогость. Такой несокрушимой вѣры, чистоты и кротости я въ жизни никогда ни въ комъ не встрѣчалъ. Я не могу вспомнить безъ глубокаго душевнаго умиленія про неустанныя и нѣжныя, хотя трезвыя и благоразумныя, ея заботы о всѣхъ насъ. Когда я думаю о своей молодости, то цѣлый рой разныхъ случаевъ проявленія ея материнской любви къ намъ толпится въ моей головѣ. Образъ этой святой женщины встаетъ предо мною, какъ живой. Она была замѣчательно стройная, немного выше средняго роста, держалась всегда прямо, но безъ принужденія; всѣ движенія ея были немного медленны и граціозны, но безъ всякой рисовки. Замѣтна была въ ней съ дѣтства большая выдержанность: это

---

*) См. выше, стр. 239.

Библиотека "Руниверс"

былъ типъ настоящей аристократки. У нея были каштановые волосы, и довольно длинные локоны окаймляли ея нѣсколько продолговатое лицо. Глаза у нея были большіе, голубые, бирюзоваго цвѣта, некруглые, по миндалеобразной формы; брови ея были какъ нарисованныя, прямыя, спускаясь только по концамъ. Взглядъ ея былъ необыкновенно кроткій и свѣтлый; носъ чрезвычайно тонкій, Греческій, съ самой легкой горбиной посреди; ротъ маленькій, подбородокъ небольшой. Словомъ, правильныя черты ея лица могли бы служить хорошему художнику-скульптору прекрасной моделью для изображенія Греческой статуи.

Среди ея многочисленныхъ занятій по нашему воспитанію (она присутствовала часто при нашихъ урокахъ), по хозяйству, по садоводству и по благотворительнымъ своимъ заведеніямъ, которыя она посѣщала часто, она еще находила возможнымъ много удѣлять времени своему мужу, который ее боготворилъ и безпрестанно за ней посылалъ, чтобы между дѣломъ, во время отдыха отъ своихъ трудовъ, которыхъ у него всегда было въ избыткѣ, побыть съ нею и отдохнуть возлѣ своей кроткой спутницы и друга. Ей на все доставало времени.

Скоро ихъ чета, какъ въ семьѣ, такъ и между знакомыми, прослыла образцомъ супружескаго счастія. Дѣйствительно, я не помню, чтобы въ продолженіе десятилѣтняго нашего пребыванія въ с. Ошейкинѣ я когда нибудь замѣтилъ какое нибудь несогласіе между отцомъ моимъ и матерью, хотя въ однообразной и тихой деревенской жизни всякая особенность принимаетъ размѣры событія, и по всей вѣроятности я помнилъ бы, если бы какое нибудь несогласіе между родителями произошло при мнѣ.

Сколько разъ я въ своей жизни вспоминалъ тѣ святыя материнскіе нравоученія и совѣты, которые она мнѣ давала, и какъ часто она мнѣ указывала путь, или останавливала меня на краю пропасти? Ея слова оставались какъ-то невольно въ памяти; они были просты, ясны, сжаты и отличались особымъ краснорѣчіемъ, потому что они проникнуты были всегда духомъ Евангельскимъ и глубокою вѣрою.

И такова наша слабая человѣческая натура, и до такой степени сильны въ человѣкѣ животные инстикты, что человѣкъ можетъ такъ часто, во время своей бурной молодости, забывать даже и подобныя наставленія, преподанныя ему такою матерью!!

Теперь, доживши до старости и оборачиваясь назадъ, я сознательно могу судить и оцѣнять то вліяніе, которое моя мать имѣла на

Библиотека "Руниверс"

меня въ продолженіи моей жизни. Увы! Почему ея нѣтъ теперь въ живыхъ, чтобы я имѣлъ возможность исправить ошибки моего прошлаго по отношенію къ ней, а именно: недостатокъ вниманія и любви; словомъ, вознаградить ее за все, что̀ она сдѣлала для меня, неблагодарнаго, своего любимаго, сына? Я чувствую, что я остался передъ ней въ какомъ-то огромномъ неоплатномъ нравственномъ долгу.

Наше дѣтство было самое счастливое подъ эгидою этой идеальной матери, при правильномъ распредѣленіи занятій и среди самой тихой и невозмутимой деревенской жизни.

Наша старая нянька Татьяна Осиповна была настоящій неподражаемый типъ хорошей Русской няньки прежняго времени. Привязанность ея къ намъ была безграничная, такъ же какъ ея неутомимость. Она была чрезвычайно набожная, добрая, но не доводила своей доброты съ нами до баловства.

Она выростила шестерыхъ изъ насъ; затѣмъ, кончивъ свое дѣло, она долго служила въ нашемъ домѣ экономкой и наконецъ въ глубокой старости докончила свой вѣкъ на пенсіи у меня въ подмосковномъ имѣніи, гдѣ и похоронена возлѣ церкви.

Она въ послѣдніе годы своей жизни крѣпко была огорчена тѣми заботами, которыя должны были, по ея глубокому убѣжденію, несомнѣнно сопровождать для меня великое дѣло освобожденія крестьянъ. Замѣчательно при этомъ то глубоко тронувшее меня обстоятельство, что, чувствуя близкій свой конецъ, она приказала просить меня къ себѣ. Когда я пришелъ къ ней въ ея небольшую, но чистенькую комнатку, она, усадивъ меня около своего изголовья, умоляющимъ, но твердымъ голосомъ передала мнѣ свою послѣднюю волю, которая состояла въ томъ, чтобы я изъ ея капитала, накопленнаго изъ ея сбереженій за 50 лѣтъ ея службы у насъ въ домѣ, сдѣлалъ бы всѣ указанные ею расходы на ея погребеніе и вклады въ церкви за упокой ея души, входя при этомъ во всѣ подробности самыхъ похоронъ.

Когда послѣ этого оказалось, что за всѣми этими расходами изъ ея капитала остатокъ представлялъ довольно крупную относительно сумму въ 300 рубл., то эта трогательная женщина и вѣрная слуга со слезами отъ волненія и умоляющимъ голосомъ стала меня просить не отказать ей принять отъ нея это наслѣдіе, наивно, но чистосердечно полагая, что эти 300 рубл. могутъ облегчить меня въ моемъ, завѣдомо ей извѣстномъ, страшно - затруднительномъ и тяжеломъ положеніи, вслѣдствіе эмансипаціи и требуемыхъ за симъ по имѣнію отъ меня значительныхъ расходовъ.

Библиотека "Руниверс"

Я былъ нѣсколько пораженъ этою неожиданностью и очень растроганъ. Чтобы не огорчить добрую старуху въ такую минуту, я долженъ былъ на ея нѣсколько разъ повторенную усердную просьбу отвѣтить моимъ согласіемъ, успокоивъ ее, насколько это было возможно, относительно достатка моихъ будущихъ денежныхъ средствъ, такъ какъ она видимо надѣялась своими 300 рублями спасти меня отъ казавшагося ей конечнаго разоренія. Разумѣется, послѣ ея смерти, не полагая этимъ взять большой грѣхъ на душу, я внесъ эти деньги вкладомъ отъ ея имени въ нашу деревенскую церковь.

Возвращаясь къ моему дѣтству, я долженъ сказать, что мы трое старшихъ, т. е. братъ мой Борисъ, сестра Елена и я, составляли въ семьѣ старшую группу дѣтей, имѣвшихъ общія игры и занятія и тѣсно связанныхъ между собою дружбою. Я страстно любилъ своего старшаго брата и во всемъ ему подражалъ, а сестрѣ оказывалъ всегда помощь и свою протекцію.

У каждаго изъ насъ неподалеку отъ дома въ саду были свои маленькіе садики, которые мы украшали и устраивали сами; посреди былъ выстроенъ для насъ домикъ круглый, въ которомъ была мебель и хранились наши садовые инструменты.

Я помню при этомъ одинъ своеобразный случай со мною, а именно. Недолго интересовалъ меня мой собственный садикъ, въ которомъ я ограничился только посадкой двухъ картофелинъ; я нѣсколько разъ принимался за работу въ моемъ садикѣ, но работа какъ-то не спорилась; она страшно меня какъ-то утомляла, и я съ отчаянія бросалъ свою лопатку или грабли. Но все данное намъ на это занятіе время я усердно употреблялъ для распланировки и украшенія цвѣтами садика моей сестры, въ которомъ я работалъ неустанно, съ особеннымъ удовольствіемъ и трудился въ пóтѣ лица, разумѣется съ помощію одного изъ садовыхъ мальчиковъ. Садикъ же мой оставался въ полномъ запустѣніи и одичаніи, кромѣ двухъ огромныхъ кустовъ картофеля, выросшихъ отъ посаженныхъ мною сѣмянъ и которые имѣли очень большой успѣхъ въ семействѣ, такъ какъ по вырытіи моими собственными руками огромнаго количества превосходнаго картофеля, я имѣлъ удовольствіе отдать его на кухню и угощать за ужиномъ все семейство собственными трудами выращенною любимою овощью. Старшій же мой братъ былъ очень прилеженъ и учился лучше всѣхъ насъ.

Сестра моя была живая дѣвочка и любила играть со мною въ мужскія игры, тогда какъ братъ въ тоже время любилъ заниматься

Библиотека "Руниверс"

ея куклами. Мы были вообще рѣзвыя и здоровыя дѣти и рѣдко болѣли. Самымъ большимъ удовольствіемъ нашимъ было катанье верхомъ по праздникамъ и ежедневныя наши прогулки пѣшкомъ въ с. Брыково, верстахъ въ двухъ разстоянія.

Мы часто по воскресеніямъ ѣзжали съ нашимъ менторомъ въ с. Лотошино къ бабушкѣ. Къ сосѣдямъ насъ не возили, за исключеніемъ старухи Марьи Степановны Татищевой, жившей въ семи верстахъ отъ насъ и питавшей къ намъ какую-то особенную нѣжность. Марья Степановна придумывала для насъ разныя игры и забавы, между прочимъ катанье съ горъ въ зимнее время. Въ этомъ случаѣ она всегда насъ поручала своему самому ловкому лакею Дмитрію Баранову, который былъ мастеръ этого дѣла и каталъ насъ съ необыкновенною ловкостью всѣхъ поочереди. Слишкомъ 20 лѣтъ спустя, этотъ самый Дмитрій Барановъ, уже женатымъ человѣкомъ, поступилъ ко мнѣ по возвращеніи моемъ съ Кавказа. Онъ состоялъ на должности моего камердинера 36 лѣтъ и затѣмъ, въ глубокой старости, со всѣмъ своимъ семействомъ дожилъ у меня на пенсіи въ подмосковномъ моемъ имѣніи Покровскомъ, гдѣ и былъ похороненъ рядомъ съ моей нянею Татьяной Осиповной. Замѣчательно, что даже подъ старость всякій разъ, когда доходили до него слухи о какой нибудь мнѣ наградѣ или о какомъ нибудь моемъ повышеніи, онъ собиралъ свое семейство и праздновалъ этотъ день, какъ день семейной радости. Миръ праху вашему, слуги добрые и вѣрные. Вы несомнѣнно въ числѣ праведниковъ на небеси и молите Бога о насъ грѣшныхъ!.. Гдѣ нынче подобные люди, воспитанные въ страхѣ Божіемъ и въ самомъ строгомъ исполненіи своего долга? Увы! отнынѣ и въ будущемъ нѣтъ никакой надежды когда нибудь встрѣтить въ нашемъ простонародьи подобныхъ людей.

Все семейство Дмитрія Баранова было замѣчательно кроткое и проникнутое христіанскимъ вѣроученіемъ. Дѣти его, кромѣ сына, помѣщеннаго мною въ Земледѣльческую Школу и оказавшагося впослѣдствіи неудачникомъ, служили и до сихъ поръ служатъ въ моемъ домѣ съ свойственною имъ кротостью и беззавѣтною преданностью. Жена его и сестра ея пережили старика и кончили долгій вѣкъ свой въ моемъ домѣ примѣрными христіанками.

Въ продолженіе 50 лѣтъ, подобныхъ старыхъ слугъ (разумѣется съ разными оттѣнками нравственнаго достоинства) дожило свой вѣкъ на пенсіи въ моей подмосковной человѣкъ до семи, и никто изъ нихъ не былъ съ молоду изъ числа нашихъ крѣпостныхъ людей.

Библиотека "Руниверс"

Чтобы вернуться къ милому нашему Ошейкину и къ нашей юности, я долженъ сказать, что мы очень любили нашего гувернера Дюбуа (Dubois), краснощекаго, веселаго Швейцарца, человѣка откровеннаго, честнаго и практическаго ума. Онъ умѣлъ насъ учить и умѣлъ забавлять. Уроки начинались въ 8 часовъ утра и продолжались только до часу, т. е. до завтрака.

Занимаясь съ нами, Дюбуа ставилъ намъ отмѣтки по четырехбальной системѣ, при чемъ общая сумма баловъ у каждаго изъ насъ ежедневно имѣла большое значеніе; ибо, по окончаніи завтрака, мы выходили на стрѣльбище въ садъ, и каждый изъ насъ имѣлъ право дать столько выстрѣловъ изъ нашихъ маленькихъ пистолетовъ въ цѣль, сколько получалъ баловъ за свои отвѣты въ этотъ день. Этотъ способъ поощренія насъ очень забавлялъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ шутя мы выучились отлично стрѣлять. Послѣ этого мы всегда дѣлали съ г-номъ Дюбуа хорошую прогулку пѣшкомъ. Послѣ обѣда у насъ не было занятій, а только приготовленія уроковъ къ слѣдующему дню.

Гувернантка моей сестры, mademoiselle Ле-Руа (Le Roy), которая давала намъ уроки, была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Ле-Руа скорѣе походила на методистку: всякій вечеръ она исповѣдывала мою сестру во всѣхъ ея грѣхахъ, записывая ихъ въ нарочно разграфленную книгу. Мы ее побаивались, хотя она была очень добрая женщина или, выражаясь точнѣе, среднихъ лѣтъ дѣвица.

Уроки наши шли ровно и хорошо, благодаря установившемуся согласію между нашими наставниками. Эта симпатія между ними впослѣдствіи окончилась тѣмъ, что, проживши у насъ шесть лѣтъ, они уѣхали, въ годъ нашего переѣзда на зиму въ Москву, обратно въ Швейцарію, вступили въ бракъ и поселились въ городѣ Нюшателѣ, гдѣ онъ получилъ мѣсто пастора.

Скоро пролетѣло это блаженное время нашего дѣтства, проведенное безвыѣздно въ любимой нами деревнѣ. Наступило, наконецъ, время отправиться семейству на зиму въ Москву для дальнѣйшаго нашего образованія. Грустно намъ было разставаться съ милымъ Ошейкинымъ: съ уютнымъ домомъ, съ прелестнымъ садомъ, гдѣ каждое дерево было посажено нашимъ отцомъ и гдѣ столько было для насъ воспоминаній. Я по нѣскольку разъ ходилъ прощаться съ каждымъ уголкомъ, который казался мнѣ красоты невыразимой.

Странно, какъ въ дѣтствѣ любимые наши предметы всегда кажутся намъ въ болѣе изящныхъ формахъ и въ болѣе подкупающихъ

Библиотека "Руниверс"

краскахъ, чѣмъ они въ дѣйствительности. Я хорошо помню наприм., какъ особенно мнѣ казалось хорошо освѣщеніе нашей дѣтской лампадою большого образа подъ стекломъ въ кіотѣ, Покрова Богородицы. Не только въ этомъ освѣщеніи было для меня что-то волшебное и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно-таинственное, но самое изображеніе имѣло въ себѣ что-то сверхъестественное, изящное и чарующее.

Подобныя-же, точно чарующія впечатлѣнія производили на меня разнородные предметы, какъ-то напримѣръ: лицо моей матери, которое мнѣ казалось необыкновенной и чудной красоты, равно какъ нѣкоторые цвѣты на большомъ балконѣ, передъ которыми, когда я бывалъ одинъ (а это было обыкновенно рано утромъ до чая), любилъ я подолгу останавливаться и любоваться ими; старая наша липовая аллея близъ дома, когда яркое солнце ее освѣщало и длинныя тѣни ложились отъ нея на гладкую зелень газоновъ—меня также очаровывала, какъ и два мостика со сводами на пруду, соединяющіе оба берега съ островомъ и очаровательно для меня отражавшіеся въ водѣ? Всѣ эти впечатлѣнія до сихъ поръ совершенно ясно сохранились въ моей памяти.

Такъ какъ я принадлежалъ къ числу дѣтей болѣе мечтательныхъ и сосредоточенныхъ, то повидимому разлука наша съ дорогимъ нашимъ Ошейкинымъ подѣйствовала болѣе на меня, чѣмъ на моего брата и сестру.

Глубокою осенью мы выѣхали въ Москву, гдѣ помѣстились въ большомъ домѣ князя Гагарина (нынѣ Бутурлиной) на Знаменкѣ. Въ этомъ огромномъ домѣ мы жили съ бабушкой, моими двумя тетушками и съ моимъ дядей княземъ Сергѣемъ Ивановичемъ, который женатъ былъ на княжнѣ Александрѣ Борисовнѣ Голицыной, сестрѣ извѣстной тогда своею благотворительностью Татьяны Борисовны Потемкиной.

Дядя мой князь Сергѣй Ивановичъ былъ въ свое время блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ, удостоился быть флигель-адъютантомъ при государѣ Николаѣ Павловичѣ, когда флигель-адъютантовъ было еще весьма немного, и въ первую Турецкую кампанію заслужилъ Георгіевскій офицерскій крестъ при взятіи Варны, получивъ во время штурма этой крѣпости весьма тяжелую рану. Впослѣдствіи онъ исполнялъ разныя важныя порученія, былъ командированъ въ Сибирь и, уже произведенный въ генералъ-маіоры свиты, вышелъ въ отставку и поселился навсегда на южномъ берегу Крыма, гдѣ у него было имѣніе, которое впослѣдствіи было куплено Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. По поводу неожиданной отставки дяди князя Сергѣя

Библиотека "Руниверс"

Ивановича, которая нимало удивила всѣхъ его друзей, знавшихъ, что онъ былъ на такомъ хорошемъ счету и что его быстрая карьера сулила ему блестящее будущее, одинъ острякъ изъ его друзей сказалъ: «Никогда никтò изъ Мещерскихъ не былъ честолюбивъ и не сдѣлалъ въ сущности блестящей карьеры; одинъ только князь Сергѣй Ивановичъ находился на этомъ пути, но какъ только былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, до того испугался такого высокаго положенія, что немедленно вышелъ въ отставку».

Въ помѣстительномъ домѣ князя Гагарина мы всѣ размѣстились очень удобно. Уроки наши пошли своимъ чередомъ, и скоро жизнь наша вошла опять въ обычную свою колею.

По случаю нашего пріѣзда дѣдушка Николай Сергѣевичъ Всеволожскій далъ у себя дѣтскій вечеръ съ танцами, что̀ было для насъ величайшимъ событіемъ, такъ какъ въ первый разъ въ жизни мы были позваны на балъ. Я помню, что на этомъ балу я смотрѣлъ на танцующихъ, которыхъ было довольно много, съ усиленнымъ вниманіемъ, и мнѣ было очень стыдно вслѣдствіе того обстоятельства, что я еще не умѣлъ танцовать. Изъ всѣхъ танцующихъ я помню, что привлекала всѣхъ болѣе мое вниманіе дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, танцовавшая съ особенною врожденною граціей, со спокойствіемъ и достоинствомъ въ лицѣ. У нея были весьма тонкія черты лица, длинныя темныя рѣсницы; чудные ея черные волосы гораздо ниже пояса висѣли двумя тяжелыми сплетенными косами. Она вдругъ приковала къ себѣ все мое вниманіе, и я застылъ на мѣстѣ, любуясь ею въ какомъ-то сердечномъ умиленіи. Я, разумѣется, не понималъ что́ со мною дѣлалось въ эту собственно минуту, но помню, что я находился въ какомъ-то блаженномъ состояніи и что пуще всего страшился, чтобы кто нибудь не замѣтилъ того, что̀ со мною происходило. Смѣшно теперь это сказать, но я, какъ видно, просто былъ влюбленъ. Странное и необычайное явленіе для мальчика девяти лѣтъ.

Когда мы возвратились домой и насъ всѣхъ уложили спать, то я долго не могъ заснуть, мечтая все о ней; наконецъ, когда я убѣдился, что всѣ въ нашей комнатѣ заснули, то я потихоньку возлѣ своей кроватки сталъ на колѣни и со слезами на глазахъ началъ усердно просить Бога, чтобы Онъ меня когда нибудь соединилъ съ нею неразрывными узами брака! Молитва моя меня успокоила, и я заснулъ сномъ праведника.

Я очень хорошо помню имя и фамилію этой первой дѣтской моей страсти и 30 лѣтъ спустя имѣлъ случай разсказать этой особѣ про

Библиотека "Руниверс"

этотъ смѣшной и оригинальный эпизодъ моего дѣтства. Эта особа была Настасія Николаевна Мальцова, рожденная княжна Урусова, весьма почтенная и извѣстная въ Петербургскомъ обществѣ, какъ любимица Государыни Маріи Александровны и какъ весьма пріятная и умная женщина.

Зима, проведенная нами въ домѣ князя Гагарина, прошла очень скоро при регулярныхъ занятіяхъ и однообразной жизни; насъ болѣе не возили ни на какіе дѣтскіе вечера.

Въ этотъ годъ весной, во время нашей прогулки, когда таялъ снѣгъ, я страшно расшалился: промочилъ себѣ ноги и чуть не поплатился за это жизнью. Я живо помню всѣ подробности моей болѣзни. У меня было воспаленіе въ легкихъ. Я чудомъ былъ спасенъ въ ту самую минуту, когда меня, находившагося уже двое сутокъ въ безсознательномъ состояніи, священникъ пріобщалъ Святыхъ Таинъ. Я помню хорошо, что за нѣсколько секундъ передъ тѣмъ мой слухъ былъ пріятно пораженъ какимъ-то стройнымъ пѣніемъ, о которомъ я не могъ отдать себѣ отчета, потому что не былъ въ силахъ открыть глаза. Когда же мнѣ искусственно раскрыли ротъ, и священникъ вложилъ въ него святое причастіе,—въ эту минуту я открылъ глаза, ощущая какое-то сладкое чувство отдохновенія послѣ далекаго неизвѣстнаго пути. Къ изумленію моему я увидалъ себя въ кроваткѣ посреди комнаты; возлѣ меня стоялъ священникъ съ святыми дарами, а передо собою, въ числѣ нѣсколькихъ присутствующихъ, я узналъ мою матушку и мою тетушку Марью Ивановну, обливающихся слезами. Я хотѣлъ имъ что-то сказать въ утѣшеніе, но не былъ въ силахъ и только тогда, когда мать моя просіяла отъ радости и меня поцѣловала, то я въ силахъ былъ отдать ей слабый поцѣлуй. Вся эта сцена и всѣ мои ощущенія и мысли въ эту торжественную минуту моего возвращенія къ жизни и до сихъ поръ не изгладились изъ моей памяти.

Благодаря превосходной сестрѣ милосердія, приставленной ко мнѣ во время моей болѣзни, я сталъ поправляться съ тѣмъ особымъ жизнерадостнымъ чувствомъ, которое ощущаютъ въ такой степени только больные, выздоравливающіе послѣ тяжелой болѣзни. Но, не смотря на такой прекрасный уходъ, я все-таки поправлялся довольно медленно и этимъ задержалъ отъѣздъ всего семейства на лѣто въ деревню.

При этомъ я въ душѣ не могу не отдать должной дани благодарности той замѣчательной сестрѣ милосердія, которая была ко мнѣ приставлена и о которой я упомянулъ выше. Лицо этой старушки было въ высшей степени симпатично, равно какъ и мягкость ея голоса

Библиотека "Руниверс"

и нѣжное обращеніе. Ей очень шли къ лицу ея всегда ослѣпительной бѣлизны чепецъ и всегда опрятная установленной формы одежда, при большомъ наперсномъ вдовьемъ крестѣ на шеѣ, который эти вдовы должны носить по уставу. Она была приглашена къ больному моими родителями изъ Московскаго Вдовьяго Дома, единственнаго въ то время учрежденія въ Москвѣ, откуда можно было доставить такихъ сердобольныхъ и надежныхъ сидѣлокъ. Въ этомъ домѣ установленъ порядокъ такой, что посылаются къ больнымъ только тѣ вдовы, которыя желаютъ посвятить себя на это святое дѣло, и изъ нихъ же посылаютъ на обязательную службу попеременно извѣстное число въ городскія больницы. Тогда высоко цѣнили ихъ услуги, и ихъ постоянно недоставало для удовлетворенія просьбъ, обращаемыхъ къ начальницѣ Московскаго Вдовьяго Дома.

Съ тѣхъ поръ какъ у насъ въ Москвѣ умножились учрежденія, которыя въ настоящее время приготовляютъ сестеръ милосердія на эту должность, проводя ихъ черезъ спеціальные фельдшерскіе курсы, оказалось, что вдовы изъ Московскаго Вдовьяго Дома утратили много своего значенія, и даже ими пренебрегаютъ и вовсе не цѣнятъ ихъ услуги въ тѣхъ городскихъ больницахъ, куда ихъ до сихъ поръ посылаютъ на основаніи давно установившагося правила.

Послѣ моего совершеннаго выздоровленія, мы, разумѣется, отправились на лѣто въ деревню въ наше всѣми любимое Ошейкино.

Во всѣ послѣдующіе годы мы проводили зиму въ Москвѣ, гдѣ моими родителями былъ для насъ нанятъ другой домъ, а именно сенатора Акинѳіева на Поварской улицѣ; лѣто же всегда въ деревнѣ. Исключеніемъ этому заведенному порядку былъ только тотъ памятный для всѣхъ насъ годъ, когда появилась въ Москвѣ первая холера. Тогда мы всю зиму вынуждены были провести въ деревнѣ, гдѣ къ нашему счастію смертныхъ случаевъ было сравнительно немного.

Въ это время наши занятія сдѣлались болѣе серьезными. Кромѣ новаго Французскаго гувернера, г-на Шора, человѣка въ высшей степени талантливаго и образованнаго, къ намъ былъ еще приставленъ Русскій учитель, кончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ, г-нъ Благонравовъ, для преподаванія Русской исторіи и словесности. Онъ умѣлъ насъ заинтересовать своими предметами и возбудить въ насъ духъ патріотизма и любви ко всему Русскому, для противовѣса противъ иностраннаго вліянія г-на Шора, Француза, говорившаго впрочемъ хорошо по-русски. Вліяніе такого патріота, какъ Благонравовъ, было очень умѣстно и разумно. Мы сердечно полюбили нашего

Библиотека "Руниверс"

Русскаго наставника, и я вполнѣ цѣню до сихъ поръ пользу, которую онъ принесъ мнѣ и старшему моему брату Борису, съ которымъ я былъ неразлученъ.

На слѣдующій годъ у насъ стряслась неожиданная бѣда: нашъ обожаемый отецъ едва не лишился жизни отъ нечаяннаго самоотравленія. Очень раннею весной онъ долженъ былъ по какому-то экстренному дѣлу уѣхать на нѣсколько дней въ с. Ошейкино. Нашъ садовникъ Ларіонъ, зная, какъ отецъ любилъ раннюю клубнику, принесъ ему къ обѣду тарелку первыхъ поспѣвшихъ ягодъ. Отецъ похвалилъ стараго Ларіона за его усердіе, и такъ какъ въ это время никого въ имѣніи не было кромѣ сторожа и управляющаго, то онъ взялъ съ собою ключъ отъ кладовой и самъ отправился за мелкимъ сахаромъ, который въ ней находился. Вошедши туда, онъ нашелъ двѣ небольшія банки съ бѣлой, повидимому, сахарной пудрой и, взявъ наскоро одну изъ нихъ, отправился обратно къ себѣ въ кабинетъ. Желая вполнѣ насладиться лакомымъ десертомъ, онъ, по своему обыкновенію, посыпалъ ягоды обильнымъ слоемъ сахара, обливая все густыми сливками, при чемъ, нѣсколько разъ пробуя и находя ягоды не довольно сладкими, всякій разъ подбавлялъ его по чайной ложкѣ. Замѣчательно, что въ то самое время, когда отецъ такъ тщательно готовилъ себѣ отраву, его управляющій Акинѳіевъ послѣ своего обѣда читалъ у себя во флигелѣ «Московскія Вѣдомости», гдѣ въ статьѣ о разныхъ извѣстіяхъ обратилъ его вниманіе разсказъ о томъ, какъ одного человѣка, отравившагося мышьякомъ, спасли толченымъ березовымъ углемъ, разведеннымъ въ простой водѣ. Только что онъ это прочелъ, какъ вбѣжалъ къ нему совершенно растерянный и обезумѣвшій камердинеръ моего отца, объявляя, что князь умираетъ. Когда управляющій прибѣжалъ, отецъ мой катался по полу въ страшныхъ страданіяхъ: изо рта катилась у него пѣна, и глаза на выкатѣ, безсмысленно смотрѣли въ одну точку.

Акинѳіевъ не потерялся и со свойственною каждому Русскому человѣку находчивостію тотчасъ сталъ разспрашивать о томъ, что̀ князь покушалъ. Банка съ сахаромъ, стоявшая на столѣ, обратила его вниманіе и, разсмотрѣвши ее тщательно, онъ, подъ вліяніемъ только-что имъ прочитаннаго случая, убѣдился, что въ этой банкѣ находился не сахаръ, а мышьякъ, такъ какъ цвѣтъ этого порошка былъ сѣроватый. Онъ моментально приказалъ выбрать угля изъ печей и истолочь его въ мелкій порошокъ; растворивъ его въ водѣ, онъ сталъ давать бѣдному моему отцу, который, мучимый страшной жаждой, съ промежутками отъ обильныхъ рвотъ, выпилъ этой смѣси до сорока

Библиотека "Руниверс"

стакановъ. Отецъ мой былъ спасенъ, но, не смотря на его богатырскую комплекцію, онъ, въ 30 съ чѣмъ-то лѣтъ, поплатился здоровьемъ на всю жизнь.

Чему онъ обязанъ чудеснымъ своимъ спасеніемъ? Это объясняли весьма различно. Можно ли приписать его спасеніе поданной ему немедленно помощи? Но тогда необходимо признать употребленное въ этомъ случаѣ неизвѣстное или вновь открытое средство за средство радикальное, тогда какъ оно, кажется, не употребляется въ медицинѣ. Или правы тѣ доктора, которые говорили, что въ этомъ случаѣ большое количество принятого яда, произведя страшную рвоту, спасло отца? Они утверждали, что еслибъ отецъ сотую только часть принялъ проглоченнаго имъ мышьяка вмѣстѣ съ клубникою, то онъ не могъ бы остаться въ живыхъ. Мнѣ же кажется, что всѣ эти предположенія не выходятъ изъ области догадокъ и что фактъ этого спасенія можно назвать чудомъ.

Мы долго ждали возвращенія отца изъ деревни. Матушка истомилась, зная, что болѣзнь его задерживала, но не зная настоящей причины этой болѣзни. Когда онъ пріѣхалъ, мы всѣ выбѣжали на крыльцо его встрѣтить и всѣ пришли въ ужасъ, когда увидали его выходящимъ изъ экипажа. Это былъ не онъ, а его привидѣніе; страшная въ немъ перемѣна была поразительна: онъ постарѣлъ на 20 лѣтъ.

Вскорѣ послѣ этого родители наши, по совѣту врачей, начали готовиться къ отъѣзду на минеральныя воды за границу. Съ ними должны были послѣдовать наша сестра, страдавшая малокровіемъ, и младшій братъ.

Тяжела была для меня эта первая разлука моя съ матерью, и вѣроятно она мнѣ была бы еще тяжеле, еслибъ я могъ понять тогда при моей юношеской неопытности то глубокое горе, какое должна была ощущать моя мать, оставляя насъ на рукахъ гувернера Шора съ его семействомъ, Русскаго наставника Благонравова и нашей старой няни, тогда находившейся уже въ должности экономки.

По отъѣздѣ родителей мы почувствовали все свое сиротство, тѣмъ болѣе, что въ тотъ годъ насъ не отправили въ наше любимое Ошейкино, и мы на все лѣто остались въ городѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ въ нашей горькой участи послужили намъ въ это время небольшой садикъ нашего дома и въ особенности довольно продолжительныя наши прогулки верхомъ съ нашимъ Русскимъ менторомъ Благонравовымъ по прелестнымъ въ это время года окрестностямъ Москвы, не

Библиотека "Руниверс"

исключая даже довольно отдаленныхъ, какъ напр. Царицыно, Савинъ монастырь, Останкино и проч.

Мы передъ тѣмъ черезъ Благонравова познакомились съ мальчиками однихъ съ нами лѣтъ, съ которыми очень подружились. Г. Благонравовъ былъ учителемъ въ домѣ сенатора Поливанова и потому, коротко зная его дѣтей и ихъ хорошее воспитаніе, способствовалъ нашему съ ними знакомству. Почти всѣ эти прогулки верхомъ въ окрестностяхъ Москвы мы совершали вмѣстѣ съ нашими новыми друзьями, двумя братьями Поливановыми; у нихъ также были собственныя лошади, на которыхъ они ѣзжали превосходно и смѣло. Эти прогулки насъ очень сблизили, но затѣмъ мы потеряли другъ друга изъ виду, и только 30 лѣтъ спустя меня судьба свела снова съ однимъ изъ этихъ друзей моей юности, когда оказалось, что мы оба были избраны въ уѣздные дворянскіе предводители Московской губерніи, въ каковой должности мы прослужили нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ.

Въ этотъ памятный для всѣхъ Москвичей годъ, послѣ знойнаго лѣта начались съ осени ежедневно, почти одновременно въ разныхъ частяхъ города, страшные пожары, отъ которыхъ превращались въ пепелъ цѣлые кварталы. Тревожное настроеніе Москвичей стало съ каждымъ днемъ усиливаться, и всѣ громко стали говорить о поджигателяхъ. Многіе утверждали, что эти поджигатели Поляки. Страшная паника охватила всѣхъ, такъ что жители не довѣрялись уже полицейской охранѣ, а сами стали по ночамъ сторожить свои дома противъ поджоговъ, и для этого всѣ обыватели на ночь располагались на ночлегъ на улицахъ, на тротуарахъ вдоль своихъ домовъ цѣлыми семействами. Дикую и странную картину представляли улицы Москвы, когда всякій вечеръ всѣ жильцы домовъ высыпали на улицу съ подушками и матрацами и ложились спать на тротуарахъ подъ открытымъ небомъ.

Я помню, что мнѣ и брату очень понравилось это проявленіе чувства самосохраненія и самодѣятельности публики и что мы настоятельно просили у своихъ менторовъ позволенія и намъ также сторожить нашъ домъ. Мы, къ величайшей нашей радости, получили это позволеніе и вмѣстѣ съ ментромъ Благонравовымъ ночевали на тротуарѣ.

Разумѣется, въ наши годы общее бѣдствіе не такъ насъ занимало, какъ та роль, которую мы будемъ играть въ этой народной охранѣ и наше личное участіе въ поимкѣ и арестованіи тѣхъ злодѣевъ-поджигателей, о которыхъ говорила вся Москва и которыхъ полиція не умѣла захватить на мѣстѣ преступленія.

Библиотека "Руниверс"

Эта паника продолжалась довольно долго, такъ что наша новая обязанность ночныхъ сторожей стала намъ въ тягость, и мы, не поймавъ ни одного поджигателя, подали въ отставку, и разочарованные уходили спать въ наши собственныя постели.

Отецъ мой, за годъ до своего самоотравленія, купилъ въ Москвѣ домъ у Рахманова, на Страстномъ бульварѣ, противъ теперешняго Нарышкинскаго сквера, обращеннаго изъ прежней грязной сѣнной площади въ прекрасный садъ. Эта полезная мысль и ея осуществленіе принадлежатъ весьма извѣстной въ свое время въ Москвѣ умной и богатой старухѣ Елисаветѣ Александровнѣ Нарышкиной, урожденной Хрущовой, купившей себѣ небольшой домикъ на этой же площади, недалеко отъ нашего дома; въ честь ея этотъ скверъ названъ ея именемъ.

Отецъ мой, человѣкъ чрезвычайно дѣятельный и предпріимчивый, немедленно сломалъ ветхій купленный домъ и приступилъ къ постройкѣ новаго, но не каменнаго, какъ прежній, а деревяннаго, на основаніи не денежнаго разсчета, а вслѣдствіе своеобразнаго убѣжденія, что въ нашемъ климатѣ деревянные дома гораздо гигіеничнѣе и здоровѣе каменныхъ. Для того, чтобы его деревянный домъ не уступалъ въ прочности каменной постройкѣ въ смыслѣ долговѣчности, т. е. чтобы избѣгнуть неизбѣжной отъ времени осадки стѣнъ при гніеніи нѣкоторыхъ вѣнцовъ и угловъ, подвергающихся преимущественно гніенію, онъ строилъ стѣны изъ толстыхъ сосновыхъ брусьевъ стоймя, въ пазъ, съ войлокомъ и со связкою стояковъ желѣзными скобами. Разумѣется, подобной системы деревянныя постройки требовали самаго лучшаго и крупнаго лѣсного матеріала и чрезвычайной аккуратности плотничной работы; но что эта система превосходна, тому доказательство на лицо: спустя 65 лѣтъ послѣ постройки отцомъ этого двухъэтажнаго деревяннаго дома, мнѣ пришлось въ немъ быть у моего хорошаго и стариннаго знакомаго графа Павла Андреевича Шувалова, и я нашелъ домъ точно въ такомъ же свѣжемъ видѣ и здравомъ состояніи, въ какомъ онъ былъ, когда его построили. Осадки стѣнъ нигдѣ не оказалось ни на одну осьмую вершка.

На слѣдующій годъ родители наши вернулись изъ-заграницы, и мы поселились въ нашемъ вновь отстроенномъ домѣ, въ которомъ для насъ, мальчиковъ, былъ назначенъ верхній этажъ.

Мать моя очень поправилась отъ лѣченія на Карлсбадскихъ водахъ и очень помолодѣла. Отецъ тоже по наружному виду казался такимъ же, какимъ онъ былъ до своего отравленія, хотя оно не оста-

Библиотека "Руниверс"

лось безъ слѣда: онъ страдалъ почти ежедневно мучительной изжогой, отъ которой не могъ избавиться до конца своей жизни, проживши, однако до 75 лѣтъ, благодаря его необыкновенно крѣпкому организму.

Сестра моя пріѣхала изъ-заграницы неузнаваемой: будучи старше меня на три года, она изъ дѣвочки вдругъ сдѣлалась очень красивой барышней. Эта метаморфоза совершилась съ ней, какъ разсказывали родители, послѣ морскаго путешествія изъ Франціи въ Англію.

Въ годъ прибытія моихъ родителей въ Лондонъ праздновалось коронованіе королевы Викторіи. Тогда же пріѣзжалъ въ Англію нашъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Во время пребыванія моихъ родителей въ Лондонѣ Цесаревичъ очень милостиво къ нимъ относился и очень часто проводилъ у нихъ вечера вмѣстѣ съ лицами при немъ находившимися, изъ которыхъ главнымъ лицомъ былъ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ. Моя сестра мнѣ разсказывала, что всѣ лица, его сопровождашія, были съ нею чрезвычайно любезны, что ей было очень весело, а что самъ Наслѣдникъ за чайнымъ столомъ говаривалъ часто съ свойственной ему простотой и добродушіемъ, что онъ пріѣзжалъ къ нимъ отдыхать отъ утомительной его жизни въ Лондонѣ и что ихъ Русскій самоваръ и Русская рѣчь переносили его въ столь любимое имъ отечество.

Сестра передавала, что Наслѣдникъ нашъ былъ высокаго роста, стройной и чрезвычайно изящной наружности молодой человѣкъ. Онъ всѣхъ плѣнялъ своей красотой и очаровывалъ своею свободной Англійской рѣчью, общительностью и любезностью. Долго сестра не могла забыть этого пріятнаго времени, проведеннаго въ Лондонѣ, и занимала насъ своими разсказами.

Между тѣмъ отецъ мой воспользовался своимъ пребываніемъ въ Лондонѣ, чтобы закупить много необходимыхъ предметовъ роскоши превосходнаго качества для отдѣлки своего новаго дома въ Москвѣ. По этому случаю я припоминаю, что между прочими матеріями находились куски прелестнаго ситца, вѣроятно изготовленнаго фабрикантами по случаю коронаціи, съ портретомъ молодой королевы Викторіи, весьма изящнаго рисунка; этимъ ситцемъ впослѣдствіи была убрана уборная моей матушки.

Вскорѣ по возвращеніи родителей изъ-заграницы и по водвореніи семейства въ новомъ помѣщеніи мы всѣ немедленно устроились и помѣстились чрезвычайно удобно въ нашемъ новомъ прекрасномъ домѣ, благодаря заботливому и доброму нашему отцу, который все до мель-

Библиотека "Руниверс"

чайшей подробности предвидѣлъ и прекрасно устроилъ. Матушка установила тотчасъ въ домѣ порядокъ, такъ что все стало на свое мѣсто и все дѣлалось въ свое время. Жизнь потекла своимъ обычнымъ путемъ, а также по прежнему продолжались наши учебныя занятія.

Въ эту зиму мой старшій братъ и я сблизились съ тремя семействами, въ которыхъ были юноши нашихъ лѣтъ, а именно: съ Юріемъ Ѳедоровичемъ Самаринымъ и его братомъ, съ князьями Константиномъ и Владиміромъ Черкаскими и съ графомъ Алексѣемъ Конст. Толстымъ, будущимъ знаменитымъ нашимъ поэтомъ. Этотъ послѣдній въ особенности подружился со мною. Его мать, урожденная Перовская, была вдова и жила съ своимъ братомъ, который тщательно занимался образованіемъ своего обожаемаго племянника. Графиня-мать очень была дружна съ моей матушкой и поэтому разрѣшила своему сыну постоянно у насъ бывать. Впослѣдствіи, когда сынъ ея былъ уже взрослымъ человѣкомъ и повѣдалъ матери свою первую юношескую любовь къ моей сестрѣ, при чемъ просилъ у нея разрѣшенія просить ея руки, она, повидимому, гораздо болѣе изъ ревности къ сыну, чѣмъ вслѣдствіе другихъ какихъ-нибудь уважительныхъ причинъ, стала горячо противиться этому браку и перестала видаться съ моею матерью. Сынъ покорился волѣ матери, которую онъ обожалъ. Эта ревность графини къ единственному своему сыну помѣшала ему до весьма зрѣлаго возраста думать о бракѣ, вслѣдствіе чего онъ женился только послѣ ея смерти, довольно поздно, на г-жѣ Миллеръ, рожденной Бахметьевой.

Многолѣтняя моя дружба съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ даетъ мнѣ несомнѣнное право думать, что мое о немъ мнѣніе, какъ о лучшемъ изъ всѣхъ людей, которыхъ я только зналъ или встрѣчалъ въ жизни, вѣрно и непреувеличено. Дѣйствительно, подобной ясной и свѣтлой души, такого отзывчиваго и нѣжнаго сердца, такого вѣчно-присущаго въ человѣкѣ высокаго нравственназо идеала я въ жизни ни у кого не видалъ. Теперь, какъ его уже нѣтъ въ живыхъ, можно сказать, что изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ, онъ, какъ человѣкъ, т. е. какъ существо несовершенное, едва ли не ближе всѣхъ подходилъ къ тому идеалу человѣка, который каждый читатель желаетъ видѣть въ поэтѣ, когда онъ находится подъ впечатлѣніемъ какого-нибудь изъ его произведеній.

Графъ Толстой былъ одаренъ необыкновенною памятью. Мы часто, для шутки, испытывали другъ у друга память, при чемъ Алексѣй Толстой насъ всѣхъ поражалъ тѣмъ, что по бѣгломъ прочтеніи цѣлой

Библиотека "Руниверс"

большой страницы любой прозы, закрывъ книгу, могъ дословно все имъ прочитанное передать безъ одной ошибки; никто изъ насъ, разумѣется, не могъ этого сдѣлать.

Въ то время, о которомъ я теперь говорю, а именно въ началѣ тридцатыхъ годовъ, наши правительственныя учебныя заведенія еще не отличались особеннымъ въ нихъ хорошимъ преподаваніемъ, и не было вовсе въ обычаѣ между родителями опредѣлять своихъ дѣтей въ среднія учебныя заведенія, а воспитывали ихъ дома до поступленія въ университетъ. Во избѣжаніе дурного товарищества или вліянія вредныхъ и порочныхъ друзей, нерѣдко были случаи, что родители доводили домашнее воспитаніе до конца, не опредѣляя своихъ сыновей въ университетъ, а приглашая къ себѣ на домъ профессоровъ, которые проходили съ этими молодыми людьми весь университетскій курсъ опредѣленнаго факультета, послѣ чего такимъ образомъ подготовленный молодой человѣкъ держалъ въ университетѣ прямо выпускной университетскій экзаменъ. Разумѣется, такихъ примѣровъ было немного. Одинъ изъ самыхъ выдающихся такихъ примѣровъ чисто-домашняго воспитанія несомнѣнно представлялъ тогда Алексѣй Толстой, который, не будучи въ университетѣ, блестящимъ образомъ выдержалъ экзаменъ на степень кандидата филологическаго факультета.

По этому поводу я вспоминаю, не для того, чтобы мѣряться дарованіями или проводить параллель между мною и даровитымъ моимъ пріятелемъ, что мой старшій братъ Борисъ и я мы получили также, благодаря заботливости нашей матери и наставника нашего Шора, довольно солидное домашнее воспитаніе, послѣ котораго мой братъ поступилъ въ Московскій университетъ; а я, обуреваемый безумною страстью къ военному дѣлу, упросилъ родителей, вмѣсто поступленія въ университетъ, остаться при одномъ домашнемъ воспитаніи и поступить на военную службу.

Матушка, разумѣется, съ большимъ трудомъ дала свое согласіе на мою усиленную просьбу, и то только потому, что я просился именно поступить въ кавалерійскій полкъ 6-й легкой кавалерійской дивизіи, которымъ командовалъ ея двоюродный братъ свѣтлѣйшій князь Андрей Ливенъ, куда я и поступилъ юнкеромъ въ 1838 году.

Возвращаюсь къ моему другу Алексѣю Толстому, о которомъ у меня такъ много въ головѣ толпится воспоминаній, что я о немъ не могу достаточно наговориться. Впрочемъ подробности о такой личности, которая не только замѣчательна по своимъ высокимъ нравственнымъ достоинствамъ, но имя которой занимаетъ такое почетное мѣсто

Библиотека "Руниверс"

въ нашей отечественной литературѣ, интересны не только для меня, но и для многихъ.

Въ эту зиму, съ 1834 на 1835 годъ, знаменитый нашъ живописецъ Брюловъ былъ приглашенъ Перовскимъ, тогдашнимъ меценатомъ и покровителемъ Русскихъ молодыхъ художниковъ, къ себѣ въ Москву, чтобы заказать этому еще тогда начинающему даровитому артисту портреты графини-матери, ея сына, графа Алексѣя Толстого, и свой собственный.

По этому случаю я припоминаю довольно оригинальный эпизодъ.

Высоко цѣня талантъ молодого Брюлова, Перовскій пригласилъ его съ цѣлью не только имѣть свои семейные портреты, писанные кистью этого художника, о которомъ уже много говорили, но и поощрить его, вознаградивъ щедрою рукою за его произведенія. Зная хорошо, однако, о невоздержанности молодого художника, о буйной его молодости, о капризномъ его нравѣ и непостоянствѣ, онъ предварительно сдѣлалъ съ нимъ почти формальное условіе, что онъ неотлучно будетъ жить на квартирѣ у него до окончанія своихъ работъ, что онъ въ это время воздержится отъ всякихъ кутежей, не будетъ брать на себя другихъ работъ и вообще поведетъ правильный образъ жизни, при чемъ Перовскій съ своей стороны обязывался уплатить ему за всѣ три портрета значительную сумму денегъ.

Сначала все шло превосходно: молодой художникъ былъ польщенъ своимъ положеніемъ въ домѣ и находился въ восторгѣ отъ вниманія къ нему хозяина, который, когда хотѣлъ, былъ большой мастеръ очаровывать людей. Брюловъ съ своей стороны былъ весьма недюжиннаго ума и очень развитой человѣкъ, такъ что его бесѣда нравилась Перовскому не смотря на его рѣзкости.

Первый изъ трехъ портретовъ, ему заказанныхъ, Брюловъ написалъ превосходно. Это былъ портретъ графа Алексѣя Толстого. Впослѣдствіи, когда я самъ много занимался искусствомъ и ознакомился вообще съ портретною живописью, мнѣ не случалось видѣть лучшаго произведенія кисти этого художника. Молодой графъ представленъ въ охотничьемъ костюмѣ, въ Вандиковской шляпѣ съ широкими полями; при немъ чудный своимъ Англійскій сетеръ, пристально и вопросительно смотрящій на своего хозяина, повернувши круто къ нему поднятую голову. Большіе не голубые, а лазурнаго цвѣта глаза графа Алексѣя составляющіе особенность фамиліи Перовскихъ, и ясный добрый его взглядъ схвачены удивительно. Портретъ этотъ чрезвычайно напоминаетъ кисть Рубенса.

Библиотека "Руниверс"

Есть такія художественныя изображенія лицъ, писанныя первоклассными артистами, въ которыя, кажется, какъ будто они вложили все свое вдохновеніе и весь свой талантъ, чтобы достигнуть истины или, иначе сказать, разительнаго сходства съ даннымъ оригиналомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опоэтизировать тѣ черты, въ которыхъ выраженіе болѣе выдается или болѣе заслуживаетъ художественной отдѣлки. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ видѣлъ этотъ портретъ моего друга Алексѣя Толстого, прошло болѣе полвѣка; но я до сихъ поръ не могу забыть этого юношескаго свѣжаго, прекраснаго лица, въ которомъ вполнѣ выражалось спокойствіе его чистой и ясной души. Дѣвственная бѣлизна кожи съ легкимъ румянцемъ, большіе свѣтло-лазурнаго цвѣта глаза, о которыхъ я уже говорилъ, съ необыкновенно добрымъ, честнымъ и яснымъ взглядомъ, нѣсколько продолговатый овалъ лица, легкій пушокъ бороды и усовъ, тонкія черты и вьющіеся на вискахъ бѣлокурые волосы—все это вмѣстѣ взятое производило впечатлѣніе на зрителя чего-то особенно благороднаго и аристократическаго. Затѣмъ, судя по ширинѣ плечъ и по мускулатурѣ, нельзя было не замѣтить, что модель не принадлежала къ числу изнѣженныхъ и слабыхъ молодыхъ людей. Дѣйствительно, Алексѣй Толстой былъ необыкновенной силы: онъ гнулъ подковы, и у меня между прочимъ долго сохранялась серебряная вилка, изъ которой не только ручку, но и отдѣльно каждый зубъ онъ скрутилъ винтомъ своими пальцами.

Я не знаю, гдѣ въ настоящее время этотъ замѣчательный портретъ работы Брюлова, о которомъ я говорю. По всей вѣроятности онъ находился у графини, его жены. По моему мнѣнію, онъ достоинъ былъ бы когда нибудь поступить въ нашъ національный музей, такъ какъ едва ли, послѣ Пушкина, графъ Алексѣй Толстой не занимаетъ первое мѣсто между нашими поэтами.

Послѣ окончанія этого портрета, отъ котораго все семейство было въ восторгѣ, Брюловъ началъ писать портретъ съ Перовскаго.

Надѣленный непомѣрнымъ самолюбіемъ, художникъ горячо принялся за дѣло, будучи польщенъ похвалами семьи и всѣхъ ея знакомыхъ за такое успѣшное исполненіе перваго написаннаго имъ портрета съ молодого графа. Но пылъ этотъ вскорѣ охладѣлъ; онъ видимо уже утомлялся своей работой и часто сталъ манкировать сеансы, назначенные Перовскимъ въ условленные часы, не смотря на то, что Перовскій усугублялъ свою къ нему любезность и, такъ сказать, ухаживалъ за молодымъ художникомъ, какъ за молодой женщиной. Но манкировки со стороны молодого Брюлова все повторялись

Библиотека "Руниверс"

чаще. Брюловъ очевидно сталъ кутить. Портретъ подвигался медленно, хотя голова была почти окончена и написана также превосходно; но тутъ случился довольно долгій перерывъ работы подъ разными предлогами, такъ что Перовскій, не смотря на свою необыкновенную доброту и снисхожденіе къ артисту, былъ выведенъ изъ терпѣнія и въ весьма мягкихъ выраженіяхъ рѣшился ему сдѣлать нѣсколько отеческихъ наставленій.

Сначала Брюловъ переносилъ ихъ съ должнымъ уваженіемъ къ нему, но вскорѣ слова Перовскаго стали его раздражать. Онъ сталъ жаловаться на его упреки и, кое-какъ окончивъ довольно небрежно портретъ, вдругъ бѣжалъ изъ Москвы, скрылся неизвѣстно куда, нарушилъ данное Перовскому слово, безъ вѣсти пропалъ, портретъ графини никогда не принимался писать и болѣе въ домъ къ нимъ не возвращался.

Кромѣ графа Алексѣя Толстого, въ тридцатыхъ годахъ, въ Москвѣ, между нашими сверстниками-друзьями были, какъ я говорилъ выше, Юрій Самаринъ, братья князья Черкаскіе и князь Лобановъ.

Первый изъ нихъ былъ съ нами въ дальнемъ родствѣ: отецъ его Ѳедоръ Васильевичъ Самаринъ, женатый на Нелединской, былъ двоюроднымъ братомъ моего дѣда.

Когда мы были нѣсколько моложе, то Ѳедоръ Васильевичъ имѣлъ на насъ довольно внушительное вліяніе какъ по своему серьезному виду, такъ и по тому, что мы знали, что онъ былъ очень строгъ къ своимъ сыновьямъ, которые отличались способностью и прилежаніемъ. Напримѣръ, когда его старшій сынъ былъ уже въ университетѣ и послѣ экзамена приходилъ къ своему отцу сообщить ему о результатѣ, а именно, что на экзаменѣ по такому-то предмету онъ получилъ четверку, то Ѳедоръ Васильевичъ въ этомъ случаѣ неизмѣнно замѣчалъ, что «лучше было бы, если бъ ты получилъ пятерку», не смотря на то, что его старшій сынъ въ университетѣ шелъ превосходно по всѣмъ предметамъ.

Я помню одно обстоятельство, врѣзавшееся въ моей памяти и указывающее, до какой мелочи доходили наши родители и въ особенности Ѳедоръ Васильевичъ въ дѣлѣ воспитанія, которое, какъ я, кажется, говорилъ, составляло предметъ нѣмого, но замѣтнаго соревнованія между родителями упомянутыхъ семействъ, т. е. нашимъ, Самариныхъ, Черкаскихъ, Толстыхъ и Лобановыхъ.

То, о чемъ я хочу говорить, случилось когда только что отецъ мой окончилъ постройку своего дома. Ѳедоръ Васильевичъ посѣтилъ

Библиотека "Руниверс"

насъ на навосельѣ. Отецъ предложилъ своему дорогому гостю обойти всѣ комнаты и, проведя его по всему дому, поднялся на верхній этажъ, гдѣ находилось наше, т. е. сыновей, помѣщеніе. Когда они дошли до нашей большой учебной комнаты, въ которой мы въ это время готовили уроки, то мы не безъ волненія всѣ привстали и поклонились. Ѳедоръ Васильевичъ, проговоривши что-то, остановился посреди комнаты, поднялъ голову и, обратясь къ отцу, спросилъ его: «зачѣмъ здѣсь написаны рисунки на потолкѣ?»

Оказалось, что дѣйствительно на потолкѣ, по тогдашнему обычаю, были написаны вдоль карниза какія-то птицы или фантастическія животныя, которыхъ даже изображеній никто не замѣчалъ.

Не помню что̀ отецъ мой отвѣчалъ, но помню хорошо, что Ѳедоръ Васильевичъ за симъ сказалъ: «Живопись на потолкѣ въ учебной комнатѣ излишняя; она положительно вредна, потому что учащимся эти рисунки на потолкѣ могутъ служить отвлеченіемъ отъ ихъ занятій и развлекать ихъ отъ должнаго къ занятіямъ вниманія».

Такое суровое отношеніе къ подобнымъ мелочамъ даже и въ то время показалось намъ чрезмѣрнымъ.

Впрочемъ Ѳедора Васильевича въ то время знали, какъ замѣчательнаго систематика. Я помню, что разъ отецъ мой, возвратившись домой послѣ сдѣланныхъ имъ нѣсколько въ городѣ визитовъ, зашелъ въ кабинетъ къ матушкѣ и, не замѣтивъ вѣроятно, что я былъ въ комнатѣ, сталъ ей разсказывать, что онъ посѣтилъ нѣсколько лицъ и между прочимъ Самариныхъ.

При этомъ онъ разсказалъ, что, пробывъ у Ѳедора Васильевича съ полчаса, онъ выразилъ ему желаніе повидать его супругу Софью Юрьевну, на что Ѳедоръ Васильевичъ, посмотрѣвъ на свои часы, отвѣчалъ, что ее видѣть нельзя, потому что ей еще остается 20 минутъ прогулки въ залѣ, гдѣ она должна всякій день прохаживаться взадъ и впередъ не менѣе трехъ четвертей часа. Отецъ мой при этомъ замѣтилъ матушкѣ, что ему очень было досадно на такую неудачу, потому что ему хотѣлось побесѣдовать съ почтенной Софьей Юрьевной, которую онъ очень любилъ и уважалъ и что онъ, по всей вѣроятности, не отвлекъ бы ея отъ ея важнаго занятія, если бъ ему было предложено посѣтить ее въ залѣ.

Старшій сынъ ихъ, Юрій Ѳедоровичъ, вступившій въ университетъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ Борисомъ на словесный факультетъ, былъ одаренъ блестящими способностями, даромъ слова и рѣдкою

Библиотека "Руниверс"

памятью. Съ такими задатками и съ полученнымъ имъ дома прекраснымъ образованіемъ не трудно было ему впослѣдствіи выдержать экзаменъ на степень кандидата и затѣмъ на службѣ быть всегда отличаемымъ своими начальниками. Хотя, 30 лѣтъ спустя, я встрѣтился съ другомъ моей молодости на широкой аренѣ дѣятельности общественной, гдѣ я нашелъ въ немъ упорнаго и опаснаго противника, но я всегда отдавалъ ему должное и скажу, что онъ былъ человѣкъ недюжинный. Но смолоду, въ 30-хъ годахъ, уже замѣтны были въ немъ страсть къ противорѣчію и спору, увлекавшая его до парадокса и до утопій, и врожденная наклонность къ сарказму и насмѣшкамъ, которая съ лѣтами постоянно росла и обострялась до ѣдкости ради краснаго словца. Эта послѣдняя способность не мало создала ему враговъ.

Среди этой плеяды замѣчательныхъ молодыхъ людей, сверстниковъ, кончавшихъ или окончившихъ въ то время свое образованіе въ Москвѣ и впослѣдствіи получившихъ на разныхъ поприщахъ довольно громкую извѣстность, какъ-то: князь Владиміръ Черкаскій, графъ Алексѣй Толстой, князь Лобановъ, Сухово-Кобылинъ (впослѣдствіи извѣстный драматургъ), Сергѣй Миллеръ, графъ Александръ Строгановъ, Кавелинъ (будущій профессоръ) и проч., несомнѣнно Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ былъ одинъ изъ самыхъ видныхъ, находчивыхъ и остроумныхъ, не говоря о пріобрѣтенныхъ имъ познаніяхъ. Но мнѣ, впослѣдствіи всегда казалось, что Юрій Ѳедоровичъ, со своими дарованіями и съ своимъ огромнымъ запасомъ знаній, былъ мало пригоденъ для практической жизни, а въ полномъ смыслѣ слова былъ теоретикомъ, и поэтому когда ему случалось въ жизни, въ сферѣ административной, встрѣчаться съ вопросами государственными, то его сужденія, благодаря, вдобавокъ, его пристрастію къ полемикѣ и противорѣчію, всегда доходили до утопій или крайностей.

Это довольно рѣзко обнаружилось во время его службы въ Остзейскомъ краѣ, о которомъ написалъ онъ свои знаменитыя «Окраины Россіи», надѣлавшія столько шума; а также когда онъ состоялъ очень дѣятельнымъ и вліятельнымъ членомъ редакціонной коммиссіи во время освобожденія крестьянъ и, наконецъ, въ Московскихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, Московскимъ губернскимъ гласнымъ.

Кстати здѣсь нельзя не вспомнить одну изъ оригинальностей Юрія Ѳедоровича, извѣстную теперь всѣмъ (а я зналъ это давно), а именно, что онъ отослалъ министру юстиціи графу Панину съ письмомъ орденъ, полученный имъ за труды по окончаніи работъ въ редакціонной коммиссіи. Орденъ этотъ, кажется Владимира 3-й степени, послѣ смерти

Библиотека "Руниверс"

графа Панина былъ найденъ въ его письменномъ столѣ вмѣстѣ съ письмомъ Юрія Өедоровича, о которомъ графъ, по добротѣ своей, не рѣшился никогда довести до свѣдѣнія Государя.

Въ тридцатыхъ годахъ, когда мы были товарищами, я, разумѣется, не зналъ, какую карьеру предприметъ Юрій Өедоровичъ; но впослѣдствіи я часто думалъ, что онъ поступилъ бы гораздо благоразумнѣе, если бы съ его безспорными дарованіями и съ его огромнымъ запасомъ знаній, предался всецѣло наукѣ, вмѣсто того, чтобы вступать на службу гражданскую на которой его ожидало такъ много разочарованій. Тогда, можетъ быть, онъ принесъ бы болѣе пользы и своей родинѣ, и наукѣ, и не умеръ бы такъ преждевременно, пользуясь полнотою силъ и способностей.

Какъ неисповѣдимы судьбы человѣческія! Странная, въ самомъ дѣлѣ, судьба постигла этого неутомимаго борца за свои убѣжденія! Юрій Өедоровичъ погибъ, такъ сказать, подъ ножомъ Нѣмцевъ, столь ему ненавистныхъ, случайно, въ Берлинѣ, гдѣ ему сдѣлали, повидимому,самую ничтожную операцію, отъ которой онъ неожиданно и внезапно скончался въ загородной больницѣ.

Изъ остальныхъ нашихъ сверстниковъ и друзей я упомянулъ о четырехъ братьяхъ Черкаскихъ, весьма образованныхъ молодыхъ людяхъ, изъ которыхъ два старшихъ: Константинъ и Ипполитъ жили недолго, а князь Владиміръ Черкаскій сдѣлался впослѣдствіи извѣстнымъ, какъ членъ редакціонной коммиссіи, затѣмъ въ Польшѣ, какъ членъ Милютинской коммиссіи и, наконецъ, въ Болгаріи. Четвертый братъ Евгеній былъ моимъ товарищемъ по полку. Всѣ братья были весьма даровитые люди, въ особенности Константинъ, преждевременно умершій, и Владиміръ. Онъ имѣлъ довольно значительное имѣніе въ Тульской губерніи, въ которомъ онъ освободилъ своихъ крестьянъ гораздо ранѣе введенія Положенія 1861 года; но, освободивъ ихъ отъ барщины, онъ далъ имъ даромъ только одну усадебную землю, что̀ подало поводъ въ то время говорить про него, что онъ, какъ человѣкъ дальновидный, сдѣлалъ это изъ расчета, чтобы не давать изъ своей земли крестьянамъ надѣла по Положенію. По этому случаю многіе надъ нимъ острили, а другіе строго его осуждали за то, что онъ, освободивъ своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, сдѣлался впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ ярыхъ сторонниковъ отчужденія земли помѣщичьей въ пользу крестьянъ, когда былъ назначенъ членомъ редакціонной коммиссіи во время составленія Положенія 19 Февраля 1861 года.

Обладая даромъ слова и большими способностями, онъ пріобрѣталъ на всѣхъ своихъ сослуживцевъ большое вліяніе, равно какъ и въ

Библиотека "Руниверс"

высшихъ административныхъ сферахъ. Такъ было съ нимъ въ редакціонной коммиссіи, затѣмъ въ Польшѣ, гдѣ онъ былъ съ Милютинымъ, потомъ въ Москвѣ, когда онъ былъ городскимъ головою и, наконецъ, въ Болгаріи, гдѣ онъ занималъ такой высокій постъ. Но, имѣя власть въ рукахъ, онъ, повидимому, нигдѣ не оставилъ послѣ себя ничего прочнаго, никакихъ слѣдовъ, обнаруживающихъ въ крупномъ такомъ дѣятелѣ истинно-государственнаго человѣка, одареннаго административнымъ геніемъ. Впрочемъ этимъ недостаткомъ мы всѣ, Русскіе люди, страдаемъ по преимуществу.

Въ тридцатыхъ же годахъ друзьями нашей молодости были, какъ я говорилъ выше, князь Лобановъ, старшій сынъ сенатора, жившаго въ Москвѣ въ собственномъ домѣ на Собачьей площадкѣ; Сухово-Кобылинъ, единственный сынъ у отца, чрезвычайно заботившагося объ образованіи своихъ дѣтей. Сестра этого замѣчательнаго человѣка вышла за Француза графа Саліаса и впослѣдствіи сдѣлалась извѣстной писательницей подъ псевдонимомъ Евгеніи Туръ. Затѣмъ нашимъ сверстникомъ находился еще Кавелинъ, будущій профессоръ; но этихъ троихъ молодыхъ людей можно скорѣе считать сверстниками моего старшаго брата Бориса и товарищами его по университету, чѣмъ моими, потому что они были немного старше меня.

Я помню что впослѣдствіи молодого Сухово-Кобылина постигло несчастіе. Говорили, что у него былъ цѣлый романъ съ молодою, весьма красивою Француженкой, связь съ которой имѣла ужасно трагическій конецъ, разбившій его молодую жизнь и испортившій всю его карьеру. Дѣвицу эту нашли убитой на квартирѣ Сухово-Кобылина, его прислугой, которая будто на судѣ показала, что убійство было совершено по его приказанію. Дѣло это тянулось два года. Сухово-Кобылинъ былъ оправданъ.

Что же касается до послѣдняго упомянутаго мною выше сверстника того времени и нашего пріятеля Сергѣя Ивановича Миллера, то онъ образованіе свое получилъ не въ Москвѣ, а въ Царскосельскомъ Лицеѣ и, будучи сиротою, жилъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ своей красавицей сестрой, у родного ихъ дяди сенатора Озерова, близко знакомаго съ нашими родителями. Отсюда произошла наша дружба, продолжавшаяся до смерти этого замѣчательнаго по своимъ способностямъ человѣка, къ сожалѣнію преждевременно сошедшаго въ могилу 38 лѣтъ, отъ болѣзни спинного мозга. Вспоминая объ этомъ симпатичномъ молодомъ человѣкѣ, я не могу не отмѣтить одну черту тогдашняго Московскаго высшаго общества, среди котораго Сергѣй Ива-

Библиотека "Руниверс"

новичъ представлялъ собою рѣдкую особенность потому только, что онъ не говорилъ иначе, какъ на родномъ языкѣ. Онъ, по всей вѣроятности, не владѣя Французскимъ языкомъ въ томъ совершенствѣ, въ которомъ онъ владѣлъ языкомъ Русскимъ, и какъ человѣкъ чрезвычайно самолюбивый, вовсе отказался говорить по-французски. Между тѣмъ въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, высшее наше общество въ то время до такой степени сроднилось съ Французскимъ разговорнымъ языкомъ, что незнаніе этого языка рождало всеобщее предубѣжденіе, даже пренебреженіе къ лицу, говорящему только по-русски. Именно въ этомъ-то случаѣ Сергѣй Ивановичъ былъ исключеніемъ и представлялъ собою особенность въ высшемъ Московскомъ обществѣ, гдѣ онъ всегда былъ особенно прекрасно принятъ и гдѣ онъ всѣми былъ отличаемъ и любимъ.

О графѣ Александрѣ Строгановѣ, товарищѣ моего брата, вступившемъ тоже тогда въ университетъ, я буду имѣть случай говорить впослѣдствіи.

Въ то время въ Москвѣ многіе родители давали вечеринки, на которыхъ танцовало юношество со свойственною ему жизнерадостною веселостью. Танцовали подъ звуки оркестра, а кавалерами были большею частью все студенты и изрѣдка два или три молоденькихъ офицера. Маленькіе балы давались по одному или по два въ зиму и у насъ.

Изъ подобныхъ баловъ самые нарядные давали тогда извѣстная своею любезностью и аристократизмомъ Софья Петровна Апраксина, вдова, имѣвшая одного сына и двухъ дочерей, изъ которыхъ младшая, замѣчательно хорошенькая собой, впослѣдствіи вышла замужъ за одного изъ моихъ младшихъ братьевъ, князя Сергѣя. Ея приглашенія считались большою честью, потому что она была очень строга въ выборѣ кавалеровъ. Ея огромное состояніе и родственныя связи ставили ее въ исключительное положеніе въ Московскомъ обществѣ. Она сама была очень красива: небольшого роста, съ подкупающими своею женственностью манерами, съ ласкающимъ взглядомъ она своею привѣтливостью была на самомъ дѣлѣ обворожительна.

При строгихъ ея правилахъ Софья Петровна многихъ, должно быть, изъ числа своихъ поклонниковъ сводила съ ума своими чарами въ молодости, судя по тому всеобщему обожанію, которымъ она была окружена со стороны мущинъ и даже со стороны моего отца, уже въ зрѣломъ ея возрастѣ, когда она была лѣтъ сорока. У нея бывали въ то время также и музыкальные вечера, когда Москву посѣ-

Библиотека "Руниверс"

щали какія-нибудь знаменитости. Я помню, что я слышалъ въ первый разъ на одномъ изъ такихъ музыкальныхъ вечеровъ, данныхъ Софьей Петровной для молодежи, въ числѣ которой была ея младшая дочь Марья Владимировна, уже тогда обнаружившая большой талантъ, знаменитаго піаниста Леопольда Майера, послѣ того долго жившаго въ Россіи и написавшаго цѣлый рядъ прелестныхъ музыкальныхъ сочиненій на разные мотивы изъ Русскихъ пѣсенъ и преимущественно Цыганскихъ.

Впослѣдствіи, лѣтъ 30 спустя, я нѣсколько разъ встрѣчался за границей на минеральныхъ водахъ съ этимъ артистомъ, сохранившимъ до старости талантливое исполненіе и силу, но подъ конецъ ѣздившимъ концертировать только въ Америку, чтобы, со свойственною повидимому ему жадностью, увеличивать уже значительный свой капиталъ, безъ особой необходимости, такъ какъ у него не было дѣтей.

Онъ очень любилъ Россію, съ благодарностью вспоминалъ о радушномъ пріемѣ, сдѣланномъ ему у насъ, и всегда встрѣчалъ Русскихъ своихъ знакомыхъ съ видимою и непритворною радостью.

Странный человѣкъ былъ этотъ Майеръ. Когда мы съ нимъ вмѣстѣ на водахъ совершали прогулки и заходили въ какую-нибудь кофейную, чтобы на воздухѣ напиться кофе, онъ неизмѣнно всякій разъ заявлялъ о неимѣніи денегъ, въ то время, когда намъ приходилось расплачиваться, и неукоснительно каждый разъ пряталъ въ карманы своего жилета остававшіеся въ сахарницѣ куски сахара.

Приверженность его къ Россіи заставляла меня прощать ему этотъ, слишкомъ уже грубый, признакъ его необычайнаго скряжничества, который заставлялъ меня краснѣть передъ прислугой; но впослѣдствіи я убѣдился, что причина его странности была не та, а что онъ былъ одержимъ особою болѣзнью, открытою наукой въ послѣднее время, *клептоманіей*.

Я убѣдился въ этомъ слѣдующимъ образомъ. Въ бытность мою въ Карлсбадѣ, онъ довольно часто къ намъ заходилъ и даже нерѣдко по просьбѣ моей покойной жены садился за рояль и охотно игралъ ей что-нибудь изъ ея любимыхъ піесъ. Разъ какъ-то, оставивъ его одного въ гостиной, гдѣ на столѣ лежалъ довольно изящный, большой величины, ножъ изъ черепахи для разрѣзанія книгъ, я увидѣлъ въ зеркало, входя изъ другой комнаты, какъ онъ этотъ длинный ножъ преспокойно укладывалъ въ боковой карманъ своего сюртука!... Я былъ пораженъ въ особенности невозмутимостью, съ которой онъ на меня послѣ этого смотрѣлъ и, разумѣется, не сказалъ ему ни слова.

Библиотека "Руниверс"

Но я долженъ вернуться къ нашимъ юношескимъ баламъ въ Москвѣ, чтобы дополнить этотъ краткій очеркъ общества, состоявшаго изъ той молодежи, къ которой и я принадлежалъ. По этому я считаю не лишнимъ поименовать тѣхъ дѣвицъ, съ которыми мы танцовали и которыя служили украшеніемъ нашихъ вечеровъ.

Среди этого цвѣтника обильныхъ, только-что распустившихся цвѣтковъ трудно было опредѣлить, которые изъ нихъ были лучше и душистѣе.

Въ эти годы, отъ 15 до 18 лѣтъ, свѣжесть и молодость дѣвицъ заставляетъ забывать о классическихъ чертахъ Греческихъ статуй!..

Изъ нихъ, въ то время, выдающіяся и оправдавшія вполнѣ впослѣдствіи своею миловидностію и красотою тѣ надежды, которыя, вѣроятно, на нихъ возлагали ихъ матери, были слѣдующія: Олимпіада Каблукова, вышедшая впослѣдствіи за князя Анатолія Барятинскаго, Елисавета Трубецкая, вышедшая за князя Урусова, княжна Щербатова, вышедшая за г-на Норда, княжна Софія Оболенская, вышедшая за моего старшаго брата князя Бориса; Вадковская, вышедшая за генерала Вревскаго, Марья Владимировна Апраксина, впослѣдствіи жена моего брата Сергѣя, и наконецъ моя сестра, вышедшая за принца Бирона.

Балы тогда давались кн. Варварой Сергѣевной Голицыной, называемой Бабе́, Марьей Степановной Татищевой и тетушкой моего отца, кн. Натальей Сергѣевной Трубецкой, которая жила въ своемъ роскошномъ барскомъ домѣ въ Москвѣ, гдѣ была прекрасная домовая церковь, очень памятная для насъ всѣхъ не только потому, что въ дѣтствѣ насъ возили въ эту церковь къ обѣднѣ въ Воскресенія и въ особенности во всѣ большіе праздники, но и потому, что мы впослѣдствіи почти всѣ въ ней же вѣнчались. Княгиня, рожденная княжна Мещерская, по всей справедливости пользовалась репутаціей умной, образованной и чрезвычайно практической женщины. Она считалась одной изъ первыхъ почтенныхъ старыхъ дамъ, которыхъ въ то время было много въ Москвѣ, какъ-то: графиня Панина, графиня Бобринская (рожденная Соковнина), Новосильцова, княгиня Оболенская (рожденная княжна Гагарина) и проч. Онѣ всѣ у себя принимали и давали, какъ говорятъ, тонъ всему обществу.

Тетушка княгиня Наталья Сергѣевна вышла очень молодою за человѣка богатаго, но весьма расточительнаго и слабохарактернаго. Отъ массы накопившихся долговъ онъ сталъ нуждаться въ день-

Библиотека "Руниверс"

гахъ, не смотря на свои обширныя помѣстья въ разныхъ губерніяхъ. Княгиня Наталья Сергѣевна, скоро догадавшись о неминуемомъ ихъ разореніи, съ согласія мужа взяла въ свои руки бразды правленія и, рѣшившись тотчасъ продать половину всѣхъ имѣній, при большой аккуратности и порядкѣ, спасла такимъ способомъ остальное состояніе и оставила каждому изъ трехъ своихъ сыновей не менѣе милліона въ имѣніяхъ и въ капиталахъ.

Что̀ всего замѣчательнѣе въ этомъ женскомъ подвигѣ, это то обстоятельство, что она все это совершила и кромѣ того управляла многочисленными своими помѣстьями при помощи одного только своего вѣрнаго слуги, дворецкаго Внукова, всѣмъ намъ извѣстнаго. Оригинально то, что онъ, въ свободное отъ поѣздокъ по имѣніямъ время, вступалъ немедленно въ свою должность дворецкаго и во время обѣда, становясь за креслами хозяйки, въ непомѣрно-высокомъ галстукѣ и всегда съ важною осанкой, подавалъ блюда за столомъ.

Изъ трехъ сыновей тетушки, старшій, князь Петръ Ивановичъ, женатый на единственной дочери фельдмаршала князя Витгенштейна, былъ губернаторомъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, а затѣмъ, кажется, сенаторомъ въ Москвѣ. Другой ея сынъ, князь Николай Ивановичъ (женатый на графинѣ Мусиной-Пушкиной) вдовецъ, Эпикуреецъ, великій хлѣбосолъ, котораго обѣды славились по всей Москвѣ, былъ самый пріятный человѣкъ въ обществѣ; онъ скончался первоприсутствующимъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, послѣ князя Сергѣя Михайловича Голицына. Третій сынъ княгини Натальи Сергѣевны, князь Алексѣй Ивановичъ былъ женатъ на княжнѣ Четвертинской, высокообразованной и весьма умной женщинѣ, извѣстной въ Москвѣ филантропкѣ, посвятившей себя всецѣло дѣламъ благотворительности и милосердія: княгиня Надежда Борисовна Трубецкая состоитъ попечительницей многочисленныхъ благотворительныхъ учрежденій и всѣми въ Москвѣ уважаема и любима. Сынъ ея князь Алексѣй Алексѣевичъ Трубецкой, по смерти своего дяди, князя Николая Ивановича, когда продали его фамильный домъ въ Знаменскомъ переулкѣ, хотѣлъ спасти этотъ домъ своихъ предковъ и перекупилъ его у какого-то купца, но не могъ его удержать и долженъ былъ продать его Щукину.

Библиотека "Руниверс"

КЪ ИСТОРІИ ХРИСТІАНСТВА У ИНОВѢРЦЕВЪ ОРЕНБУРГСКАГО КРАЯ [1]).

(Посвящается памяти Уфимскаго преосвященнаго Діонисія).

1.

Обширный и въ былое время отдаленный край, растянутый между многоводной Волгой и быстротечнымъ Ураломъ, отъ Камы и Бѣлой до истоковъ рр. Илека и Эмбы, отъ границъ Сибири до береговъ Каспійскаго и Аральскаго морей, на рубежѣ съ Киргизскими степями, обнимающій нынѣ собой губерніи Оренбургскую и Уфимскую и области Тургайскую и Уральскую [2]), до сей еще поры, въ теченіе болѣе трехвѣковаго подчиненія своего Русскому государству, слабо поддается воздѣйствію христіанской проповѣди. Преобладающее въ немъ населеніе [3]) на Сѣверѣ (въ Уфимской губ.) Башкиры, Мещеряки, Тептяри, (магометане), Чуваши, Черемиссы и Вотяки (частію язычники), на Югѣ (Тургайская, Зауральная и часть Уральской областей) Киргизы и въ средней части (Оренбургская губ.) Татары и Мордва. Край этотъ до нашихъ дней не перестаетъ быть поприщемъ всевозможныхъ волненій и злобнаго посягательства на самобытность Русскаго народа, на всѣ благія замыслы Русскаго правительства. До сихъ поръ еще здѣсь ничтожны зачатки Русской грамотности, такъ какъ инородцы болѣе склонны къ изученію Татарской азбуки и до сей поры съ неудовольствіемъ относятся ко всѣмъ мѣрамъ правительства, направленнымъ къ поднятію ихъ благосостоянія, ихъ умственному и нравственному усиленію. Изъ числа Русскаго и иностраннаго

---

[1]) Въ Октябрской книжкѣ „Русскаго Архива“ за 1898 г. помѣщена статья И. С. Листовскаго посвященная памяти незабвеннаго дѣятеля въ пользу православія Н. И. Ильминскаго. Касаясь въ ней распространенія христіанства въ нашихъ восточныхъ окрайнахъ, авторъ, между прочимъ, приводитъ нѣсколько примѣровъ препятствія дѣлу миссіонерства со стороны нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ власть, а особенно со стороны Казанскихъ муллъ. Къ этой статьѣ считаемъ долгомъ по имѣющимся у насъ архивнымъ документамъ и личнымъ наблюденіямъ, добавить еще нѣсколько новыхъ данныхъ въ области христіанскаго просвѣщенія туземцевъ Оренбургскаго края.

[2]) Необходимо для ясности объяснить, что всѣ эти четыре области до 1865 г. составляли одну губернію Оренбургскую.

[3]) По послѣднимъ статистическимъ даннымъ въ Уфимской губерніи приходится на 939,092 душъ об. п. Русскихъ и иностранцевъ—1,181,942 д. об. п. инородцевъ; въ Оренбург.—1,089,041 русск. и 347,102 туземцевъ, въ Уральск. обл.—141,195 Русск. и 404,293 магом. и наконецъ, въ Тургайской обл.—25,813 Русскихъ и 274,620 Киргизъ.

Библиотека "Руниверс"

(колонисты и служащіе на заводахъ) населенія Уфимской губ. насчитывается учащихся 20.298, тогда какъ магометанъ и язычниковъ только 2.228 чел., въ Оренбургской—51.259 Русскихъ и 1.568 инородцевъ, въ Уральской области—4.970 Русскихъ и 493 туземцевъ, и въ Тургайской—1.103 Русскихъ и 643 Киргизъ.

Въ сѣверной части этого края, добровольно подчинившейся въ 1556 году Московскому государству, въ Башкиріи, постоянно гнѣздится крамола съ ненавистью къ Россіи. Были времена, когда эта полудикая страна, населенная по большей части туземцами магометовой религіи и подстрекаемая своими муллами „во имя вѣры", якобы для райскаго блаженства, возставала противъ Русскихъ и съ оружіемъ въ рукахъ варварски опустошала наши города и села тамошніе и сосѣдніе. Со дня основанія перваго Русскаго города въ этомъ краѣ Уфы (въ 1574 г.) въ теченіе двухъ столѣтій (до пугачевщины 1773—1774 гг.) Башкиры девять разъ бунтовали противъ Россіи, иногда продолжая свои мятежи нѣсколько лѣтъ подрядъ.

Къ сожалѣнію, мѣстныя власти неумѣло дѣйствовали въ усмиреніи этого края, то слишкомъ раздражая туземцевъ, то снисходя и поблажая. Къ обрусенію края принимались странныя и при томъ иногда противурѣчивыя мѣры. Такъ съ одной стороны заботясь о заселеніи и особенно объ усиленіи православія, правительство предписывало, чтобы „инородцамъ, которые содержатся въ одномъ маломъ воровствѣ, въ ссорахъ, дракахъ и тому подобныхъ поступкахъ", вины отпускать, „если требуютъ (они) Св. Крещенія"[1]), или дабы духовныя персоны иновѣрцевъ старались увѣщевать къ Св. Крещенію, яко весьма душеполезному дѣлу"[2]), а „воспріявшимъ вѣру Греческаго исповѣданія иновѣрцамъ всякую милость и благодѣяніе показывать"[3]). Наконецъ тѣхъ туземцевъ, „кои не подданные Россійскіе" выбѣгаютъ изъ Киргизскаго плѣна, принимать на жительство не иначе, какъ если сдѣлаются православными христіанами, поселяя ихъ въ Уфимской провинціи около Нагайбацкой крѣпости[4]). Между тѣмъ съ другой стороны въ привеллегіи, данной г. Оренбургу 1-го Мая 1734[5]), Богъ знаетъ вслѣдствіе какихъ соображеній, всѣмъ иновѣрцамъ, не взирая на ихъ исповѣданіе, предоставлено было право приходить, жить и селиться, какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ. Первый Оренбургскій губернаторъ Неплюевъ пошелъ еще дальше, и вмѣсто того, чтобы, по примѣру своихъ предшественниковъ Кирилова, Татищева и князя Урусова, заботившихся населить

---

[1]) Указъ Сената 28 Сентября 1743 г. въ Оренбург. центр. архивѣ.

[2]) Указъ Св. Сvнода 30 Сент. 1760 г.

[3]) Указъ Сvнода 11 Сент. 1740 г.

[4]) Указъ Госуд. колл. иностр. д. 16 Марта 1752 г. Сл. Рычкова, Типографія Оренб. губ. 1887, I 137.

[5]) Полное собр. закон. IX, №№ 6576 и 6584.

Библиотека "Руниверс"

край поселенцами изъ коренныхъ Русскихъ областей, вдругъ началъ хлопотать о переводѣ туда Казанскихъ и Вятскихъ Татаръ, „какъ людей добропорядочныхъ (?) и торги производить могущихъ“[1], и Татаръ Кундровскихъ изъ Астраханской губерніи. Они были переселены въ край въ 1745 году. Изъ нихъ первымъ въ числѣ 200 семей отведены самыя лучшія земли (въ количествѣ 65 тыс. десятинъ) въ 18 верст. отъ Оренбурга при впаденіи р. Верхней Каргалки въ Самару, съ предоставленіемъ права свободнаго торга съ Азіатцами, не допуская въ свое селеніе Русскихъ[2], вторые поселены верстахъ въ 150 отъ губернскаго города, особой Кундровской слободой[3], на той же р. Сакмарѣ, также въ плодородной мѣстности, на границѣ съ Башкиріею по старому Исетскому тракту.

Это была грубая и трудно поправимая ошибка, какую можно было допустить въ нашей восточной политикѣ. Чрезъ полтора столѣтія мы уразумѣли наконецъ, какъ было опасно переводить въ мало еще населенный край, въ гнѣздо инородческаго населенія, въ большинствѣ исповѣдывавшаго еще язычество, такихъ заядлыхъ фанатиковъ магометанства, какъ Казанскіе Татары, историческое прошлое которыхъ полно интригами и подкопами противъ Россіи и для которыхъ въ Башкиріи открывалось широкое поле преступной дѣятельности во вредъ православію и Русской самобытности. Даже теперь, когда край Оренбургскій болѣе или менѣе связанъ Русской силой, они не перестаютъ зловредно вліять на инородческое населеніе, стараясь разными вымышленными росказнями и навѣтами подрывать въ ихъ глазахъ значеніе Русскаго правительства и православной церкви.

Расположенный на большомъ торговомъ пути по тракту изъ (Оренбурга въ Уфу), бокъ-о-бокъ на Сѣверѣ съ Башкиріей и на Югѣ съ Киргизской степью, Сеитовскій посадъ, за отсутствіемъ въ немъ людей Русскихъ, и въ настоящее время играетъ непослѣднюю роль среди магометанъ Оренбургскаго края. Значительное въ немъ число мечетей и медрессе[4], гостинный дворъ (караванъ-сарай) съ каждодневнымъ базаромъ и 260-ю лавками, торгующими исключительно тѣми товарами, которые идутъ на потребность туземцевъ, особое управленіе, свой судъ и даже типъ самыхъ построекъ,—отличаютъ его отъ другихъ Татарскихъ поселеній края и дѣлаютъ какимъ-то обособленнымъ азіатскимъ городкомъ. Сосѣдніе инородцы даже больше льнутъ къ нему, чѣмъ къ Казани и Уфѣ, городамъ чисто-магометанскимъ. И посадъ этотъ (или по мѣстному названію Каргала) служитъ для нихъ какъ бы Меккой или

---

[1]) Полное собр. зак. т. XI, №№ 86? 6 и 8893.

[2]) См. грамоту отъ 8 Августа 1745 г., данную Сеитовскому посаду (Оренб. губ. вѣд. 1870, № 41).

[3]) Нынѣ казачій поселокъ того же имени Орскаго уѣзда.

[4]) На 8 тыс. душъ об. пола въ посадѣ насчитывается 9 мечетей съ девятью Татарскими школами при нихъ.

Библиотека "Руниверс"

Мединой; потому что сюда, кромѣ различныхъ закупокъ, мѣстные Татары, Башкиры, Киргизы, Тептяри на пути изъ Уфы въ Оренбургъ и обратно постоянно наѣзжаютъ, чтобы помолиться въ мечетяхъ или отдать своихъ дѣтей въ Каргалинскія школы, гдѣ проходится только одна магометанская мудрость, но ни одного звука Русскаго [1], и откуда ежегодно выходятъ „мужи ученые," которые, разсѣеваясь потомъ по дебрямъ Башкиріи и степямъ Киргизскимъ, проповѣдутъ темному люду тѣ же взгляды и завѣты, какіе вынесли они сами изъ стѣнъ своихъ учебныхъ заведеній. Судя по фанатизму муллъ магометанскихъ (преимущественно изъ Казанскихъ Татаръ), трудно повѣрить, чтобы эти завѣты были за Россію [2].

Слѣдующимъ правителемъ Оренбургскаго края, надѣлавшимъ немало золъ православію и ущерба Русской народности, былъ баронъ О. А. Игельстромъ [3]) Онъ вздумалъ просвѣщать Киргизъ, но какъ?... Не зная ни быта, ни духа, ни вѣрованій и не смотря на то, что въ дѣлахъ внѣшней вѣры они были еще что называется „tabula rosa", баронъ началъ строить для нихъ мечети съ Татарскими школами и гдѣ же? въ Оренбургѣ и Троицкѣ, т. е. за 800—1000 верстъ отъ Киргизскихъ кочевокъ, предлагая при этомъ „людей, потребныхъ для этихъ школъ брать изъ Казанскихъ муллъ" [4]). Игельстромъ лелѣялъ несбыточную надежду, что „снабденіе разныхъ родовъ Киргизскихъ муллами немалую пользу въ дѣлахъ нашихъ принести можетъ къ удержанію Киргизцовъ въ вѣрности къ намъ и къ удаленію ихъ отъ набѣговъ и хищничества въ границахъ нашихъ." Съ этою цѣлію, при учрежденіи въ 1786 г. въ Киргизской ордѣ „расправъ" для разбора судебныхъ дѣлъ были назначены туда письмоводители „изъ вѣрныхъ (?) духовнаго магометанскаго закона Казанскіе Татары" [5]).

Но слова и пышныя фразы на дѣлѣ были неосуществимы: Киргизы ненавидѣли Казанскихъ муллъ и Татаръ и всѣми мѣрами старались выйти изъ ихъ зависимости. Вмѣсто ожидаемаго спокойствія, уменьшенія грабежей на границѣ, Киргизы еще больше бунтовали и безнаказанно врывались въ Русскія поселенія. Причина этому была та, что посылаемые въ орду муллы или раздражали ихъ различными сборами и поборами, или своими подговорами враждебно настраивали ихъ противъ пограничныхъ властей, какъ это

---

[1]) По переписи 1889 г. въ Каргалѣ было грамотныхъ 905 душъ, изъ нихъ только 90 человѣкъ знали Русскую азбуку.

[2]) Подробности о Сеитовскомъ посадѣ см. въ нашей статьѣ „Каргала" „Русскій Архивъ" 1897. II, 602.

[3]) Баронъ Игельстромъ два раза управлялъ Оренбургскимъ краемъ: въ первый разъ въ качествѣ Симбирскаго и Уфимскаго генералъ-губернатора съ 1784 по 1794 г., второй разъ въ званіи Оренбургскаго военнаго губернатора съ 29 декабря 1796 по 1798 годъ.

[4]) См. въ нашей ст. „Баронъ О. А. Игельстромъ" („Русск. Ар." 1897. I, 513). рескриптъ на имя его отъ 4 Сентября 1785 г.

[5]) Тамъ же рескриптъ отъ 27 Ноября 1785 г.

Библиотека "Руниверс"

сдѣлалъ въ 1790 г. первый Оренбургскій муфтій Гуссейновъ [1]), отправившійся по требованію Игельстрома въ Зауральную степь для внушенія ордынцамъ основъ магометанской религіи, чѣмъ вызвалъ среди Киргизъ волненіе, разразившееся рядомъ вооруженныхъ, подъ предводительствомъ, Сырымъ-батыря, набѣговъ на Нижне-Уральскую линію 1790 по 1796 г. Однако, не смотря на такія дѣйствія Гуссейнова, въ 1798 г. ему была пожалована „за усердную (?) службу“ соболья шуба и 4 тыс. рублей на покупку дома въ Оренбургѣ [2]). Когда же преемникъ Игельстрома, Оренбургскій военный губернаторъ Н. Н. Бахметевъ хотѣлъ было въ 1801 г. урѣзать права муфтія, то получилъ за это выговоръ, и Гуссейнова попрежнему велѣно было отпускать въ орду, если „онъ по своимъ духовнымъ надобностямъ пожелаетъ туда ѣхать“.

Послѣдующіе Оренбургскіе губернаторы, князь Волконскій, ген.-адъютантъ Эссенъ и графъ Сухтеленъ, въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ, почти не вмѣшивались въ вѣроисповѣдныя дѣла и не дѣлали попытокъ ни за, ни противъ православія или распространенія въ краѣ христіанства. Но съ пріѣздомъ въ 1833 году въ Оренбургъ ген.-адъютанта Перовскаго [3]), снова началось покровительство Татарскимъ мулламъ, посылка ихъ въ степь и притѣсненіе Киргизцовъ.

Мы такимъ образомъ сами явились пособниками порабощенія инородцевъ Татарами, неумѣлыми распоряженіями магометанили кочевниковъ настолько, что нужно много-много десятковъ лѣтъ, чтобы подготовить православнымъ миссіонерамъ благопріятную почву для успѣха среди нихъ христіанской проповѣди. Между тѣмъ, лѣтъ 100—150 назадъ, стоило лишь устроить среди инородцевъ нѣсколько Русскихъ школъ и послать къ нимъ знающихъ мѣстный языкъ священниковъ, то съ увѣренностію можно сказать, что Чуваши, Черемисы и особенно Киргизы давно бы, если не всѣ, то большая часть стали христіанами.

Теперь же православнымъ миссіонерамъ приходится вести усиленную борьбу съ татаризмомъ, особенно въ Уфимской епархіи, гдѣ на 1,049,169 магометанъ насчитывается однѣхъ штатныхъ мечетей до 1400 и при нихъ болѣе 1500 указныхъ муллъ [4]), тогда какъ на 850 тыс. душъ православнаго населенія приходится всего около 300 церквей, да и то разбросанныхъ на далекое разстояніе одна отъ другой [5]).

---

[1]) Должность муфтія учреждена была по ходатайству того же Игельстрома, высочайшимъ повелѣніемъ 22 Сентября 1788 года, въ Уфѣ (см. подробности въ „Русск. Арх“. за 1897, I, 513 V).

[2]) Матеріалы по исторіи Оренб. губ. 1889 г. т. I, в. 2-й стр. XI.

[3]) Впослѣдствіи графъ управлялъ краемъ два раза: съ 1833 по 1842 и съ 1851 по 1857 г.

[4]) Т. е. такихъ, которые допущены къ служенію правительствомъ.

[5]) Всего въ губерніи считается (помимо мусульманъ) православныхъ и единовѣрцевъ 853,237, раскольниковъ 16,787, язычниковъ 96,907 и проч. исповѣданій 22. Изъ

Библиотека "Руниверс"

Если къ этому прибавить число неуказныхъ муллъ, которые также совершаютъ богослуженія и проповѣдуютъ магометанское ученіе, то не трудно будетъ понять, какой еще громадной силой обладаетъ здѣсь магометанство. Муллы насчитываются сотнями, тогда какъ православныхъ священниковъ можно считать десятками. Притомъ у мусульманъ принято строить мечети на каждыя 200 душъ мужскаго населенія; у православныхъ же церковь основывается лишь на 1000 человѣкъ и рѣдко меньше; иначе говоря, достаточно нѣсколькимъ семьямъ мусульманъ поселиться гдѣ-либо, какъ у нихъ тотчасъ же выростаютъ и мечеть и школа. Между тѣмъ для православнаго населенія, по скудости средствъ (а иногда и по другимъ причинамъ), приходится ограничиваться одной церковью на нѣсколько деревень, т. е. составлять приходъ, что не всегда удобно для проповѣди и поддержанія въ вѣрующихъ истиннаго духа православнаго вѣроученія.

II.

Дѣло миссіонерства въ Уфимской епархіи началось лѣтъ 30—40 назадъ, но благодаря отчасти неумѣлой постановкѣ, отчасти вслѣдствіе несочувствія со стороны нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ (имена которыхъ пусть пока останутся въ тайнѣ), а особенно по отсутствію средствъ и значительной отдаленности инородческихъ поселеній отъ православныхъ церквей, оно находилось въ самомъ печальномъ положеніи. Въ отчетѣ мѣстнаго миссіонерскаго общества за 1891 г. читаемъ:

„До открытія правильной организаціи миссіонерскаго дѣла (т. е. до учрежденія въ 1879 году особаго Уфимскаго отдѣла Православнаго Миссіонерскаго Общества), всѣ вообще ранѣе крещеные инородцы въ отношеніи религіозно-нравственнаго просвѣщенія находились поистинѣ въ самомъ жалкомъ состояніи. Поселившись болѣе 150 лѣтъ тому назадъ *) въ мало населенный край, извѣстный подъ именемъ „Оренбургской Башкиріи“, безъ ближайшаго надзора не только духовнаго, но и гражданскаго начальства, среди Башкиръ и Татаръ, инородцы эти, отчужденные отъ порядка, дисциплины и вообще правильной гражданской жизни, дали у себя широкое мѣсто дикимъ и грубымъ животнымъ наклонностямъ. Христіанство хотя они и приняли давно, но приняли только формально, внѣшнимъ образомъ, т. е. христіанство дало имъ лишь имена, но не ознакомило ихъ съ ученіемъ Христа и съ богатствомъ содержанія православнаго богослуженія. Отсюда у нихъ явилось полное невѣдѣніе о томъ, что кроется подъ внѣшней формой христіанскихъ обрядовъ, и инородцы были чужды всему тому, что составляло внутренній христіанскій міръ, коимъ опредѣляется христіанскій взглядъ на вещи. Въ ис-

---

нихъ исповѣдующихъ православную вѣру инородцевъ: 611 Башкиръ, 35,143 Татаръ, 51,457 Чувашъ, 29,599 Мордвы, 4,365 Черемисъ и 1690 Вотяковъ.

*) Усиленная колонизація Башкиріи крещеными инородцами началась со времени образованія, по проекту оберъ-секретаря сената с. с. Кирилова, Оренбургскаго края, постройкою въ 1735 г. Оренбурга на р. Ори. Поселившись же среди магометанъ, они, за отсутствіемъ по близости священниковъ, какъ недостаточно укрѣпленные въ православной вѣрѣ, быстро начали подпадать подъ вліяніе Татаръ, сродныхъ имъ по языку и племени.

Библиотека "Руниверс"

полненіи христіанскихъ требъ и богослуженія большая часть инородцевъ скорѣе усматривала гражданскую, чѣмъ религіозную подкладку, и на требы и богослуженія смотрѣла какъ на гражданскіе акты, требуемые правительствомъ лишь для правильной общественной жизни. Въ лицѣ же священника они видѣли не столько пастыря, пекущагося о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ, сколько администратора, должность котораго состояла только въ томъ, чтобы давать имена вновь рождающимся, записывая ихъ въ метрику, заключать договоры между брачущимися, дѣлая граждански невозможнымъ разводъ супруговъ, свидѣтельствовать предъ смертію больного (напутствованіе), дабы не было препятствій къ погребенію, выдавать вѣнчики и рукописанія для покойниковъ, какъ разрѣшительныя грамоты, хоронить и проч".

Такимъ образомъ христіанство въ своихъ обрядахъ и молитвахъ являлось инородцамъ совершенно чуждымъ исповѣданіемъ, не имѣвшимъ никакого вліянія на ихъ внутреннюю жизнь.

По своей привычкѣ при встрѣчѣ толковать всегда о вѣрѣ, Татары всячески старались унизить въ глазахъ инородцевъ православіе, прибѣгая къ различнымъ обманамъ.

— Ну, что ты мотаешь рукой, точно мухъ отгоняешь, потѣшается надъ инородцемъ Татаринъ, когда онъ творитъ крестное знаменіе. Смотри, на томъ мѣстѣ, гдѣ ты въ лобъ тычешь, у тебя дыра будетъ.

— Наша вѣра куда лучше вашей, каждый день жужжатъ фанатики-муллы. У насъ женъ и здѣсь и на томъ свѣтѣ много, а у васъ всего одна, а тамъ и этого не дадутъ.

И эти толки, эти растлѣвающія нравы и развивающія животные инстинкты сужденія сбиваютъ, наконецъ, инородца съ пути. Остываетъ у него расположеніе къ христіанской вѣрѣ и является жажда къ другому ученію, которое такъ заманчиво привлекаетъ его удовлетвореніемъ скотскихъ потребностей. Былъ примѣръ даже въ позднѣйшее время, что, благодаря этимъ навѣтамъ, въ Августѣ 1881 года, въ магометанство уклонилось 300 семей крещеныхъ Татаръ Белебеевскаго и Стерлитамацкаго уѣздовъ.

Православный священникъ, призванный укрѣплять и вразумлять сыновъ св. церкви, живя въ большинствѣ случаевъ за десятки верстъ отъ приписанныхъ къ его приходу инородческихъ селеній, не могъ безотлучно не только учить ихъ, но хотя бы изрѣдка совершать для нихъ службы церковныя. Онъ бывалъ у нихъ наѣздомъ, нѣсколько разъ въ годъ, и то лишь для того, чтобы провѣрить число живыхъ и умершихъ, совершить нѣсколько необходимыхъ требъ и потомъ снова уѣхать на болѣе или менѣе неопредѣленное время *).

Вслѣдствіе такихъ чисто оффиціальныхъ отношеній пастыря къ пасомымъ, инородцы питали къ священнику лишь чувство страха и смотрѣли на него, какъ на начальника; ибо къ тому же священникъ съ своей стороны „для

*) Уфимск. Епарх. Вѣдомости 1892, № 11.

Библиотека "Руниверс"

поддержанія хотя бы видимаго порядка и соблюденія этими вѣрующими необходимаго христіанскаго долга (крещенія, вѣнчанія и причащенія Св. Таинъ), нерѣдко, при невозможно громадномъ приходѣ, долженъ былъ дѣйствовать не безъ строгости, и такимъ образомъ священника прихожане-полудикари больше боялись, чѣмъ любили“ [1]).

Въ шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія епархіальное начальство построило на казенный счетъ нѣсколько церквей въ инородческихъ селеніяхъ, но темная масса этихъ исповѣдниковъ православной вѣры заволновалась, видя въ томъ посягательство на ихъ свободу; ибо священникъ, представлявшійся имъ такимъ грознымъ наѣздомъ, теперь, живя среди нихъ безвыѣздно, казался имъ еще страшнѣе: „на всѣ дѣйствія его они смотрѣли, какъ на притязаніе окончательно овладѣть ими для легчайшаго производства разнаго рода сборовъ и поборовъ“ [2]).

Православному пастырю, въ продолженіе многихъ лѣтъ, не безъ труда можно было добиться лишь одного: инородцы „волею-неволею стали исполнять обряды крещенія, погребенія и вѣнчанія“, хотя совершеніе этихъ таинствъ на Славянскомъ языкѣ для нихъ не было понятнымъ. Только съ открытіемъ въ нѣкоторыхъ туземныхъ селахъ Русскихъ школъ и съ опредѣленіемъ туда учителей изъ природныхъ инородцевъ, когда началось обученіе дѣтей пѣнію молитвъ на ихъ родномъ языкѣ, фанатизмъ туземцевъ нѣсколько поколебался. Особенно этимъ занялись женщины, сначала изъ пустого любопытства, „какъ поютъ ихъ ребятишки“, посѣщавшія церковь, а потомъ уже и съ сознаніемъ торжественности и благолѣпія православнаго богослуженія. За ними постепенно начали посѣщать церковь ихъ мужья и братья. Когда же къ нимъ стали назначать пастырями людей, основательно знавшихъ ихъ нарѣчіе, то предубѣжденіе инородцевъ противъ православнаго духовенства ослабѣло еще болѣе.

Но тогда же, т. е. въ 1879 году, болѣе или менѣе усилилась и магометанская пропаганда. Подстрекаемые и руководимые своими муллами, Татары явно и дерзко стали удерживать инородцевъ отъ перехода въ православіе, не пренебрегая для этого никакими мѣрами. Въ селеніяхъ, напримѣръ, гдѣ жили вмѣстѣ христіане и магометане, сіи послѣдніе не давали приговора на отводъ земли подъ церковь или школу, или же указывали мѣсто верстахъ въ 5—6 отъ деревни. Для бо̀льшаго распространенія своего ученія, муллы, подъ защитой сильныхъ и вліятельныхъ Татаръ, въ одеждѣ нищихъ разсылали по деревнямъ особыхъ проповѣдниковъ, которые разными подачками и обѣщаніями привлекали къ себѣ послѣдователей.

На одного изъ такихъ проповѣдниковъ, въ д. Азмеевой Белебеевскаго уѣзда, учитель мѣстной школы Алексѣевъ обратилъ вниманіе и донесъ по

---

[1]) Изъ журнала Уфимск. миссіон. общества за 1891 г.

[2]) Тамъ же.

Библиотека "Руниверс"

начальству; но что же вышло? Узнавъ о доносѣ учителя, жители тотчасъ же составили приговоръ удалить Алексѣева и, какъ ни странно, но желаніе ихъ было исполнено: ненавистный учитель былъ смѣненъ.

Въ другой дер. Базлыкъ-Васильевой, также на половину православной, жившій тамъ мулла Бектемировъ ласками и подарками заманивалъ къ себѣ дѣтей христіанъ-инородцевъ, одѣвалъ ихъ по-татарски, заставлялъ ходить въ медрессе, гдѣ обучалъ Татарской грамотѣ, и въ концѣ концовъ такъ расположилъ къ себѣ православныхъ, что деревня едва не обратилась въ магометанство. Благо, замѣтили во время его дѣйствія, и онъ былъ преданъ суду.

Находясь, такимъ образомъ, между двухъ противоположныхъ теченій, инородцы, чтобы успокоить однихъ и не дать поводъ къ нареканіямъ со стороны другихъ, стали прибѣгать къ такимъ дѣйствіямъ: въ одно и тоже время они посѣщали церковь и не забывали мечети, крестили дѣтей, но потомъ давали имъ магометанскія имена, христіанскихъ постовъ не соблюдали и даже въ великій постъ ѣли конину; за то исполняли посты по магометанскому обряду. Иконъ въ домахъ не держали; онѣ были подъ нарами или въ курятникѣ; рѣдкіе изъ нихъ носили кресты. При засухахъ или ненастьи служили молебны, а послѣ приносили поязычески въ жертву быковъ и лошадей. Для напутствованія умирающихъ хотя приглашали священника, но послѣ отпѣванія въ церкви тѣла умершихъ несли на кладбище, взрослыхъ въ лубьяхъ, а дѣтей въ кулькахъ, въ сопровожденіи своры собакъ и съ соблюденіемъ мусульманскихъ и языческихъ обрядовъ. При этомъ употреблялись всѣ мѣры, чтобы священникъ не провожалъ покойниковъ до могилъ, надъ которыми, вмѣсто крестовъ, водружали палки, клали камни. Какъ-то разъ (въ 1882 г.) священникъ села Мелеуза, Стерлитамакскаго у., поставилъ на кладбищѣ крестъ; инородцы на другой же день выбросили его вонъ и на его мѣсто воткнули палку. Отецъ Громогласовъ вступился было за это, но прихожане набросились на него: „Эй батька! Ты все кляузишь? Смотри, живи съ нами дружно“ [1])!

Къ несчастію, такое подпольное запалзываніе магометанской гидры не встрѣчало на своемъ пути достаточныхъ преградъ. Въ 70-хъ годахъ одинъ священникъ инородческаго прихода заявлялъ было покойному Уфимскому епископу Петру о такомъ печальномъ явленіи; но владыка, молча выслушавъ его, съ сокрушеннымъ сердцемъ промолвилъ: „Ихъ можетъ исправить и на путь наставить только самъ Христосъ“ [2])!...

Лишь съ пріѣздомъ въ Уфимскую епархію въ 1884 году покойнаго епископа Діонисія [3]), начался рядъ энергично предпринятыхъ мѣръ, глубо-

[1]) „Оренбур. Листокъ“ 1882, № 10.

[2]) Тамъ же. Преосвященный Петръ правилъ Уфимской епархіей съ 1869 по 1876 г.

[3]) Преосвященный Діонисій былъ раньше Якутскимъ епископомъ. Я имѣлъ удовольствіе (въ бытность въ 1893 г. въ Уфѣ) бесѣдовать съ этимъ маститымъ архипастыремъ и вынесъ убѣжденіе въ его обширномъ знаніи миссіонерскаго дѣла.

Библиотека "Руниверс"

ко и мудро направленныхъ къ огражденію крещеныхъ инородцевъ отъ совращенія въ магометанство.

Не щадя силъ и здоровья [1]) и не взирая на погоду, въ дождь, и въ мятель, и въ глубокую осень, въ суровые холода, и ранней весной, преосвященный самъ и довольно часто совершалъ поѣздки по всѣмъ уѣздамъ своей обширной епархіи, самъ убѣждалъ и наставлялъ крещеныхъ инородцевъ быть твердыми въ вѣрѣ, утѣшалъ и ободрялъ тѣхъ, которые за непоколебимое исповѣданіе православія терпѣли различныя притѣсненія и обиды. Благодаря его неусыпнымъ трудамъ, съ 1884 по 1896 годъ было вновь воздвигнуто до 40 церквей и до 120 миссіонерскихъ, церковно-приходскихъ школъ, преимущественно въ инородческихъ селеніяхъ. Учителями въ школы эти назначались большею частію природные инородцы, получившіе образованіе или въ Казанской Учительской семинаріи, или въ Казанской Крещено-татарской школѣ. Въ большинствѣ случаевъ дѣло преподаванія ведется ими усердно. Главные предметы обученія: Законъ Божій, церковное пѣніе, Русскій языкъ и ариѳметика; гдѣ же есть церковь, тамъ въ праздничные дни, при богослуженіяхъ, ученики читаютъ на клиросѣ часы, шестопсалміе, поютъ молитвы, тропари, какъ на Славянскомъ, такъ и на Чувашскомъ или Татарскомъ языкахъ (ибо въ инородческихъ церквахъ богослуженіе совершается на ихъ родныхъ нарѣчіяхъ).

Уже въ 1891 году благочинные Уфимской епархіи доносили, что „религіозно-нравственное состояніе инородцевъ становится все болѣе и болѣе отраднымъ. Теплое чувство вѣры замѣтно растетъ и крѣпнетъ въ нихъ, принося пріятные плоды. Въ храмовые праздники и въ дни Св. Пасхи инородцы принимаютъ у себя св. иконы, служатъ молебны, безъ принужденія посѣщаютъ церковь и исполняютъ всѣ христіанскія обязанности. Они принимаютъ видъ православныхъ и въ домашнемъ быту стараются сблизиться съ Русскими и перенять ихъ обычаи. Столъ и стулъ стали необходимою принадлежностью каждаго порядочнаго инородческаго дома, и прежнія Татарскія нары не имѣютъ мѣста“ [2]).

Такъ благотворно, въ какихъ нибудь 6—7 лѣтъ, подѣйствовало на инородцевъ открытіе среди нихъ церквей и Русскихъ школъ. Вслѣдствіе этого Уфимскій миссіонерскій комитетъ старается поддерживать и, не смотря на скудость средствъ [3]), умножать число этихъ благихъ пособниковъ просвѣщенія въ темномъ народѣ. Переданныя въ голодный годъ уполномоченнымъ по Уфимской губерніи, д. с. с. А. Д. Дашковымъ, въ распоряженіе преосвященнаго Діонисія 25 тыс. рублей изъ суммъ, отпущенныхъ правительствомъ на общественныя работы, были всѣ употреблены на постройку 7 миссіонер-

---

[1]) Владыка страдалъ ревматизмомъ ногъ, захваченнымъ въ дебряхъ Сибирскихъ, отчего онъ и сошелъ въ могилу.

[2]) Уфимск. Епарх. Вѣд. 1892, № 13.

[3]) Приходъ комитета достигаетъ не болѣе 6—7 тыс. рублей въ годъ, а расходовъ предстоитъ втрое.

Библиотека "Руниверс"

скихъ, 20 церковно-приходскихъ и 37 школъ грамотности въ селеніяхъ инородческихъ или зараженныхъ расколомъ [1]).

Сами инородцы охотно пошли навстрѣчу заботамъ о нихъ православнаго духовенства, выражая свою благодарность владыкѣ за его попеченія, и по мѣрѣ силъ своихъ старались, кто̀ чѣмъ могъ, споспѣшествовать скорѣйшему устройству храмовъ Божіихъ. Оконченныя постройкой въ 1892 г. семь церквей въ селеніяхъ Баткакѣ, Сухаревѣ, Ампалѣ, Арматовѣ, Базгіевѣ, Куяштырѣ и Ольгинѣ соорудились исключительно пожертвованіями частію самихъ инородцевъ, частію отзывчивыхъ на доброе дѣло купцовъ и помѣщиковъ Уфимскихъ. Съ каждымъ годомъ инородцы все больше и больше стали проявлять ревность къ православной вѣрѣ. Такъ въ томъ же 1892 г. крещеные Татары дер. Усовъ, Белебеевскаго уѣзда, Кириллъ Семеновъ и Ѳедоръ Аѳанасьевъ подали преосвященному прошеніе, въ которомъ, ходатайствуя о разрѣшеніи имъ построить въ ихъ деревнѣ храмъ, жертвовали на его сооруженіе, первый 2 т. р. и второй 1 т. р. Третій благотворитель Кириллъ Константиновичъ представилъ весь необходимый на церковь лѣсъ.

„Отрадно видѣть здѣсь, говоритъ въ своемъ донесеніи благочинный о. А. Цареградскій [2]), что лица эти, хотя и довольно зажиточныя, но жертвуютъ не отъ богатства и излишковъ, а исключительно изъ сердечнаго желанія имѣть церковь, чѣмъ сугубо возвышается ихъ жертва“.

Къ прискорбію, въ народѣ еще держится немало предразсудковъ и нелѣпыхъ преданій языческой старины, коими пользуются враги православія. Въ холерный (1892) годъ, въ одномъ Чувашскомъ селеніи Слакъ-Башъ, фанатики магометанства и язычества, по случаю приближенія злой гостьи, стали распускать слухи, что инородцамъ-христіанамъ не слѣдуетъ исполнять заповѣди Русской вѣры, научая народъ молиться прежнимъ богамъ, приносить имъ жертвы и исполнять всѣ завѣты языческихъ священнодѣйствій, опахивать селенія и ходить чрезъ очищеніе, дабы зараза не приставала. Для этого около крутой горы вырывалась яма, и разводился огонь, добываемый не иначе какъ треніемъ двухъ деревьевъ одно о другое. Сюда приносились кошка, собака и змѣя, которыя потомъ въ присутствіи всего собравшагося народа разрѣзывались на части и раскладывались по обѣимъ сторонамъ пути, по которому должны были проходить желающіе очиститься. При прохожденіи очищаемаго мимо этихъ животныхъ, одинъ изъ старыхъ язычниковъ билъ его по спинѣ, произнося заклинанія, чтобы выгнать изъ него „лихую болѣзнь“.

Священнику села этого стоило не мало труда отвлекать толпу отъ такой недостойной христіанина мерзости. Болѣе благоразумные послѣдовали совѣту пастыря и, по отслуженіи молебна съ водосвятіемъ, совершили кру-

[1]) „Уфимск. Губ. Вѣд.“ 1893, № 36.
[2]) Миссіон. отчетъ за 1892 г.

Библиотека "Руниверс"

гомъ села крестный ходъ; но нѣкоторые не послушались своего пастыря и прошли чрезъ очищеніе *). Жители этой деревни были особенно склонны къ разнымъ наговорамъ и дольше всѣхъ оставались загрубѣлыми язычниками, несмотря на кроткія мѣры епархіальнаго начальства воротить ихъ въ лоно православной церкви, въ которой они числились издавна. Раньше деревня эта, состоящая изъ 173 дворовъ съ 874 душъ крещеныхъ Чувашъ и 9 дворовъ съ 48 Русскими, была приписана приходомъ за 13 верстъ къ селу Воздвиженскому, священникъ коего ни слова не зналъ по-чувашски, а послѣдніе не понимали ничего по-русски. Совершая въ 1889 году поѣздку по епархіи, преосвященный Діонисій, между прочимъ, посѣтилъ и Слакъ-Башъ. Чуваши встрѣтили его посрединѣ деревни съ иконой и хлѣбомъ-солью. Владыка вышелъ изъ экипажа и исполнилъ нѣсколько подобающихъ случаю церковныхъ пѣснопѣній. Чуваши слушали пѣніе съ благоговѣніемъ. Преосвященный, принявъ хлѣбъ, благословилъ ихъ и вступилъ съ ними въ бесѣду, разспрашивалъ о ихъ житьѣ-бытьѣ, о нуждахъ духовныхъ и въ заключеніе предложилъ построить въ деревнѣ церковь и школу.

— Нѣтъ, нѣтъ! намъ ни того, ни другого не надо! вдругъ, завопили они. — Почему же? удивился владыка. — Гдѣ намъ, бачька, попа имѣть, чѣмъ его кормить? Мы люди бѣдные.

— Напротивъ, вамъ тогда будетъ дешевле стоить... Теперь за исправленіемъ требъ вы должны ѣздить и дѣтей посылаете въ школу за 13 верстъ, а тогда у васъ школа и церковь будутъ дома. — Какъ вы хотите, но я вамъ посвящу священника и устрою церковь, наконецъ рѣшительно заявилъ архипастырь.

Не ожидая такого отпора, Чуваши смирились, и болѣе податливые изъ нихъ, видимо, еще сохранившіе въ душѣ искру святой вѣры, тутъ же начали просить преосвященнаго не забывать ихъ своими попеченіями. — Мы давно ждали тебя, владыко! Сдѣлай для насъ полезное, и мы будемъ благодарны тебѣ, говорили они.

Впослѣдствіи выяснилось, что Чуваши противились предложенію епископа не по своей мысли, а по наущенію какого-то Ѳедора Леонтьева, Чувашенина-бездомовца, подговореннаго къ тому Татарами; въ душѣ же многіе были рады выраженному владыкою желанію.

Этимъ дѣло еще не кончилось. Озабочиваясь скорѣйшимъ сооруженіемъ храма для Чувашъ, преосвященный, по своемъ возвращеніи въ Уфу, обратился къ одному изъ мѣстныхъ благотворителей, купцу Григ. Семен. Соловьеву, прося его взять на себя расходы по постройкѣ церкви въ Слакъ-Башѣ и устройству причта. Тотъ съ усердіемъ откликнулся на доброе дѣло. Скоро все было улажено: заготовленъ лѣсъ, куплены и другіе нужные матеріалы,

*) „Уфимск. Губ. Вѣд." 1893, № 32.

Библиотека "Руниверс"

оставалось приступить къ сооруженію храма. Но вдругъ Чуваши снова заговорили противное: не хотятъ давать приговора на отводъ подъ церковь общественной земли, и ничего нельзя было подѣлать съ ними. Сначала уговаривать ихъ былъ посланъ благочинный, потомъ посылались двое священниковъ изъ Чувашъ, ѣздили еще трое священниковъ; уговаривали непокорныхъ и становой, и исправникъ; но все напрасно. Только когда полиція 28 Августа 1890 г. арестовала двухъ главныхъ возмутителей, Чуваши смирились и дали приговоръ на отводъ земли. Впослѣдствіи вотъ что оказалось.

У Чувашъ этихъ велось тяжебное дѣло съ генераломъ Глуховскимъ, адвокатомъ котораго былъ какой-то Поповъ, человѣкъ закоренѣлый, фанатикъ безпоповщины. Чтобы чѣмъ нибудь досадить мѣстному православному духовенству, онъ, разными подложными телеграммами и письмами, то отъ имени об.-прокурора Св. Сѵнода, то отъ имени Уфимской Казенной Палаты, то изъ другого какого-либо присутственнаго мѣста, нарочно возмущалъ Слакъ-Башинцевъ, совѣтуя имъ не допускать у себя построенія церкви: ибо, молъ, это поведетъ къ ихъ разоренію. Случалось и такъ. Священникъ и исправникъ уговорятъ Чувашъ, они согласны дать приговоръ и готовы уже его подписать, какъ вдругъ отъ Попова, за подписью (конечно, фальшивою) какого-нибудь высокопоставленнаго лица приходитъ письмо, въ которомъ настойчиво требуется не отводить подъ церковь землю, и Чуваши снова расходятся въ мнѣніяхъ.

Продѣлки Попова, наконецъ, были узнаны и, какъ за это дѣло, такъ и за прежнія подстрекательства, онъ получилъ достойное возмездіе: рѣшеніе Уголовной Палаты Уфимскаго суда приговорило его на поселеніе въ Сибирь. Послѣ этого въ томъ же 1890 г. церковь была окончена, а 10-го Января слѣдующаго года освящена самимъ владыкой.

Черезъ годъ съ селѣ этомъ открылась и школа, хотя, благодаря суевѣрію Чувашъ, и тутъ дѣло не обошлось безъ приключеній. Когда съ желѣзнодорожной станціи „Аксеново" былъ привезенъ лѣсъ, и священникъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми сторонниками училища „облюбовалъ" мѣсто подъ школу, Чуваши никакъ не соглашались дать именно это выбранное мѣсто.

— Но вѣдь вы сами согласились имѣть у себя школу? укоризненно замѣтилъ имъ священникъ. — Ай батька! мы согласны. Только на эта мѣста ява нельзя положить. — Почему же?

— На эта мѣста келеметь, келеметь стоитъ... (Келеметь значитъ злой духъ).

— Ну и пусть его стоитъ. — Какъ можна, бачька, наконецъ, вступился почтенный старикъ-Чувашинъ, нѣсколько лѣтъ бывшій православнымъ. Ты самъ посуди: ребятишка нашъ глупый, выйдетъ на двора, станетъ играть, начнетъ кричать, келеметь не любитъ эта, многа бѣда надѣлатъ.

Библиотека "Руниверс"

Батюшка только покачалъ головой. Долго бился онъ съ ними. Хотя они потомъ, посовѣтовавшись между собой, согласились строить школу на указанномъ мѣстѣ, но лишь потому, какъ объясняли старики, что, съ устройствомъ тутъ христіанскаго училища, злой духъ неминуемо долженъ удалиться, ибо-де не любитъ этого.

Таковы нравы и понятія народа, среди котораго нашимъ миссіонерамъ приходится насаждать просвѣщеніе и христіанство.

III.

Въ смежной епархіи Оренбургской, обнимающей собой губернію Оренбургскую и области Тургайскую и Уральскую, просвѣщеніе инородцевъ стоитъ еще того ниже.

Въ лучшія условія поставлена Оренбургская губернія, гдѣ туземцевъ считается всего около 320 тыс. душъ [1]) на $1^{1}/_{2}$ милліона прочаго населенія. Изъ нихъ одни Башкиры живутъ скученно, особнякомъ, въ глуши южной части Башкиріи и, какъ народъ тяжелый, лѣнивый и безпечный, до сей поры погружены во мракѣ невѣжества: мало кто изъ нихъ знаетъ и Татарскую грамоту. Хотя они совсѣмъ не поддаются проповѣди Христовой, но и не вредны для Православія, такъ какъ не предпринимаютъ никакихъ козней противъ распространенія Христіанства, ибо сами еще плохо укрѣплены въ Магометовой религіи, и если среди нихъ попадаются Чуваши и Мордва, то послѣдніе болѣе склонны къ св. церкви, чѣмъ къ мечети, а еще того менѣе къ идолопоклонству. Во всей Оренбургской губерніи насчитывается всего 206 тыс. магометанъ (Башкиры и Татары) и нѣтъ совсѣмъ язычниковъ.

Для Чувашъ, живущихъ на Башкирскихъ земляхъ временными хуторами, существуетъ 13-ть церковно-приходскихъ и миссіонерскихъ школъ, учителями коихъ священники изъ самихъ же инородцевъ. Въ школахъ этихъ, кромѣ грамоты, ведется обученіе церковному пѣнію и молитвамъ; а въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ церквей, въ праздничные дни, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, совершаются дозволенныя мірянамъ богослуженія и духовно-нравственныя бесѣды на родномъ языкѣ, при чемъ ученики помогаютъ въ чтеніи и пѣніи [2]). Въ губерніи насчитывается до 12-ти правительственныхъ школъ, предназначенныхъ исключительно для обученія туземцевъ [3]). Такимъ образомъ, инородцы-христіане всегда имѣютъ возможность слышать и церковное пѣніе, и назидательную бесѣду, и разговоръ о вѣрѣ, при постоянномъ столкновеніи съ Русскими людьми; поэтому они недоступны совращенію въ магометанство.

---

[1]) Башкиры (252 т. д.), Татары (55 т.), Чуваши (4 т.) и Мордва (около 20 т.).

[2]) Отчетъ Михаило-Архангельск. Братства за $189^{3}/_{4}$ г.

[3]) Отчетъ Оренб. губ. стат. комит. за 1891, стр. 17

Библиотека "Руниверс"

Болѣе опасны для православія Татары; но они, ради своихъ торговыхъ дѣлъ, большею частію живутъ по городамъ и большимъ селамъ между Русскими, и поэтому, будучи окружены силою и властью, по необходимости должны показывать вѣротерпимость, хотя также не прочь, гдѣ есть возможность, вести пропаганду. Послѣднее особенно замѣтно въ необъятной Киргизской степи (Тургайская обл.), гдѣ на свободныхъ земляхъ отдѣльными хуторами и небольшими поселками разбросаны переселенцы изъ центральныхъ губерній Россіи—Великоруссы, Малороссы и Чуваши и гдѣ Татары уже издавна (см. въ I гл.) свили себѣ прочное гнѣздо магометанства и своимъ вѣроученіемъ окончательно поработили себѣ Киргизовъ.

Уже лѣтъ около десяти, совѣтъ Оренбургскаго епархіальнаго Михаило-Архангельскаго Братства каждогодно командируетъ въ степь о. Ѳедора Соколова, прекрасно владѣющаго Киргизскимъ языкомъ, чтобы съ одной стороны посѣтить проживающихъ по Киргизскимъ ауламъ Кустанаевскаго и Иргизскаго уѣзда Русскихъ поселенцевъ и исправить у нихъ необходимыя требы, а съ другой—чтобы подѣйствовать Христіанской проповѣдью на пылкихъ ордынцевъ. Но Татарскіе муллы и въ Киргизской степи составляютъ силу и постоянно ставятъ противовѣсъ распространенію христіанства.

Не смотря на запрещеніе закона позднѣйшаго времени селиться имъ въ степи, они все-таки, подъ различными предлогами, съ каждымъ годомъ все больше и больше пробираются туда, укрѣпляются тамъ и елико возможно распространяютъ между Киргизами фанатическій духъ ислама. Особенно много, подъ видомъ торговли, наѣзжаетъ ихъ туда лѣтомъ.

Чтобы упрочить въ степи исповѣданіе Магометовой вѣры, Татары прежде всего стараются забрать въ свои руки волостныхъ управителей, аульныхъ старшинъ или другихъ родовыхъ Киргизскихъ представителей и ужъ потомъ, съ помощію ихъ, напираютъ на простой и подневольный Киргизскій народъ, забитый и угнетенный, находящійся еще до сей поры въ полномъ подчиненіи у своихъ султановъ и баевъ *), хотя уже давно (съ 1865 г.) офиціально снята власть этихъ послѣднихъ. Несмотря на то, что нѣкоторые изъ этихъ старшинъ люди болѣе или менѣе образованные, они скорѣе подпадаютъ подъ вліяніе Татаръ и затѣмъ являются защитниками ислама.

Одинъ изъ такихъ сильныхъ ратоборцевъ за исламъ въ аулѣ Ж... вступилъ даже съ о. Соколовымъ (въ его поѣздку въ 1891 г.) въ споръ и сталъ утверждать, что магометанская вѣра лучше, вѣра правая, доказывая это тѣмъ, что учившій его какой-то мулла въ г. Троицкѣ (Оренбург. губ.), человѣкъ-де начитанный, читавшій и Русскія и Татарскія книги, свято исполнявшій законы Магомета, на столько угодилъ Богу, что одинъ Троицкій купецъ давалъ ему 3000 рубл. за то только, чтобы онъ помолился за его умер-

---

*) Бай значитъ господинъ.

Библиотека "Руниверс"

шаго родственника; но мулла будто бы и денегъ не взялъ и молиться за не мусульманина не сталъ.

Подобные разсказы дѣйствовали на пылкое воображеніе темной массы. Киргизы, слѣпо привыкшіе во всемъ слѣдовать своимъ старѣйшинамъ, безусловно вѣрили всякимъ ихъ разсказамъ, невольно и незамѣтно для себя подчинялись желаніямъ Татарскихъ проповѣдниковъ.

Ближайшіе къ Киргизамъ муллы г. Троицка постоянно рыскаютъ въ степи. Одинъ изъ нихъ А. каждогодно бываетъ тамъ или посылаетъ туда своихъ учениковъ (муэззиновъ), которые за укрѣпленіе въ вѣрѣ Киргизовъ взимаютъ съ нихъ поборы: по 1 лошади съ 40 головъ, столько же съ рогатаго скота и барановъ и по 1 пуд. пшеницы и другого зерна съ каждыхъ десяти пудовъ. И хотя ордынцы ничуть неподвѣдомственны этому муллѣ, но отбываютъ эту тяжелую дань, какъ кажется, охотно. По крайней мѣрѣ они не высказываютъ ропота противъ такого ненормальнаго явленія. Должно быть, ужъ очень сильно на нихъ вліяніе Татаръ и ихъ муллъ.

Ордынцы производятъ сильное давленіе на Русскихъ, коихъ тяжелая, безысходная нужда заставила поселиться въ далекой и необъятной степи.

Поселенцы Русскіе явились туда лѣтъ 15—20 назадъ, при исключительныхъ обстоятельствахъ. Въ то время въ г. Кустанай (Тургайск. обл.) вызывали желающихъ на нетронутыя земли. Наслышавшись о широкомъ раздольѣ степей, о богатыхъ урожаяхъ, поселенцы покинули свои родныя бѣлыя хатки въ Курской и Харьковской губерніяхъ и не десятками, а сотнями потянулись сюда. Скоро свободные участки около Кустаная переполнились, и тогда оставшіеся несчастливцы, продавшіе на родинѣ за безцѣнокъ свое добро и истратившіе послѣдніе гроши за дорогу, принуждены были пробираться дальше въ степь къ Киргизамъ, чтобы арендовать у нихъ клочки земли и за такія цѣны, какія врядъ ли гдѣ-либо еще существуютъ: изъ половины или изъ третьей части всего посѣва.

Киргизамъ, конечно, это было выгодно; но каково-то приходилось бѣднымъ крестьянамъ! Какъ на грѣхъ въ послѣдніе годы пошли недороды, засуха, частая спутница Киргизскихъ степей; бѣдняки прожили все, что имѣли, и многіе изъ нихъ, чтобы не умереть съ голоду, принуждены были или закабалить себя къ Киргизу въ работники, или же занимать у него хлѣбъ подъ лѣтнія полевыя работы. Цѣны на рабочія руки, понятно, пали. За 4 пуда, напримѣръ, муки поселенецъ обязывался Киргизу накосить 100 копенъ сѣна, за 3 пуда—убрать десятину проса или пшеницы; тогда какъ въ обыкновенное время уборка одной десятины доходила до 15—18 рубл., накосить 100 копенъ сѣна стоило не менѣе 12 рубл. Поэтому бѣдный поселенецъ и въ урожайные годы не могъ поправиться и только работалъ на своего кулака-Киргиза. Впрочемъ онъ и въ остальное время состоялъ въ полной подчиненности произволу Киргизовъ, такъ какъ, арендуя у нихъ земли безъ

Библиотека "Руниверс"

всякаго договора, въ силу необходимости, долженъ угождать своему хозяину: иначе дикарь не поцеремонится прогнать его съ участка во всякое время года.

Даже при томъ положеніи, когда поселенцемъ было бы заключено съ Киргизомъ условіе (хотя это почему-то мѣстными властями не дозволяется) не уменьшился бы произволъ послѣдняго. Судите сами! Киргизовъ сила, а поселенецъ одинъ или ихъ какой-нибудь мелкій десятокъ. Ордынецъ всегда можетъ найти причину прогнать съ поля арендатора, и противъ этого нельзя ничего сдѣлать. Если же поселенецъ вздумаетъ тягаться съ своимъ хозяиномъ, послѣдній всегда имѣетъ возможность выставить въ защиту свою сотни свидѣтелей. Затѣмъ къ кому идти жаловаться, какъ привлечь Киргиза къ отвѣтственности, когда на сотни верстъ нѣтъ Русскаго города, и притомъ хозяинъ, какъ кочевой житель, не сидитъ на одномъ мѣстѣ: сегодня—здѣсь, завтра—тамъ; ищи его по обширной степи. Лишь осенью онъ приходитъ въ свою зимовку.

Для сердца православнаго христіанина мало отраднаго въ жизни Русскаго мужичка въ Киргизской степи. Удаленные отъ православной церкви, видя предъ глазами только ордынцевъ, ихъ многочисленныя стада, бозбрежную степь, поселенцы, не только Чуваши и Мордва, но даже Русскіе скоро-забываютъ о своей вѣрѣ и отстаютъ отъ обрядовъ св. церкви. Подстрекаемые муллами, Киргизы не прочь поглумиться надъ ними и посмѣяться надъ ихъ вѣрой. При всякомъ удобномъ случаѣ они стараются накормить поселенцевъ лошадинымъ мясомъ. А чтобы еще больше прикрѣпить къ своей землѣ, соблазняютъ ихъ разными развращающими приманками—виномъ и женщинами. Многіе изъ Русскихъ поэтому ведутъ въ степи жизнь самую позорную для христіанина, имѣютъ по нѣскольку женъ и ни съ одной не вѣнчаны. У рѣдкихъ встрѣчаются св. иконы; большею частію онѣ замѣняются закоптѣлыми досками, да и тѣ стоятъ гдѣ-нибудь въ темномъ углу, чтобы ихъ не видѣли Киргизы и не смѣялись надъ исповѣдниками Христовой вѣры. На божницахъ кладутся чашки, миски, тарелки и другія хозяйственныя принадлежности. Православные и ихъ дѣти сидятъ въ избахъ по-киргизски въ шапкахъ, головы не чесаны, на рѣдкихъ дѣтяхъ есть кресты, сами родители не знаютъ даже необходимыхъ молитвъ. Многіе изъ нихъ не помнятъ, когда они исповѣдывались и причащались. Посты не соблюдаются, дѣти подолгу остаются некрещеными, много поселенцевъ умираетъ безъ напутствованія и хоронится безъ отпѣванія.

Въ аулѣ Д., какъ разсказываетъ о. Соколовъ *), жившіе тамъ христіане-Чуваши окончательно подпали подъ вліяніе Татарина С., содержавшаго въ полуверстѣ отъ нихъ мельницу на р. Аятѣ, гдѣ онъ, чтобы посто

*) „Оренб. Епарх. Вѣд“. 1892, № 7.

Библиотека "Руниверс"

янно держать въ рукахъ Киргизовъ, построилъ на свой счетъ мечеть и отсюда разливалъ по окрестностямъ свое ученіе. Чуваши тутъ вели образъ жизни совершенно магометанскій, одѣвались, какъ Киргизы, ѣли конину, молились по-татарски, и, конечно, ни у одного не было иконы.

Только въ одномъ селеніи при озерѣ Жаркуль, Аманкарагайской волости, особнякомъ отъ Киргизовъ жили 18 семей Малороссовъ, люди набожные. Въ землянкахъ у нихъ всегда была чистота, божницы прилично уставлены иконами. Почти въ каждой семьѣ имѣлись восковыя свѣчи и ладанъ. Они исправно платили Киргизамъ оброкъ, но не склоняли предъ ними головы. За то, когда кончился срокъ аренды занимаемаго ими участка, ордынцы не сдали имъ его на новый срокъ, и бѣднякамъ пришлось уйти съ насиженнаго мѣстечка, чего нельзя не пожалѣть, ибо такіе тѣсносплоченные поселки съ чисто-Русскимъ духомъ, могли бы быть очень полезны правительству.

Нигдѣ такъ тѣсно не можетъ сблизиться съ Русскимъ человѣкомъ Киргизецъ, какъ среди необъятныхъ своихъ полей, гдѣ у нихъ есть общіе интересы, гдѣ они такъ или иначе зависятъ другъ отъ друга. Ордынецъ чаще наѣзжаетъ къ Русскому, за чайкомъ заводятся у нихъ бесѣды, и постепенно дикарь степей привыкаетъ къ „Урусу". Тѣмъ болѣе въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ Киргизы не на столько фанатичны, какъ Татары, охотно вступаютъ въ собесѣдованіе о Богѣ и Его величіи и охотно читаютъ Евангеліе на своемъ языкѣ. Спасителя они почитаютъ Великимъ Пророкомъ, чудесно родившимся отъ Дѣвы Маріи и потомъ взятымъ живымъ на четвертое небо.

Слѣдуя по степи изъ аула въ аулъ, о. Соколовъ не разъ заводилъ съ ними о томъ разговоры, и они со вниманіемъ его слушали. Часто случалось, кибитка, въ которой велась бесѣда, биткомъ наполнялась слушателями, а особенно слушательницами, которыя, съ поднятыми вверхъ руками, восклицали, качая головами: „Ай якши! Напрасно мы Русскихъ зовемъ кафирами (т. е. невѣрными), какъ насъ тому учатъ Татары. Вонъ какъ они хорошо въ Бога вѣруютъ, какъ хорошо о Богѣ читаютъ! Одинъ Худай *) вѣдаетъ, чья вѣра лучше!"

Киргизы очень любознательны и чрезвычайно интересуются ученіемъ православной вѣры, замѣчательна у нихъ еще одна черта: кто бы ни началъ разговоръ о Богѣ, они тотчасъ же прекращаютъ всѣ остальные разговоры и хоть цѣлый день готовы слушать о велѣніяхъ Творца, о небесномъ бытіи

Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ мѣстное начальство особенно заботится о распространеніи Русской грамотности среди ордынцевъ, и многіе Киргизы съ удовольствіемъ идутъ навстрѣчу этому новому вѣянію, охотно жертвуя на постройку училищъ деньгами, скотомъ, хлѣбомъ и лѣсомъ, даже отдаютъ обучаться въ Русскія школы своихъ дочерей, чего нѣтъ среди Татаръ и Башкировъ сосѣднихъ губерній. Въ настоящее время въ Тургайской области насчитывается 25 аульныхъ школъ съ 309 учащимися муж. п. и 35 жен. п.

Библиотека "Руниверс"

при 274,620 душъ туземнаго населенія. Конечно, этого для просвѣщенія ордынцевъ еще очень и очень мало; но все-таки можно надѣяться, что малое въ началѣ можетъ потомъ разростись въ великое.

Если бы къ этому было сдѣлано распоряженіе, безусловно воспрещающее проживать въ Киргизской степи Татарамъ и ихъ мулламъ, да прибавлено было бы въ Оренбургской епархіи знающихъ Киргизскій языкъ опытныхъ миссіонеровъ (а то всего одинъ о. Соколовъ), съ посылкой ихъ на болѣе или менѣе постоянное жительство въ степь (хотя бы по одному миссіонеру въ каждомъ степномъ укрѣпленіи), тогда не повторилось бы отпаденія живущихъ въ Тургайской области Русскихъ поселенцевъ въ магометанство, и можно было бы надѣяться привлечь въ христіанство и Киргизовъ.

П. Юдинъ.

*) Худай по киргизски значитъ Богъ.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

Въ г. Нижне-Уральскѣ, въ архивѣ хозяйственнаго правленія Уральскаго казачьяго войска, въ дѣлахъ бывшей войсковой канцеляріи XVIII столѣтія (т. I, листъ 335, по описи хронологическому указателю дѣлъ архива № 151) оказалось собственноручное письмо Г. Р. Державина къ коменданту Яицкаго городка Симонову. Изъ этого письма видно, зачѣмъ, отчасти по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ Державинъ въ Оренбургскій край во время Пугачевскаго бунта. Державинъ былъ тогда еще очень молодой человѣкъ, но уже поручикъ гвардіи, что по тогдашнему сравненію гвардейскихъ чиновъ съ армейскими значило много. Письмо это, не попавшее въ изданіе академика Грота, приводимъ съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

„Получено, Іюля 12 дня 1774 г.“.

«Высокородный и высокопочтенный господинъ полковникъ и Яицкой крѣпости комендантъ, милостивый государь мой!»

«Отъ 19 прошедшаго мѣсяца требованіе вашего высокородія, дабы искать старца Гурія получилъ, на Иргизъ послалъ я по Узеню развѣдовать объ ёмъ, ибо слухъ носится, что онъ тамъ; если же найдется, то и пойманъ будетъ. Я слышалъ, что еще какіе-то старцы надобны; то да сообщатся имена и оныхъ!»

«Впрочемъ съ отличнымъ почтеніемъ именуюсь вашего высокородія, государя моего, покорнѣйшій слуга, лейбъ-гвардіи поручикъ Гавріилъ Державинъ».

„8 Іюля 1774 г.
Малиновка“.

Сообщилъ Н. Т. Ивановъ.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО КНЯГИНИ СУВОРОВОЙ КЪ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ.

Всемилостивѣйшій государь!

По случаю кончины мужа моего, дерзаю припасть къ священнѣйшимъ стопамъ вашего императорскаго величества и съ дѣтьми моими и повергнуть себя съ ними въ монаршее вашего императорскаго величества высокое благоволеніе, пребывая съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшая покойнаго генералиссимуса жена, княгиня Италійскаго, графиня Варвара Суворова-Рымникская.

Москва, 20 Мая 1800 года.

ПИСЬМО М. М. СПЕРАНСКАГО П. А. СОЛОВЦОВУ

Посылаю вамъ, любезный Петръ Андреичъ, время и вѣчность: часы и Библію. Пусть первые напоминаютъ вамъ смерть и разлуку; а вторая вѣрное наше соединеніе въ Спасителѣ нашемъ. И здѣсь живущіе духомъ не разлучаются; и тамъ а разлучаться не могутъ. Время было бы несносно, есть ли бы оное не приближало бы насъ къ вѣчности. Для странниковъ, измученныхъ жизнію, бой часовъ есть голосъ друга, зовущаго къ покою.

Прощайте, воспоминайте меня въ лучшее время жизни, въ молитвахъ и добрыхъ размышленіяхъ, желайте, чтобъ тихая рука смерти съ вѣрою, любовію и надеждою закрыла мнѣ глаза, зрѣлищемъ ложнаго свѣта давно уже утомленные. Сего желать вамъ не престану.

Иркутскъ, 24 Іюля 1820.

(Изъ 7-й части Сборника бумагъ П. И. Щукина).

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО СУВОРОВА ВЪ ВОЕННУЮ КОЛЛЕГІЮ.

Милостивый государь мой Ѳедоръ Максимовичъ!

На письмѣ вашего превосходительства о поручикѣ Долгановѣ обязанностію почитаю засвидѣтельствовать, что все прописанное имъ во всеподаннѣйшемъ къ его императорскому величеству прошеніи справедливо и что по бѣдности его достигъ онъ всемилостивѣйшаго монаршаго воззрѣнія. Прошеніе его возвращая обратно, пребываю съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорный слуга князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій.

№ 517. Декабря 10-го 1799 года. г. Прага.

ПИСЬМО КНЯЗЯ А. А. СУВОРОВА КЪ Д. И. ХВОСТОВУ.

Вслѣдствіе почтеннѣйшаго вашего превосходительства ко мнѣ отъ числа сего Мая мѣсяца письма сдѣлалъ я управляющему по довѣренности доставшимися мнѣ въ наслѣдство по кончинѣ родителя моего генералиссимуса князя Италійскаго графа Александра Васильевича Суворова Рымникскаго Литовской губерніи въ Кобринскомъ уѣздѣ крестьянами, господину коллежскому асессору Тимоѳею Николаевичу Красовскому предписаніе, чтобы онъ по случаю надобности въ деньгахъ, которыя издержаны на погребеніе родителя моего, а вашего дядюшки, взамѣнъ издержанныхъ вами собственныхъ своихъ денегъ двадцать тысячъ рублей, постарался какъ возможно въ теченіе наступающаго Іюня мѣсяца и не позже Іюля мѣсяца доставить къ вашему превосходительству. Посему покорнѣйше васъ, милостивый государь, прошу, когда тѣ деньги вами будутъ черезъ почту получены, то слѣдующее вамъ число по реестрамъ и счетамъ взамѣнъ издержанныхъ вами на сіе собственныхъ вашихъ денегъ извольте получить, а оставшіяся деньги, равно и имѣющіяся у васъ на сохраненіи мои брилліантовыя вещи, а именно: крестъ Сардинскій святаго Маврицція, шпагу городомъ Туриномъ поднесенную, звѣзду святаго апостола Андрея брилліантовую, тожъ звѣзду брилліантовую Александровскую, апалетъ брилліантовой и перо брилліантовое, прошу васъ покорнѣйше тогда мнѣ возвратить. Какое жъ мною къ господину Красовскому послано о томъ предписаніе, со онаго влагаю за моимъ подписаніемъ къ вашему превосходительству точную копію; въ прочемъ, надѣясь на ваше ко мнѣ расположеніе, при истинномъ моемъ почтеніи и преданности пребыть честь имѣю навсегда вашего превосходительства милостиваго государя всепокорнѣйшій слуга князь Аркадій Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій.

Мая 19-го дня 1800 года.

Библиотека "Руниверс"

ВАНЧАСЫ И ГОЛУБЕЙСКІЯ МАЧТЫ.

На стр. 184-й 6-го выпуска „Русскаго Архива" сего года спрашивается „чтò такое ванчасы и голубейскія мачты".

Ванчасы (какъ ихъ называетъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ въ письмѣ къ своему прикащику), это *ванчоусы*, терминъ, которымъ и въ настоящее время лѣсопромышленники обозначаютъ особый родъ сосновыхъ брусьевъ, употребляемыхъ почти исключительно для кораблестроенія; они нѣсколько отличаются отескою отъ болѣе употребительныхъ „Англійскихъ" брусьевъ и вѣроятно этимологически происходятъ отъ Англійскихъ вокабулъ: *Sau*—бревно, стропило, *choice*—выборъ; стало быть, это отборныя стропила.

Голубейскія мачты—это тоже отборныя, высокоцѣнимыя даже за границею (вплоть до замѣны парусногo военнаго флота паровымъ), сосновыя отъ 10 до 15 саженъ въ длину, въ нижнемъ отрубѣ отъ 12 до 16 вершковъ, дерева, изъ Голубейской лѣсной дачи, при селѣ Голубеѣ, Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи. Имѣніе это, нѣкогда Нарышкинское, принадлежало князю Александру Михайловичу Голицыну и было завѣщано имъ его дочери, Дарьѣ Александровнѣ, а нынѣ принадлежитъ ея внуку, генералу отъ кавалеріи, графу Алексѣю Васильевичу Олсуфьеву. До сихъ поръ Голубейская сосна, хотя болѣе для мачтъ не требуется, цѣнится высоко въ центрахъ заграничной лѣсной торговли, Данцигѣ и Мемелѣ.

Библиотека "Руниверс"

П. И. САВИНА-ОРЛОВА.

Некрологъ.

Изо всѣхъ видовъ искусства, самое трудное и самое возвышенное есть конечно искусство художественнаго лицедѣйства, у котораго орудіемъ не камень, не звукъ, ни даже слово, а самъ человѣкъ. Жрецамъ и служителямъ этого искусства оказано въ наши дни столько льготъ и покровительства, что имъ подобаетъ совершенствоваться, поучаясь примѣрами такихъ лицъ, какъ скончавшаяся 2 Іюля сего года *Прасковья Ивановна Савина*, имѣвшая нѣкогда громкую извѣстность подъ именемъ *Орловой*. Въ „Русскомъ Архивѣ“ прошлыхъ лѣтъ читатели имѣютъ уже нѣсколько прекрасныхъ статей А. Н. Сиротина, сумѣвшаго изобразить дѣятельность, продолжающуюся всего нѣсколько часовъ и оставляющую глубокіе слѣды въ сердцѣ и памяти зрителей. Таковое жизнеописаніе Троепольской, Дмитревскаго, Яковлева, Рыкаловой *). Къ числу такихъ людей принадлежитъ и П. И. Савина. Она родилась 5-го Октября 1815 года. Родители ея были люди скромнаго общественнаго положенія; отецъ ея, Иванъ Куликовъ, служилъ при Московскомъ Большомъ театрѣ. Ее отдали въ театральную школу, тогда помѣщавшуюся на Поварской, гдѣ теперь Казаковская богадѣльня. Братъ ея Н. И. Куликовъ былъ извѣстенъ, какъ переводчикъ и авторъ комедій и водевилей, пользовавшихъ въ свое время большимъ успѣхомъ (на примѣръ „Ворона въ павлиньихъ перьяхъ“ и „Цыганка“, „Семейные разсчеты“ и др.) а сестра (въ замужествѣ Шубертъ) тоже впослѣдствіи играла въ Петербургѣ на Александринскомъ театрѣ. Миловидный ребенокъ, съ копною волосъ пепельнаго цвѣта, маленькая Пашенька Куликова скоро пріобрѣла расположеніе начальства и дружелюбное отношеніе подругъ по классу. Рѣзвушка и шалунья, она имѣла отличныя способности, превосходную память и всего прилежнѣе училась танцамъ; при ея граціозности и миловидности нерѣдко она избираема была представлять Амура въ тогдашнихъ балетахъ. Съ 14-го лѣтняго возраста она играла часто въ школѣ въ легкой комедіи и въ водевиляхъ. Съ 18-ти лѣтъ она стала появляться на сценѣ Большого театра, гдѣ давались въ то время комедія и драма; вскорѣ имя воспитанницы Куликовой, стоящее на афишѣ, сдѣлалось приманкой для зрителей наровнѣ съ именемъ Н. В. Рѣпиной, тогдашней любимицы Москвы. Съ 30-хъ годовъ, играя вмѣстѣ съ Мочаловымъ она

*) См. по указателю къ „Русскому Архиву“ за 30 лѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

выдвинулась еще болѣе уже въ самостоятельныхъ роляхъ. Лучшей Офеліи не только Московская, но вообще Русская сцена и не запомнитъ. *„Майко“*, *„Луиза-де-Линьероль“*, *Луиза* Шиллеровой трагедіи *„Коварство* и *Любовь“*, надолго остались въ памяти зрителей. Извѣстный театралъ В. И. Родиславскій говаривалъ не разъ, что умнѣе, женственнѣе, явственнѣе изображенія Софьи Павловны въ Горѣ отъ Ума никогда ему не удалось встрѣтить во все его 48-ми лѣтнее посѣщеніе Русской сцены.

Въ 30-хъ годахъ Куликова вышла замужъ за *Орлова*, тогда извѣстнаго актера въ роли резонёровъ и превосходнаго Скалозуба (императоръ Николай Павловичъ однажды сказалъ: Орловъ родился Скалозубомъ). Настоящее имя Орлова *Копыловъ*: онъ былъ потомственный дворянинъ и морякъ въ отставкѣ.

Вслѣдствіе какихъ-то неудовольствій съ тогдашней дирекціей П. И. Орлова въ 1845 году оставила службу при Московскомъ театрѣ и въ концѣ 40-хъ годовъ, уже по смерти Мочалова, мы видимъ ее въ составѣ труппы Александринскаго театра въ Петербургѣ. Во время Севастопольской осады, пользуясь свободнымъ временемъ по случаю траура по императорѣ Николаѣ, Прасковья Ивановна отправляется въ Крымъ въ качествѣ сестры милосердія, подъ именемъ Копыловой и ухаживаетъ за больными и ранеными въ госпиталяхъ Симферополя. Мужъ ея Орловъ оставилъ не задолго предъ тѣмъ сцену, получивъ въ наслѣдство имѣніе съ крѣпостными душами, актеръ же того времени не имѣлъ права владѣть крѣпостными людьми. Онъ умеръ въ 50-хъ годахъ.

Въ разное время навѣщая старушку мать свою, проживавшую въ г. Осташковѣ, Прасковья Ивановна Орлова познакомилась съ тамошнимъ городскимъ головою Ѳедоромъ Кондратьевичемъ Савинымъ. Это былъ человѣкъ, получившій образованіе въ Англіи, филантропъ, милліонеръ и общественный дѣятель, всею душею преданный благосостоянію родного города*) устроившій въ немъ домъ призрѣнія для бѣдныхъ. Онъ не могъ не обратить вниманія на выдающуюся личность Прасковьи Ивановны. Слава первоклассной артистки, еще болѣе цѣнная для богобоязненнаго филантропа слава человѣколюбивой и исполненной кротости и терпѣнія сестры милосердія, наконецъ все еще привлекательная наружность Орловой на него подѣйствовали, и нѣсколько времени, спустя предложивъ ей свое имя и сердце, онъ получилъ ея согласіе. Этотъ бракъ, состоявшійся при такихъ счастливыхъ условіяхъ, былъ пресѣченъ внезапной смертью Савина въ 1890 г., и съ того времени вдова его всецѣло просвятила себя благотворительности. Ея дѣятельность на этомъ поприщѣ поистинѣ изумительна. Не было ни одного добраго дѣла въ Осташковѣ, во главѣ котораго не стояло бы имя Прасковьи Ивановны. Столовая для бѣдныхъ обязана ей своимъ возникновеніемъ, и за два года еще до своей кончины она устроила въ Осташковѣ безпроигрышную лоте-

---

*) Онъ и умеръ, распоряжаясь тушеніемъ страшнаго пожара, которымъ постигнутъ былъ городъ Осташковъ въ 1890 году.

Библиотека "Руниверс"

рею, большинство выигрышей которой состояло изъ ея рукодѣлій. Чистый сборъ съ лотереи достигъ 800 рублей и былъ пожертвованъ ею на крышу ночлежнаго дома для сиротъ и безпріютныхъ.

Неизсякаема была доброта покойной: и въ словѣ надежды и утѣшенія, и въ своей заботѣ, и въ денежной помощи она никогда не отказывала. Провидѣніемъ Осташкова была она и горько отозвалась ея кончина въ каждомъ изъ его жителей.

Въ теченіе своей долгой и полезной жизни Прасковья Ивановна вела обширную переписку, и чьихъ только писемъ не найдется въ ея портфеляхъ: митрополита Филарета и Іоанна Кронштадтскаго, Н. И. Греча, С. Т. Аксакова, Авдотьи Павловны Глинки, Княжевича, графа Адлерберга и пр.

Послѣ покойной остались обширныя записки, обнимающія время почти за полвѣка. Выдержка изъ нихъ (о бенефисѣ Мочалова) помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года.

Пишутъ изъ Осташкова: „Вотъ мы и схоронили дорогую нашу Прасковью Ивановну, оставившую по себѣ добрую и незабвенную память всего Осташкова. Похороны были благоговѣйные и торжественные съ хоругвями и съ колокольнымъ звономъ во всѣхъ церквахъ, такъ какъ покойная была ктиторшей храма въ домѣ призрѣнія. Священниковъ и іеромонаховъ было человѣкъ 20, народу масса, положительно весь Осташковъ, вѣнковъ изъ живыхъ цвѣтовъ до 20-ти отъ разныхъ вѣдомствъ и учрежденій, гдѣ участвовала покойная своею дѣятельностью или благотворительностью“.

Вотъ еще выдержка изъ письма: „Были мы на могилкѣ Прасковьи Ивановны, служили панихиду и литію; много народа осталось на панихидѣ. Въ церкви Пріюта ежедневно заупокойныя всенощныя и обѣдни, а равно и во всѣхъ другихъ церквахъ города. Добрую память оставила по себѣ покойная, и не одинъ бѣднякъ съ благодарностью и умиленіемъ помянетъ имя ея“.

Лѣтъ десять тому назадъ, П. И. Савина, пріѣхавъ въ Москву, захотѣла увидѣть И. С. Аксакова, отецъ котораго, Сергѣй Тимоѳеевичъ, былъ нѣкогда дружески расположенъ къ ней и высоко цѣнилъ ея дарованіе. Иванъ Сергѣевичъ, когда ему сказали объ ея пріѣздѣ, кинулъ занятія и не зналъ, куда посадить дорогую гостью.

Библиотека "Руниверс"

СТИХОТВОРЕНІЯ
Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ «РУССКАГО АРХИВА».

Москва. 1899. 16°. 272 стр. Цѣна **40** копѣекъ, съ пересылкою **50** к.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

полнаго собранія сочиненій

АЛЕКСѢЯ СТЕПАНОВИЧА ХОМЯКОВА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Трагедіи и стихотворенія съ портретомъ и съ изображеніемъ Ермака (по рисунку К. П. Брюлова). Цѣна **одинъ** рубль.

Складъ изданія въ Москвѣ, подъ Новинскимъ, въ Кречетниковомъ переулкѣ, въ домѣ 14-мъ.

Томы: **второй** (сочиненія богословскія), **седьмой** (окончаніе Записокъ о всемірной исторіи) и **восьмой** (письма) печатаются.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

первые пять вѣковъ родной старины (862—1362).

Н. М. ПАВЛОВА.

Три тома. М. 1896—1899. Цѣна каждому тому **1** р. **50** к.

*

ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА.

Празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа. Подъ редакціей инспектора Тифлисской первой гимназіи **П. Кумского**. Тифлисъ, 1899. 8-ка, 227 стр.

—

Пушкинскіе дни въ губернскомъ городѣ Владимирѣ. Изданіе Владимирской Ученой Архивной Комиссіи, Владимиръ 1899, б. 8-ка 60 стр.

—

Памяти Пушкина. Научно-литературный сборникъ, составленный профессорами и преподавателями Императорскаго Университета св. Владимира. Кіевъ 1899. б. 8-ка, VIII, 296 и 99 стр. Роскошное, изданіе съ фронтисписомъ, видами Каменки и, портретами (Е. Н. Давыдовой, Н. Н. Раевскаго, А. Л. Давыдова, Аглаи А. Давыдовой, ея же монахиней) и со снимкомъ съ подлинной рукописи стихотворенія: „Моя Родословная“, на двухъ большихъ листахъ.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900 года.

(Годъ 38-й)

«Русскій Архивъ» въ 1900 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1900 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1892, 1893, 1894, 1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы **1898** и **1899** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**.

Библиотека "Руниверс"

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

8.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ КНИГЪ

„АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА“ *).

III. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Θ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги Конференціи. Письма А. П. Бестужева-Рюмина къ барону I. А. Корфу. Письма гр. Санти. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ. Доклады гр. М. Л. Воронцова. Семилѣтняя война. Записка гр. Воронцова о ней. Дѣло Лестока. Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Автобіографич. показаніе. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской. Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера.

VI. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Переписка съ Θ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ, съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Съ планомъ взятія Берлина Русскими войсками.

VII. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дѣло графа Тотлебена. Проектъ графа П. И. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину. Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV. Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Рюльера. Приложенъ портретъ гр. М. Л. Воронцова и снимокъ съ письма.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Θ. В. Ростопчинымъ.

IX. Письма гр. С. Р. Воронцова. Съ гравированнымъ на стали портретомъ.

X. Письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову и разнымъ лицамъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XII. Письма гр. П. В. Завадовскаго къ братьямъ Воронцовымъ, княгини Е. Р. Дашковой, Д. П. Трощинскаго, А. И. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письма гр. А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ съ руки гр. П. В. Завадовскаго.

XIII. Письма князя А. А. Безбородка.

XIV. Письма князя Кочубея, гр. А. И. Маркова, кн. А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова, И. П. Страхова.

XV. Письма А. Я. Протасова. Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ. Записка гр. С. Р. Воронцова о внутреннемъ управ-

*) Первыя двѣ книги вышли изъ продажи.

Библиотека "Руниверс"

ПЕРЕПИСКА МОСКОВСКАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ГРАФА С. А. САЛТЫКОВА СЪ ѲЕОФАНОМЪ ПРОКОПОВИЧЕМЪ.

1733—1735.

*

Преосвященный отецъ архіепископъ Новгородскій, милостивый государь мой!

За прежде показанную вашего преосвященства, милостиваго государя моего, ко мнѣ неотмѣнную милость, покорно благодарствую. Такмо нынѣ вашего преосвященства, милостиваго государя моего, покорно прошу въ деревнѣ моей приказать изъ Пушкинскихъ рощей лѣсу вырубить тысячу деревьевъ, понеже нынѣ въ томъ я имѣю самую необходимую нужду и ежели въ томъ отъ вашего преосвященства оставленъ не буду, то покорно прошу о томъ прислать къ кому надлежитъ указъ, въ чемъ неотмѣнной вашего преосвященства къ себѣ милости остаюсь надеженъ. Вашего преосвященства, государя моего, покорный слуга С. Салтыковъ.

1733 г. Февр. 19 дня.

*

Сіятельнѣйшій графъ, генералъ и кавалеръ Семенъ Андреевичъ, государь мой и патронъ милостивый!

Получилъ я Февраля 27 дня отъ сіятельства вашего писаніе, изъ Москвы 19 дня настоящаго года отпущенное, которымъ изволите требовать сіятельство ваше, чтобъ изъ синодальныхъ вотчинныхъ селъ Пушкинскихъ рощей вырубить въ деревни ваши тысячу деревьевъ, по которому и я, служа сіятельства вашего нуждѣ, оное ваше требованіе предлагалъ въ Св. Синодъ, на что и позволено по указу, куда надлежитъ, немедленно отправить опредѣлено, и отправленъ. При семъ, вручая себя неотмѣнной сіятельства вашего милости, пребываю, сіятельства вашего доброжелательный богомолецъ и слуга, смиренный Ѳеофанъ, архіепископъ Новгородскій.

Фев. 28 дня, 1733 г.

Библиотека "Руниверс"

*

Сіятельнѣйшій и превосходительнѣйшій графъ Семенъ Андреевичъ, государь мой и патронъ милостивый!

Синодальный оберъ-секретарь Михайло Дудинъ предложилъ мнѣ съ плачемъ о наносимой родителю своему пакости и по извѣстному особливому вашему ко мнѣ решпекту и благодѣтельству просилъ меня, дабы я сіятельство ваше письменнымъ моленіемъ моимъ утрудилъ въ слѣдующемъ.

По указу-де Ея Императорскаго Величества повелѣно экономической коллегіи съ опредѣленныхъ архіерейскихъ вотчинъ недоимки взыскивать въ провинціяхъ воеводамъ и офицерамъ домовъ архіерейскихъ на управителяхъ, гдѣ что взять возможно. А чего и за чѣмъ взять невозможно, о томъ велятъ тѣмъ воеводамъ и офицерамъ писать въ Правительствующій Сенатъ. А нынѣ-де Суждальскій воевода, господинъ князь Горчаковъ, тоя недоимки взысканіе дому Суждальскаго архіерея на управителяхъ чинитъ съ немалыми нападками, и гдѣ той доимки взять никакъ невозможно, онъ взыскиваетъ съ великими принужденіями, и помянутаго оберъ-секретаря Дудина отца, которому уже отъ рожденія 72 лѣта, обрѣтающагося при домѣ Суждальскаго архіерея судіею, отца Дудина одного, кромѣ другихъ его товарищей, больна суща, оной Суждальскій господинъ воевода сего Ноября со 4-го числа взявъ, держитъ подъ крѣпкимъ арестомъ и на правежъ ставитъ, о чемъ есть не безъ сомнѣнія, что въ такой старости человѣка такъ несносно оной господинъ воевода, кромѣ другихъ его товарищей (которые еще лѣтами средними) отягощаетъ, о чемъ опасно и крайняго случая. А когда бъ той доимки взыскивать не съ кого, то бы подлежало тому воеводѣ, какъ указъ повелѣваетъ, писать въ Правительствующій Сенатъ, а не такъ зѣло жестоко и безъ разсмотрѣнія поступать; если же такъ дѣлается, то можно знать, что воевода оной либо по нѣкоей своей злобѣ, либо по чьему злобному наущенію дѣлаетъ такъ. Да къ тому же сказалъ оберъ-секретарь, что по челобитью Суждальскаго архіерея о той доимкѣ велѣно и окончательное слѣдствіе учинить, о чемъ изъ Правительствующаго Сената въ Москву, въ сенатскую контору, въ недавнихъ числахъ и вѣдѣніе сообщено, по которому тѣхъ домовыхъ управителей изъ подъ ареста повелѣно освободить. Да и оной всей недоимки во взысканіи быть надлежитъ, какъ мнѣ сказано, не болѣе полуторыхъ сотъ рублей. Того ради вашего высокографскаго сіятельства и я смиреннѣйше прошу, да соблаговолите ваше высокографское сіятельство по выше сказанному Правительствующаго Сената

Библиотека "Руниверс"

сообщенному въ Москву въ сенатскую контору вѣдѣнію, непродолжительную и благоразмышлительную учинить резолюцію и того Суждальскаго воеводу унять указомъ, чтобы онъ болѣе наказанному Дудину, человѣку старому, напрасныхъ турбацій и, особливо увѣчья, не чинилъ. Къ сему же, ежели вашему высокографскому сіятельству покажется не въ трудъ, прошу ваше сіятельство и собственнымъ вашимъ писаніемъ воеводу онаго отъ упоминаемыхъ, если прямо такъ, на бѣднаго старика нападковъ удержать. Сіе мое покорное прошеніе къ сіятельству вашему посылаю, сожалѣя бѣднѣ истязуемую старину, также и сына его, синодскаго оберъ-секретаря. И ежели сіе самое мое прошеніе неправильное, но и съ правдою согласное, сіятельству вашему судится, надѣюсь на вашу извѣстную къ моему смиренію благосклонность и милость, что онаго не презрите, но и дѣломъ исполнить благоволите. О чемъ вамъ, государю моему, весьма благонадежно стужая, пребываю сіятельства вашего доброжелательный богомолецъ и слуга, смиренный Ѳеофанъ, архіепископъ Новгородскій.

С.-Петербургъ, 1733 г. Ноября 29.

*

Преосвященный архіепископъ, милостивый государь мой!

Вашего преосвященства, милостиваго государя моего, письмо отъ 29-го Ноября сего, Декабря 12 я получилъ, въ которомъ изволите писать о учиненіи рѣшенія по присланному изъ Правительствующаго Сената въ сенатскую контору о взысканіи долгу съ дома Суждальскаго архіерея на управителяхъ, и что Суждальскій воевода Горчаковъ во взысканіи той доимки того архіерея на управителѣ Дудинѣ, ему чинилъ нападки, на что вашему преосвященству, милостивому государю моему, доношу, что, по присланному изъ С.-Петербурга въ сенатскую контору вѣдѣнію, велѣно, послѣ присланнаго изъ Правительствующаго Сената вѣдѣнія во взысканіи той доимки дать сроку на три мѣсяца, о которомъ срокѣ, также и о слѣдствіи, куда надлежитъ, указы посланы. Что же оной князь Горчаковъ тому Дудину, якобы во взысканіи той доимки чинитъ особливые нападки и турбаціи тяжкія, о томъ я писалъ Горчакову. Писалъ, чтобъ онъ Горчаковъ оному Дудину, кромѣ подлежащихъ по указу Ея Императорскаго Величества дѣлъ, турбацій никакихъ не дѣлалъ, а хотя и по указу Ея Императорскаго Величества принадлежатъ какія ко исправленію до него дѣла, оныя взыскивалъ такъ какъ надлежитъ, безъ всякихъ нападковъ. По письму вашего преосвященства, государя моего, служить для вашего преосвященства, въ чемъ возможно, готовъ. Итакъ остаюсь вашего преосвященства, милостиваго государя моего, покорный слуга С. Салтыковъ.

Москва, 1733 г. Дек. 15.

Библиотека "Руниверс"

*

Государь мой и патронъ милостивый!

Премного благодарствую сіятельству вашему за доброжелательное моему смиренію отъ васъ, государя моего, писанное поздравленіе о празднуемомъ Ея Императорскаго Величества на Всероссійскій престолъ восшествіи. Съ тѣмъ же торжествомъ взаимно поздравляю ваше сіятельство, яко общимъ нашимъ благополучіемъ. Всякаго высочайшаго народовладѣтеля держава есть всенароднаго счастія животъ и основаніе. Кольми же паче таково намъ есть благословенно нынѣ царствующія самодержицы нашея владычество, которую и природными къ столь высокому дѣлу годными талантами и новыми въ преважнѣйшихъ отечества нашего нуждахъ подаваемыми дарованіями обогатилъ и обогощаетъ Царь Небесный. Первѣйшее же должно намъ быть въ томъ радованіе и яко о главномъ благосостояніи нашемъ, должны мы другъ другу сорадоваться, о чемъ я всеусердно сіятельству вашему привѣтствуя, молю Царя Царствующихъ, да продолжитъ монархини нашея самодержавное владѣніе на многія лѣта, утверждая то, по милостивому Своему призрѣнію, неподвижнымъ Ея Императорскаго Величества здравіемъ и во всѣхъ намѣреніяхъ и дѣяніяхъ ея непрестающимъ благопоспѣшествомъ; купно же и вашему сіятельству долгихъ и облаки злоключенія непомрачаемыхъ дней искренне желаю, пребывая сіятельства вашего доброжелательный богомолецъ и слуга смиренный Ѳеофанъ, архіепископъ Новгородскій.

С.-Петербургъ. Генваря 23 дня. 1735-го года.

*

Сіятельнѣйшій графъ Семенъ Андреевичъ, генералъ и кавалеръ, государь мой и патронъ милостивый!

Частыми моими прошеніями гораздо наскучилъ я сіятельству вашему, да и еще докучать, надѣясь на пріятнѣйшую вашу давнюю ко мнѣ милость, понудили въ слѣдующей нуждѣ. По имѣющемуся въ Москвѣ, въ конторѣ Коммерцъ-коллегіи дѣлу по челобитью покойнаго преосвященнаго Ѳиваидскаго митрополита Арсенія, протосингелла Іакова о взысканіи съ Грека Вангеля заемныхъ имъ у оного архіерея при жизни его денегъ тысячу пятьсотъ девяносто семь рублевъ, о чемъ сіятельству вашему довольно извѣстно отъ самаго ихъ дѣла чрезъ

Библиотека "Руниверс"

доношеніе іеродіакона Геннадія и что по показанію Грека же Ѳомы Кохомки, должны быть допрашиваемы Греки Паннотъ Оронгъ и Дементій Зоронга. Но оная контора Коммерцъ-коллегіи послабленіемъ своимъ ихъ не допрашиваетъ и вмѣсто того спускаетъ, объявляя, что «де то дѣло не государево, но челобитное», хотя о томъ, чтобы порознь допрашивать, многократно отъ обявленнаго протосингелла были прошены, отъ чего можетъ воспослѣдовать ихъ, Грековъ, въ томъ дѣлѣ согласіе и искомаго утрата, и чтобъ о томъ имѣлъ къ сіятельству вашему мое ходатайство, помянутый отецъ Геннадій весьма меня проситъ. Того ради, сіятельства вашего, милостиваго патрона моего, смиренно прошу приказать учинить по тому дѣлу надлежащее изслѣдованіе безъ послабленія и истцамъ въ ихъ правѣ подать руку помощи, чтобъ имъ отъ того иску, яко не имъ, но Александрійскому патріарху должнаго, лишеннымъ не быть и отъ того патріарха гнѣва не имѣть, въ чемъ на извѣстную сіятельства вашего къ моему смиренію благосклонность надѣюсь. При семъ, вручая себя самого патронской вашей милости, пребываю сіятельства вашего доброжелательный богомолецъ и слуга смиренный Ѳеофанъ, архіепископъ Новгородскій.

С.-Петербургъ. 1735 г. Февраля 6-го дня.

*

Сіятельнѣйшій графъ и превосходительный господинъ генералъ и кавалеръ Семенъ Андреевичъ, государь мой и патронъ милостивый! Отправился нынѣ отъ меня въ Кіевъ за нѣкоторою домовнею и моею нуждою къ преосвященнымъ архіепископамъ Кіевскому и Черниговскому дому мой доместикъ іеродіаконъ Геннадій, о которомъ, какъ пріѣдетъ въ Москву, въ надеждѣ на всегдашнюю сіятельства вашего ко мнѣ благосклонность, покорно прошу въ какихъ-либо случающихся ему нуждахъ не оставить и показать къ нему всякую милость, а паче, если возможно, приказать ему и будущимъ при немъ дому моего служителямъ дать изъ Московской Ямской конторы для проѣзда какъ до Кіева, такъ и назадъ, съ возвращеніемъ, за надлежащіе одинокіе прогоны на шесть подводъ, обыкновенную подорожную; а если за оные одинокіе прогоны дать таковой подорожной невозможно, то хотя и за двойные, только бы ему въ томъ не было какой остановки, о чемъ прося и надѣясь на ваше сіятельство, что не оставите сего моего прошенія туне, остаюсь сіятельства вашего доброжелательный богомолецъ и слуга смиренный Ѳеофанъ, архіепископъ Новгородскій.

С.-Петербургъ. 1735. Сентября 16-го дня.

Библиотека "Руниверс"

*

Преосвященный отецъ архіепископъ Новгородскій, государь мой!

Вашего преосвященства, милостиваго государя моего, склоннѣйшее писаніе отъ 16 Сентября, сего Октября 5-го числа я получилъ, въ которомъ изволите писать о неоставленіи въ случающихся нуждахъ до вашего преосвященства іеродіакона Геннадія и о дачѣ изъ Ямской конторы для проѣзду какъ до Кіева, такъ и назадъ, съ возвращеніемъ ямскихъ подводъ, по которому вашего преосвященства, милостиваго государя моего, означенный іеродіаконъ Геннадій въ прошеніи своемъ для вашего преосвященства оставленъ не будетъ, такъ же и подлежащее число ему подводъ, по его требованію, дано будетъ. Впрочемъ пребываю вашего преосвященства, милостиваго государя моего, всегдашній слуга С. Салтыковъ.

Въ Москвѣ, Октября 6-го дня 1735 года.

*

Преосвященный отецъ архіепископъ Новгородскій, милостивый государь мой!

Сего Ноября 12-го дня отъ вашего преосвященства, милостиваго государя моего, чрезъ стряпчаго вашего преосвященства Верещагина, получилъ я лодогъ*) двѣ бочки и икры лодожей красной пудъ, за которое вашего преосвященства, милостиваго государя моего, всепокорно благодарствую и прошу вашего преосвященства не оставить меня въ письмахъ и молитвахъ, что̀ всегда охотно желаю, и такъ пребываю вашего преосвященства, милостиваго государя моего, покорный слуга

С. Салтыковъ.

Въ Москвѣ. Ноября 13-го 1735 г.

*

Преосвященный отецъ архіепископъ, милостивый государь мой!

Вашего преосвященства, милостиваго государя моего, склоннѣйшее писаніе отъ Ноября сего 20 дня исправно получилъ, въ которомъ изволите писать, дабы опредѣленной Камеръ-коллегіи вотчины вашего преосвященства владычней, въ деревнѣ Лихоборахъ, для продажи вина, стойки не ставить, по которому вашего преосвященства, милостиваго государя моего, письму означенная стойка въ деревнѣ Лихоборахъ поставлена не будетъ и во всемъ учинено будетъ по желанію вашего преосвященства, милостиваго государя моего, въ чемъ будьте благо-

*) Особой породы рыба.

Библиотека "Руниверс"

надежны. И такъ пребываю вашего преосвященства, милостиваго государя моего, всегдашній слуга С. Салтыковъ.

Ноября 20 дня. 1735 года.

Высокосіятельнѣйшій графъ, милостивый нашъ государь благодѣтель!

По Ея Императорскаго Величества указу и по приказанію Святѣйшаго Синода, Московской Славяно-греколатинской Академіи ректору, Спасскаго училищнаго монастыря архимандриту Стефану для нѣкіихъ благословныхъ нуждъ повелѣно быть въ С.-Петербургѣ, конечно будущаго 1736-го года, Генваря къ 30 числу, о чемъ въ Московскую Синодальнаго правленія канцелярію и указъ Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Синода посланъ и для проѣзду отъ Москвы до С.-Петербурга опредѣлено тому архимандриту дать ямскихъ четыре подводы за указные прогоны; но небезсомнительно есть Святѣйшему Синоду, дабы въ дачѣ тѣхъ подводъ паче чаянія не могло послѣдовать каковаго отъ управителей, при тѣхъ дѣлахъ обрѣтающихся, препятствій. Того ради вашего высокографскаго сіятельства именемъ Святѣйшаго Синода просимъ, чтобы о дачѣ оному архимандриту вышеозначеннаго числа подводъ въ непродолжительномъ времени Московской Ямской конторѣ объявлено было особливо приказомъ вашего высокографскаго сіятельства, въ чемъ благонадежно пребывая, остаемся вашего высокографскаго сіятельства доброжелательнѣйшіе смиренный Ѳеофанъ, архіепископъ Новгородскій, Леонидъ архіепископъ Крутицкій смиренный Питиримъ архіепископъ Нижегородскій.

1735-го года, Декабря 16.

*

Письма архіереевъ къ графу С. А. Салтыкову.

Высокопревосходительнѣйшій господинъ, генералъ и кавалеръ, сіятельнѣйшій графъ Семенъ Андреевичъ, милостивый государь мой!

Понеже нынѣшней всемірной радости торжество, толь преизобильное всѣмъ человѣкомъ, миръ принесе и веселіе, что не точію временными, но и вѣчными всѣмъ намъ должно ихъ обладати благополучно: того ради и я въ отправленіи его тождественнымъ долгомъ привѣтствую графское сіятельство ваше таковымъ желаніемъ, да прославленный предъ всѣми ангелы радостнѣйшими пѣсни рождшійся нынѣ единородный Сынъ Божій водворитъ нескончаемую радость временныхъ и вѣчныхъ благополучій во одушевленномъ храмѣ вашего графскаго сіятельства, сохраняя въ томъ же безконечномъ веселіи цѣла, здрава и долгоденствующа на многія лѣта, при которомъ поздравленіи вручивъ

Библиотека "Руниверс"

себя неотмѣнному сіятельствованію призрѣнію, остаюсь вашего сіятельства покорный слуга и богомолецъ, смиренный Веніаминъ, епископъ Коломенскій.

1734 г. Декабря 26 дня.

*

Высокопревосходительнѣйшій господинъ генералъ и кавалеръ, сіятельнѣйшій графъ Семенъ Андреевичъ, милостивый мой государь!

Съ радостнымъ Всероссійскаго торжества празднованіемъ настоящаго тезоименитства всемилостивѣйшей Государыни нашей Императрицы поздравляю высокографское сіятельство ваше, да содержаяй Царь Небесный сердце царствующія помазанницы Своея даруетъ ей молитвами Ангела ея непобѣдимую крѣпость и силу на вся видимые и невидимые супостаты, пріумножая долгоденственно лѣта въ тишайшемъ правленіи скипетра Россійскаго, чего сугубо рабски привѣтствую вашему графскому сіятельству, желая торжественнѣйше оное высочайшее тезоименитство праздновати сердцемъ. Вашего графскаго сіятельства покорный слуга и богомолецъ, смиренный Веніаминъ, епископъ Коломенскій *).

1735 г. Генваря 31-го дня. Коломна.

*

Преосвященный отецъ архіепископъ, государь мой!

Вашего преосвященства, государя моего пріятнѣйшія два письма отъ Декабря, да отъ 31 Генваря сего Февраля 2 числа я исправно получилъ, въ которомъ пріятно изволите меня поздравлять со днемъ торжества тезоименитства Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей нашей Государыни, за что вашему преосвященству покорно благодарствую. При томъ увѣдомился я чрезъ пѣвчаго вашего Михаила, что ваше преосвященство находитесь въ слабомъ здоровіи, о чемъ сожалѣя, желаю вашему преосвященству благополучнаго и довольнаго здравія. Впрочемъ пребываю вашего преосвященства, милостиваго государя моего, покорный слуга Семенъ Салтыковъ.

Москва. Февраля 6-го дня 1735-го года.

---

*) Веніаминъ Сахновскій, родомъ изъ Коссова, бѣжалъ изъ Валахіи къ единоземцу своему митрополиту Воронежскому Пахомію Шпаковскому, имъ постриженъ и отправленъ во флотъ, былъ архимандритомъ Святогорскаго, а потомъ Псковско Печерскаго монастыря, 1731 г. Іюля 25 - епископомъ Коломенскимъ, 1739 г. Мая 18—Вятскимъ; 1742 г. Дек 2. Воронежскимъ. Скончался 1743 г. Марта 28.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ

Московскаго главнокомандующаго графа С. А. Салтыкова съ императрицей Анною Ивановной и ея духовникомъ архимандритомъ Варлаамомъ *).

1732—1736.

Превосходительному господину моему, премилосердому государю Семену Андреевичу. Здравія и благоденственнаго пребыванія желаю вашему превосходительству получить отъ Христа Бога нашего во множественныя лѣта.

Съ покорностію моею прошу васъ, государя моего о нижеслѣдующихъ беззаступныхъ Переяславльскихъ рыбакахъ. Сего Февраля 8-го дня писали ко мнѣ, что изъ Московской дворцовой канцеляріи присланъ къ нимъ въ тоё рыбную слободу подключникъ Василій Думашевъ для взысканія за Переяславльское озеро канцелярскихъ денегъ на прошлые 730 и 731 годы, которыхъ-де денегъ въ скорости и заплатить невозможно, и оной подключникъ правитъ на нихъ безъ милости, отчего многіе разбрелись, о чемъ онъ писалъ въ главную дворцовую канцелярію, что взять стало не на комъ. И къ тому-де претерпѣваютъ они весьма немалую обиду отъ Переяславльскаго бурмистра и посадскихъ въ томъ, что оной бурмистръ, собравшись съ посадскими людьми многолюдствомъ, той рѣчной слободы всѣхъ, въ рядахъ сидящихъ за продажею рыбы и съ калачами, идущихъ для купли себѣ на пропитаніе ржи и крупъ и ремесленныхъ съ рукодѣльемъ всякимъ рыбаковъ всѣхъ ловитъ и сажаетъ къ себѣ въ ратушу за карауломъ въ студеную избу и моритъ голодомъ, многія числа, чего бы тому бурмистру, не опасаяся вашея милости, и дѣлать не надлежало такъ. А въ рыбномъ ряду лавки всѣ запечаталъ и никакимъ ремесломъ промышлять не даетъ, отъ чего пришли во всеконечное раззореніе и пищету.

Прошу васъ, государя моего, сотвори на нихъ бѣдныхъ милостивое свое отеческое охраненіе въ чемъ возможно и вашему превосходительству не противно. Прикажи, государь мой, бѣднымъ поотсрочить и сбавить, а Василію Думашеву указъ послать, чтобъ онъ посадскихъ

*) Варлаамъ, уроженецъ села Домодѣдова (Подольскаго у. Московск. г.) архимандритъ Троицкой Лавры, имѣлъ большое значеніе, и его даже прочили въ патріархи. О немъ см. превосходную статью архимандрита Леонида въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 г. I, 568—588. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

въ обиду и пущее разореніе не давалъ, чего не слышать ни въ какомъ городѣ такова разоренія, за что они будутъ за здравіе Ея Императорскаго Величества Бога молить.

Варлаамъ, архимандритъ Троицкій, всеуниженно прошу о бѣдныхъ и благосклоннѣйше посылаю.

Февраля 8-го 1732 года.

*

Преосвященный отецъ архимандритъ, государь мой!

Вашего преосвященства письмо изъ Санкпетербурга отъ 8 сего Февраля, сего Февраля 21 я получилъ, въ которомъ изволите писать объ отсрочкѣ Переяславльскимъ рыбакамъ взыскиваемыхъ за прошлые годы канцелярскихъ денегъ, которыя въ скорости имъ заплатить невозможно, и о избавленіи отъ обидъ тамошняго купечества, на которое вашему преосвященству доношу. Онымъ рыбакамъ данъ срокъ на время до Іюля мѣсяца сего года, а нынѣ получилъ я изъ кабинета по поданному отъ меня экстракту о тѣхъ рыбакахъ резолюцію, съ которой прилагаю вашему преосвященству для вѣдома копію, изъ чего изволите усмотрѣть. Вашего преосвященства, милостиваго государя моего, покорный слуга С. Салтыковъ.

Москва, Февраля 24-го 1732 г.

*

Превосходительный господинъ, господинъ и оберъ-гофмейстеръ Семенъ Андреевичъ, государь мой!

Вашего превосходительства благопочтенное до меня писаніе, пущенное изъ Москвы минувшаго Февраля отъ 24 дня, объ отсрочкѣ Переяславльскимъ рыбакамъ взысканіемъ канцелярскихъ денегъ за прошлые года до Іюля мѣсяца сего года и при немъ присланную изъ кабинета на поданномъ вашего превосходительства экстрактѣ резолюцію ко мнѣ о позволеніи имъ рыбакамъ въ продажѣ рыбы въ городѣ и въ другихъ мѣстахъ безъ запрещенія, и о имѣніи для того лавокъ въ слободахъ, и о платежѣ оброковъ, и о протчемъ, сего Марта 2 дня я получилъ, за которое ваше писаніе и милостиво учиненное вашего превосходительства государя моего ходатайство о нихъ рыбакахъ въ показанныхъ ихъ дѣлахъ резолюцію, при всенижайшемъ моемъ поклоненіи, благодарствую. При томъ я прошу вашего превосходительства не оставить меня писаніемъ о вашемъ здравіи. О здѣшнихъ вѣдомостяхъ потребнаго вашему превосходительству писать не имѣю, токмо здѣсь въ Санкпетербургѣ, по благости Божіей, все благополучно.

---

*) Писано въ слѣдъ за переѣздомъ изъ Москвы въ Петербургъ императрицы Анны, коей архимандритъ Варлаамъ былъ духовникомъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Въ протчемъ пребывая, остаюсь и Божіе благословеніе посылаю. Троицкій архимандритъ Варлаамъ съ почтеннымъ вашему превосходительству поклоненіемъ.

Въ С.-Петербургѣ, Марта 7-го дня 1732 года.

*

Превосходительный господинъ, господинъ генералъ и оберъ-гофмейстеръ и кавалеръ Семенъ Андреевичъ, премилосердый государь мой!

Аще и не имамъ никакихъ моихъ до вашего превосходительства услугъ, обачежъ тѣмъ прошу къ себѣ благосклонность, дерзнувъ утрудить ваше превосходительство, премилосердаго государя моего, симъ моимъ прошеніемъ о семъ письмовручителѣ, обитающемъ въ Москвѣ, монастырскомъ нашемъ стряпчемъ Семенѣ Мятлевѣ, ежели онъ въ чемъ будетъ вашего превосходительства, премилосердаго государя моего, просить по монастырскимъ какимъ приключеніямъ и дѣламъ, не оставить его милостію, за что долженъ вамъ, моему премилосердому государю, служить, а паче соборнѣ и келейнѣ Господа Бога молити навсегда, прочее же въ благонадѣяніи остаюсь.

Вашего превосходительства, премилосердаго государя моего, всегдашній доброжелательный послушникъ и богомолецъ Варлаамъ, архимандритъ Троицкій.

С.-Петербургъ, Мая 2-го дня 1732 года.

*

Преосвященный отецъ архимандритъ, милостивый государь мой!

Вашего преосвященства, государя моего, письмо изъ С.-Петербурга отъ 2-го дня сего Мая 10 числа я получилъ, въ которомъ изволите писать о неоставленіи въ приключеніяхъ, касающихся Троицко-Сергіева монастыря, и дѣлахъ стряпчаго Мятлева, по которому вашего преосвященства, государя моего, письму, которое дѣло Троицко-Сергіева монастыря есть и впредь сколько возможно служить со всякою охотою готовъ.

Вашего преосвященства, государя моего, всегдашній слуга Семенъ Салтыковъ.

Изъ Москвы, Мая 15-го 1732 года.

*

Высокоблагородный и превосходительный господинъ, господинъ генералъ, ордена Св. Андрея кавалеръ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подполковникъ, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъ-

Библиотека "Руниверс"

ютантъ, оберъ-гофмейстеръ, Семенъ Андреевичъ, премилосердый государь мой!

Понеже вашего высокографскаго сіятельства, премилосердаго государя моего, ко мнѣ велія благосклонность и милость есть, что показано чрезъ просьбу казначея нашего Нектарія, за которую вашу высокую милость по достоинству невозможно не токмо описать, но и благодарственно языкомъ изрещи не возмогу, точію приношу мое всенижайшее старческое поклоненіе и непрестанно о здравіи вашего высокоблагородія Господа Бога молить долженствую и тако, вовѣряя себя, навсегда остаюсь, якоже есмь, вашего высокородія премилосердаго государя моего, доброжелатель, Троице - Сергіева монастыря архимандритъ Варлаамъ.

С.-Петербургъ, Октября 31 дня 1732 г.

*

Преосвященный отецъ архимандритъ, милостивый государь мой!

Вашего преосвященства, милостиваго государя моего, пріятнѣйшее письмо изъ С.-Петербурга отъ 31-го Октября сего, 8 Ноября я получилъ, за которое благодарствую и впредь прошу оными меня не оставлять, чего охотно желаю видѣть. Что же какія касаться будутъ до меня дѣла отъ монастыря Троице-Сергіевы лавры, то, насколько моя возможность будетъ, въ томъ всегда служить истинно готовъ. И тако пребывая, остаюсь, вашего преосвященства, милостиваго государя моего, всегдашній слуга Семенъ Салтыковъ.

Москва, Ноября 9 дня 1732 года.

*

Вашему императорскому величеству, всемилостивѣйшей Государынѣ, всенижайше рабски доношу. Батюшка отецъ Варлаамъ изволилъ поѣхать въ Троице-Сергіеву Лавру сего Декабря 13 числа, а изъ того монастыря прямо поѣхалъ въ С.-Петербургъ; а въ бытность его батюшки въ Москвѣ, по указу Вашего Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей государыни, удовольствіе, что̀ подлежало ему, батюшкѣ, отправлялось.

Вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей Государыни, нижайщій рабъ Семенъ Салтыковъ.

1732-го года Декабря 16-го дня.

*

Высокоблагородный и превосходительный господинъ, господинъ генералъ, ордена св. Андрея кавалеръ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подполковникъ, Ея Императорскаго Величества генералъ-

Библиотека "Руниверс"

адъютантъ, оберъ-гофмейстеръ, сіятельнѣйшій графъ Семенъ Андреевичъ, премилосердый государь мой!

Не прогнѣвайся, что симъ писаніемъ ваше превосходительство дерзнулъ трудить. Пожалуй, государь мой, яви благосклонную свою милость подключнику Ивану Бурнашеву, дабы онъ не былъ оставленъ, который изъ С.-Петербурга былъ уволенъ въ Москву, понеже мнѣ оной кресной сынъ, въ чемъ на ваше превосходительство, моего премилосерднаго государя, остаюсь благонадеженъ ибо оной Бурнашевъ и напредъ сего вашею высокою милостію былъ взысканъ. Троице-Сергіева монастыря архимандритъ Варлаамъ. P. S. Симъ моимъ прошеніемъ утверждая, Божіе благословеніе посылаю со всегдашнимъ моимъ поклоненіемъ.

Февраля 25-го 1733 года.

*

Премилосердый государь мой! Христосъ Воскресе!

Во первыхъ, вашему превосходительству, моему премилосердому государю, со всерадостнымъ торжествомъ пресвѣтлаго тридневнаго Христова воскресенія поздравляю и глаголю сице, якобы персонально: Христосъ воскресе! Къ сему же вашему высокографскому сіятельству извѣствую: милостіею Божіею, Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая Государыня Императрица Анна Іоановна пребываетъ въ добромъ здравіи. Такожде и я при высокомонаршей Ея Императорскаго Величества милости, обываю благополучно. За милостивое вашего высокографскаго сіятельства, премилосерднаго государя моего, писаніе о крестникѣ Бурнашевѣ, которое Марта отъ 12 числа я 17 числа получилъ, весьма благодарствую съ нижайшимъ моимъ поклоненіемъ. И сіе прекратя, остаюсь вашего высокографскаго сіятельства, премилосерднаго государя моего, всегдашній доброжелатель, Свято Троицкаго-Сергіева монастыря архимандритъ Варлаамъ.

Апрѣля 3 дня 1733 года.

*

Премилосердый государь мой!

Особливѣйше надѣясь на благосклонность вашего высокографскаго сіятельства, просить симъ дерзнулъ: еже бы имѣющійся нынѣ въ Москвѣ монастыря нашего стряпчій Константинъ Дебольцевъ по монастырскимъ нашимъ всякимъ дѣламъ былъ не оставленъ, и о чемъ будетъ просить, показана была для дому Всесвятыя Живоначальныя Троицы и угодниковъ Его преподобныхъ и богоносныхъ отецъ Сергія и Никона, Радонежскихъ чудотворцевъ, всякая отеческая милость. За что до конца

Библиотека "Руниверс"

жизни моея, елико Богъ поможетъ, какъ соборнѣ, такъ и келейнѣ, Тресвятаго Господа Бога молить долженствую [1]).

Апрѣля 3 дня 1733 года.

*

Премилосердный государь мой!

Просили меня монастырской нашей вотчины Старицкаго уѣзда, села Мѣдны, деревни Юрина, крестьяне: въ прошломъ-де 1714 г, по челобитью Старицкаго помѣщика Климента Ефремова, сына Наумова, въ монастырской пустоши Медвѣдевой, о посягательствѣ къ нимъ, крестьянамъ. А по дружбѣ къ показанному Наумову, Старицкій коменданть Сѣтинъ рѣшилъ о томъ дѣло неправильно и ихъ обвинилъ напрасно, о которомъ неправомъ рѣшеніи имѣется у нихъ челобитье. И послѣ того оной помѣщикъ Наумовъ тую пустошь продалъ подложно Старицкаго уѣзда, села Гурилова, крестьянамъ, что̀ нынѣ имѣется за сыномъ вашего высокографскаго сіятельства, которой крестьяне чинили монастырскимъ нашимъ крестьянамъ обиду немалую: посѣянный ихъ въ прошломъ 732 году и нынѣшнее лѣто хлѣбъ толаганъ, и ихъ сѣнокосъ травятъ и хотятъ хлѣбъ сжати, а сѣно скосить себѣ. Того ради покорственно вашего высокографскаго сіятельства, премилосерднаго моего государя, прошу Владимиру Семеновичу [2]) за собою тоя пустоши до рѣшенія показаннаго дѣла справливать и укрѣплять не приказать, а его-бъ высокоблагородіе крестьянамъ своимъ монастырскихъ нашихъ крестьянъ обижать не велѣлъ. Что же о семъ вашего высокографскаго сіятельства будетъ опредѣленіе, прошу увѣдомить меня письменно.

Іюня 21 дня 1733 г. въ С.-Петербургѣ.

*

Преосвященный отецъ архимандритъ!

Вашего преосвященства, милостиваго государя моего, письмо, пущенное изъ С.-Петербурга 21 Іюня, 25 числа я получилъ, въ которомъ изволите писать, что сына моего Старицкой деревни крестьяне чинили обиду того уѣзда монастырской вашей вотчины села Мѣдны и деревни Юрина крестьянамъ на пустоши Медвѣдевой толочить хлѣбъ и сѣна потравить себѣ, по которому вашего преосвященства, милостиваго государя моего, письму, сыну своему о нихъ я говорилъ и велѣлъ что̀ надлежитъ исполнить и крестьянамъ вашего преосвященства обидъ

---

[1]) Обычныя окончанія писемъ для краткости опускаемъ. П. Б.

[2]) Отъ него происходятъ современные намъ графы Салтыковы. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

отнюдь чинить запретилъ, о чемъ онъ писалъ къ вашему преосвященству, милостивому моему государю, изъ котораго изволите обстоятельно усмотрѣть.

Іюля 16 го дня 1733.

*

Преосвященный отецъ архимандритъ, милостивый государь мой!

Вашего преосвященства, милостиваго государя моего, письмо изъ С.-Петербурга я получилъ, въ которомъ изволите писать о домѣ секретаря Спиридонова, по которому вашего преосвященства, милостиваго государя моего, письму оное дѣло для изслѣдованія въ Нижегородскую губернію отдать велѣлъ.

Сентября 13 дня 1733 года.

*

Вашего высокографскаго сіятельства, премилосерднаго государя моего, письмо отъ 4-го Сентября, 27 числа сего 1733 года чрезъ ключаря Мину Григорьева я съ моимъ почтеніемъ принялъ и получилъ, въ немъ же изволите, ваше высокографское сіятельство, премилосердный государь мой, писать по просьбѣ моей, дабы не оставить его въ чемъ возможно, на что вашему высокографскому сіятельству симъ объявляю, елико въ чемъ возможно мнѣ его, Мину, истинно, государь мой, не оставлю. И за то ваше ко мнѣ милостивое благодѣтельство, паче же не мнѣ, но къ обители чудотворцовой показанное снисходительное милосердіе, еже о нечиненіи турбацій монастырскимъ нашимъ крестьянамъ въ убійственномъ дѣлѣ вотчины вашего высокографскаго сіятельства крестьянина и объ освободѣ изъ подъ караула содержащагося въ Переяславлѣ крестьянина изъ нашихъ монастырскихъ по тому дѣлу, о чемъ извѣстилось чрезъ казначея монастыря нашего, который ваше высокографское сіятельство о объявленномъ дѣлѣ просилъ зѣло, по премногу, при моемъ нижайшемъ поклоненіи покорственно благодарствую.

С.- Петербургъ, Сентября 27 числа. 1733-го года.

*

Хотя напредъ сего вашего высокографскаго сіятельства благосклонною милостію Преображенскаго полка гренадеръ Василій Титовъ для его нуждъ, по дѣлу съ дворяниномъ Иваномъ Ивановичемъ сыномъ Мякининымъ, и уволенъ былъ въ свою деревню на срочное время, однакоже въ томъ дѣлѣ и понынѣ еще рѣшенія не получилъ. Того ради я васъ, премилосерднаго государя моего, симъ утруждаю. Пожа-

Библиотека "Руниверс"

луй, государь, оного гренадера Титова для объявленной своей нужды прикажи еще на шесть мѣсяцевъ отъ полку уволить, и въ томъ имѣю на ваше высокографское сіятельство надѣяніе.

С.-Петербургъ, Ноября 22-го числа 1733 года.

*

Вашего преосвященства, милостиваго государя моего, письмо изъ С.-Петербурга отъ 22 Ноября сего Декабря 4-го числа я получилъ, за которое покорно благодарствую; что же ко мнѣ пишите объ отсрочкѣ гренадеру Титову для его нужды, по которой вашего преосвященства, милостиваго государя моего, письму оному Титову велѣно быть въ С.-Петербургской командѣ, гдѣ онъ можетъ свои нужды справить, и о томъ въ С.-Петербургъ въ полковую лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка канцелярію писано.

Въ Москвѣ, 4 Декабря 1733-го года.

*

Хотя я многими своими просьбами ваше высокографское сіятельство весьма утрудилъ, но вѣдая высокосклонное во всемъ благодушіе ваше, и ко мнѣ особливо проявляемую милость, пріемлю смѣлость еще просить команды вашего высокографскаго сіятельства лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка второй роты о солдатахъ Сергѣѣ да Александрѣ Ляпуновыхъ. Аще указомъ Ея Императорскаго Величества повелѣно будетъ рангомъ производить повышеніе, дабы для моей всеусердной просьбѣ вашимъ милосерднымъ разсмотрѣніемъ и оные Ляпуновы произведены были въ унтеръ-офицеры, въ чемъ на неотмѣнную вашего высокографскаго сіятельства милость уповая, благонадеженъ пребываю.

1735 года. Генваря 4 дня.

*

Вашего высокографскаго сіятельства усердно желательнѣйшее письмо, изъ Москвы отправленное Декабря 29 дня прошлаго 1734 г., здѣсь въ С.-Петербургѣ чрезъ Андрея Маврова я получилъ 3 дня сего Генваря, имъ же соблаговолили ваше высокографское сіятельство, премилосердный государь мой, желаніе имѣть о пріѣздѣ моемъ увѣдомленіе, о чемъ я до вашего высокографскаго сіятельства писалъ, по пріѣздѣ своемъ во второй день, т. е. прошлаго Декабря 24 числа, и за оное вашего высокографскаго сіятельства милостивое писаніе и за увѣдомленіе объ отправленіи сюда онаго Маврова попремногу благодарствую.

С.-Петербургъ, 1735 года. Генваря 7 дня.

*

Библиотека "Руниверс"

Вашего преосвященства, милостиваго государя моего, склоннѣйшія два письма отъ 4 и 7 числа сего Генваря 14 числа я съ почтеніемъ моимъ получилъ, за которыя благодарствую. Что же изволите писать о солдатахъ лейбъ-гвардіи Ляпуновыхъ, чтобъ оные произведены были, когда прочимъ повышеніе ранга будетъ, въ унтеръ-офицеры, и по тому вашего преосвященства, милостиваго государя моего, письму о томъ о всемъ вашему преосвященству служить готовъ. Токмо какъ гвардіи изъ солдатовъ въ капралы, тако и изъ капраловъ въ унтеры офицеры, по силѣ указа Ея Императорскаго Величества, производятся на убылыя мѣста по старшинству и удостоинству ротныхъ командировъ. И ежели оные состоятъ къ повышенію предъ прочими, то оные отъ ротныхъ командировъ удостоены произведенія въ чины быть могутъ. Будс же состоятъ не по старшинству и удостоинства объ нихъ нѣтъ, то и мнѣ оныхъ произвести невозможно.

1735 г. Генваря 14 дня.

*

Вашего высокографскаго сіятельства писаніе чрезъ Андрея Маврова минувшаго Генваря 30 дня получилъ благопріятно, которымъ между прочимъ объ отбытіи его изъ Москвы въ С.-Петербургъ изволите изъяснять, и нынѣ онъ, Мавровъ, пока отбылъ въ Москву, о которомъ вашего высокографскаго сіятельства всепокорственно прошу, дабы для нашей униженной просьбы, о чемъ вашего высокографскаго сіятельства трудить будетъ, не оставить.

Февраля 1-го дня 1735 года.

*

Неоднократно вашего высокографскаго сіятельства, какъ словесно, такъ и письменно, просилъ я о знаемомъ намъ секретарѣ Иванѣ Спиридоновѣ, что обрѣтается нынѣ управителемъ Темниковскаго уѣзда, въ Краснослободской волости, которая отъ хлѣбнаго недорода весьма обнищала и разорилась и имѣется на оной многое число доимокъ, дабы онъ, ради нашей просьбы, не оставленъ былъ высокаго вашего высокографскаго сіятельства милостію. И нынѣ о томъ же ваше высокографское сіятельство почтенно прошу сотворить съ нимъ высокую милость, изъ этой Краснослободской волости его уволя, опредѣлить въ Юрьевскія волости на праздно имѣющееся мѣсто бывшаго управителя Глѣбовскаго или куда вашего высокографскаго сіятельства благоразсмотрительное соизволеніе будетъ, токмо бы изъ этой Краснослободской волости былъ онъ уволенъ; въ чемъ, по вашему высокографскаго

Библиотека "Руниверс"

сіятельства ко мнѣ благоснисходительству, неотмѣнную надежду имѣя, пребываю.

Февраля 10 дня 1735 г.

*

Хотя я чрезъ немалыя мои и довольныя, письменно предложенныя къ вашему высокографскому сіятельству просьбы, по благосклонному ко мнѣ милосердію, ваше высокографское сіятельство утруждаю, еще въ надеждѣ той же неотмѣнности, превышая дерзновенно и смѣльствуя, о нижеслѣдующемъ предлагаю. Нѣкотораго монастырскаго нашего служителя Никиту Пименова за многія его къ намъ непослушанія и непотребныя продерзости, по отрѣшеніи отъ чину служнаго, приказалъ я отдать въ нынѣшній новоположенный наборъ, или, ежели есть недоплата, въ рекруты безъ всякаго отмѣненія. А сего Февраля 5-го писалъ намъ въ С.-Петербургъ изъ Москвы стряпчей Константинъ Дебольцовъ, знатно способствуя оному бездѣльнику Пименову, что якобы опредѣленный къ тому рекрутскому набору лейбъ-гвардіи господинъ капитанъ Ѳедоръ Шушеринъ за неуказанными лѣтами его, Пименова, въ рекрута не принялъ, понеже-де по справкѣ съ переписными свидѣтельствами мужескаго полу душъ въ книгахъ имѣется ему, Пименову, 40 лѣтъ, а по указу-де Ея Императорскаго Величества велѣно набирать рекрутъ отъ пятнадцати до тридцати лѣтъ, а свыше тѣхъ лѣтъ принимать весьма воспрещено, о чемъ онъ Дебольцовъ и просилъ ваше высокографское сіятельство и онаго Пименова представлялъ троекратно, на что-де ему Дебольцову по доношенію чрезъ онаго Шушерина о неуказанныхъ его Пименова лѣтахъ и ваше высокографское сіятельство изволили сказать, что болѣе того понудить къ пріему его, Шушерина, невозможно, и о томъ якобы приказали ваше высокографское сіятельство ему, Дебольцову, писать. А объ его стряпческой отпискѣ имѣю я немалое сумнительство и заподлинно утверждаю; для того, что, какъ видно и о лѣтахъ его всѣмъ признать можно, что ему, Пименову, меньше объявленныхъ лѣтъ. При семъ почтенно прошу вашего высокографскаго сіятельства онаго продерзостнаго мнѣ бездѣльника Пименова приказать принять и объявить господину Шушерину за монастырскихъ нашихъ служителей въ рекрута, а егда въ рекрута не годенъ будетъ, поверстать въ извощика съ зачетомъ и о томъ пожаловать извѣстить меня письменно.

Февраля 11-го дня 1735 года.

*

Библиотека "Руниверс"

Вашего преосвященства, милостиваго государя моего, три письма отъ 11 сего Февраля, 18 числа я получилъ, за которое благодарствую и при семъ прошу и впредъ меня не оставить ими, что всегда охотно желаю. Что же изволите писать о служителѣ монастырскомъ Пименовѣ, чтобъ оного за его непослушаніе отдать въ рекруты и о принятіи онаго поговорить капитану Шушерину, а понеже и до сего вашего преосвященства письма, по представленіямъ стряпчаго вашего Дебольцова, о томъ рекрутѣ я капитану Шушерину говорилъ, на что оной капитанъ сказалъ, что его принять никакъ нельзя, ибо противно указу, для того, что лѣтами свыше указанныхъ, о чемъ мнѣ о немъ ему капитану и говорить не о чемъ. Еслибы что̀ возможно для вашего преосвященства, въ томъ всегда служить не премину.

Февраля 18-го дня 1735 года.

*

Не возмогу я исчислить, коликія вашего высокографскаго сіятельства ко мнѣ, безъ всякія моея услуги, милости; понеже сколько моихъ многотрудительныхъ до вашего высокографскаго сіятельства просьбъ и изъ нихъ ни единыя суть отриновены, не обрѣтаю, и толикое вашего высокографскаго сіятельства, премилосерднаго государя моего, благодушіе присно памятствуя, уповаю быть въ неотмѣнности тойже по происшедшій нынѣ ко мнѣ отъ полковника Гаврила Михайлова, сына Воейкова, просьбѣ, о ней же предлагалъ онъ, дабы о неоставленіи его предложить мнѣ къ вашему высокографскому сіятельству. Того ради вашего высокографскаго сіятельства, премилосерднаго государя моего, аще возможно будетъ, почтенно прошу явить къ нему высокую свою милость.

Марта 3 дня 1735 года.

*

Прежде сего просилъ я ваше высокографское сіятельство, премилосерднаго государя моего, въ надѣяніи высокосклонныхъ ко мнѣ милостей, о опредѣленіи бѣдствующаго праздно бывшаго секретаря Василія Ѳедорова къ дѣламъ, на которую мою униженную просьбу милостиво обѣщательное произвожденіе ваше высокографское сіятельство изволили учинить и писали противъ прошенія его сюда въ С.-Петербургъ, въ Правительствующій Сенатъ, по нему же указомъ Ея Императорскаго величества здѣсь въ С.-Петербургѣ Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ его Ѳедорова попрежнему въ Переяславльскую провинцію секретаремъ, за которое въ произвожденіи его начало и оказанную вашего высокографскаго сіятельства къ нему, равно и ко мнѣ, милость, благодарствіе мое приношу со усерднымъ моимъ почтеніемъ

28*

Библиотека "Руниверс"

и хотя я, какъ о немъ ваше высокографское сіятельство, премилосерднаго государя моего, такъ и о прочемъ, много трудилъ просьбами моими, обаче же и нынѣ о его бѣдствіи бывшемъ размышляя, по убѣжденію совѣсти моея, не могъ я стерпѣть и по просьбѣ его неутружденіемъ вашего сіятельства бременюсь, но чрезъ сіе со всею моею покорностію, при моемъ нижайшемъ старческомъ поклоненіи, прошу его бѣднаго для Самого бѣднымъ Помощника и заступника Бога, въ случившихся всякихъ его нуждахъ, не оставить, да за оные вашего высокографскаго сіятельства ко всѣмъ бѣднымъ благодушные поступки самъ Онъ Сотворитель и Творецъ, Всемогущій Господь, воздастъ вашему высокографскому сіятельству по желанію вашему.

С.-Петербургъ, Марта 6-го дня 1735 года.

*

Просилъ меня лейбъ-гваріи Преображенскаго полка второй роты капралъ Петръ Голохвастовъ, дабы мнѣ ваше высокографское сіятельство просить о перемѣнѣ его чиномъ въ фульгеры на праздно имѣщееся мѣсто, чего ради покорственно ваше высокографское сіятельство, премилосерднаго государя моего, и прошу, ежели да возможно и не предвидится каковой противности, то по моей просьбѣ его Голохвастова пожаловать, чиномъ перемѣнить, а я за всѣ милостивыя вашего высокографскаго сіятельства благодѣянія остаюсь всегда благодарный.

С.-Петербургъ, Мая 29-го дня 1735 года.

*

Просилъ меня Переяславля Залѣсскаго рыбной слободы житель, Борисъ Ивановъ сынъ Щелягинъ. Имѣющійся для штатнаго смотрѣнія капитанъ Алексій Щетневъ стоитъ у нихъ въ домѣ другой годъ и чинитъ жестокія и нетерпимыя обиды, отъ которыхъ оной Щелягинъ принужденъ сталъ дому своего быть яко чуждъ и по чужимъ дворамъ безъ всякаго покоя скитаться и понынѣ, чтобъ я писалъ къ вашему высокографскому сіятельству, дабы оной капитанъ переведенъ былъ для постоя, куда надлежитъ. А напредъ сего я его Щетнева просилъ въ бытность мою персонально и чрезъ письма многократно, но ни въ чемъ онъ меня не послушалъ и вящщія обиды показуетъ. Того ради покорно прошу, милостивый государь мой, ежели возможно, отъ такого обидчика его оборонить, а ради постою перевести ево куда надлежитъ и впредь отъ постою его Щелягина уволить *).

С.-Петербургъ. 29 Мая 1735 года.

*

*) Эта просьба архимандрита Варлаама была исполнена, и отъ 10 Іюня 1735 г. отъ графа Салтыкова послѣдовалъ приказъ капитану Щетневу переѣхать на другую квартиру.

Библиотека "Руниверс"

Покорственно прошу ваше высокографское сіятельство о бѣдныхъ и неимущихъ никакой помощи и заступленія дворянахъ Сергіи да Александрѣ Ляпуновыхъ, которые седьмой годъ служатъ лейбъ - гвардіи Преображенскаго полку въ ротѣ солдатами. Ежели возможно, сотворите такую съ ними, по своему къ бѣдствующимъ великодушію, высокую милость опредѣлить ихъ на праздно имѣющіяся мѣста въ томъ полку капралами, и объ опредѣленіи въ С.-Петербургскую полковую команду прислать указъ, а меня пожаловать извѣстить.

Іюня 12-го дня 1735 года.

*

Вашего преосвященства письмо отъ 12 сего Іюня 17 дня я получилъ, въ которомъ изволите писать о перемѣнѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка солдатъ Ляпуновыхъ на праздно имѣющія мѣста капраловъ, по которому вашего преосвященства письму съ охотою моею готовъ; токмо мнѣ того учинить здѣсь невозможно, ибо я и предъ сего вашему преосвященству писалъ, что изъ солдатъ къ перемѣнѣ производятся по усмотрѣнію ротныхъ командировъ.

Москва. 1735 года Іюня 14-го дня.

*

Сего Іюня 25-го дня 1735-го года, всепресвѣтлѣйшая и самодержавнѣйшая государыня Императрица Анна Іоановна, всея Россіи, въ присутствіи здѣсь въ С.-Петербургскомъ лѣтнемъ своего Императорскаго Величества домѣ, именнымъ своего величества изоустнымъ мнѣ приказаніемъ повелѣла указъ сей объявить вашему высокографскому сіятельству, дабы ваше высокографское сіятельство приказали за годовое блаженной памяти по благовѣрной царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ чтеніе псалтири Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря крылоснымъ монахинямъ выдать имъ изъ казны ея императорскаго величества денегъ толикое число, колико въ дачѣ было за таковое псалтирное блаженныя памяти благовѣрныя царевны Прасковьи Іоанновны чтеніе, о чемъ вашему высокографскому сіятельству симъ при моемъ почтеніи предлагаю.

С.-Петербургъ. Іюня 26-го 1735-го года.
Выдано на указанный предметъ 198 рублей.

*

Библиотека "Руниверс"

Сего Іюня 26-го дня 1735-го года, всепресвѣтлѣйшая и великодержавнѣйшая Государыня Императрица Анна Іоановна всея Россіи, въ присутствіи въ лѣтнемъ своего императорскаго величества домѣ, изоустнымъ своего величества мнѣ приказаніемъ повелѣла вашему высокографскому сіятельству объявить, дабы ваше высокографское сіятельство послали отъ себя, кого найдете, Ново-Александровской слободы въ Успенскій дѣвичій монастырь къ игуменьѣ и приказали взять у оной игуменьи изъ лампады, что̀ есть надъ гробомъ блаженныя памяти государыни царевны и инокини Маргариты Алексѣевны, деревяннаго масла, которая горитъ ежедневно, одну бутылку, запечатать ее игуменьѣ и прислать къ ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, немедленно. Сего ради для исполненія повышеписанному ея императорскаго величества имянному приказу чрезъ сіе вашему высокографскому сіятельству симъ предлагаю.

С.-Петербургъ. Іюня 26-го дня 1735-го года.

*

Вашего преосвященства, государя моего, письмо изъ С.-Петербурга, отъ 26 Іюня, я сего Іюля 3-го числа получилъ, въ которомъ изволите писать, что ея императорское величество, всемилостивѣйшая Государыня, изволила указать мнѣ послать Ново-Александровской слободы въ Успенскій дѣвичій монастырь къ игуменьѣ приказать взять изъ лампады, что̀ есть надъ гробомъ блаженныя памяти государыни царевны инокини Маргариты Алексѣевны, деревяннаго масла, которое ежедневно горитъ, наливъ въ бутылку, запечатать ее игуменьѣ и отправить къ ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей Государынѣ. И по силѣ онаго, ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, имянному указу, для взятія того масла, того же числа посылалъ я нарочнаго гвардіи унтеръ-офицера, который сего жъ 5-го Іюля возвратился, и онаго масла, сколько оной посланный надъ тѣмъ гробомъ засталъ, взялъ и влилъ въ бутылку и запечаталъ печатью ея игуменьи, и онымъ унтеръ-офицеромъ привезено и сего же числа ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, его отправилъ при отношеніи. Оной же посланный объявилъ мнѣ, что того монастыря игуменья сказала, что то масло надъ гробомъ не всегда горитъ, а зажигается въ каждые дни токмо во всю обѣдню, да въ праздники и въ воскресные дни во всенощную и обѣдню, въ память Государыни, да въ родительскія субботы во всѣ сутки. Вашего преосвя-

Библиотека "Руниверс"

щенства, милостиваго государя моего покорный слуга Семенъ Салтыковъ.

Москва, 6-го Іюля 1735-го года.

*

Усердно прошу въ особливомъ моемъ призрѣніи содержащагося сержанта Михайлу Лопырева, ежели оной о какой своей бѣдственной нуждѣ будетъ утруждать ваше высокографское сіятельство, въ чемъ возможно пожаловать, милостивно не оставить.

С.-Петербургъ, Октября 20 дня 1735 г.

*

Семенъ Андреевичъ!

Поѣхалъ батюшка Варлаамъ въ монастырь къ себѣ и какъ онъ пріѣдетъ, не оставьте ево и въ чемъ ему нужда будетъ, вспоможеніе чинить, а къ вамъ послала я чарку прадѣдушки нашего. И какъ батюшка къ намъ поѣдетъ, и вы ево отправьте хорошенько, и пребываю вамъ неотмѣнно въ милости нашей. Анна *).

С.-Петербургъ, Ноября 22-го дня 1735-го года.

*

Семенъ Андреичъ!

Приложенное письмо отдай батюшкѣ. Я чаю, онъ пріѣхалъ въ Москву или въ монастырь Троицкій, и пребываю къ вамъ неотмѣнно въ нашей милости. Анна.

С.-Петербургъ, 1735 года Ноября 25-го.

*

Всемилостивѣйшая государыня!

Вашего Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей государыни, милостивое письмо изъ С.-Петербурга, отъ 22-го Ноября, 26-го дня и при томъ чарку прадѣдушки вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни чрезъ батюшку, отца Варлаама, я всенижайше рабски и съ радостію моею принялъ, которою чаркою ваше императорское величество высочайшею своею милостію пожаловали меня раба вашего императорскаго величества, за которую высокую вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни мо-

---

*) Нѣсколько писемъ императрицы Анны къ графу Салтыкову напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1877 г. III, 189—190. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ей, ко мнѣ, нижайшему рабу неизреченную милость, всенижайше рабски, всемилостивѣйшая государыня, благодарствую. При томъ же ваше императорское величество всемилостивѣйше соизволили ко мнѣ, нижайшему рабу, писать о неоставленіи его батюшки какъ въ пріѣздѣ сюда, такъ и когда отправляться будетъ въ С.-Петербургъ, и ежели ему будетъ нужда, чинить вспоможеніе. И потому вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, всемилостивѣйшему повелѣнію въ неоставленіи его батюшки отца Варлаама всенижайшее мое рабское исполненіе непремѣнно, также и ежели ему будетъ нужда, всякое вспоможеніе чинить буду. А батюшка Варлаамъ пріѣхалъ въ Москву сего Ноября 26-го числа, пополуночи въ 3-мъ часу, и отсюда поѣхалъ въ Троицкую Лавру того же числа пополудни въ третьемъ часу. Сего Ноября 27-го пополудни въ 6-мъ часу ночи батюшка отецъ Варлаамъ изъ Троице-Сергіева монастыря прислалъ письмо къ вашему императорскому величеству, которое всенижайше рабски прилагаю при семъ.

Вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, нижайшій рабъ С. Салтыковъ.

Москва. 27-го Ноября 1735-го года.

*

За благопріятное вашего высокографскаго сіятельства угощеніе попремногу вашего высокографскаго сіятельства, моего премилосерднаго государя, благодарствую и при семъ доношу, милостивый государь мой, что я вчерашняго числа изъ Москвы въ Троице-Сергіевъ монастырь прибылъ благополучно и нынѣ послалъ къ ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ письмо мое, которое, пріобщая при семъ для отсылки въ С.-Петербургъ, послалъ до вашего высокографскаго сіятельства, и прошу, милостивый государь мой, оное письмо по сей почтѣ сослать и меня приказать увѣдомить.

Вашего высокографскаго сіятельства богомолецъ и доброжелательный слуга Свято-Троицко-Сергіевой Лавры архимандритъ Варлаамъ.

Троице-Сергіева Лавра. Ноября 27-го дня 1735-го года.

*

Вашего высокографскаго сіятельства, премилосерднаго государя моего, письмо, при которомъ отъ ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, письмо, я всепочтенно со всею моею радостію и усердіемъ принять получилъ сего 30-го дня Ноября и за от-

Библиотека "Руниверс"

правленіе онаго ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, письма вашему высокографскому сіятельству покорно благодарствуя, пребываю вашего высокографскаго сіятельства, премилосерднаго государя моего доброжелательный молитвенникъ и всегдашній слуга. Троице-Сергіевой лавры архимандритъ Варлаамъ.

Лавра Троицкая, 1735 года. Ноября 30-го пополудни 5 часа.

*

На полученное мною вчерашняго числа присланное ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, письмо, всерабственный отвѣтъ письмомъ моимъ отправилъ для отсылки чрезъ почту до высокомонаршихъ рукъ ея императорскаго величества, къ вашему высокографскому сіятельству. Прошу убо, милостивый государь мой, чрезъ почту оное послать и меня увѣдомить. Вашего высокографскаго сіятельства, премилосерднаго государя моего, молитвенникъ и всегдашній слуга, Троице-Сергіевой лавры архимандритъ Варлаамъ.

Лавра-Троицкая, Декабря 1-го дня 1735 года.

*

Семенъ Андреичъ!

Приложенное письмо отдайте батюшкѣ, и пребываю вамъ неотмѣнно въ нашей милости. Анна.

С.-Петербургъ, 2-го Декабря 1735 года.

*

Всемилостивѣйшая государыня!

Вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, милостивое письмо изъ С.-Петербурга 2-го сего Декабря 7-го числа и при томъ письмо батюшкѣ отцу архимандриту Варлааму чрезъ штафетъ я всенижайше рабски принялъ и оное письмо, по полученіи, того же часа къ батюшкѣ въ Троицкій монастырь отправилъ съ нарочнымъ. А сего Декабря 8-го дня пополуночи въ 6-мъ часу батюшка отецъ Варлаамъ изъ Троицкаго монастыря пріѣхалъ въ Москву и отъ него батюшки отца Варлаама вашему императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, всенижайше рабски прилагаю при семъ письмо. Вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, нижайшій рабъ Семенъ Салтыковъ.

Москва, Декабря 8-го дня 1735 года.

*

Библиотека "Руниверс"

Семенъ Андреичъ!

Приложенное письмо батюшкѣ отдайте или отошлите, ежели ево на Москвѣ нѣтъ, и пребываю неотмѣнно въ милости. Анна.

С.-Петербургъ, Декабря 9-го дня.

*

Всепріятнѣйшее мнѣ вашего высокографскаго сіятельства, премилосерднаго государя моего, письмо объ отправленіи къ ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ моей, письма моего со всеусердіемъ моимъ принять получилъ и всепокорнѣйше благодарствую. При семъ же доношу вашему высокографскому сіятельству, что имѣю намѣреніе ѣхать въ С.-Петербургъ. Того ради прошу вашего высокографскаго сіятельства приказать изготовить для почты моей по почтовымъ прогонамъ 19 подводъ почтовыхъ и для того послать кого слѣдуетъ нарочно до С.-Петербурга и о томъ меня увѣдомить. Вашего высокографскаго сіятельства, премилосерднаго государя моего, богомолецъ, свято-Троице-Сергіевой лавры архимандритъ Варлаамъ.

Сергіева Лавра. 1735 года, Декабря 15 дня.

*

При семъ моемъ письмѣ послалъ я до вашего высокографскаго сіятельства письмо къ ея императорскому величеству, которое благоволите приказать Декабря 15-го дня сего 1735-го года, т. е. въ Понедѣльникъ, по Нѣмецкой почтѣ изъ Москвы въ С.-Петербургъ къ ея императорскому величеству послать. За симъ ваше высокографское сіятельство во храненіе Божіе предаю. Троице-Сергіева монастыря архимандритъ Варлаамъ, благословеніе посылаю.

Декабря 15 дня 1735 года.

*

Семенъ Андреевичъ!

Приложенное письмо отдай батюшкѣ и ежели ево нѣтъ въ Москвѣ отошли къ нему, и пребываю неотмѣнно въ милости. Анна.

С.-Петербургъ, 16 Декабря 1735 года.

*

Библиотека "Руниверс"

Всемилостивѣйшая государыня!

Вашему императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, всенижайше рабски доношу: батюшка отецъ архимандритъ Варлаамъ изъ Троицкаго монастыря пріѣхалъ сюда сего Декабря 17-го числа пополудни въ 9 часовъ и отсюда поѣхалъ въ С.-Петербургъ того числа пополудни въ 12 часу. Вашего императорскаго величества всенижайшій рабъ Семенъ Салтыковъ.

Декабря 18 дня 1735 года.

*

За всѣ благопріятства вашего высокографскаго сіятельства ко мнѣ въ Москвѣ имѣющемуся бывшая всепочтенно приношу чрезъ сіе мое усердное благодареніе и при семъ по благодушію ко мнѣ вашего высокографскаго сіятельства доношу о себѣ, что я за помощію Всевышняго вчерашняго числа прибылъ въ монастырскую нашу вотчину село Мѣдну и нынѣшняго Всевышняго благословеніемъ въ славу имени Его святого, освятя церковь новопостроенную во имя св. Николая Чудотворца, отправился въ С.-Петербургъ благополучно. Прошу вашего сіятельства не оставить меня въ письмахъ о своемъ благополучіи.

Декабря 20 дня 1735 года. Мѣдна.

*

Семенъ Андреичъ!

Поѣхалъ батюшка въ Москву, и вы ево не оставьте и отправьте, его, когда онъ поѣдетъ къ намъ, въ чемъ ему нужда будетъ, и посылаю вамъ табакерку и пребываю неотмѣнно въ милости. Анна *).

С.-Петербургъ, 1736 года Ноября 13 дня.

*

Семенъ Андреевичъ!

Приложенное письмо отдай батюшкѣ о. Варлааму; а онъ отъ насъ поѣхалъ сего 13-го въ Москву; я чаю, онъ пріѣхалъ, и пребываю неотмѣнно въ милости. Анна.

С.-Петербургъ, Ноября 16 дня 1736 года.

*

Вопервыхъ вашему высокографскому сіятельству о дражайшемъ здравіи всемилостивѣйшія нашея государыни императрицы Анны Іоанновны доношу: милостію Божіею ея императорское величество отбы-

*) Подлинное писано собственноручно императрицей, получено Салтыковымъ 18 Ноября, въ 6 часу пополудни, чрезъ присланнаго отъ Троицкаго архимандрита ѣздового гренадера Арсеньева.

Библиотека "Руниверс"

ваетъ въ С.-Петербургѣ здраво и благополучно. При семъ вашему высокографскому сіятельству и о себѣ объявляю; по волѣ ея императорскаго величества изъ С.-Петербурга отпущенъ я въ Троице-Сергіеву Лавру на время и оттуда возъимѣлъ я отъѣздъ сего Ноября 13 дня поутру; въ Свято-Троицкій же Сергіевъ монастырь прибылъ Ноября 17 дня въ вечеру, слава Богу благополучно. Прошу же вашего высокографскаго сіятельства не возъимѣть на мя гнѣва, что я прямо въ Москву до вашего высокографскаго сіятельства прежде не поѣхалъ, ибо поспѣшилъ во святую обитель къ празднику преподобнаго Никона Чудотворца, означеннаго числа котораго я и прибылъ, и нынѣ надѣюсь изъ святой обители побывать въ Переяславлѣ, а потомъ возвращуся и буду въ Москвѣ, до вашего высокографскаго сіятельства для поклоненія; при семъ же пространнѣе радостными глаголы изъявлю. При отпускѣ моемъ ея императорское величество соизволила со мною послать до вашего высокографскаго сіятельства письмо, да при томъ табакерку. Того ради нынѣ оныя ея императорскаго величества письмо и табакерку при семъ моемъ письмѣ послалъ я до вашего высокографскаго сіятельства съ ѣздовымъ сержантомъ Арсеньевымъ Ноября 18-го дня, чего ради желая о полученіи онаго чрезъ писаніе вашего высокографскаго сіятельства быть извѣстенъ; да послалъ я нынѣ при семъ же письмѣ къ ея императорскому величеству письмо. Благоволи, милосердый государь мой, то письмо чрезъ почту отправить.

Троице-Сергіевъ монастырь, Ноября 18 го дня 1756 года.

*

Всемилостивѣйшая государыня!

Сего Ноября 18 дня батюшка архимандритъ Варлаамъ прислалъ ко мнѣ изъ Троице-Сергіева монастыря вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, письмо, въ которомъ соблаговолили мнѣ, рабу вашего императорскаго величества, повелѣть, чтобъ я его, въ чемъ ему нужда будетъ, не оставить и отправить, когда онъ поѣдетъ къ вашему императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, и при семъ ваше императорское величество соизволили меня, раба вашего, пожаловать табакеркою. А за превысочайшую вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, ко мнѣ, рабу вашему милость, всенижайше рабски благодарствую. При семъ же прилагаю къ вашему императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, письмо, присланное ко мнѣ отъ батюшки. Что же оное распечатано, то учинили мы неусмотрѣніемъ, при распечатаніи протчихъ писемъ; въ томъ вашего императорскаго величества, всеми-

Библиотека "Руниверс"

лостивѣйшей государыни, всенижайше рабски прошу прощенія. Вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, нижайшій рабъ Семенъ Салтыковъ.

1736 года, Ноября 18 дня.

*

Всемилостивѣйшая государыня!

Вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее письмо отъ 16 Ноября и при томъ письмо батюшкѣ Варлааму, сего Ноября 21 дня я всенижайше рабски принялъ, въ которомъ всемилостивѣйше изволите указать, чтобы оное письмо отдать ему, батюшкѣ; а понеже, всемилостивѣйшая государыня, батюшка Варлаамъ нынѣ поѣхавъ изъ С.-Петербурга, въ Москву не заѣхалъ, а проѣхалъ прямо въ Троицкій монастырь, а побывъ въ ономъ монастырѣ, отправился въ Переяславль, то оное вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, ему, батюшкѣ, письмо отправлено, по полученіи того же часа въ Переяславль.

Вашего императорскаго величества всенижайшій рабъ Семенъ Салтыковъ.

Ноября 22 дня 1736 года.

*

Всемилостивѣйшая государыня!

Сего Ноября 23 числа получилъ я изъ Троицкаго-Сергіева монастыря отъ батюшки Варлаама письмо къ вашему императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, о которомъ онъ батюшка писалъ ко мнѣ, дабы оное письмо отправить къ вашему импораторскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, не удержавъ, которое письмо всенижайше рабски прилагаю при семъ. Вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, нижайшій рабъ Семенъ Салтыковъ.

Ноября 23 дня 1736 года.

*

Семенъ Андреевичъ!

Приложенное письмо батюшкѣ отдай и скажи ему, чтобъ онъ не очень себя въ трудъ вдавалъ, того ради, что человѣкъ старый. Пребываю вамъ неотмѣнною въ милости. Анна.

С.-Петербургъ, Ноября 23 дня 1736 года.

*

Библиотека "Руниверс"

Всемилостивѣйшая государыня!

Вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни моей, милостивое письмо отъ 23 Ноября сего 28 Ноября и при томъ письмо батюшкѣ я всенижайше рабски принялъ, по которому всемилостивѣйше соизволили указать мнѣ, рабу вашего императорскаго величества, оное письмо ему отдать и приказать ему, чтобъ онъ не очень въ трудъ себя вдавалъ, того ради, что человѣкъ старой. И оное вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, письмо ему, батюшкѣ, въ Москвѣ я отдалъ, по полученіи того же часа. Тогда же всемилостивѣйшій вашего императорскаго величества указъ ему. чтобъ онъ не очень себя въ трудъ вдавалъ, я ему, батюшкѣ, объявилъ. Вашему императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, всенижайше рабски прилагаю при семъ письмо отъ батюшки Варлаама. Вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, всенижайшій рабъ Семенъ Салтыковъ.

Въ Москвѣ, Ноября 29 дня 1736 года.

*

Семенъ Андреичъ!

Приложенное письмо отдай батюшкѣ, и пребываю неотмѣнно въ милости. Анна.

С.-Петербургъ, 30-го дня Ноября 1736 года.

*

Премилосердый государь мой!

Вашего высокографскаго сіятельства, премилосерднаго государя моего, многоблагосклонное письмо и при томъ отъ ея всепресвѣтлаго императорскаго величества письмо чрезъ нарочно присланнаго лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка солдата Александра Трескина сердечную радость получить я имѣлъ сего Декабря 5-го дня, и за оное ваше писаніе и паче за присылку онаго отъ ея императорскаго величества писанія всепокорственно благодарствую и на оное до ея императорскаго величества письмо для отправленія чрезъ почту въ С.-Петербургъ при семъ посылаю къ вашему высокографскому сіятельству съ онымъ же солдатомъ Трескинымъ. Соблаговоли, премилосердный государь мой, оное письмо до ея императорскаго величества отправить чрезъ почту и о томъ меня увѣдомить писаніемъ.

Троице-Сергіева Лавра, Декабря 6-го дня 1736 года.

Библиотека "Руниверс"

*

Семенъ Андреевичъ!

Приложенное письмо прикажите отдать отцу Варлааму, а ежели ево въ Москвѣ нѣтъ, то отослать къ ему вѣрно, гдѣ онъ обрѣтатца будетъ, и пребываю въ милости неотмѣнно. Анна.

С.-Петербургъ, Декабря 7-го дня 1736 г.

*

Сего Декабря 16 дня послалъ я въ Москву до вашего высокографскаго сіятельства ѣздоваго гренадера Тимоѳея Арсеньева для прошенія о семъ и чрезъ сіе у вашего высокографскаго сіятельства всепочтенно прошу: соблаговоли приказать пріѣхавшему со мною изъ С.-Петербурга лакею Ѳедору Рязанову изъ Ямской конторы дать указъ о поставкѣ для проѣзда нашего до С.-Петербурга отъ Клина почтовыхъ лошадей по пятнадцати, понеже я имѣю намѣреніе ѣхать отъ Троицкаго монастыря, не заѣзжая въ Москву, прямо на Клинъ и отправлюсь, освятя приходскую церковь Рождества Христова. Изъ монастыря поѣду на Дмитровъ сего Декабря 18-го.

Декабря 16-го 1736 года.

P. S. Что же я въ Москву не поѣхалъ къ вашему высокографскому сіятельству и достодолжнаго поклоненія не оказалъ, и въ томъ всепокорно прошу прощенія, разсуждая, что многіе о всякихъ нуждахъ будутъ насъ трудить, что̀ ваше высокографское сіятельство мнѣ простите, и въ томъ вамъ, премилосердному государю моему, будетъ затрудненіе, а мнѣ паче въ С.-Петербургъ къ срочному числу не успѣть. При семъ прошу вашего высокографскаго сіятельства по имѣющемуся дѣлу въ Сенацкой конторѣ князя Александра Меньшикова съ князь Никитою Хованскимъ, милостивое въ правдѣ его рѣшеніе учинить безъ продолженія, о которомъ дѣлѣ отъ меня и словесно просить будетъ ѣздовой Арсеньевъ.

*

Письмо отъ 16 Декабря сего 17 числа чрезъ присланнаго отъ вашего преосвященства ѣздоваго гренадера Арсеньева я исправно получилъ, которымъ ваше преосвященство изволили требовать, дабы для проѣзду вашего преосвященства до С.-Петербурга отъ Клина поставить почтовыхъ лошадей съ пятнадцать и о той поставкѣ имѣющемуся при вашемъ преосвященствѣ лакею Рязанову изъ Ямской конторы дать указъ, по которому вашего преосвященства, милостиваго государя моего, письму о поставкѣ означеннаго числа подводъ по каждому

Библиотека "Руниверс"

стану отъ Клина до С.-Петербурга ея императорскаго величества указомъ сего 17 числа въ Ямскую контору отъ меня предложено, и оныя подводы поставлены будутъ. При семъ же покорно прошу мой рабской поклонъ передать ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ и его сіятельству оберъ-камергеру и ея сіятельству оберъ-камергершѣ.

17 Декабря 1736 года.

P. S. Что же ваше преосвященство не изволили въ Москву заѣхать, о томъ я сердечно сожалѣю, что вашего преосвященства не увидѣлъ, и тако покорно прошу содержать меня въ прежней своей милости. Дѣло князя Александра Меньшикова съ князь Никитою Хованскимъ, надѣюсь, будетъ слушано въ Понедѣльникъ и чтò по указу надлежитъ, учинено будетъ.

*

Семенъ Андреичъ!

Приложенное батюшкѣ отдай, а ежели не застанешь ево въ Москвѣ, то назадъ пришлите письмо, и пребываю неотмѣнно въ милости. Анна.

С.-Петербургъ, 14 дня Декабря 1736 года.

*

Всемилостивѣйшая государыня!

Вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государынѣ, милостивое письмо отъ 14-го Декабря сего 19 числа Декабря и притомъ же письмо батюшкѣ Варлааму я нижайше рабски принялъ, по которому всемилостивѣйше изволили указать мнѣ нижайшему рабу вашего величества оное письмо отдать ему, батюшкѣ, и ежели его нѣтъ въ Москвѣ, то оное письмо прислать къ вашему императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, обратно. А понеже до полученія онаго вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, письма онъ, батюшка, отписалъ ко мнѣ сего Декабря 16-го числа изъ Троице-Сергіева монастыря чрезъ ѣздоваго гренадера Арсеньева, что онъ батюшка намѣренъ проѣхать изъ Троицкаго монастыря, не заѣзжая въ Москву, прямо на Клинъ 18-го числа, чего ради онъ, батюшка, потребовалъ, дабы для того его пріѣзду до С.-Петербурга отъ Клина поставлены были почтовыя и пятнадцать подводъ, и по тому его требованію оныя лошади почтовыя до С.-Петербурха для проѣзду его поставлены; однакоже оное вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, письмо къ нему, батюшкѣ, того же числа въ Троицкій монастырь отправлено съ нарочнымъ, токмо

Библиотека "Руниверс"

оной посланной, по прiѣздѣ въ Москву, объявилъ мнѣ, что его, батюшки, въ томъ монастырѣ не засталъ, и оное вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, письмо привезъ обратно, которое письмо вашему императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, всенижайше рабски прилагаю при семъ. Притомъ вашему императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ, всенижайше рабски доношу, что въ бытность его батюшки въ Москвѣ и при отправленiи въ С.-Петербурхъ, по силѣ вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, указа, со всякимъ довольствомъ отправленъ. Вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, нижайшiй рабъ С. Салтыковъ.

Декабря 20 дня 1736 года.

*

Вашему высокографскому сiятельству извѣствую: отъ Клина до С.-Петербурга чрезъ непокойную и безснѣжную дорогу хотя и съ трудомъ, однакоже, благодатiю Божественною, прiѣхалъ сего Декабря 23 благополучно и, по писанiю вашему, ея пресвѣтлому императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ нашей, и потомъ его высокографскому сiятельству оберъ-камергеру и сiятельнѣйшей графинѣ оберъ-камергершѣ всенижайше ваше поклоненiе принесъ, и за оныя соизволили васъ, премилосерднаго государя моего, благодарствовать.

С.-Петербургъ, Декабря 28-го дня 1736 года.

P. S. Которое письмо отъ ея пресвѣтлаго императорскаго величества было послано и возвращено вашимъ высокографскимъ сiятельствомъ, и нынѣ оное ея императорское величество всемилостивѣйше соизволила отдать мнѣ богомольцу своему.

*

Этимъ послѣднимъ письмомъ графа Салтыкова къ архимандриту Варлааму, повидимому, и заканчивается ихъ переписка. Въ слѣдующемъ 1737 году архимандритъ Варлаамъ скончался. Долговременное, чуть не въ продолженiе года, неназначенiе новаго настоятеля въ Троице - Сергiеву Лавру на его мѣсто сопровождалось большимъ вредомъ для этой обители. Изъ донесенiя въ Св. Синодъ казначея Сергiевой Лавры iеромонаха Питирима отъ 15-го Iюня 1738 года, видно, что вслѣдствiе отсутствiя настоятеля въ монастырѣ происходилъ безпорядокъ: всѣ монашествующiе не слушали казначея, предавались пьянству и чрезъ то нерѣдко производили остановку въ службѣ.

За сообщенiе этой переписки, равно какъ и съ Ѳ. Прокоповичемъ о нижеслѣдующихъ извлеченiй изъ бумагъ Трощинскаго, приносимъ благодарность нашу отцу-протоiерею магистру богословiя Николаю Дмитрiевичу Извѣкову. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПРОШЕНІЕ ИРИНЫ БОЛТИНОЙ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II-й.

Августѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая государыня!

Наконецъ я осмѣлилась припасть къ стопамъ вашего императорскаго величества и всеподданнѣйше просить хотя единаго милосерднаго вниманія, отъ коего зависитъ все мое благополучіе и самая жизнь. Не тяжба, не исканіе корысти какой, но самыя лютѣйшія скорби сердца моего принудили меня къ дерзновенію сему. Я имѣла одну дочь, въ которой полагала все утѣшеніе мое, и шесть лѣтъ уже тому, какъ я, къ сущему моему несчастію, лишилась ея. Послѣ нея оставшіяся двѣ дочери содѣлались единственнымъ сокровищемъ моимъ на свѣтѣ семъ. Я чаяла, что присутствіе ихъ вознаградитъ мнѣ потерю матери ихъ; ибо видѣть ихъ для меня было тоже самое, что̀ чувствовать себя отъ смерти къ жизни преходящею. Но уже четвертый годъ, какъ ихъ не вижу. Сколь велика моя къ нимъ горячность, столь въ тысячу кратъ мучительно сіе огорченіе! Отецъ ихъ, а мой зять, (если позволитъ онъ мнѣ такъ себя нынѣ называть, Петръ Александровичъ Соймоновъ *), по излишней своей довѣренности къ наставницѣ ихъ Француженкѣ мадамъ Ребюфиль, которая, находя въ томъ особенную свою пользу, чтобы бѣдныя сироты сіи, преданныя послѣ матери своей въ полную ея волю, не принадлежали мнѣ столько, сколько связь крови того требуетъ, употребила всѣ средства разлучить меня съ ними. Злоухищренною клеветою обнесла она меня предъ зятемъ моимъ, и дабы оная имѣла желаемый успѣхъ, то принудила она и старшую мою внучку поддержать ея неправду, послѣ чего зять мой прервалъ всякое спошеніе мое съ нимъ и не хотѣлъ уже изъясниться со мною.

---

*) Извѣстный статсъ-секретарь, Петръ Александровичъ Соймоновъ († 1800). Его жена, Екатерина Ивановна, скончалась 23 Мая 1790 г. Упоминаемыя ихъ дочери, внучки историка Ивана Никитича Болтина, славная Софья Петровна Свѣчина (р. 22 Ноября 1782 † 29 Августа 1857 въ Парижѣ) и княгиня Екатерина Петровна Гагарина (р. 1790 † въ Мартѣ 1873 въ Москвѣ), супруга нашего посла въ Римѣ и Мюнхенѣ, обѣ обратились въ католичество. Горько, что такія достойнѣйшія по уму и сердцу женщины ушли изъ церкви нашей. Здѣсь кстати замѣтить, что бездѣтная Софья Петровна, хоть и отдалась іезуитамъ, но сохранила свои Русскія помѣстья въ цѣлости. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Письмо покойнаго мужа моего, писанное къ зятю, которое осмѣливаюсь съ симъ представить вашему величеству, подробно свидѣтельствовать будетъ о всей истинѣ [1]).

Сіе семейное разстройство, могу сказать, было достаточною причиною и смерти преогорченнаго дѣда ихъ [2]). Какихъ стараній не употребляла я къ убѣжденію зятя моего, чтобы онъ позволилъ внучкамъ моимъ видаться со мною, чьего ни просила посредства къ примиренію его со мною, чего ни дѣлала я къ исправленію сего печальнаго для меня обстоятельства; но ничто не подѣйствовало, ни старость лѣтъ моихъ, ни безпрерывныя болѣзни, ни горькія слезы, ничто не смягчало сердца, сердца, хотя и добраго, но ожесточеннаго неправдою и коварствомъ корыстолюбивыхъ приставницъ жалкихъ дѣтей его, которыхъ весь родъ взысканъ имъ и облаготворенъ. Въ такой горестной крайности мнѣ осталось токмо одно благо: Божіе и твое милосердіе, великая государыня! Оно оживотворитъ меня и удалитъ хотя на нѣсколько дней отъ гроба, уже отверзшагося для меня печалію.

Благоволите приказать, всещедрая монархиня, духовной какой особѣ войти въ посредство мое съ зятемъ, дабы я могла предъ нимъ оправдаться и примириться съ нимъ, могла бы имѣть душевное удовольствіе видѣть обѣихъ моихъ внукъ, а зятю моему, чтобы онъ меньшую дочь свою, которая носитъ и имя и подобіе своей матери, отдать ко мнѣ на воспитаніе. Сердце мое порукою за ея благополучіе; вотъ въ чемъ заключается все совершенство счастія моего и все моленіе мое къ престолу твоему, августѣйшая императрица! Орошаю слезами стопы твои, несравненная государыня! Благость твоя возобновитъ жизнь мою, хотя и страшуся вѣчнаго мщенія за подвигъ сей отъ зятя моего, который, имѣя сильное защищеніе, можетъ чрезъ друзей своихъ обнести меня предъ лицемъ твоимъ. Но отъ тебя токмо, милосердая мать отечества, чаю спасенія моего и поручаю себя подъ кровъ твой.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданная Ирина Болтина.

Іюля 4 дня 1796 г.

*

Краснорѣчивое прошеніе Ирины Болтиной не было удовлетворено: 26 Іюля того же 1796 года послѣдовалъ отказъ, и Государыня не захотѣла входить въ семейныя дѣла своего статсъ-секретаря. Что произошло въ наступившее вскорѣ царствованіе Павла, не знаемъ. Черезъ четыре года и Соймоновъ умеръ. Добилась ли своего бабушка, намъ неизвѣстно. П. Б.

---

[1]) Къ сожалѣнію, письма этого не имѣемъ. П. Б.

[2]) Иванъ Никитичъ Болтинъ † 6 Октября 1792.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА ИВАНА ПЕТРОВИЧА ТУРГЕНЕВА КЪ Д. П. ТРОЩИНСКОМУ.

1.

Милостивый государь!

Позвольте мнѣ, милостивый государь, поднести вамъ Аглинскіе стихи учащаго при университетѣ профессора Аглинскаго языка и при семъ случаѣ снова препоручить въ милость вашего превосходительства себя и всѣхъ чиновниковъ университетскихъ. Счастливымъ счелъ бы себя университетъ если бы въ особѣ вашего превосходительства, какъ въ любителѣ наукъ, видѣлъ онъ всегдашняго своего благотворителя.

Университетъ, не бывъ никогда богатъ деньгами со времени своего основанія, имѣлъ нѣкоторыя привилегіи и, между прочимъ, члены его были свободны отъ постоя, что̀ было великимъ облегченіемъ для весьма небогатыхъ университетскихъ учителей и поощреніемъ въ упражненіяхъ ихъ, требующихъ спокойствія и отдаленія отъ прочихъ заботъ. Но во время высочайшаго пребыванія здѣсь блаженной памяти Государя Императора, по великому числу собравшихся войскъ, Государю словесно угодно было приказать поставить постой вездѣ безъ исключенія. Посему и Университетъ, потерявъ на это времи свою привилегію, съ тѣхъ поръ лишается оной. Удостойте, милостивый государь, употребить ходатайство ваше о возвращеніи ему сей великой привилегіи, дарованной ему Елисаветою, и между прочими многочисленными щедротами, подтвержденной Великою и о благѣ подданныхъ своихъ пекущеюся Екатериною. Вы обяжете на вѣкъ самыхъ бѣдныхъ и самыхъ благодарныхъ людей, и цѣлый Университетъ увидитъ съ живѣйшею признательностію въ васъ своего благодѣтеля. Я же съ своей стороны, будучи всею душею преданъ сему мѣсту, кромѣ того, что почитаю за первый и священнѣйшій долгъ служить Государю во всякомъ званіи, имѣю къ теперешней моей должности особенную склонность и природное влеченіе ко всѣмъ упражненіямъ университетскимъ и, будучи одолженъ ему первымъ своимъ воспитаніемъ, естественно предпочитаю сей должности всякую другую, хотя по наружности и выгоднѣйшую, и всегда готовъ посвящать мѣсту сему всѣ мои способ-

Библиотека "Руниверс"

ности, замѣняя то, чего недостаетъ во мнѣ, истиннымъ и живѣйшимъ усердіемъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, милостивый государъ, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Тургеневъ.

1801 г. Апрѣля 1-го дня.

2.

Оказанное уже вашимъ превосходительствомъ ходатайство по дѣламъ Университета и милостивое расположеніе ко мнѣ подаютъ мнѣ смѣлость представить вамъ, милостивый государь, отпечатанные 2 тома физики, переведенной однимъ изъ профессоровъ университетскихъ г. Страховымъ и напечатанной съ одобреніемъ внутренней университетской цензуры, въ силу привилегіи, высочайше дарованной при заведеніи Университета и подтвержденной блаженныя памяти Государемъ Императоромъ Павломъ I-мъ. Мы по сіе время еще не имѣли такой полной книги касательно сей науки. Переводчикъ съ своей стороны сдѣлалъ важное прибавленіе, какъ въ сихъ, такъ и послѣдующихъ томахъ. Смѣю сказать о семъ вашему превосходительству, что онъ человѣкъ достойнѣйшій и лучшій изъ нашихъ профессоровъ. Я бы почелъ себя счастливымъ, еслибы вы, милостивый государь, приняли на себя трудъ положить переводъ сей къ подножію священнаго престола монаршаго, такъ какъ онъ и посвященъ уже Его Императорскому Величеству, и еслибы исходатайствовали переводчику высочайшее благоволеніе Государя Императора и какой-нибудь знакъ онаго, напр. перстень или табакерку, или по его весьма недостаточному состоянію (ибо онъ, кромѣ жалованья ничего не имѣетъ) годовое его жалованіе, состоящее изъ 1000 р., въ томъ числѣ 500 р. за профессорство и 500 руб. за инспекторство обѣихъ гимназій. О семъ усерднѣйше и убѣдительнѣйше осмѣливаюсь просить ваше превосходительство, зная, что переводчикъ достоинъ предстательства вашего. Сколько мнѣ извѣстно, онъ первый послѣ Ломоносова на Русскомъ языкѣ преподаетъ свои лекціи. Таковымъ ободреніемъ сего рѣдко достойнаго человѣка ваше превосходительство и меня обязали бы къ вѣчной благодарности.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. честь имѣю быть.

P. S. Одинъ экземпляръ для библіотеки вашего превосходительства.

1801 г. Мая 14-го дня.

Библиотека "Руниверс"

3.

Императорскій Московскій Университетъ, имѣя въ особѣ вашего превосходительства благотворительнаго покровителя и всегдашняго ходатая у монаршаго престола, съ особою надеждою осмѣливается и теперь утруждать ваше превосходительство всепокорнѣйшею своею просьбою.

По особливому и вѣчно въ памяти у насъ пребывающему ходатайству вашего превосходительства, высочайшимъ Его Императорскаго Величества указомъ, не только собственные дома университетскихъ чиновниковъ попрежнему, но даже и тѣ покои, которые они, нанимая у другихъ хозяевъ, занимаютъ собою, освобождены отъ постоя, и деньги, взнесенныя ими на построеніе казармъ, возвращаютъ имъ. Но, между тѣмъ, Московская полиція продолжала принуждать университетскихъ чиновниковъ, кромѣ постоя, къ понесенію всѣхъ полицейскихъ тягостей, къ платежу поземельныхъ денегъ, сборовъ на городскія надобности и тому подобнаго. Почему Императорскій Московскій Университетъ, основываясь на правахъ, ему данныхъ 4-мъ отдѣленіемъ 2-го пункта высочайше конфирмованнаго проекта объ учрежденіи Университета, гдѣ сказано, что всѣ чины, принадлежащіе къ Университету, свободны отъ постоя въ собственныхъ домахъ своихъ, полицейскихъ тягостей, отъ вычетовъ жалованья за повышеніе чинами и всякихъ денежныхъ сборовъ, сообщеніемъ въ департаментъ коммиссіи о снабденіи столичнаго города Москвы припасами, просилъ предписать Московской полиціи не принуждать чиновниковъ университета къ понесенію полицейскихъ тягостей, по силѣ высочайше данныхъ имъ привилегій, никакими послѣдующими законами не отмѣненныхъ, на что департаментъ коммиссіи отозвался, что онъ представилъ о семъ С.-Петербургскому департаменту коммиссіи о снабженіи резолюціей, а безъ онаго ни къ какому рѣшительному положенію приступать не можетъ.

А какъ по частнымъ нѣкоторымъ свѣдѣніямъ извѣстно стало, что Московскій департаментъ коммиссіи въ представленіи своемъ въ С.-Петербургскій департаментъ сообщаетъ свое мнѣніе о уничтоженіи таковой привилегіи, данной Университету, изъясняя, что таковыя привилегіи будутъ въ тягость другимъ Московскимъ жителямъ по причинѣ множества домовъ университетскихъ чиновниковъ, и что будто бы данныя Университету правила относятся только къ поборамъ, бывшимъ во время заведенія Университета, а не къ нынѣшнимъ, то въ семъ случаѣ Императорскій Университетъ осмѣливается прибѣгнуть къ вамъ, милостивый государь такъ, какъ къ меценату своему, ознаменовавше-

Библиотека "Руниверс"

му уже любовь свою къ наукамъ многими благодѣяніями. Число домовъ университетскихъ въ сравненіи съ величиной г. Москвы совсѣмъ не велико, а можно сказать ничто; потому что, по исчисленіи ихъ, оказалось только 45, изъ которыхъ большая часть бѣдныхъ; а кромѣ сихъ домовъ есть еще нѣсколько хижинъ, принадлежащихъ служителямъ типографіи университетской, по нищетѣ своей, за городомъ, на государевой землѣ оселившимся и безъ привилегіи никакихъ тягостей нести нахожу имъ не въ состояніи.

Милостивый государь! Всѣ состоянія въ Россійской Имперіи молятъ о здравіи Великаго Государя нашего Александра Павловича, яко возстановителя и обновителя правъ своихъ и преимуществъ, и славятъ имя вашего превосходительства, яко достойнаго министра царствующаго въ Россіи милосердія и истиннаго споспѣшествователя благихъ намѣреній Великаго Государя. Довершите славу свою, милостивый государь, исходатайствованіемъ высочайшаго утвержденія всѣхъ привилегій и правъ, высочайше данныхъ университету до 6-го Ноября 1796 г.; потому что сверхъ полицейскихъ тягостей и другимъ привилегіямъ университета дано особое толкованіе, такъ напримѣръ: касательно вычетовъ жалованья за повышеніе чиновъ, въ указѣ Правительствующаго Сената Генваря 21 дня 1801 года протолковано, что будто бы по силѣ 4-го отдѣленія 2-го пункта проекта объ учрежденіи Университета, чины, принадлежащіе къ Университету, пріобрѣтаемые только науками, освобождаются отъ вычетовъ, а статскіе чины подлежатъ вычету, хотя прежде изданными указами, напр., 1764 года, Апрѣля 7-го дня, Правительствующій Сенатъ самъ подтвердилъ сей пунктъ, просто не дѣлая на него никакого толкованія.

Императорскій Московскій Университетъ, все сіе представляя милостивому вашего превосходительства благоразсмотрѣнію, ласкаетъ себя надеждою, что ваше превосходительство найдете просьбу его не неосновательною и съ свойственною вашему превосходительству благосклонностію и любовію дѣлать добро, употребите ходатайство свое у монаршаго престола. Онъ же съ своей стороны смѣетъ увѣрить васъ, милостивый государь, что милость и благодѣянія вашего превосходительства въ лѣтописяхъ его останутся незабвенными и неизгладимыми.

Москва, Іюля 25-го дня 1801 г.

Библиотека "Руниверс"

ОТВѢТЪ ТРОЩИНСКАГО.

На письмо вашего превосходительства объ исходатайствованіи дополнительнаго подтвержденія нѣкоторыхъ статей привилегій, данныхъ Университету, я обязаннымъ себя считаю по той довѣренности, которую вы ко мнѣ изъявляете, изъяснить вамъ мнѣніе мое, что всего, кажется, мнѣ приличнѣе, всѣ сіи привилегіи собравъ и расположивъ ихъ по порядку съ замѣчаніями на тѣ изъ нихъ, кои въ теченіе времени въ дѣйствіи своемъ были остановлены, представить на утвержденіе во время высочайшаго присутствія Государя Императора въ Москвѣ во время особенныхъ милостей, по случаю священнаго коронованія обыкновенно на всѣ классы людей изливаемыхъ.

Высочайшій рескриптъ.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ и Московскій военный губернаторъ, графъ Салтыковъ!

Настоящее положеніе и число войскъ въ Москвѣ представляетъ возможность облегчить обывателей въ разсужденіи ихъ постоя. Я не сомнѣваюсь, что вы обратите на сію часть ваше вниманіе, а особливо примите во уваженіе привилегіи тѣхъ мѣстъ, кои отъ постоя должны быть свободны и несли его единственно по стеченію войскъ и по временному тамъ расположенію. Къ числу сему принадлежатъ чиновники Московскаго Университета, коимъ, какъ по правамъ, заведенію сему присвоеннымъ, такъ и по ходу ихъ службы, повинность сія менѣе другихъ свойственна.

Поручая вамъ распорядиться сообразно сему правилу, пребываю въ прочемъ вамъ всегда благосклонный.

Александръ.

Апрѣля 2-го дня 1802 г.

Библиотека "Руниверс"

Докладная записка Д. П. Трощинскаго императору Александру по дѣлу о скопцѣ Селивановѣ.

1802.

Содержащійся въ смирительномъ цейхгаузѣ по высочайшему повелѣнію отъ 27 Генваря 1797 г. секретный арестантъ есть крестьянинъ князя Кантемира, Орловской губерніи, села Столбовъ, Кондратій Селивановъ. Лѣтъ ему около 70. Въ малолѣтствѣ еще ушелъ изъ дому и скитался между раскольниками, между коими набрѣлъ на ту секту, что̀ въ оскопленіи считаетъ свое спасеніе. Онъ самъ скопецъ и другихъ оскоплялъ въ Тамбовской губерніи, за что былъ сужденъ и въ 1774 г., по наказаніи кнутомъ, сосланъ въ Сибирь, и съ того времени находился въ Иркутскѣ, откуда по доносу какого-то сосланнаго, ему неизвѣстнаго, который, часто приходя уговаривалъ его назваться императоромъ, будто бы онъ сіе высокое титло себѣ присвоилъ, по высочайшему повелѣнію покойнаго Государя Императора привезенъ сюда и лично его величествомъ спрашиваемъ. По отрицательномъ же отвѣтѣ на послѣднее и по признаніи въ первомъ, отосланъ въ секретный цейхгаузъ, съ запрещеніемъ ни съ кѣмъ о сихъ обстоятельствахъ не разглагольствовать, подъ страхомъ лишенія языка. Съ того времени онъ находится здѣсь, ведетъ себя весьма скромно, тихо и набожно. По кроткости нрава употребляется даже въ надзирателя къ безпокойному своему сосѣду, извѣстному Роде. Онъ взываетъ къ милосердію монаршему опредѣлить его въ какой-либо богадѣленный домъ, гдѣ бы онъ остальные дни жизни своей провелъ въ покаяніи и теплыхъ къ Богу молитвахъ о долгоденствіи царствующаго милосерднаго Александра и объ очищеніи своихъ прегрѣшеній.

На семъ докладѣ послѣдовала резолюція. ‹Освободя изъ нынѣшняго мѣста, опредѣлить въ здѣшнюю богадѣльню› *).

---

*) По свидѣтельству Ѳ. П. Лубяновскаго (см. его Воспоминанія въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 г.), императоръ Александръ, отъѣзжая изъ Петербурга на войну (кончившуюся Аустерлицемъ) послѣ молебствія въ Казанскомъ соборѣ отправился благословиться у „батюшки“, т. е. у этого самаго Кондратія Селиванова, секта котораго въ теченіе многихъ лѣтъ открыто преуспѣвала въ Петербургѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Всеподданнѣйшее донесеніе Московскзго главнокомандующаго графа И. П. Салтыкова.

Всемилостивѣйшій государь!

Слѣдуя правилу моему доводить до свѣдѣнія вашего императорскаго величества всѣ бывающія здѣсь, до публики относящіяся, произшествія, я не могъ миновать не донести о нижеслѣдующемъ, хотя оно впрочемъ, почти маловажно. На сихъ дняхъ была здѣсь, за Прѣсненской заставой, садка зайцевъ, на которой находилось нѣсколько охотниковъ и зрителей, и въ числѣ первыхъ отставной надворный совѣтникъ Свищовъ, который, усмотря, что одна приведенная нѣкоторымъ господскимъ человѣкомъ собака, по неосторожности его, вырвавшись у него, бросилась вмѣстѣ съ собаками его, Свищова, приказалъ псарямъ своимъ ее зарѣзать, что̀ ими, по настоятельному его подтвержденію, не смотря на остановку ихъ и убѣдительную просьбу того господскаго человѣка, униженно предъ нимъ извинявшагося, бывшую въ виду зрителей, и исполнено.

Я, узнавъ о таковомъ его дерзкомъ поступкѣ, во уваженіе немолодыхъ его лѣтъ, не разсудилъ подвергнуть его всей строгости закона о нарушающихъ публичную тишину предписаннаго, а приказалъ оберъ - полицеймейстеру, призвавъ его Свищова къ себѣ и внушивъ ему, колико сей его поступокъ безчиненъ и отвратителенъ, подтвердить, чтобы отъ подобныхъ впредъ крайне остерегался, ежели не хочетъ не только не быть впускаемымъ ни въ какое публичное собраніе, но и посаженнымъ въ домъ смиренія, за собаку же удовлетворить деньгами, что̀ и исполнено.

Всемилостивѣйшій государь! Вашего императорскаго величества вѣрноподданный графъ Салтыковъ.

Марта 31 дня 1802 г.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1815 годъ [1]).

Москва, 4-го Генваря 1815.

Rien de plus absurde que les nouvelles qu'on répand ici. On a dit ces jours-ci que m-r La Harpe était nommé régent de la Suisse et que cela a fait rompre le congrès. Hier on ne parlait que de la disgrâce du comte N. [2]), qui avait perdu le porte-feuille avec tous les papiers importants (comme si un portefeuille était une épingle): c'est comme si on punissait un écolier pour avoir perdu sa grammaire. Un malheur pareil affligerait le comte N. lui-même plus que qui ce soit. Quelle plus grande punition que sa douleur! Mais cela vaut-il la peine que je vous en parle? Tout ce qu'on peut conclure de cela, c'est que le comte a joliment de jaloux et d'envieux, qu'il monte toujours et que le nombre de ces messieurs augmente. Le ridicule c'est que de gens de haut rang parlent de cela d'un air assuré à l'oreille, comme m-r Apraxine[3]) et autres.

Tourguéneff m'a envoyé une caisse de vous. Je suppose que ce sera celle qui contient les jeux et les tableaux découpés. Je ne l'ouvrirai pas, elle attendra votre arrivée: on pourait perdre quelques morceaux, ce serait dommage. Aujourd'hui on doit m'apporter votre grande caisse. Zakrefsky me l'annonce, et je sais que son aide-de-camp Шатиловъ [4]) est arrivé hier.

Je regrette beaucoup l'aimable prince De Ligne. Je n'oublierai jamais comme il nous a fait rire une fois chez la comtesse Bagration. Такъ ли все живетъ княгиня какъ прежде? Que fait Henriette!? Combien d'enfants ont paru de ce fameux mariage? La p-sse Flore doit être bien chagrinée. Est-elle mariée? A qui?

---

[1]) См. выше стр. 294.

[2]) Т. е. графа Нессельроде, при которомъ служилъ К. Я Булгаковъ.

[3]) Степанъ Степановичъ Апраксинъ, супругъ княжны Екатерины Владимировны Голицыной. Онъ мѣтко изображенъ въ письмахъ Кристина къ княжнѣ Туркестанской („Русскій Архивъ" 1881—1882 г.).

[4]) Иванъ Васильевичъ, двоюродный братъ А. С. Хомякова и дядя извѣстнаго дѣятеля по сельскому хозяйству Іосифа Николаевича Шатилова.

Библиотека "Руниверс"

Je tâcherai d'arranger avec Tourguéneff l'affaire de 5.000, mais je crois qu'il vaudra mieur s'adresser à un homme moins affairé, moins amoureux et moins dansant. L'affaire de Gagarine se trouve être comme vous dites. C'est un bien plat personnage; on dit que pour effacer toutes ses infamies il contrefait le fou. Il roule dans la neige, prie Dieu et se cogne le front jusqu'au sang, qu'il récite dans la rue des psaumes etc.

Le comte R.[1]) est parti pour Pétersbourg la veille de nouvel an; il m'a dit qu'il ne m'oublierait pas et qu'alors ce n'était pas le moment de demander quelque chose à l'Empereur. Je crois à cela d'autant plus, que je n'ai nullement provoqué cette promesse de sa part. Il part au mois d'Avril pour l'étranger et commence par les eaux de Pyrmont, car sa santé est abymée.

*

Москва, 11-го Генваря 1815.

On dit que le p-ce Troubetskoy est arrivé à Pétersbourg. Marie, qui était très triste, se déride un peu; car on dit généralement que le p-ce T. assure que l'Empereur devait quitter Vienne 6 jours après lui. Des bruits de cette nature de temps en temps sont une très bonne chose: cela nous ranime et rélève notre courage abbatu. Hier le fameux Papandopoulo[2]), arrivé de Pétersbourg, lui a dit que l'Empereur y était attendu bientôt.

Je crois que les nôtres irons au bal que le g-l Tormassoff donne le 13 pour la fête de l'Impératrice[3]). Le bal masqué de Шаховской était charmant. J'étais masqué en coquette. J'avais un habit très élégant, décolleté, avec de superbes tétons postiches. J'ai le cou très blanc, enfin j'ai pu passer pour femme et j'ai curieusement intrigué le monde. Je m'assis à côté de l'ambassadeur Persan; il me regarda très longtemps; à la fin, emporté par son tempérament ou par la curiósité il ne put resister et me prit par un téton, je lui donnai une tappe et quand il vit qu'il ne touchait que du coton, il se mit à rire à gorge déployée. Il y a longtemps que je n'ai été à un aussi joli bal.

Voici, mon cher, la lettre de cet excellent Alexéjeff. Ouf! Dieu merci, voilà un poids de moins. Tout est signé au Sénat. Le p-ce Massalsky allait à Pétersbourg, il n'a pas voulu bouger de Moscou que l'опредѣленіе ne fût signé; il est parti hier. La трясучка, au lieu de tâcher de se rapprocher de nous, puisqu'elle est flambée, veut présenter à l'Empereur une plainte contre le Sénat; je crois que nous la verrons se plaindre

---

[1]) Графъ Ростопчинъ.

[2]) Это, вѣроятно, Константинъ Анастасіевичъ Попандопуло (женившійся впослѣдствіи на двоюродной сестрѣ Булгаковыхъ, Любовь Андреевнѣ Мартыновой); человѣкъ многосторонне образованный памятный многимъ въ Москвѣ медикъ и естествоиспытатель.

[3]) День рожденія императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Библиотека "Руниверс"

à Dieu contre l'Empereur aussi. Quelle idée consolante pour moi que celle que quand vous serez ici, il n'y aura plus de soucis du côté de procès. Cette affaire-là empoisonnait beaucoup de moments de ma vie, qui sans cela seraient agréables. Слава Богу, что успѣлъ въ томъ, чтобъ дѣло слушалось до твоего пріѣзда, дабы избавить тебя отъ непріятныхъ хлопотъ, ѣзды, просьбъ и пр. Грѣшно намъ будетъ забыть Алябьева, Кушникова и Масальскаго, а еще болѣе добраго Нарышкина. Il serait très sensible si vous lui écriviez deux mots de remerciment; c'est un homme qui chéryt tous ce qui a tenu à papa. Il faudra absolument que j'aille cet hiver à Pétersbourg pour embrasser Alexéieff et remercier m-r Trotchinsky qui devra donner la dernière main à l'oeuvre. J'ai prévenu de tous le furet Tourguéneff. Le lettre du comte N. pour Ключаревъ a été expédiée à Waronej, et j'ai écrit à K. de me faire tenir la réponse, que je vous enverrai aussitôt reçue.

Tout ce que vous me dites de Tatitcheff me fait bien de la peine. Je m'imaginais bien tout cela, mais la certutude que vous m'en donnez me peine infiniment: il méritait un meilleur sort. Voilà les suites d'un sot mariage. Quand elle l'aura ruiné, elle le plantera là *). Paul Gagarine est ici, sa femme aussi, ils logent separément, quoique dans la même maison. Je ne veux ni accuser, ni justifier personne; mais je trouve aussi ridicule qu'elle danse à tous les bals des mazurques, que lui y vienne pour pleurer dans un coin. Il ne devraient se montrer ni l'un ni l'autre dans leur position. Elle est au moins imprudente et insensible, si elle n'est pas coupable; quand à lui, je le tiens pour fou. Le départ de Freygang de Vienne est une très bonne nouvelle pour tous ceux qu'il fréquentait, mais votre départ à vous serait encore une meilleure nouvelle, pas pour les Viennois, mais pour nous autres.

Ma vie, mon cher, est très uniforme. Je vais le matin quelques fois chez le g-l. Je n'ai encore travaillé que deux fois avec lui; il est toujours très aimable avec nous. Je dîne presque toujours chez Marie si non chez N. Gagarine, mais jamais à la maison. Le soir je suis chez moi, quand il n'y a pas quelqu'invitation; vers les 10 heures je vais communément jouer au billard au club Anglais.

Je ne puis vous dire combien j'ai été saisi par le malheur arrivé au comte Razoumofsky. C'est un malheur pour Vienne, car la ville perd

---

*) Опасенія не оправдавшіяся: Д. П. Татищевъ (женившіяся на разведенной Полькѣ Конопкѣ, по первому мужу Безобразовой) позднѣе былъ посломъ нашимъ въ Вѣнѣ, потомъ оберъ-камергеромъ и оставилъ большое состояніе дѣтямъ сестры своей, княгини Урусовой.

Библиотека "Руниверс"

son plus bel ornement. C'est sans doute, hélas, c'était sans doute le plus bel hôtel de l'Europe. Beaucoup de rois n'étaient pas aussi bien logés que le comte; je puis le dire, car j'ai été dans le palais du roi de Sardaigne à Cagliari. Je ne puis vous dire comme tous ceux à qui j'ai dit cette triste nouvelle ont été saisis. On ne parle que de cela en ville. Le p-ce Michel Gallitzine, enfin tous ceux qui ont été à Vienne, sont vivement affectés. Pauvre comte, je m'imagine ce qu'il doit éprouver.

Cependant le Conservateur Autrichien ne parle que de la perte d'une partie de l'hôtel. Je crois plus à vos tristes détails sur ce malheur. У насъ бы отстояли. Для этого Московская полиція первая въ свѣтѣ, но ваши Нѣмцы тяжелы на подъемъ: какъ встать ночью, вдругъ одѣться, ѣхать на пожаръ! Имъ надобно часъ собираться, и если и заливаютъ, то не домъ, а *людей*. Marie m'apprend que vous êtes plus convaincu de l'excellence des pompiers de Vienne que l'hôtel du comte André. On vous a aspergé à cette incendie.

*

Москва, 18-го Генваря 1815.

Марица гораздо веселѣе теперь, а если поспѣетъ портретъ, то совсѣмъ будетъ умна. Она вѣрно тебѣ описываетъ Тормасова балъ 13 числа, на который, хотя съ трудомъ, по уговорили мы ее ѣхать. Мы отличились съ нею въ экосезѣ и кадрилѣ. La fête était très belle et brillante.

*

Moscou, le 21 de l'an 1815.

J'espère toujours en la réponse de Pozzo; tant mieux s'il m'écrit de Paris: sa lettre sera peut-être avec assaisonnement des brochures. On ne parle ici, on ne lit ici que cette fameuse lettre d'un officier Russe à un ami à Londres. On la croit généralement de Pozzo. On parle d'une réponse à cette lettre très verte et où il y a plus d'injures que de raisonnements.

J'ai reçu une lettre de p-ce Youssoupoff, qui me parle de l'incendie de l'hôtel du comte André; il me dit que tous ses bijoux et diamants sont ensevelis. Vous ne me l'aviez pas mandé. Quelle perte! Ah, ce maudit feu, combien il tue de monde, combien il brûle de villes, de maisons! Mais, d'un autre côté, combien il rôtit de veaux, de poulardes, etc. etc. Tout est compensé; mais, tout gourmand que je suis, je me passerais des rôtis toute ma vie si cela eût pu sauver la maison du comte.

*

Библиотека "Руниверс"

Moscou, le 28 Janvier 1815.

Vous aurez reçu, mon cher imi, l'agréable nouvelle de la fin de notre procès. Tout est fait déjà ici, l'excelleut Alexéieff arrangera le reste avec m-r Trotchinsky. Сенаторы все бы кончили и безъ доклада къ Государю; вотъ къ чему они это сдѣлали: часто бываютъ съ нихъ по старымъ дѣламъ штрафы и денежныя взысканія, то для обезпеченія себя они представляютъ рѣшеніе свое на высочайшую конфирмацію, ибо рѣшеніе сіе не на строгости законовъ основывается, но на совѣсти, на ясности и неоспоримости предъявленныхъ нами документовъ, а именно завѣщаніе, свидѣтельство, письма батюшки къ Ивану Алексѣевичу, тетушкина бумага и пр.

Je ne doute pas, mon cher ami, de l'intérêt du bon Schröder et du l'excellent Waniche (qu'il me pardonne ce nom, qui me rappelle sa jeunesse, sa candeur et Naples). Ici c'est une joie universelle! On m'embrasse partout, je vois qu'il y a encore beaucoup d'honnêtes gens. C'est toujours consolant. Je voudrais que la cousine reprenne son bon sens, car en vérité elle a été jusqu'à présent comme une folle ou une enragée. Que ne fait ce maudit intérêt! Je pense aussi qu'il pourra nous rester quelque chose. La maison a apporté par an près de 4000 r. Tout cela est volé, comme de raison; mais il y a de grandes réparations à faire. Il faudra aller sur la terre au printemps.

J'ai déjà lu votre article sur le Danenbrog dans la gazette de Hambourg. J'en veux un peu à Pétersohn, mais aussi pourquoi suis-je aussi si avide de brochures? Je les recevrai dans votre première lettre, patience! Loder en reçoit beaucoup d'allemandes de Berlin qu'il me communique. J'ai enfin une traduction des mémoires de Bonaparte. Si ce n'est pas de lui, c'est de quelqu'un qui a été dans tous les replis de son coeur. Je vous avoue que j' y ai trouvé des choses profondes et malheuresement vraies. Il connaît les hommes ce gaillard-là, mais par-dessus tout il connaît les Français. Comme il leur rend justice! Au reste, beaucoup de jactance, mais c'est son élément.

Графу [1]) дали Аноnсіаду. Это не шутка: c'est frère de Souvoroff. Je sais que le roi n'a même pas donné cet ordre au marquis... [2]) son grand favori et qui l'a suivi en vrai Pylade dans tous ses malheurs et voyages et qu'il chérit tendrement. Ici on fait de grands yeux à cette nouvelle, et on assure que le comte sera fait chancelier. Moi j'augure de cela que vous aurez le Lazare au cou et une certaine autre personne

---

[1]) Андрею Кириловичу Разумовскому—орденъ Сардинскій.

[2]) Такъ въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

la croix à la boutonnière. Bon! Le ruban vert irait aussi bien au joli teint d'un certain jeune chambellan, avec lequel vous bâfrez souvent et fumez et jouez au whist encore plus souvent.

Marie m'a dit que vous vous vantiez d'être professeur de whist. Я буду все въ половину къ тебѣ ходить.

Il y a presque tous les jours des bals ici; mais je sors fort peu. Je ne regrette que les bals où se trouve Marie, en acceptant cependant ceux de la bonne amie de Metaxa. Вотъ нашла коса на камень! Il va y avoir chez madame Korsakoff une fête de toute une journée, promenade en traîneaux, déjeuné, bal ect. ect, ect. Grand bien lui fasse! C'est le monde à rebours, elle devrait prendre pour modèle sa respectable fille madame Wolkoff. Mais laissons là les commères et venons aux braves gens. Faste [1]) a le projet de venir ici au printemps, il veut absolument servir. On dirait que c'est un homme à voler: il ne me parle que des places aux douanes ou *въ удѣльной*, et il finira, je m'imagine, par vouloir simplement de tout cela. Notre viellard est sur les épines depuis que Calliarchy le grand part pour Pétesbourg. K. D. [2]) craint toujours de tarder. Il ne faut en hyver que six jours pour ce vogage. La maman est plus impatiente que lui sur cet article. Quant à Marie, elle n'a qu'une chanson: *votre retour*. Je me mets en quatre pour amuser le tapis. Je fais le vrai diplomate, je souffre tout d'elle; car je l'aime et je partage sa peine.

Le fameux Papandopoulo, arrivé de Petersbourg, en raconte des merveilles. Il a l'air d'un sauvage, qui a vu un miroir pour la première fois de sa vie. Metaxa est toujours tantôt Demosthène, tantôt Alcibiade, tantôt Nelson, tantôt Polichinelle, tantôt Faublas, et tout cela manqué. Nous attendons l'excellent Popoff, pour lequel j'ai demandé un semestre au général.

Обнимаю тебя и твой милый причетъ.

*

A Moscou, ce 4 février 1815.

Avant tout, mon cher ami, puisque vous avez fait au comte Nesselrode l'éloge de mon exactitude, pour ne pas vous donner de démenti, voici la réponse à la lettre que le comte m'avait chargé de faire parvenir à m-r Klouczareff. Nous ne sommes pas encore en possession du bien, et déjà les créanciers commencent à se réjouir pour eux et pour

---

[1]) Фавстъ Петровичъ Макеровскій въ наши дни былъ начальникомъ Горнаго Управленія въ Москвѣ.

[2]) Т. е. Константинъ Дмитріевичъ Варлаамъ, старикъ-тесть К. Я. Булгакова. Каліарки—тоже Валашскій бояринъ.

Библиотека "Руниверс"

nous. La maréchal Pouchkine a envoyé ici un exprès pour me parler de ses affaires. J'ai répondu vaguement qu'elle serait satisfaite en temps et lieu. Comme vous, je pense aussi, mon cher ami, que le diable ne sera pas si noir [1]).

*

Москва, 11 Февраля 1815.

Vous m'avez procuré un bien beau moment avec les Fédoroff, mon cher ami. J'ai vu une famille entière passer de l'abattement à une joie extrême. Je suis allé chez eux moi-même, j'ai commencé par la fortune du papa-aumônier. Cela leur a fait un grand plaisir. Il y a, dis-je, à Vienne un petit-fils auprès du chapelain. Comment, dit madame Fédoroff, c'est Alexis, mon fils! Ah, si vous pouviez le placer quelque part?—C'est fait, répondis-je: l'Empereur a ordonné de l'agréger à la mission avec le titre de l'étudiant. Tous petits et grands se mirent à sauter de joie. A présent, ajoutèrent-ils, nous oublions tous nos malheurs, nous oublions notre jolie maisonnette que les Français ont brûlée... Sachez, continuai-je, que l'Empereur, qui accable non seulement les individus de ses bienfaits, mais des familles entières, vous accorde 3000 r. de dédommagement pour vos pertes, et voilà la lettre qui autorise le g-l Tormassoff à vous délivrer cette somme. Ici ils ne purent tenir et tous fondirent en larmes. Je vous assure que j'ai été touché bien vivement. Si on peut envier quelque chose sur la terre, c'est le bonheur de faire des heureux. La chambre a rétenti des bénédictions adressées à notre ange couronné. Voici une lettre de Ѳедоровъ à son beau-père.

Ну, братъ, Богъ милостивъ! Nous l'avons échappé belle! Jugez qu'il a manqué arriver à la maison que loue Конст. Дмитр. la même chose qu'à celle du comte André. Давно въ залѣ былъ непріятный запахъ, который ничѣмъ выкурить не могли, а это ничто иное было какъ балка, которая давно тлѣла, бывъ проведена слишкомъ близко къ трубѣ кухни, которая подъ домомъ. А третьяго дня у Алекс. Петровича [2]) меня вызываютъ; я отвѣчаю: тотчасъ. Минуту спустя, адъютантъ мигаетъ мнѣ, чтобы я вышелъ скорѣе. Выхожу. Андрей мнѣ говоритъ: васъ спрашиваютъ къ Варлаамъ, тамъ несчастіе сдѣлалось.—Что такое?—Пожаръ.—Дали-ли знать полиціи?—Нѣтъ! Que faire! Au reste on perd la tête dans ces occasions. Il fallait avant moi le dire à la police. J'envoie sur извозчикъ à l'Управа; moi-même je galoppe chez

[1]) Относится вѣроятно къ тому, чтобы К. Я. Булгакову получить мѣсто Московскаго почтдиректора, которымъ все еще числился удаленный графомъ Растопчинымъ въ Воронежъ мартинистъ Ключаревъ. Почти три года почтою въ Москвѣ завѣдывалъ Руничъ.

[2]) Тормасова.

Библиотека "Руниверс"

Ивашкинъ, en cinq minutes les pompiers étaient là. Mais Dieu soit loué, il n'y avait plus rien à faire: on avait cassé les planches et étouffé le feu dans son principe. La salle est attenante à l'escalier, il n'y a qu'une seule issue; si le feu s'était établi, aucun salut pour tout le monde qui dormait: c'était à la pointe du jour. Je vous avoue que j'ai eu une demie-heure bien violente, mais Dieu soit loué, nous avons été quitte pour la peur et nous rions maintenant de l'aventure, et cette aventure aurait coûté 50000 r. au vieillard, qui serait trop heureux de sortir de la maison par la fenêtre nu comme la main. Quel bonheur qu'un garçon couchait dans la salle et qu'il fut reveillé par la fumée au moment où la flamme paraissait. Le dégât est de 120 r., mais la leçon vaut 120000!!! Au reste la faute est au maître de la maison, qui aurait plaidé, et j'aime mieux une fièvre chaude nerveuse, putride, bilieuse qu'un procès. Le contrat est fait avec le ramoneur pour revoir et réparer tous les poêles съ подпискою, чтобы онъ отвѣчалъ за всякое несчастіе отъ печей.

*

Москва, 18 Февраля 1815.

J'ai manqué la dernière poste, ayant suivi le général à l'incendie. Cette immense et belle maison d'Apraxine*), qu'il avait rebâti à si grands frais après les Français, a brûlé de nouveau. Une malheureuse chandelle oubliée dans la chambre à coucher a consumé la maison. Apraxine n'a eu que le temps de se sauver demi-nu la nuit. Cependant les efforts inouïs de la police ont sauvé les deux tiers de la maison avec les meubles les plus précieux. Я все стоялъ съ Волковымъ, на котораго упалъ карнизъ и ушибъ ему плечо и ногу. Брокеръ провалился съ цѣлымъ потолкомъ, его насилу вытащили изъ подъ развалинъ. Съ горяча онъ не почувствовалъ, но вчера ему два раза кровь пускали, и онъ лежитъ. Apraxine a pris cela assez philosophiquement. Et bien, que direz vous? me dit-il, en regardant le feu.—Mais, mon g-l, vanité des vanités! Bon, mais il est cruel d'en faire deux fois l'expérience en trois ans. Le dommage est évalué à 200 m. rbs. Il va rebâtir, mais il promet de ne plus l'habiter, cette maison. Il la vendra. Ce qui a indigné le pauvre Apraxine c'est de voir qu'il s'était établi devant sa maison embrasée une espèce de promenade de 1-r de Mai. Les dames venaient voir cela comme elles vont au théâtre voir Yarbe brûler Carthage. Il y avait deux files de voitures, et l'attention de la police a du être partagée entre l'incendie et la promenade des curieux. J'ai vu une dame toute furieuse baisser les glaces de devant et crier à son cocher: што ты, ка-

*) Нынѣ домъ Военнаго Училища на углу Знаменки и Арбатской площади.

Библиотека "Руниверс"

налья, тутъ сталъ; тутъ ничего не горитъ, ступай дальше. Le théâtre a été sauvé. Dans les premiers moments d'alarmes on avait jeté les décorations par les fenêtres, de sorte qu'on voyait un superbe jardin et des fleurs là où la veille il n'y avait que de la neige, mais on a remédié à tout, et ce soir il y a déjà spectacle. Je vous ai donné la grande nouvelle du jour; revenons à votre lettre, mon cher ami. Et vous avez cru au voyage de Vienne? Bah, on en a parlé deux jours, et puis il n'en a pas été question. D'ailleurs j'aurais su faire tant et tant que le vieillard ne serait pas parti. C'est une idée de petites maisons et d'ailleurs inexécutable sous plusieurs rapports. Marie ne m'en avait parlé que très légèrement. Peut-être était ce un projet de Metaxa, qui aurait voulu voir son ami Mazarovicz. Le comte Rastopsine m'écrit qu'il reçu la croix de Léopold pour son fils. J'ai été fâché de ne pas avoir été le premier à lui annoncer cette nouvelle. Les bals ne tarissent pas ici, mais je ne vais nulle part. Dimanche nous sautillerons cependant chez Чижикъ et Mardi nous irons à l'Assemblée. Ma tante a dîné avant-hier chez les nôtres; elle y est restée fort tard, et nous étions tous de très bonne humeur. C'est la seule personne avec qui Marie parle russe, et je vous assure qu'elle ne s'en tire pas mal.

Vous savez que le pauvre И. П. Архаровъ est mort. On dit que c'est de suite d'une terreur panique: il vit un fantôme qui lui annonça qu'il n'avait que trois jours à vivre; il mourut en effet le troisieme jour.

*

Москва, 25 Февраля 1815.

Je vous ai déjà envoyé la réponse de Ключеревъ à la lettre du comte Nesselrode. Ici on dit que Rounicz de la poste sera gouverneur à Kalouga. Tant mieux, si c'est par le motif que nous désirons.—Le thé a été recommandé par Wolkoff. Metaxa, que nous appellons *ванючка*, a été chargé de le prendre. Je ne sais si c'est lui ou le marchand qui n'a pas été payé; en tout cas je lui ai remis d'après votre autorisation les 92 r. pour le thé. Ванючка a beaucoup perdu aux cartes. Je vois le moment où il disparaîtra tout-à-coup. Un beau jour on ne saura ce qu'il est devenu. Cet homme vient ici pour une semaine de passage. Voilà cinq ans qu'il est séparé de femme, d'enfants. Pourquoi? Que fait-il? De quoi vit-il? Tout cela tient de mauvais roman, et puis tous ces amourachements ridicules, cette manière d'afficher les femmes, cette familiarité choquante, tout cela me déplait beaucoup. Enfin ce sont ses affaires et pas les miennes. Tant pis pour lui et pour ceux qui sont ses dupes, mais leur nombre diminue beaucoup.

*

Библиотека "Руниверс"

Москва, 8 Марта 1815.

La lettre de Sévérine a ete remise à m-r Dimitrieff qui m'en accuse dans ce moment-ci la récéption di proprio pugno. J'ai écrit à Michaud en le priant de m'envoyer les brochures aussitôt lues. J'ai acheté ici un ouvrage très utile et intéressant: c'est le recueil officiel de Schoell. Je n'avais reçu de vous que huit cahiers de Paris. L'ouvrage est à présent complet en 18 petits cahiers, c'est très bon à consulter au besoin. Je vous remercie d'avoir fait la commission de Loder, qui me fournit des lectures très intéressantes. S'il y a moyen, apportez aussi les cordes qu'il m'a demandées. Dites bien des choses à Pétersohn. Comment va sa santé, qui même à Naples était mauvaise? Demandez lui s'il se ressent encore de la princesse de Hesse, d'insatiable mémoire. Anstett n'a, comme avant, que l'estomac d'insatiable. Il est temps qu'il fasse comme moi et qu'il renonce à être baffreur de première classe: je ne mange plus comme avant. Ce sera Ignacio Lanza, conte de Sommatino, fils du prince Trebbia, c'est un bon petit garçon. J'ai logé chez eux à Naples. Donnez lui ce petit bout de lettre de ma part.

*

Moscou, le 22 Mars 1815.

Wolkoff a déjà écrit de la route*). Le fameux Metaxa lui a donné un projet sur l'établissement des jeux publiques. Vous croyez qu'il s'agit des jeux Olympiques, pas si bête! Notre Grec parle des cartes de pharaon, il veut naturellement qu'on crée un nouveau ministère. Qui sera le ministre? Cela se dévine. Qui payera les frais? Les dupes. Qui doivent gagner? La couronne, à ce qu'il dit. Après avoir fait le Faublas et le Lovelace de 50 ans, il fait le Law, mais tout cela finira comme le fameux système par une banqueroute, car il perd beaucoup au jeu.

Ну, братъ, съ деревнею кончено. Я ее купилъ послѣ долгихъ преній за 38000 р.; всѣ цѣнятъ ее 50000. Когда будешь сюда, увидишь; если понравится, то возьми себѣ. Мѣстоположеніе не завидно только, но что̀ бы ни было, я свое Смердино ни на что не промѣняю. Les paysans sont très à leur aise et des braves gens. Maintenant j'ai la marotte de bâtir à Moscou une maison selon mon idée. Куплю какое нибудь погорѣлое мѣсто подешевлѣ, да и ну строить. Il n'y a rien de plus ennuyant que les déménagements: on abîme tous les meubles et on risque de se trouver à la belle étoile.

*

*) Московскій полицмейстеръ А. А. Волковъ(при Николаѣ первый жандармскій генералъ въ Москвѣ) ѣздилъ въ Петербургъ хлопотать о перемѣнѣ службы.

Библиотека "Руниверс"

Москва, 29 Марта 1815.

Ici il n'est question que du sieur Buonaparte. On argumente, on dispute, on parie. Les gens sensés lui donne la fin du marquis Pougatchoff. Il en prend tout à fait la tournure. Je ne crois pas que cet événement vous arrête à Vienne, quoique Ив. Алек. me mande ces mots: «Авг. Васил. *) получила сѣмена отъ милаго Конст. Яковл., который, кажется, останется еще въ Вѣнѣ по случаю бѣгства Эльбскаго колодника». Le comte m'écrit que nous avons dans Tourguéneff un jury infatigable.

Loder vous prie de le rappeler au souvenir de baron Humboldt, qu'il a beaucoup connu autre fois.

*

Москва, 12 Апрѣля 1815.

Да исполнятся уста наши хваленія Твоего, Господи!

Ну братъ, ура! ура! ура! Насталъ конецъ нашимъ страданіямъ: дѣло приведено къ совершенному окончанію въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта. О радости сей извѣщаютъ меня Волковъ, Тургеневъ и графъ Ѳедоръ Васильевичъ письмами. 6-го Апрѣля наканунѣ дѣло единогласно было утверждено всѣми членами. Je vous transcrie ce que le comte me mande mot à mot:

«Ура! mon cher Александръ Яковлевичъ. De même qu'une harpe parfaitement d'accord, le Conseil, sans qu'une seule corde ait détonnée, a prononcé la décision de votre procès, conformément à l'opinion du Sénat de Moscou et du Comité. Tout le bien est à vous, et vous n'êtes assujetti qu'à payer les arriérages des impots (en cas qu'il y en ait) pendant le temps de la contestation. Vous serez surpris qu'au milieu de 20 et quelques personnes il s'est trouvé une voix qui voulait proposer de ne rien prononcer, puisque l'Empereur avait réfusé son approbation la première fois, en renvoyant aux tribunaux toute l'affaire. Cette voix ne s'est pas fait entendre, et j'ai pris sur moi, comme son voisin, de lui faire entendre raison. Et je vous dirai en confidence que c'est le prince Dmitry Labanoff; mais à présent, dès que le maréchal Soltikoff aura signé le journal, on enverra la décision du Conseil aux régences où se trouvent les biens pour vous en mettre en possession».

J'étais à dîner chez les nôtres, quand une ordonnance m'apporta la lettre du comte. Nous avons tous pleuré de joie. J'ai embrassé Marie,

*) Августина Васильевна, супруга сенатора И. А. Алексѣева.

Библиотека "Руниверс"

comme si c'était vous, et nous avons bu à votre santé. Je n'oublierai jamais cette délicieuse journée *du 11 Avril*. Ah, mon cher, mon cher, que d'épreuves il a fallu subir, que de souffrances, que d'inquiétudes! Gloire et salut à nos chers sénateurs d'ici: c'est leur ouvrage. Je me réjouie de n'avoir pas fait en l'air quelques petites dépenses pour les subalternes du Sénat. Cette nouvelle sera un coup de foudre pour la chère cousine que j'irai voir à Pâques. Надобно поцѣловать ее, похристосоваться и помириться.

La bonne tante est aux anges; elle dit avoir une certaine importance. Это все сдѣлала моя бумага, и сенаторы говорятъ, что безъ меня не было бы ничего. Je laisse à la bonne tante cette croyance, qui d'ailleurs est en partie très fondée. Чижикъ говоритъ, что мы будемъ богачи; ужъ не завидно ли стало? Il y aura de la besogne pour nous, mais tout cela ne seront que des roses, les épines sont passées.

Voltaire a beau dire: qui sert bien son pays, n'a pas besoin d'aïeux! Voltaire n'avait pas apparément pour père un Яковъ Ивановичъ, qui contribua au lustre du règne de Catherine-la-Grande; il n'avait pas pour grand-père un Иванъ Михайловичъ, qu'un Pierre-le-Grand estimait et distinguait! Des aïeux comme cela valent mieux que des batailles gagnées. Il est beau de leur appartenir, de pouvoir les reconnaître, et c'est ce dont la chère cousine prétendait nous priver.

*

Москва, 20 Апрѣля 1815.

Kamensky est arrivé avec une étonnante célérité en 12 jours. Voyez de quoi est capable l'homme le plus phlegmatique, quand il est amoureux. Il arriva dans le moment, où il était tard; il m'envoya tous les paquets en s'excusant de ne pas venir lui-même. Sa calèche, qui a toujours tenu bon, s'est cassé à 80 verstes d'ici, et il est venu sur перекладные.

Fasse le Ciel que nos espérances se réalisent en vite, mais si pour parvenir au *but désiré* il fallait encore perdre du temps et prolonger cette cruelle séparation, je vous conjure au nom de notre amitié de ne pas balancer un instant à sacrifier les intérêts les plus chers de votre coeur à votre devoir et à ce que vous devez aux bontés dont l'Empereur vous comble depuis deux ans. Restez où vous êtes, allez votre train. Soyez bien persuadé qu'aucun honnête homme ne vous blâmera.

*

Библиотека "Руниверс"

Le 21 Avril.

J'ai été chez Kamensky*). Il vous élève dans ses louanges jusqu'au ciel. Il est en vérité pénétré de reconnaissance pour tout ce que vous avez fait pour lui. Il va épouser un enfant. Je ne sais si elle a 15 ans, mais on se dépêche de la marier; car comme elle n'a pas de nom, elle ne peut faire le partage avec la soeur aînée, qui est mariée à Zagriajsky le louche, qui a servi aux Archives. Elle a un bien, mais il s'en faut de beaucoup qu'il y ait 10 milles roubles de revenu, mais même la moitié est très joli pour lui qui n'a presque rien.

Je l'ai mené ce matin chez Tormassoff. K. est ou très ignorant, peu curieux, ou réservé (видно, что у тебя служилъ) même avec le général, car il ne savait rien lui dire des nouvelles que vous me communiquez et qui se trouvent au reste dans le Beobachter.

On peut parier que cette guerre ne sera pas longue. Je ne sais quel charme les Français pourront trouver à se battre pour écarter un bon roi et pour affermir un homme réputé un fléau universel. S'il y a encore de se battre entre soi et de lutter contre toute l'Europe réunie, le brigand ne parviendra pas à rendre cette guerre nationale. La chose n'eut pas lieu quand les alliées marchèrent l'année passée vers Paris. Pourquoi Bonaparte serait-il devenu plus cher aux Français à présent, couvert de haine, de mépris et d'opprobre? L'année passée il avait au moins la force pour lui et le trop fameux prestige qui, malgré la bataille de Leipsik, n'avait pas tout-à-fait disparu, et puis sans canons, sans cavallerie, *sans argent*; il aura de la *chair à canon*, des traîtres et des harangues, mais quand on en sera au chapitre des пожертвованій, à cette véritable pierre de touche, alors nous verrons comment les Français délieront leurs bourses et jusqu'où va leur tendresse pour leur petit chou. Mais c'est bien à vous qu'il faut parler de tout cela. Vous en avez, je suppose, jusque par-dessus les oreilles. C'est assez que nous politiquons comme des enragés avec Alexandre Gourieff qui est aux anges de l'heureuse délivrance de sa soeur [2]). Je me serais fait une fête de lui donner cette bonne nouvelle avant qu'il l'ait apprise par la lettre du comte N.

---

[1]) Это Дмитрій Николаевичъ Каменскій, будущій составитель Словаря достопамятныхъ людей. Онъ женился на Елисаветѣ Ивановнѣ Бибикинской, лѣвой дочери князя И. Ѳ. Барятинскаго. Ея сестра, Анастасія Ивановна, въ первомъ бракѣ Загряжская, вышла потомъ за столь извѣстнаго въ Москвѣ Геннадія Владимировича Грудева.

[2]) Графини Маріи Дмитріевны Нессельроде, произведшей на свѣтъ дочь Елену, бывшую впослѣдствіи за мужемъ за графомъ Михаиломъ Иринеевичемъ Хрептовичемъ.

Библиотека "Руниверс"

Comme le roi Ferdinand est ma marotte, je suis charmé pour lui que Murat ait ôté le masque, que la guerre avec l'Autriche ait éclatée. On viendra bientôt à bout de ce cuistre qui s'avise aussi faire le petit Buonaparte. 10 mille Russes, débarqués à Naples pendant que le roi Lazzaroni s'aventura dans la Toscane, finiraient toute cette farce dans un mois, et le roi Ioachim irait avec Joseph, Jérôme, Louis etc. passer le carnaval à Venise. Ай да Ней! Il a surpassé tout le monde.

Le sieur Metaxa vient quelque fois se plaindre du vieillard, c'est à dire me tirer les vers du nez; mais la fin Grec échoue. Je ne sais si c'est grâce à ma nourrice qui était Grecque, mais il ne me laisse pas mettre dedans. C'est un homme d'autant plus dangereux qu'il est séduisant. Il a une peur terrible de moi; car je suis quelquefois d'une franchise outrée; aussi il ne fera pas de cochonneries ouvertes, mais qui sait ses actions sourdes et ses arrières pensées? Celui qui sera plus bas l'emporte toujours auprès du viellard, et j'avoue que dans une lutte de cette nature Metaxa l'emportera toujours sur moi. Combien il a fallu de peine pour prouver au vieillard que les Wakaresko fesaient une sottise d'aller à Pétersbourg; malgré mon instance, il avait écrit qu'on lui loue à Pétersbourg un quartier. A présent il est le premier à se moquer de Calliarchy, qui dépense son argent pour rien, et le retour de l'Empereur n'est rien moins que décidé. Enfin je prouve à K. D. que mes avis avaient toujours été dictés par une amitiée sincère, dépourvue de toutes vues particulières; il le sent, le sait, m'embrasse et tout finit par des baisers.

Metaxa m'a dit qu'il n'aurait pas de revenu de tout cette année-ci et qu'il n'avait de ressources que sur l'argent que lui doivent Miloradowitch et d' autres généraux, auquels il écrit continuellement en vain. Bachmétieff est le seul qui lui ait tout payé exactement. Je crains qu'il ne touche sur vos capitaux, mais je vous ai déjà dit les mesures que j'ai prises pour parer tout cela sans le désobliger.

Vous me parlez du départ de Kozlovsky pour Turin. S'il n'arrange pas l'affaire de ma croix (que j'ai été, par Dieu, bien sot de ne pas prendre de Lisakewitch à Cagliari), je ferai une carricature, autrement méchante, de la *latitude de* la Russie *).

*

Moscou, le 10 Mai 1815.

Hier, au moment où je me mettais en дрожки pour aller à Всесвятское, un postillon m'apporta deux paquets de vous avec un livre et notre № 64. J'ai sauté de joie. Il était impossible de recevoir une

*) Князь Козловскій, видно, уже и тогда былъ тученъ.

Библиотека "Руниверс"

lettre plus à propos. Je vous réponds que nous avons été bien joyeux de nous revoir, Marie et moi. Я тамъ загулялся, закурился и заболтался до вечера. Ils sont très bien logés là-bas. C'est sur la grande route de Pétersbourg, un passage continuel, et vous savez que la maman n'aime pas trop la solitude. Il y a un joli jardin, une volière que nous allons joliment peupler d'oiseaux, et pour commencer il y en a deux ou trois douzaines, qui chante à qui mieux-mieux. Cela amuse beaucoup Marie. Les fruits et les fleurs de l'orangerie sont aussi à leur disposition. Tout cela ne coûte que 1500 rb. jusqu'au mois d'Octobre, donc juste de la moitié de moins que la maison en ville qui coûtait 500 rb. par mois. Voilà la seule chose sage que le vieillard ait faite depuis qu'il est ici. Mon idée, mon cher ami, est de déménager là-bas; j'ai arrangé cela avec Marie, qui m'a sauté au cou en me remerciant. Et, mon Dieu, que ne ferai-je pour elle, pour la tranquilliser et lui faire supporter votre absence cruelle, mais nécessaire? Je vous assure que, malgré la peine que cela me fait de me séparer des miens, je le fais volontiers, quand je pense que c'est pour vous que je fais ce sacrifice, et qu'il y va de la tranquillité de votre femme.

Davidoff, à peine marié à la Шаховской, l'a quitté, et l'a quitté pour aller *à la guerre*. O! comme j'appuie, si vous saviez, comme j'appuie sur cette aventure pour prouver à Marie qu'elle est bien plus heureuse que la pauvre Davidoff et madame Gourieff; celle-là vient aussi à mon secours. Son mari part demain.

Ne vous étonnez pas que Jeannot [1]) voit rarement Marie: il est tout dans les délices de la paternité. Sa femme a mis au monde un fils Alexis, qui se porte bien, contre la coutume des enfants de Jeannot, mais qui est grand comme la botte de mon Костя. Jeannot, qui est toujours farceur, sort l'autre jour de sa chambre et dit au premier paysan qu'il rencontre dans la rue: Какъ тебя зовутъ?—Алексѣемъ.—Ступай за мною, голубчикъ. — Зачѣмъ?—Крестить моего новорожденнаго сына, а дамъ я ему твое имя.—Le paysan, fort étonné, s'arrête, hésite. Jeannot le traîne chez lui, la cérémonie se fait, et le paysan s'en va fort étonné d'être le compère d'un petit Nariskine, parent éloigné de Pierre-le-Grand. Jeannot prétend que cela porte bonheur, que la seule chose désagréable était que le paysan qui venait de dîner rottait l'ail et parfumait la chambre par en bas aussi.

*

[1]) Иванъ Васильсвичъ Нарышкинъ.

[2]) Дмитрій Александровичъ Давыдовъ, адъютантъ Ѳ. П. Уварова.

Библиотека "Руниверс"

En décachetant votre paquet № 67, la première chose que j'y vois était la lettre du comte Nesselrode pour ma tante. Il n'en fallu pas plus pour me faire soupçonner toutes les bonnes choses que vous m'annoncez vous-même. Je ne fus pas assez maître de moi pour méditer des surprises: le cas était trop heureux, trop grave. Je courus chez ma tante. Elle était heureusement seule. Знаете ли вы, тетушка, lui dis-je, что сегодня счастливѣйшій день моей жизни.—Что̀ такое?—Ваше дѣло кончено!—Какое дѣло? Elle se leve de sa chaise. Вамъ Государь жалуетъ пенсіонъ вмѣсто аренды по вашему желанію, и, кромѣ того, братъ выпросилъ вамъ 5000 р. единовременно для поправленія дѣлъ вашихъ. A mesure que je parlais, je voyais sa figure éprouver toute sorte d'agitation. Elle voulut se trouver de côté de ses images pour faire un signe de croix, elle tomba sur sa chaise. Des larmes de joie vinrent la soulager. Je lui lus la lettre du comte et la vôtre, car elle ne put le faire elle-même. Ну, dit-elle, брата твоего нѣтъ; такъ тебя вмѣсто̀ его обнимаю. Elle se jetta à mon cou. Ахъ, dit-elle, каюсь передъ Богомъ, передъ Константиномъ: я его не знала, не знала, какая у него душа. Иду въ церковь сейчасъ, молебенъ пѣть на колѣнахъ во-первыхъ за Государя, а тамъ за Константина.

Il faut voir ses agitations à présent? Что̀ дѣлать? Мнѣ вѣдь надобно писать *Нельроду* да и Государю; какъ же, мой батюшка, ну да ежели *Нельродъ*-то уѣдетъ изъ Вѣны, отвѣтъ мой не получитъ, вѣдь отымутъ пенсію.—Помилуйте какъ отнять?—Ну, да подумаютъ, что умерла; да полно, можно и умереть отъ такой радости. Ахъ ты мой Константинъ, ты мнѣ вмѣсто Якова Ивановича. Voilà ce qu'elle dit à tous ceux qui viennent la féliciter.

Mad. Berney chantait ici d'une voix roque dans l'opéra le Château de Monténégro: la bonne ou mauvaise action a tôt ou tard sa recompense. Or, cela s'adresse à vous et à la chère cousine plaideuse. Je désire que le tôt soit pour vous et, en considérations de la joie de ma tante, j'accorde *le tard* à la chère cousine.

Cet aimable furet de Tourguéneff prévient mes désirs: il m'ecrit déjà de tout cela, m'annonce l'envoie de ces 5000 r. pour ma tante et dit qu'il travaillera pour le reste.

Пожалуй, мой другъ, не забудь скрипичныя струны, кои я обѣщалъ Лодеру черезъ тебя достать.

*

Библиотека "Руниверс"

Moscou, le Mai 1815.

Oui, vous êtes destiné par le Ciel à être le bienfaiteur de toute votre famille et à remplacer cet homme incomparable que le Ciel nous a enlevé trop tôt. Mon coeur, comme le vôtre, doit sentir ce que vaut le bonheur suprême de tranquiliser à jamais la viellesse, d'assurer un état, une existance, et à qui? A une tante agée, qui a soigné notre enfance, qui nous à élévé et qui vous a prêté une assistance si généreuse dans ce malheureut procés!

J'ai reçu une charmante lettre du c-te Rastopsine qui en a reçu une de l'Empereur. Sa Majesté lui envoie la permission d'aller aux eaux. De là le comte ira au quartier-général. Vous le verrez probablement. Vous pourrez lui dire un mot pour moi; ensuite je suis sûr qu'il ne m'oubliera pas si l'occasion se présentait de faire quelque chose pour moi. La clef serait toujours bonne.

*

Москва, 13-го дня 1815.

Je n'ai pas encore fait ma fameuse déscente aux enfers. Il faut être un Hercule pour s'y resoudre si tôt, et je ne trouverai chez la chère cousine aulieu d'une Alceste que quelques femmes de chambre à face de carème. Quoique tout soit fini dans toutes les règles, comme vous le savez, l'отказъ au gouvernement d'ici n'est pas encore venu, et je n'attends que cela pour aller chez notre bonne amie.

Jeannot me conseille de ne pas y aller seul. Il lui fait trop d'honneur. Я и однимъ кулакомъ урезоню. Toute fois si elle me proposait une tasse de caffé, je la remercierais, son âme étant de la couleur du caffé. Il est doux de se dire que tout cela est fini.

Les gens de papa sont tous fous de joie; hélas, que ne vit ce pauvre et fidèle Акимъ и Кирилло! L'attachement pour moi du dernier m'était bien prouvé en différentes occasions. Il était plein de jèle, d'intelligence, allerte et courageux comme un lion. Je n'oublierai jamais que lorsque je fus fait prisonnier par les Français à Moscou, il crut devoir s'opposer seul avec moi contre 5000 Français. Il leur donna des coups et manqua être mis en pièce.

*

Wseswiatskoé, le 7 Juin 1815.

Je regrette beaucoup le pauvre Manso, mais avec ce corp d'éléphant comme le sien il pourrait difficilement atteindre l'âge de Mathusalem. Je regrette aussi Tatistcheff; s'il ne se corrige pas, il finira encore

Библиотека "Руниверс"

plus mal que Manso. Nous le verrons se reduire à l'état dans lequel s'est trouvé dans ce même Madrid Mourawieff-Апостолъ. На эти апостольскія штуки Татищевъ хвать, хоть кого перещеголяетъ. Vous me donnez un espoir bien consolant: c'est que, malgré vos déplacements continuels, vous ne cessez pas de nous écrire et même souvent. Kalinine est bien aimable, et je lui écris de temps en temps des lettres obligeantes pour le remercier de son exactitude; c'est par lui aussi que j'écris au comte Rastopsine que je suppose à Berlin.

*

Au quartier-général de tous les saints, сирѣчь

Всесвятское, le 24 Juin 1815.

Vous voyez, mon cher ami, que je me sépare volontièrement de ma femme et de mes enfants pour être avec Marie et pour tâcher de lui faire oublier votre absence. Si je pouvais faire plus, je le ferai. N'allez pas califier de sacrifice une chose que je fais pour la femme de celui qui m'est plus cher que tout au monde. La campagne, les enfants offrent à ma femme des adoucissements à notre absence; mais Marie sans moi serait triste, elle aurait vos lettres plus tard, et vos lettres sont tout pour elle. Elle est très raisonnable, et je vous assure que depuis qu'elle a dû renoncer à votre retour et qu'elle n'est plus ballotée entre la crainte et l'espérance, elle a pris bravement son parti et elle est beaucoup plus tranquille. Il nous arrive de rire toute la sainte journée. A présent c'est madame Faste qui en offre les occasions. У насъ отъ смѣха доходитъ иной разъ и до брани. Софья Сергѣевна превеселая и пресмѣшная. Elle est d'une grande ressource pour la société, fort complaisante, bonne, bien élévée, rieuse, bavarde, tout-à-fait l'opposé de son mari, et cependant ils sont très heureux, tous les deux s'aiment beaucoup. L'après-midi nous laissons des boules de savon. C'est à qui mieux-mieux. Да вѣдь какъ пускаемъ, съ балкона верхняго этажа, и шары такъ летаютъ высоко, что теряемъ ихъ изъ виду. Въ вечеру играемъ въ горѣлки. Hier il y avait plusieurs gens qui se sont arrêtés là en se promenant. Metaxa fesait le fier, le jeune homme et s'essoufflait en courant. Un des Grecs, pour lui donner sur le nez, s'est mis à courir et malgré ses 56 ans a dévancé l'Euhohotata qui fut caput. La partie s'anima; mais notre étonnement fut au comble, lorsque nous vîmes ces deux gris vieillards de 66 ans courir avec nous, да вѣдь какъ скоро! Faste ira de temps en temps à Pételino, sa femme restera à Всесвятское. Elle sera d'une grande ressource pour Marie, quand je suis chez Natalie, mais je ne suis absent que pour plus de trois, quatre jours.

*

Библиотека "Руниверс"

Всесвятское, le 4 Juillet 1815.

Славное, братъ, сдѣлалъ ты дѣло. Такихъ людей какъ Полетика надо было отыскивать, употреблять и анкуражировать. Поздравляю Барклая*), а ему здѣсь особенно припишу за его память обо мнѣ. Voilà donc votre cercle augmenté d'un garçon aimable.

Polética vous dira qu'en 1805 nous avons tout fait avec Tatischteff pour perdre le royaume de Naples, c'est à dire pour le détacher de Buonaparte et le jeter dans les bras de Lassy, Oppermann, Craig etc. etc. etc. Nous avons (moi et Polética) tracé le traité du 10 7-bre. Il est juste donc que le roi me donne le S-t Constantin, qui par dessus le marché est le nom d'un frère que j'aime tant. Faites, je vous prie, rappeler par vos canaux au duc sa promesse; moi j'en dis deux mots à Raddi aussi. Je suis très fort de l'avis de Polética qui n'adore pas les *boulets*. Ну что вы дипломаты суетесь, гдѣ не надобно? Дадутъ туза, не только не скажутъ спасибо, да еще и свои засмѣютъ. Il faut aimer les boulets à la manière d'Ott: chez lui les *boulets* sont les *poulets*; mais en revanche tous les poulets de dimanche au Prater sont transformés chez lui en *boulets* et, ma foi, ces derniers on ne les digère pas toujours.

*

Lundi, le 5 Juillet, quartier-général du Warlam.

Письма Киселева тотчасъ доставлены; вотъ и расписка и отвѣтъ его отца. M-lle Lise Kisseleff est dans la joie: elle vient d'être promise à m-r Milutine. Les parents s'y étaient opposé, car, quoiqu'assesseur et chevalier de Wladimir et fort bon garçon et très riche, il est fils des marchands. Les parents n'en voulaient pas pour gendre, tout en lui rendant justice. M-lle Lise s'est séquestrée du monde, ne sortait plus, ne voyait plus Milutine; mais elle déclara qu'elle n'épouserait jamais que lui. J'apprends que le changement dans les sentiments des parents est dû aux instance de votre Kisseleff, qui a pris le parti de sa soeur. Il a bien fait, car on dit dans toute la ville qu'elle sera très heureuse, car Milutine est très comme il faut et l'aime beaucoup sa promise. Спасибо Павлу Дмитріевичу.

Пакетъ Гизетію самъ вручу, car j'y vois le cachet du c-te Nesselrode. Ну, братъ, славно идутъ дѣла. Victoire à Belle-Alliance, 381 canons, l'armée dissoute, l'épée du paillasse de Charlemagne prise etc. etc. etc. Mais quel siècle, quels prodiges! Allez, Mille et une Nuit. Et vous, Métamorphoses d'Ovide, cachez-vous, après ce qui arrive sous nos yeux, tout de bon. Quelle plume pourra décrire l'histoire de cette

*) П. И. Полетика завѣдывалъ канцеляріей фельдмаршала Барклая-де-Толли.

Библиотека "Руниверс"

guerre Européenne de 4 ans? C'est à Pozzo à le faire, malgré ses deux glorieuses contusions. Mais chute! Faste prétend que B. n'est pas vaincu, puisqu'il n'est pas tué. C'est ridicule, si vous voulez, mais hélas! Pougatcheff n'a été vaincu que quand on l'a écartelé. Annoncez nous vite sa mort pour le repos de Faste. Après demain est un triste jour pour nous. Je vais au couvent*) avec ma tante et de là je vole chez Natalie, car le 8 c'est la fête de notre village.

*

Москва, 17 Іюля 1815 г.

Je reçois une lettre du comte Rast. de Berlin. Il va mieux et admire les Prussiens. Il est fêté partout et porté sur les bras.

*

Всесвятское, 19 Іюля 1815.

Ce qui me chipotte c'est que l'oukase n'était signé que par deux sénateurs. Tous les autres du 7-me département étant absents, on ne peut rien exécuter; car la loi demande trois signatures. Comme cette circonstance arrête j'exécution de plus de 200 affaires au Sénat et que Кушниковъ ne revient que dans deux mois, j'ai supplié m-r Aliabieff de faire une représentation à m-r Трощинскій d'ordonner прикомандировать третьяго сенатора изъ другого департамента, дабы подписать готовыя уже 200 дѣлъ, не исполняющіяся единственно по недостатку третьей подписи сенаторской. Cela pourra prendre trois semaines de temps, mais au reste nous n'y perdons rien; car je ne puis rien faire tant que je n'aurai pas votre довѣренность, que je vous ai envoyée pour signer. Au reste, tout cela sont des balivernes en comparaison de nos peines passées.

On dit que la cousine tremble que nous ne lui ôtions la terre de Нижній, pour laquelle elle n'a aucun document du feu papa. Oh! pour cela je lui ferai un peu peur: elle sera quitte de passer quelques nuits blanches. Ces malheureux paysans de Нижній qu'elle vexe ont manqué tuer son Мишка Косой, qui était venu prendre par anticipation l'оброкъ de l'année prochaine; ils se sont révoltés en criant: мы теперь Булгаковскіе, а не этой *кошки ободраной*! La cousine m'a fait déjà sonder au sujet de cette terre, j'ai répondu vaguement.

*

Всесвятское, le 2 d'Août 1815.

En revenant ici, j'aj trouvé vos deux lettres № 79 et 80, la dernière datée *nuovamente* de cette fameuse ville de Paris, qui est tantôt pour Dieu, tantôt pour le Diable, mais toujours pour qui en veut. Je

---

*) Въ Покровскій монастырь, гдѣ похороненъ Я. И. Булгаковъ. Могилу его теперь уже трудно тамъ отыскать.

Библиотека "Руниверс"

vous prépare cette lettre d'avance. Lundi nous avons le Te-Deum à la cathédrale avec des coups de canon. On a reçu à Pétersbourg la nouvelle de la prise de Paris. Bientôt après arriva le comte Chouvaloff avec celle de la prise de Buonaparte. Enfin la souris corse est tombée dans la sourissière anglaise! Слава Богу, mais moi je suis exigeant et ne serai tranquille que quand vous aurez pendu, mais tout-à-fait pendu, Bonaparte. Je vous prie donc de vous occuper de cet objet très essentiel pour la tranquillité de l'univers. Je conçois que Paris vous a paru tout autre. Les cris de vive le roi de la part d'une engeance pareille ne doivent produire que pitié et indignation.

Rendez moi un service essentiel. Loder, ce fameux bavard, rien que par extrême amour pour moi, s'est occuppé de Natalie depuis que ce fou de Keltz nous a quitté; il l'a remise sur pied par ses soins. La voilà fraîche comme une rose et bien portante. Tout cela grâce à Loder, tandis qu'il refuse des 500 r. pour aller aux consultations. Онъ никого не лѣчитъ, будучи слишкомъ озабоченъ должностію своею. Ты увидишь изъ его записки оригинальной, что̀ ему хочется. Сдѣлай, другъ любезный, милость, постарайся о семъ истинно почтенномъ Мадевейсѣ, о коемъ и гр. Ростопчинъ писалъ мнѣ много добра. Онъ извѣстенъ и Штейну и Гарденбергу, Гумбольду, Гнезенау и пр. Я увѣренъ, что это не встрѣтитъ затрудненія, если возмешься дружно. Ce sera pour moi excellente manière de m'aquitter envers Loder, qui se croirait offensé si je lui offrais la moindre chose.

*

Письмо профессора Лодера*).

Samedi, le 31 Juillet.

Comme monsieur votre frère est heureux d'être si près des événements mémorables de notre temps si mémorable! Cependant, quant à son séjour d'à présent, il ne pourra pas s'y plaire. La capitale d'une nation telle que la française ne saurait pas être agréable à un bon Russe comme lui et nous autres.

Mais à propos de monsieur votre frère! Ne serait-il pas possible de procurer par son intercession une grâce de notre Monarque à un de mes plus dignes et plus anciens amis, au conseiller privé de Prusse et directeur des postes de Koenigsberg, m. de Madeweiss. Peut-être ce nom

*) Профессоръ анатоміи въ Московскомъ университета, другъ Гёте, Лодеръ оказалъ человѣчеству большія услуги, завѣдуя въ 1812 году обширнымъ госпиталемъ, который былъ устроенъ въ Касимовѣ. Въ университетскомъ анатомическомъ театрѣ мы еще помнимъ надпись на стѣнѣ, сдѣланную по его распоряженію: „Руцѣ Твои сотвориста и создаста мя". П. Б.

Библиотека "Руниверс"

lui est-il connu, au moins par celui de son frère, qui a été assez longtemps ministre du roi de Prusse auprès de la cour de Stouttgardt. Mon ami est un homme des plus estimables en tout sens: honnête et actif, on ne peut pas plus; outre cela, plein d'esprit, instruit, aimable, complaisant, comme notre c-te Rostopsine, qui a été chez lui à Koenigsberg, en a jugé ainsi. Il est le premier directeur de postes, et je crois qu'il en est encore le seul, a qui le roi ait donné le rang et le titre de conseiller privé, en le récompensant de cette façon pour ses mérites distingués quant à l'arrangement des postes, qu'il avait fait en différentes parties de la Prusse. Il était autrefois directeur des postes à Halle, où j'ai vécu avec lui plusieurs années. Les Français, après s'être emparé de cette ville en 1807, l'ont traîné en France comme ôtage et l'on pillé à leur manière connue. Ayant perdu par-là toute sa fortune, il se soumettait plutôt à la nécessité de vivre deux ans ou plus dans l'indigence, que d'accepter une place considérable qu'on lui offrait dans le service du méprisable Jérôme, ci-devant roi de Westphalie. Son roi, qui l'estime beaucoup, lui donnait ensuite le poste qu'il a maintenant à Koenigsberg. Il n'a qu'un fils, qui, ayant assisté comme officier d'un régiment de fusiliers à presque toutes les batailles de la première et seconde campagne, se trouve dans le 4-me corps d'armée de Prusse, et sera sans doute à présent à Paris ou aux environs. Mon ami aime nos Russes avec enthousiasme, et il s'est toujours empressé de faire à nos couriers, de même qu'à tous nos voyageurs, toutes les politesses imaginables de la manière la plus désintéressée. Vous savez la manière charmante, comme le jeune Divoff avait par ses arrangements dévancé le courier français, qui était parti plusieurs heures avant lui de S-t Pétersbourg, de façon que Divoff, malgré tout cela, est arrivé a Paris la veille avant l'autre. L'Empereur lui a parlé plusieurs fois et l'a même remercié de ses attentions, ce que le grand-duc Constantin a fait aussi.

Ne serait-ce pas possible, qu'il pourrait être décoré de notre ordre de S-te Anne au cou? Cela coûterait un mot à monsieur votre frère, et ce serait une charmante surprise pour m-r de Madeweiss, qui ne peut pas avoir l'idée de s'y attendre. Je suis presque sûr que le c-te Nesselrode le connaît, étant connu de presque tous les ministres de notre cour et de celle de Berlin, de même que presque de tous les généraux de Russie et de Prusse, entre autres de Gneisenau, qui est très lié avec lui. Personne de tous ces messieurs ne semble pas y avoir pensé; sans cela il aurait eu depuis longtemps une décoration. Je désire que ce soit notre divin Alexandre, adoré par lui du fond de son coeur, qui distingue ce respectable homme. J'en serais aux anges, si cela se faisait.

*

Библиотека "Руниверс"

Всесвятское, 9 Августа 1815.

J'ai enfin le dessin de la poule merveilleuse à visage de femme. Je l'ai fait faire pour vous. Loder y a ajouté une petite description. Tout cela est à Moscou. Je l'ajouterai à cette lettre en la cachetant. Подлинно чудно. Я не вѣрилъ все, покуда самъ не видалъ; но и въ томъ признаюсь, что рисунокъ болѣе поражаетъ, нежели сама вещь. Курица эта здѣсь теперь въ Университетѣ, ожидая приказа министерства просвѣщенія. Умора видѣть страхъ профессоровъ, какъ трусятъ, чтобы курица не умерла у нихъ на рукахъ. Des curieux arrivent toute la journée pour voir la merveille, et vous voyez un grave professeur vous dire avec importance: venez une autre fois, la poule vient de manger *et dort*... Il s'est fâché contre moi, parce que la poule, qui m'entendait dire tipe! tipe! tipe! m'a volé sur l'épaule d'où je l'ai chassé. Elle pouvait, dit le recteur Heim, se faire mal. Чудаки господа Нѣмцы. У Гейма плутъ дворникъ продаетъ по 5 р. яйцо, увѣряя, что курица снесла и что такой же родится уродъ отъ яйца. Telles sont les prouesses de notre bonne ville. Au reste, je crois qu'à Paris il y aurait encore plus de farce.

*

Москва, 22-го Августа 1815.

Je ne sais d'où est venu le bruit ridicule que vous seriez ici directeur des postes. Vous vous rappelez de ce brave homme de Kelembeth. Il m'a dit l'autre jour qu'un employé de la poste lui avait dit: говорятъ, Василій Петровичъ, что вашъ пріятель Булгаковъ назначенъ сюда почтъ-директоромъ. J'ai assuré le bon K. que c'était une fable, qui n'avait même aucune vraisemblance, que vous n'y songiez même; parce que votre but serait une place dans l'étranger. Du reste c'est la première et la dernière fois que j'ai entendu parler de cela. Tant mieux. Je crois que les messieurs de la poste, n'aimant pas m-r Rounicz, ont imaginé cette fable. K. ajouta: ужъ коли вы не знаете ничего объ этомъ, такъ стало быть глупость.

*

Moscou, le 4 Octobre 1815.

Tourguéneff est fou; je lui ai adressé un homme qui doit prendre vos caisses et me les apporter ici. Deux fois T. ne s'est pas dit à la maison; à présent il m'écrit et se plaint que mon commissionnaire ne vient pas prendre les caisses. L'amour lui a tourné la tête. Je crois que ce mariage finira par s'arranger. И этотъ будетъ нашего полку. Il m'écrit que le gros Шаховской a fait une pièce Липецкія воды. Il a été la voir, il y a des saillies, mais beaucoup de longueurs et de l'ennuyeux. C'est une satyre contre le балладникъ Жуковской et Homère Ouvaroff. Жуковскій, en sortant de théâtre, s'écria:

Библиотека "Руниверс"

О чудо изъ чудесъ природы!
Онъ сотворилъ сухія воды.

Pour m-r Serge Homère, je l'abandonne à qui veut: il s'est tout-à-fait gâté. Je ne suis pas un Achille, il ne chantera mes fureurs, mais lui aussi n'est pas un Homère; certes, ce singe manqué de Châteaubriand.

*

Moscou, le 7 Octobre 1815.

J'étais invité hier à dîner chez le prince Youssoupoff; je ne croyais pas y rencontrer mon chef, le g-l Tormassoff, ni qu'en m'abordant il me disait: eh bien, m-r votre frère va revenir. Il m'a dit que l'Empereur le 1-er devait arriver à Berlin et qu'à la fin de ce mois S. M. serait à Pétersbourg.

*

Москва, 25 Ноября 1815.

Il est flatteur d'être chevalier de l'ordre d'un prince qui fait si peu de façon pour ôter à un Murat sa couronne et sa tête avec. Cela s'appelle: d'une pierre deux coups. Ай да мой Фердинандъ! Вспомнилъ меня, вспомнилъ, что у него въ 1805 году такъ мало было надежныхъ слугъ, что бѣдный Булгаковъ днемъ работалъ для Татищева, а ночи сидѣлъ у маркиза Чирчелло, работая для короля. Je vous avoue qu'il est agréable de porter un ordre qu'on a déjà mérité. Je devais dès lors l'avoir, mais on craignait de donner de l'ombrage à l'ambassadeur de France, Alquier. Le traité de 1805, 10 Septembre que Tatistcheff signa et que j'ai rédigé, moi avec Polética, m'assurait cette recompense. A propos, mon cher, n'oubliez pas qu'il me faut un mot du comte Nesselrode pour la permission de porter cette croix. Теперь можно терпѣливѣе ждать попасться въ Лазари и Маврикіи. Говори что̀ хочешь, а Генварь*) не испортилъ бы никакого году. Славный орденъ. Давай больше крестовъ. У Кости грудь широкая, богатырская. Louis, deux fois veuf, devait absolument vous donnez une croix ou bien une bonne boîte de 25000 francs. Mais ce n'est pas comme notre Ferdinand, qui d'une main fusille les scélérats et de l'autre recompense les honnêtes gens, tandis que Ney vit encore. Mais si le roi tarde à pendre Ney, c'est Ney qui pendra le roi. Мерзкое отродье! Je suis enchanté que vous ayez donné aux amis Waniche et Schröder les bourses à tabac. Natalie approuve parfaitement cela, а мѣшку право стоитъ принадлежать такимъ курильщикамъ и такимъ пріятелямъ.

---

*) Т. е. орденъ Св. Януарія.

Библиотека "Руниверс"

Vous me parlez de Tourguéneff. Hélas, je le connais assez, lui, ses bonnes et ses mauvaises qualités. Это письмо не черезъ него шло, боясь чтобы онъ, en son délire amoureux [1]), n'en fasse quelqu'autre usage.

*

Москва, 6-го Декабря 1815.

Вчера 101 выстрѣлъ изъ Кремлевскихъ пушекъ возвѣстилъ прибытіе Государя Императора въ Петербургъ. Chacun avait sa portion de joie, mais la mienne était, je crois, la mieux conditionnée, mon cher ami, puisqu'elle m'annoncait votre retour aussi. J'étais chez Tourguéneff quand l'estafette arriva. Dans une demie heure toute la ville était remplie de la joyeuse nouvelle. J'ai couru tout de suite l'annoncer au cher ami Wolkoff, qui est malade. Cette nouvelle l'a ranimé, car il y croit la fin de ses souffrances et de son service qu'il a en horreur; en effet la perte totale de sa santé et de sa petite fortune après 22 ans de service actif et une blessure qui le tourmente, tout cela ne lui a valu que l'agrément d'être de plus ancien colonel de la Russie. Il regardera son congé comme une grâce particulière et s'il n'a pas avec cela la pension et le rang de général, il se mettra à labourer la terre, et ses amis l'aideront.

*

Москва, 20-го Декабря 1815.

Едва прочелъ я вчера письмо отъ Марьи Любимовны[2]), какъ былъ обрадованъ твоимъ отъ 13-го числа подъ № 107. Какъ быть, любезный братъ, всѣ меня уговариваютъ слетать въ Петербургъ, даже Марица. Il lui paraît que cela hâtera votre arrivée ici. On jette de l'huile sur des charbons ardents. Je vous avoue que je meurs d'impatiance de vous embrasser, mais je me garderai bien de le faire appercevoir à Marie: ce serait augmenter son impatience. Je lui donne pour prétexte le tout plein d'affaires. J'ai même une invitation de la part du comte Rostopsine. Je croyais éprouver une terrible résistance, au lieu de cela Marie me presse de partir, mais de partir vite ou pas du tout, et en cela elle a raison. Natalie de même m'engage à faire ce voyage. Elle conçoit le plaisir que j'aurai de vous embrasser deux semaines plus tôt, et d'ailleurs j'ai un devoir sacré à remplir vis-à-vis de notre bienfaiteur Alexéjeff. Enfin, mon cher, j'ai la tête tournée, et je crois que je succomberai à la tentation. Mon grand désir serait de ne voir à Pétersbourg que les Alexéjeff, ma tante et Tourguéneff, si faire se peut, d'arriver et de partir comme une chauve sourie.

---

[1]) А. И. Тургеневъ считался тогда женихомъ дѣвицы Саблуковой.

[2]) Мартыновой, тетки Булгаковыхъ по ихъ матери.

Библиотека "Руниверс"

Dites à Tourguéneff ne pas imprimer autant de Bible: le fameux joueur de billard le prince Metchersky est devenu fou à force de lire le Nouveau Testament. Et le pauvre качай старикъ, le vieux prince Basile est devenu aussi fou. Il m'a demandé hier si on avait déjà fusillé Barklay, confondant notre maréchal avec le marechal Ney. Je lui ai demandé quel était le crime de Barklay, il a répondu qu'il avait couronné Buonaparte à l'île de S-te Helène. Il ne sait plus ce qu'il dit, жалокъ, бѣдный. Je lui ai dit: качай старикъ. Cela l'a fait rire, il ne fesait que répéter ces paroles sans se rappeller de leur signification. Cela n'empêche pas que je l'aime cependant de tout mon coeur. Je sais ce que nous lui devons et je sais combien il est zélé dans les cas graves et essentiels.

Je crois que vos lettres retiendront ici le vieillard sans que je sois là pour l'empêcher de partir. Ditez lui que sa présence à Petersbourg est pour le moment inutile et par des raisons que vous lui expliquerez, quand vous vous verrez. Moi, je lui glisserai que sûrement l'Empereur vient à Moscou, en allant à l'armée de Moldavie. En voilà assez pour lui tourner la tête et le réduire à la patience. L'envoi de Kisseleff en Bessarabie lui a déjà monté la tête sur la guerre avec les Turcs. Au reste, c'est même un peu le bruit de la ville, que l'Empereur viendra ici sous peu. Marie ne se payera pas si bien de ces raisons, mais à Marie je répète toujours: ma chère amie, le voilà déjà *en Russie*, un peu de patience encore; vous avez attendu un an, attendez encore quelque jours.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ МОЕЙ СТАРИНЫ.

Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго *).

Наконецъ наступилъ столь памятный для меня 1838 годъ, когда осуществилась моя завѣтная мечта: родители мои въ концѣ концовъ согласились, чтобы я вступилъ на военную службу. Подано было объ этомъ прошеніе, и весной вышелъ приказъ, что я зачисленъ юнкеромъ въ полкъ, которымъ командовалъ мой дядя князь Ливенъ, а именно въ Оренбургскій Уланскій полкъ 6-й кавалерійской дивизіи 6-го корпуса.

Начались приготовленія моей заботливой матушки о моемъ снаряженіи. По этому важному въ нашей семейной жизни случаю, она конечно выказала всю свою материнскую любовь и попеченіе, входила во всѣ мелочи, все предусмотрѣла, даже сама наняла для меня хорошаго камердинера, которому дала надлежащее наставленіе. Мой добрый братъ Борисъ ей помогалъ во всемъ и самъ снабжалъ меня всѣмъ возможнымъ, при чемъ купилъ мнѣ пару прекрасныхъ пистолетовъ. Можно было бы въ самомъ дѣлѣ подумать, что война уже объявлена и что меня снаряжаютъ въ дальній и трудный походъ, между тѣмъ какъ мой полкъ стоялъ въ разстояніи не болѣе ста верстъ отъ Москвы, въ г. Коломнѣ.

Согласно распоряженію моего дяди, командира полка, я долженъ былъ явиться къ эскадронному командиру учебнаго эскадрона, находившагося въ Москвѣ въ казармахъ Колымажнаго двора. Эскадронный командиръ принялъ меня очень любезно и сообщилъ, что онъ получилъ приказаніе отъ полкового командира обмундировать меня въ эскадронной швальнѣ и что для этого мнѣ необходимо будетъ доставить ему достаточное количество солдатскаго сукна, такъ какъ въ ихъ полку строго запрещено юнкерамъ носить тонкое сукно. Затѣмъ онъ послалъ за унтеръ-офицеромъ закройщикомъ, который снялъ съ меня

---

*) См. выше, стр. 392.

Библиотека "Руниверс"

мѣрку. Простившись со мной, онъ приказалъ мнѣ, когда я буду обмундированъ, явиться къ нему.

Сукна я купилъ гвардейскаго (которое, хотя и весьма толстое и грубое, но все-таки лучше армейскаго) оставилъ его въ эскадронной швальнѣ и немного времени спустя долженъ былъ придти въ казармы для примѣрки. Признаюсь, первое ощущеніе, когда я облачился, было весьма жуткое: я былъ страшно стянутъ въ тальѣ, а шею мою, въ высокомъ (на 4-хъ крючкахъ), непомѣрно-жесткомъ воротникѣ, душило совершенно какъ въ тѣсномъ собачьемъ ошейникѣ. Когда я указалъ на эти недостатки унтеръ-офицеру закройщику, то онъ мнѣ отвѣчалъ, что это такъ по формѣ должно быть, и повелъ меня къ эскадронному командиру на осмотръ.

Когда мы пришли къ командиру, онъ тщательно меня осмотрѣлъ и на мое замѣчаніе, что мнѣ грудь и талью нѣсколько жметъ, а воротникъ такъ тѣсенъ, что меня душитъ, приказалъ распустить грудь и талью, но воротникъ нашелъ превосходнымъ и совершенно по мѣркѣ. Надо было покориться. Впослѣдствіи я терпѣлъ отъ этого воротника настоящую пытку, терпѣлъ не жалуясь и полагая, что необходимо пережить ее съ мужествомъ, свойственнымъ военному человѣку, какимъ я уже себя считалъ.

Когда все было готово, мой инструкторъ, унтеръ-офицеръ, преподалъ мнѣ на первомъ моемъ урокѣ, какъ слѣдуетъ отдавать честь офицерамъ. Я живо помню до сихъ поръ, съ какимъ страннымъ и пріятнымъ душевнымъ волненіемъ я въ первый разъ воспользовался этимъ урокомъ, сдѣлавъ фронтъ встрѣтившемуся мнѣ на улицѣ офицеру.

Мнѣ помнится хорошо, какъ именно въ этотъ день, облекшись въ свою новую военную форму, въ которой я пошелъ въ первый разъ по улицамъ Москвы, чтобы показаться своей тетушкѣ Марьѣ Ивановнѣ Гончаровой, неожиданно встрѣтилъ я въ какомъ-то глухомъ переулкѣ офицера, и какъ немедленно, остановясь, я отдалъ ему честь по всѣмъ преподаннымъ мнѣ правиламъ. Въ то время отдавали офицерамъ честь совсѣмъ не такъ, какъ теперь: нужно было, замѣтивъ издалека идущаго навстрѣчу офицера, шаговъ за десять разстоянія до него, остановиться, повернуться быстро на каблукахъ къ нему лицомъ и, вытянувшись въ струнку и держа руки по швамъ, прослѣдить его глазами и послѣ того, вновь быстро повернувшись на каблукахъ, продолжать идти своей дорогой.

Библиотека "Руниверс"

Признаюсь откровенно, мнѣ очень понравился этотъ военный обычай.

Когда я продолжалъ свой путь послѣ встрѣчи съ офицеромъ, мнѣ почему-то показалось, что въ этомъ почтительномъ привѣтѣ совершенно незнакомому человѣку заключается не только какое-то нелишенное достоинства проявленіе уваженія къ старшему, но что въ немъ еще кроется какое-то выраженіе дружбы и пріязни встрѣчаемому, хотя и незнакомому брату - солдату, но товарищу по оружію или службѣ; а эта мысль такъ хорошо вторила моему радужному настроенію, что была въ сущности причиной моего, можетъ быть, слишкомъ дѣтскаго восторга.

Мой эскадронный командиръ оказался большимъ педантомъ: онъ требовалъ, чтобы я всякій день былъ на ученіи въ манежѣ въ 9 часовъ утра, а такъ какъ казармы отстояли отъ нашего дома по крайней мѣрѣ въ трехъ верстахъ, а на извощикѣ я ѣздить не смѣлъ (было строжайше запрещено въ то время юнкерамъ ѣздить въ экипажахъ), то я долженъ былъ утромъ довольно рано вставать, чтобы поспѣвать пѣшкомъ во̀ время въ казармы на Колымажный дворъ. Упражненія верхомъ меня очень забавляли, потому что я ѣздилъ не хуже всякаго офицера; но пѣшія ученья мнѣ не нравились и меня утомляли. Командиръ требовалъ отъ меня службы во всемъ наравнѣ съ нижними чинами, кромѣ развѣ только того, что я былъ избавленъ отъ чистки лошадей и уборки навоза. Я все исполнялъ съ охотой. Изъ числа служебныхъ обязанностей менѣе забавною мнѣ показалось дежурство въ казармахъ, а въ особенности въ конюшнѣ.

По этому поводу я вспоминаю одинъ оригинальный совѣтъ, преподанный мнѣ моимъ бывшимъ преподавателемъ Латинскаго языка, какъ мнѣ избавиться отъ скуки во время моего дежурства по конюшнѣ. Этотъ ученый профессоръ и идеалистъ, влюбленный въ своихъ классиковъ, зашелъ какъ-то ко мнѣ, по старой дружбѣ, чтобы узнать, какъ мнѣ живется на службѣ царской. Когда я ему, между прочимъ, упомянулъ на счетъ своихъ военныхъ занятій о томъ, что тѣ сутки, которые я провожу на конюшнѣ во время дежурства, мнѣ кажутся нескончаемыми, онъ у меня спросилъ: «Что же вы дѣлаете въ это время»?»—«Лежу на сѣнѣ въ конюшнѣ и ничего не дѣлаю»!—«Ахъ», сказалъ онъ наивно, «чтобы вамъ взять съ собою Горація! Нынче есть маленькія стереотипныя изданія; вамъ очень легко было бы носить съ собою въ карманѣ». Я живо представилъ себѣ оригинальную картину этого небывалаго въ жизни военнаго человѣка случая, а именно:

Библиотека "Руниверс"

юнкера, лежащаго на большой кучѣ сѣна въ конюшнѣ и читающаго по-латыни великаго древняго поэта. Хорошій былъ человѣкъ этотъ, влюбленный въ своихъ классиковъ, латинистъ! Мнѣ понравился его совѣтъ по своей оригинальности, но мнѣ не пришлось ему послѣдовать, потому что я былъ слишкомъ развлеченъ новыми своими обязанностями. Я фактически не могъ въ конюшнѣ достаточно сосредоточиться, чтобы читать Горація. Вѣдь читать Горація не легко даже дома, съ лексикономъ, а тѣмъ паче въ конюшнѣ.

Я не долго оставался въ Москвѣ: наступило время весеннихъ полковыхъ ученій, и дядя выписалъ меня къ себѣ въ Коломну.

Рѣшено было отправить меня на долгихъ, т. е. на хорошей тройкѣ, въ большой кибиткѣ, съ ямщикомъ, который брался, ночуя только одинъ разъ на полдорогѣ, доставить меня въ срокъ до мѣста. Тогда не было шоссейныхъ дорогъ въ Московской губерніи, кромѣ Петербургскаго тракта; вездѣ были грунтовыя дороги, довольно сносныя и мягкія, говоря относительно; по этой причинѣ, вѣроятно, мало встрѣчалось по дорогамъ не только рессорныхъ экипажей, но даже тарантасовъ, которые тогда считались немалою роскошью.

Я скоро собрался, простился съ Москвой, напутствуемый всѣмъ семействомъ и, взволнованный не менѣе моей матери и моего старшаго брата, съ которымъ я до того времени не разставался, выѣхалъ изъ Москвы.

Рѣдкая мать среди своихъ дѣтей не имѣетъ фаворита. Явленіе это очень часто не поддается простому объясненію; оно происходитъ отъ неуловимыхъ физіологическихъ и другихъ причинъ. Наша идеальная мать, напримѣръ, не могла быть подозрѣваема въ фаворитизмѣ, иначе сказать, въ несправедливости къ своимъ дѣтямъ; а между прочимъ все же ея сердце лежало болѣе ко мнѣ, чѣмъ къ прочимъ. Почему это было, я не могъ въ этомъ дать себѣ отчета, хотя я это чувствовалъ; да и сама матушка, если бъ ее о томъ спросили, вѣроятно не могла бы этого объяснить.

Изъ дома мнѣ, какъ оказалось, отпустили столько добра, что я самъ съ трудомъ помѣстился на чемоданѣ въ этой огромной ямской кибиткѣ, запряженной тройкой сытыхъ прекрасныхъ лошадей; въ ней же сидѣли на облучкѣ молодой, красивый парень-ямщикъ и новый мой камердинеръ Алексѣй.

Когда послѣ послѣднихъ объятій я сѣлъ и повозка тронулась, такой шумъ и трескотня пошли раздаваться по улицѣ, что можно бы-

Библиотека "Руниверс"

ло подумать, что ѣдутъ пожарные или артиллерія. Мнѣ случалось не разъ въ деревнѣ кататься на простой телѣгѣ, наложенной сѣномъ или на веревочныхъ переплетахъ, но тутъ я въ первый разъ испыталъ все неудобство ѣзды въ экипажѣ безъ рессоръ по Московской плохой мостовой. Въ началѣ я думалъ, что, какъ говорятъ въ простонародьи, Господу Богу душу отдамъ. Тряска была такая, что, казалось мнѣ, всѣ внутренности мои выскочатъ. Въ головѣ стоялъ страшный шумъ и, казалось, мозги мои ударялись о темя. Съ ужаснымъ нетерпѣніемъ я еле могъ, скрѣпя сердце, дождаться пріѣзда нашего къ Рогожской заставѣ, гдѣ мы остановились, чтобы по тогдашнимъ правиламъ записать имя проѣзжающаго.

Къ довершенію всего, мои пожитки и ящики отъ этой тряски сдвинулись съ мѣста и, собравшись по серединѣ обширнаго дна просторной кибитки, начали дѣйствовать на меня наступательно, посягая на мою личность и отдавливая мнѣ немилосердно ноги.

Оправившись и приведя въ порядокъ внутренность колесницы, мы весело, съ звонкимъ колокольчикомъ, покатили по мягкой дорогѣ; твердое мое сидѣнье на чемоданѣ замѣнилъ куль, туго набитый сѣномъ.

Я въ первый разъ въ жизни почувствовалъ себя вполнѣ самостоятельнымъ.

Сознаюсь, что хотя мнѣ тяжела была первая разлука съ родительскимъ домомъ, но когда мы, миновавъ подгороднія дачи, выѣхали въ чистое поле, я полною грудью сталъ дышать счастьемъ и свободой. Такъ въ юности впечатлѣнія, совершенно противуположныя, скоро смѣняютъ одно другое! Цѣлый рой веселыхъ думъ и радужныхъ надеждъ навѣвалъ мнѣ этотъ живительный деревенскій воздухъ.

Я началъ съ любопытствомъ разсматривать подробности окружающей меня мѣстности, для меня до того вовсе неизвѣстной. Влѣво отъ дороги, на пригоркѣ, возвышался цѣлый городокъ съ блестящими на солнцѣ золотыми куполами церквей и соборовъ, за высокой каменной стѣной. На мой вопросъ ямщикъ сообщилъ мнѣ, что это Рогожское кладбище, т. е. тотъ знаменитый раскольничій монастырь или, лучше сказать, притонъ начитанныхъ и богатыхъ раскольниковъ, о которомъ я слыхалъ. При взглядѣ на эти роскошныя строенія, странно мнѣ показалось, что эта секта, возникшая и существующая ради только одного невѣжества, не смотря на всѣ преслѣдованія, можетъ размножаться, крѣпнуть и богатѣть, вопреки существованію сельскихъ школъ, вліянію нашего духовенства и наконецъ неоспоримому, хотя

Библиотека "Руниверс"

медленному, прогрессу. Съ тѣхъ поръ прошло ровно 60 лѣтъ, а вопросъ этотъ остается, кажется, до настоящаго времени такимъ же темнымъ и необъяснимымъ какъ и тогда.

Когда мы проѣхали десятка съ два верстъ, начались тѣ огромныя луговыя, покрытыя живою зеленью пространства заливныхъ луговъ, называемыхъ Озерецкими, Дѣдновскими и Бронницкими, вдоль Москвырѣки, доставляющихъ большіе доходы землевладѣльцамъ и всему населенію: на нихъ собираютъ Москворѣцкое сѣно, которымъ снабжается вся Москва. Затѣмъ стали безпрестанно попадаться намъ большія и богатыя селенія, къ сожалѣнію нынѣ обнищавшія сравнительно съ тѣмъ временемъ, о которомъ я говорю, когда въ каждомъ дворѣ было отъ пяти до десяти лошадей.

Ночевать мы пріѣхали въ огромное селенье Озерки, въ весьма просторную и чистую избу, хозяинъ которой возилъ вольную почту, тогда существовавшую на этомъ богатомъ трактѣ.

Я очень удобно расположился на ночь и спросилъ самоваръ. Едва я усѣлся за столъ, какъ вошелъ ко мнѣ въ комнату какой-то отставной офицеръ, который, назвавъ свою фамилію, рекомендовался какъ проѣзжающій, на пути въ Москву изъ дальней губерніи. Онъ выражался хорошо, и весь видъ его былъ весьма приличенъ, такъ что я не могъ его не пригласить на чашку чая. Онъ оказался очень словоохотливымъ и неглупымъ человѣкомъ, много меня разспрашивалъ обо всемъ до меня относящемся и много мнѣ разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ, въ особенности съ прекраснымъ поломъ. Время летѣло въ пріятной бесѣдѣ, и было уже далеко за полночь, когда онъ мнѣ прекрасно продекламировалъ страстное стихотвореніе Языкова о Цыганкѣ. Кончилась наша бесѣда тѣмъ, что онъ у меня попросилъ денегъ на дорогу.

Признаюсь, эта неожиданная развязка меня сконфузила; но я не потерялся, смекнувъ тотчасъ, съ какого рода человѣкомъ я провелъ вечеръ и что стѣсняться съ нимъ мнѣ не слѣдуетъ, вслѣдствіе чего я вынулъ при немъ все что̀ было у меня мелочи въ кошелькѣ (рубля полтора) и великодушно ему отдалъ. Онъ принялъ и простился со мною съ видимымъ разочарованіемъ. До очевидности замѣтно было, что онъ разсчитывалъ поэксплоатировать меня гораздо шире, полагая, что въ молодые годы я отъ легкомыслія или другихъ причинъ буду щедрѣе.

На другой день я выѣхалъ очень рано утромъ, такъ что новаго своего знакомаго не видалъ; хотя онъ стоялъ въ той же избѣ, какъ

Библиотека "Руниверс"

и я, но въ другомъ отдѣленіи. Погода стояла превосходная, городъ Бронницы мнѣ очень понравился своимъ мѣстоположеніемъ; мы переѣхали черезъ Москву-рѣку по плашкоутному мосту.

Мнѣ помнится, что, проѣхавъ мостъ, когда мы стали шагомъ съ трудомъ подниматься на весьма крутой и высокій противуположный берегъ (я сѣлъ на повозку бокомъ, спустивши ноги, при чемъ человѣкъ шелъ пѣшкомъ, а кучеръ соскочилъ и далъ мнѣ держать вожжи), намъ повстрѣчалась цѣлая группа весьма миловидныхъ дѣвушекъ въ очень живописныхъ и опрятныхъ нарядахъ, засмотрѣвшихся, какъ мнѣ показалось, на меня съ видимо кокетливыми улыбками и даже, уходя, обернувшихся назадъ, чтобы еще разъ взглянуть въ мою сторону, при чемъ старшая изъ нихъ что-то такое даже мнѣ сказала. Такой наивный деревенскій комплиментъ должно быть такъ польстилъ моему самолюбію, хотя онъ исходилъ отъ простыхъ крестьянокъ, что я объ немъ помню и до сихъ поръ. Происшедшее было такъ мгновенно, неожиданно и ново для меня, что я даже не сумѣлъ догадаться послать этимъ красоткамъ поцѣлуй, а сидѣлъ какъ застывшій, только сильно покраснѣлъ и, чтобы оправиться, сдвинулъ свою солдатскую ѳуражку нѣсколько больше на бекрень.

Мы прибыли въ Коломну поздно вечеромъ, прямо къ моему дядѣ, который жилъ въ небольшомъ одноэтажномъ домѣ съ большимъ тѣнистымъ садомъ. Когда мы подъѣхали къ крыльцу, у котораго стоялъ часовой при полковомъ ящикѣ, то въ домѣ было еще освѣщено; когда же обо мнѣ доложили дядѣ, то онъ приказалъ мнѣ сказать, что онъ занятъ, что по случаю поздняго часа онъ не можетъ меня принять, а чтобы я явился къ нему на другой день.

Признаюсь, послѣ тѣхъ родственныхъ отношеній, которыя установились между нами, когда онъ останавливался неоднократно у насъ въ домѣ въ Москвѣ, этотъ пріемъ меня больно огорчилъ, тѣмъ болѣе, что именно его родственное обращеніе и продолжительныя бесѣды со мной имѣли на меня большое вліяніе и оказывались во многомъ причиной моего упорнаго и горячаго желанія служить въ военной службѣ.

По распоряженію дяди, меня проводили въ приготовленную мнѣ квартиру въ маленькомъ флигелѣ, находившемся въ самомъ тѣнистомъ мѣстѣ сада и состоявшемъ изъ двухъ комнатъ, весьма скромно омеблированныхъ, изъ которыхъ одна предназначалась для меня, а другая для моего человѣка.

Библиотека "Руниверс"

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ холоднаго пріема дяди, я долго не могъ заснуть. Наши ночныя думы однако бываютъ часто для насъ хорошими совѣтниками и съ избыткомъ вознаграждаютъ за томительные часы безсонницы. Такъ было и со мною въ эту ночь. Мало-помалу тяжелое мое впечатлѣніе исчезло, по мѣрѣ того какъ я раскидывалъ все разумомъ и попалъ наконецъ на ту истинную причину, которая побудила дядю такъ поступить со мною въ данномъ случаѣ. Очевиднымъ сдѣлалось для меня, что онъ сразу хотѣлъ поставить наши отношенія не на родственную только ногу. Я въ дѣйствительности въ то время былъ не что иное, какъ нижній чинъ. Дядя по всей вѣроятности хотѣлъ на первыхъ же порахъ дать мнѣ почувствовать значеніе военной дисциплины, разстояніе, существующее между нами, и установить этотъ новый для меня порядокъ, не тратя на объясненія лишнихъ словъ.

На другой день я представился къ нему въ солдатской курткѣ, въ огромныхъ солдатскихъ желѣзныхъ шпорахъ, бряцанье которыхъ, между прочимъ, приводило всегда меня въ восторгъ и, вошедши въ комнату къ дядѣ, не подходя, я вытянулся и сталъ какъ слѣдуетъ во фронтъ. Тогда дядя всталъ, подошелъ и крѣпко обнялъ меня.

Послѣ того онъ усадилъ меня и много разспрашивалъ о нашемъ семействѣ, въ особенности о моей матери, которую онъ высоко чтилъ и уважалъ. Въ заключеніе онъ мнѣ объявилъ, что я зачисленъ въ третій эскадронъ, но что я пока не войду въ составъ этого эскадрона, а буду находиться въ учебной командѣ, которая находится въ Коломнѣ подъ командою ротмистра Ашанина. При этомъ онъ далъ мнѣ приказаніе ежедневно въ 9 часовъ утра быть на ученіи, а къ нему являться всякій день къ обѣду и вечернему чаю; изъ города же никуда не отлучаться безъ особаго его разрѣшенія.

Не въ укоръ моему дядѣ будь сказано, сначала эти обѣды у него были для меня невыносимы, потому что ѣсть затянутому въ толстое солдатское сукно, какъ въ деревянный корсетъ, было страшно неудобно и чѣмъ сильнѣе аппетитъ, тѣмъ тяжелѣе. Мнѣ помнится, что единственнымъ утѣшеніемъ тогда въ моей горькой участи служило для меня то. что за кофеемъ послѣ обѣда всегда всѣмъ подавали трубки съ превосходнымъ Турецкимъ табакомъ, которую дома я до того времени не смѣлъ курить; между тѣмъ я до Турецкаго табаку былъ большой охотникъ. Вдобавокъ еще, курить трубку вмѣстѣ съ командиромъ и приглашенными къ обѣду офицерами мнѣ казалось въ мои лѣта особенно солидно и почетно.

Библиотека "Руниверс"

Обѣдало ежедневно не болѣе двухъ лицъ: то адъютантъ дяди, поручикъ Альбрехтъ, прекрасный молодой человѣкъ съ Георгіевскимъ крестомъ, большой приверженецъ Французской литературы, артистъ на гитарѣ и неутомимый на службѣ; затѣмъ полковой казначей Ганъ, анекдотистъ и острякъ, и полковой квартирмейстеръ Фаминценъ, а иногда и какой нибудь изъ офицеровъ пріѣзжавшихъ изъ эскадроновъ въ штабъ полка по дѣлу.

Дядя мой былъ одинъ изъ такихъ людей, которые и тогда были на рѣдкость, а въ настоящее время ихъ вовсе нѣтъ. Сынъ князя Ливина, бывшаго важнымъ лицомъ въ Военной Коллегіи при Павлѣ и потомъ при Александрѣ I-мъ, Нѣмецъ по рожденію, стало-быть изъ числа такъ называемыхъ у насъ Остзейскихъ бароновъ, гордый и высокомѣрный, онъ до того обрусѣлъ, что ненавидѣлъ все Нѣмецкое, превосходно владѣлъ Русскимъ языкомъ и въ минуты запальчивости или гнѣва называлъ *настоящимъ Нѣмцемъ* то лицо, которое хотѣлъ оскорбить, считая то высшимъ браннымъ словомъ. Вотъ каковы были въ то время нѣкоторые изъ нашихъ Остзейскихъ бароновъ! Теперь я, кажется, не ошибусь, если скажу, что этому никто не повѣритъ.

Огромнаго роста, атлетическаго сложенія, съ чрезвычайно мужественнымъ выраженіемъ лица, дядя на своемъ чудномъ конѣ «Антарѣ» представлялъ въ самомъ дѣлѣ собою настоящее изображеніе древняго рыцаря.

Его характеръ былъ совершенно сходенъ съ его наружностью: въ немъ было много рыцарскаго. Онъ былъ суровъ, не словоохотливъ, но мечтателенъ и способенъ восторгаться высшими идеалами, разумѣется въ особенности женскими. Онъ доводилъ свою преданность государю до какого-то культа. Онъ былъ добръ, но строгость его по службѣ доходила до крайней суровости.

На другой же день по пріѣздѣ я началъ ходить ежедневно на ученье въ манежъ, который былъ за городомъ верстахъ въ трехъ отъ нашего дома. Ротмистръ Ашанинъ, мой командиръ, маленькій человѣкъ, очень смуглый, съ длиннѣйшими черными усами, концы которыхъ были нафабрены спицами, очень походилъ на чернаго таракана. Онъ всегда страшно кричалъ и суетился на ученіяхъ.

Не безъ курьезовъ обходились у насъ пѣшія ученья, т. е. выправка и шагистика, столь мнѣ несимпатичныя. Эту премудрость преподавалъ намъ унтеръ-офицеръ, побывавшій въ образцовомъ полку въ Петербургѣ, стало-быть дока, своего рода профессоръ, не только

Библиотека "Руниверс"

знавшій до тонкости фронтовое дѣло, но и изучившій вполнѣ всѣ техническія выраженія и самыя красивые обороты этой своеобразной солдатской литературы.

Такъ, напримѣръ, мнѣ помнится, что, водя насъ фронтомъ до изнеможенія взадъ и впередъ, тихимъ учебнымъ шагомъ въ три пріема, онъ иногда останавливалъ насъ, чтобы намъ дать передохнуть, рисовался передъ фронтомъ и развязно, но докторальнымъ тономъ, преподавалъ намъ совѣты, высокопарно въ родѣ слѣдующаго, къ сожалѣнію единственнаго, который не изгладился изъ моей памяти: «вы старайтесь всѣми средствіями и силами... но не упираясь на оное».

Когда же онъ занимался такъ называемой *выправкой*, то проходилъ по фронту, останавливался подолгу передъ каждымъ солдатомъ, то подымая, то опуская ему подбородокъ, затѣмъ выправляя ему то одинъ бокъ, то другой, или приказывая ему убрать животъ или выпятить грудь. Покончивъ наконецъ всѣ эти манипуляціи, онъ становился передъ фронтомъ и повторялъ убѣдительно и даже съ упрекомъ: «Зачѣмъ вы тянетесь? Зачѣмъ тянуться?... Стойте непринужденно»... Какъ будто въ самомъ дѣлѣ человѣкъ можетъ непринужденно и покойно стоять въ такомъ неестественномъ положеніи!

Скоро моя жизнь у дяди установилась въ такомъ непремѣнномъ порядкѣ: утро занято ученьемъ; обѣдалъ я у дяди всегда въ три часа; затѣмъ дядя отдыхалъ, а я отправлялся къ себѣ и много читалъ, благодаря цѣлой библіотеки, которой снабдила меня моя матушка; наконецъ вечерній чай въ 9 часовъ у дяди, у котораго я и оставался до 11 часовъ.

Когда мы вечеромъ оставались вдвоемъ, дядя съ карандашемъ въ рукѣ показывалъ мнѣ составъ эскадроновъ и военныя построенія.

Вскорѣ я познакомился со своими товарищами-юнкерами, которыхъ было немного въ полку. Они всѣ были очень порядочные люди съ приличнымъ воспитаніемъ.

Сошелся я болѣе съ тремя изъ нихъ: съ княземъ Евгеніемъ Черкаскимъ, съ Фитингофомъ, замѣчательно красивымъ молодымъ человѣкомъ; онъ обладалъ прекраснымъ теноровымъ голосомъ, былъ весельчакъ и страшный повѣса. Третій юнкеръ, былъ Кошелевъ, сынъ Рязанскаго помѣщика, весьма образованный и солидный молодой человѣкъ, очень некрасивой наружности, но умный и пріятный. Когда я перешелъ въ гвардію, то потерялъ совершенно его изъ виду и сорокъ лѣтъ спустя встрѣтилъ его случайно на Прусской границѣ въ

Библиотека "Руниверс"

Вержболовѣ, гдѣ онъ находился уже давно начальникомъ одной изъ самыхъ важныхъ нашихъ таможень.

Съ офицерами полка я познакомился позже; они всѣ меня радушно принимали. Что́ меня особенно расположило къ нимъ, это то, что въ сношеніяхъ со мною, какъ съ племянникомъ полкового командира, я не замѣтилъ съ ихъ стороны никакой лести, а только самыя откровенныя товарищескія отношенія. Меня немало удивило то обстоятельство, что почти половина всего комплекта офицеровъ были Поляки и что они рѣшительно ничѣмъ не отличались отъ Русскихъ офицеровъ, которые съ ними обходились совершенно по-товарищески въ то время, какъ у всѣхъ еще такъ жива была память о недавней кровавой войнѣ и о взятіи Варшавы.

Когда кончилось возстаніе Польши въ 1863 г. мнѣ очень часто приходилъ на умъ вопросъ: почему Поляки послѣ столь энергическаго и кроваваго укрощенія перваго ихъ возстанія въ 1831 г. обратились въ такихъ *кроткихъ*, что мы Русскіе не могли замѣтить въ нихъ никакого чувства злобы, обособленности, мести или сепаратизма, тогда какъ послѣ укрощенія второго Польскаго возстанія, гораздо менѣе кроваваго, отношенія Поляковъ къ намъ Русскимъ сдѣлались совершенно иными и остались таковыми до сего времени?... Не отъ того ли, что, начиная съ 1848 года, когда общее революціонное движеніе, охватившее Европу, проникло въ Польшу, между нашими правителями края не было единства и никакой опредѣленной системы; кромѣ того, туда назначались такія лица, какъ графъ Ламбертъ, генералъ Потаповъ, Альбединскій и другіе, зараженные полонизмомъ или маніей либерализма.

Впослѣдствіи я узналъ, что мой дядя, полковникъ гвардіи и флигель-адъютантъ, какъ человѣкъ строгій и пользующійся полнымъ довѣріемъ государя, былъ назначенъ командиромъ этого полка, чтобы его исправить, потому (какъ говорили) что духъ офицеровъ этого полка неблагонадеженъ и дисциплина въ немъ была распущена. Я это обстоятельство объяснилъ себѣ присутствіемъ въ числѣ офицеровъ многихъ Поляковъ, такъ какъ этотъ элементъ всегда и вездѣ вноситъ съ собою смуту и недовольство. Если въ самомъ дѣлѣ когда-то этотъ корпусъ офицеровъ былъ зараженъ какимъ нибудь духомъ вольнодумства или неповиновенія, то надо сознаться, что рѣшительно не оставалось въ полку никакихъ слѣдовъ его, когда я поступилъ.

Это чудо преобразованія дядя совершилъ, какъ видно, въ короткое время, такъ какъ онъ принялъ этотъ полкъ не болѣе трехъ лѣтъ

Библиотека "Руниверс"

тому назадъ. Впрочемъ мнѣ разсказывали, что въ первый годъ его командованія съ нимъ былъ случай одного серьезнаго столкновенія съ офицерами. Онъ какъ-то на полковомъ ученьи погорячился, чтò съ нимъ случалось нерѣдко, и громко передъ фронтомъ накричалъ на офицеровъ. Послѣ ученья всѣ офицеры пришли къ нему *(in corpore)* съ намѣреніемъ потребовать отъ него извиненія. Дядя ихъ принялъ, но вышелъ къ нимъ при саблѣ. Чтò именно произошло между дядей и офицерами, мнѣ подробно не удалось узнать; но, повидимому, офицеры не имѣли духу высказать своего намѣренія, и оказалось, что съ тѣхъ поръ никогда подобной попытки ими не было повторяемо.

Осенью весь полкъ отправился на маневры въ Москву и расквартированъ былъ въ селѣ Хорошóвѣ, на берегу Москвы-рѣки, близъ Ходынскаго поля, на которомъ производились маневры. Во время похода я всегда стоялъ въ одной избѣ съ полковымъ адъютантомъ, а обѣдать ходилъ къ дядѣ.

Какъ памятенъ мнѣ до сихъ поръ этотъ первый мой походъ съ полкомъ въ Москву!... Эти впечатлѣнія можно, за исключеніемъ разумѣется внѣшнихъ и другихъ условій, сравнить съ впечатлѣніями молодой барышни на первомъ ея балѣ. Все меня приводило въ восторгъ: начиная съ моей чудной лошади, только что купленной мнѣ дядей по порученію моего отца, и вся эта походная, словно въ военное время, воинственная обстановка; наконецъ то немаловажное для меня обстоятельство, что я въ первый разъ ѣхалъ передъ взводомъ за офицера. Но то, чтò произвело на меня самое глубокое впечатлѣніе,—это на первой же нашей стоянкѣ послѣ ночлега, въ пятомъ часу утра, звуки нашей прекрасной полковой музыки, проигравшей стройно мелодичную музыкальную пьесу, называемую *походомъ*, которая всегда играетъ за четверть часа до выступленія полка. Звуки эти, громко раздавшіеся на большой площади, среди всеобщей тишины погруженнаго еще въ глубокій сонъ населенія, неожиданно пробудили меня. Я опрометью выскочилъ изъ постели, отворилъ окно въ избѣ и, просунувъ голову, съ замираніемъ сердца сталъ слушать воинственную мелодію, раздававшуюся на разсвѣтѣ, какъ молитвенный гимнъ среди этой мирной природы.

Очень жаль мнѣ было, когда съ послѣднимъ аккордомъ все умолкло. Но мѣшкать было невозможно, самоваръ былъ уже готовъ, и я, наскоро выпивъ стаканъ чая во время моего туалета, черезъ четверть часа былъ уже на конѣ на своемъ мѣстѣ, находясь все еще подъ обаяніемъ только что возбужденнаго во мнѣ поэтическаго настроенія.

Библиотека "Руниверс"

На маневрахъ мнѣ было очень весело. Я пользовался бо̀льшей свободой; мнѣ отвели особую небольшую чистенькую избу, такъ что мои товарищи могли меня посѣщать, не опасаясь встрѣчи съ моимъ дядей, присутствіе котораго ихъ, разумѣется, стѣсняло. Въ свободное время отъ ученій и маневръ я рѣдко ѣзжалъ въ Москву, гдѣ лѣтомъ никого не бываетъ и откуда мое семейство также выѣхало въ наше Ошейкино.

Любимымъ моимъ развлеченіемъ служили мнѣ тогда поѣздки верхомъ по окрестностямъ Москвы. Я часто такимъ образомъ посѣщалъ своихъ знакомыхъ въ дачныхъ мѣстностяхъ, которыхъ такъ много кругомъ Москвы.

По этому поводу мнѣ помнится одно довольно маловажное обстоятельство, но которое впослѣдствіи, когда приходило мнѣ на память, заставляло невольно меня призадумываться и вѣрить въ предчувствія, не смотря на то, что мы были всѣ довольно строго воспитаны въ этомъ отношеніи и что въ нашемъ домѣ не вѣрили и не допускали вѣры ни въ какіе предразсудки.

Посѣщая разныя подгороднія дачи, гдѣ жили мои знакомые, постоянно принимавшіе меня особенно радушно, какъ новобранца, я оставался какъ-то холоденъ и не былъ очарованъ видѣнными мною мѣстностями. Меня какъ-то странно все тянуло въ село Кунцево, имѣніе, принадлежавшее тогда Нарышкинымъ, которыхъ огромный домъ въ родѣ замка былъ виденъ изъ моихъ оконъ, высоко возвышаясь на обрывистомъ берегу Москвы-рѣки.

Я ожидалъ большого удовольствія отъ этой прогулки верхомъ, и въ дѣйствительности мои надежды оправдались. Спустившись съ кручи къ самой водѣ, я все время ѣхалъ вдоль рѣки по подошвѣ самаго берега и восхищался разнообразными видами на отлогомъ противоположномъ ея берегу. Когда я очутился подъ той вершиной, гдѣ стоялъ Кунцовскій дворецъ, который высоко надо мною возвышался, то я убѣдился, что взобраться верхомъ прямо къ нему по этой кручѣ не было никакой возможности, не смотря на то, что на этой крутизнѣ было нѣсколько плоскихъ террасъ въ той широкой прогалинѣ между обѣими стѣнами вѣковыхъ деревъ парка, сквозь которую открывался мнѣ видъ на высокій дворецъ.

Нечего было дѣлать, надо было объѣхать препятствіе, и я рѣшился ѣхать далѣе, не зная, найду ли по близости болѣе доступное мѣсто.

Библиотека "Руниверс"

Неожиданное препятствіе въ насъ часто вызываетъ упрямство и настойчивость; а у меня кромѣ того въ данномъ случаѣ, при видѣ на такомъ близкомъ разстояніи этого дворца, родилось какое-то странное любопытство узнать, обитаемъ ли онъ и кто въ немъ живетъ.

Проѣхавъ далѣе, я въѣхалъ въ густой паркъ, подъ тѣнь вѣковыхъ деревьевъ, гдѣ встрѣтилъ цѣлый лабиринтъ узкихъ дорожекъ, ведущихъ не по тому направленію, которое мнѣ было нужно. Скоро я запутался въ этомъ лабиринтѣ; но мнѣ было такъ хорошо, что я продолжалъ ѣхать прямо передъ собой, не заботясь о томъ, что я заблудился. Я испытывалъ то чувство пріятной прохлады и отдохновенія, которое мы ощущаемъ, когда послѣ жгучихъ лучей палящаго полуденнаго солнца, попадаемъ подъ тѣнистый шатеръ густой зелени высокихъ деревъ и дышемъ свѣжимъ лѣснымъ ароматическимъ воздухомъ.

Продолжая путь по этому старому заброшенному парку, я замечтался, при чемъ воображеніе мое разыгралось о заколдованномъ Кунцовскомъ замкѣ и объ его обитателяхъ. Мнѣ казалось, что замокъ, стоящій въ такомъ романтическомъ мѣстоположеніи, обязательно долженъ заключать въ своихъ стѣнахъ какую-нибудь героиню романа!.. Эта героиня, разумѣется, должна была быть замѣчательной красоты. Но если даже, думалось мнѣ, подобной героини и не существовало здѣсь въ дѣйствительности, то отчего бы мнѣ теперь не встрѣтить на моемъ пути, въ этихъ узкихъ тропинкахъ, гуляющихъ обитательницъ этой чудной дачи, разумѣется опять таки красавицъ, съ которыми можетъ совершенно непредвидѣнный случай меня познакомить, а затѣмъ отсюда до романтическихъ послѣдствій недалеко?

Такъ думалъ я, продолжая путь; но увы, ни одной живой души мнѣ не встрѣчалось во всемъ этомъ безмолвномъ лѣсу, гдѣ царила какая-то торжественная тишина.

Проѣхавъ черезъ красивый холмъ обросшій лѣсомъ, который, какъ я узналъ позже, носитъ названіе Славянской Могилы, я скоро очутился на вершинѣ берега Москвы-рѣки, гдѣ нашелъ наконецъ дорогу, ведущую назадъ къ самому заколдованному замку. Подъѣхавъ къ нему, я увидалъ издалк, что дорога ведетъ мимо самой террасы дома. Не видя никого на пей и движимый любопытствомъ, я отважился ѣхать далѣе. Возлѣ дома стояла громаднѣйшая вѣковая липа, оттѣняющая окружающій ее цвѣтникъ крупныхъ розъ: несомнѣнный признакъ присутствія жильцовъ. При этомъ видѣ я остановилъ лошадь, и вдругъ почему-то мнѣ стало стыдно за свое любопытство и нескромность. Мнѣ показалось очевиднымъ, что эта усыпанная пескомъ дорожка по

Библиотека "Руниверс"

краю обрыва, по которой мнѣ приходилось ѣхать и на которую сходили двѣ каменныя лѣстницы съ террасы нижняго этажа, не должна была служить для постороннихъ лицъ и что во всякомъ случаѣ не могло быть допущено, чтобы нескромные посѣтители могли по ней кататься верхомъ. У меня даже сердце забилось при мысли, что можетъ въ эту минуту выйти на террасу созданная передъ тѣмъ моимъ воображеніемъ героиня и бросить на меня взглядъ полный справедливаго негодованія за дерзкій мой поступокъ и что тогда мнѣ останется только лишь одно: повернуть лошадь назадъ и спасаться бѣгствомъ!. Но окружающая меня тишина и отсутствіе признаковъ жизни успокоили мое опасеніе, и снова любопытство взяло верхъ. Я двинулъ впередъ своего коня. По мѣрѣ того какъ я подвигался впередъ, открывался передо мною очаровательный видъ на луговую сторону Москвы-рѣки, на Ходынку и на самую Москву. Я съ нѣкоторымъ волненіемъ всматривался во всѣ окна высокаго строенія, но никакого признака жизни въ немъ не было замѣтно. На террасѣ не было ни цвѣтовъ, ни балконной мебели, а на окошкахъ мнѣ показалось, что даже не было гардинъ.

Успокоенный этимъ, я остановилъ свою лошадь, чтобы еще разъ полюбоваться на очаровательный видъ и проститься съ этой романтической дачей, которую по всей вѣроятности я болѣе не увижу, хотя что-то во мнѣ говорило, что я когда-нибудь сюда непремѣнно возвращусь.

Оказалось, что дѣйствительно я впослѣдствіи не разъ посѣщалъ эту дачу и даже нѣсколько разъ подолгу живалъ въ ней лѣтомъ, 12 лѣтъ спустя, женившись на дочери графа Сергѣя Григорьевича Строганова, занимавшаго ее въ то время, когда впервыя я былъ очарованъ этимъ прелестнымъ мѣстоположеніемъ и такъ долго бродилъ по незнакомой мнѣ мѣстности, мечтая о какой-то фантастической героинѣ романа, проживающей въ этомъ замкѣ.

Нежилой видъ Кунцовскаго дома, который меня такъ опечалилъ и разочаровалъ, когда я въ первый разъ посѣтилъ эту дачу, мнѣ объяснился впослѣдствіи, когда я близко познакомился со Спартанскимъ нравомъ и аскетическими обычаями хозяина. Графъ Сергѣй Григорьевичъ, не смотря на свое большое состояніе, не позволялъ себѣ никакого излишества, относясь всегда свысока и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ ко всему, что̀ сколько нибудь походило на роскошь, и доводилъ эту странность до крайнихъ предѣловъ, такъ что она становилась похожею на скупость.

Библиотека "Руниверс"

По возвращеніи домой я узналъ, что полкъ нашъ на дняхъ выступаетъ изъ Москвы въ походъ. Послѣ маневровъ я отправился съ полкомъ обратно въ Коломну, гдѣ и помѣстился вмѣстѣ съ дядей въ большомъ двухъэтажномъ купеческомъ домѣ, въ которомъ хозяинъ самъ занималъ нижній этажъ.

Тутъ мнѣ впервыя случилось наблюдать за жизнью провинціальнаго богатаго купеческаго семейства, какаго въ то время въ Коломнѣ было много, такъ какъ этотъ городъ славился хлѣбной торговлей. Жена хозяина съ малолѣтними дѣтьми вела жизнь совершенно затворническую, никогда не выходила изъ дома, кромѣ какъ въ экипажѣ на гулянье по большой улицѣ, на Святой, на Масляной или въ большіе праздники. Меня поражала своеобразная или, лучше сказать, примитивная благотворительность этихъ людей: я всякое утро видѣлъ изъ своего окна, какъ, въ особую калитку съ противоположной отъ подъѣзда стороны дома, пускали ежедневно на малый дворъ бѣдныхъ и раздавали имъ каждому по большому куску свѣжаго хлѣба, нарочно для нихъ спеченнаго. Вообще въ это время зажиточное купечество наше въ богатыхъ провинціальныхъ торговыхъ центрахъ было очень богомольное, нравственное и отличалось патріархальными обычаями.

Новое наше помѣщеніе было гораздо лучше прежняго. Мнѣ въ особенности показались роскошными назначенныя для меня комнаты послѣ моего пребыванія въ старой бесѣдкѣ, гдѣ я помѣщался до того времени. А все же мнѣ жаль было разстаться съ моей ветхой избушкой среди тѣнистаго сада, по заросшимъ дорожкамъ котораго я такъ много бродилъ. Этотъ садъ имѣлъ что-то таинственное. Я помню, что разъ (это было поздно вечеромъ), прохаживаясь взадъ-впередъ по аллеѣ вдоль ограды, отдѣляющей нашъ садъ отъ сосѣдняго, также очень густо заросшаго сада, я услыхалъ какое-то странное заунывное пѣніе мужскихъ голосовъ. Пораженный такою неожиданностью, я сталъ прислушиваться, но, не смотря на все напряженное мое вниманіе, не могъ разобрать ни одного знакомаго мотива. Когда я взобрался на высокій заборъ, звуки стали для меня яснѣе, пѣніе прекратилось, и началось чтеніе также нараспѣвъ, но густымъ и хриплымъ басомъ. Сквозь густую листву я разглядѣлъ ветхую избушку, входная дверь которой, обращенная на мою сторону, была настежъ растворена, и сквозь нее я могъ разобрать горящія свѣчи передъ образами. Оказалось, что это была тайная раскольничья молельня, а такъ какъ въ этотъ день была Суббота, то всенощная, начавшись поздно вечеромъ, продолжалась большую часть ночи.

Библиотека "Руниверс"

Мнѣ въ первый разъ въ жизни представлялся случай присутствовать на старообрядческой службѣ, и поэтому я съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ, но, къ сожалѣнію, не могъ разобрать ничего, ни чтенія, ни службы и, разумѣется, не дождался ея конца.

Раскольники не имѣютъ права устраивать никакихъ молелень безъ формальнаго разрѣшенія губернскихъ властей; между тѣмъ, по всей вѣроятности, въ городѣ существовала не одна подобная тайная молельня, устроенная въ глухихъ запущенныхъ домовладѣльческихъ садахъ.

Такъ какъ невозможно предполагать, чтобы полиція не знала о существованіи такихъ воспрещенныхъ закономъ молелень, то такое съ ея стороны попустительство приходится объяснять себѣ только корыстными съ ея стороны цѣлями; а между тѣмъ, тайна, которой окружены эти богослуженія, много способствуетъ религіозному фанатизму и упорному невѣжеству сектантовъ. Вся эта таинственность увлекаетъ темный людъ.

Послѣ этого случая любопытство заставляло меня очень часто, услыхавъ пѣніе въ сосѣдней молельнѣ, влѣзать на высокій заборъ и по цѣлымъ часамъ, съ высоты своего наблюдательнаго поста, слѣдить за порядкомъ богослуженія, при чемъ я убѣдился, что оно вовсе не похоже на наше. Молящіеся положительно не въ состояніи были понять ни слова того, что̀ имъ читаютъ. Наружные признаки усердія молящихся и участіе ихъ въ молитвѣ проявлялись только въ изумительномъ количествѣ земныхъ поклоновъ, которые они клали безъ перерыва въ продолженіи четверти часа и съ необыкновенною ловкостью и быстротою, и которые сходны съ какими-то своеобразными гимнастическими упражненіями. Все это вмѣстѣ взятое не внушало никакого религіознаго чувства, а производило впечатлѣніе простаго и довольно грубаго *фетишизма.*

Я помню, что мои частыя и упорныя ночныя наблюденія въ сырое, дождливое время въ тѣнистомъ саду, куда солнце не проникало, окончились для меня очень плачевно: я схватилъ сильную простуду, зубную боль и жестокую невралгію въ челюсти, отъ которой страдалъ цѣлую недѣлю, не смыкая глазъ.

Дядя сжалился надо мной и прислалъ тогда мнѣ рецептъ какого-то масла для растиранія щеки, дѣйствіе котораго оказалось въ буквальномъ смыслѣ слова чудотворно: я черезъ два часа былъ совер-

Библиотека "Руниверс"

шенно избавленъ отъ моего адскаго страданія. По этому случаю дядя мнѣ разсказалъ объ одномъ очень памятномъ для него обстоятельствѣ.

Какъ-то разъ, въ день его дежурства во дворцѣ при Государѣ, онъ узналъ, что императрица Александра Өеодоровна уже нѣсколько времени страдаетъ жестокой невралгіей въ щекѣ. Нося этотъ рецептъ между прочими бумагами всегда въ своемъ бумажникѣ, онъ рѣшился, хотя и не безъ страха, предложить свое средство Государынѣ. Но какъ это сдѣлать? Движимый неудержимымъ желаніемъ исцѣлить страдающую красавицу, молодую Императрицу, онъ, не долго думая надъ этимъ вопросомъ, рѣшился обратиться съ просьбою къ самому Государю. Въ ту минуту, какъ онъ соображалъ, какое ему лучше для этого выбрать время, вдругъ дверь отворилась, и на порогѣ показался Николай Павловичъ, направлявшійся на половину Императрицы. Сердце ёкнуло у дяди: онъ былъ еще тогда застѣнчивымъ молодымъ человѣкомъ. Ему вдругъ показался его поступокъ неслыханною дерзостью.

Государь проходя остановился и что-то у него спросилъ. Тогда, говорилъ мнѣ дядя, у него явилась вдругъ неожиданная смѣлость, и онъ громко высказалъ Государю содержаніе своей просьбы. Государь пристально посмотрѣлъ на него и затѣмъ сказалъ ему, милостиво улыбаясь: «Ступай за мной. Скажи самъ объ этомъ Государынѣ!»

Въ тотъ же вечеръ Императрица перестала страдать. Она на другой день приказала позвать къ себѣ дядю и очень милостиво его благодарила, отдавая ему драгоцѣнный рецептъ. Съ тѣхъ поръ дядя бережливо сохранялъ этотъ чудодѣйственный рецептъ, копію котораго, къ сожалѣнію, я по молодости лѣтъ не умѣлъ сохранить, не смотря на то, что впослѣдствіи мнѣ этимъ средствомъ очень часто приходилось помогать страждущему человѣчеству и совершенно имъ исцѣлять больныхъ отъ жестокихъ страданій.

На новой квартирѣ въ каменномъ домѣ богатаго купца Тупицына удобство помѣщенія моего возлѣ дяди имѣло вліяніе на наши отношенія: онѣ сдѣлались задушевнѣе, и бесѣдамъ нашимъ не было конца. Онъ между прочимъ мнѣ разсказывалъ объ одномъ случаѣ, свидѣтельствующемъ, до какой степени было въ то время въ арміи не только допускаемо, чтобы командиры полковъ и отдѣльныхъ частей наживались насчетъ продовольствія и обмундированія войскъ, но даже *узаконено*—не писаннымъ закономъ, а *санкціей* высшей администраціи военнаго вѣдомства.

Библиотека "Руниверс"

Дѣло было такъ. Дядя, по прошествіи перваго же года своего командованія полкомъ, получилъ остатокъ отъ продовольствія и обмундированія нижнихъ чиновъ своего полка, въ размѣрѣ 30,000 рубл. и, какъ человѣкъ безукоризненной честности, представилъ эту сумму при рапортѣ по командѣ. Къ сожалѣнію я не припомню теперь мотивы, выставленные въ бумагѣ, полученной въ отвѣтъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя и о которыхъ мнѣ передавалъ тогда дядя; но я хорошо помню, что эта замѣчательная бумага содержала въ себѣ строгій ему выговоръ, подписанный самимъ военнымъ министромъ графомъ Чернышевымъ. Легко себѣ представить до какой степени былъ пораженъ и возмущенъ мой дядя, получивъ подобный выговоръ?!.

Зиму съ 1838 на 1839 годъ я пробылъ всю въ Коломнѣ, при штабѣ полка, въ учебной командѣ. Зима была очень суровая, такъ что ходить мнѣ всякій день пѣшкомъ, иногда въ мятель, за городъ въ манежъ на ученье, въ одной солдатской шинели, которую я надѣвалъ въ накидку, чтобы уши не замерзали, было жутко; но меня это закаливало и пріучало къ стужѣ и морозу.

Жизнь наша текла обычнымъ порядкомъ; матушка присылала мнѣ книги, и я много читалъ, дѣлая всему прочитанному сокращенныя выписки.

Весной пріѣзжалъ къ намъ смотрѣть полкъ свиты Государя генералъ-маіоръ князь Багратіонъ, высокаго роста, красивый Грузинъ, благодушнаго и откровеннаго характера, свойственнаго этимъ восточнымъ людямъ. Я помню, что въ первый день его пріѣзда, когда я вошелъ въ столовую къ обѣду, гдѣ дядя съ княземъ уже закусывали, и всталъ по обыкновенію на вытяжку въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, дядя меня ему представилъ. Князь, посмотрѣвъ на меня пристально, вдругъ обратился къ дядѣ и громко, Грузинскимъ выговоромъ, указывая на меня, сказалъ: «Да-съ! Не угодно намъ съ вами, старымъ холостякамъ, жениться?.. Вотъ такой красивый юноша къ вашей женѣ подъѣдетъ! Что̀ тутъ подѣлаешь?» и оба залились добродушнымъ хохотомъ. Я признаюсь былъ ошеломленъ и, чтобы скрыть свое неловкое положеніе, по приглашенію дяди поспѣшилъ подойти къ закускѣ.

Князь насъ оставилъ послѣ смотра очень довольный нашимъ полкомъ.

Кромѣ князя Багратіона пріѣзжалъ къ намъ въ Коломну весной начальникъ штаба нашего 6-аго корпуса генералъ Анненковъ (бывшій впослѣдствіи Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, а позже

Библиотека "Руниверс"

государственнымъ контролеромъ). Онъ дѣлалъ полку инспекторскій смотръ и кромѣ того смотръ юнкерамъ, при чемъ въ полковой канцеляріи начальникъ штаба экзаменовалъ насъ письменно и устно, что̀, сколько мнѣ помнится, не практиковалось тогда ни въ одномъ армейскомъ корпусѣ кромѣ нашего.

Послѣ этого смотра я былъ произведенъ въ портупей-юнкеры, вслѣдствіе чего, къ немалому моему удовольствію, надѣлъ на свою солдатскую саблю серебряный офицерскій темлякъ; при чемъ во время же сбора полка въ походъ или на смотрахъ я былъ удостоенъ чести возить полковой штандартъ (или, иначе сказать, знамя), что̀ составляло въ сущности весьма почетную, но весьма нелегкую обязанность.

Генералъ Анненковъ сообщилъ дядѣ подробности о предстоящихъ намъ большихъ маневрахъ на Бородинскомъ полѣ, на которомъ предполагалось собрать до 250 тысячъ человѣкъ войска.

Мы дѣйствительно выступили вскорѣ въ походъ. Жара въ это время стояла неимовѣрная. Я до сихъ поръ не помню такого знойнаго лѣта, какое было въ этотъ 1839 годъ въ средней полосѣ Россіи. Для сбереженія лошадей дядя велъ нашъ полкъ почти все время пѣшкомъ, сажая его на коней только для отдыха не болѣе, какъ на полчаса, при чемъ мнѣ приходилось все время идти впередъ и нести на плечѣ тяжелый штандартъ. Я страшно страдалъ отъ жары и отъ носимой мною тяжести. По прибытіи въ городъ Бронницы, гдѣ былъ назначенъ сборъ всему полку, мы построились на большой городской площади, гдѣ ждало насъ духовенство съ хоругвями и образами и гдѣ было отслужено молебствіе съ водосвятіемъ о благополучномъ нашемъ походѣ. Пройдя въ это утро передъ тѣмъ верстъ двадцать, я помню, что былъ очень утомленъ. Будучи въ числѣ знаменьщиковъ, я стоялъ со своимъ штандартомъ впереди всѣхъ, на самомъ солнечномъ припекѣ, позади духовенства. Вдругъ, среди богослуженія, голова у меня закружилась; я закачался и свалился на землю, едва успѣвъ бросить въ руки полковую святыню (штандартъ) моему ассистенту, стоявшему позади меня. Меня тотчасъ отнесли поодаль, гдѣ вблизи былъ колодезь. Сколько времени я лежалъ, не знаю; но помню, что когда я очнулся, то приказалъ стоящему возлѣ меня сторожевому солдату достать мнѣ воды изъ колодца и вылилъ себѣ на голову цѣлое ведро воды до такой степени холодной, что черепъ мой стало ломить отъ холода. Когда я оправился, парадъ былъ конченъ, и я, переодѣвшись на отведенной мнѣ въ городѣ квартирѣ, поспѣшилъ на обѣдъ къ дядѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Библиотека "Руниверс"

Со мною въ первый разъ въ жизни случился обморокъ; я вовсе не былъ озабоченъ тѣмъ, будутъ ли отъ него послѣдствія или нѣтъ; я вообще не роптал въ душѣ на испытываемыя мною переутомленія и физическія страданія; я даже имъ радовался, какъ добровольно взятому на себя послушанію и труду, который меня закалялъ и подготовлялъ къ будущей военной и боевой жизни; но что̀ меня озабочивало, это была мысль о томъ, что̀ подумаютъ въ полку о моемъ обморокѣ, случившемся на виду у всѣхъ? Не сочтутъ ли меня за изнѣженнаго дворянчика, тщедушнаго и избалованнаго матушкина сынка, личность каковаго часто служитъ посмѣшищемъ между военными людьми? Не безъ труда я отдѣлался отъ гнета этой неотвязчивой заботы, вспоминая, какъ часто я самъ былъ очевидцемъ, что весной, на чрезвычайно продолжительныхъ полковыхъ ученіяхъ, производимыхъ моимъ дядей, простые солдаты въ строю валились со своихъ лошадей какъ снопы.

Въ Бронницахъ мы оставили большую дорогу, ведущую въ Москву, и пошли на Можайскъ проселками, гдѣ по пути не встрѣчали большихъ селъ и ночевки имѣли въ маленькихъ деревушкахъ. Я помню, что за недостаткомъ квартиръ мнѣ часто приходилось проводить ночи въ сараяхъ на свѣжемъ скошенномъ сѣнѣ и что его пріятный запахъ былъ до такой степени силёнъ, что производилъ на меня наркотическое дѣйствіе, сопровождавшееся какимъ-то сладкимъ ощущеніемъ общаго томленія и вызывавшее чудесные и упоительные сны. Еслибъ я самъ того не испыталъ, я никогда бы не повѣрилъ, чтобы запахъ нашей полевой сѣверной флоры, могъ быть такъ душистъ, чтобы произвести подобное дѣйствіе на нервную систему. Я никогда этого не ожидалъ и до сихъ поръ не могу забыть пережитаго мною тогда блаженства.

Мы не скоро добрались съ полкомъ до Можайска, а затѣмъ и до самаго Бородина.

Огромное поле достопамятнаго Бородинскаго сраженія представляетъ площадь, имѣющую нѣсколько верстъ въ окружности, которая въ то время почти вовсе не была населена и отличалась безлѣсіемъ; по окраинамъ ея только разбросаны были небольшія и довольно бѣдныя деревушки, въ которыхъ расположились пришедшія прежде насъ пѣхота и артилерія. Кавалерія же была расположена въ деревняхъ и селахъ гораздо далѣе отстоящихъ отъ центра, гдѣ производились всѣ смотры и маневры; такъ нашему полку приходилось всякій разъ и почти всякій день дѣлать переходъ почти въ 12 верстъ, чтобы дойти

Библиотека "Руниверс"

до мѣста. Вслѣдствіе чрезвычайно продолжительнаго бездождія и знойнаго лѣта, все громадное Бородинское поле отъ постояннаго по немъ движенія массы собраннаго по случаю большихъ Бородинскихъ маневръ войскъ буквально превратилось въ сыпучую песчаную Аравійскую пустыню. Разумѣется, отъ этого во время ученій и маневръ надъ войскомъ стоялъ постоянно столбъ густой непроницаемой пыли, отъ которой вскорѣ много нижнихъ чиновъ, въ особенности въ пѣхотѣ, начали страдать офтальміей.

Во время освященія сооруженной колонны въ память Бородинскаго сраженія былъ, разумѣется, огромный парадъ всему войску. Общій видъ этого военнаго торжества, если можно такъ выразиться, былъ великолѣпенъ.

Государь Николай Павловичъ стоялъ верхомъ на пригоркѣ передъ Бородинской колонной, пропуская мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, безъ перерыва въ продолженіе 8-ми часовъ, всѣ двѣсти пятьдесятъ тысячъ собраннаго въ это время на Бородинскомъ полѣ войска. Нельзя было не удивляться его необыкновенной силѣ и энергіи: онъ стоялъ все время недвижимъ на своемъ высокомъ конѣ, какъ великолѣпная мраморная статуя древняго рыцаря, не перемѣняя почти ни разу своего положенія.

Въ это время Государь Николай Павловичъ передъ своей грозной арміей дѣйствительно изображалъ собою одного изъ тѣхъ легендарныхъ героевъ-великановъ, которыхъ всѣ воинственные народы любятъ воспѣвать въ своихъ народнымъ пѣсняхъ. Лучше сказать: Государь Николай Павловичъ, въ эту минуту, представлялъ собою по истинѣ идеальный типъ Царя могущественной державы въ Европѣ, какимъ онъ въ то время и былъ въ дѣйствительности.

Его магическое вліяніе на войско было безспорно изумительное. Я помню, что я имъ былъ не разъ пораженъ. Такъ, напримѣръ, случилось это въ Бородинѣ же во время высочайшихъ смотровъ каждаго армейскаго корпуса отдѣльно. Когда дошла очередь до нашего 6-го корпуса, то нашъ полкъ, выступивши очень рано утромъ, пришелъ аккуратно за часъ до назначеннаго времени на плацъ. Немалое было наше всеобщее изумленіе, когда, не давши намъ слѣзть съ коней и поправиться, намъ скомандовали «смирно», и вмѣсто Государя началъ объѣзжать ряды фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Оказалось, что Государь, чтобы привѣтствовать пріѣздъ изъ Варшавы своего отца и командира, какъ онъ называлъ фельдмаршала, въ видѣ особаго ему почета,

Библиотека "Руниверс"

пожелалъ, чтобы фельдмаршалъ за два часа до его пріѣзда осмотрѣлъ 6-й корпусъ, ожидавшій Государя, и разъ пропустилъ бы его мимо себя. Когда пошли полки мимо фельдмаршала и пришла наша очередь, то по случаю ли утомленія людей, или по другой непонятной мнѣ причинѣ, но нашъ полкъ прошелъ, неожиданно для меня, такъ плохо, что я не вѣрилъ собственнымъ глазамъ, привыкшимъ къ строгому порядку и необыкновенному равненію въ нашемъ полку. Я былъ поэтому совершенно смущенъ и обезкураженъ происшедшей неудачей. Я очень дорожилъ доброй славой своего полка, и одна мысль, что по пріѣздѣ Государя черезъ какой-нибудь часъ, мы можемъ опять также осрамиться, меня приводила просто въ ужасъ. Когда полкъ возвратился на свое мѣсто и мы наконецъ могли слѣзть съ лошадей и отдохнуть, то я передалъ дядѣ о своихъ страшныхъ опасеніяхъ. Онъ улыбнулся и спокойнымъ тономъ мнѣ отвѣчалъ что эта неудача ничего не доказываетъ и что весь полкъ воодушевится и покажетъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ дѣйствительно есть, т. е. образцовымъ, когда пріѣдетъ Государь. Слова дяди оправдались: смотръ Государя прошелъ великолѣпно, не смотря на утомленіе людей и лошадей, а равненіе нашего полка, когда мы проходили поэскадронно мимо Государя, было въ самомъ дѣлѣ изумительно.

Въ другой разъ, въ Бородинѣ же, меня поразило магическое вліяніе Государя на солдатъ при слѣдующемъ обстоятельствѣ.

Однажды, во время большихъ маневръ, Государь, стоя на возвышенности, предъ глубокимъ и крутымъ оврагомъ, окруженный своей блестящей свитой и обозрѣвая оттуда движеніе войскъ, увидалъ на противоположной сторонѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи, проходившій мимо оврага нашъ полкъ. Онъ послалъ неожиданно своего флигель-адъютанта остановить полкъ и позвать къ себѣ полкового командира, которому отдалъ приказаніе повернуть полкъ лицомъ къ нему и развернутымъ фронтомъ, по-эскадронно, пройти черезъ оврагъ шагомъ мимо него, сохраняя строгое равненіе.

Этотъ необыкновенный церемоніальный маршъ былъ исполненъ нашимъ полкомъ въ совершенствѣ. Каждый эскадронъ, въ свою очередь, безъ всякой суеты, сходилъ съ противоположнаго оврага берега на дно и подымался на кручу другого берега стройно, сдѣлавъ послѣдній прыжокъ какъ одинъ человѣкъ, чтобы очутиться передъ Государемъ, проходя мимо котораго, представлялъ собою прямую линію безукоризненной правильности и чистоты.

Библиотека "Руниверс"

Я помню, что мы лѣзли на этотъ высокій и крутой берегъ какъ кошки, и что, не смотря на силу и ловкость моего коня, подымаясь я нѣсколько разъ опасался за него, чувствуя, какія онъ дѣлалъ неимовѣрныя усилія, чтобы вынести меня по этой отвѣсной кручѣ на берегъ, между тѣмъ какъ я представлялъ несравненно меньшую тяжесть коню, чѣмъ нашъ солдатъ. Всѣ присутствующіе были видимо изумлены; Государь громко, своимъ звучнымъ голосомъ, благодарилъ каждый эскадронъ, а затѣмъ и полкового командира, который сіялъ отъ радости.

Чтобы дать полное понятіе о трудностяхъ исполненія этой маленькой кавалерійской задачи, необходимо дополнить, что случай, о которомъ здѣсь говорится, произошелъ на третій день маневръ, когда наши люди и лошади были уже порядочно утомлены.

Наконецъ наступилъ великій для меня день 30-го Августа 1839 года.

Наканунѣ этого дня мы, т.-е. всѣ юнкера 6-й легкой кавалерійской дивизіи, получили приказаніе собраться у Бородинскаго памятника, гдѣ назначенъ былъ царскій смотръ юнкерамъ.

Всѣ знали, что Государь лучшихъ ѣздоковъ произведетъ въ офицеры, а это не шуточное было дѣло.

Я былъ совершенно спокоенъ духомъ, потому что у меня было все исправно, какъ моя красавица лошадь, такъ равно моя аммуниція, мундиръ и сѣдло, а насчетъ ѣзды я вполнѣ надѣялся на себя. Одно только меня озабочивало: это большое разстояніе, которое надо было пройти до мѣста назначенія; поэтому спастись отъ вліянія ужаснаго зноя и страшной пыли было невозможно, а стало быть представляться Государю въ безукоризненной чистотѣ и совершенномъ порядкѣ надо было впередъ отказаться. Но все обошлось благополучно. Когда, послѣ смотра, Государь насъ пропускалъ мимо себя шагомъ по одиночкѣ, то онъ поздравлялъ насъ въ офицеры не всѣхъ, и я очутился въ числѣ счастливцевъ, удостоенныхъ быть произведенными въ этотъ день въ корнеты, при чемъ Государю угодно было спросить у меня мою фамилію.

Когда начальство отпустило насъ домой, то радость моя была такъ велика, что я, не чувствуя буквально земли подъ собою, съ мѣста пустилъ свою лошадь въ карьеръ и скакалъ безъ оглядки двѣнадцать верстъ, не переводя духа, до самаго штаба нашего полка, и только тогда я опомнился и, спрыгнувъ съ коня, отправился къ дядѣ.

Библиотека "Руниверс"

Дядя былъ очень доволенъ моимъ производствомъ, при чемъ сказалъ мнѣ нѣсколько лестныхъ словъ, что̀ рѣдко я отъ него слыхалъ, обнялъ меня и отпустилъ въ гор. Можайскъ отпраздновать съ товарищами сей великій для насъ день. Мы всѣ отправились въ знаменитый тогда городокъ, построенный по случаю большихъ Бородинскихъ маневръ возлѣ Можайска графомъ Бутурлинымъ, гдѣ находились, кромѣ ресторана, театръ, бальные и концертные залы и всякія другія увеселительныя зданія, выстроенныя изъ простого теса вродѣ балагановъ, но съ очень вычурною архитектурою. Говорили, что графъ Бутурлинъ сдѣлался жертвою какого-то афериста, втянувшаго его въ это дѣло, что всѣ эти строенія очень дорого ему стоили и что онъ былъ разоренъ потому, что посѣтителей почти вовсе не оказалось во время маневръ и что арендаторъ, вслѣдствіе этого, сдѣлался несостоятельнымъ, бѣжалъ и графу ничего не заплатилъ.

Вскорѣ маневры кончились, Государь уѣхалъ, и нашъ полкъ сталъ собираться въ походъ обратно, въ гор. Коломну.

Передъ выступленіемъ полка дядя позвалъ меня къ себѣ, позволилъ мнѣ отправиться въ Москву къ моимъ роднымъ, разрѣшилъ мнѣ долгосрочный отпускъ для обмундированія и, весьма дружески распростившись со мною, снабдилъ меня письмомъ къ моей матери и отцовскимъ отъ себя наставленіемъ.

Я не могу сказать, чтобы я простился съ дядей совершенно равнодушно: ведя съ нимъ столько времени почти отшельническую жизнь, мнѣ жаль было оставить его въ одиночествѣ. Это впечатлѣніе, разумѣется, скоро смѣнилось радужными надеждами свидѣться съ моимъ семействомъ, надѣть эполеты и въ первый разъ въ жизни выѣхать въ свѣтъ не въ качествѣ какого-нибудь недоросля, а какъ офицеръ, имѣющій право пользоваться нѣкоторымъ уваженіемъ, а главное—быть желаннымъ гостемъ всегда, на всѣхъ балахъ и вечерахъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ *).

1853-й годъ.

3-го Января вечеромъ я была у фрау Швендлеръ, рожденной Шлабендорфъ. (Эта интересная и умная старушка скончалась шесть недѣль послѣ этого). Присутствовалъ Гётце, который чудно пѣлъ, особенно Шуберта; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ теноровъ, которые придерживались отличной школы Гарчіа. Тутъ же была Луиза Сейдлеръ, Веймарская придворная художница, и она показала намъ головку Гизеллы Арнимъ, которую нарисовала гуашными карандашами для своей собственной портретной коллекціи. Какъ ученица Овербека, она владѣла чистымъ, правильнымъ контуромъ и на карандашный рисунокъ мягко накладывала нѣсколько оттѣнковъ красокъ à la Greuse. Въ то время уже почтенная старушка, она жила воспоминаніями о прошломъ и любила разсказывать о времени, проведенномъ ею въ Римѣ съ Овербекомъ, о Веймарѣ и о созвѣздіи поэтовъ, въ особенности о Гёте, который болѣе другихъ ей покровительствовалъ. Она всегда носила подъ чепцомъ гладкую повязку à la Angelica Kaufmann, а платье носила съ разными складками и буфами, что̀ соотвѣтствовало ея художественному вкусу и придавало ей артистичный видъ. Луиза Сейдлеръ получала скромную, но уютную казенную квартиру въ домѣ, гдѣ помѣщалась наша рисовальная школа, и наша великая княгиня не забывала облегчать ея скромное существованіе.

6-го Января. На балу у Фогеля я познакомилась съ Вальтеромъ ф. Гёте, однимъ изъ внуковъ великаго поэта. Единственный сынъ послѣдняго (о которомъ лучше не вспоминать) оставилъ двухъ сыновей: Вальтера—музыканта и композитора, и Вольфа, поэта-любителя, и одну дочь Альму, идеальное существо, которая во цвѣтѣ лѣтъ скоропостижно скончалась въ Вѣнѣ, что̀ вызвало массу самыхъ нелѣпыхъ толковъ. Братья ея съ гордостью носили фамилію своего знаменитаго дѣда; но она лежала на нихъ тяжкимъ бременемъ, такъ какъ всякій, увидавъ

---

*) См. выше, стр. 113.

Библиотека "Руниверс"

ихъ, искалъ въ нихъ остатка дарованій, или слѣдовъ гигантскаго ума Гёте; между тѣмъ это были самые невинные, добродушные и очень некрасивые молодые люди. Они остались наслѣдниками бумагъ и коллекцій Гёте и всего его богатаго литературнаго и художественнаго имущества. Оба брата скончались холостыми, а съ нимъ вмѣстѣ угасъ и родъ, по прямой линіи, знаменитаго поэта. Вольфъ, переживній своего брата, завѣщалъ домъ своего дѣда со всѣми его бумагами и коллекціями гросъ-герцогинѣ Софіи Саксенъ-Веймарской. Трудно было бы передать ихъ въ болѣе достойныя руки; она лично пересматриваетъ и перечитываетъ все для выбора къ образованію музея имени Гёте.

8-го. Листъ привелъ къ намъ нашего соотечественника, Н. Ѳ. Нейлисова, ученика Гензельта, поселившагося въ Веймарѣ, чтобы дальше работать подъ руководствомъ Листа. Это блѣдный, худой, тихій молодой человѣкъ, отличный піанистъ, который скромно и незамѣтно продолжалъ свои занятія. Листъ называлъ его «le chevalier de Mersebourg», такъ какъ нѣсколько лѣтъ сряду городъ этотъ имѣлъ для него особую притягательную силу. Когда обстоятельства заставили его отказаться отъ поѣздокъ въ Мерзебургъ, Н. Ѳ. сталъ очень грустнымъ и болѣзненнымъ.

Въ концѣ Января начались репетиціи «Ромео и Джульэтты» Берліоза. Онъ удивительно дирижировалъ, держа въ своихъ рукахъ всѣхъ участвовавшихъ. Онъ настойчиво требовалъ точнаго исполненія малѣйшихъ предписаній ритма и чистоты. На одной репетиціи литаврщики не сочли нужнымъ строго выполнить свою задачу; онъ отправился къ нимъ и до тѣхъ поръ повторялъ, пока не былъ устраненъ малѣйшій изъянецъ. Легко можно себѣ представить, что это не всегда приходилось по вкусу исполнителей; неудовольствіе ихъ иногда доходило до открытаго поползновенія воспротивиться такому строгому руководителю. Въ подобныхъ случаяхъ Листъ не щадилъ словъ и сравнивалъ лѣниво и плохо исполнявшаго съ извѣстнымъ домашнимъ животнымъ. Берліоза, какъ направника оркестра, характеризовали тонкость и изящество, ритмъ и самое точное исполненіе всѣхъ находящихся въ партитурѣ знаковъ.

Въ то время Веймарская капелла лишилась своего лучшаго украшенія, геніальнаго артиста Іоахима, котораго король Ганноверскій назначилъ своимъ капельмейстеромъ. На мѣсто Іоахима поступилъ Фердинандъ Лаубъ, отличный скрипачъ изъ Чеховъ*). Такихъ двухъ артистовъ, какъ Іоахимъ и Лаубъ, не слѣдуетъ никогда сравнивать между собою. Понятно, что при сравненіи Іоахимъ всегда выдвинется впередъ,

*) Лаубъ—Чешское произношеніе слова *лобъ*. Н. Б.

Библиотека "Руниверс"

какъ первоклассная звѣзда: его высокохудожественная игра не подлежитъ никакому сравненію; онъ—явленіе столѣтія. Но Лаубъ, какъ самостоятельный артистъ, считался въ ряду лучшихъ Германскихъ скрипачей. Изъ Веймара онъ поступилъ профессоромъ въ Мюнхенскую Консерваторію.

4-го Февраля пѣли 8-й псаломъ, сочиненіе нашей великой княгини; онъ написанъ въ строгомъ стилѣ и мелодиченъ. По просьбѣ нашей великой княгини, Листъ согласился отъ времени до времени заставлять пѣть у него нашихъ новоприбывшихъ четырехъ Русскихъ придворныхъ пѣвчихъ. Но вскорѣ онъ убѣдился, что, благодаря упрямой рутинѣ, ничего съ ними нельзя подѣлать: они учились пѣть не сознательно, а машинально пѣли, и невозможно было ихъ убѣдить, что работать слѣдуетъ сознательно, а не безсмысленно и машинально.

5-го Февраля Листъ пришелъ и, по окончаніи спѣвки съ ними, заставилъ меня играть. Я отличалась рѣдкой для женщины физической силой, такъ что безо всякихъ усилій могла поднять нѣсколько пудовъ, и это отражалось на моей игрѣ. Листъ нашелъ, что я не достигаю того, чего могла бы достигнуть съ моей громадной силой, если бы нѣжная игра у меня была болѣе развита. Съ тѣхъ поръ я главнымъ образомъ направила свое вниманіе на достиженіе этого пробѣла въ моей игрѣ. Листъ очень напиралъ на то, чтобы я продолжала развивать мой талантъ, и обѣщалъ заниматься со мною. Разумѣется, я съ благодарностью приняла его любезное предложеніе, получивъ на то разрѣшеніе родителей, и рѣшилась всецѣло отдаться музыкѣ. Меня и трудно было бы удержать отъ моего влеченія къ ней: я жила только для музыки и бредила только ею. Все, что̀ я слышала, и столько хорошаго, все болѣе возбуждало во мнѣ желаніе работать на этомъ поприщѣ, хотя меня сильно привлекало и рисованіе. Чтобы не терять практики и въ этомъ, я продолжала заниматься нѣсколько часовъ въ недѣлю у профессора Мартерштейга.

Рукодѣльныя и домашнія работы я была пріучена исполнять еще съ четырехлѣтняго возраста, но многихъ слезъ онѣ мнѣ стоили, особенно вязанье и шитье: мои неуклюжія руки никакъ не поддавались этимъ занятіямъ, такъ что, наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ, моя мать, видя, что со мной ничего не подѣлаешь, махнула рукой и требовала только, чтобы я держала въ порядкѣ свой собственный гардеробъ. Я очень рада была этому рѣшенію, потому что за какихъ-нибудь 15 копеекъ въ день швея обшивала меня и исправляла всякія погрѣшности въ моемъ туалетѣ, а я собственными трудами могла заработывать сколько хотѣла, такъ какъ меня упрашивали давать уроки; но и на это я назначила себѣ извѣстное число часовъ, сверхъ котораго не

Библиотека "Руниверс"

переходила. Давать же уроки музыки я считала дѣломъ необходимымъ, входящимъ въ общее музыкальное образованіе, потому что, уча другихъ, сама учишься.

Я продолжала изучать теорію музыки, вела довольно обширную переписку, отнимавшую у меня немало времени; въ тоже время и обширный кругъ друзей и знакомыхъ, избравшихъ меня своей руководительницей для частныхъ музыкальныхъ вечеровъ, гдѣ мы вмѣстѣ играли и пѣли, также немало занималъ моего времени. Ежедневно я аккомпанировала моей подругѣ Тони фонъ-Гопфгартенъ (впослѣдствіи ф.-Шеве, въ Мекленбургѣ), которая отлично пѣла; благодаря этому, я основательно изучила всѣ появлявшіяся въ то время вещи для пѣнія и все, что существовало стараго. Благодаря хорошимъ урокамъ пѣнія, которые я брала у Кнауста, Ф. Гётце и Софи Шлоссъ, я понимала, какъ слѣдуетъ обращаться съ голосомъ; но сама принимала участіе только въ хоровомъ пѣніи, такъ какъ отъ усиленной игры я очень страдала болью въ груди, и поневолѣ приходилось отказаться отъ этого большого для меня удовольствія. Видя, что я о себѣ не думаю и не обращаю вниманія на совѣты доктора, который все увѣрялъ, что такія усиленныя занятія не останутся безнаказанными, моя подруга ежедневно, съ Нѣмецкимъ постоянствомъ и не смотря ни на какую погоду, заставляла меня гулять по Веймарскому парку. Въ этомъ паркѣ, у Римскаго павильона, красуется старый букъ съ темно-красными листьями. Происхожденіе этого, въ то время еще очень рѣдкаго, дерева, было плодомъ насильственной пересадки его изъ парка герцога Готскаго, съ которымъ герцогъ Эрнстъ Веймарскій соперничалъ. Первый показалъ герцогу Веймарскому, какъ рѣдкость, это молодое, еще только-что посаженное дерево. Вскорости оно исчезло, и герцогъ Готскій, посѣщая Веймарскій паркъ, сейчасъ же узналъ свое дерево, посаженное у Римскаго домика, но, увы, доказать своего права собственности не могъ и только расхохотался надъ находчивостью своего друга, любителя ботаники.

Нашъ пѣвческій кружокъ время отъ времени давалъ концерты съ благотворительною цѣлью. Еженедѣльными нашими собраніями управлялъ нашъ дирижёръ К. Монтагъ, ученикъ Гуммеля, отказавшійся отъ появленія въ публикѣ въ качествѣ піаниста и всецѣло посвятившій себя управленію хоромъ и устройству концертовъ. Наша великая княгиня давала намъ залу для спѣвокъ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, а членскіе взносы (около рубля въ годъ) употреблялись на покупку музыки и копированіе голосовъ; жалованіе за свои труды нашъ директоръ получалъ изъ собственныхъ суммъ ея высочества. Наша великая княгиня была ко всѣмъ внимательна. Утромъ, въ день концерта, она

Библиотека "Руниверс"

почувствовала себя нездоровой. Днемъ я отправилась въ концертную залу, чтобы еще повторить концертъ въ большомъ помѣщеніи, такъ какъ это требуетъ особаго вниманія. Пока я повторяла, ко мнѣ пришелъ Цигезаръ, чтобы отъ имени великой княгини передать мнѣ ея сожалѣніе, что по случаю нездоровья ей придется лишиться удовольствія присутствовать на концертѣ. Это доказываетъ, какое живое участіе она принимала во всемъ, окружающемъ ее, и съ какимъ интересомъ и гордостью она слѣдила за талантами, исходящими изъ Веймара.

Когда я бывала въ Эрфуртѣ, я никогда не пропускала случая посѣтить садъ Г. Гаагена, гдѣ особенное удовольствіе доставляло мнѣ видѣть его коллекціи орхидей, кактусовъ и всякихъ другихъ растеній. Я съ дѣтства страстно любила цвѣты и не совершала ни одной загородной прогулки безъ того, чтобы не принести домой всевозможныхъ цвѣтовъ. Одна бѣдная женщина изъ Іены, спеціально занимавшаяся сборомъ Нѣмецкой флоры, каждую Субботу приносила моему старшему брату, который съ особеннымъ увлеченіемъ занимался ботаникой, тѣ свѣжіе цвѣты, которые распускались въ теченіе недѣли. Къ каждому изъ нихъ былъ прикрѣпленъ печатный ярлычекъ съ Латинскимъ и Нѣмецкимъ его названіями, и обозначеніе классификаціи его по Линнею. За все это удовольствіе получатели платили ей по 50 коп. за три мѣсяца, и она была счастлива возможности такимъ легкимъ образомъ заработать себѣ пропитаніе. Мой братъ составилъ себѣ большой гербарій, и мы имѣли возможность ознакомиться съ названіями цвѣтовъ.

Эта зима ознаменовалась лихорадочнымъ влеченіемъ къ музыкѣ. Ни одного вечера не провела я одна, вечеръ за вечеромъ такъ называемые «Kaffekränzchen» (кофейные вѣночки) гнались одинъ за другимъ, и члены общества, начиная съ эрбгросгерцогини, дружно спѣвались. Фортепіанная игра лежала большей частью на мнѣ, и можно сказать, что съ фортепіано я разставалась только, чтобы ѣсть и пить. Я охотно бралась за все, что̀ могло дать мнѣ возможность основательно познакомиться со многими композиціями. Эрбгросгерцогиня тоже много тогда пѣла, у нея былъ большой и сильный голосъ.

12-го былъ у меня Листъ: сначала занялся пѣвчими, а потомъ далъ мнѣ урокъ. Разговорившись со мной о передачѣ сочиненій Бетховена, онъ сказалъ: «Одна изъ главнѣйшихъ ошибокъ при игрѣ Бетховена заключается въ томъ, что слишкомъ мало вниманія обращаютъ на знаки, которые ни одинъ композиторъ не ставилъ съ такой точностью, какъ онъ. Его crescendo должно быть очень широко (sehr breit), и сочиненія его слѣдуетъ играть, строго раздѣляя ихъ на періоды въ 2, 3, 4, 8, 12 и т. д. тактовъ, смотря по длинѣ мысли. Одна изъ главныхъ особенностей Бетховена состоитъ въ томъ, что у него часто

Библиотека "Руниверс"

вслѣдъ за очень продолжительнымъ (breit) crescendo, доходящимъ до ff, вдругъ появляется pp на основномъ аккордѣ. Эту отмѣтку его по большей части играютъ неправильно, хотя она въ большей или меньшей мѣрѣ встрѣчается почти во всѣхъ его сочиненіяхъ, напримѣръ, въ тріо B-dur. Изо всѣхъ исполнителей Бетховена, которыхъ я слышалъ, Іоахима я считаю лучшимъ. Бетховена считали плохимъ дирижеромъ, по крайней мѣрѣ подчиненные его не любили. Онъ дирижировалъ только по періодамъ, давая тактъ лишь въ началѣ и въ концѣ фразы, будь она въ 1, 2, 4, 8 или 12 и т. д. тактовъ; въ среднихъ же тактахъ онъ не отмѣчалъ такта, такъ какъ они принадлежатъ къ цѣлой фразѣ. Я былъ еще ребенкомъ, когда видѣлъ его дирижирующимъ. Чтобы отмѣтить pp, онъ окончательно исчезалъ подъ пюпитромъ, а когда онъ поднимался все выше и выше, то этимъ изображалъ усиленіе звука. Разъ, когда, въ одномъ концертѣ въ Вѣнѣ, оркестръ и хоръ исполняли его Фантазію, онъ поступилъ иначе, чѣмъ я въ Лоэнгринѣ. Почти въ концѣ Фантазіи онъ замѣтилъ, что гобои невѣрно играютъ: онъ идетъ къ своему пюпитру и, къ удивленію Вѣнской публики, говоритъ: «Vom Anfange!» (Начинайте съ начала!)»

Между прочимъ Листъ разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Венгріи среди Цыганъ, у которыхъ онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ съ цѣлью изучить особенности ихъ музыки. «Сначала меня преслѣдовало множество Цыганъ, которые приносили мнѣ свои мелодіи; подъ конецъ въ Пештѣ я не зналъ, какъ отъ нихъ освободиться. Поэтому я охотно принялъ приглашеніе одного пріятеля, который звалъ меня погостить у него въ имѣніи. Но и это мнѣ не помогло: съ полсотни Цыганъ послѣдовало за мною. Въ теченіе трехъ недѣль мы днемъ и ночью были окружены ими и кутили (haben gezecht) такъ, какъ никогда больше не хотѣлъ бы я испытать. Цыгане остались моими друзьями и, когда я пріѣзжаю въ Вѣну, всѣ выдающіяся Цыганскія труппы устраиваютъ мнѣ серенаду. Это совсѣмъ особенные молодцы (originale Kerls), которыхъ я очень люблю».

16-го Февраля дано было первое представленіе «Летучаго Голландца» въ присутствіи многихъ именитыхъ и царствующихъ лицъ, собравшихся лично поздравить великую княгиню со днемъ ея рожденія. Сюда пріѣхали: герцоги Готскій и Мекленбургъ-Шверинскій съ женой, принцъ Карлъ Прусскій, эрбъ-принцъ Мейнингенскій съ женою (принцессою Шарлоттой Прусской), наслѣдный принцъ Фридрихъ Прусскій, князь Зондерсгаузенъ, князь Пюклеръ-Мюскау, генералъ Врангель и другіе. Бывали годы, когда почти всѣ царствующія семьи Германскихъ протестантскихъ государствъ присылали одного изъ своихъ членовъ для привѣтствія нашей великой княгини; всѣ пріѣзжавшіе бывали ея

Библиотека "Руниверс"

гостями, и она радушнымъ образомъ ихъ встрѣчала и старалась развлекать. Все гросгерцогское семейство со всѣми наѣхавшими гостями присутствовало у православной обѣдни; ученіе было прервано, городъ и его жители принимали праздничный видъ.

Летучаго Голландца публика приняла тепло и симпатично, но написанный ранѣе Тангейзера и Лоэнгрина, онъ теряетъ въ сравненіи съ ними. Мысль о немъ зародилась у Вагнера во время переѣзда моремъ изъ Риги (гдѣ Вагнеръ занималъ должность дирижера при городскомъ театрѣ) въ Дувръ, при переселеніи его въ Парижъ. Своеобразный характеръ музыки и поэтическій сюжетъ Летучаго Голландца оставляютъ у слушателей высокохудожественное впечатлѣніе.

Весной 1853 г. Вагнеру исполнилось сорокъ лѣтъ. Это былъ человѣкъ въ полной силѣ своего геніальнаго творчества и въ тоже время бѣдствовавшій самымъ отчаяннымъ образомъ. Его нравственныя страданія, какъ изгнанника, тяжелымъ гнетомъ ложились на немъ. Противоположно Листу, онъ потерялъ всякую вѣру и не зналъ, на что опереться. Онъ страшно горевалъ, не имѣя возможности вступить на родную землю. Листу тяжело было видѣть своего друга, лишеннаго единственной поддержки и отрады въ жизни, вѣры, которая одна могла бы заставить его терпѣливо бороться съ тѣмъ положеніемъ, которое, въ пылу своего необдуманнаго увлеченія, Вагнеръ самъ себѣ создалъ.

Справедливость требуетъ сказать, что Листъ не только не далъ Вагнеру погибнуть подъ политическимъ гнетомъ, но и въ теченіи многихъ лѣтъ спасалъ его отъ голодной смерти, и самъ, какъ геній, предчувствуя геніальную даровитость Вагнера, старался предоставить ему возможность жить и творить его безсмертныя произведенія. Въ 1840 г., по возвращеніи своемъ изъ Риги, Вагнеръ жилъ въ Парижѣ, и глава издательской фирмы Шлезингеръ представилъ его Листу. Это была первая встрѣча двухъ необычайныхъ артистовъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи рѣдкими друзьями. Въ 1845 г. Вагнеръ обращается къ Листу съ просьбой не отказать въ содѣйствіи для постановки достойнаго памятника Веберу. Вагнеръ говорилъ, что онъ, бѣдный Нѣмецкій сочинитель оперъ, будетъ работать всю свою жизнь, чтобы распространить свои оперы немного далѣе границъ своей провинціи и слишкомъ ничтоженъ, чтобы создать что-либо особенно великое въ память Вебера и потому умоляетъ Листа взять это дѣло въ свои руки. Въ 1846 г. Вагнеръ познакомилъ Листа со своими партитурами «Ріенци» и «Тангейзера», а въ 1848, послѣ назначенія Листа Веймарскимъ капельмейстеромъ, послалъ ему свою увертюру къ «Фаусту» Гёте. Вагнеръ былъ далеко не финансистъ, нуждался всегда въ деньгахъ и тогда уже обратился къ Листу съ просьбою доставить ему издателя для его трехъ оперъ:

Библиотека "Руниверс"

«Ріенци», «Летучій Голландецъ» и «Тангейзеръ», прося за нихъ пять тысячъ талеровъ. Но такого издателя Листъ не нашелъ. Отрывокъ изъ Лоэнгрина первый былъ тогда уже сыгранъ въ концертѣ въ Дрезденѣ 22-го Сентября 1848 г., а Тангейзеръ былъ назначенъ на 24-е. Листъ былъ сильно увлеченъ Тангейзеромъ и, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, интендантомъ Веймарскаго театра Цигезаромъ, выбралъ эту оперу для праздничнаго представленія 16-го Февраля 1849 г., въ день рожденія великой княгини. Всѣ съ безпокойствомъ ожидали, какъ публика отнесется къ первой оперѣ Вагнера, ибо вкусъ публики развивался случайно, безо всякой системы и направленія. Листъ, Цигезаръ и режисеръ Э. Генастъ, извѣстный въ свое время актеръ, соединили свои силы, чтобы добиться безукоризненнаго исполненія оперы. Это представленіе было тріумфомъ для Листа; ему удалось выдвинуть оперу въ свѣтъ, тогда какъ до того Тангейзеръ давался только въ Дрезденѣ и то благодаря Тихачеку, который первый изучилъ главную роль, подъ руководствомъ самого Вагнера; обыкновенные тенора не брались за нее, находя исполненіе ея слишкомъ труднымъ. И въ Веймарѣ, при первомъ представленіи Тангейзера, роль его исполнялъ тотъ же Тихачекъ.

Листъ разсказалъ мнѣ однажды одну прекрасную черту изъ жизни Тихачека, который въ теченіе многихъ лѣтъ былъ украшеніемъ Дрезденской оперы и въ то время считался лучшимъ теноромъ въ Германіи. Вторымъ капельмейстеромъ этой оперы до революціи 1848 г., въ которой, какъ извѣстно, онъ привялъ участіе, былъ Рихардъ Вагнеръ. Исполнять оперы Вагнера на Дрезденской сценѣ возможно было лишь благодаря Тихачеку. Когда лѣтомъ 1853 года Листъ, будучи въ Дрезденѣ, посѣтилъ Тихачека, тотъ показалъ Листу, между висѣвшими на стѣнѣ картинами, портретъ Вагнера, украшенный лавровымъ вѣнкомъ, и сказалъ: «Этотъ человѣкъ причинилъ мнѣ много горя»,— и разразился горькими слезами. Причина ихъ раздора была слѣдующая. Когда Тихачекъ собирался пѣть въ Дрезденѣ Тангейзера, шесть тактовъ въ его партіи написаны были для него слишкомъ высоко, такъ что онъ сомнѣвался въ возможности ихъ исполнить. Вмѣсто того, чтобы ихъ передѣлать, Вагнеръ совершенно отдалился отъ Тихачека, хотя тотъ и былъ однимъ изъ величайшихъ его почитателей и распространителей Вагнеровской музыки. Когда Вагнеръ писалъ свои «Ріенци», «Тангейзера» и «Лоэнгрина», онъ имѣлъ въ виду только голосовыя средства Тихачека. Послѣ одного изъ представленій Тангейзера, Вагнеръ написалъ маленькую брошюрку, въ которой, на трехъ страницахъ, сильно нападалъ на Тихачека. Это была единственная благодарность, которую Тихачекъ получилъ отъ Вагнера, хотя онъ,

Библиотека "Руниверс"

не жалѣя своего голоса, пѣлъ «Ріенци» и Тангейзера такъ часто, какъ только угодно было Вагнеру. Появленіе этой брошюры глубоко огорчило Тихачека. Когда вслѣдъ за тѣмъ Листъ посѣтилъ Вагнера въ Швейцаріи и разсказалъ ему о томъ, какъ его портретъ у Тихачека украшенъ лаврами, Вагнеръ объяснялъ свою выходку тѣмъ, что какъ скоро дѣло касается его сочиненій, онъ долженъ оставить въ сторонѣ всякія личныя отношенія. Листъ не могъ вполнѣ согласиться съ подобнымъ объясненіемъ, какъ онъ не соглашался и со многимъ другимъ въ поведеніи Вагнера; но онъ убѣдилъ Вагнера написать Тихачеку, что̀ должно было доставить большую радость сему послѣднему.

Между прочимъ Вагнеръ сказалъ Листу: «Такой исполнитель моего Лоэнгрина, какого я себѣ представляю, еще не родился, такъ какъ изо всѣхъ живыхъ пѣвцовъ я не знаю ни единаго, который бы могъ удовлетворить меня своимъ пѣніемъ».

Хотя Вагнера пригласили присутствовать на первомъ представленіи Тангейзера въ Веймарѣ, но онъ отказался, боясь ошибиться въ своихъ ожиданіяхъ. Онъ разсчитывалъ побывать у Листа въ Маѣ того же 1849 года; но вслѣдствіе одного необдуманнаго поступка Вагнера, политическія смуты, появившіяся тогда въ Германіи, на много лѣтъ разрушили его спокойствіе и самостоятельность. Онъ вынужденъ былъ бѣжать и поселился въ Цюрихѣ. Безъ средствъ, на чужой сторонѣ, подъ гнетомъ своего творческаго генія, Вагнеръ прожилъ 15 лѣтъ, пока не послѣдовало помилованіе со стороны короля Саксонскаго. Вѣрная супруга Вагнера раздѣляла его изгнаніе, но къ счастью дѣтей у нихъ не было. Чтобы укрыться отъ своихъ преслѣдователей, Вагнеръ украдкой явился въ Веймаръ, провелъ инкогнито ночь у друга своего Миллера, получилъ отъ него на время чужой паспортъ и подъ чужимъ именемъ благополучно добрался до Швейцаріи, которая открывала обширный пріютъ политическимъ бѣглецамъ, и откуда онъ надѣялся пробраться во Францію. Но Вагнеръ никогда бы не выдержалъ этого томительнаго изгнанія изъ своего отечества, еслибы не нашелъ сильной поддержки и денежной помощи со стороны своего новаго друга, Листа, который неустанно направлялъ его къ терпѣнью и къ выдержкѣ заслуженной кары.

Когда Вагнеръ, послѣ ночной своей остановки въ Веймарѣ, отправился на желѣзную дорогу, чтобы бѣжать въ Цюрихъ, онъ очутился въ томъ поѣздѣ, въ которомъ наша великая княгиня, въ сопровожденіи гофмаршала Больё-Маркэнэ и Листа, отправлялась, по приглашенію герцога Эрнста, въ Готу, чтобы присутствовать на первомъ представленіи оперы «Diane de Solange». Великой княгинѣ доложили, что Вагнеръ находится въ поѣздѣ, и она приказала его позвать и

Библиотека "Руниверс"

представить ей. Никто изъ ѣхавшихъ съ нею и не подозрѣвалъ, что Вагнеръ былъ политическій преступникъ. Великая княгиня вручила ему денежный подарокъ за представленіе Тангейзера. Пріѣхавъ въ Готу, она отправилась во дворецъ, а ея гофмаршалъ вернулся въ залъ перваго класса и, увидя лежавшую на столѣ, только-что вышедшую дневную Готскую газету, бросилъ на нее бѣглый взглядъ, и каково было его удивленіе, когда онъ увидалъ объявленіе правительства королевства Саксонскаго, требующее немедленнаго арестованія скрывшагося Рихарда Вагнера! Въ то время поѣздъ уже ушелъ изъ Готы.

Въ 1849 г. вся Германія, а Веймаръ въ особенности, праздновала столѣтній юбилей со дня рожденія Гёте (28 Августа). Въ виду близости праздника поэтовъ *), рѣшено было отличить этотъ день первымъ представленіемъ оперы Вагнера «Лоэнгринъ», которую онъ окончилъ въ 1847 году, но которая еще нигдѣ не была играна. Сильная партія, воевавшая противъ Вагнера, писала и всѣми силами распространяла мнѣніе, что, по своей трудности, его опера неисполнима. Но Листъ, не смотря на скромныя средства Веймарскаго театра, счелъ возможнымъ поставить ее и тѣмъ пріобрѣлъ ему честь и славу дать первое представленіе Лоэнгрина въ своихъ стѣнахъ. Въ то время въ музыкальномъ журналѣ Бренделя появилась анонимная статья «Ueber das Judenthum in der Musik», которая сильно взволновала всѣхъ Семитовъ. Эта интересная статья написана Вагнеромъ, который долго сдерживалъ свой справедливый гнѣвъ противъ Еврейскаго господства въ музыкѣ. Вліяніе Мендельсона было еще слишкомъ свѣжо и чувствительно повсюду, и кому не удавалось посвятить себя въ артисты, представившись въ Лейпцигскомъ Gewandhaus, тому лучше было отказаться отъ артистическаго поприща. Въ театрѣ господствовалъ Мейерберъ со своими операми и, благодаря своему блестящему положенію въ свѣтѣ, онъ вытѣснялъ съ театральной арены все и всѣхъ, кто могъ маломальски оттѣнить его и его собратій. Это все дѣлалось съ утонченной любезностью и предупредительностью, но въ ущербъ христіанамъ. Насчетъ Еврейской критики нечего и говорить: благодаря деньгамъ, она господствовала по всей Европѣ. Вагнеръ долженъ былъ себѣ сказать, что его голосъ останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, такъ какъ Семиты, благодаря своимъ богатствамъ, останутся господами и властителями не только въ музыкѣ, но и во всемъ; тѣмъ не менѣе онъ писалъ противъ нихъ для удовлетворенія накипѣвшей у него злобы. Что̀ сказалъ бы Вагнеръ, еслибы, сорокъ лѣтъ спустя, взглянулъ на Петербургскую Консерваторію? Она сдѣлалась очагомъ Семитскаго элемен-

*) 25-го Августа 1850 года открытъ памятникъ Гердеру въ Веймарѣ.

Библиотека "Руниверс"

та. Гдѣ же тамъ думать о процвѣтаніи Славянской музыки: ее душатъ въ самомъ зародышѣ.

Другія книги Вагнера: «Oper und Drama» «Niebelungen» «Das Kunstwerk», «Das Zukunft», «Kunst und Revolution». Его племянница Клара Брокгаузенъ писала мнѣ въ 1850 году, что онѣ написаны очень умно, но что многое будетъ непонятно для публики. Она завидовала мнѣ, что я имѣю возможность слышать Веймарскія оперныя представленія. Сама она жила въ Дрезденѣ, гдѣ, по ея словамъ, былъ такой банальный репертуаръ, который стыдно представлять публикѣ, имѣя такихъ первоклассныхъ артистовъ, какіе были въ Дрезденѣ. Давали все комедіи, иногда «Лучію ди Ламермуръ». «Это возмутительно!» писала она; но передъ чужими я не смѣю этого говорить: могутъ подумать, что я такъ говорю изъ пріязни къ моему дядѣ. Во мнѣ все кипитъ, когда я вижу Крэбса или Рейсигера у капельмейстерскаго пюпитра; первый по праву носитъ свою фамилію и все пятится назадъ, а второй смотритъ на управленіе оперой, какъ на работу. Почти никогда опера не идетъ, какъ она должна бы идти: она пришла въ болѣзненное состояніе, и я боюсь, что вскорѣ опера впадетъ въ чахотку. Не моя вина, что прежде, подъ управленіемъ моего дяди, я находила исполненіе оперъ артистическимъ. Недавно поставили «Весталку» Спонтини, дали всего два раза и затѣмъ предали ее забвенію, что вызвало въ Дрезденскомъ журналѣ сильное нападеніе на Крэбса. Я слышала «Ромео» въ Веймарскомъ театрѣ: пѣли плохо, но никогда не слыхала я его такъ хорошо сыграннымъ, въ десять разъ лучше, чѣмъ въ Дрезденѣ. Недавно тамъ давали концертъ, состоявшій исключительно изъ сочиненій Саксонскихъ капельмейстеровъ. Изо всѣхъ вещей только двѣ старыя были удивительно хороши, остальныя всѣ ничтожны. Чудно подѣйствовала на меня увертюра «Эвріанты» Вебера; свѣжесть и красота ея поразили мое сердце, а публика съ восторгомъ требовала повторенія увертюры. Послѣдній номеръ программы была «Пѣснь матросовъ» изъ «Летучаго Голландца» Вагнера. Она была радостно принята публикой, хотя нѣсколько приверженцевъ стараго и личныхъ враговъ Вагнера испускали отдѣльные свистки. Это первый разъ, что исполнили его сочиненіе, со времени его изгнанія. Въ Дрезденѣ желаютъ, чтобы Іоанна Вагнеръ *) пѣла, но она соглашается лишь съ тѣмъ условіемъ, что дадутъ Тангейзера, въ которомъ она поетъ роль Елисаветы».

Лѣтомъ 1853 г. Листъ ѣздилъ въ Цюрихъ повидаться съ Вагнеромъ. По дорогѣ онъ остановился на три дня въ Карлсруэ, чтобы

*) Тоже племянница Вагнера, извѣстная пѣвица.

Библиотека "Руниверс"

сдѣлать нужныя приготовленія для музыкальнаго праздника, которымъ ему предстояло дирижировать въ концѣ Августа. Листъ говорилъ мнѣ: «Осмотрѣвъ въ три дня мѣстность и музыкальныя силы, я убѣдился, что нельзя устроить ничего выдающагося и что для того, чтобы изучить что-нибудь, мнѣ придется отправиться туда за двѣ недѣли. Принцъ-регентъ предложилъ выстроить особое помѣщеніе для устройства праздника; я нашелъ это излишнимъ, потому что тогда уже наступитъ холодное время. Сцена въ Карлсруэ будетъ сдѣлана возвышенная; слушателей будетъ около двухъ тысячъ человѣкъ. Пятьсотъ или шестьсотъ участвующихъ будутъ изъ Карлсруэ или изъ Мейнингена».

Окончивъ свои приготовленія въ Карлсруэ, Листъ поѣхалъ въ Цюрихъ. На вокзалѣ его ожидалъ Вагнеръ. Они обнялись, или вѣрнѣе, душили другъ друга отъ радости. Наконецъ, Листъ сказалъ Вагнеру: «У насъ еще будетъ время», обернулся и увидѣлъ, что они окружены людьми, которые съ удивленіемъ на нихъ смотрятъ. Пріѣхавъ въ домъ Вагнера, Листъ раньше всего раскланялся съ его женой. Это была его первая жена, которая, въ самые тяжелые годы его жизни, раздѣляла съ нимъ радость и горе. Это была хорошая Нѣмецкая хозяйка, которая хотя не была такъ развита, какъ вторая его жена (Козима фонъ-Бюловъ, рожденная Листъ), но всѣ родственники Вагнера ее очень хвалили.

Домъ, въ которомъ жилъ Вагнеръ, находился въ очень красивой мѣстности и внутри былъ очень изящно отдѣланъ. На замѣчаніе Листа, что устройство всего дома совершенно аристократично, Вагнеръ отвѣчалъ: «Я такъ люблю». Самъ онъ былъ одѣтъ по послѣдней модѣ, и платье его было изъ тончайшаго сукна. «Затѣмъ», продолжалъ мнѣ разсказывать Листъ, «мы отправились въ гостиницу Бауръ (Baur), гдѣ для меня были приготовлены комнаты; но онѣ мнѣ не понравились. Тогда Вагнеръ предложилъ пойти во флигель гостиницы, и тамъ мы нашли комнату съ прелестнымъ видомъ на озеро; въ ней я и поселился. Отель Бауръ нельзя сравнить съ Веймарскими гостинницами Эрбъ-Принца или Russischer Hof. Мы вернулись къ Вагнеру, гдѣ завтракъ, обѣдъ и ужинъ слѣдовали одинъ за другимъ. Такъ какъ это было очень трудно для хозяйки, я предложилъ Вагнеру сдѣлать маленькую экскурсію на Фирвальдштедтское озеро. Хоть я не люблю видовъ, но воспоминаніе о Фирвальдштедтскомъ озерѣ представляется для меня самымъ пріятнымъ: много счастливыхъ часовъ провелъ я тамъ въ обществѣ графини * * * и князя Феликса Лихновскаго. Во время нашихъ странствованій по Фирвальдштатскому озеру, мы съ Вагнеромъ достигли Грётлинга. Швейцарія, гдѣ я прожилъ шесть мѣсяцевъ была мнѣ извѣстна: я когда-то даже взбирался на Монбланъ. Послѣ

Библиотека "Руниверс"

двухдневнаго отсутствія мы вернулись въ Цюрихъ, гдѣ меня ожидало извѣстіе о кончинѣ гросгерцога Саксенъ-Веймарскаго Карла Фридриха. Поэтому въ Цюрихѣ я пробылъ только 8 дней и поспѣшилъ обратно въ Веймаръ».

На возвратномъ пути Листъ остановился во Франкфуртѣ. Тамъ онъ видѣлся со скрипачемъ Вьётаномъ, провелъ съ нимъ нѣсколько очень пріятныхъ часовъ и пригласилъ его пріѣхать зимой въ Веймаръ. Онъ также видѣлъ во Франкфуртѣ Карла Леви, салоннаго піаниста и очень посредственнаго композитора изъ Петербурга, которымъ интересовался еще прежде, въ Вѣнѣ. Леви много разказывалъ Листу про Антона Рубинштейна, говоря, что онъ прилежный и старательный артистъ.

Въ Лейпцигѣ Листъ случайно встрѣтился съ Венгерскимъ поэтомъ Роллетомъ, съ которымъ познакомился, когда тотъ проводилъ зиму въ Веймарѣ. Листъ спросилъ Роллета его мнѣнія о Веймарѣ; тотъ отвѣчалъ ему, что больше не восхищается ни Веймаромъ, ни его музыкантами, ни ихъ сочиненіями. Напримѣръ, онъ убѣжденъ, что въ оперѣ Вагнера «Тангейзеръ», послѣдній долженъ въ концѣ-концовъ вернуться къ Венерѣ, а не отправляться въ Римъ на богомолье. Такого мнѣнія были многіе; но Листъ, выслушавъ, иронически отвѣчалъ: «Понятно, что такой испорченный человѣкъ, какъ Вагнеръ, не могъ придти къ столь возвышенному заключенію». Листъ находилъ, что повѣствованіе о Тангейзерѣ имѣетъ весьма религіозный характеръ. Не смотря на то, что Вагнеръ не принадлежалъ ни къ одному изъ трехъ вѣроисповѣданій, онъ, самъ того не сознавая, могъ считаться членомъ высшей католической церкви; это направленіе высказывается въ его Тангейзерѣ. Въ Нибелунгахъ видно совсѣмъ другое: это фантазія великаго генія. Свое «Кольцо Нибелунговъ» Вагнеръ напечаталъ, какъ самостоятельную поэму. Слогъ его могучъ и по своей простотѣ и силѣ напоминаетъ народныя былины. Нѣсколько экземпляровъ, присланныхъ Вагнеромъ Листу, ходили изъ рукъ въ руки и читались съ величайшимъ интересомъ. Давно не выходило въ свѣтъ поэмы, которая бы такъ поражала геніальностью плана и поэтичностью разработки.

Въ то время Вагнеръ писалъ «Нибелунги», надъ которыми онъ трудился въ теченіе трехъ лѣтъ.

Какъ другъ Вагнера, Листъ счелъ своимъ долгомъ совершенно откровенно разспросить объ его республиканскихъ взглядахъ. «Я сказалъ ему, что не понимаю, что̀ музыка имѣетъ общаго съ республикой; когда я вижу, что политика не такова, какъ я желалъ бы ее видѣть, то устраняюсь совершенно отъ этого вопроса. Я радъ былъ узнать, что онъ не сочувствуетъ республиканцамъ: его участіе въ ре-

Библиотека "Руниверс"

волюціи 1848 г. произошло отъ личной мести тогдашнему королевскому гофъ-интенданту фонъ-Лютихау, который его очень раздражалъ. Э. Реккель, тоже музикъ-директоръ въ Дрезденскомъ театрѣ, руководилъ устройствомъ баррикадъ на улицахъ Дрездена, и онъ уговорилъ Вагнера участвовать въ возстаніи. Вагнеръ не бралъ въ руки никакого оружія и не убилъ ни одной мухи. Революціонный комитетъ послалъ его въ Хемницъ, чтобы взбунтовать тамъ крестьянъ. Это было главное обвиненіе противъ него. Я нахожу, что его наказали слишкомъ строго». Чтобы его простить, отъ него требовали отреченія отъ участія въ революціи; но такой гордый и сильный характеръ, какъ Вагнеръ, не могъ на это рѣшиться. Онъ просилъ позволенія пожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Дрезденѣ, чтобъ услышать своего Лоэнгрина, и Листъ прибавилъ, что это желаніе его было вполнѣ естественно, такъ такъ это дало бы ему возможность судить о своихъ будущихъ работахъ. Нашъ гросъ-герцогъ Карлъ-Александръ Саксенъ-Веймарскій, во время пребыванія своего въ Дрезденѣ, просилъ за Вагнера; но единственнымъ послѣдствіемъ этого было то, что въ газетахъ опять напечатали его портретъ, съ подтвержденіемъ объ изгнаніи. Впослѣдствіи оказалось, что какой-то иностранецъ, съ которымъ Вагнеръ познакомился и вдался въ Цюрихѣ, былъ шпіономъ и передавалъ въ Дрезденъ разныя невѣрныя сообщенія, и это было причиной возобновленія преслѣдованія на Вагнера. Между тѣмъ въ Цюрихѣ онъ жилъ очень уединенно и примкнулъ къ партіи консерваторовъ. Это уединеніе было настоящимъ счастьемъ для творческаго генія Вагнера, потому что, еслибы онъ имѣлъ большой кругъ дѣятельности, онъ не могъ бы такъ много творить. Притомъ онъ былъ свободенъ отъ ежедневныхъ заботъ: семейство Риттеръ изъ Петербурга выдавало ему ежегодно 2000 талеровъ, m-me Калерджи—1000 франковъ, и другіе еще также давали ему.

Вагнеръ спросилъ Листа: «Какъ можешь ты жить среди такихъ мелкихъ интересовъ, въ Веймарѣ»?

Поселеніе Листа въ Веймарѣ вызвало у друзей его сомнѣніе, долго ли онъ выдержитъ мелочныя отношенія маленькаго Нѣмецкаго города, который, правда, имѣлъ за собой отжившую блестящую эпоху созвѣздія поэтовъ, когда были Гёте, Шиллеръ, Гердеръ, Виландъ и многіе другіе. Но ихъ жизнь въ Веймарѣ была гораздо понятнѣе, чѣмъ пребываніе тамъ Листа. Они были кабинетные труженики, которые въ Веймарѣ имѣли возможность пополнять свои знанія книгами изъ гросъ-герцогской и Іенской библіотекъ. Нравственно ихъ поддерживали члены Веймарской царствующей семьи, которые по своимъ выдающимся высокимъ качествамъ сердца и ума заняли надлежащее мѣсто въ исто-

Библиотека "Руниверс"

ріи. Имена друга Гёте, гросъ-герцога Карла Августа, его матери герцогини Анны Амаліи, его супруги, гросъ-герцогини Луизы, и тогда еще молодой, эрбъ-гросъ-герцогини Маріи Павловны, тѣсно связаны съ интеллигентной жизнью въ Сальскихъ Аѳинахъ, какъ прозвали Веймаръ. Совсѣмъ уже другое было, когда въ 1848 году Листъ тамъ поселился. Великая княгиня Марія Павловна была уже почтенныхъ лѣтъ и поступала вполнѣ сознательно; въ ней уже не было увлеченія молодости, столь необходимаго для поддержанія всякаго новаго явленія: оно стѣснялось ея годами. Сынъ ея гросъ-герцогъ Карлъ Александръ болѣе увлекался произведеніями художниковъ, но, согласно времени и этикету, не стремился къ поддержанію генія, подобнаго Листу, такъ свободно, какъ во время óно дѣдъ его, который жилъ и работалъ вмѣстѣ съ Гёте. Но Листъ надѣялся, что на почвѣ, пропитанной Нѣмецкой литературой, ему удастся положить въ ней начало къ основательному развитію и преобразованію опернаго дѣла, при содѣйствіи драмъ Вагнера. Онъ не жалѣлъ ни денегъ, поддерживая ими Вагнера, который работая голодалъ, ни утомительныхъ трудовъ, потраченныхъ на борьбу для искорененія музыкальныхъ неурядицъ, и не обращалъ вниманія на всякія дрязги и нападки, сыпавшіяся на него со стороны артистовъ. Словомъ, онъ все переносилъ въ надеждѣ поднять свое любимое искусство, музыку. Въ лицѣ Цигезара онъ нашелъ себѣ достойнаго и вѣрнаго сотрудника; но серьезная болѣзнь глазъ, доведшая его до слѣпоты, заставила Цигезара отказаться отъ дирекціи Веймарскаго театра. Вагнеръ былъ изъ числа тѣхъ, которые съ увѣренностью предсказывали Листу, что Веймаръ готовитъ ему горькій опытъ, и что все, что онъ такъ тщательно и благородно насадилъ, зарастетъ плевелами, коль скоро его не станетъ. Но тогда Листъ все еще вѣрилъ, что ему удастся положить основательное начало къ болѣе обширному труду, который распространится и послѣ его смерти. Лично же для себя, Листъ не считалъ время своего пребыванія въ Веймарѣ потеряннымъ. Въ городкѣ тихой и скромной жизни онъ усиленно занялся композиціей.

19-го Марта. Я въ первый разъ слышала оперу Раффа «Король Альфредъ». Выступить съ новой оперой послѣ Вагнера было дѣломъ нелегкимъ. Не говоря уже о «музыкантахъ будущности» (Zukunftmusiker), которые присвоили себѣ взглядъ на оперу по музыкальной драмѣ Вагнера, даже публика стала требовательнѣе, ознакомившимъ съ твореніями Вагнера. Листъ давалъ оперу Раффа для поощренія его таланта и для возбужденія къ дальнѣйшей работѣ. Раффъ мастерски владѣлъ оркестромъ, его инструментація была замѣчательна между всѣми композиторами, такъ что работа его сама собою выдвигалась

Библиотека "Руниверс"

впередъ. Но, не смотря на такія выдающіяся заслуги, сравненія съ Вагнеромъ нельзя было допустить: Вагнеръ тогда, какъ и теперь, оставался единственнымъ хозяиномъ высоко-художественныхъ стремленій.

Наканунѣ былъ концертъ, въ которомъ игралъ Клиндвортъ; онъ хорошо игралъ, но меня поразила холодность его игры. Клиндвортъ почти два года прожилъ въ Веймарѣ и занимался у Листа серьезно, какъ его товарищъ Бюловъ. Затѣмъ онъ поступилъ капельмейстеромъ въ Ганноверъ, а затѣмъ поселился въ Лондонѣ, гдѣ его музыкальное образованіе никакъ не могло сойтись съ весьма въ то время патріархальнымъ положеніемъ музыки въ Англіи (существовалъ культъ Мендельсона). Впослѣдствіи онъ поступилъ профессоромъ піанофортной игры въ Москву, гдѣ и понынѣ живетъ.

21-го вечеромъ я была у Листа и видѣла тамъ графа Гарраха (псевдонимъ Эккардта) изъ Вѣны, который игралъ очень хорошо и пріѣхалъ для того, чтобы подвергнуть себя критикѣ Листа, никогда никому не отказывавшаго въ добромъ совѣтѣ. Онъ и въ этотъ вечеръ игралъ и занимался со мною.

Нѣсколько дней спустя, Листъ съѣздилъ въ Лейпцигъ, чтобъ услышать одну изъ пассій, написанныхъ Бахомъ на слова Евангелія для соло, хора и оркестра. Въ Лейпцигѣ давно уже существовалъ обычай ежегодно, въ Великую Пятницу, пѣть въ церкви одну изъ этихъ пассій; повторяя ихъ ежегодно, исполнители сжились съ весьма трудной задачей и исполняли ихъ безукоризненно. Всякій, кто только имѣлъ возможность побывать въ этотъ день въ Лейпцигѣ, не упускалъ случая ихъ послушать, такъ какъ не только въ остальной Германіи, но и вообще вездѣ онѣ исполнялись очень рѣдко. Трудность передачи выпадала главнымъ образомъ на долю хоровъ, которые не вездѣ умѣли усвоить себѣ безукоризненную передачу фугъ Баха, что̀ вообще совсѣмъ нелегкая задача.

1-го Апрѣля въ Лукасъ-ферейнѣ устроены были живыя картины. Обыкновенно старались въ точности передать картины разныхъ художниковъ одной школы, или же посвящали весь вечеръ одному изъ нихъ, напримѣръ Рафаэлю, Мурильо и т. п.; постановкой живыхъ картинъ завѣдывали наши профессоры (живописи) Преллеръ, Мартерштейгъ и т. д. Признаться, я на себѣ испытала, какъ много поучительнаго было въ этихъ вечерахъ. Впослѣдствіи я потеряла возможность ими любоваться: многіе поющіе члены этого общества входили въ составъ моего частнаго хора, и я не могла отказать имъ, когда меня упрашивали хоромъ сопровождать картины. Выборъ подходящихъ для этого недлинныхъ композицій былъ для меня нелегкой задачей, и на разучиванье ихъ уходило немало времени. Такое разбрасыванье сво-

Библиотека "Руниверс"

ихъ силъ не всегда приходилось мнѣ по вкусу, но «qui dit *a*, dit *b*», я не любила отказываться быть полезной, и эта лихорадочная жизнь продолжалась нѣсколько лѣтъ.

Нѣсколько дней спустя, при дворѣ давали любительскій Французскій спектакль *), по случаю дня рожденія эрбгросъ-герцогини; играли члены общества, а главныя роли исполняли Французскій посланникъ и его первый секретарь. Куплеты сопровождала самая легкая Французская музыка изъ разныхъ опереток, и тутъ опять моя милость исполняла роль аккомпанирующей. На эту невеселую задачу я потратила много времени; были репетиціи безъ конца для самой пьесы, въ которой музыкальности не было ни на грошъ. Въ подобныхъ случаяхъ страдала моя музыкальная гордость, а главное моя скупость на время и мое здоровье, которое чувствовало неотразимую усталость.

4-го Мая. Я познакомилась у Листа съ Іосифомъ Венявскимъ, братомъ извѣстнаго скрипача. Онъ былъ піанистъ, игралъ бѣгло и чисто, но далеко отстоялъ отъ своего брата, у котораго въ игрѣ больше техники и жизни. Вскорѣ я слышала его игру въ концертѣ, который давалъ слѣпой флейтистъ Ф. Пауль. Изувѣченные артисты самое грустное явленіе, и нельзя сказать, какое тяжелое впечатлѣніе это производитъ на публику.

15-го Іюня исполнилось двадцать пять лѣтъ царствованія гросъ-герцога Карла Фридриха. Директоръ театра не нашелъ ничего лучшаго, какъ дать, въ день рожденія гросъ-герцога (26-го Іюня), «Индру» Флотова, музыкальное ничтожество, которое не слѣдовало допускать на Веймарскую сцену. Листу это было обидно и больно, но его возраженія противъ допущенія подобной музыкальной безвкусицы не были приняты во вниманіе.

Вскорѣ послѣ своего юбилея гросъ-герцогъ занемогъ. 8-го Іюля въ 4 часа утра съ дворцовой башни раздался унылый колокольный звонъ, извѣщавшій о кончинѣ любимаго всѣми добрѣйшаго гросъ-герцога. Отецъ мой, по желанію великой княгини, отслужилъ заупокойную обѣдню и панихиду въ церкви нашего дома. Мы всѣ Русскіе присутствовали при этомъ богослуженіи. Тѣло покойнаго выставили на одинъ день въ оранжереѣ Бельведерскаго парка. 12-го Іюля перевезли бренные его останки изъ Бельведера по Веймарскому парку прямо къ дверямъ нашей церкви, гдѣ собрались и выстроились всѣ городскія депутаціи и военные чины. По волѣ покойнаго, тѣло его везли по означенному пути къ православной церкви, тамъ отслужена

*) Давали „Клермонъ" Скриба и „Rêve d'amour" Дювера и Лозанъ.

Библиотека "Руниверс"

была литія, а затѣмъ шествіе двинулось къ мѣсту вѣчнаго покоя, гдѣ гробъ былъ поставленъ за гробомъ отца покойнаго, великаго герцога Карла Августа, покоившагося между гробами Гёте и Шиллера, которые составляли гордость его царствованія. Въ торжественномъ шествіи принималъ участіе и мой отецъ, но по волѣ великой княгини, во фракѣ съ орденами, даже не въ рясѣ, тогда какъ протестантское и католическое духовенства были въ своихъ духовныхъ облаченіяхъ.

Началось новое царствованіе и, какъ вездѣ это бываетъ, старое отодвинулось назадъ, и новыя лица выступили на первый планъ; одинъ Цигезаръ остался гофмаршаломъ при нашей великой княгинѣ.

Нѣсколько дней по вступленіи на престолъ молодой гросъ-герцогской четы, гросъ-герцогиня Софія назначила меня своей піанисткой, съ 200 талеровъ жалованія; признаться, я очень обрадовалась этому назначенію и была польщена ея выборомъ. Быть можетъ, это былъ первый примѣръ, что Русская поступила на службу Германіи, хотя, понятно, съ разрѣшенія нашего государя, о чемъ позаботилась сама гросъ-герцогиня.

Въ концѣ лѣта въ Веймаръ пріѣхалъ Варнгагенъ-фонъ-Энзе. Онъ былъ у насъ вмѣстѣ съ племянницей своей Людмилой Ассингъ. Она, болѣе, чѣмъ онъ, во всемъ осталась вѣрна своему Еврейскому происхожденію и производила очень несимпатичное впечатлѣніе. Гросъ-герцогъ, знавшій Варнгагена еще прежде, принялъ его самымъ любезнымъ образомъ, и вообще все дѣлалось, чтобы пребываніе въ Веймарѣ было ему пріятно. Веймарскій дворъ всегда отличался гостепріимствомъ и предупредительностью по отношенію каждаго, даже изъ мало еще извѣстныхъ писателей, художниковъ или артистовъ. Варнгагена желали отличить не только лично ради него, но и ради того, что имя его было тѣсно связано съ именемъ умершей жены его, Рахили (Rachel), которая была извѣстна своей красотой и умомъ, и въ скромномъ помѣщеніи у которой въ Берлинѣ собиралось все, что̀ было въ Германіи выдающагося по уму, таланту, или общественному положенію. Варнгагенъ сталъ извѣстенъ, благодаря ей, такъ какъ самъ, будучи мелоченъ и злобенъ, никогда бы не могъ одинъ выдвинуться на столько впередъ. Изданная по смерти ея обширная ея переписка свидѣтельствуетъ о томъ, какое она была исключительное явленіе и какое удивительное положеніе она занимала.

28-го Августа, въ день рожденія Гёте, назначена была послѣ богослуженія присяга великому герцогу. Къ этому дню Листъ написалъ маршъ, а Раффъ—для церковнаго торжества мотету, которую по его просьбѣ, пропѣли. Она была исполнена до пѣнія псалма и до проповѣди, которую сказалъ Диттенбергъ, съ той каѳедры, съ которой

Библиотека "Руниверс"

Гердеръ, Рёръ и многіе другіе поучали евангельскимъ словомъ и возвышали души молящихся.

17-го Сентября. Видѣла Листа, который на одинъ день вернулся въ Веймаръ изъ Карлсбада и въ туже ночь уѣхалъ въ Карлсруэ, на готовившійся тамъ праздникъ. Листъ разсказывалъ, что въ Карлсбадѣ, кромѣ лѣченія, онъ пользовался развлеченіями, которыя встрѣчаются на водахъ: онъ нашелъ тамъ городской оркестръ I. Лабицкаго, который много лѣтъ тамъ дѣйствовалъ, развлекая наѣзжавшую больную публику. Въ Австріи вообще на водахъ встрѣчаются отличные частные оркестры, составленные большей частью изъ музыкальныхъ Чеховъ и другихъ Славянъ, или же изъ Венгерскихъ Цыганъ. Лабицкій своими вальсами одно время соперничалъ съ вальсами I. Штрауса (отца); но сочиненія его по тонкости, изяществу и граціозности не могутъ сравниться съ музыкой Штрауса.

Ровно восемь мѣсяцевъ Листъ не входилъ въ Веймарскій оркестръ, но его любовь къ произведеніямъ его друга Вагнера заставила его опять взять въ руки палочку дирижера, и 30-го Октября вечеромъ, при переполненномъ театрѣ, Листъ управлялъ «Летучимъ Голландцемъ». Великогерцогская ложа, по случаю придворнаго траура по великомъ герцогѣ, оставалась неосвѣщенной; но публика восторженно приняла Листа и отлично исполненную оперу, за которой вскорѣ послѣдовало повтореніе Тангейзера и Лоэнгрина.

Листъ былъ въ очень раздраженномъ и угнетенномъ настроеніи духа: дѣло о разводѣ княгини Витгенштейнъ все болѣе и болѣе запутывалось и затягивалось. Надо полагать, что препятствія встрѣчались и поднимались главнымъ образомъ со стороны родственниковъ княгини, которые дѣлали все, чтобы дѣло не кончилось для нея благополучно. Желая забыться, Листъ, въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, работалъ безъ устали, избѣгалъ даже видѣться съ кѣмъ бы то ни было; особенно пріѣзжіе надоѣдали ему.

27-го Ноября Листъ дирижировалъ «Вильгельма Телля». До того, изъ политическихъ соображеній, опера эта въ Веймарѣ не давалась; но съ 1848-го года многое измѣнилось, и Меттерниховская политика уже не господствовала по всей Германіи, такъ какъ потеряла главную свою поддержку; народъ сталъ выбиваться изъ рукъ католическаго духовенства, и умственное развитіе свободнѣе двинулось впередъ, такъ что многое нельзя было болѣе скрывать отъ народа, и онъ даже началъ вырабатывать себѣ права, о которыхъ прежде и не мечталъ.

30-го Я была на урокѣ у Листа, который терпѣливо и любезно слушалъ и училъ меня. Не надо полагать, что онъ былъ преподава-

Библиотека "Руниверс"

телемъ по обыкновенному покрою: онъ не училъ, какъ нужно играть, какой палецъ ставить, какъ связывать или стаккировать и т. д.; нѣтъ, онъ вселялъ духъ и жизнь въ сыгранную вами вещь; вотъ почему онъ принималъ въ число своихъ учениковъ только тѣхъ, которые уже прошли извѣстную школу. Иногда только, признавая неудобною общепринятую послѣдовательность пальцевъ, онъ указывалъ на выработанную имъ самимъ аппликатуру, напримѣръ: трель съ большимъ и третьимъ пальцемъ, введеніе большого пальца на черныя клавиши и т. д., чего прежде не допускалось. Онъ признавалъ законнымъ то, что было удобоисполнимо, и надо сознаться, что, не смотря на техническую трудность его произведеній, все лежитъ очень удобно для руки; а это не всегда можно сказать о другихъ сочинителяхъ пьесъ для рояля.

7-го Декабря. Урокъ у Листа, который между тѣмъ побывалъ въ Лейпцигѣ и присутствовалъ тамъ на двухъ концертахъ Берліоза, сочиненія котораго, сверхъ всякаго ожиданія и не такъ какъ раньше, очень хорошо приняли въ Gewandhaus'ѣ, я думаю, просто изъ оппозиціи къ Вагнеру, которому классическая почва Лейпцига не поддавалась. Листу было тяжело и больно, что, будучи въ Лейпцигѣ, онъ ничего не могъ сдѣлать для изданія Вагнеровскихъ партитуръ у братьевъ Гэртель, которые одни, по обширности своего издательскаго дѣла, могли взяться за это. Лично они, быть можетъ, и согласились бы на это тогда еще рискованное дѣло, которое въ случаѣ удачи принесло бы большое вознагражденіе; но въ то время звѣзда Вагнера только что начинала восходить, оппозиція была еще слишкомъ сильна и многочисленна, такъ что, не смотря на все, Листъ получилъ отказъ, и Вагнеръ попрежнему остался лишь съ тѣмъ, что отдѣльныя личности для него дѣлали, съ цѣлью дать ему возможность продолжать работать.

Въ началѣ 1854-го года Листъ переложилъ для рояля 9 отрывковъ Лоэнгрина и за эту работу получилъ отъ Гэртеля триста рейхсъталеровъ, немного болѣе 30-ти рублей за каждый. Интересно было бы знать, сколько чистаго барыша выручила себѣ издательская фирма, такъ какъ пьесы эти играютъ нынѣ по всему свѣту.

Библиотека "Руниверс"

НОВАЯ ПОГУДКА НА СТАРЫЙ ЛАДЪ.

Пушкинъ—тема вѣчно новая. Говорить о немъ, особенно на страницахъ изданія, спеціально посвященнаго Русской исторіи и литературѣ, всегда своевременно, и не нужно быть пророкомъ, чтобы вслѣдъ за Бѣлинскимъ повторять, что каждое поколѣніе будетъ изучать Пушкина и никогда ни одно не выскажетъ о немъ вполнѣ всего, что̀ о немъ можно сказать. Его значеніемъ въ Русской исторіи вызывается много нерѣшенныхъ доселѣ вопросовъ. Однако, кое-что относительно Пушкина давнымъ давно рѣшено и установлено съ достаточной незыблемостью, а взгляды покойныхъ „Маяка" и Писарева здравомысленная критика уже проводила въ заслуженную могилу.

Нельзя поэтому не выразить изумленія, когда встрѣчаешься съ воскрешеніемъ забытыхъ взглядовъ, нынѣ вспоминаемыхъ развѣ только въ качествѣ курьезовъ въ исторіи развитія Русской мысли и критики.

Въ Майской книжкѣ *„Русской Старины" 1899 года* напечатана статья *В. В. Сиповскаго: „Онѣгинъ, Татьяна и Ленскій. (Къ литературной исторіи Пушкинскихъ типовъ)"*, вскорѣ послѣ того вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ. Въ ней авторъ разсматриваетъ, какъ создались три наиболѣе любимые и поэтическіе Пушкинскіе типа. Онъ беретъ примѣры изъ западно-европейскихъ литературъ и, приводя изъ нихъ мѣста, соотвѣтствующія Пушкинскимъ, показываетъ, что̀ было въ герояхъ нашего великаго поэта навѣяннаго, чужого, занесеннаго съ Запада.

Изъ „Евгенія Онѣгина" г. Сиповскій отлично знаетъ, что Татьянѣ

> рано нравились романы,
> Они ей замѣняли все;
> Она влюблялася въ обманы
> И Ричардсона, и Руссо.

Знаетъ онъ также, что письмо Татьяны къ Онѣгину то письмо, о которомъ самъ Пушкинъ сказалъ:

> Его я свято берегу,
> Читаю съ тайною тоскою
> И начитаться не могу,—

что это письмо въ выраженіяхъ своихъ заимствовано изъ знаменитыхъ ро-

Библиотека "Руниверс"

мановъ Запада; что Татьяна, говоря словами Пушкина, переводящаго ея признаніе для читателя съ Французскаго языка на Русскій,

себѣ присвоя
Чужой восторгъ, *чужую* грусть,
Въ забвеньѣ шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя.

Руководствуясь этими указаніями Пушкина, достаточно разъясняющаго, какіе авторы и какіе литературные образцы подѣйствовали на Татьяну, г. Сиповскій берется за этихъ авторовъ и, между прочимъ, конечно, за Руссо. Тутъ онъ убѣждается, что письмо влюбленной Татьяны навѣяно посланіемъ Юліи къ Сенъ Пре, а кое-гдѣ даже чуть не списано съ него. Прослѣживаетъ онъ это сходство весьма тщательно: работа нетрудная и, разумѣется, небезполезная. На этомъ бы г. Сиповскому остановиться; но, къ сожалѣнію, онъ къ своей ложечкѣ меду подбавляетъ дегтю и портитъ производимое скромнымъ его трудомъ впечатлѣніе.

Сравнивъ Татьяну съ героинями западно - европейскихъ литературъ, г. Сиповскій внезапно приходитъ къ курьезному выводу, что „героиня Пушкина *довольно удачный сколокъ* съ героинь своихъ любимыхъ романовъ: она воображаетъ себя Юліей, Клариссой и Дельфиной до того удачно, что сливается съ этими литературными образами; она говоритъ языкомъ Юліи, переживаетъ опасенія Клариссы, живетъ мечтами и думами Дельфины“...

„Что же въ ней Русскаго, въ этой идеальной Русской женщинѣ? *Только то*, что она была суевѣрна, любила Русскія сказки, Русскую природу, Русскую тройку. Ея „Русская душа“ оказывается до того слабо связанною съ родною жизнью, что экзотическое вліяніе иностранной романической литературы опредѣляетъ всю ея жизнь. Правда, если бы судьба оставила Татьяну „въ глуши забытаго селенья“, она, вѣроятно, въ концѣ концовъ обратилась бы въ добродушную, хлѣбосольную Русскую помѣщицу...

„Судьба судила Татьянѣ иное: она попала въ высшій кругъ, въ полу-Русскую толпу людей, ломающихся, большею частью копирующихъ все тѣхъ же Ловласовъ, Фобласовъ, Грандисоновъ, съ которыми Татьяна была знакома давно... Немудрено, что *ея свѣтская жизнь была для нея продолженіемъ все того же романическаго бреда. Какъ иначе объяснить ея вторичное признаніе въ любви Онѣгину:*

Я васъ люблю... (Къ чему лукавить?)

За что было любить Онѣгина этой „простой, искренней дѣвушкѣ, съ ея чистой, серьезной любовью“ послѣ того, какъ ей удалось открыть, что онъ—не что иное, какъ

подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ.

Библиотека "Руниверс"

Очевидно, причину этой неувядаемой „любви“ надо искать въ какомъ-нибудь постороннемъ вліяніи... И, повторяемъ: *думается намъ*, что опять-таки романы подсказали ей *и это искреннее признаніе, и эту отповѣдь Онѣгину, за которую такъ высоко ставятъ ее Русскіе критики. Иначе поступить „идеальная“ героиня не могла:* ея „любовь“ должна была быть вѣчна, чиста и безупречна; героиня должна „страдать“, должна быть самоотверженной и не сходить съ пьедестала. Прибавимъ, въ заключеніе, еще то что, необходимо для вѣрнаго пониманія Татьяны, именно *признаніе Пушкина, что онъ срисовалъ свою героиню съ живого лица* *)!...

Какъ не узнать въ этихъ строкахъ отрицательную школу! Она воскресла со своимъ легкимъ и развязнымъ отношеніемъ къ критикуемому предмету, со своею либеральною близорукостью, со своимъ, по мѣткому выраженію *Д. С. Мережковскаго* („*Вѣчные Спутники*“, *СПб. 1897*, стр. 447), „раздраженіемъ дикаря передъ созданіемъ непонятной ему культуры“. Видно, рано сочли эту школу похороненною и отпѣтою: брошенныя ею сѣмена, по всему судя, еще не заглохли и дали великолѣпный ростокъ въ такомъ почтенномъ историко-литературномъ журналѣ, какъ „Русская Старина“. Г. Сиповскій умѣло совершилъ механическій трудъ сличенія писемъ двухъ героинь; но, къ сожалѣнію, сдѣланный имъ выводъ звучитъ въ наше время какимъ-то страннымъ анахронизмомъ. Ошибки, противорѣчія и непослѣдовательность г. Сиповскаго слишкомъ явно бросаются въ глаза; но я не желаю быть голословнымъ и постараюсь ихъ выяснить подробно.

I. Пушкинъ говоритъ о Татьянѣ:

Татьяна (Русская душою,
Сама не зная почему)
Съ ея холодною красою
Любила Русскую зиму,
На солнцѣ иней въ день морозный,
И сани, и зарею поздней
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу Крещенскихъ вечеровъ...
Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины...
Ее тревожили примѣты...

„Что же въ ней Русскаго?“ говоритъ по этому поводу г. Сиповскій. *Только то*, что она была суевѣрна, любила Русскія сказки, Русскую природу, Русскую тройку!“ Да, *только то*: этого одного совершенно достаточно, чтобы оцѣнить въ Татьянѣ Русскую женщину. Нѣмецъ никогда не полюбитъ ни Русской тройки, ни Русской зимы. Любовь къ родному, своему, національному всегда безотчетна, и вотъ почему Татьяна—„Русская душою, сама не зная почему“. Приведу слова Аполлона Григорьева о Татьянѣ: „Поэтъ *народный* создаетъ идеалъ Татьяны, окружая его міромъ семейныхъ преданій, *народныхъ* суевѣрій, гаданій и пѣсень, свѣжимъ холодомъ *Русской* зимы

*) Все что отмѣчено ковычками принадлежатъ г. Сиповскому, а курсивомъ—мнѣ. *Н. Л.*

Библиотека "Руниверс"

и благоуханіемъ *Русской* весны и лѣта, сочувствуя глубоко всему этому міру, храня на днѣ души, какъ завѣтный кладъ, *нравственныя понятія предковъ*, хотя еще робко показывая этотъ кладъ изъ какого-то ложнаго стыда".

II. Татьяна и подъ сильнымъ вліяніемъ иностранной литературы не перестаетъ быть Русскою уже потому одному, что души не перемѣнишь, что слишкомъ глубока въ ней несознанная покуда ею самою любовь къ родному. А обвинять ее въ подчиненіи могучему вліянію тогдашнихъ писателей Запада, этихъ былыхъ „властителей нашихъ думъ", ее, слабую, нѣжную, дѣвственную натуру, и совсѣмъ невозможно, если вспомнить, что западныя вліянія долго тяготѣли надъ геніемъ самого Пушкина, что они могли по рукамъ и по ногамъ опутать Лермонтова, который погибъ, оставивъ всего нѣсколько блестковъ національнаго творчества, дающихъ право на безсмертіе автору „Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ".

III. „Немудрено", патетически восклицаетъ далѣе г. Сиповскій, „что свѣтская жизнь Татьяны была для нея продолженіемъ все того же романическаго бреда". Всю суть свѣтской жизни Татьяны, ея внутреннюю сторону лучше всего показываетъ Достоевскій. „Кто сказалъ, говоритъ онъ, что свѣтская придворная жизнь тлетворно коснулась ея души, и что именно санъ свѣтской дамы и новыя свѣтскія понятія были отчасти причиною отказа ея Онѣгину? Нѣтъ, это не такъ было. Нѣтъ, это таже Таня, таже прежняя деревенская Таня. Она не испорчена; она, напротивъ, удручена этою пышною Петербургскою жизнью, надломлена и страдаетъ; она ненавидитъ свой санъ свѣтской дамы и, *кто судитъ о ней иначе, тотъ совсѣмъ не понимаетъ того, что хотѣлъ сказать Пушкинъ*. И вотъ она твердо говоритъ Онѣгину:

Но я другому отдана,
Я буду вѣкъ ему вѣрна.

Высказала она это какъ *Русская женщина*, въ этомъ ея апоѳеозъ. Она высказываетъ *правду поэмы*. Далѣе Достоевскій объясняетъ, почему Татьяна, любя Онѣгина, не можетъ бросить мужа и пойти за любимымъ человѣкомъ. Чистая Русская душа не можетъ основать свое счастье на несчастіи другого. „*И всего характернѣе*, замѣчаетъ далѣе Достоевскій, что нравственное разрѣшеніе этого вопроса столь долго подвергалось у насъ сомнѣнію". Да, правда, отлично характеризуютъ современную критику эти мѣткія, наполненныя горечи и сожалѣнія слова великаго сердцевѣда.

IV. „*За что* было любить Онѣгина Татьянѣ?" говоритъ г. Сиповскій. Плохо же знаетъ онъ человѣческое сердце. Если бы г. Сиповскій понималъ жизнь (а съ нею и литературу, которая есть отраженіе жизни), онъ никогда не задалъ бы такого вопроса. Онъ зналъ бы, что никогда не любятъ *за что-нибудь*, а что любятъ сами не зная за что, потому что любится, не больше. Если Татьяна уже разгадала въ Онѣгинѣ „ничтожный призракъ", „пародію", если съ идеальнаго Гарольда передъ нею спалъ плащъ, и предсталъ дурящій Москвичъ, и она все продолжала его любить: то это значитъ, что влюбилась она не въ книжнаго героя, а въ живого человѣка, просто въ Ев-

Библиотека "Руниверс"

генія Онѣгина. Это значитъ, что благодаря не романамъ полюбила она Онѣгина; иначе она непремѣнно разлюбила бы его, увидавши въ немъ „ничтожный призракъ“, „чужихъ причудъ истолкованье“, а не вожделѣннаго Чайльдъ-Гарольда. Нѣтъ, она просто и искренно любила Онѣгина со всѣми его недостатками, нимало не прикрашивая своей простой, чистой любви, и, значитъ, любила сильно. Тѣмъ выше великій подвигъ этой дѣйствительно „чистой Русской души“: вѣрность данному Богомъ мужу.

V. Самъ Пушкинъ, вспоминая въ концѣ романа о той,

съ которой образованъ
Татьяны милый идеалъ,

указываетъ, что зналъ настоящую Татьяну въ жизни. Стало быть и съ этой стороны Татьяна—образъ живой и дѣйствительный. Да у насъ, въ Россіи, подвигъ Татьяны вовсе не особенная рѣдкость, именно у насъ, гдѣ такъ крѣпки еще (а въ изображенную Пушкинымъ эпоху особенно были крѣпки) *нравственныя понятія предковъ*. Когда Пушкинъ заканчивалъ „Евгенія Онѣгина“, въ обществѣ еще были живы Декабрьскія впечатлѣнія 1825 года; у всѣхъ были на языкѣ имена самоотверженныхъ женъ декабристовъ, и, быть можетъ, Пушкину представлялись грустные образы воспѣтыхъ впослѣдствіи Некрасовымъ „Русскихъ женщинъ“, которыя ушли за мужьями изъ міра блеска и роскоши въ суровую Сибирь, въ „каторжныя норы“, которыхъ даже и въ концѣ своего царствованія вспоминалъ императоръ Николай Павловичъ (см. Записки графа М. А. Корфа). Пушкинъ лично зналъ изъ нихъ нѣкоторыхъ, какъ наприм. Александру Григорьевну Муравьеву. Точно такимъ же „плѣнительнымъ образомъ отважной жены“ является и Татьяна. Вотъ почему будетъ вѣчно жить ея неумирающій, правдивый типъ *идеальной Русской женщины*.

Sapienti sat! Этимъ я заканчиваю мою отповѣдь на курьезный выводъ г. Сиповскаго. Такова эта „новая погудка на старый ладъ“. Такова послѣдовательность, таково критическое чутье новѣйшаго представителя Писаревской школы, который стремится подорвать высокое нравственное значеніе обаятельной личности Татьяны, что̀ вовсе неразумно. Нѣтъ, если ужъ Пушкинъ, поэтъ истинный и великій, который былъ „самъ свой высшій судъ“, признавалъ Татьяну Русскою и видѣлъ въ ней свой „милый идеалъ“; если считалъ ее идеальнымъ созданіемъ Русскаго народнаго поэта Григорьевъ; если называлъ ее „чистою Русскою душою“ Достоевскій, которому нельзя отказать ни въ глубокомъ критическомъ чутьѣ, ни въ пониманіи Русскаго національнаго духа, ни въ изумительно-вѣщемъ проникновеніи въ человѣческую душу: то не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, звучатъ слова г. Сиповскаго, да еще подкрѣпляемыя столь своеобразными доказательствами, въ родѣ „думается намъ“, или „какъ иначе объяснить“? и т. п.

Странно и непріятно въ наше время, послѣ Достоевскаго и Григорьева, встрѣчать образчики столь близорукой критики, столь ложнаго пониманія.

Николай Лернеръ.

Библиотека "Руниверс"

ПРОИСХОЖДЕНІЕ А. А. ФЕТА.

Свидѣтельство Орловской Духовной Консисторіи отъ 21 Января 1835 г. за № 277, данное «Мценскому помѣщику ротмистру Аѳанасію Неофитовичу Шеншину по прошенію его о рожденіи и крещеніи сына жены его Елисаветы Петровой, Афанасія, рожденнаго отъ перваго брака съ мужемъ ея амтъ-асессоромъ Фетъ, на случай опредѣленія его Афанасія въ какое либо казенное учебное заведеніе для продолженія наукъ», гласитъ:

«По метрической книгѣ Мценской округи села Успенскаго, что̀ на Ядринѣ, за 1820-й годъ, рожденіе его Афанасія запискою значится такъ: сельца Новоселокъ у помѣщика ротмистра Афанасія Неофитова Шеншина, сынъ Афанасій родился того тысяча восемьсотъ двадцатаго года Ноября двадцать девятаго, а крещенъ тридцатаго числа, молитвы читалъ и крещеніе совершалъ приходскій священникъ Іаковъ Васильевъ съ причтомъ, воспріемникомъ города Мценска помѣщикъ Иванъ Неофитовъ сынъ Шеншинъ. Но бракъ онаго ротмистра Шеншина съ тою женою его Елисаветою Петровою по метрической книгѣ совершеннымъ оказался тысяча восемьсотъ двадцать второго года Сентября 4 числа, послѣ рожденія того Афанасія. То посему, вслѣдствіе требованія Орловскаго Губернскаго Правленія свѣдѣнія какъ о бракѣ того Шеншина, такъ и рожденіи женою его сына Афанасія, Консисторія, не признавая по разнорѣчущимъ обстоятельствамъ сыномъ его Шеншина того Афанасія, опредѣленіемъ своимъ постановила допросить въ присутствіи Консисторіи Мценской округи села Успенскаго что̀ на Ядринѣ священно и церковно-служителей, почему они его Афанасія записали сыномъ упомянутаго Шеншина, рожденнаго до брака женою его. Кои священно-церковно-служители въ отобранномъ отъ нихъ въ присутствіи Консисторіи показаніи объяснили, что по присылкѣ за ними старостою того помѣщика Шеншина Алексѣемъ Тимофеевымъ окрестить въ домѣ онаго помѣщика родившагося господскаго младенца, они, прибывъ въ оный, онаго окрестили; имя же ему наречено Афанасій, котораго, по уваженію оказываемому въ ономъ домѣ, почитая за сына ротмистра Афанасія Неофитова Шеншина, записали въ метрической книгѣ сыномъ его Шеншина; но впослѣдствіи хотя и узнали, что оный ротмистръ Шеншинъ 1822 года 4-го Сентября женился на матери онаго младенца, бывшей женѣ Елисаветѣ Петровой асессора Фетъ, но какъ уже метрическія книги были представлены въ Духовное

Библиотека "Руниверс"

Правленіе и Консисторію, то исправить сей ошибки не имѣли средства. По каковымъ обстоятельствамъ Консисторія опредѣленіемъ своимъ, утвержденнымъ его преосвященствомъ Никодимомъ, епископомъ Орловскимъ и Сѣвскимъ и кавалеромъ, заключили: какъ ротмистра Афанасія Неофитова Шеншина женою, Елисаветою Петровой, рожденъ сынъ Афанасій 1820 года, еще до брака ея съ г. Шеншинымъ, бывшаго 1822 года, то означеннаго Афанасія сыномъ г. ротмистра Шеншина признать не можно, о чемъ Губернскому Правленію дано знать отношеніемъ; о исправленіи же въ запискѣ по метрической того года книгѣ неправильно въ оной священно-церковно-служителями записаннаго Афанасія сыномъ господина Шеншина архиваріусу Консисторіи объявить по надлежащему, а равно и въ копіи села Успенскаго что̀ на Ядринѣ, во исполненіе сего мѣстному благочинному предписать указомъ, а за неосмотрительность въ запискѣ онаго Афанасія священно-церковно-служителей хотя бы и слѣдовало подвергнуть наказанію, но поелику сіе было до состоянія всемилостивѣйшаго манифеста, то за силою онаго учинить ихъ свободными».

«Свидѣтельство Орловскаго Губернскаго Правленія отъ 21 Января 1835 за № 270, выданное «Мценскаго помѣщика Афанасія Неофитова сына Шеншина женѣ Елисаветѣ Петровой дочери Шеншиной», гласитъ:

. . . «Изъ представленныхъ ею документовъ, изъ прошенія великаго герцогства Гессенъ-Дармштадскаго опекуновъ Лины Фетъ, дочери умершаго въ Дармштатѣ асессора велико-герцогскаго городоваго суда Фета и его жены бывшей Шарлоты, а нынѣшней Елисаветы Шеншиной и доставленной изъ Орловской Духовной Консисторіи съ метрическихъ книгъ справки явствуетъ. Она Шеншина была законная жена упомянутаго асессора Фетъ, выѣхала въ Россію въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1820 года, а 29 Ноября того же года здѣшней губерніи Мценскаго уѣзда въ сельцѣ Новоселкахъ родила сына Афанасія, который крещенъ того-жъ мѣсяца 30-го числа и крещеніе совершалъ приходскій священникъ Іаковъ Васильевъ съ причтомъ, воспріемникомъ былъ Мценскій помѣщикъ титулярный совѣтникъ Иванъ Неофитовъ сынъ Шеншинъ. Потомъ 1822 года Сентября 4-го дня совершенъ бракъ ея, бывшей Шарлоты Фетъ, съ Мценскимъ помѣщикомъ ротмистромъ Афанасіемъ Неофитовымъ сыномъ Шеншинымъ. Упомянутые же опекуны Лины Фетъ признаютъ рожденнаго оною бывшею Шарлотою Фетъ Афанасія сыномъ вышеозначеннаго умершаго асессора Іогана Петра Карла Вильгельма Фетъ, служившаго во время войны 1812 и 1813 годахъ въ арміи великаго герцога Гессенскаго въ Кригсъ-коммисаріатѣ секретаремъ. Слѣдовательно и нѣтъ сомнѣнія, что упомянутый Афанасій имѣетъ происхожденіе отъ родителей его амтъ-асессора Іогана Петра Карла Вильгельма Фетъ и его бывшей жены Шарлоты Фетъ».

Свое «прошеніе г. ректору Императорскаго Московскаго Университета» о допущеніи «къ установленному испытанію на званіе университетскаго студента» Аѳанасій Аѳанасьевичъ заканчиваетъ такъ: «При семъ имѣю честь представить метрическое свидѣтельство о рож-

Библиотека "Руниверс"

деніи и крещеніи и билетъ, данный мнѣ на прожитіе въ Москвѣ. Къ сему прошенію иностранецъ Афанасій Фетъ руку приложилъ 1838 года Іюля дня».

На этомъ прошеніи между прочимъ отмѣчено:

«Документы достаточны. Срочный билетъ слѣдуетъ къ отсылкѣ въ иностранное отдѣленіе, при канцеляріи г. Московскаго военнаго генералъ-губернатора состоящее, съ истребованіемъ отъ онаго хранящихся тамъ документовъ Фета».

А канцелярія Московскаго военнаго генералъ - губернатора, отъ 30 Сентября 1838 за № 2163 увѣдомляетъ г. ректора:

«По отношенію вашего превосходительства, отъ 28 Сентября сего года за № 2290 канцелярія сія имѣетъ честь у сего вамъ, милостивый государь, препроводить подлинное свидѣтельство, данное Гессенъ-Дармштадскому подданному Афанасію Фетъ изъ Орловскаго Губернскаго Правленія, отъ 21 Января 1835 за № 270».

Въ «дѣлѣ о принятіи въ студенты Афанасія Фета» имѣются слѣдующіе документы: «г. ректору императорскаго Московскаго университета иностранца Афанасія Фета прошеніе», отъ Іюля 1838, копія свидѣтельства Орловской Духовной Консисторіи, отъ 21 Января 1835 г. за № 277, увѣдомленіе канцеляріи Московскаго военнаго генералъ-губернатора, отъ 30 Сентября (1838) за № 2163, копія свидѣтельства Орловскаго Губернскаго Правленія, отъ 21 Января 1835 г. за № 270.

Дѣло «началось 24 Ноября (1838), рѣшено того же числа» хранится въ архивѣ Императорскаго Московскаго Университета, за № 206.

А. А. Фетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» говоритъ: «Пріѣхавши въ концѣ Мая (1873)... Петя Борисовъ *)... не разъ, оставаясь со мною наединѣ... задавалъ мнѣ вопросъ, которымъ я самъ промучился всю сознательную жизнь съ 14-ти лѣтняго возраста, т. е. съ моего поступленія въ пансіонъ Крюммера въ гор. Верро. Дядичка, говорилъ Петя вкрадчивымъ голосомъ, я никогда не могу уяснить себѣ, почему ты не Шеншинъ, когда ты, подобно дядямъ Васѣ и Петѣ, Афанасьевичъ и родился въ маминыхъ Новоселкахъ. Какъ сюда замѣшался Фетъ, и почему Фетъ мнѣ родной дядя, меня постоянно спрашиваютъ, и я никакого отвѣта дать не могъ. Дорогой дядичка, если бы можно было тебѣ наконецъ назваться Шеншинымъ, то ты не можешь себѣ представить, какое бы это было для всѣхъ насъ счастіе и облегченіе. Милый другъ мой, отвѣчалъ я, это такая сложная исторія, которую нужно передать во всѣхъ подробностяхъ, для того чтобы она явилась неискаженной, и когда нибудь я найду минуту сообщить тебѣ эти подробности. Конечно умный мальчикъ смекнулъ, что тутъ что-то неладно. Неладное же заключалось въ томъ, что я, даже разсказавъ все мнѣ извѣстное о моемъ рожденіи, ни на шагъ не подвинулъ бы вопроса, почему я Фетъ, а не Шеншинъ. Извѣстно же было мнѣ только слѣдующее. До 14-ти лѣтняго возраста, т. е. до отправленія моего въ

---

*) Сынъ Надежды Аѳанасьевны, Шеншиной т. е. племянникъ А. А. Фета.

Библиотека "Руниверс"

Верро, я былъ несомнѣннымъ Аѳ. Аѳ. Шеншинымъ, хотя не разъ слыхалъ, что за границей, у брата матери моей въ Дармштадтѣ (откуда отецъ привезъ нашу мать) у насъ есть сестра Лина, которая учится прилежно и дѣлаетъ успѣхи въ наукахъ, не такъ какъ мы, Русскіе лѣнтяя и байбаки».

«Хотя характеристика дяди моего Петра Неофитовича Шеншина и его ко мнѣ отношеніе слѣдуютъ въ мои отроческія воспоминанія, тѣмъ не менѣе не могу здѣсь умолчать о немъ въ видахъ возможной полноты всѣхъ данныхъ, извѣстныхъ мнѣ о моемъ рожденіи. Умный, образованный во всю ширину Французской и Русской литературы, съ баснями Крылова, Иліадою Гнѣдича, Освобожденнымъ Іерусалимомъ Раича на устахъ, дядя Петръ Неофитовичъ, богатый холостякъ, писавшій самъ стихи, ни отъ кого не скрывалъ своей исключительной ко мнѣ любви и привязанности. Въ Верро, какъ новичекъ, несвободно объясняющійся по-нѣмецки, я, конечно, сдѣлался предметомъ школьнической травли; но по мѣрѣ умноженія мною навыка въ Нѣмецкомъ языкѣ, травля Шеншина мало по малу унималась. Вдругъ нежданно для меня возникло обстоятельство, доставившее мнѣ немало мученій. Чтобы не разносить писемъ по классамъ, директоръ, черезъ руки котораго шла вся ученическая переписка, передъ обѣдомъ обыкновенно громко называлъ тѣхъ, кому послѣ слѣдуетъ зайти къ нему въ кабинетъ за письмомъ. Въ день, въ который онъ назвалъ и Шеншина, онъ, подавая мнѣ письмо, сказалъ: «это тебѣ». На конвертѣ рукою отца было написано: «Аѳ. Аѳ. Фету», а въ письмѣ между прочимъ было сказано, что выставленное на конвертѣ имя принадлежитъ мнѣ. Конечно при той замкнутости, въ которой отецъ держалъ себя по отношенію ко всѣмъ намъ, мнѣ и въ голову не могло придти пускаться въ какія либо по этому предмету объясненія. Но, зная дружбу, существовавшую между отцомъ и дядею, я былъ увѣренъ, что дядѣ хорошо должно было быть извѣстно основаніе данной мнѣ инструкціи, и что, не входя ни въ какія, быть можетъ, нескромныя объясненія, я могу доказать свое благонравіе безмолвнымъ подчиненіемъ волѣ отца. Поэтому, въ слѣдующемъ письмѣ къ дядѣ, которому я писалъ довольно часто, я, вмѣсто всякихъ объясненій, подписался: А. Фетъ. Тогдашняя телѣжная почта доставляла письма изъ Мценска въ Верро не раньше двухъ недѣль, и потому только на второй мѣсяцъ я получилъ отъ дяди письмо, смутившее меня не менѣе предварительно полученнаго отъ отца: «Я ничего не имѣю сказать противъ того, что, быть можетъ, въ оффиціальныхъ твоихъ бумагахъ тебѣ слѣдуетъ подписываться новымъ твоимъ именемъ; но кто тебѣ далъ право вводить оффиціальныя отношенія въ нашу взаимную кровную привязанность? Прочитавши письмо съ твоей новой подписью, я порвалъ и истопталъ его ногами; и ты не смѣй подписывать писемъ ко мнѣ этимъ именемъ».

«Эта двойственность истины съ оффиціальной ея оболочкою, навлекавшая въ теченіе трехъ лѣтъ на меня столько непріятныхъ вопросовъ и насмѣшекъ, продолжала сопровождать меня въ жизни и все время почти годичнаго пребыванія моего въ приготовительномъ пан-

Библиотека "Руниверс"

сіонѣ М. П. Погодина и окончилась совершенно театральнымъ изумленіемъ знакомой мнѣ молодежи, когда, по вызову экзаминатора по фамиліи Фетъ, вышелъ къ экзамену знакомый имъ Шеншинъ. За все время моего студенчества, я, пріѣзжая на каникулы домой, по какому-то невольному чувству не только не искалъ объясненій по гнетущему меня вопросу, но и тщательно избѣгалъ его, замѣчая его приближеніе. Это не мѣшало мнѣ понять смыслъ случайно попавшагося мнѣ письма дяди къ отцу, въ которомъ говорилось: «ты знаешь, что я предоставляю тебѣ противъ брата нашего Ивана (другой женатый мой дядя) сто тысячъ для уравненія твоихъ дѣтей». Еще несомнѣннѣе были слова дяди Петра Неоф., съ которыми онъ подъ веселую руку не разъ обращался ко мнѣ, указывая на голубой желѣзный сундукъ, стоящій въ его кабинетѣ: «не безпокойся, о тебѣ я давно подумалъ, и вотъ здѣсь лежатъ твои сто тысячъ рублей». Когда въ 1842 году, кончивши курсъ, я пріѣхалъ въ Новоселки, то засталъ мать въ предсмертныхъ томленіяхъ восемь лѣтъ промучившаго ее рака. Лежа въ комнатѣ съ закрытыми ставнями, она не въ силахъ даже была принимать никого долѣе двухъ-трехъ минутъ».

«Раньше того, въ годъ торжественнаго въѣзда въ Москву ихъ высочествъ государя наслѣдника Александра Николаевича и Маріи Александровны, родной дядя мой по матери, Эрнстъ Беккеръ, сопровождалъ, въ качествѣ адъютанта, принца Александра Гессенскаго; а вслѣдъ затѣмъ прибыла изъ-за границы для свиданія съ матерью и старшая сестра наша Лина Фетъ. Встрѣченная въ Новоселкахъ самымъ радушнымъ образомъ и проживши тамъ цѣлый годъ, она видимо соскучилась въ деревенскомъ уединеніи и снова уѣхала въ Дармштадтъ. Такъ какъ первымъ изъ нѣсколькихъ лютеранскихъ именъ ея отца было Петръ, то по-русски она прозвана была Каролиною Петровной, имя, которое она затѣмъ на всю жизнь сохранила въ Росссіи».

«Въ Новоселкахъ, по окончаніи курса, я нашелъ на свое имя письмо дяди Петра Неофитовича, писавшаго мнѣ: «раздѣлывайся скорѣе съ своей премудростью и пріѣзжай ко мнѣ въ Пятигорскъ (онъ лѣчился на водахъ и чувствовалъ себя значительно бодрѣе и свѣжѣе прежняго); я пріискалъ тебѣ мѣсто адъютанта у моего пріятеля генерала».

«Единовременно съ этимъ извѣстіемъ отецъ сообщилъ мнѣ, что въ бытность свою за границей нашъ дальній родственникъ Ал. Павл. Матвѣевъ, назначенный въ настоящее время профессоромъ въ Кіевѣ, влюбился въ Лину и сдѣлалъ ей формальное предложеніе, о чемъ оба писали въ Новоселки, испрашивая родительскаго благословенія. При этомъ Матвѣевъ писалъ, что служебныя обязанности не дозволяютъ ему самому ѣхать за своей невѣстой.—Кромѣ тебя ѣхать некому, сказалъ отецъ. Да кстати ты учинишь расчетъ съ адвокатомъ по раздѣлу наслѣдства матери и получишь причитающіяся на ея долю деньги».

«Встрѣтившій меня уже на креслахъ параличный дядя Эрнстъ приходилъ въ страшное раздраженіе отъ оффиціальнаго моего имени Фетъ. Хотя онъ очень хорошо зналъ, какихъ усилій стоило отцу моему, чтобы склонить опекуновъ сестры Лины къ признанію за мною фамиліи ея отца, дядя не переставалъ горячиться и спрашивать ме-

Библиотека "Руниверс"

ня: «wie kommst du zu dem Namen» (какъ пришелъ ты къ этому имени)?

«Когда, провозившись болѣе мѣсяца съ адвокатомъ, я наконецъ подъѣхалъ изъ Штетина къ набережной Петербургской таможни, то прежде еще наложенія трапа, стоя на палубѣ, увидалъ привѣтливо кивающую мнѣ голову Ив. П. Борисова, проживавшаго въ Питерѣ въ качествѣ офицера, готовящагося въ Военную Академію. Покуда всѣ пассажиры стремительно бросились на палубу, мы имѣли возможность въ опустѣвшей каютѣ перекинуться съ Борисовымъ нѣсколькими словами.—Ну что? спросилъ я.—Хорошаго мало, отвѣчалъ онъ: дядя твой скоропостижно скончался въ Пятигорскѣ, и сопровождавшая его дворня уже вернулась домой.—А мои деньги? спросилъ я.—Исчезли безъ слѣда».

«Тѣмъ дѣло и кончилось. Нужно однако было что либо предпринимать послѣ свадьбы сестры Каролины Петровны. Тѣмъ временемъ Борисовъ, внезапно перешедши изъ артиллеріи въ кирасирскій военнаго ордена полкъ, сманилъ меня туда, и, признаюсь, я сердечно былъ радъ поступить въ новую среду, гдѣ бывшій Шеншинъ уже ни на минуту не сбивалъ съ толку несомнѣннаго иностранца Фета. Но и здѣсь, даже по принятіи мною Русскаго подданства, измышленіе это было для меня неоднократнымъ источникомъ самыхъ тяжелыхъ минутъ. Такъ какъ я несомнѣнно родился въ Новоселкахъ, то, чтобы не набрасывать на нашу бѣдную мать ничѣмъ незаслуженной, неблагопріятной тѣни, я вынужденъ былъ прибѣгать ко лжи, давая подразумѣвать, что первый мужъ ея Фетъ вывезъ ее въ Россію, гдѣ и умеръ скоропостижно».

«При всѣхъ приведенныхъ здѣсь данныхъ, я конечно не могъ дать никакого удовлетворительнаго объясненія Петрушѣ Борисову, потому уже, что въ теченіе 38-ми лѣтъ и самъ никакъ не могъ его отыскать; но съ этой невозможностью я тѣмъ не менѣе давно примирился *)».

Разсказавъ затѣмъ объ отправленіи на воды своей племянницы О. В. Ш., Аѳ. Аѳ. продолжаетъ:

«Устроившись по возможности съ дѣвочкой, я принялся за привезенныя ко мнѣ изъ Новоселокъ Шеншинскія и Борисовскія бумаги, хаосъ которыхъ необходимо было привести хоть въ какой либо порядокъ. Перебирая грамоты, данныя, завѣщанія и межевыя книги, я напалъ на связку бумагъ, исписанныхъ четко по-нѣмецки. Оказалось, что эти письма моего дѣда Беккера къ моей матери. Развертывая далѣе эту связку, я между прочимъ увидалъ на листѣ синей писчей бумаги слѣдующее предписаніе Орловской Консисторіи Мценскому протоіерею: «Отставной штабсъ-ротмистръ Аѳанасій Шеншинъ, повѣнчанный въ лютеранской церкви за границею съ женою своей Шарлотою, проситъ о вѣнчаніи его съ нею по православному обряду, почему Консисторія предписываетъ вашему высокоблагословенію, наставивъ оную Шарлоту въ правилахъ православной церкви и совершивъ надъ нею

*) „Мои Воспоминанія“, т. II., стр. 270—274.

Библиотека "Руниверс"

міропомазаніе, обвѣнчать оную по православному обряду. Сентября.... 1820 г.»

«Изумленные глаза мои мгновенно прозрѣли. Тяжелый камень мгновенно свалился съ моей груди: мнѣ не нужно стало ни въ чемъ обвинять моей матери. Могла ли она, 18-ти лѣтняя вдова, обвѣнчанная съ человѣкомъ, роковымъ образомъ исторгавшимъ ее изъ дома ея отца, предполагать, что бракъ этотъ гдѣ бы то ни было окажется недѣйствительнымъ? А между тѣмъ, когда, не дожидаясь всѣхъ дальнѣйшихъ переходовъ присоединенія къ православію и новаго бракосочетанія, я соблаговолилъ родиться 23-го Ноября, то хотя и записанъ былъ въ метрической книгѣ сыномъ Аѳ. Неоф. Шеншина (чѣмъ въ то время удовлетворились всѣ, начиная съ крестнаго отца моего Петра Неофитовича), тѣмъ не менѣе недостаточность лютеранскаго бракосочетанія по существовавшимъ законамъ уже таилась во всемъ событіи и раскрылась только при офиціальномъ моемъ вступленіи на поприще гражданской жизни. Что переименованіе Шеншина въ Фета послѣдовало уже въ 1834 г., явно было изъ приложенной черновой съ прошенія въ Орловскую Консисторію о прибавленіи къ моей метрикѣ поясненія, что записанъ я Шеншинымъ по недоразумѣнію священника. Конечно, во избѣжаніе всякаго рода непріятныхъ толковъ, я никому, за исключеніемъ Ивана Александровича Іоста да подъѣхавшаго къ тому времени брата Петра Аѳан., не сказалъ ни слова. На нашемъ тройственномъ совѣтѣ Іостъ настаивалъ на обходимости представить всѣ находящіеся документы на высочайшее Его Величества благоусмотрѣніе, испрашивая, въ виду двойного брака моихъ родителей, всемилостивѣйшаго возвращенія мнѣ родового имени. Единовременно съ моимъ прошеніемъ, братъ Петръ Аѳан., страстно принявшій дѣло къ сердцу, испрашивалъ и съ своей стороны для меня монаршей милости, которая одна могла вполнѣ доставить мнѣ надлежащую силу, какъ опекуну круглыхъ сиротъ» [1]).

Разсказавъ о своей поѣздкѣ въ Славянскъ и приведя шесть писемъ И. С. Тургенева и графа Л. Н. Толстаго съ 20 Сентября по Ноябрь 1873 года, Аѳанасій Аѳанасьевичъ говоритъ:

«Въ концѣ Декабря пріятель, слѣдившій за движеніемъ нашихъ съ братомъ просьбъ въ Комиссіи прошеній, увѣдомилъ меня, что, при докладѣ Его Величеству этого дѣла, Государь изволилъ сказать: «Je m'imagine ce que cet homme a du souffrir dans sa vie» [2]).

Вслѣдъ затѣмъ, отъ 26 Декабря 1873 г., данъ былъ Сенату высочайшій его величества указъ о присоединеніи отставного штабсъ-ротмистра Аѳ. Аѳ. Фета къ роду отца его Шеншина со всѣми правами, званію и роду его принадлежащими...

«Конечно, и братъ Петруша, и дѣти [3]), а главнымъ образомъ Петя Борисовъ, были обрадованы монаршею милостью, выводившею все се-

---

[1]) „Мои Воспоминанія", т. II, стр. 275—276.

[2]) Воображаю, что̀ долженъ былъ выстрадать этотъ человѣкъ въ свою жизнь.

[3]) О. В. Ш. и П. И. Борисовы.

Библиотека "Руниверс"

мейство изъ какой-то завѣдомой неправды; но наибольшій восторгъ возбудило это извѣстіе въ проживавшей за границей старшей сестрѣ моей Каролинѣ Петровнѣ Матвѣевой, урожденной Фетъ. Можно бы было ожидать, что эта, всѣмъ сердцемъ любящая меня, сестра будетъ огорчена въ своемъ заграничномъ одиночествѣ вѣстью, разрывающею номинальную между нами связь, но вышло совершенно наоборотъ. Поздравительное письмо ея представляетъ самый пылкій диѳирамбъ великодушному Монарху, возстановившему истину» [1]).

*

Знакомые и дворовые Аѳ. Неоф. Шеншина говорили мнѣ, что жену свою Елисавету Петровну онъ купилъ за сорокъ тысячъ рублей у ея мужа. В. Н. Семенковичъ, родной внукъ родной сестры Аѳанасія Неофитовича, разсказывалъ мнѣ такое семейное преданіе.

Проходя со своимъ полкомъ черезъ какое-то Нѣмецкое селеніе, Аѳ. Неоф. увидалъ свадьбу. Невѣста ему понравилась, и онъ приказалъ своимъ уланамъ отнять ее. Съ нею до брака онъ прижилъ дочь Каролину и сына Аѳанасія, которымъ придумалъ фамилію Fête. Д. Н. Шеншинъ (родной дядя котораго А. Н. Шеншинъ былъ женатъ на дочери Аѳ. Неоф.) говорилъ, что Аѳ. Неоф. сына своего Аѳ. Аѳ. лишилъ фамиліи за вольнодумство. Это преданіе не правдоподобно уже потому, что когда Аѳ. Аѳ. переименовали, ему было 14 лѣтъ. Преданіе, разсказанное мнѣ В. Н. Семенковичемъ, также неправдоподобно: трудно, напримѣръ, отрицать, что былъ амтъ-ассесоръ Фетъ, имѣвшій жену Шарлоту и дочь отъ нея Каролину, когда это засвидѣтельствовано Орловскимъ Губернскимъ Правленіемъ отъ 21 Января 1835 за № 270, хотя и неизвѣстно точно, изъ какихъ и насколько достовѣрныхъ источниковъ заимствовало Губернское Правленіе свѣдѣнія объ амтъ-ассесорѣ и его женѣ.

А. Рейнгольдъ въ своей «Исторіи Русской литературы» пишетъ: Fet [2]), Мюнстеръ въ своей «Портретной галлереѣ»: А. Fett [3]). Но копія свидѣтельства Орловскаго Губернскаго Правленія отъ 21 Января 1835 за № 270: «Фётъ» [4]). А. Григорьевъ: «Фётъ»; Н. Страховъ: «Фетъ» (Foeth) [5]).

Проходить со своимъ полкомъ черезъ какое-то Нѣмецкое селеніе Аѳ. Неоф. могъ только во время войны. Дѣйствительно, въ «Раннихъ годахъ» А. А. Фетъ передаетъ, что въ дѣтствѣ слышалъ отъ стараго слуги такой разсказъ: «Были мы... съ вашимъ папашей на войнѣ въ

[1]) Т. II., стр. 282—283.
[2]) Тамъ же, стр. 774.
[3]) Т. II.
[4]) Архивъ Императорскаго Московскаго Университета 1838 № 206.
[5]) „Лирическія стихотворенія А. Фета“ С.-Петербургъ 1894 ч. I. стр. V.

Библиотека "Руниверс"

Пруссіи и Цецаріи. Вотъ дяденьку-то Петра Неофитовича пулей въ голову контузили, а насъ-то Богъ миловалъ» [1]).

Въ Родословномъ Сборникѣ В. Руммеля «Аѳанасій Неофитовичъ, ротмистръ (27 Ноября 1807 при отставкѣ)... Петръ Неофитовичъ капитанъ (при отставкѣ 1809)» [2]).

Но Аѳ. Аѳ. въ «Моихъ воспоминаніяхъ» намекаетъ, что въ 1819—1820 его матери было лѣтъ 18 [3]). А въ «Духовной росписи 1820» села Успенскаго, что на Ядринѣ, значится: «Жена его (Аѳ. Неоф.) Шарлота Карлова—22 (лѣтъ).

Но тамъ же: «Аѳанасій Неофитовъ Шеншинъ—36 (лѣтъ).... Сынъ Аѳанасій родился 29 Октября».

А свидѣтельство Орловской Духовной Консисторіи отъ 21 Января 1835 за № 277 гласитъ, что Аѳ. Аѳ. родился 29 Ноября.

Самъ же Аѳ. Аѳ. въ своихъ «Воспоминаніяхъ» говоритъ, что родился 23 Ноября и что когда ему было 32 года, Аѳ. Неоф. былъ «80-ти лѣтнимъ» [4]). У В. Руммеля «Аѳанасій Неофитовичъ... р. 1775» [5]).

Разсказъ знакомыхъ и дворовыхъ Аѳ. Неоф. довольно правдоподобенъ. Всѣ напримѣръ знавшіе Е. П. Шеншину согласны, что она была красива. Аѳ. Аѳ. въ «Раннихъ годахъ» говоритъ, что «превосходный хозяинъ» Аѳ. Неоф. при 300 душъ и 2200 д. жилъ не безбѣдно изъ за долговъ», поясняя впрочемъ, что «долги оставались еще съ военной службы вслѣдствіе увлеченія картами» [6]).

Свидѣтельство Орловскаго Губернскаго Правленія отъ 21 Января 1835 за № 270, прямо или косвенно, сообщаетъ только, что въ Октябрѣ 1820 Шарлота выѣхала въ Россію, что мужъ ея Фетъ умеръ до 21 Января 1835 и что въ началѣ 1820 онъ былъ живъ.

Н. Н. Страховъ, не указывая впрочемъ источниковъ, пишетъ:

«Шарлота... носила фамилію Фетъ по своему первому мужу, съ которымъ она развелась и отъ котораго имѣла дочь (Каролину Петровну Фетъ)» [7]).

Неблаговидностью сдѣлки Фета объяснялось бы упорное молчаніе о немъ Аѳ. Аѳ., а какой либо отъ него помѣхой—запозданіе брака его жены съ Аѳ. Неоф. Шеншинымъ.

---

[1]) Стр. 21.

[2]) „Родословный сборникъ“ Т. II. стр. 707.

[3]) „Т. II. стр. 275.

[4]) Тамъ же, Т. I. стр. 15.

[5]) „Родословный сборникъ“ Т. II, стр. 707.

[6]) Стр. 13—14.

[7]) „Лирическія стихотворенія А. Фета“ С.-Петебургъ 1894, ч. I. стр. V.

Библиотека "Руниверс"

Разсказъ «Моихъ воспоминаній» не вполнѣ достовѣренъ. Аѳ. Аѳ. говоритъ: ....«Я соблаговолилъ родиться 23 Ноября (1820) [1]). Свидѣтельство Орловской Духовной Консисторіи отъ 21 Января 1835 за № 277: «Аѳанасій родился того 1820 года Ноября 29»... А духовная роспись 1820 села Успенскаго, что на Ядринѣ: Аѳанасій родился 1820 Октября 29.

Аѳ. Аѳ. говоритъ:

....«Крестнаго отца моего Петра Неофитовича» [2])... А свидѣтельство Орловской Духовной Консисторіи отъ 21 Января 1835 за № 277: ...«Воспріемникомъ города Мценска помѣщикъ Иванъ Неофитовъ сынъ Шеншинъ».

Аѳ. Аѳ. говоритъ, что кончилъ университетъ въ 1842 [3]). Но аттестатъ его отъ 21 Іюня 1844 за № 194: «Аѳанасій Фетъ... утвержденъ въ званіи дѣйствительнаго студента 3 Іюня 1844»...

Аѳ. Аѳ. продолжаетъ, что, «пріѣхавши въ Новоселки, засталъ мать въ предсмертныхъ томленіяхъ 8 лѣтъ промучившаго ее рака» [4]). На старомъ памятникѣ (въ селѣ Клейменовѣ Орловской губерніи Мценскаго уѣзда) надпись: «Е. П. Шеншина скончалась 5 Ноября 1845».

Аѳ. Аѳ. продолжаетъ, что изъ Новоселокъ отправился за границу. Въ XXXVII томѣ Отечественныхъ Записокъ 1844 напечатана пьеса А. Фета «Я говорилъ при разставаньи»... помѣченная: «Франкфуртъ на Майнѣ».

А. И. Іостъ говорилъ мнѣ:

«Писемъ Петра Неоф. Аѳ. Аѳ. не хранилъ и не находилъ писемъ К. Беккера».

Отъ кого и зачѣмъ «прошеніе въ Орловскую Консисторію»?

Свидѣтельство Орловской Духовной Консисторіи отъ 21 Января 1835 за № 277 гласитъ, что, допросивъ священно-церковно-служителей с. Успенскаго, что на Ядринѣ, «почему они... Аѳанасія записали сыномъ... Шеншина», Консисторія между прочимъ заключила: «....Означеннаго Аѳанасія сыномъ г. Шеншина признать не можно... О исправленіи въ запискѣ по метрической того года книгѣ неправильно въ оной священно - церковно - служителями записаннаго Аѳанасія сыномъ г. Шеншина архиваріусу Консисторіи объявить по надлежащему, а равно и въ копіи села Успенскаго, что на Ядринѣ, во исполненіе сего мѣстному благочинному предписать указомъ...»

---

[1]) Т. II. стр. 275.
[2]) Тамъ же, стр. 276.
[3]) Тамъ же, стр. 272.
[4]) Тамъ же, стр. 273.

Библиотека "Руниверс"

Н. Н. Страховъ и князь Д. Н. Цертелевъ видимо признаютъ подлинность «предписанія Орловской Консисторіи Мценскому протоіерею. Сентября... 1820 г.». Страховъ пишетъ: «Аѳанасій Неофитовичъ женился въ Дармштадѣ на г-жѣ Шарлотѣ Фетъ, носившей фамилію Фетъ по своему первому мужу, съ которымъ она развелась и отъ котораго имѣла дочь. Первымъ плодомъ брака А. Н. Шеншина былъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, который до 14-ти лѣтъ своего возраста и писался Шеншинымъ, но потомъ долго носилъ фамилію своей матери, такъ какъ обнаружилось, что лютеранское благословеніе на бракъ [1]) не имѣло у насъ законной силы, а православное вѣнчаніе было совершенно послѣ его рожденія» [1]).

Князь Цертелевъ, перепечатавъ «предписаніе» съ поясненіями къ нему Фета, замѣчаетъ: «Имѣя въ рукахъ помянутый документъ, Аѳ. Аѳ-чу уже не трудно было доказать свою принадлежность къ роду Шеншиныхъ» [2]).

Но почему въ «предписаніи» нѣтъ числа и №? Почему не указано мѣста, времени вѣнчанія, фамиліи Шарлоты? Почему пишется: «Отставной штабсъ-ротмистръ Аѳанасій Шеншинъ»?...

Въ свидѣтельствѣ Орловской Духовной Консисторіи отъ 21 Января 1835 за № 277: «Мценскій помѣщикъ ротмистръ Аѳанасій Неофитовичъ Шеншинъ...« А въ копіи этого свидѣтельства подлинная подпись ....«Ротмистръ Аѳанасій Неофитовъ сынъ Шеншинъ».

Почему «предписаніе» отъ 1820 г. Сентября?...»

Свидѣтельство Орловской Духовной Консисторіи отъ 21 Января 1835 за № 277 гласитъ:

....«Бракъ ея бывшей Шарлоты Фетъ съ Мценскимъ помѣщикомъ ротмистромъ Аѳанасіемъ Неофитовымъ сыномъ Шеншинымъ совершенъ 1822 года Сентября 4-го дня».

А свидѣтельство Орловскаго Губернскаго Правленія отъ 21 Января 1835 за № 270: ....«въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1820 года Шарлотта выѣхала въ Россію.»

Выѣхала Шарлотта въ Россію вѣроятно съ Аѳанасіемъ Неофитовичемъ. Аѳ. Аѳ., напримѣръ, въ «Воспоминаніяхъ» говоритъ: «отецъ привезъ нашу мать (изъ Дармштадта) [3]). Въ «Раннихъ годахъ»: ....«камердинеръ отца Илья Аѳанасьевичъ, сопровождавшій его къ Пирмонтскимъ водамъ и въ Дармштадтъ, откуда вмѣстѣ съ ними черезъ Краковъ пріѣхала въ Новоселки мать моя».... [4])

---

[1]) См. „Мои Воспоминанія“ ч. II, стр. 275“. „Лирическія стихотворенія А. Фета С.-Петербургъ 1894 ч. I, стр. V—VI.

[2]) „Русскій Вѣстникъ“ 1899, № 3, стр. 223.

[3]) „Мои Воспоминанія“ II, стр. 271.

[4]) Тамъ же. стр. 6.

Библиотека "Руниверс"

Почему о лютеранскомъ бракѣ и «предписаніи» не упоминаютъ свидѣтельство Орловской Духовной Консисторіи отъ 21 Января 1835 за № 277, свидѣтельство Орловскаго Губернскаго Правленія отъ 21 Января 1835 за № 270, дѣло о усыновленіи, отъ 4 Ноября 1834 года, за № 1135-мъ?

Почему не поторопились вѣнчаніемъ, когда въ Сентябрѣ 1820 Шарлотта, если родила не преждевременно, была восьмой мѣсяцъ беременна?

Въ напечатанныхъ въ «Моихъ Воспоминаніяхъ» Тургеневскихъ къ Аѳ. Аѳ. письмахъ нѣтъ отзыва Тургенева ни о предстоявшемъ, ни о совершившемся переименованіи, а напечатано въ «Моихъ Воспоминаніяхъ» сто одно Тургеневское къ Аѳ. Аѳ. письмо (1857—1881). Между этими письмами промежутки отъ трехъ дней до четырехъ почти лѣтъ. Изъ ста промежутковъ—67 не болѣе, а 33 болѣе 2-хъ мѣсяцевъ.

Съ небольшой вѣроятно ошибкой признавъ первыя дѣйствительными, я вывелъ, что изъ послѣднихъ одинъ промежутокъ устраняется, одинъ замѣняется, одинъ несомнѣнно дѣйствителенъ, девять неизвѣстно, дѣйствительны или мнимы; двадцать скорѣе дѣйствительны и только два скорѣе мнимы: 1) между 21 Ноября и 20 Декабря 1873 года и 2) между 13 Сентября 1873 г. и 4 Марта 1874 года.

Графъ Л. Н. Толстой писалъ Фету 15 Января 1874 года:

«Очень удивился, получивъ ваше письмо, дорогой Аѳ. А., хотя я и слышалъ отъ Борисова давно уже исторію всей этой путаницы; и радуюсь вашему мужеству распутать когда бы то ни было. Я всегда замѣчалъ, что это мучило васъ и хотя самъ не могъ понять, чѣмъ тутъ мучиться, чувствовалъ, что это должно было имѣть огромное вліяніе на всю вашу жизнь. Одно только, что мы не знали, хорошее или дурное, потому что не знали, что̀ бы было, если бы этого не было? Для меня навѣрное хорошее, потому что того Шеншина я не знаю, а Фета-Шеншина знаю и люблю. Тороплюсь писать, потому что сейчасъ ѣду въ Москву, а не хочу оставить ваше письмо не отвѣченнымъ.» [1])

Видимо, Аѳ. Аѳ. не сообщалъ Толстому, чего бы тотъ «давно не слышалъ отъ Борисова».

Съ Иваномъ Петровичемъ Борисовымъ графъ Толстой былъ знакомъ съ 50-хъ годовъ, а Фетъ съ дѣтства [2]).

А. И. Іостъ говорилъ мнѣ, что зная Аѳ. Аѳ. съ 60-хъ годовъ, онъ издавна слышалъ отъ него о лютеранскомъ бракѣ его родителей; но «предписанія» Аѳ. Аѳ. не находилъ, ему о томъ не гово-

[1]) „Мои Воспоминанія“ II, стр. 287.

[2]) „Мои Воспоминанія“ I, стр. 218, „Ранніе годы“, стр. 24 и др.

Библиотека "Руниверс"

рилъ, съ нимъ не совѣтовался и сослался на него безъ его на то разрѣшенія.

Я вывелъ, что напечатанныя въ »Моихъ Воспоминаніяхъ» изложеніе и выдержки изъ Тургеневскихъ къ Аѳ. Аѳ. писемъ по поводу изданія стихотвореній 1856 года сдѣланы не съ подлинниковъ; даже пожалуй, что подлинниковъ ихъ и не существовало.

Думаю, что Аѳ. Аѳ. не находилъ «предписанія».

Изъ свидѣтельства Орловской Духовной Консисторіи отъ 21 Января 1835 за № 277 вполнѣ ясно, почему Аѳ. Аѳ. юридически не Шеншинъ, а изъ свидѣтельства Орловскаго Губернскаго Правленія отъ 21 Января 1835 за № 270 довольно ясно, почему онъ юридически Фетъ. Оба свидѣтельства съ 1838 были въ университетскихъ бумагахъ Фета. Разумѣя вѣроятно первое, онъ даже писалъ отъ Іюля 1838 въ «прошеніи г. ректору: «При семъ имѣю честь представить метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи»....

Невѣроятно, чтобы и близкіе не говорили Фету всего, что̀ знали о его происхожденіи, и чтобы Аѳ. Аѳ. ихъ о томъ не спрашивалъ. Думаю, что «всю сознательную жизнь Аѳ. Аѳ. мучился не тѣмъ, *почему* онъ юридически Фетъ, а *тѣмъ*, что онъ юридически Фетъ.

Іостъ говорилъ мнѣ, что на высочайшее благоусмотрѣніе Фетъ вообще не представилъ документовъ, вслѣдствіе которыхъ его присоединеніе къ роду Шеншиныхъ было бы не милостью, а, хотя бы нравственною справедливостью [1]).

Любопытно было бы справиться въ Комиссіи Прошеній, какіе документы представлены туда Фетомъ.

N.N. и Іостъ говорили мнѣ, что «пріятель, слѣдившій въ Комиссіи за движеніемъ просьбъ» И. П. Новосильцевъ, много способствовалъ успѣху. Не сохранились ли письма къ нему Фета?

Намѣчу пути къ рѣшенію вопроса по существу.

Родственники и дворовые Аѳ. Неоф. Шеншина говорили мнѣ, что Аѳ. Аѳ. походилъ на Аѳ. Неоф. Но Аѳ. Аѳ. наружность Аѳ. Неоѳ. описываетъ такъ: ....«круглое съ небольшимъ широкимъ носомъ и голубыми открытыми глазами лицо его навсегда сохранило какую-то несообщительную сдержанность выраженія.» [2])

Аѳ. Неоф. былъ видимо свѣтлорусъ.

О двухъ его дочеряхъ Аѳ. Аѳ. говоритъ: «Насколько (Надя) наружностью, темнорусыми волосами и стремленіемъ къ идеальному міру

[1]) Забавно, что крестьяне въ окрестностяхъ Воробьевки, гдѣ жилъ поэтъ, думаютъ, что имя Фета, какъ будто какой титулъ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ получилъ за свои заслуги.

[2]) „Ранніе годы“, стр. 4.

Библиотека "Руниверс"

напоминала....... мать, настолько свѣтлорусая Любинька, въ своемъ родѣ тоже красивая, напоминала отца».... [1])

Въ несомнѣнно автобіографическомъ разсказѣ «Дядюшка и двоюродный братецъ» Фетъ такъ описываетъ наружность Вѣры Васильевны Шмаковой: ......«живое бойкое, хотя покрытое морщинами лицо..... большіе, быстрые, голубые глаза...» [2])

Но Вѣра Васильевна Шмакова — несомнѣнно Любовь Неофитовна Шеншина, родная сестра Фета.

Впрочемъ типичнымъ для рода Шеншиныхъ Фетъ считаетъ наружность зятя Аѳанасья Неофитовича А. Н. Шеншина: ....«черты лица общаго Татарскаго родоначальника: ясные черные глаза, широкій носъ и выдающіеся скулы».... [3])

Фетъ такъ описываетъ наружность своей матери: «стройная (хотя съ лѣтами все полнѣвшая [4]), небольшаго роста, темнорусая, съ карими глазами и правильнымъ носикомъ».....

Ея родного брата: «курчавый, темнорусый» «небольшого роста» съ «темно карими глазами».

Дѣтей ея другого родного брата: ...«красавица, стройная, черноглазая, съ пышными рѣсницами, волосами и бровями»; ....«красивый брюнетъ, въ которомъ легко было угадать брата красавицы сестры.».

Ея дочери Каролины Фетъ: съ темнорусыми волосами[5]), «замѣчательно красивая» [6]) но подъ старость болѣзненно располнѣвшая [7]).

Но на позднѣйшей фотографіи Каролина Фетъ очень походитъ на Аѳ. Аѳ., который молодымъ былъ весьма красивъ, что̀ свидѣтельствуютъ портреты и современники.

Было бы чрезвычайно любопытно достать портреты Аѳ. Неоф. Шеншина, его жены Елисаветы Петровны, урожденной Шарлоты Беккеръ, по первому мужу Фетъ, этого Фета, ихъ кровныхъ родныхъ и узнать, хотя бы, когда умеръ этотъ Фетъ.

Николай Черногубовъ.

---

[1]) „Мои воспоминанія“ Т. I, стр. 8-я.
[2]) „Отечественныя Записки“ 1855 № 10, стр. 181.
[3]) „Мои Воспоминанія“ Т. I, стр. 9-я.
[4]) „Ранніе годы“ стр. 5-я.
[5]) „Моя воспоминанія“ Т. II, стр. 284.
[6]) „Ранніе годы“ стр. 198.
[7]) „Мои воспоминанія“ Т. II, стр. 284.

Библиотека "Руниверс"

БАРАТЫНСКІЙ И САЛЬЕРИ.

I.

Давно пора бы по образцу выраженія „искусство для искусства“ создать другое, „критика для критики“. Оно вполнѣ примѣнимо къ тѣмъ произведеніямъ критическаго остроумія, которыя, забывая, что дѣло идетъ о *людяхъ*, занимаются только сопоставленіемъ *словъ*. На основаніи оброненныхъ выраженій, не справляясь съ общимъ смысломъ той вещи, откуда они выхвачены, не думая о томъ, что иное можно сказать въ минуту раздраженія или случайнаго унынія, не думая и о томъ, что въ душѣ поэта кромѣ сказаннаго есть то, о чемъ онъ молчитъ, эта критика отваживается на самыя рѣшительныя заключенія. Методъ этой критики—подсчетъ: о чемъ въ *дошедшихъ до насъ* сочиненіяхъ и письмахъ поэтъ упоминаетъ чаще, то его наиболѣе и интересуетъ. При этомъ никому словно и въ голову не приходитъ, что поэтъ не всегда думаетъ съ перомъ въ рукахъ!

Маленькимъ образцомъ такой критики, однимъ изъ ея проявленій, надо признать статейку г. Ив. Щеглова о Пушкинѣ, напечатанную за лѣтніе мѣсяцы въ одной Петербургской газетѣ *), особенно ея послѣднюю часть. Статейка озаглавлена „Нескромныя догадки“, и г. Щегловъ догадывается между прочимъ, не изображенъ ли подъ именемъ Сальери въ извѣстной драмѣ Пушкина... Е. А. Баратынскій. Догадка поистинѣ „нескромная“ и обвиненіе тяжкое. Сальери (по Пушкину) совершилъ *убійство*, отравилъ Моцарта, своего друга. Но „отрава, которую бросилъ Сальери въ стаканъ Моцарта, *стоила* (это подлинныя слова г. Щеглова) въ своемъ родѣ отравы, которую, *быть можетъ*, бросилъ въ сердце Пушкина его сомнительный другъ“. Въ другомъ мѣстѣ г. Щегловъ говоритъ прямо, безъ оговорокъ, о *вѣроломствѣ* со стороны Баратынскаго.

Не требуютъ ли такія обвиненія вѣскихъ доказательствъ и умѣстно ли здѣсь обходиться выраженіями „можетъ быть“, „надо думать“ и т. п.

Какія же доказательства приводитъ г. Щегловъ? Собственно говоря, все обвиненіе построено у него на двухъ основаніяхъ. Во-первыхъ, на томъ, что Баратынскій будто бы въ частныхъ письмахъ къ Ив. Киреев-

*) Литературное приложеніе къ Торгово-промышленной газетѣ 9 Іюля 1900 г. № 28. Выводы г. Щеглова поддерживаетъ г. В. Розановъ въ статьѣ „Кое-что новое о Пушкинѣ“ („Новое Время“ 21 Іюля 1900 г. № 8763).

Библиотека "Руниверс"

скому, напечатанныхъ въ Татевскомъ Сборникѣ (который „на дняхъ“ г. Щеглову „попался“ подъ руки) „изливаетъ по адресу Пушкина рядъ замѣчаній, обнаруживающихъ, не взирая на внѣшнюю оболочку корректности и философскаго спокойствія, чувство весьма недалекое отъ скрытой зависти“. Во-вторыхъ, на томъ, что у Пушкина во всѣхъ произведеніяхъ за выведенными лицами и изображенными положеніями всегда скрывается нѣчто пережитое и лично видѣнное, а къ образу Сальери, какъ онъ изображенъ у Пушкина, характеръ Баратынскаго подходитъ будто бы какъ нельзя лучше.

Поищемъ сначала въ письмахъ Баратынскаго „чувство весьма недалекое отъ скрытой зависти“. „Какъ иначе прикажете объяснить, восклицаетъ г. Щегловъ, интимный отзывъ объ „Евгеніи Онѣгинѣ?“ Что же такого ужаснаго пишетъ Баратынскій? „Если бы все, что̀ есть въ „Онѣгинѣ“, было собственностью Пушкина, то безъ сомнѣнія *онъ ручался бы за геній писателя.* Но форма принадлежитъ Байрону, тонъ—тоже. Множество поэтическихъ подробностей заимствовано у того и у другого“. Далѣе Баратынскій находитъ, что характеры въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ блѣдны, что въ немъ нѣтъ ничего, что̀ рѣшительно характеризовало бы нашъ Русскій бытъ, что вообще это произведеніе носитъ на себѣ печать перваго опыта, хотя опыта человѣка съ большимъ дарованіемъ. „Какъ иначе прикажете объяснить?“ восклицаетъ г. Щегловъ. Какъ? Да очень просто. Это *критическій отзывъ.* Съ какихъ поръ критиковать значитъ завидовать?

Допустимъ даже, что мнѣніе Баратынскаго явно ошибочно, слѣдуетъ ли изъ этого, это оно не искреннее, не чистосердечное? Вспомнимъ, кстати, что и другіе друзья Пушкина часто высказывали осужденія Евгенію Онѣгину, что поэтъ долженъ былъ защищать свой романъ передъ ними. „Не вѣрь Раевскому, писалъ Пушкинъ брату: онъ ожидалъ отъ меня романтизма, нашелъ сатиру и цинизмъ, и *порядкомъ не расчухалъ*“. Черезъ годъ, упоминая о мнѣніи Бестужева, Пушкинъ пишетъ: „Скажи ему, что онъ не правъ; ужели онъ хочетъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи?“ Самому же Бестужеву онъ писалъ: „твое письмо очень умно, но все-таки ты не правъ; все-таки ты смотришь на Онѣгина не съ той точки.“

Неужели же Раевскій и Бестужевъ кандидаты въ Сальери?

Г. Щегловъ дѣлаетъ тутъ же ехидное сопоставленіе, что „въ такъ сказать офиціальныхъ письмахъ самому Пушкину Баратынскій расточаетъ ему всевозможныя похвалы и даже сравниваетъ его дѣятельность съ дѣятельностью Петра Великаго“... Сопоставленіе заканчивается гнѣвными словами: „тутъ ужъ выходитъ не только обычное у вторыхъ номеровъ jalousie de métier, но прямо вѣроломство“. У читателя остается впечатлѣніе, будто Баратынскій и похвалы въ личныхъ письмахъ къ Пушкину, и порицанія въ письмахъ къ Кирѣевскому писалъ *одновременно.* Между тѣмъ оказывается, что эти письма раздѣлены годами. Письмо къ Пушкину, на которое намекаетъ Щегловъ, писано въ 1826 году, а письмо къ Кирѣевскому въ 1832

Библиотека "Руниверс"

году. А еще важнѣе, что, сообщая Кирѣевскому свое мнѣміе о Евгеніи Онѣгинѣ, Баратынскій оговаривается: „Въ разныя времена я думалъ о немъ разное. Иногда мнѣ „Онѣгинъ“ казался лучшимъ произведеніемъ Пушкина“... Такъ-то *урѣзываетъ* свои цитаты г. Щегловъ.

Второй примѣръ, приводимый г. Щегловымъ, это „безпощадный“, по его мнѣнію, отзывъ Баратынскаго о сказкахъ Пушкина. Между тѣмъ вотъ этотъ отзывъ, мелькомъ сказать относящійся не вообще къ *сказкамъ* Пушкина, а лишь къ *одной* изъ нихъ, къ Царю Салтану; другія въ то время (1832 годъ) еще не были написаны. „Я прочиталъ здѣсь „Царя Салтана“, сообщаетъ Баратынскій. Это *совершенно Русская сказка*, и въ этомъ, мнѣ кажется, ея недостатокъ... Оставимъ матеріалы народной поэзіи въ ихъ первобытномъ видѣ, или соберемъ ихъ въ одно полное цѣлое, которое настолько бы ихъ превосходило, сколько хорошая исторія превосходитъ современныя записки. Матеріалы поэтическіе иначе нельзя собрать въ одно цѣлое, какъ черезъ поэтическій вымыселъ, соотвѣтственный ихъ духу и по возможности всѣ ихъ обнимающій. Этого далеко нѣтъ у Пушкина. *Его сказка равна достоинствомъ одной изъ нашихъ старыхъ сказокъ*, и только“. Г. Щегловъ утверждаетъ, что это въ переводѣ на простой языкъ значитъ, что сказки Пушкина „*ни къ чорту не годятся*“. Надо сознаться, что это переводъ довольно вольный!

Г. Щегловъ пытается еще обратить въ свою пользу мнѣніе Баратынскаго о Борисѣ Годуновѣ. Вотъ что говорится въ „нескромныхъ догадкахъ“: „Отъ Бориса Годунова взыскательный корреспондентъ Киреевскаго тоже не въ особенномъ восторгѣ и *радъ вѣрить на слово своему брату*, слышавшему трагедію Хомякова, что она далеко превышаетъ Пушкинскій шедёвръ“. Посмотримъ однако подлинныя слова Баратынскаго. Въ 1831 году онъ пишетъ: „въ слогѣ „Бориса“ видно вѣрное чувство старины, *чувство составляющее поэзію трагедіи Пушкина*“. Въ 1832 году: „О трагедіи Хомякова ты мнѣ писалъ только то, что она кончена. Поговори мнѣ о ней подробнѣе. Мнѣ пишетъ изъ Петербурга братъ, которому Хомяковъ ее читалъ, что она далеко превосходитъ „Бориса“ Пушкина, *но не говоритъ ничего такого, по чему можно бы составить себѣ о ней понятіе*. Надѣюсь въ этомъ на тебя“. Какъ вывести изъ этого, что Баратынскій „радъ вѣрить на слово своему брату“ когда въ дѣйствительности онъ говоритъ прямо противоположное?

Перейдемъ теперь ко второму ряду доказательствъ г. Щеглова, къ чертамъ сходства между Баратынскимъ и Сальери. Г. Щегловъ указываетъ ихъ двѣ: что Баратынскій, какъ Сальери, былъ другомъ своего Моцарта-Пушкина, и что складъ дарованія Баратынскаго, какъ Моцарта, былъ „умственный“. Но первая изъ нихъ имѣла бы смыслъ, если бы было доказано, что Баратынскій *завидовалъ* своему другу. Если же это не доказано, то чѣмъ усерднѣе будетъ г. Щегловъ указывать на дружбу между Пушкинымъ и Баратынскимъ, на то, что они были „на ты“, что Пушкинъ питалъ глубокое уваженіе къ мнѣнію Баратынскаго и т. д., тѣмъ менѣе будемъ мы склонны

Библиотека "Руниверс"

думать, что именно этого лучшаго друга поэтъ изобразилъ въ лицѣ *завистника* и *убійцы*.

Вторая черта—сходство въ складѣ дарованій, единственная, по которой можно хоть сколько нибудь сближать Баратынскаго съ Сальери. Г. Щегловъ посвящаетъ ей одну строчку. Г. В. Розановъ попытался развить ее полнѣе, но врядъ ли подтвердилъ тѣмъ свое мнѣніе. У него выписано изъ монолога Сальери:

Отвергъ я рано праздныя забавы;
Науки, чуждыя музыкѣ, были
Противны мнѣ; упрямо и надменно
Отъ нихъ отрекся я и предался
Одной музыкѣ...
Звуки умертвивъ
Музыку я разъялъ, какъ трупъ. Повѣрялъ
Я алгеброй гармонію...

„Въ самомъ дѣлѣ, это такъ конкретно, какъ бы съ кого-то списано", восклицаетъ г. В. Розановъ. Конечно, онъ намекаетъ на Баратынскаго, но въ этихъ стихахъ нѣтъ ничего похожаго на него. Баратынскій обратился къ поэзіи сравнительно *поздно*, лѣтъ 18, тогда какъ Пушкинъ, напр., писалъ безпрерывно лѣтъ съ 12. Баратынскій совершенно чуждъ былъ односторонности Сальери; рядомъ съ поэзіей (кстати сказать, написалъ онъ въ общемъ очень немного) онъ съ одинаковымъ жаромъ занимался философіей, исторіей и математикой. Человѣкъ, близко знавшій Баратынскаго, И. Киреевскій, говоритъ о немъ: „Изливъ свою душевную мысль въ дружескомъ разговорѣ... Баратынскій часто довольствовался живымъ сочувствіемъ своего близкаго круга, менѣе заботясь о возможныхъ далекихъ читателяхъ". Развѣ это похоже на Сальери?

Послѣ стиховъ г. В. Розановъ выписываетъ слова Баратынскаго: „Я не отказываюсь писать, но хочется на время и даже долгое время перестать печатать. Поэзія для меня не самолюбивое наслажденіе. Я не имѣю нужды въ похвалахъ (разумѣется черни), но не вижу, почему обязанъ подвергаться ея ругательствамъ". Выписавъ, г. Розановъ замѣчаетъ: „Это, языкъ Сальери! Между тѣмъ это письмо Баратынскаго". Почему это языкъ Сальери? Чѣмъ желаніе избавиться отъ зубоскальства Надеждина и К°, желаніе, объясняемое нравами *Русской* журналистики, можетъ напомнить тайныя думы Сальери?

Впрочемъ можно избавить себя отъ подробнаго разсмотрѣнія такихъ „чертъ сходства". Задача эта порождена „критикой для критики" и внѣ ея не имѣетъ значенія. Эта критика не понимаетъ, *какъ* мимолетное впечатлѣніе претворяется въ душѣ поэта въ созданіе искусства. Она не знаетъ, что это созданіе можетъ быть столь же непохожимъ на все, бывшее поводомъ къ его появленію на свѣтъ, какъ многовѣтвистый дубъ не похожъ на жолудь, изъ котораго онъ выросъ. Развѣ та, „съ которой образованъ Татьяны милый идеалъ", такъ-таки и совпадала съ героиней романа? Мы не знаемъ

Библиотека "Руниверс"

точно, по какому поводу былъ написанъ *Анчаръ*, но неужели же слѣдуетъ дѣлать изысканія, какія *деревья* могъ видѣть Пушкинъ 9 Ноября 1828 года въ деревнѣ Малинникахъ!

II.

Оставимъ г. Щеглова съ его „неосторожными догадками“ и перейдемъ къ вопросу болѣе важному: каковы въ самомъ дѣлѣ были отношенія Баратынскаго къ Пушкину? Если бы г. Щегловъ побольше зналъ Баратынскаго, а не писалъ бы только по книгѣ, которая ему „попалась“, онъ не приминулъ бы привести слѣдующее стихотвореніе.

Не бойся ѣдкихъ осужденій,
Но упоительныхъ похвалъ;
Не разъ въ чаду ихъ мощный геній
Сномъ разслабленья засыпалъ.
Когда, довѣрясь ихъ измѣнѣ,
Уже готовъ у моды ты
Взять на вѣнокъ своей Каменѣ
Ея тафтяные цвѣты:
Прости, я громко негодую;
Прости, наставникъ и пророкъ,
Я съ укоризной указую
Тебѣ на лавровый вѣнокъ.
Когда по ребрамъ крѣпко стиснутъ
Пегасъ удалымъ сѣдокомъ,
Не горе, ежели прихлыснутъ
Его критическимъ кнутомъ.

Въ примѣчаніяхъ къ изданію 1884 г., сдѣланному сыномъ Е. Баратынскаго, сказано, что хотя это стихотвореніе и озаглавлено въ текстѣ А. Н. М., но *по болѣе достовѣрнымъ источникамъ* слѣдовало бы озаглавить А. С. П. Изъ этого примѣчанія можно вывести, что Баратынскій далъ заглавіе А. Н. М. для отвода глазъ, чтобы подумали, что стихи относятся къ юному тогда Андрею Николаевичу Муравьеву, его ученику въ стихотворствѣ, но что въ дѣйствительности они мѣтятъ въ другого: А. С. П. — конечно, Александра Сергѣевича Пушкина. Этому вполнѣ отвѣчаетъ и все содержаніе стихотворенія. Выраженіе „наставникъ и пророкъ“, очень неудобно относить къ самому автору и совершенно невозможно къ А. Н. Муравьеву. Въ обращеніи же къ Пушкину оно вполнѣ умѣстно.

Въ стихотвореніи *Осень* у Баратынскаго есть такая строфа:

Вотъ буйственно несется ураганъ,
    И лѣсъ подъемлетъ говоръ шумный.
И пѣнится, и ходитъ океанъ,
    И въ берегъ бьетъ волной безумной:
Такъ иногда толпы лѣнивый умъ
    Изъ усыпленія выводитъ
Гласъ, пошлый гласъ, вѣщатель общихъ думъ,
    И звучный отзывъ въ ней находитъ;
Но не найдетъ отзыва тотъ глаголъ,
    Что̀ страстное земное перешелъ.

Библиотека "Руниверс"

Подъ глаголомъ, что̀ перешелъ страстное, земное, Баратынскій могъ разумѣть самого себя, и эти два послѣднихъ стиха не разъ приводились критиками, какъ мѣткая характеристика его собственной поэзіи. Но о комъ говоритъ онъ, какъ о „вѣщателѣ общихъ думъ“, какъ о „пошломъ гласѣ“? Слова эти не могутъ относиться къ лицу незначительному, къ второстепенному дарованію (напр. къ Н. Кукольнику, который какъ разъ въ то время пользовался нѣкоторымъ успѣхомъ). Рѣчь идетъ, видимо, о какомъ-то сильномъ поэтѣ, если его сравниваютъ даже съ ураганомъ, приводящимъ валъ океана въ безумное движеніе. Но тогда къ кому же отнести эти стихи, если не къ Пушкину?

Но если тѣ и другіе стихи относятся къ Пушкину, то какъ же отвѣчать на поставленный вопросъ? Какъ же Баратынскій смотрѣлъ на своего великаго друга и современника? Отвѣтъ на это въ тѣхъ самыхъ письмахъ Баратынскаго къ Пушкину, которыя показались г. Щеглову лицемѣрной лестью. „Иди, довершай начатое, ты, въ комъ поселился геній!—писалъ Баратынскій. Возведи Русскую поэзію *на ту степень между поэзіями всѣхъ народовъ*, на которую Петръ Великій возвелъ Россію между державами. Соверши одинъ, что̀ онъ совершилъ одинъ; а наше дѣло признательность и удивленіе“. Вотъ какія задачи ставилъ Пушкину Баратынскій, вотъ чего онъ отъ него ждалъ: истинно *народной* поэзіи, столь же самостоятельной между поэзіями другихъ народовъ, сколь самостоятельной стала Россія послѣ Петра Великаго, какъ политическая держава. Баратынскому казалось (справедливо или нѣтъ, вопросъ другой), что Пушкинъ не выполнилъ этой задачи, что, не смотря на свое величіе, онъ *ниже своей задачи*. Вотъ чѣмъ объясняются суровые отзывы Баратынскаго о произведеніяхъ Пушкина.

Баратынскому казалось, что Пушкинъ часто допускалъ суету въ служенье Музъ, что онъ вмѣсто того, чтобы искать одного совершенства, искалъ иногда успѣха „и бралъ у моды на вѣнокъ своей Каменѣ—ея тафтяные цвѣты“. Таковъ же смыслъ стиховъ о „пошломъ гласѣ“. Баратынскій хочетъ сказать, что успѣхомъ своимъ Пушкинъ былъ обязанъ не лучшимъ сторонамъ своего творчества, а тѣмъ, что̀ у него было общаго съ толпой съ большой публикой. Ураганъ потому можетъ встревожить море, что это земная, грубая сила. Такую же *„земную“* сторону находилъ Баратынскій и въ творчествѣ Пушкина. Вспомнимъ, что по толкованію Вл. Соловьева такой же смыслъ имѣютъ стихи самого Пушкина въ Памятникѣ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ и т. д.

Самъ поэтъ знаетъ за собой иное значеніе, но *народу* будетъ онъ любезенъ тѣмъ-то и тѣмъ-то.

Надо обратить вниманіе, что въ нашихъ сужденіяхъ о Пушкинѣ мы не можемъ отдѣлаться отъ обаянія того значенія, какое онъ имѣлъ въ развитіи родной литературѣ, въ ходѣ всего нашего просвѣщенія. Но современ-

Библиотека "Руниверс"

никамъ не было видно этого значенія. Напротивъ, имъ были гораздо виднѣе тѣ отрицательныя стороны личности Пушкина, которыя проявлялись въ повседневной жизни. Свои глубокія раздумья Пушкинъ таилъ для самого себя, для своихъ тетрадей, а въ кругу друзей и въ обществѣ, „межъ дѣтей ничтожныхъ міра", онъ воистину бывалъ иногда „всѣхъ ничтожнѣй". Въ немъ не было строгости и высоты жизни, не было ни одной черты подвижничества, заставляющаго поклоняться другому, какъ человѣку. Пушкинъ побѣждалъ и очаровывалъ лишь силой ума и блескомъ дарованій.

Вспомнимъ, что декабристы не считали возможнымъ посвятить его въ свой замыселъ. Невозможно думать, что они только жалѣли погубить его дарованіе. Во-первыхъ, въ то время (въ 1819—1825 г.) оно еще не проявилось вполнѣ; а во-вторыхъ, отдаваясь въ жертву своей „мысли безразсудной", они не могли думать только о томъ концѣ, который былъ имъ сужденъ. Нѣтъ, декабристы Пушкину *не довѣряли*, какъ человѣку свѣтскому и легкомысленному.

Характеренъ въ этомъ отношеніи взглядъ на Пушкина такого цѣнителя его поэзіи и такого глубокаго ума, какъ А. С. Хомяковъ. Тотчасъ послѣ кончины Пушкина онъ писалъ къ Н. М. Языкову. „Жалкая репетиція Онѣгина и Ленскаго, жалкій и слишкомъ ренній конецъ"... „Пушкина убила непростительная вѣтренность его жены и гадость общества Петербургскаго. Самъ Пушкинъ не оказалъ ни твердости въ характерѣ *(но этого отъ него и ожидать было нельзя)*, ни тонкости, свойственной его *чудному уму*. Но страсть никогда умна быть не можетъ. Онъ отшатнулся отъ тѣхъ, которые его любили, понимали и окружали дружбою почти благоговѣйной, а присталъ къ людямъ, которые его принимали изъ милости. Тутъ усыпилъ онъ надолго свой *даръ высокій* и погубилъ жизнь, прежде чѣмъ этотъ даръ проснулся (если ему суждено было проснуться." [1])

Позднѣе въ письмѣ къ И. С. Аксакову Хомяковъ высказался еще опредѣленнѣе: „Я радъ, что Сох. [2]) хотѣла и могла такъ посмотрѣть на Пушкина, но остаюсь при своемъ. Вспомните, что тѣ чудные стихи, которые Сох. приводитъ и которые дѣйствительно составляютъ какъ бы связь между другими, совершенно отрывочными, переведены изъ Данте. Они-то и имѣютъ по преимуществу характеръ басовой ноты. „Пророкъ", безспорно великолѣпнѣйшее произведеніе Русской поэзіи, получилъ свое значеніе, какъ вы знаете, по милости цензуры (смѣшно, а правда). Вглядитесь во все это безпристрастно и вы почувствуете, что способности къ басовымъ аккордамъ недоставало *не въ головѣ Пушкина и не въ талантѣ его, а въ душѣ,* слишкомъ непостоянной и слабой, или слишкомъ рано развращенной, и уже никогда не находившей въ себѣ силъ для возрожденія. *Отъ того, то вы можете имъ восхищаться или лучше не можете не восхищаться, но не можете ему бла-*

---

[1]) Изъ выходящаго въ свѣтъ VIII-го тома новаго изданія сочиненій А. С. Хомякова.

[2]) Т. е. Соханская, ее статья: „Степной вѣнокъ на могилу Пушкина".

Библиотека "Руниверс"

гоговѣйно кланяться... И все таки я очень радъ, что Сох. прослѣдила, прочувствовала ту способность въ Пушк., которой онъ не развилъ, тѣ звуки, которые у него разбросаны болѣе какъ вздохъ временнаго ропота на себя, чѣмъ какъ слова сознательнаго достоинства."

Вотъ какъ находилъ возможнымъ судить Пушкина одинъ изъ его современниковъ. И, конечно, это голосъ мыслящаго человѣка, смѣющаго имѣть свое мнѣніе, а не свистъ зависти. Думать иначе—значитъ обличать свою собственную мысль, видимо, слишкомъ привыкшую во всемъ искать низкихъ и жалкихъ побужденій.

Возвращаясь къ общему вопросу, объ отношеніяхъ Баратынскаго къ Пушкину, теперь умѣстно спросить: да чему могъ Баратынскій завидовать у Пушкина? Ихъ пути были существенно различны. Вся сила Баратынскаго въ его стихотворныхъ раздумьяхъ, въ философскихъ стихотвореніяхъ, которыхъ Пушкинъ вовсе не писалъ. Если бы Баратынскій завидовалъ именно *успѣху* Пушкина, онъ вступилъ бы съ нимъ въ соперничество, писалъ бы, какъ и онъ, драмы, романы... Но Баратынскій, напротивъ, писалъ очень мало; онъ прожилъ семь лѣтъ дольше, чѣмъ Пушкинъ, а написалъ, можетъ быть, въ двадцать разъ меньше. Пушкинъ былъ въ душѣ *литераторъ*, какъ и самъ въ томъ сознается. Именно этой черты въ Баратынскомъ не было. Вспомнимъ характеристику Киреевскаго. Пожалуй, больше чѣмъ Пушкинъ, Баратынскій „не нуждался въ похвалахъ", находя себѣ награду не только въ „звукахъ", но и въ „мечтахъ" *). Въ чемъ же имъ было соперничать?

Наконецъ, самое понятіе о зависти какъ то неумѣстно, когда рѣчь идетъ о двухъ истинныхъ поэтахъ. Какъ можно завидовать чужому произведенію или чужому дарованію? Можно ли серьезно завидовать звѣздамъ? „Прекрасное положительнѣе полезнаго, писалъ Баратынскій: оно принадлежитъ намъ въ большей собственности, оно проникаетъ все существо наше, между тѣмъ какъ остальное едва нами осязается".

И написавшій эти строки будетъ за видовать созданіямъ искусства, вмѣсто того, чтобы ими восторгаться? Какъ же этому повѣрить?

В. Б.

Пользуюсь случаемъ нѣсколько пополнить списокъ статей о Баратынскомъ, который приложенъ къ изданію его сочиненія 1884 г.

1826 г. *Московскій Телеграфъ.* № 8. Разборъ *Эдъ и Пировъ.*
1831. *Телескопъ* № 2, въ разборѣ *Сѣверныхъ Цвѣтовъ.*
1831. *Литературная Газета* № 29. Статья не Дельвига, какъ полагали издатели 1884 г., а Плетнева. См. соч. Плетнева т. I стр. 213.
1831. *Дамскій Журналъ* № 20. Разборъ *Наложницы* безъ упоминанія заглавія.
1843. *Москвитянинъ* № 1 стр. 280. Замѣтка о *Сумеркахъ.*

*) Я, не внимаемый, довольно награжденъ
За звуки звуками и за мечты мечтами.
(Финляндія).

Библиотека "Руниверс"

1853. *Современникъ* № 5 томъ XXXIX. Въ статьѣ Раевскаго о Дельвигѣ.
1869. *Филологическія Записки.* Статья Де Пуле.
1879. *Русскій Архивъ* № 2. Стр. 477—8.
1880. *Новое Время.* Вопросы и отвѣты.
1882. *Русскій Архивъ* № 5. Стихи.
1888. *Новое Время.* Статья С. Андреевскаго; перепечатана въ Философскихъ Теченіяхъ Русской Поэзіи, изд. Перцова, Спб. 1896 г.
1891. С. Венгеровъ. Критико-біографич. словарь. Біо—и библіографія.
1894. *Вѣстникъ Европы* № 3. Замѣтка Н. В. Дризена и два неизд. стихотворенія.
1894. *Историч. Вѣстн.* LVII, стр. 556.
1894. *Русскій Филологическій Вѣстникъ.* Замѣтка В. Истомина о сочиненіяхъ Баратынскаго, изд. газ. *Гражданинъ.*
1895. *Вѣстникъ Европы* № 6. Статья Котляревскаго.
1897. Русское Обозрѣніе № 1. Въ статьѣ о „Пророкѣ" Пушкина.
1899. *Русскій Архивъ* № 11.
1899. Татевскій Сборникъ, изд. С. А. Рачинскимъ.
Изъ замѣтокъ *о немъ*, я отмѣтилъ болѣе подробно говорящую о Баратынскомъ замѣтку въ Новомъ Журналѣ Иностранной Литературы 1900 № 4 Ex libris. Затѣмъ въ настоящей статьѣ указаны замѣтки по тому же поводу въ *Нов. Вр.* и *Торг. Пром. Газ.*
1900. По поводу столѣтней годовщины со дня рожденія Баратынскаго появился цѣлый рядъ статей и замѣтокъ о немъ. Изъ нихъ болѣе крупныя:
1) *Русскій Вѣстникъ* № 4 и 5. Статья В. Саводника.
2) *Дѣтское Чтеніе.* № 4.
3) *Образованіе* № 3. Статья П. Морозова.
4) *Русскій Архивъ* № 4.

Изъ болѣе мелкихъ замѣтокъ мнѣ встрѣчались:
1) *Новое Время* № 8614. Приложеніе. Возраженія на эту замѣтку.
2) *Новое Время* № 8641 Приложеніе.
3) *Правительственный Вѣстникъ* № 30. Отрывокъ изъ этой статьи перепечатали:
4) *Русскія вѣдомости* № 50.
5) *Курьеръ* отъ 19 Февраля.
6) *Московскія вѣдомости* отъ 19 Февр. Статья Н. Овсянникова.
7) *Театръ и Искусство* № 9.
8) *Новости.* № 50.

1900. Въ студенческомъ Пушкинскомъ сборникѣ подъ ред. проф. Кирпичникова. Статья Жураковскаго.

Кромѣ того у С. Венгерова есть нѣсколько указаній, пополняющихъ списокъ переводовъ Баратынскаго на иностранныя языки и статей, нужныхъ для генеалогическихъ справокъ. Говорится о Баратынскомъ и въ большинствѣ Исторій Словесности (у Галахова, Порфирова, Полевого, Пыпина), въ энциклопедическихъ и біографическихъ словаряхъ и во многихъ запискахъ и письмахъ, относящихся къ его времени (см. Остафьевскій Архивъ, Жизнь и Труды Погодина, Воспоминанія Павлищева, записки К. А. Полевого и т. п.).

В. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПОЭЗІЯ ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА *).

I.

Стихи—всегда исповѣдь. Поэтъ творитъ прежде всего затѣмъ, чтобы самому себѣ уяснить свои думы и волненія. Такъ первобытный человѣкъ, когда еще живо было творчество языка, создавалъ *слово*, чтобы осмыслить новый предметъ. Потому-то истинная поэзія не можетъ не быть искренней. Въ немногихъ, избранныхъ словахъ стиха (иногда безсознательно для поэта) затаены самыя откровенныя признанія, раскрыты тайники души. Если берутся угадывать характеръ по почерку, то насколько же полнѣе, хотя бы чисто-разсудочнымъ путемъ, можно уразумѣть душевный строй того, кто написалъ стихи, нашелъ въ себѣ ихъ содержаніе, предпочелъ эти образы и выраженія другимъ,—насколько полнѣе, даже если бъ онъ хотѣлъ лицемѣрить передъ читателями! Но поэты всегда сами готовы, нарушая горькій запретъ великаго собрата выставлять въ стихахъ „гной душевныхъ ранъ", „на диво черни простодушной". Въ своей поэзіи Вл. Соловьевъ является такимъ, какимъ былъ для самого себя. Его прозѣ иногда недостаетъ сердечности, въ стихахъ онъ становится близкимъ читателю. Все случайное и только добытое мыслью отошло: осталось лишь пережитое, прочувствованное, претворившееся въ часть души.

Есть два рода поэзіи. Одна довольствуется изображеніемъ того, что̀ можно постигнуть умомъ, выраженіемъ чувствъ, доступныхъ ясному сознанію. Ея сила въ передачѣ зримаго, внѣшняго, въ яркости описаній и точности опредѣленій. Поэтъ какъ бы ставитъ картину или событіе передъ внутренними очами читателя и, заставляя его видѣть тоже, что̀ видитъ самъ, черезъ посредство этого образа передаетъ свое настроеніе. Такіе художники властвуютъ надъ своимъ созданіемъ (что̀, конечно, нисколько не исключаетъ вдохновенности). Имъ въ удѣлъ досталась эпопея и драма, вообще большія поэтическія произведенія, требующія долгаго напряженія творческихъ силъ. Такимъ былъ Пуш-

*) Прекрасный обычай не позволяетъ въ надмогильныхъ рѣчахъ, тотчасъ за похоронными пѣснопѣніями, выступать съ холодной, всесторонней оцѣнкой усопшаго. Но жизнь Вл. Соловьева была прервана такъ неожиданно, что онъ стоитъ еще какъ бы живымъ въ нашей литературѣ. Третье изданіе его *Стихотвореній* еще составляетъ новинку у книгопродавцевъ. Объ этой книгѣ можно говорить, какъ о событіи дня, забывая, что случай (полный впрочемъ глубокаго смысла) сдѣлалъ ее заключеніемъ всей дѣятельности Вл. Соловьева.

Библиотека "Руниверс"

кинъ, который обладалъ способностью писать поэму по заранѣе составленному плану, главу за главой выполняя программу. Таковы были А. Майковъ, графъ А. Толстой.

Поэзія другого рода безпрестанно порывается отъ зримаго и внѣшняго къ сверхчувственному. Ее влекутъ темныя, загадочныя глубины человѣческаго духа, тѣ смутныя ощущенія, которыя переживаются гдѣ-то за предѣлами сознанія. Область ея—чистая лирика. Поэтъ какъ бы чувствуетъ себя ниже своего созданія, какъ бы долженъ отдаться *во власть* наитія. Конечно это не значитъ, чтобы такія произведенія были безсвязны; при кажущейся безпорядочности они сохраняютъ духовную цѣльность; неуловимость настроенія не мѣшаетъ глубокой обдуманности отдѣльныхъ выраженій. Но часто этой поэзіи не достаетъ словъ: ибо о томъ, что̀ она жаждетъ выразить, люди не разговариваютъ. Въ то время какъ одинъ поэтъ съ гордостью восклицаетъ: „давай мнѣ мысль какую хочешь; ее съ конца я заострю" и т. д.— у другого вырываются жалобы, что „мысль изреченная есть ложь" или страстныя пожеланія „о если бъ безъ слова сказаться душой было можно!" Эта поэзія освящена у насъ именами Тютчева и Фета. Ей же принадлежитъ имя Вл. Соловьева.

Въ одномъ стихотвореніи, посвященномъ памяти Фета, Вл. Соловьевъ говоритъ о немъ:

Не скрылъ онъ въ землю *даръ безумныхъ пѣсень.*

Въ посланіи къ К. Случевскому въ болѣе общемъ значеніи онъ опять поминаетъ

Безумье вѣчное поэта.

Еще въ одномъ стихотвореніи тотъ же эпитетъ повторенъ въ третій разъ: „*Безумныя* пѣсни и сказки". Не случайно взято это слово. Врядъ ли его можно примѣнить даже къ величайшимъ созданіямъ поэтовъ первой школѣ, напр., къ описанію Полтавскаго боя у Пушкина или къ его разсказу о нравахъ горцевъ. Развѣ это безумныя пѣсни? Говоря о *вѣчномъ безуміи поэта*, Вл. Соловьевъ тѣмъ самымъ призналъ, какой поэзіи служатъ его стихи. И если онъ самъ жадно любилъ классическую красоту Пушкинскихъ твореній и поклонялся ей, то для его поэзіи она оставалась недоступной. Ему данъ былъ тоже лишь „даръ безумныхъ пѣсень". Въ предисловіи къ новому изданію *Стихотвореній* онъ жалуется, что его стихи часто понимались невѣрно. Это объясняется характеромъ его поэзіи. Она нуждается въ истолкованіи и объясненіи. Его философскія сочиненія облегчаютъ эту работу, давая вѣрный ключъ къ его міросозерцанію.

Вл. Соловьевъ въ стихотворствѣ былъ ученикомъ Фета. Его ранніе стихи до такой степени перенимаютъ внѣшніе пріемы учителя, что ихъ можно было бы почти нечувствительно присоединить къ сочиненіямъ Фета, какъ къ собраніямъ стиховъ Овидія присоединяютъ стихи его безыменныхъ подражателей, Poëtae Ovidiani. Таково, напр., стихотвореніе „Зной безъ сіянія..."

Библиотека "Руниверс"

Но самобытная, сильная личность Вл. Соловьева не могла не сказаться скоро и въ его поэзіи. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ „философовъ", сурово осуждаемыхъ имъ самимъ, которые принимаютъ свои разсужденія и системы за дѣло себѣ довлѣющее, которымъ умозрѣніе нужно лишь для чтенія лекцій или писанія книгъ. У Вл. Соловьева умствованіе сливалось съ жизнью, и вопросы, которые онъ разбиралъ, мучили его не только на страницахъ его сочиненій. Міръ настроеній, связанныхъ съ тѣми основными убѣжденіями, на которыя опиралось его міросозерцаніе, былъ открытъ его поэзіи. Въ одномъ мѣстѣ Вл. Соловьевъ съ пренебреженіемъ упоминаетъ о писателяхъ „расчищающихъ психологическій черноземъ", т. е. передающихъ простѣйшія движенія души, такъ сказать, ея внѣшность. Самъ онъ, презря изображеніе этихъ чувствованій, могъ не бояться, что черезъ то его поэзія оскудѣетъ.

Міросозерцаніе Вл. Соловьева, конечно, нельзя пересказать въ двухъ словахъ. Но особенно рѣзко и опредѣленно выдѣляется онъ среди современныхъ мыслителей стремленіемъ опереть свои выводы на устои христіанскихъ истинъ. Въ своей философской дѣятельности онъ былъ апологетомъ христіанства, равно нападая и на грубость такъ называемаго положительнаго знанія (позитивизма), и на безплодность только разсудочной метафизики. Христіанство влекло его къ себѣ не какъ кругъ настроеній, а именно какъ источникъ откровенія. Вся его философія проникнута сознаніемъ христіанской истины, что каждой личности дарована полнота бытія, что смертью не кончается наше существованіе. Съ поразительной силой доказываетъ онъ, что иначе жизнь лишалась бы всякаго смысла. Какой смыслъ могла бы имѣть жизнь, если бъ надъ ней дѣйствительно торжествовалъ могильный червь, т. е., если бъ сила, красота, мудрость, все должно было прійти къ уничтоженію, если бъ благоденствіе грядущихъ поколѣній должно было кончиться смертью. И въ этомъ сознаніи безсилія смерти,—жизненное дыханіе всей философіи Вл. Соловьева.

Поэзія, вытекающая изъ такого міросозерцанія, конечно, христіанская поэзія. Она не повторяетъ знакомыхъ текстовъ и не пересказываетъ стихами евангельскихъ притчъ; христіанскія начала лежатъ въ ней глубже, освѣщая ее изнутри, какъ свѣча, заключенная въ прозрачномъ сосудѣ. Въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній *Три Подвига* Вл. Соловьевъ точно очертилъ кругъ своей поэзіи. Въ этомъ стихотвореніи онъ олицетворилъ три задачи человѣчества въ трехъ классическихъ образахъ: Пигмаліона, творящаго красоту, Галатею; Персея, побѣждающаго зло, Дракона; и Орфея, торжествующаго надъ смертью, выводящаго Эвридику изъ Аида.

II.

Въ поэзіи Вл. Соловьева читатель встрѣчается прежде всего съ ощущеніемъ противоположности между двумя мірами—Времени и Вѣчности, Зла и Добра. Было бы заблужденіемъ отожествлять міръ Времени съ матеріальной природой, съ веществомъ. Во внѣшнемъ мірѣ, какъ и въ духѣ, таятся оба

Библиотека "Руниверс"

начала. Когда высшее получаетъ преобладаніе, является *красота природы*. „И для красоты вовсе не нужно, чтобы темная сила была уничтожена...; достаточно, чтобы свѣтлое начало овладѣло ею, подчинило ее себѣ, ограничивая, но не упраздняя ея свободу и противоборство". (Слова Вл. Соловьева). Даль моря, шумящая или успокоенная Сайма, міръ скалъ—прекрасны. Къ тому же полной бездушности въ природѣ не существуетъ. „Подъ личиной естества безстрастной вездѣ огонь божественный горитъ". Поэтому наслажденіе красотою природы вовсе не унижаетъ души, и славить эту красоту не значитъ служить міру Времени. Съ этой точки зрѣнія надо смотрѣть на картины природы, которыхъ такъ много среди стиховъ Вл. Соловьева. Съ особой силой значеніе земной красоты выражено имъ въ отдѣльномъ стихотвореніи.

Земля владычица! Къ тебѣ чело склонилъ я,
И сквозь покровъ благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутилъ я,
Услышалъ трепетъ жизни міровой.
Въ полуденныхъ лучахъ такою нѣгой жгучей
Сходила благодать сіяющихъ небесъ,
И блеску тихому несли привѣтъ пѣвучій
И вольная рѣка, и многошумный лѣсъ.
И въ явномъ таинствѣ вновь вижу *сочетанье*
Земной души со свѣтомъ неземнымъ,
И отъ огня любви житейское страданье
Уносится какъ мимолетный дымъ.

Вещество становится зломъ лишь въ своемъ стремленіи подчинить себѣ высшее начало. Зло — дѣйствительная, реальная сила, съ которой нужна борьба. Эта борьба идетъ какъ въ міровой жизни, такъ и въ каждой отдѣльной душѣ. Но поэзія Вл. Соловьева не любитъ останавливаться на образахъ кажущагося торжества злого начала. Бросивъ нѣсколько укорныхъ опредѣленій міру, гдѣ Зло еще такъ властно („злая жизнь", „злое пламя земного огня", „міръ лжи", „царство обмановъ"), она спѣшитъ насладиться хоть въ предчувствіяхъ всеобщимъ торжествомъ Добра. Во всѣхъ явленіяхъ природы она хочетъ видѣть прообразъ побѣды свѣтлаго начала надъ темнымъ: въ веснѣ, неизмѣнно смѣняющей зиму, во днѣ, разгоняющемъ ночныя тѣни, въ лазури, вновь выглядывающей изъ-за тучъ, закрывшихъ было ее. Все получаетъ двойной смыслъ, обращается въ иносказаніе; утренняя звѣзда, „звѣзда Афродиты", становится символомъ плотскихъ страстей, блѣднѣющихъ, гаснущихъ передъ Солнцемъ Любви; красные отсвѣты восхода — кровью заливающей поле сраженія...

Посмотри: поблѣднѣлъ серпъ луны,
Поблѣднѣла звѣзда Афродиты,
Новый отблескъ на гребнѣ волны...
Солнца вмѣстѣ со мной подожди ты!
Посмотри, какъ потоками кровь
Заливаетъ всю темную силу.
Старый бой разгорается вновь...
Солнце, солнце опять побѣдило!

Библиотека "Руниверс"

Смерть и время царятъ на землѣ,—
Ты владыками ихъ не зови.
Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ,
Неподвижно лишь Солнце Любви.

Человѣческая душа равно принадлежитъ міру Времени и міру Вѣчности; по выраженію Тютчева она—„жилица двухъ міровъ“. Заключена „въ темницѣ міра тлѣнной“, она порывается къ вѣчной отчизнѣ, какъ волна къ родному, бездонному морю. Эти порыванія могутъ быть мучительны. Вл. Соловьевъ, конечно, глубоко ощущалъ, что это „двойное бытіе“ „разрывомъ тягостнымъ мучитъ каждый мигъ“. Но его поэзія осталась чужда жалобъ, не измѣнила своему приподнятому, торжествующему складу. „Тягостный разрывъ“ облегчался для нея неколебимой вѣрой въ конечное наступленіе согласія и ощущеніемъ близости иного міра. Ей преграда между *этимъ* и *тѣмъ* міромъ даже не кажется неодолимой; она вѣритъ въ возможность нарушать ее и на мгновеніе отрѣшаться отъ обычныхъ условій нашей жизни.

Безкрылый духъ, землею полоненный,
Себя забывшій и забытый богъ...
Одинъ лишь сонъ, — и снова окрыленный
Ты мчишься въ высь отъ суетныхъ тревогъ.
Неясный лучъ знакомаго блистанья,
Чуть слышный отзвукъ пѣсни неземной,—
И прежній міръ въ немеркнущемъ сіяньи
Встаетъ опять предъ чуткою душой.
Одинъ лишь сонъ, — и въ тяжкомъ пробужденьи
Ты будешь ждать съ томительной тоской
Вновь отблеска нездѣшняго видѣнья,
Вновь отзвука гармоніи святой.

Оцѣнивая эти мгновенія мыслью, Соловьевъ называлъ ихъ *за*-душевной жизнью личности, съ цѣлью выразить, что *за* смѣной сознаваемыхъ чувствъ и помысловъ есть болѣе глубокая жизнь духа. Наука за послѣднее время подступаетъ къ ней въ изученіи такихъ явленій, какъ внушеніе, ясновидѣніе и т. п. Для большинства эта жизнь только „сонъ пророческій неясный“, но на высотахъ просвѣтлѣнія могутъ быть переживаемы ея мгновенія и съ полной ясностью.

Зачѣмъ слова? Въ безбрежности лазурной
Эѳирныхъ волнъ созвучныя струи
Несутъ къ тебѣ желаній пламень бурный
И тайный вздохъ нѣмѣющей любви.
И трепеща у милаго порога,
Забытыхъ грезъ къ тебѣ стремится рой.
Недалека воздушная дорога,
Одинъ лишь мигъ, и я передъ тобой.
И въ этотъ мигъ незримаго свиданья
Нездѣшній свѣтъ вновь озаритъ тебя,
И тяжкій сонъ житейскаго сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Библиотека "Руниверс"

Этотъ образъ „незримаго свиданія“ заканчивается въ другомъ стихотвореніи:

Пусть и ты не вѣришь этой встрѣчѣ,
Все равно—не спорю я съ тобой...
. . . .
О, что̀ значатъ всѣ слова и рѣчи,
Этихъ чувствъ отливъ или прибой
Передъ тайною нездѣшней нашей встрѣчи,
Передъ вѣчною, недвижною судьбой.

Человѣкъ еще въ этой жизни, еще какъ „невольникъ суетному міру“, „одолѣвающій цѣпь временъ“ и „заранѣе торжествующій надъ смертью“, не можетъ подчинять свои духовныя отношенія временнымъ. Мы въ правѣ и должны относиться къ отшедшимъ, какъ къ живымъ, любить ихъ, чтить ихъ, стыдиться забывать ихъ. Умершіе вышли изъ міра Времени; но „ключи бытія у меня“, говоритъ Вѣчность. Для Вл. Соловьева все это было не только убѣжденіемъ, но и непосредственнымъ ощущеніемъ. Свой главный трудъ онъ посвятилъ „отцу и дѣду съ чувствомъ вѣчной связи“; иные стихи посвящалъ А. Фету, какъ бы забывая, что по принятому обычаю слѣдовало сказать *памяти А. Фета*. Изъ разсказовъ людей лично знавшихъ Вл. С. Соловьева извѣстно, что это ощущеніе близости двухъ міровъ переходило у него въ *духовидѣніе*. О томъ же свидѣтельствуютъ и его стихи:

Лишь только тѣнь живыхъ, мелькнувши, исчезаетъ,
Тѣнь мертвыхъ ужъ близка,
И радость горькая имъ снова отвѣчаетъ,
И сладкая тоска.
Что̀ жъ онъ пророчитъ мнѣ настойчивый и властный
Призывъ родныхъ тѣней?
Расцвѣтъ ли новыхъ силъ торжественный и ясный,
Конецъ ли смертныхъ дней?
Но что̀ бъ ни значилъ онъ, привѣтъ вашъ замогильный,
Съ нимъ сердце бьется въ ладъ,
Оно за вами, къ вамъ, и по дорогѣ пыльной
Мнѣ не идти назадъ.

Насколько привычна была для него эта смѣна „тѣни живыхъ“ „тѣнью мертвыхъ“, показываетъ другое стихотвореніе, настойчиво повторяющее тѣже образы.

Едва покинулъ я житейское волненье,
Отшедшіе друзья ужъ собрались толпой
. . . .
Печалью сладкою душа упоена,
Еще незримая уже звучитъ и вѣетъ
Дыханьемъ Вѣчности грядущая весна.

III.

Въ міровой борьбѣ съ царствомъ Времени человѣкъ не остается только страдательнымъ орудіемъ. По выраженію Вл. Соловьева, человѣкъ для Бога „добровольный союзникъ и соучастникъ Его всемірнаго дѣла“. Совершенство не можетъ быть незаслуженнымъ даромъ; должно сдѣлать себя достойнымъ

Библиотека "Руниверс"

принять его. Чувство возвышающее душу и подымающее ее надъ оковами плоти есть — *Любовь*. Въ поэзіи Вл. Соловьева понятіе „Любовь“ получаетъ особое значеніе. „Любовь“ постоянно противополагается „злой жизни“. „Злую жизнь, что кипѣла въ крови, поглотило стремленье безбрежное — роковой беззавѣтной любви“. *Роковой* не въ смыслѣ чего-то губительнаго, а какъ чувство таинственное, сверхземное. Гдѣ въ поэзіи Вл. Соловьева говорится о любви, прямо или въ уподобленіяхъ, всегда разумѣется это высшее, мистическое чувство.

Шумъ и тревога въ глубокомъ покоѣ,
Мутныя волны средь бѣлыхъ снѣговъ,
Льдины прибрежной пятно голубое,
Неба жемчужнаго тихій покровъ.
Жизнь міровая въ стремленіи смутномъ
Такъ же несется бурливой струей;
Въ шумѣ немолчномъ, хотя лишь минутномъ,
Тотъ же царитъ неизмѣнный покой.
Страсти волну съ ея пѣной кипучей
Тщетнымъ желаньемъ, дитя, не лови;
Вверхъ погляди на недвижно-могучій
Съ небомъ сходящійся *берегъ любви*.

Въ связи съ пониманіемъ любви стоитъ у Вл. Соловьева то назначеніе которое указывалъ онъ женщинѣ или, вѣрнѣе сказать, женственности. Женщина для него, какъ бы мостъ къ міру Вѣчности, „лѣствица чудная, къ небу ведущая“. Въ стихотвореніи, написанномъ нѣсколько шутливымъ тономъ „Das Ewig Weibliche“, поминается, какъ нѣкогда изъ морской пѣны возникла Афродита, и то было первой побѣдой свѣтлаго начала, Красоты, надъ темными силами. Но Зло нашло себѣ путь въ Красоту. Нынѣ идетъ на землю „Вѣчная женственность въ тѣлѣ нетлѣнномъ“. Почитаніе Вѣчной женственности необыкновенно одухотворяетъ въ поэзіи Вл. Соловьева тѣ стихи, гдѣ чувствуется женское вліяніе; земные образы сливаются для читателя съ неземнымъ идеаломъ. „Царица“, о которой говоритъ поэтъ, убранная въ семигранный вѣнецъ, это—„таинственная подруга“, предстающая избраннику въ лазури и въ небесномъ пурпурѣ.

Вся въ лазури сегодня явилась
Предо мною царица моя, —
Сердце сладкимъ восторгомъ забилось,
И въ лучахъ восходящаго дня
Тихимъ свѣтомъ душа засвѣтилась;
А вдали, догорая, дымилось
Злое пламя земного огня.

И въ пурпурѣ небеснаго блистанья
Очами полными лазурнаго огня
Глядѣла ты, какъ первое сіянье
Всемірнаго и творческаго дня...
Все видѣлъ я, и все одно лишь было,—
Одинъ лишь образъ женской красоты...
Безмѣрное въ его размѣръ входило,—

Библиотека "Руниверс"

Передо мной, во мнѣ — одна лишь ты...
Одинъ лишь мигъ! Видѣніе сокрылось,
И солнца шаръ всходилъ на небосклонъ.
Въ пустынѣ тишина. Душа молилась,
И не смолкалъ въ ней благовѣстный звонъ.

Поклоненіе Вѣчной женственности приводитъ къ поклоненію Той, Кто является ея чистѣйшимъ образомъ. Хвалы и моленія Пресвятой Дѣвѣ, переведенныя изъ Петрарки, одно изъ лучшихъ произведеній Вл. Соловьева. Въ предисловіи къ *Стихотвореніямъ* вспоминаетъ онъ апокалипсическій образъ Жены, облеченной въ солнце. Свѣтъ этого солнца озаряетъ лучшія изъ его раздумій. Въ нихъ выражается завѣтнѣйшая сторона его поэзіи, — ибо они говорятъ о достигнутой уже однажды полной побѣдѣ надъ міромъ Времени. И нигдѣ, можетъ быть, поэзія Вл. Соловьева не достигаетъ такой напряженности и сжатости, при глубинѣ содержанія, какъ въ маленькомъ путевомъ стихотвореніи, написанномъ въ Каирѣ, гдѣ поэтъ пользуется гностическимъ терминомъ „Дѣвы Радужныхъ Воротъ". Мысль о побѣдѣ надъ смертью, чаянье воскресенья мертвыхъ, противополагается здѣсь именно какъ *христіанское* ученіе—языческимъ мечтамъ и надеждамъ.

Золотыя, изумрудныя
Черноземныя поля...
Не скупа ты, многотрудная,
Молчаливая земля!
Это лоно плодотворное, —
Сколько дремлющихъ вѣковъ, —
Принимало, всепокорное,
Сѣмена и мертвецовъ.
Но не все, тобою взятое,
Вверхъ несла ты каждый годъ:
Смертью древнею заклятое
Для себя весны все ждетъ.
Не Изида трехвѣнечная
Ту весну имъ приведетъ,
А нетронутая, вѣчная
„Дѣва Радужныхъ Воротъ".

Завѣтныя свои убѣжденія Вл. Соловьевъ высказывалъ голосомъ пророка. Но, конечно, увѣренность его рѣчи происходила отъ страстности убѣжденія, а никакъ не отъ безумнаго мнѣнія, что вся тайна бытія имъ постигнута. Оглядываясь на самого себя, онъ видитъ себя какъ бы вѣчнымъ странникомъ. По снѣжной пустынѣ бредетъ онъ къ невѣдомой цѣли; кругомъ ели, ширь озера, нависли тучи, но сквозь туманъ проглядываетъ иногда *лазурное око*. Онъ любилъ примѣнять къ себѣ образъ избраннаго народа, идущаго по глаголу Божію въ обѣтованную землю. И до конца дней съ неизмѣннымъ упорствомъ шелъ онъ той же тропинкой съ упованіемъ, что послѣдній часъ разрѣшитъ и послѣднія сомнѣнія.

Библиотека "Руниверс"

Нѣтъ, силой не поднять тяжелаго покрова
Сѣдыхъ небесъ...
Вся таже въ даль тропинка вьется снова,
Все тотъ же лѣсъ.
И въ глубинѣ вопросъ — вопросъ единый
Поставилъ Богъ.
О, если бъ ты хоть пѣсней лебединой
Отвѣтить могъ!
Весь міръ стоитъ застывшею мечтою,
Какъ въ первый день.
Душа одна и видитъ предъ собою
Свою же тѣнь.

IV.

Таковъ, въ бѣгломъ очеркѣ, кругъ настроеній, образующихъ поэзію Вл. Соловьева. Тѣсная связь ихъ между собою дѣлаетъ изъ нихъ стройное цѣлое, отражающееся и во всѣхъ подробностяхъ. Но эта же стройность міровоззрѣнія затрудняетъ и безъ того не всегда легкое пониманіе отдѣльныхъ стихотвореній. Чтобы вѣрно истолковать и оцѣнить каждый стихъ, даже каждое выраженіе, надо постоянно сознавать ихъ отношеніе къ основнымъ убѣжденіямъ поэта. Въ устахъ Вл. Соловьева иныя слова часто имѣли совершенно новое и неожиданное значеніе. Самъ поэтъ, привыкшій къ тонкостямъ умозрѣнія, мало заботился о томъ, чтобы уяснить смыслъ своихъ стиховъ. Нерѣдко онъ говорилъ лишь намеками, допускалъ порывистые переходы мысли.

Поэты, получившіе „даръ безумныхъ пѣсень“, мало пользуются благосклонностью читателей. Поэты, трудные для пониманія, тѣмъ болѣе. Внѣшняя форма стиха у Вл. Соловьева—тусклая, не бросающаяся въ глаза, гораздо менѣе своеобразная, чѣмъ его проза. Его размѣры довольно разнообразны, его стихъ достаточно звученъ, но стихотворцу (въ собственномъ смыслѣ) не приходится учиться у него ничему новому. Не смотря на все это, стихи Вл. Соловьева были оцѣнены гораздо справедливѣе, чѣмъ многихъ другихъ. Конечно, тому способствовала его извѣстность, какъ философа и публициста. Но и безъ того, хотя можетъ быть позднѣе, черезъ десятки лѣтъ, его поэзія должна была дождаться своихъ читателей. Въ ней есть самое важное, что̀ можно требовать отъ поэзіи: новый міръ души.

За послѣдніе годы жизни Вл. Соловьева во всѣхъ его произведеніяхъ чувствовалась какая-то особая мощь, какая-то обостренность дарованія. Поэтъ и мыслитель подступалъ къ самымъ завѣтнымъ вопросамъ современнаго человѣка, къ его самымъ мучительнымъ соблазнамъ... И къ властному голосу Вл. Соловьева прислушивались, какъ къ словамъ учителя; за нимъ признавали право судить... Смерть неожиданно прервала эти столь нужныя намъ поученія... Но чтобы остеречься отъ лишнихъ сѣтованій, вспомнимъ, что самъ онъ пытался угадать смыслъ и нравственную необходимость даже въ выстрѣлѣ Дантеса, разрушившемъ „божественный фіалъ“, какъ „сосудъ скудельный“.

Валерій Брюсовъ.

Библиотека "Руниверс"

ГРАФИНЯ ОЛЬГА ИВАНОВНА ОРЛОВА-ДАВЫДОВА [1]).

(Изъ письма И. С. Аксакова къ одному изъ его пріятелей).

(1873).

....Мнѣ хочется тебѣ поразсказать о моемъ знакомствѣ съ Орловыми-Давыдовыми и передать тебѣ мои впечатлѣнія. Они были сильны, а главное неожиданны. Разумѣется, они вызваны были во мнѣ не великолѣпіемъ Отрады[2]), не ея парками и копаными озерами, не аристократической обстановкой à l'anglaise, среди Русской деревни устроенной графомъ, а разными учрежденіями его жены, ея и ея дочерей, такъ-сказать, православнымъ демократизмомъ. Это, братъ, такія отношенія къ крестьянамъ и вообще къ простому народу, отношенія христіанскаго равенства, до того простыя и естественныя, что мы съ тобой стать въ нихъ едва ли можемъ, хотя всю жизнь служимъ идеѣ сближенія съ народомъ. Подъ внѣшней аристократической, полурусской, полуанглійской оболочкой дома, на женской половинѣ звучитъ непрестанно такая «работа Господеви», живетъ такой живой союзъ съ церковью и не менѣе живой союзъ съ Русскимъ народомъ, что я долго не могъ придти въ себя отъ изумленія. Я былъ въ Отрадѣ три раза, два раза до кончины Е. В. Васильчиковой [3]) и одинъ разъ послѣ

---

[1]) Графиня О. И. Орлова-Давыдова, старшая изъ трехъ сестеръ фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго, родилась 17 Апрѣля 1814 года, скончалась 9 Сентября 1875 года. Она оставила по себѣ неизгладимую свѣтлую память въ людяхъ, ее знавшихъ. По обилію разлитаго ею добра принадлежитъ она къ сонму женщинъ, какими радуется и утѣшается Русское самосознаніе, и ея имя останется навсегда въ исторіи нашей общественности. П. Б.

[2]) Село Отрада, Серпуховскаго уѣзда, нынѣ принадлежащее графу Анатолію Владимировичу Орлову-Давыдову. По сосѣдству съ нею И. С. Аксаковъ нѣкоторое время владѣлъ прекрасною усадьбою на Окѣ, при селѣ Туровѣ. П. Б.

[3]) Евгенія Владимировна Васильчикова, супруга Петра Алексѣевича (оставившаго вѣчно-памятный слѣдъ въ сердцахъ своихъ друзей и въ дѣлѣ благотворенія родной намъ Черногоріи), дочь графа Владимира Петровича и графини Ольги Ивановны Орловыхъ-Давыдовыхъ. Она и сестра ея, княгиня Наталія Владимировна Долгорукая, были образцовыми женами и матерями. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

и довольно близко познакомился съ внутренней стороной жизни въ этой семьѣ, той стороной, которую многіе не замѣчаютъ и которая едва ли сознается вполнѣ и самой семьей. Старуха-графиня отнеслась ко мнѣ довольно благосклонно и, благодаря именно ей, я и могъ видѣть то, что̀ я видѣлъ. Отъ нея идетъ весь этотъ нравственный строй, и она дѣйствительно любопытное явленіе и замѣчательный характеръ. Аристократка по рожденію, она почти 15 лѣтъ, *почти до замужества*, не выѣзжала изъ Курскаго имѣнія своего отца, слѣдовательно всю первую свою молодость провела *въ Русской деревнѣ*, и Русская деревня вошла въ нравственный составъ ея существа. Поэтому-то вполнѣ у себя до̀ма она только въ деревнѣ; это ея прирожденная стихія.

Мать ея *) была чрезвычайно благодѣтельная женщина, и дочь съ дѣтства помогая ей, постоянно обращалась съ крестьянами, такъ что никто лучше графини Орловой-Давыдовой не знако̀мъ съ крестьянскимъ бытомъ, нуждами и потребностями народа, и не въ общихъ чертахъ, а въ самыхъ практическихъ и техническихъ подробностяхъ. Она не ошибется въ познаніяхъ, она назоветъ каждую вещь ея Русскимъ именемъ; она и крестьяне понимаютъ другъ друга на полусловѣ; ей и въ голову не взойдетъ навязывать крестьянамъ что-нибудь на основаніи иностранной или отвлеченной теоріи, особенно при ея практическомъ умѣ, чуждомъ мечтательности. Это не *сниз-хожденіе* знатной барыни, исполненной приторнаго состраданія къ бѣдному простолюдину; это просто *свои*, другъ друга вполнѣ разумѣющіе, безъ всякой приторности и нѣжности, другъ въ друга твердо увѣренные. И православіе, и Русская деревня: вотъ двѣ стихіи, которыя легли съ самаго начала въ душу княжны Барятинской, принадлежавшей по рожденію и по связямъ къ тому аристократическому кругу, которому наиболѣе чужда Русская народность. Но это еще не все. Мать ея была Нѣмка (графиня Келлеръ) и набожная протестантка, извѣстная своею ревностью въ дѣлахъ благотворенія. Дочь—Русская и православная до̀ фанатизма, исполнительница духовныхъ правилъ «до узкости», какъ мнѣ объ ней выразились. Вотъ этотъ-то закалъ Германскаго и протестантскаго духа на православной и мягкой нашей почвѣ и отразился въ графинѣ Орловой-Давыдовой; онъ далъ ей нѣкоторую суровость, настойчивость въ достиженіи цѣли, непреодолимую преданность идеѣ долга, вообще ригоризмъ. Видишь какое сочетаніе! Православіе, какъ пламенная вѣра и строгая церковность, Русская деревня, протестантскій ригоризмъ и Нѣмецкая нравственная отчетливость, и это въ обстанов-

*) Княгиня Марья Өедоровна, ур. графиня Келлеръ. Она устроила извѣстный пріютъ для бѣдныхъ въ Петербургѣ, на Сергіевской улицѣ.

Библиотека "Руниверс"

кѣ большого свѣта, рядомъ съ Англійскими затѣями и предразсудками мужа! Не правда ли, что все это по крайней мѣрѣ интересно.

Русская деревня отразилась во всѣхъ учрежденіяхъ графини. Она одна разрѣшила задачу о Русскихъ «сестрахъ милосердія». Зная, что въ крестьянскомъ быту, преимущественно между раскольниками, существуютъ такъ-называемыя *вѣковыя дѣвушки, вѣковушки*, т. е. такія дѣвицы, которыя отказываются отъ замужества, садятся на дѣвичество *на вѣкъ*, посвящая себя богомольству и вообще богоугоднымъ дѣламъ, оставаясь въ тоже время при домѣ, участвуя во всѣхъ работахъ; зная это, графиня постаралась сблизиться съ ними, сначала съ раскольницами, а потомъ и съ православными. Она сама мнѣ разсказывала, какъ началось это постепенное сближеніе; какъ вскорѣ послѣ замужества, поселившись въ Усольѣ *), она однажды, взявъ Евангеліе и Псалтырь, отправилась храбро въ одну изъ крестьянскихъ избъ, какъ сначала была встрѣчена съ грубою недовѣрчивостью и какъ, наконецъ, мало-по-малу дошло до того, что на чтеніе въ избахъ сходилось слушать множество народа. Постепенно она стала притягательнымъ центромъ всѣхъ благочестивыхъ дѣвицъ и бабъ въ своихъ деревняхъ, между которыми и распредѣлила подвиги: хожденіе по больнымъ, учительство и т. п. Здѣсь не могло быть притворства, какъ потому, что графиня не легко разнѣживается и не расточительна, т. е. не даетъ денегъ попусту, не удостовѣрившись въ нуждѣ, такъ и потому, что всякая, приходившая къ ней, подвергалась нелегкому испытанію. Ученицы ея школъ, пропитываясь большею частью тѣмъ же миссіонерскимъ духомъ, составили потомъ постоянный контингентъ учительницъ, сидѣлокъ и т. п. Такъ, въ Отрадинской больницѣ ходятъ за больными, перевязываютъ раны (и какъ мастерски!) простыя бабы въ сарафанахъ, какъ есть крестьянки; я ихъ самъ видѣлъ, да отъ меня и мужикъ одинъ съ карбункуломъ былъ помѣщенъ въ эту больницу; онъ мнѣ разсказывалъ, какъ ему дѣлали операцію въ присутствіи графини и какъ ходила за нимъ крестьянка Авдотья Ѳедоровна. Въ женскихъ школахъ, изъ которыхъ въ одной я былъ, учатъ крестьянки же въ своей крестьянской одеждѣ, и только онѣ однѣ, подъ руководствомъ графини и ея дочери. Разумѣется, онѣ ничему другому не учатъ, какъ чтенію и письму, можетъ быть счету, но главное молитвамъ, пѣнію, церковному богослуженію. Графиня даже не вдругъ согласилась на обученіе гражданской азбукѣ.

Дѣвочки, сколько учатся, столько же или гораздо болѣе воспитываются въ строгомъ православномъ направленіи, быть можетъ, нѣсколь-

*) Приволжское имѣніе Орловыхъ въ Самарской губерніи.

Библиотека "Руниверс"

ко узкомъ, но за то дающемъ имъ силы для всякаго житейскаго подвига. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ и дѣвицъ образовали изъ себя, при содѣйствіи графини, родъ общины, т. е. живутъ вмѣстѣ въ помѣщеніи имъ данномъ; впрочемъ, лѣтомъ ходятъ помогать своимъ роднымъ въ сельскихъ работахъ, да никто и не удерживаетъ, такъ какъ нѣтъ обѣта, ни иного обязательства. Онѣ учительствуютъ, ходятъ за больными въ больницѣ и по избамъ и въ тоже время содержатся, т. е. кормятся своими трудами, воздѣлываютъ огородъ, приготовляютъ пищу, хлѣбъ и т. п. Устава нѣтъ [1]), а просто есть приходо-расходная книга, съ которой я взялъ себѣ копію. Такъ баснословно дешево все это устройство, что оно доступно для всякаго помѣщика. Эта дешевизна входитъ въ систему графини Орловой-Давыдовой. Опасаясь корыстныхъ побужденій со стороны всѣхъ этихъ женщинъ, она держитъ ихъ на самомъ простомъ, чуть-чуть не бѣдномъ крестьянскомъ положеніи, и тщательно заботится, чтобы онѣ не выходили изъ крестьянскаго быта, для чего онѣ и находятся въ постоянномъ общеніи съ своими однодеревенцами. Я былъ у нихъ и познакомился со всѣми лично; на всѣхъ на нихъ печать бодрости и одушевленія. Надо видѣть между ними старуху-графиню; она говоритъ, что онѣ составляютъ для нея самое пріятное общество, и я ей вѣрю.... [2]).

---

[1]) Позднѣе былъ введенъ уставъ какъ для больницы, такъ и для состоящей при ней общинѣ „Добрыхъ Дѣвушекъ", утвержденный Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Образованъ и капиталъ на содержаніе, дошедшій нынѣ до 160.000 рублей.

[2]) Можетъ быть, примѣръ графини О. И. Орловой-Давыдовой вызвалъ къ дѣятельности графиню Марію Ѳедоровну Сологубъ (ур. Самарину), основательницу Серпуховскаго благотворительнаго Общества, достойную вѣчно-признательной памяти. У нея также все дѣлалось не на показъ и не въ разрывъ съ тою средою, изъ которой поступали въ ея учрежденія облагодѣтельствованныя ею дѣти бѣдныхъ родителей. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ГРАФА И. Г. НОСТИЦА О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ 1863 ГОДА.

Въ началѣ Польскаго мятежа императоръ Александръ Николаевичъ послалъ въ распоряженіе Виленскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Назимова (свиты генераловъ Волкова, графа Толя) и меня, бывшаго тогда флигель-адъютантомъ въ чинѣ полковника.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Вильну, начальникъ края прислалъ ко мнѣ жандарма, съ приказомъ немедля явиться къ нему. Было за полночь, моросилъ дождь, и ходить по улицамъ въ эту глухую ночь было не безопасно; а посему жандармъ былъ не лишнимъ.

Я засталъ генерала Назимова въ самомъ тревожномъ состояніи духа: онъ ходилъ скорыми шагами по кабинету и началъ давать мнѣ сбивчивыя приказанія.

«Вы знаете—сказалъ онъ—что фельдмаршалъ, князь Барятинскій, по случаю сильнаго приступа подагры, лежитъ здѣсь, у меня во дворцѣ. Я его спрашивалъ, кому изъ троихъ, присланныхъ въ мое распоряженіе лицъ, поручить исполненіе весьма трудной задачи—пробраться въ Брестъ-Литовскъ, гдѣ дѣла идутъ неладно: въ мѣстечкѣ Кодны, близъ крѣпости, предательски вырѣзана часть артиллерійскаго парка. Князь Барятинскій указалъ мнѣ на васъ, и вамъ нужно ѣхать туда немедля».—«Имѣется ли сообщеніе съ Брестомъ?» спросилъ я.—«Никакого, отвѣчалъ онъ; но вамъ необходимо туда пробраться. Фельдмаршалъ хвалитъ мнѣ вашу находчивость, извѣстную ему по Кавказу; онъ выразилъ мнѣ увѣренность что вы исполните это нелегкое порученіе». Назимовъ опять началъ маршировать по кабинету. Желая удержать потокъ его словъ, я сказалъ ему: «Вы меня знаете не со вчерашняго дня; часто встрѣчалъ я васъ у вашего родственника, Павла Николаевича Игнатьева, когда онъ былъ начальникомъ Пажескаго корпуса; князь Барятинскій (спасибо ему) рекомендуетъ меня, и все это я вамъ докладываю, чтобы убѣдить васъ, что все возможное будетъ мною сдѣлано. Но для этого мнѣ нужно имѣть полномочіе, въ видѣ трехъ бланковыхъ подписей, которыми я воспользуюсь только въ экстренныхъ случаяхъ, дѣйствуя вашимъ именемъ.» *)

---

*) Этими бланками я не воспользовался, дѣйствуя вездѣ самолично; возвратившись въ Вильну, я возвратилъ ихъ начальнику края.

Библиотека "Руниверс"

Мое предложеніе понравилось доброму Владиміру Ивановичу; онъ снабдилъ меня бланками, обнялъ и благословилъ въ путь-дорогу.

Опять очутился я на пустынной улицѣ города. Снѣгъ замѣнился дождемъ, о извощикахъ и рѣчи не было, и я, захвативъ свой чемоданъ и человѣка въ гостиницѣ, направился на желѣзную дорогу. Ни городовыхъ, а еще менѣе прохожихъ, я не встрѣтилъ на пути, и только проходя подъ воротами Острой Брамы, увидѣлъ ксендза на колѣняхъ предъ чудотворною иконою Божіей Матери, освѣщенной тусклымъ свѣтомъ лампады. Я остановился, тоже сталъ на колѣни и началъ молиться, прося Господа послать здоровья моей больной, въ Петербургѣ оставленной, женѣ съ полуторагодовымъ сыномъ. Мертвая тишина царила на вокзалѣ, сонные сторожа таинственно перешептывались, поддерживая огни въ мерцавшихъ фонаряхъ.

«Можно ли доѣхать до Бѣлостока?» спросилъ я у начальника станціи. Тотъ удивленно посмотрѣлъ на меня и отвѣчалъ, что уже болѣе сутокъ ни одинъ поѣздъ не приходитъ изъ Польши и что на станціи Лапы, близъ Бѣлостока, было жаркое дѣло генерала Маныкина съ бандами. Къ тому же половина дорожныхъ сторожей разбѣжалась, и онъ не знаетъ, въ безопасности ли путь. Я недоумѣвалъ, что̀ мнѣ дѣлать. Торопиться слѣдовало, и я провелъ часъ въ томительномъ ожиданіи приготовленія дрезины, на которой я рѣшился добраться до Бѣлостока.

Было уже около 4-хъ часовъ утра, когда, къ великой радости моей, я услышалъ трескъ электрическаго звонка въ телеграфной комнатѣ. Длинная лента аппарата Мòрза сообщила намъ, что съ сосѣдней станціи вышелъ экстренный поѣздъ, прибывшій туда изъ Петербурга, чтобы возстановить сообщеніе съ Царствомъ Польскимъ.

Чрезъ часъ подошли къ станціи вагоны, гдѣ находились рота солдатъ, полусотня казаковъ, съ свитскимъ генералъ-маіоромъ Стюрлеромъ, который везъ намѣстнику, Великому Князю Константину Николаевичу, письмо отъ Государя, и съ войсками генерала Маныкина, находившагося въ Бѣлостокѣ, чтобы возстановить прерванное рельсовое сообщеніе у станціи Лапъ.

Другъ мой, Александръ Николаевичъ Стюрлеръ, охотно согласился взять меня съ собой до Бѣлостока. Тамъ, у товарища моего по Кавказу, генералъ-лейтенанта Маныкина, я надѣялся получить хотя взводъ казаковъ, чтобы мимо Бѣловѣжской Пущи (гдѣ бродили шайки повстанцевъ) добраться до Бреста.

Долго длилось наше путешествіе до Бѣлостока, и это пространство, которое пробѣгаетъ даже обыкновенный поѣздъ въ нѣсколько часовъ, проѣхали мы цѣлый день. Бо́льшая часть дорожныхъ сторо-

Библиотека "Руниверс"

жей отсутствовала, что̀ вынуждало поѣздъ подвигаться какъ бы ощупью; были частыя остановки, а къ мостамъ посылали паровозъ, чтобы убѣдиться, въ порядкѣ ли они. Въ сумерки мы дотащились до Бѣлостока, но грустно было мнѣ узнать отъ генерала Маныкина, что онъ не можетъ мнѣ отрядить даже одного казака: всѣ они на разсвѣтѣ, съ имѣющимися у него подъ рукой войсками, должны были идти съ генераломъ Стюрлеромъ къ станціи Лапы (тамъ хозяйничали повстанцы), а оттуда спѣшить въ имѣніе господъ Феншау, Семятичи, гдѣ собирались подлѣ за̀мка другія сборища *).

*) Маныкинъ подъ Семятичами дѣйствовалъ по-кавказски, обстрѣлялъ замокъ Феншау, взялъ его приступомъ и положилъ предѣлъ домогательствамъ „довудцевъ“ взволновать эту часть края. Я тоже, гдѣ нужно было, не забывалъ нашихъ Кавказскихъ пріемовъ и „перчатокъ не надѣвалъ“, а посему имѣлъ кое-какіе успѣхи (о нихъ лестно отнесся генералъ-адъютантъ Назимовъ въ приказѣ по войскамъ, который я помѣщаю ниже). Удивится читатель, когда я сообщу ему, что генерала Маныкина и меня за наши военныя дѣйствія хотѣли предать военному суду. Это узналъ я нѣсколько лѣтъ спустя отъ графа Владимира Алексѣевича Бобринскаго, сосѣда моего по Кіевской губерніи. Вотъ его слова. „Я долженъ тебѣ разсказать то, о чемъ приказано мнѣ было молчать. Но императоръ Александръ II и бывшій военный министръ Сухозанетъ уже не отъ міра сего, и сообщаю тебѣ слѣдующее. Я былъ посланъ симъ послѣднимъ въ Гродненскую губернію (гдѣ потомъ я былъ губернаторомъ), чтобы отдать подъ военный судъ Маныкина и тебя. Зная ваши лихія дѣйствія, я былъ пораженъ этимъ порученіемъ и, пріѣхавъ въ Бѣлостокъ, откровенно сообщилъ Маныкину цѣль моего пріѣзда. Въ то время въ Петербургѣ еще „полякировали“, и во главѣ этой когорты находился С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ, князь Суворовъ, который, въ погонѣ за популярностью, часто мѣшался въ дѣла, до него не касавшіяся. Маныкинъ отвѣчалъ мнѣ: я моимъ Семятичскимъ дѣломъ доволенъ, иначе поступить было невозможно, хотя и сожалѣю, что вынужденъ былъ обстрѣливать орудійно за̀мокъ Феншау и попортить его; а что̀ касается до графа Ностица, то я желалъ бы, чтобы у Царя было поболѣе такихъ генераловъ. Отдавайте меня подъ судъ, я потомъ выйду въ отставку и буду грызть ломоть чернаго хлѣба, потому что состоянія не имѣю; графъ же Ностицъ богатъ и, оставивъ службу, онъ въ этой крайности не будетъ. Я поѣхалъ тогда,—продолжалъ графъ Бобринскій,—въ Петербургъ и лично донесъ этотъ отвѣтъ Царю, который немедля приказалъ генералъ-адъютанту Сухозанету прекратить все это дѣло и предать его забвенію.“ И такъ, вотъ положеніе, въ которомъ мы, дѣятели, тогда находились, и часто не знали, какъ говорятъ Французы, sur quel pied danser; а не всегда встрѣчается честный и благородный человѣкъ, какъ покойный графъ Бобринскій, который взялъ бы на себя смѣлость донести Царю всю несообразность министерскаго приказанія.

Библиотека "Руниверс"

Не разъ случалось мнѣ на Кавказѣ разъѣзжать безъ конвоя по Чечнѣ, гдѣ въ то время бродили Абреки, и, вспомнивъ старину, я сѣлъ на перекладную и пустился въ путь.

Ночь была ненастная, дорога адская, и путь мой, хотя недалекій, около полутораста верстъ, представлялъ опасность наткнуться въ лѣсахъ на засаду головорѣзовъ.

Къ утру я пріѣхалъ въ городъ Бѣльскъ, гдѣ нашелъ трупы предательски зарѣзанныхъ казаковъ, съ ихъ сотеннымъ командиромъ, который долго отбивался отъ повстанцевъ въ банѣ, куда ихъ заманили. Днемъ я пріѣхалъ въ Брестъ-Литовскъ и изумился, видя, что все тамъ было на мирномъ положеніи, а крѣпость не была вооружена, не смотря на то, что въ 24-хъ верстахъ за Бугомъ, въ мѣстечкѣ Коднѣ, была вырѣзана часть летучаго артиллерійскаго па́рка, а близъ Бреста въ «штанкенеркѣ» (дилижансѣ) убитъ ѣхавшій въ Варшаву статскій совѣтникъ Черкасовъ. Не обратили тоже вниманія, что довудцы (начальники бандъ) формировали въ мѣстечкѣ Бялѣ (въ 40 верстахъ отъ Бреста) банды косіонеровъ, что̀ вынудило полковника Мамаева отступить оттуда съ своей батареей къ Люблину.

Въ теченіи двухъ съ половиной мѣсяцевъ моего командованія войсками въ этой части Гродненской губерніи я имѣлъ немало стычекъ съ бандами, изъ коихъ нѣкоторыя были очень серіозныя, какъ-то: ночной бой подъ Бялой, гдѣ до 3½ тысячъ косіонеровъ атаковали мой отрядъ въ 400 человѣкъ и у Королевскаго Моста, Бѣловѣжской Пущи, гдѣ я преградилъ путь бандамъ въ дебри этого лѣса. Радуюсь, что мнѣ удалось оградить Брестъ-Литовскъ отъ посягательства мятежниковъ и, быть можетъ, взятія. Какъ-то странно звучатъ слова: «посягательства», а еще страннѣе «возможность взятія Бреста шайками инсургентовъ», но увы! это могло случиться, какъ извѣстно, съ содѣйствіемъ лицъ, въ крѣпости находившихся и дѣлу Польской справы сочувствовавшихъ, а въ то время общаго умопомраченія, выразившагося глубокимъ растлѣніемъ духа и отсутствіемъ сознанія долга, возможно было всего ожидать, тѣмъ болѣе, что никакихъ противодѣйствующихъ мѣръ для прекращенія этого политическаго развращенія не предпринималось.

Во время моихъ странствованій по Сѣдлецкой и Гродненской губерніямъ я выбился изъ силъ и кромѣ того, тяжкая болѣзнь жены заставила меня сдать командованіе генералу Эггеру и уѣхать въ Петербургъ, куда я прибылъ въ концѣ Марта 1863 года и гдѣ имѣлъ счастіе быть принятъ Императоромъ въ его кабинетѣ.

Его Величество, видя изнеможеніе мое, милостиво указалъ мнѣ стулъ, близъ своего письменнаго стола, и сказавъ: «Сядь и все разсказывай».

Библиотека "Руниверс"

Аудіенція эта длилась около получаса, и я подробно доложилъ о всемъ, чему я былъ свидѣтелемъ, начавъ съ того, что за Западный край и ту часть Царства Польскаго, которую довелось мнѣ видѣть, опасаться не слѣдуетъ. «Народъ преданъ вамъ, ваше Величество», добавилъ я, «но ожесточеніе и ненависть крестьянъ къ ихъ панамъ не имѣетъ предѣла, и я боялся, какъ бы не повторились страшныя Австрійскія Галиціады 1846 года. Я успокаивалъ народъ, говоря имъ, при всѣхъ ихъ сборищахъ, что Вы, Ваше Величество, положили грань своеволію пановъ, а эта грань «уставная грамота», которая отдѣляетъ теперь крестьянъ отъ ихъ бывшихъ владѣльцевъ. Но если они не будутъ исполнять всѣхъ статей этой грамоты, ими добровольно подписанной, то я примѣрно накажу ослушниковъ, и они долгое время просидятъ за рѣшеткой остроговъ».

«Я имѣлъ свѣдѣнія», сказалъ Государь, «что мятежники что-то недоброе затѣивали противъ Брестъ-Литовска. Что ты объ этомъ знаешь, говори».

Тогда я донесъ Его Величеству показанія главнаго предводителя этихъ бандъ Романа Рогинскаго, который на вопросъ мой, отъ чего онъ такъ настойчиво домогался въ ночномъ побоищѣ, близъ мѣстечка Бялы, отбить мои два орудія (которыя бы затрудняли его движенія, и я не на пятисотой, а на пятидесятой верстѣ поймалъ бы его), къ немалому моему изумленію, отвѣчалъ, что нужны были ему эти ветхія и негодныя пушки, чтобы взять Брестъ-Литовскъ. Я былъ ошеломленъ этимъ признаніемъ и собирался дать приказъ вывести Рогинскаго, какъ неумѣстнаго хвастуна; но онъ сказалъ мнѣ: «Выслушайте меня, и вы увидите, что всѣ шансы были на моей сторонѣ. У меня было подъ Бялой до двухъ съ половиной тысячъ косіонеровъ и около пятисотъ нашихъ патріотовъ съ ружьями, т. е. болѣе, нежели въ вашихъ шести неполныхъ ротахъ, взятыхъ вами изъ Бреста. Я долженъ былъ васъ смять, и тогда съ захваченными орудіями я показался бы на другой день къ вечеру у Тираспольской заставы, близъ Бреста, но уже не съ трехъ тысячнымъ войскамъ, но вѣроятно съ пятью или шестью тысячами. Воодушевленные успѣхомъ дѣла подъ Бялой, явились-бы сотнями ко мнѣ. Съ карауломъ Тираспольской заставы мы бы скоро справились, и тогда пришлось бы намъ пробѣжать дорогу, проложенную по гласису, и добраться до подъемнаго моста цитадели, ворота которой замыкались только при наступленіи сумерокъ, и то, вѣроятно, только по вашему приказу. Мы ворвались бы въ нее, и тутъ-то понадобились бы мнѣ ваши орудія. Я началъ-бы стрѣльбу во всѣ стороны, произошла-бы неминуемая суматоха, отвѣчать орудійно мнѣ не могли бы, потому что полевой артиллеріи тамъ не было, крѣпость не бы-

Библиотека "Руниверс"

ла вооружена, а два баталіона, тамъ оставленные комендантомъ, не могли оградить крѣпость отъ нечаяннаго ночного нападенія. Тогда, продолжалъ Рогинскій, все наше дѣло приняло бы другой, для насъ благопріятный оборотъ: въ два дня я вооружилъ-бы крѣпость; все наше войско, теперь по лѣсамъ скитающееся, и тѣ многочисленные патріоты, которыхъ мы поджидаемъ изъ Галиціи и Познани, имѣли бы въ крѣпости надежный опорный пунктъ, и со всѣхъ сторонъ они стекались бы въ Брестъ-Литовскъ. Громадные запасы крѣпости дали бы мнѣ возможность обмундировать и вооружить косіонеровъ, и тогда, или я поджидалъ бы Русское войско съ осадной артиллеріей изъ Бобруйска, что̀, при всегдашней вашей медленности, долго бы длилось, или выступилъ бы съ сформированной Польской арміей къ Варшавѣ и подалъ бы руку Французамъ, а какъ вамъ извѣстно, Наполеонъ далъ слово князю Чарторижскому заступиться за насъ».

Много было бредни въ этихъ фантастическихъ предположеніяхъ, съ перваго взгляда не выдерживающихъ критики; но послѣ ухода Рогинскаго, я посмотрѣлъ на дѣло иначе и сказалъ себѣ, что отвага, энергія и предпріимчивость всегда творили чудеса на войнѣ, а этими качествами вполнѣ обладалъ Рогинскій.

Все, что̀ я теперь пишу, кажется даже мнѣ неправдоподобнымъ и какой-то басней; но увы, это была горькая истина, а мы во многомъ въ этомъ виновны, избаловавъ Поляковъ нашимъ долготерпѣніемъ. Правительство, вмѣсто того, чтобы предпринять рѣшительныя мѣры для подавленія въ началѣ революціоннаго пожара, бездѣйствовало, полагая, что гуманными мѣрами и увѣщаніями можно было успокоить край. Но эту гуманность истолковали Поляки какъ нашу боязнь того, «что̀ скажетъ о насъ Европа», передъ которой мы тогда раболѣпствовали; а посему эта доброта послужила только предлогомъ оскорбительнаго глумленія, и многимъ Полякамъ казалось тогда все возможнымъ. А посему не было удивительно, что предположенія «Ржонда Народоваго» захватить первокласную нашу крѣпость, по мнѣнію Поляковъ, должно было осуществиться.

«Были ли у васъ сообщники въ крѣпости?» спросилъ я Рогинскаго»; вѣроятно, они были, иначе вы не могли бы рѣшиться на такое рискованное предпріятіе». Рогинскій замолчалъ; но я потомъ узналъ, что почва Брестъ-Литовска была весьма ненадежная: это былъ своего рода вулканъ, состоявшій изъ лицъ нашего же военнаго вѣдомства, но по преимуществу членовъ Ржонда, который въ то время широко раскинулъ свои сѣти, и въ туманной будущности представлялась ему возможность одолѣть Русскаго колосса.

Библиотека "Руниверс"

Женщины, и въ особенности духовенство, подогрѣвали это революціонное настроеніе отуманенной молодежи, а храмы молитвы и покаянія превратились въ революціонные очаги, гдѣ нагло распѣвались гимны далеко не смиренные, и въ особенности часто слышался напѣвъ на слова «Съ дымомъ пожаровъ».

Государь, ласково выслушавъ меня, одобрилъ мою распорядительность, и я, глубоко тронутый вниманіемъ Его Величества, благодарилъ Царя за милости, которыя тогда посыпались на меня [1]).

Возвратившись домой, я упрекалъ себя, что донесъ Царю о Брестскомъ эпизодѣ: быть можетъ, Государь могъ подумать, что я моимъ разсказомъ хотѣлъ выставить себя, какъ спасителя крѣпости, такъ какъ повѣствованіе мое могло имѣть видъ самовосхваленія, что̀ очень печалило меня. Это томленіе разсѣялось когда я пріѣхалъ, въ началѣ Апрѣля, въ Царское Село откланиваться Царю [2]).

Не найдя въ дежурной комнатѣ флигель-адъютанта, я отворилъ дверь въ пріемную, гдѣ обыкновенно Его Величество принималъ представляющихся; но видя, что Государь былъ тамъ и съ кѣмъ-то разговаривалъ, я притворилъ ее. «Взойди», послышался голосъ Государя. Я исполнилъ приказаніе, и Его Величество, указывая на хорунгевки (знамена) и знаки, которые представлялъ Царю пріѣхавшій изъ Царства Польскаго свиты генералъ-майоръ Костанда [3]), сказалъ мнѣ: «Ты тоже немало привезъ мнѣ этихъ знаменъ, доказывающихъ бредни Поляковъ», и, взявъ меня за плечо, добавилъ: «Иди за мной; я хочу сообщить тебѣ кое-что, относящееся до твоихъ дѣйствій близъ Бреста». Я пошелъ за Государемъ въ слѣдующую комнату (такъ называемую Турецкую) гдѣ онъ остановился и сказалъ:

«Я вчера получилъ донесеніе отъ брата Константина изъ Варшавы, въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ признаніе Рогинскаго, относительно замысловъ мятежниковъ на Брестъ. Все, что̀ ты мнѣ говорилъ, могло бы къ стыду нашему случиться, и тогда эта рухавка крамольниковъ могла бы принять другой, весьма нежелательный для насъ, оборотъ. Я очень доволенъ, что тебѣ удалось разрушить эти наглые замыслы и схватить неутомимымъ твоимъ преслѣдованіемъ такого сорвиголову, какъ Рогинскій, который немало вреда могъ намъ причинить».

Отлегло, какъ говорится, у меня отъ души, въ особенности, когда Царь обнялъ меня и милостиво спросилъ о здоровьи моей жены [4])

---

[1]) Я былъ произведенъ въ генералы, взятъ въ свиту и получилъ Владимира 3-й степени съ мечами.

[2]) Я имѣлъ трехмѣсячный отпускъ, чтобы сопровождать въ чужіе края умиравшую жену мою.

[3]) Впослѣдствіи начальникъ Московскаго военнаго округа.

[4]) Скончавшейся три мѣсяца спустя въ Баденъ-Баденѣ.

Библиотека "Руниверс"

Оканчивая это описаніе, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о пріѣздѣ моемъ въ Брестъ-Литовскъ и выходѣ изъ крѣпости на другой день съ набранными тамъ ротами что бы наказать собравшіеся въ Бялѣ бàнды, которыя тамъ ликовали послѣ рѣзни въ Коднѣ. Банды Рыльскаго, Ландваровскаго, Шанявскаго и Сонгина находились тамъ подъ общимъ начальствомъ энергичнаго Романа Рогинскаго.

Пріѣхавъ въ Брестъ, я нашелъ, какъ выше упомянуто, къ удивленію моему, крѣпость не вооруженною; почтовая дорога, пролегавшая черезъ нее, не была отведена за крѣпость, и ворота запирались только послѣ вечерней зари. Удивила меня масса служащихъ Поляковъ, въ многочисленномъ штатѣ Комиссаріатской Комиссіи. Госпитальный персоналъ тоже былъ переполненъ Поляками, и большая часть изъ нихъ, какъ потомъ выяснилось, явно высказывала свои симпатіи къ «Польской справѣ», и съ этимъ горячимъ матеріаломъ не въ силахъ былъ сладить добрый, престарѣлый комендантъ, генералъ отъ артиллеріи Штаденъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ я строго приказалъ начальникамъ артиллерійскаго и инженернаго вѣдомствъ, начать немедля, вооруженіе крѣпости, запирать ворота съ наступленіемъ сумерекъ и уничтожать всѣ лазейки чрезъ брустверъ у воротъ, куда живущіе въ крѣпости для сообщенія съ форштатомъ безпрепятственно ходили всю ночь.

Хотя мнѣ не было предписано дѣйствовать въ Царствѣ Польскомъ; но казалось мнѣ, что бывшій командиръ славныхъ Нижегородцевъ не долженъ былъ этимъ стѣсняться. На Кавказѣ мы били врага, гдѣ его настигали; теперь врагъ этотъ находился въ сорока верстахъ отъ Бреста, въ Бялѣ, куда стягивали разные «довудцы» своихъ косіонеровъ, а посему слѣдовало имъ не дать опомниться, разметать ихъ. Не откладывая задуманнаго дѣла, я рѣшилъ идти туда на другой день. «Можете ли вы дать мнѣ нѣсколько баталіоновъ?» спросилъ я у коменданта. «Я могу вамъ отдѣлить только 6 ротъ», отвѣчалъ Штаденъ, оставляя себѣ, для обороны крѣпости, только два баталіона». «Есть у васъ артиллерія?» спросилъ я.—«Она придетъ черезъ недѣлю изъ стоянки ея, Картузы-березы», добавилъ комендантъ.—«Имѣете ли вы казаковъ?»—«Ни единаго на конѣ, но въ госпиталѣ находится до 25 человѣкъ больныхъ Донцовъ».

Ожидать недѣлю эту батарею, а еще болѣе 5-й Донской полкъ Кирпичева, который форсированнымъ маршемъ направленъ былъ въ Брестъ изъ Минска, я не могъ, а по сему откладывать мой набѣгъ на Бялу въ долгій ящикъ счелъ невозможнымъ.

Библиотека "Руниверс"

Я пошелъ въ арсеналъ гдѣ приказалъ выкатить два единорога давно забракованныхъ и впрячь въ дребезжащіе лафеты фурштатскихъ лошадей. Зарядныхъ ящиковъ я не взялъ, но довольствовался только передковыми съ полнымъ комплектомъ зарядовъ, а въ прислугу къ этимъ орудіямъ назначилъ юношей фейерверкской Брестъ-Литовской школы. Потомъ я отправился въ ту палату лазарета, гдѣ лежали Донцы. «Кто изъ васъ молодцовъ желаетъ идти затра въ Польшу бить мятежниковъ?» спросилъ я. Всѣ до единаго вскочили съ кроватей и умоляли меня взять ихъ.

«Выберите изъ числа этихъ лихихъ сыновъ Дона человѣкъ 15, сказалъ я доктору, а генералу Штадену поручилъ дать имъ пики изъ арсенала и посадить на жандармскихъ лошадей. Баталіонному командиру Смоленскаго полка полковнику Винбергу я приказалъ касокъ солдатамъ не брать, а быть въ фуражкахъ или въ кепи, которыя тогда только что были утверждены, но еще не розданы. Чтобы не сымать фуражекъ предъ начальствомъ, большая часть солдатъ, на собственныя деньги, заказали по рисункамъ эти уродливые головные уборы; некрасивые сами по себѣ, они превратились въ рукахъ Евреевъ-шляпочниковъ въ какія-то карикатурныя шапки.

«На форму смотрѣть я не буду», добавилъ я полковнику, «но чтобы было у каждаго солдата оружіе въ порядкѣ съ отточеннымъ штыкомъ, комплектъ патроновъ, сухарей на 5 дней, надежная обувь, и чтобы они были тепло одѣты».

Въ 11 часовъ ночи всѣ эти распоряженія были окончены, и я далъ приказъ, чтобы съ разсвѣтомъ импровизованный мой отрядъ былъ выстроенъ на плацу у комендантскаго дома.

На другой день съ разсвѣтомъ я сѣлъ на подведеннаго мнѣ жандармскаго коня и направился къ собраннымъ солдатамъ; но велико было мое удивленіе, когда я увидалъ вмѣсто тысячи человѣкъ, на которыхъ я разсчитывалъ, полагая, что въ Брестѣ комплектовали по усиленному мирному составу, едва половину этого числа. Оказалось, что крѣпость Брестъ-Литовскъ подчинялась Виленскому военному округу и имѣла роты по мирному составу *).

Войско мое было одѣто до крайности разнообразно, вслѣдствіе моего приказа, даннаго полковнику Винбергу, одѣться потеплѣе, а посему нѣкоторые были въ шинеляхъ, другіе въ полушубкахъ. Шинели отличались ветхостью, а многіе полушубки были изодраны. Въ особенности былъ уродливъ головной уборъ: у большей части моего

---

*) То-есть въ 90 человѣкъ, а за убылью и больными едва рота имѣла въ строю 65 человѣкъ.

Библиотека "Руниверс"

войска были кепи, но самой игривой формы. Евреи, фабриковавшіе ихъ по рисункамъ, дали полный просторъ своей фантазіи, и некрасивые и непрактичные кепи, которые мы такъ долго носили, приняли какую-то каррикатурную фигуру. Многіе солдаты изъ бережливости надѣли на нихъ клеенчатые чехлы, которые ихъ еще болѣе изуродовали.

На лѣвомъ флангѣ этого войска, которое можно было принять за повстанцевъ, идущихъ на рухавку, красовалось пятнадцать казаковъ, взятыхъ изъ лазарета и сидѣвшихъ гордо на старыхъ разбитыхъ жандармскихъ лошадяхъ; въ рукахъ они держали какіе-то допотопныя пики, найденныя въ арсеналѣ. Къ удивленію моему, три казака, за отсутствіемъ затерявшихся шинелей, захватили лазаретные халаты и напялили ихъ на истасканные свои чекмени. Артиллерія моя въ это время кружилась на плацу, и фурлейты, сидя на передковомъ ящикѣ, едва могли сдержать тучныхъ лошадей, которыя, ошеломленныя необычнымъ стукомъ отъ бренчавшихъ всѣми суставами забракованныхъ деревянныхъ лафетовъ, фыркали и метались на всѣ стороны. Прапорщикъ Крутиковъ, командиръ моей грозной батареи, и юноши фейерверской школы суетились, чтобы усмирить пылъ откормленныхъ фурштатныхъ лошадей.

Видѣлъ я на Кавказѣ много фантастическихъ формъ и немало шероховатостей разнаго рода; но мы тамъ на оболочку мало обращали вниманія и поддерживали въ войскахъ, намъ ввѣренныхъ, тотъ духъ геройства, предъ которымъ не было препятствій. Быть-можетъ, и моя команда въ колпакахъ, съ кавалеріей въ лазаретныхъ халатахъ и на разбитыхъ лошадяхъ, съ артиллеріей, состоявшей изъ двухъ растрѣленныхъ пушекъ, имѣетъ, думалъ я, воинственный духъ; но велико было мое изумленіе, когда на мой привѣтъ солдаты едва отвѣчали. Всѣ стояли, потупивъ глаза, и на всѣхъ лицахъ было изображено какое-то уныніе.

«Государь Императоръ шлетъ вамъ свой милостивый привѣтъ», громко крикнулъ я. «Рады стараться», отвѣчали солдаты, но при этомъ звучала таже грустная нота.

Я недоумѣвалъ, не зная, что̀ мнѣ дѣлать; неужели могу я съ этимъ доморализированнымъ войскомъ идти въ Польшу и имѣть (что̀ дѣйствительно случилось въ эту же ночь) дѣло съ бандами, упоенными успѣхомъ?

«Братцы, безъ строя подойдите ко мнѣ», скомандовалъ я. Меня окружили Смоленцы и Ревельцы, и я громко сказалъ: «Прошли времена гладить Поляковъ по головкѣ; братьевъ нашихъ рѣжутъ, вездѣ измѣна, и я разрѣшаю и приказываю вамъ дѣйствовать оружіемъ,

Библиотека "Руниверс"

Царемъ вамъ даннымъ, чтобы отомстить за пролитую кровь въ Коднѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ такъ много пало нашихъ отъ ихъ предательства. Понимаете ли вы, что я вамъ говорю?» Солдаты устремили на меня удивленные взоры, такъ что сказанное мною пришлось имъ повторить, и въ это время я увидѣлъ браваго солдата Смоленскаго полка, который проталкивался, чтобы стать ближе ко мнѣ. Онъ, обратившись къ своимъ товарищамъ, гаркнулъ:

«Братцы, явился, наконецъ, начальникъ, который разрѣшаетъ намъ дѣйствовать оружіемъ нашимъ; а мы полагали, что навсегда суждено намъ подставлять рожи подъ плевокъ Польскій. Ей, братцы, крикнемъ мы ура великому Царю нашему, приславшему намъ своего Георгіевскаго кавалера».

Эта нехитрая рѣчь имѣла отголосокъ въ сердцахъ солдатъ, бывшихъ такъ часто свидѣтелями дерзкихъ демонстрацій Поляковъ, даже въ виду властей, получавшихъ приказы изъ Варшавы пассивно относиться къ этимъ безобразіямъ и не принимавшихъ надлежащихъ строгихъ мѣръ для ихъ прекращенія, а посему нерѣдко случалось, что на солдатъ плевали, бросали камни и грязь, изъ оконъ обливали помоями (дерзость доходила даже до того, что были случаи, когда панёнки били часовыхъ по лицу зонтиками!).

Все это теперь представляется какимъ-то бредомъ или баснею, а не дѣйствительностью; но кто пережилъ тѣ тяжелыя времена, тотъ не забудетъ ихъ, спрашивая себя: какъ могли издаваться, подъ вліяніемъ разныхъ Польскихъ патріотовъ, приказанія, клонящіяся не къ умиротворенію края, а къ враждебному настроенію населенія и, наконецъ, къ открытому мятежу. Войско наше было сбито съ толку, проявленіе этого неопредѣленнаго положенія высказалось въ отвѣтѣ мнѣ солдатъ на плацу Брестъ-Литовской крѣпости.

Послѣ рѣчи солдаты, Смоленцы, Ревельцы и казаки, подхватили громкое ура; кепи и фуражки полетѣли вверхъ, и многіе солдаты обнимались съ радости.—«Ведите, ведите насъ, ваше сіятельство, въ Польшу! Умремъ, но отплатимъ за Кодень», говорили бравые солдаты.

Эта перемѣна декораціи порадовала меня и подтвердила мое убѣжденіе, что солдатъ Русскій вездѣ тотъ же беззавѣтный удалецъ, на горахъ ли онъ Кавказа, въ пескахъ ли Азіатскихъ, или въ болотахъ Февральской распутицы близъ Бреста; вездѣ онъ тотъ же, храбрый и терпѣливый труженикъ. Но чтобы побудить его исполнить подвигъ, иногда превышающій даже его силы, нужно его расшевелить, нужно сказать ему слово, которое заставило бы биться его доброе сердце, и это слово было сказано солдатомъ, который понялъ, что̀ щемило ретивое у его товарищей.

Библиотека "Руниверс"

Роты построились. Принесли аналой и, послѣ напутственнаго молебна, я вызвалъ пѣсенниковъ, и мы перешли подъемный мостъ крѣпости. Солдаты шли молодцами, и когда на половинѣ пути одинъ изъ мостовъ оказался разрушеннымъ, то они смѣло, не смотря на холодъ, прошли рѣчку въ бродъ и къ вечеру, пройдя за 40 верстъ, подошли къ мѣстечку Бялѣ.

Около полуночи, при лунномъ свѣтѣ, начались назойливыя атаки бандъ, коихъ численность превышала въ пять разъ мой отрядъ. Всю ночь отбивались мы, и разстроенныя орудія, коими очень умѣло управлялъ прапорщикъ Крутиковъ, оказали намъ немалую услугу удачно выпущенными картечными выстрѣлами.

Не буду я отмѣчать всѣхъ моихъ послѣдующихъ военныхъ дѣйствій во время пребыванія моего начальникомъ войскъ въ Брестѣ и окружностяхъ; не буду также говорить о жаркой схваткѣ моего отряда близъ Королевскаго Моста у Бѣловѣжской Пущи, гдѣ инсургенты желали засѣсть, какъ это было въ 1831 году, и откуда едва дивизія могла ихъ вытѣснить. Цѣлью Рогинскаго были обмундированіе косіонеровъ и отбитыя у Королевскаго Моста фуры, въ которыхъ, кромѣ найденныхъ 11 цѣнныхъ призовыхъ вазъ Яновскаго коннаго завода (которыя представлены мной Государю) мы нашли до полуторы тысячи одноформенныхъ блузъ и столько же конфедератокъ. Скажу только, что въ теченіе 2½ мѣсяцевъ я очистилъ отъ мятежниковъ всю южную часть Гродненской губерніи, при чемъ бо́льшая часть довудцевъ была перебита, шайки разметаны или взяты въ плѣнъ, а главный начальникъ ихъ Рогинскій захваченъ въ Пинскихъ болотахъ.

Все это время я преслѣдовалъ банды, какъ говорится, по пятамъ и бралъ войска, гдѣ находилъ ихъ, оставляя тѣ, которыя выбивались изъ силъ.

Это преслѣдованіе, начавшееся въ Сѣдлецкой губерніи, въ мѣстечкѣ Бялѣ, окончилось близъ Мозыря, т.-е. я прошелъ съ разными отрядами болѣе 550 верстъ какъ значится въ слѣдующемъ приказѣ по войскамъ Виленскаго округа отъ 27-го Февраля 1863 года,за № 71:

«Свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ Ностицъ, по разстроенному здоровью, согласно его просьбѣ, увольняется отъ командованія отрядомъ. Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы выразить мою полную и глубочайшую благодарность генералу графу Ностицу за всѣ дѣйствія его и распоряженія во время командованія отрядомъ. Пораженіе мятежниковъ отрядомъ графа Ностица при г. Бялѣ, м. Яновѣ, Немировѣ, у Королева-Моста, у мызы Рѣчицы и у с. Борокъ, настойчивое и неутомимое преслѣдованіе партій мятежниковъ до совершеннаго истребленія ихъ и разсѣянія, энергическія мѣры, принятыя для водворенія спокойствія въ краѣ, свидѣтельствуютъ объ отличныхъ воен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ способностяхъ генерала графа Ностица». Подписалъ: генералъ-адъютантъ Назимовъ.

Истощеніе людей въ пѣхотѣ и лошадей въ 5-мъ Донскомъ полку Кирпичева было чрезмѣрное; но солдаты рвались впередъ, хотя многіе изъ нихъ едва на ногахъ держались, и тутъ опять высказалась доблесть Русскихъ солдатъ, коихъ мужество, стойкость, выносливость заслуживаютъ полную похвалу, и начальнику остается только гордиться, что имѣетъ подъ своей командой такихъ молодцовъ. Для примѣра этой беззавѣтной выносливости, упомяну на выдержку объ одномъ форсированномъ маршѣ отъ Кобрина до Пинска. Нужно было торопиться, чтобы оградить городъ отъ грабежа бандъ, которыхъ велъ туда разбитый у Бѣловѣжской Пущи Рогинскій; не прошло и десяти дней, онъ опять сформировалъ банду, вооруживъ ес частью ружьями Пружанской инвалидной роты, которую онъ захватилъ врасплохъ и ограбилъ тамошнее казначейство.

По невылазной грязи на гатяхъ (а ихъ оказалось немало по пути) солдаты, имѣя ранцы сложенные на обывательскихъ подводахъ, молодцами шли впередъ, не обращая вниманія ни на эти препятствія, ни на дождь, который не переставалъ лить, и бравые молодцы двухъ моихъ баталіоновъ, Смоленскаго графа Кутузова полка и Ревельскаго, шли всю ночь припѣваючи, и въ 18 часовъ, съ короткими привалами, прошли около 90 верстъ. Пинскъ былъ спасенъ отъ грабежа, и банды, желая спастись, бросились на Волынь, пробираясь туда Пинскими болотами, но это имъ не удалось; остатки разбитыхъ бандъ, съ ихъ довудцами и Рогинскимъ, были схвачены. Сей послѣдній былъ мнѣ представленъ поручикомъ Генеральнаго Штаба Шлейснеромъ (нынѣ генералъ въ отставкѣ, занимающій должность библіотекаря въ Военной Академіи).

Во вниманіе чистосердечнаго раскаянія Рогинскаго и сдѣланныхъ имъ показаній, желая спасти жизнь этого двадцатилѣтняго энергическаго юноши, я препроводилъ его въ Варшаву и ходатайствовалъ у Великаго Князя намѣстника о дарованіи ему жизни. Его высочество уважилъ мою просьбу, и Рогинскій былъ сосланъ на вѣчную каторгу въ Сибирь. Хорошее поведеніе ссыльнаго и не нахожденіе его въ «рухавкѣ», учиненной ссыльными Поляками у Байкальскаго озера, обратили на него вниманіе начальства; участь его была смягчена, а милостивые высочайшіе манифесты, сократившіе срокъ его заточенія, дали ему возможность, послѣ 33-лѣтняго пребыванія въ Сибири, получить разрѣшеніе возвратиться на родину.

Графъ И. Ностицъ.

Село Паньковка, Екатеринославской губерніи.

Библиотека "Руниверс"

ГРАФЪ ВЛАДИСЛАВИЧЪ О КИТАѢ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Графъ Савва Лукичъ Владиславичъ (называвшійся у насъ Рагузинскимъ, вопреки его желанію, потому только, что онъ выѣхалъ къ намъ изъ Рагузы), православный, образованный Сербъ, служившій въ Россіи и скончавшійся въ Петербургѣ 17 Іюня 1738 года, кавалеромъ ордена святаго Александра Невскаго. Воспользовался его дарованіями нашъ посолъ въ Царьградѣ графъ П. А. Толстой и, благодаря ему, онъ преуспѣвалъ въ торговыхъ и другихъ своихъ занятіяхъ въ Россіи. Онъ находился при Петрѣ Великомъ въ Прутскомъ походѣ и въ Венеціи заказывалъ для него статуи Адама и Евы. Въ Исторіи Россіи Соловьева приведены выдержки изъ его донесеній о Китаѣ, умныхъ и толковыхъ. „Китайцы, говоритъ онъ, люди не служивые, только многолюдствомъ и богатствомъ горды, и не думаю, чтобы имѣли намѣреніе съ вашимъ величествомъ воевать". Графъ Владиславичъ отправленъ былъ въ Китай по мысли Петра Великаго, былъ въ отъѣздѣ съ 1725 по 1729 г. и успѣлъ заключить съ Китаемъ выгодный для насъ договоръ. Онъ былъ человѣкъ книжный. О его переводахъ съ Итальянскаго см. у Пекарскаго: „Наука и Литература въ Россіи" (по указателю). Помѣщаемъ здѣсь выдержки изъ его записки о Китаѣ, хранящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Записка составлена въ 1730 году „по приказу государственнаго канцлера графа Гавріила Ивановича Головкина". Въ полномъ видѣ она напечатана во 2 и 3 книжкахъ „Русскаго Вѣстника" 1842 года. П. Б.

*

Описаніе силы Китайскаго имперіа, а именно главныхъ городовъ, жителей и погодныхъ приходовъ въ казну.

Въ Китайскомъ имперіи замыкаются 15 провинцей, толь великія, что, имѣя всякая такъ многое число городовъ и людей, легко королевствами называться могутъ. Ибо кромѣ 155 столичныхъ городовъ, которые суть въ первомъ рангѣ и въ которыхъ бываетъ резиденція, считаются еще 1312 великихъ и знатныхъ 2-го и 3-го рангу городовъ. И сіи многолюдствомъ и прочимъ по удовольствованію ихъ суть такъ украшены, что въ иной области главными и столичными почтены быть могутъ. Не упоминая меньшихъ и селъ, стѣнами окруженныхъ, которыхъ, ежели всѣ нумеровать, 3000 сказываютъ. Токмо большая половина запущена и раззорена, хотя видъ строенія и знакъ городища еще обрѣтаются.

Выше изображенныя провинціи суть: Пеки́нъ, къ сѣвернымъ странамъ лежащая, которая именемъ столицы, гдѣ дворъ Китайскій резидуетъ, именуется; Ксанси́, Ксенси́, Ксанту́нгъ, Хона́нъ, Сукве́нъ, Хува́нгъ, Кямси, Нанки́нгъ или Кямна́нъ, прежде бывшая императорская резиденція въ полуденныхъ провинціяхъ, Зекя́нъ, Фоке́нъ, Кван-

Библиотека "Руниверс"

ту́нгъ, Квамси́, Юна́нъ, Квенке́ю. Къ симъ причитается полуостровъ Корея, подданное королевство Китайскому императору или имперiю. И хотя подлиннаго извѣстiя о числѣ городовъ сего королевства не имѣется, однакоже подлинно вѣдаемъ, что изобильно въ ономъ находятся золотыя и серебряныя руды, поля къ сѣянiю пшена Сорочинскаго, пшеницы, хлопчатой бумаги, шелку и все то, что̀ къ содержанiю человѣческому потребно быть можетъ.

Всѣ ихъ городы построены фигурою треугольною или четвероугольною. Стѣны городовыя изъ жженаго или изъ сушенаго на солнцѣ кирпича построены, съ башнями четвероугольными по древнему обыкновенiю. И ни единъ изъ тѣхъ городовъ не можетъ формальную, осьмиденную, по нынѣшнему Европейскому обыкновенiю учиненную осаду вытерпѣть. И хотя въ оныхъ многочисленный гарнизонъ имѣется, наипаче же въ тѣхъ, которые называются воинскiя крѣпости, которыхъ великое число считается, кромѣ вышеупомянутыхъ городовъ, однакоже Китайское воинство за весьма слабое почтено и уничтожено быть имѣетъ. Въ главномъ городѣ всякой провинцiи резидуетъ одинъ вицеро́е, которые по соизволенiю Китайскаго богдыхана перемѣняемы бываютъ. Однакожъ слухъ носится, яко бы въ три года, черезъ которые ординарно перемѣна имъ бываетъ, одинъ вицеро́е безъ отягощенiя народа и похищенiя государственной казны можетъ съ полмилліона ефимковъ въ пользу себѣ получить, хотя и опредѣленнаго жалованья не имѣетъ. Но потомъ, когда они съ такимъ богатствомъ ко двору возвращаются, то часто случается, что или отъ ненависти министровъ, или отъ скупости и лакомства владѣющаго, отнятiемъ того богатства въ убогое состоянiе приведены бываютъ.

Хотя о доходахъ Китайскаго богдыхана и о числѣ душъ многiе историки несогласно писали, однакожъ никто не писалъ, чтобъ меньше 200 миллiоновъ душъ было, выключая императорскую фамилiю и всѣхъ бонзовъ, то-есть идолослужителей ихъ. И сiе вѣроятно быть можетъ: ибо всѣ городы, деревни и прочiя поселенныя ихъ мѣста наполнены суть людьми. И говорятъ (какъ о семъ многiе писали), что третья часть Китайцевъ, наипаче тѣ, которые живутъ въ провинцiяхъ, къ полу́денной странѣ лежащихъ, жилище свое на судахъ по рѣкамъ имѣютъ, такъ что въ тѣхъ теплыхъ странахъ путешествуя и приближаясь къ городу, въ недальнемъ разстоянiи отъ рѣки или отъ озера построенному, является яко второй великiй городъ, отъ тѣхъ судовъ сочиненный, между которыми 5 или 6 часовъ плыть можно. Имѣютъ они на сихъ судахъ жилище свое, якобы были поселены на сухопутномъ мѣстѣ. И такихъ судовъ по нѣкоторымъ рѣкамъ бываетъ до 50.000. Однимъ словомъ, всѣ рѣки въ тѣхъ странахъ яко поселенныя кажутся.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ же образомъ описатели того государства несогласно пишутъ о доходахъ Китайскаго богдыхана. Однакожъ по генеральному мнѣнію годовые его доходы состоятъ въ 200-хъ милліонахъ унціяхъ серебра или ефимкахъ. И сіе такожъ вѣроятно быть можетъ, ибо всѣ подданные не токмо подушныя, но и поземельныя деньги (хотя тѣ земли паханы или не паханы суть) платить принуждены. Всякаго званія мануфактуръ безчисленное множество имѣется, и должны пошлинъ по 5 процентовъ за оныя платить. И, какъ слухъ носится, въ городѣ Нанкинѣ отъ одной бумаги и китайки, кромѣ другихъ доходовъ, пошлинъ по милліону собирается.

Здѣсь кратко описуется главное состояніе того пространнаго имперія. И сіе по извѣстіямъ, каковы получены отъ персонъ, всякой вѣры достойныхъ, и по тому, чтó самимъ засвидѣтельствовать можно было. Однако жъ ежели любопытные совершенное и обстоятельное о всемъ извѣстіе имѣть похотятъ, могутъ прочесть тѣхъ авторовъ, которые о семъ государствѣ, хотя и съ похлебствомъ, допóлно писали.

*

Описаніе стольнаго Китайскаго города Пекина.

Пеки́нъ или Пеки́нгъ (неизвѣстно, ежели по имени сего города вся та провинція тако именуется или именемъ провинціи сей городъ такъ нареченъ) прежде сего Ксунтіенонъ назывался; состоитъ оный въ 40-мъ градусѣ вышины безъ 5 минутъ да въ 144-мъ градусѣ ширины. Лежитъ оный среди степи между горами и раздѣленъ на двѣ части, первая подъ именемъ Татарскаго, вторая подъ иненемъ Китайскаго городовъ.

Называемый Татарскій городъ построенъ фигурою четвероугольною на 3-хъ Итальянскихъ миляхъ, со всякой страны имѣетъ 9 воротъ. Въ семъ городѣ живутъ нынѣ владѣющіе въ Китаѣ Манджурскіе Татары, войска ихъ и ближніе придворные служители богдыхановы, которые отъ него ко всѣмъ военнымъ и гражданскимъ дѣламъ употреблены бываютъ.

Въ называемомъ Китайскомъ городѣ, который построенъ былъ по завоеванію Китайскаго имперія отъ Манджуръ, премногіе люди всякаго званія въ ономъ живутъ.

Сей городъ величиною противъ преждеупомянутаго Татарскаго орода быть можетъ, ибо 4 Гишпанскихъ миль, то-есть съ 19 Россійскихъ верстъ кругъ того считается, фигурою же не такой: понеже съ двухъ сторонъ, съ полуденной и съ сѣверной, длиною неравенъ съ восточною и западною странами, и съ сѣверной страны одною токмо

Библиотека "Руниверс"

стѣною отъ того Татарскаго города раздѣляется. Въ семъ городѣ имѣются 7 воротъ, и по сему во всемъ Пекинѣ съ вышеизображенными стараго города девятью воротами всего 16 воротъ. А при каждыхъ воротахъ по большой дорогѣ поселены великія слободы. И тако кругъ стѣнъ сихъ двухъ Пекинскихъ городовъ 7 миль Гишпанскихъ или 21 миля Итальянскихъ или съ 34 Россійскихъ верстъ считаютъ. Слобода къ западной странѣ лежащая, паче другихъ поселена, ибо все то, что̀ сухимъ путемъ привозится, чрезъ ту слободу въ городъ входитъ.

Главныя или большія улицы отъ сѣверной къ полуденной и отъ восточной къ западной странѣ учреждены. И оныя суть равномѣрно прямы, длинны и широкія. Меньшія же, отъ востоку къ западу лежащіе, раздѣляютъ въ равные острова всѣ тѣ мѣста, которыя между ими и большими улицами остаются. Оныя имѣютъ собственныя свои имена, якобы улицы: Сродниковъ хавшихъ, Бѣлой Башни, Льва, Желѣза, Вялой Рыбы, Водки и прочая. Но самая лучшая улица называется Шіа́нъ-Ганъ-Кяй, то-есть улица Вѣчного Покою. И сія улица поселена съ стороны востока до западу, а до сѣвера отъ стѣны императорскаго дворца, съ полуденной же стороны отъ разныхъ коллегій и палатъ знатныхъ персонъ окончается. Оная 130 пядей ширины имѣетъ.

Дворы поземные суть, и хотя знатныя персоны великія палаты имѣютъ, однакоже они внутрь двора построены, такъ что съ лица, кромѣ большихъ воротъ и по сторонамъ построенныхъ малыхъ домовъ, въ которыхъ живутъ домашніе ихъ служители купцы, художники или лавочники, иного видѣть невозможно. Находятся также, что̀ тремя или четырми степенями выше построены и разными порожними дворовыми мѣстами и сѣнми раздѣлены, и по сторонамъ оныхъ разное прямою линеею произведенное строеніе имѣется. Въ первыхъ строеніяхъ живутъ само подлые служители, во вторыхъ ближайшіе, въ другихъ сами господа, а въ прочихъ жены ихъ.

Дворы ихъ такъ изрядно построены, что пригожествомъ разныхъ фигуръ и добротою черепицы превосходятъ всѣхъ прочихъ. Токмо подволоки такъ нетверды, что, будучи тростми выплетены и бумагою ординарно бѣлою или разноцвѣтною наклеены, не безъ опасности жителямъ быть можетъ; потому что, ежели когда погода возстаетъ, они вѣтромъ, какъ парусы, подымаются, отъ чего черепица или известь можетъ пасть (яко же часто случается) и тѣмъ не безъ немалой вреды жителямъ въ оныхъ бываетъ.

Во всякой ихъ свѣтлицѣ имѣетъ одна изъ четырехъ стѣнъ быть деревянная рѣшетка, которая сверху донизу бѣлою бумагою оклеена; понеже, не имѣя окошекъ, ниже окончинъ, чрезъ которыя свѣтъ полу-

Библиотека "Руниверс"

чить могутъ, того употреблять принуждены суть. Такожъ при всякой ихъ свѣтлицѣ имѣется при стѣнѣ (по Турецкому обыкновенію) кирпичная, съ известью или съ глиною построенная, одна якобы лавка или полокъ, подъ которымъ ради зимняго времени подѣланы печи, и на сихъ, наславъ рогожъ или войлокъ, сидятъ.

*

Описаніе дому императора Китайскаго, обрѣтающагося въ Пекинѣ.

Императорскій дворецъ построенъ среди большого Татарскаго города къ полуденной сторонѣ и квадратными двойными каменными стѣнами обведенъ. Внѣшняя или первая стѣна изъ кирпичей построена 16 пядей вышины. Длинникъ же съ полуденной и западной сторонъ одной 2 Итальянскихъ миль, ширина жъ съ восточной и западной сторонъ одной токмо мили, такъ что кругъ всей той стѣны считается 6 Итальянскихъ миль или 9½ верстъ Россійскихъ.

Сія стѣна со всякой стороны въ срединѣ имѣетъ одни ворота, и каждые сіи ворота имѣютъ по сторонамъ по двѣ калитки. И по сему со всякой страны той стѣны имѣются по трое воротъ, съ которыхъ средніе, большіе ворота, всегда заперты, токмо ради императора отпираются, а прочія двѣ калитки съ утра до вечера всегда растворены для входящихъ и выходящихъ изъ дворца. Токмо ворота и двѣ калитки, имѣющіяся къ полуденной странѣ, всегда полузатворены бываютъ.

По каждымъ воротамъ для караулу учреждено по 20 Татаръ Манджуровъ съ начальниками ихъ; ибо токмо для карауловъ дворцовыхъ и городовыхъ воротъ опредѣлено 3000 военныхъ людей. Сія первая стѣна называется Ксунанъ-Цинъ, то-есть Императорская стѣна.

Внутренняя или вторая стѣна, которою обведенъ дворецъ, вышиною и толщиною превосходитъ первую, хотя и сія стѣна толстымъ кирпичемъ построена и зубцами украшена. Она съ сѣверной и полуденной странъ 1½ Итальянскихъ миль длины имѣетъ, а четверть мили ширины, и по сему токмо 3½ мили кругу имѣетъ, то-есть съ небольшимъ 5½ версты. И около сей стѣны имѣется также четыре ворота съ великими сводами и аркадами. Къ полуденной и сѣверной странамъ имѣется по 3, таковы жъ какъ въ первой стѣнѣ изображено. Прочіе же двои ворота, которые къ востоку и западу, ординарные суть.

Надъ сими воротами и надъ четырми углами той стѣны имѣется 8 башней, чрезвычайной величины, однакожъ непорядочной архитектуры, и такія башни покрыты черепицею, желтою краскою окрашенною.

У каждыхъ воротъ имѣется для караулу по 40 Татаръ съ двумя офицерами, и токмо однимъ мандаринамъ, канцелярскимъ и дворцовымъ

Библиотека "Руниверс"

служителемъ въ оные входить позволяется. Прочимъ же незнатнымъ персонамъ, которые не показали маленькой деревянной или костяной дощечки, на которой изображено имя и мѣсто, гдѣ служить имѣютъ, входить запрещено.

Кругомъ сей второй стѣны широкій и глубокій ровъ выкопанъ и каменными плитами обложенъ, и въ ономъ не токмо множество воды, но и хорошей рыбы имѣется. А для переходу людей также изрядный мостъ построенъ.

Между сими двумя стѣнами, на пространномъ порожемъ мѣстѣ многія невеликія палаты фигурою круглыя и четвероугольныя и иныя для всякой нужды жилища обрѣтаются. На семъ же мѣстѣ съ восточной стороны подлѣ первой стѣны течетъ рѣка, на которой хотя суть многіе мраморные мосты, однакожъ тѣ, которые въ самомъ дворцѣ находятся, пригожествомъ зѣло сихъ превосходятъ.

Къ западной сторонѣ, гдѣ помянутое порожее мѣсто пространно есть, имѣется озеро, рыбою изобильное, длиннику около версты, и на самомъ узкомъ мѣстѣ того озера построенъ каменный мостъ, который украшенъ по обѣимъ сторонамъ арками или кругами тріумфальными. На прочемъ же мѣстѣ съ восточной и западной сторонъ пространныя и широкія улицы суть, гдѣ многіе служители и дворцовые художники живутъ.

О апартаментахъ же хановыхъ, которые сею второю каменною стѣною, называемою Чіау, обведены, нѣкоторые сказываютъ, якобы 12, а иначе что токмо 9 суть апартамантовъ; но мы токмо 7 видѣли, понеже въ 7 апартаментѣ дана была намъ аудіенція. И сіи, хотя въ одной линіи слѣдуютъ, однакожъ разными площадками раздѣлены. Во всякомъ апартаментѣ имѣется великая сала старинной архитектуры на деревянныхъ столбахъ лаковой работы. На тѣ салы, понеже выше полу построены, надлежитъ взойти по мраморнымъ ступенямъ, чисто удѣланнымъ и съ лица и съ боковъ. И взошедъ перво на то мѣсто, которое выше полу построено и балясами обведено, потомъ надлежитъ въ салу входить.

Убранство той салы небогатое есть, токмо подволоки одни лаковаго дѣла. Однакожъ одна изъ четырехъ стѣнъ, отъ которой свѣтъ получаютъ, а именно въ которой двери продѣланы и которая къ полуденной странѣ стоитъ, вся въ деревянныхъ рѣшеткахъ лаковой работы, къ которымъ приклеена бѣлая бумага вмѣсто стекла или хрусталя; и сія стѣна вмѣсто окошекъ употребляется для полученія свѣту, какъ выше упомянуто въ описаніи партикулярныхъ домовъ. Полъ той салы едва не всегда фарфоровый или по послѣдней мѣрѣ самаго изряднаго мрамора, и по срединѣ той салы противъ среднихъ дверей

Библиотека "Руниверс"

поставленъ близъ стѣны амвонъ, который за престолъ почитается. Сей амвонъ деревянный есть и краснымъ лакомъ украшенъ, на которомъ вырѣзаны крылатые змѣи (гербъ тѣхъ императоровъ) и иные цвѣтные уборы. Суть *) такожъ съ лица и по сторонамъ или бокамъ въ самой срединѣ по одной лѣстницѣ, которыя раздѣлены столбиками, на которыхъ курятся благовонные духи. Никакого балдахина въ той аудіенцъ-каморѣ не имѣется; токмо поставлено въ серединѣ кресло лаковой же работы, на которомъ насланъ тюфякъ, собольимъ мѣхомъ покрытый, который не толще трехъ перстовъ, широкъ и длиненъ полтора аршина, на которомъ поджавъ ноги (по Турецкому обыкновенію) сидитъ богдыханъ. Сіе же кресло прислонено къ стѣнѣ, которая такожъ рѣзбою и лаковою работою украшена.

На полу сидятъ, поджавъ ноги, принцы богдыхановской фамиліи, всѣ министры и прочіе знатные персоны, всякій на своемъ маленькомъ тюфякѣ, сирѣчь подушкѣ, которую имѣетъ всякъ на себѣ принести, когда богдыханъ присутствуетъ, въ салѣ же отдаютъ служителямъ своимъ несть.

Хотя дворецъ императорскій есть чрезвычайной величины, однако богатсва въ ономъ не усмотрѣли; токмо имѣется поперекъ пятаго двора весьма изрядный каналъ, который по обоимъ берегамъ обкладенъ мраморомъ и мраморными балясами обведенъ, па срединѣ котораго построено 5 мостовъ. Такожъ при салѣ два великіе льва мѣдные литыхъ; а при седьмой салѣ имѣется 4 великія мѣдныя литыя же чаши, наполненныя водою, въ которыхъ входитъ около 120 ведръ. А съ обѣихъ сторонъ тѣхъ воротъ, которыя раздѣляютъ первый дворъ со вторымъ, поставлены два столба бѣлаго мрамору, на которыхъ вырѣзаны многія крылатыя змѣи. И болѣе сихъ вышеизображенныхъ вещей иное ко удивленію достойное въ томъ дворцѣ не видѣли.

Сѣни, которые по сторонамъ тѣхъ дворовъ, зѣло убого убраны: понеже потолки ихъ бумажные, а къ стѣннымъ рѣшеткамъ для полученія свѣту бумага приклеена.

Сады и огороды при дворѣ ханскомъ превеликіе есть, въ которыхъ болѣе старые лѣса и прочія деревья, якобо въ пустынѣ, нежели цвѣтки и овощи по Европейскому обыкновенію обрѣтаются.

Какими жъ уборами украшены апартаменты императорскіе, въ которыхъ самъ ханъ живетъ или жены его, намъ вѣдать невозможно: ибо не токмо всѣмъ чужестраннымъ запрещено въ оные входить, но и не всѣмъ дворцовымъ служителямъ кромѣ евнуховъ позволено, которыхъ отъ 12 до 7000 всѣ Китайскіе ханы прежде сего содержали;

---

*) Т.-е. *есть*. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

а нынѣшній ханъ нѣкоторыхъ переказнилъ для грабежа, а нѣкоторыхъ выгналъ, дабы туне жалованья не давать; токмо 700 для гвардіи женской оставилъ, изъ которыхъ при себѣ токмо 12 держитъ. И сіи суть подобны его внутреннимъ адъютантамъ.

Съ описанія вышепоказанныхъ строеній Пекинской столицы можно и о прочихъ городахъ сего пространнаго государства разсудить. И хотя городовая стѣна сей столицы зѣло высока и толста, изъ крупнаго кирпича построена, однакожъ просто и такимъ образомъ, какъ и стѣны прочихъ городовъ, о которыхъ ниже сего въ пятой главѣ изображено.

Ежели бъ непріятельская армія вознамѣрилась Пекинскую столицу взять (отъ которой зависитъ завоеваніе всего Китайскаго государства), довольно бъ было оную такимъ образомъ осадить или обложить, чтобъ чрезъ мѣсяцъ никакой провизіи изъ околичныхъ мѣстъ получить она не могла. И тако оная приведена бъ была сдаться съ голоду, каковъ причиненъ быть можетъ отъ многочисленныхъ ея жителей, которыхъ 6 милліоновъ внутри стѣны причитаютъ, и оные питаются дневною покупкою провизіи. Ибо провіантъ, какъ въ ту столицу, такъ и во всю провинцію изъ всего имперія привозится каналомъ, который въ 20 миляхъ отъ того города разстояніемъ имѣется. И посему, ежели отъ непріятелей запрещенъ и не допущенъ будетъ въ Пекинъ привозъ провіантовъ, которые тѣмъ каналомъ привозятся, тогда отъ крайней скудости и нужды войны принужденъ будетъ сдаться. Понеже съ голоду такой множественный народъ можетъ бунтъ сочинить и воинство внутреннее осилить и непріятелю городъ сдать. Въ такомъ же состояніи и другіе многіе Китайскіе города пребываютъ *).

*

О состояніи крѣпости въ Китайскихъ городахъ.

Во всемъ Китайскомъ государствѣ ни одного порядочно построеннаго города не имѣется, но едва не всѣ фигурою четвероугольные, треугольные или въ квадратѣ двоедлинномъ состоятъ. Стѣны ихъ съ лица кирпичныя, а въ срединѣ песчанною землею насыпаны и потому къ истерпѣнію пушечныхъ ядръ мало годны. Сверхъ того и мѣстоположеніе ихъ зѣло не крѣпкое, ибо Китайцы для строенія городовъ избираютъ такія мѣста, около которыхъ могли бы быть пространныя поля и рѣки, не выбирая натуральныхъ крѣпостныхъ мѣстъ подъ строеніе городовъ и не окружая ихъ рвами и каналами, развѣ гдѣ натуральное озеро по случаю приключится.

---

*) Напомнимъ читателю, что и въ XIX столѣтіи Сперанскій полагалъ возможнымъ овладѣніе Китаемъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Въ тѣхъ городахъ имѣются надъ градскими воротами четвероугольныя башни съ четвероугольными окошками, которыя задѣланы досками, и на нихъ расписаны пушечныя горла. Однакожъ подлиннаго извѣстія получить не могли, ежели на тѣхъ башняхъ пушки имѣются или нѣтъ. И хотя бъ на примѣръ и были, нимало они къ продолженію облеженія и къ взятью города препятствовать не могутъ; понеже регулярное войско легко можетъ на тѣхъ стѣнахъ проломъ сдѣлать, на которыхъ ни пушекъ, ни раскатовъ не имѣется. И хотя Китайцы немалое число пушекъ имѣютъ (которыя болѣе къ басамъ *), нежели къ пушкамъ причтены быть могутъ) однакожъ сіе болѣе ради степныхъ Татаръ, которые не имѣя пушекъ, ниже вѣдая способу употребленія ихъ, въ боязни и въ опасности всегда пребываютъ, нежели ради Европейскихъ войскъ, которымъ употребленіе артилеріи весьма извѣстно.

Наибольшая часть ихъ пушекъ малаго калибру, трехфунтовыя, такъ малы, что одинъ верблюдъ двѣ пушки носитъ; а хотя нѣкоторые малое число и полевыхъ пушекъ или ломовыхъ имѣютъ, но и тѣ безъ потребнаго размѣру литы, и большая часть безъ станковъ. И кромѣ того малое число пушкарей годныхъ и искусныхъ къ употребленію артилеріи въ Китайскомъ государствѣ изобрѣтается.

Бывшій императоръ Камхи́ угрозами принудилъ Цесарца падра Киліана Стунфа, Езуита, многое число пушекъ лить, который хотя многое число видомъ хорошихъ пушекъ, а къ употребленію негодныхъ сдѣлалъ; понеже съ умыслу не до сущей формы оныя лилъ, отъ чего многія щербины въ оныхъ явились, и болѣе двухъ или трехъ выстрѣловъ снесть не могутъ.

Городъ Квантунгъ или Кантонъ, яко при морѣ лежащій городъ, лучше всѣхъ прочихъ Китайскаго государства городовъ фортификованъ для приходу Европейскихъ кораблей. Не пространенъ входъ того порта и называется Барсовый Ротъ, ибо фигурою рта сдѣланъ. Имѣетъ по сторонамъ по одной крѣпости треугольнаго древняго строенія, въ каждой которыхъ крѣпостей имѣетъ по 25 пушекъ 18-фунтовыхъ, а въ близости города имѣетъ еще двѣ крѣпости вышеписаннымъ подобныя.

Въ Пекинской столицѣ по городовымъ стѣнамъ никакихъ пушекъ мы не видали, но можетъ быть, что они держатся въ башняхъ, построенныхъ надъ воротами. Однакожъ нѣкоторые изъ нашей свиты видѣли нѣсколько пушекъ старыхъ ломовыхъ, въ нѣкоторой башнѣ тоя столицы лежащихъ.

---

*) По словарю В. И. Даля, *баса́* значитъ краса, украшеніе, прикраса. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга четырнадцатая. СПБ. 1900.

Неутомимое перо Н. П. Барсукова подарило намъ еще новый—14-й томъ біографіи М. П. Погодина. По мѣрѣ появленія въ свѣтъ этой замѣчательной книги мы съ удовольствіемъ можемъ утверждать, что число почитателей почтеннаго автора все растетъ и растетъ; что число сочувствующихъ пріемамъ біографіи Погодина не только не уменьшается, но даже увеличивается, и, благодаря „ученой упрямкѣ“ автора, онъ завоевываетъ себѣ все болѣе и болѣе симпатій.

Разсматриваемый томъ открывается разсказомъ о вступленіи на престолъ императора Александра II-го. Это было время весьма знаменательное: старые порядки еще держались, но между тѣмъ начинали проявляться признаки новыхъ вѣяній, и Погодинъ не могъ оставаться равнодушнымъ ихъ зрителемъ. Съ внѣшней стороны война Россіи съ Англіей и Франціей еще продолжалась, и въ книгѣ г. Барсукова мы имѣемъ весьма много любопытныхъ подробностей о послѣднихъ дняхъ Севастопольской бомбардировки. Тутъ мы читаемъ характерныя выдержки изъ писемъ прот. Лебединцева, разсказы о кончинѣ адмираловъ Истомина и П. С. Нахимова и т. д. Все это завершается повѣствованіемъ о паденіи Севастополя и о томъ впечатлѣніи, которое оно произвело на Погодина и его близкихъ знакомыхъ. Въ числѣ ихъ являются: Бодянскій, Грановскій, Тургеневъ, Аксаковы, Максимовичъ, Даль и др. Не лишено высокаго интереса и то повѣствованіе, которое посвящаетъ авторъ ушедшимъ съ жизненнаго поприща за разсматриваемое время отечественнымъ дѣятелямъ, въ особенности графу С. С. Уварову и Грановскому, погребеніе того и другаго замѣтно и существенно разнились, и на эту разность справедливо указываетъ біографъ Погодина.

Далѣе не оставлена имъ безъ вниманія и дѣятельность Погодина по изданію „Москвитянина“. Одновременно онъ хлопочетъ объ отысканіи средствъ для поддержки этого журнала, приходитъ къ мысли, впрочемъ не удавшейся, передать этотъ журналъ Е. Ѳ. Коршу, входитъ въ переговоры съ А. А. Григорьевымъ о продолженіи „Москвитянина“ и т. д. Къ этому времени относится возникновеніе новаго журнала, долго игравшаго видную роль въ нашей журналистикѣ. Мы разумѣемъ „Русскій Вѣстникъ“, издававшійся Леонтьевымъ и Катковымъ. Выдержки изъ докладной записки послѣдняго, представленной имъ Министру Народ. Просв., приводятся in extenso г. Барсуковымъ и представляются въ высшей степени любопытными. Не безъинтересны также и тѣ страницы, гдѣ авторъ рисуетъ отношенія Погодина къ своему новому собрату на журнальномъ поприщѣ. Въ высшей степени поучительны тѣ строки, которыя посвящаетъ г. Барсуковъ характеристикѣ одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей того времени В. А. Кокорева. Особенно много приходится говорить ему по поводу участія, принимавшагося Кокоревымъ въ торжественной встрѣчѣ Русскихъ моряковъ, славныхъ защитниковъ Севастополя. Въ разсказѣ объ этомъ мы знакомимся еще съ новою чертою дарованій Погодина—съ его ораторскимъ талантомъ. Многочисленныя выдержки изъ разнообразныхъ и своеобразныхъ рѣчей и здравицъ Погодина, всегда живыхъ и мѣткихъ, показываютъ намъ, что этотъ достопамятный человѣкъ горячо и живо принималъ къ сердцу интересы родины и ея славныхъ дѣятелей.

Книга г. Барсукова оканчивается разсказомъ о путешествіи Погодина въ Германію, Францію, и Австрію. Передъ этимъ путешествіемъ Погодинъ посѣтилъ Кокорева и присутствовалъ при отпѣваніи И. В. Киреевскаго въ Петербургѣ. Вернулся Погодинъ въ Москву съ отросшею бородою.

Заключаемъ нашу замѣтку искреннимъ пожаланіемъ почтенному автору силъ на дальнѣйшее продолженіе этого монументальнаго труда. Съ его окончаніемъ Погодинъ получитъ себѣ такой памятникъ, который будетъ для него „вѣчнѣе мѣди прочной“.

И. Помяловскій.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1900 года

Библиотека "Руниверс"

леніи въ Россіи. Записка о жизни и дѣятельности Питта младшаго.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу, къ П. В. Завадовскому и гр. А. А. Безбородко. Переписка его съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англіею. Письма къ гр. Остерману, М. К. Макарову, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и другимъ.

XVII. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его сыну.

XVIII. Письма кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову. Д. П. Татищева къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ. Н. Н. Новосильцова.

XIX. Переписка гр. С. Р. и А. Р. Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ и С. К. Грейгомъ.

XX. Письма гр. А. И. Моркова къ гр. С. Р. Воронцову, В. С. Тамары, А. Я. Италинскаго, барона Грима В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова. Моск. оберъ-полиц. П. Н. Каверина. Мысли о родѣ занятій Русскаго министра въ Римѣ.

XXI. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіей Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой къ А. Р. Воронцову. Письмо Е. Р. Полянской къ гр. С. Р. Воронцову.

XXII. Переписка гр. С. и А. Р. Воронцовыхъ съ бар. А. Л. и П. А. Николаи.

XXIII. Письма Н. М. Логинова къ графу С. Р. Воронцову.

XXIV. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма И. И. Голикова, А. В. Храповицкаго, П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича. Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова, о царствованіи Іоанна III, регентство герцога Курляндскаго, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc de Brunswic (1748). La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères. L'arrêt du comte de L'Estoq. Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ. Rélation de la Révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Письма Екатерины къ Понятовскому. Изъ Записокъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ графинѣ А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ гр. П. В. Завадовскаго и гр. П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Донесенія гр. З. Г. Чернышева Екатеринѣ Второй объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

Въ конторѣ „Русскаго Архива“ въ Москвѣ, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, можно получать по уменьшенной цѣнѣ книги этого историческаго изданія.

Цѣна каждой книгѣ „Архива Князя Воронцова“ съ пересылкой ДВА рубля. Выписывающіе не менѣе 10 книгъ пользуются уступкою 10%.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900 года.

(Годъ 38-й)

«Русскій Архивъ» въ 1900 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками,** которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1900 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1892, 1893, 1894, 1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы **1898** и **1899** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Библиотека "Руниверс"